ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕТРА ПЕКАРСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)
1873.

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

продающіяся въ Комитетѣ Правленія и у коммиссіонеровъ Академіи.

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

выходитъ въ неопредѣленные сроки и содержитъ въ себѣ

(сверхъ отчетовъ Отдѣленія и извлеченій изъ протоколовъ):

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина, какъ поэта**, Я. К. Грота.—**Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи**, П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго.—**Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота.—**О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, Его же.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. Н. Лавровскаго.—**Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго.—**Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго.— **Литературные труды П. И. Кеппена**, А. А. Куника.—Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго; 2) П. И. Рычкова.

Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. И. И. Срезневскаго.

Томъ IV. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича.

Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Томъ V. вып. I. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія**, И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ**, Я. К. Грота, съ письмами Евгенія къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу.—**О словаряхъ Евгенія**, А. Ѳ. Бычкова, съ перепиской между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями.—Цѣна 75 коп.

Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — **Дополнит. біогр. извѣстіе о Крыловѣ**, его же. — **О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи**, А. В. Никитенко. — **О языкѣ Крылова**, И. И. Срезневскаго. — **О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки**, А. Ѳ. Бычкова. — **Сатира Крылова и его Почта Духовъ**, Я. К. Грота. — **Слово въ день юбилея Крылова**, преосв. Макарія. — **Пирогъ; Лѣнтяй; Кофейница**, драматич. соч. **Крылова.**— **Пиръ**, басня **его же**. — **Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о нѣк. басняхъ Крылова**, Я. К. Грота; **О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова**, его же.—**Библіографическія и**

(Продолженіе на 3-й стр. обертки.)

Снимокъ съ подписи Ломоносова на подрядной записи 4 Февраля 1726 года:

Кто и по нас будет в лицах [illegible] денги
и Светлицы платил в церковн[illegible] по
Священника и строителя Спаса [illegible] в место
порутчиков [illegible]
старо[illegible] [illegible]
сына [illegible]
[Михай]ло Ломоносов руку приложил
вместо порутчика Куростровского стану
островныя волости Ефима Федорова сына
Ко[illegible] его что о подвышеписаной
[illegible] в[illegible] ручались [illegible]
ния Куростровец Федор Семенов сын
[illegible] руку приложил порутчи[к]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. больш. Мѣщ. д. № 8/10

1

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПЕТРА ПЕКАРСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)
1873.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1873 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Составителю «Исторіи Академіи Наукъ» не суждено было дожить до выхода въ свѣтъ появляющагося нынѣ тома; но въ день кончины Пекарскаго, 12-го іюля минувшаго года, былъ уже набранъ и почти вполнѣ отпечатанъ весь текстъ этой книги, не исключая и приложеній, прочитанныхъ имъ самимъ въ корректурѣ. Такимъ образомъ, одному Пекарскому принадлежитъ трудъ не только редакціи, но и изданія настоящаго тома. Только Указатель, за который нашъ академикъ не успѣлъ приняться, составленъ, уже по смерти его, посторонней рукой.

Январь 1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Управленіе Академіею наукъ и состояніе ея въ 1742—1766 годахъ.

„Нѣтъ-де у насъ никакого̀ добраго порядку: овладѣли-де все у насъ иноземцы: Биронъ-де, всѣмъ овладалъ!“ Шепотомъ и только между задушевными друзьями велись такія рѣчи въ царствованіе императрицы Анны, потому что тогда не были терпимы въ высшихъ сферахъ русскаго общества выходки противъ нѣмцевъ. Несмотря однако на такую сдержанность въ выраженіи непріязненныхъ чувствъ, за границею не было тайною, что въ Россіи гнѣздится недовольство на преобладаніе тамъ иноземцевъ, и что это чувство не замедлитъ обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ. Объ этомъ знала также и дочь Петра Великаго: при вступленіи своемъ на престолъ, въ первыхъ заявленіяхъ къ народу не было ею забыто напоминаніе о нелюбви къ иноземцамъ и намѣреніи положить предѣлъ вліянію ихъ на дѣла въ Россіи.

Любопытно то обстоятельство, что во Франціи, удаленной, но тѣмъ не менѣе ревниво слѣдившей за усиливавшимся значеніемъ Россіи, какъ державы европейской, во Франціи довольно вѣрно угадывали, что съ возвращеніемъ Россіи къ до-петровскимъ порядкамъ, она неизбѣжно утратитъ это значеніе и снова сдѣлается безучастною къ событіямъ, совершавшимся въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако французы глубоко

заблуждались, полагая, что возвращеніе къ старинѣ очень легко и удобно произвести въ Россіи посредствомъ удаленія отъ вліянія на дѣла иноземцевъ въ родѣ графа Остермана [1]). Подобная мысль очевидно могла возникнуть только отъ неяснаго пониманія значенія того, что происходило въ Россіи съ XVII столѣтія. Совершавшійся тамъ переворотъ подготовлялся съиздавна, и въ немъ, стало быть, отдѣльныя личности могли только способствовать ему, но никакъ не противодѣйствовать съ успѣхомъ новому порядку вещей. Лучшій примѣръ тому — Петръ Великій: несмотря на всю геніальность этого государя, переворотъ въ Россіи созданъ не имъ; онъ только вѣрно угадалъ его и приступилъ къ осуществленію скорѣе и рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ.

По этой же самой причинѣ императрица Елисавета, лично можетъ быть предубѣжденная противъ многаго, что дѣлалось въ государствѣ со временъ царствованія ея отца, послѣ вступленія своего на престолъ, должна была поддаться потоку, увлекшему Россію на путь преобразованій и заимствованій. Новая государыня, чтобы удержаться на высотѣ, на которую возвело ее счастливое сцѣпленіе обстоятельствъ, явилась продолжательницею того, что такъ ясно и опредѣлительно выразилось въ дѣятельности русскаго правительства со временъ Петра Великаго. При такомъ положеніи дѣлъ, иноземцы, которыхъ этотъ государь охотно призывалъ въ Россію, такъ какъ мудро умѣлъ пользоваться ими для достиженія разныхъ цѣлей на пользу и благо Россіи, иноземцы должны были пригодиться и при императрицѣ Елисаветѣ, почему большая часть изъ нихъ спокойно остались у насъ, и исключенія были сдѣланы въ отношеніи только навлекшихъ на себя по разнымъ причинамъ личное неудовольствіе новой императрицы.

Впрочемъ, прежде чѣмъ государство успокоилось отъ внезапныхъ перемѣнъ въ высшемъ правительствѣ, въ народѣ не прошло безъ проявленій ненависти къ порѣшенной биронов-

1) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862 г.), 50, 51, 406, 432, 248.

щинѣ. Надежда на легкую поживу, разгулъ и опьянѣніе — эти неразлучные спутники всякаго государственнаго переворота — имѣли въ такихъ проявленіяхъ немаловажную долю участія. Жившіе въ Россіи нѣмцы приходили тогда въ непритворный ужасъ. „Всѣ мы, чужеземцы, писалъ секретарь саксонскаго посольства изъ Петербурга, 9 декабря 1741 года, живемъ здѣсь постоянно между страхомъ и надеждою, такъ какъ отъ солдатъ, дѣлающихся все болѣе и болѣе наглыми, слышны только угрозы, и надобно приписать Провидѣнію, что до сихъ поръ не обнаружились ихъ злыя намѣренія". Или 12 декабря 1741 года: „Все дѣло было начато чернью, и недостаточно цѣлой тетради для описанія наглости ея, и потому мы, бѣдные иноземцы, трепещемъ и дрожимъ здѣсь, особенно, когда извѣстно, что за враги намъ были Долгорукіе и прочіе возвращенные" [1]). ....18 апрѣля 1742 г. на адмиральтейской площади подъ качелями офицеры изъ иностранцевъ хотѣли разнять солдатъ, подравшихся съ разнощикомъ, но тѣ кинулись на офицеровъ и послѣдніе принуждены искать спасенія въ сосѣднемъ домѣ. Солдаты начали его осаждать, грабя и разбивая тамъ посуду, а народъ внизу кричалъ: „надобно иноземцевъ всѣхъ уходить!" Въ русскомъ лагерѣ противъ шведовъ, 12 мая того же года, возникло также волненіе между русскими солдатами, и они было уже начали арестовывать офицеровъ съ иностранными фамиліями, подозрѣвая ихъ въ измѣнѣ. И при этомъ случаѣ слышались крики: „надобно нѣмцевъ всѣхъ побить!..." [2])

Не одни солдаты и чернь выказывали въ первые мѣсяцы царствованія Елисаветы намѣреніе раздѣлаться съ нѣмцами: въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ въ ту эпоху разными проповѣдниками въ церквахъ, раздавались ярыя выходки противъ недавнихъ властителей. „Доселѣ дремахомъ, говорилъ, напр., Флоринскій въ своей проповѣди 18 декабря 1741 г., а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіи, имъ же, попу-

1) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи въ 1740—1742 гг. (Спб., 1862 г.). 413.

2) Исторія Россіи, соч. г. академика Соловьева, XXI, 179, 219.

ствившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана... Что же Остерманъ и Минихъ съ своими снуздники таковыи эмиссаріи были, довлѣютъ сіи доводы...." Другой проповѣдникъ Амвросій Юшкевичъ тогда же долгомъ счелъ въ своей проповѣди между прочимъ такъ отозваться объ иноземцахъ: „Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его...." [1]).

Послѣ подобныхъ выходокъ, возбуждавшихъ не только толки, но и надежды раздѣлаться такъ или иначе съ иноземцами, нисколько не покажется удивительнымъ, что къ этому именно періоду времени относятся доношенія на академическаго совѣтника Шумахера отъ состоявшаго при инструментальной мастерской въ Академіи наукъ Нартова, астронома Н. І. Делиля и нѣсколькихъ академическихъ переводчиковъ, студентовъ и канцелярскихъ служителей. Кромѣ казнокрадства и превышенія власти, Шумахеръ обвинялся еще ими въ гоненіи русскихъ ученыхъ и учащейся русской молодежи, покровительствѣ иноземцевъ и т. д. Нельзя не признать, что время къ подачѣ такихъ доношеній было избрано чрезвычайно удачно, и на первыхъ порахъ они произвели свое дѣйствіе: 30 сентября 1742 года послѣдовало повелѣніе императрицы Елисаветы удалить Шумахера отъ должности съ преданіемъ суду, а Нартову поручено правленіе дѣлъ Академіи наукъ. При Петрѣ Великомъ Нартовъ былъ извѣстенъ какъ искусный въ своемъ мастерствѣ токарь. Потомъ это имя сохранилось въ нашей исторической литературѣ по запискамъ, подъ заглавіемъ „Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго" [2]). Служба

1) Придворныя проповѣди въ царствованіе Елисаветы, г. Н. Попова въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, 1859 г., кн. III, отд. III, 9 и 5.

2) Этотъ первоначальный источникъ для жизнеописанія Петра Великаго напечатанъ, но къ сожалѣнію крайне

Нартова началась съ 1709 г. въ Москвѣ, гдѣ на Сухаревой башнѣ онъ завѣдывалъ токарными инструментами послѣ мастера Блеера. Въ 1712 г. онъ переведенъ въ Петербургъ въ токарную царя, большаго охотника и знатока этого мастерства. По собственному разсказу Нартова, онъ 30 іюня 1718 г. былъ отправленъ сначала въ Берлинъ „отъ лица царскаго съ дарами и съ нѣсколькими великорослыми солдатами къ королю прусскому“. Послѣдній принялъ его очень ласково и выказывалъ большое удовольствіе за табакерку съ портретомъ царя, которую онъ точилъ самъ. Когда Нартовъ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ Петру, то послѣдній сказалъ: „я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота: онъ таковъ, какъ и я — роскоши и мотовства не любитъ....“[1]) „Путешествіе Нартова, продолжаетъ онъ разсказывать, въ Парижъ и Лондонъ по повелѣнію государеву было ради того, дабы пріобрѣлъ онъ

небрежно, въ журналѣ Москвитянинъ 1842 г., № 4, матер., 443—475; № 6, мат., 325—333; № 7, мат., 22—35; № 8, мат., 324—343; № 11, мат., 116—142. Критическая оцѣнка извѣстій Нартова, который въ нихъ выказывалъ замѣтную склонность къ преувеличенію своего значенія при особѣ царя, сдѣлана покойнымъ академикомъ Устряловымъ въ Исторіи царствованія Петра Великаго, I, стр. LV—LVII.

1) Москвитянинъ 1842 г., № 8, мат., 326 и № 7, мат., 34. Нартовъ о пребываніи своемъ въ Берлинѣ написалъ слѣдующее любопытное письмо къ кабинетъ-секретарю Петра Великаго, Макарову: «Высокопочтенному господину, господину Алексѣю Васильевичу. Объявляемъ вамъ, какъ мы прибыли въ Берлинъ и которая машина токарная съ нами послана, и оную машину привезли въ цѣлости королевскому величеству. И изволили смотрѣть королевское величество оную машину и изволилъ милостиво похвалять, и изволилъ сказать, что у насъ въ Берлинѣ такой машины нѣтъ. И приказалъ оную машину поставить близь своей спальни въ марморовой каморѣ. И какъ мы оную машину поставили, и приказалъ королевское величество разными купштами работать розаны и костяныя табакеры. И для онаго королевское величество изволилъ насъ задержать полтора мѣсяца для показанія разныхъ работъ, понеже въ Берлинѣ такихъ художниковъ не сыскали. И какъ мы работали королевское величество изволили приходить къ работѣ и учитца. И мы многіе купшты королевскому величеству показали, и какъ въ движеніи оная машина, и то все показали, и милостиво изволили похвалять королевское величество работу нашу и изволилъ насъ отпустить въ Голландію, такожде куда намъ надлежитъ. А квартиру мы имѣли по именному его величества указу его королевскаго величества во дворѣ и пища съ его королевской поварни, такожде и питія...» Далѣе просьба о жалованьѣ на предбудущій 1719 г. и извѣстіе что 20 декабря поѣдетъ въ Голландію (Кабинетныя дѣла Петра В., II, книга №)

вящшіе успѣхи въ механикѣ и математикѣ, а притомъ, чтобъ сдѣлалъ тамъ для собственнаго упражненія его величества токарныя махины, которыя нынѣ въ сохраненіи находятся въ санктпетербургской кунсткамерѣ, съ вырѣзаніемъ на каждомъ станкѣ имени сего россійскаго механика; сверхъ того поручено ему было въ Лондонѣ домогаться получить свѣдѣнія о нововымышленномъ лучшемъ пареніи и гнутіи дуба, употребляющаго на корабельное строеніе, съ чертежемъ потребныхъ къ сему печей и собрать въ обоихъ мѣстахъ для любопытства монарха сего лучшихъ художниковъ физическихъ инструментовъ, механическія и гидравлическія машины....“ Когда Нартовъ уѣзжалъ изъ Парижа, то президентъ тамошней Академіи наукъ аббатъ Биньонъ, по просьбѣ его, далъ ему рекомендательное письмо къ царю. Здѣсь, послѣ похвалъ успѣхамъ Нартова во всемъ, что касается токарнаго искусства, говорилось о немъ: „Сей совершенно сходствуетъ съ тѣмъ дѣломъ, на которое ваше величество его изволили опредѣлить и не возъимѣете ваше величество случая каяться въ иждивеніяхъ, правдиво королевскихъ, которыя вы изволите чинить, дабы онъ могъ, путешествуя по вашему указу, получить знанія, которыя ему потребны....“ Затѣмъ слѣдуютъ похвалы сработанныхъ Нартовымъ медалей. Послѣдній къ этому прибавляетъ: „государь велѣлъ письмо сіе перевесть и нѣкогда отправляющимся по указу его въ чужіе краи для обученія наукъ и художествъ россіянамъ: Еропкину, Хрущову, Земцову, Овсову, Матвѣеву, Захарову и Меркурьеву прочесть, сказавъ имъ: „желаю, чтобъ и вы съ такимъ же успѣхомъ поступали“ [1]).

Уже по смерти Петра Великаго, именно 13 августа 1725 г., императрица Екатерина I приказала Нартову „сдѣлать тріумфальный столбъ, на которомъ будутъ изображены его вѣчно достойныя блаженныя памяти императорскаго величества баталіи“. Нартовъ для выполненія этого повелѣнія требовалъ къ себѣ различныхъ мастеровъ; подготовительныя работы для

1) Москвитянинъ 1842 г., № 8, матер., 326—329; Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 530—532.

этого памятника дѣйствительно были начаты, но онъ никогда оконченъ не былъ [1]).

О занятіяхъ Нартова въ первую половину царствованія императрицы Анны такъ объяснялъ самъ въ одномъ изъ своихъ прошеній [2]): что онъ „въ минувшемъ 1733 г. августа дня, по именному указу пожалованъ въ ассессоры въ Москву въ монетную канцелярію, въ которой и служилъ по 1736 г. и немалый казенный траченый интересъ усердными его трудами и вѣрною службою на монетныхъ дворахъ имъ отысканъ; да сверхъ же положеннаго на него дѣла отправлялъ и другія дѣла въ литіи большаго колокола и въ прочихъ...."

25 апрѣля 1735 г. императрица Анна словесно приказала передать въ Академію наукъ оставшіеся послѣ Петра Великаго токарные инструменты и разныя недодѣланныя на нихъ вещи, которыя до того времени хранились во дворцѣ, извѣстномъ въ старину подъ названіемъ Итальянскаго дома. Между сданными въ Академію предметами былъ неоконченный тріумфальный столпъ, о которомъ говорено выше. Тогдашній начальникъ Академіи наукъ баронъ Корфъ былъ увѣренъ, что этотъ столпъ „безъ ассессора Нартова въ совершенство приведенъ быть не можетъ", почему и ходатайствовалъ объ опредѣленіи Нартова при Академіи „къ токарнымъ станамъ". Такимъ образомъ петровскій токарь и механикъ сталъ состоять при ученомъ учрежденіи и завѣдывать учениками токарнаго и механическаго дѣла и слесарями [3]).

---

1) Кабинетныя дѣла Петра Великаго, II, книга № 72, л.л. 1065 и 1066. Вотъ имена мастеровъ, которыхъ Нартовъ требовалъ къ работамъ по тріумфальному столпу: «1 Для вылѣпленія на оный столбъ модели вощеныя мастеръ Шульцъ. 2. Для розчищанія на мѣди патроновъ мастеръ Фридрихсонъ. 3. Для отливанія патроновъ мѣдныхъ пушечный мастеръ Шпеклъ. 4. Къ рисованію чертежей мастеръ Каравакъ; 5. Для вспоможенія вылѣплять вощеныхъ моделей мастеръ Пино. 6. Для вспоможенія розчищать мѣдныхъ патроновъ мастеръ Сенъ Манжъ. 7. Для отливанія гипсовыхъ моделей мастеръ Кондратъ. 8. Съ большаго столба начертить малый чертежъ архитектору Земцову.»

2) II, книга № 60.

3) II, въ книгѣ № 59 сохранились вѣдомости Нартова марта 1741 года различнымъ токарнымъ станкамъ, изображеніямъ побѣдъ Петра, портретовъ его, Екатерины I, также инструментовъ, и т. п. Первый токарный станокъ Нартовъ описывалъ такъ: «модель овалистой простой махины безъ ро-

29 мая 1741 года сенатъ далъ знать академической канцеляріи, что Нартовъ, по представленію артиллерійской канцеляріи, „за оказанное въ сверленіи пушекъ полезное искусство", произведенъ въ коллежскіе совѣтники съ годовымъ жалованьемъ по 1200 руб. въ годъ и единовременною наградою въ 1500 р. Это повышеніе подало Нартову поводъ къ подачѣ въ Академію наукъ предложенія, въ которомъ онъ ссылался на сенатскій указъ 28 іюля 1741 г. объ учрежденіи при Академіи „экспедиціи лабораторіи, механическихъ и инструментальныхъ наукъ", и настаивалъ на производство жалованья состоявшему при

зовъ, о которой соизволилъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорское величество Петръ Великій изустно мнѣ сказывалъ о возымѣніи той своей охоты къ механическому художеству, будучи его императорское блаженство въ 1698 г. въ Амстердамѣ и въ ихъ адмиральтействѣ и увидѣлъ въ токарной полатѣ овалистую простую махину безъ розовъ, съ которой соизволилъ приказать сдѣлать модель, которая и сдѣлана и привезена съ нимъ же императорскимъ блаженствомъ въ Москву....» Далѣе такъ описанъ Нартовымъ шкафъ подъ № 7: «Работы многотрудныхъ рукъ государя императора Петра Великаго: рамъ орѣховыхъ овалистыхъ большая, средняя и малая. Подносъ орѣховой овалистой одинъ. Подносъ овалистый изъ чернаго дерева Гебанова одинъ. Блюдечекъ буковыхъ три. Двѣ модели овалистыя острыя съ розовыми фигуры по овалу. Тарелокъ буковыхъ двѣнадцать. Чашекъ каповыхъ шесть.» Въ концѣ описи значится: 1. «Портретъ восковой блаженныя и вѣчно достойныя памяти его величества императора Петра Великаго, въ креслахъ сидящій, въ парикѣ изъ собственныхъ его величества волосовъ въ голубомъ изъ шелковой матеріи платьѣ, вездѣ по борту серебромъ вышитомъ, въ лентѣ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго, при кортикѣ, у котораго ефесъ изъ аспида китайскаго зеленаго сдѣланъ и золотомъ оправленъ. 2—10. Кафтанъ суконный зеленый съ красными обшлагами и съ пуговощами мѣдными не малой руки; притомъ же: камзолъ, штаны, шляпа, чулки, башмаки, штиблеты, лосиный колетъ и шпага. 11—13. Его величества эспантонъ, знакъ и шарфъ (означенный знакъ взятъ генераломъ Игнатьевымъ ко двору ея императорскаго величества). 14, 15. Двѣ гелепарты (sic), которыя его величество, будучи въ молодыхъ лѣтахъ, употреблялъ. 16, 17. Двѣ фузеи, изъ которыхъ воздухомъ стрѣлять можно. 18. Нѣкоторые инструменты къ строенію кораблей. 19. Прутъ желѣзный длиною въ 4 фута и въ 9 унцей, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, который его величество императоръ Петръ Великій 1724 г. октября 12 дня на олонецкихъ заводахъ собственными своими руками выковалъ. 20. Складной перочинной ножикъ собственной работы его императорскаго величества. 21. Игла троегранная, сдѣланная собственными трудами его величества. 22. Табакерка сдѣлана на подобіе кораблика и серебромъ оправлена. 23. Футляръ серебряной съ зубочисткою, на кружкѣ его вырѣзаны математическіе инструменты, оружіе и сердце. На ней написано имя его императорскаго величества весьма искусно.»

немъ для письменныхъ дѣлъ канцеляристу. Академическій совѣтникъ Шумахеръ отвѣчалъ Нартову указомъ, что до новаго штата нельзя дѣлать никакихъ новыхъ назначеній о жалованьѣ. Въ слѣдующемъ 1742 г. Шумахеръ относительно Нартова пошелъ далѣе и распорядился вовсе не выдавать назначеннаго ему жалованья на томъ во-первыхъ основаніи, что полученной на Академію суммы недостало на удовлетвореніе академиковъ и прочихъ служащихъ, а во-вторыхъ потому, что повелѣніемъ императрицы Елисаветы запрещено продолжать всѣ денежныя назначенія предшествовавшаго правленія безъ подтвержденія ихъ новою императрицею. Нартовъ на этотъ указъ жаловался сенату, который потребовалъ объясненія отъ Шумахера. Академическій совѣтникъ въ отвѣтѣ распространялся, что Нартовъ не исполнилъ главную свою обязанность относительно тріумфальнаго столпа въ память славныхъ дѣлъ Петра Великаго: „сего великаго и важнаго дѣла не только не окончалъ, но и чрезъ шесть лѣтъ онаго не начиналъ; а между тѣмъ трудился на артиллерію въ сверленіи пушекъ и на партикулярныхъ людей дѣлалъ новыя вещи и старыя обрѣтающимися въ его вѣдомствѣ академическими служительми починивалъ, не спрашиваясь Академіи наукъ....“ Шумахеръ также доказывалъ, что Нартовъ пожалованъ совѣтникомъ не въ ученое учрежденіе: „ибо не зная чужестранныхъ языковъ и свободныхъ наукъ, въ Академіи наукъ быть не можно, а инструментское дѣло есть художество, равно какъ литье колоколовъ, сверленіе пушекъ ручная работа, а до высокихъ и свободныхъ наукъ ни мало не касается“. Донесеніе обо всемъ этомъ Шумахеромъ было отправлено въ сенатъ 24 августа 1742 г., но оно осталось въ тунѣ, такъ какъ Нартовъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ, и, пользуясь неостывшимъ еще негодованіемъ противъ чужеземцовъ, успѣлъ на столько, что Шумахеръ, какъ упомянуто выше, отданъ подъ судъ, а онъ занялъ его мѣсто [1]).

Изъ всѣхъ этихъ подробностей о Нартовѣ, нетрудно убѣ-

1) II, книги №№ 434, 17, 60, 62.

диться, что это былъ довольно искусный токарь, смыслившій и въ пушечномъ дѣлѣ; но что ни по своему образованію, ни по дарованіямъ, онъ никакъ не могъ удержаться въ главѣ правленія ученымъ обществомъ [1]).

Отсутствіе всякаго пониманія о научной дѣятельности и значеніи ея не замедлило обнаружиться у Нартова: вообразивъ, что въ произведеніяхъ и работахъ ея членовъ найдется что ни будь такое, что имѣетъ соотношеніе съ государственными тайнами, Нартовъ велѣлъ опечатать архивъ академической канцеляріи, гдѣ хранились всѣ бумаги, касающіяся исключительно ученой переписки академиковъ. Само-собою разумѣется, что такое распоряженіе съ самыхъ первыхъ дней правленія Нартова возстановило противъ него ученыхъ, и они систематически противились тому, что онъ ни требовалъ отъ нихъ. Такъ однажды въ академической канцеляріи состоялся указъ къ академикамъ о разсмотрѣніи описанія сѣверной земли Казанцова. Указъ носилъ секретарь канцеляріи Волчковъ, который долженъ былъ вернуться съ нимъ обратно, такъ какъ, по его словамъ, академики указа „не приняли, да сказали, чтобъ и впредь указовъ къ нимъ не присылать, а писать бы сообщеніемъ или партикулярными письмами отъ г. совѣтника Нартова, въ которыхъ бы г. совѣтникъ при концѣ подписывался своею рукою: вашего благородія покорный слуга. Сіе сказалъ мнѣ, прибав-

---

1) Это очень хорошо понималъ графъ Головинъ предсѣдатель слѣдственной коммиссіи, производившей разысканія о Шумахерѣ. Уже 1 ноября 1742 г. онъ докладывалъ императрицѣ: «оному совѣтнику Нартову ваше императорское величество всемилостивѣйше повелѣли помянутую Академію вмѣсто арестованнаго совѣтника Шумахера поручить, но понеже онъ, Нартовъ, въ знаніи чужестранныхъ языковъ необыкновененъ, а писать и читать не умѣетъ и въ пристойныхъ ко оной Академіи ученіяхъ не былъ, ибо кромѣ токарнаго художества не знаетъ. А при такой Академіи надлежитъ командиру быть, который бы въ нѣкоторыхъ ко оной Академіи принадлежащихъ ученіяхъ, а наче въ чужестранныхъ языкахъ знающъ былъ, безъ чего надъ оною Академіею у содержанія команды одному совѣтнику Нартову быть весьма недовольно. Къ тому жъ обрѣтающіеся при оной Академіи профессоры почитай всѣ командою и поступками его, Нартова, оказываютъ себя недовольны жъ, отчего въ правленіи оной Академіи можетъ происходить помѣшательство и упущеніе....» (Матеріалы для исторіи Академіи наукъ въ государственномъ архивѣ).

лялъ Волковъ, профессоръ Вейтбрехтъ съ такимъ словомъ, что канцелярія—хвостъ, а конференція профессорская—глава Академіи наукъ". Другіе академики требовали, чтобы бумаги изъ канцеляріи присылались съ нѣмецкимъ переводомъ, „понеже они россійскаго языка не знаютъ". Любопытно то, что и Ломоносовъ, повидимому державшій сторону Нартова противъ иноземныхъ ученыхъ, также открыто заявлялъ, что не считаетъ себя въ подчиненіи канцеляріи, и когда послѣдняя потребовала его для перевода помянутаго описанія Казанцева, то онъ рѣшительно объявилъ, „что въ Академію не йдетъ, секретаря Волчкова не слушаетъ" [1]).

Послѣ этого Нартовъ долгомъ счелъ въ ноябрѣ 1742 года войти съ жалобою [2]) въ слѣдственную коммиссію, производившую розысканія по доношеніямъ на Шумахера. Здѣсь прописывалось, что онъ съ самаго своего вступленія въ управленіе Академіею, т. е. съ 4 ноября 1742 г., встрѣчаетъ противодѣйствіе отъ ея членовъ, которые отказываются принимать отъ него указы и не пишутъ донесеній въ канцелярію. „Понеже по дѣламъ старыхъ лѣтъ видно, что прежніе профессоры, нынѣшнихъ при Академіи наукъ обрѣтающихся профессоровъ учители, а именно: Бернулли, Лейтманъ, Байеръ, Бильфингеръ и другіе, по вступленіи своемъ въ Академію наукъ, о новыхъ своихъ обрѣтеніяхъ и о прочихъ до народной и собственной пользы касающихся дѣлахъ и должности ихъ, главнаго и всегда въ канцеляріи Академіи наукъ присутствовавшаго командира репортовали. А нынѣшніе профессора, какъ по тѣмъ же старыхъ лѣтъ текущимъ въ канцеляріи Академіи наукъ дѣламъ видно, что уже третій годъ канцелярія о обрѣтеніяхъ и другихъ въ государственную пользу дѣлахъ должности своей и ни о чемъ не репортуетъ.... А по указамъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, къ присутствующимъ и команду имѣющимъ въ канцеляріяхъ всякое почтеніе имѣть должно, ибо оные профессоры

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ, стр. 17—19.

2) Ее сочинялъ и потомъ исправлялъ секретарь Волчковъ, о которомъ см. въ настоящемъ томѣ, стр. 94.

контракты свои получають, въ профессоры опредѣляются и жалованье получаютъ по указамъ изъ канцеляріи Академіи наукъ, а не отъ конференціи своей...“ [1]) Коммиссія оставила безъ уваженія жалобу Нартова вѣроятно по тому, что сама была убѣждена въ неспособности его управлять Академіею наукъ [2]).

Такую же неудачу испытали представленія Нартова относительно улучшенія положенія Академіи наукъ. Въ первомъ томѣ настоящаго труда при общемъ обозрѣніи событій въ Академіи, на стр. XLVIII — LVIII, было уже говорено о жалкомъ положеніи, въ которомъ находилась хозяйственная и денежная часть ученаго общества при императрицѣ Аннѣ и въ послѣдующія за тѣмъ правленія. Въ первые годы царствованія Елисаветы такое положеніе оставалось безъ измѣненія, и иногда проходилъ слишкомъ годъ безъ полученія жалованья служащими при Академіи лицами. Нартовъ 11 ноября 1742 года представлялъ въ контору правительствующаго сената, что всѣ эти лица „съ самаго ихъ вступленія въ академическую службу“ всегда получали жалованье съ большими задержками, а иногда вмѣсто него, за неимѣніемъ денегъ, выдавалось имъ книгами, отчего служившіе въ Академіи терпѣли съ семействами большіе убытки и пришли въ убожество.

На первый разъ Нартовъ не могъ придумать другаго средства, какъ ходатайства объ уплатѣ Академіи должныхъ ей изъ сената денегъ 7,902 руб. за печатаніе съ 1734 г. разныхъ указовъ, манифестовъ и пр.

На это ходатайство Нартова не обращено было никакого вниманія, и во второй половинѣ 1743 г. недостатокъ въ Академіи денегъ былъ до такой степени великъ, что служащіе и мастеровые сами стали уже просить о выдачѣ имъ, вмѣсто причитавшагося имъ жалованья, книгъ. Тогда стали отпускать просителямъ экземпляры Уложенія царя Алексѣя Михайло-

---

1) II, книга № 70.

2) О слѣдственной коммиссіи касательно Шумахера сообщены подробности въ Исторіи Академіи наукъ, I, 35—42; о непослушаніи Нартову Тауберта тамъ же, 643, 644.

вича, Граціана придворнаго человѣка, даже оды, рѣчи и т. п.[1]).

Въ постановленіи академической канцеляріи 30 апрѣля 1743 г. значилось, что въ академическомъ книжномъ складѣ много накопилось не проданныхъ разныхъ русскихъ книгъ, а также и иностранныхъ, присылавшихся въ Академію отъ заграничныхъ ея корреспондентовъ. При этомъ случаѣ Нартовъ съ своимъ секретаремъ Волчковымъ придумалъ представить сенату разрѣшить обязательную продажу русскихъ книгъ по всему государству не только въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, но и служащимъ какъ въ гражданской, такъ и въ военной службѣ, которые обязывались волей неволей покупать въ Академіи книгъ на 5—6 рублей съ каждой получаемой ими сотни рублей жалованья; купцы также должны были участвовать въ этой насильственной покупкѣ „по препорціи своего торгу". Такимъ же точно способомъ Нартовъ предлагалъ сбыть иностранныя книги въ Лифляндіи и Эстляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему казалось прибыльнымъ перепечатать при Академіи нѣкоторыя собранія указовъ, а также изъ выданныхъ въ свѣтъ при Петрѣ Великомъ книгъ гражданской печати, такъ-какъ, по свидѣтельству Нартова, „съ охотою купить желаютъ: Іерусалимской исторіи, Пуффендорфовой книги о должности человѣка и гражданина, Квинта Курція Исторіи объ Александрѣ Великомъ, Троянской войны, Езоповыхъ притчей, Эмблематъ, Описаній кавалерскихъ орденовъ въ Европѣ и другихъ.... А Академія наукъ оныхъ книгъ не имѣетъ и по силѣ полученныхъ въ нынѣшнемъ году указовъ безъ позволенія и аппробаціи правительствующаго сената вновь печатать не смѣетъ...." Нартовъ считалъ также необходимымъ переводить съ латинскаго языка издававшійся тогда Академіею сборникъ ученыхъ разсужденій: Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae[2]): „для пользы россійскаго народа, только одинъ Комментарій въ 1728 г. на россійской

1) II, книги №№ 70 и 81.

2) Объ этомъ изданіи, см. Исторія Академіи наукъ, I, стр. LX.

языкъ переведенъ, и всѣ экземпляры сея книги раскуплены. А съ того ни одного Комментарія болѣе на россійской языкъ не переведено, а печатаются на одномъ латинскомъ языкѣ, отчего россійскимъ латинскаго языка незнающимъ людямъ никакой прибыли нѣтъ". Въ заключеніе предположеній предлагалось завести въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Академіи наукъ типографскую контору и книжную лавку. Сенатъ и на это представленіе Нартову не далъ никакого отвѣта [1]).

Впрочемъ послѣднее обстоятельство нисколько не помѣшало состояться 22 іюня 1743 г. въ академической канцеляріи опредѣленію о новыхъ предположеніяхъ, о которыхъ долженствовало представить сенату. Въ опредѣленіи сначала говорилось, что Академія наукъ „въ великихъ долгахъ", потому что по смерти Петра Великаго „бывшіе Академіи наукъ президенты и прочіе правители присовокупили къ Академіи наукъ цѣлую Академію художествъ, а именно: рисовальную, типографію, словолитню, переплетную, фигурную, пунсонную, грыдоровальную палаты, книжную лавку, а притомъ приняли живописцовъ и другихъ многихъ художниковъ...." Нартовъ уже уволилъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ считалъ излишними и безполезными. „А нынѣ въ профессорской конференціи еще усмотрѣно, что одной науки, какъ напр. астрономіи, математики, натуральной исторіи и прочихъ не только по два, но и по три профессора; сверхъ того каждой науки по адъюнкту...." Канцелярія совершенно въ неизвѣстности, что дѣлается у академиковъ. „Да изъ числа оныхъ же профессоровъ есть два человѣка, а именно Леруа, который былъ учителемъ дѣтей бывшаго герцога курляндскаго и получалъ за то по триста рублей въ годъ, а оттуда опредѣленъ въ Академію съ жалованьемъ по 660 руб. Да другой молодшій профессоръ же Рихманъ находился сперва при Академіи адъюнктомъ, а притомъ, живучи у бывшаго графа Остермана въ домѣ, училъ дѣтей его, а въ 1740 г. опредѣленъ въ Академію профессоромъ и нынѣ жалованья получаетъ по 500 руб. въ годъ. А оба оные что дѣлаютъ о наукахъ своихъ

---

1) П. книга № 453.

въ канцелярію ничего не сообщали; къ тому жъ въ тѣхъ своихъ наукахъ не весьма далеки и во всю свою при Академіи бытность публичныхъ лекцій никогда не читали и ни одного комментарія не издали и ничего знатнаго не сдѣлали...“ [1]). За тѣмъ Нартовъ повторяетъ прежнія свои жалобы на не послушаніе ему академиковъ, а въ концѣ предлагаетъ: „всякой науки по одному профессору и адъюнкту оставить, а для обученія имъ елевовъ, или учениковъ россійской націи, по проекту... Петра Великаго пожаловать изъ кадетскаго корпуса семь или восемь человѣкъ такихъ кадетовъ изъ шляхетства, которые бы нѣмецкой, французской и латинской языкъ такъ довольно знали, чтобъ ученіе и лекціи профессоровъ разумѣть и отъ часу въ вышнія науки простираться могли; которыхъ кадетовъ можно ободрить довольнымъ жалованьемъ и обѣщаніемъ имъ ранговъ. Достальныхъ же излишнихъ профессоровъ отъ Академіи отпустить....“ Почетнымъ же ея членамъ прекратить производство пенсій [2]).

Образчикомъ тому, какъ рѣшалъ Нартовъ вопросы, касающіеся наукъ, можетъ служить слѣдующее опредѣленіе, подписанное имъ въ академической канцеляріи 3 ноября 1743 года: „указомъ.... повелѣно въ правительствующій сенатъ подать изъ Академіи вѣрное извѣстіе для надзиранія при сочиненіи исторіи блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго изъ ученыхъ достаточный къ тому человѣкъ имѣется ль и кто именно? И по силѣ онаго ея императорскаго величества указу канцелярія Академіи наукъ приказали: въ правительствующій сенатъ взнесть доношеніе въ которомъ написать, что при Академіи исторіи имѣется переводчикъ (sic) Иванъ Горлицкій, секретарь Василій Тредіаковскій, изъ которыхъ уповательно, что оные Горлицкій и Тредіаковскій въ томъ надзираніи способными себя учинить могутъ“ [3]).

---

1) Подробности о Ле Руа и Рихманѣ изложены въ ихъ жизнеописаніяхъ въ Исторіи Академіи наукъ I, 569—572; 697—717.

2) II, книга № 453.

3) II, книга № 454. Переводчикъ Горлицкій былъ одним изъ самыхъ запальчивыхъ доносителей на Шума-

Коммиссія, назначенная для изслѣдованія дѣйствій Шумахера по управленію ученымъ обществомъ, не находила достаточныхъ уликъ къ его обвиненію, и за тѣмъ правительству предстояло рѣшить судьбу Академіи наукъ. Можно было оставить ее въ завѣдываніи Нартова или другаго, ему подобнаго лица, отчего ученое общество было бы несомнѣнно доведено до самоуничтоженія. Даровитые иностранные ученые не хотѣли тамъ болѣе оставаться; и старались скорѣе покинуть Россію; изъ за границы не было никакой надежды вызвать новыхъ лицъ, способныхъ замѣстить свободныя каѳедры; а русскихъ ученыхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія рѣшительно не предвидѣлось, такъ какъ Ломоносовъ былъ только извѣстенъ тогда какъ удачный перелагатель нѣмецкихъ стиховъ Штелина и Юнкера и авторъ нѣсколькихъ, для своего времени замѣчательныхъ, одъ; Тредіаковскій, послѣ изобрѣтенія тоническаго размѣра для русскаго стиха, перешелъ къ занятіямъ переводами; Ададуровъ и Тепловъ, оба безспорно способные и образованные люди, не написали однако въ свою жизнь ни одной ученой статьи — вотъ всѣ, на кого можно было указать, какъ на людей, наиболѣе свѣдущихъ въ наукахъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, а съ ними не могло быть и рѣчи о возможности поддержать блескъ ученаго общества, въ средѣ котораго уже были такія свѣтила науки, какъ Эйлеръ, Бернулли, Германъ, Гмелины.

Когда въ 1725 г. въ Европѣ разнесся слухъ о кончинѣ Петра Великаго, вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ стали толковать, что всѣ преобразованія и мѣры этого государя къ сближенію съ Европою и къ усвоенію европейскаго просвѣщенія и гражданственности непремѣнно должны рушиться и что въ Россіи все снова пойдетъ такъ, какъ шло тамъ до Петра. Русское правительство узнало объ этомъ и первымъ его дѣломъ для опроверженія такихъ слуховъ за границей, было приказаніе всѣмъ ди-

хера, о чемъ было говорено въ Исторіи Академіи наукъ, I, 35, 38, 44, 47. При императрицѣ Аннѣ онъ было просился о производствѣ его въ адъюнкты, но когда ему предложили экзаменъ въ Академіи, то онъ отказался, о чемъ см. въ настоящемъ томѣ, на стр. 99, извѣстіе Тредіаковскаго.

пломатическимъ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что мысль Петра Великаго — учредить въ Петербургѣ Академію наукъ непремѣнно будетъ осуществлено его супругою, и ученымъ, вызваннымъ для основанія ея, повторено приглашеніе пріѣхать въ Россію. Такимъ образомъ существованіе въ Петербургѣ высшаго ученаго учрежденія служило какъ бы порукою въ продолженіи умственнаго общенія съ Европою, о котромъ мечталъ преобразователь.

Едва ли не по тѣмъ же соображеніямъ Академію наукъ не сочтено было умѣстнымъ упразднить въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы. 5 декабря 1743 года состоялось повелѣніе въ силу котораго Нартовъ былъ отстраненъ отъ управленія Академіею наукъ, съ тѣмъ, чтобы ему „быть у прежняго дѣла, у котораго онъ до отрѣшенія совѣтника Шумахера былъ“ [1]). Послѣдній, впредь до назначенія въ Академію новаго президента, возвращенъ былъ тогда къ прежней своей должности.

Такое счастливое окончаніе непріятнаго для Шумахера дѣла

1) О дальнѣйшей судьбѣ Нартова узнаемъ, что 2 мая 1746 г. онъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, получилъ 5 тысячъ рублей и 153 души крестьянъ «за его прилежные труды и показанное при артиллеріи въ пушечномъ дѣлѣ въ зачинкѣ раковинъ, и сверленьи цилиндровъ, и литье новыхъ пушекъ и обтачиваніе чугунныхъ ядеръ искусство, чего въ Россіи еще не бывало.» Въ октябрѣ того же 1746 года канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи представляла сенату о заслугахъ Нартова въ зачинкѣ раковинъ въ литьѣ чугунныхъ пушекъ и выгодахъ отъ того казнѣ, «чего, прибавлено въ представленіи, какъ въ Россіи, такъ и нигдѣ еще въ европейскихъ академическихъ диссертаціяхъ всему ученому свѣту о таковомъ преполезномъ государству новомъ способѣ публиковано не было.... А для открытія секретовъ какъ въ зачинкѣ пушечныхъ и въ мортирахъ раковинъ и въ обтачиваніи ядеръ и бомбъ, такожъ въ механическихъ, химическихъ и другихъ помянутаго Нартова инвенціяхъ, по требованію онаго Нартова, опредѣленъ сынъ его, капитанъ Андрей Нартовъ...» Нартовъ умеръ въ томъ же чинѣ статскаго совѣтника, 16 апрѣля 1756 года, и сенатъ послѣ его смерти исходатайствовалъ награжденіе за его службу семейству. Такимъ образомъ изъ казны было уплачено его долговъ 3929 руб.; двумъ сыновьямъ дано по 100 душъ крестьянъ и по двѣ тысячи рублей, а тремъ дочерямъ каждой по три тысячи на приданое. Старшій сынъ Нартова Степанъ при этомъ не получилъ ничего, потому что ему еще отъ отца дано 150 душъ крестьянъ. (См. объ этомъ въ государственномъ архивѣ и въ архивѣ академической канцеляріи книги №№ 105 и 210).

возбудило въ немъ бóльшую противъ прежняго самоувѣренность и охоту самовластно распоряжаться всѣмъ и всѣми въ Академіи. Ученые члены ея скоро примѣтили такое настроеніе совѣтника и пробовали если не сопротивляться, то по крайней мѣрѣ представлять ему на видъ всю неумѣстность подобныхъ дѣйствій. Шумахеръ, и прежде привыкшій безотчетно управлять именемъ президентовъ всѣми академическими дѣлами, теперь когда былъ оправданъ правительствомъ обходился съ академиками съ возмутительнымъ высокомѣріемъ. Такъ онъ однажды предписывалъ ученой конференціи, чтобы въ протоколахъ ея не смѣли упоминать его имени безъ полученія на то его согласія. Въ другой разъ въ письмѣ туда же онъ прямо обругалъ одного изъ старѣйшихъ академиковъ Гмелина [1]).

Тогда между совѣтникомъ съ одной стороны и академиками съ другой завязалась довольно горячая переписка, которая служила къ усиленію взаимнаго раздраженія. Ученые, упрекая Шумахера въ разныхъ несправедливостяхъ и непорядкахъ, не оставили безъ вниманія старанія Шумахера выдвинуть и усилить въ Академіи будущаго своего зятя Тауберта. Въ письмѣ 14 іюня 1745 г. они такъ писали совѣтнику: „понеже г. Таубертъ при здѣшней Академіи съ молодыхъ лѣтъ воспитанъ, то и намъ его знать надлежитъ лучше, нежели кому иному. То правда, что онъ россійскому, отчасти и французскому языкамъ обученъ, и что онъ въ переводахъ, ежели тщаніе свое приложитъ, нарочитое искусство имѣетъ и онъ бы могъ въ томъ при Академіи служить съ пользою, ежели бы вы его при тѣхъ переводахъ оставляли. А оное знатно, что вашему высокоблагородію для него мало показалось. Вы ему, какъ родственнику своему, титулъ адъюнкта исходатайствовали, котораго однакожъ никто достоинъ быть не можетъ, кромѣ кто въ произвожденіи наукъ и въ обученіи въ тѣхъ наукахъ упражняться можетъ; а потомъ еще ему и титулъ унтеръ-библіотекаря исходатайствовали, дабы ему по малу и библіотекарство и канце-

1) Исторія Академіи наукъ, I, 45, 46, 440, 441.

лярское правленіе получить, и такимъ образомъ оба чина на вашу фамилію наслѣдственными учинить“ [1]).

Шумахеръ не ограничился перебранками на бумагѣ и началъ распространять по Петербургу клеветы противъ ученыхъ. Въ такомъ положеніи послѣдніе, въ іюлѣ 1745 г., обратились къ барону Черкасову съ просьбою о защитѣ ихъ отъ нападокъ академическаго совѣтника: „онъ насъ, писали они притомъ, обноситъ напрасными клеветами только для того, что мы, сколько можемъ, непорядочному его правленію не согласуемся и попеченіе имѣемъ о чести и пользѣ Россійскаго государства и не даемъ ему Академіи въ конецъ разорить....“ Того же мѣсяца и года академики подали доношеніе на Шумахера и въ сенатъ. Всѣ обвиненія здѣсь сводились къ тому, что совѣтникъ „всякія дѣла при Академіи какъ ученыя, такъ и экономическія хочетъ править одинъ собою въ своей канцеляріи безъ общаго согласія.... онъ, совѣтникъ, уже давно къ намъ въ собраніе не ходитъ, но хочетъ присутствовать въ оной канцеляріи и оттуда насъ командировать по своей волѣ....“ [2]).

Взаимныя пререканія и препирательства обѣихъ сторонъ продолжались въ 1745 и перешли въ слѣдующій 1746 годъ. Сенатъ по доношеніямъ академиковъ посылалъ запросы къ Шумахеру и велѣлъ произвести ревизію библіотеки и кунсткамеры; но при этомъ нельзя не замѣтить, что правительство затруднялось дать окончательное рѣшеніе въ чью либо сторону, почему, напр., и вышепомянутая ревизія не состоялась за возникшими между академиками и Шумахеромъ новыми столкновеніями [3]).

21 мая 1746 г. состоялось назначеніе въ президенты Академіи наукъ графа Кирилы Разумовскаго, о чемъ извѣстить академическое собраніе явился 23 мая давно небывавшій тамъ Шумахеръ.

Нельзя не сознаться, что этимъ назначеніемъ императрица Елисавета съ своей точки зрѣнія выказала несомнѣнное жела-

1) Матеріалы для исторіи Академіи наукъ въ государственномъ архивѣ.

2) Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, стр. 47, 48; ср. также Исторію Академіи наукъ, I, 44—48.

3) II, книги №№ 97 и 100.

ніе добра Академіи и полную готовность содѣйствовать ея преуспѣнію: новый президентъ, если не по рожденію своему, то по брату своему, графу Алексѣю Разумовскому, справедливо могъ считаться тогда однимъ изъ первыхъ вельможъ въ государствѣ и самымъ близкимъ человѣкомъ къ императрицѣ, стало быть имѣвшимъ возможность легко и во всякое время оказывать словомъ и дѣломъ могущественное содѣйствіе процвѣтанію ввѣреннаго ему ученаго общества. Но на дѣлѣ оказалось, что для лица, поставленнаго въ главѣ управленія подобнымъ учрежденіемъ недостаточны знатность и значеніе, а что президенту Академіи наукъ необходимы также знанія, склонность къ наукамъ и нѣкоторая доля самоотверженія, потому что заслуги на поприщѣ умственной дѣятельности вообще проходятъ незамѣтными въ средѣ, гдѣ внѣшній лоскъ и блескъ часто прикрываютъ недостатокъ знаній и полнѣйшее къ нимъ равнодушіе.

Графу Кирилѣ Разумовскому было двадцать два года, когда онъ сдѣлался президентомъ Академіи наукъ. При господствовавшихъ у насъ въ старину убѣжденіяхъ, каждое лицо, стоявшее въ главѣ управленія отдѣльною частію, признавалось отъ всѣхъ полнымъ хозяиномъ и непогрѣшимымъ распорядителемъ судебъ его: воля начальника считалась закономъ и подчиненные имѣли неуклонно и вполнѣ подчиняться этой волѣ. При такомъ положеніи дѣла могъ ли быть полезенъ высшему ученому обществу новый президентъ? Не далѣе какъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ этотъ юноша велъ образъ жизни, свойственный малороссамъ простаго званія и только со вступленіемъ на престолъ Елисаветы, братъ его Алексѣй Разумовскій сталъ хлопотать объ образованіи своего родственника, для чего отправили его учиться за границу. Здѣсь молодой Разумовскій выучился свободно объясняться по французски и по нѣмецки, но не пріобрѣлъ особенной охоты не только къ наукамъ, но даже и къ чтенію. Во время заграничнаго путешествія онъ былъ порученъ „въ смотрѣніе и предводительство“ Григорія Теплова — лица, имѣвшаго свою долю значенія въ событіяхъ изъ русской исторіи второй половины XVIII вѣка. Тепловъ несомнѣнно обладалъ большими дарованіями, зналъ нѣкоторыя науки и

готовился было къ ученой карьерѣ: сначала онъ прошелъ тяжелый схоластическій курсъ ученія въ невской семинаріи, а оттуда попалъ въ студенты Академіи, гдѣ одновременно почти съ Ломоносовымъ получилъ степень адъюнкта. Въ то время, когда Шумахеръ былъ удаленъ отъ дѣлъ, а академиковъ-иноземцовъ тѣснилъ Нартовъ, Тепловъ былъ явно на сторонѣ первыхъ и отзывался съ великимъ презрѣніемъ о всѣхъ русскихъ, недовольныхъ въ Академіи Шумахеромъ [1]).

Этимъ самымъ Тепловъ выказалъ свою проницательность и изворотливость, такъ какъ уже видѣли, что владычество Нартова продолжалось недолго, почему по возвращеніи къ дѣламъ Шумахера нашъ адъюнктъ очутился въ наилучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Поѣздка за границу съ молодымъ Разумовскимъ сдѣлала то, что Тепловъ съ тѣхъ поръ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на молодаго вельможу и управлялъ за него всѣми его дѣлами. Съ наклонностью къ малороссійской лѣни и безпечности, большой любитель женскаго пола и всякой нѣги, графъ Кирила Разумовскій охотно поддавался вліянію бывшаго своего ментора. Послѣдній тѣмъ болѣе пользовался такимъ настроеніемъ его, что былъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ современныхъ свидѣтельствъ о немъ, въ высшей степени честолюбивъ, имѣлъ влеченіе къ деспотизму, подобно многимъ изъ семинаристовъ, достигавшихъ у насъ когда либо значенія и вліянія, и притомъ былъ щедро надѣленъ отъ природы хитростью и пронырливостью. Это то лицо по повелѣнію императрицы Елисаветы 1 іюля 1746 г. было назначено въ академическую канцелярію ассессоромъ. Послѣ такого назначенія не трудно было отгадать, что президентъ Академіи наукъ будетъ только по имени начальникомъ ея, а на дѣлѣ ею будетъ управлять Тепловъ. Это дѣйствительно такъ и случилось, при чемъ Шумахеръ и Таубертъ, дѣйствовавшіе за одно съ любимцемъ президента, и сумѣвшіе встать съ нимъ въ самыя дружескія отношенія, продолжали по прежнему распоряжаться въ Академіи, какъ главные командиры ея.

---

1) Записки Академіи наукъ, VII, 120, 121.

При первомъ появленіи своемъ въ Академію, графъ Разумовскій произнесъ къ академикамъ сочиненную, вѣроятно Тепловымъ рѣчь, замѣчательную тѣмъ, что президентъ говорилъ здѣсь объ Академіи наукъ, какъ объ ученомъ обществѣ, главнѣйшее назначеніе котораго состояло въ служеніи на пользу и славу Россіи и что къ осуществленію этой цѣли она преимущественно обязана стремиться. Вообще нельзя не признать, что рѣчь была составлена умно, ловко и соотвѣтственно обстоятельствамъ, какъ вообще большая часть того, что выходило изъ подъ пера Теплова. Вотъ она [1]):

„Почтеннѣйшіе господа! Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая государыня и повелительница, Елисавета Петровна, наша всемилостивѣйшая императрица и самодержица, съ неутомимымъ материнскимъ попеченіемъ старается неустанно споспѣшествовать благу и чести своихъ подданныхъ. Нынѣ она соблагоизволила своимъ высочайшимъ повелѣніемъ назначить меня президентомъ императорскаго общества столько же ученаго, сколько и славнаго. Такая высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей монархини налагаетъ на васъ, государи мои, на всѣхъ вообще и на каждаго въ особенности обязанность направлять свои труды къ согласованію ихъ съ мыслію высокоблаженной и достославной памяти Петра Великаго, перваго основателя вашего общества. Меня же эта милость побуждаетъ наблюдать и приводить въ исполненіе точнѣйшимъ образомъ все то, что изъ вашего прилежанія и усердія можетъ быть извлечено на пользу нашего отечества.

„Не требуется подробныхъ изъясненій, чтобы убѣдить васъ, какъ горячо желаетъ того наша всемилостивѣйшая монархиня, такъ какъ это вы достаточно усматриваете изъ множества до сихъ поръ изданныхъ полезныхъ постановленій и славныхъ распоряженій ея императорскаго величества, которыя служатъ тому подтвержденіемъ и доказательствомъ. Я нахожу одно необходимымъ — это поощрять васъ, государи мои, чтобы отнынѣ

1) Мнѣ неизвѣстно, на какомъ она написана языкѣ, и я пользовался ею въ нѣмецкомъ спискѣ.

же для выполненія своего долга вы обратились со мною къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ наше обширное государство извлекло бы вмѣстѣ съ славою, и истинную пользу для себя. Это есть первая и важнѣйшая цѣль вашего ученаго общества, для которой оно основано. Кромѣ того вамъ извѣстно, что не можетъ быть благороднѣе и прекраснѣе той славы, которая зиждется на благѣ цѣлаго общества. И какъ можетъ не быть славы, когда польза распространится по широкому русскому государству? Соединеніе таковыхъ двухъ дѣятельностей имѣлъ также цѣлію заботливый монархъ для своего отечества, и въ составленномъ имъ самимъ проектѣ объ основаніи Академіи наукъ, въ которой въ тоже время учрежденъ и университетъ. И такъ на эти два главныя предмета должны мы преимущественно обратить наше вниманіе; и я твердо убѣжденъ, что ваши всестороннія усилія и стремленія на будущее время будутъ согласоваться, какъ это было и до сихъ поръ, съ волею, мыслями и желаніями нашей всемилостивѣйшей государыни. Я во всякое время буду пользоваться вашими добрыми совѣтами, и своею главнѣйшею обязанностью буду считать достиженіе благоденствія этого учрежденія и удовольствованіе каждаго его сочлена въ особенности согласно всемилостивѣйшему намѣренію ея императорскаго величества; при чемъ имѣю основательную надежду, что вы, милостивые государи, моимъ усердіемъ, а я вашимъ содѣйствіемъ будемъ взаимно довольны. Да подастъ Всевышній, чтобы наше единодушіе скорѣе принесло такіе плоды, которые были бы въ состояніи содѣлать насъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ достойными лестной, высокой милости ея императорскаго величества.“

На эту рѣчь Шумахеръ долгомъ счелъ отвѣтствовать графу Разумовскому отъ имени всей Академіи: „Милостивѣйшій государь! Академія наукъ, остававшаяся въ продолженіе пяти лѣтъ безъ главы, чувствуетъ истинную радость и полнѣйшее удовольствіе, потому что нынѣ начальникомъ ея поставлены вы, столь знатный господинъ, котораго благородный образъ мыслей обѣщаетъ намъ, что ее скоро увидятъ поставленною на твердомъ и прочномъ основаніи.

„Мы славимъ божеское попеченіе и удивляемся материнской заботливости, выказанной славно царствующею императрицею для возстановленія столь полезнаго учрежденія, которому положилъ основаніе пресвѣтлѣйшій ея родитель Петръ Великій безсмертныя памяти. Каждый изъ насъ почувствуетъ въ себѣ удовольствіе, милостивѣйшій государь, подъ вашимъ начальствомъ усердно и вѣрно, въ твердой надеждѣ, что Академія наукъ успѣшнѣйшимъ образомъ достигнетъ желаемой цѣли, которая была предположена славнымъ ея основателемъ, именно: заставить процвѣтать въ его отечествѣ художества и науки и просвѣтить духъ своего народа основательнымъ образованіемъ. Однимъ словомъ, милостивѣйшій государь, мы готовы и обѣщаемся наши труды соединить съ вашимъ попеченіемъ къ тому, чтобы въ этомъ отношеніи привести въ исполненіе благое намѣреніе ея императорскаго величества, дѣянія которой всѣ въ совокупности клонятся ни къ чему иному, кромѣ блаженства ея народовъ.“

Не трудно замѣтить изъ этого отвѣта, что Шумахеръ старательно прошелъ молчаніемъ неудовольствія и пререканія, происходившія въ послѣдніе годы въ Академіи наукъ и, упомянувъ прежде наукъ художества, хотѣлъ тѣмъ самымъ оправдать и поддержать разныя мастерскія, которыя завелъ онъ при Академіи къ великому недовольству ея ученыхъ членовъ. Впрочемъ послѣдніе готовились также произнести рѣчи при встрѣчѣ въ Академіи юнаго президента и при томъ далеко не въ столь спокойномъ и покорномъ тонѣ, въ какомъ отвѣчалъ Шумахеръ. Удалось ли академикамъ высказаться предъ новымъ президентомъ, неизвѣстно, но проекты ихъ рѣчи уцѣлѣли въ нѣсколькихъ спискахъ. Одинъ изъ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ писанъ рукою академика Мюллера; другой заключается во французской передѣлкѣ его рѣчи; третій списокъ на французскомъ языкѣ съ поправками академика астронома Николая-Іосифа Делиля.

Въ рѣчи, приготовленной Мюллеромъ, послѣ изъявленій удовольствія отъ назначенія президента и всѣхъ возможныхъ пожеланій ему, слѣдовали намеки, которые должны были при-

нять на свой счетъ Шумахеръ и Таубертъ; а именно: „мы вполнѣ убѣждены въ ревности вашего сіятельства ко благу общественному, и потому нисколько не страшимся, чтобы ложныя внушенія людей или малосвѣдущихъ или злонамѣренныхъ могли произвести на васъ самомалѣйшее впечатлѣніе.... Ничто для насъ такъ не прискорбно какъ то, что мы вынуждены при самомъ вступленіи вашего сіятельства въ управленіе представлять вамъ записки, которыя въ состояніи возбудить въ васъ непріятную мысль, что въ Академіи васъ ожидаютъ только труды, изнеможеніе и препятствія, весьма тяжелыя къ преодолѣнію.“ Впрочемъ, по словамъ Мюллера, это дѣло не представляетъ особенныхъ трудностей, такъ какъ академики уже представляли о всѣхъ непорядкахъ правительствующему сенату, который и освободилъ ихъ отчасти отъ всѣхъ каверзъ академической канцеляріи. Въ другой редакціи рѣчи, съ поправками Н. І. Делиля, говорилось, что академики уже и въ предшествовавшія царствованія и въ нынѣшнее жаловались правительству на господство академической канцеляріи и тѣхъ, кои въ ней засѣдаютъ. Назначеніе президента возбуждаетъ въ академикахъ надежду на дарованіе давно желаннаго для Академіи устава. Въ концѣ рѣчи увѣренія въ признательности, довѣренности и почтеніи [1]).

Всѣ эти выраженія надежды и увѣренія въ признательности были потрачены академиками вотще, такъ какъ юнымъ президентомъ, обладавшимъ, впрочемъ, по увѣренію современниковъ, очень добрымъ сердцемъ, вполнѣ овладѣли Тепловъ и Шумахеръ. Они на первыхъ же порахъ постарались показать ученымъ предѣлы своей власти и способы, какъ полагали они примѣнить ее на дѣлѣ. Само собою разумѣется, что при этомъ случаѣ науки, ихъ успѣхи и процвѣтаніе — все это отходило

---

1) Рѣчь графа К. Разумовскаго съ отвѣтомъ на нее Шумахера въ Staats und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyschen Correspondenten, CXI Stück, 15 julii 1746. Списокъ съ этихъ рѣчей вмѣстѣ съ черновыми отвѣтами отъ имени академиковъ въ конференцъ-архивѣ, портфель исторіографа Мюллера № 14, съ заглавіемъ: Жалобы Академіи на канцелярію въ сенатъ, тетрадь № 5, Рѣчи и письма, писанныя при вступленіи въ Академію графа Разумовскаго президентомъ 1746 года.

на дальній планъ, и усилія стараго совѣтника и новаго ассессора направились болѣе къ тому, чтобы академическій корпусъ — какъ тогда выражались — держать въ непрестанномъ опасеніи и безусловной покорности. Горе было тѣмъ изъ ученыхъ, кто осмѣливался тогда думать, что онъ можетъ заниматься избранною имъ наукою, не ища милости и покровительства членовъ академической канцеляріи.

Притѣсненія академиковъ начались съ соблюденія канцелярскихъ формальностей. Такъ 25 іюня 1746 года, въ академической канцеляріи состоялось уже опредѣленіе, въ силу котораго академику Ле Руа слѣдовало объявить: „дабы онъ впредь о дѣлахъ ея императорскаго величества присылалъ къ его сіятельству на россійскомъ языкѣ репорты на цѣломъ листѣ, а не на полу-листѣ формою письма писанные. И притомъ бы вѣдалъ, что за подписаніемъ его сіятельства посланъ къ нему, профессору, о дѣлахъ гимназіи ордеръ, а не партикулярное письмо. А ежели впредь ему, инспектору гимназіи, или другому кому изъ профессоровъ о дѣлахъ ея императорскаго величества потребно будетъ его сіятельству г. графу и президенту подавать репорты, то бы подавали его сіятельству на цѣломъ листѣ; а въ заглавіи бы писали такимъ образомъ: ея императорскаго величества дѣйствительному камерґеру, ордена св. Анны кавалеру и Академіи наукъ президенту графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому отъ такого именемъ профессора репортъ“ [1]).

„По вступленіи новаго президента, разсказываетъ Ломоносовъ [2]), сочиненъ новой статъ, въ коемъ расположеніи и составленіи никово, сколько извѣстно, не было изъ академиковъ участника. Шумахеръ подлинно давалъ сочинителю совѣты, что изъ многихъ его духа признаковъ, а особливо изъ утвержденія канцелярской великой власти, изъ выписыванія иностранныхъ профессоровъ, изъ отнятія надежды профессорамъ происходить въ высшіе чины несомнѣнно явствуетъ....“

Въ позднѣйшихъ разборахъ академическаго устава Ло-

1) II, книга № 102.

2) Билярскій, стр. 061.

моносовъ не разъ указываетъ на Теплова, какъ на составителя его.

„Регламентъ императорской Академіи наукъ и художествъ" подписанъ императрицею Елисаветою 24 іюля 1747 года. Это первый уставъ ученаго общества, такъ какъ Петръ Великій не успѣлъ таковаго составить при своей жизни, а въ послѣдующія царствованія Академія управлялась по утвердившимся въ ней обычаямъ и преданіямъ, болѣе же всего по волѣ и усмотрѣнію президентовъ и совѣтника Шумахера.

Участіе Шумахера въ составленіи новаго устава уже замѣтно изъ названія Академіи наукъ *и художествъ*; далѣе оно всего болѣе выказывается въ частомъ упоминаніи академической канцеляріи и предѣлахъ ея власти, одинаковой, по уставу, президентской. Это сдѣлано именно въ тѣхъ видахъ, что въ жалобахъ академиковъ сенату повторялось, что канцелярія при Академіи не узаконена никакимъ постановленіемъ и что стало быть власть, ею присвоенная надъ ученымъ обществомъ, не имѣетъ никакого законнаго основанія.

По уставу 1747 г. Академія наукъ раздѣлена на Академію собственно и на университетъ, и затѣмъ сдѣлано различіе между членами этихъ учрежденій. Ученые, призванные быть членами Академіи собственно, „не только о томъ стараются, чтобъ собрать все то, что уже въ наукахъ извѣстно, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Видно по сему, что такіе люди заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ; чего ради имъ времени мало останется на то, чтобъ обучать другихъ публично. И такъ опредѣляются особые академики, которые составляютъ Академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ (пун. 1)...."

Въ Академіи учреждено три класса: первый состоялъ только изъ астрономовъ и географовъ; ко второму — физическому принадлежали науки: ботаника, натуральная исторія, анатомія и химія; третій — физико-математическій, къ которому относились: физика экспериментальная, механика и высшая мате-

матика (пун. 2—5). Такимъ образомъ въ новомъ уставѣ Академія наукъ, вопреки начальной мысли Петра Великаго, имѣла представителей только физико-математическихъ наукъ; исторія же и древности, столь важныя для изученія прошедшихъ судебъ Россіи, отнесены къ университету, гдѣ стало-быть онѣ могли преподаваться безъ всякой заботы о дальнѣйшемъ преуспѣяніи тѣхъ наукъ. „Академиковъ должно быть десять, и они собственно симъ именемъ называются, а не профессоровъ; и почетныхъ — внѣ государства десять же (пун. 8).“ При каждомъ академикѣ полагался адъюнктъ — помощникъ академика (пун. 9). „Ежели когда случай придетъ произвести кого въ академики изъ адъюнктовъ или выписать, то недовольно, чтобъ былъ токмо науки великой человѣкъ, но притомъ чтобъ состоянія былъ честнаго и добраго, какъ изъ россійской, такъ изъ иностранной націи; а притомъ стараться, чтобъ адъюнкты были всѣ изъ русскихъ, и никто какъ въ академики, такъ и въ адъюнкты не можетъ войти, не показавъ ученому свѣту въ чемъ нибудь своей науки (пун. 13).“

За этотъ, а также и другіе пункты устава, гдѣ говорится о приглашеніи въ Академію иностранныхъ ученыхъ и вообще служащихъ при ней, Ломоносовъ впослѣдствіи укорялъ Теплова: „вредительнѣе всего и поносительнѣе россійскому народу (а напечатанъ регламентъ на иностранныхъ языкахъ), что сочинитель въ должныхъ постоянными быть россійскихъ государственныхъ узаконеніяхъ положилъ быть многимъ иностраннымъ въ профессорахъ и въ другихъ должностяхъ, и тѣмъ далъ поводъ разсуждать о насъ въ другихъ государствахъ, яко бы не было надежды вездѣ имѣть своихъ природныхъ россіянъ въ профессорахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ должностяхъ за тѣмъ, что смотрѣлъ на настоящее только....“ [1]).

Въ пунктѣ 19 устава узаконены официальными языками для Академіи латинскій и русскій: „а французской и нѣмецкой никогда употребленъ быть тамъ не долженъ.“

---

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), стр. 447.

По пун. 15, собранія академическія назначены были по три раза въ недѣлю, по утрамъ отъ 9 до 12 часовъ; чтенія тамъ происходили, начиная съ старшаго академика [1]). Особенно замѣчательно постановленіе, которымъ стѣснялись ученые даже въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Верховнымъ судьею ихъ въ этомъ отношеніи былъ опять президентъ и канцелярія, и отъ воли ихъ зависѣло дать или не дать ходъ тому или другому открытію академика въ области наукъ. 17 пунктъ устава гласилъ: „Новое изобрѣтеніе, которое должно быть напечатано въ Комментаріи академическомъ, не должно быть въ оный внесено безъ позволенія президента, ибо собою академикъ, тѣмъ меньше адъюнктъ ничего опредѣлить не могутъ, о чемъ не позволено будетъ отъ президента, а въ небытность президента отъ канцеляріи“.

Далѣе, въ пунктѣ 37 постановленія объ учебной части: „университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей. Первые называются профессоры, а другіе студенты. Профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ латинскомъ, дабы лекціи въ наукахъ, которыхъ на иномъ ни на какомъ языкѣ давать не позволяется, какъ токмо на латинскомъ и русскомъ, могли они совершенно разумѣть: сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучше усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ. А чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой двадцать человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ и годныхъ

---

1) Впрочемъ въ 1751 г. это постановленіе было измѣнено графомъ Разумовскимъ, который 24 ноября того года приказалъ: «собраніямъ профессорскимъ быть по прежнему обыкновенію по два раза въ недѣлю отъ десятаго часа до самаго полудня; но ежели не случится никакой диссертаціи для прочтенія, то бы г.г. профессоры имѣли между собою разсужденія и разговоры о ученыхъ матеріяхъ, а студенты, которые имѣютъ позволеніе сидѣть за стульями, разговорами бы ихъ пользовалися». (II, книга № 158).

производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію художествъ...."

Въ концѣ устава говорится о разныхъ учрежденіяхъ при Академіи. Первымъ изъ нихъ была канцелярія. На нее встрѣчается столько жалобъ въ прошломъ столѣтіи и противъ членовъ ея возставали тогда такъ часто ученые, что въ настоящемъ трудѣ необходимо дать о ней болѣе точное понятіе. Вотъ какъ Тепловъ считалъ нужнымъ разъяснить въ уставѣ предѣлы власти академической канцеляріи: „канцелярія учреждается по указамъ ея императорскаго величества, и оная есть департаментъ, президенту для управленія всего корпуса академическаго принадлежащій, въ которой члены быть должны по нѣскольску искусны въ наукахъ и языкахъ, дабы могли разумѣть должность всѣхъ чиновъ при Академіи, и въ небытность президента корпусомъ такъ, какъ президентъ самъ, управлять, чего ради и въ собраніи академиковъ имѣть имъ голосъ и засѣданіе. Въ ней надлежитъ со всѣми иностранными людьми заключать контракты; дѣлать прибавки и убавки, смотря по заслугамъ и достоинству, жалованья; смотрѣть на труды всѣхъ чиновъ, такимъ ли они образомъ и то ли отправляютъ, къ чему контрактами своими обязалися; имѣть сношеніе со всѣми мѣстами о дѣлахъ, до Академіи касающихся, и принимать указы и промеморіи. Однимъ словомъ, ученымъ людямъ и учащимся, кромѣ наукъ, ни въ какія дѣла собою не вступать, но о всемъ представлять канцеляріи, которая должна имѣть обо всемъ попеченіе, наблюдая при томъ цѣлость интереса, порядокъ экономіи и всѣхъ трудовъ пользу, чего ради быть въ ней, кромѣ членовъ, которые имѣютъ ранги коллежскихъ членовъ, секретарю, актуаріусу, коммиссару, регистратору, купчинѣ, лѣкарю съ подлѣкаремъ, переводчику, двумъ канцеляристамъ при россійскихъ дѣлахъ, одному при нѣмецкихъ дѣлахъ и осмерымъ копіистамъ (пун. 50)".

По новому уставу расходы по Академіи наукъ были изчислены въ 53,298 р., стало быть вдвое противъ суммы, отпускавшейся на это учрежденіе при Петрѣ Великомъ (24,912 р.). При императрицѣ Аннѣ испрашивалось на Академію сначала

64,086 р., а потомъ 48,900 р.[1]). Въ штатѣ при новомъ уставѣ выставлена была валовая сумма, безъ указанія сколько, на кого и на что слѣдовало расходовать ее. Конечно это было сдѣлано не безъ намѣренія въ видахъ полученія, возможности распоряжаться денежными средствами общества съ большимъ произволомъ. Жалованье академиковъ было разное и увеличеніе его зависѣло вполнѣ отъ воли президента. Обыкновенно академики при началѣ своего вступленія въ это званіе получали 660 руб.; тѣ, которые служили нѣсколько лѣтъ, или исполняли какую нибудь дополнительную должность имѣли 860 р. въ годъ; адъюнктамъ назначалось 360 р. Впрочемъ изъ этого были исключенія: Гмелину, Мюллеру и Бургаве по контрактамъ, съ ними заключеннымъ, давалось по 1000 руб. въ годъ каждому. Пробывши на службѣ въ Академіи около тридцати лѣтъ, Мюллеръ получалъ изъ Академіи 1700 руб., на которые по свидѣтельству Шлецера, онъ жилъ въ довольствѣ, не имѣя ни копейки долгу [2]). Ломоносовъ въ началѣ, какъ академикъ, получалъ 660 руб., потомъ 860; сдѣлавшись коллежскимъ совѣтникомъ — 1200; а послѣ награжденія чиномъ статскаго совѣтника — 1875 р. Кромѣ того онъ пользовался единовременными денежными выдачами за поднесеніе одъ и другихъ сочиненій; ему были пожалованы крестьяне и земля для фабрики, которая потомъ поддерживалась заказами изъ казны, для чего выдавались впередъ значительныя суммы денегъ. Вотъ, почему его современники считали, что онъ сдѣлалъ блистательную карьеру. Такъ одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ купцовъ В. Коржавинъ писалъ къ своему брату въ Парижъ, 4 октября 1754 г.: „Г. Ломоносовъ не болѣе какъ пять лѣтъ тебя старе, изъ бѣдной самой фамиліи; никто объ немъ для пищи не старался; всегда хлѣба самъ доставалъ и обучаться самъ пятнадцать лѣтъ довольно имѣлъ. А нынѣ я признаваю по крайней мѣрѣ 3,000 р. и болѣе на годъ достаетъ; честію — Академіи совѣтникомъ; всегда при милости императорской“ [3]).

---

1) Исторія Академіи наукъ, I, стр. LIII, LIV.

2) Тамъ же, I, 374, 376.

3) Историческія бумаги Арсеньева

При разсмотрѣніи академическаго устава, утвержденнаго императрицею Елисаветою по представленію гр. Разумовскаго, легко замѣтить, что составителя его мало заботила мысль о преуспѣяніи наукъ, о споспѣшествованіи дальнѣйшаго развитія ихъ и о предоставленіи ученымъ легчайшихъ способовъ къ осуществленію главной и существенной цѣли для которой учреждаются Академіи наукъ. Напротивъ того Тепловъ съ Шумахеромъ, составляя уставъ, увлеклись однимъ помысломъ, видимо преобладавшимъ у нихъ въ каждой, введенной ими въ уставѣ мѣрѣ — это получить для себя возможность безотчетно распоряжаться всѣмъ, что ни касалось Академіи, а затѣмъ поставить какъ можно въ большую зависимость отъ канцеляріи академиковъ. По этимъ то причинамъ введенъ огромный и совершенно излишній для ученаго общества наличный составъ разныхъ письмоводителей, помощниковъ ихъ, канцеляристовъ, копіистовъ, пищиковъ. Кромѣ типографіи, словолитной, книжной лавки, переплетнаго заведенія, при Академіи наукъ состояли (пун. 59): архитекторъ, гравировальщикъ портретовъ, гравировальщикъ литеръ, живописецъ и инвенторъ, рѣзнаго дѣла мастеръ, механикъ для дѣланія инструментовъ, часовой, слесарный, столярный и токарный мастеръ. У всѣхъ у нихъ были еще подмастерья.

Не довольствуясь тѣмъ, что по новому уставу академики были совершенно подчинены канцеляріи и ея членамъ, графъ Разумовскій счелъ нужнымъ при самомъ объявленіи устава въ конференціи, 28 іюля 1747 года, присовокупить, что ассессоръ Тепловъ назначенъ „членомъ академическаго собранія и дано ему старшинство по чину его предъ всѣми академиками, кромѣ г. совѣтника Шумахера", почему конференціи дано было знать, что Теплову тамъ слѣдуетъ „садиться подъ г. Шумахеромъ въ первомъ мѣстѣ" [1]).

Неудивительно послѣ всего этого, что уставъ Академіи наукъ 1747 г. не имѣлъ особенно благодѣтельнаго вліянія на

(IX томъ Сборника русскаго отдѣленія Академіи наукъ), Извѣстія о братьяхъ Коржавиныхъ, стр. 416.

1) II, книга № 110.

процвѣтаніе ея. Напротивъ того со времени введенія его умножилось безплодное для наукъ канцелярское бумагомараніе; росло недовольство ученыхъ, которыхъ старались всячески огорчать и преслѣдовать члены канцеляріи; стали встрѣчаться наконецъ безпрестанно непріятности, столкновенія, взаимныя пререканія и каверзы, что все поощрялось тѣми лицами, которые, руководясь одними личными разсчетами и своими собственными выгодами, не признавали, что ученое учрежденіе основано для блага цѣлаго общества, а не для нѣсколькихъ интригановъ, которые только умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ.

5 декабря 1747 года въ академическомъ зданіи, въ которомъ находилась обсерваторія и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщались библіотека и кунсткамера, произошелъ пожаръ, грозившій утратою драгоцѣннымъ собраніямъ, заведеннымъ стараніями и усиліями Петра Великаго. Къ счастію большая часть наиболѣе примѣчательныхъ коллекцій была спасена, а то, что дѣйствительно погибло отъ огня, Шумахеръ съ Таубертомъ старались представить въ незначительныхъ размѣрахъ. Причина пожара осталась неизвѣстною, хотя при этомъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ слуховъ о поджогѣ [1]). Впрочемъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ къ подобному

1) Такъ напр. Ломоносовъ, ненавидѣвшій Шумахера и Тауберта, разсказываетъ объ этомъ пожарѣ съ намеками и видимымъ желаніемъ сдѣлать этихъ лицъ отвѣтственными за событія, и за послѣдствія отъ него: «Разныя о семъ пожарѣ разсужденія. Говорено и о Геростратѣ, но слѣдствія не произведено никакова. А сторожъ тѣхъ покоевъ пропалъ безвѣстно, о коемъ и не было надлежащаго иску. Погорѣло въ Академіи, кромѣ немалаго числа книгъ и вещей анатомическихъ, вся галлерея съ сибирскими и китайскими вещами, астрономическая обсерваторія съ инструментами, готторпской большой глобусъ, оптическая камера со всѣми инструментами и старая канцелярія съ оставшимися въ ней архивными дѣлами. Однако поврежденіе двору и публикѣ показано весьма малое и о большомъ глобусѣ объявлено, что онъ только повредился (сравни донесеніе о томъ гр. Разумовскаго, приведенное въ тетекстѣ), не взирая на то, что онаго въ цѣлости ничево не осталось кромѣ старой его двери, коя лежала внизу въ погребѣ...» (Билярскій, стр. 062; у г. Ламанскаго при передачѣ этого мѣста, Ломоносовъ и петербург. Академія наукъ, стр. 38, вкралась невѣрность отъ ошибочнаго чтенія рукописи).

преступленію Шумахеру прибѣгать не было никакой надобности: онъ оставался полновластнымъ и безотчетнымъ распорядителемъ всѣхъ собраній и коллекцій, принадлежащихъ Академіи наукъ, почему и не имѣлъ никакой надобности ссылаться для чего нибудь на утраты отъ пожара. При этомъ же цѣнныя рѣдкости дѣйствительно всѣ были спасены. По донесенію графа Разумовскаго императрицѣ, 7 декабря 1747 года, оказывается, что огонь первоначально показался подъ самою кровлею академическаго зданія, почему и полагали, что должно быть лопнула которая нибудь изъ трубъ около деревяннаго бруса, что не было замѣчено во-время и онъ отъ того загорѣлся. „Кромѣ потерянія полатъ, писалъ далѣе президентъ Академіи во всеподданнѣйшемъ донесеніи, во всѣхъ вещахъ, которыя въ библіотекѣ и кунсткамерѣ хранилися, самый малый ущербъ, и оный не столько отъ огня, сколько отъ скоропостижной выноски происходитъ. А именно вынесены: 1) мюнцъ-кабинетъ, золотыя и серебряныя и прочія притомъ находившіяся рѣдкія вещи; 2) восковой портретъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти родителя вашего государя императора Петра Великаго со всѣми его величества токарными машинами и высокихъ трудовъ его вещми; 3) минеральный весь кабинетъ; 4) библіотека, анатомическіе и всѣ до одного Рюйшевы препараты выбраны, рыбы, инсекты, и большая часть птицъ, звѣрей и травъ; 5) инструменты физическіе и математическіе типографія и всѣ мастерскія палаты въ такомъ состояніи, какъ и прежде были. Слѣдующее сгорѣло: 1) большой глобусъ, котораго спасти ни по какой мѣрѣ было невозможно, потому что еще бывшимъ княземъ Меншиковымъ онъ былъ такъ застроенъ. И хотя я и намѣренъ былъ его въ такое состояніе привести, что въ случаѣ несчастія можно было его вынести, однакожъ, по мнѣнію архитектовъ надлежало было всю башню для того чуть не до основанія разбирать; но когда я вспоможенія въ малыхъ дѣлахъ ни откуда сыскать не могъ, то такое предпріятіе, которое одно около десяти тысячъ требовало, тѣмъ меньше мнѣ было возможно. Однако по тому, что помянутый глобусъ сдѣланъ изъ мѣди, то въ немъ внутри желѣз-

ная машина осталась цѣла и по мнѣнію знающихъ людей глобусъ сей поправить и гораздо исправнѣе здѣсь въ Россіи при Академіи сдѣлать можно малою суммою, ежели только къ тому всемилостивѣйшее вспоможеніе вашего императорскаго величества будетъ [1]). 2) Башня, потому что деревянная была и заго-

1) Въ 1713 году Петръ Великій, осматривая достопримѣчательности завоеванной имъ шлезвигъ-голштинской крѣпости Тиннингена, увидалъ тамъ между прочимъ огромный глобусъ, сработанный въ половинѣ XVII вѣка подъ надзоромъ извѣстнаго своимъ описаніемъ путешествія по Россіи Адама Олеарія. Практическій умъ государя тотчасъ оцѣнилъ всю пользу, какую могъ приносить глобусъ для нагляднаго изученія системы Коперника, а Петръ, не смотря на возгласы современныхъ ханжей, былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей и распространителей ея въ Россіи. Царь выразилъ желаніе имѣть глобусъ, и когда тогдашній администраторъ голштинскаго герцогства подарилъ его государю, то онъ, обрадованный, сказалъ: «признаюсь, что и все герцогство не могло бы выдумать пріятнѣйшаго мнѣ дара!» (Кабинетъ Петра Великаго, изд. Осипомъ Бѣляевымъ, отд. I, стр. 169—171). Глобусъ этотъ былъ изъ мѣди и имѣлъ 11 футовъ въ поперечникѣ. На внѣшней его сторонѣ была изображена поверхность земнаго шара, а на внутренней — звѣздное небо. Внутри помѣщались столъ и нѣсколько скамей, на которыхъ могли усѣсться двѣнадцать человѣкъ и наблюдать, какъ глобусъ посредствомъ механизма вращался подобно тверди небесной въ теченіи сутокъ около своей оси, вокругъ устроенныхъ внутри шара меридіана и горизонта. По перевезеніи этого глобуса въ Петербургъ, что было совершено съ великими затрудненіями, Петръ Великій немедленно отправился осмотрѣть его и потомъ часто посѣщалъ его. Большая часть иностранцевъ, бывавшихъ въ Петербургѣ въ петровскія времена, долгомъ считали заносить въ записки о славномъ готторпскомъ глобусѣ. Въ старинныхъ описаніяхъ Петербурга не забывали помѣщать подробности о немъ (Богдановъ — Описаніе Петербурга съ 1703 по 1751 г., стр. 104, 105; Георги, Описаніе С. Петербурга, 1794 г., стр. 535 и др.), которыя потомъ перешли и въ новѣйшія сочиненія о нашей столицѣ (напр. Башуцкаго, Панорама Петербурга, I, 160, и мн. др.) По кончинѣ Петра, Екатерина I повелѣла, чтобъ всѣ предметы, бывшіе въ употребленіи геніальнаго преобразователя или напоминавшіе о его любви къ наукамъ, были сохраняемы въ Академіи наукъ, почему и готторпскій глобусъ былъ переданъ туда уже въ 1725 году. Послѣ пожара въ академическомъ зданіи 1747 г. его начали исправлять въ 1750 г. Тогда онъ былъ покрытъ лакированною холстиною; рисунки на его поверхности были сдѣланы Гриммелемъ и Фёрстеромъ; меридіанъ и горизонтъ изготовлены англійскимъ механикомъ Скотомъ, а руководилъ всѣми работами адъюнктъ Трюскоттъ. Императрица Елисавета для храненія глобуса приказала выстроить особенное каменное зданіе, которое находилось на лугу противъ зданія двѣнадцати коллегій. (Въ архивѣ академической канцеляріи есть цѣлый фоліантъ: о постройкѣ для большого глобуса каменнаго покоя). Въ 1810 г., когда посѣтилъ Академію наукъ императоръ Александръ I, съ императрицами Елисаветою Алексѣевною и Маріею Ѳе-

рѣлася подъ кровлею, то ничего того, что въ употребленіи при астрономіи было, спасти было невозможно, и сгорѣло около двѣнадцати астрономическихъ инструментовъ и восьмеро стѣнныхъ часовъ, что все двѣмя или тремя тысячами можно въ одинъ годъ въ лучшее привести состояніе, нежели прежде было....“

Академикъ Винцгеймъ, который завѣдывалъ ученою перепискою въ Академіи, 6 декабря 1746 года доносилъ академической канцеляріи: „что до архивы принадлежитъ, то по бо́льшей части г. профессоръ Мюллеръ дѣла къ себѣ въ саняхъ на домъ повезъ, а отчасти и я нѣкоторыя у себя имѣю. И въ географическомъ департаментѣ многія дѣла и почти все сохранено, такъ что надѣяться можно какъ архивныя, такъ и географическія дѣла всѣ опять найти и въ порядокъ привести можно будетъ....“ Наконецъ изъ денежной казны въ академическій пожаръ пропалъ только одинъ мѣшокъ съ двадцатью рублями мѣдныхъ денегъ.

Между тѣмъ въ академической канцеляріи болѣе полгода послѣ этого событія, опасались ложныхъ толковъ о немъ въ Европѣ, а потому Таубертомъ написано въ чернѣ такое распоряженіе: „о помянутомъ пожарѣ всякіе противные и предосудительные слухи въ чужестранныхъ государствахъ распространяться могутъ, того ради въ сегодняшнихъ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ напечатать приложенный присемъ аппробованный артикулъ и тѣхъ печатныхъ газетъ отослать нѣкоторое число

доровною и великими князьями, состоялось высочайшее повелѣніе о сооруженіи новаго зданія для помѣщенія готторпскаго глобуса и назначеніи на то 62.268 руб., но это повелѣніе осуществлено не было (см. бывшаго непремѣннаго секретаря Фусса: Mémoire sur l'état actuel des dépendances scientifiques de l'Académie impériale des sciences de S. Pétersbourg et sur les moyens de les élever à la dignité d'institution centrales de l'Empire, s. a., pag. 16). Готторпскій глобусъ и донынѣ находится въ Академіи, въ которой онъ хранится съ перваго года ея основанія какъ памятникъ, напоминающій о державномъ основателѣ Академіи и супругѣ его, которая настойчиво осуществила мысль Петра имѣть въ Россіи ученое общество для распространенія и усовершенствованія наукъ. Теперешнее помѣщеніе, занимаемое глобусомъ, отведено въ одномъ изъ угловыхъ куполовъ выстроеннаго въ 1829 г. дома для академическихъ музеевъ. При переноскѣ туда, кромѣ чистки, инструментъ не подвергался никакимъ измѣненіямъ.

въ иностранную коллегію для сообщенія нашимъ обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ министрамъ, дабы оные такіе слухи основательно опровергать могли“ [1]).

Вотъ эта статья, помѣщенная въ Прибавленіи къ С.Петербургскимъ вѣдомостямъ 12 іюля 1748 года: „Въ прошедшую пятницу прибывшій сюда для смотрѣнія двора ея императорскаго величества и примѣчанія достойныхъ рѣдкостей здѣшней резиденціи, мальтійскій кавалеръ, марки Сакрамозо, съ графомъ Гамилтономъ, мальтійскимъ же кавалеромъ, и другими какъ чужестранными, такъ и здѣшними персонами, получа позволеніе отъ президента Академіи наукъ, его сіятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, смотрѣлъ библіотеку и кунсткамеру ея императорскаго величества, которыя нынѣ въ домѣ дворянъ Демидовыхъ опять порядкомъ расположены, и охотникомъ показаны быть могутъ. По прибытіи помянутаго маркиза съ прочими въ канцелярію Академіи наукъ ведены они были чрезъ палату профессорскихъ собраній и залу публичныхъ ассамблей, въ департаментъ россійской исторіи, гдѣ показываны были имъ разныя въ Китаѣ печатанныя книги на китайскомъ и манджурскомъ языкахъ. Обрѣтающійся при Академіи переводчикъ Россохинъ, которой болѣе пятнадцати лѣтъ въ Пекинѣ жилъ, и въ обоихъ языкахъ весьма искусенъ, толковалъ имъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ оныхъ книгъ, касающихся до исторіи натуральной, до астрономіи и архитектуры; а ученики его отправляли разговоръ на помянутыхъ языкахъ съ особливою способностію. Оттуда прошли они въ рисовальную палату, гдѣ не малое число молодыхъ людей россійской націи въ рисованіи съ натуры упражнялись. Потомъ смотрѣли они сочиняющейся въ географическомъ департаментѣ на двѣнадцати александрійскихъ листахъ санктпетербургской планъ, который съ проспектами города, около лежащими мѣстами и публичными строеніями на мѣди вырѣзанъ быть имѣетъ. Видѣвъ послѣ и специальныя карты россійской имперіи, прошли они чрезъ типографію, книжную лавку, слово-

1) II, книга № 112 и картонъ № 15.

литную, инструментальную и грыдоровальную палаты, и смотрѣли работу медальсровъ, вырѣзываніе на камняхъ и печатаніе грыдоровальныхъ фигуръ. Оттуда надлежало ихъ вести на обсерваторію, для показанія тѣхъ пріуготовленій, которыя чинятся къ наблюденію сего мѣсяца 14 числа солнечнаго затмѣнія, а послѣ въ домъ бароновъ Строгоновыхъ, гдѣ между тѣмъ временемъ, какъ академическія палаты построятся, учреждены аудиторіи для публичныхъ лекцій, и театры для анатоміи и физическихъ экспериментовъ: Но понеже время коротко стало, то они пошли прямо въ библіотеку и кунсткамеру. Тамъ они не мало удивились порядочному расположенію, учиненному чрезъ такое краткое время послѣ пожару, множеству книгъ и натуральныхъ и художественныхъ вещей. Особливо пріятно было упомянутому маркизу видѣть въ библіотекѣ такъ называемую книгу: Speculum Salutis, то есть: Зерцало спасенія, которая одна изъ самыхъ первыхъ по вымышленіи печатанія книгъ, и о которой, по объявленію Меттера въ его типографскомъ лѣтописцѣ, многіе весьма сумнѣвались, чтобъ она дѣйствительно гдѣ находилась, такожъ первую книгу, которая печатана въ Россіи при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Потомъ смотрѣли они съ немалымъ любопытствомъ анатомическіе препараты славнаго доктора Руйша, а особливо собраніе о зачатіи человѣческомъ, которое подобнаго себѣ въ свѣтѣ не имѣетъ, такожъ животныя четвероногія, птицы, рыбы и гады. Особливо показывали они свое удивленіе о изрядномъ собраніи бабочекъ и великомъ множествѣ фигурныхъ камней и рудъ. Изъ художественныхъ вещей видѣли они медальной кабинетъ, старинные рѣзные камни и древности золотыя и серебряныя, найденныя въ могилахъ древнихъ сибирскихъ народовъ, разныя токарнымъ и рѣзнымъ художествомъ сдѣланныя вещи, и въ томъ числѣ нѣсколько штукъ собственныхъ трудовъ государя Петра Великаго. Наконецъ частопомянутой марки не могъ довольно показать своего удивленія о миніатурахъ госпожи Меріанши, которыхъ онъ нигдѣ столько не видѣлъ, какъ здѣсь. Достальныя куріозности, а именно машины, модели и

прочія вещи, которыхъ онъ за краткостію времени видѣть не могъ, показываны будутъ ему въ другое время.

„Вчерашняго числа въ учрежденномъ въ здѣшней императорской Академіи наукъ и художествъ въ университетѣ публичныя лекціи, при присутствіи президента Академіи его сіятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго и многочисленномъ собраніи случашелей, паки начало свое воспріяли, какъ о томъ особливою программою объявлено...."

1748 годъ въ исторіи ученаго общества въ особенности памятенъ строгими мѣрами, принятыми академическою канцеляріею противъ нѣкоторыхъ изъ членовъ его. Николай-Іосифъ Делиль, вернувшись изъ Петербурга въ Парижъ съ званіемъ почетнаго члена нашей Академіи, при одномъ случаѣ рѣзко выразился о лицахъ, стоявшихъ въ главѣ ея управленія. Въ наказаніе за это, академическая канцелярія придумала такія мѣры взысканія: 1) ходатайствовать предъ французскимъ правительствомъ не только объ отобраніи отъ Делиля всѣхъ имѣющихся у него бумагъ о Россіи, но и о неопредѣленіи ни къ какой должности; 2) просить всѣхъ ученыхъ, состоявшихъ въ сношеніяхъ съ нашею Академіею, о прекращеніи всякаго общенія съ Делилемъ. Такія требованія признаны были за границею неудобоисполнимыми [1]), и академической канцеляріи пришлось вымещать свою неудачу на академикѣ Мюллерѣ. Къ нему Делиль написалъ письмо, гдѣ при упоминаніи объ Академіи проскользнуло выраженіе — corps phantasque. Письмо это было перехвачено и по поводу его была наряжена цѣлая слѣдственная коммиссія; бумаги Мюллера подверглись строжайшему осмотру, а самъ онъ принужденъ былъ подавать оправдательные пункты [2]).

Придворный докторъ Антоній Рибейро Санше, при отъѣздѣ изъ Россіи, получилъ званіе почетнаго члена нашей Академіи и, живучи въ Парижѣ, исполнялъ разныя порученія ея [3]).

1) Исторія Академіи наукъ, I, 141, 142.

2) Тамъ же, стр. 349—352.

3) Санше памятенъ въ исторіи медицины въ Россіи тѣмъ, что первый обратилъ вниманіе на дѣйствіе русскихъ бань въ медицинскомъ отношеніи. Его сочиненіе по этому предмету переведено и напечатано по русски (безъ обозначенія года) съ слѣдую-

Вдругъ въ 1748 г. состоялось распоряженіе объ исключеніи Санше изъ числа почетныхъ членовъ Академіи, почему у него и былъ отобранъ русскимъ резидентомъ въ Парижѣ Гроссомъ дипломъ на это званіе. Санше сначала никакъ не могъ себѣ объяснить причины такой внезапной немилости, но послѣ открылось, что этого доктора подозрѣвали въ тайномъ исповѣданіи іудейства. Какъ ни остороженъ былъ въ отношеніи высказыванія своихъ осужденій Эйлеръ, однако когда великій математикъ узналъ о случившемся съ Делилемъ и Санше, то не могъ удержаться, чтобы не написать къ Шумахеру: „я сильно сомнѣваюсь, чтобы подобные, удивительные поступки могли много содѣйствовать къ распространенію славы Академіи наукъ“ [1]).

Много также надѣлало въ 1748 г. шума въ кружкахъ заграничныхъ ученыхъ дѣло объ академикѣ Іоганнѣ-Георгѣ Гмелинѣ. Онъ долго и тщетно просилъ, чтобы его уволили изъ Академіи, но Шумахеръ съ Тепловымъ придумали отпустить его неиначе, какъ съ обязательствомъ опять вернуться въ Россію, для чего и принудили Гмелина представить за себя поручителями Мюллера и Ломоносова. Проживъ годъ въ Германіи, Гмелинъ написалъ къ графу Разумовскому, что онъ не въ состояніи выполнить свое обязательство пріѣхать въ Петербургъ. Это извѣстіе возбудило бурю въ академической канцеляріи: грозили Гмелину истребовать его выдачи Россіи чрезъ вюртембергское правительство и о его поступкѣ сообщили съ укоризнами ко многимъ европейскимъ ученымъ. Впрочемъ, несмотря ни на что, академическое начальство и въ этомъ случаѣ ничего не добилось и вынужденнымъ нашлось потомъ удовольствоваться извиненіемъ скрывшагося ученаго [2]). „Дѣло г. Гме-

щимъ заглавіемъ: О парныхъ россійскихъ баняхъ поелику споспѣшествуютъ онѣ укрѣпленію, сохраненію и возстановленію здравія. Сочиненіе г. Саншеса, бывшаго при дворѣ ея императорскаго величества славнаго медика. Переведено съ французскаго въ пользу общества. Въ 4°, XXVIII и 58 стран.

1) Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ (VII т. Сборника русскаго историческаго общества) I, 175, 176.

2) Исторія Академіи наукъ, I, 444—449.

лина, сказано было въ отчетѣ о заграничной поѣздкѣ Тауберта, такъ извѣстно во всей Германіи, что вездѣ куда онъ, г. ассессоръ, ни пріѣзжалъ, его о томъ спрашивали. И хотя онъ его противные поступки какъ надлежитъ всѣмъ описывалъ, и всѣ вину его совершенно признавали, однако всякъ желалъ, чтобъ его сіятельство г. президентъ учинилъ съ нимъ милость, дабы примѣръ строгости въ разсужденіи его не отвратилъ другихъ ученыхъ, которые иногда въ Россію ѣхать пожелаютъ“ [1]).

Если такъ поступало академическое начальство съ тѣми изъ членовъ Академіи, кои жили внѣ Россіи, то легко себѣ представить, что оно нисколько не стѣсняло своего произвола въ отношеніи академиковъ, находившихся въ Петербургѣ и, стало быть, въ полной зависимости канцеляріи, которая дѣйсвовала именемъ вліятельнаго вельможи. Шумахеръ сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ постановленіе, къ которому Тепловъ прибавилъ разныя дополненія въ русскомъ переводѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Росписаніе, въ какіе когда часы г.г. членамъ Академіи наукъ и художествъ г.г. профессорамъ историческаго и географическаго собранія и прочимъ академическимъ служителямъ къ своему дѣлу приходить и отъ онаго отходить въ нынѣшнемъ 1748 году мая съ 1 числа, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ календарѣ предписанныхъ [2]). Въ слѣдъ за тѣмъ, 24 мая того же года, состоялось опредѣленіе о взысканіи штрафовъ за неисполненіе этого росписанія, для чего возложено было на разныхъ лицъ записывать всѣхъ отсутствовавшихъ, отъ которыхъ потомъ не принимались ни какія оправданія, если они заранѣе не предувѣдомляли о причинахъ ихъ небытія въ Академіи.

Академики пробовали было протестовать противъ такой мѣры: „настоящіе профессорскіе упражненія и труды—писали они — должны отправляться въ домѣ и въ библіотекѣ его: тутъ то ему дѣло, чтобъ не только чему молодыхъ людей обучать, прилежно изыскивать, въ порядокъ привести и, много въ

1) II, книга № 120.

2) II, картонъ № 15.

томъ поправляя, новое выдумать, но притомъ продолжавшееся по нынѣ въ наукахъ несовершенство наградя пріобрѣтеніемъ, у всѣхъ публичнаго въ томъ согласія, а похвалою у чужестранныхъ славу Академіи утвердить. На сіе жъ-то дней у него недовольно, и для того часто попеченія о своемъ тѣлѣ не имѣя, при слабомъ здоровьѣ, по ночамъ трудится. А куда бъ уже бѣда его конечно неслышимою и неизречимою становится, буде бы въ награжденіе трудовъ за малократное его по причинѣ нечаянныхъ случаевъ небытіе, или за несоблюденіе по нуждѣ непотребной канцелярской церемоніи и формаліи (обряда) онаго и такъ уже едва къ содержанію недостаточнаго жалованья лишить...." [1])

Такіе доводы не имѣли успѣха, и мѣры къ стѣсненію ученыхъ на томъ не остановились. 9 декабря 1748 г. въ академической канцеляріи состоялось новое распоряженіе такого рода: „понеже усмотрѣно, что нѣкоторые академическіе служители у профессоровъ переписываютъ нѣкоторыя книги и прочее партикулярно и тѣмъ теряютъ время быть при ихъ должностяхъ и дѣлахъ, того ради опредѣлено въ университетъ ко всѣмъ студентамъ и прочимъ чинамъ, которые въ письмѣ имѣютъ достатокъ, послать указъ, въ которомъ написать: всѣмъ умѣющимъ писать запрещается, чтобъ никто ни какихъ дѣлъ академическихъ и которыя касаются до наукъ также и партикулярныхъ писемъ безъ особливаго отъ канцеляріи приказу брать и переписывать не дерзали, а упражнялись бы всегда при порученныхъ имъ дѣлахъ. Ежели же кто явится въ пренебреженіи сего, оный имѣетъ тяжко быть штрафованъ" [2]).

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 28; протестъ противъ этого же распоряженія, писанный Тредіаковскимъ, см. въ настоящемъ томѣ, на стр. 126.

2) II, книга № 124. По этимъ распоряженіямъ, касавшимся ученыхъ, можно судить, какъ сурово обращались съ низшими подчиненными въ тѣ времена и, конечно, не въ одной академической канцеляріи, а всюду. Въ примѣръ тому приведу здѣсь слѣдующій случай: въ концѣ декабря 1751 г. подмастерье каменнорѣзнаго дѣла Андрей Спиридоновъ самовольно отлучился изъ академической мастерской и былъ отысканъ только въ февралѣ 1752 г. и тогда канцеляріею было постановлено: «за самовольную Спиридонова отлучку отъ команды держать на стулѣ въ чѣпи (т. е. цѣпи) при работѣ неисходно до указу, чего за нимъ

Въ мартѣ 1749 г. Шумахеръ распорядился, чтобы журналы, выписываемые Академіею, доставлялись для выписокъ и извлеченій сначала къ академикамъ и ихъ адъюнктамъ, а потомъ уже къ профессорамъ университета, которые того пожелаютъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ профессорамъ такое распоряженіе, то они имъ обидѣлись, и Мюллеръ отъ имени ихъ писалъ: „г. совѣтникъ Шумахеръ по новому своему учрежденію хоцетъ, чтобъ г.г. профессоры университетскіе ученыя вѣдомости впредь получали и читали послѣ г.г. академиковъ и адъюнктовъ, а сіе неприлично для того, что по оному могъ бы кто заключить, якобы университетскіе профессоры были хуже академиковъ и адъюнктовъ, чего никто изъ академиковъ самъ не потребуетъ, но паче всѣ себѣ въ честь поставляютъ, чтобъ профессорами названными быть.... Г. совѣтникъ Шумахеръ проронилъ или выключилъ вовсе г. профессора Тредіаковскаго будто ему ученыя вѣдомости читать не нужно, а онъ, г. профессоръ, желаетъ ихъ читать равномѣрно какъ и прочіе. И хотя онъ по нѣмецки совершенно не разумѣетъ, однако по латынскимъ, французскимъ и итальянскимъ титуламъ книгъ можетъ познавать, которая книга для его профессіи потребна. И ежели ему въ нѣмецкихъ реляціяхъ что казаться будетъ сомнительно или невразумительно, то онъ можетъ ково просить, чтобъ оное ему истолковать....“ [1]).

Высказанное въ академическомъ уставѣ раздѣленіе ученыхъ на академиковъ и профессоровъ было и потомъ поводомъ къ распрямъ между ними, и Тепловъ, будучи при гр. Разумовскомъ въ Москвѣ, написалъ, 21 мая 1749 года, слѣдующее опредѣленіе: „Понеже усмотрѣно, что между профессорами-академиками университетскими и между членами дѣйствительными и почетными происходятъ споры и несогласія о ихъ старшинствѣ,

прапорщику Галлу смотрѣть накрѣпко. А дабы онъ, Спиридоновъ, и другіе академическіе служители такихъ худыхъ поступковъ впредь чинить не отважились, въ страхъ ему да и другимъ, водить его въ чѣпи по мастерскимъ и сѣчь батоги въ каждой полатѣ». (II, картонъ № 15).

1) I, 2-й портфель исторіографа Мюллера съ заглавіемъ: Матеріалы къ исторіи Академіи наукъ 1743—1751 годовъ.

преимуществахъ, а паче предсѣданіяхъ, того ради, чтобъ отвратить помянутую причину несогласія, нынѣ симъ опредѣляется: быть профессорамъ-академикамъ и профессорамъ историческаго собранія и университета въ безспорномъ равенствѣ, ибо профессоры одни отправляютъ академическаго собранія должность, а другіе — историческаго и университета, но всѣ равно трудятся для произвожденія и поспѣшенія наукъ въ Академіи и всѣ суть тѣ же профессоры, чего ради когда случится имъ чиновное имѣть между собою засѣданіе, а особливо въ публичномъ мѣстѣ, тогда одинъ другаго неотмѣнно должны почтить старшинствомъ, которое считать имъ надлежитъ по вступленію въ службу академичискую. А хотя въ 30-мъ пунктѣ академическаго регламента и изображено сіе только объ однихъ академикахъ, однакожъ понеже всѣ равны между собою, то въ случаѣ ихъ общаго собранія, тому же 30-му пункту послѣдовать надлежитъ. Что же касается до почетныхъ Академіи членовъ, тѣ не яко дѣйствительные Академіи члены, но почетные, не должны ни въ какомъ случаѣ у дѣйствительнаго Академіи члена мѣсто отнять. И сіе только разумѣется въ академическихъ собраніяхъ, а въ постороннихъ, гдѣ случиться можетъ, всякъ свое мѣсто разбирать долженъ по старшинству вступленія въ службу ея императорскаго величества. И тако почетные члены, когда введены бываютъ въ собранія академическія, имѣютъ мѣсто свое ниже всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ, развѣ кого президентъ изъ особливыхъ заслугъ мѣстомъ почтить захочетъ. Сіе г.г. профессорамъ накрѣпко между собою наблюдать“ [1]).

Съ самаго учрежденія Академіи ввелось тамъ въ обычай, чтобы предъ началомъ засѣданій академики пробѣгали приносимые туда ученые журналы и дѣлали изъ нихъ замѣтки и выписки о предметахъ, полезныхъ для своихъ работъ. Въ 1749 г. этому обычаю положенъ конецъ постановленіемъ академической канцеляріи: „ибо примѣчено, сказано тамъ, что вмѣсто того, чтобъ они слушали читаемую диссертацію, забав-

---

1) II, книга № 819.

лялись чтеніемъ вѣдомостей". Въ замѣнъ просмотра ученыхъ журналовъ до начала засѣданія было заведено, чтобы они разсылались для прочтенія академикамъ на домъ [1]). Впрочемъ обычай одержалъ верхъ надъ постановленіемъ: ученые журналы для просмотра ихъ академиками и до нынѣ приносятся въ залу засѣданій.

Между тѣмъ за границею стали распространяться слухи, невыгодные для стоявшихъ въ главѣ управленія нашею Академіею, и даже носилась молва, что она вскорѣ вовсе рушится. Тогда Шумахеръ придумалъ дать академику, доктору Бургаве порученіе, заключавшееся въ слѣдующемъ: „Понеже отъ недоброжелательныхъ къ Академіи людей слухъ разсѣялся, якобы ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая государыня намѣреніе воспріяла здѣшнюю Академію наукъ отрѣшить и будто уже оная въ отсутствіе г. президента и дѣйствительно рушилась, и понеже вы, г. докторъ и профессоръ, позволеніе получили отъѣхать за море на шесть мѣсяцевъ для пользованія своего теплицами, то поручается вашему благородію слѣдующая коммиссія: 1) въ какой городъ вы прибудете, то оный неосновательный слухъ вездѣ вамъ стараться опровергать и ученыхъ людей накрѣпко увѣрять, что ея императорское величество никогда таковаго намѣренія имѣть не изволила, чтобъ отмѣнить Академію, но всемилостивѣйшимъ попеченіемъ и неоцѣненными щедротами своими оную день отъ дня въ лучшее состояніе приводить благоизволяетъ. 2) Г. президентъ хотя и въ отсутствіи находится, однакожъ равномѣрно какъ и въ присутствіи благоразумнымъ учрежденіемъ съ знатнымъ успѣхомъ оною управляетъ, какъ оное по изданнымъ во время отсутствія его на свѣтъ дѣламъ и другимъ полезнымъ учрежденіямъ довольно явственно, чего ради вашему благородію изъ тѣхъ академическихъ дѣлъ, кои въ отсутствіе г. президента въ народъ вышли, дано по одному экземпляру, чтобъ тѣмъ ложный слухъ вовсе опровергнуть" [2]).

1) II, книга № 818.

2) Черновое распоряженіе на нѣмецкомъ языкѣ написано Шумахеромъ, а на русской языкъ переведено переводчикомъ Лебедевымъ; II, картонъ № 15.

По возвращеніи изъ за границы Бургаве долгомъ счелъ (12 декабря 1752 г.) донести академической канцеляріи: „1) хотя мнѣ объ ономъ несправедливомъ разглашеніи, яко бы ея императорское величество Академію отрѣшить вознамѣрилась, никто не говорилъ, однако я всѣмъ, а во первыхъ ученымъ людямъ объявлялъ, что Академія день отъ дня въ лучшее состояніе приходитъ. 2) Привезенными чрезъ море ко мнѣ книгами явно доказалъ, что въ отсутствіе г. президента всѣ дѣла при Академіи отправляются такъ, какъ и во время его присутствія, понеже меня сама оранская принцесса, Соединенныхъ Нидерландовъ управительница, о приращеніи наукъ и художествъ въ Академіи спрашивала, то я ея высочеству по возможности объявлялъ надлежащимъ образомъ“ [1]).

Подобныя мѣры къ поддержанію славы Академіи наукъ за границею, конечно, не приносили ученому обществу существенной пользы. Замѣчательно, что во все время пребыванія тамъ президентомъ графа К. Разумовскаго, всѣ попытки къ приглашенію ученыхъ знаменитостей занять свободныя каѳедры въ нашей Академіи оставались безуспѣшными, и она по необходимости должна была довольствоваться посредственностями, иногда весьма полезными для избранныхъ ими наукъ, но никогда не прославившимися ни глубокими изслѣдованіями, ни обширными трудами. Только передъ выходомъ изъ Академіи гр. Разумовскаго въ 1765 г., принятъ былъ туда ученый, который стяжалъ себѣ впослѣдствіи огромную извѣстность какъ изслѣдователь древней русской исторіи и еще болѣе какъ историкъ, статистикъ и политическій писатель — Августъ-Людвигъ Шлецеръ. Но за возведеніе его въ званіе академика и удержаніе его на нѣсколько лѣтъ въ Россіи Академія обязана личному желанію и настойчивости императрицы Екатерины II.

Славу, пріобрѣтенную нашею Академіею въ ученомъ мірѣ въ первые годы ея существованія, поддерживалъ въ описываемый періодъ времени Эйлеръ, геніальными статьями, которыя продолжалъ онъ высылать и изъ Берлина для помѣщенія въ

---

1) II, книга № 166.

академическихъ Комментаріяхъ, почему это изданіе и до нынѣ цѣнится специалистами. Затѣмъ обнародованіе извѣстій и открытій, добытыхъ въ знаменитое путешествіе по Сибири академиковъ Іоганна-Георга Гмелина и Мюллера, несомнѣнно должно считать самымъ крупнымъ явленіемъ въ лѣтописяхъ учености не только петербургской Академіи наукъ, но и всей Европы того времени. Классическій трудъ Гмелина Flora sibirica произвелъ эпоху въ исторіи ботаники, также какъ его Reise durch Sibirien обогатило область естествовѣдѣнія множествомъ новыхъ, совершенно неожиданныхъ открытій и подробностей. Мюллеровскія сообщенія точныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію свѣдѣній о Россіи и ея исторіи возбуждали къ себѣ въ Европѣ всеобщее вниманіе. Еще болѣе исторіографъ заслуживаетъ признательность потомства своимъ обширнымъ собраніемъ матеріаловъ для русской исторіи. Ими пользуются болѣе ста лѣтъ, и до сихъ поръ не могутъ изчерпать всѣхъ рукописныхъ богатствъ, заключающихся въ этомъ собраніи. Однимъ словомъ, оба эти ученые по своимъ заслугамъ, по своей любви къ наукамъ и, наконецъ, по даровитости были таковы, что ими смѣло могла гордиться всякая европейская Академія, гдѣ они были бы лучшимъ украшеніемъ. Между тѣмъ все это не мѣшало академическому начальству при жизни Гмелина и Мюллера именно съ ними обходиться наиболѣе грубо; ихъ всего чаще преслѣдовать разными канцелярскими придирками и даже подвергать взысканіямъ и наказаніямъ, въ особенности Мюллера.

Время президентства графа К. Разумовскаго замѣчательно для нашей Академіи въ томъ отношеніи, что тогда начали впервые появляться академики изъ русскихъ. Такимъ образомъ, кромѣ Ломоносова и Тредіаковскаго, встрѣчаемъ тамъ академиками и адъюнктами: Крашенинникова, Никиту Попова, Котельникова, Румовскаго, Софронова, Красильникова, Козицкаго, Мотониса. Будетъ ошибочно думать, чтобы эти лица возведеніемъ ихъ въ ученыя званія были обязаны особливой заботливости тогдашняго академическаго начальства. Напротивъ того оба распорядители Академіею Шумахеръ и

Таубертъ неблагосклонно смотрѣли на проникновеніе русскаго элемента въ ученое общество. Первый изъ нихъ говаривалъ: „я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры“. А Таубертъ сознавался: „развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ-де намъ въ тягость!...“ [1]) Однако Шумахеръ и Таубертъ знали очень твердо, что императрица Елисавета при всякомъ удобномъ случаѣ выказывала особенное расположеніе ко всему родному и что ея національному самолюбію было пріятно, когда ей говорили, что въ царствованіе ея умножалось просвѣщеніе въ Россіи, что русскіе дѣлаютъ успѣхи въ наукахъ и литературѣ. Только такимъ направленіемъ самой императрицы и слѣдуетъ объяснять, что въ Академіи наукъ при жизни этой государыни допускалось отъ времени до времени возведеніе въ ученыя званія лицъ, подобныхъ вышеназваннымъ.

При воспоминаніи первыхъ ученыхъ изъ природныхъ русскихъ, нельзя не сознаться, что ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ достигнуть знаменитости въ ученомъ свѣтѣ и не оставилъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ наукахъ, которымъ себя посвящалъ. Не смотря на это, въ исторіи русскаго просвѣщенія первымъ ученымъ изъ русскихъ безъ сомнѣнія принадлежатъ самыя почетныя мѣста, хотя до сихъ поръ о нихъ почти вовсе проходили молчаніемъ, такъ какъ у насъ, къ сожалѣнію, все болѣе въ ходу то желчныя выходки, то меланхолическія жалобы противъ нѣмцевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мало охоты къ настойчивымъ и пристальнымъ работамъ для разъясненія нашего прошедшаго. Нѣтъ ничего страннаго, ни оскорбительнаго для народнаго самолюбія въ томъ, что въ странѣ, гдѣ не только просвѣщеніе, но и грамотность была развита въ самой ничтожной степени, не явилось при первомъ востребованіи нѣсколькихъ десятковъ первоклассныхъ ученыхъ. Русскому, который рѣшался посвятить себя наукамъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, предстояло побѣдить множество самыхъ разнород-

---

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 443.

ныхъ преградъ и препятствій. Одно изученіе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, безъ которыхъ тогда, какъ и теперь, немыслимо для русскаго основательное усвоеніе какой бы то ни было науки, это изученіе языковъ, при отсутствіи учебныхъ руководствъ и самыхъ первоначальныхъ пособій, стоило многихъ лѣтъ жизни. За тѣмъ слѣдовали занятія науками, что также было не легко, такъ какъ при томъ требовалось добывать изъ чужихъ краевъ всѣ выходящія новыя книги и періодическія изданія, чтобы слѣдить за открытіями, изобрѣтеніями и новостями, а все это доходило до Петербурга весьма поздо, по причинѣ прежней медленности въ сообщеніяхъ съ центрами европейской образованности, а иногда вовсе оставалось неизвѣстнымъ въ Россіи по недостатку сношеній. Положимъ, наконецъ, что русскому ученому удалось побѣдить всѣ подобныя трудности, и онъ овладѣлъ на столько наукою, что могъ стоять на современномъ уровнѣ ея и въ состояніи былъ самъ писать ученыя сочиненія. Но и здѣсь для него встрѣчаются новыя тернія: чтобы имѣть читателей своему ученому труду, и пріобрѣсти себѣ извѣстность, ему необходимо было писать на иностранныхъ языкахъ, которые, какъ бы ни хорошо зналъ онъ ихъ, все таки ему чужіе и на нихъ гораздо труднѣе излагать свои мысли, чѣмъ на отечественномъ. При такомъ положеніи дѣла не слѣдуетъ еще забывать и того важнаго обстоятельства, что въ жизни ученаго не можетъ не имѣть значительной доли вліянія равнодушіе и даже пренебреженіе общества, въ которомъ принужденъ онъ вращаться. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли сѣтовать на то, что изъ русскихъ ученыхъ въ XVIII столѣтіи не было много европейскихъ знаменитостей, когда, начиная съ высшихъ слоевъ русскаго общества и кончая низшими, по всюду въ Россіи на ученыхъ и ученость смотрѣли не только равнодушно, но даже неблагосклонно? Извѣстно, что вообще невѣжество или не любитъ, или боится того, что выше его пониманія. Когда президентами Академіи бывали люди, пользовавшіеся значеніемъ при дворѣ, то ни сенатъ, ни коллегіи не рѣшались придираться къ ученому учрежденію; но едва оно оставалось безъ президента, то подъячіе наперерывъ

спѣшили показать ученымъ, каковы были ихъ сила и значеніе и какъ мало ихъ заботили успѣхи наукъ и т. п. Тогда-то начинались цензурныя придирки и требованія съ приправою угрозъ и подтвержденій. Духовенство, которое было все таки грамотнѣе толпы и, стало быть, могло лучше понимать пользу отъ знаній, первое поднимало вопли противъ безбожія, будто бы разсѣеваемаго въ академическихъ изданіяхъ, въ которыхъ въ дѣйствительности ничего не было кромѣ изложенія научныхъ истинъ. Какое значеніе имѣло все это въ тогдашнія времена, то доказываетъ, что Ломоносовъ въ 1759 г. въ числѣ преимуществъ академическаго университета полагалъ помѣстить: „духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“ [1]). Послѣднее слышалось и въ обыкновенныхъ разговорахъ. Такъ, напр., въ 1749 г. священникъ при церкви св. Сампсонія въ Петербургѣ, Симеонъ Лукинъ, узнавъ, что вмѣстѣ съ нимъ въ гостяхъ находились академическіе граверы и вообразивъ, что и они принадлежатъ къ ученому сословію, долгомъ счелъ говорить: „я-де ученыхъ людей вездѣ не люблю на смерть: старанія-де и труды изъ такихъ людей происходятъ больше ничего, какъ пустые враки!“ [2]) Послѣ этого въ простомъ народѣ и особенно у раскольниковъ, у которыхъ невѣжество возведено въ религіозный догматъ, конечно, нельзя было ученымъ ожидать сочувствія. Одинъ изъ раскольниковъ, укоряя Петра Великаго за грѣховныя нововведенія, между прочимъ не забылъ упомянуть и слѣдующаго: „и учинилъ по еретическимъ книгамъ школы маѳематическія и академіи богомерзкихъ наукъ, въ которыхъ уставилъ отъ звѣздочетія по-годно печатать зловѣрующіе календари. И по нихъ и паче привели русскій народъ въ планеты и въ прочіе знаки, яко въ Бога, вѣровати, понеже что въ нихъ напечатано того всякъ и смотритъ и впредь тому вѣруютъ быти, а на Бога имѣти, въ томъ упованіе свое отложили....“ [3]).

1) См. въ настоящемъ томѣ, стр. 671.
2) II, книга № 126.
3) Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ (IX т. Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности), стр. 120.

Кромѣ появленія въ средѣ академиковъ русскихъ людей, во времена императрицы Елисаветы въ дѣятельности по Академіи замѣтна была одна особенность — это поощреніе и размноженіе изданій русскихъ переводныхъ книгъ не ученаго содержанія; но предназначавшихся для легкаго чтенія, какъ то: романовъ, повѣстей, сказокъ и т.п. Число подобныхъ изданій такъ умножилось впослѣдствіи, что при Академіи учредилась отдѣльная типографія, называвшаяся новой въ отличіе отъ первоначальной, изъ которой выходили преимущественно изданія ученаго содержанія. При основаніи новой типографіи именно имѣлось въ виду „умножить въ оной печатаніе книгъ какъ для удовольствія народнаго, такъ и для прибыли казенной", почему она для менѣе взыскательныхъ читателей печатала въ огромномъ количествѣ экземпляровъ: Синопсисъ, Троянскую исторію, Повѣсть о разореніи града Іерусалима. Чтобы удовлетворить вкусамъ болѣе прихотливыхъ читателей, тамъ издавались переводы въ родѣ: Жилблаза, Исторіи о Кирѣ младшимъ, Басенъ Пильпая, Бакалавра саламанкскаго и пр. Подобныхъ произведеній нельзя было ожидать отъ пера академиковъ, а потому пришлось обращаться къ постороннимъ лицамъ. Послѣднія сначала уступали рукописи за небольшое количество печатныхъ экземпляровъ своихъ трудовъ; потомъ они стали требовать денежнаго вознагражденія, а подъ конецъ встрѣчались уже примѣры платы переводчикамъ по уговору съ печатнаго листа. Между лицами, входившими въ подобныя сдѣлки съ академическою канцеляріею, встрѣчаются имена Фонъ Визина, Лукина, А. Нартова и др. Такимъ образомъ здѣсь впервые возникали вопросы о литературной собственности и вознагражденіи за умственный трудъ въ Россіи [1]).

Бо́льшая часть переводчиковъ, являвшихся въ академическую канцелярію съ переводами для изданія, были бывшіе воспитанники академическихъ университета и гимназіи, или же лица, служившія при Академіи наукъ. Особенное расширеніе

1) Образцы шрифтовъ типографіи и словолитни императорской Академіи наукъ (Спб., 1870 г.). Историческая записка: Академическая типографія въ старину и нынѣ, стр. XIV и XV.

тамъ издательской дѣятельности и при томъ для такихъ сочиненій, которыя не соотвѣтствовали назначенію ученаго общества, сдѣлалось первоначально также вслѣдствіе воли, выраженной императрицею Елисаветою. 27 января 1748 года, графъ Разумовскій, во время присутствія въ академической канцеляріи, „объявилъ именный ея императорскаго величества изустный указъ, коимъ всемилостивѣйше повелѣно стараться при Академіи переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“ 1). Для выполненія этого порученія въ академической канцеляріи былъ составленъ, а потомъ напечатанъ такой вызовъ въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1748 г. № 10, стр. 78, 79: „понеже многіе изъ россійскихъ какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ, того ради по указу ея императорскаго величества канцелярія Академіи наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, италъянскаго, англійскаго или съ другихъ какихъ языковъ, тѣ бъ явились въ канцеляріи Академіи наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ буде найдется ихъ искусство къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу. А какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ на чисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги.“

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что русскія изданія при Академіи наукъ временъ императрицы Елисаветы расходились довольно бойко и обращали на себя вниманіе даже лицъ изъ такихъ сословій, которыя тогда еще не получали большаго образованія. Въ доказательство можно указать на нѣкоего Петра Дементьева, удалившагося изъ Россіи въ Польшу, а потомъ неизвѣстно

---

1) II, книга № 113.

какъ попавшаго въ Лондонъ. 3 октября 1753 г. онъ писалъ оттуда въ Петербургъ къ купцу Василью Коржавину: „Я вамъ весьма благодарю, что благодѣянія ваша еще ко мнѣ являются и человѣколюбіе милостію каплетъ — книжку мою не задержали. Только тѣмъ я несчастливъ, что по обѣщанію вашему не благоволилъ ко мнѣ прислать роспись, какія нынѣ при Академіи продаются книги. Прошу впредь, какъ возможно, безъ всякаго продолженія, не презри и увѣдомь: сочиненія Махайла Ломоносова, Грамматика, Ораторія, Поэзія и Прибавленіе къ реторикѣ, Григорія Теплова Логика, Лексиконъ на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, по какой цѣнѣ продаются? И какія еще новоизданныя или переводныя книги напечатаны, пожалуй увѣдомь меня? А я вамъ, моему благодѣтелю, ежели что до меня позовется, только чтобъ мнѣ было возможно, со усердіемъ буду служить...“ [1]).

Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Елисаветы произошли перемѣны въ личномъ составѣ по управденію Академіею наукъ. Одряхлѣвшаго Шумахера замѣнилъ — по мѣткому выраженію Ломоносова — „зять его, и имѣнія, и дѣлъ и чуть не Академіи наслѣдникъ“, однимъ словомъ Таубертъ [2]). Другимъ членомъ канцеляріи былъ назначенъ академикъ Штелинъ, который, какъ говорилъ Ломоносовъ же, „за художества стоялъ больше, нежели за науки“ [3]). Наконецъ третьимъ членомъ академической канцеляріи графъ Разумовскій опредѣлилъ Ломоносова.

При той непримиримой враждѣ, которую уже много лѣтъ питали другъ къ другу Таубертъ и Ломоносовъ, трудно было ожидать, чтобы засѣданія въ канцеляріи, послѣ назначенія туда этихъ лицъ, могли отличаться мирнымъ характеромъ, а постановленія ея — особеннымъ единодушіемъ. И дѣйствительно въ

---

1) Историческія бумаги К. И. Арсеньева (IX т. Сборника русскаго отдѣленія Академіи наукъ), 409.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 443. Жизнеописаніе Тауберта въ Исторіи Академіи наукъ, I, 635—670.

3) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, 070. Жизнеописаніе Штелина въ Исторіи Академіи наукъ, I, 538—567.

этомъ присутственномъ мѣстѣ съ обновленнымъ составомъ членовъ воцарились непрерывные споры и запальчивыя пререканія. Достаточно было одному предложить какую либо мѣру, чтобы другой непремѣнно возсталъ противъ нея и постарался всѣми силами противодѣйствовать ея осуществленію. При такомъ распорядкѣ дѣла не могли идти удачно. Нельзя также не замѣтить, что Ломоносовъ, часто жаловавшійся до поступленія своего въ канцелярію, на деспотизмъ ея, когда достигнулъ званія члена ея, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Таубертъ. При томъ знаменитый академикъ, въ запальчивости и раздраженіи, не рѣдко увлекался чувствами личной непріязни. Впрочемъ, не смотря на страстность Ломоносова и выдававшійся даже и въ тѣ суровыя времена крутой нравъ его, безпристрастный изслѣдователь все таки не въ состояніи будетъ отказать ему въ своемъ сочувствіи, потому что во всѣхъ дѣйствіяхъ Ломоносова проглядывало чрезвычайно много благороднаго, возвышеннаго и геніальнаго. Напротивъ того Таубертъ былъ не что иное, какъ посредственность, которую не трудно найти во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Получивъ свѣтское образованіе и обладая искательнымъ и угодительнымъ характеромъ, этотъ академическій совѣтникъ держалъ себя всегда благопристойно и съ достоинствомъ, обладалъ въ высшей степени умѣньемъ вкрадываться въ милость къ знатнымъ и пользоваться ихъ расположеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ мелкій честолюбецъ и великій интриганъ, любившій дѣйствовать окольными путями и притомъ всегда въ видахъ наибольшаго извлеченія пользы и прибытка собственно для себя. Императрица Екатерина II хорошо знала это и, не стѣсняясь, прямо называла его въ своихъ резолюціяхъ казнокрадомъ [1]). Въ этомъ отношеніи память Ломоносова чиста отъ всякаго нарѣканія. Онъ отличался безкорыстіемъ и честностью. Его прямая душа гнушалась канцелярскихъ каверзъ и всякаго крючкотворства. Всѣ его поступки какъ ученаго и администратора проникнуты

1) Исторія Академіи наукъ, I, 665.

были неподдѣльною любовью къ родинѣ; помыслы и желанія его были направлены къ прославленію Россіи и русскихъ и къ возбужденію уваженія къ нимъ въ Европѣ. Вотъ почему имя Ломоносова, независимо отъ его огромныхъ заслугъ русскому языку и литературѣ, такъ дорого для русскихъ, и вотъ гдѣ слѣдуетъ искать причины тому, что еще недавно вся Россія спѣшила торжественно почтить память Ломоносова въ день столѣтней годовщины его кончины.

Петръ III, по вступленіи на престолъ, наслышавшись объ академическихъ распорядкахъ отъ бывшаго своего наставника, ак. Штелина, говаривалъ ему: „Я очень хорошо знаю, что и въ вашу Академію закралось много злоупотребленій и безпорядковъ. Ты видишь, что я занятъ теперь болѣе важными дѣлами, но, какъ только съ ними управлюсь, уничтожу всѣ безпорядки и поставлю ее на лучшую ногу“ 1). Впрочемъ царствованіе этого государя было такъ кратковременно, что для Академіи наукъ оно осталось памятнымъ только тѣмъ, что тогда отъ придворной конторы часто присылались въ академическую типографію заказы разныхъ входныхъ билетовъ и программъ для празднествъ при дворѣ. Кромѣ того, начали было печатать голштинскій уставъ, но послѣ кончины императора эта работа была оставлена 2).

Первые годы по вступленіи на престолъ Екатерины II положеніе дѣлъ въ Академіи не измѣнялось. Графъ К. Разумовскій продолжалъ давать рѣшенія то въ угоду Тауберта, то Ломоно-

1) Чт. въ Об. Ист. и Др. 1866, кн. IV. *Зап. Штелина.*

2) Въ академическихъ дѣлахъ описываемой эпохи встрѣчается имя, которое невозможно обойти молчаніемъ. Въ октябрѣ 1762 г., въ канцеляріи составлена вѣдомость иностраннымъ книгамъ, забраннымъ въ долгъ изъ академической книжной лавки «контессою Елисаветою Романовною Воронцовою». Онѣ по бо́льшей части состояли въ французскихъ сочиненіяхъ, бывшихъ тогда въ модѣ и почти всегда соблазнительнаго содержанія. Такъ въ помянутой вѣдомости можно найти: Amusemens des dames, Galanteries des rois de France, Galanterie d'une religieuse, Recueil de frivolités, Avis aux jeunes gens, Académie universelle des yeux, Maquerelle de Londres и мн. т. п. Отецъ гр. Воронцовой, Романъ Ларіоновичъ, отказался уплатить въ Академію слѣдующіе съ дочери его 222 руб. 22 коп.; сестра же ея, извѣстная кн. Дашкова, объявила, что она, «не зная точно, на такую-ль сумму забрано, безъ справки съ своею сестрою платить не будетъ; а по справкѣ, сколько можно будетъ, уплатить не отречется». Взысканы-ли потомъ деньги эти, изъ дѣла не видно. (II, книга № 271).

сова, смотря потому которому изъ нихъ первому удавалось доложить президенту о дѣлѣ съ своей точки зрѣнія. Схватки и препирательства двухъ враждовавшихъ между собою академическихъ совѣтниковъ и взаимные ихъ отказы подписывать канцелярскія опредѣленія другъ друга—все это имѣло мѣсто и при новой государынѣ. Она въ это время видимо была отвлечена другими, болѣе важными государственными заботами. Впрочемъ уже и тогда эта благосклонная къ наукамъ и литературѣ императрица не упускала случая выразить особливое вниманіе свое къ ученому обществу. Первое торжественное засѣданіе Академіи, послѣ воцаренія Екатерины II, именно 2 іюля 1763 г., она почтила своимъ присутствіемъ. Въ этотъ день, въ 11-мъ часу утра государыня, въ сопровожденіи наслѣдника престола и множества придворныхъ дамъ и кавалеровъ, прибыла въ Академію наукъ. Эпинусъ и Цейгеръ произносили рѣчи: первый—о воздушныхъ явленіяхъ и о способахъ къ приведенію въ бóльшее совершенство этого отдѣла натуральной исторіи; второй — о стеклахъ, различно преломляющихъ свѣтъ. При этомъ замѣчательно было то, что оба ученые читали свои рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, вопреки елисаветинскаго академическаго устава, въ силу котораго, какъ видѣли выше, официальными языками для ученаго общества признавались только языки латинскій и русскій. Съ той поры нѣмецкій языкъ сталъ мало по малу вытѣснять изъ академическихъ изданій и рѣчей латинскій и наконецъ сдѣлался тамъ господствующихъ.

Возвращаясь къ торжественному собранію, которое почтили императрица и наслѣдникъ престола своимъ присутствіемъ, я долженъ упомянуть, что послѣ Эпинуса и Цейгера читалъ академикъ Румовскій на русскомъ языкѣ Исторію о началѣ и приращеніи оптики. „По прочтеніи упомянутыхъ рѣчей, сказано въ современномъ извѣстіи объ этомъ засѣданіи, секретарь Академіи г. профессоръ Мюллеръ, приступя къ мѣсту ея императорскаго величества съ прочими академическими членами, всеподданнѣйше поднесъ великой покровительницѣ и любительницѣ наукъ осьмую часть Новыхъ Комментаріевъ, или академическихъ ученыхъ разсужденій, яко вышедшій нынѣ

изъ печати плодъ трудовъ сего собранія; а притомъ и тѣ сочиненія иностранныхъ ученыхъ, которыя въ прошломъ году отъ Академіи удостоены награжденія. Послѣ сего ея императорское величество, обнадежа Академію всегдашнимъ своимъ высочайшимъ покровительствомъ, всемилостивѣйше соизволила всѣхъ оныя членовъ къ рукѣ жаловать. И какъ ея императорское величество высочайше указать соизволила жаланіе видѣть опыты упомянутыхъ профессоромъ Цейгеромъ въ его рѣчи новыхъ изобрѣтеній къ поправленію зрительныхъ трубъ, то ея величеству всеподданнѣйше представлены были отъ онаго г. Цейгера Доландовымъ манеромъ изъ здѣшняго стекла составленныя призмы, которыя, въ сравненіи съ англійскими, то же самое дѣйствіе имѣютъ; также и сдѣланную на сихъ основаніяхъ Доландомъ зрительную трубу и другую простую такой же величины. Ея императорское величество о всемъ вышеписанномъ соизволила оказать высочайшее свое удовольствіе и, препроводя болѣе полутора часа въ Академіи, съ его императорскимъ высочествомъ въ прежней свитѣ возвратилась въ лѣтній дворецъ. На другой день поутру собравшіеся ко двору члены Академіи, будучи представлены ея императорскому величеству, принесли ея величеству за оказанную къ нимъ вчерашняго числа отмѣнную высочайшую милость всеподданнѣйшія свои благодаренія и притомъ подали говоренныя того дня рѣчи. Ея императорское величество, всемилостивѣйше принявъ оныя рѣчи, паки высочайшею своею императорскою милостію Академію обнадежить и членовъ ея къ рукѣ допустить соизволила“ [1]).

Послѣ кончины Ломоносова (4 апрѣля 1765 г.) Таубертъ остался одинъ властителемъ Академіи и, по признанію почитателя его А. Л. Шлецера, распоряжался тамъ деспотически. Wer etwas bei ihm suchte, беззастѣнчиво прибавляетъ къ тому этотъ знаменитый германскій писатель, wähnte sich nur an mich wenden zu dürfen [2]). Впрочемъ это продолжалось недолго.

1) С. Петербургскія вѣдомости 1763 года, № 53.

2) A. L. Schlözers öffent. und Privatleben, vollständig beschrieben von Chr. von Schlözer, Leipzig, 1828, I, 114.

Екатерина II, выведенная изъ терпѣнія продѣлками Тауберта [1]), 5 октября 1766 г. назначила директоромъ Академіи графа Владиміра Григорьевича Орлова. 30 октября того же года была учреждена особая коммиссія изъ академиковъ для управленія академическими дѣлами. Нелюбимая академическая канцелярія рушилась, а съ нею палъ и наслѣдникъ Шумахера — Таубертъ. Нѣсколько времени спустя, онъ умеръ забытый прежде всего тѣми, которые пресмыкались передъ нимъ въ ожиданіи отъ него удобныхъ казенныхъ квартиръ, добавочныхъ окладовъ и прочихъ милостей [2]).

1) Исторія Академіи наукъ, I, 665—668.

2) Als er (Таубортъ) fiel, lernte ich, разсказываетъ А. Л. Шлецеръ, eine Menge Nichtswürdiger kennen, die vorhin vor ihm gekrochen waren, nun aber ihn gäntzlich vernachlässigten, ihn gar verlästerten (A. L. von Schlözers öffent. und Privatleben, vollständig beschrieben von Chr. von Schlözer, Leipzig, 1828, I, 114).

ТРЕДІАКОВСКІЙ, Василій Кириловичъ, академикъ по каѳедрѣ краснорѣчія.

Первая оцѣнка его произведеній помѣщена въ 1768 въ лейпцигскомъ журналѣ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste въ статьѣ Nachricht von einigen russischen Schriftstellern nebst einem kurzen Berichte vom russischen Teater. Эта статья перепечатывалась потомъ нѣсколько разъ во французскомъ и русскомъ переводахъ и въ послѣдній разъ издана на всѣхъ трехъ языкахъ г. Ефремовымъ въ его Матеріалахъ для исторіи русской литературы (Спб., 1867), 129—160. Краткая біографія и перечень произведеній Тредіаковскаго—въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Новикова (Спб., 1772), 217—225. Та же біографія съ нѣкоторыми незначительными добавками и перемѣнами—при изданной въ Москвѣ 1775 г. трагедіи Тредіаковскаго «Деидамія». Извѣстіе, помѣщенное о немъ Бантышъ-Каменскимъ въ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли (Москва, 1836), V, 146—150, не заключая въ себѣ ничего новаго послѣ выше названныхъ біографій, содержитъ нѣсколько промаховъ. Болѣе пространная біографія Тредіаковскаго въ первый разъ появилась въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (Москва, 1845), II 210—225. Перевлѣсскій въ изданіи своемъ «Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго» (Москва, 1849), въ началѣ помѣстилъ его жизнеописаніе, куда вошли и нѣкоторыя свѣдѣнія, не встрѣчавшіяся въ прежнихъ біографіяхъ Тредіаковскаго, а также довольно обстоятельная оцѣнка его трудовъ, что и составляетъ заслугу Перевлѣсскаго; но послѣ 1849 года напечатано много новыхъ матеріаловъ объ этомъ писателѣ, почему свѣдѣнія Перевлѣсскаго не имѣютъ уже большой цѣны, тѣмъ болѣе, что онъ допустилъ, для приданія занимательности разсказу, разныя прикрасы и даже невѣрности въ подробностяхъ: такъ, напр., произвелъ гр. Остермана въ президенты Академіи наукъ, когда онъ имъ никогда не былъ; или что Тредіаковскій, до отъѣзда за границу, учился въ академической гимназіи и т. п. Въ Сѣверномъ обозрѣніи 1849 г., т. II, помѣщено начало изслѣдованія Введенскаго, подъ заглавіемъ: Тредіаковскій (Матеріалы для исторіи русской литературы, стр. 428—452). Это изслѣдованіе любопытно по тому особенно, что авторъ его является горячимъ защитникомъ Тредіаковскаго

противъ глумленій надъ нимъ потомковъ. Оцѣнка Тредіаковскаго, по отношенію къ современному ему обществу, въ статьѣ В. Варенцова: «Тредіаковскій и характеръ нашей общественной жизни въ первой половинѣ XVIII столѣтія», Московскія Вѣдомости 1860 года, №№ 36 и 37. Въ 1865 году вышелъ въ свѣтъ Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ г. А. Куника, въ двухъ частяхъ, въ которыхъ въ первый разъ весьма обстоятельно объяснена дѣятельность Тредіаковскаго по введенію имъ въ русскую литературу тоническаго стихотворнаго размѣра, и сообщены свѣдѣнія объ отношеніяхъ его къ Ломоносову по поводу этого размѣра. Здѣсь же перепечатано нѣсколько произведеній Тредіаковскаго, которыя уже давно составляли библіографическую рѣдкость, и одна критическая статья его, бывшая до того времени въ рукописи. Есть также новыя подробности о Тредіаковскомъ въ собранныхъ Билярскимъ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), см. указатель, и въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, прил. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (см. тамъ же указатель именъ). Прочія свѣдѣнія о Тредіаковскомъ, разбросанныя въ разныхъ журналахъ, указаны въ ссылкахъ при настоящемъ жизнеописаніи. Послѣднею статьею о Тредіаковскомъ въ наше время можно считать напечатанную въ Голосѣ 1869 г., № 215, въ день столѣтней годовщины со времени смерти Тредіаковскаго, подъ заглавіемъ «Воспоминаніе о В. К. Тредіаковскомъ». Оно составлено почти все по матеріаламъ Перевлѣсскаго и г. Куника, со включеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ перваго изъ нихъ и болѣе или менѣе игривыхъ выходокъ противъ Академіи наукъ.

Астрахань въ началѣ прошлаго столѣтія, по своему уединенному положенію, была городомъ, далеко непохожимъ на прочіе русскіе города: „отъ Саратова до Астрахани, писалъ въ сенатъ Артемій Волынскій въ 1719 году, между городовъ по двѣсти и по триста верстъ жила никакого нѣтъ...“ Вслѣдствіе этого калмыки и кубанцы безъ страха грабили и полонили попадавшихся имъ купцевъ и промышленниковъ. Даже подъ самымъ городомъ было небезопасно, и тотъ же Волынскій предлагалъ: „противъ Астрахани построить на другой сторонѣ траншементъ и держать по одной ротѣ солдатъ и по нѣскольку драгунъ для разъѣздовъ, понеже тамо непрестаннно набѣгаютъ кубанцы, а иногда и нагайцы“ и проч. [1]). Несмотря однако на такія неудобства, Астрахань привлекала къ себѣ и торговый людъ и разныхъ искателей счастья своимъ привольемъ, деше-

1) Москвитянинъ 1854 года, т. IV, № 13, матеріалы, 29.

визною и легкостью добывать тамъ средства къ существованію[1]), такъ-что въ этотъ городъ изстари стремились бухарцы, татары, грузинцы, греки, персіяне и въ особенности армяне, которые получали здѣсь отъ правительства разныя льготы въ видахъ разширенія торговыхъ сношеній съ востокомъ[2]). Въ началѣ XVIII столѣтія, католическіе монахи капуцинскаго ордена пробрались въ Астрахань вслѣдъ за армянами, которыхъ обращали они въ католичество[3]). Въ 1720 году, капуцинъ патеръ Антоній построилъ тамъ, съ дозволенія тогдашняго губернатора Волынскаго, деревянную церковь въ армянской слободѣ beatae virginis Mariae[4]). На этого патера уже въ 1722 году астраханскій епископъ Іоакимъ доносилъ, что онъ прибылъ въ Астрахань изъ Персіи безъ паспорта; построилъ костелъ съ разрѣшенія губернатора „и чинитъ христіанамъ многія противности[5])“. Впрочемъ и послѣ того католическіе духовные увѣряли русское правительство, что поселились въ Астрахани для исправленія требъ между жившими тамъ католиками; между тѣмъ въ дѣйствительности не пренебрегали, по обычаю католическаго духовенства, заниматься и воспитаніемъ юношества не только изъ своихъ единовѣрцевъ, но и другихъ исповѣданій. Подтвержденіе тому находимъ въ автобіографическомъ извѣстіи Тредіаковскаго[6]). Онъ родился въ Астрахани 22 Февраля 1703 года и о пребываніи своемъ тамъ разсказываетъ такъ: „Дѣдъ и отецъ мой были священники. Я именованный учившись, по желанію моего, покойнаго нынѣ, родителя, сло-

1) I. I. Strauszens Denkwürdige Reysen durch Italien, Griechenland, Lifland, Moscau, Tartarey... angefangen Anno 1647 und vollbracht 1673... (Amsterdam, 1678), 100, 101.

2) Полное собраніе законовъ, VII № 4304.

3) Le catholicisme romain en Russie, par M. le Comte Dmitry Tolstoy (Paris, 1863), I, 135, 166.

4) Русская рѣчь 1861 г, № 91, Капуцины и іезуиты въ Астрахани, г. К. Сторожевскаго.

5) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. правительствующаго синода I, 758.

6) Долгомъ считаю предупредить, что во всѣхъ помѣщенныхъ въ настоящемъ жизнеописаніи выпискахъ изъ собственноручныхъ рукописей, а также изъ сочиненій, изданныхъ при жизни Тредіаковскаго, соблюдено его правописаніе, котораго, впрочемъ, онъ самъ не держался строго, такъ что по временамъ въ его собственныхъ писаніяхъ встрѣчаются значительныя отмѣны.

весны[м] наукамъ на латінскомъ языкѣ, еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, въ Астрахани, гдѣ моя́ и ро́дина, у Римскихъ живущи[х] та[м] Монаховъ, а по охотѣ моей къ ученію, оставилъ приро[д]ный городъ, домъ, и родителей, и убѣжалъ въ Москву....“[1]). Это показаніе самого Тредіаковскаго до сихъ поръ было единственнымъ свѣдѣніемъ о его пребываніи въ Астрахани[2]). Между тѣмъ о томъ сохранились еще подробности современника его Мюллера, который говоритъ: „Отецъ Тредіаковскаго предназначалъ его къ духовному званію, и такъ-какъ сынъ былъ еще холостъ, то онъ намѣревался женить его противъ его воли. По этому Тредіаковскій, за день до свадьбы, бѣжалъ, и, не знаю какимъ образомъ, попалъ въ Голландію. По всѣмъ вѣроятіямъ, капуцины въ Астрахани, у которыхъ онъ учился, способствовали ему въ побѣгѣ. Это обстоятельство Тредіаковскій тща-

---

1) Записки Академіи Наукъ, VII, приложеніе № 4. Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи Наукъ, 30. Тоже самое писалъ Тредіаковскій въ 1743 г. въ прошеніи своемъ въ Академію Наукъ; только вм. «убѣжалъ» въ Москву стоитъ «оставилъ» Астрахань. Москвитянинъ 1851 года, № 11, кн. 1, стр. 227 и 1853 г., № 15, историческіе матеріалы, 31.

2) Въ 1722 г., слѣдовательно въ то время, какъ Тредіаковскій могъ быть въ Астрахани, этотъ городъ посѣтилъ проѣздомъ въ персидскій походъ Петръ Великій. Это обстоятельство подало поводъ къ сочиненію анекдота, что будто императоръ, зайдя въ школу, въ которой учился и Тредіаковскій, сказалъ, поглядя на него: «вѣчный труженикъ, и мастеромъ никогда не будешь». Извѣстно, что въ настоящее время бо́льшая часть анекдотовъ, которые выдавали за достовѣрные даже современники великаго государя, оказываются выдуманными и небывалыми. Можно причислить и сейчасъ разсказанный анекдотъ къ тому же разряду, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не найдется болѣе убѣдительнаго свидѣтельства въ его истинности. Замѣтимъ только, что въ первый разъ печатно разсказалъ его Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли, въ 1836 году (V, 146), прибавивъ притомъ, что Тредіаковскій упоминаетъ о семъ событіи въ своихъ Запискахъ, а о нихъ, кромѣ автора Словаря, никто не зналъ и не знаетъ до сихъ поръ, хотя вскорѣ послѣ кончины Тредіаковскаго были обнародованы обстоятельные списки какъ печатныхъ, такъ и ненапечатанныхъ его произведеній. Сомнительно, чтобы видѣлъ эти Записки авторъ Словаря: если даже допустить, что тамъ по опечаткѣ Тредіаковскій сдѣланъ уроженцемъ г. Архангельска, то все-таки въ Запискахъ послѣдняго должно было находиться по болѣе тѣхъ свѣдѣній, которыми воспользовался Бантышъ-Каменскій. Тредіаковскій въ каждомъ своемъ доношеніи и прошеніи разсказывалъ подробности о своей жизни, а потому не сталъ бы о нихъ умалчивать въ своихъ Запискахъ; между тѣмъ въ Словарѣ помѣщено менѣе свѣдѣній о Тредіаковскомъ чѣмъ у Новикова, писавшаго гораздо ранѣе Бантышъ-Каменскаго.

тельно старался скрывать, хотя онъ не дѣлалъ никакой тайны изъ прочихъ своихъ похожденій...."[1]). Въ этомъ извѣстіи невѣрность въ томъ, что Мюллеръ, писавшій свои воспоминанія нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ событія, думалъ, что Тредіаковскій попалъ изъ Астрахани прямо въ Голландію и что будто это случилось при пособіи капуциновъ.

Въ 1723 году, Тредіаковскій поступилъ въ славено-греко-латинскую Академію въ Москвѣ, (болѣе извѣстную тогда подъ названіемъ заиконоспасскаго училища по монастырю, въ которомъ оно находилось) прямо въ риторику, слѣдовательно, какъ ученикъ, уже достаточно подготовленный. Здѣсь онъ пробылъ до 1721 года. Любопытно что Тредіаковскій, впослѣдствіи отзывался съ нѣкоторымъ легкомысліемъ о бывшей своей alma mater. „Можетъ статься, писалъ онъ въ предисловіи къ своей Ѣздѣ въ островъ любви, что вы небудете доволны разумомъ моихъ виршеи: того ради, прошу, хотя оныхъ Риѳмы за благо принять, ибо они весма во всемъ прямыя русскія, въ чомъ я ссылаюсь на всѣхъ *Спасскаго моста*[2]) стихотворцевъ, даромъ что они не много мнѣ могутъ ползы учинить чрезъ свое освидѣтелствованіе въ мѣрѣ стопъ, въ количествѣ слоговъ, въ пресѣченіи, и въ родѣ стіховъ, для того что они излагая свои *рацеи* на тѣ правила не смотрятъ, а чтобъ *сказать* да *не солгать*, можетъ быть и не знаютъ...." Позднѣе, именно въ 1755 году, Тредіаковскій, говоря о введеніи у насъ польскаго стихотворнаго размѣра, замѣтилъ: „завелся и у насъ сей составъ Стіховъ, и завелся при Сімеонѣ точно По́лоцкомъ; а училищемъ пото́мъ Московскимъ въ Заіконоспасскомъ монастырѣ, называемомъ также, по Богословскому факультету, Академіею, и всеконечно уже́ оный утвердился...." При перечисленіи за тѣмъ всѣхъ, писавшихъ сказаннымъ размѣромъ, онъ прибавляетъ: „Не упоминаю и о моихъ двухъ Драмахъ, (да позволится сказать о себѣ не тщеславно) Язонѣ и Тітѣ Веспасіановѣ сынѣ, сочиненныхъ мною еще-въ-Студе́нствѣ моемъ, и прежде отбы-

1) Рукопись исторіографа Мюллера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 208.

2) Около этого моста помѣщалась въ описываемыя времена духовная Академія въ Москвѣ.

тія въ чужіи Краи представленныхъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, но въ путешествіяхъ моихъ пропадшихъ безвозвратно....“[1]). Кромѣ того, Тредіаковскій относитъ къ 1725 году, стало быть ко времени, предшествовавшему его отъѣзду за границу, сочиненіе своей Элегіи о смерти Петра Великаго, въ первый разъ напечатанной въ Ѣздѣ въ островъ любви и начинающейся:

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ахъ! знать Россія плачетъ въ многолюдствѣ гласно!
и т. д.

Впослѣдствіи времени, именно въ 1752 году, въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ и переводамъ, Тредіаковскій говоритъ (часть XXII): „Конецъ увѣнчáнъ плачемъ, нашимижъ стихами, о кончинѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, Самодержца Всероссійскаго, Отца Отечествія, сочиненнымъ, ужé тому дватцать седмь лѣтъ, но исправленнымъ, и послѣднимъ стараніемъ вычищеннымъ...[2]). Воспоминаніемъ Тредіаковскаго о пребываніи въ Москвѣ на канунѣ заграничнаго путешествія остались также его стихи, подъ заглавіемъ: Пѣсенка, которую я сочинилъ еще будучи въ Московскихъ школахъ на мой выѣздъ въ чужіе краи. Эти стихи, начинающіеся

Весна катитъ,
Зиму валитъ....

извѣстны еще со школьной скамьи всѣмъ насмѣшникамъ надъ поэзіею Тредіаковскаго. Изъ пѣсенки оказывается, что онъ отправлялся изъ Россіи за границу весною и при томъ моремъ,

конатъ рвется,
якарь бьется,
Знать кораблікъ понесется.

Причины, побудившія Тредіаковскаго отправиться за границу, онъ объяснилъ такъ въ прошеніи своемъ оттуда въ 1727 году: „Проходя мои науки въ Москвѣ въ Спасскомъ Заи-

1) Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія 1755 г. іюнь, О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ, 487, 491.

2) Этотъ Плачь дѣйствительно напечатанъ въ концѣ второй части Сочиненій и переводовъ Тредіаковскаго, стр. 323—330.

конномъ монастырѣ, при ректорѣ отцѣ архимандритѣ Вишневскомъ, превеликое я, нижеименованный, имѣлъ желаніе, чтобъ оныя окончить въ Европскихъ краяхъ, а особливо въ Парижѣ: для того, какъ всему свѣту извѣстно, что въ ономъ наиславнѣйшія находятся....“ Не такъ объясняло этотъ отъѣздъ начальство духовной Академіи: послѣ извѣстія, что Тредіаковскій „изъ оной Академіи бѣжалъ“, оно притомъ сочло долгомъ прибавить свое предположеніе такого рода: „знатно для того, что онъ, Тредіаковскій, къ побѣгу спасскаго училища монастыря іеродіакону Трифилію, который приличился въ кражѣ, написалъ воровской паспортъ....“[1]). Теперь, разумѣется, трудно провѣрить, въ какой мѣрѣ справедлива эта справка московской духовной Академіи, тѣмъ не менѣе однако, смыслъ ея значительно ослабляется, когда вспомнить, что тотъ же самый молодой человѣкъ, бывшій, по отзыву духовной Академіи бѣглецомъ и участникомъ въ довольно тяжкомъ преступленіи, жилъ за границею у русскихъ посланниковъ: сначала графа Ивана Головкина, а потомъ у князя Куракина, которые не стали бы держать у себя подозрительнаго человѣка. Потомъ менѣе чѣмъ черезъ годъ Тредіаковскій обращался въ синодъ съ просьбою о пособіи для продолженія изученія наукъ въ Парижѣ и, наконецъ, черезъ четыре года безбоязненно вернулся снова въ Россію.

„И въ началѣ 1726 года получилъ я, продолжаетъ Тредіаковскій, окказію выѣхать въ Голландію, а тамъ при полномочномъ министрѣ, его сіятельствѣ графѣ Иванѣ Гавриловичѣ Головкинѣ обрѣтаяся, обучился французскому языку. Нынѣ въ окончаніи 1727 года[2]), прибылъ я, по всегдашнему моему желанію, въ Парижъ, гдѣ уже въ такой бѣдности нахожусь, что не токмо не могу содержать себя успѣвая въ наукахъ, но и дневной пищи лишенъ бы былъ несомнѣнно, ежели бы его свѣтлость князь Александръ Борисовичь Куракинъ, почитай отеческою милостію сожалѣя, не принялъ меня къ себѣ въ домъ на время: ибо

1) Извѣстія Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, VIII, Замѣтка о В. К. Тредіаковскомъ, г. Чистовича, 157, 158.

2) Тредіаковскій это писалъ $^1/_{12}$ декабря 1727 года.

долго ему меня содержать за многолюдствомъ его доместиковъ невозможно. Но понеже, кончалъ Тредіаковскій свое прошеніе въ синодъ, въ моемъ намѣреніи никогда сего не было, чтобъ объѣзжая чужестранныя государства, только насыщать новинами юностную куріозность, нó чтобъ успѣвать въ наукахъ, къ которымъ я такую имѣю охоту....“ то по этимъ причинамъ просилъ синодъ: „опредѣлить мнѣ годовое жалованье, которымъ бы я могъ себя пропитать въ Парижѣ, также и науки мои богословскія и философскія привесть къ окончанію....“

Просьба Тредіаковскаго осталась неуваженною, потому что московская духовная Академія, выведя на справку, какъ уже было замѣчено выше, что проситель бѣжалъ изъ нея въ 1725 г., присовокупила, что онъ „въ Парижъ для высшихъ наукъ ни по какому указу изъ оной Академіи отправленъ не былъ“[1]).

Гораздо позднѣе, именно въ 1754 году, Тредіаковскій тоже повторилъ о своемъ заграничномъ путешествіи только съ нѣкоторыми подробностями: „По окончаніи Риторіки, нашелъ я способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ обучи^{л}ся Французскому языку. Оттуду, шедши пѣшъ за крайнею ужé своею бѣдностію, пришелъ въ Паріжъ, гдѣ въ Універсітетѣ, при щедромъ благодѣтелей мои^{х} меня содержаніи, обучался математически^{м} и філософскимъ Наукамъ, а богословски^{м} тамже въ Сорбонѣ; чему всему имѣлъ я письменное засвидѣтельствованіе, за рукою такъ называемаго Ректора Магнифіка Паріжскаго Універсітета, для того что я тамъ содержалъ публичныи діспуты, въ Мазарінской коллегіи; но писмен^{н}ый сей Атестатъ, въ бывшее пожарное приключеніе въ ко^{н}цѣ 1746 года здѣсь въ Санктпетербургѣ у меня згорѣлъ....“[2]). По свидѣтельству исторіографа Мюллера, Тредіаковскій, будучи въ Парижѣ, изучилъ французскій языкъ, который онъ зналъ лучше, нежели прочіе. „Онъ, прибавляетъ къ этому Мюллеръ, очень также хвалился, что въ

1) Извѣстія Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, VIII, Замѣтка о В. К. Тредіаковскомъ, г. Чистовича, 157, 158.

2) Записки Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 30.

парижскомъ университетѣ былъ слушателемъ знаменитаго Ролленя“ 1).

Благодѣтелями Тредіаковскаго въ Парижѣ были князья Борисъ и сынъ его Александръ Куракины. Посвящая послѣднему первое печатное произведеніе свое—переводъ Voyage à l'île d'Amour Тредіаковскій писалъ, что онъ беретъ смѣлость сдѣлать это „за высокую вашего сіятельства ко мнѣ милость, которую отечески въ чюжестранныхъ краяхъ изволили Вы мнѣ противу чаянія моего показать, и чрезъ нѣсколько лѣтъ на вашихъ денгахъ содержать... Правда, что немогъ я быть въ свѣтѣ безъ моего родителя; но немогъ я жіть въ томъ безъ вашихъ ко мнѣ щедротъ. Тому я благодаренъ за рожденіе; но вамъ, сіятельнѣйшій князь, за самое почитай воспитаніе не могу никогда быть доволно“....

Слушаніе ли лекцій въ Сорбоннѣ, или близость къ князю Куракину, или же, наконецъ, оба эти обстоятельства вмѣстѣ были причиною, что имя Тредіаковскаго встрѣчается замѣшаннымъ въ попыткѣ сорбонскихъ богослововъ о возсоединеніи русской православной Церкви съ католическою. Извѣстно, что попытка эта возникла еще въ 1717 году во время посѣщенія Петромъ Великимъ Сорбонны въ Парижѣ. Сорбонскіе богословы составили уже записку по этому предмету, на которую отвѣчали русскіе епископы, но далеко не въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалось сорбонскимъ ученымъ. Впрочемъ, это обстоятельство не охладило ихъ ревности, и въ 1726 году совращеніе въ католичество княгини Ирины Долгорукой возродило въ Сорбоннѣ вновь надежды осуществить планъ, предложенный Петру Великому. Для этого Сорбонна отправила при княгинѣ Долгоруковой священника изъ Аньера Жюбе, который перемѣнилъ свое имя, назвался Лакуромъ и обязывался въ Россіи хлопотать о соединеніи церквей. Одинъ изъ сорбонскихъ богослововъ Бурсье, который и обнародывалъ потомъ всѣ подробности объ этомъ дѣлѣ, вошелъ въ сношенія съ княземъ Куракинымъ, бывшимъ тогда русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и писалъ

1) Рукопись Zur Geschichte der Academie Wissenschaften zu S.-Petersburg, 208.

къ нему объ отправленіи Жюбе въ Россію. Князь отвѣчалъ на это, что у него въ Парижѣ есть довѣренное лицо — Тредіаковскій, обязанный согласоваться съ порученіями, которыя Бурсье ему будетъ давать. „Это, присовокуплялъ Куракинъ, единственное средство сдѣлать мнѣ пріятное, и я васъ прошу сдѣлать Тредіаковскому честь вашимъ порученіемъ“... Неизвѣстно, входилъ ли Бурсье въ какія либо сношенія по этому дѣлу съ Тредіаковскимъ, только всѣ хлопоты Сорбонны и на этотъ разъ остались тщетными, а Жюбе-Лакуръ былъ высланъ изъ Россіи въ 1732 году[1]).

Занятій стихотворствомъ, начатыхъ еще въ московскомъ училищѣ, Тредіаковскій не покидалъ и за границею. Памятникомъ пребыванія его въ Голландіи остались стихи „Описаніе грозы, бывшія въ Гагѣ“, гдѣ описывается это явленіе въ стихахъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Молніи сверкаютъ,
страхомъ поражаютъ,
трѣскъ въ лѣсу съ Перуна,
и темнѣетъ луна,
вихри бѣгутъ съ прахомъ....

Потомъ изображается страхъ отъ грозы въ людяхъ и животныхъ; есть наконецъ обращеніе къ солнцу снова сдѣлаться яснымъ, а къ вѣтрамъ — утишить свою лютость:

дни намъ нада красны,
пріятны и ясны[2]).

Пребываніе Тредіаковскаго въ Парижѣ совпадаетъ съ странною эпохою въ исторіи французскаго общества: оргіи и развратъ регентства прошли, но въ высшихъ слояхъ общества не могли скоро изгладиться слѣды всеобщей распущенности, и тамъ продолжали царствовать пустота и изумительное легкомысліе. Все было помѣшано на модахъ, странныхъ и вычурныхъ; какой нибудь куплетъ, пустой мадригалъ обращали на себя вниманіе толпы; натянутость и отсутствіе истины въ са-

1) Le catholicisme romain en Russie par M. le comte Dmitry Tolstoy, I, 164, 165; Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, 42; Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова (Спб., 1868), 25, 29.

2) Ѣзда въ островъ Любви (Спб., 1730), 205—207.

лонныхъ разговорахъ отражались и въ тогдашней литературѣ. Стоитъ просмотрѣть наиболѣе распространенный въ тогдашнемъ французскомъ обществѣ журналъ Mercure galant, переименованный потомъ въ Mercure français, чтобы убѣдиться, въ какихъ мелочахъ проходила въ тѣ времена жизнь въ высшихъ слояхъ этого общества. Впрочемъ тогда, какъ и теперь, въ свѣтской жизни было много наружнаго блеска и утонченности; громкія, заученныя фразы, разсчитанная любезность и принужденная вѣжливость — все это могло приниматься за чистую монету человѣкомъ новымъ и непривычнымъ, и онъ могъ находить это все превосходнымъ и изящнымъ. Любопытнѣе всего, что въ этомъ обществѣ, мыслившемъ, чувствовавшемъ и жившемъ какъ-бы нарочно на перекоръ природы и простоты, проявилось вдругъ стремленіе, также искусственное, къ сельской, патріархальной жизни, къ ея безукрашенной обстановкѣ. Маркизы въ фижмахъ и на высокихъ каблукахъ стали воображать себя пастушками, а въ любовникахъ своихъ видѣли пастушковъ непремѣнно съ свирѣлью и барашкомъ на розовой лентѣ и пр. Извѣстно, что такое пасторальное направленіе французскаго высшаго общества, отражавшееся не только въ литературѣ, но и въ искусствахъ той эпохи, доведено было до самыхъ смѣшныхъ крайностей.

Тредіаковскій — астраханскій поповичъ, недавній бурсакъ заиконоспасскаго училища, отличавшагося, какъ и всѣ тогдашнія учебныя заведенія въ Россіи, суровостью и грубостью нравовъ, Тредіаковскій, пріѣхавъ въ Парижъ и поселившись въ домѣ князя Куракина, пришелъ въ восторгъ, который вылился у него въ „Стихахъ похвальныхъ Парижу". Здѣсь онъ восхищается и умѣреннымъ климатомъ, и благоухающими цвѣтами, и нимфами поющими и играющими. Наконецъ, стихотворецъ восклицаетъ:

Красное мѣсто! драгои берегъ Сенски!
кто тя нелюбитъ? развѣ былъ духъ звѣрски!
А я не могу никогда забыти,
пока имѣю здѣсь на земли быти [1]).

---

1) Ѣзда въ островъ Любви (Спб., 1730), 181, 182.

Но, восхищаясь Парижемъ, Тредіаковскій все-таки мечталъ о дальней своей родинѣ: въ стихотвореніи „Стихи похвальныя Россіи“ онъ высказываетъ это чувство:

Начну на флейтѣ стихи печалны
зря на Россію чрезъ страны дальны:
Ибо всѣ днесь мнѣ ея доброты
мыслить умомъ есть много охоты.

Затѣмъ слѣдуетъ изчисленія достоинствъ Россіи-матери. Между прочимъ здѣсь говорится:

Твои всѣ люди суть православны
и храбростію повсюду славны;
Чада достойны таковой матп,
вездѣ готовы за тебя стати.
Чѣмъ ты, Россіа, неизобпльна?
гдѣ ты, Россіа, не была сильна?
и проч.

Воспѣвъ Парижъ, очаровывавшій еще недавно не одного Тредіаковскаго, и погрустивъ о далекой, суровой, но тѣмъ не менѣе привлекательной для русскаго родинѣ, Тредіаковскій, подъ вліяніемъ настроенія, въ которомъ находились извѣстные классы парижскаго общества, принялся за писаніе стиховъ, бывшихъ тогда въ большомъ ходу. Онъ писалъ по французски и по русски, и въ „Басенкѣ о непостоянствѣ дѣвушекъ“ онъ, напр., разсказывалъ:

Un jour Damon le plus tendre Berger
Revint chez lui tout joiyeux d'un verger,
où sa Daphné lui fût très favorable.

Въ „Объявленіи любви французской работы“ онъ же изъяснялся:

Il est un berger sincere
Delicat, constant, discret,
Qui vous adore en secret,
Et qui mourroit pour vous plaire.

Въ письменномъ языкѣ нашемъ тогда еще не выработались условныя выраженія для изъясненія истиннаго или поддѣльнаго чувства любви къ женщинѣ, а потому неудивительно, что попытки Тредіаковскаго въ этомъ ролѣ по русски не могли быть удачны, и его стихи отличаются шероховатостью и часто безтолковостью, надъ которыми такъ любятъ глумиться насмѣш-

ники надъ музою нашего стихотворца. Такъ, его „Прошеніе любвѣ“ начинается:

Покинь Купидо стрѣлы:
уже мы всѣ не цѣлы,
но сладко уязвлены
Любовною стрѣлою
твоею золотою;
Всѣ любви покорены.

Вообще нельзя не замѣтить, что въ произведеніяхъ Тредіаковскаго, напечатанныхъ имъ тотчасъ же по возвращеніи изъ-за границы, любви отведено главное мѣсто. Была ли это дань господствовавшей въ Парижѣ модѣ, или нашъ молодой человѣкъ дѣйствительно въ бытность тамъ былъ уязвленъ стрѣлою слѣпаго божка? Разумѣется, теперь представить трудно отвѣтъ на этотъ вопросъ и можно только замѣтить, что Тредіаковскій самъ оставилъ указаніе, что онъ бывалъ въ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ за границею. Такъ, въ Гамбургѣ, когда онъ задумалъ перевести на русскій языкъ Voyage à l'île d'amour ou la clef des coeurs — Талемана, то эту книжку, по его словамъ: „я тамъ не безъ трудности сыскалъ у одной дѣвицы, очюнь охотницы до книгъ“...

Въ стихахъ Тредіаковскаго той-же эпохи встрѣчаются нѣкоторыя черты, быть можетъ принадлежащія къ автобіографіи его сердца. Такъ онъ говоритъ въ „Прощеніи при разлученіи со всякой милой“:

Divin objet d'un feu pur et celeste,
à qui mon coeur adressoit tous ses voeux,
ce jour funeste,
mais prétieux,
où je fais mes éternels adieux
est le seul prix, le seul bien qui m'en reste.
Trop cher objet, à qui me sacrifie
L'affreux instant d'un depart si cruel,
adieu! j'essuye
le coup mortel.
Mais, pourquoi donc frappé sur ton autel
en d'autres lieux s'aller rendre ma vie?

Или въ Плачѣ одного любовника, разлучившагося съ своей милой, которую онъ видѣлъ во снѣ:

Ну! чтожъ мнѣ нынѣ дѣлать? коли такъ ужъ стало?
розстался я съ сердечнымъ другомъ не на мало.

Увы! съ нимъ раздѣлили страны мя далеки,
моря, лѣса дремучи, горы, быстры рѣки.
Свѣтъ любимое лице! чья и стѣнь пріятна!
и рѣчь, хотя мнимая, въ самомъ снѣ есть внятна!
Уже поне мнѣ чаще поночамъ кажися,
и къ спящему безъ чювства ходить не стыдися.

Послѣднее время предъ пріѣздомъ въ Россію Тредіаковскій пробылъ въ Гамбургѣ. Здѣсь, 10 августа (н. стиля), при празднованіи коронаціи императрицы Анны, онъ написалъ пѣснь, о которой будетъ говорено ниже; далѣе сочинилъ Стихи епиталамическія на бракъ его сіятельства князя Алеѯандра Борисовича Куракина и княгини Алеѯандры Івановны [1]), когда узналъ объ этомъ событіи отъ Меркурія, который прибылъ

Во единъ день, прошлаго въ городъ Гамбургъ лѣта
при самомъ ясномъ небѣ отъ солнечна свѣта
и т. д.

Говоря о стихосложеніи, заимствованномъ русскими писателями XVII вѣка у поляковъ и названномъ Тредіаковскимъ среднимъ, онъ сохранилъ слѣдующее извѣстіе о своей дѣятельности по пріѣздѣ изъ за границы въ Петербургъ: ....„доношу самую истинну, что-по-возвращéніи моёмъ въ Отечество 1730 года, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, началъ я себя производить, по молодости и по Французскому духу, въ Обществѣ нѣкоторыми Стішками, сочиненными по составу Средняго онаго Стіхосложенія. Читаемы они были отъ нѣкоторыхъ не безъ довольныхъ мнѣ похвалъ, безъ сомнѣнія не по правдѣ, но съ нѣкоторымъ родомъ збойства и насмѣянія, приносимыхъ. И какъ-хвалы́ меня, буйно выспрь стремившагося въ живомъ сложеніи, льстили; то, дабы получить ихъ ещé-болѣе, порѣвался я съ бóльшимъ напряженіемъ къ полученію успѣха въ Стіхахъ....“ [2]).

Но прежде чѣмъ продолжать извѣстія о началѣ писательской дѣятельности Тредіаковскаго, необходимо припомнить, въ какомъ незавидномъ положеніи засталъ онъ русскую литературу въ то время, какъ вернулся изъ заграничнаго путешествія.

---

1) Она была урожденная Панина, сестра Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ (впослѣдствіи графовъ).

2) Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія, іюнь, 1755, стр. 496.

Изъ тогдашнихъ нашихъ писателей первое мѣсто безспорно принадлежало и по ученности, и по дарованію, наконецъ по заслугамъ—Θеофану Прокоповичу. Обладая тѣмъ юморомъ, который такъ свойственъ малороссіянину, онъ по самымъ обстоятельствамъ, въ которыя поставила его судьба вслѣдствіе непосредственнаго участія въ дѣлѣ петровскаго преобразованія, сдѣлался въ своихъ произведеніяхъ сатирикомъ и обличителемъ. Такимъ онъ является не только въ проповѣдяхъ, но даже въ произведеніи чисто съ законодательнымъ характеромъ—духовномъ регламентѣ. Нужно ли говорить, что этотъ сатирическій оттѣнокъ произведеній Прокоповича наиболѣе придаетъ цѣну имъ и обращаетъ на себя вниманіе и донынѣ? Впрочемъ, онъ не до конца былъ таковымъ. Какъ только не стало Петра, Θеофанъ становится сдержаннымъ; его проповѣди содержатъ только риторскія похвалы и потому кажутся наполненными общихъ мѣстъ. Быть-можетъ причинами такой перемѣны въ направленіи была старость, а можетъ быть — что кажется вѣрнѣе — событія, имѣвшія мѣсто послѣ кончины Петра Великаго и походившія на реакцію противъ его реформаторской дѣятельности. Молчаніе и сдержанность Θеофана, какъ писателя, какъ будто вызвали на литературное поприще новаго дѣятеля—князя Антіоха Кантемира. Молодой человѣкъ, едва вышедшій изъ отрочества, принадлежавшій по связямъ отца къ высшему современному русскому обществу, онъ слушалъ лекціи первыхъ ученыхъ, вызванныхъ въ основанную въ Петербургѣ Академію наукъ, и былъ въ постоянномъ общеніи съ ними. Первое печатное произведеніе его 1727 года — Симфонія, или согласіе, на богодухновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида—снабжено было посвященіемъ императрицѣ Екатеринѣ I, гдѣ восемнадцатилѣтній составитель говорилъ: „....Трудокъ бо сей прилѣжности паче, неже остроумія указаніемъ есть: и который, развѣ что благочестнаго предвоспріятія и зеленѣющагося, въ немъ же написася, и священныхъ писаній рачительнаго возраста лѣпотствомъ пріукрашается: не вижду подъ которымъ видомъ священнѣйшему вашему величеству благоугоденъ быти моглъ бы....“ Три года спустя, именно въ концѣ 1730 года,

тотъ же юноша является съ первою сатирою „На хулящихъ ученіе къ уму своему“, гдѣ откровенно дѣлаетъ такую характеристику своего произведенія:

Что далъ Горацій, занялъ у француза
О, коль собою бѣдна моя муза!
Да вѣрно, ума хоть предѣлы узки
Что взялъ по польски, заплатилъ по русски.

Сатира встрѣтила одобреніе отъ кого—угадать не трудно—отъ Ѳеофана Прокоповича, который писалъ

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
  Знаю, коликой достоинъ ты славы.
Да почто жъ было имя укрывати?
  Знать тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.

Другой ученый малороссіянинъ Ѳеофилъ Кроликъ сочинилъ „Къ тому же творцу“:

Творче, не съ малымъ полкомъ брань тебѣ и дѣло,
Но съ дурачествомъ, еже весь свѣтъ одолѣло.
Я боголюбецъ [1]), хотя изъ малой звѣрины,
Или царыкъ [2]) желаю сему злу премѣны.

Послѣ нѣсколькихъ сатиръ, Кантемиру пришлось обратиться къ своей музѣ съ такими стихами:

Музо! не пора ли стиль отмѣнить твой грубый
И сатиръ ужъ не писать? Многимъ тѣ не любы,
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла
Тамъ вступаюсь и кажу себя чрезчуръ смѣло.

Не удивительно послѣ того, что Кантемиръ вскорѣ за тѣмъ задумалъ написать Петриду, гдѣ онъ олицетворяетъ болѣзнь, отъ которой скончался Петръ, и уподобляетъ ее жадному льву, терзающему агнца.

Такъ Странгуріо, пріявъ власть, во вредъ намъ ей данну,
Устремися на Петра, и видя прерванну
Неволю свою, гордо смѣетъ обладати
Тѣмъ, ему же скипетръ всего міра можно бы дати.

Пробовалъ Кантемиръ воспѣвать и недавно вступившую на престолъ императрицу Анну въ такихъ стихахъ

Жена превышающа женскую природу,
И родомъ красяща и дающа роду.

1) Переводъ греческаго имени Ѳеофилъ.

2) По польски царыкъ=кроликъ — игра словъ на прозвище стихотворца.

Царску многу красоту, Анна благонрава!
Дому, царству твоему безпритворна слава!
Ужаснулъ подземную и народъ геенны.
Содрогнулся свѣтоносъ и всѣ полки темны
Бѣгутъ въ глубочайшія пещеры подземны,
Воззрѣть вспять никто смѣетъ, топчетъ сей другова
Адскъ правитель не можетъ съ страху рещи слова.
и т. д. [1]).

Несмотря на высокое положеніе Кантемира въ обществѣ, несмотря на похвалы ему, произведенія его остались при жизни его неизданными и напечатаны только послѣ возшествія на престолъ Екатерины и притомъ стараніями и на счетъ человѣка, считающагося врагомъ всего русскаго—нѣмцемъ Таубертомъ [2]).

Если русская поэзія тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія не отличалась въ произведеніяхъ лучшихъ своихъ представителей ни силою творчества, ни изяществомъ стиха, то и переводческая литература не была въ цвѣтущемъ состояніи. Тогда переводить, при отсутствіи грамматикъ и лексиконовъ и при маломъ знаніи иностранныхъ языковъ, было не менѣе трудно, чѣмъ творить что нибудь самостоятельное. Въ 1728 году при Академіи издано было Краткое описаніе комментаріевъ ея, и здѣсь находимъ такое обращеніе къ читателю: „Не сѣтуй же на переводъ, якобы оныи былъ не разумителенъ, или не весма красенъ, вѣдати бо подобаетъ, что весма трудная есть вещь добрѣ преводити, ибо не точію оба оные языки съ котораго и на которыи переводится, совершенно знать надлежитъ, но и самыя преводимыя вещи ясное имѣти разумѣніе. Здѣ же по послѣднеи мѣрѣ на сіе смотрѣли, дабы оныи яко вразумителенъ, тако и благопріятенъ былъ, ибо съ такимъ прилѣжаніемъ и опасностію въ семъ дѣлѣ поступали, и всякому преводніку такія діссертація (разсужденія) преводить давали, о немже извѣстно знали, что онъ вещь оную наилутче разумѣетъ, къ тому же и самыи переводъ въ присутствіи всѣхъ преводниковъ читанъ и свидѣтельствованъ былъ. Аще ли же предпрія-

1) Всѣ приведенныя здѣсь выписки сдѣланы по изданію г. Глазунова, подъ редакціею г. Ефремова: Сочиненія, письма и избранные переводы князя Кантемира, I, 189, 22, 247, 297, 304, 305.

2) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 655, 656.

тыя опасности не благопоспѣшно учинилися, то сіе токмо прибѣжище осталося, да тебе умолимъ, дабы слабости нашеи до толѣ потерпѣти изволилъ, донелѣ же языкъ самъ исправнѣе будетъ, и преводницы лутче обучатся...!" Это предупрежденіе было тѣмъ болѣе необходимо, что въ названномъ изданіи встрѣчаются на каждой страницѣ мѣста, которыя могли поставить въ тупикъ самаго догадливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ терпѣливаго читателя.

Тредіаковскій такъ описываетъ свои обстоятельства по возвращеніи въ Россію: „увѣдомился я о родителяхъ моихъ, нѣсколькихъ кровныхъ, и почитай о всѣхъ сродникахъ, что они волею Божіею отъ язвы померли, а отеческое мое наслѣдіе за небытностію тамъ моею, какъ движимое, такъ и недвижимое все по рукамъ растащено, и слѣдовательно увидѣлъ я себя тогда еще больше бѣднымъ, для того, что лишившись родителей моихъ, лишился не токмо надлежащаго препитанія, но и дневныя пищи, и не имѣя куда преклониться, сталъ быть совершенно безнадеженъ...." [1]). Въ такомъ положеніи, Тредіаковскій, первое время житья своего въ Петербургѣ, нашелъ себѣ пріютъ въ казенной квартирѣ академичеткаго студента Адодурова, который принялъ пріѣзжаго въ видахъ извлеченія для себя пользы изъ его знанія французскаго языка [2]).

Если извѣстіе Мюллера достовѣрно, то первымъ печатнымъ произведеніемъ Тредіаковскаго должно считать его переводъ латинскихъ стиховъ въ честь португальскаго инфанта дона Эммануила [3]). Этотъ принцъ, жившій не въ ладахъ съ братомъ своимъ, королемъ португальскимъ, разъѣзжалъ по разнымъ странамъ Европы и неожиданно прибылъ въ Россію вскорѣ по воцареніи императрицы Анны. Носился слухъ, что онъ это сдѣлалъ съ цѣлью предложить свою руку государынѣ. Хотя это не осуществилось, тѣмъ не менѣе однако сдѣлано было

1) Москвитянинъ 1851 года, № 11 кн. 1, Просьба Тредіаковскаго въ сенатъ, стр. 228.

2) Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 289, 290. Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 504, 505.

3) Рукопись Мюллера: Zur Geschichte der Academie, der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 243—244.

распоряженіе о принятіи инфанта со всѣми подобающими его званію почестями. Исполнилъ эту волю императрицы графъ Мюнихъ, который правилъ новою столицею во время пребыванія двора въ Москвѣ. Дону Эммануилу показывали всѣ достопримѣчательности столицы, возили также, 9 сентября 1730 года, и въ Академію наукъ. Здѣсь въ гимназіи ученики Таубертъ и Бужаниновъ встрѣтили его латинскими и русскими стихами. которые, когда принцъ взошелъ въ типографію, были отпечатаны въ его присутствіи на одномъ листѣ по латини и по русски. По рѣдкости этого листка, онъ помѣщенъ въ концѣ настоящаго жизнеописанія, въ приложеніи I-омъ.

Въ томъ же 1730 году Тредіаковскій поспѣшилъ издать свой переводъ Ѣзда въ островъ любви[1]), чтеніемъ француз-

---

1) Первое изданіе этой книги имѣетъ такое заглавіе: «Ѣзда въ островъ любви. Переведена съ Французскаго на Рускои чрезъ Студента Василья Тредіаковскаго и приписана его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину. Напечатана 1730». Въ малую 8⁰, 14 нен., 210 нум. и 2 нен. стр.; передъ заглавіемъ гравюра, рѣзанная на мѣди, съ изображеніемъ корабля, пристающаго къ острову Любви; предъ посвященіемъ выгравированъ гербъ князей Куракиныхъ. По выходѣ книги въ свѣтъ, Шумахеръ, 11 января 1731 года, писалъ къ президенту Академіи Блюментросту: «прилагаемую при семъ грамматику велѣлъ напечатать г. Имберъ, французскій винотурговецъ, на свой счетъ. Въ ней не заключается ничего особеннаго, и потому не упомянуто объ Академіи. Также не указано мѣсто печатанія, хотя и по другимъ причинамъ, въ переводѣ Тредіаковскаго Ѣзда въ островъ Любви. Имѣла ли честь она понравиться вамъ и можно ли ее пустить въ обращеніи согласно желанію автора? Вы о томъ вовсе не говорите, а намъ это нужно знать, потому что г. камергеръ, князь Куракинъ писалъ нынѣ о выдачѣ ея».... (I, Исходящія письма 1728—1748 годовъ). Къ сожалѣнію отвѣтъ Блюментроста на это письмо неизвѣстенъ. Имѣющійся экземпляръ этого изданія Ѣзды въ Публичной Библіотекѣ дефектный; здѣсь по листамъ подпись: «сія книга брянскаго помѣщика, владимірскаго драгунскаго полку вахмистра Петра Степанова сына Неболсина, подписалъ 746 году генваря 27 дня въ бытность въ казанской губерніи въ городѣ Чебоксарѣ. А подарено того жъ полку отъ госпожи адъютантши Марьи Ивановны Быковой». Единственный, отлично сохраненный экземпляръ перваго изданія видѣлъ въ библіотекѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Второе изданіе, не столь рѣдкое съ заглавіемъ: «Ѣзда въ островъ Любви. Переведена съ французскаго на Россійской Василіемъ Тредіаковскимъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатана вторымъ тисненіемъ 1778 года». Въ 12⁰, 14 ненум. и 165 нум. страницъ. Въ началѣ краткое предисловіе: «Отъ издателя. Сія трудовъ славнаго россійскаго писателя г. Тредіаковскаго книжка хотя уже и обращалась въ публикѣ, но поелику отъ ея изданія не мало времени протекло, то и разсуждено за благо оную, яко забавную, а притомъ и изъявляющую развервающееся дарованіе и при-

скаго подлинника которой, по признанію Тредіаковскаго, онъ услаждался еще въ Парижѣ: „и хотя силы я тогда, безъ самохвалства вамъ доношу, столко и могъ имѣть дабы мнѣ потрудиться въ переводѣ семъ, но въ продолженіи тамо філософіи время мое меня къ тому недопустило. Однако, какъ говорится, чему быть, того не миновать: ибо способнои случаи самъ себя мнѣ подалъ къ переводу оныя таковымъ образомъ:

„Когда я былъ въ Гамбургѣ послучаю чрезъ нѣсколкое время, гдѣ не имѣя никакова дѣла со скуки я пропадалъ. Между тѣмъ его сіятельство князь Алеѯандръ Борисовичь Куракинъ, которои отеческую и щедрую свою милость и по нынѣ мнѣ кажетъ, повелѣлъ мнѣ чрезъ одно свое письмо изъ Москвы перевесть какую нибудь книжку Французскую на нашъ языкъ, и то для того, дабы всуе мое время нетратилось. Желая, дабы чрезъ скорое мое послушаніе такъ великому и свѣтлому моему благотворителю показать, что сколь свято я имѣю его повелѣніе, также съ другой стороны дабы и скука моя не такъ была мнѣ чювствителна, думалъ я долго что какую бы то книжку Французскую начать переводить. Тогда впала мнѣ на разумъ сія, которую я тамъ не безъ трудности сыскалъ у однои дѣвицы очюнь охотницы до книгъ, и сталъ оную переводить съ такъ великимъ прилѣжаніемъ, что въ мѣсяцъ еще и менше я совсѣмъ ея окончалъ....“

Кромѣ перевода, Тредіаковскій помѣстилъ въ то же изданіе разные стихотворные свои опыты, о которыхъ говорено выше

родную способность сего трудолюбиваго мужа, для любящихъ его переводы и сочиненія, вторичпо и точно въ такомъ порядкѣ напечатать, въ какомъ она прежде была напечатана». Въ этомъ изданіи не удержано правописаніе Тредіаковскаго. Третье изданіе Ѣзды въ островъ Любви было сдѣлано въ Москвѣ, въ типографіи Августа Семена, при императорской медико-хирургической Академіи, 1834 года; въ 12°, 14 ненум., 235 нумер. и 2 нен. стр. (Типографскія погрѣшенія справлены). Въ московскомъ изданіи, процензурованномъ И. Снегиревымъ, въ точности соблюдены всѣ особенности орѳографіи Тредіаковскаго. Кромѣ того, Ѣзда на островъ Любви перепечатана въ Собраніи сочиненій Тредіаковскаго, изд. Смирдинымъ. Тредіаковскій говоритъ о подлинникѣ, что онъ вышелъ въ 1713 году, но тогда издана одна изъ многихъ перепечатокъ этого произведенія Поля Тальмана (Paul Tallemant). Въ первый же разъ оно явилось въ 1663 годъ названіемъ: Le voyage de l'Isle d'amour à Lycidas (Manuel du libraire et de l'amateur de livres par Brunet, V, 649, 650).

при описаніи пребыванія его за границею. Въ началѣ ихъ стихотворецъ помѣстилъ такое „извѣстіе читателю“ (на стр. 150):

„По совѣту моихъ пріятелеи осмѣлился я здѣсь приложить нѣсколко стиховъ моей работы Рускихъ, Французскихъ и Латинскую Эпіграмму, хотя и невесма сеи книгѣ нѣкоторыя изъ нихъ находятся приличны. Но ежелибъ онымъ здѣсь небыть, то бы имъ надлежало въ вѣчномъ безъизвѣстіи пропасть, чего имъ друзья мои вѣдущія въ стихахъ силу непожелали. Къ тому жъ, понеже сія книга очюнь собои мала, того ради за благо и мнѣ разсудилось сими оную понаполнить. Ежели охотливыи читетелю, оныя вамъ покажутся, то обѣщаюсь и другими со времянемъ васъ увеселять; а буде непонравятся, то я вовся замолчю, и больше вамъ скучить не буду.“

Если смотрѣть на разбираемый переводъ Тредіаковскаго и на тогдашніе его стихотворческіе опыты съ нынѣшней точки зрѣнія, то, разумѣется, невозможно не признать, что все это кажется страннымъ, неудачнымъ, смѣшнымъ. Кудреватые, несвойственные русскому языку выраженія и обороты, неуклюжіе и часто безобразные стихи — все это теперь возбуждаетъ въ читателѣ сначала смѣхъ, а вскорѣ за тѣмъ и скуку; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Ѣзда въ островъ любви не заключала въ себѣ замѣчательнаго по отношенію къ той эпохѣ, въ которую она появилась.

Уже одинъ выборъ самой книги, гдѣ все содержаніе заключается въ описаніи различныхъ степеней любви къ женщинѣ, къ которой обращаются тамъ почтительно, ищутъ случая обратить на себя вниманіе ея и заслужить, наконецъ, разными пожертвованіями благосклонность ея — все это не могло не казаться новостью для русскаго читателя тѣхъ временъ, когда въ наиболѣе любимыхъ и распространенныхъ сборникахъ не обходилось безъ статьи, въ которой любовь къ женщинѣ не называлась бы бѣсовскимъ навожденіемъ, и самая женщина не считалась бы орудіемъ сатаны, созданнымъ для соблазна человѣка; когда правила, преподанныя въ Домостроѣ объ обращеніи съ женщиною, были въ полной силѣ, и когда, наконецъ, прошло только двѣнадцать лѣтъ со времени обнародыванія указа, въ

силу котораго женщины могли участвовать въ общественныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ вмѣстѣ съ мущинами и наравнѣ съ ними.

За тѣмъ, при чтеніи той же книжки, нельзя не замѣтить рѣдкаго въ тѣ времена достоинства ея—это стараніе переводчика вѣрно и точно передать смыслъ подлинника. Достаточно только сличить первый, попавшійся переводъ начала прошлаго столѣтія съ разбираемымъ трудомъ Тредіаковскаго, чтобы убѣдиться, какъ онъ превосходилъ въ этомъ отношеніи современныхъ ему переводчиковъ. И это продолжалось довольно долгое время, такъ что академики уже въ 1745 году писали въ сенатъ: „вообще можно сказать, что по отбытіи профессора Тредіаковскаго, если какія книги о наукахъ съ иностранныхъ европейскихъ языковъ переводить надобно будетъ, то трудно сыскать, чтобы кто имѣлъ довольную способность оныя безъ погрѣшности перевести и такъ, чтобы ихъ безъ дальняго свидѣтельства въ печать выдать, чему причиною то, что оные люди въ иностранныхъ языкахъ и наукахъ недовольно искусны, а переводчикъ ту науку, о которой что переводить необходимо, разумѣть долженъ, и отчасти отъ того, что они сами въ русскомъ языкѣ силы столько не имѣютъ, чтобы мысли свои съ надлежащею красотою выразить...." [1]).

Самъ Тредіаковскій, въ предисловіи къ Ѣздѣ въ островъ любви, счелъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на то обстоятельство, что „....переводчикъ отъ творца только что именемъ рознится. Еще донесу вамъ болше, ежели творецъ замысловатъ былъ, то переводчику замысловатѣе надлежитъ быть (я неговорю о себѣ, но о добрыхъ переводчикахъ). А буде кто тому не вѣритъ, тому я способно могу доказать еще Математическимъ Методомъ, что я правду сказалъ. Ау! я недумая по філософски ужъ и ссорюсь низачто! но полно бранитца, пора помиритца.... Я много самъ въ себѣ молча славлюсь и для того толко, что я могъ какъ нибудь оную перевесть: ибо она хотя

1) Записки императорксой Академіи наукъ, VII, приложеніе № 4, Отчетъ о занятіяхъ по составленію исторіи Академіи наукъ, 63.

не велика да мудра, и въ томъ могутъ мнѣ всѣ тѣ повѣрить, которыя чли ея на французскомъ, а наипаче оныя, которыя для справки похотятъ ся отвѣдать перевесть....“

Извѣстно, что въ старину изученіе книжнаго и письменнаго языка ограничивалось чтеніемъ и даже вытверживаніемъ наизусть церковно-славянскихъ книгъ, отчего русскій языкъ считался какъ бы будничнымъ и не допускался въ литературныя произведенія тѣхъ временъ. Обычай—учить дѣтей только церковно-славянскому языку — господствовалъ у насъ довольно долго, такъ-что уже при Екатеринѣ II, Бецкій писалъ: „смѣха достойный присвоили мы обычай учить дѣтей въ школахъ грамотѣ по книгамъ на языкѣ и буквахъ славянскихъ!...“ Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла русскій литературный языкъ не могъ получить особеннаго ризвитія, и онъ дѣйствительно не былъ вовсе обработанъ. Первый, высказавшій мысль объ употребленіи русскаго языка, а не славянскаго въ литературныхъ произведеніяхъ, былъ Тредіаковскій. Въ своемъ предисловіи къ Ѣздѣ въ островъ любви онъ прямо говоритъ: „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣватся, (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны) что я оную не славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенской, у насъ есть языкъ церковной; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ; а сія кніга есть сладкія любви, тогоради всѣмъ должна быть вразумителна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ рѣчеточцемъ хотѣлъ себя показывать....“

Теперь любопытно знать, какъ книга Тредіаковскаго принята была современниками при первомъ появленіи ея въ свѣтъ?

Исторіографъ Мюллеръ, писавшій свои извѣстія для исторіи Академіи наукъ на память и притомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ выхода Ѣзды въ островъ любви, когда ея переводчикъ, осмѣянный и даже опозоренный, сошелъ въ могилу,—Мюллеръ свысока и даже презрительно отзывается о первой литературной попыткѣ Тредіаковскаго: „Эта книжечка, говоритъ исторіографъ, была напечатана при Академіи наукъ, думаю на счетъ князя Куракина, которому переводчикъ посвятилъ свой трудъ. Подлинникъ не имѣлъ никакого особеннаго достоинства, переводъ также не былъ похваленъ: говорили, что г. Тредіаковскій пренебрегъ духомъ роднаго языка, слишкомъ слѣдуя французскому словосочиненію. Подлинникъ былъ начиненъ небольшими французскими стихотвореніями, которыя переводить по русски стоило Тредіаковскому величайшаго труда: старинный русскій стихотворный размѣръ былъ жестокъ и непріятенъ, хотя въ немъ были риѳмы, но безъ скансіи и метра. Тогда не было еще лучшаго.... Теперь (въ 1776 г.) нигдѣ нельзя достать ни одного экземпляра Ѣзды въ островъ любви: г. Тредіаковскій сжегъ всѣ, которые онъ могъ добыть—геройскій подвигъ, заслуживающій похвалы—что сдѣлано или потому, что ему на старости вовсе не нравилось безполезное содержаніе книги, или отъ того, что онъ, наконецъ, призналъ въ этомъ первомъ опытѣ доказанную неспособность писать стихами также, какъ прозою, почему и желалъ себя освободить отъ всякаго нареканія. Тотъ, кто не захочетъ льстить, долженъ сознаться, что г. Тредіаковскій, со всѣмъ своемъ прилежаніемъ, котораго у него нельзя было отрицать, сдѣлался мало по малу сноснымъ переводчикомъ, но никогда хорошимъ стихотворцемъ“ [1]).

Не таковы тѣ извѣстія о впечатлѣніи, произведенномъ появленіемъ въ свѣтъ Ѣзды въ островъ любви, которыя современны этому событію. Надо замѣтить прежде всего, что послѣ отпечатанія этой книжки, а также отдѣльнаго листка съ стихотвореніемъ, тамъ же помѣщеннымъ, къ императрицѣ Аннѣ, и приложеніемъ нотъ, на которыя положены были эти

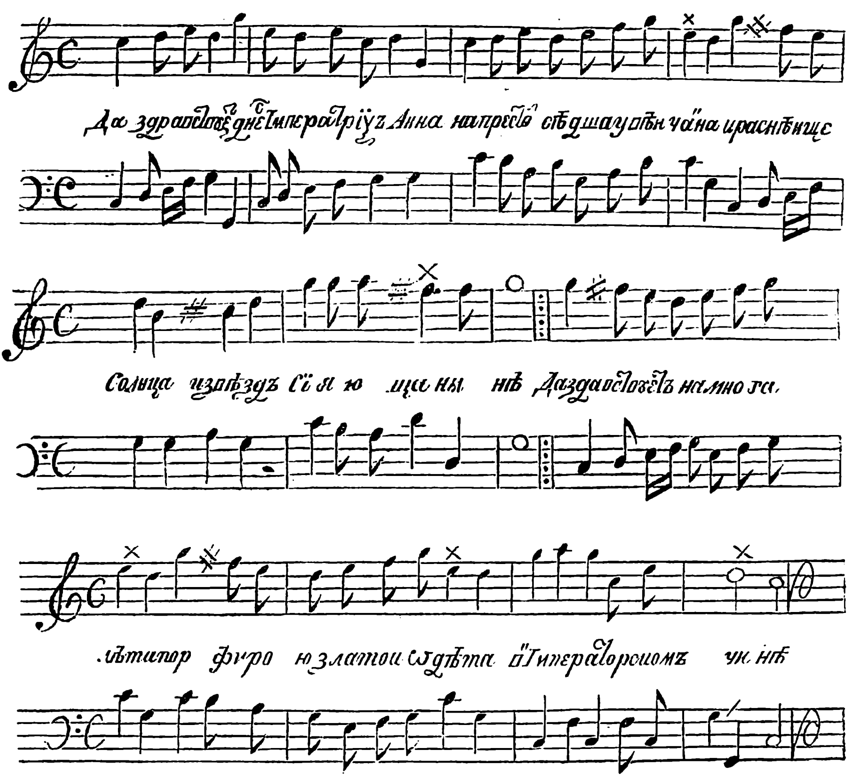
1) Рукопись Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften, 208, 209, 289.

стихи[1]) Тредіаковскій отправился въ Москву и жилъ въ домѣ Семена Кириловича Нарышкина. Отъ этой эпохи въ жизни нашего писателя сохранились два письма къ нему Шумахера и одинъ отвѣтъ Тредіаковскаго, изъ которыхъ видно, что онъ, будучи въ Москвѣ, пожиналъ лавры, какъ литературная извѣстность. Ловкій Шумахеръ видимо увивался и заискивалъ тогда у Тредіаковскаго, который въ свою очередь давалъ чувствовать все величіе своего положенія.

1 февраля 1731 года, Шумахеръ писалъ по французски Тредіаковскому: „Радуюсь хорошему успѣху вашей книги между

---

1) Вотъ заглавіе отдѣльнаго стихотворенія на оборотѣ одного листа: «Пѣснь сочинена въ Гамбургѣ къ торжественному празднованію коронаціи Ея Величества Государыни Імператрицы Анны Івановны Самодержицы Всероссійскія, бывшему тамо Августа 10 (по новому изчисленію) 1730.

Послѣ этого заглавія слѣдуютъ выгравированныя на мѣди ноты:

Внизу листа надпись: «Чрезъ студента Василья Тредіаковскаго».

разумными людьми не только по любви къ вамъ, но и въ отношеніи къ намъ. Хорошо извѣстно, что какъ скоро поэзія и музыка начнутъ смягчать нравы народа, то владѣтели послѣ того сумѣютъ извлечь отсюда пользу. Чтобы не лишать долѣе любителей чтенія вашей книги, я имѣю честь отправить къ вамъ сегодня 25 экземпляровъ. Прочіе вы получите на будущей обыкновенной почтѣ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими экземплярами вашей книги я послалъ также, прежде полученія отъ васъ приказанія, сто экземпляровъ ея г. Кипріанову.

„А что подѣлываетъ Bourgeois gentilhomme? Если его еще не находятъ удобнымъ, чтобы онъ явился въ публикѣ, то не пожелаете-ли вы, милостивый государь, дать намъ что нибудь другое для назиданія и развлеченія? Итальянскій театръ полонъ пьесъ, которыя доступны, понятны и довольно забавны. Или не захотите ли вы лучше перевесть небольшой сборникъ остротъ или разсказцевъ, или какое нибудь путешествіе или разговоры нашего любезнаго Spectateur[1])? или что вамъ заблагоразсудится, потому что все, что ни явится отъ васъ, насъ очаровываетъ, а знатоковъ услаждаетъ.

„Вы мнѣ не пишете, видѣли-ли вы нашего президента: онъ великій знатокъ, очень вѣжливъ и всегда готовъ принимать умныхъ людей, такъ что вы хорошо сдѣлаете, если побываете у него“ [2]).

---

1) Въ рукописи русской академической библіотеки, въ f⁰, № 138, есть собственноручный переводъ Тредіаковскаго: «Изъ книги, называемыя Спектаторъ (смотритель). Сравненіе между Людовикомъ XIV и Петромъ Алексѣевичемъ Россійскимъ Императоромъ въ разсужденіи славы». (Нач: Изъ всѣхъ пристрастій).

2) (I, Исходящія 1728—1742 годовъ).

S.-Pétersbourg, ce 1 février 1731.

Je me réjouis du bon succés que votre livre a produit parmi les gens d'esprit non seulement pour l'amour de vous, mais aussi par rapport à nous. Sachant bien que quand une fois la poésie et la musique commencent à adoucir les moeurs d'une nation, quelque barbare qu'elle n'était, les princes trouveront bien leur compte après. Pour ne pas priver les amateurs plus longtemps de lecture de votre livre, je me donne l'honneur de vous adresser aujourd'hui 25 exemplaires. Les autres vous les aurez l'ordinaire prochain.

Conjointement avec quelques exemplaires de votre livre j'ai envoyé aussi 100 exemplaires à Mr. Kyprianoff avant que j'ai été informé de vos ordres.

Et le Bourgeois gentilhomme que fait-il? Si on ne le trouve pas encore assez propre de paraître en public, ne voud-

Черезъ двѣ недѣли, 15 февраля, Шумахеръ снова писалъ къ Тредіаковскому: „Надѣюсь, что вы теперь разувѣритесь въ томъ, что будто я забылъ васъ. Правда, что у меня есть дѣла, но не столько, чтобы не найти случая поддерживать сношенія съ моими друзьями въ бесѣдѣ или чрезъ письма. Вотъ еще 25 экземпляровъ вашей Ѣзды и нѣсколько листовъ пѣсни, которые вы просили. Впрочемъ, ссылаюсь на мое предыдущее письмо....[1]).

На эти письма отвѣчалъ Тредіаковскій слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ[2]):

---

riez vous pas, Monsieur, nous donner quelque autre chose pour instruire et divertir? Le théatre italien est plein de petites pièces qui sont intélligibles et compréhensibles et assez divertissantes. Ou aimeriez vous plutôt à traduire un petit recueil de bons mots où d'historiettes, quelque voyage? ou des discours de notre cher Spectateur? ou tout ce qui vous plaira, car tout ce qui vient de vous nous charme et chatouille ceux qui s'y connaîssent.

Vous ne m'avez pas marqué, si vous avez vu notre président ou non. Il est grand connaisseur et bien poli, toujours prêt à recevoir les gens d'esprit en sorte que vous feriez bien de ne le pas manquer.

1) J. D. Schumacher à W. Trediakowski à Moscou.

S.-Pétersbourg, ce 15 fevrier 1731.

J'espère que vous serez à présent désabusé de l'opinion comme si je vous avais oublié. Il est vrai que j'ai du travail, mais jamais tant pour ne pas trouver l'occasion de s'entretenir avec mes amis soit par conversation ou par le commerce des lettres.

Voici encore 25 exemplaires de votre Voyage et quelques feuilles de la chanson que vous avez demandées. Au reste je me refère a ma précédente.

2) I, Входящія письма 1729—1735 годовъ.

Monsieur. L'honneur que vous m'avez fait, en m'écrivant deux lettres, dont l'une est du 1 et l'autre du 15 février, m'est fort sensible. Je vous en ai une entière obligation. Mais allons, avec votre permission, vite au fait.

Les premirs 25 exemplaires du Voyage sont parvenus exactement, et les autres 25 sont encore chez S. Al. Mgr. le prince de Kourakin. Je ne puis pas deviner la véritable cause, pourquoi Son Al. n'ordonne pas de me les rendre jusqu'à présent, apparemment elle les a oublié ayant plusieurs sortes d'affaires sur les bras; j'espère pourtant de pouvoir les retirer de S. Al. bientôt.

Quoique je fusse, Monsieur, toujours malheureux pour pouvoir attraper une seule fois l'occasion de voir Monsieur le président chez lui, et en même temps de l'assurer de mes très humbles respects d'autant plus, que c'étoit mon devoir; cependant j'ai eu l'honneur de m'en acquitter à son égard à l'hôtel, même dans la chambre de Son Al. Royale M-me la Princesse Catherine, laquelle me fait de telles grâces, qui passèrent mes espérances, tantôt en me donnant de louanges, tantôt a mon livre, tantôt en me témoignant sa bienveillance jointe à la promesse de me présenter à Sa Majesté Impériale par elle même.

Voila, Monsieur, tout ce qui se passe ici par rapport à moi; mais au sujet du

„Милостивый Государь. Мнѣ очень чувствительна честь, которую вы мнѣ оказали, написавъ два письма, одно отъ 1, другое—отъ 15 февраля. Я вамъ за это чрезвычайно одолженъ. Но, съ вашего позволенія, приступимъ скорѣе къ дѣлу.

„Первые 25 экземпляровъ Ѣзды дошли до меня вѣрно, а другіе 25 еще у его сіятельства князя Куракина. Не могу отгадать настоящей причины, почему его сіятельство не приказываетъ до сихъ поръ передать ихъ мнѣ; вѣроятно онъ о нихъ забылъ, имѣя на рукахъ множество дѣлъ.

„Хотя я постоянно былъ столько несчастливъ, что не могъ ни разу имѣть случая видѣть г. президента у него на дому, для увѣренія его въ глубочайшемъ почтеніи, такъ-какъ это была моя обязанность, тѣмъ не менѣе однако я имѣлъ честь исполнить мой долгъ въ отношеніи его въ домѣ, даже въ комнатѣ ея царскаго высочества принцессы Екатерины, которая выказываетъ мнѣ много милостей, то хваля меня, то — мою книгу, то высказывая свое благоволеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщая представить самой императрицѣ.

„Вотъ все, что происходитъ здѣсь со мною; въ отношеніи же Le bourgeois gentilhomme нѣтъ ничего. Почему? Онъ не выходитъ хорошъ на нашемъ языкѣ, и всѣ знатоки, которымъ я его читалъ, совѣтовали мнѣ его уничтожить. По этому я теперь ду-

---

Bourgeois gentilhomme il n'y a rien. Pourquoi? il ne va pas bien en notre langue, et tous les connaisseurs, à qui je l'ai lu, m'ont conseillé de le supprimer. C'est pourquoi je songe à présent à la traduction du Voyage de Cyrus. C'est un fort beau livre, bien écrit, bien amusant et bien instructif. Lisez-le, Mr., s'il vous plait, et faitez moi la grâce de me dire quelque chose là-dessus suivant vos lumières et le goût, que vous avez fort exquis; il ne plaît pas pourtant à S. Al. Mgr. le Prince de Kourakin. Cependant il l'a parcouru fort légèrement, et par conséquent il ne s'est point apperçu de toutes les beautés, dont le livre en question est doué. D'ailleurs je me rapporte à votre choix, sachant bien que vous ne choisirez rien qui ne soit digne de la curiosité de gens de bon sens.

Votre bonté, dont vous me comblez, m'autorise à présent même à prendre la liberté de vous confirmer par ces lignes l'attachement inviolable, le parfait zèle, et le profond respect que j'ai et j'aurai toujours pour vous, et avec lesquels je suis, Monsieur, votre très humble, très obéissant et très devoué serviteur B. Trediakoffsky.

à Mosco, ce 4 Mars 1731.

PS. Mon adresse:

à l'hotel de Mr. Simeon Kyrilovitz de Nariskin.

маю о переводѣ Путешествія Кира. Это прекрасная книга, хорошо написанная, занимательная и весьма назидательная. Соблаговолите прочесть ее, милостивый государь, и сдѣлайте милость скажите мнѣ о ней ваше сужденіе, сообразуясь съ вашими свѣдѣніями и вкусомъ, который у васъ очень изященъ. Однако эта книга не нравится его сіятельству князю Куракину. Правда, что онъ пробѣжалъ ее очень слегка, и, слѣдовательно, не замѣтилъ всѣхъ ея красотъ. Впрочемъ я полагаюсь на вашъ выборъ, такъ-какъ знаю, что вы не выберете ничего такого, чтобы не было достойно любопытства разумныхъ людей.

„Оказываемая ко мнѣ доброта ваша даетъ мнѣ теперь право принять смѣлость подтвердить вамъ въ настоящихъ строкахъ неизмѣнную приверженность, совершенное усердіе и глубокое уваженіе, которое я имѣю и буду имѣть всегда къ вамъ и съ которымъ есмь, милостивый государь, вашъ нижайшій, покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга В. Тредіаковскій.

Москва 4 Марта 1731.

P.S. Адресъ мой: въ домъ Симеона Кириловича Нарышкина".

Въ бытность Тредіаковскаго въ Москвѣ, нашлись, впрочемъ, люди, встрѣтившіе его очень подозрительно. Это были лица духовнаго вѣдомства, которое, какъ видѣли выше, такъ неблагосклонно отозвалось на просьбу его, когда онъ бѣдствовалъ отъ недостатка средствъ за границею. Послѣ смерти Петра Великаго, въ нашемъ духовенствѣ и въ тогдашнемъ обществѣ двѣ партіи (которыя существовали и при жизни государя, но не смѣли дѣйствовать слишкомъ открыто), стали высказываться съ бо́льшею свободою, при чемъ, разумѣется, дѣло не обходилось безъ взаимныхъ интригъ, наговоровъ и разныхъ продѣлокъ для уничтоженія враждебнаго лагеря. Замѣчательно то обстоятельство, что въ нашемъ тогдашнемъ духовенствѣ тѣ лица, которыя на всѣ нововведенія и преобразованія смотрѣли какъ на ересь и искренно желали ихъ истребленія, а затѣмъ поворота къ старинѣ — эти лица склонялись болѣе на сторону католицизма, и католическая пропаганда пробовала обращаться къ нимъ, въ твердой надеждѣ убѣдить къ соединенію Церквей для торжества латинства. Напротивъ того, духовные, приняв-

шіе петровскую реформу и способствовавшіе введенію и укрѣпленію ея, оказывали предпочтеніе лютеранамъ и подозрѣвались не безъ основанія въ сочувствіи ихъ образу мыслей и убѣжденію. Архимандритъ Платонъ Малиновскій, считавшійся между своими современниками литераторомъ, принадлежалъ къ первой партіи недовольныхъ новизнами[1]), а потому неудивительно, что онъ взглянулъ непріязненно на Тредіаковскаго, о чемъ такъ записано въ современномъ экстрактѣ изъ дѣла о Малиновскомъ: „....пріѣхавъ оный Тредіаковскій изъ Франціи въ Москву и былъ съ нимъ, Малиновскимъ, въ гостяхъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ у архимандрита, что потомъ былъ архангелогородскимъ епископомъ, Германа Коптевича[2]), и спрашивалъ того Тредіаковскаго: каковы ученія въ чюжихъ странахъ онъ произошелъ? И Тредіаковскій-де сказывалъ, что слушалъ онъ философію. И по разговорамъ о объявленной философіи во окончаніи пришло такъ, яко бы Бога нѣтъ. И слыша-де о такой отейской (sic) философіи, разсуждалъ онъ, Малиновскій, съ означеннымъ епископомъ Германомъ, что и оный Тредіаковской, по слушанію той философіи, можетъ быть во ономъ не безъ поврежденія....“[3]).

Извѣстій о дальнѣйшемъ пребываніи Тредіаковскаго въ Москвѣ въ 1731 года не осталось. Можно только сказать, что герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна не исполнила тогда своего обѣщанія представить императрицѣ Аннѣ новаго писателя. Онъ представленъ былъ этой государынѣ въ Петербургѣ, что свидѣтельствуетъ „Рѣчь поздравительная Ея Імператорскому величеству по благополучномъ прибытіи въ Санктпетербургъ“ (стало быть послѣ 15 января 1732 года), начинающаяся

1) Платонъ Малиновскій жестоко пострадалъ за это при императрицѣ Аннѣ: въ 1732—1739 годахъ содержался въ заключеніи, лишенъ духовнаго сана, а потомъ сосланъ въ Сибирь. При императрицѣ Елисаветѣ, онъ былъ съ 1748 по 1754 годъ московскимъ архіепископомъ.

2) Архимандритъ Германъ хиротонисанъ изъ ректоровъ и архимандритовъ заиконоспасскаго монастыря въ епископы 2 мая 1731 года, † 1735 года. ,Исторія россійской іерархіи, іеромонаха Амвросія, I, 194.

3) Это обстоятельство разсказано съ нѣкоторыми прикрасами г. Чистовичемъ въ изслѣдованіи: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, см. Сборникъ отдѣленія русскаго ясыка и словесности Академіи наукъ, IV, 384.

такъ: „Хотя, Всемилостивѣйшая Государыня Імператріца, и одинъ токмо произношу теперь предъ вами слово; но, безъ сомнѣнія, всѣхъ гарячая желанія, и радости полная сердца Вашему приношу Величеству". При этомъ Тредіаковскимъ сочинена: „Эпіграмма произнесенная предъ ея Імператорскимъ Величествомъ, когда въ первыя сподобился я быть допущенъ до Священнѣишія Ея Імператорскаго Величества Руки:"

Пускаи тѣ злато, други честь Высоку
Любятъ, тѣ имѣть во всемъ власть широку.
Но мнѣ сеи токмо верхъ есть славы данныи
Что Величества Вашего подданныи [1]).

Тредіаковскій такъ вспоминаетъ объ этомъ событіи въ началѣ своего Панегирика государынѣ: „Когда первѣе лице твое, Всемилостивѣишая Государыня Імператріца, самодержица всероссіиская сподобился я видѣть, и припадая къ стопамъ Величества Вашего должность всеподданнѣишаго раба предъ тобою учинить; тогда всемилостивѣише, повелѣть мнѣ изволила, чтобъ каковое нибудь слово я сочинилъ...."

Исполненіе этого приказанія послѣдовало 3 февраля 1732 года, въ день именинъ императрицы, когда онъ поднесъ похвальное слово, которое и напечатано въ томъ же году [2]). Здѣсь Тредіаковскій говоритъ: „Исполняя оное Вашего Величества по-

1) Перевлѣсскій въ Избранныхъ сочиненіяхъ Тредіаковскаго, стр. XV, говоритъ, что эти стихи написаны при представленіи нашего писателя, вмѣстѣ съ прочими академиками императрицѣ, и притомъ Остерманомъ, какъ президентомъ Академіи. О подобномъ событіи, конечно, не умолчалъ бы Мюллеръ въ своей рукописи матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ; сверхъ того объ этомъ неизвѣстно и изъ другихъ современныхъ источниковъ. Самъ же Тредіаковскій въ вышепомянутой рѣчи положительно говоритъ, что онъ представлялся императрицѣ одинъ. Излишне здѣсь распространяться, что Остерманъ никогда не былъ президентомъ нашей Академіи.

2) Заглавіе: Панегирикъ или слово похвальное всемилостивѣйшеи государынѣ імператріцѣ самодержицѣ всероссійскои Аннѣ Іоанновнѣ чрезъ всеподданнѣйшаго Ея Величества раба Василья Тредіаковскаго сочиненное, и Ея Імператорскому Величеству въ день тезоименитства Ея поднесенное февраля въ 3 день 732 года. Нынѣ же повелѣніемъ Ея Імператорскаго Величества напечатанное въ Санктпетербургской типографіи Академіи Наукъ. MDCCXXXII. Въ 4°, 19 нумер. стр. Здѣсь послѣ панегирика напечатаны вышеприведенныя рѣчь и эпиграмма, а также стихи сестрѣ государыни, герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Іоанновнѣ.

велѣніе изложилъ я слово, но слово похвалы Вашего Величества гласящее: ибо въ чомъ бы я лучше моглъ упраздниться, какъ въ оныхъ, которыя всѣмъ за общую имѣются нынѣ матерію...“ Здѣсь Тредіаковскій не преминулъ вставить намеки на неудавшіяся попытки верховниковъ ограничить самодержавіе и, послѣ сравненія императрицы съ Петромъ Великимъ, прибавилъ: „Разсуждая начало Царствованія онаго ни когда доволно всѣми оплакуемаго Імператора, и царствованія начало Вашего Величества, таковы яжъ и подобныя напасти ѕлыми и богоненавистными душами умышленныя противу обоихъ обрѣтаемъ, но родомъ и видомъ различныя.... Но изчезли ѕлыя ѕлѣ въ самомъ начаткѣ, погибли проклятыя души и сердца; погибла и память ихъ съ шумомъ. Тако погибнутъ и всѣ ѕлобою дышущіи ѕміиною: помазанніи елеемъ царствованія, елеемъ радости, никогда прикосновенніи быть немогутъ....“

Въ томъ же изданіи Панегирика не забыта была первая покровительница музы Тредіаковскаго въ Москвѣ: онъ написалъ „Стіхи Ея Высочеству Государынѣ Царевнѣ и великой княгинѣ Екатерінѣ Іоанновнѣ Герцогінѣ Мекленбургъ-Шверінгской. Для благополучнаго Ея прибытія въ Санктпетербургъ сочиненныя, и Ея Высочеству поднесенныя“, гдѣ были такіе стихи:

Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!
Лишь твое пришествіе слышно намъ быти стало,
Всѣхъ сердца закипѣли, мысли заиграли,
И веселіе токмо всяку обѣщати
И что то есть прямое нашихъ благъ начало.
Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!
Инои кинулся спѣшно тебе усрѣтати,
Другои началъ пастися предъ тебе съ дарами,
Третіи какими бы, думалъ, почтить тя словами;
А всѣ тя веселяся стали ожидати.
Жаль, что не говорятъ человѣча сердца!

По старинному обычаю, Тредіаковскій свой Панегирикъ представлялъ *въ подносъ* знатнымъ. 20 декабря 1732 года онъ послалъ это произведеніе свое въ Москву Семену Салтыкову при письмѣ, въ которомъ говорилъ: „не сумнѣваюсь, чтобъ дерзновеніе, которое я принялъ ваше превосходительство сею утрудить посылкою не показалося вамъ диковато; однако упо-

ваю, что и прощенія достойно, потому что содержитъ сія книжка похвалы ея императорскаго величества, что всякому вѣрному подданному всегда сладко слышать...“ Салтыковъ написалъ въ отвѣтъ благодарственное письмо и вмѣстѣ съ тѣмъ справлялся у сына своего: „когда онъ, Тредіаковскій, такія жъ книжки подавалъ тамошнимъ кавалерамъ, то дарили-ль его чѣмъ или нѣтъ, и буде дарили, то что надлежитъ — и ты его подари что надобно....“[1]).

По прибытіи въ Петербургъ, императрица Анна придумала устроить при дворѣ домашній театръ, и по этому поводу было написано къ какому-то духовному лицу, по всей вѣроятности Ѳеофану Прокоповичу, слѣдующее письмо, черновой отпускъ съ котораго писанъ рукою Авраама Полубояринова[2]):

„Преосвященный архіерей! Дѣлаю я комедію, въ которую надобны будутъ три человѣка, чтобъ умѣли пѣть, только нынѣ у меня пѣвчихъ хорошихъ нѣтъ, а надѣюсь, что у васъ изъ хлопцевъ нарочитыхъ выбрать можно. Того ради на то время прикажите изъ своихъ пѣвчихъ самыхъ хорошихъ голосовъ выбрать троихъ, и, буде они съ вами, то оттуду прислать ихъ сюда, а буде здѣсь, то пришлите съ симъ же ѣздовымъ въ домъ свой указъ, чтобъ ихъ привезли ко двору немедленно, чтобъ они къ назначенному времени могли обучиться тому, что имъ пѣть будетъ надобно. А по окончаніи комедіи я ихъ, пожаловавъ, назадъ къ вамъ пришлю“.

Затѣмъ осталось росписаніе рукою того же Полубояринова о томъ, изъ чего и какія дѣлать платья для актеровъ, также бутафорскія принадлежности, которыя обязывался изготовить

1) Библіографическія записки 1858 года, № 18, стр. 555, 556; письмо Тредіаковскаго сообщено г. И. Забѣлинымъ.

2) Авраамъ Петровичъ Полубояриновъ былъ сначала канцеляристомъ императорскаго Кабинета, а 19 января 1734 года пожалованъ въ секретари при императрицѣ Аннѣ, съ жалованьемъ по 500 рублей въ годъ. У него была, по его словамъ, одна только «бѣдная деревнишка» съ двадцатью душами крестьянъ; женатъ онъ былъ на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Яковлевича Волкова. Онъ исполнялъ безразлично обязанности секретаря и при императрицѣ и при Биронѣ, такъ-что часто въ его черновыхъ бумагахъ на одномъ и томъ же листѣ императорскій рескриптъ или указъ писался рядомъ съ какимъ нибудь отпускомъ письма фаворита къ кому либо изъ вельможъ.

Аволіо. Отсюда оказывается, что содержаніе теаральнаго представленія было заимствовано изъ священной исторіи Ветхаго завѣта, именно изъ приключеній Іосифа, проданнаго братьями и жившаго въ Египтѣ при Пентефріѣ. Изъ росписанія же видно, что дѣйствующими лицами были кадеты и пѣвчіе. Между прочимъ одного изъ братьевъ Іосифа — Исахара долженъ былъ играть „Петруша"; потомъ это имя зачеркнуто и написано вмѣсто того „ротмистръ". Предъ именемъ Веніамина написано „Карлхенъ". Прочіе актеры обозначены по фамиліямъ. Извѣстно, что у Бирона было два сына Петръ и Карлъ, а потому и должно полагать, что и они участвовали въ представленіи мистеріи. Петръ Биронъ пожалованъ былъ Анною въ ротмистры мюнихова кирасирскаго полка 16 февраля 1732 года [1]). Стало-быть роспись Полубояринова была составлена до этого производства, а потомъ исправлена послѣ 16 февраля. Эти извѣстія для настоящаго жизнеописанія въ томъ отношеніи имѣютъ значеніе, что въ постановкѣ или въ сочиненіи театральной пьесы принималъ участіе Тредіаковскій, такъ какъ ему пожаловано было по этому случаю 100 рублей. Роспись Полубояринова, какъ любопытный матеріалъ для исторіи театральныхъ

---

1) «Для его оказанной къ намъ непоколебимой вѣрности и извѣстной къ воинской службѣ способности», какъ сказано въ патентѣ Петра Бирона на этотъ чинъ. Извѣстно, что императрица Анна особенно любила сыновей Бирона, что и давало поводъ иностранцамъ думать, что эти дѣти не были сыновьями жены фаворита. Изъ пожалованія чиномъ этихъ ребятъ дѣлали какую-то потѣху. Такъ напр. есть прошеніе, также писанное Полубояриновымъ отъ имени младшаго сына Бирона Карла, въ которомъ послѣ благодареній за пожалованіе въ маіоры конной гвардіи, слѣдуетъ: «токмо, всемилостивѣйшая государыня, какъ оной, такъ и пѣхотной гвардіи солдаты, гдѣ стоятъ на часахъ, никогда мнѣ ружьемъ чести не отдаютъ такъ, какъ надлежитъ всякому офицеру, а для чего— не знаю. Иные жъ и то говорятъ, что будто меня мало и знать, что какой я человѣкъ, въ чемъ я признаваю, нѣтъ ли чьего имъ приказу, чтобъ они со мною для стыда моего такъ поступали, изъ чего я не малую обиду себѣ чувствую...» Затѣмъ ходатайство объ объявленіи приказа, чтобы просителю отдавали честь: «А что до нынѣ конной гвардіи офицеры, которымъ я нѣсколько разъ о томъ и говаривалъ, такъ со мною поступали, въ томъ нижайше прошу указать мнѣ дать сатисфакцію....» Просьба эта очевидно написана для развеселенія императрицы; но она не дурно рисуетъ тѣ времена, когда доносы и всякаго рода наущенія при дворѣ примѣшивались даже въ шуточныя прошенія отъ имени малолѣтнихъ.

зрѣлищъ въ Россіи, помѣщается въ концѣ настоящаго жизнеописанія въ приложеніи II.

Въ томъ же 1732 году Тредіаковскій занимался переводами по приглашенію Академіи наукъ. Первою работою его тамъ было исправленіе перевода съ французскаго Mémoires d'artillerie par Surirey de Saint-Remy [1]). Еще въ 1731 году Шумахеръ писалъ къ графу Мюниху, что печатаніе этого перевода въ академической типографіи будетъ стоить шесть тысячъ рублей съ небольшимъ и что, слѣдовательно, оно обойдется дешевле чѣмъ изданіе за границею; при этомъ предполагалось исправить и доски, на которыхъ были уже выгровированы рисунки къ Запискамъ [2]). Мюнихъ согласился на эти условія объ изданіи въ русскомъ переводѣ книги Сенъ-Реми, а потому 24 февраля 1732 года, въ Академіи наукъ состоялось слѣдующее постановленіе: „сего февраля 23 дня во Академіи наукъ будучи, переводчикъ Василій Тредіаковскій объявилъ, что оную-де книгу онъ противъ оригинала исправлять будетъ одинъ какъ возможно съ поспѣшеніемъ, токмо-де дабы за его трудъ Академія не оставила; и для разсмотрѣнія г. генералъ-маіору барону фонъ Люберасу предлагать будетъ, того ради опредѣлено вышеписанную книгу противъ оригиналу исправлять показанному Тредіаковскому, понеже онъ французскаго языка весьма искусенъ, который нѣсколько уже той книги и исправилъ, и изъ печати вышло (а которые въ Академіи переводчики имѣются, однако положенными дѣлами отягчены). И для того за трудъ его объявленной книги выдать ему, Тредіаковскому, денегъ 300 рублей, изъ которыхъ напредь 150 рублей, а достальные 150 рублей по окончаніи той книги и для вящшей въ печатаніи оной книги поспѣшности, писцу Ѳедору Степанову дать указъ, въ которомъ прописать, дабы ту книгу какъ онъ, такъ и обрѣ-

1) 9 іюня 1731 года, канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи такъ увѣдомляла объ этомъ переводѣ: «Въ прошлыхъ годѣхъ, по именному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, переведена съ французскаго на россійскій діалектъ артиллерійская книга въ двухъ томахъ и принадлежащія тѣмъ книгамъ на мѣдныхъ доскахъ грыдорованьныя фигуры вырѣзаны»... (II, книга № 7).

2) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ, письмо 15 февраля 1731 года

тающіеся въ той типографіи служители днемъ и нощію безослабно работали, чтобъ оную въ скоромъ времени во окончаніе привести и во исправленіи объявленной книги его, Тредіаковскаго, обязать письменно...." [1]). Книга эта напечатана въ 1733 году [2]).

20 іюня 1732 года Шумахеръ просилъ Тредіаковскаго сдѣлать ему одолженіе перевести Vocabulaire de commerce, ou table alphabétique de termes de commerce [3]).

Между тѣмъ Тредіаковскій продолжалъ свои посѣщенія духовныхъ, и у него снова произошли столкновенія съ упомянутымъ выше архимандритомъ Платономъ Малиновскимъ. Однажды послѣдній встрѣтился съ Тредіаковскимъ въ гостяхъ у священника Василья въ монастырской слободѣ невскаго монастыря, гдѣ также были архіепископы Петръ бѣлгородскій и Иларіонъ черниговскій, и архимандритъ Евфимій Колетти. Здѣсь-то, по словамъ современнаго экстракта изъ дѣла (къ сожалѣнію сильно поврежденнаго, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и остались пропуски) „при пѣніи Тредіаковскимъ сочиненія своего псалмы, оный Малиновскій, для лучшаго вразумленія, велѣлъ тоё псалму оному Тредіаковскому.... говорилъ,

---

1) II, книга № 7.

2) Вотъ ея заглавіе: Меморіи или записки артиллерійскія, въ которыхъ описаны мортіры, петарды, доппельгакены, мушкеты, фузѣи, и все что принадлежитъ ко всѣмъ симъ оружіямъ: бомбы, каркасы, и гранаты, и проч. Литье пушекъ, дѣло селитры и пороху, мосты, міны, карры и телѣги; и лошади, и генерально все что касается до артиллеріи. Такъ на морѣ, какъ на сухомъ пути. Распоряженіе магазіновъ, сочиненіе нарядовъ и становъ при армеѣ, и въ осадахъ; походъ нарядовъ, и разположеніе ихъ во время баталіи. Способъ оборонять крѣпости, и должность офицерская и проч. Чрезъ господина Сюріреѣ де Сенъ Ремі. Томъ первый. Переведены съ французскаго языка. Напечатаны въ Санктпетербургѣ въ Імператорской Академіи Наукъ, 1732 года. Въ 4°; при первомъ томѣ гравированный на мѣди портретъ Анны. 10 ненум. и 388 нумер. стр. съ 121 гравированными на мѣди изображеніями и нѣсколькими таблицами. Въ началѣ посвященія Мюниха, гдѣ говорится, что еще Петръ Великій хотѣлъ видѣть эту книгу на русскомъ языкѣ. Это посвященіе ввело въ заблужденіе составителя Росписи россійскимъ книгамъ Смирдина (Спб., 1828 г.), и онъ подъ № 4315 переводъ приписалъ графу Христофору Мюниху. Во второмъ томѣ 6 ненум. и 339 нумерованныхъ стр., съ 191 гравированными на мѣди изображеніями и нѣсколькими таблицами. Во второмъ томѣ правописаніе заглавія нѣсколько измѣнено напр. литье вм. литьѣ.

3) I, Исходящія письма 1728—1742 годовъ.

что оная псалма вѣрѣ нашей противная и еретическая: вотъ бы онъ сочинялъ дѣвичьи пѣсни.... Когда кому не безъ пролитія крови отмстится, и многажды повторяя: кровію кровь-де это развѣ очиститъ. Не думайте-де.... чтобъ вамъ, бывши въ чюжихъ краяхъ и пріѣхавъ, Церковь православную порочить своими ересьми. Дай Боже, всемилостивѣйшей государынѣ императрицѣ здравіе и прочимъ православнымъ: прольется ваша еретическая кровь! Право-де Богъ это дастъ. И на то-де Иларіонъ и Петръ, архіепископы, говорили тому Малиновскому: напрасно-де онъ сердится: пѣснь оная никаковой ереси въ себѣ не имѣетъ. И ежели-де въ чемъ оный Тредіаковскій, какъ молодой человѣкъ, погрѣшилъ, то утрѣ-де къ вамъ пѣснь на домъ пришлетъ и будетъ васъ просить о исправленіи. И на то-де Колетти (сторонникъ Малиновскаго) архіепископа Петра поносилъ, что онъ ничего не знаетъ и не смыслитъ, а то-де подлинно тутъ много противности нашей греческой православной церкви. И какъ-де означенную псалму на другой день Тредіаскій прислалъ съ письмомъ, писаннымъ по латыни, къ Малиновскому, и Малиновскій-де, пріѣхавъ въ невскій монастырь къ обѣднѣ онаго Тредіаковскаго за объявленное письмо благодарилъ и прощенія у него просилъ, что-де напрасно его, Тредіаковскаго, вчерась шумный оскорбилъ; а псалма-де его, Тредіаковскаго, никакого въ себѣ порока не имѣетъ....“ Малиновскій объяснялъ впослѣдствіи объ этой ссорѣ: „....что онъ про означеннаго Тредіаковскаго слова такія: не его-де дѣло богословскія сочинять вещи, для которыхъ-де имѣются многіе достойнѣйшіе — говорилъ, озлобясь на того Тредіаковскаго, будучи на невскомъ подворьѣ, гдѣ были въ компаніи у архимандрита Петра (что нынѣ бѣлгородскій архіерей) всѣ синодальные члены въ томъ числѣ и онъ, Малиновскій. И тогда-де пѣніе было пѣвчими концертъ великомученицѣ Екатеринѣ. А послѣ-де пѣнія помянутый Тредіаковскій, вынявъ у себя тетрадь, и подалъ покойному Ѳеофану архіепископу новгородскому. И оный Ѳеофанъ, архіепископъ, велѣлъ тоё тетрадь оному Тредіаковскому прочесть вслухъ, и Тредіаковскій-де читалъ. Въ которой-де писаны были стихи, зовомые сатиры, и во оныхъ на-

писана была укоризна на великороссійскихъ богословіи учителей, якобы ничего не знаютъ.... Какъ прочтутъ книгу Камень вѣры, то-де ученіе въ себѣ полагаютъ и мудрыми себя ставятъ, и прочее ко укоризнѣ учителемъ было писано жъ, а какъ-де именно того не упомнитъ. И тогда-де онъ, Малиновскій, не смѣя въ компаніи честныхъ духовныхъ персонъ про... тому Тредіаковскому, смолчалъ".... Ясно, что послѣдній читалъ сатиру Кантемира.

Новый 1733 годъ Тредіаковскій встрѣтилъ стихами, которые имъ озаглавлены: „Пѣснь сочиненная на голосъ, и пѣтая предъ ея Імператорскимъ Величествомъ Анною Іоановною самодержицею всероссійскою"[1]). Перевлѣсскій высказалъ предположеніе, не къ этой-ли пѣснѣ относится разсказъ, сообщенный Бантышъ-Каменскимъ, что Тредіаковскій одну изъ сочиненныхъ имъ одъ „пропѣлъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, стоя у камина на колѣняхъ передъ нею, за что въ вознагражденіе имѣлъ счастіе получить отъ державной ея руки всемилостивѣйшую оплеушину!" Въ разсказѣ прибавлено, что это собственныя слова Тредіаковскаго[2]). Хотя уже было говорено

1) Она напечатана на стр. 74—79 Новаго и краткаго способа къ сложенію россійскихъ стіховъ (Спб., 1735), но упомянулъ о ней въ первый разъ печатно Тредіаковскій въ Одѣ торжественной о сдачѣ города Гданска, изданной въ 1734 году, гдѣ въ приложенномъ разсужденіи о одѣ вообще сказано: «Строфы, пѣснію отъ меня названныя, сочинилъ я поздравительныя новымъ годомъ, на голосъ положенныя, и пѣтыя предъ Ея Імператорскимъ Величествомъ, Анною Іоанновною, самодержицею Всероссійскою, Всемилостивѣйшею Нашею Государынею, въ самый первый день 1733 года, которыя начинаются чрезъ:

Новый годъ начинаемъ
Радость всѣ ощущаемъ.»
и проч.

Потомъ эта пѣснь была авторомъ передѣлана и помѣщена въ Сочиненіяхъ и переводахъ (Спб., 1752), II, 180—182, съ ошибочнымъ указаніемъ, что она пѣта въ новый 1732 годъ, тогда какъ только въ половинѣ января этого года императрица Анна и дворъ переѣхали изъ Москвы въ Петербургъ.

2) Избранныя сочиненія Тредіаковскаго изд. Перевлѣсскаго, стр. XVII. Словарь достопамятныхъ людей русской земли (М., 1836.), V, 147. И. Снегиревъ увѣрялъ, что онъ будто видѣлъ у профессора Мерзлякова рѣдкое изданіе анакреонтическихъ пѣсенъ Тредіаковскаго, вышедшее въ Петербургѣ около 1740 года въ 12°, и что здѣсь напечатано именно примѣчаніе о всемилостивѣйшей оплеушинѣ. Никакого подобнаго изданія до сихъ поръ не встрѣчалось и не упоминалось ни въ одномъ библіографическомъ указателѣ о трудахъ Тредіаковскаго; между тѣмъ нѣкоторые изъ этихъ указателей очень полны.

выше, что подобныя извѣстія Бантышъ-Каменскаго весьма сомнительны, однако, если это и выдуманный анекдотъ, то по-крайней мѣрѣ онъ не грѣшитъ невѣрностію въ изображеніи эпохи, къ которой отнесенъ. Такъ М. Дмитріевъ слыхалъ отъ Платона Бекетова, еще знавшаго современниковъ Тредіаковскаго, „что когда при торжественномъ случаѣ Тредіаковскій подносилъ императрицѣ Аннѣ свою оду, онъ долженъ былъ отъ самыхъ дверей залы до трона ползти на колѣняхъ!“[1]). Теперь это кажется дикимъ, но о тѣхъ временахъ находимъ не мало подобныхъ воспоминаній въ самыхъ аристократическихъ семействахъ. Княгиня Дашкова, напр., разсказывала, что императрица Анна приказала, чтобы одинъ изъ князей Голицыныхъ, бывшій придворнымъ шутомъ, сдѣлался наседкою, причемъ ему строго было запрещено выходить изъ такой роли. Для этой цѣли поставлено было въ одномъ изъ главныхъ покоевъ дворца огромное лукошко, наполненное соломою и яицами. Князь, подъ страхомъ смертной казни, обязанъ былъ сидѣть на этомъ импровизованномъ гнѣздѣ и, чтобы сдѣлать себя еще болѣе смѣшнымъ, кудахталъ подобно насѣдкѣ! Княгиня же Дашкова сохранила для потомства, что однажды та же императрица пожелала видѣть русскую пляску, для чего были позваны во дворецъ четыре тогдашнія петербургскія красавицы, извѣстныя своимъ искусствомъ плясать по русски. Въ числѣ ихъ была и мать княгини. Когда эти дамы начали пляску въ присутствіи государыни, которая, по отзывамъ современниковъ возбуждала къ себѣ чувство невольнаго страха во всѣхъ приближенныхъ, то онѣ до того растерялись, что совсѣмъ забыли фигуры пляски. Смущеніе было полное, но онѣ были вдругъ наэлектризованы отъ приближенія ея величества, которая гнѣвная встала съ своего мѣста, съ чрезвычайнымъ достоинствомъ подошла къ нимъ, дала каждой по пощечинѣ и приказала снова начать пляску, что дамы и исполнили болѣе мертвыя, чѣмъ живыя отъ страха[2]). Подозрѣвать, что княгиня

1) Мелочи изъ запаса моей памяти М. Дмитріева (2-е изд. М., 1869), стр. 5, 6.

2) Memoiren der Fürstin Daschkoff zur Geschichte der Kaiserin Katharine II (Hamburg 1857), I, 125, 126.

Дашкова выдумала это событіе, въ которомъ дѣйствующимъ лицомъ была ея мать, едва ли можно, а потому удивительно-ли то, что разсказываетъ Бантышъ-Каменскій о случившемся съ Тредіаковскимъ по окончаніи чтенія стиховъ въ присутствіи императрицы Анны?

Въ началѣ 1733 года Тредіаковскій написалъ оду на возшествіе на престолъ этой государыни [1]), и въ ней главное мѣсто отведено намекамъ на неудавшуюся попытку ограничить самодержавіе при вступленіи на престолъ государыни:

. . . .
Лишились Монарха младаго,
Благъ нашихъ столпа и надежды;
Стали безъ ума какъ невѣжды:
Не видимъ оставшася къ Престолу другаго.
* * *
Со злобами стали всѣ слѣпы,
Шатались больше, нежъ піани,
Обуяли, къ разуму звани,
И се умыслы чинятъ въ гордости не лѣпы:
Мнятъ что Россію утверждаютъ,
Ухищряютъ правило не право,
Шепчетъ имъ гордость, что то здраво.
Ахъ! невидятъ, невидятъ, что тѣмъ раззоряютъ.
* * *
И раззорилибъ. Но Богъ дивныи
и т. д.

Въ 1733 году отношенія Тредіаковскаго къ Шумахеру были самыя лучшія, въ такой степени, что первый счелъ умѣстнымъ, послѣ одной бесѣды съ библіотекаремъ и акедемиками, излить свои восторженныя чувства въ письмѣ такого содержанія [2]):

1) Заглавіе ея: «Ода привѣтственная всемилостивѣйшеи государынѣ Імператріцѣ Самодержицѣ всероссінскои Аннѣ Іоанновнѣ въ день отправляющагося торжества, то есть 19 генваря, для радостнаго всѣмъ намъ возшествія Ея Величества на всероссінскіи престолъ. Печатана въ Санктпетербургѣ въ Академіи наукъ, генваря 18 дня, 1733 года».—Въ f⁰, 4 нен. стр. Единственный экземпляръ въ Публичной библіотекѣ. Въ концѣ оды подпись: «Чрезъ всеподданнѣйшаго Ея Величества раба Васілья Тредіаковскаго».

2) Милостивый Государь. Совершенно справедливо, что когда говоришь съ умными людьми, то перенимаешь мало по малу ихъ привычки. Это истина, которая мнѣ кажется такого свойства, что въ ней нельзя сомнѣваться, потому что я самъ испыталъ это, такъ какъ имѣлъ честь въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ быть съ вами, людьми даровитыми и академи-

Monsieur. Il est bien vrai, que si l'on converse avec des gens d'esprit, on contracte petit à petit la même habitude avec eux. C'est une vérité, qui me parait être de cette nature, que l'on ne peut revoquer en doute: car j'en ai fait l'expérience par moi même, puis qu'ayant eu l'honneur de me trouver hier pendant un petit moment avec vous, qui fûtes tous des habiles gens et des académiciens, j'ai senti aussitôt que vous m'avez quité, qu'une très grande envie me prenoit pour faire ces vers, que vous m'avez demandés.

Tout d'un coup je grimpe sur le Parnasse, où par malheur, je

ками. Тотчасъ какъ я васъ покинулъ, у меня явилась охота сочинить тѣ стихи, которыхъ у меня просили.

Въ одну минуту я взбираюсь на Парнасъ, гдѣ на бѣду я не нашелъ ни своенравныхъ музъ, ни сущаго говоруна Аполлона, къ которымъ я хотѣлъ обратиться помочь мнѣ намараксать помянутые стихи. Я былъ опечаленъ до того, что мнѣ немногаго не доставало, чтобы наговорить глупостей этому Аполлону и бросить работу. И вотъ сначала послышался голосъ очень тихій и прелестный, совершенно растрогавшій мое сердце, и звуки гармонической лиры, на которой играли съ изумительною граціею. Чудесное движеніе меня охватило такъ могущественно, что я пришелъ въ восторгъ. Тогда, несмотря на иступленіе, которое чувствовалъ въ себѣ подъ вліяніемъ этой гармонической и небесной мелодіи, мнѣ не хотѣлось выдти изъ такого состоянія, такъ-какъ въ немъ я испытывалъ невообразимую нѣгу и ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе. Чѣмъ болѣе пѣли и играли, тѣмъ сильнѣе мои чувства предавались восторгу. Я слушалъ съ ненасытимою охотою слова, которыя пѣли, и дрожалъ за себя, чтобы скоро ихъ не перестали пѣть вопреки моего желанія. Потерявъ способность чувствовать всѣ прелести міра, я только былъ чуткимъ и привязаннымъ къ этимъ тихимъ звукамъ. Они были произносимы такъ явственно, что я не проронилъ изъ нихъ ни одного слова. Вотъ они: Я, Аполлонъ, уходите отъ меня прочь — вамъ нѣтъ болѣе во мнѣ нужды. Вдохновляемые другимъ, трудитесь безъ опасенія. Не жалуйтесь на невозможное. Не слушайте болѣе звуковъ нашихъ концертовъ — мой голосъ вамъ это воспрещаетъ. Зачѣмъ искать музы, когда Шумахеръ стоитъ ста Аполлоновъ?

Когда эти слова были окончены по всей вѣроятности Аполлономъ, то я жестоко обидѣлся такимъ отказомъ, и былъ весь въ огнѣ отъ гнѣва, что возвратило мнѣ движеніе, такъ что я сдѣлался на столько смѣлымъ, чтобы высказать крѣпкое слово плуту Аполлону.

Но, милостивый государь, такъ какъ я разсорился съ Аполлономъ, то не думаю, чтобы мои стихи были хороши, однако увѣряю васъ, что я тутъ употребилъ все возможное стараніе. А какъ вы стоите ста Аполлоновъ, какъ онъ самъ сказалъ, то вамъ слѣдуетъ сказать, что они написаны во сто разъ лучше, чѣмъ когда они были бы продиктованы Аполлономъ.

Что касается до меня, то я говорю, что я работалъ, не надѣясь болѣе на помощь отъ Аполлона, возбужденный вами, и что я есмь какъ былъ

Вашъ и проч.

Іюня 1733 года.

n'ai pas trouvé ni ces diablesses des Muses, ni ce franc causeur d'Apollon non plus, à qui j'ai voulu m'adresser pour m'aider à barbouiller les vers en question. Etant chagrin, jusqu'à dire des sottises à cet Apollon là, peu s'en fallût, que je ne quittasse la besogne.

Et voilà d'abord j'entendis une voix tout à fait douce et charmante, qui toucha tout mon coeur, et le son de la lyre harmonieuse, de la quelle on jouoit avec une grâce sans seconde, et un tour merveilleux me le ravit d'und manière si puissante, que je me suis trouvé en extase. Alors malgré la violence, que je sentois dedans moy, produite par l'efficace de cette mélodie harmonieuse et divine, je ne souhaittois pas d'être hors de cet état, dans lequel je goûtois une douceur au dessus de l'imagination, et jouissois d'un plaisir sans pareil. Plus on chantoit, et plus on jouoit, plus mes sens se prêtoient au ravissement. J'écoutois les paroles chantées avec une envie insatiable et je tremblois pour moy, qu'on ne les cessat de chanter sitôt, malgré mes désirs. Apres avoir perdu le sentiment pour tous les charmes du monde je n'etois sensible et attaché uniquement qu' à ces doux accens, que l'on prononçoit si distinctement, qu'il ne m'est pas echapé un seul mot, et les voici:

Moi, qui suis Apollon, allez vous en bien loin;
Vous n'avez à présent aucun de moi besoin,
Inspiré d'un autre travaillez donc sans crainte,
D'impossibilité ne me faites la plainte.
De nos concerts n'écoutez plus les sons;
Ma voix vous le refuse;
Pourquoi chercher la Muse?
Car Chumacher vaut bien cent Apollons..

Après que ces paroles fûrent par Apollon, suivant toute l'apparence, achevées, je fus piqué au vif à cause de ce refus, et la colère me mit tout en feu, par conséquent me redonna le mouvement, de sorte que je devins si hardi, que j'ai laché d'abord des grand mots à ce coquin d'Apollon.

Mais, monsieur, puisque je me suis brouillé avec Apollon, je ne crois donc pas que mes vers soient beaux. Cependant je vous assure, que j'y ai employé tout mon possible. Et puisque vous valez une centaine d'Apollon, comme dit lui même, c'est à vous

à dire, qu'ils sont cent fois mieux tournés, que s'il me seroient dictés par Apollon.

„Pour moy, je dis, que j'ai travaillé, n'espèrant plus de secours d'Apollon, excité par vous, et que je suis comme je l'etois, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

Le 1 juin 1733. B. Trediakoffsky[1]).

Послѣ назначенія въ президенты Академіи Германа Кейзерлинга, Тредіаковскій окончательно вступилъ на службу въ Академію, при чемъ съ нимъ было заключено обязательство на французскомъ языкѣ, переводъ съ котораго, писанный рукою Тредіаковскаго, сохранился въ академическихъ дѣлахъ[2]).

„Перево́дъ. По ꙋказу Ея̀ Імператорскаго Вели́чества, принялъ ꙗ̀ Васілья Тредіаковскаго ро́диною изъ А̓страхани въ А̓кадемію Наукъ по слѣдующимъ конді́ціямъ: 1. Помянутой Тредіаковскій ѡбязꙋ̆ется чини́ть, по всей своей возмо́жности, всѐ тѝ, въ чемъ состои́тъ інтере́съ Ея̀ Імпера́торскаго Вели́чества, и̓ че́сть А̓кадеміи. 2. Вычища́ть ꙗ̀зы́къ рꙋской пи́шучи какъ сті́хами, та́къ и̓ не сті́хами. 3. Дава́ть ле́кціи, е̓́жели оͭ него потребовано будетъ. 4. Ѡкончи́ть Грамматікꙋ, котѡ́рꙋю о̓нъ началъ, и́ трꙋди́ться совокупно съ прочіими надъ Дікціонаріемъ рꙋскимъ. 5. Переводить съ фра͠цузскаго на рꙋской ꙗзы́къ всѐ что емꙋ дастся. За сіѐ будетъ о̓нъ имѣть годовагѡ жалованья 360 рублей, включая въ ни́хъ свѣчѝ, дрова, и̓ квартиру, съ ті́тлоⷨ секретаря. Сіе жалованье начнеͭся съ 1-го сентября и будетъ е̓мꙋ даваться изъ ларца̀ А̓кадеміи наукъ какъ и̓ прочіимъ, которые отъ нея зависятъ. Въ увѣре́ніе сегѡ̑ закрѣпилъ ꙗ сей моею рꙋкою и̓ приложилъ печа́ть а̓кадемическꙋю. В̓ С. Петербургѣ 14 Октяⷠря 1733 Года. У подлиннаго поⷣписано такѡ: Германъ Кейзерлигъ, пре́зіде́нтъ Академіи Наукъ и віце-Президентъ юстіцъ коллегіи“.

Впослѣдствіи Тредіаковскій, говоря о своихъ работахъ по Академіи въ силу этого обязательства, присовокупилъ подробность, что сверхъ того онъ обучалъ русскому языку самого

1) I, Входящія письма 1729—1735. | 2) II, книга № 791.

президента[1]). Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ Тредіаковскаго говорилось, что онъ въ 1733 году получилъ мѣсто секретаря Академіи наукъ. Изъ сейчасъ приведеннаго обязательства видно, что ему былъ приданъ только титулъ секретаря безъ назначенія исполнять эту должность, почему въ современныхъ канцелярскихъ бумагахъ его называли не иначе какъ „подъ титуломъ секретаря“[2]).

28 февраля 1734 года, академическая канцелярія поручила Тредіаковскому „Исторію генеалогическую о татарахъ, которая переведена на французской съ рукописныя татарскія, сочиненную чрезъ Абулгази-Баядуръ-хана, а напечатана на французскомъ языкѣ въ Лейденѣ въ 1726 году[3]), съ онаго языка перевесть на русской языкъ....“ Впослѣдствіи, именно въ 1743 году, Тредіаковскій объ этомъ переводѣ писалъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, что „Родословная татарская исторія.... окончена переводомъ еще въ 1737 годѣ и отдана въ Академію наукъ, а въ печать не произведена, однако она весьма того достойна, для своихъ разныхъ ученыхъ и къ любопытству возбуждающихъ примѣчаній, чтобъ ей свѣтъ на россійскомъ языкѣ видѣть....“[4]).

---

1) II, книга № 77; Исторія Академіи Наукъ, I, 501.

2) 7 января 1734 состоялось правительственное распоряженіе о наборѣ со всего государства драгунскихъ лошадей съ тѣмъ, что тѣ, которые были не въ состояніи представить такихъ лошадей, могли уплатить деньгами за каждую по 20-ти рублей. Академическіе переводчики отказывались отъ этихъ платежей на томъ основаніи, что они не имѣютъ ранговъ и не состоятъ въ службѣ при канцеляріи, а находятся при Академіи. Тредіаковскій писалъ по этому же случаю, «что онъ капитанскаго ранга не имѣетъ, также и канцелярскія въ Академіи наукъ должности никаковыя не отправляетъ, а обрѣтается не инако какъ служащимъ въ Академіи наукъ, имѣя токмо титлъ секретаря да не дѣйствительнаго; сверхъ же того и жалованья обыкновеннаго дѣйствительнымъ секретарямъ не имѣетъ, а получаетъ токмо то, чѣмъ Академіи наукъ заблагопотребно находить за труды его въ оной Академіи награждать. А по указу де только съ тѣхъ брать велѣно, которые дѣйствительно ея императорскаго величества жалованье получаютъ....» Несмотря на такіе доводы, сенатъ 24 іюня 1734 года, подтвердилъ о непремѣнномъ исполненіи перваго указа.

3) Histoire généalogique des Tatars, trad. du manuscrit tartare (sic) d'Abulgasi Bayadur-chan, et enrichie d'un grand nombre de remarques.... sur le véritable état présent de l'Asie septentrional, par D. (Bentick), Leyde, 1726, in 12⁰. См. Manuel du libraire et de l'amateur de livres, par Brunet (Paris, 1860) I, 19.

4) II, книга № 77.

Переводъ этотъ гораздо послѣ былъ изданъ Академіею наукъ [1]).

Въ 1734 году былъ взятъ Данцигъ русскими войсками, и это событіе подало Тредіаковскому случай написать въ іюлѣ того же года оду, при которой въ началѣ помѣщено посвященіе любимцу императрицы Бирону, а въ концѣ „Разсужденіе о одѣ вообще" (заимствованное изъ Discours sur l'ode Буало) [2]). „Давно уже искренняя ревность. которую я, говоритъ наивно авторъ въ посвященіи временщику, къ вашему сіятельству въ сердцѣ имѣю, меня побуждала, чтобы оную вашему сіятельству чрезъ нѣчто внѣшнее засвидѣтельствовать, но глубокопочитающіи васъ мои страхъ отъ того меня удерживалъ, а случаи недопускающіи до толикаго дерзновенія всегда возпящалъ. Довольно мнѣ было до нынѣ, высокія и въ не многихъ находящіяся вашего сіятельства добродѣтели, внутренно токмо почитать, и онымъ удивляться, которыя ваше сіятельство, ближайше всѣхъ при самодержицѣ всероссійской поставили"...

Самая ода, начинающаяся:

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ
и т. д.

не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чтобы ее отличало отъ

---

1) Вотъ его заглавіе: «Родословная історія о татарахъ, переведенная на французской языкъ съ рукописныя татарскія книги сочиненія Абулгази-Баядуръ-Хана, и дополненная великимъ числомъ примѣчаній достовѣрныхъ и любопытственныхъ о прямомъ нынѣшнемъ состояніи Сѣверныя Азіи съ потребными географическими ландкартами, а съ французскаго на россійскій въ Академіи наукъ. При императорской Академіи наукъ.» Въ 8°, 1-й томъ 483 нум. стр., 2-й 480 нум. стр.; въ концѣ втораго гравированная на мѣди карта. Года выхода въ свѣтъ не обозначено, но въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, III, № 4882 выставленъ 1768 годъ; тоже въ Росписи россійскимъ книгамъ Смирдина (Спб., 1828), № 3138.

2) «Ода торжественная о здачѣ города Гданска, сочиненная въ вящшую славу имени всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни Анны Іоанновны імператріцы и самодержицы всероссійскія. Чрезъ Васілья Тредіаковскаго Санктпетербургскія Імператорскія Академіи Наукъ Секретаря. Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ MDCCXXXV. За тѣмъ то же заглавіе по нѣмецки. Текстъ также на двухъ языкахъ: на правой страницѣ по русски, на лѣвой по нѣмецки. Переводъ на послѣднемъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ сдѣланъ академикомъ Юнкеромъ. Въ 4°, 31 ненум. страница. Посвященіе Бирону подписано 8 іюля 1734.

другихъ произведеній Тредіаковскаго, но въ разсужденіи объ одѣ есть любопытныя мѣста. Такъ, напр., тамъ читаемъ:

„Говоря о Грекахъ, Римлянахъ, и Французахъ, не могу я умолчать о природномъ нашемъ Россіанинѣ, то есть о Преосвященнѣишемъ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Архіепіскопѣ Великоновгородскомъ и Великолуцкомъ, Святѣишаго Правительствующаго Всероссійскаго сѵнода первенствующемъ членѣ, которои, поистиннѣ, какъ другіи Гораціи, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ предражаишеи своеи Одѣ, сочиненнои имъ на латінскомъ языкѣ, когда блаженныя и достославныя памяти, Петръ вторыи, імператоръ и самодержецъ Всероссіискіи, отправлялся въ Москву для коронованія, что Гораціи бы сáмъ, посмотрѣвъ оную, въ удивленіе пришолъ, и тужъ бы его преосвященству справедливость похвалы учинилъ, которую я ему теперь отдаю. Я когда пріѣхалъ изъ Франціи въ Санктпетербургъ, и чрезъ пріятство одного мнѣ друга, въ Санктпетербургской Імператорской Академіи наукъ, достоинаго Адъюнкта, лишъ въ первые сталъ читать сообщенную мнѣ ту Оду, и почувствовалъ Энтузіасмъ Ея превысокіи, то въ толь великіи Эктузіасмъ удивленія и самъ пришолъ, что не могъ, свидѣтельствуюся совѣстію моею, удержаться, чтобъ съ дважды, или съ трижды не вскричать: Боже мои! какъ эта Ода хорошо, и мастерски сдѣлана!...

„*Оду*, которую я сочинилъ, и по причинѣ которыя сіе учинено разсужденіе, также и которую преискуснѣишіи изъ лѵрическихъ піитъ нѣмецкаго народа, то есть, Господинъ Юнкеръ, въ Санктпетербургскои Імператорскои Академіи Наукъ публічнои профессоръ, благоволилъ перевесть на нѣмецкои языкъ, не даю я за такую, каковои еи надлежало быть по правилу, и каковыя самъ я хвалю; но только отдаю въ разсужденіе искуснымъ, объявляя имъ, что я всячески старался піндарізовать, то есть, Піндару во всемъ подражать, такъ что я въ неи мечь сердитымъ, а трезвымъ піанство назвалъ, и прочія многія, гораздо дерзновенныя, употребилъ фігуры съ великолѣпіемъ наивозможныхъ мнѣ словъ, по примѣру древнихъ Піитъ Діѳѵрамбіческихъ.... Не меньшежъ у меня и пятая *строфа* смѣла, кото-

рая полагаетъ, что якобы сама Ея імператорское величество при осадѣ присутствуетъ и полководствуетъ, вмѣсто чтобъ отдать, по правдѣ, ту честь его сіятельству Графу фонъ Міниху, воискъ Ея Імператорскаго Величества Генералу Фельдмаршалу.

„И по истиннѣ, гдѣ указъ Ея Імператорскаго величества повелѣваетъ что отправлять, тамъ Піита присутьствіе самаго лица, повелѣвающаго то исполнять, можетъ ввести, и указъ за присутьствіе взять.... Я не сомнѣваюся, чтобъ переводъ нѣмецкои по всему красняе, и осанковатѣе, вѣдая искусство, чрезъ пять шесть Одъ, господина Юнкера, не былъ моего подлиннаго сочиненія; однакожъ, я то себѣ только въ великую ставлю славу, и за превеликое почитаю щастіе, что я могъ чрезъ сію Оду изъявить, въ толь радостныи случаи, Ея Императорскому Величеству гарячую мою ревность, и купно чрезвычаиную радость, по должности всеподданнѣишаго Ея раба, и по собственному, къ Ея Імператорскому величеству, пламенѣющему моему доброусердію“.

Впослѣдствіи времени Тредіаковскій передѣлалъ силлабическій размѣръ, которымъ была написана эта ода, въ тоническій, и въ такомъ видѣ помѣстилъ ее во второмъ томѣ своихъ Сочиненій и переводовъ (Спб., 1752, стр. 21—34). Само собою разумѣется, что въ этой передѣлкѣ не было уже помина о Биронѣ, тогда жившемъ въ ссылкѣ въ Ярославлѣ; исключилъ также авторъ изъ разсужденія объ одѣ преувеличенныя похвалы Ѳеофану Прокоповичу, сошедшему уже въ могилу, а также и выше выписанное мѣсто о томъ, какъ нашъ стихотворецъ „піндарізовалъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ переправленномъ разсужденіи есть и прибавки, которыя быть можетъ вызваны современными ему критиками. Хваля оду Буало на взятіе Намюра, Тредіаковскій пишетъ: „признаюсь необиновенно, сія самая Ода подала мнѣ весь планъ къ сочиненію моея о здачѣ города Гданска; а много я въ той взялъ и изображеній; да и не весьма тщался, чтобъ мою такъ отличить, дабы никто не узналъ: я еще ставлю себѣ въ нѣкоторый родъ чести, что возмогъ нѣсколько уподобиться въ моей столь громкому и великолѣпному произведенію.... Что жъ до моея (оды); коль я ни тщался, однако, вѣдая мое

бессиліе, не уповаю, чтобъ она столькожъ сильно была сочинена, сколько Боалова, которой моя есть Подражаніе: довольно съ меня и того, что я нѣсколько возмогъ оной послѣдовать. Я впрочемъ и не даю моея Оды за совершенный образецъ въ семъ родѣ сочиненія: но при важности въ матеріи, и при Имени похваляемыя и восхваляемыя въ ней, она нѣчто имѣетъ въ себѣ, какъ мнится, нѣсколько не бесславное, а именно, самая первая есть на нашемъ языкѣ“.

Въ сентябрѣ 1734 года въ Академію наукъ назначенъ новый начальникъ, баронъ І. А. Корфъ, и Тредіаковскій по этому случаю написалъ стихотворное поздравленіе, тогда же напечатанное съ нѣмецкимъ переводомъ[1]). Здѣсь говорится между прочимъ:

Есть россійска муза, всѣмъ и млада, и нова;
А по долгу Ти служить съ прочими готова.
Многи Тя сестры ея славятъ Аполлона;
Ухо но не отврати и отъ Росска звона.
Слово красно произнесть та хоть не исправна;
Малыхъ по отцамъ дѣтей и нѣма рѣчь красна
и т. д.

Стихотвореніе это въ исторіи русской литературы въ томъ отношеніи имѣетъ значеніе, что есть первый, извѣстный до нынѣ въ печати образецъ тоническаго размѣра, честь открытія и водворенія котораго у насъ принадлежитъ Тредіаковскому. Онъ считалъ это — и справедливо — большою заслугою, почему оставилъ нѣсколько подробностей о томъ, какъ пришелъ онъ къ убѣжденію, что русскимъ стихамъ былъ несвойственъ употреблявшійся до того времени силлабическій размѣръ, и какъ послѣ того онъ перешелъ къ стихосложенію, названному имъ тоническимъ.

1) Заглавіе: «Новою достоино украшенному честію превосходительнѣйшему господину Іоанну Албрехту барону фонъ Корффъ ея імператорскаго величества самодержицы всероссійскія дѣйствительному камеръ-геру нынѣ жъ въ санктпетербургской імператорской Академіи наукъ главную имѣющему комманду покорнѣйшее поздравленіе отъ Василія Тредіаковскаго.» На оборотѣ двухъ листовъ. Внизу выходъ: «Печатано при Санктпетербургской Імператорской Академіи Наукъ, 1734 года.» Все это стихотвореніе перепечатано съ библіографическими примѣчаніями г. академикомъ Куникомъ въ его Сборникѣ метеріаловъ для исторіи императорской Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ (Спб., 1865), I, 2—6.

Такъ, напр., онъ разсказываетъ, что когда вернулся въ Россію, „порѣвался я съ бо́льшимъ напряженіемъ къ полученію успѣха въ Стіхахъ. Но, по сочиненіи чего нибудь, на какую Пѣсу ни посмотрю, вижу что-она не состоитъ Стіхами, выключая Ріѳму, но точно странными нѣкакими Прозаіческими Строчками. Напослѣдокъ, выразумѣлъ сему быть отъ того, что-въ-нихъ-не́ было никако́ва, по равнымъ расстояніямъ измѣреннаго, слоговъ Количества... Что́-больше? То́тчасъ напалъ я на возвышеніе и пониженіе голоса въ склада́хъ Просо́діею, то есть, на Тоніческое слоговъ Количество. Пото́мъ непосредственно и на Сто́пы: ибо кто-нападетъ-на-пе́рвое, тотъ не можетъ тогда жъ не напасть на другое.... Взялся я всѣхъ прежде за Сто́пу Хорея, въ коемъ-одно-сперва́ удареніе, а пото́мъ краткій слогъ....“ [1]).

Тредіаковскому нѣкоторые намекали, что онъ свое новое стихосложеніе взялъ съ французскаго; „но въ томъ, возражаетъ стихотворецъ, они толь далеко отстоятъ отъ истинны, коль Французское Стіхотвореніе отстоитъ отъ сего моего новаго.... Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающіе думать противно: ибо, по истиннѣ, всю я силу взялъ сего новаго Стіхотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стіху приличнаго; и буде желаютъ знать, то мнѣ надлежитъ объявить, то поэзія нашего простого Народа къ сему меня довела. Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ не искусства слагающихъ; но сладчайшее, пріятнѣйшее и пра́вильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели тогда греческихъ и латінскихъ, паденіе, подало мнѣ непогрѣшительное руководство къ введенію въ новый мой Эксаметръ и Пентаметръ.... Подлинно, почти всѣ званія при Стіхѣ употребляемыя, занялъ я у Французской Версіфікаціи; но самое дѣло у самой нашей природной, наидревнѣйшей оныхъ простыхъ Людей Поэзіи. И такъ всякъ рассудитъ, что не можетъ, въ семъ случаѣ, подобнѣе сказаться, какъ только, что я Французской Версіфіка-

---

1) Ежемѣсячныя сочиненія, іюнь, 1755 года, О древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотвореніи россійскомъ, стр. 496, 497.

ціи долженъ мѣшкомъ, а старинной Россійской Поэзіи всѣми тысячью рублями. Однако Франціи я обязанъ и за сло́ва; но искреннѣйше благодарю Россіанинъ Россію за самую вещь". [1]).

Послѣ стихотворнаго поздравленія барону Корфу начинаютъ появляться въ печати стихи тоническаго размѣра, которые, по всей вѣроятности, принадлежали перу изобрѣтателя этого размѣра. Такъ въ русскомъ переводѣ нѣмецкаго описанія фейерверка въ первый день новаго 1735 года есть въ концѣ четверостишіе, написанное хореями [2]). Далѣе въ подобномъ же переводѣ описанія иллюминаціи на день рожденія императрицы Анны, 28 января 1735 года [3]).

14 марта 1735 года баронъ Корфъ учредилъ при Академіи собраніе изъ переводчиковъ, которые два раза въ недѣлю, именно въ среду и субботу, обязывались, „сносяи прочитывая все кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи россійскаго языка случающихся переводовъ"... [4]). Въ тотъ же день собранія эти открылись рѣчью, произнесенною Тредіаковскимъ. Между похвалами барону Корфу и императрицѣ Аннѣ ораторъ высказалъ здѣсь взглядъ свой на цѣль вновь учрежденныхъ собраній именно, что тамъ должно заниматься составленіемъ Грамматики, Реторики и словаря. „Изъ основательныя грамматіки и красныя реторіки не трудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитіческому, развѣ только

---

1) Новый краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ (Спб., 1734 г.), стр. 24, 25.

2) Краткое изъясненіе изображенія онаго фейэрверка и іллуминаціи, которые въ честь ея імператорскаго величества самодержицы всероссійскія въ первый вечеръ 1735 года предъ Імператорскими палатами въ Санктпетербургѣ зажжены были. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ (Тоже заглавіе по нѣмецки). Въ f⁰, 4 ненум. стр. Въ два столбца; въ правомъ нѣмецкій а въ лѣвомъ русскій тексты.

3) Краткое изъясненіе изображенія онаго фейэрверка и іллуминаціи, которые въ честь ея імператорскаго величества самодержицы всероссійскія въ высочайшій день ея рожденія 28 Генваря 1735 года предъ імператорскими палатами въ Санктпетербургѣ зажжены были. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ (тоже заглавіе на нѣмецкомъ языкѣ). Въ f⁰, 4 ненум. стр.; напечатано въ два столбца: въ одномъ—русскій, въ другомъ—нѣмецкій тексты.

4) Исторія Академіи наукъ, I, 638—640.

одно сложеніе стіховъ неправильностію своею утрудить васъ можетъ, но и то, мои Господа, преодолѣть возможно, и привесть въ порядокъ: способовъ не нѣтъ, нѣкоторые же и я имѣю. Вся трудность состоитъ въ дікціонаріѣ“.... [1]).

На эту рѣчь, когда она дошла до Татищева, послѣдній отвѣчалъ Тредіаковскому длиннымъ письмомъ (изъ Екатеринбурга, 18 февраля 1736 года), въ которомъ выразился весь этотъ русскій историкъ и мыслитель - самоучка, незнавшій часто азбуки предмета и въ тоже время высказывавшій много такого, что не откажутся повторить и нынѣшніе ученые. Въ письмѣ Татищевъ прежде всего возстаетъ противъ множества излишнихъ буквъ въ тогдашней азбукѣ, въ родѣ ѕ, ѱ, ѯ, и т. п. За тѣмъ Татищевъ наивно доказываетъ, что многіе русскіе обороты и слова были не что иное, какъ искаженіе и порча словенскаго языка. Далѣе онъ распространяется о невѣрностяхъ и промахахъ въ переводахъ книгъ священнаго писанія, при чемъ излагаетъ исторію исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ. Вѣроятно это часть письма, которою уже конечно не могъ воспользоваться Тредіаковскій, въ свое время считалась чрезвычайно смѣлою, и авторъ еще болѣе подтвердилъ тѣмъ мнѣніе современниковъ, считавшихъ его за отъявленнаго вольнодумца [2]). Татищевъ не забылъ потомъ упомянуть, что за-

---

1) Рѣчь, которую въ санктпетербургской императорской Академіи Наукъ, къ членамъ Россійскаго Собранія, во время перваго оныхъ засѣданія, Марта 14 дня, 1735 года, говорилъ Василій Тредіаковскій Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ секретарь. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. Въ Санктпетербургѣ MDCCXXXV.

Ва 4°, 16 нумер. стран. Въ началѣ текста заставка, гравированная на мѣди, съ подписью König fecit. Berlin. Экземпляръ видѣлъ въ Публичной библіотекѣ. Въ перепечаткѣ см. Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Академіи наукъ, г. академика Куника, I, 7—15,

2) Такъ, напр., Татищевъ писалъ: «Извѣстно бо то, что царь Иванъ Васильевичь, въ свое время видя многія неисправы въ книгахъ, собравъ духовныхъ россійскихъ, о исправленіи языка и книгъ совѣтовалъ, но какъ тогда ученыхъ недостатокъ былъ, такъ и оное собраніе мало что полезное сдѣлали. Онъ же нарочно въ Грецію посылалъ, чтобъ старыя греческія книги сыскать и, людей ученыхъ вызвавъ, вновь перевести, но смерть то его намѣреніе пресѣкла, понеже хотя патріархъ іерусалимскій и нѣколико епископовъ изъ Греціи въ Москву пріѣхали и, книгъ привезши, соборъ учинили, но ничто полезное сдѣлали тѣмъ, что греческіе русскаго, а русскіе епископы греческаго языка не знали;

коны должны быть писаны „такъ вразумительно, какъ воля законодавца есть, и для того никакое иноязычное слово, ниже реторическое сложеніе въ законахъ употребляться можетъ“... Въ примѣръ вреда отъ употребленія иностранныхъ словъ въ

чрезъ переводчиковъ же все говорить и толковать было трудно. Борисъ же Годуновъ, шуринъ царскій и властитель тогдашній, какъ неумѣющій грамотѣ, мало о неисправленіи книгъ думать причину имѣлъ, а паче готовя себѣ путь къ престолу, видя, что митрополитъ и епископы въ великомъ у людей почтеніи были, и чрезъ нихъ ему желаніе свое исполнить удобнѣе нежели другими обстоятельствы явилось, прежде свергнувъ противнаго себѣ митрополита, по согласію съ патріархомъ іерусалимскимъ, избраннаго соборомъ митрополита московскаго Іева патріархомъ и четырехъ главныхъ архіепископовъ митрополитами, а къ тому еще вновь прибавя четыре епархіи, и епископовъ поставили, и тѣмъ оное исправленіе и соборъ кончился....» (Слѣдуетъ за тѣмъ, что за внутренними смутами не думали о исправленіи книгъ).... «По Іевѣ насталъ Іосифъ патріархъ, весьма неученый и никого при себѣ ученыхъ не имѣлъ; но былъ тогда духовникъ государевъ, именуемый Насѣдка, имущій великую власть, а паче потому былъ почитаемъ, что умѣлъ нѣсколько латинскаго языка; но сколько онъ ученъ былъ, оное довольно изъ его изданныхъ книгъ о вѣрѣ и подъ именемъ Кирилы іерусалимскаго видно, въ которыхъ неоскудно бабьихъ вракъ и сущихъ лжей за истину накладено. И во время то многія погрѣшности и сущія глупости въ печатныя книги вкрались.

«По немъ насталъ патріархъ Никонъ, человѣкъ хотя былъ изъ подлости и неученый, но надмѣрно любочестенъ, которое его привело подобіемъ римскихъ епископовъ искать власти надъ государемъ, за что и чести имѣемой, по суду соборному, лишенъ. Междо тѣмъ же не оставилъ онъ и церковнаго исправленія: онъ паки для сыска́нія древнихъ книгъ въ Грецію посылалъ; многія книги вновь велѣлъ переводить; церковныя книги велѣлъ онъ всѣ переправлять, лучшія и вразумительныя рѣченія положить; вкравшіяся погрѣшности отринуть, а притомъ и о сложеніи перстовъ видя, что неразсудно отъ армянъ принято, весьма запретилъ. Сіе хотя дѣло было достохвальное, но какъ онъ неразсудно самовластіемъ, а не совѣтомъ и довольнымъ разсужденіемъ, не истолковавъ перво неправостей, началъ, того ради великой вредъ нанесъ тѣмъ, что многіе неразсудные начали оное за премѣненіе вѣры почитать, а онъ, яко властолюбивый, не кроткостію и ученіемъ, но мечемъ и огнемъ сталъ принуждать, и тѣмъ новой ереси, или расколу капитоновъ, оніже и пустосвяты, укрѣпляться и умножаться причину подалъ, ибо оные неразсудные, прельстяся, другихъ плутовъ толкованіемъ, надлежащую казнь въ мученіе за Христа почитали, охотно не токмо къ судіамъ въ наказаніе и казнь шли, но сами себя многими тысящми со младенцы пожигали, какъ то и 1722 году въ Тарѣ еще возмущеніемъ одного плута олончанина учинилось. И еслибъ сіе состояло токмо въ объявленныхъ къ тому подобныхъ пунктахъ, то бъ во истинно недостойно было о ихъ глупствѣ упоминать, да оное ихъ суевѣріе современемъ произнесло бо́льшее зло, ибо они не токмо церковную, но и мірскую власть стали уничтожать и повелѣнія ихъ презирать....»

правительственныхъ распоряженіяхъ онъ указывалъ на генералъ-маіора Луку Чирикова, который, по словамъ Татищева, „человѣкъ былъ умный, но страстію любочестія побѣжденъ, и хотя онъ никакого языка чужестраннаго совершенно не зналъ, да многія иноязычныя слова часто же не кстати и не въ той силѣ, въ которой они точно употребляются, клалъ.... Онъ жъ въ 1711 году въ мартѣ мѣсяцѣ прислалъ указъ, чтобъ послать капитана и 120 человѣкъ драгунъ на рѣку Днѣстръ и стать ему ниже Каменца и выше Конецъ поля въ авантажномъ мѣстѣ. Оный капитанъ, пришедъ на Днѣстръ, спрашивалъ объ ономъ городѣ, понеже въ польскомъ мѣсто значитъ городъ; но какъ ему сказать никто не могъ, то онъ болѣе шестидесяти миль по Днѣстру шедъ до пустаго онаго Конецъ поля и не нашедъ, паки къ Каменцу, поморя болѣе половины лошадей, поворотился и писалъ, что такого города не нашелъ. А между тѣмъ татары, безъ вѣсти въ тѣхъ мѣстахъ переправясь, пакости подѣлали, ибо всѣ надѣялись, что драгуны на Днѣстръ посланы. Того жъ году на рѣкѣ Прутѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ отдалъ онъ у пароля приказъ, чтобъ на завтра по утру рано со всѣхъ драгунскихъ полковъ собрать по 200 человѣкъ фуражировъ, да по 100 человѣкъ для прикрытія, а съ пѣхотныхъ полковъ по 50-ти фуражировъ. Надъ оными быть подполковнику и двумъ маіорамъ по-очереди. По собраніи всѣхъ перво маршируетъ подполковникъ с' бедекенъ, за нимъ фуражиры, а маршъ заключаютъ драгуны. По которому на завтрѣ, въ пятомъ часу всѣ собрався, ожидали подполковника Сбедекена, но видя, что уже около полудня было, драгунскій подполковникъ Маръ послалъ спрашивать въ пѣхоту: есть-ли у нихъ такой подполковникъ званіемъ? И получа отповѣдь, что нѣтъ, послалъ къ генералу Янушу сказать, что подполковника Сбедекена нѣтъ, а безъ него идти не смѣетъ. И какъ тогда фельдмаршалъ и генералъ отъѣхали въ обозъ къ государю верстъ съ десять, то дождались отповѣди по полудни, что бедекенъ не прозвище подполковника, но прикрытіе разумѣется. Однакожъ всѣ лошади болѣе сутокъ безъ корма простояли и не малой вредъ понесли, къ которому и то причитали, что на завтрѣ подпол-

ковникъ Пицъ, бывъ въ прикрытіи фуражировъ, за тощиною лошадей противу нападенія татаръ дѣйствовать надлежаще не могъ, гдѣ не мало людей потерялъ и самъ плѣненъ"…. Наконецъ, Татищевъ, указывая на важность отъ знанія языковъ народовъ, обитавшихъ въ странахъ нынѣшней Россіи до прихода туда славянъ, сообщаетъ, что онъ поручилъ составлять по возможности словари языковъ тѣхъ инородцевъ, съ которыми можно имѣть сношенія около Екатеринбурга [1]).

Высказанное въ вышепомянутой рѣчи извѣстіе о томъ, что имѣются средства къ поправленію русскаго стихосложенія, Тредіаковскій подтвердилъ на дѣлѣ, издавъ въ томъ же 1735 году Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ [2]).

Тредіаковскій, года полтора спустя послѣ открытія русскаго собранія, описалъ во французскомъ письмѣ къ Штелину, 11 октября 1736 года, и дѣятельность этого учрежденія и придуманный имъ способъ стихосложенія [3]). „Русское собраніе, говоритъ онъ тамъ, учреждено съ прошлаго года не только для усовершенствованія русскаго языка какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, но также и для всего, что касается вообще исторіи нашего народа, также — чтобы написать грамматику, которой у насъ нѣтъ до сихъ поръ и которая должна основываться на лучшемъ употребленіи двора и свѣдущихъ людей; наконецъ — чтобы составить полный словарь. Для болѣе

---

1) Письмо Татищева въ русской академической библіотекѣ въ рукописи въ f°, № 138, на которой вытиснуто на корешкѣ заглавіе: «Разныя изданія или записки».

2) Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій. Чрезъ Васілья Тредіаковскаго С. Петербургскія Академіи Наукъ секретаря. Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ MDCCXXXV. Въ 4°, 4 ненум. стр. (посвященіе), 89 нум. стр. и въ концѣ 2 ненум. стр. «тупографскія погрѣшенія». Экземпляръ видѣлъ въ Публичной библіотекѣ, а перепечатка—въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, г. Куника I, 17—74. О печатаніи этой книги есть распоряженіе барона Корфа 20 октября 1735 года: наборщику Кевицу велѣно тогда «немедленно набирать сочиненіе Тредіаковскаго Новый способъ русскаго стихосложенія, чтобы оно скорѣе могло быть напечатано....» II, книга № 431.

3) Собраніе сочиненій извѣстнѣйшихъ русск. писателей. Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго, изд. П. Перевлѣсскаго (М., 1849) стр. 104—110.

точнаго выполненія этого послѣдняго предмета, избрали одно лицо, зависящее отъ собранія, которое отправляется туда и сюда для собранія всѣхъ техническихъ выраженій, свойственныхъ каждому искусству и наукѣ.... Всѣ, составляющіе это собраніе, нынѣ работаютъ надъ разными переводами книгъ, чтобы черезъ это пріобрѣсти изобиліе въ словахъ и подчинить сначала фразеологію истинному духу языка. Нашелся, однако, между ними одинъ, по имени Тредіаковскій, который обратилъ свой взглядъ на наше старинное стихосложеніе, и замѣтивъ, что оно нисколько не вѣрно, трудился по своей возможности надъ усовершенствованіемъ его, такъ-что онъ составилъ новое, и изложилъ его правила въ трактатѣ, подъ заглавіемъ: Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ.

„Вы знаете, милостивый государь, что мои соотечественники до сихъ поръ писали стихи по польскому образцу. Большой александрійскій стихъ ихъ состоитъ изъ 13 слоговъ, а другой, соотвѣтствующій латинскому пентаметру, имѣетъ только 11. Есть и иные, состоящіе изъ 7, 5 и пр., но они всѣ неправильные также изъ 8, 6 и, наконецъ, 4. Въ этихъ стихахъ только и есть число слоговъ и риѳма. Только первые два большіе стиха раздѣляются обыкновенно цезурою на два полустишія, такъ-что у тринадцатисложнаго отдыхъ на седьмомъ, а у одинадцатисложнаго на пятомъ слогѣ. Этотъ способъ писать стихи есть не что иное какъ составленіе риѳмованной прозы, которая нисколько не нравится уху, такъ-какъ не имѣетъ скансіи или каданса. По этому сказанный Тредіаковскій счелъ за нужное ввести это въ первые два большіе стиха, оставивъ всѣ прочіе, какъ они были прежде, и представивъ доказательство, что иные слѣдуетъ передѣлывать. „Что касается до первыхъ двухъ большихъ стиховъ, то онъ съ ними поступилъ такимъ образомъ: удержавъ то же число слоговъ и помѣстивъ цезуру на тѣхъ же мѣстахъ, онъ раздѣлилъ тринадцать слоговъ на шесть стопъ, а одинадцатисложный на пять, составивъ въ каждой стопѣ по два слога. Въ этомъ случаѣ онъ заимствовалъ изъ стихосложеній греческаго

и латинскаго всѣ эти стопы, которыя также состоятъ изъ двухъ слоговъ.

„Утвердивъ число въ первомъ стихѣ шести стопъ, а во второмъ пяти, онъ далъ имъ названіе гекзаметра и пентаметра. Его гекзаметръ имѣетъ три стопы для перваго полустишія, послѣ него онъ прибавляетъ слогъ, составляющій цезуру и долженствующій, по его мнѣнію, быть всегда долгимъ; и подобнымъ же образомъ три стопы для втораго полустишія. Въ пентаметрѣ же только двѣ стопы для перваго полустишія, не включая сюда также долгаго слога, составляющаго цезуру, и три — для втораго.

„Количество слоговъ, или долгота и краткость ихъ, различно у него отъ того, которое употребляется въ греческомъ и латинскомъ стихосложеніяхъ. Количество его только тоническое, и это много облегчаетъ иностранцамъ средство вникать въ настоящее удареніе нашихъ словъ, а намъ удаляетъ всѣ затрудненія въ сочиненіи.

„Всякое мѣсто въ томъ или другомъ стихѣ можетъ принимать или трохей, или спондей, или пиррихій, или же ямбъ. Но стихи всѣ трохеическіе, или имѣющіе наиболѣе трохеевъ, чѣмъ другихъ стопъ, суть наилучшіе; ямбическіе, или заключающіе въ себѣ болѣе ямбовъ, чѣмъ другихъ стопъ, есть самые плохіе стихи. Спондеическіе, или въ которыхъ преобладаетъ пиррихій, суть посредственной красоты. Все это подтверждено Тредіаковскимъ доказательствами, основанными на духѣ русскаго языка.

„Мнѣ кажется, что при этомъ не будетъ излишнимъ представить здѣсь образчики того и другаго стиха, которые беру изъ названнаго новаго способа.

Примѣръ для гекзаметра:

Вы ше | зла то | се реб | ра | Зла тажъ | Доб ро | дѣ тель |
Доб ро | дѣ те | ли ни | что | выс ша | самъ Со | дѣ тель | [1])

---

1) Эти стихи во французскомъ переводѣ Тредіаковскаго долженствовали выражать такую мысль: L'or est plus précieux que l'argent, la vertu surpasse l'or. Rien n'est égal à elle; et la souveraine c'est Dieu même.

Примѣръ для пентаметра:

Си лы | въ сереб | рѣ | всякъ ску | пой не | знаетъ
Срам но | то ког | да | въ зем лю | за ры | ваетъ.

„Такъ-какъ красота русскаго стиха непремѣнно требуетъ, чтобы созвучіе двухъ риѳмъ всегда чувствовалось на предпослѣднемъ слогѣ, то поэтому вышеозначенный Тредіаковскій не могъ ввести въ свое стихосложеніе сочетанія стиховъ, какъ это введено въ употребленіе почти во всѣхъ европейскихъ стихосложеніяхъ и въ особенности во французскомъ и нѣмецкомъ, ибо въ этого рода сочетаніяхъ въ мужскихъ стихахъ созвучіе на риѳмѣ послѣдняго слога. Отсюда слѣдуетъ, что русскіе стихи не могутъ быть ни мужескими, ни женскими — они остаются всегда одинакими въ отношеніе другъ друга, исключая маленькихъ стиховъ пѣсенъ, гдѣ сочетаніе стиховъ можетъ-быть употребляемо, и стихи слѣдуютъ неровными числами такъ, какъ того требуетъ пѣсня.

„Однако въ строфахъ, или стансахъ, онъ ввелъ смѣшанныя риѳмы, похожія во всемъ съ тѣми, которыя есть у французовъ и нѣмцевъ. Въ этомъ случаѣ онъ обратился къ польскому стихосложенію, которое почти одинаково съ нашимъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей, и тѣмъ не менѣе оно допускаетъ столько же риѳму непрерывную, сколько и такъ называемую смѣшанную, и въ этомъ отношеніи такая смѣсь не противна нѣжности уха.

„Сверхъ того, авторъ сдѣлалъ многія примѣчанія относительно точности своей цезуры, которою наши русскіе до него совсѣмъ пренебрегали, и она никогда не была правильною и безошибочною, также какъ и относительно вольностей, которыя были очень велики и иногда смѣшны.

„Наконецъ онъ не удовольствовался изданіемъ въ свѣтъ однихъ общихъ правилъ, но сдѣлалъ ихъ болѣе ясными черезъ множество стиховъ, помѣщенныхъ въ концѣ трактата...“[1])

1) Въ Сынѣ Отечества 1828 г. (ч. CXVIII, № 2, 189—193) была замѣчена ошибка Полеваго, который въ Московскомъ Телеграфѣ приписалъ Ломоносову первое введеніе тоническаго размѣра въ русскомъ стихосложеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ приведены свидѣтельства, что это изобрѣтеніе принадлежитъ Тредіаковскому. Вслѣдствіе этой замѣтки появилась въ Сынѣ Отечества

Кромѣ этихъ трудовъ, въ 1735 году Тредіаковскому давались часто порученія отъ академическаго начальства по части переводовъ разныхъ мелкихъ статей. Одна изъ нихъ, именно предположеніе Делиля о повѣркѣ часовъ петербургскими жителями, упомянута въ біографіи этого астронома[1]). О подобныхъ переводахъ такъ разсказывалъ самъ Тредіаковскій въ одномъ своемъ прошеніи (въ маѣ 1743 года): „отправляя сію валовую да весьма трудную работу, какъ то всѣмъ, обращающимся при переводахъ извѣстно, много я и другихъ академическихъ дѣлъ, даванныхъ мнѣ, дѣлалъ; изъ которыхъ иныя работались для императорскаго двора, какъ-то переводъ италіанскихъ комедій не по одинъ годъ, иныя по силѣ именнаго указа для обученія нѣкотораго принца россійскому языку чрезъ два года безъ всякаго вознагражденія“[2]). Этотъ принцъ, котораго имени Тредіаковскій не смѣлъ произносить, долженъ быть не кто иной, какъ герцогъ Антонъ брауншвейгъ-люнебургскій, вызванный въ Россію для женитьбы на племянницѣ императрицы Анны — Аннѣ Леопольдовнѣ, и единственно по этому только попавшій въ ссылку со всѣмъ семействомъ, при воцареніи Елисаветы, сначала въ Раненбургъ, а потомъ въ Холмогоры, гдѣ и скончался.

Что касается до перевода италіанскихъ пьесъ, то объ этомъ предметѣ въ іюнѣ 1735 года Тредіаковскій получилъ указъ та-

---

того же года, ч.CXVII, №7, 261—265 статья, въ которой утверждалось, что помянутый размѣръ не изобрѣтенъ ни Ломоносовымъ, ни Тредіаковскимъ, такъ-какъ онъ встрѣчается уже въ Историческихъ генеалогическихъ примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ 1729 года, и въ доказательство приведены стихи, написанные тоническимъ размѣромъ, какъ напр.

На сей горѣ ростетъ зеленой виноградъ,
И сладки ягоды мѣста сіи родятъ.

или

Богъ все, что видимъ, творитъ изъ ничего
Ты жъ бѣдной ничего не сдѣлалъ изъ всего.

Авторъ статьи въ Сынѣ отечества сдѣлалъ выписки изъ втораго изданія Примѣчаній, вышедшихъ въ 1765 году, въ которыхъ неизвѣстный издатель дѣйствительно присоединилъ стихи тоническаго размѣра, подобные вышеприведеннымъ; но въ первомъ изданіи этихъ Примѣчаній тѣ стихи помѣщены только по латыни, въ чемъ легко убѣдиться, взявъ Примѣчанія 1730 (а не 1729) года, часть V, стр. 20 и слѣд. Вторые же стихи въ Примѣчаніяхъ 1731 года, часть XXXV, стр. 139, изложены такъ:

Ни съ чего Богъ сотворилъ все, но ты изъ всего
Бѣдственный алхимиста, дѣлаешь ничего.

Стало быть здѣсь не было еще и намека на тоническій размѣръ.

1) Исторія Академіи наукъ I, 130, 131.

2) II, книга № 77.

кого содержанія: „по приказу обрѣтающагося камандира, дѣйствительнаго камергера, барона фонъ Корфа велѣно тебѣ камедіановъ отъ ректора Аволія взять нѣсколько камедіевъ и интермедіевъ для переводу заблаговременно“ 1). Тредіаковскій впослѣдствіи разсказывалъ о томъ: „также я токмо одинъ переводилъ всѣ перечни Италіанскихъ комедій и всѣ бывшія тогда інтермедіи.... которыя всѣ напечатаны“ 2). Въ настоящее время эти переводы должны считаться библіографическими рѣдкостями, такъ-какъ печатались только въ 100 экземплярахъ 3).

Получаемые Тредіаковскимъ 360 рублей годоваго жалованья не спасли его отъ долга, въ который онъ впрочемъ вошелъ, чтобы помочь своей бѣдной сестрѣ, которая остава-

---

1) II, книга № 19.

2) Москвитянинъ 1851 года, № 11, кн. 1, Просьба Тредіаковскаго въ сенатъ, 1746 года, стр. 230.

3) II, книга № 14. Здѣсь сохранился: «Реестръ напечатаннымъ при Академіи наукъ комедіамъ на почтовой и на простой бумагѣ на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, каждаго завода на русскомъ 100, да на нѣмецкомъ 100; цѣною заводъ по 8 руб. въ переплетѣ въ волнистой и золотой бумагѣ. А что за оныя надлежитъ взять денегъ по нумеромъ значитъ слѣдующее: 1. 2. Четыре арлекина. 3. 4. Бригеллы оружіе и буторъ (Brigella Waffen und Wander Geräthe). 5. 6. Рожденіе Арлекиновъ. 7. 8. Больнымъ быть думающій, интермедія на музыкахъ. 9. 10. Подрядчикъ въ островы Канарійскіе. 11. 12. Перелазы черезъ заборъ. 13. 14. Переодѣвки арлекиновъ. 15. 16. Старикъ скупой интермедія на музыкахъ. 17. 18. Французъ въ Венеціи. 19. 20. Арлекинъ и Смеральдина, любовники разгнѣвавшіеся. 21. 22. Великій Василискъ изъ Бернагасса. 23. 24. Игрокъ въ карты. 25. 26. Смеральдина кикимора. 27. 28. Метаморѳозы, или преображеніе арлекиновы. 29. 30. Газета, или вѣдомости. 31. 32. Въ ненависть пришедшая Смеральдина. 33. 34. Посадской дворянинъ (Der bürgerliche Edelmann). 35. 36. Арлекинъ статуя. 37. 38. Чародѣйство Петра Дабана и Смеральдины царицы. 39. 40. Портомоя дворянка. 41. 43. Марки, гасконецъ величавый. 43. 44. Разговоръ между Смеральдиною, кикиморою и Пантолономъ. 45. 46. Честная куртизанна. 47. 48. Притворная нѣмая (Die verstellte Teutsche). 49. 50. Влюбившійся въ самого себя, или Нарцисъ. 51. Скороходъ, ни къ чему годный. 52. 53. Мужъ ревнивой. 54. 55. Обманъ благополучный. 56. 57. Отвѣтъ Аполлоновъ сбывшійся, или безвинная продана и выкуплена. 58. 59. Клятвопреступленіе. 60. 61. Докторъ о двухъ лицахъ. 62. 63. Напасти Панталоновы и Арлекинъ притворный куріеръ, потомъ также и барбіеръ по модѣ. 64. 65. Любовники, другъ другу противящіеся, съ арлекиномъ притворнымъ пашею....» Всѣ эти пьесы были оцѣнены въ 520 рублей. Объ уплатѣ этихъ денегъ относились въ придворную контору въ 1734 и 1735 годахъ, но они не были еще уплачены и въ 1738 году. Изъ одной промеморіи видно, что эти пьесы были «итальянскія комедіи», переводившіяся на русскій и нѣмецкій языки по распоряженію оберъ-гофмаршала графа Левенвольда.

лась совершенно одна въ Астрахани. Долгъ этотъ принудилъ его обратиться, 27 февраля 1735 года, къ президенту Академіи съ ходатайствомъ о выдачѣ ему жалованья за одну треть впередъ[1]). Баронъ Корфъ разрѣшилъ выдавать Тредіаковскому за январскую треть 120 рублей.

Кромѣ долговъ, Тредіаковскій испыталъ въ томъ же 1735 году бо́льшее безпокойство, такъ-какъ отъ него потребовали объясненій изъ тайной канцеляріи. Вышепомянутая на стр. 25 пѣсня, сочиненная имъ по случаю коронаціи Анны и напечатанная съ нотами разошлась по разнымъ краямъ Россіи и въ 1732 году усердно переписывалась разными лицами на Костромѣ. Эта пѣсня, начинавшаяся

Да здраствуетъ днесь императриксъ Анна

1) Вотъ это письмо, писанное самимъ Тредіаковскимъ (II, книга № 15):

Monseigneur!

La caisse de l'Académie impériale des Sciences, me doit un tiers de mes gages, savoir, depuis Septembre, 1734, jusqu'au mois de Janvier, 1735, et je supplie Votre Excellence de me faire une grâce la plus particulière, c'est, Monseigneur, de vouloir bien me permettre, que je doive, à mon tour, un tiers (ou pour parler plus exactement, un demi tiers, puisque deux premiers mois sont presque passés) à la caisse de l'Académie impériale des sciences.

La hardiesse, que je prends de vous en supplier, vous surprendra peut être, mais la nécéssité indispensable, qui souvent ne sait point de loi, m'autorise à vous être importun. Cette nécéssité consiste en ce que je dois payer un tiers presqu'entier à mon créancier, à quoi je déstine celui, que me donnera légitimement l'Académie impériale des sciences; et si par la plus insigne grâce de Votre Excellence, je touche l'autre tiers par avance, ce seroit pour mon entretien avec mes domestiques. Je n'informerois jamais Votre Excellence de la manière, dont j'ai contracté cette dette si je croyois, qu'elle fut honteuse pour moi: car qui ne laisse pas ses parents dans l'indigence, celui, ce me semble, ne fait rien à son préjudice. Et moi, Monseigneur, j'ai emprunté cet argent pour donner à ma propre soeur, qui est à Actrachan, qui me reste toute seule et que je n'ai pas vue il y a fort langtems.

Je sais, Monseigneur, que ce seroit une espèce de confiance impériale si je me promettois la vie pour quatre, ou pour deux mois avant; mais si le Toutpuissant ne dispose pas autrement de moi, je veux dire s'il me laisse encore en vie jusqu'au mois de Mai, en se cas là l'Académie des sciences, ne perdra rien avec moi; et en cas que je perds la lumière, elle sera dédommagée de la perte de cette avance avec usure, par tout ce qui restera après moi, c'est à dire par tous mes hardes.

Quand même je n'obtiendrois pas la grâce dont je prie maintenant Votre Excellence, je serois pourtant toujours pour Elle le plus devoué; mais faites, Monseigneur, je Vous en supplie, en m'accordant la grâce demandée, que je sois encore le plus obligé, puisque je suis déjà avec un profond respect, Monseigneur, de Votre Excellence le plus humble, le plus obéissant, le plus soumis serviteur B. Trediakoffski.

называлась тамъ псальмою и наконецъ утратилась у владѣльца ея, священника Алексѣя Васильева. Послѣдній, въ бытность свою 12 мая 1735 г., въ костромскомъ духовномъ правленіи, написалъ для памяти начало пѣсни съ тѣмъ, чтобы попросить одного пономаря, нельзя ли ее отыскать въ Костромѣ. Пищикъ духовнаго правленія Семенъ Косогоровъ, увидавъ записку, гдѣ государыня называлась императриксъ, донесъ о томъ духовному правленію, и священникъ Васильевъ, равно какъ и дьяконъ изъ Нерехты Савельевъ, доставившій ему пѣсню, были отосланы въ Москву въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. 23 сентября 1735 г. начальникъ этой конторы Семенъ Салтыковъ писалъ къ Андрею Ушакову о псалмѣ, „которая отъискана и взята къ дѣлу и явилась печатная, сочиненная въ Гамбургѣ, въ которой между прочимъ въ титулѣ ея императорскаго величества явилось напечатано не по формѣ. А признавается, что оная напечатана въ Санктъпитербурхѣ въ Академіи наукъ, того ради не соизволите ль ваше превосходительство приказать оную въ печати освидѣтельствовать, и ежели такъ напечатано, то оныхъ попа и дьякона надлежитъ освободить безъ штрафу..."

Въ Петербургѣ Ушаковъ потребовалъ отъ Тредіаковскаго письменнаго отвѣта, который и написанъ самимъ авторомъ. Онъ любопытенъ по тому, что въ немъ Тредіаковскій счелъ умѣстнымъ распространиться о свойствахъ пентаметра и т. п.

„Высокоблагородный Гд҃нъ генера^{л} аншефтъ Андрей Ивановичь!

Милостивѣйшій Гд҃рь мой!

„Ваше Превосходительство приказали мнѣ вчера словесно, что^{б} я вамъ писмянно предложилъ о^{б} оной поздравительной и торжественной пѣсни, которая начинае^{т}ся тако: Да здраствуетъ днесь Імператріксъ Анна, а особливо о семъ словѣ: Імператріксъ, для того что есть у васъ, какъ Ваше Превосходительство изволили мнѣ говорить, такіе люди, которые претендуютъ доносся, что будто бы симъ словомъ Імператріксъ, высочайшій тітлъ Всемилостивѣйшія нашея Государыни Імператріцы Анны Іоанновны, прописанъ; того ради я въ семъ моемъ Ваше^{му} Пре-

восходительству о вышепомянутой пѣсни обстоятельно и покорно предлагаю.

„Оную пѣснь сочинилъ я̀ будучи въ Гамбургѣ 1730го года, по случаю отправлявшагося тамъ празднованія о всерадостной коронаціи Ея Імператорскаго Величества, самодержицы всероссійскія, Анны Іоанновны, всемилостивѣйшія нашея Государыни, чрез покойнаго Гдна Резідента Бетхера, у котораго я и присягу вѣрности Ея Імператорскому Величеству учинилъ и изъ присланныхъ къ нему на то печатныхъ листовъ, одинъ подписалъ; но напечатана она̀ по пріѣздѣ моемъ въ С.Петербургъ, въ здѣшней Імператорской Академіи Наукъ того жъ года въ Сентябрѣ, или въ Октябрѣ мѣсяцѣ.

„Первой самой ея стіхъ, въ которомъ положено слово Імператріксъ, есть пентаментръ, то есть, пять мѣръ, или стопъ имѣющій, и конечно въ Россійскомъ стіхотворствѣ одинатцать слоговъ, ни больше, ни меньше содержащій. Слово сіе Імператріксъ, есть самое подлинное латінское, [отъ котораго и нынѣшнее наше сіе производится, Імператрица] и значитъ точно во всей своей высокости: Імператріца, въ чемъ я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые совершенную силу знаютъ въ Латінскомъ языкѣ. Употребилъ я сіе Латінское слово, Імператріксъ, для того, что мѣра стіха сего требовала, ибо лишней бы слогъ былъ въ словѣ Імператріца; но что чрезъ оное слово никаковаго нѣтъ урона въ высочайшемъ тітлѣ Ея Імператорскаго Величества, то не токмо Латінской языкъ довольно меня оправливаетъ, но сверьхъ того еще и стіхотворная наука.

„Подлинно, что въ прозѣ, то есть, въ томъ, что не стіхами пишется, сло́ва сего, Імператріксъ, употребить не возможно, для того что тутъ мѣра и число слоговъ къ тому не принуждаетъ. Кому неизвѣстно, что въ стіхахъ всемилостивѣйшая наша Государыня Імператрица, просто иногда называется, Анна, безъ приложенія, Монархіня, или, Імператріца? въ чемъ красное великолѣпіе стіхотворца состоитъ. Но никто сего въ прозѣ, то есть, не въ стіхахъ положить никогда не дерзнетъ. Такъ французскіе Стіхотворцы Короля своего Людовіка въ стіхахъ, по стіховной мѣрѣ, называютъ Лодоіксъ; а для великолѣпія въ

стіхѣ, Генріка 3 Валоа̀, для того что онъ былъ отъ Валезійскаго колѣна, Генріка жъ 4 просто: Бурбонъ, для того что оный происшелъ отъ Бурбонскія фаміліи.

„Тѣ, которые претендуютъ, что симъ словом, Імператріксъ, прописанъ у меня высочайшій тітлъ Ея Імператорскаго Величества, либо весьма глупы, для того что не зная точныя въ томъ силы претендуютъ; либо весьма злы, для того что тѣмъ на меня клевещютъ, что мнѣ долженствовало быть въ похвалу, и что я сочинилъ превеликою радостію движемый, какъ самая пѣснь радостный жаръ стіхотворства бывшій во мнѣ тогда довольно изъявляетъ; либо великіе, наконецъ, вруны, для того что такъ болтаютъ, въ чемъ нѣтъ, какъ просто говорится, ни складу, ни ладу. Я, свидѣтельствую Всевѣдущимъ Богомъ не всуе, и чистою моею совѣстію, не токмо не пропишу въ стіхахъ, и прописать никогда не мыслилъ, и не долженствую, высочайшій тітлъ Ея Імператорскаго Величества всемилостивѣйшія матери отечества, всемилостивѣйшія моея государыни, всемилостивѣйшія моея надежды и свѣта, что, ежелибъ можно было, я бы Ея Величество тѣмъ назвалъ, по пламенѣющему моему всеподданнѣйшему доброусердію, но истинному доброусердію, буде бъ что могло быть нынѣ въ знаменованіи, выше сего слова: Імператріца.

„Ежели я въ помянутой пѣсни за сіе слово, Імператріксъ виноватъ, то въ той же самой пѣсни за слѣдующія сія не виноватъ, не упоминая о положенном тітлѣ въ самом заглавіи:

то то есть прямая царица!
то то бо̀дра імператріца!

Что я не ошибся написать, еще никогда не видавъ, отъ самаго моего рожденія, Ея Імператорскаго Величества высочайшія, величественныя, и священныя Особы.

Сіе Вашему Превосходительству предложивъ, пребываю съ должнымъ и глубочайшим почтеніемъ, Вашего Превосходительства покорнѣйшій и нижайшій слуга

16-го Октября, 1735. Васілей Тредіаковскій.

21 октября 1735 года Ушаковъ писалъ къ Салтыкову объ освобожденіи священника и діакона, такъ какъ „о показан-

номъ въ титулѣ ея императорскаго величества напечатанномъ нѣкоторомъ словѣ, что признаваемо было не по формѣ, оный Тредіаковскій объявилъ, что оное слово латинское и прочіе, къ тому надлежащіе резоны показалъ"....[1]).

Въ началѣ 1736 года были изданы на нѣмецкомъ языкѣ описаніе фейерверковъ и нѣсколько одъ, вмѣстѣ съ русскими переводами въ стихахъ, которые принадлежатъ перу Тредіаковскаго [2]). Впослѣдствіи онъ, говоря о подобныхъ перево-

1) Все дѣло о пѣснѣ Тредіаковскаго было напечатано съ разными прикрасами, вѣроятно для приданія бо́льшей занимательности разсказу, въ Сѣверной Пчелѣ 1862 г., № 37, въ фельетонѣ, подъ заглавіемъ «Псальма Тредіаковскаго».

2) Здѣсь помѣщаются библіографическія указанія объ этихъ произведеніяхъ:

«Всепокорнѣйшее поздравленіе сочиненное одою къ ея імператорскому величеству Аннѣ Іоанновнѣ самодержицѣ всероссійской при начатіи 1736 года по искренней ревности и вѣрности отъ Академіи наукъ. Въ Санктпетербургѣ генваря 1736 года.» Въ f⁰, на 4 ненумер. стр. Имени автора нѣтъ, но вѣроятно принадлежитъ Тредіаковскому. Вотъ первая строфа:

Поставившій звѣздамъ предѣлы!
Землю воздухомъ окруживщій!
Вѣдущій вездѣ вещи цѣлы!
Все изобильно породившій!
Правящъ оружіе рукою
Служаще къ праведну бою!
А все, что вредно ни бываетъ,
То отгоняющъ на противныхъ!
Послушай, о Промыслъ дѣлъ дивныхъ!
Что искрення ревность вѣщаетъ.

Та же ода издана отдѣльно и по нѣмецки, съ котораго вѣроятно переведена; въ Сборникѣ г. академика Куника она не упомянута.

«Изображеніе фейэрверка и іллуминаціи которые въ честь ея імператорскаго величества самодержицы всероссійскія въ первый день новаго года 1736 передъ імператорскими палатами въ санктпетербургѣ зажжены были. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ.» (Тоже заглавіе по нѣмецки). Въ f⁰, 8 ненумер. стр., въ два столбца по русски и нѣмецки. Въ концѣ латинскіе стихи съ русскимъ переводомъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, г Куника, I, 78.

«Торжественный день рожденія всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія и непобѣдимыя великія Государыни Імператрицы Анны Іоанновны самодержицы всероссійскія одою всеподданнѣйше прославляетъ Академія наукъ. Въ Санктпетербургѣ Генваря 28 дня 1736 года.» Въ f⁰, 5 ненум. стр. Та же ода издана отдѣльно на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Сборникѣ г. Куника I, 79.

«Прославляя высокій день рожденія всегда августѣйшія Анны Іоанновны великія государыни імператріцы и самодержицы всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая. Въ знакъ всенижайшаго и всепокорнѣйшаго поздравленія приноситъ Іосифъ Аволіо. Въ Санктпетербургѣ Генваря 28 дня, 1736 года. Печатано при Імператорской Академіи наукъ». (Тоже заглавіе по нѣмецки и итальянски). Въ f⁰, 12 ненум. страницъ. Русскій стихотворный переводъ двухъ сонетовъ на нѣмецкомъ языкѣ. Аволіо, какъ было указано выше на стр. 59, былъ директомъ придворныхъ комедіантовъ. Въ Сборникѣ г. Куника, I, 80, высказано ошибочное предположеніе, что Аволіо можетъ быть одно лицо съ Штелинымъ.

дахъ одъ Юнкера и Штелина, прибавлялъ наивно: „надъ чѣмъ всѣмъ много я пролилъ пóта!“ [1]).

Въ томъ же году явилась въ свѣтъ: „Сила любви и ненависти, драмма (sic) на музыкѣ, представленная на новомъ театрѣ по указу ея імператорскаго величества Анны Іоанновны самодержицы всероссійскія 1736. Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ“ [2]). Здѣсь, на стр. 7, находимъ указаніе, что „Рѣчи переводилъ съ Францусскія прозы, и въ аріяхъ приводилъ стіхи токмо въ паденіе безъ ріѳмы В. Тредіаковскій“. Эта опера, названная драмой на музыкѣ, замѣчательна какъ первое печатное на русскомъ языкѣ драматическое произведеніе этого рода, о чемъ Тредіаковскій и указалъ въ одномъ изъ своихъ прошеній, гдѣ описывалъ пространно свои заслуги русской литературѣ и обществу [3]).

«Торжественный день Коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія и непобѣдимыя великія государыни Імператріцы Анны Іоанновны самодержицы всероссійскія óдою всеподданнѣйше прославляетъ Академія Наукъ. Въ Санктпетербургѣ Апрѣля 28 дня, 1736 года. Въ f⁰, 7 ненум. стр. Нѣмецкій текстъ отдѣльно. Сборникъ г. Куника I, 80.

Ода которою преславную побѣду великія государыни імператріцы Анны Іоанновны самодержицы всероссійскія оружіемъ надъ Крымскими татарами при Перекопѣ 20 маія, 1736 года полученную прославила Санктпетербургская Академія Наукъ. Печатана въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ, Іюня 6 дня, 1736 года. Въ f⁰, 8 ненумер. стран. (То же отдѣльно и по нѣмецки) Сборникъ г. Куника I, 80, 81. Штелинъ разсказываетъ, что по поводу перевода этой оды силлабическими стихами безъ скансіи, что не было одобрено знатоками, Тредіаковскій написалъ къ нему письмо 11 Октября 1736 года, изъ котораго выписки приведены выше. Избранныя сочиненія В. К. Тредіаковскаго, изд. Перевлѣсскаго (Москва 1849), 111, 112.

1) Москвитянинъ 1851 года, № 11, кн. I, Просьба Тредіаковскаго въ сенатъ (28 февраля 1744 года), стран. 230.

2) Тож езаглавіе по итальянски; въ 4⁰, на одной страницѣ италянской, на другой русской тексты. 103 нумеров. стр. Краткія свѣдѣнія объ итальянскомъ театрѣ въ Петербургѣ и этой оперѣ, которую Штелинъ называетъ по главному дѣйствующему тамъ лицу Abiasaro, въ Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland, I, Stählin's Zur Geschichte des Theaters in Russland, 401, 402. На стр. 7 Оперы, между прочимъ, есть такія свѣдѣнія: «Поэзію сочинилъ господинъ К. Ф. П. Музыку — господинъ Францiскъ Араія Неаполітанецъ, Ея Імператорскаго Величества Капельмейстеръ. Украшенія вымыслилъ господинъ Жеронімъ Бонъ, Ея Імператорскаго Величества живописецъ при театрѣ. Балеты учредилъ господинъ Антоній Ріналді, Ея Імператорскаго Величества Діректоръ балетовъ».

3) Москвитянинъ 1851 года, № 11,

25 іюня 1736 года баронъ Корфъ „приказалъ книгу турецкой воинской уставъ, которая на французскомъ и итальянскомъ языкахъ графа Марсигли имѣется, переводить секретарю Василью Тредіаковскому по тетрадно на русскій языкъ"... [1]) Сочиненіе графа Людовика Фердинанда Марсильи (Marsigli или Marsilli) L'État militaire de l'empire ottoman, ses progrès et sa décadence напечатано на французскомъ и итальянскомъ языкахъ въ Гагѣ, 1732 года. Тредіаковскій этотъ объемистый фоліантъ перевелъ такъ быстро, что въ 1737 году приступлено было къ печатанію [2]).

кн. I, Просьба Тредіаковскаго въ сенатъ (28 Февраля, 1744 года), стр. 230. Вторая опера на русскомъ языкѣ «Притворный Нінъ, или Семіраміда познанна» напечатана въ 1737 году. Подлинникъ принадлежитъ Метастазію, а переводъ съ итальянскаго сдѣланъ Петромъ Медвѣдевымъ, который въ 1738 году перевелъ Артаксеркса, также сочиненнаго Метастазіемъ. Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки А. Смирдина (Спб., 1828 г.) № 7450.

1) II, книга № 434.

2) «Военное состояніе Оттоманскія имперіи съ ея приращеніемъ и упадкомъ чрезъ графа де Марсільлі члена паріжскія королевскія Академіи Наукъ и монпельерскія также Лондонскаго королевскаго соціэтета и основателя болонскаго інститута все украшено грыдорованными листами. Часть первая. Печатано въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ. 1737 года». На заглавномъ же листѣ, гравированномъ на мѣди, изображено зданіе Академіи Наукъ съ обсерваторіею. Въ f⁰, 4 ненум. стр. и 110 нум. стр. Въ началѣ экземпляра Публичной библіотики приплетено: «Извѣстіе о двухъ возмущеніяхъ, случившихся въ Константінополѣ 1730 и 1731 года при низложеніи Ахмета III и возведеніи на престолъ Магомета V переведено съ Французскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи Наукъ 1738.» Въ f⁰, 38 нум. и 2 ненум. стр. Вторая часть также напечатана въ 1737 г., 155 стр. нум. и 2 ненум. При этомъ изданіи XLIV листа гравюръ. Книга напечатана на артиллерійской бумагѣ и артиллерійскимъ шрифтомъ (т. е. тѣми, какіе были употреблены въ Запискахъ артиллерійскихъ Сенъ-Реми, см. выше стр. 36) въ числѣ 1200 экз. на простой и 24 на александрійской бумагѣ. Продавались обѣ части по 4 руб. экземпляръ. Баронъ Корфъ въ іюлѣ 1736 г. посылалъ часть перевода на просмотръ извѣстнаго Ивана Неплюева: «понеже ваше превосходительство въ Царьградѣ довольное время изволили быть, и надѣюся, что о тамошнихъ обыкновеніяхъ и дѣйствѣ не безъизвѣстны находиться можете». Неплюевъ на это отвѣчалъ 3 августа 1736 года: «понеже то о древнихъ дѣлѣхъ гласитъ, о которыхъ справка зависитъ отъ исторіи, того ради я помянутое предувѣдомленіе при семъ возвратно вашему превосходительству посылаю, понеже никакова мнѣнія моего пріобщить не могу. А ежели что у того автора коснется до тѣхъ временъ, въ которыя въ Константинополѣ жилъ, о тѣхъ, сколько я могъ понять, къ вашему извѣстію доносить готовъ и, симъ прекратя, есмь съ особливѣйшимъ почтеніемъ».... Въ слѣдующемъ 1737 г., октября 3, Шума-

Въ 1737 году напечатаны были только два стихотворные перевода Тредіаковскаго оффиціальныхъ одъ, сочиненныхъ на нѣмецкомъ языкѣ Штелинымъ [1]). Затѣмъ подобныхъ переводовъ, которые бы можно было приписать перу Тредіаковскаго, болѣе не встрѣчается, а нѣмецкія оды стали переводится прозою [2]). Какія были причины этого внезапнаго прекращенія стихотворческой дѣятельности нашего писателя, неудовольствіе-ли на академическое начальство, или, какъ полагаетъ

херъ обращался къ Вешнякову, русскому дипломату, также бывавшему въ Константинополѣ: «изъ послѣдняго съ вашимъ благородіемъ о Марсильевой книгѣ военнаго состоянія Оттоманской порты бывшаго разговору примѣчено, что въ ней какъ съ авторовой, такъ и съ переводчиковой стороны нѣкоторыя погрѣшности находятся. А ваше благородіе о состояніи оной Порты довольное знаніе имѣть и о ея поведеніи извѣстны быть изволите, того ради для бóльшей и всеобщей пользы ваше благородіе служебно прошу, дабы на себя сей трудъ воспріять и помянутую книгу, пересмотря всѣ во оной учиненныя погрѣшенія, исправить, а выпущенныя дополнить, и ваше о всей частореченной книгѣ полезныя и благоразсудныя ремарки Академіи сообщить изволили. И ежели бы ваше благородіе оныя свои рефлексіи формою письма или подъ образомъ предисловія представить изволили, то бъ я тогда опредѣленіе сдѣлалъ, чтобъ сія книга съ вашею аппробаціею и къ немалой вашего благородія собственной славѣ въ печать издана была».... Отвѣта на это письмо въ академическихъ дѣлахъ не нашлось (II, книги №№ 24 и 32).

1) «Въ торжественнѣйшій день рожденія всемилостивѣйшія великія государыни Анны Іоанновны императрїцы и самодержицы всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая. При ея величества стопахъ всеподданнѣйшее свое поздравленіе полагаетъ Академія Наукъ Генваря 28 дня 1737 года. Печатано при Императорской Академіи Наукъ». Въ f°, 4 ненум. стр. Та же ода издана на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльно. На рѣзанной на мѣди заставкѣ изображена турецкая крѣпость, на которой водружено знамя съ русскимъ двуглавымъ орломъ; въ экземплярѣ Публичной библіотеки этой заставки нѣтъ См. Сборникъ г. Куника, I, 81. «Августѣйшее россійскія императорскія короны сіяніе въ торжественный коронованія день всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни Анны Іоанновны императрїцы и самодержицы всероссійскія поздравительною óдою со всеподаннѣйшею покорностію прославляетъ Академія Наукъ. Печатано при Императорской Академіи Наукъ. 28 апрѣля 1737 года». Въ f°, 8 ненум. стр.; въ началѣ и концѣ гравированныя на мѣди виньетты. На помѣщенной въ началѣ, изображены турокъ и татаринъ на колѣняхъ предъ пьедесталомъ, на которомъ корона. Нѣмецкій подлинникъ изданъ отдѣльно; въ Публичной библіотекѣ эта ода безъ заглавнаго листа; въ первый разъ она указана Быстровымъ, который ошибочно полагалъ, что это оригинальное произведеніе Тредіаковскаго. Москвитянинъ 1849 г., № 13, кн. I, отд. III, Словарь русскихъ писателей, 29. Также Сборникъ г. Куника, I, 82.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. Куникомъ, I, 82, 83.

г. Куникъ [1]), стѣсненныя обстоятельства и недостатокъ въ средствахъ къ существованію, это остается неразъясненнымъ.

Вслѣдствіе коротенькаго прошенія Тредіаковскаго на французскомъ языкѣ 26 января 1737 года, баронъ Корфъ подписалъ 31 того же января такое опредѣленіе: „По доношенію секретаря Тредіаковскаго, которымъ требовалъ о напечатаніи, по требованію бѣлогородскаго епископа Петра, панегирика, который сочиненъ къ поздравленію кіевскому архіепископу Рафаилу на латинскомъ діалектѣ, и о сдѣланіи въ Академіи наукъ оному епископу инструментовъ, а именно: простыхъ компасовъ, съ ручками компасовъ, транспортовъ, параллельныхъ линей, линеекъ на ножкѣ по образцу Ринляндову, наугольниковъ каждаго по десяти и объ отпускѣ книгъ, — показанной панегирикъ печатать на латинскомъ діалектѣ 100 экземпляровъ" и пр. [2]).

Въ августѣ 1737 года Тредіаковскій вздумалъ издать на свой счетъ сдѣланный имъ переводъ французской книги, и потому въ прошеніи на имя Академіи наукъ [3]) писалъ:

„Имѣю я, нижайшій, намѣреніе, чтобъ переведенную мною книгу съ французскаго языка, которой титулъ La véritable politique des gens de qualité, т. е. Истинная политика знатныхъ и благородныхъ особъ, напечатать на собственномъ моемъ иждивеніи артиллерійскими литерами тысячу двѣсти книгъ, формою въ восьмую долю листа довольно съ пространными полями на россійскомъ языкѣ. А изъ оныхъ желаю я имѣть 1100 книгъ на ординарной и 100 на александрійской бумагѣ. Того ради" и пр. При этомъ прошеніи Тредіаковскій приложилъ, конечно для барона Корфа, незнавшаго русскаго языка, свое предисловіе на французскомъ языкѣ, то самое, кото-

1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, I, стр. XIX, XX.

2) II, книги №№ 28 и 438. Панегирикъ напечатанъ подъ заглавіемъ: Gratias humilitate plenas pro summis patrociniis et benefeciis illustrissimo ac reverendissimo Domino D-no Raphaeli Zaborowski Dei gratia archiepiscopo Kioviensi Halliciensi et Parvae Russiae dicit Ioannes Markowiez Lusbaszin. Petropoli, typis Academiae scientiarum, M. d. Febr. 1737. Въ 4°, 19 нум. страницъ похвальныхъ стиховъ и прозы Заборовскому.

3) Прошеніе только подписано Тредіаковскимъ (II, № 31).

рое приложено по русски съ подписью Тредіаковскаго въ печатныхъ экземплярахъ и въ которомъ высказывается догадка, что „несравненный Авторъ“ этой книги долженъ быть не кто иной, какъ „славный оный Фенелонъ Архіепископъ Камбрейскій“.

„Истинная политика“ была отпечатана въ ноябрѣ 1737 года, и за бумагу и печатаніе Тредіаковскому пришлось заплатить 138 рублей 90½ коп. [1]). Продажа этого изданія не принесла, однако, выгоды Тредіаковскому, который въ одномъ изъ своихъ прошеній писалъ: „Видится, что и сего не надлежитъ оставить для показанія моего ревностнаго старанія, что нѣкоторые мои труды для россійскихъ читателей пользы и своимъ я, не щадя себя, иждивеніемъ печаталъ, употребивъ на то почитай все мое годовое жалованье, а не получивъ ни малаго прибытка, но еще и потерявъ большую половину моихъ денегъ, однако россійскихъ читателей не лишилъ сладкаго нравоученія, то есть вѣдомыя нынѣ небольшія книги, подъ именемъ Истинныя политики“.... [2]).

Къ 1737-же году слѣдуетъ отнести прозаическій, сдѣланный Тредіаковскимъ же переводъ стихотворенія съ подписью: „Михаилъ Меттеръ. Въ Лондонѣ 16 октября 1737“. Озаглавлено оно „Торжественный стіхъ августѣйшей Россійской Імператріцѣ посвященный“. Здѣсь прославляются подвиги русскихъ войскъ надъ турками, и въ концѣ такое желаніе:

---

1) II, книга № 31. Вотъ заглавіе этой книги: Истинная Політіка знатныхъ и благородныхъ особъ переведена съ французскаго чрезъ Васілья Тредіаковскаго Санктпетербургскія Імператорскія Академіи Наукъ секретаря. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ. MDCCXXXVII. Въ 8°, 2 ненум., 224 и 8 нум. страницъ. На стр. 223, 224, Правила благоразумія и доброправія человѣческаго, или образъ добродѣтельнаго человѣка (стихи). Кирьякъ Кондратовичъ, состоявшій потомъ переводчикомъ при Академіи Наукъ, показывалъ впослѣдствіи, что эти стихи принадлежатъ его перу (Библіографическія записки 1858 года, № 8, 229). Второе изданіе, но безъ имени переводчика на заглавномъ листѣ и безъ предисловія его вначалѣ, вышло 1745 года, въ 8°, 183 и 7 нумерованныхъ страницъ. Въ концѣ, кромѣ помянутыхъ стиховъ, приложены «Катоновы двустрочные стіхи о добронравіи». Третье изданіе въ Опытѣ русской Библіографіи Сопикова значится въ IV-й части, подъ № 8496, 1787 года.

2) Прошеніе Тредіаковскаго въ маѣ 1743 года; II, № 77.

Прогони съ земель, о Імператріца!
Которыми тотъ завладѣлъ разбойникъ.
да имя во всѣхъ какъ то прежде было
Тамъ храмахъ святыхъ славится Хрістово [1]).

14 ноября 1737 г. вслѣдствіе запроса сената о служащихъ при Академіи, Тредіаковскій далъ такой собственноручный отзывъ: „По силѣ присла^{н}наго изъ правительствующаго сената въ Академію Наукъ указу, я нижеименованный слѣдующее въ отвѣтъ пре^{д}лагаю: учившись во первыхъ въ Россіи и пото^{м} въ чужестраннныхъ государствахъ чрезъ 15 лѣтъ на своемъ коштѣ, имѣя при то^{м} крайнюю помощь отъ высоки^{х} моихъ благодѣтелей, прибылъ я обратно въ Россію прошедшаго 1730 году, и отъ того времени служу при Академіи Наукъ; а въ 1733 годѣ бы^{в}шій Академіи Наукъ презідентъ Его Превосходительство Ге^{р}манъ Карлъ фонъ Кейзерлінгъ определи^{л} меня Секретаремъ Академіи, гдѣ я и по нынѣ упражняюсь въ ра^{з}ныхъ академіческихъ дѣлахъ касающихся до наукъ, а не въ прика^{з}ныхъ, получая ежего^{д}но изъ Академіи Наукъ Ея Імператорскаго Величества жалованья триста шестьдесятъ рублей. Не былъ я никогда штрафованъ, также и ни въ како^{м} наказаніи: но какъ вѣрный под^{д}анный Ея Імператорскаго Величества тщуся со всякою возможною ревностію все то исправлять, что мнѣ Академія Наукъ повелѣваетъ. Сію сказку писалъ я своеручно. Васілей Тредіаковскій“ [2]).

1738 годъ Тредіаковскій встрѣтилъ въ жалкомъ положеніи: послѣ пожара онъ задолжалъ, ему не на что было купить дровъ и свѣчъ, а продажа Истинной политики шла туго. Плачевное тогдашнеес состояніе свое нашъ писатель описалъ въ двухъ прошеніяхъ одно на русскомъ, другое на французскомъ языкахъ. Въ первомъ онъ писалъ:

„Прошлаго 1736 года учинившимся на мытномъ дворѣ, что былъ въ Большой Морской, пожаромъ разорился я до основанія, того ради для исправленія моихъ крайнихъ тогда нуждъ принужденъ я былъ занять себѣ денегъ съ великими процентами.

---

1) Собственноручный переводъ Тредіаковскаго въ рукописи русской академической библіотеки въ f^{0}, № 138.

2) II, книга № 33.

„Нынѣ не имѣю я чѣмъ не токмо заимодавцамъ заплатить, но и прочихъ необходимо нужныхъ вещей къ содержанію купить. Того ради всепокорно прошу императорскую Академію наукъ для вышеозначенныхъ моихъ нуждъ повелѣть выдать мнѣ впредь за весь нынѣшній 1738 годъ жалованье, дабы я могъ какъ удовольствовать моихъ заимодавцевъ и чрезъ то не потерять впредь повѣренности и имени добраго человѣка, такъ и со всѣми другими раздѣлаться и купить себѣ потребныя къ содержанію вещи, безъ чего толь всеконечно невозможно мнѣ пробыть, что весьма не имѣю другаго способа къ отвращенію толь мнѣ труднаго и печальнаго обстоятельства и ко исправкѣ по прежнему. Января дня 1738 года“[1]).

Въ другомъ французскомъ прошеніи—très humble requête, писанномъ самимъ Тредіаковскимъ, онъ пространнѣе описываетъ нужду, которую онъ терпѣлъ тогда:

N'ayant absolument de quoi payer mon traiteur, hôte, blanchisseuse, barbier, garçon servant, de même qu'acheter du bois, des chandelles, et me pourvoir d'autres choses semblables et pourtant fort nécessaires dans le domestique, ni ne pouvant satisfaire mes créanciers qui me déjà pressent exigeant de moi la somme de 224 roubles dus à eux pendant presque deux ans: je sousnommé supplie l'Académie Impériale des sciences de me faire la grâce plus que paternelle, c'est de m'avancer mes gages qui consistent en 360 roubles, pour toute l'année présente, afin que je puisse me remettre en état de m'aquitter avec tous ceux, à qui je dois, et servir l'Académie avec le même zèle et exactitude et du surplus faire mon petit menage, m'aidant un peu pendant tout ce tems là par la vente du livre de la Véritable politique.

„A des dettes pareilles, et à une si dure nécessité, je suis reduit non par quelque mauvaise économie, ou par quelque prodigalité mal employée, mais premièrément par l'incendie de 1736, qui m'obligea d'emprunter pour réparer mes pertes, et parce que en second lieu je ne recevois l'argent à l'Académie, qu'en payant en même tems pour les instrumens mathématiques, pour l'im-

---

1) Прошеніе только подписано Тредіаковскимъ.

pression du Panégyrique latin en vers et en prose, et pour les livres à la librairie me servant du peu de reste dans mon petit menage. Cependant le tems s'écouloit, les intérêts croissoient, et le livre de la Véritable politique, par lequel je croyois remedier à ce qui me manquoit, sans importuner l'Académie Impériale des sciences, acheva de me ruiner.

Après avoir exposé mon exigence, et la cause de ma misère, je supplie encore l'Académie Impériales des sciences de vouloir bien prendre tout cela en considération, et par une pure bonté effectuer ma demande, sans quoy je ne sais ni où donner de la tête, ni ne puis voir ce qu'il me faudra faire dans une circonstance si difficile, et si affligeante. Le suppliant est son très humble, très obéissant, et très soumis serviteur

Le 9 Janvier 1738. B. Trediakoffski.

Не смотря на это убѣдительное ходатайство, академическая канцелярія отказала въ немъ Тредіаковскому, „ибо, сказано въ постановленіи ея 20 января 1738 года, и за сентябрскую треть прошлаго 1737 году другимъ служителямъ жалованья еще не выдано; токмо ему, секретарю Тредіаковскому, объявить: буде гдѣ онъ денегъ у заимодавцевъ достать можетъ, то Академія наукъ при выдачѣ ему жалованья, какъ оная дача будетъ производиться, вычитать и тѣмъ заимодавцамъ изъ его жалованныхъ денегъ отдавать будетъ".

Тредіаковскій тогда рѣшился уѣхать на годъ изъ Петербурга въ Бѣлгородъ по всей вѣроятности къ тамошнему епископу Петру, съ которымъ, какъ видѣли выше, онъ былъ въ сношеніяхъ съ самыхъ первыхъ годовъ своего пребыванія въ Петербургѣ. Въ февралѣ 1738 года Тредіаковскій подалъ по начальству новое прошеніе (не собственноручное):

„Имѣю я намѣреніе нынѣшнимъ зимнимъ путемъ поѣхать до Москвы и до Бѣлгорода для отправленія нѣкоторыхъ моихъ крайнихъ нуждъ, которыя требуютъ времени на цѣлой годъ. Того ради императорскую Академію наукъ всепокорно прошу объ отъѣздѣ моемъ на показанное время дать мнѣ позволеніе, а для проѣзду въ пути дать пашпортъ; при томъ же на подъемъ,

на платежъ извощикамъ и на прочее повелѣно бъ было выдать изъ заслуженнаго мною жалованья въ зачетъ первой трети нынѣ тридцать рублей. А что императорская Академія наукъ опредѣляла, что она имѣетъ платить деньги моимъ заимодавцамъ изъ опредѣленнаго мнѣ жалованья, когда дача будетъ производится, то я онымъ заимодавцамъ прилагаю при семъ реестръ, а самъ въ порученныхъ мнѣ дѣлахъ императорской Академіи наукъ обѣщаюсь, во время небытности моей, служить усердно и ревностно равно какъ и здѣсь, будучи при оной". За тѣмъ къ прошенію приложена собственноручная записка Тредіаковскаго о его заимодавцахъ [1]).

Намѣреваясь уѣхать изъ Петербурга, нашъ писатель рѣшился въ эту поѣздку переводить исторію Роллена, и потому 14 февраля 1738 года написалъ собственноручно такое прошеніе: Je supplie l'Académie Impériale des sciences de vouloir bien ordonner de me donner une Bible russienne pour les citations, qui se trouvent dans l'Histoire Ancienne de Rollin, la Grande Géographie de Cellarius en Latin pour les lieux et les noms propres, afin de me faciliter l'intelligence dans la traduction, et enfin du papier pour toute l'année présente, et suis etc [2]).

---

1) Реэстръ заимода^{в}цо^{м} которымъ я нижайшій до^{л}женъ заплатить.

Изъ первыя трети.

Племян^{н}ику покойнаго Иљи^{н}скаго Яросла^{в}скому купцу Алексѣю Аѳонасьеву . . . . 40 р.
Трактирщику иноземцу Юрью Яковлеву . . . . 50 »
Итого . . . 90 р.

Изъ вторыя трети.

Дворецкому Князя Алекса^{н}дра Борисовича Куракина Гурью Кірілову сыну Бороздину. . . . 115 р.
Да помянутому трактирщику иноземцу . . . . 5 »
Итого . . . 120 р.

Изъ третей трети.

Г^{с}ну Совѣ^{т}нику Шумахеру . . . 15 р.
Г^{с}ну а^{д}юнкту Адодурову . . . . 10 »
Невскаго а^{р}хим^{н}дрита Келейнику Ѳедору Карпову . . . . . . 10 р.
По^{л}ковому священ^{н}ику Преображенскаго полку Ивану Григорьеву Комаро^{в}скому . . . 10 »
Господину Ге^{р}ману Італіанцу бывшему въ Імперато^{р}ской Комедіи . . . . 18 »
Иностра^{н}ныя Ко^{л}легіи Студе^{н}ту Пе^{т}ру Васильеву Воронихину. . 8 »
Итого . . . 71 р.

А всего . . . 281 р.

Василій Тредіаковскій.

Въ мартѣ мѣсяцѣ явился еще новый кредиторъ Морицъ Бетге, требовавшій уплаты 35 руб. 20 коп. Тредіаковскій призналъ этотъ долгъ. (II, книга № 34).

2) II, книга, № 445. Вотъ переводъ этой просьбы: «Покорнѣйше прошу императорскую Академію наукъ соблаговолить приказать выдать мнѣ рус-

17 февраля 1738 года баронъ Корфъ разрѣшилъ отправиться Тредіаковскому изъ Петербурга; при чемъ ему выдана была изъ академической библіотеки Древняя исторія Роллена для перевода [1]).

Отъ времени пребыванія Тредіаковскаго въ Бѣлгородѣ сохранилось одно письмо его къ Шумахеру слѣдующаго содержанія:

Monsieur!

C'est la première, que je prends la liberté de vous adresser, espérant sur la bonté, dont vous me comblez toujours, que vous ne prendrez pas en mauvaise part cette hardiesse, et que même vous trouverez pour agréable ce que je vous informe de mes nouvelles.

Après avoir donc souffert plusieures fatigues et incommodités sur le dernier, comme on dit, chemin d'hyver partant de Moscou, je suis arrivé heureusement le 24 de Mars à Bialograde, où, payant encore de tems en tems le tribut au nouveau climat, je demeure toujours prêt à exécuter vos commendements. La traduction que l'Académie Impériale de Sciences m'a donné à faire, va bien, et la matière de l'Histoire autant m'intéresse que me donne du plaisir. Je n'y traduis point les citations latines et moins encore greques, parceque tout cela est dit au corps de l'Histoire même. Mais faites moy la grâce de me donner votre avis sur cet article; et si vous jugez à propos que je ne les mets pas à la marge sans les traduire, la chose se fera aussitôt.

Sa Grandeur Monseigneur l'Archevêque de Bialogrode souhaite fort, que son collége de Charkow ait le commerce épistolaire avec l'Académie des Sciences. Ainsi, instruisez moy, s'il vous plait, par quel canal et comment on pourroit instituer et établir ce commerce, en cas que l'Académie le trouve bon, tant pour sa propre gloire, que pour l'utilité des savants du collége en question.

скую библію для ссылокъ, находящихся въ Древней исторіи Ролленя, большую Географію Целлярія по латини для мѣстъ и собственныхъ именъ, чтобы облегчить мнѣ пониманіе перевода. Также дать бумаги на весь настоящій годъ. Я есмь и проч.

1) II, книга № 442,

Au reste, je supplie le Toutpuissant, qu'il conserve toujours votre propre personne et toute votre chère famille en bonne et parfaite santé, vous comblant tous de ses saintes grâces et bénédictions, et je suis avec respect, Monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

Bialogrode le 15 de May 1738. B. Trediakoffski [1]).

Рядъ извѣстій о Тредіаковскомъ снова начинается по возвращеніи его къ Академіи. Въ февралѣ 1739 года онъ доносилъ ей по пунктамъ:

„1. По прошенію моему, на которое воспослѣдовало отъ Академіи наукъ милостивое рѣшеніе, отпущенъ я былъ прошлаго 1738 году февраля 17 до нынѣшняго 1739 года до такова жъ числа для моихъ нуждъ до Бѣлогорода. 2. А хотя и во отпуску былъ, токмо поручено мнѣ было отъ Академіи наукъ отправлять переводъ Гисторіи древней, сочиненной чрезъ Ролленя первый томъ, которую при семъ прилагаю. 3. Нынѣ я прибылъ въ Санктпетербургъ спустя того сроку восемь дней и

1) I, Входящія письма 1736—1739 годовъ. Переводъ: Милостивый государь. Вотъ первое письмо, съ которымъ обращаюсь къ вамъ въ надеждѣ, что вы по вашей благосклонности, которую мнѣ всегда оказывали, не примите въ дурную сторону такую смѣлость и что найдете даже пріятнымъ, что я сообщаю вамъ о себѣ.

И такъ послѣ страданія отъ усталости и многихъ безпокойствъ по слѣднему, какъ говорится, пути выѣхавъ изъ Москвы, я прибылъ благополучно въ Бѣлгородъ 24 марта. Здѣсь, платя еще по временамъ дань новому климату, я пребываю всегда въ готовности исполнять ваши приказанія. Переводъ, возложенный на меня императорскою Академіею наукъ, идетъ успѣшно, и содержаніе исторіи столько же меня занимаетъ, сколько и доставляетъ удовольствія. Я не перевожу вовсе цитатъ латинскихъ, а тѣмъ менѣе греческихъ, потому что все это разсказывается въ текстѣ исторіи. Но сдѣлайте мнѣ одолженіе, скажите ваше мнѣніе по этому предмету, и если признаете умѣстнымъ, чтобы я не помѣщалъ ихъ на поляхъ безъ перевода, то это тотчасъ же будетъ выполнено.

Его преосвященство архіепископъ бѣлгородскій очень желаетъ, чтобы его харьковскій коллегіумъ вступилъ въ переписку съ Академіею наукъ. Поэтому научите меня, если заблагоразсудите, какимъ способомъ можно бы было учредить и установить эту переписку, если Академія найдетъ это хорошимъ сколько для собственной своей славы, такъ и для пользы ученыхъ помянутаго коллегіума. Впрочемъ молю Всевышняго хранить всегда вашу особу и все ваше любезное семейство въ добромъ и совершенномъ здравіи, и осыпать всѣми его святыми милостями и благословеніемъ, а я есмь и проч.

то учинено болѣе для того, что содержанъ мною былъ карантенъ на Ясной Полянѣ, что подъ Тулою"[1]).

Побѣда подъ Хотиномъ подала мысль знакомцу Тредіаковскаго, бѣлгородскому епископу Петру заказать профессору харьковскаго коллегіума Витынскому сочинить на этотъ случай стихотвореніе. „А сіе, присовокупилъ названный епископъ въ припискѣ къ Тредіаковскому, только для того дѣлается, что харьковское коллегіумъ имѣетъ нѣкоторыя спомоществованія отъ его сіятельства фельдмаршала фонъ Мюниха и по больше обѣщанія впредь показуетъ". Витынскій, исполнивъ порученіе, переслалъ Тредіаковскому стихи для напечатанія при письмѣ, въ которомъ говорилось: Parui meo Domino (т. е. епископу Петру), et quod feci, etiam tibi meo, ut ingenuè fatear, hac in re Magistro, debita cum reverentia communico. Произведеніе Витынскаго, слабое и по содержанію и по внѣшней формѣ, любопытно по тому, что въ немъ авторъ подражалъ стихосложенію, введенному Тредіаковскимъ. Послѣдній не только держалъ корректуру этого стихотворенія, но и поправлялъ его размѣръ, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ до нынѣ корректурныхъ листовъ. Стихи напечатаны въ томъ же году[2]).

Въ 1739 году было напечатано Слово Амвросія Юшкевича, вологодскаго епископа, которое онъ произнесъ 3 іюля того же года по случаю бракосочетанія племянницы императрицы, принцессы Анны съ герцогомъ Антономъ Брауншвейгскимъ. Вмѣстѣ съ русскимъ текстомъ Слова изданъ былъ и латинскій переводъ, сдѣланный Тредіаковскимъ, подъ такимъ заглавіемъ: Divina benedictio existens in tribus peculiaribus dotibus serenessimae Dominae ac principis Annae nec non celsissimi Principis et Domini Antonii Ulrici Ducis Brussicensis et Luneburgensis quam fausto tempore nuptiarum concione celebravit A.

1) II, книга № 34.

2) Вотъ ихъ заглавіе: Эпиніконъ то есть пѣснь побѣдительная въ честь и славу оружія ея імператорскаго величества самодержицы всероссійскія, сочиненная въ Харьковской словено-латінской коллегіи чрезъ профессора философіи Стефана Витынскаго, сентября 7 дня, 1739 года. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ 1739.» См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, изд. г. Куника, I, стр. XX, и 84—86.

D. MDCCXXXIX d. III Iulii tandem in perpetuam rei memoriam conjunctis matrimonio his princibus dicavet devotissimus servus et at Deum precator Ambrosius, episcopus wologdensis interpete Basilio Trediakoffski. Typis imperialis Academiae scientiarum Petropolitanae [1]).

Въ концѣ того же 1739 года Сумароковъ, будущій литературный противникъ Тредіаковскаго, сочинилъ отъ имени кадетскаго корпуса двѣ оды императрицѣ на новый 1740 годъ. Въ одной изъ нихъ замѣтно также подражаніе тоническому размѣру Тредіаковскаго [2]).

Вечеромъ 4 февраля 1740 года къ Тредіаковскому явился кадетъ Криницынъ съ объявленіемъ, что онъ долженъ съ нимъ ѣхать въ императорскій Кабинетъ. Приглашеніе въ позднюю пору и притомъ въ такое важное тогда присутственное мѣсто привело Тредіаковскаго, какъ онъ самъ говоритъ „въ великое трепетаніе"; однако дорогою онъ узналъ, что кадетъ его везетъ не въ Кабинетъ, а на слоновой дворъ „гдѣ собраніе было маскараду" и гдѣ дѣлалось приготовленіе къ празднованію свадьбы извѣстнаго шута изъ рода князей Голицыныхъ на Бужаниновой. Тредіаковскій разсердился на кадета, назвалъ его „мальчикомъ и такимъ, который въ людяхъ мало бывалъ, а то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишить или, по крайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести, для того что, говорилъ я ему кабинетъ дѣло великое и важное...." [3]). Представъ предъ Волынскаго, который имѣлъ верховный надзоръ за устройствомъ развлеченія для императрицы, т. е. сказанной шутовской свадьбы, Тредіаковскій

1) Экземпляры этого Слова въ царствованіе Елисаветы предавалось уничтоженію, а потому нынѣ они составляютъ величайшую рѣдкость. Въ перепечаткѣ г. Саввантова его можно читать въ Вологодскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1870 г., № 14.

2) Тотъ же Сборникъ г. Куника, I, стр. XX и XXI.

3) О злоключеніяхъ Тредіаковскаго во время свадьбы шута есть два разсказа его: одинъ въ доношеніи Академіи наукъ 10 февраля 1740 г., напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1845 года, № 2, матеріалы, 43—46; другой— въ прошеніи на имя императрицы Анны, поданномъ въ коммиссію о Волынскомъ въ апрѣлѣ того же года. Здѣсь приводятся выписки изъ обоихъ этихъ документовъ.

сталъ жаловаться на кадета. Но едва онъ это сдѣлалъ, „какъ оная моя жалоба, по словамъ Тредіаковскаго, привела меня, бѣднаго человѣка, въ мученіе: ибо означенный г. Волынскій, сталъ меня, какъ непотребняго человѣка, безъ всякой причины по щекамъ немилостиво бить, принимаясь съ четыре раза, такъ-что подбилъ глазъ и всего оглушилъ; а притомъ говорилъ: чувствую-ли я? и якобы я не хочу дѣлать, а что дѣлать — мнѣ ничего не объявилъ, и я не слыхалъ...." Волынскій, не удовольствовавшись тѣмъ, что самъ билъ, велѣлъ то же дѣлать и кадету, что тѣмъ и было исполнено. „Послѣ тѣхъ побой, продолжаетъ стихотворецъ, получилъ я отъ него, г. Волынскаго, приказъ, дабы спросить у г. полковника Еропкина: что мнѣ дѣлать надобно? А оный Еропкинъ велѣлъ сочинить вирши къ дурацкой свадьбы, которыя по тому приказу въ самомъ моемъ уже несостояніи ума и исполнилъ, пришедъ въ домъ...."[1]). „За такое на меня, бѣднаго и беззащитнаго человѣка, продолжаетъ далѣе Тредіаковскій въ прошеніи къ императрицѣ, хотя бы по правамъ вашего императорскаго величества и надлежало мнѣ просить на онаго г. Волынскаго въ юстиціи, однакожъ мнѣ, бѣдному человѣку, съ такою высокою персоною тягаться весьма трудно и судъ получить невозможно кромѣ горшей еще погибели...." По этому онъ отправился во дворецъ въ комнаты Бирона и хотѣлъ ему лично принести жалобу на Волынскаго. Послѣдній также пріѣхалъ туда и, увидавъ въ „антикамерѣ" Тредіаковскаго, снова принялся бить его по щекамъ, а потомъ велѣлъ взять въ коммиссію и тамъ закричалъ солдатамъ: „рвите его!" „Они, по его приказу, и рубашку на мнѣ изорвавъ, такъ били палкою безчеловѣчно и тиранили, что, какъ послѣ мнѣ нѣкоторые объявили, больше гораздо ста ударовъ дали, такъ-что спина, бока и лядвеи мои всѣ стали какъ уголь черной. А онъ токмо притомъ приговаривалъ: буду-ли я имѣть охоту на него жаловаться и стану-ли еще пѣсенки сочинять?" Затѣмъ Тредіаковскій отведенъ былъ подъ караулъ, „гдѣ я, разсказываетъ онъ, ночевалъ на середу и твердя наизусть стихи,

1) Эти вирши съ пропускомъ неудобныхъ къ печати выраженій напечатаны въ Москвитянинѣ 1842 года, № 3, истор. матеріалы, 117.

хотя мнѣ уже и не до стиховъ было!...“ Въ среду, въ маскарадномъ платьѣ и въ маскѣ Тредіаковскій, приведенный въ потѣшную залу подъ карауломъ, прочелъ свои вирши, по окончаніи чего былъ отведенъ снова подъ караулъ, а на другой день призванъ предъ Волынскаго, который, по словамъ Тредіаковскаго, опять велѣлъ его бить и вмѣстѣ съ тѣмъ „по отданіи уже шпаги, кланяться себѣ въ землю, а притомъ говорилъ, чтобъ я на него жаловался кому хочу, а я-де свое взялъ, и ежели-де впредь станешь сочинять пѣсни, то-де и того достанется....“

Притворялся ли Тредіаковскій, или дѣйствительно онъ былъ сильно изкалеченъ, только въ донесеніи своемъ о томъ въ Академію онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе, что въ случаѣ смерти его книги должны поступить въ академическую библіотеку, а пожитки—духовнику его, священнику Ивану Комаровскому.

Тогдашній начальникъ Академіи баронъ Корфъ распорядился освидѣтельствовать Тредіаковскаго чрезъ академика и доктора Дювернуа, который въ письмѣ къ Шумахеру отозвался: „....на квартиру къ помянутому Тредіаковскому ходилъ, который, лежачи на постелѣ, казалъ мнѣ знаки битья на своемъ тѣлѣ, и сказывалъ, что онъ сіи побои въ полиціи получилъ. Спина была у него въ тѣ поры вся избита отъ самыхъ плечъ далѣе поясницы; да у него жъ подъ лѣвымъ глазомъ было подбито и пластыремъ залѣплено; а больше того ни лихорадки, ни другой болѣзни въ то время у него не было. Для престереженія отъ загнитія велѣлъ я ему спину припарками и пластырями укладывать, чѣмъ онъ, по сказкѣ лѣкаря Сатароша, чрезъ нѣсколько дней и вылѣчился....“

Академическое начальство, послѣ освидѣтельствованія Тредіаковскаго, не смѣло ничего предпринять для преслѣдованія такого грубаго насилія, и дѣло оставалось безъ послѣдствій до апрѣля мѣсяца. Оно бы, по всей вѣроятности, осталось такимъ на всегда, если бы Волынскій не навлекъ на себя гнѣва фаворита императрицы — Бирона. Послѣдній подалъ императрицѣ на оскорбленія его Волынскимъ жалобу, и здѣсь между прочимъ упоминалось, что Волынскій не устыдился недавно нанести по-

бои нѣкоему секретарю Академіи Тредіаковскому во дворцѣ въ покояхъ его, герцога, чѣмъ оказано неуваженіе государынѣ, а Бирону—обида, извѣстная уже и при иностранныхъ дворахъ [1]).

На допросѣ 17 апрѣля Волынскій объ этомъ обстоятельствѣ отозвался что „оное продерзостно учинить онъ, Волынскій, дерзнулъ отъ горячести своей, не опомнясь, и въ томъ во всемъ признаваетъ себя виновна и проситъ себѣ милостиваго прощенія.“ Послѣ того и Тредіаковскій подалъ жалобу на него императрицѣ, изъ которой нѣкоторыя мѣста приведены были выше. Кромѣ того нѣсколько времени спустя Тредіаковскій подалъ новое прошеніе, все написанное его рукою:

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Гд̑рня Імператрица Анна Іоанновна самодержица всероссійская!

Бьетъ челомъ вашея Імператорскія Академіи Наукъ Секретарь Васілей Тредіако^{в}скій, а о чемъ мое всепо^{д}даннѣйшее прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

Сего 1740 году апрѣля въ ^{де} би^{л} чело^{м} я нижайшій Вашему Імператорскому Величеству въ генералите^{т}ской ко^{м}миссіи, на бывшаго кабіне^{т}ного Міністра Волы^{н}скаго, о насильственномъ, и слѣдовательно Государстве^{н}нымъ правамъ весьма проти^{в}но^{м} его на меня нападеніи, и также о многократно^{м} моемъ о^{т} него на ра^{з}ны^{х} мѣста^{х} и въ ра^{з}ныя времена не стерпимом^{м} безчестіи и безчеловѣчномъ увѣчьѣ, а при томъ, и о наижесточайшемъ страданіи и въ самы^{х} Вашего Імператорскаго Величества апартаме^{н}та^{х}. Оное мое всепо^{д}да^{н}нѣйшее прошеніе толь праве^{д}но явилось, что и Маніфесто^{м} Вашего Імператорскаго Величества распу^{б}лікова^{н}ны^{м} въ наро^{д}, между прочимъ его Волы^{н}скаго злодѣйскими преступленіями, о^{б}явлено и по^{д}тверждено, хотя и неименовавъ меня нижайшаго.

2.

А по силѣ Вашего Імператорскаго Величества правъ, претe^{р}пѣвшимъ напрасное безчестіе и безвинное увѣчье, каково я нижайшій и до смe^{р}ти ужé чу^{в}ствовать принýжде^{н}, хотя коль

1) Извлеченіе изъ подлиннаго дѣла о Волынскомъ, сдѣланное нѣкогда по распоряженію графа Блудова однимъ изъ его подчиненныхъ, напечатано въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей 1858 г. II, смѣсь, 135—170.

много на излѣченіе мое не употребилъ иждивенія, положено за всякой разъ вдвое противъ их окладовъ удовольствованіе съ обидителей. Но мой жестокой мучитель, и безсовѣстно злобной обидитель Волынской ужѐ казнен смертію за свои ужасныя преступленія, а имѣніе его движимое и недвижимое все отписано на Ваше Імператорское Величество.

3.

И дабы по всемилостивѣйшему Вашего Імператорскаго Величества указу, повелѣно было изъ оставшихся послѣ Волынскаго пожитковъ учинить мнѣ, паки припадающему къ правосуднѣйшему и всемилостивѣйшему Вашего Імператорскаго Величества монаршескому престолу, милостивѣйшее наградительное удовольствованіе, чтоб и мнѣ бѣдному и беззаступному, и толь мучительски изувѣченному сподобиться высочайшія и неизреченныя Вашего Імператорскаго Величества милости, къ совершенному моему порадованію и ободренію при службѣ Вашего Імператорскаго Величества; и притом еще бы усерднѣйшія на всякій моментъ моея жизни молитвы присовокупить съ радостію къ молитвам всѣхъ Вашего Імператорскаго Величества вѣрных подданых. всеблагому и всещедрому Богу, котораго здѣсь на землѣ Ваше Імператорское Величество нам истинный образ и совершенное подобіе, за высочайшее Вашего Імператорскаго Величества здравіе, и всея Вашея Імператорскія фамиліи.

Всемилостивѣйшая Гдрня Імператрица! прошу Вашего Імператорскаго Величества о семъ моемъ всеподданѣйшемъ прошеніи милостивѣйшій указъ учинить. Іюля 29 дня. 1740 году. Прошеніе писал я Академіи Наукъ Секретарь Васілей Тредіаковскій и руку приложилъ. Къ поданію надлежитъ въ учрежденную коммиссію о Артемьѣ Волынскомъ и сообщников его“.

Отвѣтъ на эту просьбу послѣдовалъ уже по кончинѣ императрицы Анны, въ кратковременное регентство Бирона. 1 ноября 1740 года сенатъ постановилъ: „....Тредіаковскому за безчестье и увѣчье его Артеміемъ Волынскимъ въ награжденіе выдать изъ взятыхъ за проданные его, Волынскаго, пожитки и имѣющихся въ рентереи денегъ триста шестьдесятъ рублевъ“..

Какъ ни возмутительно это приключеніе съ Тредіаковскимъ,

нашелся однако писатель, имѣвшій отвагу сто слишкомъ лѣтъ спустя восхищаться поступкомъ Волынскаго. Савельевъ-Ростиславичь клеймилъ Тредіаковскаго „за равнодушіе къ высокимъ началамъ нравственнополитической любви къ отечеству и народности“, и видѣлъ это въ томъ, что во времена, когда мюллеровскую диссертацію о скандинавскомъ происхожденіи Руси нѣкоторые считали чуть не политическимъ преступленіемъ, Тредіаковскій высказалъ мнѣніе, что она ему кажется вѣроятною. Савельевъ-Ростиславичь съ видимымъ удовольствіемъ расказывалъ, какъ Волынскій „*накормилъ друга* (т. е. Тредіаковскаго) *плюхами*“, „*ввалилъ*“ ему семдесятъ палокъ, а потомъ еще велѣлъ ему „*закатить*“ 30 и т. д. [1])! Такіе отзывы Савельева-Ростиславича дали поводъ Бѣлинскому сказать: „Г. Савельевъ-Ростиславичь съ презрѣніемъ говоритъ о Тредіаковскомъ, который по паденіи Волынскаго взыскалъ съ его наслѣдниковъ за побои 720 (вѣрнѣе 360) руб. Чтожъ тутъ удивительнаго? Могъ-ли иначе поступить человѣкъ, котораго „кормили оплеухами“ и „валяли палками“, заказавъ ему стихи на шутовскую свадьбу въ ледяномъ домѣ?... И можно-ли слишкомъ порицать низость чувствъ въ писакѣ, котораго, какъ всякаго писаку, въ то время можно было бить.... И писатели нашего времени берутъ сторону Волынскаго въ этомъ позорномъ фактѣ, забывая, что каковъ бы ни былъ Тредіаковскій, но вѣдь все же и писака—братъ писателя по ремеслу, если не по таланту.... Бѣдный Тредіаковскій! Тебя до сихъ поръ ѣдятъ писаки, и не нарадуются до-сыта, что въ твоемъ лицѣ нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученаго и поэта!“[2])

Несчастное приключеніе съ Тредіаковскимъ ярко рисуетъ современную ему эпоху, когда дикій произволъ знатнаго человѣка былъ до того обыкновеннымъ явленіемъ, что самъ избитый Тредіаковскій былъ убѣжденъ и прямо высказывалъ въ прошеніи на высочайшее имя, что ему нельзя было искать правосудія на Волынскаго, потому что это была „высокая персона“, а онъ

---

1) Славянскій сборникъ Савельева-Ростиславича (Спб., 1845), стр. XII.

2) Сочиненія Бѣлинскаго, IX, (М., 1860) 404.

„бѣдный и беззащитный человѣкъ". Нельзя также при этомъ пройти молчаніемъ и то, что у насъ многіе убѣждены, что Волынскій погибъ жертвою нѣмцевъ за то, что будто-бы ратовалъ за русскую народность. По тому, какъ поступалъ Волынскій съ Тредіаковскимъ и со многими другими, можно судить, каковы были патріотическіе подвиги такого ратоборца за народность.

Было уже говорено выше о первыхъ послѣдователяхъ изобрѣтеннаго Тредіаковскимъ стихотворнаго размѣра — Витынскомъ и Сумароковѣ. Почти одновременно съ ними явился противникъ если не началъ, которыя были высказаны по этому предмету Тредіаковскимъ, то по крайней мѣрѣ способовъ примѣненія ихъ на дѣлѣ. Въ октябрѣ 1743 года самъ Тредіаковскій, говоря въ своемъ прошеніи о сочиненіи имъ разсужденія о русскомъ стихосложеніи, прибавлялъ: „Въ прошломъ же 1740-мъ годѣ, будучи въ Фрейбергѣ, студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при Академіи, прислалъ оттуда въ Академію наукъ письмо, которымъ онъ опровергалъ прáвила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ. Для защищенія моихъ прáвилъ принужденъ я былъ отвѣтствовать ему туда, сочинивъ мой отвѣтъ формою же письма, которое я и отдалъ въ канцелярію Академіи наукъ въ томъ же 1740-мъ годѣ; однако то мое не послано къ нему...." По справкѣ въ академической канцеляріи оказалось, что отвѣтъ Тредіаковскаго былъ написанъ 11 февраля 1740 года (стало быть на другой день послѣ донесенія въ Академію о звѣрскихъ поступкахъ съ нимъ Волынскаго, когда стихотворецъ сбирался уже отойти въ вѣчность), и что сочлены Тредіаковскаго по россійскому собранію Таубертъ и Адодуровъ представили „дабы сего учеными спорами наполненнаго письма, для пресѣченія дальныхъ, безполезныхъ и напрасныхъ споровъ, къ Ломоносову не отправлять и на платежъ за почту денегъ напрасно не терять...."[1]).

1) Библіографическія записки 1861 года, 355—356. Въ другомъ доношеніи въ Академію, писанномъ нѣсколько ранѣе, именно въ маѣ 1743 года, Тредіаковскій объ этомъ обстоятельствѣ разсказывалъ такъ: «....а нѣкоторое новое мое изобрѣтеніе, касающееся до россійской версификаціи, и печатно въ

По возвращеніи въ Россію Ломоносова, литературная распря его съ Тредіаковскимъ не ограничилась одними разсужденіями въ прозѣ, но перешла и въ стихотворную полемику. Такъ, напр., Тредіаковскій въ Новомъ и краткомъ способѣ къ сложенію россійскихъ стиховъ, возставая противъ сочетанія мужской риѳмы съ женскою, писалъ между прочимъ: „Таковое сочетаніе Стіховъ такъ бы у насъ мерское и гнусное было, когда бы кто наипоклоняемую, наинѣжную, и самымъ цвѣтомъ младости своея сіяющую эѵропскую красавицу, выдалъ за дряхлаго, чорнаго и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа....“ На это сравненіе Тредіаковскаго явились такіе стихи, которые приписываются иными Ломоносову:

Я мужа бодраго изъ давнихъ лѣтъ имѣла,
Однако же вдовой безъ оного сидѣла:
Штивелій увѣрялъ, что мужъ мой худъ и слабъ,
Безсиленъ, подлъ, и старъ, и дряхлой былъ Арапъ.
Сказалъ, что у меня, кривясь, трясутся ноги
И нѣтъ мнѣ никакой къ супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова
Негодна никуда, увѣчная вдова;
Однако нынѣ вся увѣрена Россія,
Что я красавица Россійска Поэзія;
Что мой законной мужъ завистной молодецъ,
Кто сдѣлалъ моему несчастію конецъ [1].

Впослѣдствіи времени Тредіаковскій такъ вспоминалъ о литературныхъ препирательствахъ по поводу русскаго стихосложенія: „....въ 1735 годѣ, я предпочелъ Стóпу Хорея всѣмъ прочимъ. Многія были на меня нападенія за сіе: всѣ я ихъ терпѣливо выдерживалъ, и выдерживая сколько ни доказывалъ правду, что-ни-Хóрей не нѣженъ, ни Іамбъ не благороденъ по себѣ, но что-тá и другая Стопа и благородна и нѣжна по сло-

свѣтъ издано и уже подало причину искуснымъ особамъ къ изобрѣтенію другихъ способовъ для тоя же самыя науки. Изъ которыхъ нѣкоторому я и отвѣтствовалъ, защищая мой способъ, какъ то водится при Академіяхъ....» (II, книга № 77.) Подробности о сущности первыхъ литературныхъ разнорѣчій между Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ можно читать въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, изданномъ г. Куникомъ, I, XXI—XLV, и М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, г. Антона Будиловича (Спб., 1869 г.), стр. 112—118.

1) Москвитянинъ 1854 г., №№ 1, 2, истор. матер., стр. 4.

вамъ: пребывали понынѣ въ своемъ мнѣніи, кому-въ-томъ-была нужда.... Хотя главнѣйшее Основаніе моихъ Стіховъ, и нашлось вдругъ самое твердое, или лучше жизнь ихъ и душа единственно; однако, вся моя Сістема не получила себѣ сперва отъ меня желаемаго мнѣ самому совершенства. Не дивно: таковъ есть Разумъ человѣческій: по степенямъ онъ наверьхъ всходитъ.... Хотя прежде нынѣшняго времени и было во многихъ, не знаю почему, предпочтеніе Іамбическому роду Стіха предъ Хореіческимъ: однако и то единственно и всеконечно на основаніи Тоническаго жъ моего Количества, а нынѣ (1755 г.) и Хореіческій уже родъ, какъ-свойственнѣйшій намъ, воспріемлется нашими Стіхотворцами, и тѣмъ бывшій нашъ споръ разрѣшается, по видимому въ мою пользу...."[1]).

Изъ другихъ трудовъ Тредіаковскаго въ 1740 году извѣстенъ нынѣ переводъ латинской статьи академика Гмелина, составленной имъ въ Красноярскѣ: „Описаніе животнаго мскусъ въ себѣ имѣющаго, а называемаго Кабарга"[2]).

Три мѣсяца спустя послѣ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы, именно 23 февраля 1742 года, въ академиче-

1) Ежемѣсячныя сочиненія, 1755 г. О древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотвореніи россійскомъ, 498, 499, 508. Здѣсь кстати будетъ привести мнѣніе о Тредіаковскомъ и его стихосложеніи высказанное митрополитомъ Евгеніемъ въ письмѣ отъ 10 сентября 1808 года: «На вопросъ о старинной нашей тонической поэзіи, вотъ что отвѣчаю: 1) отецъ ея есть г. Тредіаковскій, и его Телемахида (сколько модные писцы ей не смѣются) останется важнымъ памятникомъ сей поэзіи и силы нашего языка въ оной. Я часто съ удовольствіемъ многія мѣста сей поэмы читаю и думаю, что когда языкъ нашъ отъ французовщины обратится къ своему началу, то Телемахида будетъ не столько смѣшить насъ, какъ теперь. Если читать ее умѣючи по скансіи, то ухо чувствуетъ отмѣнную гармонію. 2) То, что нынѣ мы называемъ тоническою поэзіею, т. е. ямбы и хореи, для нашего языка отнюдь не есть тоническая поэзія, а, какъ говоритъ Львовъ, въ Добрынѣ: это — иностранныя рамки тѣсныя. Нашъ языкъ, по многосложности своихъ словъ, не вмѣщается въ ямбы и хореи, и отъ того въ скансіи у насъ выходитъ на одномъ словѣ по два, а индѣ по три ударенія. Ломоносовъ чувствовалъ сіе безобразіе, въ которомъ онъ самъ и виноватъ предъ нашею поэзіею, ибо онъ вздумалъ нашъ языкъ втѣснить въ нѣмецкую скансію, не разсмотрѣвъ сперва, что въ нѣмецкомъ мало многосложныхъ словъ; для сего-то самъ онъ въ лучшихъ своихъ одахъ убѣгалъ четверосложныхъ и даже трехсложныхъ, не на среднемъ слогѣ имѣющихъ удареніе словъ....» (Библіографическія записки 1859 г., стр. 248, 249).

2) Собственноручная рукопись Тредіаковскаго въ бумагахъ за апрѣль 1740 года (II, № 51).

скую канцелярію было дано знать изъ сенатской конторы, что „ея императорское величество изволили указать де сіансъ Академіи секретаря Василья Тредіаковскаго отправить въ Москву, давъ ему на ямскія четыре подводы прогонныя деньги, да на дорожной проѣздъ сто рублевъ изъ штатсъ конторы“[1]). Когда въ концѣ того же года слѣдственная коммиссія надъ Шумахеромъ спросила академическую канцелярію „секретарь Василій Тредіаковскій въ Москвѣ при какомъ дѣлѣ былъ и нынѣ при чемъ обрѣтается?“ то отвѣчено было, что онъ посланъ въ Москву по сенатскому указу, „а къ какимъ дѣламъ, о томъ во ономъ указѣ не упомянуто, и объ ономъ въ Академіи извѣстія не имѣется....“[2]).

Причина посылки Тредіаковскаго въ Москву на время коронаціи императрицы Елисаветы, разъяснена имъ въ одномъ изъ его прошеній, въ которыхъ онъ прописывалъ всѣ свои службы: „....вспоминаю, что я былъ по именному ея императорскаго величества указу и при полномочномъ французскомъ министрѣ марки де-ла-Шетарди, въ Москвѣ въ 1742 годѣ“[3]).

Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Москву, Тредіаковскій написалъ къ Шумахеру слѣдующее письмо[4]): Monsieur. Par le conseil de mes grands bienfaiteurs, j'ai composé l'Ode avec une dédicace pour

---

1) Безъ сомнѣнія къ этому именно времени должно отнести слѣдующую записку на французскомъ языкѣ, найденную въ кабинетскихъ бумагахъ елисаветинскихъ временъ: Que Sa Majesté veuille aussi accorder avant son départ une augmentation de deux cent roubles de gages au sieur Trediakoffski. En lui faisant cette grâce il ne sera traité que comme son camarade le sieur Wolchkoff quoique celui-ci soit moins ancien dans le même emploi qu'ils remplissent tous deux à l'Académie. Sa Majesté est encore très humblement suppliée d'ordonner que le sieur Trediakoffski puisse aller à Moscou où il est appelé et qu'il jouisse de ses appointements pendant son absence..

2) II, книга № 64.

3) Москвитянинъ 1851 года, № 11, просьба Тредіаковскаго въ сенатъ (1744), стр. 230.

4) II, книга № 65. Переводъ письма: «Милостивый государь. По совѣту моихъ знатныхъ благодѣтелей, я сочинилъ на коронацію ея императорскаго величества оду съ посвященіемъ. Мнѣ очень хочется напечатать ее въ академической типографіи, почему беру смѣлость препроводить ее къ вамъ, убѣдительнѣйше прося васъ оказать мнѣ эту милость. Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы напечатать 300 экземпляровъ: 50 на бумагѣ высшаго достоинства, 50 на почтовой и 200 на обыкновенной. Форматъ долженъ быть въ листъ. Прошу также соблаговолить украсить ее виньеттою, а въ концѣ

le couronnement de Sa Majesté Impériale. Je souhaite fort de l'imprimer à l'Académie: c'est pourquoi j'ai pris la liberté de vous l'envoyer, vous suppliant avec beaucoup d'instances de me faire cette faveur. Mon intention d'en imprimer 300 exemplaires, 50 sur le papier royal, 50 sur celui de poste et 200 sur l'ordinaire, et la forme doit être in folio. Je vous supplie aussi de vouloir bien l'orner d'une vignette, et à la fin d'un fleuron, parce qu'il y en a à l'Académie, qui peuvent convenir à une telle occasion parmi les anciens ornements.

Pour ce qui est de la correction je la confie à Mr. Bogdanoff, et le prie de s'en charger par la lettre ci-incluse, que vous aurez la bonté, monsieur, de lui rendre. Qu'il vous plaise enfin d'ordonner, qu'on relie tous les exemplaires de la manière suivante, à savoir, 2 exempl. sur le papier royal en velour vert et jaune et 3 en tafetas de différentes couleurs; le reste sur le même papier, et tout sur celui de poste en papier d'or et d'argent.

Quant aux 200 exempl. sur le papier ordinaire, il faut seulement coler ensemble les feuilles, car l'ode n'en tiendra que deux et mettre sur le dos de raies de papier. Et, comme il est juste, faites, s'il vous plait, passer toute la dépense sur mon compte. Mais, après tout l'ouvrage fait, ayez pour agréable d'adresser tous les exempl. à Mr. Vodekin demeurant dans la slabode.

заставкою, такъ-какъ въ Академіи между старыми украшеніями есть такія, которыя могутъ приличествовать этому случаю.

«Корректуру я ввѣряю г. Богданову, о чемъ и прошу его въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, которое вы будете столь добры вручить ему. Наконецъ благоволите приказать, чтобы экземпляры были переплетены слѣдующимъ образомъ, именно: два экземпляра на бумагѣ высшаго достоинства въ зеленый и желтый бархатъ и три въ тафту разныхъ цвѣтовъ; остальные на той же бумагѣ, а также и всѣ, напечатанные на почтовой, въ золотую и серебряную бумагу.

«Что касается до двухсотъ экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ, то въ нихъ надобно только склеить листы, потому что ода не заключаетъ въ себѣ болѣе двухъ, и на корешкѣ наложить полоску изъ бумаги. Всѣ эти расходы прошу, какъ это и справедливо, произвести на мой счетъ. Послѣ же окончанія всей работы, окажите мнѣ удовольствіе, переславъ всѣ экземпляры къ г. Водекину, живущему въ слободѣ. Удостойте, милостивый государь, присовокупить еще эту милость ко многимъ другимъ, которыми вы часто одолжали меня. Смѣю увѣрить, что вы обяжете не неблагодарнаго, который есмь и будетъ всегда съ уваженіемъ и почитаніемъ и проч.

Москва. 18 марта 1742 года.

Daignez, Monsieur, ajouter encore cette faveur à plusieurs autres, qu'il vous a plu de répandre souvent sur moi. J'ose vous assurer, que vous n'obligez un ingrat, qui suis et serai toujours avec respect et vénération, monsieur, votre très humble serviteur

B. Trediakoffsky.

à Moscou, ce 18 mars, 1742.

Шумахеръ исполнилъ все, что желалъ отъ него Тредіаковскій, и ода была напечатана ко дню коронованія императрицы[1]). Въ посвященіи къ ней говорится между прочимъ: „Воспріемля съ благоволеніемъ въ день сей великолѣпные отвсюду дары, да не отринетъ ваше императорское величество и моего подлаго сего и убогаго....“ Самая же ода начинается заявленіемъ, что стихотворецъ уже давно не писалъ подобныхъ произведеній:

Устрой молча́ща давно Ліра
Въ громкій гласъ нынѣ твои струны.

Лѣтомъ 1742 года въ Москву пріѣзжалъ Морицъ, графъ саксонскій, въ видахъ выхлопотать себѣ герцогство Курляндское. Объ этомъ пребываніи нынѣ имѣется на русскомъ языкѣ только краткое и притомъ не совсѣмъ точное извѣстіе въ запискакъ брильянщика Позье, который, разсказывая о событіяхъ, слѣдовавшихъ за возшествіемъ на престолъ Елисаветы, между прочимъ, сообщилъ: „Принцъ саксонскій, ея крестникъ, пріѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ выпросить себѣ герцогство Курляндское, что ему и удалось. Она пожаловала его орденомъ св. Андрея“[1]). Изъ депешъ маркиза-де-ла Шетарди

1) Вотъ ея заглавіе: Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей всеподданнѣйшее поздравленіе въ Высочайшій день Ея коронованія въ царствующемъ и столичномъ городѣ Москвѣ, Апрѣля дня 1742 года, въ привѣтственной одѣ изображенное и Ея священнѣйшему Величеству усерднѣйше посвященное чрезъ всеподданнѣйшаго раба Василья Тредіаковскаго Императорскія Академіи Наукъ Секретаря. Въ f°, 8 стр., кромѣ заглавнаго листа и посвященія. Виньетта и заставка рѣзаны на мѣди Иваномъ Соколовымъ. Описаніе этой оды сдѣлано Быстровымъ въ Москвитянинѣ 1849 года, отд. III, Словарь русскихъ писателей, стр. 29—31.

2) Русская старина, 1870 года, февраль, стр. 91. О пребываніи гр. Морица саксонскаго въ Митавѣ на возвратномъ пути изъ Москвы доносилъ императрицѣ Елисаветѣ Эрнстъ Іоганнъ фонъ Бутларъ $^{5}/_{16}$ іюля 1742 года: «$^{3}/_{14}$ числа сего мѣсяца въ вечеръ около девяти часовъ прибылъ

видно, что французское правительство покровительствовало видамъ графа саксонскаго на Курляндію [1]), а потому не удивительно, что по пріѣздѣ его въ Москву онъ былъ въ сношеніяхъ съ французскимъ дипломатомъ. Тредіаковскій, какъ видѣли выше, находился въ Москвѣ при Шетарди, и этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему въ бумагахъ Государственнаго архива нашелся сдѣланный и написанный Тредіаковскимъ переводъ съ записки графа саксонскаго къ императрицѣ, въ которой онъ ходатайствуетъ объ инвеституре на Курляндское герцогство. Переводъ этой записки помѣщенъ въ приложеніи III-мъ при настоящемъ жезнеописаніи.

Пребываніе въ Москвѣ для Тредіаковскаго было еще тѣмъ примѣчательно, что онъ тамъ женился, 12 ноября 1742 года, на дочери протоколиста оренбургской коммиссіи, Марьѣ Филиповнѣ Сибилевой [2]).

По возвращеніи изъ Москвы, нашъ писатель нашелъ много перемѣнъ въ Академіи: полновластный распорядитель судебъ ея, Шумахеръ былъ арестованъ; бывшій токарь Петра Великаго, Нартовъ заступилъ его мѣсто по управленію ученымъ учрежденіемъ; нѣкоторые русскіе, занимавшіе незначительныя должности при Академіи, силились доказать, что нѣмцы, не-

---

сюда графъ Морицъ саксонскій, подъ именемъ капитана Гельдбаха и сталъ въ квартирѣ у вольнодомца Баумерта, а почью о двухъ часахъ былъ онъ въ домахъ у канцлера Фика, у ландмаршала Бера, да у здѣшняго коменданта фонъ-деръ-Река, и онымъ мнимой свой запросъ на Курляндію и къ герцогскому достоинству къ принятію внушить трудился. На то упомянутые всѣ, какъ они мнѣ о томъ самому сказывали, и я имъ въ томъ вѣрить могу, отвѣтствовали ему, что ему, графу, самому про то извѣстно, въ какую Курляндія отвагу себя за него отдавала, и какъ худо ей то удалося. И того ради не можетъ онъ отъ нихъ требовать, дабы они хотя въ маломъ чѣмъ, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ, о томъ съ нимъ вступать имѣли, наипаче же и весьма не будутъ. Вчера поутру въ шести часахъ онъ отсюду отправился возвратно на почтовыхъ лошадяхъ въ Кёнигсбергъ. И наипаче стараніе его, при весьма неосновательномъ его правѣ, того ради имѣетъ быть тунѣ, понеже склонность всего шляхетства къ его свѣтлости ландъ-графу гессенъ-гомбургскому, по самой истинѣ, больше прибавляется. Также и пріѣздъ означеннаго графа при нынѣшнемъ здѣсь въ довольномъ числѣ собравшемся шляхетствѣ не произвелъ ни самаго малѣйшаго движенія въ его пользу.»

1) Маризъ-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862), 481, 544.

2) II, книги №№ 79 и 454.

доброхоты русскаго просвѣщенія, преграждаютъ вѣрнымъ сынамъ отечества дорогу къ повышеніямъ. Одинъ изъ такихъ антогонистовъ Шумахера, Горлицкій, обвиняя Шумахера съ барономъ Корфомъ въ опредѣленіи въ секретари и канцеляристы иноземцевъ, прямо указывалъ, что первую должность могли бы исполнять Адодуровъ или Тредіаковскій. Далѣе тотъ же Горлицкій утверждалъ, что Шумахеръ воспрещалъ ему и другимъ русскимъ посѣщать академическія засѣданія; что онъ же въ предисловіи къ Краткому описанію комментаріевъ (Спб., 1728 г.) „въ поношеніе россійцѣмъ, не безъ поруганія, совершеннолѣтніе мужи переводчики по предуготовленному его яду обрѣтаются", т. е. въ предисловіи къ помянутому изданію было вскользь упомянуто о несовершенствѣ помѣщенныхъ тамъ переводовъ; что въ академическихъ засѣданіяхъ Шумахеръ не давалъ мѣстъ садиться переводчикамъ Ильинскому, Сатарову и Горлицкому и что, наконецъ, онъ же произвелъ иноземца Брема въ адъюнкты историческаго класса, тогда-какъ онъ только занимался въ библіотекѣ. По этимъ обвиненіямъ были составлены пункты, отвѣчать на которые предложено было между прочимъ и Тредіаковскому, который по этому случаю писалъ:

„Въ Коммісію Слѣдствія объ Академіи наукъ тоя жъ Академіи Секретарь Васілей Тредіаковскій покорнѣйше доноситъ: На 1-е) какъ прежде, такъ и въ бытность Секретаря Тидемана въ Академіи Наукъ, Совѣтникъ Шумахеръ, опредѣлить меня вышеупомянутаго секретаремъ въ профессорскую конференцію, никакой не имѣлъ власти, для того что сіе зависѣло отъ бывшихъ въ тѣ времена президентовъ; а сверхъ того и моего къ тому желанія никогда не бывало: но могъ ли я оную до^л^жность исправить или не могъ, въ томъ не случилось мнѣ понынѣ имѣть никакова опыта. На 2-е) Въ конференцію профессорамъ всѣ^м^ ученымъ людямъ ходить, я никакова не слыхивалъ запрещенія; а требовать въ томъ позволенія у Совѣтника Шумахера, мимо президента, сáмой порядокъ запрещалъ: но переводчику Горлицкому свободно-ли было туда входить, того я поисти^н^нѣ не знаю. На 3-е) Предисловіе къ пе^р^вымъ Ко^м^ментаріямъ по чьему приказу сочинено, и кто оное конфірмовалъ,

того не знаю жъ, для того что я въ тѣ времена не былъ и въ Россіи. На 4-е) На публічныхъ собраніяхъ, бывшимъ переводчикамъ Сатарову, Илинскому и доносителю Горлицкому, Совѣтникъ Шумахеръ давалъ-ли садиться стулья или не давалъ, того я не видывалъ; а въ его ли то волѣ состояло, того я не знаю: однако я зналъ, что Совѣтникъ Шумахеръ покойного Илинскаго особливо ласкаво всегда принималъ, за его честныя и благоразумныя поступки, словà и дѣлà. Но въ состояніи ли они были какъ професс$о^{р}$скія предложенія, такъ и отъ себя что нибудь изъ древностей, изъ Анатоміи, изъ Философіи и изъ прочихъ наукъ, показать, изъяснить и истолковать на русскомъ языкѣ; того я утв$е^{р}$дить не могу: они покойные больше тогда сами свои силы знали. Чтожъ, въ разсужденіи сего, до переводчика Горлицкаго касается, то онъ можетъ самъ свое искусство въ т$о^{мъ}$ дѣйствительно и нынѣ еще показать, а мнѣ о способности его, какъ въ прошедшія, такъ и въ нынѣшнія времена къ тому, ничего точнаго донесть не в$о^{з}$можно. На 5-е) Бремъ $а^{д}$юнктомъ ли и при Историческ$о^{м}$ ли классѣ обрѣтается, того я не знаю; знаю только, что онъ при Академіи Наукъ и по нынѣ служитъ. Сіе объявительное доношеніе писалъ я помянутый Секретарь Васілей Тредіаковскій своеручно. 28 февраля 1743 года“ 1).

Въ февралѣ 1743 года секретарь академической канцеляріи С. Волчковъ доносилъ ей, что отъ генералъ-прокурора князя Трубецкаго „отдана мнѣ рукописная книга о правилахъ россійскаго стихосложенія тоже (sic) Харитона Макентина съ такимъ отъ его сіятельства приказомъ, чтобъ оную въ академической типографіи напечатавъ, для академической пользы книжками продавать; а его бы сіятельству шесть на александрійской бумагѣ напечатанныхъ и въ золотую бумагу переплетенныхъ экземпляровъ поднесть, а корректуру бы сея книги исправить г. Тредіаковскому....“ 2). Книга, о которой здѣсь шла рѣчь, была трудъ князя Антіоха Кантемира, и вышла въ свѣтъ въ слѣдующемъ 1744 г., подъ заглавіемъ: Квинта Горація Флакка десять

1) II, книга № 794.

2) II, книга № 74.

писемъ первой книги переведены съ латинскихъ стиховъ на русскіе и примѣчаніями изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства съ пріобщеннымъ притомъ письмомъ о сложеніи русскихъ стиховъ[1]).

По всей вѣроятности, надзоръ за печатаніемъ книги Кантемира былъ поводомъ къ перепискѣ его съ Тредіаковскимъ, отъ которой нынѣ извѣстно только одно письмо послѣдняго:

Manseigneur. Quoique j'importune votre altesse par celle-ci, toute fois j'aime mieux être importun de la sorte qu'être ingrat à son égard. En vérité, monseigneur, j'ai prétendu seulement par ma première de n'être point effacé du souvenir de votre altesse, mais j'étois bien éloigné d'aspirer aucunement à l'honneur de recevoir sa gracieuse lettre, sachant bien qu'elle a beaucoup d'occupations plus sérieuses sans prendre garde à me repondre. Et comme il lui a pourtant plu de s'abaisser jusqu'à moi, j'ose l'assurer de mon côté, que je lui suis redevable sans reserve. Heureux si elle me trouvoit utile à quelque chose pour son service dans ce pays ci, afin de lui pouvoir démontrer plutôt par des effets, que par des paroles, les sentiments les plus empressés et les plus respectueux, avec lesquels je suis et dois être, plus que personne, monseigneur, de votre altesse le très humble, très obéissant et très obligé serviteur

B. Trediakoffski[2]).

à S.-Pétersbourg, le $^{16}/_{27}$ de May 1743.

---

1) Книги этой печаталось 200 экземпляровъ, изъ нихъ 50 на александрійской бумагѣ. II, книга № 74.

2) Отечественныя записки, 1823, XIII, № 34, 301—303. Переводъ этого письма: «Милостивѣйшій Государь! Хотя я безпокою вашу свѣтлость моимъ письмомъ, однако думаю, что лучше безпокоить, чѣмъ оставаться неблагодарнымъ предъ вами. Дѣйствительно, милостивѣйшій государь, чрезъ первое мое письмо я желалъ только сохранить себя въ вашей памяти, но былъ совсѣмъ далекъ отъ надежды имѣть честь получить ваше милостивое письмо, зная хорошо, что у васъ много занятій болѣе важныхъ, чѣмъ писаніе мнѣ отвѣта. Но какъ вамъ угодно было снизойти до меня, то я съ своей стороны смѣю увѣрить, что безгранично за то признателенъ. Счастливымъ почту себя, когда ваша свѣтлость изволитъ удостоить меня какими либо порученіями въ здѣшнихъ мѣстахъ, дабы я не одними словами, но и самымъ дѣломъ могъ васъ убѣдить въ тѣхъ чувствахъ высокопочитанія, съ которыми и пр.

Извѣстно, что приложенное при помянутой книгѣ письмо Харитона Макентина къ пріятелю о сложеніи русскихъ стиховъ заключаетъ въ себѣ опроверженіе Кантемира противъ Новаго и краткаго способа къ сложенію россійскихъ стиховъ Тредіаковскаго. Впрочемъ, возраженія написаны были княземъ очень вѣжливо и осторожно, а въ началѣ даже говорилось о книгѣ Тредіаковскаго съ такими похвалами: „Приложенный отъ остроумнаго ея сочинителя трудъ столь больше хваленъ, что въ самомъ дѣлѣ народъ нашъ, до сѣхъ поръ лишаясь нѣкакимъ образомъ предводителя въ стихотворномъ теченіи, многіе часто съ прямой дороги сбивалися. Наипаче же хваленъ, что съ необыкновенною Стихотворцамъ умѣренностью представляетъ опытъ свой къ испытанію и исправленію тѣхъ, кои изъ насъ имѣютъ какое либо искусство въ стихотворствѣ...."

Впослѣдствіи Тредіаковскій сдѣлалъ такой отзывъ о сужденіяхъ Кантемира касательно русскаго стихосложенія: „Чтожъ-до-новѣйшія Сістемы нашему Стіхосложенію, явившіяся у насъ 1744 года, а составленныя нѣкоторымъ ученымъ человѣкомъ; то хотя авторъ, благопохвальнымъ мудрствованіемъ своимъ, показалъ ученому Россійскому свѣту великую остроту вымысла; однако, если кто-выкинетъ изъ его Сістемы всѣ не нужныи обходы, крюки и кривизны, тогда всякъ выдетъ по ней прямо токмо къ среднему нашему Стіхосложенію[1]) то есть, къ Прозаіческимъ строчкамъ. О твердости ея Основаній, Авторъ самъ намъ объявляетъ на концѣ 63 параграфа, говоря: „Буде кто спроситъ у меня всему тому причину (причины), и иную (иныя) показать не могу, развѣ что ухо мое (слухъ мой) мнѣ тѣ осторожности совѣтуетъ". Видно и по немногому сему, что Сістема сія сочинена конечно чужестраннымъ человѣкомъ...."[2]).

Перемѣна въ семейныхъ обстоятельствахъ побудила Тредіаковскаго обратиться къ заступившему мѣсто Шумахера — Нартову съ домогательствами объ улучшеніи его средствъ къ существованію. Въ маѣ 1743 года подалъ онъ доношеніе въ

1) Такъ Тредіаковскій называлъ силлабическій размѣръ.

2) Ежемѣсячныя сочиненія, іюня 1755 г., О древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотвореніи россійскомъ, 509, 510.

академическую канцелярію, гдѣ были подробно перечислены всѣ его труды при Академіи. Между прочимъ онъ такъ разсказываетъ о переводѣ Древней исторіи Роллена: „ея три первые томы давно готовы, изъ которыхъ два уже отданы въ Академію, третій у меня еще для исправленія; но четверый и пятый скоро, съ Божіею помощію, изготовится. Сія Исторія толь изрядная, толь полезная всякаго состоянія людямъ, толь просвѣщающая, толь сладко сочиненная, что смѣло могу сказать подобная ей понынѣ едва ли на свѣтѣ была, а и впредь развѣ ровная ей, а не лучшая ея, сочиниться можетъ.... Сіе все я, кончалъ Тредіаковскій, для того доношу, дабы новое академическое правленіе извѣстно было о моихъ трудахъ, и того ради покорнѣйше притомъ прося, дабы жалованіе мое съ равнымъ мнѣ въ чинѣ сравнено было, ибо претерпѣнная по нынѣ обида въ жалованіи моемъ не мало отнимаетъ у меня ободренія, толь наипаче, что лишившись всего отеческаго для пріобрѣтенія наукъ, однимъ жалованьемъ питаюся, содержа бѣдную сироту, сестру мою родную, а съ нею сына ея и дочь, а притомъ имѣя уже жену, котораго жалованья на содержаніе сихъ всѣхъ не становится, и для того я впалъ въ бѣдность и въ долги, а слѣдовательно въ горесть и печаль; но показанная въ сравненіи милость можетъ меня ободрить и еще-къ бо́льшимъ побудить трудамъ....“[1]).

Въ этомъ прошеніи не названъ „ровный въ чинѣ“ съ Тредіаковскимъ, но это былъ Сергѣй Волчковъ, который, будучи опредѣленъ барономъ Корфомъ въ Академію наукъ для переводовъ, потомъ исполнялъ должность секретаря въ академической канцеляріи. Онъ былъ извѣстенъ въ прошедшемъ столѣтіи какъ переводчикъ многихъ книгъ; впрочемъ, зналъ только нѣмецкій языкъ, и за тѣмъ не имѣлъ никакого образованія[2]). Не

1) II, книга № 77,

2) Объ опредѣленіи Волчкова въ Академію при россійскомъ собраніи говорено въ Исторіи Академіи наукъ, I, 524. Здѣсь же вкратцѣ сообщаются слѣдующія извѣстія объ этомъ Волчковѣ, котораго звали Сергѣемъ Савичемъ: съ 1723 по 1725 годъ онъ служилъ въ сенатѣ юнкеромъ; въ 1725 году посланъ былъ въ Шлезію съ маіоромъ Кологривовымъ «для мануфактурныхъ дѣлъ»; возвратясь оттуда въ 1726 году, находился при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а съ 1730 года жилъ въ Берлинѣ при посланникахъ: князѣ Сергѣѣ Голицынѣ, Михаилѣ Бе-

смотря на это, Волчкову, при самомъ вступленіи въ Академію, повезло болѣе, чѣмъ Тредіаковскому, который, безъ всякаго сомнѣнія, и по образованію и по заслугамъ своимъ русской литературѣ, стоялъ неизмѣримо выше Волчкова: послѣдній получалъ 560 рублей жалованья, а Тредіаковскій 360. Такое предпочтеніе дюжиннаго переводчика образованному писателю едва-ли не надобно искать въ какихъ либо личныхъ отношеніяхъ, независимо отъ заслугъ ихъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошло безъ отвѣта на приведенное выше донесеніе Тредіаковскаго, и онъ, 18 августа 1743 года, подалъ одно за другимъ два собственноручныя прошенія. Въ первомъ послѣ краткаго напоминанія прежняго ходатайства, онъ писалъ: „Будучи должнымъ по всеподан^{н}ичеству, да и по собственной моей склонности тщася быть полезнымъ, и по крайней во^{з}можности исправнымъ также и не тунеядце^{м} въ службѣ Ея Імператорскаго Величества; а уповая, что Академія Наукъ не благоволи^{т} оставить моего прошенія касающагося до сравненія моего жалованья или съ секретарски^{м} пятьсотъ-шестидесятымъ, или съ нижни^{м} профессорскимъ шестисотнымъ, симъ мои^{м} еще покорнѣйше прошу Академіи Наукъ благоволить опредѣлить меня первымъ біобліотекаремъ при Імператорской Академіи наукъ, и повелѣть отправлять сію до^{л}жность какъ въ Бібліотекѣ, такъ и во всѣхъ тѣхъ камерахъ, которыя принадлежатъ къ Бібліотекѣ по обыкновенію академіческому: ибо отъ того времени, какъ Іоганнъ-Даніелъ-Шумахеръ пожалова^{н} въ Совѣтники, при оной Бібліотекѣ перваго бібліотекаря нѣтъ, а есть токмо унте^{р} бібліотекарь Таубертъ, и получае^{т} годоваго жалованья пять сотъ рублей. Однако о^{н} не природной подданной Ея Імператорскаго Величества, и въ вѣчную службу присягою не обязанъ, и исповѣданія лютеранскаго, а для того

стужевѣ-Рюминѣ, графѣ Павлѣ Ягужинскомъ и Бракелѣ. Въ 1735 году баронъ Корфъ взялъ Волчкова въ Академію наукъ съ званіемъ секретаря при россійскомъ собраніи и съ жалованьемъ по 560 руб. въ годъ. Здѣсь онъ занимался переводами съ нѣмецкаго разныхъ книгъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, а также съ русскаго на нѣмецкій оффиціальной переписки изъ присутственныхъ мѣстъ. 7 ноября 1740 года Волчковъ опредѣленъ, по его просьбѣ, въ секретари академической канцеляріи. II, книги №№ 106, 232 и 56.

такимъ людямъ быть прито^{м} кажется неприлично, а еще и опасно, ибо можетъ быть что такіе находятся книги или впредь будутъ при Бібліотекѣ изъ россійски^{х}, о которыхъ неприроднымъ и нероссіянамъ и знать не надлежитъ. Ежели жъ Академія Наукъ собою опредѣлить меня не можетъ; то покорнѣйше паки прошу благоволить подать о мнѣ удостоеніе куда надлежитъ какъ въ разсужденіи моего жалованья, такъ и бі^{б}ліотекарства".

При подачѣ этого прошенія, Тредіаковскому въ академической канцеляріи возражали, что онъ никогда не исполнялъ на дѣлѣ обязанности секретаря, а имѣлъ только одинъ титулъ. Доводы о томъ не убѣдили Тредіаковскаго, и онъ того же 18 августа подалъ второе прошеніе, въ которомъ, послѣ извѣстныхъ уже свѣдѣній о своихъ странствіяхъ ради наукъ и трудахъ въ бытность при Академіи, объяснялось: „Для такихъ моихъ академічески^{х} трудо^{в}, для понесенія бѣдностей въ снисканіи Наукъ, для того что я лишился родителей, а всего отеческаго въ отсутствіи моемъ за Науками, и для того, что я нынѣ принужденъ оставшуюся сироту и вдову, мою́ сестру съ ея сыномъ содержать, также и для того, что, будучи уже́ женатъ, не могу я содержаться окладомъ моимъ не имѣя ни двора ни кола какъ говориться, и что слѣдовательно впалъ я въ великіе долги, и почитай отъ меня неоплатные; а напослѣдокъ, для бо́льшаго моего ободренія къ трудамъ при Академіи, просилъ я покорно о сравненіи моего жалованья съ равнымъ, но молодшимъ меня въ чинѣ.

„Понеже нынѣ, по десяти лѣтахъ моея службы, происходятъ отъ нѣкоторыхъ сомнѣнія въ рассужденіи моего Академіческаго Секретарства, а не трудо^{в} и заслугъ, хотя оныя сомнѣнія и весьма малое основаніе имѣютъ, и могутъ быть совершенно побѣждены сильнымъ доказательствомъ, то есть, указомъ, и еще имяннымъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Гд҃ря Імператора Петра Великаго, и другими многими важными доказаніями, однако для убѣжанія отъ дальнихъ изъясненій и ссоръ толь неполезныхъ, а токмо вредительныхъ, рассудилъ я за лучшее нынѣ отъ спорливыхъ терпѣніемъ защищаться.

„Того ради, вторичны^{м} симъ покорнѣйше прошу Імпера-

торскую Академію Наукъ, пріобщивъ сіе мое прошеніе къ первому, взять токмо въ рассужденіе многолѣтное мое ученіе на моемъ иждивеніи, способъ охоты къ оному, лишеніе всего отеческаго для него жъ, крайнюю бѣдность, невозможность къ содержанію моему нынѣшнимъ малымъ моимъ окладомъ; притомъ академическіе мои труды десятилѣтнюю при ней службу, и нѣсколько ужѐ заслуги; а для того пожаловать меня въ профессоры Элоквенціи какъ россійскія, такъ, и латінскія, опредѣливши мнѣ профессорской окладъ, при чемъ обѣщаюсь я и въ переводахъ по прежнему трудиться. Но что я способенъ къ исправленію сея профессорскія должности, тому я многіе уже опыты подалъ сочиненные и переведенные по прáвиламъ Элоквенціи. Буде же Академія Наукъ собою меня въ профессоры Элоквенціи произвесть, и окладомъ пожаловать не можетъ, то дабы благоволить подать о мнѣ удостоеніе, гдѣ надлежитъ“ [1]).

О послѣднемъ ходатайствѣ Тредіаковскаго Волчковъ сочинилъ, а Нартовъ подписалъ, 4 октября 1743 года, нѣмецкое письмо къ конференцъ-секретарю Винцгейму, въ которомъ говорилось: „Вы достаточно узнаете о дѣлѣ г. Тредіаковскаго изъ прилагаемой при семъ копіи съ его доношенія. Главная сущность его заключается въ томъ, что онъ желаетъ быть профессоромъ краснорѣчія по языкамъ латинскому и русскому при Академіи наукъ и въ то же время продолжать по прежнему переводы съ увеличеніемъ его жалованья. Что касается мѣста профессора краснорѣчія, то это дѣло единственно и исключительно принадлежитъ достоуважаемой конференціи; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ зависѣть отъ испытанія и свидѣтельствъ, имѣетъ-ли проситель всѣ требуемыя для того качества и можетъ-ли быть съ честію и славою облеченъ въ это званіе? Поэтому покорнѣйше васъ прошу сообщить это дѣло in pleno conventu достоуважаемой конференціи, истребовать письменное, за подписями всѣхъ гг. профессоровъ, мнѣніе и доставить его ко мнѣ,

1) Оба доношенія — II, книга № 77.

чтобы я могъ сообразно оному дѣйствовать и принять надлежащія мѣры....“ [1]).

Въ академическомъ собраніи 10 октября 1743 года было записано въ протоколѣ: ....statum fuit cancellariae Academiae vi hujus protocolli indicandum esse professionem eloquentiae latinae jam non vacare, quippe qua Dominus Staelinus ornatus sit; quod autem professionem eloquentiae russicae concernat, de ea in fundatione Academiae a Petro Magno subscripta mentionem injectam esse nullam; id circo supervacaneum esse de conferenda tali professione cogitare [2]).

Тредіаковскій, узнавъ о таковомъ отзывѣ академическаго собранія, сочинилъ опроверженіе, которое и помѣстилъ въ своемъ доношеніи (писано не его рукою) въ академическую канцелярію 22 ноября 1743 года: „....Гг. профессора вмѣсто чтобъ принять меня на свой экзаменъ, а потомъ или удостоить меня, или показать мою къ тому неспособность, опредѣлили письменно отвѣтствовать въ канцелярію чрезъ г. профессора Винцгейма въ такой силѣ, что понеже-де при Академіи наукъ профессія элоквенціи латинской поручена г. Штелину, а профессія-де элоквенціи на россійскомъ языкѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его величества отъ императора Петра Великаго не учреждена, и для того-де напрасное стараніе будетъ о полученіи при здѣшней Академіи такова профессорскаго мѣста. И такимъ образомъ чрезъ сію отговорку заградили они мнѣ путь къ профессорству. На опроверженіе неосновательныя ихъ отговорки я предлагаю слѣдующее: 1) хотя есть профессоръ элоквенціи латинской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ россійскихъ, ибо сія Академія учреждена въ пользу россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго и въ указѣ объ Академіи наукъ, состоявшемся 1725 г. декабря 21 дня. 2) Такъ могутъ быть два професеора элоквенціи, какъ теперь дѣйствительно находятся три профессора астрономіи. А два

1) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

2) I, Протоколы 1743 года.

профессора элоквенціи еще могутъ быть правильнѣе, нежели три профессора астрономіи, ибо къ элоквенціи нѣсколькіе положены въ прожектѣ члены, а къ астрономіи токмо точно одинъ. 3) Хотя и не положена профессія россійскія элоквенціи, да не положена жъ и латинская, но токмо положена элоквенція, которая не привязана къ одному латинскому, но можетъ состоять на всякомъ; положено токмо, чтобы каждому профессору курсъ своея науки издавать на латинскомъ языкѣ. 4) Ежели бы элоквенція здѣсь привязана была къ одному токмо латинскому, то бы всѣ профессоры элоквенціи, обрѣтавшіеся здѣсь и нынѣ обрѣтающійся здѣсь г. Штелинъ не издавали своихъ сочиненій стихами и прозою на нѣмецкомъ, котораго элоквенція также не положена въ прожектѣ, какъ и россійская. 5) Слѣдовательно россійская элоквенція въ здѣшней Академіи еще бо́льшее имѣетъ право нѣмецкой для наичастѣйшаго и общаго своего употребленія и толь бо́льшее, что сія Академія учреждена въ пользу россіянамъ. 6) Профессорская должность не въ томъ состоитъ, чтобъ не допускать до профессорскія степени россійскаго человѣка, на которой онъ можетъ стоять съ честію, но чтобъ токмо освидѣтельствовать, достоинъ-ли проситель того, чего требуетъ, ибо имъ надлежитъ токмо видѣть пробу искусства просителева, который наслѣдовать имъ имѣетъ право по силѣ прожекта. 7) Для того что гг. профессора охотно принимали въ 1733 годѣ на свой экзаменъ переводчика Горлицкаго, который также просилъ быть профессоромъ, а мѣста профессорскія всѣ были заняты жъ чюжестранными, но онъ самъ къ нимъ не пошелъ, отговариваясь парижскимъ свидѣтельствомъ; то видно, что меня для того не приняли, что я къ нимъ самъ охотно шелъ, хотя и я также имѣю парижское свидѣтельство, а не удостоить имъ было меня и стыдно, и трудно. Однако надо было заградить путь россійскому человѣку какъ нибудь: ибо кто къ нимъ не йдетъ, того принимаютъ, а кто идетъ, того всячески не хотятъ; но какой въ семъ ихъ вымыселъ, то всякому ясно видѣть можно. 8) Оный профессорскій отвѣтъ въ канцелярію къ непринятію меня на свой экзаменъ нѣсколько кажется и не въ честь толь ученымъ людямъ, для того что онъ не къ

дѣлу и не къ стати, ибо не требовала отъ нихъ канцелярія Академіи наукъ, что есть-ли профессоръ элоквенціи латинской и положена-ли профессія элоквенціи россійскія, вѣдая про то извѣстно, но просила ихъ благоволить освидѣтельствовать меня токмо въ искусствѣ элоквенціи толь наипаче, что произвести меня въ профессоры не имъ, но правительствующему сенату надлежитъ въ небытность президента, и что они онымъ вышеупомянутымъ образомъ отговорились, то, прямо истолковавши, значитъ оная ихъ отговорка сіе: хотя бы онъ былъ и достоинъ профессорства, однако онъ намъ не надобенъ для того, что въ нашу компанію вмѣшается русской...."

Послѣ того Тредіаковскій придумалъ обратиться къ членамъ синода съ тѣмъ, чтобы они освидѣтельствовали его въ „способности въ элоквенціи какъ латинской, такъ и россійской". Члены синода выдали ему нѣчто въ родѣ аттестата, съ котораго собственноручный списокъ онъ и представилъ при доношеніи въ академическую канцелярію [1]).

Вслѣдствіе этого доношенія, 29 ноября 1743 года, Нартовъ постановилъ представить въ сенатъ объ опредѣленіи Тредіаковскаго профессоромъ латинской и россійской элоквенціи „съ окладомъ молодшаго профессора Рихмана" по 500 руб. въ годъ [2]). Но вскорѣ за тѣмъ Шумахеръ снова былъ возвращенъ къ

1) II, книга № 77. Вотъ это свидѣтельство: «Копія точная и отъ сло́ва до сло́ва съ Аттестата даннаго мнѣ отъ членовъ Святѣйшаго Правит. Сѵнода: 1743 году ноября 4 дня. Мы нижеподписавшіися Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода члены, склонясь на просьбу Императорскія Академіи Наукъ Секретаря Василія Тредіаковскаго, предложенные сочиненія его виды(sic) какъ россійскимъ, такъ и латінскимъ языкомъ рассмотрѣли, и симъ свидѣтельствуемъ, что оные его сочиненія виды по точнымъ правиламъ элоквенціи произведены, что чистыми избранными словами украшены, и что по всему тому явно е́сть, яко онъ не нѣсколько, но только произшелъ въ элоквенціи, си есть, въ краснорѣчіи Россійскомъ и Латінскомъ, что праведно надлежащее въ томъ искусство приписатися ему долженствуетъ. Во увѣреніе сего подписуемъ своеручно. Въ Санктпетербургѣ вышеписаннаго мѣсяца и дня. У подлинаго пишетъ такъ: Смиренный Амвросій, Архіепископъ Новгородскій. Кѵріллъ, Архімандритъ Троицкій. Платонъ, Архімандрітъ Рождественскій. Сімонъ, Архімандрітъ Ѵпатскій. Сію копію точную и отъ сло́ва до сло́ва писалъ я секретарь Васілей Тредіаковскій своею рукою Ноября 22 дня 1743 года.

2) II, книга № 454.

управленію академическими дѣлами, и ходатайство нашегȏ писателя осталось въ академической канцеляріи безъ движенія.

Въ началѣ 1744 года Тредіаковскій хлопоталъ объ изданіи въ свѣтъ своего перевода съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Рѣчи краткія и сильныя, состоящія въ рассужденіяхъ благоразумныхъ, нравоучительныхъ, політіческихъ, хрістіанскихъ, духовныхъ, стоіческихъ и общихъ, изъ которыхъ каждое раздѣляется на десять десятковъ. Переведены съ Латінскаго чрезъ особливое тщаніе между академическихъ трудовъ Василья Тредіаковскаго". Переводъ этотъ былъ посвященъ великому князю Петру Ѳеодоровичу, почему рукопись препровождалъ въ академическую канцелярію тогдашій наставникъ наслѣдника престола, Штелинъ, съ тѣмъ, чтобы переводъ разсмотрѣть и, если онъ будетъ признанъ достойнымъ напечатанія, издать его въ свѣтъ. Шумахеръ потребовалъ подлинника отъ Тредіаковскаго, а послѣдній писалъ къ Штелину 28 января 1744 года: „....Mais, Monsieur, à ne Vous en déplaise pas, Votre peine et la mienne sont inutiles: car par l'ordre donné du Sénat, on ne doit imprimer aucun livre maintenant sans avoir préalablement l'approbation du même Sénat. Vous voyez que plus les mains sont liées de l'imprimerie par cet ordre, plus mon unique manuscrit est emprisonné pour longtemps, et qui sait, s'il ne reste jusqu'à être tout rongé par les tignes et en proie aux autres injures? Quant à moi, j'avoue franchement que je ne perd pas ce manuscrit volontiers: car il est uniqne dans son espèce, et l'unique que j'ai eu dans ma petite bibliothèque d'autant plus que j'ai rendu l'original latin à la personne, qui a bien voulu me le prêter pour quelque temps, et laquelle est d'éjà parti pour son pays. Pour solliciter donc, et par là pour faliciter l'élargissement à mon manuscrit, c'est à Vous, Monsieur, à faire entendre précisement, en termes positifs, au Procoureur Général prince Troubetskoy le bon plaisir de Son Altesse Impériale, c'est de voir imprimé le livre en question, et en ce cas, à lui donner le manuscrit, que j'ai eu le bonheur d'offrir à Son Altesse Impériale. Aprés l'avoir vu, lu et examiné, le Prince devroit vous rendre le manuscrit, et donner l'ordre à l'Académie de l'imprimer, si le Sénat trouve à

propos suivant la copie de mon manuscrit, qui est présentement à l'Academie....“ 1) Нѣсколько дней спустя Тредіаковскій извѣстилъ и Шумахера слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

„Высокоблагородный Гд҃нъ Совѣтникъ, Милостивой Гд҃рь мой! На присла[н]ное Вашего Высокоблагородія письмо, которымъ Вы изволите требовать у меня подлин[н]ика латі[н]скаго Апофтегматовъ или рѣчей кратки[х] и сильныхъ Іоанна Эузебія Ніремберга, которыя я перевелъ, симъ Вашему Высокоблагородію почтен[н]о отвѣтствую: 1) Что мнѣ не во[з]можно испо[л]нить Вашего Приказу, для того что нѣкто изъ чужестра[н]ныхъ моихъ пріятелей пожаловалъ сообщилъ мнѣ ту книшку на время токмо, которую при отбытіи своемъ изъ Россіи ужѐ тому нѣсколько недѣль, взялъ у меня возвратно. 2) Я оныя содержаніе перевелъ точно, и для того не было мнѣ нужды просить моего пріятеля, что[б] онъ мнѣ латі[н]скую свою̀ подарилъ. 3) Оная латінская книшка намъ здѣсь и не нужна теперь, для того что ужѐ есть моя̀ русская: но для аппробаціи до[л]жна представлена быть въ Правительствующій Сенатъ по силѣ состоявшагося нынѣ указа. 4) Что[ж] Гд҃нъ Профессоръ писа[л] въ Академію Наукъ, чтобъ ея рассмотрѣть Академічески[м] Членамъ; то, можетъ

---

1) Москвитянинъ 1843 г. № 1, матеріалы, 270—271. Вотъ переводъ приведеннаго сейчасъ мѣста: Но, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, милостивый государь, ваши труды и мои безполезны, потому что теперь, въ силу сенатскаго указа, нельзя напечатать ни одной книги безъ предварительнаго разрѣшенія самого сената. Вы видите, что чѣмъ болѣе связана типографія этимъ указомъ, тѣмъ долѣе застрянетъ моя единственная рукопись, а кто знаетъ, и не останется-ли тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вся съѣдена червями, или же сдѣлается жертвою другихъ невзгодъ? Что касается до меня, то я откровенно сознаюсь, что неохотно потеряю эту рукопись, потому что она въ своемъ родѣ единственная и единственная въ моей небольшой библіотекѣ, тѣмъ болѣе, что я возвратилъ латинскій оригиналъ тому лицу, которое меня имъ ссудило, и которое уже уѣхало въ свое отечество. Чтобы ходатайствовать и тѣмъ облегчить освобожденіе моей рукописи, вамъ, милостивый государь, предлежитъ объяснить въ точныхъ выраженіяхъ волю его императорскаго высочества генералъ-прокурору князю Трубецкому, т. е. видѣть въ печати книгу, о которой идетъ рѣчь, и при этомъ случаѣ отдать ему рукопись, которую я имѣлъ счастіе приподнести его императорскому высочеству. Послѣ просмотра, прочтенія и оцѣнки, князь долженъ возвратить вамъ рукопись и дать указъ Академіи о напечатаніи ея, если сенатъ то признаетъ за благо, согласно копіи съ моей рукописи, которая нынѣ находится въ Академіи....»

быть, не весьма былъ извѣстен о силѣ такова указа. 5) Того ради я имѣлъ честь писать къ Гдну Профессору Штелину отъ 28 дня прошедшаго Генваря, дабы онъ изволиa объявить Его Свѣтлости кнзю Нікітѣ Юрьевичу Трубецкому, о благоволеніи Его Імператорскаго Высочества, чтобы напечатать сію книшку, и въ рассужденіи бы сего вручилъ ему тамъ самую ту книшку, которую я имѣлъ щастіе поднесть съ должнѣйшею моею преданностію Его Імператорскому Высочеству, а по рассмотрѣніи ежели заблагопотребно рассудить имѣетъ Правительствующій Сенатъ ея печатать, то может прислать указъ въ Академію Наукъ о томъ, которыя въ Канцелярію ужѐ я собщил по письму Гдна Профессора Штеліна подлинной моея рукѝ переводъ. Впрочемъ, вручаяся благодати вашей пребываю съ должнымъ почтеніемъ Вашего Высокоблагородія Млстиваго Гдря моего покорный слуга

В. Тредіаковскій 1).

2 Февраля 1744.

Хлопоты Тредіаковскаго о напечатаніи этого перевода своего были тщетны, и онъ остался не напечатаннымъ 2).

---

1) II, книга № 84.

2) Списокъ перевода (въ f⁰, на 225 стр.), писанный рукою Тредіаковскаго, когда онъ уже былъ профессоромъ, хранится въ рукописяхъ русской библіотеки Академіи наукъ. Здѣсь переводчикъ описываетъ и содержаніе заставицъ, которыя долженствовали украшать книгу въ печати. Такъ въ началѣ значится: «Conspicitur medius, melius serenabit ab alto. Сія заставка состоитъ въ полукругѣ, показывающем небо, изъ за котораго въ половину видимо вышедшее солнце; на картушахъ по обѣимъ сторонамъ раздѣлена вышеписанная латінская надпись.» Затѣмъ слѣдуетъ длинное лапидарное надписаніе великому князю Петру Өеодоровичу, а въ концѣ: «Multa salus salvis, certam sperare salutem. Уголокъ сей (т. е. заставица) состоитъ въ одномъ большомъ якарѣ стоящемъ перпендікулярно, къ которому съ обѣихъ сторонъ присовокуплено по три небольшихъ якарей: все окружаетъ вышеписанная надпись.» Послѣ того слѣдующее предисловіе: «Къ читателю. Что благоразумный, добродѣтель любящій, и довольно ученый- Авторъ Іоаннъ-Евсевій-Ніерембергъ, сочинилъ прежде на Гішпанскомъ, и что искусный, не знаю кто, человѣкъ перевелъ потòмъ на латінскій; то я нынѣ съ сего въ книжкѣ сей предлагаю Вамъ, почтенный читатель, на нашемъ Россійском языкѣ. Не могу праведно похвалиться, что я вамъ услужилъ Истинною Політікою, и Военнымъ состояніемъ Оттоманскія Імперіи, первою малою, а другою великою книгами, которыя ужѐ изданы; однако смѣло могу представить, что покрайней возможности стараюсь всегда, за первое себѣ почтая правило, вамъ быть угоденъ, и чрезъ то, хотя бы нѣ-

Между тѣмъ у Тредіаковскаго продолжались пререканія съ Ломоносовымъ и съ Сумароковымъ по поводу ямбовъ и хореевъ. Сумароковъ, какъ видѣли выше, въ первыхъ своихъ юношескихъ произведеніяхъ, являлся подражателемъ Тредіаковскаго, но потомъ, увлеченный успѣхомъ Ломоносова, сталъ предпочитать хорею ямбъ. Нынѣ не осталось слѣдовъ тогдашнихъ схватокъ этихъ лицъ за хореи и ямбы, и только сохранилась брошюра, которая свидѣтельствуетъ, что разгорячившіеся писатели рѣшились свой споръ передать на судъ пуб-

---

сколько, васъ достоинъ. Въ семъ намѣреніи перевелъ я для васъ и сію небольшую книшку съ латиⁿскаго, какъ выше донесъ, языка. Въ ней вы все то, съ сладостію и пользою, прочесть имѣете, въ чемъ твердое благоразуміе, истинное нравоученіе, законная політіка, совершенная какъ хрістіанская духовная, такъ и гражданская мірская добродѣтель состоять въ человѣкахъ долженствуетъ.

«И понеже расположеніе Авторово, или, не знаю, переводчиково на Латинской въ сотняхъ, мнѣ показалось не весьма порядочнымъ, то я весь порядокъ сотень перемѣнилъ для лучшаго соединенія и слѣдованія вещей. Кажется мнѣ, что порядочнѣе наставлять прежде разумъ, потомъ исправлять сердце; а послѣ просвѣщенному ужè понятію, и исправленному нраву, человѣческія справедливости должность въ поступкахъ показывать. И какъ человѣческая справедливость одно само собою не весьма твердо состоитъ; то слѣдуетъ, что доˡжно ея утвердить христіанскія истиⁿны ученіемъ, и подкрѣпить духовныхъ дѣлъ силою: а при всемъ томъ объявить, что толико хрістіанскихъ добродѣтелей дѣйство есть совершенно, что самыя человѣческія, на одномъ естественномъ разумѣ основанныя, толь достойнѣйшими почитаются, коль ближайшими бываютъ къ христіанскимъ, и что, наконецъ, отъ хрістіанскихъ добродѣтелей, а именно отъ живыя и чистыя Вѣры, отъ твердыя и несомнѣнныя надежды, отъ горячія совершенныя любви, рождающимися плодоносно дѣлами, получается въ будущей жизни, понеже доˡгъ лежиᵀ каждому человѣку переселиться въ оную, неизрѣченное вѣчнаго блаженства воздаяніе и вѣнецъ славы.

Переводя перемѣнилъ я также Латинское важное Ты, въ нынѣшнее наше нѣжное Вы для общаго учтиваго употребленія. Краткость слога, и силу дѣла, Автору отдаю справедливо; словà и изображенія нашего языка причитаю недостатку во мнѣ искусства бесспорно; одну могущую изъ того произойти пользу, моему доброму намѣренію совѣсно, приписать дерзаю. Вашъ всегдашній слуга В. Тредіаковскій».

Въ этомъ же экземплярѣ приплетена тетрадь, писанная рукою писца, и заключающая въ себѣ «Слово о терпѣніи и нетерпѣливости»: оно принадлежитъ также перу Тредіаковскаго, который въ началѣ написалъ своею рукою, но потомъ зачеркнулъ: «Для извѣстія. Прілагается здѣсь слѣдующее слово для того особливо, что оно совершенно хрістіанскія высокія матеріи, которая почитай всю сія книгу составляѣтъ. Прітомъ и для сего дабы самымъ дѣломъ показать, что істинноѣ вітійство можетъ состоять однімъ нашімъ употребітельнымъ языкомъ, не употребляя мнімо высокаго славянскаго сочіненія.»

лики. Таковъ былъ поводъ къ появленію въ свѣтъ стиховъ подъ заглавіемъ:

„Три Оды парафрастіческія псалма 143 сочиненныя чрезъ трехъ стіхотворцевъ изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. Въ Санктпетербургѣ при імператорской Академіи наукъ. CIƆIƆXXXLIV[1]). Произведеніе это началось печатаніемъ еще въ 1743 году подъ надзоромъ Тредіаковскаго. Въ сочиненномъ имъ притомъ предисловіи онъ разсказываетъ, что между авторами трехъ одъ былъ „разговоръ о россійскихъ стіхахъ:“ „Разговоръ ихъ былъ нѣкоторый родъ спора, въ рассужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, Хорея и Іамба.... Защитникъ Хорея, какъ прочіе оба его называли, хотѣлъ было пространнѣе доказывать, что мнѣніе его не въ томъ состоитъ, чтобы онъ приписывалъ точно обѣимъ симъ Стопа̀мъ нѣкоторое особливое свойство высоты, или нѣжности, но по положенію токмо, то есть, буде Іамбъ собою высокъ, то онъ совокупно собоюжъ и нѣженъ; а буде Хорей собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо впрочемъ не признаваетъ онъ ничего сего въ Стопа̀хъ, но причитаетъ все разности словъ. Но оба прочіе не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобъ ему сочинитъ Оду Хореіческую, и выбрали себѣ на сіе Псаломъ сто сорокъ третій. Сей есть случай и причина сихъ трехъ Одъ, двухъ Іамбическихъ, а одной Хореіческой, которыя нынѣ Свѣту подаются.... Но которой изъ нихъ которую Оду сочинилъ, о томъ умолчивается: знающіе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая Ода чрезъ котораго сочинена....“

Должно думать, что во время появленія въ свѣтъ этихъ одъ не было еще того взаимнаго антагонизма между тремя сочинителями ихъ, какимъ отличались они впослѣдствіи. Такъ въ томъ же предисловіи Тредіаковскій нашелъ умѣстнымъ похвалить всѣхъ трехъ одописцевъ: „....праведно есть, что всѣ трое

1) Эти оды перепечатаны съ точнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника г. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, I, 419—433.

не подлымъ искусствомъ сочинили свои Стіхи, и что трудный и прерывный разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображеній, и удивительное согласіе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что всѣ добрые Стіхотворцы коль ни разно въ особливости остроту своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, и чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не относятся....“

Прошло шесть лѣтъ послѣ изданія въ свѣтъ Парафрастическихъ одъ; Сумароковъ написалъ комедію въ котрой вывелъ Тредіаковскаго подъ именемъ пошляка-педанта Тресотиніуса, и осмѣянный писатель послѣ того разсказывалъ уже иначе о поводѣ къ изданію тѣхъ одъ. Онъ тогда писалъ, что именно Сумароковъ подбилъ издать въ свѣтъ ихъ стихотворныя переложенія: „ибо онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ увѣренъ о своихъ силахъ, что преодолѣетъ....“ За тѣмъ слѣдуетъ придирчивый разборъ оды, сочиненной Сумароковымъ, при чемъ не пропущено даже и того, напр., гдѣ онъ поставилъ вмѣсто точки съ запятой точку, и т. п.

Между тѣмъ Тредіаковскій, по возвращеніи къ академическимъ дѣламъ Шумахера, обращался къ нему съ просьбами о повышеніи. „Сей совѣтникъ, говорилъ Тредіаковскій, многократно жъ меня о томъ и благосклонно обнадеживалъ, а иногда говорилъ мнѣ, совѣтуя, чтобъ я и не просилъ въ Профессоры, ибо имѣетъ онъ намѣреніе выпросить мнѣ хорошій ра̄нгъ и довольное жалованье; а быть мнѣ токмо при старомъ дѣлѣ, для того что-де Россіи больше въ томъ дѣлѣ нужды и пользы, нежели хотя бы я былъ и Профессоръ. Однако, напослѣдокъ объявилъ мнѣ Генваря 19 дня, сего 1744 года, что онъ нынѣ не имѣетъ ни времени, ни свободности, и для того, буде я желаю, то бы я самъ просилъ Правительствующій Сенатъ....“

Такой отвѣтъ заставилъ Тредіаковскаго написать, 28 февраля 1744 года, доношеніе прямо въ Сенатъ, и здѣсь онъ подробно излагалъ по пунктамъ всѣ свои права на званіе академика и всѣ мытарства, которыя испыталъ, добиваясь вожде-

лённаго повышенія. При этомъ не забыто было и свидѣтельство, данное ему отъ членовъ синода[1]).

Только черезъ годъ, именно 2 февраля 1745 года, сенатъ потребовалъ отъ Академіи наукъ свѣдѣній по этому доношенію. Когда въ академической канцеляріи былъ составленъ вчернѣ отвѣтъ сенату, то тамъ, конечно въ огражденіе отъ притязательности и придирчивости, которыми дѣйствительно отличался Тредіаковскій, взяли отъ него подписку такого рода: „Сею черновою вѣдомостію въ Правительствующій Сена^{т}, я доволенъ, понеже она точно согласна и съ дѣломъ, и съ требованіемъ о^{т} Правительствующаго Сената. Василей Тредіаковскій. 13 февраля 1745[2]).

Сенатъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайствовалъ о производствѣ Тредіаковскаго въ профессоры „какъ латинскія, такъ и россіиския элоквенціи", и 25 іюля 1745 года императрица Елисавета пожаловала въ это званіе нашего писателя и приказала фельдмаршалу князю Василью Долгорукому и графу Алексѣю Бестужеву-Рюмину, чтобы они о томъ объявили сенату. Это повышеніе Тредіаковскаго увеличило его прежній окладъ въ 360 рублей еще трехстами рублями[3]).

Вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ, императрица пожаловала въ академики Ломоносова и въ адъюнкты — Крашенинникова. Разница были въ томъ, что двое послѣднихъ представлены о производствѣ ихъ въ помянутыя званія по удостоенію академическаго собранія, а Тредіаковскій—по собственному прошенію и на основаніи свидѣтельства синодальныхъ членовъ. Это обстоятельство въ соединеніи съ другимъ, о которомъ будетъ сейчасъ сказано, было причиною, что съ самаго начала вступленія Тредіаковскаго въ среду академиковъ, его тамъ приняли не совсѣмъ дружелюбно. За нѣсколько мѣсяцевъ до пожалованія его въ профессоры, академики ходатайствовали о назначе-

1) Москвитянинъ 1851 года, № 11, Просьба Тредіаковскаго въ сенатъ, 227—236.

2) II, книга № 77. Вѣдомость и всѣ справки о Тредіаковскомъ изъ академической канцеляріи напечатаны въ Москвитянинѣ 1853 года, № 15, истор. матеріалы, 27—46.

3) Москвитянинъ 1853 года, № 15, истор. матер., 46—48.

ніи въ ту же должность адъюнкта Крузіуса, довольно извѣстнаго въ свое время гуманиста. За назначеніемъ Тредіаковскаго, сенатъ оставилъ безъ послѣдствій ходатайство о Крузіусѣ, который послѣ того, конечно, не могъ чувствовать особеннаго расположенія къ Тредіаковскому. Остальные академики также считали себя обиженными за оставленіе безъ послѣдствій ихъ ходатайства за Крузіуса.

12 августа 1745 года Шумахеръ объявилъ въ академическомъ засѣданіи о пожалованіи въ новыя званія Тредіаковскаго, Ломоносова и Крашенинникова, послѣ чего первые два были приглашены въ собраніе и заняли мѣста между академиками. Тредіаковскій въ то же засѣданіе началъ чтеніе своей рѣчи De eloquentia, на которую отвѣчалъ отъ имени академиковъ, не приготовляясь, Вейтбрехтъ, великій между академиками знатокъ латини, хотя и былъ физіологъ, а не гуманистъ. Послѣ того оба новые академики были поздравлены всѣми присутствовавшими членами. 9 сентября Тредіаковскій окончилъ чтеніе помянутой рѣчи, и такъ какъ въ ней ничего не нашлось противъ религіи, правительства и нравственности, то академическое собраніе не встрѣтило препятствія къ изданію ея въ свѣтъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ, съ французскимъ посвященіемъ графу Воронцову; но при томъ было оговорено, что печатаніе рѣчи должно быть произведено на счетъ Тредіаковскаго. Въ засѣданіи 14 октября послѣдній спрашивалъ Вейтбрехта: угодно-ли ему, чтобы его отвѣтъ на рѣчь былъ напечатанъ вмѣстѣ съ нею? На что Вейтбрехтъ отозвался: „если бы рѣчь г. Тредіаковскаго была произнесена въ публичномъ собраніи Академіи, и печаталась бы на ея счетъ, тогда слѣдовало бы и отвѣтъ мой присоединить къ такому изданію; но такъ-какъ все происходило частнымъ образомъ, то я не согласенъ на печатаніе моего отвѣта“ [1]).

По поводу печатанія и посвященія графу Воронцову своей рѣчи, Тредіаковскій писалъ къ Шумахеру: Monsieur. La lettre que j'ai demandée à la Chancellerie, me vient d'être rendu par

1) I, Протоколы 1745 года.

le soldat Kalachnikow. Elle m'est envoyée de Riga du 14 du 7-bre, écrite de la part de Son Excellence Monseigneur le Vice-Chancelier, et signée de sa propre main. Son Excellence me fait l'honneur de me prier, que je lui envoye, le plutôt que se pourroit, mon Discours: et afin que je n'aie aucune difficulté par rapport au transport, Elle en charge par la même lettre M. le Conseiller de Nepluiew. C'est pourquoi, je vous supplie, Monsieur, de donner aux imprimeurs mon Discours, pour que je puisse satisfaire aux souhaits de Son Excellense plutôt, que sela se pourra faire. Mais comme vous voulez aussi que mon Discours soit imprimé à mes dépens; ainsi je souhaite d'en avoir 390 sur le papier des Commentaires appelé de ce nom; et 10 exemplaires seulement sur le papier roiale, le latin à côté, et le russe à l'autre sans colonnes. Cela s'entend du Discours seulement, car la Dédicace doit être imprimée autrement, c'est à dire, le russe au premier côté, et le français a l'autre. Son Excellence me demande encor mon Discours russien, que j'ai composé pendant l'examen du St. Synode, Je lui l'envoiroi (sic) écrit à la main: car je ne veux pas, qu'il soit imprimé, en ce qu'il est du ressort de la Theologie, bien que s'y touche tous les points par des régles d'Eloquence [1]). Qu'il vous plaise, Monsieur, d'ordonner le plutôt aux imprimeurs de travailler à mon Discours. Quant à la lettre de Son Excellence, je vous jure la foi d'un honnete homme, que je ne vous en impose pas: je vous l'aurais fait voir très volontiers; mais il ait (sic) des certains points qui me regardent plus particulièrement et que je ne dois montrer à personne. J'ose me flatter, que vous me croirez sur ma parole comme celui, qui ai l'honneur d'être connu de vous en fait de ma droiture. Je suis avec respect et considération la plus parfaite, Monsieur, votre très humble et trés obéissant serviteur B. Trediakowski [2]).

Le 20 7-bre 1745.

---

1) Быть можетъ это было то «Слово о терпѣніи и нетерпѣливости», о которомъ упоминалось выше въ выноскѣ, на стр. 104.

2) II, книга № 98. Переводъ: милостивый государь. Требованное мною отъ канцеляріи письмо отдано мнѣ чрезъ солдата Калашникова. Оно мнѣ прислано изъ Риги 14 сентября, писано отъ его сіятельства г. вице-канцлера и

Вслѣдствіе этого письма, 24 сентября 1745 года, въ академической канцеляріи сдѣлано было распоряженіе о печатаніи рѣчи, но съ оговоркою, которая была вызвана разными нововведеніями въ правописаніи, придуманными Тредіаковскимъ и вводившимися имъ въ это время довольно упорно въ своихъ писаніяхъ. „И притомъ, сказано въ помянутомъ канцелярскомъ постановленіи, на крѣпко того смотрѣть, чтобъ на россійскомъ языкѣ въ высочайшихъ титулахъ ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ ни малѣйшей новости въ литерахъ и въ произношеніи не учинилось, но все бы по старой ортографіи печатано было, дабы за ортографическія поновленія, а особливо въ высокихъ титулахъ канцеляріи не отвѣтствовать....“[1]) Въ декабрѣ 1745 года печатаніе книги было окончено, и она вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ—Слово о богатомъ, различномъ, искусномъ и несхотственномъ витійствѣ говорено почт. благород. ученѣй. профессорамъ въ императорской Академіи наукъ санктпетербургской чрезъ Васілья Тредіаковскаго Профессора публічнаго, ордінараго Элоквенціи

подписано его собственною рукою. Его сіятельство дѣлаетъ мнѣ честь, прося, чтобъ я ему доставилъ какъ только можно скорѣе мою рѣчь, а для отклоненія всякаго затрудненія при пересылкѣ, онъ поручилъ это въ томъ же письмѣ г. Совѣтнику Неплюеву. Вотъ, почему я умоляю васъ, милостивый государь, отдать типографщикамъ мою рѣчь, чтобы я могъ исполнить желаніе его сіятельства въ возможной скорости. Но какъ вы въ тоже время хотите, чтобы рѣчь моя печаталась на мой счетъ, то поэтому я желаю имѣть 390 экземпляровъ на бумагѣ, называемой комментарной, и 10—на королевской; тексты: латинской на первой страницѣ, русской — на второй, а не столбцами. Это разумѣется объ одной рѣчи, потому что посвященіе должно быть напечатано иначе, т. е. русской на первой страницѣ, а французской на второй. Его Сіятельство спрашиваетъ еще у меня русскую рѣчь, которую я сочинилъ во время испытанія въ св. синодѣ. Я ее пошлю рукописною, потому что не желаю ее печатать, какъ относящуюся къ области Богословія, хотя она по правиламъ краснорѣчія касается всѣхъ сторонъ. Не угодно-ли будетъ вамъ, милостивый государь, приказать типографщикамъ поскорѣе работать надъ моею рѣчью. Что же касается письма его сіятельства, то я вамъ клянусь какъ честный человѣкъ, что не хочу на васъ подѣйствовать чрезъ него, и охотно бы показалъ его, но въ немъ есть нѣкоторые предметы, которые только относятся до меня и которыхъ я ни кому не долженъ показывать. Смѣю льстить себя, что вы повѣрите на слово мнѣ, какъ человѣку, вамъ извѣстному на дѣлѣ своимъ прямодушіемъ. Я есмь съ совершеннѣйшимъ уваженіемъ и почитаніемъ и пр.

1) II, книга № 98.

россійскія и латінскія л. г. 1745. Августа 12 дня. Переведѐно чрезъ негожъ съ латінскаго его сочиненія. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ[1]).

Въ посвященіи графу Михаилу Воронцову авторъ говоритъ: „я притомъ и одолженъ, говоря по самой истиннѣ, всѣмъ симъ Словомъ, Вашему Сіятельству, пріемляй во славу признаніе, что почитай чрезъ Васъ я получилъ, себѣ профессорство, котораго начáло не что есть иное, какъ токмо вѣчное Достопамятствіе къ громкой Славѣ Вашего Имени: Достопамятствіе, которое всегда пребудетъ во всѣхъ изъ нашего Народа, имѣющихъ по мнѣ слѣдовать, и вступать въ сію должность...." Далѣе говорится, что его пожалованію способствовали: синодскій аттестатъ и ходатайство сената; „но понеже Заступленіе Вашего Сіятельства началось прежде оныхъ Особъ Одобренія; то справедливость требуетъ, дабы Вы первый и увѣрены отъ меня были о самомъ чувствительномъ и вѣчномъ моемъ благодареніи...."

Замѣчательно, что за границею, именно въ Neue Zeitungen von gelehrten Sachen auf das Jahr 1747, № XCI, 809, появилось довольно бранное извѣстіе о рѣчи Тредіаковскаго, разумѣется присланное изъ Петербурга. Есть поводъ думать, что въ сочиненіи его принималъ участіе упомянутый выше адъюнктъ Крузіусъ, который, какъ извѣстно, и въ оффиціальныхъ донесеніяхъ своихъ президенту распространялся о дурной латыни Тредіаковскаго. Въ названномъ нѣмецкомъ журналѣ послѣ извѣщенія, что въ академической книжной лавкѣ въ Петербургѣ продается Oratio de divite varia, solerte, ac dissimili eloquentia Тредіаковскаго — слѣдуетъ: „Эта рѣчь можетъ представить достаточное доказательство, что хотя Петръ Великій и его достославные наслѣдники употребляли все, чтобы сдѣлать своихъ подданныхъ образованными и чтобы споспѣшествовать про-

1) Тоже заглавіе по латыни; книга въ 4°, 115 стр. Печатаніе ея обошлось 129 руб. 97 коп. Въ заставкѣ выгравированъ очень искусно гербъ графа Воронцова, что было исполнено академическимъ граверомъ Григорьемъ Качаловымъ. За эту работу взято было съ Тредіаковскаго 32 руб. При дѣлѣ до нынѣ можно видѣть собственноручный списокъ Тредіаковскаго рѣчи и посвященія его гр. Воронцову (II, книга № 98).

цвѣтанію учености въ ихъ государствѣ, однако они не были въ состояніи достигнуть этой цѣли, несмотря на ихъ великія старанія. Такимъ образомъ видно, что петербургская Академія наукъ много утратитъ своей славы и значенія, когда туда не будутъ болѣе вызываться ученнѣйшіе иностранцы, но на ихъ мѣста въ общественные наставники будутъ назначаться природные русскіе. Сочинитель этой рѣчи помѣщенъ для преподаванія латинскаго языка и краснорѣчія вмѣстѣ съ русскимъ, и конечно никто менѣе его неспособенъ къ тому, такъ-какъ, не говоря уже о томъ, что предметы имъ выбраны изъ самыхъ общихъ и плохихъ компендіевъ краснорѣчія, самый слогъ его ужасно варварскій, и почти нѣтъ ни одной строки безъ грубой ошибки. Неудивительно по этому, что, по полученнымъ нами извѣстіямъ, господа его сотоварищи не могли слушать этой рѣчи безъ великой досады отъ упадка ихъ общества". Конечно эту статью имѣлъ въ виду Тепловъ, когда, разбѣшенный однажды на Тредіаковскаго, писалъ, что служба его состояла между прочимъ „въ пусторѣчіи латыни, недостойной имени профессорскаго, о чемъ и самъ Тредіаковскій знаетъ, когда лейпцигское собраніе въ газетахъ о томъ вызывалось съ ругательствомъ за его скверную латынь, гдѣ именно, напечатано было, что никто такъ мало способенъ быть профессоромъ краснорѣчія какъ онъ, Тредіаковскій"[1]). Когда помянутое извѣстіе лейпцигскаго журнала дошло до Петербурга, то Шумахеръ писалъ къ Геинзіусу въ Лейпцигъ, 21 ноября 1747 года, чтобы онъ разузналъ, кто изъ Петербурга сообщилъ въ Лейпцигъ извѣстіе о томъ: „въ этомъ принимаетъ участіе его сіятельство (гр. Разумовскій), а потому надѣюсь, что вы возмете на себя трудъ доставить объ этомъ свѣдѣніе"[2]). Что отвѣчалъ на это Геинзіусъ—неизвѣстно.

Еще въ началѣ 1745 года академическая канцелярія полагала просить сенатъ о разрѣшеніи печатать переводъ Тредіаковскаго l'Histoire ancienne des Egyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens etc. на томъ основаніи, что въ

1) Записки Академіи наукъ, XIV, 77.

2) I, Исходящія письма 1743—1747 годовъ.

указѣ 17 марта 1743 года велѣно было всѣ книги, касающіяся Церкви и вѣры разсматривать въ синодѣ, „а гражданскія и прочія, до Церкви не принадлежащія, (представлять) ко аппробаціи правительствующаго сената“. Въ сентябрѣ 1745 года канцелярія находила нужнымъ потребовать о переводѣ Тредіаковскаго мнѣнія отъ академической конференціи[1]), куда 18 октября онъ и представилъ рукопись первыхъ трехъ томовъ своего перевода. Въ академическомъ собраніи постановлено рукопись сдать въ архивъ впредь до представленія принадлежащаго къ переводу предисловія. Оно было читано переводчикомъ въ засѣданіи 4 декабря 1745 года, а 17 января слѣдующаго года онъ снова просилъ въ академическомъ засѣданіи дать отзывъ: достойно-ли названное сочиненіе Роллена быть напечатано въ переводѣ на русскій языкъ и можно-ли надѣется, что оно принесетъ какую нибудь пользу Россіи? На это тѣ изъ академиковъ, которымъ была знакома историческая литература, отвѣчали, что сочиненіе Роллена очень заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ въ Россіи и быть напечатаннымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ академики, изъ осторожности, не желали взять на себя произнесеніе приговора о переводѣ какъ потому, что они надѣются на автора ради его обычнаго прилежанія, такъ и для того, что никому изъ академиковъ ихъ собственныя работы не дозволяютъ заняться сличеніемъ перевода съ подлинникомъ, почему вся отвѣтственность за переводъ падаетъ на самого автора[2]).

Въ 1745 году для учениковъ академической гимназіи понадобилось новое изданіе нѣмецко-французско-русскихъ разговоровъ, и на Тредіаковскаго было возложено исправленіе русскаго текста перваго изданія ихъ, напечатаннаго въ 1738 году. Въ февралѣ 1746 года онъ представилъ конференціи сдѣланныя имъ поправки, вмѣстѣ съ разсужденіемъ: „De plurali nominun adjectivorum integrorum, Russica lingua scribendorum terminatione“. Здѣсь Тредіаковскій возсталъ противъ принятаго, по его свидѣтельству съ 1733 года, въ печатаемыхъ въ академи-

1) II, книга № 801.

2) I, Протоколы 1745 и 1746 годовъ.

ческой типографіи книгахъ правила объ окончаніяхъ прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа мужескаго рода на е, а женскаго и средняго на я. По мнѣнію Тредіаковскаго, первыя должны кончаться на и, вторыя—на е, а третьи на я. При чтеніи этого разсужденія въ конференціи, 7 марта 1746 года, у Тредіаковскаго возникли споры съ Ломоносовымъ, при чемъ прочіе академики, не признавая себя сильными въ рѣшеніи подобныхъ разногласій, полагали передать дѣло на обсужденіе и заключеніе природныхъ русскихъ. 10 марта 1746 года, Шумахеръ заявлялъ въ конференціи, что предлагаемыя Тредіаковскимъ нововведенія въ правописаніи не всѣмъ нравятся, а потому лучше удержать прежнее правописаніе, пока о новомъ не будетъ постановлено чего нибудь положительнаго. Однако 14 марта Тредіаковскій представилъ свое разсужденіе въ русскомъ переводѣ и просилъ, чтобы Ломоносовъ сомнѣнія свои объ этомъ изложилъ также письменно. Послѣдній взялъ было съ собою рукопись Тредіаковскаго, но 18 апрѣля просилъ занести въ протоколъ: „возвращая академическому собранію разсужденіе о множественномъ числѣ прилагательныхъ, въ тоже время прошу, чтобы мнѣ дозволено было не писать отвѣта на него, потому что я узналъ отъ г. Тредіаковскаго, что онъ остается при мнѣніи, высказанномъ въ помянутомъ разсужденіи, и намѣренъ предложить собранію другія разсужденія въ томъ же родѣ. Во все это я не желалъ бы вмѣшиваться, такъ какъ имѣю занятія по дѣламъ, прямо относящимся къ моимъ обязанностямъ“. Тредіаковскій (28 апрѣля) просилъ академиковъ убѣдить Ломоносова, чтобы онъ не перемѣнялъ гласно заявленнаго обѣщанія своего въ отношеніи спора съ нимъ, Тредьяковскимъ; а Ломоносовъ обѣщалъ на будущее время поступать согласно желанію Тредіаковскаго [1]). Латинское разужденіе послѣдняго хранится донынѣ въ архивѣ академической конференціи (связка № 76, Е), а краткій отвѣтъ Ломоносова, который онъ было хотѣлъ представить противъ Тредіаковскаго, напечатанъ

1) Протоколы академической конференціи за 1746 годъ; также «Матеріалы для біографіи Ломоносова», собранные Билярскимъ, стр. 83, 85.

въ Дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Ломоносова. Сверхъ того, въ томъ же архивѣ (связка № 76, F) есть собственноручная статья Тредьяковскаго, въ которую вошли всѣ его разсужденія объ окончаніи прилагательныхъ во множественномъ числѣ, съ прибавленіемъ во 1) доказательствъ, почему онъ писалъ *і*, а не *и* въ словахъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, и во 2) защиты придуманнаго имъ способа обозначать на письмѣ повышеніе голоса въ предложеніяхъ [1]).

Вскорѣ послѣ полученія званія академика, Тредіаковскій ходатайствовалъ въ сенатѣ о назначеніи ему 860 р. въ годъ, подобно тому какъ получалъ Штелинъ. Сенатъ сдѣлалъ о томъ запросъ академической канцеляріи, которая отвѣчала, что Штелинъ получалъ прибавочныхъ 200 р. къ профессорскому окладу 660 руб. за постороннія работы сверхъ его должности. На этомъ основаніи сенатъ, 6 марта 1746 года, постановилъ производить Тредіаковскому по прежнему только 660 рублей [2]).

Въ 1745 и 1746 годахъ Тредіаковскій подавалъ въ академическую канцелярію нѣсколько прошеній о томъ, что коммиссаръ Камеръ, взявъ въ 1741 г. съ него въ уплату долга академической книжной лавкѣ 60 р. 50 к., не отмѣтилъ этой уплаты, почему, по словамъ Тредіаковскаго, съ него взыскивали эти деньги вторично. Такъ-какъ никакихъ доказательствъ этой уплаты на лицо не было, то Тредіаковскій ходатайствовалъ было о производствѣ самыхъ мелочныхъ разысканій, а именно: „1) Бывшій кассіръ Розенгангъ, сідя съ долговою кнігою прі выдачѣ жалованья 1742 года, самъ лі у академіческіхъ

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865 г.), 98—100, 116—119. Въ Разговорѣ объ ортографіи (1748 года) Тредіаковскій такъ напоминаетъ о своей распрѣ по поводу окончанія множественнаго числа прилагательныхъ: «Чужестранный. Слышалъ я маніемъ, что путно васъ трепалі нѣгдѣ сопротівленіямі, когда вы показалісь впервые съ сімі окончаніямі прілагательныхъ іменъ: однако слышалъ и то, что і вы отъ тѣхъ сопротівленій сільно боронілісь, і такъ, что неізвѣсно, вамъ лі должно было запѣть кукарѣку въ знакъ побѣды, ілі вашімъ сопротівнікамъ досталось по правдѣ торжествовать надъ вамі. Россійскій. Я уступаю, г. м., кукарѣкою тѣмъ, которы громкій імѣютъ голосъ, для меня, кукарѣка значітъ только что пѣтушій крікъ» (стр. 289, 290).

2) Москвитянинъ 1853 года, № 20, Историческіе матеріалы. Для біографіи Ломоносова, стр. 18.

служителей долгі вычіталъ, ілі вычтеныі чрезъ коммісара прінімалъ токмо, і въ кнігѣ отмѣчалъ; да і его-ли то должность, чтобъ самому ему вычітать, ілі должность была коммісcарская, для того что многіі служітелі находятся, у которыхъ самъ коммісcаръ Камеръ прі дачахъ жалованья вычіталъ, а не ізъ кніжноі лавки. 2) Долговыі реестры, каковы обыкновено сообшчалісь всегда ізъ кніжной лавкі когда дачі жалованья проізводімы ні былі, въ тотъ 1742 годъ былі ль собшчены ізъ кніжной лавкі коммісcару Камеру, ілі нѣтъ: буде не былі собшчены, то для того лі, что Розенгангъ самъ вычіталъ долгъ, і потому не надобно было ні реестровъ, ні екстрактовъ; буде жъ собшчены былі коммісcару, то для того лі, чтобъ коммісаръ вычелъ у всѣхъ долговыя на ніхъ въ кніжную лавку деньгі, какъ то сіе обыкновенно всегда было....“ Чтобы отдѣлаться отъ придирчивыхъ доношеній Тредіаковскаго, академическая канцелярія наконецъ объявила ему, что онъ можетъ вѣдаться съ Камеромъ судебнымъ порядкомъ, на чемъ и прекратилось это дѣло [1]).

По вступленіи въ президенты Академіи наукъ графа Кирилы Разумовскаго, Тредіаковскому поручено было экзаменовать малороссіянина Григорія Полетику, который до того времени учился въ кіевской духовной Академіи. Экзаменаторъ представилъ, 25 іюля 1746 г., слѣдующее донесеніе (писано не его рукою), послѣ котораго Полетика былъ сдѣланъ переводчикомъ при Академіи наукъ [2]):

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь Кирила Григорьевичъ. Имѣвъ случай свидѣтельствовать во искусствѣ россійскаго и латинскаго языковъ малороссіянина Григорья Полетику, который проситъ объ опредѣленіи себя переводчикомъ при Академіи, долженствовалъ я о томъ, что явилось по свидѣтельствѣ, репортовать собранію Академіи наукъ, въ которомъ ваше

1) II, книга № 98.

2) Полетика былъ уволенъ изъ Академіи 13 февраля 1748 года. Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ помѣщено нѣсколько его переводовъ съ греческаго. Одну изъ его статей объ училищахъ въ древней Россіи не пропустилъ Ломоносовъ на томъ основаніи, что Полетика въ древней Россіи не столько нашелъ училищъ, сколько слѣдовало ихъ тамъ быть по мнѣнію Ломоносова. Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 45—47.

графское сіятельство верховную дирекцію имѣете. Но понеже нынѣ оное Академіи наукъ собраніе имѣетъ свои праздные дни, называемые вакансами, и потому какъ члены того собранія не съѣзжаются въ свое мѣсто, такъ и старшій членъ, которому отъ вашего графскаго сіятельства приказано имѣть правленіе во времи небытности вашея въ С.Петербургѣ, въ ономъ не присутствуетъ, того ради пріемлю смѣлость симъ объявить мое мнѣніе объ искусствѣ помянутаго малоросіянина свободно и по правому моему разумѣнію вашему графскому сіятельству. Помянутый малороссіянинъ, переводя съ латинскаго языка, показалъ себя, что онъ тотъ языкъ изрядно разумѣетъ, переводить съ него можетъ; однако россійской его языкъ есть по большей части въ переводѣ діалектъ малороссійской въ разсужденіи рѣчей и цѣлыхъ изображеній. Впрочемъ довольно твердое онъ имѣетъ основаніе въ разумѣніи обоихъ оныхъ языковъ, и слѣдовательно со временемъ добрымъ переводчикомъ чрезъ собственное свое примѣчаніе и частое себя въ томъ обученіе быть можетъ. Сіе донесши, пребываю съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью, сіятельнѣйшій графъ, вашего графскаго сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга

В. Тредіаковскій [1]).

Въ 1746 же году гренадеръ сѣвскаго гарнизоннаго полка изъ башкирцевъ просилъ чрезъ военную коллегію о возвращеніи ему жены его, которую онъ неожиданно встрѣтилъ въ Петербургѣ въ услуженіи у Тредіаковскаго. Изъ объясненій послѣдняго оказалось, что у него дѣйствительно была башкирка, принявшая православную вѣру и доставшаяся ему отъ тестя его Сибилева. Женщина эта была взята въ плѣнъ съ бунтовавшими башкирами, привезена въ Самару и отдана въ собственность Сибилеву подобно многимъ другимъ изъ своихъ одновѣрцевъ, розданныхъ разнымъ лицамъ. Тредіаковскій утверждалъ, что вышепомянутый гренадеръ никогда не былъ мужемъ той его служанки [2]).

---

1) II, книга № 103.
2) Осмнадцатый вѣкъ, сборникъ г. П. Бартенева, III, 178—181.

Военная коллегія на такой отзывъ дала знать академической канцеляріи, что по этому дѣлу затребованы свѣдѣнія, а до полученія ихъ Тредіаковскій не долженъ служанки своей ни выдавать за мужъ, ни отпускать отъ себя. Тогда Тредіаковскій написалъ въ собственноручной подпискѣ: „Я ніжеподпісавшійся, сію Промеморію, объявленную мнѣ отъ Академическія Канцеляріі, чіталъ; а въ ней означенная жонка, башкірскаго народа, названная Ентравлетъ, а по прямому башкірскому имені Белыкі, но въ Христіанствѣ нынѣ іменуемая Наталья Андреева дочь, въ домѣ моемъ съ 1-го Ноября, сего 1746 года больше не находітся, потому что она отъ меня бѣжала, і снесла сносъ, о чемъ я, такъ называемымъ явочнымъ челобітьемъ объявілъ і въ Главной поліцымейстерской канцеляріі Ноября 3-го дня сегожъ 1746 Года. Въ увѣреніе сего своеручно подпісуюсь. Професcоръ Васілей Тредіаковскій. Декабря 2 дня 1746“.

Въ слѣдующемъ году гренадеръ-башкирецъ крестился, и военная коллегія снова потребовала жену его отъ Тредіаковскаго, который продолжалъ противиться тому. Наконецъ академическая канцелярія постановила, 3 авуста 1747 года, о непремѣнномъ выполненіи требованія военной коллегіи: „дабы канцеляріи отъ сего посторонняго дѣла напраснаго затрудненія и безпокойства не было, и по отдачѣ оной жонки ему, Тредіаковскому, канцеляріи Академіи наукъ репортовать“.

Тредіаковскій съ видимымъ неудовольствіемъ подчинился такому распоряженію и, 14 августа 1747 года, доносилъ канцеляріи: „По сілѣ указу, даннаго мнѣ изъ канцеляріі Академіі наукъ сего Августа отъ 11 дня, крѣпосную жонку прінадлежащую тестю моему Філіпу Іванову Сібілеву, Наталью Андрееву дочь, вклепавшемуся въ нея гренадеру башкірскаго народа Петру Петрову и потому мнімому ея мужу я того жъ Августа 11 дня отдалъ. Васілей Тредіаковскій“ [1]).

Что касается до литературной дѣятельности Тредіаковскаго, то еще въ началѣ 1747 года академическая канцелярія подтверждала ему о поспѣшнѣйшемъ переводѣ Исторіи Роллена.

---

1) II, книга № 104.

Тредіаковскій, 23 января того же года отвѣчалъ: „....Ролленевой древней Історіі хотя ешче не всѣ томы я перевелъ; однако отъ сего нікакой остановкі въ печатаніі іхъ не проізойдетъ. І прочее все, что онымъ указомъ мнѣ повелѣвается, ісполнять буду точно“[1]). По полученіи этого отвѣта, академическая канцелярія распорядилась печатать въ типографіи первые три тома означеннаго перевода въ количествѣ 600 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ и 6 — на александрійской.

Въ апрѣлѣ 1747 года, по требованію придворной конторы, академическое начальство поручало Тредіаковскому переводить съ французскаго оперу, которая и была напечатана на русскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ ко дню коронаціи императрицы Елисаветы, въ количествѣ 495 экземпляровъ [2]). Въ современныхъ бумагахъ нѣтъ заглавія этой оперы, но извѣстно, что 25 апрѣля 1747 года была дана при дворѣ италіанская оперетта Прибѣжище добродѣтели, а на другой день 26 апрѣля — опера Митридатъ [3]).

Въ 1747 году, Тредіаковскій сдѣлалъ латинскій переводъ нѣмецко-французскихъ разговоровъ Плацена, который переданъ былъ для просмотра Крузіусу, сдѣланному уже профессоромъ, но продолжавшему питать особое нерасположеніе къ Тредіаковскому, о чемъ было говорено выше. Крузіусъ въ своихъ донесеніяхъ президенту Академіи наукъ отзывался довольно нагло, что работа, сдѣланная его товарищемъ по Академіи, т. е. латинскій переводъ разгоровъ никуда не годится; при чемъ очевидно въ насмѣшку Тредіаковскій безпрестанно титуловался, „профессоромъ элоквенціи латинской и русской [4]).

По указанію самого Тредіаковскаго [5]), въ 1747 году имъ сочинена „кнішка, наѕванная пасхальнымъ кругомъ, ілі церковнымъ счісленіемъ“, которая въ жизнеописаніи его при Деидаміи (М., 1775) озаглавлена „Математическія и историческія наблюденія

---

1) II, книга № 106.

2) II, книга № 107.

3) Лѣтопись русскаго театра, П Арапова (Спб., 1861), 45.

4) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 693, 694.

5) Раѕговоръ объ ортографіи (Спб., 1748), 257.

о сысканіи пасхи по старому и новому стилю". Рукопись эта мнѣ неизвѣстна.

Изъ приведенныхъ въ настоящемъ жизнеописаніи отрывковъ изъ собственноручныхъ бумагъ Тредіаковскаго легко замѣтить, что онъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усвоивалъ себѣ имъ придуманное правописаніе, главнѣйшее отличіе котораго отъ общепринятаго заключалось въ исключеніи нѣкоторыхъ буквъ нашей азбуки; въ писаніи прилагательныхъ множественныхъ въ именительномъ падежѣ на *и, е, я*, а не *е* и *я*, какъ тогда уже ввелось и т. п. Всѣ свои правила и положенія Тредіаковскій подкрѣплялъ разными болѣе или менѣе убѣдительными доводами и ссылками, и все это изложилъ въ особомъ трактатѣ, о напечатаніи котораго просилъ въ слѣдующемъ собственноручномъ прошеніи къ графу Разумовскому:

1. „Сочінілъ я разговоръ объ Ортографіи Россійской; а въ прімѣчаніяхъ, по прілічнымъ мѣстамъ, объяснілъ обстоятельно і достовѣрно Історію о началѣ нашіхъ словенскихъ літеръ, объ іхъ ізобрѣтателѣ, о времені, въ которое наші буквы у словенскіхъ народовъ сталі въ употребленіі, о другіхъ словенскіхъ літерахъ, которые проізошли ізъ первыхъ, і которые неправедно пріпісываются Іерониму, древнему въ рімской церькві учітелю; также о началѣ і времені нашея московскія печаті: напослѣдокъ, о началѣ новыя нашея гражданскія печаті, о мѣстѣ, гдѣ она сперва і отъ кого выліта, объ ея разныхъ, послѣ введенія ея въ употребленіе, отмѣнахъ съ 1708 года, по 1738 Годъ, і о всемъ прочемъ, что прінадлежало къ сей матеріі.

2. „Однако проізведъ ізъ твердыхъ основаній нашу Ортографію, здѣлалъ я сіе не въ сопротівленіе, не въ указъ, і не въ поправленіе всѣмъ прочімъ інако думаюшчімъ і употребляюшчімъ, также і не въ опроверженіе старыя нашея Ортографіі: но съ такімъ токмо намѣреніемъ, чтобъ объявіть мое мнѣніе всѣмъ іскуснымъ і безпрістраснымъ людямъ, і прінесть бы нѣкоторую пользу Отечеству.

3. „Для проізведенія въ дѣло сего моего намѣренія, желаю я сію мою кнішку печатію на свѣтъ іздать моімъ коштомъ; а іменно, желаю я токмо напечатать тріста екземпляровъ въ

осмую долю ліста, на такъ называемой комментарной бумагѣ, текстъ артіллерійскімі літерамі, а прімѣчанія вѣдомосными, увѣряя подъ ліпіеніемъ честі і жівота, что въ сей моей кнішкѣ нѣтъ нікакіхъ протівностей православной вѣрѣ, Самодержіцѣ, Отечеству, добронравію; также нѣтъ въ ней нікакихъ обідныхъ словъ і ізображеній ні тайныхъ ні явныхъ ні кому.

4. Того раді прошу Ваше Сіятельство, помянутыя моея книшки пісменный подліннікъ, который напісанъ весь моею рукою, і у меня только одінъ черный онъ і бѣлый, благоволіть прінять, і о проізведеніі его въ печать по моему желанію, надлежашчее определеніе учініть. А по напечатаніі готовыя деньгі, въ сколько печать станетъ, пріказать въ академіческую казну прінять. Сіе доношеніе пісалъ я Васілей Тредіаковскій, і руку пріложілъ. Маія 1747".

Академическая канцелярія распорядилась, чтобы взято было съ Тредіаковскаго впередъ сто рублей въ обезпеченіе, а онъ просилъ вычесть эти деньги изъ причитавшагося ему жалованья. При печатаніи этой книги отливались собственно для нея прописныя буквы Е, S и строчныя е, і, іо [1]).

Между тѣмъ какъ началось печатаніе Разговора объ ортографіі, съ Тредіаковскимъ случилось несчастіе, о которомъ онъ самъ такъ доносилъ по начальству (писано не его рукою), 2 ноября 1747 года: „Минувшаго октября на 30-е число, въ ночное время, волею Божіею, въ наемномъ мною домѣ на Васильевской части, въ которомъ я жительство имѣлъ, совсѣмъ безъ остатку погорѣлъ; въ которое время какъ своего багажа, такъ и прочаго ничего изъ покоевъ захватить не успѣлъ и самъ въ окно ушелъ, отчего пришелъ въ крайнее разореніе...." Тредіаковскій ходатайствовалъ тогда о выдачѣ ему слѣдовавшаго за 1748 годъ жалованья, но академическая канцелярія въ томъ отказала, разрѣшивъ только выдать 110 рублей, которые причитались за сентябрь и октябрь 1747 года. Впрочемъ, 2 ноября, состоялось высочайшее повелѣніе императрицы Елисаветы отпустить погорѣвшему Тредіаковскому на двѣ тысячи рублей

1) II, книга № 108.

рускихъ книгъ, печатанныхъ при Академіи[1]). Эта милость не очень, однако, поправляла обстоятельства нашего писателя, тѣмъ болѣе, что 5 декабря 1747 года въ главномъ зданіи Академіи наукъ также произошелъ пожаръ, нанесшій значительные убытки ученому обществу. Поэтому Тредіаковскій, въ собственноручномъ донесеніи отъ 8 февраля 1748 года, такъ объяснялъ о своихъ обстоятельствахъ академической канцеляріи, послѣ прописанія помянутаго именнаго указа: „Но въ ожиданіі съ того времені мілостівыя резолюціі отъ Канцеляріі Академіі наукъ, іменножъ, надѣюсь получіть опредѣленную онымъ указомъ сумму деньгамі, проісшедшімі ізъ продажі кнігъ, а особливо для того, что онымъ указомъ повелѣно выдать мнѣ двѣ тысячі рублей кнігамі, а не на́-двѣ тысячі рублей кнігъ, ні по ценѣ на́ двѣ тысячі рублей, сіежъ на ісправленіе мое [ясно, что высочайшая і матерняя щедрота Ея Імператорскаго Велічества не соізволяетъ мнѣ остаться безъ скорыя ісправы, безъ которыя бы мнѣ необходімо претерпѣвать должно бѣдность]. Нынѣ я знаю, что такія мнѣ суммы ні вдругъ, ні по частямъ, за приключівшімся Академіі Наукъ пожарнымъ же нещчастіемъ получіть будетъ не возможно. Того раді покорнѣйше прошу канцелярію Академіі Наукъ, послать указъ въ кніжную акдеміческую лавку въ такой сілѣ, чтобъ мнѣ вольно было брать ізъ оныя отъ сего времені всякіе продажные кнігі, не выключая и будущихъ календарей, какъ скоро оні, дастъ Богъ, выдутъ, пока я не заберу такіхъ кнігъ на опредѣленную онымъ указомъ сумму: а прітомъ мілостіво опредѣліть же выдать мнѣ нынѣ, на щчетъ тоя жъ суммы, двѣсті рублей на са́мую мою́ крайнюю нужду, іменножъ, на заплату за згорѣлой домъ хозяіну, которой меня къ той неотступно прінуждаетъ, да і імѣетъ законную пріčіну, тѣмъ что онъ мнѣ уступілъ ізъ договорныя между намі цены за дворъ трі́-ста рублей; а ізъ жалованья моего заплатіть ему нѣчемъ, для того что нынѣ мнѣ его взять надлежітъ токмо за половіну сентябрскія, прошед-

1) II, книга № 111.

шаго года, треті, чемъ мнѣ должно жіть съ бѣдною моею фамиліею до другія денежныя выдачі".

Академическая канцелярія исполнила это ходатайство, взявъ съ Тредіаковскаго при выдачѣ ему четырехъ тысячъ календарей на 1749 годъ подписку, что онъ ихъ не пуститъ въ продажу ранѣе 1 января того года[1]).

Въ февралѣ 1748 года, академическая канцелярія, на основаніи новаго регламента Академіи наукъ, постановила выбрать для ея учебныхъ заведеній тридцать человѣкъ изъ семинарій новгородской, александро-невской и изъ Москвы изъ „училищнаго Спасскаго монастыря". Духовное начальство не могло сочувствовать этой мѣрѣ, такъ какъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ ея для духовнаго вѣдомства было лишеніе лучшихъ воспитанниковъ и, слѣдовательно, недостатокъ въ способныхъ людяхъ при замѣщеніи наиболѣе важныхъ должностей по духовному вѣдомству. Какъ бы то ни было, но значеніе при дворѣ графа Разумовскаго и настойчивость его любимца Григорія Теплова (который, какъ видно теперь изъ черновыхъ бумагъ, писалъ всѣ представленія по этому дѣлу) превозмогли: въ Новгородъ и Москву для выбора учениковъ отправленъ былъ Тредіаковскій, которому на поѣздку и отправленіе студентовъ выдано было 270 рублей. 13 марта 1747 года онъ доносилъ изъ Новгорода о выборѣ изъ тамошней семинаріи десяти человѣкъ учениковъ: „которыі всѣ пошлый імѣютъ успѣхъ въ латінскомъ языкѣ, а нѣкоторыі і въ греческомъ...." 24 и 26 марта онъ же доводилъ до свѣдѣнія начальства о такомъ же выборѣ изъ московскаго училища, присовокупляя „впрочемъ всѣ вообще московскіі студенты пошлое получілі іскусство въ латінскомъ языкѣ".

18 апрѣля 1748 года Тредіаковскій представилъ отчетъ въ издержанныхъ имъ деньгахъ, при чемъ оказалось, что изъ данныхъ ему 270 р. у него осталось 50 рублей. Выборъ Тредіаковскаго нельзя не назвать удачнымъ: изъ учениковъ, которыхъ онъ испытывалъ и прислалъ въ Академію двое сдѣлались потомъ профессорами московскаго университета (Барсовъ и Попов-

---

1) II, книга № 114.

скій), одинъ — магистромъ (Яремскій), одинъ — адъюнктомъ (Софроновъ) а нѣсколько человѣкъ — полезными въ свое время переводчиками [1]).

Послѣ неудачной попытки бывшаго начальника Академіи наукъ барона Корфа, при ученомъ учрежденіи вовсе прекратилась преподавательская дѣятельность, такъ что изъ прежнихъ академическихъ воспитанниковъ, при вступленіи въ президенты графа Разумовскаго, оставалось только двое Котельниковъ и Протасовъ — оба сдѣлавшіеся впослѣдствіи академиками [2]). Вышепомянутый наборъ учениковъ былъ сдѣланъ именно для возобновленія учебной части при Академіи наукъ. Къ этой же эпохѣ слѣдуетъ отнести начало педагогической дѣятельности Тредіаковскаго, который 18 мая 1748 года собственноручно писалъ: „Канцеляріи Академіи Наукъ въ ізвѣстіе предлагаетъ ніжеподпісавшійся: я буду располагать мої лекціі чрезъ весь сей 1748 годъ слѣдуюшчімъ образомъ 1. Истолкую моімъ слушателямъ Целларіеву Латінскую Ортографію, которую съ сімъ текушчімъ маіемъ мѣсяцомъ окончіть імѣю. 2) Съ самого начáла Іюня мѣсяца, начну імъ діктовать Геіннекціевы Основанія стіля; а сіе продолжать імѣю чрезъ весь годъ, такъ что въ понедѣльнікъ, вторнікъ и четвертокъ, діктовать стану помянутыя основанія, употребляя на то по большой мѣрѣ часъ, а въ прочее оставшееся время, діктованное ізъяснять і прімѣрами подтверждать імѣю. Но въ каждый пятокъ, для екзерціταціі въ Латінскомъ стілѣ, буду імъ чітать і толковать по одной ізъ тѣхъ гражданскіхъ орацій, которые выбраны Целларіемъ ізъ самыхъ лучшіхъ древніхъісторіковъ рімскіхъ; а на подобіе чітанныя, прікажу імъ і самімъ въ домѣ сочінять въ томже содержаніі, і отдавать мнѣ свої специміны по понедѣльнікамъ; іногдажъ вмѣсто того чтобъ імъ самімъ сочінять, прікажу істолкованную орацію переводіть, продіктовавъ ея на нашъ языкъ, въ домѣжъ, дабы імъ прімѣніться какъ къ латінскому, такъ і къ

1) Записки Академіи Наукъ, XII, прил. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 30—36, и II, книга 114.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 063.

россійскому стілю. Сей способъ, что до пятковъ, продолжітся у меня токмо чрезъ четыре мѣсяца, іменно жъ чрезъ Іюнь, Іюль, Августъ і Сентябрь. Ібо 3) съ начала Октября, по Генварь будушчаго 1749 года, въ каждый пятокъ, вмѣсто помянутыхъ оныхъ орацій ізъ Латінскіхъ Історіковъ, імѣю імъ чітать по одному Панегіріку ізъ оныхъ, которыі сочінены Мамертіномъ, Евменіемъ, Назаріемъ Авзоніемъ і Пакатомъ; іногда жъ вмѣсто сіхъ Панегіріковъ, по Ціцероновой ораціи, іли іногда по Муретовой, которые мнѣ покажутся лучшімі къ пользѣ моіхъ слушателей. Но на́-домъ імѣю імъ задавать переводъ нѣкоторыхъ частей ізъ оныхъ Панегіріковъ і Орацій, а іногда оные ча́сті і саміхъ, равнымъ вымысломъ, прікажу сочінять то латінскімъ, то і нашімъ языкомъ. Сімъ способомъ настояшчій годъ лекціямі моімі, съ Богомъ, окончіть я намѣренъ. Профессоръ Васілей Тредіаковскій [1]).

Лекціи должны были начаться съ 11 іюля 1748 года, о чемъ было повѣщено печатными объявленіями [2]), въ которыхъ послѣ объясненій пользы наукъ и упоминаній о щедротахъ къ Академіи Петра Великаго, Екатерины I и Елисаветы слѣдуетъ „росписаніе академическихъ наставленій, которыя въ академическихъ авдиторіяхъ публично предлагаться будетъ“. Здѣсь между именами академиковъ-профессоровъ Брауна, Рихмана, Крузіуса, Фишера и Штрубе, помѣщено и имя Тредіаковскаго: онъ, по полудни въ четвертомъ и пятомъ часу, „прочитавъ слушателямъ Целларіеву Ортографію, изъяснять будетъ Гейнекціевы Основанія чистаго штиля, по понедѣльникамъ, вторникамъ, четверткамъ и пятницамъ“.

Въ 1748 же году на Тредіаковскаго было возложено исполненіе обязанности секретаря въ историческомъ собраніи, которое было учреждено вслѣдствіе пререканій въ историческомъ департаментѣ академиковъ Мюллера и Фишера [3]). Вскорѣ послѣ основанія этого собранія, въ академической канцеляріи состоя-

1) II, книга № 114.

2) Одно изъ такихъ объявленій въ f⁰, на 4-хъ ненумеров. страницахъ, сохранилось въ 5-омъ портфелѣ историографа Мюллера, находящемся въ архивѣ академической конференціи.

3) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 346, 347.

лось опредѣленіе о записываніи времени прихода и ухода членовъ историческаго собранія. Тредіаковскій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изъ своихъ товарищей, писалъ возраженія противъ такого распоряженія; впрочемъ его бумага по этому предмету, какъ отмѣтилъ Мюллеръ, не была передана въ академическую канцелярію[1]).

Нѣкоторые изъ протоколовъ историческаго собранія 1747 года, веденные Тредіаковскимъ, именно о разсмотрѣніи тамъ Сибирской исторіи, сочиненной Мюллеромъ, уже напечатаны[2]). Члены собранія, на сторонѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ, высказались тамъ противъ выраженія Мюллера, „что Ермакъ

---

1) Записки Академіи Наукъ, VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 26—28. Вотъ отзывъ Тредіаковскаго, писанный его рукою: 1. Сего 1748 году, маія 24 дня, указомъ із Канцеляріі Академіі Наукъ опредѣлено, чтобъ всѣмъ академіческімъ служітелямъ, также і профессорамъ быть неотмѣнно прі своіхъ дѣлахъ въ надлежашчее время, а за небытность, у каждаго вычетъ ізъ жалованья проізводіться будетъ по сілѣ генеральнаго регламента, буде кто о себѣ не дастъ знать канцеляріі въ то[т] же день прежде указнаго часа пісменно, что онъ того дня прі своемъ дѣлѣ быть не імѣетъ для нѣкоторыя законныя прічіны: ібо на другой день по небытіі такое пісменное о себѣ объявленіе за дѣйствітельное прінято быть не імѣетъ.

2. А сего ноября 16 дня, указомъ же із канцеляріі Академіі Наукъ объявлено, что нѣкоторымъ із профессоров[в], іменно тамъ пропісаннымъ, которыі не-были по нѣскольку кратъ у своіхъ дѣлъ, не давъ о себѣ знать предпісанным[м] образомъ Канцеляріі, упушчается оное нынѣ первое для того, что такое пренебреженіе впервые отъ піхъ учінено, а другое, что оні не довольно ешче свѣдомы, какъ чужестранны, о сілѣ правъ Россійскія Імперіі; но впредь со всѣмі будетъ безъ ізъятія і упушченія по генеральному регламенту въ разсужденіі вычета.

3. І понеже могутъ пріключіться многіе внезапно прічіны, а іменно, нечаянная болѣзнь, пушчаніе кровѣ, пріѣздъ знатныя особы, смерть кому нібудь ізъ домашніхъ, пожарный, отъ чего Боже сохрані, случай; несчастіе какое на дорогѣ, неімѣніе слугі, і другіе подобные; такъ что не будетъ тотъ імѣть ні времені, ні мѣста, ні способності, дать знать о своей нуждѣ, ілі препятствіі, хотя бъ кто і хотѣлъ всеконечно по указу ісполніть.

4. Того раді покорнѣйше просімъ Канцелярію Академіі Наукъ, опредѣліть, і пріказать, чтобъ такія отъ насъ пісменныя ізвѣстія прінімать і на другой день послѣ небытія у дѣла, а буде невозможно быть імѣетъ объявіть въ тотже самый день: а ежелі тотъ другой день будетъ такой, что въ оный засѣданія не бываетъ въ канцеляріі, тобъ дѣйствітельнымъ быть нашімъ пісьменнымъ ізвѣстіямъ въ самый первый день, ка[к] начнется пакі засѣданіе: дабы намъ не претерпѣвать совершеннаго убытка, находясь іногда въ такомъ состояніі, что невозможно точнаго іісполненія учініть по сілѣ вышеупомянутаго указа отъ 24 дня маія.

2) Библіографическія записки, 1861 г., № 17, 515—518.

грабежу или разбою, чинимаго отъ людей своихъ въ Сибири, не почиталъ за прегрѣшеніе....“ При подачѣ объ этомъ предметѣ мнѣній, Тредіаковскій далъ такой отзывъ: „правила исторіографа состоятъ въ томъ, что (бы) 1) праведнаго онъ не упускалъ, а 2) чтобъ ничего не праведнаго не вносилъ. А понеже праведно, что Ермакъ былъ таковъ сперва, каковъ онъ описывается, того ради праведно и дѣльно такимъ человѣкомъ въ исторіи названъ, какимъ былъ прежде въ самой вещи. Но съ другой стороны, понеже благопристойность и нѣкоторыя политическія опасности и предосторожности требуютъ, чтобъ нечестнымъ названіемъ Ермака не оскорблять читателей, а особливо россійскихъ, которые уже всѣ къ нему великую склонность имѣютъ за учиненное имъ знатное и полезное дѣло, т. е., что онъ въ добровольный принесъ даръ Сибирь всероссійскому самодержцу, то разсуждаетъ, чтобъ помянутыя о немъ описанія всѣ выключить вонъ, ежели поправлены и умягчены быть не могутъ, а симъ послѣднимъ его мнѣніемъ должность исторіографа, предложенная выше, не нарушается, токмо уменьшается не для того, чтобъ ей уменьшенной быть надлежало всегда, но для того, что россійскія обстоятельства того требуютъ въ разсужденіе Ермолая Тимофѣевича Ермака“.

Выше уже говорено, что въ 1747 году приступлено было къ печатанію разсужденія Тредіаковскаго Разговоръ объ ортографіи. Первыя тетради оригинала находились въ типографіи, а большая часть ихъ были еще у автора и сгорѣли въ бывшій у него пожаръ, о чемъ такъ разсказываетъ онъ: „крайнее меня нещчастіе постігло: погорѣлъ я безъ остатку, такъ что не токмо сей разговоръ, но і всю прочую мою бібліотечку тотъ же огонь похітілъ. Всѣмъ вѣдомо ѕлое сіе мнѣ пріключеніе, о которомъ печально мнѣ і нынѣ вспомніть: не могу я поѕабыть многіхъ бумажекъ безъ воѕврату пропадшіхъ. По прошествіі нѣкотораго времені отъ онаго ѕлаго случая, началъ я пакі думать о семъ разговорѣ, толь наіпаче, что я обяѕанъ былъ даннымъ словомъ многімъ охотнікамъ; да і начальныхъ къ тому лістовъ съ пять было уже напечатано. Нельзя было інако его возвратіть іѕъ огня, какъ токмо новымъ сочіненіемъ. Ітакъ, прінялся

я пакі за него, съ велікою подлінно скукою, но прінялся"[1]).

Наконецъ Разговоръ объ ортографіи былъ отпечатанъ въ сентябрѣ 1748 года, и все изданіе его обошлось въ 262 руб. 99¾ к.[2]). Книга эта издана неизвѣстными благотворителями, которымъ Тредіаковскій такъ посвящаетъ свой трудъ: „Господамъ. Господамъ благоволівшімъ. Споспѣшествовать. тшчівою. помошчію. Ізданію. въ. Свѣтъ. Сея. Кнішкі. Авторъ. Въ. знакъ. Своея благодарності. П.П.П." Въ самомъ посвященіи Тредіаковскій говоритъ: „....Кажется мнѣ, что я віжу отвсюду окружаюшчіхъ меня, которыі нетерпѣлівно желаютъ отъ меня вѣдать, кто Вы іменно. Догадываются ужé объ істіннѣ, что Вамъ невозможно не быть благородныя кровi Особамъ: знаменітѣйшаго воспітанія сердцá, обыкновенно бываютъ чувствітельнѣе къ такому увеселенію, которое проізводітъ просвѣшченная добродѣтель, неумѣюшчая сама нікогда корыстоваться, а всегда готовая служіть законной блiжніхъ пользѣ...."

Въ Разговорѣ объ ортографіи, послѣ общаго описанія буквъ и изложенія правилъ правописанія, Тредіаковскій подробно разсматриваетъ церковно-славянскій алфавитъ и потомъ переходитъ къ разысканіямъ, какія буквы слѣдуетъ оставить въ гражданской печати изъ прежней и какія исключить. Главная его мысль заключается въ томъ, что „пісать такъ надлежітъ, какъ звонъ требуетъ"—мысль, какъ извѣстно, имѣющая послѣдователей и до нашихъ дней. Кромѣ своихъ соображеній и доводовъ по вопросамъ о русскомъ правописаніи, Тредіаковскій присовокупилъ разныя историческія извѣстія о церковной и гражданской азбукахъ, извѣстія, которыя повторялись довольно

1) Разговоръ объ ортографіи (Спб., 1748), 455.

2) II, книга № 120. Здѣсь выписывается полное заглавіе книги: Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і россійскімъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріі сочиненъ Васільемъ Тредіаковскімъ Профессоромъ Елоквенціі. Въ Санктпетербургѣ прі Імператорской Академіи Наукъ 1748. Въ 8°, 6 нен., 460 нумер. и 2 нен. стр.; на особомъ листкѣ на мѣди гравированное: «Ізображеніе іспорченнаго пісцамі кіріловскаго алфавіта, какъ уставнаго, такъ і скоропіснаго, котораго ізобрѣтеніе блаженному Іерониму не право пріпісанное.»

долгое время безъ всякой повѣрки. Такъ напр. первою книгою, напечатанною гражданскимъ шрифтомъ, съ легкой руки Тредіаковскаго, до 1834 года считали Приклады, како пишутся комплименты, а другія подобныя неточности его оставались безъ исправленій еще долѣе[1])

Мысли, высказанныя Тредіаковскимъ въ Разговорѣ объ ортографіі, не отличаются особенными странностями, и предложенное имъ правописаніе не содержитъ въ себѣ бо́льшей запутанности и сбивчивости противъ тѣхъ правилъ, которыя ввелись тогдашними знатоками въ Академіи наукъ и поддерживаются до нашего времени, тѣмъ не менѣе однако произведеніе Тредіаковскаго какъ при появленіи своемъ въ свѣтъ[2]), такъ и нынѣ возбуждаетъ насмѣшки и при томъ въ высшей степени затруднительно для чтенія. Виною тому былъ самъ авторъ, который, подражая Эразму Роттердамскому, придумалъ дать своему Разсужденію разговорную форму, чтобы „скуку въ чітающчемъ ілі бы развеселіть, ілі бы оную отъ него могло отогнать всеконечно....“ Вмѣсто достиженія предположенной цѣли, онъ именно этою разговорною формою сдѣлалъ разсужденіе свое невыразимо скучнымъ, потому что уснастилъ его довольно тяжеловѣсными шутками, которыя, по свидѣтельству Теплова „у него за bons mots пріемлются“[3]), присловьями, поговорками и прибаутками, часто нисколько не идущими къ дѣлу. Все это съ первыхъ же страницъ Разговора въ состояніи надоѣсть самому терпѣливому читателю и отбить у него охоту къ дальнѣйшему чтенію.

8 октября 1748 года въ академической канцеляріи состоялось постановленіе, по которому Ломоносову и Тредіаковскому поручалось разсмотрѣть въ рукописи трагедію Сумарокова Гамлетъ, представленную имъ для напечатанія въ академиче-

---

1) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, II, 179, 644, 645.

2) Въ 1748 году гр. Разумовскій, пославъ нѣсколько вновь вышедшихъ русскихъ книгъ, а вмѣстѣ съ ними и Разговоръ объ ортографіи къ русскому посланнику въ Гагѣ, графу Головкину, писалъ между прочимъ: «я присовокупилъ къ тому трактатъ г. Тредіаковскаго о правописаніи, имѣя честь предупредить ваше сіятельство, что авторъ напечаталъ его на свой счетъ, и Академія въ томъ не принимала никакого участія»... I, Исходящія письма 1748 года.

3) Записки Академіи наукъ, XIV, 72, 73.

ской типографіи. При этомъ академики обязывались „трагедію освидѣтельствовать.... не окажется-ли во оной чего касающагося кому до предосужденія; что жъ касается до штилю, и оное имѣетъ такъ остаться, какъ оно написано; токмо оная имъ, Тредіаковскимъ, освидѣтельствована была (бъ) конечно въ двадцать четыре часа, и по свидѣтельствѣ, ни мало не удержавъ, отослать въ конвертѣ къ помянутому профессору Ломоносову....“ [1])

„По сілѣ ордера, полученнаго ізъ Академіческія Канцеляріі, чіталъ я, отвѣчалъ Тредіаковскій въ собственноручномъ донесеніи 10 октября 1748 г., новосочіненную Трагедію подъ іменемъ Гамлетъ. Въ ней, по моему мнѣнію, не відно нічего предосудітельнаго нікому доброму: но напротівъ того, кажется она мнѣ довольно ізрядною. Подлінно, авторъ самую важную погрѣшность, въ первой своей Трагедіі Хоревѣ, (въ которой порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погібла) въ сей прілѣжно ісправілъ, і такъ сдѣлалъ что здѣсь всѣ, въ чемъ главнѣйшая польза отъ Трагедіі, порокі істреблены, а добродѣтелі торжество, съ велікімъ удовольствіемъ сердцу чітателеву, законно себѣ получілі. Чтожъ до существенныхъ свойствъ Трагедіі, а іменно, до Ужаса і Жалостi; въ сей не інако оні господствуютъ, то есть съ такімже возбужденіемъ прістрастій, какъ і въ Софокловой Трагедіі, названной Едіпъ: но характеръ сея новыя больше сходенъ съ оною французскою, которой імя Поліевктъ. Впрочемъ, какъ въ первой Авторовой Трагедіі, такъ і въ сей новой, вездѣ рассѣяна неравность стіля, то есть, індѣ весьма по славенскі сверьхъ Театра, а індѣ очень по площадному ніже Трагедіі, также находятся въ той і въ сей многіе грамматіческие неісправностi; а слово *поборать* і въ протівномъ употреблено знаменованіі: ібо, *поборать*, значітъ совокупно *сражаться*, тоесть стоять всѣмі сіламі за кого нібудь, ілі за что нібудь, а не *сопротівляться* кому нібудь, ілі чему нібудь. Но я думаю, что во всемъ томъ подлежітъ показать Автору нѣкоторое снісходітельство для многіхъ благородныхъ і нравоучітельныхъ разумѣній, і прі-

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб., 1865 г.), 114.

томъ ешче Хрістіанскіхъ въ сей последней. Несколько не глатківхъ и темныхъ стіховъ, я пріняль смелость вновь переделать, і напісать іхъ на белыхъ, въ подліннікѣ рукопісномъ, страніцахъ карандашемъ. Ежелі угодно будетъ Автору, то для его оні употребленія пускай служатъ: но буде не понравятся; то въ благонадежномъ дерзновеніі моемъ у него жъ прошу прошченія: ібо собственныі его стіхі ні почернены мною, ні повреждены [1]).

Что касается до отзыва Ломоносова, то онъ состоялъ въ томъ, „что во оной трагедіи, по его мнѣнію, нѣтъ ничего, чтобы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать". На основаніи такого отзыва, Гамлета велѣно было печатать въ академической типографіи на счетъ автора [2]).

Почти одновременно съ разсмотрѣніемъ трагедіи, поручалось Тредіаковскому и Ломоносову цензуровать двѣ стихотворныя эпистолы того же Сумарокова. Тредіаковскій на этотъ разъ выразился противъ послѣдняго далеко неодобрительно.

„Прісланные ко мнѣ, писалъ онъ 12 октября 1748 года, ізъ канцеляріі академическія двѣ Епістолы, стіхамі сочіненные, я чіталъ. Мнѣніе объ ніхъ я слѣдуюшчее імѣю, а іменно: что коль оні ні ізрядны, і ні достойны свѣта; однако ешче бъ ізряднѣе і достойнѣе того быть моглі, ежелібъ въ ніхъ, особліво жъ въ первой, меньше было Сатіры, а большебъ она походіла на Епістолу. Въ ней толь велікое чтется язвительство, что не порокі пішушчіхъ больше пятнаются, сколько самі пісателі, такъ что і звательный падежъ одного употребленъ, і только что не собственное імя, по прімѣру такъ называемыя древнія Арістофановы комедіі, которая впрочемъ въ Аѳінахъ тогда на крѣпко запрешчена была начальствуюшчімі, какъ мы відімъ ізъ Історіи. Но можетъ быть, что сему моему мнѣнію сопротівляется прівілегія Піітіческія вольності, однако опасно, чтобъ сія вольность не возрасла въ своевольность: ібо (какъ говорітъ Ціцеронъ въ Епістолѣ къ Сервію Сулпіцію, кн. 4) что дѣлается по прімѣру,

1) II, книга № 122.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 115.

о томъ думаютъ, что оно дѣлается по праву также; а нѣчто, і потому многое прібавляютъ і дополняютъ самі собою"[1]).

Въ письмѣ къ Тредіаковскому о тѣхъ же эпістолахъ Сумарокова Ломоносовъ, сравненный въ одной изъ нихъ съ Мальзербомъ и Пиндаромъ, отозвался мягко: „я думаю, писалъ онъ того же 12 октября, что г. сочинителю сихъ эпистолъ можно пріятельски посовѣтовать, чтобы онъ ихъ изданіемъ не торопился, и что не сыщетъ-ли онъ чего нибудь самъ, чтобъ въ разсужденіи нѣкоторыхъ персонъ отмѣнить нѣсколько надобно было"[2]).

Въ ноябрѣ 1748 года двѣ эпистолы Сумарокова снова посланы „для свидѣтельства" Тредіаковскому и Ломоносову. Первый изъ нихъ, видимо уже начинавшій раздражаться противъ Сумарокова, такъ отвѣчалъ академической канцеляріи въ собственноручномъ донесеніи: „По сілѣ ордера прісланнаго ко мнѣ сего ноября отъ 9-го дня, пріложенные прі немъ двѣ Епістолы, сочіненные стіхамі, я прілѣжно рассмотрѣлъ, і доношу, что хотя онѣ нѣкоторымъ образомъ і поправлены, однако язвітельства ізъ ніхъ не токмо не вынято, но ешче оное въ ніхъ і умножено. Того раді, відя, что онѣ самымъ дѣломъ злосные сатіры, а іменемъ токмо Епістолы; поносітельныхъ тѣхъ сочіненій по самой безпрістрасної совѣсті, аппробовать не могу. Впрочемъ, предаю все власті і благорассужденію канцеляріі...."

Напротивъ того, Ломоносовъ, 17 ноября, далъ отзывъ совершенно въ пользу Сумарокова. Такъ какъ онъ нигдѣ еще не былъ напечатанъ, то помѣщаю его здѣсь цѣликомъ съ соблюденіемъ ломоносовской орѳографіи:

„Присланные отъ канцеляріи Академіи Наукъ двѣ Епистолы сочиненія Гдна Сумарокова ко мнѣ, для вторичнаго свидѣтельства, еще прочиталъ, и канцеляріи Академіи Наукъ репортую, что въ нихъ содержитсяа много изрядныx стиховъ правдивыя правила о стихотворствѣ въ себѣ имѣющиx. Сатирическіе стихи, которые въ нихъ находятся, ни до чего важнаго не ка-

---

1) II, книга № 123.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, сбор. Билярскимъ (Спб., 1865), 116.

саются; но только содержатъ съ себѣ критику нѣкоторыхъ худыхъ писцовъ безъ ихъ наименованія. А понеже таковые стихи касающіеся до исправленія Словесныхъ на(у)къ, не взирая на такія сатиричества, у всѣхъ политическихъ народовъ позволяются, и въ Россійскомъ народѣ Сатиры князя Антіоха Дмитріевича Кантемира съ общею аппробаціею приняты, хотя въ въ нихъ всѣ страсти всякаго чина людей самы^м остры^м сатирически^м жаломъ проницаются. Для того рассуждаю я, что вышеупомянутыя Епистолы по желанію авторову напечатать можно“ [1]).

На основаніи такого отзыва Ломоносова, двѣ эпистолы Сумарокова были напечатаны подъ этимъ заглавіемъ въ томъ же 1748 году. При чтеніи нынѣ этихъ произведеній, нельзя не удивляться щепетильности Тредіаковскаго: такъ кажутся эпистолы невинными, потому что въ наше время въ нихъ видится только намѣреніе осмѣять общіе недостатки плохихъ писателей. Но при появленіи въ свѣтъ, стихи Сумарокова должны были производить иное впечатлѣніе именно по тому, что всѣ писатели были извѣстны на перечетъ и угадать, на кого метилъ сатирикъ, не требовалось особой прозорливости.

Въ началѣ первой эпистолы Сумароковъ намѣревался задѣть Ломоносова:

Одинъ, послѣдуя несвойственному складу,
Влечетъ въ Германію россійскую Палладу,
И мня, что тѣмъ онъ ей пріятства придаетъ,
Природну красоту съ лица ея беретъ....

За тѣмъ слѣдующіе уже всѣ стихи долженъ былъ принимать на свой счетъ Тредіаковскій, напр.:

Другой, не выучась такъ грамотѣ, какъ должно,
По русски, думаетъ, всего сказать не можно.
И взявъ пригоршни словъ чужихъ, сплетаетъ рѣчь
Языкомъ собственнымъ, достойну только сжечь;
Иль слово въ слово онъ въ слогъ русской переводитъ,
Которо на себя въ обновѣ не походитъ.
Хоть знаетъ, что ему во мзду смѣется всякъ;
Однако онъ своихъ не хочетъ видѣть вракъ.

---

1) II, книга № 123.

Пускай, онъ думаетъ, меня никто не хвалитъ,
То сердца моево ни мало не печалитъ:
Я самъ себя хвалю: на что мнѣ похвала?
И знаю то, что я искусенъ до зѣла.
Зѣло, зѣло, зѣло, дружокъ мой ты искусенъ
Я спорить не хочу, да только складъ твой гнусенъ

Во второй есть похвалы Ломоносову, который, какъ видѣли выше, такъ охотно находилъ достойными изданія въ свѣтъ эпистолы, и вмѣстѣ съ тѣмъ опять намекъ на Тредіаковскаго, которымъ онъ никакъ не могъ остаться доволенъ:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси —
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ; онъ Пиндару подобенъ,
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ!
и т. д.[1])

Тредіаковскій кому-то и гдѣ-то высказывалъ, что обремененъ множествомъ дѣла, и это дошло до Теплова, почему 9 февраля 1748 года въ главной академической канцеляріи, находившейся въ Москвѣ по случаю пребыванія тамъ графа К. Разумовскаго, а вмѣстѣ съ нимъ Теплова, состоялось опредѣленіе о назначеніи для студентовъ учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ, „но какъ извѣстно-де, что у студентовъ всѣ часы во всю недѣлю заняты лекціями профессорскими, и г. Тредіаковскій Гейнекція о красотѣ латынскаго языка курсъ окончалъ, а притомъ видно, что онъ кромѣ переводовъ своихъ, въ которыхъ довольно трудится, много несетъ трудовъ и при историческомъ собраніи, то уволить его отъ читанія лекцій студентамъ, а оставить только при вышеупомянутыхъ трудахъ, дабы онъ безъ отягченія своему слабому здоровью служить могъ съ пользою Академіи, а его часы отдать помянутымъ учителямъ для языковъ. Однако жъ оное опредѣлено въ разсужденіи такомъ, ежели онъ самъ такого облегченія желаетъ и о томъ отзовется въ канцелярію доношеніемъ; въ противномъ случаѣ

1) Эти двѣ эпистолы, по рѣдкости ихъ, перепечатаны вполнѣ въ Опытѣ Россійской библіографіи Сопикова II, 283—300; онѣ же потомъ помѣщены во второмъ изданіи Полнаго собранія всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ Сумарокова (М. 1787), I, 331—343, первая подъ заглавіемъ Эпистола о русскомъ языкѣ, а вторая Эпистола О стихотворствѣ.

оставляется ему на волю быть при его прежнихъ должностяхъ. А г. профессору Крузіусу велѣно объявить, когда г. профессоръ Тредіаковскій оставитъ свои лекціи, то ему одному стараться о чистотѣ латинскаго языка и о всемъ томъ, что касается до элоквенціи....“

Тредіаковскій, кажется, понялъ иронію, съ которою говорилось въ канцелярскомъ указѣ объ отягченіи его трудами по Академіи, а потому въ собственноручномъ доношеніи по пунктамъ писалъ: „А въ томъ указѣ упомінается, что опредѣлено сіе увольненіе въ такомъ разсужденіі, буде я самъ того себѣ облехченія пожелаю, і о томъ отзовусь въ канцелярію доношеніемъ. Того раді, доношу Санктпетербургской Канцеляріі Академіі Наукъ, что я себѣ такова облехченія самъ подлінно нынѣ желаю: ібо трудясь прі Академіі съ 1732 Году ревносно и беспорочно, какъ будучі чрезъ нѣсколько лѣтъ Секретаремъ, такъ і нынѣ съ 1745 Году профессоромъ, непремінуемо могъ я прітти въ слабое здоровье, і слѣдовательно желать ужé себѣ облегченія дѣйствітельнаго і для здоровья, і для лѣтъ“. По полученіи этого доношенія, академическая канцелярія 23 февраля 1749 года уволила Тредіаковскаго отъ чтенія лекціи при Академіи[1]).

Въ 1748 году ректоръ академическаго университета, исторіографъ Мюллеръ представилъ въ канцелярію составленный имъ устава для университета и гимназіи при Академіи. Противъ этого устава Шумахеръ составилъ нѣсколько замѣчаній, изъ которыхъ главнѣйшія заключались въ томъ, что онъ не видѣлъ надобности въ разныхъ обрядахъ при возведеніи въ ученыя степени доктора и магистра. По мнѣнію Шумахера въ подобныхъ случаяхъ, кромѣ диспута и экзамена „всѣ другіе обряды непристойны и состоятъ въ старинныхъ школьныхъ поведеніяхъ. Что касается до гимназическаго регламента, продолжалъ Шумахеръ, то оставить его такъ, какъ сдѣлалъ его профессоръ Крафтъ и перемѣнить въ немъ только то, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ и по новому регламенту пере-

1) II, книги №№ 458 и 126

мѣнить должно, ибо профессоръ Крафтъ былъ мужъ разумный и притомъ добрый школярь. Когда разсуждается о жалованныхъ, то смотрѣть того, чтобъ ученики скорѣе по латинѣ учились. Потомъ не худо, когда взявши старыхъ годами студентовъ, изъ которыхъ академики производаемы быть могутъ, обучать ихъ наукамъ, а особливо латинскому языку и дѣлать изъ нихъ хорошихъ учителей". Въ академической канцеляріи вѣроятно Тепловъ значительно сократилъ, а въ иномъ и измѣнилъ мюллеровскій уставъ, и въ сентябрѣ 1748 г. возвращенъ въ историческое собраніе „Регламентъ учрежденному при Академіи наукъ университету, по которому ректоръ, профессоры и студенты поступать должны". Здѣсь въ тридцати двухъ пунктахъ излагались обязанности ректора, поставленнаго въ полную зависимость отъ академической канцеляріи, и профессоровъ, которые имѣли проходить науки по указаннымъ имъ руководствамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ говорилось о наказаніяхъ, которымъ подвергались они за нехожденіе на лекціи безъ уважительныхъ причинъ, о праздничныхъ дняхъ, обозначенныхъ въ тогдашнихъ календаряхъ; о наказаніяхъ студентовъ за проступки; наконецъ — о порядкѣ удостоенія въ ученыя степени, при чемъ именно упомянуто: „при такихъ произведеніяхъ никакимъ церемоніямъ не быть, каковыя въ чужестранныхъ университетахъ отправляются".

Тредіаковскій, какъ завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ историческаго собранія, представилъ въ январѣ 1749 года мнѣнія объ означенномъ регламентѣ академиковъ Ломоносова, Брауна, Фишера, Струбе де Пирмона, Крузіуса и свое. Большая часть изъ нихъ возставали противъ наложенія штрафа на профессоровъ, также противъ указанія руководствъ при чтеніи ими лекцій; указывали также на нѣкоторыя неточности въ распредѣленіи наукъ и пр. Въ особенности гуманистъ Крузіусъ въ объемистомъ писаніи своемъ, пропитанномъ отборною латинью, развивалъ ту мысль, что университетъ при нашей Академіи долженъ быть точнымъ сколкомъ германскихъ университетомъ: лейпцигскаго, іенскаго, гальскаго и виттенбергскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Крузіусъ счелъ нужнымъ распростра-

ниться и приводить разныя цитаты и свидѣтельства о томъ, какъ слѣдуетъ высоко чтить ученыхъ. Для Россіи онъ считалъ весьма необходимымъ пожалованіе профессоровъ рангами: экстраординарныхъ въ коллежскіе ассессора, а ординарныхъ въ надворные совѣтники. Сотоварищамъ Крузіуса понравились высказанныя имъ въ отзывѣ мысли, что свидѣтельствуетъ собственноручная отмѣтка Тредіаковскаго на рукописи Крузіуса: Haec clarissimi Crusii omnium unanimi consensu sunt approbata.

Что касается до мнѣнія самого Тредіаковскаго, то оно заключалось въ слѣдующемъ отзывѣ, написанномъ имъ по латинѣ и переведенномъ по русски Лебедевымъ: „На артикулы 11, 13, 14 и 15-ой [1]). По моему мнѣнію къ университетскому регламенту надлежитъ прибавить слѣдующее: 1) Надлежитъ позволить вольность профессорамъ въ избраніи хорошихъ авторовъ, которыхъ бы они каждый годъ академической слушателямъ своимъ читали, наипаче для сего, дабы не показалось, что мы вовсе вѣримъ и держимся учительскихъ словъ, но на подобіе пчелъ со всякихъ хорошихъ цвѣтовъ собирать надлежитъ сладкіе плоды мудрости [2]). (Приписка на полѣ: Отъ всѣхъ аппробованъ. Василій Тредіаковскій.) На артикулъ 16 [3]). 2) Сей артикулъ подлинной о праздникахъ ни мало не согласуетъ съ генеральнымъ регламентомъ, который гораздо важнѣе и сильнѣе календарной росписи. Я по тому говорю профессорамъ не должно зависѣть отъ календаря въ разсужденіи праздниковъ, но поступать должно по генеральному регламенту, гдѣ въ концѣ девятой главы такъ пишетъ: такожде надлежитъ коллегіямъ декабря отъ 25, генваря до 7 дня, въ великой постъ, первую и страстную, сыр-

---

1) Въ этихъ пунктахъ указывались учебныя руководства, которымъ надобно было слѣдовать при чтеніи лекцій.

2) Это мѣсто въ латинскомъ подлинникѣ изложено такъ: Concedendam censeo libertatem professoribus eligendorum probatae notae auctorum, quos praelegere auditoribus suis pergant quolibet anni academici curriculo: idque propterea vel maxime, ne jurasse videamur in verba unius magistri, sed potius ritu apum, ex quibus vis optimis floribus mella sapientiae colligere.

3) Въ 16-мъ пунктѣ говорится объ освобожденіи отъ ученія въ праздники, означенные въ календаряхъ.

ную и свѣтлую недѣли, отъ приказныхъ дѣлъ, кромѣ самыхъ нуждъ, имѣть свободу. (На полѣ приписка:) Всѣ въ томъ согласуютъ, чтобы профессорамъ оставить сполна всѣ праздники, которые издавна даны.

„И такъ ежели о штрафахъ обыкновенно поступаютъ по сему регламенту, то оной долженъ быть правиломъ вольностей и свободъ, которыя въ немъ ясно опредѣляются. Подлинно, что роспись календарная наипаче касается до каторжныхъ невольниковъ и до всѣхъ мастеровыхъ и работныхъ людей; но профессоры считаются членами, составляющими Академію, т. е. коллегію академическую, и потому всѣ преимущества и вольности, какія имѣютъ члены прочихъ Академій, надлежитъ и до нихъ по справедливости, чего, какъ думаю, никто не оспоритъ. Но сіе, что я сказалъ, не въ указъ другимъ разумнѣйшимъ. Василей Тредіаковскій".

Шумахеръ видѣлъ въ отзывахъ академиковъ заносчивость и гордость педантовъ, о чемъ беззастѣнчиво высказался въ письмѣ къ Теплову [1]). Сверхъ того, онъ написалъ по этому предмету свои замѣчанія, которыя здѣсь передаются въ современномъ переводѣ академическаго переводчика Лебедева: „По моему мнѣнію надлежало бъ оставить регламентъ такъ, какъ оный изъ канцеляріи къ гг. профессорамъ посланъ, понеже они никакого важнаго возраженія на оной не учинили. Но чтобъ показать имъ нѣкоторое снисходительство, то первое можно оставить названіе авторовъ (so konte man die specification der Autorum, worüber sie lesen, sollen auslassen), по которымъ они читать должны, и дать имъ на волю избирать авторовъ, но съ такимъ приказаніемъ, что прежде нежели начнутъ они по нимъ читать, то напередъ предложить о томъ президенту, или въ небытность его канцеляріи, дабы въ томъ какова худа произойти не могло. Второе, кажется, что довольно бъ было, когда бъ въ 13-мъ артикулѣ написано было, чтобъ профессоръ исторіи соединилъ исторію съ хронологіею и въ томъ бы поступалъ по греческому образцу (selbige nach der

---

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I. 51.

griechischen Methode einrichten solle). Третіе, понеже въ академическомъ регламентѣ упомянуто о профессорѣ юриспруденціи, то по моему мнѣнію должно ему остаться и въ университетскомъ регламентѣ, ибо хотя философъ въ своемъ философическомъ курсѣ и учитъ основаніямъ натуральнаго права, только и сіе изрядно, что и юристъ натуральному праву учить станетъ и оное юридическимъ образомъ предлагать будетъ. И ежели сіе аппробуется, то слова въ § 14 такъ гласящія: „а по аппробованному отъ ея императорскаго величества штату Академіи, къ ученію натуральнаго права хотя опредѣленъ особливый профессоръ, однако за благо не разсуждено сію часть философіи отъ прочихъ отдѣлить, но паче усмотрѣно, чтобъ учащихся не привесть тѣмъ въ замѣшательство, когда разныя философическія науки не по однимъ основаніямъ и порядку предлагаться будутъ“ — можно выключить.

„По моему мнѣнію надлежало бъ въ университетѣ учить и основаніямъ права гражданскаго римскаго, ибо въ здѣшней имперіи въ судахъ хотя на то не смотрятъ, однако я подлинно вѣдаю, что государь императоръ Петръ Великій самъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по оному праву судилъ, особливо по дѣлу князя Меншикова, который адміральтейской коллегіи деньги въ заемъ далъ, и понеже коллегія денегъ платить не хотѣла, то, взявши онъ изъ адміральтейства деньги, самъ себѣ заплатилъ. Въ корпусѣ правъ (in dem Corpus juris) написано: *ежели кто самъ собою долгъ возметъ, тотъ искъ свой потерялъ*. По сему и приговоръ учиненъ. А хотя бъ и сего не было, то должно взять въ разсужденіе авдиторовъ при арміи. Ежели имъ должность свою добросовѣстно исправлять, то по крайней мѣрѣ всеконечно должны они нѣсколько знать изъ иностранныхъ законовъ. И не придетъ ли со временемъ на память и военной коллегіи, чтобъ въ Академіи сначала дать десять или двадцать студентовъ для обученія ихъ въ юриспруденціи, чтобъ были они послѣ искусными авдиторами. Четвертое о праздничныхъ и свободныхъ дняхъ можно бы также сдѣлать примѣчанія (reflexion machen), особливо на то, что предложилъ г. профессоръ Тредіаковскій. Пятое. Хотя всѣ

господа профессоры мнѣніе г. профессора Крузіуса единогласно аппробовали, только кажется мнѣ, что о томъ ни мало не разсуждали, понеже онъ тамъ ни о чемъ другомъ не пишетъ, какъ о достоинствѣ высокой власти и чинѣ гг. профессоровъ, которыхъ онъ, по примѣру римскаго императора Сигизмунда, который былъ и докторомъ, ставитъ выше князьевъ, графовъ и дворянъ, а на учащихся молодыхъ людей не смотритъ и притомъ утверждается на неправдивомъ основаніи. Ибо что въ академическомъ регламентѣ въ артикулѣ 38-мъ написано: „университетъ учрежденъ быть долженъ по примѣру прочихъ европейскихъ университетовъ", и въ 44: „всѣ какъ профессоры и учители, такъ студенты и ученики на академическомъ и своемъ содержаніи обрѣтающіеся въ университетѣ подвержены регламенту, который президентомъ сочиненъ быть долженъ по примѣру европейскихъ университетовъ, какимъ образомъ и когда чего учить и обучаться",—только сіе писано не въ такомъ мнѣніи, чтобъ онъ учредилъ оный по примѣру лейпцигскаго, гальскаго, виттенбергскаго, іенскаго или геттингенскаго университетовъ, но чтобъ онъ, выбравъ самое лучшее изъ всѣхъ европейскихъ университетовъ, имѣющихся въ Португаліи, Гишпаніи, Франціи, Нѣмецкой землѣ, Италіи, Голландіи, Англіи, Даніи, Швеціи, Польшѣ и въ прочихъ государствахъ, учредилъ здѣшній университетъ по обстоятельствамъ и состоянію здѣшней имперіи. Также смѣшно бы было, когда бъ принять узаконенія университетовъ, учрежденныхъ уже за нѣсколько сотъ лѣтъ въ то время, когда превеликое невѣжество господствовало и которыя бы легко отмѣнили, ежели бъ то учинить можно было. И шестое — напослѣдокъ понеже легко статься можетъ, что-нибудь въ семъ регламентѣ современемъ перемѣнить должно будетъ, то можно его отдать въ семъ состояніи впредь до указу, только чтобъ не печатать".

Уставъ академическаго университета въ измѣненномъ нѣсколько видѣ, который ему дали Тепловъ и Шумахеръ, былъ подписанъ президентомъ 10 августа 1750 года. Здѣсь въ началѣ говорится: „понеже какъ учащіе, такъ и учащіеся по нынѣ не находятся еще въ такомъ состояніи, по которому бы

можно было сдѣлать совершенный университетской регламентъ, а дабы въ семъ не произошло какого упущенія, то за потребно разсуждено до сочиненія регламента учинить слѣдующее". По регламенту ректоръ, избранный профессорами и утвержденный президентомъ, обязывался наблюдать за порядкомъ преподаванія, чтобы профессора „не учили ничему, что противно быть можетъ православной грекороссійской вѣрѣ, формѣ правительства и добронравію"; далѣе — смотрѣть за студентами. Мѣры наказанія, предоставленныя ректору были: карцеръ, сѣрый кафтанъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ онъ имѣлъ репортовать канцеляріи. Въ помощь ректору приданъ былъ адъюнктъ. Затѣмъ слѣдовало росписаніе наукъ и часовъ. Прежде помѣщенный § 14 выключенъ; онъ заключался въ слѣдующемъ: „И понеже государству состоитъ великая нужда въ томъ, чтобъ подданнымъ особливо такимъ, которые назначены къ обученію другихъ съ молодыхъ лѣтъ сообщаемы были полезныя понятія о Богѣ, свѣтѣ и о душѣ, а въ практической философіи здравыя и непреткновенныя наставленія, то профессору философіи то, чему онъ училъ и учить будетъ, письменно подать въ канцелярію, которая опредѣлитъ, чтобъ лекціи профессора философіи были изслѣдованы, согласны-ли оныя съ ученіемъ православныя греко-россійскія вѣры и съ состояніемъ здѣшняго государства". Противъ этого Шумахеръ написалъ: „On a mis cet article parceque quelques uns du clergé ont avancé que les professeurs donnent aux étudians des principes dangereux. Parmi les professeurs, il n'y a que celui qui traite la Logique, la Métaphysique, la Morale et le Droit naturel, c'est à dire le professeur en Philosophie et celui qui traite l'histoire et donne ses leçons sur les Etats de l'Europe, c'est à dire le professeur de l'Histoire, qui peut tomber dans quelque faute par rapport à la doctrine de l'âme, des vertus morales et des intérêts des princes. Per cette raison il me semble que cet article n'est pas superflu. Mais si cela est, il faut aussi rayer l'article 17. — Въ этомъ §, который былъ 16-мъ, говорилось: „Профессору исторіи также смотрѣть, чтобъ при изъясненіи штатской исторіи и политической географіи посту-

пать осторожно и согласно съ здѣшними духовными и свѣтскими законами, а для отвращенія напередъ всѣхъ критическихъ и противныхъ разсужденій онъ то, чему училъ и учить будетъ, долженъ подать на письмѣ въ канцеляріи".

„Гимназіи быть нынѣ противъ прежняго".

Въ § 31: „Ни профессорамъ, ни учителямъ не имѣть другихъ праздничныхъ дней кромѣ положенныхъ св. правит. синодомъ въ табели, въ календарѣ сообщенной".

За неисполненіи всего регламента въ первой редакціи по § 32-мъ академикъ „во образецъ другимъ наказанъ и съ безчестіемъ выгнанъ быть имѣетъ", но потомъ это измѣнено такъ: „во образецъ другимъ за первый, вторый и третій проступокъ будетъ штрафованъ третнымъ вычетомъ жалованья, а потомъ отъ Академіи отрѣшенъ" [1]).

19 марта 1749 года съ Тредіаковскимъ случилось опять несчастіе, о которомъ такъ извѣщалъ Шумахеръ Теплова 20 марта: „У насъ есть нѣмецкая пословица: wer gehängt werden, der versaufft nicht (кому суждено быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ). Не знаю, что сказать о судьбѣ г. Тредіаковскаго, только его страшно преслѣдуетъ огонь. Вчера, около девяти часовъ вечера, весь Васильевскій островъ былъ въ смятеніи отъ зарева, грозившаго страшнымъ пожаромъ. Однако, благодаря порядку и быстрой помощи многихъ честныхъ людей, у г. Тредіаковскаго сгорѣли только конюшня и кухня. По словамъ его, у него сильно пострадала мебель, но книги, принадлежащія Академіи, не потерпѣли никакого вреда" [2]).

Пожаръ, бывшій въ зданіи Академіи наукъ 5 декабря 1747 года, между прочимъ, уничтожилъ часть отпечатаннаго уже перваго тома Исторіи Роллена въ переводѣ Тредіаковскаго. Въ пожаръ же, случившійся передъ тѣмъ у него на квартирѣ, сгорѣла рукопись его перевода этой Исторіи. Въ слѣдующемъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ въ академической канцеляріи было записано въ протоколъ, согласно представленію академическаго справщика Алексѣя Барсова: „оная книга надлежитъ до исто-

1) II, книга 803; I, связка № 70.

2) I, Исходящія письма 1748 (sic) года.

рическихъ книгъ, котораго роду книги здѣсь при Академіи весьма скоро продаются", почему велѣно печатать 2400 на простой и 125 экземляровъ на лучшей бумагѣ (а прежде печатано было только въ количествѣ 600 экземпляровъ)[1]. Когда было окончено печатаніе перваго тома, то предисловіе переводчика было послано на разсмотрѣніе въ Москву, и 27 іюля 1749 года, Тепловъ, возвращая его къ Шумахеру, писалъ, что президентъ находилъ нужнымъ исключить оттуда „подробныя обстоятельства" о переводѣ. Такимъ образомъ изъ предисловія было вычеркнуто слѣдующе мѣсто: „Неблагополучное истребленіе всему первому переводу сея Исторіи отъ пожарнаго мнѣ приключенія хотя крайнимъ образомъ опечалило, однако не искоренило предвоспріятаго твердо намѣренія и сильнаго раченія Академіи Наукъ въ Президентѣ Ея Императорскаго Величества дѣйствительномъ каммергерѣ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникѣ, Ординовъ Польскаго Бѣлаго Орла, Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалерѣ, Его Сіятельствѣ Графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ, чтобъ издать сіе сочиненіе въ Россійскій свѣтъ, чего для и изобрѣлъ Его Сіятельство за необходимое приказать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ переводить его вновь паки".

Потомъ это предисловіе было на разсмотрѣніи историческаго собранія, о чемъ Тредіаковскій своеручно доносилъ академической канцеляріи: „По сілѣ Ея Імператорскаго Величества указа ізъ Санктпетербургскія Канцеляріі Академіі Наукъ, о свідѣтельствованіі предувѣдомленія, сочиненнаго мною къ РолленовойІсторіі, помянутое предувѣдомленіе Собранію чітано, і найдено всѣмі, что ему потребно быть прі первомъ томѣ, для увѣдомленія чітателей о все^{м} содержаніі Історіі, і къ пріведенію іхъ къ охотнѣйшему чтенію і покупкѣ ея, і слѣдовательно напечатану. Чего раді оное предувѣдо^{м}леніе і возвращаю прі се^{м} канцеляріі, а прі немъ і тітулъ къ первому тому оныя Історіі"[2].

1) II, книга № 801.

2) II, книги №№ 132, 803 и 459. Первый томъ этого перевода напечатанъ въ 1749 г.; печатаніе каждаго экземпляра обошлось въ 1 руб. 4 коп., а продавалась книга по 1 руб. 50 к. (II,

Съ сентября 1749 г. по январь 1750 г. включительно Тредіаковскій принималъ участіе въ сужденіяхъ о диссертаціи Мюллера касательно происхожденія русскаго народа. Объ этомъ событіи въ жизни исторіографа было уже говорено въ I-мъ томѣ Исторіи Академіи, стр. 359, 360; здѣсь же слѣдуетъ только разсказать о роли, которую игралъ въ этомъ дѣлѣ Тредіаковскій.

Мнѣніе его о мюллеровской диссертаціи не сходилось съ тѣми, которыя были высказаны остальными академиками изъ русскихъ Ломоносовымъ, Крашенинниковымъ и Поповымъ. Послѣдніе осуждали выводы Мюллера не съ научной точки зрѣнія, но во имя патріотизма и національности — руководителяхъ не всегда надежныхъ, какъ извѣстно, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ исторической истинѣ. Что побудило Тредіаковскаго держаться на почвѣ научнаго рѣшенія вопроса, теперь сказать трудно. Конечно, можно предполагать, что онъ это сдѣлалъ изъ недружбы къ Ломоносову, который особенно нападалъ на Мюллера за умышленное будто бы униженіе имъ славы Россіи и т. п. въ такихъ событіяхъ, которыя происходили почти за девять столѣтій. Были также нѣкоторые, увѣрявшіе, что Тредіаковскій въ этомъ дѣлѣ подслуживался иноземцамъ, но изъ предыдущихъ извѣстій довольно видно, что онъ былъ также не любимъ учеными иноземцами, какъ и прочіе академики изъ русскихъ, и никакъ не могъ надѣяться когда либо извлечь для себя пользу изъ ихъ расположенія. Какъ бы то ни было, однако теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Тредіаковскій въ дѣлѣ о мюллерской диссертаціи, какъ ученый, былъ болѣе

книга № 801). Вотъ его заглавіе: «Древняя Історія объ Егіптянахъ, о кареагенянахъ, объ ассіріанахъ, о вавілонянахъ, о мидянахъ, персахъ, о македонянахъ и о грекахъ сочиненная чрезъ г. Ролленя бывшаго Ректора Паріжскаго Універсітета, Профессора Элоквенціи и прочая. А нынѣ съ Французскаго переведенная чрезъ Васілья Тредіаковскаго профессора Элоквенціи и Члена Санктпетербургскія Академіи Наукъ. Томъ первый. Въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ 1749 года». Въ 4°, 8 нен. (оглавленіе и предисловіе переводчика) L и 342 нум. стр. и 9 грав. на мѣди картъ. Слѣдующіе тома выходили въ продолженіе 1751—1762 годовъ, всего десять томовъ; каждый томъ также, какъ и первый, продавался по 1 р. 50 коп. (II, книга № 461)). Переводчику, по отпечатаніи всякаго тома, выдавалось по утвердившемуся въ Академіи обычаю 12 экземпляровъ (II, книга, № 186).

правъ, чѣмъ выше названные товарищи его. „Рѣчь о происхожденіи народа и имени Россійскаго, сочиненную господиномъ профессоромъ Мюллеромъ не сыщется-ль въ ней чего предосудительнаго для Россіи, я, писалъ Тредіаковскій 13 сентября 1749 года, разсматривалъ со всякимъ возможнымъ прилѣжаніемъ, и нашелъ, что сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе.... Когда я говорю, что сочинитель ея рѣчи съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе, то разумѣю, что авторъ доказываетъ токмо вѣроятно, а не достовѣрно.... но сія его вѣроятность по та у меня будетъ нарочита, пока кто другой большія и достовѣрнѣйшія не подастъ въ разсужденіи сего. Сверхъ всего того нѣтъ почитай ни единаго въ свѣтѣ народа, котораго первоначаліе не было бъ темно и баснословно. Слѣдовательно, я не вижу, чтобъ во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи....“[1]). Есть и другое, болѣе пространное мнѣніе Тредіаковскаго о той же диссертаціи Мюллера, поданное имъ 21 іюня 1750 года. Здѣсь нашъ писатель совѣтуетъ перемѣнить многое въ диссертаціи: „давно ужé вѣдомо изъ Теренція Рімскаго Коміка, что нагая истинна [что жъ дѣлать, сіе есть одно изъ состояній оплакуемыя человѣческія слабости] ненависть раждаетъ; а гибкая на всѣ стóроны поступка, толькожъ бы беспорочная, ибо чаще такая услуга бываетъ противнымъ образомъ, а особливо въ надеждѣ полученія, гибкая, говорю я, и удобь обращающаяся поступка, пріобрѣтаетъ множество друговъ и благодѣтелей....“ Это мнѣніе нашего писателя до сихъ поръ оставалось ненапечатаннымъ, а потому помѣщается въ концѣ настоящаго жизнеописанія, въ приложеніи IV-мъ.

Вслѣдствіе строгихъ подтвержденій сената о присылкѣ всѣхъ дѣлъ и книгъ, въ которыхъ были упоминаемы имена

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб. 1865), 756, 757. Любопытно, что П. Савельевъ Ростиславичъ (Славянскій сборникъ, Спб., 1845, стр. XII), сумѣлъ подмѣтить именно въ этомъ отзывѣ Тредіаковскаго «равнодушіе къ высокимъ началамъ нравственно-политической любви къ отечеству и народности!»

императора Іоанна Антоновича и бывшихъ при немъ правителями Бирона и герцогини брауншвейгской, академическая канцелярія подтвердила о томъ, между прочимъ, и Тредіаковскому, какъ секретарю историческаго собранія, который на это отвѣчалъ собственноручнымъ доношеніемъ 29 сентября 1749 года: „....не будучі ні бібліотекарь, ні Архіварій Історіческаго Собранія, не знаю, есть лі въ ономъ Собраніі какіе казенные Россійскія, гражданскія і церковныя печаті, также іностранные печатные і писменные кнігі, а притомъ указы, прісягі і прочее рукопісное і печатное: ібо у меня нічего на рукахъ по нынѣ не бывало. Чтожъ я, оддая должное послушаніе Его Сіятельству Академіи Наукъ Президенту, отправляю секретарскую должность въ Історіческомъ Собраніі; то сіе токмо состоітъ въ запісываніі протокола во всякое собраніе о томъ что, въ немъ проісходіло; а въ запіскѣ моей о дѣлахъ Історіческаго Собранія нічего того нѣтъ что въ ізвѣсныя два правленія дѣлалось. Канцелярія Академіи Наукъ ізволітъ вѣдать і сама, что Історіческое Собраніе учреждено прошедшаго токмо 1748 года, то есть по восшествіи уже на прародітельскій престолъ Ея Імператорскаго Велічества: слѣдовательно нічему такому быть въ немъ не возможно. У меня особенно, нічего жъ такого нѣтъ: а членомъ Россійскаго Собранія объявлю оный Указъ въ будущую среду“[1]).

Въ 1749 году Тредіаковскій представилъ въ академическую канцелярію оконченный имъ переводъ Аргениды, сочиненной Іоанномъ Барклаемъ, о чемъ Шумахеръ, извѣщая Теплова, послалъ при томъ копію съ слѣдующей записки, при которой прислалъ переводчикъ свой трудъ: Prenez, Monsieur, cet ouvrage qui m'a fait bien de la peine. Cependant je suis bien consolé parceque je sais qu'il fera honneur à moi et donnera du profit à l'Académie. Je fêterai aujourd'hui M. le conseiller au couvent Nevsky chez son emminence Monseigneur l'Archevêque parcequ'il a du bon vin et de bon coeur. Je fêterai — ne vous en déplaise pas — pendant que je vivrai le jour auquel j'ai eu la

1) II, книга № 85.

satisfaction de remettre à la chancellerie mon aimable Argenis"[1]).

9 января 1750 года, Тредіаковскій собственноручно доносилъ академической канцеляріи: „усмотря, что нашімъ чітателям темна будетъ она (Аргенида) для премногіхъ мітологическіхъ мѣстъ находяшчіхся въ ней: чего раді ізъясніль я ея опісаніямі мітологіческімі по Авторову порядку. Оную мою Мітологію [о которой можно увѣріть, что она вся на-вся вошла въ моі ізъясненія] нынѣ прі семъ объявляю...."

Канцелярія распорядилась отослать переводъ съ примѣчаніями въ историческое собраніе, въ которомъ профессора Штрубе, Ломоносовъ, Фишеръ и адъюнкты Крашенинниковъ и Поповъ обязывались рукопись „пересмотрѣть по мѣстамъ, дабы могли только мнѣніе свое генеральное дать о переводѣ". Названныя лица, за исключеніемъ Ломоносова, который отказался отъ разсмотрѣнія за болѣзнію, въ февралѣ 1750 года отвѣчали: „мы оный переводъ съ оригиналомъ по мѣстамъ свидѣтельствовали, и по свидѣтельству нашему оная книга противъ оригиналу переведена исправно и митологическія изъясненія сочинены къ ней прилично". Послѣ такого отзыва Аргениду велѣно было печатать въ количествѣ 1200 экземпляровъ на обыкновенной и 50 — на александрійской бумагѣ.

„Понеже, писалъ собственноручно Тредіаковскій въ академическую канцелярію 21 августа 1750 года, Барклаіева Аргеніда печатается въ пять томовъ, а первый томъ печатаніемъ оконченъ: я жъ именованный желаю, чтобъ сей книгѣ приписаной быть, какъ весьма того достойной, Ея Імператорскому Величеству, толь наипаче, что такіе обрасцы ужé отъ академіческих служителей дѣйством произведены были. Того ради

---

1) I, Исходящія письма 1748 (sic) года. Переводъ записки Тредіаковскаго къ Шумахеру: «Примите, милостивый государь, работу, которая мнѣ стоила многаго труда. Однако я утѣшаюсь сознаніемъ, что она принесетъ мнѣ честь, а Академіи доставитъ выгоду. Я буду сегодня веселиться за г. совѣтника въ невскомъ монастырѣ у его преосвященства, г. архіепископа, потому что у него доброе вино и доброе сердце. Я буду праздновать — не примите этого во гнѣвъ — пока я живъ, день, въ который имѣлъ удовольствіе вручить канцеляріи мою любезную Аргениду».

покорнѣйше прошу Канцелярію Академіи Наукъ, чтобъ мнѣ повелѣно было такую дедикацію къ первому тому напечатанную приложить, а въ какой силѣ я ее сочинилъ; то оную при семъ сообщаю".

Это посвященіе было послано къ Крашенинникову съ тѣмъ, чтобы онъ его разсмотрѣлъ вмѣстѣ съ Ломоносовымъ и Поповымъ. Первый изъ нихъ, 1 сентября 1750 года, донесъ: „и по мнѣнію общему лучше сей дедикаціи быть передѣланной вновь, нежели исправленной, ибо, выключая нѣкоторыя слова, перемѣнѣ подлежащія, порознь цѣлые періоды выкинуть должно, въ которыхъ кажутся или ложныя мысли, или излишнее ласкательство и которыя въ дедикаціи чертами объявлены".

При этомъ донесеніи приложено собственноручное посвященіе Тредіаковскаго, которое помѣщается здѣсь съ обозначеніемъ курсивомъ и скобками отмѣченныхъ Крашенинниковымъ мѣстъ.

„Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, Великой Государынѣ Імператріцѣ Елісаветѣ Петровнѣ, самодержицѣ всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей, и прочая, и прочая, и прочая, въ знакъ истинныя и всеподданическія благодарности.

Августѣйшая Імператріца, Самодержица Всероссійская!

При толикихъ Величества Вашего попеченіяхъ о пользѣ всея Імперіи, *по истиннѣ* крайнія продерзости есть дѣло, утруждать и краткимъ *въ составѣ слога* приношеніемъ. *Исповѣдую искренно, въ семъ точно случаѣ я послѣднѣйшій теперь обрѣтаюсь.* Но, Всемилостивѣйшая Государыня, взирая на природную Вашего Величества благость, и совокупно разсуждая о важности и чувствительной сладости сея, въ пяти частяхъ состоящія, книги, къ подножію престола Вашего въ первой токмо еще части низполагаемыя, дерзаю, *впрочемъ съ раболѣпнымъ страхомъ*, быть нѣсколько въ благодушномъ надѣяніи, что препоручаемая сія Вашему Імператорскому Величеству, послужитъ непреминуемо къ нѣкоторому, въ свободныя времена, удовольствію, и что си^м^ самы^м^ возмогу *либо* получить всемилостивѣйшее за смѣлость отпущеніе. На книгу прещедрое Монаршеское токмо воззрѣніе, имѣетъ быть достовѣрнѣйшимъ

знако́мъ *высочайшаго ей удостоенія.* [Какъ скоро пресвѣтлыя очи Вашего Величества обратятся на приносимую сію, о чемъ и прошу всепод^д^аннѣйше, повергаясь къ стопамъ Імператорскимъ; тако тотчасъ разойдутся во всѣ концы пространнѣйшаго *Вашего обладанія прекраснѣйшіе Музы сея ^ж^ книги.* Воспоютъ онѣ на пребогатомъ славенороссійскомъ языкѣ пѣснь нову; но пѣснь сію великолѣпную и сладчайшую.] Ихъ доброгласное пѣніе увеселитъ старость, удивитъ, возбуждая къ непоползновенной должности, людей средовѣчныхъ, и просвѣтитъ, наставитъ, купно и усладитъ удопонятную юность: отъ всякаго притомъ чина и состоянія, отъ всякаго пола и возраста, будетъ оно съ радостію услышано и произведетъ всюду во^ж^делѣн^н^ый плодъ, насаждая въ сердца нѣжную и красную добродѣтель, а искореняя злосердую и грубую мысль. [Все жъ толь непренебрегаемое сіе пріобрѣтеніе воспишется отъ всеобщаго благодаренія, премудрому Вашего Імператорскаго Величества и благоуспѣшному о людяхъ своихъ, за умножаемое просвѣщеніе, раченію и промыслу. Не распространяю болѣе: трепещу, продолжительнѣйшимъ отнятіемъ времени, прегрѣшить предъ общимъ добромъ всему Государству Вашему, какъ непрерывно споспѣшествуемымъ чрезъ толь дѣйствительное Вашего Величества радѣніе.] Всемогущій да даруетъ все по сердцу Вашего Величества! И, при многолѣтномъ, и всегда не вредномъ Вашемъ здравіи, на которомъ наше всѣхъ прямое утверждено благополучіе; да призритъ милостиво свыше на всѣ Вашего Величества начинанія, дѣла́ и успѣхи! Сей непрестанный гласъ взываній возсылая къ богатодавцу Богу, пребываю съ достодолжною ревностію и пребуду съ чистосердечною вѣрностію до конца моея жизни благоговѣйно Августѣйшая Імператріца Государыня всемилостивѣйшая Вашего Імператорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ"[1]).

Тредіаковскій обидѣлся и распоряженіемъ академической канцеляріи о разсмотрѣніи его посвященія, и самымъ приговоромъ тѣхъ, которые его разсматривали „....Мнѣ, писалъ онъ въ

1) II, книга № 137.

академическую канцелярію 17 сентября 1750 года, печально что канцелярія Академіи Наукъ такъ со мною двадцати-лѣтнымъ и безпорочнымъ, никого ничѣмъ не раздражающимъ и по нынѣ не раздражавшимъ, а самимъ непрерывно претерпѣвающимъ обиды и мало по малу всей бодрости и надежды лишающимся академическимъ служителемъ немилостиво благоволила поступать, что самую краткую дедикацію мою не изобрѣла за благо принять просто, надѣясь на мою самую малую въ томъ способность, принимавъ у другихъ не краткія только, но великія сочиненія ихъ безъ такова свидѣтельства...." За тѣмъ указываются сочиненія Мюллера, Ломоносова, Крашенинникова, въ которыхъ по мнѣнію Тредіаковскаго много было погрѣшностей. „Моя печаль, продолжаетъ онъ, толь больше еще увеличилась, что помянутымъ профессорамъ и адъюнкту велѣно (или сами они собою такъ сдѣлали) свидѣтельствовать мою дедикацію безъ моей при томъ бытности, что не только ново, но и мнѣ предосудительно.... Хотя впрочемъ я и не тщеславлюсь, чтобъ мои сочиненія были совершенны, однако дерзаю по необходимости утверждать, что свидѣтельствованная дедикація конечно исправна, и еще въ своемъ родѣ нѣжна...." Слѣдуетъ потомъ защита Тредіаковскимъ тѣхъ мѣстъ, которыя были отмѣчены критиками его. Обвиненія въ излишнемъ ласкательствѣ онъ отражаетъ тѣмъ, что у Ломоносова есть этого гораздо болѣе, когда онъ говоритъ, „что египетскіе пирамиды строены чрезъ многіи вѣки человѣками, а Царское село строитъ божество? Не больше ль тутъ и не хуже ль что нибудь находится ложныхъ мыслей и излишняго ласкательства?... Я, кончаетъ Тредіаковскій свое доношеніе, не домогаюсь, чтобъ дедикаціи моей быть напечатанной, видя, что не туда дѣло склонилось. Канцелярія изволитъ такъ дѣлать, какъ ей самой угодно. Она мнѣ могла прямо и безъ сихъ окружностей отказать въ моемъ прошеніи, зная, что философы не только правдѣ, но и силѣ уступаютъ, какъ то сдѣлалъ Фаворинъ предъ Гадріаномъ...."[1])

1) Библіотека для чтенія 1835 года, XII, сентябрь, отд. V, стр. 31; то же самое помѣщено и въ Избранныхъ сочиненіяхъ В. К. Тредіаковскаго, изданіе Перевлѣсскаго (Москва, 1849), стран. 134—141.

Въ началѣ сейчасъ выписаннаго доношенія Тредіаковскій жалуется на обиды, безпрестанно претерпѣваемыя имъ. Можетъ быть онъ при этомъ случаѣ намекалъ на сатиры, которыя противъ него стали появляться отъ его литературныхъ собратій. Такъ Сумароковъ написалъ на него драматическое представленіе, которое назвалъ: Комедія Тресотиніусъ и подписалъ при томъ: „зачата 12 генваря 1750, окончена 13 генваря 1750. С-Петербургъ“ [1]), чѣмъ, конечно, хотѣлъ показать, какъ легко ему стоило осмѣять такого писателя, какъ Тредіаковскій. Послѣдній весьма справедливо отозвался, что въ этомъ произведеніи нѣтъ „ни должнаго узла, ни приличной развязки“. Но объ этомъ, по видимому, всего менѣе заботился авторъ Тресотиніуса: онъ метилъ на скандалъ и дѣйствительно достигъ своей цѣли, потому что современникамъ не трудно было угадать, кто осмѣивался подъ этимъ именемъ. Въ первомъ же явленіи объявлено, что никто, кромѣ самого Тресотиніуса не говоритъ, что онъ ученъ; далѣе, что „онъ знаетъ по арапски, по сирски, по халдейски, да диво не знаетъ ли онъ еще и по китайски, и на всѣхъ этихъ языкахъ стихи пишетъ какъ на русскомъ языкѣ“. При первомъ своемъ появленіи Тресотиніусъ, начинаетъ говорить: „Однакожъ, не поскучитель послушать, а пѣсенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо; да еще и хореическими, сударыня, стопами“. Послѣ пѣсни онъ же говоритъ: „Правда, многимъ покажется, что это бездѣлка; однако, позвольте, моя государыня, сказать, что въ этой бездѣлкѣ много дѣла....“ Далѣе начинается споръ о буквѣ *т*, споръ, написанный явно въ подражаніе Разговора объ ортографіи, и здѣсь Тресотиніусу вложены въ уста такія слова: „Я содержу, что твердо (т. е. *т*) объ одной ногѣ правильнѣе; ибо у грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно объ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ, не имущій съ греческимъ твердомъ ни малого свойства“. Тотъ же Тресотиніусъ, въ напоминаніе, что Тредіаковскій прежде иногда писался

---

1) Приводимыя здѣсь изъ этой комедіи выписки сдѣланы по V-ой части Полнаго собранія всѣхъ сочиненій Сумарокова (изд. 2, М., 1787), стр. 299—324.

„подъ титуломъ секретарь“, говоритъ о себѣ: „я титулярный учитель арапскаго, сирскаго, халдейскаго языковъ“. А одно изъ дѣйствующихъ лицъ съ презрѣніемъ говоритъ по этому поводу: „каковъ его чинъ, таковъ его и поступокъ мнѣ показался!...“ Наконецъ Тресотиніусъ, по примѣру Тредіаковскаго, учитъ подьячаго не писать з, а s.

Слѣдствіемъ этой комедіи было то, что Тепловъ, конечно въ видахъ подзадорить обоихъ литературныхъ противниковъ и тѣмъ потѣшить тѣхъ, кто зналъ ихъ, Тепловъ приказалъ, какъ выражается самъ Тредіаковскій, написать ему критику „на нѣкоторыя сочиненія господина Александра Петрова сына Сумарокова“. Критика эта сочинена имъ въ формѣ письма, будто бы написаннаго нѣкіимъ другомъ Тредіаковскаго, взявшимся защитить его отъ нападковъ Сумарокова. Письмо очевидно написано вскорѣ послѣ появленія комедіи Тресотиніуса, потому что тамъ о ней говорится съ такою чувствительностью, которая могла быть у обиженнаго только въ первое время, когда онъ увидалъ себя осмѣяннымъ въ пьесѣ. Такимъ образомъ Тредіаковскій, прикрывшись именемъ своего пріятеля, говоритъ: „Нападки на общаго нашего друга, и неумѣренность нападающаго преодолѣли мое терпѣніе, ибо извѣстный Господинъ Піитъ, послѣ употребленныхъ въ Эпистолахъ своихъ (о нихъ говорено выше на стр. 133, 134) къ нему обидахъ и язвительствахъ, не токмо не рассудилъ за благо отъ тѣхъ уняться, но еще оныя и отчасу больше и несноснѣйше нынѣ размножилъ.... Нынѣ такой онъ намъ всѣмъ представилъ на театрѣ гостинецъ, который по всему не можетъ не названъ быть достойнымъ остробуйныя его музы.... Комедія сія недостойна имени комедіи, и всеконечно неправильная, да и вся противна регуламъ театра; а состоитъ она въ семнадцати явленіяхъ, и названа Тресотиніусъ.... Она сочинена только для того, чтобъ ей быть не язвительною токмо, но и почитай убійственною чести сатирою, или лучше, новымъ, но точнымъ пасквилемъ, чего впрочемъ на театрѣ во всемъ свѣтѣ не бываетъ: ибо комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ человѣкѣ.... При представленіи ея, въ немалое пришелъ

я удивленіе, слыша нѣкоторые рѣчи въ ней, о которыхъ я такъ рассуждалъ, хотя впрочемъ и не по охотѣ [понеже знаю, что онѣ говорены нѣгдѣ на единѣ] что или Авторъ имѣетъ пытливый духъ, или толь его піитическій жаръ, называемый Энтузіасмомъ, есть силенъ, что онъ можетъ все то знать, въ чемъ ему нѣтъ и нужды...." Другъ разсказываетъ потомъ, что Тредіаковскій хотѣлъ молчать и терпѣть, по словамъ евангельскимъ, до конца: „послѣ сихъ его словъ, оба мы замолчали; онъ не знаю какъ печальнымъ и смущеннымъ видомъ на меня смотрѣлъ; а я рассуждалъ о семъ его намѣреніи, что онъ себя ни самъ оборонять не хотѣлъ, ни требовать себѣ отъ другихъ защиты"[1]). Однако чрезъ нѣсколько строкъ начинается разборъ, иногда самый придирчивый, а по временамъ довольно справедливый всѣхъ произведеній Сумарокова. Между разными придирками попадаются здѣсь и замѣчанія меткія, которыя тѣмъ легче было сдѣлать, что Сумароковъ былъ человѣкъ безспорно даровитый, но вмѣстѣ съ тѣмъ необразованный и ненаучившійся хорошо, въ бытность свою въ шляхетномъ корпусѣ, и русской грамотѣ. Впрочемъ объ этомъ не могло судить нетребовательное русское общество, и Тредіаковскій продолжалъ оставаться въ разрядѣ осмѣянныхъ и побѣжденныхъ: публика всегда и вездѣ мало цѣнитъ знанія, потому что послѣднія для большинства ея составляютъ лишь роскошь; притомъ же гораздо легче и удобнѣе дѣлать своими избранниками и любимцами такихъ писателей, у которыхъ есть дарованіе развлекать и умѣніе подлаживаться къ неприхотливому вкусу читателей.

Сумароковъ написалъ на Тредіаковскаго анти-критику, проникнутую сознаніемъ собственнаго превосходства надъ противникомъ и чрезвычайнымъ самохвальствомъ, которымъ впрочемъ отличались всѣ вообще тогдашнія литературныя знаменитости наши. Между прочимъ Сумароковъ тамъ говоритъ: „Меня онъ (Тредіаковскій) всѣхъ пуще не любитъ за нѣ-

---

1) «Письмо, въ которомъ содержится разсужденіе о стихотвореніи, по нынѣ на свѣтъ изданномъ отъ автора двухъ одъ, двухъ трагедій и двухъ эпистолъ, писанное отъ пріятеля къ пріятелю» напечатано г. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ (Спб., 1865) II, 364—500.

которые въ одной моей эпистолѣ стихи и за комедію, которыя онъ беретъ на свой счетъ. Пускай его беретъ, а я въ томъ, что не къ нему то сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя бъ то и о немъ было; однако я не говорю, что то о немъ писалъ: можетъ быть о немъ, а можетъ быть и не о немъ.... Жестоко озлобясь и браня меня, говоритъ онъ, что Тресотиніусъ мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга? Или онъ думаетъ, что у нихъ такой же русской, незнающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ..."[1]).

Сергѣй Волчковъ, о которомъ уже упоминалось на стр. 94, 95, какъ о секретарѣ академической канцеляріи, въ 1747 году получилъ увольненіе отъ этой должности и уѣхалъ въ свою деревню, гдѣ и продолжалъ заниматься переводами. За эти труды его наградили, 28 августа 1748 года, чиномъ коллежскаго ассессора съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ[2]). Въ мартѣ 1750 года онъ прислалъ въ Академію изъ Москвы свой переводъ первой части Житій славныхъ мужей Плутарха, который былъ отосланъ на разсмотрѣніе Тредіаковскаго, Ломоносова, Крашенинникова и Попова. Эти лица подписали 11 іюля 1750 года донесеніе, какъ видно по нѣкоторымъ особенностямъ его слога, сочиненное Тредіаковскимъ: „....Переводъ г. ассессора Волчкова на нашъ языкъ много погрѣшностей имѣетъ, а именно: 1) въ собственныхъ именахъ, какъ то вмѣсто Діонисія — Денисъ; вм. Евстафія — Евстатъ; вм. Есхиля — Ешиль; вм. Тебанскій, или уже Ѳивейскій у него Ѳиванскій и прочія. Также нѣтъ въ нихъ и равности, какъ то: индѣ Ромулусъ, индѣ Ромулъ и пр. 2) Во многихъ мѣстахъ пропущены совсѣмъ историческія примѣчанія, которыя положены Даціеромъ, а оныя надобны необходимо. 3) Нѣкоторыя изъ нихъ частями токмо переведены, а не всѣ; а особливо гдѣ греческія цитаціи, которыя вездѣ имъ опущены, безъ чего примѣчанія оныя уже не дѣйствительны и

---

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова (2-ое изд., М., 1787), IX, Отвѣтъ на критику, 102, 103.

2) II, книги №№ 106, 121.

толь наипаче, что у г. ассессора кусочки оные и худое связаніе между собою имѣютъ. 4) Г. ассессора весь стиль очень неисправенъ, и во многихъ мѣстахъ противъ свойства россійскаго языка весьма погрѣшено; также и сила французскихъ словъ переведена не право во многихъ мѣстахъ, отчего преизрядная сія книга не можетъ понравиться всему обществу читателей нашихъ. О семъ Академія особливо старается, когда именемъ ея книги печатаются. Хотя жъ сіе и правда, что каждый авторъ свой собственный стиль имѣетъ, однако сіе разумѣется о томъ, что такъ называемое формальное въ стилѣ, а не то, что долженствуетъ быть матеріальное, т. е. всѣмъ писателямъ одного языка общее, а особливо при Академіи находящимся. 5) Переводчикъ французскій лѣта міра означаетъ по римскимъ хронографамъ, а мы считаемъ по греческимъ, и для того должно быть вездѣ редукціи на нашъ счетъ для нашихъ читателей. 6) Г. Ассессора очень странна и ортографія, ибо онъ вездѣ на концѣ рѣчей, въ срединѣ и въ началѣ вм. литеры *в* пишетъ *ф*, когда оное *в* не съ гласною, но съ согласною твердою совокупно находится, какъ-то вмѣсто всѣ у него фсѣ. Нѣтъ же у него разности между *ф* и *ѳ*, также между *е* и *ѣ*. 7) Критическія примѣчанія, которыя только до французскаго перевода касаются, на россійской языкъ переведены напрасно. 8) Толкованія россійскихъ реченій иностранными, какъ напр. родословіе, т. е. *генеалогія* никуда негодны. 9) Г. ассессоръ назвалъ и французскаго переводчика Даціера членомъ королевскія Академіи наукъ, а онъ членъ королевскія Академіи не наукъ, но словесныхъ наукъ, называемыя бель-летръ, да такъ именуемыя французскія Академіи просто. Того ради для толь многихъ и важныхъ погрѣшностей и неисправностей, находящихся въ переводѣ г. ассессора, не разсуждаемъ за благо, чтобы можно было въ такомъ состояніи оный издать на нашемъ языкѣ съ пользою обществу, а съ похвалою академику и переводчику“.

По этимъ основаніямъ, переводъ Волчкова послали-было для исправленія къ Тауберту, но этотъ отвѣчалъ, что „сего переводу не только поправить не можно, но еще гораздо легче будетъ совсѣмъ новый сдѣлать....“

Волчковъ, когда узналъ чрезъ канцелярію о такихъ отзывахъ, долгомъ счелъ возражать противъ нихъ, въ доношеніи 29 октября 1750 года: „....я всю сію книгу безъ лексикона переводилъ и, какъ человѣкъ, ошибаться могъ; а при Академіи много такихъ, у которыхъ штиль хуже моего. Генерально слышалъ, что всѣ вмѣсто крѣпкихъ в языкомъ ф выговариваютъ, и я думалъ не погрѣшить, ежели ф напишу. А когда сіе отъ канцеляріи за порокъ принято, то я впредь это оставлю. Между ф и ѳ я, какъ неученой человѣкъ, никакого различія не признавалъ, но обѣ эти литеры за f почиталъ. Генеалогію родословіемъ для того написалъ, что на одного знающаго сто человѣкъ россіанъ не будутъ разумѣть, что генеалогія есть, и потому думаю, что слово родословіе всюды годно будетъ.... Когда я, кончалъ задѣтый за живое Волчковъ, имѣлъ честь при четырехъ россійскихъ, у прусскаго двора бывшихъ министрахъ служить, то не одинъ изъ ихъ сіятельствъ штиля моего площаднымъ признавать не изволилъ, но я, оставляя сіе, канцелярскому указу съ должнымъ почтеніемъ слѣдовать потщусь...."

Переводъ передали потомъ поправлять Тредіаковскому, который, 19 ноября 1750 года, писалъ къ Теплову: „мнѣ и нынѣ переводъ его недостаточнымъ кажется. Однако я пропуско^{в} проти^{в} орігінала мало нашелъ въ переводѣ; а которыи были, тѣ я приправилъ. Я мню, что Гдну ассессору Волчкову надобно стараться лучше переводить преизрядную сію книгу...."[1]) Въ слѣдующемъ году, какъ будетъ сказано ниже, Тредіаковскій еще велъ переписку о волчковскомъ переводѣ.

Въ томъ же 1750 году академическая канцелярія поручала Тредіаковскому одному просмотрѣть переводъ съ французскаго, сдѣланный капитаномъ псковскаго пѣхотнаго полка Шишкинымъ, подъ заглавіемъ Цицероновы мнѣнія[2]).

Тредіаковскій отвѣчалъ, 12 мая 1750 года, на предписаніе академической канцеляріи кратко: „я оный переводъ (Шиш-

---

1) II, книга № 140.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 777. Въ 1751 г. о Шишкинѣ, о которомъ будетъ еще рѣчь въ жизнеописаніи Ломоносова, говорилось уже какъ объ умершемъ.

кина) пересмотрілъ сносяя съ орігиналомъ, і нашелъ, что переводъ есть такія ісправности, какія надлежітъ ожідать, а именно, что онъ пошлой. О чемъ сімъ канцелярію Академіі Наукъ і репортую“[1]).

29 сентября 1750 года графъ Разумовскій объявилъ въ академической канцеляріи, что императрица Елисавета „изустнымъ своимъ, именнымъ указомъ“ повелѣла профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову „сочинить по трагедіи“[2]).

Тредіаковскій и Ломоносовъ тотчасъ же поспѣшили въ силу высочайшаго повелѣнія найти въ себѣ надлежащее вдохновеніе для сочиненія трагедіи. Тредіаковскій смотрѣлъ на это дѣло весьма серьёзно, и когда 15 ноября того же года академическая канцелярія поручила было ему перевести либретто оперы для представленія при дворѣ 26 ноября, то нашъ писатель того же числа отвѣтилъ: „мнѣ двухъ дѣлъ вдругъ дѣлать невозможно, ибо я сочиняю трагедію по указу ея императорскаго величества и дошелъ уже сочиненіемъ моимъ до третьяго дѣйствія. Я на нее употребляю всѣ мои силы, собирая мысли. А буде ее прервать, то мнѣ паки сдѣлается труда еще больше прежняго, и вся моя работа будетъ ни во что....“ Канцелярія, убѣдившись силою такого довода, поручила переводъ либретто Горлицкому[3]).

Два дня спустя именно 28 ноября, Тредіаковскій, какъ бы въ подтвержденіе справедливости своего отказа, собственноручно писалъ въ академическую канцелярію: „Указомъ Ея Імператорскаго Величества велѣно мнѣ сочинить Трагедію, которую я и сочиняю, и сочинилъ ужé самую бóльшую половину. А Его Графское Сіятельство Господин Презідентъ Академіи Наукъ, слушавъ у меня оную Трагедію, сколько ея сочинено тогда было, приказалъ мнѣ ея отдать въ Академію для скорѣйшаго напечатанія, именно жъ, чтобъ поспѣла она къ будущему новому 1751 году. Того ради я при семъ взношу въ кан-

1) Изъ бумагъ въ отдѣльныхъ картонахъ архива академической канцеляріи.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 145.

3) II, книга № 147.

целярію для напечатанія изъ той моей Трагедіи цѣлый первый Актъ, переписанный на бѣло, и буду впредь отдавать въ Тіпографію чистый же экземпляръ послѣдующаго до конца, по пропорціи тіпографскаго поспѣшенія". При этомъ письмѣ приложенъ: „Прожектъ грыдорованнаго листочка, имѣющаго быть при моей Трагедіи, который, покорно прошу, благоволить отослать къ Высокоблагородному Гдну, Академіи Наукъ Ассессору Грігорью Ніколаевичу Теплову, какъ то онъ мнѣ самъ приказать изволилъ.

„Все дѣйствіе моей Трагедіи представляется въ залѣ или въ большой царской галереѣ, а катастрофъ моего дѣйствія, есть веденіе царевны на жертву богинѣ Діанѣ: того ради, мнится, что надлежитъ изобразить палаты Двора царскаго, между которыми одну большую и отверстую. Въ ней надлежитъ стоять по обѣимъ сторонамъ женскому и мужескому пóлу: женскому, покрыту быть надобно долгими черными фліорами, а мужескому въ долгихъ же черныхъ епанчахъ, и нѣкоторымъ изъ сихъ надлежитъ держать факелы съ огнемъ, всѣжъ они и онѣ плачущіи. Сіи всѣ долженствуютъ быть изображены въ тѣни и нѣсколько óдаль отъ входа въ ту палату.

„Но свѣтлыя лица долженствуютъ быть слѣдующія, а именно, первый Царь, въ такой аттитюдѣ, чтобъ на немъ былъ бѣлый покровъ, такъ что онъ его лѣвою рукою на-голову закидываетъ, а правою держитъ за правую жъ руку дщерь свою. Вторая царевна. Ея аттитюда горесная; на головѣ у нея вѣнокъ изъ цвѣтовъ; рýки связаны фестономъ на такое подобіе, какъ они вѣшаются между двухъ столбовъ. Правую руку передала она отцу своему; а лѣвую, также и лице, подняла къ небу. Третія Ахілессова. Сей долженствуетъ быть грозящій царь, а лицемъ обратившійся къ вшедшей жрицѣ. Онъ уже въ мужескомъ одѣяніи, въ шлемѣ, въ правой рукѣ у него копье, а на лѣвой щитъ. Четвертая, которой надлежитъ быть по срединѣ и гораздо свѣтлой, есть жрица Діанина. Сія въ правой рукѣ держитъ кинжалъ, а лѣвую такъ подняла къ верьху, какъ бываетъ у такихъ людей, которые нѣчто разсказываютъ странное и чрезвычайное".

Хотя академическая канцелярія и велѣла было живописцу Гриммелю сдѣлать рисунокъ по мысли Тредіаковскаго, однако онъ не былъ выгравированъ, такъ-какъ и самая трагедія, называвшаяся Деидамія, не была напечатана при Академіи, а издана уже по смерти автора ея въ Москвѣ, о чемъ будетъ говорено ниже.

Между тѣмъ въ началѣ 1751 года была окончена печатаніемъ Аргеніда, начало изданія которой и неудача переводчика ея съ приложеннымъ къ ней посвященіемъ имѣли мѣсто въ 1750 году. Тредіаковскій присовокупилъ къ переводу „Предувѣдомленіе отъ трудившагося въ переводѣ". Здѣсь онъ, между прочимъ, заведя рѣчь о томъ, что перевелъ латинскіе стихи Аргениды русскими стихами, перешелъ потомъ къ темѣ, къ которой часто обращался, такъ-какъ не на шутку опасался, что бы болѣе счастливые соперники его не заставили забыть, что онъ, Тредіаковскій, былъ изобрѣтателемъ тоническаго стихотворнаго размѣра. Въ предувѣдомленіи къ Аргенидѣ, неожиданно для читателя, помѣщенъ былъ разсказъ о томъ, какъ Ломоносовъ писалъ къ Тредіаковскому письмо изъ Фрейберга, и доводы, что первый началъ писать ямбами послѣ введенія вторымъ хореевъ. Объ этомъ мѣстѣ предувѣдомленія узналъ Ломоносовъ и жаловался Теплову, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо Шумахера къ Ломоносову, отъ 5 февраля 1751 года: „Благородный г. профессоръ. Ваше благородіе въ посланномъ къ г. ассессору Теплову письмѣ объявили, что сочиненное г. профессоромъ Тредіаковскимъ предисловіе къ переведенной имъ же книгѣ Барклаевой Аргенидѣ вамъ не кажется, то его высокографское сіятельство Академіи наукъ г. президентъ, графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій приказалъ оное предисловіе къ вамъ послать съ такимъ приказаніемъ, чтобъ вы въ ономъ тѣ мѣста, кои вамъ не кажутся, запримѣтили и, запримѣтивъ, оное предисловіе въ канцелярію бы подали при репортѣ, изъявивъ причины, для чего въ томъ предисловіи иное вамъ не кажется. Чего ради, по силѣ вышеписаннаго приказа, вышеозначенное предисловіе къ вашему благородію при семъ и посылается".

Ломоносовъ не захотѣлъ письменно объяснять причины своего недовольства предувѣдомленіемъ къ Аргенидѣ, быть можетъ въ видахъ уклониться отъ дальней полемики съ Тредіаковскимъ, а потому, высказавъ на словахъ свои доводы, написалъ слѣдующій собственноручный „репортъ" 18 февраля 1751 года: „По ордеру, присланному изъ Канцеляріи Академіи Наукъ, замѣтилъ я въ предисловіи къ Аргенидѣ переведенной Профессоромъ Васильемъ Тредіаковскимъ тѣ мѣста которыя отмѣнить или и совсѣмъ выкинуть должно для причинъ, о которыхъ Канцелярія уже увѣдомлена. И для того прилагая при семъ данное мнѣ оное предисловіе обратно, о семъ Кацеляріи Академіи Наукъ репортую". [1])

Вслѣдствіе словесныхъ объясненій Ломоносова, академическая Канцелярія постановила выключить то мѣсто въ предувѣдомленіи на стр. LXV и LXVI, гдѣ разсказывалось, что Ломоносовъ писалъ письмо изъ Фрейберга къ Тредіаковскому, между тѣмъ какъ по словамъ перваго оно было написано имъ къ россійскому собранію при Академіи [2]). Впрочемъ такой перемѣной не удовольствовались потомъ, и теперь найдена третья редакція предувѣдомленія, въ которомъ имя Ломоносова уже вовсе исключено [3]).

1 марта 1751 г. Ломоносовъ, произведенъ въ коллежскіе совѣтники съ увеличеніемъ въ то же время его содержанія, а 8 числа того же мѣсяца, Тредіаковскій подалъ президенту Академіи прошеніе, въ которомъ послѣ перечисленія всѣхъ своихъ

---

1) II, книга 137.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 149.

3) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, I, стр. XLII, XLIII. Аргенида печаталась въ количествѣ 1200 экземпляровъ на простой и 100 на заморской бумагѣ; печатаніе каждаго экземпляра обошлось Академіи въ 1 руб. 91½ коп., а продавался по 2 р. 50 к. (II, книга № 137). Вотъ заглавіе: «Аргеніда повѣсть героіческая сочиненная Іоанномъ Барклаіемъ, а съ латінскаго на славенороссійскій переведенная и мітологіческіми изъясненіями умноженная отъ Василья Тредіаковскаго профессора Элоквенціи и члена Імператорскія Академіи Наукъ томъ первый. Въ Санктпетербургѣ при Імператорской Академіи Наукъ. 1751.» Въ 8°; первый томъ: CVIII нум., 16 ненум., 566 нумер., 8 ненум. страницъ; предъ второю частью 2 нен. стр. Второй томъ: 8 нен., 271 нумер. стран.; 10 ненум. предъ четвертою частію, 10 ненум. предъ 5 частію и 10 ненум. страницъ въ концѣ.

трудовъ, писалъ: „слезно прошу вашу ясневельможность, припадая къ ногамъ вашимъ, умилоститься надо мною, въ крайнюю бѣдность пришедшемъ отъ долговъ, воспріять въ разсужденіе долговременную мою и безпорочную службу, подъятые и подъемлемые труды, лѣта, состояніе, долги необходимо нажитые, а о всемъ томъ, милостиво разсудивъ, повелѣть прибавить мнѣ годовое жалованье. Когда уже притомъ рангомъ награжденъ я быть безъ собственнаго ея императорскаго величества указа не могу, о семъ токмо вашу ясневельможность въ прекрайней горести моего сердца прошу покорнѣйше, дабы я хотя нѣсколько еще ободрился служить могъ безъ дальнія печали и сокрушенія, и пребѣдную мою фамильишку питать, не растворяя хлѣбъ плачемъ“ [1]).

Прошеніе это не было уважено, и чрезъ нѣсколько дней Тредіаковскій захворалъ, о чемъ и увѣдомлялъ Шумахера письмамъ 19 числа того мѣсяца: „Высокоблагородный господинъ совѣтникъ, милостивый государь мой Иванъ Даниловичъ. Донесть вамъ смѣлость беру, что я дней съ одинадцать въ великой болѣзни нахожусь, и какъ на лекарства, такъ и прочія необходимыя надобности въ деньгахъ крайнюю имѣю нужду, чего ради прошу вашего высокоблагородія пожаловать приказать выдать мнѣ за два мѣсяца жалованья сто десять рублей, буде жъ сего сами учинить не изволите, доложить его графскому сіятельству и чрезъ то сдѣлать, чтобъ я деньги получа, отъ крайней въ нихъ нуждѣ избавился. Повѣрьте мнѣ, государь мой, въ какой я слабости нахожусь, что чрезъ всѣ двадцать лѣтъ въ первые пишу къ вамъ не по французски и не своею рукою, но почтеніе, которое имѣлъ, непремѣнно во мнѣ есть и пребудетъ, милостивый государь, мой вашъ покорный слуга В. Тредіаковскій [2]).

Въ 1751 году, Тредіаковскій продолжалъ заниматься просмотромъ перевода Волчкова, о которомъ уже было упоминаемо на стр. 154—156. Въ маѣ этого года академическая канцелярія

1) Труды россійской Академіи (Спб., 1840), III, 228—232.

2) I, Входящія письма 1750—1751 годовъ.

требовала отъ него обратно первыхъ двухъ томовъ какъ перевода, такъ и подлинника Исторіи Плутарха. „Первый томъ мною, писалъ, 29 мая 1751 года, самъ Тредіаковскій, былъ смотрѣнъ, и давно ужé при репортѣ взнесенъ въ Канцелярію и съ орігіналомъ; но второй томъ при сем^{м} нынѣ взношу. Оба сіи томы я смотрѣлъ по силѣ партікулярныхъ писе^{м} отъ бывшаго Ассессора Теплова. Въ оныхъ мнѣ не писано, чтобъ и переводъ исправлялъ; да и самъ бы я за то не взялся, 1) для того, что Ассессоръ Волчковъ, вмѣсто чтобъ благодарить, поноситъ за то, и злобствуетъ на исправителя, какъ то онъ и со мною поступилъ, когда я ему показалъ въ Саваріево^{м} Лексіконѣ, вмѣсто его черносливныхъ бобковъ, зéрна такъ называемаго деревцà Какао, и премногіе другіе погрѣшности, да и по нынѣ меня вездѣ онъ злословитъ. 2) Для того, что весьма лехче вновь переводить, нежели гнусной переводъ испра^{в}лять, а у меня и своего дѣла довольно. И такъ, что я о перво^{м} томѣ донесъ Ка^{н}целяріи, тожъ самое повторяю и о переводѣ сего втораго. Переводъ совсѣ^{м} негодной, а переводчикъ не знаетъ ни самыхъ малыхъ грам^{м}атіческихъ правилъ. Си^{м} переводчикомъ толь важная, полезная, и слаткая книга приводится въ бесславіе, а не препоручается читателямъ. Словомъ, переводъ сея книги требуетъ искуснаго человѣка“ [1]).

29 октября 1751 года, по именному повелѣнію императрицы Елисаветы, чтобы надписи къ ракѣ для мощей св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго были сочинены, „разными искуснѣйшими профессорами“, академическая канцелярія поручила исполнить это Ломоносову, Штелину, Тредіаковскому и Фишеру [2]). 4 ноября 1751 года Тредіаковскій, исполнилъ это порученіе, представивъ надписи, „какъ подписною прозою, такъ и стіхами, съ таким^{м} намѣреніе^{м}, что кои изъ оныхъ мои^{х} надписей лучше будутъ угодны [3]). Но эти надписи оставлены были безъ употребленія, такъ-какъ императрицею выбраны сочиненныя другимъ лицомъ. Для полноты свѣдѣній о дѣя-

---

1) II, книга № 140.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 159.

3) II, книга № 158.

тельности Тредіаковскаго, надписи его сочиненія помѣщены въ V-мъ приложеніи къ настоящему жизнеописанію.

Въ январѣ 1752 года, Тредіаковскій просилъ академическую канцелярію вступиться за него въ дѣлѣ о дачѣ имъ заимообразно 200 руб. купцу Рукавичникову за поручительствомъ капитана князя Ѳедора Сергѣевича Голицына. Канцелярія просила по этому главную магистратскую контору взыскать въ пользу Тредіаковскаго съ поручителя недоплаченные Рукавичниковымъ 130 рублей съ процентами, но продолженія этой переписки въ современныхъ дѣлахъ не нашлось [1]).

Вообще положеніе Тредіаковскаго было таково, что онъ постоянно нуждался въ деньгахъ. 8 мая 1752 года, въ собственноручномъ прошеніи, онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему впередъ за полгода жалованья для уплаты долга главному коммиссаріату. Академическая Канцелярія исполнила это ходатайство [2]).

Въ 1752 году Тредіаковскій, быть можетъ въ подражаніе Ломоносову, задумалъ издать собраніе своихъ произведеній и потому обратился въ академическую канцелярію съ собственноручнымъ доношеніемъ, въ которомъ по пунктамъ объяснялъ:

1) „Собравъ нѣсколько изъ моихъ старинныхъ сочиненій, и переводовъ какъ въ стіхахъ такъ и въ прозѣ, изъ коихъ большáя часть была ужѐ произведена въ печать, и выправивъ ихъ всѣ послѣдним трудомъ, также и вновь нѣсколько сочинивъ и переведъ, составилъ я два небольшіе тóмы съ таким намѣреніем, чтоб ихъ произвесть совокупно въ свѣтъ тисненіемъ въ новом, вычищенном и исправленном видѣ на моем коштѣ. 2) Стараясь о сысканіи на печатаніе всего того потребныя суммы, услышалъ я съ крайнею радостію, что Ея Імператорское Величество, всемилостивѣйшая наша Государыня и Самодержица, увѣдомилась о том моемъ старательствѣ. Слухъ сей былъ толь праведенъ что Ея Величество, по обыкновенной своей щедротѣ, изволила мнѣ, всеподданнѣйшему своему рабу, на другой день по услышаніи моемъ о томъ Ея Величества увѣдомле-

1) II, книга № 161.

2) II, 15-й картонъ разныхъ дѣлъ.

ніи, и пожаловать сумму точно на печатаніе оныхъ моих двухъ томовъ, коихъ матерію высочайшею своею аппробаціею чрезъ тожъ удостоила. А когда у меня спрошено было, какъ скоро тѣ двѣ книшки могутъ вытти изъ печати; то я отвѣтствовалъ, что то все можетъ поспѣть къ первым числам будущаго сентября мѣсяца сего 1752 года. 3) Того ради взнося мой первый томъ изъ оных книжекъ на́-чисто переписанныхъ, покорнѣйше прошу Канцелярію Академіи Наукъ, первый принять теперь, а вскорѣ и вторый, и опредѣлить, производить их печатью въ осмую долю листа такъ, чтоб быть только 604 экземплярам, изъ которыхъ 4 бъ печатать на Александрійской бумагѣ, двѣсти на любской, 400 на коммментарной; а какими что літерами и каким форматом, о том я дамъ знать гд҃ну корректору Барсову; но все то благоволить приказать дѣлать съ таким поспѣшеніемъ, чтобъ оно могло къ назначенному отъ меня терміну поспѣть и съ переплетом какъ то и можетъ по моему мнѣнію: а во сколько печатаніе и съ матеріалами станетъ; за то у меня деньги готовы пожалованные мнѣ на сіе Ея Імператорскаго Величества, а именно за наборъ по́ два рубли съ листа, а отъ печатанія за каждый порознь листъ по деньгѣ".

Академическая канцелярія вслѣдствіе этого доношенія, 9 іюня 1752 года, постановила: „понеже при Академіи наукъ есть такое обыкновеніе, чтобъ книгъ въ академической типографіи въ печать не производить безъ свидѣтельства, развѣ которую именнымъ ея императорскаго величества повелѣніемъ или президентскимъ приказомъ печатать велѣно будетъ, того ради опредѣлено профессору г. Тредіаковскому.... объявить сію резолюцію, чтобъ: либо надлежитъ отъ ея императорскаго величества о напечатаніи двухъ его томовъ настоящее повелѣніе исходатайствовать, либо отослать въ собраніе для разсмотрѣнія...." 10 іюня собраніе сочиненій послано въ историческое собраніе, гдѣ Тредіаковскій „противъ г. совѣтника и профессора Ломоносова и г. профессора Крашенинникова и г. профессора Попова протестовалъ, чтобъ имъ его сочиненія не свидѣтельствовать...." Профессора Фишеръ, Браунъ и Штрубе де Пирмонъ отказались, какъ незнающіе русскаго языка,

почему въ историческомъ собраніи остались для освидѣтельствованія только Мюллеръ и Таубертъ, которые 18 іюня объявили: 1) „Оставляютъ они автору все, что касается до предлагаемыхъ отъ него правилъ и стихотворенія, до слога и до перевода, ибо должно думать, что онъ для собственной своей чести употреблялъ въ томъ крайнѣйшее свое прилежаніе и искусство. 2) Не нашли они во всей книгѣ ничего противнаго честнымъ нравомъ. 3) А что показалось имъ въ предисловіи нѣсколько жестоковатымъ или что бы за уязвленіе отъ кого нибудь принято быть могло, оное все авторъ при нихъ переправилъ. И такъ ничего не осталось, чтобы печатаніе сея его книги остановить могло...“ Канцелярія не удовольствовалась этимъ и спрашивала еще синодъ о божественныхъ одахъ и переводахъ Тредіаковскаго изъ псалмовъ Давида и пророческихъ пѣсней. Въ синодѣ эти произведенія свидѣтельствовали префектъ кіевской духовной Академіи Варлаамъ Лящевскій и учитель Гедеонъ Слонимскій, и, по ихъ отзывамъ, въ тѣхъ сочиненіяхъ „ничего противнаго православной вѣрѣ не явилось.“

Это изданіе сочиненій Тредіаковскаго было отпечатано въ томъ же 1752 году; оно обошлось ему въ 376 рублей 26 коп., и въ февралѣ слѣдующаго года онъ уже просилъ вычитать эти деньги изъ слѣдовавшаго ему жалованья, „понеже данные мнѣ, писалъ онъ, деньги триста рублей отъ Ея Императорскаго Величества, мною издержаны, а изъ продажи книжекъ ничего еще не выбрано, такъ что я теперь отнюдь не имѣю денегъ“ [1])

Что касается до содержанія изданія [2]), то въ началѣ его Тредіаковскій помѣстилъ обширное предисловіе, гдѣ, по своему обыкновенію, говорилъ и о трудности быть хорошимъ переводчикомъ, и о томъ, какому стиху должно отдать преимущество

1) II, книга № 166, также Библіографическія записки 1858 г., № 16, 448.

2) Вотъ его заглавіе: «Сочиненія и переводы какъ стіхами, такъ и прозою Васілья Тредіаковскаго. Томъ первый. Въ Санктпетербургѣ. При Імператорской Академіи Наукъ 1752 года». Въ 8°, XXVI, 226 нум. и 8 ненум. страницъ. Второй томъ съ тѣмъ же заглавіемъ, 330 нумер. и 3 ненумер. страницы.

хореическому или ямбическому. Видѣли выше, что осторожные Мюллеръ и Таубертъ признали нужнымъ кое-что исключить изъ предисловія. Можно предполагать, что исключенія пришлось сдѣлать именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь шла о хореяхъ и ямбахъ. Прежде напечатанныя произведенія свои Тредіаковскій нашелъ нужнымъ помѣстить здѣсь съ исправленіями и дополненіями. Такъ, напр., всѣ его силлабическія стихотворенія являются здѣсь уже писанными тоническимъ размѣромъ. Въ самомъ Способѣ къ сложенію стиховъ введено нѣсколько измѣненій: счетъ слоговъ уже не играетъ такой значительной роли, какъ въ первомъ; къ стопамъ двусложнымъ прибавлены еще трехсложныя дактиль и анапестъ[1]). Въ концѣ первой части помѣщена „басенка" Самохвалъ, которую, разумѣется, Ломоносовъ долженъ былъ принять на свой счетъ[2]). Вотъ она:

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А нé было его тамъ почитай лѣтъ съ пять;
То зá все предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему
Подобнаго во всемъ, ни рóвни по всему:
А больше что плясалъ онъ въ Родосѣ исправно,
И предпочтенъ за то отъ Общества преславно,
Въ чемъ шлется на самихъ Родóсцевъ нынѣ всѣхъ,
Что пóчесть получилъ великую отъ тѣхъ.
Изъ слышавшихъ одинъ ту похвальбу всегдашню,
Сказалъ ему: что намъ удачу знать тогдашню!
Ты къ Рóдянамъ о томъ пожалуй не пиши!
Здѣсь Рóдосъ для тебя, здѣсь нутка попляши!

Въ декабрѣ 1752 года, Мюллеръ и Таубертъ разсматривали новое произведеніе Тредіаковскаго „Слово о мудрости, благоразуміи и добродѣтели". Первый изъ нихъ не находилъ въ этомъ словѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Таубертъ же, соглашаясь съ Мюллеромъ, прибавилъ, что онъ „однако г. про-

---

1) Избранныя сочиненія Тредіаковскаго, изд. Перевлѣсскаго (М., 1849), стр. XLIX.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ г. Куника, I, стр. XLIX. Г. Соловьевъ ошибается, полагая, что Самохвалъ Тредіаковскаго написанъ на Волынскаго: въ стихотвореніи нѣтъ ничего такого, чтобъ можно было примѣнить къ послѣднему. Исторія Россіи, г. С. Соловьева, XX, стр. 257.

фессора (Мюллера) и своего мнѣнія не за довольныя признаваетъ къ произведенію въ печать онаго сочиненія отчасти для самаго содержанія и употребленныхъ г. авторомъ многихъ новыхъ философскихъ терминовъ, о силѣ которыхъ ни онъ, ни г. профессоръ Мюллеръ разсуждать не въ состояніи; а отчасти для приложеннаго на концѣ панегирика ея императорскому величеству, который отъ вышняго мѣста аппробаванъ быть долженъ, и для того онъ совѣтуетъ, чтобъ сіе авторово слово и прочимъ русскимъ г.г. членамъ для объявленія ихъ мнѣнія сообщено было".

Этотъ отзывъ былъ поводомъ къ слѣдующему объявленію отъ Тредіаковскаго академической канцеляріи, 11 декабря 1752 года: „Слово сочиненное мною о Мудрости, Благоразуміи и Добродѣтели, которое свидѣтельствовано г. профессоромъ Мюллеромъ, и ничего въ немъ имъ не найдено, чтобъ могло воспрепятствовать печатанію его; также господиномъ ассессоромъ Таубертомъ, который хотя равнымъ же образомъ не находитъ ничего, чтобъ могло воспрепятствовать изданію его въ свѣтъ, однако сомнѣвается о терминахъ, употребленныхъ мною, касающихся до метафизики. Притомъ и о похвалѣ, приписанной мною ея императорскому величеству. Правда, можетъ г. ассессоръ сомнѣваться о терминахъ, какъ человѣкъ чужестранный; но оныи термины подтверждаются всѣ книгами нашими церковными, изъ которыхъ я оныи взялъ. Что жъ до похвалы ея величеству, то и должность вѣрныхъ подданныхъ повелѣваетъ, и усердіе побуждаетъ, и справедливость совѣтуетъ похвалять намъ самодержицу нашу; да и я хвалю ея добродѣтели не токмо усердно, но и по самой истинной правдѣ. И такъ сіе г. ассессора сомнѣніе не можетъ препоною быть къ печатанію слова. Я впрочемъ увѣряю, что нѣтъ въ немъ противности ни закону, ни освященной особѣ, ни государству, ни добрымъ нравамъ, ни партикулярнымъ особамъ, напротивъ того великую изъ него обѣщаю пользу всѣмъ любящимъ ученіе: могутъ въ томъ поручителемъ быть всѣ видѣвшіи оное мое слово. И во первыхъ, преосвященный епископъ Гавріилъ коломенскій, который еще оное и великихъ своихъ похвалъ удо-

стоилъ; видѣлъ его и его высокопревосходительство г. камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ; читалъ оное и оберъ секретарь Яковъ Герасимовичъ Леванидовъ и очень похвалилъ; чтено оное и г. поручику Красильникову и похвалено; чтено и г. учителю математическихъ наукъ, кои въ Москвѣ преподаются на Сухаревой башнѣ, Василью Аѳанасьевичу Ушакову"[1]). Всѣ эти доводы не убѣдили, однако, академическую канцелярію дать разрѣшеніе на печатаніе помянутаго слова.

Къ 1752 году относится переводное произведеніе Тредіаковскаго: „Евнухъ комедія въ пять дѣйствій съ латынскія Теренціевы отъ мерзкихъ самыхъ срамословій очищенная стихами"[2]). Въ началѣ приложено разсужденіе о комедіи, извѣстное въ печати и заимствованное по указаніямъ самого Тредіаковскаго изъ Брюмуа, Рапена и Роллена. Только въ рукописи въ концѣ разсужденія находятся слѣдующія извѣстія, заключающія въ себѣ автобіографическія черты, выпущенныя при изданіи въ свѣтъ разсужденія:

„Теперь при окончаніи должно объявить нѣчто о переводѣ моемъ Теренціева Евнуха. Къ труду сему побудила меня трагедія Деидамія, которую я сочинилъ въ прошломъ 1750 годѣ. Что объ ней знающіи и незнающіи, безпристрастныи и завиствующіи рассуждаютъ, о томъ я не весьма пекусь: слышалъ я ей хвалы, иные праведные, по моему мнѣнію, а иные излишніе; но слышалъ хулы, изъ которыхъ большая часть такихъ, кои равномѣрны не совершенству трагедіи, а о прочихъ смѣшно и упоминатъ: толь онѣ сами смѣху достойны! Какъ то ни есть, только сочинена мною трагедія, а оставить ее одну и безъ товарища, мнѣ уже самому не похотѣлось. Обыкновенно трагедія препровождаема бываетъ нѣкоторымъ родомъ служанки, называемая малая комедія, какіе явились и на нашемъ языкѣ прозою, а чтобъ сказать о нихъ по совѣсти, больше сквернящіе нашъ языкъ, нежели обогащающіе. Не токмо сими нашими

1) II, книга № 166.

2) Хранится въ академической библіотекѣ въ фоліантѣ съ заглавіемъ: Комедія и оперы. Въ спискѣ произведеній Тредіаковскаго, напечатанномъ при Деидаміи, изданной въ 1775 году, Евнухъ показанъ напечатаннымъ въ 1776 (?) году.

негодницами и безпутными я гнушаюсь, но и всѣми на другихъ языкахъ прозаіческими малыми комедіями. Онѣ всѣ какъ противны уставу комедіи, такъ и недостойны твердаго разума. Того ради, рассудилъ я дать моей трагедіи въ товарища родную ея сестру, то есть прямую комедію и въ пять[1]) дѣйствій и стіхами. Собственную сочинить, не нашелъ я въ себѣ столько ни довольства, ни способности: извѣстно, что на сочиненіе комедіи почитай вдвое надобно искусства противъ трагедіи. Перевесть французскую можно бъ мнѣ было, хотя Мольерову, хотя другую какую изъ лучшихъ: но я уже доносилъ, что французская комедія есть только сама списокъ, а не подлинникъ. Изъ подлинныхъ, ежели взять Арістофанову, кои находятся у меня всѣ въ греческомъ театрѣ іезуита Брюмоа, то какъ старую греческую и съ нашимъ вѣкомъ несходствующую, нашелъ я неприличною; но изъ новыхъ Менандровыхъ не имѣемъ ни единыя, кромѣ отрывковъ. Слѣдовательно взялся я за латінскаго Менандра и Менандра всѣхъ народовъ и вѣковъ, именно жъ за Теренція. Въ немъ изъ шести его комедій, для насъ соблюдшихся, выбралъ самую лучшую, по общему мнѣнію искусныхъ людей, то есть Евнуха, котораго я преложилъ нашими стіхами; но каково о томъ да рассуждаютъ, ежели угодно, искусные". Далѣе Тредіаковскій распространяется о своемъ стихотворческомъ переводѣ и о произведенныхъ имъ перемѣнахъ. „Сіи перемѣны, говоритъ онъ, по самой большой части касаются токмо до раздѣленія явленій въ дѣйствіяхъ и до уничтоженія срамословныхъ мѣстъ, которыя могли быть противны чесному остудѣнію...."

Въ августѣ 1753 года Шумахеръ поручалъ было Тредіаковскому перевести на русской языкъ Explication de la carte des nouvelles dácouvertes au Nord de la mer du Sud par M. De l'Isle, на что Тредіаковскій отвѣтилъ собственноручнымъ письмомъ 19 августа 1753 года: „Высокоблагородный Гд҃инъ

---

1) Neue minor, neu sit quinto productior actu.
Fabula, quae posci vult, et spectata reponi.
Horat. Art. poet.

Совѣтникъ. По присланному отъ Вашего Высокоблагородія ордеру чтобъ перевесть мнѣ писаніе делілево, присланное при ономъ, я исполнить не въ состояніи для слѣдующихъ причинъ: 1) Положенный на меня переводъ Ролленовы Історіи еще мною не оконченъ, а уповаю, что будущимъ годомъ, съ Божіею помощію окончится, отъ котораго уже я конечно здравія моего лишился, тѣмъ что всячески и почитай ежечасно къ нему прилѣжу, вѣдая, сколько сія Історія всѣмъ у насъ люба, и сколько чести приноситъ Академіи. 2) Отъ сего затѣмъ перевода я тогда развѣ могу отстать недокончивъ, когда мнѣ повелѣно будетъ указомъ. И такъ пресѣчь онаго не могу, а двухъ дѣлъ не могу жъ дѣлать. 3) Сей переводъ и описаніе все надлежитъ до Академиковъ, а не до Профессоровъ. 4) Да и я, по высочайшей милости Ея Імператорскаго Величества, не переводчикъ; впрочемъ охотно бъ и съ радостію здѣлалъ сей переводъ, ежели бъ силы мои мнѣ позволяли. Я, по долговременной моей службѣ, и еще вѣрной, прилѣжной, и безпорочной, хотя бъ и могъ надѣяться выгодъ нѣкоторыхъ прибавкою жалованья, какъ то съ нѣкоторыми милость показана, но понеже того не удостояюсь, по бесчастію; то уповаю ужé по крайней мѣрѣ себѣ облехченія, а не отягощенія. Впрочемъ пребываю съ должнымъ почтеніемъ вашего высокоблагородія покорный слуга В. Тредіаковскій". За такимъ отказомъ переводъ поручено было сдѣлать адъюнкту Модераху [1]).

15 сентября того же 1753 года Тредіаковскій представилъ девятый томъ своего перевода Древней исторіи Роллена. Пятый, шестый, седьмой и восьмой велѣно было хранить въ академической библіотекѣ, съ тѣмъ, чтобы первые два начать печатать по окончаніи въ типографіи четвертаго [2]).

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1753 года у Ломоносова съ его товарищами по Академіи происходили разныя пререканія по поводу нѣкоторыхъ замѣчаній, высказанныхъ послѣдними на сочиненіе перваго Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ электрической силы происходящихъ. Однажды, Ломоносовъ, въ припадкѣ раздра-

1) II, книга № 180.

2) II, книга № 181.

женія, сначала подписался на протоколѣ выше всѣхъ академиковъ, объяснивъ притомъ и доказательства своего старшинства предъ прочими своими товарищами, а на другой день отобралъ этотъ протоколъ и разодралъ его. Тредіаковскій, присутствовавшій въ томъ засѣданіи, долгомъ счелъ, 4 ноября, подать такое доношеніе (подлиннаго не сохранилось) въ академическую канцелярію: „1. Вчерашняго числа, въ чрезвычайной профессорской конференціи, г. совѣтникъ Ломоносовъ, въ самомъ началѣ засѣданія, говорилъ г. ассессору Тауберту весьма велерѣчиво о своемъ предсѣданіи предъ нимъ и, слѣдовательно, предъ всѣми старшими его въ академической службѣ, именно жъ: что понеже всемилостивѣйшая государыня пожаловала его совѣтникомъ за отличную его науку, то-де я потому первенствующій предъ всѣми профессоръ. 2. По окончаніи собранія, когда надлежало ему подписать протоколъ, въ коемъ имя его написано было тѣмъ порядкомъ, послѣ котораго должно ему было слѣдовать по засѣданію и старшинству, въ силу 30-го пункта академическаго регламента, онъ, г. совѣтникъ, имя свое самъ почернилъ и написалъ оное выше всѣхъ, да и подписался также всѣхъ выше. Симъ помяненный г. совѣтникъ ясно отнялъ у меня старшинство, не упоминая о прочихъ, собою и безъ всякаго на то указу, утверждаясь токмо, какъ то онъ на томъ протоколѣ надписалъ латинскимъ языкомъ, что онъ отличную имѣетъ науку, толкуя сіе слово отличный не право, а именно такъ, что будто его наука предъ нами всѣми лучшая; вмѣсто того, что долженъ онъ разумѣть такъ, что его наука предъ нашею видняе, какъ то и праведно, для того что ему только одному приказано было отъ вышнихъ сочинять оды, панегирики и прочее, хотя все сіе и не его дѣло, чѣмъ наука его сдѣлалась видною; но ежелибъ всемилостивѣйшая государыня восхотѣла его науку признать лучшею предъ нашею, то бъ несомнѣнно изволила то объявить словомъ отмѣнныя науки, а не отличныя. И потому г. совѣтникъ какъ толкуетъ слово оное въ надменную свою пользу, а мнѣ и прочимъ въ незаслуженное предосужденіе, не право, такъ и поступаетъ причтеніемъ первенства своевольно, ибо какъ можетъ

наука его быть отмѣнною предъ нашею, для того что премножество въ его наукѣ погрѣшностей, лжи и самаго грубаго незнанія, что́, ежели потребуется, толь легко есть доказать, коль сіе самое выговорить. 3. Того ради покорнѣйше прошу канцелярію Академіи наукъ благоволить предостеречь и защитить честь мою, по силѣ академическаго регламента, и совокупно вѣрную и безпорочную службу, ибо не токмо я старѣе въ службѣ академической г. совѣтника Ломоносова, но и первый изъ россійскихъ подданныхъ ея императорскому величеству, пожалованъ всемилостивѣйше профессоромъ. Что жъ г. совѣтникъ Ломоносовъ собою и безъ указа даетъ себѣ первенство въ профессорствѣ; то можетъ онъ тожъ сдѣлать и въ публичномъ академическомъ собраніи, отчего опасно приходить въ такое собраніе, дабы не придти въ стыдъ предъ множествомъ особъ и быть фабулою всему свѣту"[1]).

Въ описываемую же эпоху, графъ Разумовскій приказалъ напечатать рѣчи, которыя произнесены были студентами на публичномъ диспутѣ, бывшемъ 7 сентября того же года. Вслѣдствіе того эти произведенія были отосланы на разсмотрѣніе историческаго собранія, которое возложило это на Тредіаковскаго. Послѣдній, въ отзывѣ 22 декабря 1753 года, писалъ что тѣ рѣчи: „я прочелъ съ великимъ удовольствіемъ и надѣюсь, что съ неменьшимъ приметъ ихъ и все общество читателей...." Далѣе онъ находилъ только погрѣшности въ ямбическихъ гекзаметрахъ студента Поповскаго: „хотя съ другой стороны и вѣдаю, прибавлялъ Тредіаковскій, что сей погрѣшности не студентъ Поповскій есть причиною, но учившій его сложенію стиховъ г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ, у котораго такой порокъ въ гекзаметрахъ очень часто находится; да и вплелся онъ быть тому учителемъ какъ въ противность академическому регламенту, такъ и мнѣ въ незаслуженное предосужденіе, и толь наипаче, что онъ уже тѣмъ славится дерзновенно, какъ то и учинилъ дѣйствительно въ чрезвычайной профессор-

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865), 234, 235.

ской конференціи, бывшей ноября 3 дня 1753 года, когда при многомъ своемъ постороннемъ велерѣчіи и мнимомъ первенствѣ профессорства своего и предъ всѣми предсѣдательства кричалъ, что онъ одинъ здѣсь отправляетъ давно должность профессора краснорѣчія и стихотворства"[1]).

9 декабря 1753 года Тредіаковскій обращался съ просьбою въ синодальную контору объ освидѣтельствованіи стихотворнаго переложенія его псалмовъ Давида, „дабы мнѣ, прибавлялъ нашъ писатель, можно было издать оную безъ всякаго сомнѣнія въ свѣтъ, въ вящшую Божію Славу, а въ душевную пользу Боголюбцамъ"[2]). Въ слѣдующемъ 1754 году Тредіаковскій уже просилъ о разсмотрѣніи другой подобной же книги, которую онъ назвалъ Θеоптіею. Вслѣдствіе таковыхъ ходатайствъ выдано было нашему писателю, 24 февраля 1755 года, свидѣтельство изъ синода, въ которомъ значилось: „И оныя книги разсматриваны синодальными члены, первая, то есть Давидовы Псалмы стихами, преосвященнымъ Сильвестромъ архіепископомъ санктпетербургскимъ и шлюссельбургскимъ и архимандритомъ троицкаго александроневскаго монастыря; вторая, называемая Θеоптіею, преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ коломенскимъ и каширскимъ. И, по прочтеніи тѣхъ книгъ, какъ святѣйшему правительствующему синоду отъ ихъ преосвященствъ представлено, что-де во оныхъ никакой противности Церкви святой не присмотрѣно...."

По полученіи такого удостовѣренія, Тредіаковскій въ собственноручномъ доношеніи къ графу Разумовскому, 17 марта 1755 года, писалъ: „съ прошлаго 1750 года трудясь, составилъ я, въ праздныя отъ Академическихъ трудовъ времена, всю Дaвідову Псалтірь стіхами; да притоᵐ сочинилъ доказательство о Божіемъ бытіи стихамижъ...." Далѣе, послѣ объясненій о полученіи отъ синода письменнаго удостовѣренія, онъ продолжалъ: „И понеже я желаю выдать оные мои книги въ свѣтъ печатію,

---

1) II, книга № 181. Копія съ отзыва въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собранныхъ Билярскимъ (Спб., 1865), 247.

2) Библіографическія записки 1858 года, № 16, 483, 484.

по полузаводу обѣихъ на мое^м^ коштѣ. Того ради покорнѣйше прошу Ваше Графское Сіятельство, повелѣть, помянутые мои книги писанные моею рукою, а скрѣпленные по листа^м^ Сінодскимъ Секретаремъ Андреемъ Сорокинымъ принять въ тіпографію и въ печать произвесть на мой коштъ, сколько на какой бумагѣ, тако^ж^ въ какую форму листа́, въ какой форматъ страни^ц^ и какихъ на тисненіе літеръ пожелаю".

На это прошеніе академичесская канцелярія отвѣтила постановленіемъ: печатать сочиненія Тредіаковскаго на его счетъ тогда, когда начатыя въ типографіи книги будугъ окончены печатаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ предложенъ былъ автору вопросъ: „псалтирь и другую книгу вашего сочиненія намѣреніе имѣетели здѣсь печатать или въ Москвѣ, и буде имѣете здѣсь, то какими литерами?"

„Требовано отъ меня запискою, отвѣчалъ своеручно Тредіаковскій 10 августа 1755 года, намѣренъ ли я Псалтирь и Ѳеоптію, книги моего сочиненія, здѣсь при Академіи печатать, или въ Москвѣ. На сіе отвѣтствую: еслибъ я не́-былъ намѣренъ здѣсь при Академіи ихъ печатать, то бъ и не трудилъ прошеніе^м^ моимъ Его Графское Сіятельство. Но понеже въ Академической Канцеляріи опредѣлено, печатать ихъ тогда, когда зачатые книги въ типографіи печатію окончатся, чего ни мнѣ, ни внукамъ моимъ не дождаться: того ради, паки просилъ я Его Графское Сіятельство, чтобъ повелѣть ихъ мнѣ назадъ отдать обратно. И какъ сегодня запискою требуется отъ меня, что намѣренъ ли я ихъ здѣсь печатать или въ Москвѣ; то бъ желательнѣе мнѣ было здѣсь ихъ при себѣ напечатать, нежели гдѣ индѣ безъ себя. И для того желалъ бы я печатать ихъ въ полдесть каждую страницу прокладывая кружевцами, а на страницѣ по три^т^цати четыре стіха въ Ѳеоптіи, а во Псалтири сколько стіховъ строфныхъ будетъ входить, только жъ въ одинъ съ Ѳеоптіею форматъ. Что жъ до літеръ, тобъ желалъ, чтобъ оба предисловія Парагономъ, а текстъ круглыми по имени літерами. Бумагу желалъ на 600 екземпляровъ такъ расположить, чтобъ 5 быть на Александрійской, 195 на любской; а 400 на ордінарной. И ежели Канцелярія Академіи Наукъ намѣрена

мои книги начать печатать нынѣ, не ожидая окончанія зачатыхъ книгъ въ тіпографіи, то я оныхъ назадъ паки не требую, и симъ доносяя объявляю, какъ въ какой форматъ, какими літерами, и на какой бумагѣ желается мнѣ ихъ напечатать.“ 1)

Послѣ этого донесенія, 22 августа 1755 года, состоялось такое постановленіе въ академической канцеляріи: „г. президентъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій приказать изволилъ поданныя при доношеніи отъ г. профессора Тредіаковскаго сочиненія его двѣ книги Псалтирь и Ѳеоптію (которыя онъ, г. Тредіаковскій, просилъ напечатать на его коштѣ при Академіи) за множествомъ начатыхъ печатаніемъ въ типографіи книгъ и что онъ самъ имѣетъ намѣреніе нынѣ оныя книги печатать въ Москвѣ, отдать ему, г. Тредіаковскому, обратно“.

Тредіаковскій тотчасъ же по полученіи этого опредѣленія писалъ собственноручно доношеніе въ академическую канцелярію: „Что множество начатыхъ печатаніемъ въ типографіи книгъ, и что по первой канцелярской резолюціи опредѣлено было печатать мои по окончаніи начатыхъ книгъ; то я сему не спорю, да еще и просилъ, чтобъ мои книги были мнѣ отданы назадъ, для того что явно канцелярская резолюція приказываетъ, а тайно, мнится, отказываетъ мнѣ, тѣмъ что не можно ни внукомъ моимъ дождаться конца зачатымъ книгамъ. Но что я будто имѣю намѣреніе нынѣ оные мои книги печатать въ Москвѣ; то не знаю, съ чего сіе внесено въ нынѣшнюю резолюцію: ибо я шлюсь на всѣ мои доношенія поданныя о семъ, и на письмо мое посланное въ Канцелярію Академіи Наукъ, на записку присланную мнѣ изъ Канцеляріи отъ 10 дня сего августа, что тамъ явствуетъ все противное сему внесенному въ нынѣшнюю резолюцію.

„Оные мои книги были запечатаны моею печатію, въ чемъ я шлюсь на Господина Штатскаго Совѣтника 2). Но принесенные мнѣ сторожемъ запечатаны не моею печатію, и на бу-

1) II, книга № 198.

2) Шумахера.

машкѣ, такъ что моя печать изломана, да и видно мѣсто, гдѣ была моя печать, и сорвана какъ. Того ради, покорно прошу Канцелярію Академіи Наукъ, слова внесенныя въ резолюцію, что будто я имѣю намѣреніе нынѣ иx печатать въ Москвѣ, отставить и не упоминать ихъ, для того что сіе неправо: и притомъ сыскать кто мои книги распечаталъ, чего ради то здѣлано, и чьею печатью оные запечатаны; а я имѣю по сему подозрѣніе, что не списалъ ли ихъ кто, и буде они списаны сверхъ моего позволенія, то Канцелярія видитъ, что сіе мнѣ весьма предосудительно. Впрочем крайнѣйше благодарствую Академической Канцеляріи, что благоволила прислать мои книги обратно мнѣ: ибо я самъ сего требовалъ, и просилъ прошеніемъ Его Графское Сіятельство, видя, что по первому канцелярскому опредѣленію невозможно дождаться конца зачатымъ въ Академической Тіпографіи книгамъ, и потому череды моимъ къ печати книгамъ.“ 1).

Канцелярія оставила безъ отвѣта эту бумагу, почему Тредіаковскій 29 сентября 1755 года подалъ „покорнѣйшее доношеніе“ президенту Академіи, которое, послѣ подробнаго изложенія мытарствъ, испытанныхъ вслѣдствіе непремѣннаго желанія видѣть въ печати свои книги, кончалось такимъ образомъ: „Того ради, покорнѣйше прошу Ваше Графское Сіятельство, приказать оную Канцелярскую резолюцію вновь здѣлать, (когда ужé я долговременный и беспорочной Академіческій служитель столько несчасливъ, что труды мои ревносные, денноносщные, и нѣсколько не безполезные, а въ чистотѣ языка, грамматическія конструкціи, и въ составѣ стіховъ, исправнѣйшіе безъ тщеславія, многихъ нѣкоторыхъ, и сверьхъ того хотя и отъ важнаго правительства засвидѣтельствованные, что труды мои, доношу, не удостояются печатанія и на моемъ коштѣ) и мнѣ копію съ нея дать безъ прибавки, что будто я имѣю намѣреніе въ Москвѣ ихъ печатать: ибо сія прибавка есть ложная, и внесенá въ резонъ отъ Гдна Штатскаго Совѣтника собою, котóрой ужé не впервые вставливаетъ въ канцелярскіе резолюціи

1) II, книга № 202.

ложныи и самоизвольныи резоны (что я, ежели потребуется, докажу твердо такъ, что Гдну Совѣтнику надобно будетъ необходимо быть безотвѣтну), знатно не смотря на стоящее предъ нимъ зерцало указовъ, гдѣ именно изображенó, чтобъ сверьхъ регламентовъ и указовъ ничего собою не дѣлать: и притомъ, благоволить же приказать изслѣдовать, чего ради моя́ печать снята́, кѣмъ сіе здѣлано, и чьсю печатью запечатаны мои книги, при отсылкѣ ко мнѣ оныхъ [1])."

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ годъ литературной дѣятельности Тредіаковскаго не былъ для него столь бурнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ по разнаго рода неудачамъ, какъ 1755 годъ. Съ самаго начала этого года сталъ издаваться при Академіи наукъ журналъ, подъ заглавіемъ Ежемѣсячныя Сочиненія. Въ мартовской книжкѣ его помѣщена статья Тредіаковскаго „Объ истинѣ сраженія у Горацієвъ съ Куріаціями бывшаго въ первыя Римскія времена въ Италіи (стр. 188—213)," а въ іюнской — его же: О древнемъ, среднемъ и новомъ стіхотвореніи россійскомъ (467—510). Послѣдняя статья извѣстна въ исторіи русской литературѣ по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ тамъ о русскихъ стихахъ и стихотворцахъ до и во время Тредіаковскаго. Въ обѣихъ названныхъ статьяхъ удержано правописаніе автора прилагательныхъ мужескихъ въ именительномъ множественнаго числа на и, и т. п. Притомъ употреблены въ первый разъ въ печати изобрѣтенныя Тредіаковскимъ черточки, соединяющія нѣкоторыя слова съ обозначеніемъ на одномъ изъ нихъ ударенія. „Особливость сія новая состоитъ, по словамъ нашего писателя, въ Гіфенахъ, или въ единитныхъ палочкахъ.... для означенія, которое-слово-должно-гро́мче выговорить, изъ двухъ, или нѣсколькихъ словъ, ударяю я его силою, а прочія, кои-съ-нимъ-надобно-ни́же равнымъ удареніемъ произнесть, связываю между собою, и съ ударяемымъ выше, единитными...." [2]) Содержаніе статей Тре-

1) I, связка № 64, статья 12.

2) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 113, 114. Этимъ черточкамъ Тредіаковскій придавалъ важное значеніе; такъ напр. онъ о нихъ говорилъ: «сей есть секретъ новый и притомъ превесьма

діаковскаго не обратило на себя вниманіе современниковъ, но за то его правописаніе возбудило насмѣшки. Ломоносовъ написалъ эпиграмму, которая приписывалась Сумарокову, но теперь, по полученіи отъ П. Муханова подлинныхъ бумагъ Ломоносова, несомнѣнно, что это стихотвореніе принадлежитъ ему [1]). Вотъ оно:

Искусные пѣвцы всегда въ напѣвахъ тщатся,
Дабы на буквѣ А всѣхъ долѣ остояться;
На Е, на О притомъ умѣренность имѣть;
Чрезъ У и черезъ И съ поспѣшностью летѣть:
Чтобъ оныхъ нѣжному была пріятность слуху.
А сими не принесть несносной скуки уху.
Великая Москва въ языкѣ толь нѣжна,
Что А произноситъ за О велитъ она.
Въ музыкѣ что распѣвъ, то надъ словами сила;
Природа насъ блюсти законъ сей научила.
Безъ силы *Берегü*, но съ силой *Берегá*
И *снѣги* безъ нея мы говоримъ *снѣгá*.
Довольно кажутъ намъ толь ясные доводы,
Что ищетъ нашъ языкъ вездѣ отъ И свободы.
Или ужъ стало *иль*; *коли* ужъ стало *коль*;
Изволи нынѣ всѣ вездѣ твердятъ *изволь*.
За *спишь спишь*, и *спать* мы говоримъ за *спати*.
На что же, Трисотинъ, къ намъ тянешь И не кстати?
Напрасно злобной сей ты предпріялъ совѣтъ,
Чтобъ льстя тебѣ когда россійской принялъ свѣтъ
Свиньи визги вси и дикіи и злыи,
И истинныи ти, и лживы и кривыи.
Языка нашего небесна красота
Не будетъ никогда попранна отъ скота.
Отъ яду твоего онъ самъ себя избавитъ
И вредъ сей выплюнувъ, повѣрь, тебя заставитъ
Скончать твой скверный визгъ стонаніемъ совы,
Негоднымъ въ русской стихъ и пропастнымъ *увы!*

важный для опредѣленія точности въ разумѣ»... Или: «таинство сіе есть новое, но превесьма и нужное»... Москвитянинъ 1851 г., №№ 19 и 20, Матеріалы для исторіи русской словесности, О Феоптіи Тредіаковскаго, 539, 542, 543.

1) Стихотвореніе написано начерно самимъ Ломоносовымъ на листѣ вмѣстѣ съ другими двумя его эпиграммами и въ концѣ его же приписка: «Прошу извинить, что для краткости времени на бѣло переписать не успѣлъ: корректуры русской и латинской рѣчи и грыдпровальныхъ досокъ не позволяютъ». Здѣсь помѣщается это стихотвореніе вполнѣ, такъ какъ оно напечатано неисправно въ Библіографическихъ запискахъ 1859 года, № 17, стр. 518. Оно есть также въ Воронежской Бесѣдѣ 1861 года, стр. 235, 236.

Тредіаковскій не оставилъ безъ возраженій выходокъ Ломоносова и писалъ въ отвѣтъ:

Не знаю, кто пѣвцовъ въ стихъ вкинулъ сумазбродный,
Но видно, что дуракъ и вертопрахъ негодный.
Онъ красотой зоветъ, что есть языку вредъ,
Или ямщичій вздоръ, или мужицкой бредъ.

Затѣмъ идутъ доводы, что писать слѣдуетъ чело, а не лобъ, око, а не глазъ и т. п. Однимъ словомъ Тредіаковскій здѣсь является ярымъ противникомъ русскаго языка и защитникомъ церковнославянскихъ выраженій, которыя осмѣивалъ въ Ѣздѣ въ островъ любви. Конецъ отвѣта нашъ стихотворецъ нашелъ нужнымъ украсить личными выходками противъ Ломоносова:

Безплоденъ ты во всемъ, хоть и шумишь, какъ кустъ;
Чтожъ ядомъ ты блюешь и всѣмъ въ меня стрѣляешь,
То только злымъ себя тѣмъ свѣту объявляешь.
Уймись, пора уже, пора давно, злодырь!
Смерть помни, что есть Богъ и правда, мой судырь!
Хотъ тресни ты, въ трудахъ я только пребываю,
Въ трудахъ—не пустотѣ; твое жъ зло презираю.
Но тщетно правотой къ добру тебя склонить;
Мнѣ рыжу тварь никакъ въ добро не премѣнить.
Въ небесной красотѣ (не твоего лишь зыка,
Нелѣпостей гдѣ тма) россійскаго языка.
Когда по твоему сова и скотъ ужъ я,
То самъ ты нетопырь и подлинно свинья! [1])

Тредіаковскій не удовольствовался одними стихами: онъ вспомнилъ свой трактатъ о множественномъ числѣ прилагательныхъ именъ, который представлялъ въ академическія собранія 1745 года, и сдѣлалъ къ нему нѣсколько дополненій, примѣняясь къ обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ 1755 году. Такъ въ началѣ говорится, что при помѣщеніи имъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ своей статьи, его товарищи спрашивали „чего бъ ради употребилъ онъ въ томъ сочиненіи способъ правописанія новый?“ Въ разсужденіи доказывается за тѣмъ, что окончаніе прилагательныхъ мужескаго рода въ именительномъ множественнаго на *е* есть простонародное, введенное какимъ-то лицомъ, котораго Тредіаковскій не называетъ, въ

1) Библіографическія Записки 1859 года, № 17, 517—520.

академической типографіи съ 1733 года. Тамъ же противъ словъ „самая большая часть у насъ грамматическихъ правилъ не знаетъ“, на полѣ написана буква Л, что можетъ означать Ломоносова. Есть также намеки и на вышеприведенную эпиграмму послѣдняго: Тредіаковскій упоминаетъ „объ играющихъ эпіграмками“, которые красоту языка называли „небесною“, а въ концѣ есть такая выходка: „да гласитъ и-ещé нестройнѣе безъимянная Пѣ́са, начинающаяся искусными пѣвцами, объ окончаніяхъ множественныхъ мужескихъ, въ цѣлыхъ прилагательныхъ именахъ на (и). Я, не заслужившій язвительныхъ и пакосныхъ именъ, дивлюсь токмо страсти“ [1]).

Въ жизнеописаніи Тауберта [2]) было говорено, что онъ, будучи назначенъ отъ Академіи наукъ для присутствованія въ коммиссіи для сочиненія новаго уложенія, составилъ свои предположенія объ улучшеніи состоянія ученаго учрежденія. Когда они были внесены на обсужденіе академическаго собранія, то, кромѣ Ломоносова, возсталъ противъ предпочтенія въ Академіи иноземцевъ противъ русскихъ и Тредіаковскій. Въ поданномъ 27 марта 1755 года мнѣніи, онъ старался опровергнуть § 7 первой главы предложеній Тауберта. По мнѣнію нашего академика, между прочимъ былъ: „3. Противенъ онъ правотѣ натуральной, по коей каждый самого себя любитъ прежде, а потомъ уже другаго. Слѣдовательно природный, гдѣ бъ онъ ни служилъ въ сей имперіи и, буде заслужилъ, не долженствуетъ никогда быть понижаемъ предъ чужестраннымъ, ежели сей еще только что вступилъ въ службу. 4. Противенъ онъ и опредѣленію его графскаго сіятельства академическаго президента: ибо почетному члену г. доктору Шрейберу не позволилъ сидѣть выше дѣйствительнаго члена г. Ломоносова, и не отдалъ старшинства не безславному уже доктору противъ начавшаго еще производить химическія операціи. 5. Обиденъ онъ нынѣшнимъ дѣйствительнымъ россійскимъ членамъ и впредь быть имѣющимъ, ибо россійскіе члены, сколько бъ

1) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 99—116.

2) Исторія Академіи наукъ, I, 652.

ни служили, всегда имѣютъ быть молодшими, для того что нѣтъ надежды, чтобъ выписывать перестали чужестранныхъ. 6. Истребляетъ онъ охоту въ россіянахъ, чтобъ быть превосходными членами: ибо никогда имъ не можно будетъ старшинство себѣ получить, а честь питаетъ науки. 7. Дѣлаетъ онъ сіе изъятіе отъ общихъ россійскихъ узаконеній безъ всякія важныя и полезныя причины, но токмо въ предпочтеніе однородцамъ, а въ вѣчное предосужденіе природнымъ. 8. Вводить худое и несправедливое употребленіе: ибо не выпишется членъ, который бы въ Германіи не былъ по какой нибудь тетрадкѣ печатной славенъ; а сія тетрадка и будетъ прежектомъ къ произведенію его въ старшинство, такъ что хотя бы русскій и десять написалъ тетрадокъ, однако того выписаннаго члена и одна тетрадка всеконечно перевѣситъ. 9. Совсѣмъ неосновательный резонъ, чтобъ для того такому члену отдавать старшинство, понеже онъ славенъ у себя въ своемъ искусствѣ, ибо хотя онъ и преизрядно плясалъ въ Родоссѣ, какъ то басенка говоритъ [1]), однако здѣсь для него долженствуетъ быть Родоссъ: можетъ онъ и здѣсь также изрядно въ свое время поплясать и тѣмъ показаться. 10. А хотя во время собранія, бывщаго 24 сего марта (а состоявшаго изъ шести членовъ чужестранныхъ.... да изъ двухъ насъ природныхъ, меня и г. Попова) и одобрили сей пунктъ всѣ чужестранные, а я и Поповъ, буде онъ потомъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, не согласились на оный; однако чрезъ сіе не должно всеконечно разумѣть большинство голосовъ одобрившихъ и не одобрившихъ, но равность голосовъ одобрившихъ, для того что насъ двое числомъ профессоровъ русскихъ, понеже совѣтнику Ломоносову не велѣно быть въ собраніяхъ, а дѣло идетъ о преимуществѣ чужестраннымъ. 11. Вѣроятно, что г. ассессоръ для того внесъ въ представленія свои свой пунктъ, что ему предо мною отдано старшинство въ россійскомъ собраніи. Но я какъ тогда неоднократно жаловался на сіе словесно г.г. товарищамъ, такъ и

1) Здѣсь Тредіаковскій намекаетъ на свою басню, приведенную выше на стр. 166.

нынѣ покорнѣйше прошу его графское сіятельство, чтобъ соизволить сіе отмѣнить: ибо я г. ассессора Тауберта старѣе и въ службѣ, и въ членахъ академическихъ. Буде ему дано старшинство предо мною по ассессорству его, то чего жъ ради не выше онъ подписывается г. профессора Штруба; а напротивъ того, для чего г. профессоръ Мюллеръ выше жъ подписывается г. совѣтника Штелина? Между чужестранными старшинство есть, но по какому недостоинству не быть оному между россійскимъ и чужестраннымъ?"[1])

Это представленіе, во всякомъ случаѣ любопытное какъ протестъ русскаго академика противъ дѣйствительно обиднаго національному самолюбію предпочтенія иноземныхъ ученыхъ въ отношеніи русскихъ ихъ сотоварищей, осталось безъ послѣдствій, такъ-какъ и предложенія Тауберта не получили потомъ никакого хода.

Между тѣмъ съ 1754 года остановилось дальнѣйшее печатаніе перевода Тредіаковскаго Исторіи Роллена, о чемъ переводчикъ доносилъ академической канцеляріи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „А остановка сія предвозвѣщена мнѣ самыми ругательными, но притомъ еще и ни къ чему годными по мыслямъ стішонками, не знаю кѣмъ сочиненными. Да приметъ въ разсужденіе Канцелярія, не моглоль сіе внутренность мою не поразить токмо, но и разразить: чѣмъ я тщался показать себя свѣту, того сáмаго средства и лишенъ нечаянно.

„Доношу, продолжаетъ Тредіаковскій, о другихъ ударахъ, и о всѣхъ уязвляющихъ. Сочинилъ я стіхами всю Псалтирь, и доказательство о бытности Божіей, названное Ѳеоптіею. Сіи книги, какъ духовные, освидѣтельствованы Святѣйшимъ Правительствующимъ Сінодомъ, и дано мнѣ письменное засвидѣтельствованіе о правомъ ихъ разумѣ. Съ симъ просилъ я канцелярію Академіи Наукъ, чтобъ ихъ напечатать на моемъ иждивеніи. Но паче моего чаянія, по двухъ разныхъ, и въ разной силѣ опредѣленіяхъ, наконецъ совершенно мнѣ отказано въ моемъ

---

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 291—293.

прошеніи; въ чемъ и посторонним нѣкоторымъ отказа не бывало. Сію вкоренившуюся ужé въ меня печаль, еще болѣе послужило умножить, и гіпохондрію воспитать: не стало у меня средства, чрезъ которое могъ бы свѣтъ видѣть мое раченіе. Однако, я не лишился вдругъ бодрости: тщился маленькими піесами, вносимыми въ Ежемѣсячныя Сочиненія, казать мой трудъ. Но Г. Конференцъ Секретарь Миллеръ разгласилъ, что отъ меня ничего не велѣно принимать, а тогожъ де ради и Ролленовы Історіи печатаніе остановлено. Канцелярія изволитъ чувствовать, что сія разгласка, и еще отъ недоброхота моего, не могла меня и того болѣе еще не ввергнуть въ печаль. Но вотъ увидѣлъ и точное исполненіе сему. Сочинено мною Разсужденіе (послѣ двухъ, внесенныхъ въ книшки, а именно о Гораціяхъ и Куріаціяхъ, да о Стіхотворствѣ Россійскомъ древнемъ, среднемъ и новомъ) объ окончаніи нашихъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ именъ, которое не токмо аппробовано, но ужé начато было и печатію производиться: однако брошено и уничтожено, да и гдѣ оно нынѣ, не знаю. Пять разсужденій, формою писемъ къ пріятелю, о всей силѣ нравоучительныя філософіи, изъ которыхъ первое всѣмъ собраніемъ аппробавано, а четыре послѣднія не читаны, уничтожены жъ, и гдѣ они, не знаюжъ. Разсужденіе формоюжъ письмá объ окончаніяхъ собетвенныхъ нашихъ именъ женскихъ, съ Греческимъ и Латінскимъ на асъ и на ісъ, также аппробаванное, уничтоженожъ. Піеса стішками о выборѣ невѣсты, врученная самомý Его Графскому Сіятельству, которая не неосновательною мнѣ казалась, уничтоженажъ. Все сіе отчасу болѣе и болѣе умножало во мнѣ горесть.... Былъ я въ собраніи (академическомъ) и помнится что въ Іюнѣ мѣсяцѣ: тамъ спросилъ при всемъ собраніи Г. Конференцъ-Секретаря, по какой бы онъ влáсти, и по чьему повелѣнію, лишаетъ меня моего законнаго права, тѣмъ что моихъ піесъ не принимаетъ отъ меня въ книшки, и аппробованныхъ не печатаетъ. Но онъ мнѣ на то съ презрѣніемъ, какъ будто должнымъ ужé и заслуженнымъ, отвѣтствовалъ при всемъ же собраніи, что не долженъ мнѣ ничего сказать, сколькобъ я его ни спрашивалъ. Гдѣжъ то

узаконено, чтобъ члену Секретарь не долженъ былъ ничего сказывать? Труднобъ терпѣть и великодушному человѣку, бывшему на моемъ мѣстѣ. Однако я извнѣ замолчалъ, а внутри раздирался на ча́сти...“[1])

О prереканіяхъ Тредіаковскаго съ Сумароковымъ иногда заносилось въ латинскіе протоколы академическихъ засѣданій. Такъ, 12 іюля 1755 года, записано въ протоколѣ, что рѣшено напечатать въ Ежемѣсячныхъ сочи́неніяхъ представленную Сумароковымъ эпистолу, въ которой онъ опровергаетъ разсужденіе Тредіаковскаго о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи, по поводу неправильныхъ объясненій тамъ нѣкоторыхъ стиховъ. Тогда же было предоставлено на волю Тредіаковскому сообщить свой отвѣтъ. 19 іюля послѣдній прочиталъ въ академическомъ засѣданіи свое возраженіе противъ Сумарокова, но послѣ того состоялось опредѣленіе: для прекращенія дальнѣйшихъ распрей, запретить и эпистолу и отвѣтъ на нее. Впрочемъ, это не помѣшало Сумарокову помѣстить въ августовской книжкѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій Эпистолу (стр. 147—148), съ такими выходками противъ плохаго стихотворца:

Звонъ стопъ блюсти, слова на риѳму прибирать
Искусство малое и дѣло не пречудно;
А стихотворцемъ быть есть дѣло не безтрудно.
. . . .
Худой творецъ стихомъ себя не прославляетъ,
На риѳмахъ онъ свое безумство изъявляетъ!...

Къ этимъ стихамъ Тредіаковскій не могъ придраться, такъ-какъ признаки плохаго риѳмоплета были описаны здѣсь слишкомъ обще; но за то въ той же книжкѣ Ежемѣсячныхъ Сочиненій (стр. 191) помѣщенъ: „Сонетъ, нарочно сочиненный дурнымъ складомъ, для показанія, что есть ли мысль и изрядна, стихи порядочны, риѳмы богаты, однако при неискусномъ, грубомъ и принужденномъ сложеніи все то Сочинителю ни како́ва плода, кромѣ посмѣшества не принесетъ“. Сонетъ этотъ

1) Изъ доношенія Тредіаковскаго отъ 28 сентября 1758 года, въ Запискахъ Академіи, IX, Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго, 177—179.

нельзя было принять на свой счетъ никому другому, кромѣ Тредіаковскаго. Такъ, напр., тамъ есть стихи въ родѣ слѣдуюшихъ:

Ти покорный я слуга много и премного,
Пышно хоть одѣта ты иль хотя убого.
Полюби же ты меня, охъ! не много хоть.

* * *

Объяви прекрасна бровь о любви всей прямо,
И на часъ ко мнѣ хотя, о Богиня, подь
Иль позволь пріити къ себѣ поклониться тамо.

Кромѣ стихотворныхъ эпиграммъ и сатиръ, литературные враги писали еще письма другъ къ другу. Такъ Сумароковъ сочинилъ письмо, въ которомъ доказывалось о неправильности сафической и гораціанской строфъ Тредіаковскаго, а этотъ отвѣчалъ длинною статьею, также въ формѣ письма. Здѣсь сначала доказывается правильность его строфъ, а потомъ слѣдуетъ порицаніе стиховъ Сумарокова, помѣщенныхъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ. Особенно характеристично заключеніе изъ письма Тредіаковскаго: „Но не полноль, Г. М., вамъ на меня безъ причинъ нападать? Я усталъ отражая ваши обвиненія. Болѣе по истиннѣ не хочу; и сіе письмо есть послѣдній мой вамъ отвѣтъ, въ чемъ по хрістіанству и по честности кленусь, что хотя-вы-ни-будете по семъ на меня взводить, и чемъ и какъ-ни-станете-впредь язвить. Я уже въ лѣтахъ; и не болѣе пекусь о красномъ разумѣ, коль о добромъ нѣсколько житіи. Я то хочу позабывать, что-вы-нынѣ толь благоуспѣшно знаете. Вѣрьте, я васъ отъ всего сердца признаваю, понеже вамъ, какъ-видно, того только и желается, первенствующимъ нашимъ Вольтеромъ, хотя и не ругаюсь по знающимъ въ томъ силу. Позабудьте, прошу, меня; оставьте человѣка возлюбившаго уединеніе, тишину и спокойствіе своего духа. Дайте мнѣ препровождать безмятежно остаточныи мои дни въ нѣкоторую пользу общества по званію моему, и по дѣламъ положеннымъ на меня отъ главныхъ моихъ. Попустите мнѣ несмущенно размышлять иногда и о совѣсти моей: настаетъ время и мнѣ туда явиться, куда-должно-всѣмъ человѣкамъ. Тамъ не спросятъ меня, зналъ-ли я хорошую силу въ Сафіческой и Гора-

ціанской строфахъ, но былъ ли добродѣтельный Хрістіанинъ. Сжальтесь обо мнѣ, умилитесь надо мною, извергните изъ мыслей меня. Еслибъ я не опасался, что-вы-меня-назовéте малодушнымъ, тобъ вамъ донесъ; но даромъ, позвольте донесть: я сіе самое вамъ пишу истинно не безъ плачущія горести. Отъ чего я вамъ кажусь толь негоднымъ, чтобъ мнѣ отъ васъ, отъ васъ, Г. М., претерпѣвать незаслуженные обиды? Паки и паки прошу, оставьте меня отнынѣ въ покоѣ. Впрочемъ, будь по волѣ вашей, я пребываю" и пр. [1]).

Можно заподозрѣть искренность этого смиреннаго обращенія Тредіаковскаго и его обѣщанія не отвѣчать болѣе на литературныя выходки противъ него, такъ-какъ и послѣ того литературныя схватки еще продолжались. Такъ въ академическомъ протоколѣ, 4 октября 1755 года, Мюллеръ занесъ во первыхъ, что за разногласіемъ академиковъ представлены были на усмотрѣніе президента Академіи наукъ стихи Сумарокова и басня Тредіаковскаго [2]). Первые графъ Разумовскій велѣлъ потомъ напечатать въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, гдѣ они дѣйствительно помѣщены въ октябрской книжкѣ (стр. 347—353). Во вторыхъ, — что о баснѣ Тредіаковскаго ни запрещенія, ни разрѣшенія отъ графа Разумовскаго не послѣдовало, а такъ-какъ въ ней есть жесткія выходки противъ русскихъ поэтовъ, которые, по малочисленности своей, всѣ могли счесть это себѣ за оскорбленіе, то принято за лучшее не пропускать басни въ печати. При подписаніи этого протокола Тредіаковскій протестовалъ, утверждая, что никакого разногласія членовъ не было [3]) и что Мюллеръ не пропускаетъ басни самовольно, а онъ, Тредіаковскій, не признаетъ его власти надъ собою [4])

1) Подлинникъ статьи Тредіаковскаго, откуда выписано настоящее заключеніе, хранится въ архивѣ академической Конференціи. Статья эта помѣщена вся въ концѣ жизнеописанія въ приложеніи VI-мъ.

2) Послѣдния не дошла до насъ въ русскомъ подлинникѣ, но сохранилась въ латинскомъ переводѣ вмѣстѣ съ представленіемъ Тредіаковскаго къ своимъ сочленамъ; обѣ эти бумаги помѣщены въ VII-мъ приложеніи къ настоящему жизнеописанію.

3) Nullus est dissensus collegarum, писалъ своеручно Тредіаковскій, qui gratis assertitur hic.

4) Haec Mullerus, продолжаетъ онъ же, suo facit arbitratu, cum illustrissimus Praeses neque ait, neque negat, et Collegae tantum suspenderunt suum ju-

Послѣ такого протеста, Тредіаковскій, раздраженный и осмѣянный, придумалъ иной способъ къ отмщенію: 13 октября 1755 года онъ рѣшился подать доносъ на Сумарокова въ синодъ. „Читая сентябрскую книжку „Ежемѣсячныхъ сочиненій" сего 1755 года, нашелъ я, именованный,—писалъ онъ въ доношеніи — въ ней оды духовные, сочиненные г. полковникомъ Александромъ Петровымъ сыномъ Сумароковымъ, между которыми и оду, надписанную изъ псалма 106: а въ ней увидѣлъ, что она съ осмыя строфы по первую на десять включительно говоритъ отъ себя, а не изъ псаломника о безконечности вселенныя и дѣйствительномъ множествѣ міровъ, а не о возможномъ по всемогуществу Божію. И понеже „Ежемѣсячные книжки," обращаются многихъ читателей руками, изъ которыхъ иные могутъ и въ соблазнъ притти; того ради по ревности и вѣрѣ моей истинному слову Божію, въ Священномъ Писаніи вѣщающему, о такой помянутыя оды лжи на Псаломника покорнѣйше донося, извѣщаю"... При доношеніи приложено было пространное изъясненіе, оканчивавшееся такимъ образомъ: „Но какъ то ни есть, только жъ въ псалмѣ 106-мъ не упоминается ниже о возможномъ множествѣ міровъ, а толь меньше еще о дѣйствительной безконечности вселенныя; но токмо изъясняется въ немъ Промыслъ Божій, наводящій на человѣковъ разныя искупленія и подвергающій ихъ различнымъ бѣдствіямъ, дабы они прибѣгали къ нему, взывали его и боялись, да и прославляли милость его и щедроту" [1]). Надобно думать, что этотъ поступокъ Тредіаковскаго скоро сдѣлался извѣстнымъ Сумарокову, потому что онъ прислалъ 1 ноября 1755 года бумагу въ академическое собраніе, въ которой было много яростныхъ выходокъ противъ Тредіаковскаго и просьба о недопущеніи его судить на будущее время произведеній разсерженнаго поэта [2]).

---

dicium, non vero disseserunt a reliquis: sed ego Mulleri potestatem non agnosco.

1) Москвитянинъ, 1856 г., №№ 13—16, стр. 271—276.

2) Въ протоколѣ 1 ноября 1755 года: «A Tribuno Sumarokowio scriptum in conventum missum, quo multa contra Trediakovium acerbe dicta continentur et rogantur socii, ne Trediakovio impo-

Описываемая литературная война не ограничилась взаимными пререканіями и доносомъ: въ октябрѣ же 1755 года было подкинуто въ Ломоносову подметное письмо, которое содержало въ себѣ „подъ видомъ критики на нѣкоторыя сочиненія, жалобы великія на г. Академіи президента, злодѣйскія ругательства совѣтнику Теплову, полковнику Сумарокову, профессору Мюллеру и напослѣдокъ на всѣхъ чужестранныхъ, въ Академіи служащихъ, злобную клевету“. Доказательства, что авторомъ этого подметнаго письма былъ не кто иной, какъ Тредіаковскій — доказательства эти представилъ Тепловъ въ сочиненной имъ по этому предмету особой запискѣ. Нельзя не замѣтить, что онъ писалъ ее внѣ себя, раздраженный дерзостью автора подметнаго письма, который осмѣлился найти въ книгѣ изданной самимъ Тепловымъ, человѣкомъ близкимъ графу Разумовскому, а чрезъ него и къ другимъ знатнымъ, недостатки, и притомъ упомянуть о барашкѣ — прозваніе, данное Теплову еще въ дѣтствѣ дьячкомъ, учившимъ его читать. Вотъ причина, почему въ запискѣ Теплова Тредіаковскій до чрезвычайности униженъ и поруганъ. Впрочемъ, должно сознаться, что Тепловъ, какъ человѣкъ обладавшій умомъ далеко не дюжиннымъ, сумѣлъ подмѣтить слабыя стороны Тредіаковскаго и, конечно, выставилъ ихъ такъ, что послѣ записки трудно составить себѣ мнѣніе въ пользу Тредіаковскаго.

„Въ многорѣчіи своемъ, пишетъ между прочимъ Тепловъ, которое есть истинное Тредіаковскаго, по всей пьесѣ отъ начала до конца, онъ столь особливъ же, что едва ли можно въ родѣ человѣческомъ быть другому Тредіаковскому. Школьныя фигуры реторическія онъ употребляетъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и не кстати и почти безпрерывно, которыми и сію пьесу начинилъ. Эпитеты его обыкновенные, репитиція безпрестанная, амплификація также, за которую отъ многихъ уже битъ не единожды; плеоназмы всѣ тѣ, которые обыкновенно мы слышимъ въ его рѣчахъ и читаемъ во всѣхъ его сочине-

sterum licitum sit de scriptis Sumarocowii judicare. Rem hanc Excel. atque Illust. Praesidi proponere et ejus voluntatem exquirere decretum est.»

ніяхъ. Шутки въ словахъ, которыя у него за bon mot пріемлются, неизбѣжны во всѣхъ его сочиненіяхъ, а и въ сей его пьесѣ суть такія же, напр.: вотъ первая бѣлянка въ кузовъ; трикъ, тракъ, трекъ и не фри, фре, фри, да голь нелюдимъ, унылъ нечестолюбивъ, неискателенъ, грековѣръ, другъ книгамъ, астраканецъ, система чесноколукуксуская, съ копылья сбился авторъ и пр. Сіи точно экспрессіи и въ рѣчахъ мы отъ него всегда слыхали. Сверхъ же того и инвенція франбадинскаго собранія есть его старая шутка.... Аргументаціи коварныя и софистическія тѣ же самыя въ сей пьесѣ, которыя и во многихъ другихъ изданныхъ Тредіаковскимъ, а особливо, когда онъ хочетъ навести коварно изъ простой рѣчи зло или церковное, или гражданское, къ чему Тредіаковскій во многихъ предисловіяхъ, челобитныхъ, протестахъ и извѣтахъ склонность свою оказалъ; а нынѣ свидѣтельствуютъ его поданныя на совѣтника Теплова въ 1747 г. два доношенія, на г. полковника Сумарокова въ 1750-мъ году критика, въ нынѣшнемъ году на г. Сумарокова протестъ въ Академію и доношеніе въ синодъ, на г. профессора Мюллера въ Академію протестъ и прочія многія. Всѣ сіи скверныя пьесы и многія другія суть того же роду, натуры и сложенія, котораго сей послѣдній пасквиль. Слово, рѣчи мысли и заключенія сущія тѣ же Тредіаковскаго. Самолюбіе его столь видимо въ сей пьесѣ, что хотя и опасался, дабы не попасть какому пороку за сей пасквиль, однакожъ не могъ себя преодолѣть, чтобъ не предпочесть своихъ стиховъ другимъ. Всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ онъ научить хотѣлъ чистому стихосложенію, просвѣщаетъ въ сей пьесѣ своими собственными стихами, думая, что тотъ, на котораго пасквиль изблевалъ, не найдетъ въ его печатныхъ или писанныхъ пьесахъ оргинала. А чтобъ показать желаніе, что онъ удаляется, то перемѣнялъ нѣкоторыя только слова въ нихъ. Чтобы за нужда была брать его сложенія стихи въ образецъ, когда по сіе время, кромѣ его самого, еще никто въ образецъ для показанія красоты стихотворческой ихъ не принималъ? По сіе время всѣ русскіе стихотворцы персонально намъ вѣдомы. Ни единаго изъ нихъ нѣтъ, у котораго бы тако-

вымъ густымъ изо всѣхъ школьныхъ наукъ чадомъ набита была голова, какъ Тредіаковскаго. Онъ одинъ симъ зараженъ, защищаетъ слова школьныя латынскія и взводитъ на Цицерона свою собственную поваренную латынь. Онъ одинъ вымышляетъ и русскія слова, а именно: nominalis—номинальный, въ трои ворота входильникъ, писальникъ, правота́, поселянствовать и пр. Онъ одинъ восклицаетъ: О, Боже мой творче! О, праведное солнце! О, честный мѣсяцъ! Все сіе въ пасквилѣ находится къ концу пьесы; ибо когда онъ вошелъ около средины оныя въ энтузіазмъ, то, забывшись, что онъ притворяется быть не Тредіаковскимъ, вошелъ въ себя нечувствительно. А къ тому опасался, дабы тѣ, которыхъ онъ остерегался, не подумали сочиненіе сей, по его мнѣнію, остроумной пьесы приписать кому иному. На всякаго сочинителя толкъ безбожія наводитъ изъ маловажныхъ словъ, и то же самое въ семъ пасквилѣ находится по многимъ страницамъ. По его мозгу никакого изъ сихъ словъ прилагательныхъ употребить нельзя: совершенный, безконечный, безпредѣльный, безчисленный, безмѣрный, хотя бы такія слова къ хлѣбу, къ пищѣ, къ народу, ко вкусу и пр. приложены были. Тотчасъ скажетъ, когда безчисленный, тогда неограничаемый, а когда неограничаемый, то безначальный, а когда безначальный, то всесовершенный, а когда всесовершенный, то самобытный и прочее. И послѣ таковыхъ глупостей софистическихъ восклицаетъ какъ бѣшенный: о, безбожное утвержденіе! Въ таковой силѣ на г. полковника Сумарокова писалъ критику и подалъ въ синодъ доношеніе, а въ Академію извѣтъ. Въ той же силѣ изблевалъ свой ядъ и въ сей скаредной подметной тетрадкѣ неоднократно. Во многихъ своихъ жалобахъ, протестахъ и циркулярномъ къ русскимъ профессорамъ письмѣ возбуждаетъ единовѣріемъ противу чужестранныхъ профессоровъ, а въ сей пасквильной пьесѣ говоритъ про нихъ слѣдующія слова: чтожъ-де до единства вѣры, то нельзя, чтобъ иновѣрной не мнилъ своей вѣры лучшею, и потому по времянамъ не подсмѣивалъ бы господствующія. А изъ сево происходитъ часто и обращеніе хоть неявное, однако сердечное, то есть дѣйствительное, а изъ сево

и пагуба душевная послѣдуетъ. Но мы какъ терпѣть отъ нихъ насмѣшекъ не хочемъ, такъ и опасности къ пагубѣ душъ своихъ имѣть не желаемъ. Напослѣдокъ, гдѣ про себя говоритъ, что въ Академіи якобы презрѣнъ и гонимъ, то между прочими резонами пишетъ и то, что онъ за то ненавидимъ, что грековѣръ, а Ролленовъ переводъ для того не печатается, что въ немъ добродѣтель предпочтена порокамъ. Тому уже болѣе года, какъ Тредіаковскій началъ жалобы и письменныя, и словесныя разносить, что онъ изнуренъ трудами, оставя въ Астрахани домъ и не безприбыльный садъ виноградный, странствуетъ для наукъ; Роллена вторично перевелъ и остается безъ награжденія. Но потому, что служба его всегда состояла въ негодномъ и стыдъ Академіи приносящемъ трудѣ, т. е. въ гнусномъ стихосложеніи, въ пусторѣчіи латыни, недостойной имени профессорскаго, о чемъ и самъ Тредіаковскій знаетъ, когда лейпцигское собраніе въ газетахъ о томъ вызывалось съ ругательствомъ за его скверную латынь, гдѣ именно напечатано было, что никто такъ мало способенъ быть профессоромъ краснорѣчія, какъ онъ, Тредіаковскій [1]). А къ тому въ переводѣ Роллена, который имъ еще въ Невскомъ монастырѣ прежде профессорства его оканчанъ; въ сочиненіи псалмовъ Давидовыхъ нескладными и безразумными стихами; въ сложеніи Ѳеоптіи, и ко всѣмъ симъ и негоднымъ и неприличнымъ для Академіи трудамъ въ приписаніи нелѣпыхъ предисловій, то все сіе удерживаемо было, кромѣ Ролленова переводу, и не допускаемо въ печать для убѣжанія стыда Академіи, чего ради онъ въ семъ пасквилѣ не оставилъ и о семъ выжаловаться пространно, такъ что другой никто за него столь обстоятельно и тѣмъ же велерѣчіемъ учинить не можетъ, тѣмъ больше, что онъ, Тредіаковскій, себя выхваливаетъ точно тѣми словами по всей пьесѣ, которыми говаривалъ всѣмъ изустно и писывалъ въ своихъ протестахъ въ канцелярію неоднократно. Да и ктобы столь много любилъ Тредіаковскаго и его враки, чтобъ въ него совсѣмъ переродился: его мысли, языкъ, нравы, всѣ домашнія

---

1) Ср. выше, стр. 111, 112.

обстоятельства и обиды мнимыя на себя принялъ защищать? А напослѣдокъ выдалъ себя за пасквиланта, которые государственными законами публично наказываются по силѣ Артикула военнаго главы 18.

„А что Тредіаковскій нынѣ клянется со слезами небомъ, землею, христіанствомъ и тѣмъ, чѣмъ только человѣку клясться можно, якобы онъ сего пасквиля не писывалъ, не видывалъ и не знаетъ про него, то въ томъ онъ, яко истинный лицемѣръ и безбожникъ, поступаетъ, ибо онъ самъ вѣдаетъ, что всѣ мы разумѣемъ и видимъ его въ сей скверной пьесѣ, яко прямаго сочинителя, да только сумнѣвается, чтобъ мы то доказать могли по исторически, и для того дерзновенно отрицается. Передъ недавнымъ временемъ онъ въ протестѣ написалъ своею рукою на г. полк. Сумарокова сіи слова: „И сіе письмо есть послѣдній мой вамъ отвѣтъ, въ чемъ по христіанству и по честности вамъ кленусь, хотя-что-вы-ни будете по семъ на меня взводить, и чѣмъ и какъ-ни станете впредь язвить." Однакожъ клянясь христіанствомъ и честію, написалъ вскорѣ послѣ сего скаредную пьесу: о! судари! погань! и подалъ два протеста въ синодъ и въ Академію на него, оставя и честь, и христіанство въ сторону."

Тепловъ былъ вполнѣ увѣренъ, что подметное письмо сочинено Тредіаковскимъ. „И обиженный, говоритъ про себя видимо взбѣшенный Тепловъ, столь много вразумителенъ въ стиль гнусной Тредіаковскаго, что сію обиду и ругательство точно отъ сего себѣ злодѣя пріемлетъ, и въ противномъ тому никто его увѣрить не можетъ" [1]).

Что касается до Тредіаковскаго, то онъ между причинами непріязни къ нему въ Академіи полагалъ первою то, что онъ при чтеніи проекта академическаго регламента протестовалъ противъ предложенія Тауберта о первенствѣ членовъ Академіи изъ иноземцевъ передъ служащими давно членами изъ русскихъ, о чемъ говорено было выше на стр. 180—182. „Вторая, продолжаетъ Тредіаковскій, ложное подозрѣніе на меня о сочи-

1) Записки Академіи наукъ, XIV, 71—80.

ненной невѣдомо кѣмъ крітікѣ, на сочиненія г. Совѣтника Теплова. Сіе подозрѣніе толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ Его Графскаго Сіятельства, не обличивъ, и не доказавъ ничемъ, да и не чемъ пустымъ, ругалъ какъ хотѣлъ м...... и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была тогда словесная жалоба: и какъ я на другой день, пренесъ письменное прошеніе Его Графскому Сіятельству; то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться; то услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобъ скоряе уйти домой, и съ собой унесть свой стыдъ, а о прошеніи ужѐ моемъ, хотя и законномъ, позабылъ я помышлять...." [1])

Въ ноябрѣ 1755 года Тредіаковскій подалъ своимъ сочленамъ жалобу на латинскомъ языкѣ противъ Мюллера. Сохранился и слѣдующій современный переводъ ея съ поправками рукою Теплова [2]): „Понеже главы жалобъ моихъ о употребленіи во зло профессоромъ Мюллеромъ должности секретаря, также и объ обидахъ, мнѣ имъ нанесенныхъ, которыя я подалъ вамъ на письмѣ 1 числа сего мѣсяца, вы не приняли для той наипаче причины, что онѣ безъ важныхъ доказательствъ; для того предлагаю вамъ на письмѣ то же самое, но уже основательно доводами подтвержденное.

„Жалуюся: 1) что профессоръ Мюллеръ нѣкоторыя сочиненьеца съ нами головою не разсматривалъ, и ихъ втеръ въ Ежемѣсячныя Книжки по своему произволенію не въ силу учрежденія; ибо кто удостоилъ печати стишки полковника Сумарокова о беззаконной любви, внесенныя въ сочиненіяхъ мѣсяца іюня [3])? Кто — дитирамбъ его, то есть, Гимнъ Бахусу отъ

1) Записки Академіи наукъ, IX, Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго, 180.

2) И подлинникъ, и переводъ въ архивѣ академической конференціи, связка 76, буква И.

3) Эти стихи въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 года, стр. 534, 535, начинаются такъ:

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися: безъ любви все въ свѣтѣ суеты,
и т. д.

древнихъ, да и то не отъ трезвыхъ и благоразумныхъ пѣтый, однако дитирамбъ Сумарокова, дитирамбъ его, говорю, есть въ похвалу Петра Великаго? Кто—гимнъ его жъ въ прославленіе (о беззаконіе человѣка христіанина!) прескверной изъ богинь блядчонкѣ, которой имя Венера, поставленный въ мѣсяцѣ іюлѣ?[1]) Кто — въ мѣсяцѣ сентябрѣ его самого же духовныя оды, изъ которыхъ одна на псаломъ 106, въ силу семидесяти переводчиковъ, содержитъ крайне ложной и крайне беззаконной смыслъ, а именно о безконечности зримаго сего мира, который по справедливости есть не безконеченъ ни по вещественностямъ, ни по продолженію времени, нижѐ наконецъ по наполненію [2])? Кто—прочіе многіе его нестройные, маловажные, и почти смѣха достойные стишонки, изъ которыхъ тѣ имянно, кои занимаютъ послѣднее мѣсто въ книжкѣ на мѣсяцъ августъ? Никто изъ васъ, кои признаются въ незнаніи россійскаго языка, ни ассессоръ Таубертъ, ни профессоръ Штрубъ, ибо они отрицаются быть способными къ разсмотрѣнію россійскихъ стиховъ, ни совѣтникъ Ломоносовъ, нижѐ напослѣдокъ я самъ, противлющійся всѣми силами сей заразительной язвѣ нравовъ и академической славы и закона. Слѣдовательно внесены оные стишонки профессора Мюллера властію, ни мало ему неданною, но имъ противъ права похищенною. 2) Нѣкоторыя сочиненія профессоръ Мюллеръ пускаетъ въ народъ прежде нежели они читаны въ собраніи, и даетъ съ нихъ копіи людямъ, которые не принадлежатъ къ нашему собранію: ибо нечитанный еще здѣсь мой отвѣтъ на неосновательную, со всѣмъ грубую, и ученаго ничего не изъявляющую критику на мои сафическія строфы и гораціанскіе стишки, сочиненную полковникомъ Сумароковымъ, Мюллеръ показывалъ, а можетъ быть и передалъ совѣтнику Теплову, будто бы и онъ способный

1) Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1755 г., Іюль, стр. 66—70, помѣщены Дитирамбъ, въ которомъ воспѣвается Петръ Великой, и рядомъ «Гимнъ Венерѣ сафическимъ стопосложеніемъ», гдѣ впрочемъ ничего неприличнаго нѣтъ.

2) Ежемѣсячныя сочиненія, сентябрь, на стр. 253—255, заключаютъ, между прочимъ, Изъ псальма CVI, гдѣ есть:

Ты царствуешь, Владыко, вѣчно,
И все пространство безконечно
Господства твоего предѣлъ.

быть судья таковымъ сочиненіямъ, который однако внѣ числа нашего собранія и не долженъ въ силу ея императорскаго величества указа мѣшаться въ академичесія дѣла. 3) Другія же сочиненія, которыя уже удостоены вами печати и давно изготовлены для занятія мѣста въ нашихъ Эфемеридахъ, онъ, профессоръ Мюллеръ, презрительно пренебрегаетъ, такъ что по учиненной авторомъ корректурѣ перваго, какъ говорится, набраннаго съ письма и напечатаннаго листа, выбрасываетъ оныя яко недостойныя: ибо сочиненьеце мое о россійскомъ окончаніи въ множественномъ числѣ именъ прилагательныхъ, здѣсь чтенное и удостоенное, также мною подправленное на первомъ напечатанномъ листѣ, которому надлежало имѣть мѣсто въ мѣсяцѣ августѣ, и до нынѣ не является, а лежитъ презрѣнно и брошенно профессоромъ Мюллеромъ. Прибавляю также письмецо мое къ пріятелю объ окончаніи въ единственномъ числѣ именъ собственныхъ, такожде чтенное и удостоенное, которое онъ отдалъ уже слишкомъ какъ девять мѣсяцевъ на съѣденіе червямъ и моли для оказанія презрѣнія своего надо мною, яко негодующимъ на его Мюллеровы обиды и своевольство. Но чтобъ дѣло яснѣе казалося, то ссылаюся на протоколъ, и на наборщика нашихъ сочиненій. 4) Профессоръ Мюллеръ пишетъ иногда въ протоколѣ свое мнѣніе по снабденіи уже онаго подписью вашею, чѣмъ явно хочетъ (ибо въ противномъ случаѣ объявилъ бы онъ либо въ тотъ же артикулъ свое мнѣніе, либо бы его не подписалъ, какъ то вездѣ водится), чтобъ почитали его мнѣніе за рѣшительное властію: ибо таково его мнѣніе о недавнишней моей басенкѣ, которую двое изъ васъ удостоили печати, а двое отложили дать свой голосъ для того, что не почитаютъ себя способными къ разсмотрѣнію россійскихъ стиховъ; его же высокографское сіятельство господинъ президентъ ни запрещаетъ, ни повелѣваетъ оную басню печатать. Слѣдовательно должно большинствомъ голосовъ предать ея печати и почитать за ничто Мюллерову власть. Однако Мюллеръ не хочетъ однимъ своимъ голосомъ пустить ее на свѣтъ, да уже и не пустилъ. Не вѣдаю, чтобъ было такое, когда бы и сіе не показывало, что онъ требуетъ

надъ нами нахальной власти? 5) Наконецъ неужель и то сносить терпѣливо, что профессоръ Мюллеръ беретъ гордымъ образомъ первенство, чтобъ такъ сказать, въ засѣданіи членовъ или профессоровъ Академіи? Сіе не требуетъ изъясненія: намъ всѣмъ сіе довольно и болѣе, какъ надобно, извѣстно. Однако по справедливости разсуждая, лишился онъ за свои преступленія сего преимущества, ибо былъ присоединенъ къ числу адъюнктовъ. Для сего не несправедливо будетъ, почтенные господа, когда приговорите сей мой извѣтъ присоединить къ протоколу, дабы въ удобное время могъ я сослаться на него; ибо такихъ мюллеровыхъ обидъ терпѣть и не отвращать есть весьма недостойное свойство человѣку, не хуждшему всѣмъ Мюллера. Но прошу еще васъ всѣхъ, сколько васъ ни есть, да и прилежно прошу, дабы вы не отреклись отъ должности вашей Мюллеру за наглости, мнѣ оказанныя, законнымъ образомъ отомстить. Вѣрьте, что обида есть сія общая всѣхъ. Да и дѣйствительно Мюллеръ ликуетъ и старается всѣми и то недозволенными мѣрами казаться бо́льшимъ и лучшимъ насъ всѣхъ, хотя онъ предъ симъ прочихъ россійскихъ членовъ родомъ, закономъ и присягою подданныхъ всемилостивѣйшей самодержицы ненавидѣлъ и нынѣ не неперестаетъ ненавидѣть. Нынѣ наконецъ и со мною (какъ я показалъ ревность къ отвращенію мюллерова ига, такъ какъ я первый изъ членовъ россійскаго народа сотворенъ самою августѣйшею) такожде поступаетъ не по достоинству моему; онъ станетъ со временемъ и васъ равномѣрно презирать, либо же смотрѣть крайне на васъ мало. Вы видѣли въ прошедшемъ собраніи, сколь онъ безсовѣстенъ, какъ предложилъ онъ вамъ для чтенія на меня сочиненьишко истинно и зѣло ругательное, писанное человѣкомъ неимѣющимъ ни малѣйшаго голоса въ нашемъ собраніи и отдаленнымъ не токмо отъ наукъ, но и отъ самой грамматики; видѣли, сколь есть тотъ же Мюллеръ высокомѣренъ, какъ не хотѣлъ онъ слушать справедливѣйшихъ моихъ на себя жалобъ: ибо, надувшися чрезмѣрно и думая, что онъ всѣхъ умнѣе, либо же мнѣ наругаяся, а себя возвышая, вышелъ онъ, выступая важно прежде указнаго времени изъ собранія. Правда, что

надежда будетъ напрасная, чтобъ мое отечество по тридцатилѣтнемъ почти опытѣ ожидало хотя не много бо́льшаго плода и славы отъ мюллеровой учености, хотя она куплена великою силою денегъ, съ которою мою, хотя и чувствую, что она очень крохотная, легко сравнить могу; однако отъ наглости и гордости его виситъ безъ сомнѣнія надъ нами, академиками, множество напастей. Сіи два его порока су́ть подобны вихрю: они станутъ нашимъ согласіемъ кутить и мутить; они, чтобъ изъяснить себѣ лучше, производить между нами будутъ раздоръ. Прошу мнѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрить, что лишимся мы всѣ нашего покоя, ко̀гда вы за благо не разсудите сію, сошедшуюся надъ нашими голова́ми бурю отногнать и усмирить предосторожно и ревностно.

„Самъ же я не могу ѣздить къ его сіятельству г. президенту и не могу представлять ни словесно, ни письменно: ибо совѣтникъ Тепловъ, живущій въ его домѣ, и нынѣ чрезмѣрнымъ премѣненіемъ весьма доброжелательствующій похабственному Мюллеру, — котораго за нѣсколько лѣтъ ненавидѣлъ крайне, такъ что довольно не можно надивиться непостоянству одного въ дружествѣ, и постоянству другаго въ злыхъ умы̀слахъ, и обоё сіе отъ обоихъ спѣси происходящее, — Тепло̀въ, говорю, ругалъ меня поносными браньми безъ всякаго права и безъ всякой причины, да сверхъ того грозитъ, не инако какъ самый распаленный яростію душегубецъ, меня же заколоть шпагою. 1755 года. Ноября 15 дня.“

Мюллеръ, узнавъ объ этой жалобѣ Тредіаковскаго, писалъ доношеніе къ графу Разумовскому, прося потребовать отъ Тредіаковскаго доказательствъ въ его клеветахъ. О дальнѣйшемъ ходѣ всѣхъ этихъ распрей и пререканій въ дѣлахъ академическихъ архивовъ не имѣется [1]).

Неудачи Тредіаковскаго въ помѣще́ніи своихъ произведеній въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ навели его на мысль, что не исполняются его желанія видѣть въ печати свои труды единственно изъ личнаго нерасположенія, почему нашъ писатель

1) Записки Академіи наукъ, XIV, 79, 80.

прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ упросилъ Андрея Нартова, одного изъ усердныхъ вкладчиковъ статей въ Ежемѣсячныя Сочиненія, передать свои статьи редактору отъ имени Нартова, о чемъ самъ разсказывалъ: „сочинилъ я оду, назвавъ ее Вешнее Тепло, и тѣмъ утаивъ мое имя въ двухъ начальныхъ буквахъ, да и вручилъ конференцъ-секретарю посторонними руками. Расхвалена сія ода, и въ книшкахъ напечатана[1]). Хотя жъ мнѣ и посчастилось въ подставѣ чужаго автора; однако сей самый успѣхъ низвергъ меня почитай въ отчаяніе: ибо увидѣлъ подлинно, что презрѣніе стремится токмо на меня, а не на труды мои. Сіе самое испыталъ я и еще двѣмя пошлыми Піесами, изъ которыхъ первая о беспорочности и пріятности деревенскія жизни, а другая о шолкѣ и червяхъ шолковыхъ. Первая оная такъ тіпографщиками изгажена, что я въ сомнѣніе пришелъ, не нарочно ли сіе здѣлано, для безчестія мнѣ, можетъ быть почувствовавши, что она моя[2]). Писалъ я для того письмо къ издателю, и жаловался, что такъ дурно и развращенно съ сочиненіемъ моемъ поступлено; но онъ, свѣдавъ уже подлиннѣе о мнѣ, уничтожилъ токмо вторую, хотя и прошено было назадъ о шолкѣ; а того удовольствованія, котораго я требовалъ первой Піесѣ, здѣлать полнаго не разсудилъ за благо, для того что было бъ то по моему прошенію....“[3]).

Въ 1757 году помощникъ библіотекаря при Академіи Андрей Ивановичъ Богдановъ[4]) представилъ въ академическую

1) Ежемѣсячныя сочиненія, 1756 г., май, 469—477.

2) Ежемѣсячныя сочиненія, 1757 г., іюль, 66—88.

3) Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 16, 17.

4) Богдановъ извѣстенъ болѣе своимъ собраніемъ матеріаловъ для исторіи Петербурга, которое потомъ съ дополненіями издалъ Рубанъ 1779 г. подъ заглавіемъ: Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга съ 1703 по 1751, сочиненное г. Богдановымъ со многими изображеніями первыхъ зданій. Рукопись этого труда авторомъ поднесена была Академіи въ іюнѣ 1752 г., и графъ Разумовскій велѣлъ за нее выдать ему 50 рублей въ награжденіе (II, книга № 166.) До сихъ поръ о Богдановѣ было мало извѣстно, а потому здѣсь сообщаются о немъ слѣдующія подробности: онъ поступилъ на службу въ академическую типографію тередорщикомъ и въ ноябрѣ 1730 г. писалъ: «понеже милосердіемъ Божіимъ имѣю всячески охоту чему либо práучиться, какъ уже малому и прикоснул-

канцелярію книгу своихъ трудовъ „О началахъ и произведеніи въ свѣтѣ первыхъ азбучныхъ словъ“, о которой 27 февраля того года состоялось тамъ опредѣленіе, что эта „книга кажется такого содержанія, что оную напечатать при Академіи безъ стыда невозможно, а дабы сочинителевы труды не во всемъ были тщетны“, то велѣно было ее послать на разсмотрѣніе историческаго собранія, которое поручило разсмотрѣть произведеніе Богданова Тредіаковскому. Послѣдній представилъ, 12 марта 1757 года, слѣдующее собственноручное мнѣніе о книгѣ Андрея Богданова: „Прочетши съ прилѣжаніемъ, помянутаго

ся: обучился бо грамматики россійской и латинской, также мало отчасти и рисовать. А служба, въ которой пребываю, не токмо любопытству моему чинитъ великое препонство, но еще весьма тяжка и неспокойна», почему и просилъ объ опредѣленіи при библіотекѣ, «въ которой вседневно работая, что къ ея уборству, чистотѣ и порядку принадлежитъ, возмогу нѣкакой плодъ получить»... Просьба эта была тогда же исполнена (II, книга № 6 и 477), и Богдановъ оставался помощникомъ въ библіотекѣ до 11 сентября 1766 года, когда онъ умеръ. За нѣсколько дней до того, именно 3 сентября, онъ подалъ прошеніе, въ которомъ, прося о награжденіи его трудовъ, подробно прописывалъ всѣ свои работы, а именно отсюда видно, что Богдановъ въ службу поступилъ «съ 1712 года при пороховомъ дѣлѣ, гдѣ я отправлялъ должность вмѣсто отца своего, который тогда, будучи въ старости, работу отправлять не могъ по 1719 годъ, а въ этомъ году при типографіи до 1727 г.; а потомъ въ Академіи тамъ же до 1730 г., а съ того времени помощникъ библіотекаря. 1) Въ 1735 г. собственнымъ моимъ трудомъ, опричь академическихъ дѣлъ, сочинилъ книгу Конкорданцію на Посланія апостольскія, которая и по высочайшему монаршескому указу для всенародной пользы напечатана. 2) Опредѣленіемъ Академіи наукъ велѣно мнѣ быть при россійскомъ собраніи ради сочиненія россійскаго лексикона, котораго собрано и пріумножено съ немалымъ удовольствіемъ; въ которыхъ(?) какъ техническихъ терминовъ съ ихъ описаніемъ и приложенные при нихъ рисунки, такъ и всякими народными и книжными рѣчьми предовольно наполнены, который весь корпусъ состоитъ въ 18 волюменахъ, и нынѣ оный лексиконъ переводится на нѣмецкой, латинской, французской языкъ въ Академіи. 3) Целляріевъ латинскій лексиконъ, переведенный на россійскій языкъ — оный по алфавиту россійскому расположилъ, который нынѣ и въ печать изданъ. 4. Двумъ указнымъ книгамъ алфавитный реестръ сдѣлалъ. 5. Небольшую книжку россійскихъ пословицъ собралъ, которая въ библіотекѣ хранится. 6. Краткій екстрактъ о древнихъ русскихъ деньгахъ, какія тогда въ народѣ обращались. 7. Въ Степенную книгу алфавитный индексъ матеріямъ сочинилъ, которая въ библіотекѣ хранится. 8. Краткой экстрактъ о державныхъ россійскихъ князьяхъ и съ славными ихъ дѣлами написалъ, которая и напечатана г. статс. совѣтникомъ Ломоносовымъ. 9. Въ Саваріевъ Лексиконъ о коммерціи алфавитный индексъ сдѣлалъ, которая (sic) и напечатана. 10. Географическаго ле-

Богданова книгу, названную „Краткое вѣденіе, и Историческое изъисканіе о началѣ и произведеніи вообще́ всѣхъ азбучныхъ словъ, нашелъ, что-тру́дъ его и намѣреніе достойны похвалы: видно-что-онъ-вре́мя свое не тщетно препровождаетъ. Ежели книшка сія исправится по надлежащему; то возможетъ быть и полезна. Впрочемъ много въ ней при хорошемъ, и сомнительнаго. На примѣръ: 1) Сиѳъ на́чалъ вымышлять азбучныя слова́, а по немъ сынъ его Еносъ оныя довершилъ. 2) При смѣшеніи язы́ковъ, не язы́ки только перемѣнились, но и видъ лицъ на разныя обличія. 3) Александра Великаго Граммата къ Словенороссійскому народу, не знаю каки^м^ у него языкомъ

ксикона полной алфавитъ собралъ изъ Гибнеровой географіи, къ которому приложа краткое описаніе, оный можетъ и за географическій лексиконъ служить особливо, которое въ библіотекѣ хранится. 11. Въ Камчатскую исторію въ первой и второй томъ алфавитные реестры матеріямъ сдѣлалъ, которые и напечатаны. 12. По силѣ даннаго отъ императорской Академіи наукъ указу японскую школу содержалъ и къ тому ученію пять книгъ грамматическихъ произвелъ для японскаго языка, которыя въ библіотекѣ хранятся. 13. Извѣстіе краткое историческое сдѣлалъ о упомянутыхъ японцахъ, какимъ случаемъ оные японцы въ Россію попались, которое у г. профессора Крашенинникова въ доказательство о тѣхъ японцахъ въ Камчатскую его исторію внесено. 14. Всѣмъ россійскимъ типографіямъ и въ нихъ, какія напечатаны были книги, опымъ лѣтописный каталогъ сочинилъ. 15. Каталогъ сдѣлалъ алфавитнымъ расположеніемъ россійской библіотеки, который и напечатанъ. Расположеніе недѣль въ календарѣ, по уставу церковному читаемыхъ, а потомъ и евангеліямъ съ 1728 по 1766 года исправилъ. 17. Многимъ книгамъ россійскимъ, въ небытность корректора, корректуры правилъ. 18. Надъ фигурною палатою въ 1744 году правленіе имѣлъ, и оной палаты приходъ и расходъ содержалъ, гдѣ начету никакого не явилось. 19. Въ прошломъ 1752 году собственнымъ моимъ трудомъ сочинилъ книгу Исторію о построеніи царствующаго града Санктпетербурга отъ начала его построенія до нынѣ славно царствующихъ временъ, которая состоитъ отчасти изъ славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ государя Петра Великаго, поднесена въ честь и славу императорской Академіи наукъ, которая и хранится въ библіотекѣ. 20. А въ 1736 году когда поручила мнѣ императорская Академія наукъ въ содержаніе россійскую библіотеку, которую засталъ съ небольшимъ 700 книгъ, а нынѣ моимъ стараніемъ пріумножено числомъ болѣе двухъ тысячъ книгъ. 21. А въ 1735 году, по представленному отъ меня репорту, изъ бывшей синодальной типографіи недопечатанной Рикотовой исторіи О Турецкой монархіи цѣлый заводъ 1200 книгъ въ прибыль безденежно Академіи наукъ присовокупилъ. 22. Раченіемъ же моимъ всѣ математическіе инструменты вычистилъ, которое надлежало бы инструментальнымъ художникомъ чистить и исправлять чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, за чтобъ имѣли получить жалованье...» (II, книга № 301).

писанная, только мѣсяцъ въ ней названъ Прімусъ, да и боги и богини, Марсъ, Юпитеръ, Венера и Минерва по-Латински: а Словенскій ея слогъ, всеконечно есть недавнихъ вѣковъ. 4) Третіе наше крещеніе было и при велико[м] князѣ Олегѣ и въ лѣто 786. 5) Всѣ народы, какъ-скоро-получили азбуку, такъ-тотчасъ и здѣлали у себя составъ Грамматіки собственно такъ называемыя Науки, и начали записывать слова въ Лексіконы. Довольно и-еще подобнаго сему. Генеалогическую таблицу Наука[м], я рассуждаю быть совсѣмъ излишнею, хотя вымыслъ и одобряю. Не нравятся мнѣ и прочіе таблицы его медічески[м] и алгебрагічески[м] знакамъ. Мнѣ мнится, что и тітулу книшки сея должно быть слѣдующему: „Краткое разъисканіе о началѣ и произведеніи азбучныхъ словъ". Что жъ до стіля, то весь отъ доски до доски надлежитъ править. Кажется что-и-доношѣнію въ заглавіи книги, быть неприлично. Наконецъ заключаю вообще, что не токмо довольно сего опыта съ (sic) силъ и знанія Богданова, но мнится что-и-много" [1]). Трудъ Богданова остался ненапечатаннымъ.

Въ протоколѣ историческаго собранія 5 марта 1757 года было между прочимъ, занесено: „въ историческомъ собраніи читанъ указъ о новыхъ членахъ въ академической канцеляріи, такожъ и инструкція, и требованъ отъ г.г. профессоровъ, намѣрены-ли они впредь свои сочиненія подать для разсмотрѣнія въ собраніе, дабы такимъ образомъ историческія собранія вновь порядочно начаты и продолжены быть могли. На что никто точно не отвѣтствовалъ, только г. профессоръ Тредіаковскій сказалъ, что-де его подаваемыя сочиненія въ Ежемѣсячныя сочиненія не внесены; да и слышалъ-де онъ будто не велѣно ничего его дѣлъ принимать, и для того спросилъ: можетъ ли впредь чего подавать въ собраніе? На что ему ничего не отвѣтствовано, но объявлено, чтобъ требовалъ о томъ повелѣнія отъ канцеляріи или отъ его высокографскаго сіятельства г. президента" [2]).

18 марта Мюллеръ представилъ вѣдомость, кто изъ акаде-

1) II, книга № 220.

2) II, книга № 501.

миковъ намѣренъ читать лекціи въ 1757 году. Тредіаковскій отвѣчалъ по латини, и его отвѣтъ переведенъ по русски съ поправками Софронова: „При начатіи лекцій, съ Божіею помощію, диктовать буду правила о краснорѣчіи, изъ разныхъ авторовъ выбранныя и систематическимъ порядкомъ между собою соединенныя, и при томъ по онымъ правиламъ студентовъ обучать буду сочиненій. 2) Послѣ сего имѣю толковать Горація. Въ разсужденіи же моихъ многихъ и долговременныхъ трудовъ, такожъ моихъ припадковъ, которые только временемъ мнѣ приключаются, желалъ бы я, чтобъ для моихъ лекцій назначены были часы предъ полуднемъ по пятницамъ. Впрочемъ сіе предаю на соизволеніе канцеляріи Академіи наукъ господъ присутствующихъ. Марта 14, 1757“. 20 марта, канцелярія постановила представить президенту при каталогѣ лекцій профессоровъ по 1757: „о г. Тредіаковскомъ чтобъ его уволить отъ лекцій, а вмѣсто того опредѣлить единственно къ переводомъ, или ежели ему читать лекціи, то развѣ поручить толкованіе древней и новой исторіи, которое онъ и на русскомъ языкѣ отправлять можетъ“[1]).

Въ мартѣ же 1757 г. канцлеръ прислалъ въ Академію на разсмотрѣніе переводъ переводчика иностранной коллегіи Урила Иванова „Проблематъ“. Канцелярія послала въ историческое собраніе, и Тредіаковскій, потребовавъ польскій подлинникъ, написалъ за тѣмъ слѣдующее собственноручное мнѣніе 19 марта 1757 года: „Книшку переведенную съ Польскаго языка, а названную Проблематами, я прочелъ съ довольнымъ любопытствомъ. Мнѣ показалось, что Господинъ переводившій разумѣлъ своего Автора. Ежели онъ очиститъ переводъ свой отъ Полонісмовъ [каковы суть, и кадъ всѣ иные вещи выше показывался, вмѣсто, всѣхъ другихъ вещей выше казался; Приповѣсть, вмѣсто пословицы или Прісловія; изъ матеріи сухой а теплой, вмѣсто сухой и теплой: ибо (а) на польскомъ есть союзъ сопрягательный, а не частица противительная, и не мало подобныхъ]: то оный при исправномъ будетъ чистый

1) II, книга № 220.

и хорошій. Но истинну всего содержанія должно, мнится, физікамъ и фізіологамъ или еще испытать-внóвь, или за испытанную давно, подтвердить нынѣ"[1]).

Что касается до содержанія перевода Иванова, то о немъ академикъ Румовскій писалъ: „Книга, которая имѣетъ надпись Проблемата, мною почти вся прочитана, и понеже канцелярія Академіи наукъ требуетъ мнѣнія отъ собранія, то можно объ ней объявить слѣдующее: что книга, сверхъ худаго штиля и погрѣшностей и противъ россійскаго языка, исполнена неприличностьми и ложными мнѣніями. Всѣ вопросы въ ней рѣшаются чрезъ духи (spiritus) и четыре элемента: горячій (colidum), студеной (frigidum), мокрой (humidum) и сухой (siccum). При томъ не малое число находится въ оной вещей суевѣрныхъ, выбранныхъ изъ древнихъ астрологовъ. Какъ напр. о толкованіи словъ и прочая. И для того ни исправить оной, ни напечатать не можно"[2]).

Въ 1757 году Тредіаковскій сдѣлалъ новую попытку издать въ свѣтъ свои произведенія—стихотворное переложеніе Псалтири и Θеоптію, которыхъ, какъ видѣли выше на стр. 173—177, не хотѣли печатать въ академической типографіи. На этотъ разъ Тредіаковскій обратился съ ходайствомъ къ синоду, въ который въ апрѣлѣ 1757 года писалъ: „многіи изъ боголюбивыхъ людей требуютъ у меня тѣхъ книгъ на прочтеніе, а иныи и на преписаніе; такъ что я ни читателей, ни преписателей всѣхъ однимъ токмо подлинникомъ удовольствовать не могу по нынѣ: сверхъ же того и всегда опасаясь, чтобъ преписатели не внесли въ списки важныхъ какихъ погрѣшностей и тѣмъ не нанесли бъ предосужденія какъ разсматривавшимъ просвѣщеннымъ и благомудрымъ синодальнымъ членамъ, такъ и мнѣ съ правымъ намѣреніемъ трудившемуся: а къ тому жъ нѣсколько и боюсь, чтобъ тѣмъ единственнымъ книгамъ, обращаемымъ разными руками, не избиться, или и во вся не затеряться. Сіи причины возбудили во мнѣ желаніе нынѣ, чтобъ помяненные книги непечатать церковнымъ типомъ, какъ по всему духовные...." Затѣмъ

1) II, книга № 221.

2) II, книга № 221.

Тредіаковскій входитъ въ подробности, какими шрифтами желаетъ онъ печатать свои Псалтирь и Өеоптіею, гдѣ ставить ударенія, и гдѣ не ставить и пр. Въ заключеніе своего прошенія Тредіаковскій писалъ: „Ежели святѣйшій правительствующій синодъ благоизволитъ опредѣлить, чтобъ книгамъ симъ быть напечатаннымъ на моемъ иждивеніи; то покорнѣйше прошу опредѣлить печатать шестьсотъ токмо книгъ, и денегъ за напечатаніе не спрашивать съ меня потá, пока не выберется сумма, въ кою станутъ матеріалы съ печатаніемъ: ибо я человѣкъ весьма не богатый, такъ что не продавъ книгъ, не могу имѣть подлежащія тоя суммы: а притомъ и приказать прислать мнѣ сюда пятьдесятъ книгъ въ тетрадяхъ по напечатаніи, а прочимъ бы отданнымъ быть для продажи повѣреннымъ отъ меня: но буде опредѣлится, чтобъ имъ быть печатаннымъ не на моемъ иждивеніи, то предано въ волю святѣйшаго правительствующаго синода печатать ихъ столько, сколько угодно будетъ: однако меня трудившагося чрезъ четыре года надъ ними взыскать по благорассмотрѣнію въ нѣкоторое утѣшеніе за подъятые труды....“

Синодъ, во уваженіе бѣдности Тредіаковскаго, согласился на его ходатайство и послалъ рукопись его для печатанія въ синодальную типографію въ Москву. Тредіаковскій 1 мая 1757 года написалъ вслѣдствіе того письмо къ справщикамъ „московскія древнія типографіи“, въ которомъ чрезвычайно подробно объяснялъ, какъ онъ желаетъ, чтобы печатали его рукопись церковными буквами. Несмотря, однако, на разрѣшеніе синода, судьбѣ не угодно было, чтобы Псалтирь и Өеоптія Тредіаковскаго были напечатаны. Вмѣсто исполненія синодскаго указа о печатаніи, изъ синодальной типографіи было представлено въ синодъ „выписка о сумнительствахъ, въ Өеоптіи находящихся“. Замѣчательно здѣсь то, что между разными придирками къ Тредіаковскому, имѣвшему привычку, какъ уже видѣли выше, въ крайнихъ случаяхъ обвинять своихъ противниковъ въ неуваженіи и искаженіи Св. Писанія, между этими придирками встрѣчаются обвиненія въ распространеніи нашимъ писателемъ мыслей, противныхъ Св. Писа-

нію, а именно, когда онъ въ стихахъ говорилъ, что земля вертится, что солнце стоитъ, что луна ходитъ вслѣдъ за землею и т. п. Между подобными замѣчаніями встрѣчается въ концѣ и такое: „встарь вм. встарину, весьма подло!“[1]) Выписка о сумнительствахъ, какъ ни странна она кажется нынѣ, произвела то дѣйствіе, котораго ожидалъ ея составитель: ни Псалтирь, ни Ѳеоптія Тредіаковскаго не были обнародованы.

Въ началѣ 1757 года въ читающей петербургской публикѣ распространилось въ рукописи сатирическое стихотвореніе, извѣстное и нынѣ подъ заглавіемъ Гимнъ бородѣ. Стихи эти производили въ свое время большой скандалъ, и дѣло зашло было такъ далеко, что считалось нужнымъ представить императрицѣ Елисаветѣ докладъ 6 марта 1757 года, съ жалобами на Ломоносова, котораго считали авторомъ стихотворенія. Докладъ остался безъ послѣдствій для Ломоносова, но Тредіаковскій съ горячностью взялъ на себя защиту осмѣянныхъ его соперникомъ бородъ и старался указать въ этомъ стихотвореніи на кощунство и неуваженіе къ вѣрѣ своего давняго литературнаго недруга. Подъ псевдонимомъ Христофора Зубницкаго, Тредіаковскій написалъ письмо будто бы изъ Холмогоръ, отъ 15 іюля 1757 года, при которомъ приложилъ другое къ Ломоносову, вмѣстѣ съ пародіею на Гимнъ бороды, гдѣ описанъ авторъ его такъ, что легко угадать, что здѣсь идетъ рѣчь о недостаткахъ Ломоносова, о чемъ будетъ еще говорено въ жизнеописаніи послѣдняго.

Въ „Переодѣтой бородѣ, или имнѣ пьяной головѣ“ Тредіаковскій осмѣиваетъ извѣстную слабость Ломоносова къ вину и намекаетъ, что людей, осмѣливающихся ругаться надъ предметами всеобщаго уваженія, дѣльно сжигать въ срубахъ! Но эта угроза даже въ тѣ времена была нѣкоторыми встрѣчена съ негодованіемъ: въ однихъ стихахъ, приписанныхъ въ извѣстномъ казанскомъ сборникѣ Сумарокову, а въ принадлежащемъ

1) Москвитянинъ 1851 года, №№ 19 и 20, Матеріалы для исторіи русской словесности, О Ѳеоптіи Тредіаковскаго, 536—552.

мнѣ—Баркову, что, кажется, вѣроятнѣе, выведены на посмѣяніе защитники бороды. Стихи эти начинаются такъ:

Пронесся слухъ: хотятъ кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
. . . .
Спаси, о Боже! насъ отъ звѣрскаго ихъ гнѣва.
Забыли то они, какъ ближняго любить;
Лишь мыслятъ, какъ его удобнѣй погубить,
И именемъ твоимъ стремятся только твердо
По прихотямъ людей разить немилосердо.

Въ другой сатирѣ представляется ярость бородъ противъ хулящихъ ихъ; у почитателей бородъ усы свивались въ плети, а бороды въ кнуты — все для брадоборца, котораго потащутъ на судъ и засѣкутъ усами![1]) Ломоносовъ также не остался въ долгу у Тредіаковскаго и написалъ „Зубницкому":

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
Твой мерзкой складъ давно и смѣхъ намъ и печаль:
Печаль, что ты языкъ россійской развращаешь;
А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ;
Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.
Давно изгага всѣмъ читать твои синички,
Дорогу некошну, вонючія лисички.
Никто не помнпай намъ подлости ходуль
И къ пьянству твоему потребныхъ красоуль.
Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ, на злость твою взирая, улыбался:
Ученія его, и чести, и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода[2])

Въ другомъ стихотвореніи, также приписываемомъ Ломоносову, говорится въ началѣ, что всѣ раскольники готовы сгорѣть за бороду, а потомъ:

Кто зажогъ?
Лжепророкъ.
Изъ какого лѣсу?
Онъ одинъ
Тресотинъ
Сердцемъ сроденъ бѣсу.

---

1) Библіографическія записки 1859 года, № 15. Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія А. Аѳанасьева, 461—473.

2) Москвитянинъ 1854 г., №№ 1, 2, отд. IV, Историческіе матеріалы. Любопытные документы изъ портфелей Мюллера, стр. 3.

Онъ безбожный лицемѣръ,
Побродяга, суевѣръ,
Онъ продерзостью своей
Ободрилъ бородачей.

Въ концѣ намекъ на то, что Тредіаковскій въ царствованіе императрицы Анны служилъ посмѣшищемъ, наравнѣ съ тогдашними шутами Педриллою и Балакиревымъ:

Ну-жъ, хватай
Поскоряй,
Не теряй минуты
Тѣшься такъ....
. . . .
Въ пляску, въ валку, въ жгуты,
Какъ Педрилъ тебя каталъ
И Балакиревъ гонялъ!
Всѣ ревутъ тебѣ: куражъ,
Тресотинъ, угодникъ нашъ! [1])

Тредіаковскій пробовалъ отбиваться также эпиграммами: въ одной онъ говоритъ, что нынѣ проявились судьи, которые всѣхъ осуждаютъ

Согласія въ нихъ нѣтъ, въ нихъ только что раздоръ;
Какими-то стишками чинятъ свой приговоръ,
И въ людяхъ хулятъ все и въ тѣхъ, кто ихъ умнѣе,
А сами не признаютъ, что всѣхъ они глупѣе.

Въ другой выведенъ Цыганосовъ, т. е. Ломоносовъ. Здѣсь пересчитываются такія изъ достоинствъ, которыхъ, по мнѣнію Тредіаковскаго, не было у Ломоносова, а кончается эпиграмма такъ:

Цыганосовъ толь благъ, почтить коль не могу
Цыганосовъ.... цыцъ, цыцъ! вить похвалу я лгу.

Ломоносовъ отвѣчалъ новой эпиграммой, въ которой Тредіаковскій представленъ ничего не стоющею мухою [2]):

Отмщать завистнику меня вооружаютъ,
Хотя мнѣ отъ него вреда отнюдь не чаютъ.

---

1) Библіографическія записки 1859 года, № 15, 474, 475, 476.

2) Эта эпиграмма помѣщена въ Библіографическихъ запискахъ 1859 года, № 17, стр. 517, и притомъ съ несовсѣмъ вѣрнаго списка. Здѣсь она печатается съ собственноручной ломоносовской рукописи, доставленной въ Академію наукъ отъ П. Муханова, о чемъ см. выше стр. 178.

Когда Зоилова хула мнѣ не вредитъ;
Могу ли на него за то я быть сердитъ?
Однакожъ осержусь! Я всталъ, ищу обуха;
Ужъ поднялъ, я махну! а кто сидитъ тутъ? Муха!
Коль жаль мнѣ для нея напраснаго труда.
Бѣдняжка, ты летай, ты пой: мнѣ нѣтъ вреда.

Тредіаковскій въ свою очередь возражалъ, что должно быть „безстыдный Родомонтъ“ былъ пьянъ, когда писалъ такъ:

. . . . не муха то была,
Но трудница медовъ россійскихъ тѣхъ пчела!

Въ другомъ стихотвореніи его опять насмѣшки надъ невоздержаніемъ Ломоносова:

Не возмешь-ли съ собою ты бочку пива въ гробъ?
И такъ же ли счастливъ мнишь въ будущемъ быть вѣкѣ,
Какъ здѣсь у многихъ ты въ пріязни и опекѣ? 1)

Съ августа 1757 года Тредіаковскій прекратилъ хожденіе въ Академію, а потому съ небольшимъ черезъ годъ президентъ графъ Разумовскій постановилъ потребовать о томъ объясненія отъ Тредіаковскаго, а до тѣхъ поръ прекратить выдачу ему жалованья.

Тредіаковскій отвѣчалъ длиннымъ доношеніемъ въ шестнадцати пунктахъ, гдѣ онъ распространялся какъ о болѣзняхъ своихъ — гемоптозисѣ и ипохондріи, такъ и обо всѣхъ ударахъ, которые, по его словамъ, уязвляли его нестерпимо, это непечатаніе его произведеній, о чемъ говорено уже было выше. „Послѣ сего, продолжаетъ онъ въ доношеніи, ненавидимый въ лице, презираемый въ словахъ, уничтожаемый въ дѣлахъ, охуждаемый въ искусствѣ, прободаемый сатірическими рогами, изображаемый чудовищемъ, еще и во нравахъ (что сего безсовѣснѣе?) оглашаемый, всежъ то или по злобѣ, или по ухищренію, или по чаянію отъ того пользы, или наконецъ его собственной потребности, чтоб употребляющаго меня праведно и съ твердымъ [illegible]ваніемъ (и), въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественныхъ мужескихъ цѣлыхъ, всемѣрно низвергнуть въ пропасть безславія, всеконечно ужé изнемогъ я въ силахъ къ

1) Библіографическія записки 1859 года, № 17, 513—515.

бодрствованію: чего ради и настала мнѣ нужда уединиться.... Однако, сколь мысли мои нынѣ ни помрачены всегда, но, когда или болѣзнь моя не толь жестоко меня томитъ, или хорошее и погодное время настоитъ, не оставляю того (сіе есть второе, о че^{м} указо^{м} повелѣно мнѣ отвѣтствовать), чтобъ не продолжать Ролленевыхъ оставшихся Древностей: ибо хотя Ролленъ и не продолжается печатію; но мнѣ не повелѣно покинуть сей переводъ.... Доношу прито^{м}, что, когда переводъ утруди^{т}, читаю я Авторовъ Латінскихъ, Французскихъ, Польскихъ и нашихъ древнихъ, а читаю ихъ не для любопытства, но для пользы всей Россіи: ибо сочинилъ я три большіе діссертаціи, первую о первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоніческимъ; вторую о родоначаліи Россовъ; а третію, о Варягахъ Руссахъ, Славенскаго званія, рода и языка. Они всѣ три у меня подъ одни^{м} имене^{м} третіея діссертаціи.... Нынѣ ея, когда поможется, разцвѣчиваю, дополняю, поправляю и накрѣпко разсматриваю.... Донесено канцеляріи, что нехожденію моему въ собраніе, причина болѣзни. Однако, чувствуе^{т}, мню, она, что и дома уединенъ пребывая, не сижу празденъ, когда попускаетъ слабость. Отъ многихъ опытовъ долженствуетъ быть ей извѣстно, что я не обыкъ къ празности, и въ трудолюбіи едва кому изъ Академиковъ уступить могу: двадцать восемь лѣтъ службы безпорочныя и ревносныя да удостовѣряютъ ея о сей истинѣ. Съ другой стороны, сколько она нынѣ ни видитъ Россійскихъ стіховъ, отъ разны^{х} авторовъ составляемыхъ, то въ составѣ сихъ Стіховъ, по количеству ихъ, видитъ она мой собственный плодъ, и то^{т} новый...“

Въ концѣ Тредіаковскій жалуется на пріостановленіе ему выдачи жалованья „....я сея немилости ниче^{м} не заслужилъ: въ сей бѣдности помо́чь себѣ могу развѣ только проданіемъ дворишка: весь ужѐ въ долгу, хотя и не мотаю, благодаря Богу.... Я несправедливо осужденъ буду, ежели осужденъ чрезъ удержаніе жалованья умирать голодомъ и холодомъ, какъ будто винный предъ до^{л}жностію моею. И какъ то ни есть; только у меня нѣтъ ни полушки въ домѣ, ни сухаря хлѣба, ни дровъ полѣна. Да благоволитъ вѣдать канцелярія; я по сіе время не

былъ виненъ ни предъ должностію моею, ни предъ надзирающими должность мою, и ни предъ кѣмъ изъ равныхъ мнѣ. Я трудился понынѣ почитай сверхъ силъ, а отнынѣ работаю ужé по силамъ: слабости, немощи и печали тому причина. Наконецъ, я никого не виню въ моемъ несчастіи: Преверховное Правосудіе меня казнитъ за беззаконія и грѣхи мои; Оно меня по судьбамъ своимъ поставило въ сихъ Академическихъ расположеніяхъ: ибо предъ нимъ я виноватъ безъ числá, а не предъ Академіею и предъ Академіками".

3 и 15 ноября 1758 года Тредіаковскій снова подавалъ доношеніе съ просьбою о заслуженномъ жалованьѣ, „ибо я, говорилъ онъ, за неполученіемъ онаго, претерпѣваю голодъ и холодъ". Отвѣтомъ на эту просьбу было постановленіе въ академической канцеляріи отъ имени графа Разумовскаго: объявить Тредіаковскому „чтобъ онъ въ Академію ходилъ и должность свою отправлялъ по прежнему; а доколѣ хожденія имѣть не станетъ и не покажетъ, въ чемъ чрезъ цѣлые два года трудился для пользы Академіи, жалованья ему не производить". Тогда Тредіаковскій подалъ прошеніе объ отставкѣ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „нынѣ отъ долговременныхъ и премногихъ трудовъ, впалъ я въ тяжкія болѣзни, а отъ разныхъ человѣческихъ приключеній въ бѣдность, въ печали, и почитай въ непрерывное затмѣніе мыслей; такъ что сдѣлался крайне неспособнымъ къ продолженію службы Вашему Императорскому Величеству при Академіи наукъ, гдѣ свѣтлость разума требуется, не токмо ничѣмъ непомраченнаго, но и одобреннаго, и всегда одобряемаго".

Просьба эта записана въ канцелярію 23 марта 1759 года, а 30 числа того же мѣсяца было сдѣлано распоряженіе объ увольненіи Тредіаковскаго изъ Академіи и объ уплатѣ изъ причитавшагося ему по 30 марта (т. е. по день отставки изъ Академіи) 200 руб., должныхъ имъ банковой конторѣ вексельнаго производства, и выдачѣ остальныхъ денегъ самому Тредіаковскому. Нашъ писатель послѣ того домогался-было, чтобы ему выдано было жалованье за послѣдніе дни марта и за весь апрѣль на томъ основаніи, что онъ въ это время держалъ еще коррек-

туры, или какъ говорилъ онъ по старинному „подписывалъ кавычны елисты“. Академическая канцелярія отказала въ этомъ ходатайствѣ.

17 іюня 1759 года Тредіаковскій просилъ о пашпортѣ, такъ какъ онъ намѣревался „отъѣхать отсюду вскорѣ для собственныхъ его нуждъ и для житья въ Москву“, а 23 іюня—объ аттестатѣ, который и былъ ему выданъ[1]).

Такъ кончилась служба Тредіаковскаго въ Академіи, которая — должно сознаться — въ лицѣ тогдашнихъ правителей ея судебъ, т. е. Ломоносова и Тауберта (Шумахеръ уже былъ дряхлъ), поступила жестоко съ этимъ старымъ и несомнѣнно оказавшимъ услуги русскому просвѣщенію писателемъ, который остался на старости съ семьей безъ всякихъ средствъ къ существованію. Хотя всѣ постановленія академической канцеляріи объ отставкѣ Тредіаковскаго писались отъ имени графа Разумовскаго, однако изъ современныхъ свидѣтельствъ не видно, чтобы это лицо отличалось жестокосердіемъ; притомъ же президентъ легко поддавался стороннимъ вліяніямъ, а потому надо предполагать, что крутой образъ дѣйствій съ бѣднымъ старикомъ былъ слѣдствіемъ личной вражды къ нему лицъ, имѣвшихъ тогда вѣсъ въ академическомъ управленіи.

Въ томъ же 1759 г. Сумароковъ издавалъ періодическое изданіе Трудолюбивая пчела, и въ мартовской и іюльской книжкахъ ея встрѣчаются стихотвореніе и статейка Тредіаковскаго. Первое озаглавлено Сонетъ изъ сея греческія рѣчи Στέφει τιμῶν 7ας αὐτὴν ἀρετὴ, то есть: добродѣтель почитающихъ вѣнчаетъ[2]). Вторая — О мозаикѣ[3]). Въ послѣдней статейкѣ Тредіаковскій распространяется исключительно о томъ, откуда произошло слово мозаика, также и различныхъ ея родахъ и о финифти. Въ концѣ же скромное замѣчаніе: „Живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе Мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ Автора: ибо не возможно,

1) Записки Академіи наукъ, IX, Матеріалы для біографіи Тредіаковскаго, 175—191.

2) Трудолюбивая Пчела, 187, 188.

3) Ibid., 353—360.

говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемаго Фрескою, изъ воды по сырой извести." Какъ ни справедливы и въ тоже время какъ ни невинны были эти отзывы о мозаикѣ, Ломоносовъ, однако, ими обидѣлся и до такой степени, что жаловался на это тогдашнему временщику Ивану Шувалову, и притомъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ: „Въ Трудолюбивый такъ называмой Пчелѣ напечатано о мазаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр. совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь можно цѣлый видѣть комплотъ: Тредіаковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу, Т. (Таубертъ) далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую!" Даже года три спустя Ломоносовъ не забылъ отзывъ Тредіаковскаго о мозаикѣ, но смѣшалъ всѣхъ своихъ враговъ, и въ Краткой исторіи объ академической канцеляріи уже укоряетъ Мюллера за то, что будто этотъ помѣстилъ непріятную для него статью о мозаикѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: „Сіи ругательства, говоритъ тамъ Ломоносовъ, дѣлу для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т.: собираетъ сочиненія профессоръ Мюллеръ; печатаетъ Таубертъ. Одному — Ломоносова стихотворство; другому его исторія, третьему — обое; а паче всего въ Канцеляріи товарищество противно" [1]).

Сотрудничество Тредіаковскаго въ изданіи его литературнаго врага — Сумарокова указываетъ, что между ними въ то время послѣдовало примиреніе, и на эту-то тему написана эпиграмма Ломоносовымъ, гдѣ Тредіаковскій называется Сотиномъ, а Сумароковъ — Аќоластомъ; подъ именемъ Пробина, конечно, разумѣетъ Ломоносовъ самого себя.

Злобное примиреніе.

Съ Сотиномъ — что за вздоръ? — Аќоластъ примирился;
Конечно третій членъ къ нимъ лѣшій прилѣпился,

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные Билярскимъ (Спб., 1865 г.), 389, 390.

Дабы три фуріи, втѣснившись на Парнассъ,
Закрыли крикомъ музъ россійскихъ чистый гласъ.
Коль много разъ театръ казалъ на смѣхъ Сотина,
И у Аколаста онъ слылъ всегда скотина.
Аколастъ, злобствуя, всѣмъ уши раскричалъ,
Картавилъ и сипѣлъ, качался и мигалъ,
Сотиновыхъ стиховъ разсказывая скверность;
А нынѣ объявилъ любовь ему и вѣрность,
Дабы Пробиновыхъ хвалу унизить одъ,
Который, вознося, Россійскій чтитъ народъ.
Аколастъ написалъ: Сотинъ лишь врать способенъ,
А нынѣ доказалъ, что самъ ему подобенъ.
Кто быть желаетъ нѣмъ, и слышать наглыхъ вракъ,
Межъ самохвалами съ умомъ прослыть дуракъ,
Сдружись съ сей парочкой. Кто хочетъ съ ними знаться
Тотъ думай, каково въ крапиву испр.... [1]).

Въ 1760 году изъ типографіи московскаго университета вышелъ въ свѣтъ переводъ, подъ заглавіемъ: Житіе концлера Францiска Бакона. Перевелъ съ французскаго на россійскій Василій Тредіаковскій, профессоръ и членъ Санктпетербургскія императорскія Академіи Наукъ [2]).

Въ томъ же 1760 году Тредіаковскій опять въ Петербургѣ занимался корректурою издаваемаго Академіею перевода Исторіи Роллена и при этомъ случаѣ напоминалъ академической канцеляріи, что онъ, и получая изъ Академіи жалованье, имѣлъ двѣнадцать экземпляровъ по окончаніи каждаго тома, изъ которыхъ одинъ на александрійской бумагѣ, а другой на любской во французскихъ переплетахъ, да десять на простой безъ переплета: „а нынѣ онъ (Тредіаковскій) въ корректурахъ (всегда скучнѣйшихъ са́маго дѣла) пятаго и шестаго томовъ, не по должности уже́, но по ревности, трудился жъ, трудясь также и надъ седьмымъ, да безъ его корректуръ нельзя и обойтись для нѣкоторыхъ благословныхъ причинъ. И такъ справедливо и должно, мнится, наградить его и нынѣ равнымъ же образомъ, въ разсужденіи пятаго и шестаго томовъ напечанныхъ, и уже продаемыхъ“. 29 мая 1760 года, канцелярія исполнила это напоминаніе [3]).

---

1) Москвитянинъ 1854 г., отд. IV. Документы изъ портфелей Мюллера, 1—3.

2) Книга эта въ 4°, 221 нумеровъ. стран.

3) II, книга № 254.

Недостатокъ средствъ къ существованію вѣроятно былъ причиною, что Тредіаковскій на старости лѣтъ вздумалъ обратиться къ педагогической дѣятельности. Такимъ образомъ въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1760 г., въ августѣ мѣсяцѣ (№ 69), помѣщено было такое объявленіе: „Г. профессоръ Тредіаковскій намѣренъ принимать къ себѣ дѣтей въ пансіонъ и безъ пансіона для обученія французскому и латинскому языкамъ, и переводить съ оныхъ на россійской, также праву натуральному, исторіи и географіи, о чемъ охотники съ нимъ самимъ обстоятельно изъясниться могутъ". Нашлись-ли такіе охотники, неизвѣстно.

12 января 1761 года, Тредіаковскій подалъ въ академическую Канцелярію слѣдующее собственноручное прошеніе: „1) Желаю я именованный напечатать въ тіпографіи Академіческой моимъ коштомъ книгу, состоящую въ шесна^т^цати Томахъ, именуемую Римская Історія отъ созданія Рима по Антійскую битву, сочиненную Г. Ролленемъ на французскомъ, а переводимую нынѣ мною: ибо Канцелярія Імператорскія Академіи Наукъ имѣла достохвальное обыкновеніе ка^к^ съ нача́ла такъ и по нынѣ имѣетъ, принимать отъ постороннихъ книги къ напечатанію на коштѣ представившихъ оные, что и о^т^ меня неоднократно принимано было. 2) Помянутыя Римскія Історіи переводу моему, желаю быть печатаему въ двухъ тысячахъ четырехъ стахъ книгахъ, каждаго тома: та^к^ чтобъ 1) двумъ тысячамъ быть на комментарной Ро̃ссійской бумагѣ, а четыре^м^ ста^м^ на Любской; 2) чтобъ книгамъ быть въ полдесть, въ тотъ же са́мый форма́тъ, въ какой печатается Древняя, его жъ Ролленева Історія, и тѣми жъ літерами въ предисловіяхъ, въ предувѣдомленіяхъ, вступленіяхъ, въ текстѣ, и въ примѣчаніяхъ, выключая токмо прописи параграфовъ, коимъ желаю быть печатаемымъ літерами ежемѣсячныхъ книжекъ, или какими другими, только^б^ не заглавными; 3) но чтобъ тіпографія совершала конечно печатаніе^м^ на каждый годъ два то́ма: а я платить буду наличныя деньги во что каждый томъ станетъ тотча́съ по окончаніи печатію каждаго То́ма по́рознь, и пото́мъ уже́ принимать напечатанный томъ. 3) Того ради покорно

прошу Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ, благоволить опредѣлить по сему моему желанію, и принявъ пріобщенную при семъ часть Авторова предисловія, переведеннаго мною на́ три листа печатныхъ [ибо конецъ и продолженіе я еще высматриваю дома] отослать для начатія печатаніе[м] въ тіпографію, также и приказать, что[б] послѣдованіе перевода моего принимано было прямо отъ меня въ тіпографію, безъ внесенія въ Канцелярію, дабы тѣ[м] не тратилось время; а я увѣряю, подъ прежестоки[м] наказаніемъ, что, кромѣ настоящаго перевода Історіи, точно и вѣрно, ничего не да[м] и не подложу къ печатанію..."

Академическая канцелярія опредѣлила печатать переводъ Тредіаковскаго, но съ условіемъ чтобъ имъ было внесено впередъ 100 рублей, и соблюдать это и при печатаніи послѣдующихъ томовъ [1]).

Въ началѣ іюля 1761 г. I-й томъ этого перевода былъ отпечатанъ [2]). Тотчасъ же по поступленіи его въ продажу явилась и эпиграмма съ поддѣлкою подъ манеру Тредіаковскаго, принадлежащая, судя по подписи первыхъ буквъ фамиліи, Андрею Нартову:

Вывѣска.

Симъ объявляется
И повторяется,
Что Римскія томъ первъ Исторіи Роллена,
Да и по русскому — какая о премѣна! —
Въ продажѣ есть на томъ дворѣ, гдѣ самъ толмачь
Живетъ, что́ прежъ сего стиховъ былъ русскихъ ткачь:
Домъ краска зелена́,
Въ двѣнадцатой линеи
Покажетъ, а цѣна
Вотъ вамъ, о благодѣи!
Бумагѣ на простой рубль полъ и гривны три,
На чистой два рубли кто дастъ, тотъ и бери [3]).

1) II, книга № 259.

2) Вотъ заглавіе этой книги: Римская Історія отъ созданія Рима до битвы актійскія, то есть по окончаніи республіки, сочиненная Г. Ролленемъ, прежде бывшимъ Ректоромъ паріжскаскаго універсітета, профессоромъ Краснорѣчія и членомъ королевскія Академіи надписей и словесныхъ наукъ. А съ французскаго переведенная тщаніемъ и трудами Васілья Тредіаковскаго Профессора и члена Санктпетербургскія Академіи наукъ. Томъ I. Въ Санктпетербургѣ 1761 года. Въ 4°, 6 ненумер., лв., XLVIII, 338 нумер. и 2 ненум. стр. Остальные четырнадцать томовъ напечатаны въ продолженіе 1761—1766 годовъ.

3) Библіографическія записки 1859 года, № 17, 524.

Въ предувѣдомленіи къ первому тому перевода, Тредіаковскій, говоря пространно о заслугахъ Роллена, не забылъ обычныхъ у него оговорокъ и намековъ на свои труды, и на своего врага Сумарокова. „Сколько Голо́въ, столько и разумовъ — говоритъ онъ тамъ — по латинскому присловію. Приходитъ на мысль не возревновалъ бы кто, въ уничиженіе мнѣ, что видитъ отъ меня больше Переводовъ, нежели собственныхъ Сочиненій. Но такому и подобнымъ всѣмъ, почтенно въ предварительный отвѣтъ доношу, что во мнѣ знатно болѣе способности, буде есть нѣкоторая, мыслить чужимъ разумомъ, нежели моимъ; даромъ что готовы у меня и нынѣ Рукописные Книжки съ двѣ, съ три, съ четыре, и больше, сочиненные мною, а нѣкоторые изъ нихъ, безъ тщеславія, и не постыдное мнѣ засвидѣтельствованіе имѣютъ отъ Сочлененнаго Просвѣщеннаго и Освященнаго Правительства. А хотябъ и ніединые не́-было; чемъ я могу лучше услужить Обществу Читателей, кромѣ что переводами съ несравненнаго Ролленя, когда уже надобно, по Саллустію, чтобъ каждому человѣку, а особливо Книжнику, не препроводить своего вѣка въ молчаніи, какъ безсловесному? Да и что нужды Читателямъ, моель они, или чужое отъ меня читаютъ, толькобъ имъ читать Пріятное, Важное и Полезное, а не Шпынское, Пустое и Сатіріческое? И какъ, по счастію, сего послѣдняго въ Авторѣ моемъ нѣтъ ни духомъ; то и никакое Общество не можетъ о немъ сказать, какъ сказано отъ Римскаго о Каіи Куріонѣ, что онъ человѣкъ Продерзостный, преискусно безпутный, и ѳелерѣчивый къ зловредію каждаго въ общежительствѣ“.

Въ теченіе сентября 1761 года Тредіаковскій взнесъ въ уплату 1916 р. 84 к., причитавшихся за печатаніе и бумагу перваго тома, тысячу сто рублей. Книга продавалась въ академической книжной лавкѣ, но туго; въ февралѣ 1762 г. ее продано въ Петербургѣ только 74 экз., да въ Москву отослано на продажу 42 экз. Между тѣмъ былъ оконченъ печатаніемъ II-й томъ; онъ обошелся въ 1673 р. 68 коп. Тогда Тредіаковскій, которому приходилось уплачивать такую большую сумму, написалъ 15 апрѣля 1762 г. доношеніе, въ которомъ, объяснивъ

вышеизложенныя обстоятельства, далѣе говорилъ: „Но нынѣ напечатанъ уже́ и вторый Томъ, и третій чрезъ мѣсяцъ времени выдетъ; да и четвертаго также напечатано листовъ съ двенадцать. А мнѣ отнюдь нѣгдѣ взять денегъ на внесеніе въ казну по обязательству за сіи То́мы, какъ не возмогшему доплатить еще и за первый. И хотя я взялъ нѣкоторое небольшое число книгъ, какъ перваго, такъ и втораго То́ма (коликое жъ число́ ихъ взято, то явствуетъ по моимъ роспискам, даннымъ Гдну Переводчику Івану Акимову): но собранныя суммы продажею оныхъ не пришло далеко и до половины въ достальную сумму, должную къ доплатѣ еще за первый Том не то чтобъ заплатить и за второй; такъ что́ перваго То́ма осталось у меня на простой бумагѣ 50, на Любской 65, а втораго на Любской 19, на простой 68, всего 202 книги. Того ради, покорно прошу Канцелярію Академіи Наукъ: 1) благоволить уничтожить обязательство мое, какъ человѣка немогущаго всеконечно печатать помянутый перевод на своемъ иждивеніи, и исправляться по договору платежемъ денегъ. 2) Все-на́-все число книгъ перваго и втораго Томовъ, на простой и Любской бумагѣ, велѣть взять въ казну, и продавать изъ оныя въ казенный прибытокъ; что также дѣлать и со всѣми слѣдующими Томами. 3) За трудъ мой, какъ то всякъ видѣть можетъ, весьма не малый и не легкій, да соблаговолитъ Канцелярія Академіи Наукъ давать мнѣ по триста рублей за каждый Томъ, какъ скоро рукописный мой экземпляръ весь въ Тіпографію отдается. 4) Взятые мною книги, перваго и втораго Томовъ, пожаловать поставить мнѣ по такой цѣнѣ за книгу, по какой будутъ продаваться въ книжной лавкѣ [ибо вѣроятно что меньше положенныя мною цѣны], буде не можно ни́же, о чомъ бы покорнѣйше просил, токмо жъ оставшіеся у меня 202 книги обоихъ Томовъ и на обѣихъ бумагахъ, взять же въ книжную лавку, а что придетъ мнѣ въ додачу, считая за́-три Тома по три́ста рублей (по высчетѣ за число книгъ мною проданныхъ въ оную цѣну, въ какую положатся для продажи, и по приложеніи, для вычета жъ, въ ту сумму денегъ, взятыхъ мною изъ книжныя лавки, съ росписками сына моего Льва Тредіаков-

скаго, отъ Гдна Коммісара Зборомірскаго за продажу перваго Тóма), то пожаловать додать безъ задержанія. 5) Взнесенныя мною за первый Томъ деньги тысячу сто рублей, велѣть мнѣ отдать возвратно: ибо я долженъ ихъ заплатить заимодавцу. 6) Въ потѣшеніе мнѣ благоволить же приказать, чтобъ по напечатаніи каждаго Тома давано мнѣ было хотя до двухъ книгъ на Любской бумагѣ безъ переплета, не включая въ число двухъ же, одной на Любской, а другой на простой бумагѣ, носимыхъ ко мнѣ чистыми листами порознь по напечатаніи".

22 мая 1762 г. академическая канцелярія согласилась на эти условія, „ибо онъ, Тредіаковскій, какъ записано въ ея опредѣленіи, ни откуда жалованья не получаетъ [1]) и собственнаго капитала не имѣетъ, а сумма требуется за напечатаніе всякаго тома, которой ему изъ продажи вскорѣ возвратить не возможно, особливо по положенной отъ него высокой цѣнѣ. А буде оная печататься будетъ на казенный академическій коштъ и положить въ продажу умѣренною цѣною, то и покупать оной охотниковъ будетъ гораздо больше и въ продажу пойдутъ скоряе, а казнѣ убытка послѣдовать не имѣетъ...."

Послѣ этого постановленія, Тредіаковскій домогался-было, чтобы тамъ было исключено выраженіе объ уплатѣ денегъ „по напечатаніи", а вмѣсто него вставить „по представленіи рукописи къ напечатанію", однако академическая канцелярія не уважила этого ходатайства, почему ему и выдавалось по отпечатаніи только каждаго тома по 300 руб. Въ февралѣ 1766 г. ихъ было напечатано пятнадцать томовъ [2]).

22 октября 1762 года та же канцелярія постановила выдать Тредіаковскому, за составленіе имъ алфавитнаго указателя и хронологической таблицы къ Древней исторіи Роллена, чтò составило 40 листовъ, 200 рублей [3]).

Въ 1765 году, въ академической канцеляріи вспомнили о

1) Это удостовѣреніе опровергаетъ извѣстіе, помѣщенное о Тредіаковскомъ въ Neue Bibliothek 1768 года, что будто онъ жилъ въ отставкѣ съ значительнымъ пенсіономъ. См. Матеріалы для исторіи русской литературы, изданіе г. П. Ефремова (Спб., 1867), 147.

2) II, книга № 259.

3) II, книга № 473.

переводѣ Тредіаковскаго съ французскаго яз., сочиненія Абулгази Багадуръ-хана, который рѣшили печатать для того, чтобы въ академической типографіи рабочіе не оставались праздными. По этому къ Тредіаковскому, который уже тогда получилъ чинъ надворнаго совѣтника, былъ посланъ такой запросъ въ маѣ 1765 года: „Въ императорской библіотекѣ находится переводу вашего высокоблагородія исторія родословная, о татарахъ сочиненія Абулгази-Баядуръ-хана, которую нынѣ Академія печатать намѣрена; но какъ оная переведена уже въ давнемъ времени, то нынѣ безъ просмотрѣнія и поправки перевода напечатать и въ публику издать оныя не можно. Того ради сей переводъ книги къ вашему высокоблагородію посланъ при семъ и требуется, чтобъ оный благоволили просмотрѣть вновь и, приглася переводчика татарскаго языка, въ произношеніи именъ тѣхъ народовъ поправить, и которыя примѣчанія или неисправны, или неприличны тѣ перемѣнить. За который трудъ и исправленіе притомъ корректуръ имѣете получить въ награжденіе по напечатаніи той книги нѣкоторое число экземпляровъ. Буде же по какимъ либо обстоятельствамъ сего труда принять на себя не изволите, то благоволите канцелярію академическую увѣдомить и тотъ переводъ прислать обратно“ [1]).

Этотъ переводъ былъ дѣйствительно потомъ изданъ въ свѣтъ, о чемъ было уже говорено выше, на стр. 44, 45.

Въ ноябрѣ 1765 года Тредіаковскій подалъ слѣдующее собственноручное доношеніе въ академическую канцелярію: „1) Книгѣ именуемой Телемакъ, мною переведенной вновь, и названной Тилемахідою, желаю нынѣ напечатаной быть, въ числѣ четырехъ сотъ экземпляровъ, сто на любской бумагѣ, и трехъ сотъ на комментарной. 2) Формату желаю быть въ полдестевую мѣру; літерамъ на напечатаніе Предъизъясненія Среднимъ; въ перечняхъ предъ каждою книгою Вѣдомостнымъ: а всему содержанію печатаему Гробе-Ціцеромъ, но такъ, чтобъ промежъ каждаго стіха прокладывать шпоны, и быть бы на страницѣ тридцати пяти стіхамъ. 3) И понеже по исчисленію

1) II, книга № 289.

наборшика Петра Алексѣева сына Сидорова, надобно заплатить въ казну за напечатаніе четырехъ сотъ такихъ экземпляровъ, и за бумагу, болѣе нѣсколько шести сотъ рублей; то я теперь напередъ взношу почитай цѣлую половину денегъ, именно жъ триста рублей, а другую остальную половину имѣю доплатить тогда, когда вся книга напечатается, состоящая въ двадцати четырехъ книгахъ, и въ двухъ томахъ. Притомъ, желалъ бы при напечатанной книгѣ быть и фигурамъ, кои при Академіи вырѣзаны въ полудестевый формáтъ для Телемака: и буде сумма на фігуры не превзойдетъ ста рублей, то бъ быть имъ при всѣхъ экземплярахъ, на обѣихъ бумагахъ; а ежели приложеніе фігуръ превзойдетъ сумму сто рублей, то хотябъ уже имъ быть только при экземплярахъ, что будутъ на любской бумагѣ. 4) Того ради, покорно прошу Канцелярію Імператорскія Академіи Наукъ, 1) принявъ при семъ Подлинникъ мой рукописный, отдать въ Тіпографію неукоснительно, и 2) приказать принять же и взносимыя мною деньги на первый случай, именножъ триста рублей, и въ пріемѣ, дать мнѣ росписку" [1]). Это ходатайство Тредіаковскаго было исполнено въ апрѣлѣ 1766 года, когда было отпечатано Телемахиды 412 экземпляровъ. Они обошлись 613 руб. 52 к., и остальныя, недоданныя авторомъ деньги онъ просилъ взять изъ тѣхъ трехсотъ рублей, которые ему слѣдовали по уговору за вышедшій тогда XVI-й томъ Римской исторіи Роллена [2]).

Помѣщенное при Тилемахидѣ, "Предъизъясненіе объ хроіческой піимѣ "въ началѣ заключаетъ переводъ статьи Discours sur poëme épique, помѣщаемой при нѣкоторыхъ изданіяхъ Телемака, но къ этому Тредіаковскій присоединилъ нѣсколько

1) II, книга № 293.

2) II, книга №№ 296 и 477. Вотъ заглавіе книги: Тилемахіда или странствованіе Тилемаха сына Одуссеева описанное въ составѣ проіческія пімы Васіліемъ Тредіаковскимъ Надворнымъ Совѣтникомъ членомъ Санктпетебургскія Імператорскія Академіи наукъ съ французскія не стіхословныя рѣчи сочиненныя Франціскомъ-де-Салиньякомъ де-ла-Мóтомъ Фенелóномъ, Архіепископомъ Дюкомъ Камбрейскимъ Прінцомъ Священныя Імперіи. Томъ первый. Въ Санктпетербургѣ 1766 года. Въ 4⁰, LXIV и 223 нум. и 2 нен. стр. Томъ вторый съ тѣмъ же заглавнымъ листомъ, въ томъ же 1766 году, на 222 нум. и 2 ненум. страницахъ.

сужденій и объясненій, принадлежащихъ ему. Такъ онъ разсказываетъ о первоначальныхъ переводахъ на русскій языкъ Телемака. Первый изъ нихъ принадлежитъ переводчику, котораго не называя по имени, Тредіаковскій описываетъ такъ: „Коль ни благоразумный и ни добронравный переводилъ его Мужъ и Языкъ разумѣвшій Французскій; однако, не обратившійся ни мало въ Словесныхъ Наукахъ, не могъ произвесть перевода своего такъ, какъ всеконечно надобно было.“ [1]) Далѣе онъ разсказываетъ о другомъ переводѣ Телемака: „не можно не похвалить достодолжно Слога, и сего не льстивно. да и по са́мой Справедливости: Переложеніе сіе Метафра́стіческое, сходствуетъ всесовершенно съ Авторовою Проза́іческою Рѣчиточивостію, такъ что Французское Слово измѣнилось токмо въ Россійское....“ Былъ, по словамъ Тредіаковскій, еще третій опытъ переложенія у насъ Телемака, именно стихами ямбическими и съ риѳмами [2]). Тредіаковскій хотя и хвалилъ этого перелагателя, но самъ держался такого мнѣнія, что эпопеѣ не соотвѣтствуютъ ямбы и риѳмы. „Первые въ семъ Теченіи всюду содѣлываютъ катара́кты, то есть пречныи Пороги и преломы; ктомужъ, брячатъ онѣ, можетъ быть, хорошо въ краткихъ Піимахъ, а въ долгопротяжныхъ и важныхъ, кακова́ Ироическая, отнюдь терпимы быть не могутъ: вторыежъ, прилично и основательно употреблены Древними, на Теченіе Сло́ва въ Драмахъ, но Эпопія всеконечно требуетъ Дактѵло-спондіаческого, или, по нашему То́ніческому количеству, Дактѵло-трохаіческаго Шествія....“ Такимъ образомъ Тредіаковскій первый ввелъ въ нашу литературу гекзаметръ и доказывалъ возможность и необходимость его. Правда, что авторъ Телемака написалъ свое произведеніе прозою, но это онъ сдѣлалъ, какъ говоритъ Тредіаковскій „за неспособность Французскаго Языка къ Ироіче-

1) Въ рукописяхъ самый ранній русскій переводъ Телемака извѣстенъ съ обозначеніемъ 1724 года.

2) Въ Запискахъ Штелина есть извѣстіе, что Барковъ «совсѣмъ передѣлалъ и издалъ въ 1761 году, въ 4°, переводъ Телемака, напечатанный Хрущевымъ, въ 8°, еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Кромѣ того, онъ же давно началъ самъ переводить Телемака стихами». См. Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. г. П. Ефремова (Спб., 1867), 164.

скому Еллинолотінскому стіху; а такъ называемый на томъ Языкѣ Александровскій стіхъ есть не стіхъ, но Прозаіческая простая Строчка, Рѵѳмою токмо на концѣ въ ладъ гудящая.... Чтожъ до нашего Языка́; то онъ столькожъ благолѣпно воскриляется Дактѵлемъ, сколько и самъ Еллинскій и Рімскій: и также преизящно употребляетъ пренесеніе Рѣчей съ мѣста на другое, не пригвождаясь къ одному опредѣленному, какъ и оный Еллинскій съ Латінскимъ: Природа ему даровала все изобиліе и сладость язы́ка того Еллинскаго, а всю важность и сановитость Латінскаго. На чтожъ намъ претерпѣвать добровольно скудость и тѣсноту Французскую, имѣющимъ всякородное богатство и пространство Словенороссійское?...“

Толкуя о ненадобности риѳмы въ нѣкоторыхъ родахъ стихотворныхъ произведеній, Тредіаковскій, по своему обыкновенію, не могъ не намекнуть о своемъ отвращеніи къ театральнымъ сатирическимъ произведеніямъ, при чемъ ему конечно вспоминалась комедія Тресотиніусъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывались опасенія, чтобы не усумнился кто въ его способностяхъ и знаніи дѣла. Выписываю это мѣсто, какъ отрывокъ автобіографіи нашего писателя. „....Драматіческому Стіхотворенію надлежитъ быть въ Теченіи сло́ва, всеконечно сходственну съ Естествомъ. Что́ есть Драма? Разговоръ. Но природно ль есть то Собесѣдованіе, кое непрестанно окончивается женскою Рѵѳмою, какъ на горе море, а мужескаго какъ на увы вдовы̀, сочетаваясь попеременно? Я, въ особенности моей, читая иногда, отдохновеній во время, Комедіи Французскіе, больше всегда чувствую сладости (преднамѣренная польза исправленія Нравовъ, едваль когда и гдѣ происходила отъ Драмъ, но вездѣ на противъ поврежденіе бо́льшее и неминуемое, да притомъ и личные обиды, коимъ примѣръ у злодушнаго Шпыня́ и Кощуна Арістофа́на благонравному оному Сократу, отъ Драматістовъ, и отъ бра́тениковъ имъ Сатѵриковъ, какъ то и сіе нѣкто изъ Французовъ наблюдаетъ основательно) отъ чтенія Арлекіна Дикаго, нежели отъ препрославленнаго Моліерова Тартюфа. Чего жъ ради? Тартюфъ сей въ Стіхахъ своихъ имѣетъ риѳмы, и потому отъ природнаго теченія сло́ва весьма

удалялся; а Дикій Арлекінъ идетъ Прозою, слѣдовательно сходствуетъ съ са́мымъ чистымъ Естествомъ. Не сомнѣваюсь, чтобъ и прочіи читатели у насъ не такое жъ имѣли при семъ чувствіе: „Природу, по Флакку, хотя вилами изъ себя изринь, но она вскорѣ тажъ къ тебѣ возвратится.“ Изганяю впрочемъ Ръѳмы отъ Драмъ не для того́, что я къ нимъ, возразитъ либо кто, мало самъ способенъ; хотя и могу напротивъ, безъ вертопрашнаго тщеславія, сказать, что пріобрѣлъ я въ пріисканіи себѣ ихъ, не грызя ногтей и безъ пораженіи ладонію чела́, нѣкоторый навыкъ, такъ что чаще, можетъ быть, находится у меня Богатая Ръѳма, нежели Полузвонкая: о семъ засвидѣтельствовать могутъ не ложно Псалтирь и мояжъ Ѳеоптія, не упоминая другихъ многихъ Стіхотвореній....“

Въ концѣ Тредіаковскій объясняетъ чрезвычайно вычурно причины, побудившія его принять въ Тилемахидѣ то особливое правописаніе именъ и предметовъ, надъ которымъ всегоболѣе издѣвались и издѣваются, такъ-какъ — надо сознаться — нигдѣ такъ не распространенъ обычай осмѣивать и презирать все, что не особенно легко достается пониманію, какъ у насъ.

„Въ Сочиненіяхъ, объясняетъ Тредіаковскій, пишемыхъ или всеконечно Славенскимъ язы́комъ, или уже [1]) Славенороссійскимъ, непосредственно проистекающимъ отъ того; тоесть, когда Содержаніе Пишемаго или прямо возносится къ Святилищу Божества, или принадлежитъ токмо до Священнаго Обиталища Любомудрыя Мусы: тогда употребляется благопристойнѣе и лѣпотнѣе нами Правописаніе и Произносъ Восточныхъ. Я мню, въ особенности моей, что сіе обыкновеніе долженствуетъ нынѣ быть единственно и Пра́виломъ на оба различія въ Орфографіи нашей, что касается до Еллинскихъ или

1) Когда нѣкоторыи изъ Нашихъ (привыкшихъ къ Французскому и Нѣмецкому Язы́камъ, не имѣющимъ кромѣ гражданскаго употребленія, а въ нашемъ Гражданскомъ Сочиненіи увидѣвшихъ два, три реченія Славенскія, или Славенороссійскія) восклицаютъ какъ будто негодуя, это не по русски: то жалоба ихъ не въ томъ, чтобъ тѣ реченія были противны свойству Россійскаго Язы́ка, но что оныя положены не Площадныя, не Рыночныя, и словомъ, не подлыя, да и знающимъ знаемыя. (Примѣч. Тредіаковскаго).

реченій Латінскихъ, такъ что, въ Гражданскомъ язы́кѣ писать бы по западныхъ Выговору, а въ Церковнѣйшемъ нѣсколько по восточныхъ и Правописанію для взора, и произношенію для слуха. Сі̌я есть причина, что въ Тилемахідѣ нашей (Книгѣ, по Содержанію своему и Язы́ку, высящейся толико надъ Градскою Площадію, колико святый Холмъ Аѳóна превышаетъ подлежащую себѣ дебелобренную въ низостяхъ земны́хъ основу) Тилемахъ написанъ есть и произнесенъ Тилемахъ, а не Телемахъ, или не право Телемакъ; Одvсéй или Одvссъ, а не Улvссъ или Улvксъ; Менторъ, а не всемѣрно ложно Манторъ. Омиръ, а не Гомеръ; Ирой, Ироіческій, а не Герой, Героическій; Піима, а не Поэма" и т. д. [1]).

Тилемахида подвергалась осмѣянію со времени самаго появленія ея на свѣтъ. „При императрицѣ Екатеринѣ II, разсказываетъ митрополитъ Евгеній [2]), въ эрмитажѣ установлено было шуточное наказаніе за легкую вину выпить стаканъ холодной воды и прочесть изъ Тилемахіды страницу; а за важнѣйшую — выучить изъ оной шесть строкъ. Сей законъ написанъ былъ золотыми буквами на таблицѣ, которая и до нынѣ цѣла."

Въ журналѣ Всякая всячина 1769 года, въ которой сотрудницей была, какъ нынѣ положительно извѣстно, сама императрица Екатерина II, нѣкоей Агафьѣ Хрипухиной совѣтуется отъ безсоницы „ложася спать, чтобъ изволила прочесть рядомъ шесть страницъ нашего сочиненія, а потомъ шесть страницъ Тилемахіды...." Далѣе тамъ же читаемъ „какъ Тилемахіда и Всякая всячина весьма различны, то потому и не можно ожидать успѣха; для совершеннаго жъ отъ безсонницы освобожденія потребно было пріобщить къ Тилемахідѣ нѣсколько стиховъ изъ Аргеніды...." Нашелся тогда же нѣкто́, подписавшійся „изъ Новгорода, 13 февраля 1769 года," который просилъ помѣстить во Всякой всячинѣ письмо: „читаючи вышедшій въ нынѣшнюю пятницу листочекъ, не могъ пропустить, чтобъ не на-

---

1) Тилемахіда, стр. XLVI, XLVII, XLVIII, LI, LIV, LV, LXI.

2) Словарь свѣтскихъ писателей (М., 1845) II, 221.

помянуть, что до выхода Тилемахиды на свѣтъ не было у насъ еще ни одной строфы безъ вирши. Чтожъ она не полюбилась госпожѣ любительницѣ Всякія всячины, то осмѣлюсь ей сказать, что у всѣхъ почти разные вкусы; и такъ что одному хорошо, то худо другому: почему на всѣхъ и угодить трудно. Ежели же скучна Тилемахида, то можно еще сему помочь, читаючи книги, вышедшія изъ перевода древней и римской исторіи; а ихъ правда довольно будетъ для разогнанія скуки"[1]).

Замѣчательно, что Новиковъ также принялъ сторону Тредіаковскаго, и въ его журналѣ, выходившемъ одновременно со Всякою всячиною, Трутнѣ, между прочимъ, было написано: „насмѣшникъ подсмѣялъ одну женщину, велѣвъ ей для усыпленія читать сочиненіи такова мужа, который за полезные переводы заслужилъ отъ всѣхъ похвалу и благодарность, и что отъ той насмѣшки весь городъ хохоталъ цѣлую недѣлю на счетъ насмѣшника"[2]).

Особеннымъ почитателемъ и защитникомъ Тилемахиды былъ Радищевъ[3]), находившій, напр., особенно хорошими стихи:

Но на ближнихъ горахъ зеленѣли кусты́ віноградны,
Коихъ листвія, какъ вѣнки́ и-цѣпо́чки висѣли;
Гро́зды красняй Багреца не-могли́ подъ ли́стомъ укрыться.

Пушкинъ сохранилъ анекдотъ, что „вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: „О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ-ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда

---

1) Всякая всячина (Спб., 1769), 15, 31, 109—110. Здѣсь кстати упомянуть, что насмѣшки надъ Тредіаковскимъ не прекращались во все продолженіе XVIII столѣтія. На одну изъ пародій на Тредіаковскаго: «Ода сочиненная г. Т.... въ царствѣ мертвыхъ», изданную вмѣстѣ съ другою за подписью Моисея Слѣпцова, обратилъ вниманіе академикъ Куникъ: говоря о ней въ Сборникѣ матеріаловъ для Исторіи Академіи наукъ (Спб., 1865), I, стр. LIII—LV, онъ прибавляетъ: «кто былъ авторъ этой шутливой пієсы, покуда остается неизвѣстнымъ». На это можно отвѣтить, что подъ именемъ Моисея Слѣпцова писалъ Н. Николевъ слѣпецъ, о чемъ указано С. Глинкою въ Очеркахъ жизни и избранныхъ сочиненіяхъ Сумарокова (Спб., 1841), II, 250.

2) Трутень, 1769 г., стр. 156.

3) Собраніе сочиненій Радищева, (М., 1809) IV, 74—93.

бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредіаковскій, Василій Кириловичъ—вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!“ Тредіаковскій, прибавляетъ къ этому Пушкинъ, былъ, конечно, почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевесть его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Тилемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одуссеевъ
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредіаковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ нисателей. Сумароковъ и Херасковъ не стоятъ Тредіаковскаго“[1]).

Какъ ни ясны слова Пушкина о множествѣ хорошихъ стиховъ въ Тилемахидѣ, однако бывшій профессоръ московскаго университета Шевыревъ думалъ, что Пушкинъ будто говорилъ, что Дельвигъ нашелъ чудо въ Тилемахидѣ—всего на все одинъ сносный гекзаметръ. При этомъ случаѣ Шевыревъ выписалъ еще десять стиховъ изъ Тредіаковскаго, торжественно прибавивъ затѣмъ: „Вотъ едва-ли не все, что можно менѣе жесткаго отыскать въ Тредіаковскомъ“[2])! Перевлѣсскій, который въ жизнеописаніи Тредіаковскаго видимо цѣлилъ на поддержаніе веселости въ своихъ читателяхъ, разсказывалъ уже, что будто „Дельвигъ своимъ изящнымъ вкусомъ въ цѣлой Тилемахидѣ могъ найти только одинъ стихъ“, и за тѣмъ приводилъ *изъ снисхожденія* еще четыре стиха сносные.

При самомъ появленіи въ свѣтъ изданія Перевлѣсскаго „Избранныя сочиненія Тредіаковскаго“ явился защитникъ памяти этого труженника,—это Введенскій, который въ своей

1) Сочиненія Пушкина, изд. г. П. Анненкова, VI, 88.

2) Москвитянинъ 1843 года, № 5, Критика, стр. 243.

статьѣ „Тредіаковскій“[1]) писалъ: „мы обѣщали, собственно для г. Перевлѣсскаго, отыскать хорошіе стихи въ Тилемахидѣ. Само собою разумѣется, что слово *хорошій* здѣсь надобно принимать въ относительномъ смыслѣ: безусловно хорошихъ гекзаметровъ мы не признаемъ въ русскомъ языкѣ. Извольте прослушать:

И ароматъ свой льетъ душистѣй всѣхъ благовоній.
. . . .
Множество разныхъ цвѣтóвъ распещряло зелéны постели.
. . . .
Ты не слушай словъ Калипсиныхъ сладкихъ и-льсти́вныхъ:
Внѣдрятся въ сердце твое, и будутъ какъ Змій подъ-цвѣта́ми.
Яда сего блюдись, утаеннаго медвеннымъ сокомъ.
Самъ-на-себя́ не-надѣйся, всегда жъ отъ-меня́ жди-совѣ́товъ.
Пóслѣ сего возвратились къ Калипсѣ, ихъ ожидавшей.
Нимфы, имѣя власы́ заплетéны и-въ-бѣ́лыхъ одеждахъ,
Тóтчасъ накрыли столъ, и-постáвили пищу простýю.

„Право, господа, продолжаетъ Введенскій, эти стихи ничѣмъ не лучше, но и не хуже новѣйшихъ гекзаметровъ, 1849 года. Мы ихъ не искали: они сами попались въ первой книгѣ Тилемахиды. Да еще разъ: habent sua fata viri eruditi! Читая и перечитывая произведенія Тредіаковскаго и вникая въ обстоятельства его жизни, по неволѣ спрашиваешь себя: за что и почему непостижимая судьба съ такою неумолимою жестокостію преслѣдовала Тредіаковскаго при жизни и послѣ смерти его?...“

Теперь слѣдуетъ сказать о литературной дѣятельности Тредіаковскаго въ послѣдніе два года его жизни. Въ 1767 г. напечатанъ имъ переводъ сочиненіи Кревіера, ученика Роллена, Исторія о римскихъ імператорахъ[2]).

22 апрѣля 1768 года, Тредіаковскій писалъ къ тогдашнему директору морскаго кадетскаго корпуса Ивану Голенищеву

1) Сѣверное обозрѣніе, 1849 г., II, 448—449.

2) Вотъ ея полное заглавіе: Історія о римскихъ імператорахъ съ Августа по Константіна, сочиненная г. Кревіéромъ, ученикомъ Ролленевымъ, и самíмъ заслужéннымъ Профессоромъ Краснорѣчія, а съ французскаго переведенная тщаніемъ и трудами Васілья Тредіаковскаго надворнаго совѣтника. Томъ первый. Въ Санктпетербургѣ. При морскóмъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ 1767 года. Въ 4⁰, 16 ненум., XII, и 416 нум. стр.

Кутузову, въ распоряженіи котораго состояла и типографія, учрежденная при томъ заведеніи: „Пріемлю дерзновеніе сообщить при семъ вашему превосходительству переводъ мой съ недавно появившіяся здѣсь французскія книжки, названныя Essai historique et critique sur les dissentions des églises de Pologne, съ такимъ точно намѣреніемъ, чтобъ, ежели вашего превосходительства будетъ соизволеніе, и притомъ не будетъ никакого политическаго противящагося извѣта, быть ему напечатану въ вашей типографіи въ единственный ея жъ прибытокъ, съ награжденіемъ мнѣ за трудъ десяточка экземпляровъ.

„И такъ полагая, что и вашего превосходительства есть на то соизволеніе и что нѣтъ и политическія препоны, желалъ бы я напечатаной сей книжкѣ быть въ осмую долю листа форматомъ прекраснаго перевода Задига, а набраной тѣми точно литерами, коими дѣйствительно набирается Исторія о Римскихъ Императорахъ, кромѣ токмо предисловнаго моего извѣстія, коему хотѣлъ бы набрану быть буквами, зовомыми гробеціеро, съ проложеніемъ между строками дощечекъ тоненькихъ, дабы буквамъ казаться крупняе, а строкамъ нестолько стѣсненнымъ. Въ противномъ-же случаѣ покорно прошу ваше превосходительство приказать отослать ко мнѣ сей переводъ мой обратно: ибо, какъ говорится, только у харьки и собинки; онъ у меня черной, онъ у меня и бѣлой....“[1]).

Желаніе Тредіаковскаго было исполнено въ точности, и въ 1768 г. изъ типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго корпуса вышелъ переводъ брошюры, сочиненной Вольтеромъ (въ 8°, 4 нен. и 40 нен. стр.), подъ заглавіемъ: Опытъ історіческій и крітіческій о разгласіяхъ церьквей въ Польшѣ сочиненъ Іосифомъ Бурдільліономъ, профессоромъ права общенароднаго, а съ французскаго переведенъ В. Т.“[2]).

Въ „извѣстіи отъ переводившаго“, Тредіаковскій высказы-

1) Отечественныя Записки 1823 г., часть XIII, № 34, стр. 298—300.

2) Эта брошюра потомъ издавалась въ русскомъ переводѣ еще два раза: a) въ 1776 году, Спб., см. въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, II, № 2576, и b) въ 1778 году въ Москвѣ; послѣдній переводъ сдѣланъ княземъ Васильемъ Мещерскимъ и посвященъ Ивану Плещееву.

ваетъ предположеніе, что Іосифъ Бурдильонъ должетъ быть псевдонимъ, скрывающій знаменитаго французскаго писателя, котораго можно узнать по правописанію его въ именахъ и глаголахъ вм. оі—аі (извѣстно, что это правописаніе въ XVIII столѣтіи ввелъ Вольтеръ), а также и по слогу. Кромѣ того Тредіаковскій обращаетъ вниманіе на то, что въ брошюрѣ, греческой благочестивой вѣрѣ отдается преимущество предъ католическою и прославляется притомъ императрица Екатерина II: „Сугубый сей единственно Предметъ, толь великоименитый, былъ мнѣ, продолжаетъ далѣе Тредіаковскій, побужденіемъ неотрицаемымъ и неотложнымъ, какъ скоро досталъ я въ ру́ки Подлинникъ Французскій печатный, приложить и сію переводомъ услугу Читателямъ Россійскимъ къ преждебывшей нѣсколькой, да и еще дѣйствительно продолжающейся въ Трудѣ о Римскихъ Імператорахъ: ибо исповѣдую чистосердечно, что ничего другаго, по́слѣ правовѣрныя Истины, и по́слѣ вѣрнѣйшаго Всеподданичества Предержащей Матери Отечества, не цѣню дражае въ жизни моей Услуженія, на честности и пользѣ основаннаго, досточтимымъ по гробъ мною Соотечественникамъ“.

Тредіаковскій въ то время, какъ готовилъ къ печати этотъ переводъ свой, былъ уже болѣнъ, о чемъ такъ извѣщалъ Голенищева Кутузова въ концѣ вышеприведеннаго письма отъ 22 апрѣля 1768 года: „Отпустите, милостивый государь, неучтивство, что не предсталъ я предъ ваше превосходительство самолично: невозможность сему причина. Я, упадая еще съ самаго начала года сего изъ болѣзни въ болѣзнь, какъ отъ Харибдъ въ Сциллы, во всѣ жъ тяжкіе и опасные, лишился между тѣмъ употребленія ногъ: такъ что ни по хижинѣ моей не могу пробресть безъ заемныя помощи, имѣя однако еще нѣсколько дѣйствительны голову, глаза и руки“.

Это послѣднія, извѣстныя мнѣ свѣдѣнія о Тредіаковскомъ, сообщенныя имъ самимъ: 6 августа 1769 года онъ скончался въ Петербургѣ и погребенъ на Васильевскомъ отровѣ при церкви смоленской Богоматери (стало быть на смоленскомъ кладбищѣ).

Послѣ смерти Тредіаковскаго изъ оставленныхъ имъ въ рукописи произведеній напечатаны:

а) Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ[1]), о которыхъ, какъ видѣли выше на стр. 209, упоминалъ онъ въ своемъ доношеніи въ академическую канцелярію. Сумароковъ, во время препирательствъ своихъ съ Тредіаковскимъ, говорилъ: „г. Тредіаковскій, въ молодости своей, старался наше правописаніе испортити простонароднымъ нарѣчіемъ, по которому онъ и свое правописаніе располагалъ: а въ старости глубокою и еще учиненною самимъ собою глубочайшею Славенщизною. Тако перемѣняется молодыхъ людей невѣріе въ суевѣріе, но истина никакія крайности не причастна“.

Въ Трехъ разсужденіяхъ Тредіаковскій старался, между прочимъ, разрѣшить вопросъ: кто были варяго-руссы? По его мнѣнію, варяги суть предварители—аборигены; Русь—ружане померанскіе. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. С. Соловьевъ, впервые было научно высказано знаменитое мнѣніе о рюгенскомъ отечествѣ Рюрика, котораго такъ сильно держатся поборники славянскаго происхожденія варяговъ-руси, хотя при этомъ стараются прикрывать себя болѣе славнымъ именемъ Ломоносова. Какимъ же путемъ шелъ Тредіаковскій къ своимъ выводамъ? Путемъ, общимъ всѣмъ изслѣдователямъ того времени, путемъ внѣшнихъ филологическихъ сближеній.... Мы привыкли смѣяться надъ такимъ словопроизводствомъ, наравнѣ съ другими странностями творца Тилемахиды; но должно припомнить, что эта странность была общая тогда у

1) Заглавіе этой книги выгравировано на мѣди: «Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ. А именно I. О первенствѣ словенскаго языка предъ тевтоническимъ. II. О первоначаліи россовъ. III. О варягахъ руссахъ славенскаго званія, рода, и языка. Сочиненныя Васильемъ Тредіаковскимъ. За тѣмъ на томъ же заглавномъ листѣ изображено Время, которое падаетъ ницъ предъ исторіею, и подпись «Древность просвѣщаетъ повѣсть». M.DCCLVIII. Внизу: «Въ Санктпетербургѣ. 1773 года».

Въ началѣ на 4 ненум. стр. «Реэстръ подписки, кто и коликое число подписали оной книги взять.» Между ними встрѣчаются имена бывшихъ товарищей сочинителя по Академіи: Адодуровъ, Козицкій, Мотонисъ; также сынъ его Левъ Васильевичъ Тредіаковскій. Книга напечатана въ 8°, на 275 страницахъ нум. Экземпляръ Публичной библіотеки на веленевой бумагѣ.

изслѣдователей: академикъ Байеръ, имя котораго съ благоговѣніемъ произносится особенно поборниками норманскаго происхожденія воряговъ, Байеръ былъ подверженъ той же странности, и Тредіаковскій сражался съ нимъ одинакимъ оружіемъ.... Для насъ Тредіаковкій имѣетъ значеніе именно какъ противникъ Байера и Мюллера, какъ основатель ученія, которое съ немногими измѣненіями продолжается до сихъ поръ: если мы сравнимъ изслѣдованія Тредіаковскаго съ изслѣдованіями современныхъ намъ поборниковъ славянскаго происхожденія варяговъ, то увидимъ, что у нихъ и методъ одинакій, и выводы тѣ же"[1]).

b) „Деидамія трагедія покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ и императорской Санктпетербургской Академіи наукъ краснорѣчія Профессоромъ, Васильемъ Кириловичемъ Тредіаковскимъ, сочиненная въ 1750 году. Печатана первымъ тисненіемъ въ Москвѣ 1775 года" (въ 8°, 14 нен. и 127 нум. стр.). О поводѣ къ сочиненію этой трагедіи Тредіаковскимъ говорено выше, на стр. 157—159. Любопытно надписаніе, слѣдующее за заглавнымъ листомъ: „Его превосходительству г. статскому дѣйствительному совѣтнику, ордена святыя Анны кавалеру и лейпцигскаго ученаго собранія члену, Александру Петровичу Сумарокову сія трагедія, по завѣщанію сочинителя, въ знакъ вѣчныя памяти, посвящается". При трагедіи помѣщено: „Краткое описаніе жизни и ученыхъ трудовъ сочинителя сей трагедіи". Здѣсь изложены тѣ же извѣстія, которыя были напечатаны въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Н. Новикова, 1772 года. Разница въ томъ, что въ Описаніи при Деидаміи прибавлено, что Тредіаковскій „въ 1744 году женился въ Москвѣ на дѣвицѣ Марьѣ Филиповнѣ Сибилевой, отъ которой родилъ сына Льва, служащаго нынѣ при герольдмейстерской конторѣ секретаремъ съ чиномъ коллежскаго ассесора".

---

1) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. г. Калачева, книга II, половина 1-ая отдѣл. III, Писатели русской исторіи XVIII вѣка, г. Соловьева, стр. 48, 49.

Сверхъ тѣхъ произведеній Тредіаковскаго, о которыхъ говорилось въ разныхъ мѣстахъ настоящаго жизнеописанія, слѣдующія остались въ рукописи: 1) Россійскій парнассъ; 2) Собраніе сонетовъ разныхъ; 3) Имны въ защищеніе духовныхъ лицъ (не одно-ли и тоже это съ сатирическими стихами противъ ломоносовской бороды?); 4) Духовная его, при кончинѣ сочиненная въ 1769 г.; 5) Собраніе эпиграммъ краткихъ, но замысловатыхъ, на разные случаи сочиненныхъ, и 6) Собраніе духовныхъ и свѣтскихъ пѣсенъ, въ разныя времена сочиненныхъ.

Описаніе при Деидаміи кончается такимъ объясненіемъ приложеннаго при ней портрета автора трагедіи: „Достодолжная ему хвала, неизвѣстнымъ, но ему подражательнымъ перомъ начертанная, представляется въ сочиненныхъ стихахъ къ его портрету, въ 1766 году писанному, а нынѣ вырѣзанному на мѣди и на хартіи изображенному. Оные сообщаются здѣсь:

Стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи,
Взоръ художествомъ черты представляютъ сіи:
Онъ есть Тредіаковскій, трудолюбный филологъ,
Какъ то увѣряетъ съ мѣрой и безъ мѣры слогъ.
Почести лишить его страсть коль ни кипѣла,
Но воздать ему вѣнокъ правда предуспѣла.

Портретъ этотъ тотъ самый, который нарисованный масляными красками хранится въ конференцъ-залѣ Академіи наукъ.

О сынѣ Тредіаковскаго — Львѣ извѣстно, что онъ былъ въ царствованіе Екатерины II масономъ-розенкрейцеромъ; имѣлъ свою ложу, зависѣвшую отъ московскихъ розенкрейцеровъ и искалъ, подобно имъ, тайны дѣлать золото [1]). При императорѣ Павлѣ онъ губернаторствовалъ въ Смоленскѣ и, по разсказу Дениса Давыдова, дурно поступалъ въ отношеніи къ жившему въ сорока верстахъ отъ Смоленска Александру Каховскому [2]).

Есть-ли въ настоящее время потомки Тредіаковскаго — свѣдѣній не имѣется.

---

1) Сборникъ статей отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи наукъ, VII, № 4, Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, стр. 80.

2) Записки Дениса Васильевича Давыдова (Лондонъ и Брюссель, 1863), стр. 23, 24.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ ТРЕДІАКОВСКАГО.

I.

Латинскіе стихи въ честь инфанта португальскаго Эммануила съ русскимъ переводомъ приписываемымъ Тредіаковскому.

(Къ стр. 18, 19.)

Regiae celsitvdini,
serenissimo principi ac domino,
domino Emanveli,
infanti Portugalliae,
&c. &c. &c.
Evropa tantvm non universa peragrata,
cvm lvstraret Petropolin,
de adventv
laetabvnda gratvlatur,
cultvsqve devotissimi monvmentvm
consecrat
stvdiosa ivventvs
gymnasii imperatorii.

Felicem faustumque diem, celsissime princeps
Praedico, quo nostris praeclarum sidus et almum
Affulges terris, patriis qui primus ab oris
Decedens maria emetire cupidine laudis
Regnaque tot, celeremque imitatus lampada Phoebi,
Tot mergi fatis optas, tot adire labores.
Adjicis huic animo momenta potentia, regium
Et genus et nomen; quanquam quae non facis ipse,
Haec tua vix ducas; etenim ipse pericla subire,
Ipse illustre caput media in discrimina gestis
Tradere: terribilis Mavors cum proelia miscet,
Bellica si quando horrentem quatit aegida Pallas,
Tunc alacer ruis in densos Emmanvel hostes,
Teque viro confers vir forti pectore et armis.
Quod porro decus ore refers? quae gratia vultus?

Щастливый день сей быти княже высочайшій
Проповѣдую, воньже гостю предражайшій
Аки свѣтлоблещаща звѣзда въ земли нашей
Возсія лучезарный зракъ свѣтлости вашей
Иже Первъ отлучився Отечества драга
Для снисканія славы, яже весьма блага,
Моря измѣрить, многа Царства прохождая
Скоротечну свѣтилу Неба подражая
Тщившся искусити всякъ случай многотрудный
И подъяти трудъ всякій безпокойный, нудный:
Еще же сей охотѣ и важность пресилну
Придаешъ, родъ, и славу Королевску, дивну;
Хотя что либо едва за свое счисляешь,
Аще не самъ собою то содѣловаешь;
Самъ бо бѣдствамъ вдатися желаешь усердно
Нещадя высокія главы милосердно
Хоть и крайню зря трудность: когда Марса громы
Оружіемъ пустошатъ землежилцевъ домы
Когда бранна Паллада стрѣлы испущаетъ
и Эгида ужасна сильно сокрушаетъ,
Тогда Еммануиле славно творишь дѣло
На многихъ супостатовъ наступаешь смѣло
И сражаешься съ мужемъ храбрымъ, прехрабръ сущи
Мужественно бо сердце и руки имущи
Къ симъ благоразумія лѣпота колика?
Благосклонность же ко всѣмъ, и милость елика?
Колико раченіе къ наукамъ свободнымъ

Quantum Musarum studium? genus esse Deorum	Имже сердце Твое есть домомъ преугоднымъ?
Cuncta probant. Ergo in Pontum dum flumina current,	Вся сія, яже въ Тебѣ обилно сіяютъ
Sidera dumque Polus pascet, celsissime princeps,	Родъ быти Божественный, извѣстно являютъ.
Semper honos, nomenque tuum, laudesque manebunt.	Тѣмже доколѣ рѣки токъ свой совершати
	Въ Море будутъ, и звѣзды небо украшати
	Честь Твоя, Высочаишій Княже, и держава
	Благородство же, выну пребудутъ, и слава.

Petropoli.
pridie nonarvm sept. anno MDCCXXX.

II.

Роспись театральнымъ принадлежностямъ для придворнаго спектакля 1732 года.

(Къ стр. 32—35.)

Платье дѣлать:

Благолѣпію: Пѣвчій Шиунтъ. Скроено.	Изъ алой крашенины юпка на фижбинахъ; бострогъ прорѣзной такимъ подобіемъ, какъ на ротмейстерѣ былъ, только по долѣ и по шире. Городки съ позументомъ серебрянымъ; къ рукавамъ фалды.
Чистотѣ: Волынской. Боровской. Скроено.	Изъ бѣлой крашенины юпка на фижбинахъ, и бострогъ такой же, какъ и Благолѣпію, только безъ позументу. Вѣнчикъ лавровой; въ рукахъ лилія.
Смиренію: Пѣвчій Люстрицкой. Скроено.	Изъ черной крашенины шлафрокъ долгой и юпка безъ фижбинъ; тафтою черною до половина лица какъ фатою покрытъ; а тафта длиною будетъ до пояса.
Іосифу: (Зачеркнуты: Ламздорфъ, Олсуфьевъ). Нынѣ быть Брылкину.	Такое жъ, какъ у царевича Іоасафа было. Епанчи не надобно. Ему же шлафрокъ желтый долгой камчатой, а платья изъ персидской парчи.
Іакову: (Брылкинъ). Нынѣ быть Мурзину.	Шлафрокъ камчатой коришневой долгой, узкіе рукава; борода и волоса сѣдые долгіе; шапка жидовская и трость въ рукахъ.
Десяти братьямъ пастушье платье всѣмъ равное. Рувимъ: Ламздорфъ. Симеонъ: Головинъ большой. Левій: Милославскій. Іуда: Сурминъ. Исохоръ: («Петруша» зачеркнуто) ротмистръ. Завулонъ: меньшой Головинъ.	Изъ свѣтлой дымчатой крашенины; въ руки иному кнутъ, а иному палка. Отдать Аволію сдѣлать, чтобъ похоже было на старинной маперъ, какъ было тогда.

Веніамину: Карлхенъ.	Какъ царевичу Іоасафу, только безъ епанчи и безъ вѣнца.
Мерзости: Кадеусъ. Скроено.	Шлафрокъ подпоясанный долгой кирпишной крашенины и нашить полосы желтыя и синія крашенинныя жъ вдоль. А машку старую, дурную А машку сдѣлать Аволію.
Злости: Макаровъ. Скроено.	Шлафрокъ подпоясанный же черной, крашенинный долгой, а на груди привязать Медузину голову; на головѣ змѣй, и въ рукахъ змѣя жъ. А Медузу и змѣй сдѣлать Аволію.
Зависть: Ржевской.	Такое жъ, что и злости.
Купцамъ: Барановъ. Веймаръ.	Въ турецкомъ платьѣ изъ крашенинъ синей и красной, а машки на лицо каштановой цвѣтъ, каковы Исмаелтяне были. А машки сдѣлать Аволію жъ.
Пентефрію: (Мурзинъ). Нынѣ быть Алсуфьеву. Скроено.	Изъ крашенины красной, также какъ у царевича Іосафа, а епанча по колѣни желтая и позументъ золотой мишурной и вѣнчикъ битной.
Женѣ Пентефріевой: Тургеневъ. Скроено.	Изъ крашенины алой юпка и корсетъ безъ фижбинъ, позументъ серебряной мишурной, а на головѣ волосами и цвѣтами убрана будетъ.
Пентефріевы рабы: Щербининъ. Масловъ. Скроено. Сдѣлано.	Изъ зеленой крашенины кафтаны сборами, рукава узкіе, немного ниже колѣнъ съ позументомъ мишурнымъ серебрянымъ по краямъ.
Жены Пентефріевы рабы: Волковъ. Ляпуновъ. Скроено.	Изъ зеленой крашенины юпки и корсеты обложены серебрянымъ позументомъ мишурнымъ по краямъ. Головы волосами убрать.
Царь Фараонъ: Шепелевъ. Скроено.	Въ такомъ же, какъ Авениръ царь изъ крашенины желтой, а епанча красной крашенины долгая серебрянымъ позументомъ мишурнымъ обложена, а на головѣ вѣнчикъ съ зубчиками, въ рукахъ палка, какъ маршельская.
Сенаторемъ Фараоновымъ: Большой Юшковъ. Мошковъ. Скроено.	Какъ онъ же царь только безъ епанечь и безъ вѣнчика, въ зеленыхъ съ синими крашенинами съ позументомъ бѣлымъ мишурнымъ.
Спекулятору: Мансуровъ. Скроено.	Короткое платье какъ балахонъ изъ крашенины красной; шапка желтая съ перомъ; подъ исподъ бострогъ короткой.
Виночерпій Меньшой Юшковъ.	Въ турецкомъ платьѣ; синяя крашенина съ бѣлою, съ позументомъ и складено золотымъ по краямъ въ два ряда; въ рукахъ кисть виноградная.

Мудрецъ такъ, какъ философъ.

Гернеръ.

Хлѣбарь: Баженинов. Скроено. — Въ бѣлыхъ камзольцахъ и штанахъ изъ бѣлой крашенины съ фартукомъ, у которыхъ бы одинъ конецъ былъ заткнутъ за поясъ, а на головы колпаки бѣлые крашенинные.

Слуга также, какъ Пентефріевымъ рабамъ. Ушаковъ. Скроено.

Кровать Іосифу сдѣлать камчатую.

Іосифовъ сонъ: Сдѣлать Аволію. — Скрозь полотна снопы братни и отцевъ и мачихинъ его снопу кланялись; а сверхъ полотна небо и 11 звѣздъ, и къ его ногамъ преклонялись солнце своими лучами; къ его жъ ногамъ мѣсяцъ своимъ свѣтомъ преклонялись.

Ровъ сдѣлать, гдѣ Іосифа посадить и овецъ сдѣлать шесть и козъ шесть изъ бумаги; да одного козла сдѣлать такимъ образомъ, какъ живой съ шерстью: подъ горломъ пузырь, который бы налитъ былъ краснымъ виномъ: какъ заколютъ, чтобъ то вино вм. руды вышло, а было бы не видѣть па колесахъ. Мѣшокъ сдѣлать, въ которой бы только 30 р. можно положить.

Пентефріевой женѣ: Сдѣлать кровать, или изъ старой сыскать въ казенной. — Сдѣлать кровать.

Темницу сдѣлать на три человѣка съ рѣшеткою и вычернить черною. Ширины 3, а вышины 4 аршина, которую темницу сдѣлать Аволію.

Сдѣлать Аволію: — Трои желѣзы на руки и на ноги одинокія изъ бумаги, изъ бумаги толстой кольцы, да и вычернить.

Фараону столъ круглой съ кушаньемъ.

Ему же: — Кровать Іосифова.

Сонъ Фараоновъ: Сдѣлать Аволію. — Также скрозь полотна 7 сытыхъ и 7 сухихъ коровъ, 7 класовъ жирныхъ и 7 сухихъ. Сухіе бы жирныхъ всѣ съѣли.

Сдѣлать Аволію: — Скрозь полотна жъ сдѣлать какъ хлѣбъ жнутъ, молотятъ, въ житницы сбираютъ и носятъ, а Іосифъ надсматриваетъ.

11 мѣшковъ сдѣлать получетвериковыхъ.

Сдѣлать Аволію: — Іосифу долгой столъ съ кушаньемъ, когда онъ съ братьею будетъ сидѣть.

Сдѣлать Злости чѣмъ сердце у братьевъ запалять, а имъ десяти надобно тогда спать, а какъ она запалитъ, то бъ видъ зажженной показался отъ ихъ сердецъ.

Когда завѣсу первой разъ подъимутъ, тогда говорить прологъ.

И не отпуская тоѣ завѣсу, другую поднять, то за тою завѣсою явится Іосифъ на кровати спящій, и сонъ его покажется совсѣмъ за полотномъ какъ написано выше; и показавъ нѣсколько времени, закрыть Іосифа тою же завѣсою, а не переднею, и потомъ выдетъ Благолѣпіе, Чистота и Смиреніе, чѣмъ и комедія начнется.

31. Данъ — Лопухинъ. 32. Неофалимъ — Беклеръ. 33. Гацъ — Арцыбашевъ. 34. Асиръ — Рыкачевъ.

Реестръ, кто были въ комедіи.

Кадеты:

Милославскій......... 20
Сурминъ............. 20
Белеутовъ........... 20
Ламздорфъ........... 20
Трезинъ............. 20

Карлы

Ларіонъ . Локтевъ.
Артемій . Юрья.
Всѣмъ по десяти рублевъ.

Пажи:

Два Юшковыхъ...... 40
Брылкинъ........... 20
Бужениновъ......... 20
Ляпуновъ........... 20
Мошковъ............ 20
Волковъ............ 20
Лопухинъ........... 20

Калмыки:

Петръ, Юрья, Петръ отъ ритмейстера.
По пяти рублевъ.
Гернеръ — двадцать рублевъ.

Пѣвчіе:

Иванъ Левицкій. Никита Каплуновскій. Василій Люстрицкой. Павелъ Соболевской. Іосифъ Билкевичъ. Иванъ Шпунтъ.

Всѣмъ по двадцати рублевъ.

Тредіаковскій. Сто рублевъ.
Полубояриновъ. Сто рублевъ.
Машинистъ италіанецъ. Двадцать рублевъ.
Сумма 675 рублевъ.

(Денежныя выдачи противъ каждаго лица выставлены карандашемъ).

III.

Переводъ записки графа Морица Саксонскаго, писанный Тредіаковскимъ 1742 года.

(Къ стр. 88, 89.)

Промеморія.

Графъ Саксонскій прибылъ въ Москву для отданія своего почтенія Ея Імператорскому Величеству уповая, что сіе Ея Величеству имѣетъ быть угодно.

Ея Імператорское Величество, мать Ея Величества Государыни Імператріцы нынѣ владѣющія, обнадежила его еще тогда чрезъ графа Девіера, и чрезъ г-на Бестужева отца о Своей Милости и доброходствѣ, такъ какъ и Курляндцовъ о своей протекціи въ рассужденіи предупредительнаго избранія, каково отъ нихъ учинено было въ его пользу. Ежели бы Ея Імператорское Величество блаженныя памяти не преселилась съ сего свѣта, тобъ онъ могъ надѣяться лучшаго себѣ щастія, нежели какое онъ имѣлъ.

И такъ прибылъ онъ въ Москву въ надѣяніи, что Ея Величество Государыня Імператріца нынѣ владѣющая благоволитъ ему показывать такуюжъ милость, и такуюжъ протекцію, какую Государыня Імператріца Екатеріна къ нему имѣла.

Положивши сіе основаніе, пріемлется смѣлость къ объявленію своихъ мыслей о Курляндіи, и о томъ, что до

нея принадлежитъ. Польская республика опредѣлила, въ послѣднемъ своемъ сеймѣ, послать посольство для требованія Графа Бірона, какъ своего феудатарія, который получилъ свою Інвестітуру отъ Короля Польскаго. Въ поспѣшность привелъ сіе ихъ опредѣленіе, а въ боязнь всю республіку, новой кандідатъ, котораго россійской дворъ казалось что хочетъ защищать, а республікѣ показалось, что безъ бесславія въ свѣтѣ не можетъ она оставить своего феудатарія, по крайнѣй мѣрѣ не требовавъ его. Сія ихъ поступка приводитъ въ затрудненіе Короля Польскаго въ рассужденіи россійскаго двора и въ рассужденіи республіки. Съ другой стороны, Прінцъ Гессенскій держитъ реформатской законъ, а уставъ Курляндскаго правленія требуетъ, чтобъ ихъ Герцогу всегда быть аусбургскаго исповѣданія.

Саксонскій Графъ не знаетъ, какія имѣетъ намѣренія россійской дворъ въ рассужденіи Графа Бірона. Но поляки не преминутъ требовать дѣтей помянутаго Графа, ежели отецъ не можетъ быть освобожденъ ради своихъ поступокъ, каковы онъ имѣлъ во время своего міністерства, хотя сіе вѣрно, что любовь у республіки къ помянутому графу не весьма велика, и что поляки весьма опечалятся, ежели онъ имъ выданъ быть имѣетъ. Однако они будутъ его требовать, чтобъ отдалить новаго кандідата, потому что сія поступка имъ кажется быть самая честная и еще необходимая. Ежели россійской дворъ освободитъ дѣтей Графа Бірона, то безъ сомнѣнія старшій сынъ будетъ Герцогомъ Курляндскимъ, а поляки сожалѣть имѣютъ, что обманулись въ надеждѣ, ибо они думаютъ, что имъ въ томъ наисовершеннѣйше откажется.

Ежели жъ россійской дворъ такое опредѣленіе положитъ, которое съ симъ не сходно будетъ, то кажется, что ужѐ не останется больше надежды Саксонскому Графу къ полученію сего герцогства; но ежели поступка, какову имѣлъ Графъ Біронъ, и другіе причины, которые не надлежитъ подающему сію промеморію знать, принуждаютъ держать дѣтей Графа Бірона, то кажется, что са́мое простое, и отъ всѣхъ подтвержденное средство имѣло бы такое быть, то есть, чтобъ отвѣтствовать слѣдующимъ образомъ: Что какъ Графъ Біронъ все дѣлалъ наглостію и коварствомъ, и противу основаній сея Імперіи, такъ онъ и выбрать себя принудилъ въ Курляндіи. Что намѣренія и объявленія Імператора Петра Перваго блаженныя памяти, также и Імператріцы Екатеріны, были всегда такія, чтобъ оставить и содержать курляндцовъ въ ихъ вольности и прівилегіяхъ; что они выбрали Саксонскаго Графа въ Сукцессора Герцогу Фердінанду, ежели онъ преставится безъ дѣтей мужеска полу, и что сіе избраніе было вольное, а не силою принужденное, каково имѣлось Графу Бірону; что съ другой стороны, сіе Графу Бірону избраніе не можетъ быть важнымъ, потому что Курляндцы предусмотрѣли случай, въ которой они потомъ пришли, и учинили письменное опредѣленіе, что всякое избраніе, имѣющее быть послѣ, не можетъ быть важно.

Что того ради Ея Імператорское Величество желаетъ, чтобъ республіка потщилась о средствіяхъ, которыя могутъ быть наиприличнѣйшія, дабы Саксонскому Графу получить Інвестітуру на Курляндское герцогство, и что въ его пользу Ея Імператорское Величество изволитъ оставить претенсіи на знатныя суммы, которыя Графъ Біронъ выслалъ изъ Ея Імперіи; что напослѣдокъ, республіка можетъ рассудить чрезъ сіе объявленіе объ искреннемъ желаніи Ея Імператорскаго Величества, чтобъ утвердить щастіе курляндцовъ, и при томъ о совершенномъ безкорыствованіи Ея Імператорскаго Величества.

IV.

Мнѣніе

Профессора Васілья Тредіаковскаго о Діссертаціи Господіна Профессора Міллера, данное по указу въ общемъ профессорскомъ Собраніи по свидѣтельствованіи оныя діссертаціи 1).

(Къ стр. 144, 145.)

1.

О древности нашего прехрабраго и преславнаго Народа, нѣтъ ни малаго сомнѣнія; о началѣ токмо имени Россіанъ, понынѣ довольныя не имѣемъ ясности, хотя притоᵐ и много есть вѣроятностей, но изъ нихъ ніедпныя такія, котораябъ нарочито была блиска къ достовѣрности, по происходящиᵐ о томъ спорахъ. Изъ вѣроятностей оныхъ первая есть, которая находитъ имя Россъ (оставляя впрочемъ Езекіилева въ нашемъ переводѣ Князя Росска, для того что сіе имя инако и инако толкуютъ знающіи по еврейски) въ рѣкѣ Араксѣ, у Нубійскаго Географа онымъ Россъ называемой: а мнѣнія сего держится Шетгенъ въ Діссертаціяхъ своихъ о началахъ Россовъ. Но пускай, что сія рѣка подлинно именуется Россъ; и что по ней назвался народъ жившій при ея Берегахъ: однако, въ семъ находится одно токмо сходство имени, а къ історіческой вѣроятности, которая, не будучи достовѣрностію не состоитъ въ одномъ пунктѣ, всеконечно надобны многіе степени восходящіе и ведущіе по дѣламъ бывшиᵐ, которымъ бы утверждаться на согласіи многихъ свидѣтельствъ, и другихъ доводовъ, возносящихся къ онымъ бывшимъ дѣламъ. Ежелижъ къ произведенію начáла имени, довольно токмо одного сходства въ званіи: то равныᵐ же образомъ можно показать, что имя Россіанъ происходитъ отъ Россъ не малыя Шотландскія Провінціи, простирающіяся отъ одного мóря до другаго. Сверьхъ того, сіе мнѣніе раждаетъ насъ Россами, переселяетъ отъ Каспійскаго къ Чорному мóрю Россами, описываетъ дѣянія у насъ Россовъ, преводитъ насъ съ мѣста на мѣсто Россами, соединяетъ съ другими народами Россовъ, и напослѣдокъ, въ нынѣшней славѣ оставляетъ праведно Россами. Когдажъ мы были Славянами? ибо сіе бесспорно, по нашимъ лѣтописцаᵐ, что наши предки называемые были преславнымъ симъ именемъ. Или совокупно носили мы издревле имя и Славянъ и Россовъ? Пускай же сіе мнѣ изъ Історій покажется. Или также, одна часть изъ насъ была Россами, а другая Славянами? Но посему, мы, какъ Россы, не будеᵐ имѣть участія въ славныхъ дѣлахъ, отъ которыхъ прадѣды и праотцы наши прозваны; но останемся токмо древнѣйшими Россіанами, по рáзнымъ мѣстамъ скитающимися, и на великую силу, для того что и не всею лавою, но нѣкоторою частію, около Илменя óзера утвердившимися, да и тутъ бѣлыми Уграми, по новогородскоᵐʸ лѣтописцу, вконецъ разоренными, и еще не однажды отъ другихъ опустошаемыми, такъ что дивнобъ было, какъ мы могли потóмъ исправиться, и ужé отъ мала по малу на нынѣшній верьхъ взойти славы, по пріятіи нѣкогда себѣ Государей изъ Варяговъ. Однако будь такъ на время, что мы родились Россами; а отъ славныхъ дѣлъ мы жъ называемы были Славянами.

1) Архивъ академической канцеляріи, книга № 838.

2.

Вторая вѣроятность, а сію многіи содержатъ, производитъ имя Россіанъ отъ Роксоланов. Имя Роксоланъ, по мнѣнію Хрістофора Целларія въ познаніи Древняго Міра, сложено изъ Росса и Алана; или, какъ выводитъ Шетгенъ, изъ Алановъ при рѣкѣ Ра, то есть Волгѣ, но Ра, здѣлалось изъ сокращеннаго греческаго ῥῶς отъ ῥεός или ῥεῶς: а оба сіи званія значили одинъ народъ по кореню. Алане, народъ былъ азіатіческій, не весьма сперва політичнѣйшим народамъ знаемый, прозванный, можетъ быть, по мнѣнію славнаго нѣкотораго писателя, именнож Морерія, отъ Алана, города Туркестанскаго, разнющагося отъ Аллапа, а давшаго свое имя целой оной провінціи, въ которой находятся города Білканъ и Каубари. Но какъ то ни есть, толькожъ Алане, потомуж Морерію, перешедъ Донъ рѣку, потóмъ Днѣпръ, рассѣялись ужé въ Европѣ, и потóмъ въ Афрікѣ, при окончаніи 4го, и въ началѣ 5го вѣка. Пліній, полагаетъ ихъ сначала въ Европѣ за усьями рѣкі́ Дуная. Клуверій въ нынѣшней Россіи при берегахъ рѣкі́ Донца. Другіи въ нынѣшней Літваніи: иныи блиско Дону и Меотіческихъ топей: но Страбонъ между Дономъ и Днѣпромъ. И такъ, были Алане, и онижъ Роксолане, или, какъ другіи пишутъ, Роксолане были сосѣды Аланамъ и жили на тѣхъ мѣстахъ, которыя всѣ почитай въ нынѣшнихъ Россійскихъ предѣлахъ. Отъ сихъ точно самыхъ Роксоланъ производятъ многіи, какъ я выше упомянулъ, корень и имя Россіан.

3.

Здѣсь ужé не óдно сходство имени, которое весьма нетрудно перемѣнить въ Россіанъ, какъ напримѣръ, изъ Роксолана Роксланъ, Роксанъ, Россанъ, и изъ Россана Россъ, и Россинъ, и Россіанинъ. Здѣсь еще притомъ мѣсто: здѣсь утвержденіе знатныхъ Авторовъ: здѣсь и согласіе многихъ содержащихъ сіе мнѣніе: словомъ, здѣсь всего того довольно, что надобно къ історіческой вѣроятности. По всему сему кажется, что всеконечно сіе мнѣніе надобно принять за праведное. Однако, сверьхъ того, что оно не дѣлаетъ же нашихъ предковъ Славянами, какъ и первое, развѣ также положить, какъ и въ первомъ мнѣніи, что мы родились Россами, а отъ прехрабрыхъ дѣлъ проименовались Славянами пóслѣ, еще въ сáмомъ рожденіи полагаютъ насъ между Дономъ и Днѣпромъ, и отъ сихъ мѣстъ не подалеку, да и не пришедших туда ни откуду инуду. Но зная, что мы Іафетова, по нашим Історікамъ, племени; то надобно, чтобъ намъ при началѣ рода нашего, быть гдѣ нибудь индѣ далѣе или къ полудню, или къ востоку въ Азіи, а по крайней мѣрѣ около Каспійскаго мóря. Итакъ, до того я пришелъ, что въ нарочитом незнаніи остался отъ сомнѣнія, размышляя, которое изъ сихъ обоихъ мнѣній есть праведнѣе. Первое поселяет насъ вначалѣ при Каспійскомъ морѣ, то есть, въ далекомъ расстояніи отъ Чорнаго мóря, чему и должно быть по сáмой правдѣ, для того что мы изъ тѣхъ, или другихъ окольныхъ мѣстъ, какъ происшедшіи отъ колѣна Іафетова, пошли къ восточнымъ и сѣвернымъ берегамъ Чорнаго мóря. Впрочемъ, я не знаю, когда мы туда пошли и для чего, толькож верьховнѣйшею достовѣрностію знаю, что должно было и намъ, какъ всѣмъ безъ изъятія прочимъ племенамъ, рассѣваться по лицу всея землі́, по свидѣтельству всеистиннаго, ибо Божіяго, писанія. А понеже въ послѣдующія времена мы нашлись тутъ, и на Дунаѣ. Слѣдовательно, туда мы рассѣялись изъ глубокія Азіи. Но другое, выростивши насъ тотчасъ какъ грибковъ изъ земли между Дономъ и Днѣпромъ, преодолѣваетъ сомнѣніе мое, не говоря ужé въ немъ о блискомъ сходствѣ имени, самыми предѣлами, а притомъ, громкими Страбонами, Пліміями, Помпоніями-Мелами, Тацітами, Спарціа-

нами, и многими симъ великимъ и древним писателямъ послѣдующими. Однако я, не смотря ни на Страбоновъ, ни на Помпоніевъ, но не смѣяжъ еще не вѣрить ихъ власти, тотчасъ отвлекаюсь самоугодіемъ къ первому мнѣнію, для того что по оному, я Россъ буду старѣе и сходнѣе безъ толкованія Россомъ, нежели по Страбону и Помпонію, и потому имѣть буду всегда первенство предъ Страбоновымъ и Помпоніевым Роксоланомъ, хотя я Славяниномъ здѣлался и въ одно время съ Россомъ рѣки Аракса, и съ Роксоланомъ по моему положенію, буде ужé не прежде я былъ Славяниномъ Росса и Роксолана: ибо всеконечно надобно, чтобъ мнѣ когда нибуть да быть Славяниномъ: имя сіе праотцевъ моихъ и Государей, потому что Сінопсісъ говоритъ, что по Рождествѣ Спасителевомъ въ 790-мъ годѣ Кесарь Греческій брань имѣя съ Славянами, и прочая. Онъ же: Року 863-го въ царство царя Греческаго Міхаила, Патріарху Константінопольскому сущу Фотію, отъ нихже по прошенію Князей Славенскихъ, и прочая, чему тамъ быть должно. Но въ Несторѣ на многихъ мѣстахъ находятся сіи и подобныя утвержденія: А первѣе бѣша Словени и, отъ тѣхъ Словенъ разыдошася по земли.

4.

И такъ, хотя еще и не совершенно, толькожъ Араксовъ Россъ больше льститъ меня самою своею старостію, и яснѣйшимъ сходствомъ, нежели Страбоновъ и Помпоніевъ Роксоланъ. Къ сему природному нѣкоторому самолюбію, ежели придам природноежъ народамъ честолюбіе; то чувствую, что Роксоланъ мнѣ ужé и чужимъ кажется, для того что онъ не отъ того колѣна, которому надлежитъ быть весьма древнему въ Азіи, но отъ крови не знаю какихъ варваровъ. Однакожъ, еще въ сомнѣніи волнуюсь. Но заглянувъ почитай въ сáмое начáло Сінопсіса, книги не однажды въ Кіевѣ печатанныя, да и здѣсь при Імператорской Академіи четырежды, вижу, что мы Россіане называемся отъ Рассѣянія по многимъ распростертымъ вдоль и вширину мѣстамъ. Останавливаюсь; любуюсь; съ крайнею охотою читаю. Сіе показываетъ мнѣ, что я здѣсь прежде Славяниномъ, нежели Россіаниномъ; а сіе больше всего и надобно. И такъ начинаю рассуждать. Чтожъ заключаю? Сіе слѣдующее, что ежелибъ мы подлинно бы Россіанами по рѣкѣ Араксу, илибъ тѣмижъ отъ Роксолана; тобъ Авторъ Сінопсіса, какъ вѣдавшій оба оныя свидѣтельства, не дерзнулъ производить нашего и своего имени отъ рассѣянія. Слѣдовательно, мы всеконечно, можетъ быть, отъ рассѣянія Россіанами, будучи издревле Славянами. Съ симъ въ умѣ заключеніемъ, читаю я и покойнаго Беера, бывшаго профессора древностей здѣсь при Академіи; и нахожу въ Діссертаціи его положенной въ 8-мъ томѣ Комментаріевъ, что и онъ сіежъ мнѣніе утверждаетъ. Сей ученый мужъ, и достойный поистиннѣ того, чтобъ объ немъ всегда и вездѣ говорить съ похвалою, и толь наипаче, что, по латінскому пословію, о мертвыхъ или ничего, или хорошо, будучи толь рассудителенъ, толь искусенъ въ Історіи, толь славенъ въ Европѣ по своей не мнимой и не надменной наукѣ, не соединился бъ отнюдь съ нашим Сінопсісомъ, ежелибъ не видѣлъ своимъ благоразуміемъ или Нубійскаго географа въ Россѣ, и въ Страбоновомъ Роксоланѣ неправости врассужденіи имени Россіанъ, или нѣсколько довольныя правды о томже въ Сінопсісѣ. Вотъ же я и по премногу ужé сомнѣваюсь объ истиннѣ древнѣйшаго Росса, и помоложе его, можетъ быть, Роксолана: ибо вижу, по сей третіей вѣроятности, что не весьма такъ твердо производятъ насъ Россіанъ отъ Росса и Роксолана, чтобъ не осталось о том сомнѣнія.

5.

Не довольножъ сего, еще я въ тѣх-

же и въ другихъ разныхъ писателяхъ усмотрѣваю, что производятъ имя наше и отъ русыхъ волосовъ, рассуждая по большой части сего цвѣта въ волосахъ у нашихъ. Усмотрѣваю, что мы прозваны и отъ грознаго голоса на войнѣ, а именно, отъ частаго тамъ и громкаго всѣми сражающимися восклицанія, побуждающаго взаимно совоинствующихъ къ храбрости, имовѣрножъ сими славенскими словами, разъ-разъ, или рази-рази. Пріятно мнѣ, для того что я и по сему мнѣнію прежде Славянинъ, нежели Россіанинъ. Ибо кто палицією ударяетъ, копьемъ прободаетъ, бердышемъ сѣчетъ, мечемъ рассѣкаетъ, пращею убиваетъ, то есть, всѣми сими, или какими другими оружіями разитъ и поражаетъ? Славянинъ: а его отъ многократнаго рази-рази, сперва могли назвать расъ, и расі, расінъ, рассінъ, россінъ, Руссінъ, Руссіанинъ, и Россіанинъ: равно какъ Римляне отъ частаго либо Гер-манъ назвали Германумъ и Германію, а отъ частагожъ знатно слова Панъ-панъ, Паннонію. Напослѣдокъ, усмотрѣваю я также что первоначаліе наше и корень нѣкоторыи производятъ и отъ древнѣйшихъ Сарматовъ и Скіѳовъ; но отъ Сарматовъ Азіатическихъ, которыи распространялись къ Азіи, къ Европѣ, и къ рѣкѣ Волгѣ, и имѣли Сѣверный океанъ съ полуночи, Чорное и Каспійское море къ полудню, а Скіѳію на востокѣ, то есть, оную часть Скіѳіи, которая была къ горѣ Імаусу, тоесть къ Алтайским горам, и лежала на западъ между Гіперборейцами, Персами, и сими Сарматами.

6.

Но пускай мы въ Азіатической Сармаціи и Скіѳіи младенчествовали и отрочествовали можетъ быть и праведно, а подъ какимъ собственнымъ именемъ, или подъ именами, о томъ желательнобъ знать: толькожъ бы мы всегда говорили языкомъ, который давножъ называется Славенскимъ; возмужавъ пошлибъ, хотя не знаю когда точно, однакожъ очень давно, къ берегамъ Чорнаго мóря; тамъ бы мужествовали; распространились бы отъ востока къ западу; воевали бъ нѣкогда на Римъ, и за Римъ; соединялись бы съ нѣкоторыми народами; самибъ раздѣлялись на разные лінѣи и поселенія; преодолѣвалибъ многихъ, и ихъ бы съ мѣстъ своихъ згоняли; назвались бы отъ славныхъ и мужественныхъ дѣлъ славянами; всегда умножаясь не умѣщались бы на земляхъ распростирающихся отъ Тавріческаго Херсонеса чрезъ Донъ и чрезъ Днѣпръ до Дуная и далѣе, пошлибъ частію и не въ одно время въ западнѣйшую Европу, а частію, не знаюжъ когда, отъ Дуная и отъ Днѣпра къ Сѣверу; дошлибъ рѣками до озера Илменя; потѣснилибъ тамъ не знаю какую старожилую чудь; побѣдилибъ ея; завладѣлибъ тѣми и окольными мѣстами; построилибъ тамъ городы; утвердились бы тамъ, и началибъ жить отъ того отдаленнаго времени, до нѣкотораго, называясь Славянами, а потомъ отчасу далѣе и далѣе распространяясь, и также имѣя многія благополучія и злоключенія, союзы и походы, премѣны въ правленіи, и отверженіе ідольскаго нечестія, воспріятіе хрістіанства, и того еще православнаго отъ Грековъ, и такъ бы пребывали то при старѣйшинахъ, то подъ державою великихъ князей, взявъ ихъ къ себѣ на престолъ изъ Варяговъ. Послѣжъ всего того, отъ царя Іоанна Васільевича былибъ въ царствѣ, который покорялъ побѣдоносным своим оружіемъ еще ихъ три; а изъ Самодержцевъ при Самодержавнѣйшем и премудрѣйшемъ Петрѣ Великомъ, и коему равнаго свѣтъ еще не видалъ, въ Имперіи, въ великом благополучіи, съ великою славою; и такъ бы преславно дожили до нынѣшнихъ временъ, въ кои прещедрая, всемилостивѣйшая и несравненная Елісавета Імператріца и Самодержица, Государыня и матерь отечества, дщерь онаго

Петра Великаго, красота, радость, и веселіе вѣковъ и наше, обладаетъ нами, и съ нами многими другими народами.

7.

Но сей мой успѣхъ (именножъ, что по многимъ, разнымъ, и новѣйшимъ произведеніямъ имени Россіанъ, почитай подлинно я нашелъ, что мы Россіане не происходимъ симъ именемъ ни отъ древнѣйшаго Росса, ни отъ молодшаго Роксолана) завелъ меня въ клюковатѣйшій лабіринтъ, и оставилъ еще въ темнѣйшемъ тупикѣ. Я ужé теперь больше не знаю, отъ чего и почему мы древніи Славяне называемся нынѣ Россіанами. Вижу нѣсколько, что не отъ Росса и не отъ Роксолана для новѣйшихъ произведеній: но можетъ быть и такъ? Полно не отъ русыхъ ли волосовъ? Можетъ быть и то. Не лучше ль впрямь отъ разсѣянія? Изрядно: но сіе токмо по всему остроумный вымыслъ; и мнѣ надобно твердое свидѣтельство.

8.

Ища твердаго сего, хотя ужъ бы одного, но неспоримаго, свидѣтельства, на всѣ стороны обращаюсь, ко всему примѣняюсь, все пріемлю въ рассужденіе. И такъ, думаю, не называлась ли издревле Россіею сія земля, въ которую мы отъ Дуная пришли, то есть, въ сіи мѣстá, гдѣ мы теперь, и окольныя къ сѣверу и къ западу? Когожъ о семъ спросить? Писателей; и писателей сѣверныхъ, каковы Іорнандъ, Преторій, Торфей, Олай-Верелій, Снорро-Стурлонідъ, Саксонъ-Грамматикъ, и прочіи многіи. Но всѣ сіи называютъ ея то Австурландіею, то Острогардіею, то Гардарікіею, то Голмгардіею, то Кунігардіею, то Гунніландіею. Нѣтъ Россіи ни тѣни, и хотя ужъ бы испорченнымъ какимъ званіемъ врассужденіи нынѣшняго, толькожъ бы похожимъ. Да не назывались ли ужé Россами или Руссами тѣ народы, кои съ самаго начáла здѣсь жили, и которыхъ мы Славяне пришедъ побѣдили и поработили? Для сего спрашиваю ихъ самихъ. Но они отвѣтствуютъ, что какъ изъ древле, такъ и по нынѣ собственное имъ имя Суомалейне. Все не то, что мнѣ надобно, и чего я съ заботою доискиваюсь. Однако сказываютъ притомъ, что они нѣкоторый сосѣдній народъ называютъ Россалейнами. Много сходства; однакожъ сходство сіе врассужденіи чужаго, и не сихъ земель народа: а притомъ, такія сходства весьма недостовѣрны и обманчивы. Но сей сосѣдній народъ себя или свою землю такъ лижъ самъ называетъ? Нѣтъ: но именуетъ свое владѣніе областію Сварге, или Сверге, то есть, Сваргеріікъ, или Свергеріікъ.

9.

Не нашелъ я слѣдовъ имени Россіи ни въ народѣ жившемъ прежде въ сихъ мѣстахъ, ни въ сáмой землѣ сихъ мѣстъ: развѣ токмо что Біармія иногда называется Різаландіею. Но она называется иногда такъ не потому, чтобъ она всегда такое имя носила, да только означается тѣмъ Біармія, что она есть земля волотовъ, то есть Гігантовъ: да и о семъ ея названіи профессоръ Бееръ, оный мудрый мужъ, утверждаетъ, что оно употреблено отъ нѣкоторыхъ не въ правомъ, но въ развращенномъ разумѣ. А хотя сосѣдній народъ и названъ Россалейне, но онъ не самъ себя такъ называетъ, но иноплеменныи, и еще гнусныи люди тѣмъ его именемъ прозываютъ. Кудажъ мнѣ обратиться? Къ кому прибѣгнуть? Отъ кого увѣдомиться? По сіе мѣсто знаю токмо достовѣрно, что мы Славяне, и что къ намъ прибыли изъ Варяговъ три брата въ 862мъ-годѣ отъ Рождества Христова, по счисленію преподобнаго Нестора, и начали у насъ самодержавствовать подъ именемъ великихъ князей. Чтожъ? Не сіиль великіи князи насъ наименовали отъ своего имени, или какимъ другимъ способомъ Россіанами? Можетъ статься: ибо не осталось ужé, кажется, другаго средствія къ удоволь-

ствованію моего любопытства. Но кто меня о семъ удостовѣритъ? На чужестранныхъ Писателей я не весьма хочу въ семъ полагаться: ибо знаю, что часто они необстоятельно, съ посягательствомъ, и неправедно пишутъ о чужомъ народѣ, ежели есть имъ причина къ прославленію чрезъ то своего собственнаго. Того ради, принимаюсь я за нашихъ природныхъ, и еще за такихъ, которыи у насъ первѣйшими, справедливѣйшими, и не подозрительными почитаются. Вопервыхъ, читаю я книгу онаго Блаженнаго Нестора, находящуюся въ Академіческой Библіотекѣ, въ зеленую переплетенную кожу, и полученную изъ Кенігсбергскія Библіотеки: тотчасъ же и нахожу въ ней Варяговъ русь: ибо сей Історікъ именно говоритъ: Поидоша за̀море къ Варягомъ русь, сице бо ти звахуся Варязи Русь. Превеликій поводъ: находились Варяги, кои назывались, или называемы были Русью. Можетъ быть, что они подлинно, когда стали у Славянъ княжить, и назвали насъ симъ своймъ именемъ, или, въ угожденіе Государямъ, мы сами такъ исподоволь назвались, оставивши предревнее имя Славянъ. Начнужъ я искать еще точнѣйшаго свидѣтельства, дабы мнѣ подтвердилось мое теперешнее положеніе, что мы Славяне прозвались Русью отъ Варяговъ Руси. Для сего, разгибаю еще я книгу, коя въ академической же бібліотекѣ находится, надписанная вновь Сілвестромъ, (толькожъ она всеконечно сначала Несторова, и Нестора еще всѣхъ справедливѣйшаго и согласнѣйшаго со всѣми лучшими Несторами до лѣтъ 1180го, какъ то утверждаетъ самый искусный мужъ въ Россійской Історіи; да притомъ Несторова она сначала и потому, что онъ самъ о себѣ говоритъ въ ней, а именно о лѣтахъ своихъ и о постриженіи на страницѣ 78 на оборотѣ, а Сілвестръ то содержаніе продолжалъ, сіежъ видно изъ того, что онъ самъ же о себѣ объявляетъ на страницѣ 129 на оборотѣжъ. Но пускай будетъ Сілвестрова токмо: ибо и Сілвестръ есть нашъ Історикъ, неподозрительный, и вторый по первомъ) а подписана она собственною рукою Патріарха Нікона Московскаго, и всѣхъ сѣверныхъ странъ бывшаго отценачальника, и еще во многихъ мѣстахъ по полямъ приправлена, и посему сведена имъ самимъ съ лучшими: то есть, такую книгу разгибаю я, которую буде намъ благочествующимъ нѣкакъ ухищренно уничтожать, то въ томъ почитай будетъ нѣкоторый родъ грѣха и законопреступленія, взирая на патріаршескую, хотя и излишнюю, тамъ изреченную клятву. Сію разогнувъ, чтожъ я въ ней нахожу? Непорочная правда! Что я въ ней вижу? Истинноель то, что я въ ней читаю? Ибо я нашелъ въ ней одно мѣсто, коего точно, и о̀тъслова до̀-слова слѣдующее есть содержаніе: отъ тѣхъ Варяговъ находниковъ прозвашася Русь, и оттолѣ словетъ Русская земля, иже суть Новогородстіи люди,- и до нынѣшняго дня, прежде бо нарицахуся Словене, а нынѣ Русь, и отъ тѣхъ Варягъ прозвашась, сице бо Варяги звахуся Русью. О! слова̀, прочетши ихъ восклицаю съ превеликія радости; дорогобъ васъ купить, а теперь ничемъ оценить невозможно! Достойны вы поистинѣ золотыми літерами быть написаны! все сомнѣніе мое разогнали вы; положеніе мое непреоборимо вы доказали; старое мое имя славянина выжъ непреодолѣемо подтвердили; и ко многому другому гладкій и пространный путь и врата на всѣ сто̀роны вѣроятности отверзли.

10.

И по истиннѣ, вижу я, что Варяги къ новогородскимъ жителямъ пришельцы; что отъ нихъ прозвалась сія держава Россіею; что мы прежде называемы были Славянами; и слѣдовательно, что имя Россіанъ есть новое. Чего мнѣ больше? Все ужѐ самое дѣло ясно,

хотя способъ, каки[м] то здѣлалось, и не вѣдомъ, который былъ тогда одинъ изъ многихъ по изволенію вымышляемыхъ нынѣ. Однако, читаю я и еще нѣкоторую нашу жъ книгу, называемую Степенная; а въ житіи святыя великія Княгини Олги нахожу именно сіи слѣдующія слова́: Отъ варягъ бо Русью прозвахомся. Во́тъ и еще превеликое подтвержденіе Нестору и Сілвестру. Что [ж] дѣйствительнѣе и важнѣе трехъ и толикихъ свидѣтельствъ къ Історической вѣроятности? Павелъ, оный сосудъ избранный святости и богословіи, въ вещахъ и душеполезнѣйшихъ, и слѣдовательно непримѣнно важнѣйшихъ, говоритъ, что при двое, или тріехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ. Тогоради, прочь отъ меня ты Араксовъ Ро́ссъ, ты Страбоновъ Роксоланъ, вы русыи волосы, ты громкій на войнѣ крикъ, напослѣдокъ, ты самое рассѣяніе. Ибо хотя всѣ вы въ своемъ родѣ изрядны, но не столько, сколько сіе непоколебимое: отъ тѣхъ Варяговъ находниковъ прозвашась Русь: и отъ Варягъ бо Русью прозвахомся: прежде бо новогородстіи люди нарицахуся Словене.

11.

Слѣдовательно, безъ страха уже́ я и безъ сомнѣнія говорю, что всѣ тѣ или рѣки, или городы, или какія другія мѣста́, кои нынѣ имѣю[т] сіе званіе Русъ, Руса, или какъ инакъ, токмо очень похоже, прозваны отъ Варяговъ, какъ то напримѣръ городъ въ Новогородской губерніи Старая-Руса; также и рѣка, кою Германцы нынѣ называютъ Мемель, Поляки Нѣмень, Прусаки при ея усьѣ Русъ отъ городка, кой называется симъ же именемъ, и гдѣ она впала въ Гафъ: ибо Птоломей называетъ ея Хронусъ. Сія рѣка имѣетъ свою́ верьшину къ Літваніи блиско города Слуцка; впали въ нея рѣки Вілія и Меречь; течетъ она подъ Гроднею, а нѣсколько претекаетъ чрезъ Самогіцію и чрезъ Прусію. Но на всѣхъ сихъ мѣстахъ нѣкогда воюющія и жившіи Варяги были: слѣдовательно и имена свои наложили.

Нѣтъ мнѣ здѣсь дѣла, откуду и ко́ва народа сами Вяряги были; не сомнѣваюсь однако, что славный славенскій нашъ народъ нé-взялъ бы къ себѣ Государями неславныхъ, и не славнаго народа Князей. Нѣтъ мнѣ равнымь же образомъ дѣда и какимъ язы́комъ они говорили: сего и того пускай допскиваются тѣ, кои нарочно о семъ пишутъ: я токмо сіе теперь знаю, по свидѣтельствамъ нашихъ писателей, что Варяги не новогородскіи уроженцы, и что мы Славяне отъ варяговъ Россіанами назвались, а какъ, позволено мнѣ теперь не знать. Впрочемъ, можетъ быть, что Варяги Русь, (то есть, Русь агляне, или по кіевскому произношенію, Русаляне, можетъ быть изъ Роксолане, для того что Роксолане, по Іорнандову объявленію, съ Готами имѣли тѣсное соединеніе въ 4[м] вѣкѣ по Рождествѣ Спасителевѣ, такъ что надѣются нѣкоторыи, что они или подъ готіческимъ токмо именемъ, или подъ готічески[м] й Русаланскимъ одинъ корпусъ составляли: но ко всему сему я теперь не касаюсь). Мо́жетъ быть, говорю я, что Варяги Русь діалекто[м] нѣкоторымъ, происшедшимъ отъ славенскаго языка говорили: но сіе токмо можетъ быть, а подлинно не знаю: знаю только, что Варяги не самыи Славяне, а произошлиль они отъ Славянъ, того не знаю.

12.

Сказалъ я, можетъ быть, что Варяги Русь діалектомъ нѣкоторымъ происшедшимъ отъ славенскаго говорили: ибо Константінъ багрянородный греческій Імператоръ, описывая Днѣпровскіи пороги, различаетъ россія имена отъ славенски[х]; а въ россиихъ оныхъ именахъ также слѣдъ велпкій есть нашего славенскаго язы́ка. Но какъ то ни есть; только сіе извѣсно уже́ мнѣ отъ свидѣтельства Несторова и Сіл-

вестрова, и также отъ Степенныя книги, что нѣкоторыи Варяги были Россы, а мы Славяне, и что мы отъ нихъ вновь Россіанами прозваны, или сами такъ назвались, такъ что иный народъ есть россkій, а иный славенскій, отъ котораго произошли праотцы наши, а Россіанъ имя новое взяли отъ Варяговъ Государей наши[х]. Подлинножъ, и подлинно, что какъ Россы, то есть нѣкоторыи Варяги, не Славяне новогородскіи, такъ и славяне новгородскіи не Россы по кореню, но по преименованію отъ Варяговъ. Ибо великій князь Ярославъ, сынъ Владиміровъ, а праправнукъ Руріка, самаго перваго самодержавнаго Государя нашего изъ Варяговъ, то есть изъ Россовъ, сей, говорю я, великій князь Ярославъ Владиміровичъ, различаетъ вездѣ Русіновъ отъ Славянъ, въ своихъ уставахъ, данныхъ отъ него новогородскимъ обывателя[м]. Ктожъ у него Русіны, какъ не Варяги? Ктожъ и Словяне, какъ не старинныи новогородскіи жители? Сіе, кажется, толь сильно, что ужé выше всякаго сопернического прекословія. Имѣемъ, какъ видно, довольно и весьма вѣроятно начáло россійскаго имени. По сему не трудно теперь сказать, что послы пріѣхавшіи отъ народа Россъ къ греческому Імператору Θеофилу для утвержденія дружбы съ ихъ государемъ, были Варяги Русь, для того что они себя Россами назвали. А понеже они прибыли изъ Кіева въ Константінополь въ 839-мъ годѣ, Варягижъ начали государствовать въ Новѣ городѣ съ 862 года. Того ради, должно заключить, что или лѣтопись Бертініанова, которая о семъ посольствѣ повѣствуетъ, есть неправа въ счисленіи лѣтъ, или Осколдъ прежде Руріка былъ владѣтелемъ въ Кіевѣ изъ Вяряговъ, отъ котораго оное посольство могло быть отправлено, хотя и общее есть сіе мнѣніе, что Осколдъ и Діръ вмѣстѣ съ Рурікомъ въ Россію прибыли. Чтожъ до письмá отъ Фотія цареградскаго патріарха къ престольнымъ восточны[м] патріархамъ же, въ которомъ онъ предлагаетъ, что Россы покорили себѣ многіи народы, чего ради они и вознесли свой рогъ на самую Римскую Імперію: то сіе разумѣется подлинно ужé о насъ Россіанахъ, преименовавшихся отъ Варяговъ Государей нашихъ. Ибо самое время сіе доказываетъ. Фотій рукоположенъ въ Патріарха Григоріемъ Асвестомъ Епіскопомъ Сіракусскимъ 857 года, декабря 25 дня. Ігнатія онъ осудилъ на соборѣ 861 года. Кесарь Міхаилъ, который стоялъ за Фотія, скончался въ 867 годѣ. Кесарь Василій изгналъ Фотія въ 867мъ же годѣ. Тотже Кесарь Василій, и супруга его Θеодора Сантаваріна восприяли паки Фотія на престолъ въ 879мъ годѣ. Кесарь Леонъ сынъ Василіевъ изгналъ его вторично въ 886мъ годѣ. Всѣ почитай сіи обращенія и преобращенія были въ тѣ времена, въ кои ужé мы назывались Россіанами. Не трудно также разрѣшить и сіе, что нѣкоторыи писатели называли насъ еще Славянами, пóслѣ какъ уже мы преименовались Россами: ибо они называли нáсъ древни[м] именемъ, а не новымъ, хотя ужé мы тогда и были не просто Славяне, но Славенороссы; и языкъ нашъ сталъ славенороссійскимъ, для того что ужé онъ началъ принимать словá варяжскія, то есть Россійскія, каковы, можетъ быть, лобъ вмѣсто челá, воръ вмѣсто татя, глазъ вмѣсто ока, ротъ вмѣсто устá, губы вмѣсто устнѣ, изба вмѣсто клѣть, крикъ вмѣсто вопль, и прочія премногія, такъ какъ онъ же нынѣ примѣшалъ, принявъ прежде многія и татарскія словá, въ себя жъ отъ сообщенія токмо многіяжъ изъ всѣхъ почитай Европейскихъ: а сіе толь далеко распространилось, что и сочиненіе словъ нѣсколько измѣняется.

13.

И понеже ясно, что все сіе предложенное мною, есть главнѣйшимъ основаніемъ, не касаясь до всѣхъ другихъ околичностей, въ діссертаціи

Господина Профессора Міллера, о началѣ, или происхожденіи Россійскаго имени: того ради, по силѣ Ея Імператорскаго Величества указу, даннаго изъ Санктпетербургскія Академіческія Канцеляріи о слѣдованіи помянутыя диссертаціи, заключаю я безпристрасно, по чистому Разумѣнію, сколько мнѣ онаго Богъ даровалъ, безъ всякаго чаянія или вида корысти, безъ соперничества и такъ, какъ доброму и чесному человѣку, а больше какъ вѣрно-подданому рабу Ея Імператорскаго Величества пристойно, что реченная Міллерова Діссертація есть вѣроятна, и вѣроятнѣе еще, кажется, всѣхъ другихъ Сістемъ нынѣ о началѣ имени Россіанъ вѣдомыхъ; и что можно ей быть печатной, такъ какъ и въ са́момъ началѣ по первомъ прочтеніи ея въ общемъ собраніи всѣ, кои присутствовали, Профессоры Академіки и універсітетскіи апробовали, и руками своими подписались.

14.

Когда я заключилъ, что реченная Міллерова діссертація есть вѣроятна, и еще вѣроятнѣе всѣхъ другихъ, какъ на нашихъ природныхъ свидѣтельствахъ главнымъ своимъ дѣломъ утвержденная; и что возможно ей быть печатной: то я заключилъ токмо о весьма вѣроятномъ ея главнѣйшемъ грунтѣ, и не такъ всеконечно разумѣю, чтобъ ей быть въ такомъ состояніи, въ которомъ она нынѣ напечатана. Есть, что въ ней надлежитъ перемѣнить, исправить, умягчить, выцвѣтить. Сіежъ для того, дабы, нѣкоторымъ строптиваго духа людямъ, не пода́ть ни малыя причины къ охужденію и порицанію Автора. Нѣтъ того, чтобъ отъ нелюбящихъ, хотя са́мое малое, увеличено и въ худую сторону растолковано быть не могло: равно какъ нѣтъ почитаи того, чего бъ благопріятство умягчить и усладить въ-состояніи небыло. Притомъ же, благопристойность и предосторожность требуютъ, чтобъ правда была предлагаема нѣкоторымъ пріятнѣйшимъ образомъ: давно уже́ вѣдомо изъ Теренція Римскаго Коміка, что нагая истина (чтожъ дѣлать? сіе есть одно изъ состояній оплакуемыя человѣческія слабости) ненависть раждаетъ; а гибкая на всѣ сто́роны поступка, толькожъ бы беспорочная, ибо чаще такая услуга бываетъ противнымъ образомъ, а особливо въ надеждѣ полученія, гибкая, говорю я, и удобь обращающаяся поступка, пріобрѣтаетъ множество друговъ, и благодѣтелей.

Объ отмѣнахъ сихъ, исправленіяхъ, и умягченіяхъ, довольно предлагали всѣ вообще слѣдовавшіи по указу діссертацію его, и можно видѣть то въ дѣлѣ изъ соперническихъ сопротивленій Автору предложенныхъ.

15.

Сіе есть мое мнѣніе, которое я далъ по самому моему чистосердечію, и не взирая, какъ въ указѣ изображено и повелѣно, ни на какое лице: да сверьхъ того, и чистая моя, безъ тщеславія, въ разсужденіи всего сего дѣла, совѣсть сегожъ самаго отъ меня требовала. Совѣсть мою, при семъ слѣдованіи, ежелибъ можно было представить какимъ лицемъ, и въ рукахъ съ щитомъ; тобъ всякъ увидѣлъ на томъ ея щитѣ около выпуклистаго се́рдца его слѣдующую надпись: другъ Сократъ, другъ Платонъ; но всѣхъ дружняе бессмертная правда.

Все сіе писалъ, и съ выносами на поля я своею рукою.

Профессоръ Васілей Тредіаковскій.
Іюня 21 дня 1750 года.

V.

Собственноручныя надписи Тредіаковскаго къ ракѣ для мощей св. Александра Невскаго [1]).

(Къ стр. 162, 163.)

На первый щитъ:

Богу . трисвятому .
Дивному . во . святыхъ . своихъ .
въ . величайшую . славу .
Но . въ . достодолжную . честь
святому . благовѣрному . великому . князю
Александру . Невскому .
Сыну . Ярославову .
внуку . Всеволодову .
правнуку Владимірову .
побѣдившему .
на . семъ . мѣстѣ . Нéстора . Вергера .
и . его . по . лицу . мечемъ . уязвившему .
градъ . Псковъ . избавившему . отъ ига .
непреклонившемуся . отъ . правовѣрія . къ . Батыеву . зловѣрію .
преставлшемуся . въ . Городцѣ .
почивавшему . во . Владимірѣ .
Нынѣ .
по . пренесеніи . Петромъ . Великимъ .
всероссійскимъ . самодержцемъ .
здѣ . почивающему . тѣломъ .
Елісавета . первая .
самодержица . всероссійская .
дщерь . Петрова .
Раку . сію . и . столпъ .
изъ . новообрѣтеннаго . сребра
живымъ . усердіемъ . своймъ.
соорудила . благоговѣйно .
лѣта 1751 .

На вторый щитъ:

Здѣ . почиваютъ .
многото цѣлебные . мощи .
святаго . благовѣрнаго . великаго . князя .
Александра . Невскаго .
Сей . оправданъ . свыше .
рожденіемъ . къ престолу .
храбростію . къ . по бѣдамъ .
добродѣтелію . къ . славѣ .

---

1) Архивъ академической канцеляріи, книга № 158.

вѣрою . къ . ея . исповѣданію .
благоугодными . дѣлами . къ . вѣнцу . небесному .
и . къ . дару .
чудотворенія .
сего . тѣло .
Самодержецъ . всероссійскій .
Петръ . Великій,
изъ . Владиміра . въ . свой . градъ . пренесши
на . семъ . мѣстѣ . положилъ . достолѣпно
Сему .
побѣдителю . враговъ . нечестія . и . мирски[х] . прелестей .
всероссійская самодержица .
Елисавета . первая .
великолѣпный . сей . трофей.
отъ . начатковъ . земнаго . сокровища .
теплымъ . сердцемъ .
Посвятила .
Лѣта . 1751 .

На первый щитъ:
про́за надписная:
Богу . трисвятому .
дивному . во . святыхъ . своихъ .
въ . величайшую . славу .
но
(и пр. съ самыми ничтожными перемѣнами, что́ выше.)

На первый щитъ
по угодности стіхи:
На мѣстѣ, гдѣ низвергнуть брань дала
Вергéровъ полкъ святому Александру:
Въ трофей и лавръ се Лáвра процвѣла;
И чокъ чернитъ лжекрасную Скамандру,
Отверзла путь и твердыя врата
Къ Полтавски[м] тѣмъ полѧмъ Его побѣда:
Великій Самъ, Россіи красота,
Сразилъ на нихъ Петръ гордаго[ж] сосѣда,
Пренесть его онъ мощи восхотѣлъ;
Да въ оныхъ чтимъ здѣ должно Чудотворца;
И градъ дабы въ защитника имѣлъ,
По Божествѣ толпка ротоборца.
Судила жъ, весь ковчегъ обогатить,
Елісаветъ крущéмъ вновь проявленнымъ;
Свой въ рóды даръ потщилась освятить,
Лія мольбу всѣмъ сердцемъ умиленнымъ.

На вторый щитъ
къ угодности стіхижъ:
Се крýшецъ дражайшій, во множествѣ своемъ,
Мощеносну здѣ преобогащаетъ

Ра́ку зриму нынѣ въ учреждени семъ!
Но богатствомъ онъ предъизображаетъ
Не сіе, что, море льющихся щедротъ
Царствующа есть въ насъ Елісавета:
И что, изъ великихъ всѣхъ Ея Добротъ,
Щедрость въ похвалахъ крайнею воспѣта;
Иль и что сокровищъ много есть у Ней:
Щедрость всѣмъ Ея возглашать прилично;
Кладязю жъ обильства у земныхъ властей,
Скиптродержныхъ тѣхъ, долгъ быть, и обычно.
Сей Крушецъ дражайшій, Даромъ таковым,
Кажетъ: въ давшей коль сердце къ Богу вѣрно!
И усердность купно, къ Божіимъ Святымъ,
Внутрь Душй ея, коль горитъ безмѣрно.

VI.

Отвѣтъ на письмо о сафіческой и гораціанской строфахъ.

(Къ стр. 185, 186.)

Государь мой! Ваше обнадѣяніе ссылкою на весь свѣтъ въ томъ, что Са́фіческая и Гораціанская строфа не такъ составляются, какъ-онѣ-у-меня́ положены́, кажется что-сверхъ-мѣры излишно: не всякій стопослагатель, по вашему, знаетъ въ нихъ силу, но токмо обращавшійся довольно въ латинскомъ стіхосложеніи.

Сіе можно утвердить вами самими: ибо вы говорите, что «по сему (моему) «примѣру состоитъ Сафіческая строфа «въ первомъ полустішіи трехъ первыхъ «стіховъ изъ двухъ хореевъ, а для «пресѣченія, которое (котораго) въ «нихъ не надобно, прибавленъ къ двумъ «хореямъ долгой слогъ: второе полу«стішіе въ двухъ первыхъ стіхахъ со«стоитъ изъ одного анапеста, и одно«го ямба: третьяго стіха второе по«лустішіе состоитъ изъ одного анапе«ста, одного ямба, и изъ одного ко«роткаго слога, которыи три слога хо«тя и сочиняютъ стопу, однако не хорея.»

Все сіе, Г. М., не право; и ко всему кривому размѣренію, находящему въ Сафіческихъ моихъ стіхахъ полстішія, привело васъ Пресѣченіе, полагаемое вами неосновательно внѣ числа́ стопъ, о ко́емъ-еще-вы опредѣлительно говорите, что-его-и-не-па́добно. Я, напротивъ того, утверждаю, и вамъ ясно докажу, что-въ-Са́фіческихъ моихъ стіхахъ нѣтъ Полстішій, и что-Пресѣченію въ нихъ быть необходимо надобно, и числиться въ дактілической стопѣ.

По сему, Сафическіи мои стіхи два первыи мужскіи (ибо я положилъ въ строфѣ сочетаніе), имѣютъ въ первомъ мѣстѣ стопу хорея вмѣсто латінскаго спондея, коему-у-насъ-быть-стра́нно для тоніческаго количества, во второмъ хореяжъ, въ третіемъ дактіля такъ, что-до́лгій его слогъ есть Пресѣченіе, и окончаваетъ слово, а не стопу, въ четвертомъ хореяжъ, а въ пятомъ полхорея, отъ чего сіи стіхи суть у меня Каталекты, такъ какъ-хоре́ическіи тетраметры мужскіи въ строфахъ: но третій женскій, соглашающійся ріемою съ четвертымъ Адоническимъ, въ четырехъ мѣстахъ первыхъ тѣжъ имѣетъ сто́пы, а въ пятомъ цѣлаго хорея, и для того нѣтъ тутъ на концѣ трисложныя стопы́ амфібра́хія, коего-вы-съ-забы́тія, знатно, буде не съ невѣденія, не именовали, назвавъ его токмо безъимянно стопою. Посему,

третій сей стіхъ женскій есть точный Анаталектъ. Пзвольте, ежели угодно, заглянуть въ первый томікъ Сочиненій моихъ и Переводовъ; тамъ на стран. 136 увидите, что-я-вамъ-ітстину предлагаю.

И такъ, Сафіческая моя строфа, всѣмъ своимъ внутреннимъ составомъ, есть прямо такая, какую видимъ въ Гораціи, выключая ріѳму и сочетаніе, что-здѣлано для нашего обыкновенія, и въ чемъ, мнится, никто смыслящій каверзъ на меня взводить не будетъ, толь наипаче, что-мнѣ-равно, хотя будетъ сія строфа съ ріѳмою и съ сочетаніемъ по нашему, хотя безъ сочетанія съ одною женскою ріѳмою, какъ-то-было въ называемомъ мною среднимъ стіхосложеніи, для того что все сіе не дѣлаетъ стіха, но только снаружи его румянитъ, или хотя и вовся безъ ріѳмы какъ-подлинная греческая и латинская, Чемъ же вамъ по правдѣ можно толь необиненно (sic) утверждать, что «во всей (моей) строфѣ нѣтъ ни одного Сафіческаго стіха?»

Чтожъ вы, Г. М., по произвольному вашему размѣренію, Сафіческія моея строфы не правъ; то я въ томъ на весь свѣтъ не ссылаюсь: не пристойно иныхъ изъ всего совѣта многихъ неискусившихся сему трудить: самъ Горацій намъ тому праведное рѣшеніе здѣлаетъ; да и мню, что-и-вамъ судію сего нельзя никакъ подозрительнымъ показать. Надлежало-было въ Сафіческой строфѣ съ самою подлинно Сафою справливаться; но у насъ нѣтъ всѣхъ ея сочиненій, имѣемъ только нѣсколько отрывочковъ. И такъ, весь такой недостатокъ наградитъ намъ, сверьхъ потрѣбы-еще, Горацій: ибо осталось намъ отъ него 26 Одъ Сафическихъ. Въ I кн. 9 Одъ; въ нихъ во всѣхъ 59 строфъ; слѣдовательно, 177 стіховъ Сафическихъ, не включая вездѣ Адоніческаго. Во II кн. 6 одъ; въ нихъ 40 строфъ; стіховъ 120. Въ III кн. 7 одъ; строфъ 55; а стіховъ 165. Въ IV кн. 3 оды; 35 строфъ; 105 стіховъ. Въ V кн. I ода, названная Поэмою вѣковъ; въ ней 19 строфъ; а стіховъ 57. И того всѣхъ-на-все Сафіческихъ стіховъ у Гораціи 624.

Всѣ сіи стіхи, Г. М., на-два Полстішія не дѣлятся, въ чемъ я васъ свято увѣряю, или хотя и сами справьтесь: слѣдовательно ни моя строфа не раздѣлена на Полстішія. Всѣ сіи у Горація стіхи, по самой большой всеконечно части, имѣютъ Пресѣченіе хотя кончащее рѣчь, однако не стопу Дактіля, такъ что сія стопа всегда есть въ третіемъ мѣстѣ по порядку стопъ; что-самое и не раздѣляетъ стіха на-два Полстішія, какъ-то-сіе-всякому искусному ясно. Слѣдовательно, и въ моей строфѣ сіе равнымъ же образомъ. Должно знать, но о вашемъ знаніи не сомнѣваюсь, что-иное есть Цезура, а иное Гемістіхій. Цезура есть долгій или короткій слогъ всегда кончащій реченіе. Гдѣ-сей-долгій или короткій слогъ неокончаваетъ стопы, тамъ въ стіхѣ нѣтъ свойственно Гемістіхіевъ: а гдѣ окончаваетъ стопу, или есть сверьхъ числа стопъ; въ томъ стіхѣ и находятся точно Гемістіхіи. Но Гораціевы, и мои, Сафіческіи стіхи Пресѣченіемъ хотя окончаваютъ рѣчь, однако не стопу дактіля; слѣдовательно, нѣтъ въ нихъ Полстішій. И такъ, извольте рассудить, коль вы право находите въ Сафіческихъ моіхъ стіхахъ анапесты, іамбы, и забытое имя амфібрахіевъ: въ нихъ нѣтъ сихъ стопъ ни духу.

Ежели вы мою стопу слѣдующимъ образомъ, какъ-и-должно, вымѣряете; то и вы сами найдете ея точно Сафіческою:

Совѣсть	ктобъ се	бѣ не по	рочну	вѣсть . .
Нравовъ	чисто	та за всег	да въ комъ	есть . .
Не бо	нтся	тотъ охуж	денъ про	пасти,
			Бодръ и въ на	пасти.

Суетная будетъ каверза, что-первыи два стіха не цѣлую стопу хорея на концѣ имѣютъ: сему причина сочетаніе нынѣшнее наше. Буде кому похочется по-польски безъ сочетанія строфу сію составить; то будетъ она слѣдующимъ образомъ:

Совѣсть	кто въ се	бѣ не по	рочну	знаетъ
Нравовъ	чисто	та въ комъ всег	да бы	ваетъ;
Не бо	ится	тотъ охуж	денъ про	пасти
			Бодръ и въ на	пасти.

Но не о ріѳмѣ и сочетаніи словъ идетъ: о внутреннемъ составѣ Сафіческихъ стіховъ, по которому-мои-то́чно, какъ-не-возмо́жно ужѐ вамъ не видѣть, такіи, какимъ имъ быть должно.

Упомянулъ я выше, что Сафіческіи у Горація стіхи, по са́мой большой всеконечно ча́сти, имѣютъ Пресѣченіе. Сіе значитъ, что-не-всѐ они у него съ Пресѣченіемъ и слѣдовательно, служитъ сіе вамъ, Г. М., нѣсколько въ пользу. Но сколькожъ ихъ у него безъ того Пресѣченія изъ 624-хъ стіховъ? Только, Г. М., всего-на́-все 36: о семъ я васъ наисвятѣйше удостовѣряю, или сами извольте удостовѣриться. Ка́къ же, Г. М., почесть сіи 36 стіховъ только пра́виломъ, а 588 изъятіемъ? Не чувствуетель вы сами, что 36 стіховъ употреблены́ Гораціемъ по нуждѣ и по вольности, въ коей-ни-оди́нъ изъ Римскихъ Піитовъ не́ былъ его своевольнѣе?

Подлинно, такъ онъ былъ въ вольностяхъ такихъ своеволенъ, что-иныесмѣшны́, и толь великому Піиту отнюдь не простительны. Онъ ихъ такъ употреблялъ, что-одну́ рѣчь на́двое расшибалъ, и ставилъ часть въ предъидущемъ стіхѣ на концѣ, а другую въ началѣ слѣдующаго. Свидѣтельствуетъ 3 и 4 стіхъ въ 5 строфѣ, Оды 2 Сафіческія, Книга I, гдѣ-сло́во сіе vxorius такъ разбито, что v оставлено въ 3 стіхѣ на са́момъ концѣ, но xorius поставлено въ началѣ Адоніческаго. Свидѣтельствуетъ 3тій же и 4 стіхъ въ 3 строфѣ, оды 25, Книги I: ибо слово interlunia также на́ полы раздѣлено́, такъ что въ 3 стіхѣ на концѣ положено inter, а въ 4 снесено́ lunia. Свидѣтельствуетъ и ещѐ-съ-пять-шесть такихъ же несносныхъ и непростимыхъ вольностей.

Простительноль бы могло быть нашему какому Піиту, который-бы-слова́, напримѣръ, тя паче ума, такъ раздѣлилъ, чтобъ въ одномъ стіхѣ поставилъ тя́па, а въ другомъ че́ума? Или бъ какой Композіторъ Моте́товъ сперва далъ Подголоскамъ заверещать тя́па, тя́па, а пото́мъ всѣмъ бы вдругъ завопи́ть че́ума, че́ума, че́ума? Сіе са́мое однако сдѣлалъ нѣкто Шафаровскій, а сказывалъ мнѣ о семъ одинъ мужъ, покойный уже, бывшій у насъ изъ са́мыхъ знаменитыхъ духовныхъ мужей. Но о семъ по приличію токмо: ибо у меня слово здѣсь о Гораціи Римскомъ древнемъ Піитѣ, который-въ-піитическихъ-во́льностяхъ былъ не умѣренъ, такъ что дивно, ка́къ онъ толь мало Сафіческихъ стіховъ употребилъ по вольности безъ Пресѣченія, будтобъ нарочно, чтобъ мнѣ предъ вами, Г. М., имѣть всю правость.

Могъ бы я вамъ подтвердить составъ Сафіческихъ моихъ стіховъ, сверьхъ Горація, и Сарбіе́віемъ Польскимъ Латінскимъ Піитомъ, коего-никто́ лучше по нынѣ, по рассужденію искусныхъ людей, не писалъ Сафіческихъ стіховъ, да и едва есть надежда, чтобъ и впредь могъ кто лучше его въ томъ быть. Но мню, что-онъ-вамъ-незнако́мъ. Того ради вѣдомымъ ужѐ вамъ Мелетіемъ Смотрицкимъ подтверждаю: сей точножъ по Гораціеву, и слѣдовательно по моему, составилъ одну Сафіческую строфу, толькожъ ме́трическимъ, а не тоническимъ, по вашему гласнымъ, количествомъ строфа его есть слѣдующая.

Мусо	Татръ сар	матскъ, Богу	тріе	диву,
Должну	ю дай	честь покло	на со	умны,
Чисто	ю сла	вянъ его	давше	му ти
				Мѣрою пѣти.

Нѣтъ теперь нужды знать, что-значитъ слово Татръ, и коль свѣтелъ во всей строфѣ смыслъ; одно прошу примѣчать, что-во-всѣхъ трехъ Сафіческихъ стіхахъ находится Пресѣченіе, окончавающее рѣчь, а не стопу дактіля: въ семъ вся сила дѣла.

Да на что́ въ красный день и въ са́мый полдень искать солнца? Ясно уже́ вамъ, что-мой-соста́въ Сафіческихъ стіховъ, есть точно Сафіческій по нашему количеству слоговъ, и что-вы-непра́во и не справясь говорите, что-въ-нихъ-Пресѣче́нія не надобно: но, напротивъ того, въ вашемъ Гімнѣ Венерѣ, составленномъ на подобіе Сафическаго рода стіховъ, нѣтъ ни одного всеконечнѣйше Сафіческаго стіха, для того что нѣтъ у васъ ни въ одномъ Пресѣченія, которому-въ-Са́фіческихъ стіхахъ надлежитъ быть всемѣрно: а женская всюду, въ Гімнѣ ономъ вашемъ, Ріѳма, есть не существенная одному роду Сафіческихъ стіховъ, но употребляется и въ другихъ, такъ что можно быть, и не безъ подлинныя красоты, въ сей строфѣ и сочетаніе, что-мною-и-здѣлано.

Теперь, Г. М., о Гораціанской строфѣ. Гораціанскою строфою называю я строфы тѣхъ одъ, изъ коихъ-у-Гора́ція въ Кн. I. 9, 16. 17. 26. 27. 29. 31. 34. 35. 37. Въ Кн. II. 3. 5. 7. 9. 11. 13. 14. 15. 17. 19. 20. Въ Кн. III. 1. 2. 4. 5. 6. 17. 21. 23. 26. 29. Въ Кн. IV. 4. 9. 14. 15. И того, 35 одъ.

Сія строфа состоитъ у Горація изъ четырехъ Тетраметровъ, трехъ первыхъ Гіперкаталектіковъ, а четвертаго Акаталектіка. Сихъ именъ я не изясняю, полагая, что-то́ль славящемуся Піиту, каковъ вы, не можно не знать званій піитіческихъ. Такую точно и я предложилъ въ примѣръ. Но вы, Г. М., ссылаетесь на весь свѣтъ, что-и-Сафіческая, и сія, не такъ составляется. Втуне, и преизлишне ссылаетесь, Г. М.: такъ точно у меня сія составлена, какъ-у-самого́ Римскаго Горація. Ваша, напротивъ, строфа Гораціанская, коея-сто́пы вы на концѣ вашего Письма́ узаконяете, всеконечно инако, а не по Гораціеву, составляется. Все сіе вамъ доказываю.

Первые два стіха у Горація на́-два Полстішія дѣлятся. Въ первомъ Полстішіи сихъ двухъ стіховъ въ первомъ мѣстѣ стопа́ спондей, а во второмъ іамбъ, къ коему-при́данъ долгій слогъ внѣ числа́ стопъ, а дѣлаетъ онъ Пресѣченіе. Іамбъ вторый съ долгимъ слогомъ составляетъ и Бакхія стопу, Ораторамъ, а не Піитамъ свойственнѣйшую. Во второмъ Полстішіи тѣхъ же стіховъ по́-два дактіля. Третій стіхъ имѣетъ въ первомъ мѣстѣ спондея, во второмъ іамба, въ третіимъ паки спондея, въ четвертомъ пакижъ іамба, къ коему-при́данъ общій слогъ. Іамбъ съ краткимъ слогомъ составляетъ и Амфібрахія стопу. Четвертый стіхъ имѣетъ въ первомъ и второмъ мѣстѣ по дактілю, а въ третіемъ и четвертомъ по хореѣ. Таков́а есть вѣрно, хотя и справитесь, Гораціанская строфа. Вотъ же и моя! Въ первыхъ двухъ стіхахъ, въ первомъ Полстішіи въ первомъ мѣстѣ хорей вмѣсто спондея, во второмъ хорей же вмѣсто іамба, для того что слѣдовать должно необходимо долгому слогу Пресѣченія внѣ числа́ стопъ, коему-по-хореѣ быть способнѣе и пріятнѣе, а по іамбѣ и трудно и дико: ибо два долгіи слога будутъ непосредственно, чего-въ-то́ническомъ количествѣ нѣтъ страннѣе. Во вторыхъ Полстішіяхъ въ обоихъ мѣстахъ по дактілю какъ-и-у-самого́ Піита Горація. Третій стіхъ имѣетъ четыре іамба, вмѣсто двухъ спондеева и двухъ не

іамбовъ, для того что спондеи у насъ почитай не возможны, а потомъ на концѣ краткій слогъ, такъ точно, какъ у Горація. Четвертый стіхъ состоитъ изъ двухъ дактілей, и двухъ хореевъ, всеконечно по Гораціеву. Не пріятный ли слуху кругъ? двумя хореями у меня начинается строфа, двумя и кончится. Сами вы изволите видѣть, что-въ-моей-мѣра всѣми числами совершенно Гораціева. Третій стіхъ моея строфы называете вы сами правильнымъ. Четвертый, въ вашихъ собственныхъ узаконеніяхъ Гораціанской строфѣ, предается вамижъ самими. И такъ, споръ токмо о двухъ первыхъ стіхахъ.

Вы хотите въ первыхъ Полстішіяхъ, двухъ первыхъ стіховъ, не быть Пресѣченію. Но оно точно есть у Горація: видѣли ужé то вы сами. Еслижъ мнѣ не изволите вѣрить; то удостовѣритъ васъ славный французскій писатель Дасіеръ, говоря о слѣдующихъ сея строфы Гораціевыхъ стіхахъ, находящихся во II книгѣ, въ 3 одѣ:

Omnes eodem cogimur: omnium
Versatur vrna: serius, ocius,

гдѣ слово vrna есть въ именительномъ падежѣ, и слѣдовательно слогъ na есть краткій, а должно ему быть долгому какъ-повсюду. Но Дасіеръ, извиняя въ вольности Горація, говоритъ, что-послѣ-цезуры тотъ слогъ есть долгій. Предлагаю и точныя его словá. On met ordinairement deux points après URNA, qui de cette manière est au nominatif, et a par conséquent la dernière syllabe breve; mais la Cesure la fait passer pour longue. Не доказаноль вамъ симъ ясно цезура (о которой-вы-смѣло очень говорите, что-она не-надобна) въ двухъ первыхъ стіхахъ сея Гораціанскія строфы?

Подлинно, Г. М., что изъ 283 строфъ, и потому изъ 566-ти первыхъ двухъ стіховъ сея строфы, одинъ только стішокъ находится у Горація по вольности безъ цезуры: онъ есть 2, строфы 4, оды 37, книги I. Итакъ, цезура въ Гораціанской строфѣ въ первыхъ двухъ стіхахъ непреоборимо доказана.

Слѣдовательно, ваше узаконеніе для Гораціанскія строфы есть не для нея, но собственно произвольное для нѣкія новыя вашея. Въ Гораціанской строфѣ три Гіперкаталекта, а четвертый Акаталектъ; но въ вашей всѣ акаталекты. Въ Гораціанской въ двухъ первыхъ стіхахъ есть цезура; а въ вашей отнюдь ея нѣтъ. Гораціанская въ двухъ первыхъ стіхахъ падаетъ дактілями, а въ двухъ послѣднихъ хореями; но ваша будетъ имѣть двѣ мужескиеріомы сряду, для послѣднихъ іамбовъ, вмѣсто дактіліческія трисложныя, или обоюдныя. Ясно ль, что-вáша есть токмо ваша, а не Гораціанская?

Удивляюсь, Г.М., удивленію вашему, что-Горацій такой звонъ слуху непріятный (какъ-то-вы-отчасти-дерзновéнно изволите говорить) полюбилъ. Чемъ сей звонъ непріятный? Не пресѣченіемъ ли, и падающими на концахъ дактілями? О! мудрое мудрованіе. Такъ-почемý всѣ наши періоды, коиокончаваются-чáсто дактілями, долженствуютъ быть непріятны? Такъ-языку нашему, должно токмо удареніе имѣть на послѣднемъ и предпослѣднемъ слогѣ, для іамба и хорея? О! мудрая мудрость, повторяю паки. Но пускай такъ. Однако, что-вáшему толь нѣжному слуху непріятно; то Римскому было очень сладосно. Нѣжность слуха весьма различна: такъ называемое демественное пѣніе раскольникамъ, а столповое нѣкоторымъ старикамъ нашимъ толь пріятно, что-не-могутъ-навеселиться слыша оное; но отъ партеснаго уши затыкаютъ. Французъ надъ італіанскою музыкою хохочетъ; а італіанецъ французскую презираетъ. Чудно! прежде сего былъ вамъ противенъ хорей, а нынѣ дактіль: но не отчаяваюсь, со временемъ нáйдетъ, можетъ быть, и онъ къ себѣ въ васъ милость. Впрочемъ, сіе вѣрно есть, что-надле-

жа́ло-было вамъ не ссылаться на весь свѣтъ въ неисправномъ моемъ, по вашему, составленіи Сафическія и Гораціанскія строфы, а ссылаться только на собственное ваше стопосложеніе.

Вы́-еще, Г. М, обличаете меня и въ ложномъ удареніи надъ словомъ ве́сну, вмѣсто, по вашему, весну́, и въ ложномъ сочиненіи, въ ве́сну, вмѣсто весной. Позвольте донесть, не напрасно о васъ я не сомнѣвался по нынѣ, что-вы-какъ-Піитъ превосходный, такъ и Грамматістъ са́мый исправный. Однако, дерзаю оправдать себя въ обоемъ томъ предъ вами. Удареніе мое на томъ словѣ есть правое, и нашему язы́ку природное; да и сочиненіе ра́вно такое жъ.

Премногія имена перваго склоненія, женскаго рода, а особливо двусложныя, канчающіяся на (а) и (я), и имѣющія удареніе на послѣднемъ слогѣ, ежели которыя перено́сятъ оное въ именительномъ множественномъ съ послѣдняго на первый слогъ, тѣ переносятъ то съ послѣдняго на первый же и въ винительномъ единственномъ. Таковы суть имена ру̀ка, нога, спина, земля; хотя изъ общаго сего пра́вила есть не мало и изъятій. Но имя весна, не въ числѣ изъемлемыхъ, но въ числѣ правиломъ описанныхъ. Доказываю слѣдующимъ. Когда предлогъ на пріемлетъ па себя громчайшее или высочайшее удареніе, то онъ съемлетъ оное съ са́маго непосредственнаго слога предъ собою всегда и безъизъятно. Напримѣръ: взять на́-руку, стать на́-ногу, класть на́-спину, лечь на́-землю. Ясно, что-предлогъ-на снялъ на себя удареніе, у ве́ѣхъ сихъ винительныхъ падежей, съ са́маго въ нихъ непосредственнаго къ себѣ слога, а именно, съ ру, съ но, съ спи, съ зем. Но не произносимъ ли слѣдующее такъ, отъ зимы осталось у меня дровъ и на́-весну? И такъ, тотже предлогъ на снялъ на себя тутъ удареніе съ слога вес. Слѣдовательно, винительный сей есть: ве́сну, а не весну́; и потому, кто-такъ сіе слово ударяетъ, тотъ ударяетъ пра́вильно, и по свойству нашего языка. Вотъ же вамъ и грамматіческіе тонкости, о которыхъ-вы́, можетъ быть, и не думывали. И сіе есть первое.

Что жъ до другаго; всякъ исправно скажетъ: онъ временемъ хорошъ, а другимъ худъ; да и всякъ же исправно выговоритъ: онъ во время хорошъ, а въ другое худъ. Вы уже́, мню, усмотрѣваете, что-я-почитай себя оправдалъ: но доканчиваю. Изрядно говорится: зимою все изготовлено къ веснѣ́. Изрядно и такъ: въ зиму все изготовлено къ веснѣ́. Слѣдовательно, пра́вильно есть такъ: весною изготовлено все къ зимѣ. Чего жъ ради худо бъ было симъ образомъ, въ ве́сну изготовлено все къ зимѣ? Нѣтъ, Г. М., не худо, но еще-право, и такъ можно и должно, какъ-по-сходству-съ-други́ми равномѣрными изображеніями, такъ и по свойству нашего язы́ка. *Не угодно ль будетъ уступить сіе знать основательнѣе такимъ людямъ, коивъ - семь - лѣтъ - съ - три́тцать обращаются?*

Какъ-то-ни-бу́детъ; толькожъ усмотрѣнные вами, въ Ежемѣсячныхъ Книшкахъ, погрѣшности мои противъ язы́ка такъ очи́щены, что-едва́ль, сказать не тщеславно, можно вамъ что-нибу́дь уже́ изобрѣсть къ опроверженію моихъ доказательствъ. Но я не вижу, чемъ вы ваши, усмотрѣнные мною въ тѣхже Книшкахъ, можете защитить, изъ коихъ-са́мое малое число представлю вамъ здѣсь, уповая на ваше великодушіе, что сі́я мо́я смѣлость, подражающая вамъ, не имѣетъ быть противна.

И подлинно, чемъ вы можете оправдать нестерпимо непристойное сіе изображеніе, Ода на Государя? Такое изображеніе говорится у насъ всегда въ худо, а не въ добро. Въ добро говорится такъ Ода Государю, какъ-то-и-стоитъ уже́ въ оглавленіи того мѣсяца. Непристойность изображенія вашего. доказываю равносильными при-

мѣрами: Акаѳістъ Богородицѣ, Канонъ Ангелу, Пра́вило всѣмъ святымъ. Можно однако сказать: Ода на потѣху; но можно сказать только о бездушной вещи, а объ одушевленной никогда, да и о то́й-еще исправнѣе съ предлогомъ о, а не на.

Чемъ вы можете одобрить слово неудобно, находящееся въ 3 строфѣ тоя вашея Оды, въ началѣ перваго стіха, а взятое за невозможно? Неудобно, значитъ неспособно. И такъ у васъ: Неспособно въ Хрістіанствѣ почитать богами тварь. Что-то-за-ра́зумъ? Слѣдовательно, невозможно хрістіанамъ почитать богами тварь.

Чемъ вы можете оправить сей Солецісмъ, находящійся въ тойже одѣ II строф. ст. 6 отлучаюся покою? Глаголъ отлучаюся требуетъ по себѣ родительнаго, всегда съ предлогомъ отъ; отлучатися вамъ отъ всякаго брата бесчинно ходяща, 2, къ солунян. гл. 3. ст. 6.

Чемъ можете защитить, что-переводныи съ Павла Флеммінга сонеты, и у васъ точно жъ сонеты, а не просто такъ называемые стансы? Сонеты долженствуютъ быть таковы, какъ ихъ описываетъ Боало-Депреó въ II пѣсни, говоря стіхъ въ стіхъ моимъ переводомъ:

Указалъ, въ двухъ четверняхъ, равныхъ межъ собою,
Осмью слухи поражать ріѳмою двойною;
А потóмъ искусно шестерню стіховъ срядить,
Такъ чтобъ двѣ тройчатки смыслу разному дѣлить.

Но у васъ въ нихъ óсмью слухи поражаются ріѳмою четверною. Да и чемъ докажете, что-надглаго́лія рассудительныя степени, ударяемыя на третіемъ, и далѣе, отъ конца слогѣ, должно кончить на (яе) а не на (ѣе)? Мы всѣ говоримъ, читаемъ, и пишемъ достóй нѣе, пра́веднѣе, полезнѣе; слѣдовательно и любéзнѣе, и не любéзняе, какъ-то у васъ въ III не сонетѣ, въ 7 стіхѣ.

Оставляя многія неправыя ударенія ваши, какъ-то, тóрги, 17 строф. 2 ст. вмѣсто торги́; встрѣче́нъ, вмѣсто встрѣченъ, Эпіграм. I ст. 4 (да и са́мое сіе слово не весьма чистое), че́мъ вы можете утвердить, что-сло́во сіи имѣетъ удареніе на послѣднемъ, а не на первомъ слогѣ? Оно у васъ положено въ Гімнѣ Венерѣ (хотя такія жены почитаемыя Гімномъ, въ Христіанскихъ Святцахъ я по нынѣ не видалъ) въ 3 строфѣ, во 2 стіхѣ:

Можно ль изъяснити сіи утѣхи.

Но я утверждаю, что-оно-ударяется-на-пе́рвомъ слогѣ, а доказываетъ псаломъ 19: Сіи́ на колесницахъ, и сіи́ на конехъ. Извольте справиться: церковная наша печать на всѣхъ словахъ ударенія имѣетъ.

Напослѣдокъ, чемъ твердымъ и пра́вильнымъ можете изъяснить и извинить, и барбарісмъ вашъ и солецісмъ въ одномъ словѣ сочиненіи, находящемся въ семъ са́момъ письмѣ, на которое отвѣтствую? Слово сочиненіе, есть средняго рода, четвертаго склоненія. Слѣдовательно, именительный его множественный сочиненія, а не сочиненіи. Доказываетъ вамъ са́мый тітулъ Ежемѣсячныхъ Книжекъ.

Но не полноль, Г. М., вамъ на меня безъ причинъ напада́ть? Я усталъ отражая ваши обвиненія. Болѣе по истинѣ не хочу; и сіе письмо есть послѣдній мой вамъ отвѣтъ, въ чемъ по Хрістіанству и по чесности клепусь, хотя что-вы-ни-бу́дете по се́мъ на меня взводить, и чемъ и какъ-ниста́нете впредь язвить. Я уже́ въ лѣтахъ; и не болѣе пекусь о красномъ разумѣ, коль о добромъ нѣсколько житіи. Я то хочу позабывать, что-вы-ны́нѣ толь благоуспѣшно знаете. Вѣрьте, я васъ отъ всего се́рдца признаваю, понеже вамъ, какъ-ви́дно, того только и желается, первенствующимъ на́шимъ Волтеро́мъ, хотя и не ручаюсь познающихъ въ томъ силу. Позабудьте, прошу, меня; оставьте человѣка возлюбившаго уединеніе, тишину, и спокойствіе сво-

его духа. Дайте мнѣ препровождать безмятежно остаточныя мои дни въ нѣкоторую пользу общества по званію моему, и по дѣламъ положеннымъ на меня отъ главныхъ моихъ. Попустите мнѣ несмущенно размышлять иногда и о совѣсти моей: настанетъ время и мнѣ туда явиться, куда-должно-всѣмъ человѣкамъ. Тамъ не спросятъ меня, зналъ ли я хорошую силу въ Сафіческой и Гораціанской строфахъ, но былъ ли добродѣтельный хрістіанинъ. Сжальтесь обо мнѣ, умилитесь надо мною, извергните изъ мыслей меня. Если бъ я не опасался, что-вы-меня-пазовéте малодушнымъ, то бъ вамъ донесъ; но даромъ, позвольте донесть: я сіе сáмое вамъ пишу истинно не безъ плачущія горести. Отъ чего я вамъ кажусь толь негоднымъ, чтобъ мнѣ отъ васъ, отъ васъ, Г. М., претерпѣвать незаслуженные обиды? Паки, и паки прошу, оставьте меня отнынѣ въ покоѣ. Впрочемъ, будь по волѣ вашей; а я пребываю съ надлежащимъ почтеніемъ, Государь мой, вашъ покорный слуга

В: Т.

VII.

Собственноручный латинскій переводъ Тредіаковскаго съ представленія и басни его, поданныхъ имъ на обсужденіе членовъ историческаго собранія, 7 сентября 1755 года[1]).

(Къ стр. 186.)

Honoratissimis Collegis
Basilius Trediakowskius
S. P.

Dum Fabula vitae meae properat sensim cum sensu ad exitum suum, stetit mihi sententia concinnandae itidem Fabellae versibus russicis, inserendae, ut in animum induxi, Hypomnematis sive Ephemeridibus nostris. Ne autem minus valeatis iudicare, an digna sit Loco, cui destinatur, transtuli eam in Latinum, et quidem verbum pro verbo, totidem que omnino constantem Lineis; attamen Numeris solutis. Eo consilio utrumque exemplar, Russicum nempe et Latinum, misi ad vos inclusum in fasciculo harum Literarum. Quare, aequum est ut cognoscatis Fabellam, eamque ex scripto iudicetis. Sed cognoscendo atque iudicando, ita benevolos vos mihi velim, uti eosdem vos omnes ego sincere cupio incolumes esse. Curate igitur, ut valeatis. Dabam in Museo meo Idib. VII bris. A° MDCCLV.

Versio ad verbum, nec non constans totidem Lineis.

FABELLA.

Proh putidam Luem! exclamat prae moestitia Fabella,
Atque effera sua vociferatione continue id repetit ipsum.

1) Архивъ академической конференціи, связка № 76, Varia, подъ буквою Н. Упоминаемаго въ представленіи русскаго подлинника не отыскано.

Audito clamore, festinant cursum ad Eam dilectae Sorores,
Celebres quidem cantu versuum, sed mage palam ipsae gloriosae;
Quantumvis parum ad pulsandam Lyram sint aptae,
Quantumvis sonos modosque ignorent bonos.
Hem, advolavit iam turba virginum, viduarum, et nuptarum;
Nulla harum initiata est mysteriis, quaelibet temnens sacra mystarum,
Haud mora, interpellant istae Fabellam: quid, Sororcula, adeo vociferare?
Quid est rei? quid caussae? fac nos certiores quam citissime potes:
Si quidquam est in nobis, crede nos tibi opem acriter laturas;
Sin minus, hoc quoque crede, nos te derelicturas haudquaquam.
Nil prorsus retulit Fabella ad earum quaesita,
Proh putidam Luem, exclamando identidem praesentibus iis!
Atque ingeminando unum idemque, Proh putidam Luem!
Proh putidam Luem, quae, agmine facto, undique infestat Parnassum!
Frigidus horror perstrinxit sorores ad illam delatas.
Fabella tandem toruo aspectu omnes interea circumspexit;
Tum subito, mutatis verbis, sed immutata severa voce,
Apage ab oculis meis, dixit omnibus inclementer:
Ut enim vos genitor singulas diversis temporibus procreavit,
Ut vos coepistis laudibus immodicis semetipsas efferre,
Nil scientes discriminis inter id, quod est probum, quodve pravum,
Modo strepitum aliquem faciatis Barbytis paganis;
Jam in Parnasso, silentibus Musis, gryllus canit.
Phoebus recusavit omnino Choro praeesse.
E Castalio fonte limpidam Lympham bibit testudo.
In eodem rara coaxat Krekeke natando.
In cacumine Lucisque degit Simia deformis.
Adverso clivo reptat bestiola nigra, frequens apud pistores.
Viscera montis perfodit ridiculus mus intus rodenda,
Glis, e cavernulis proferens caput, obtundit sibilis aures.
Jam demum animal, quod turbidam tempestatem acuto praenuntiat clamore,
Quodque neutiquam potis est docere Minervam,
Prominente suo victu, sine vostro, temere suffodit circumcirca,
Et quidem ab imis radicibus, periclitantem misere Montem.

B. T.

ЛОМОНОСОВЪ, Михаилъ Васильевичъ, академикъ по каѳедрѣ химии и совѣтникъ академической канцеляріи.

Послѣ нѣсколькихъ строкъ риторскихъ похвалъ Ломоносову, напечатанныхъ С. Домашневымъ въ журналѣ Полезное увеселеніе 1762 г., стр. 237, первую попытку оцѣнить заслуги Ломоносова, впрочемъ исключительно одной только словесности, находимъ въ рѣчи доктора Николая-Гавріила Клерка, произнесенной имъ въ Петербургѣ въ Академіи наукъ 15 апрѣля 1765 года, стало-быть чрезъ одиннадцать дней послѣ смерти Ломоносова (Записки Академіи наукъ, X, 178—181.) Первымъ печатнымъ извѣстіемъ о жизни Ломоносова должна считаться статья, помѣщенная въ изданной графомъ Андреемъ Шуваловымъ Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof, 1765 года. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ г. А. Куника (Спб., 1865), I, 201—223. Затѣмъ въ 1768 году напечатана статья о Ломоносовѣ въ нѣмецкомъ журналѣ Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste, которая потомъ перепечатывалась нѣсколько разъ, о чемъ см. Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. г. П. Ефремовымъ (Спб., 1867). стр. VIII—X. Въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Н. Новикова, изданномъ въ 1772 году, явилось краткое жизнеописаніе Ломоносова на стр. 119—130. Отсюда оно перепечатано при московскомъ изданіи 1778 года: Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ книга первая, и при петербургскомъ — 1803 года, вышедшемъ изъ типографіи Шнора и о которомъ будетъ еще упомянуто ниже. Въ изданіи Академіи наукъ подъ заглавіемъ: Полное собраніе сочиненій Михаила Васильевича Ломоносова, 1784—1787 гг., при первой части помѣщена «Жизнь покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова». Эта статья составлена между прочимъ по матеріаламъ, доставленнымъ, вслѣдствіе требованія тогдашняго директора Академіи наукъ, княгини Дашковой, академикомъ Штелинымъ и переведена съ нѣмецкаго М. Веревкинымъ, о чемъ см. въ первомъ томѣ Исторіи Академіи наукъ въ Петербургѣ стр. 560, 561, и Москвитянинъ 1842 г., № 12, матер. для русской исторіи, Послужный списокъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. И. Веревкина, стр. 401. Академическимъ изданіемъ сочиненій Ломоносова 1784—1787 годовъ занимался Осипъ Козодавлевъ; при чемъ онъ рѣшился дѣлать поправки и измѣненія

ломоносовскихъ произведеній. За это Козодавлевъ удостоился эпиграммы:

О. К. (онъ-кака) другъ Крамзы (т. е. Державина Мурзы),
по только другъ нахальный,
Кѣмъ изуродованъ, какъ бабкой повивальной,
Малербъ россійскихъ странъ, пресладостный пѣвецъ.

Русскій Вѣстникъ, 1858 г., XVIII, декабрь, кн. 1, А. Н. Радищевъ, стр. 400, 401.

Въ Москвитянинѣ 1850 г., № 1, отд. III, стр. 1, есть невѣрное свѣдѣніе, которое потомъ повторялось и другими, что жизнеописаніе при академическомъ изданіи Собранія сочиненій Ломоносова написано Дамаскинымъ Рудневымъ, бывшимъ впослѣдствіи епископомъ нежегородскимъ, но теперь несомнѣнно только, что Дамаскинъ Рудневъ, какъ свидѣтельствуетъ его предисловіе, издалъ Собраніе сочиненій Ломоносова въ 1778 г. въ Москвѣ и притомъ перепечаталъ изъ Опыта словаря Новикова біографическую статью о Ломоносовѣ. Что касается до жизнеописанія въ академическомъ изданіи сочиненій Ломоносова 1784 г., то оно безъ перемѣнъ перепечатывалось въ таковыхъ же 1795—1797 и 1803—1804 годовъ, и вообще служило долгое время потомъ единственнымъ источникомъ, откуда почерпались всѣ историко-литературныя свѣдѣнія объ этомъ писателѣ. Въ 1803 году вышло еще изданіе, подъ заглавіемъ: Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ Михайлы Васильевича Ломоносова. Изданіе новое исправленное, съ присовокупленіемъ обстоятельнаго описанія сочинителевой жизни, взятыя изъ московскаго и академическаго изданія. Въ Санктпетербургѣ, съ указнаго дозволенія печатано въ типографіи Шнора, 1803 года. Три части, въ 8°. Здѣсь, кромѣ перепечатки біографическихъ извѣстій Новикова и Штелина, прибавлены отрывки, выбранные самимъ Ломоносовымъ изъ писемъ къ нему и въ Академію наукъ разныхъ современныхъ знаменитостей, и заключающіе въ себѣ похвалы ему. Изъ послѣдующихъ біографій Ломоносова заслуживаетъ упоминанія м. Евгенія въ его Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей (Москва, 1845 г.), II, 12—34, гдѣ нѣсколько подробнѣе изложенъ перечень произведеній Ломоносова. Кромѣ того, отъ времени до времени въ разныхъ книгахъ и журналахъ помѣщались отрывочные матеріалы, изъ которыхъ заслуживаютъ быть упомянутыми напечатанные во II-й (стр. 1—85) и V-й (стр. 1—90) книгахъ Очерковъ Россіи, изд. Вадимомъ Пассекомъ въ 1840 и 1842 годахъ, подъ заглавіемъ: Портфель служебной дѣятельности Ломоносова. Это собраніе бумагъ академика составляетъ родовое наслѣдіе правнуки его по женской линіи, Екатерины Николаевны, урожденной Раевской, по мужѣ Орловой, и нынѣ находится въ распоряженіи сына ея Николая Михайловича Орлова. Изданіе этихъ бумагъ не безупречно: есть пропуски, а иныя мѣста прочитаны невѣрно. Слѣдуетъ замѣтить, что позднѣйшіе изслѣдователи почему-то пропускали ломоносовскія бумаги, помѣщенныя въ V-й части Очерковъ Россіи. Такъ напр.

П. Перевлѣсскій не упомянулъ о нихъ вовсе въ своемъ изданіи: Избранныя сочиненія Ломоносова (Москва, 1846 г.). Впрочемъ трудъ г. Перевлѣсскаго для своего времени имѣлъ значеніе, какъ сводъ почти всего, что было извѣстно тогда о Ломоносовѣ, и наши историки литературы долгое время потомъ черпали изъ этого источника свои свѣдѣнія о знаменитомъ писателѣ. Наконецъ въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей 1865 г., въ книгѣ 1-й (смѣсь, стр. 37—192) и отдѣльно въ 8°, на 156 страницахъ, напечатано г. В. Ламанскимъ нѣсколько матеріаловъ о Ломоносовѣ, подъ заглавіемъ: Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ. Матеріалы къ столѣтней памяти его 1765—1865 года, апрѣля 4 дня. Этотъ сборникъ замѣчателенъ именно тѣмъ, что издатель его не слѣдовалъ примѣру прежнихъ изслѣдователей нашихъ и не довольствовался скудными матеріалами о Ломоносовѣ, бывшими извѣстными въ печати до того времени, но обратился къ разработкѣ обильнаго запаса рукописныхъ источниковъ, хранящихся въ архивахъ академическомъ и государственномъ.

Въ слѣдъ за сборникомъ г. Ламанскаго изданъ въ свѣтъ объемистый томъ также первоначальныхъ источниковъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ Билярскимъ и напечатанныхъ на счетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ: Матеріалы для біографіи Ломоносова (Спб., 1865 г.). Билярскій не ограничивался выборкою и перепискою только того, что случайно попадалось подъ руку въ академическихъ архивахъ о Ломоносовѣ, но принялся за осуществленіе предпринятой имъ задачи собрать и обнародовать въ хронологическомъ порядкѣ все, что имѣлось въ названныхъ архивахъ о знаменитомъ академикѣ въ періодъ его жизни отъ 1741 до 1765 года. Несмотря на всѣ трудности при осуществленіи подобной цѣли, такъ какъ въ то время архивъ академической канцеляріи представлялъ груды безпорядочно лежавшихъ фоліантовъ, числомъ болѣе тысячи, Билярскому удалось собрать такую массу матеріаловъ, которые и по количественности, и по качественности превосходятъ все вмѣстѣ взятое, что было до него напечатано прежними изслѣдователями. Въ этомъ легко убѣдиться при бѣгломъ взглядѣ на оглавленіе сборника Билярскаго, заключающаго въ себѣ слишкомъ 900 печатныхъ страницъ. По выходѣ въ свѣтъ этого труда, строгіе критики указывали на неполноты и пробѣлы его; жалѣли, что тамъ не помѣщено того и другаго; говорили, что надобно ожидать еще дальнѣйшихъ разысканій и т. д. Каждый, занимающійся изслѣдованіями по первоначальнымъ источникамъ въ рукописяхъ, хорошо знаетъ, что подобныя замѣчанія гораздо легче дѣлать, чѣмъ отыскивать и пополнять тѣ или другія свѣдѣнія въ грудахъ старинныхъ бумагъ. Въ отношеніи Билярскаго можно, впрочемъ, сдѣлать одно справедливое замѣчаніе: это то, что онъ считалъ какъ бы обязанностью своею въ разныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ Матеріаламъ высказывать какое-то странное, личное нерасположеніе къ Ломоносову. Если безусловныя хвалы и напускной восторгъ избраннымъ героемъ должны

быть чужды историку, уважающему науку, то равнымъ образомъ онъ не долженъ увлекаться подобнымъ нерасположеніемъ, тѣмъ болѣе неизвинительнымъ, что оно направлено противъ историческаго дѣятеля, сто лѣтъ тому назадъ сошедшаго въ могилу и къ которому стало-быть очень возможно относиться спокойно, не примѣшивая разныхъ дрязговъ современной жизни. Въ настоящемъ жизнеописаніи приходится часто ссылаться на Матеріалы Билярскаго, которые останутся навсегда главнымъ изъ первоначальныхъ источниковъ для жизнеописанія Ломоносова. Во избѣжаніе повтореній, при ссылкахъ на этотъ сборникъ я обозначаю только имя его составителя.

Одновременно съ Матеріалами Билярскаго изданъ нашею Академіею наукъ Сборникъ матеріаловъ для исторіи ея въ XVIII вѣкѣ, въ двухъ частяхъ (LXII и 530 стр. въ 8°). Составленіемъ его занимался академикъ А. А. Куникъ, собравшій здѣсь извѣстія о дѣтствѣ и юности Ломоносова до 1742 года. Трудъ этотъ отличается не только обиліемъ матеріаловъ, но и историко-критическими пріемами при расположеніи и сопоставленіи ихъ. Несмотря на появлявшіеся впослѣдствіи новые матеріалы для біографіи Ломоносова, въ нихъ однако не много нашлось прибавленій къ извѣстіямъ объ избранной г. Куникомъ эпохѣ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи наукъ, печатая Матеріалы Билярскаго, желало въ то же время восполнить недостатокъ по части библіографіи произведеній Ломоносова и свѣдѣній, о немъ обнародованныхъ. Въ этихъ видахъ оно издало, какъ подготовительный трудъ, въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ для лицъ, отъ которыхъ можно было надѣяться дополненій и поправокъ, сборникъ подъ заглавіемъ: Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ (въ 4°, 81 стр., Спб., 1865), въ которыхъ помѣщены библіографическія разысканія о Ломоносовѣ гг. Пономарева, Геннади и Куника. Въ настоящее время эти Матеріалы съ дополненіями и поправками г. Пономарева напечатаны въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ т. VIII, и здѣсь библіографическія указанія раздѣлены на слѣдующіе двѣнадцать отдѣловъ: 1) Хронологическій списокъ всѣхъ отдѣльно изданныхъ сочиненій и переводовъ Ломоносова и собраній его сочиненій. 2) Списокъ напечатанныхъ сочиненій его, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и не вошедшихъ въ сочиненія его, изданныя А. Смирдинымъ въ 1847 и 1850 гг. 3) Списокъ сочиненій его, переведенныхъ на иностранные языки. 4) Списокъ сочиненій его, остающихся въ рукописи. 5) Указаніе портретовъ его и снимковъ съ почерка. 6) Указатель статей о жизни его и матеріалахъ для его біографіи. 7) Указатель статей о его сочиненіяхъ. 8) Псевдонимы его и псевдонимы, подъ которыми выводили его другіе писатели. 9) Поэтическія произведенія, говорящія о немъ, и эпиграммы на него. 10) Ученые труды, посвященные его памяти. 11) Столѣтній юбилей его (1765—1865), состоящій изъ семи отдѣльныхъ списковъ. 12) Два ключа,

къ пяти предыдущимъ спискамъ: азбучные указатели лицъ и источниковъ, упомянутыхъ въ спискахъ.

Нѣкоторые изъ отысканныхъ въ слѣдъ за Билярскимъ матеріаловъ о Ломоносовѣ въ архивѣ академической конференціи, напечатаны въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, приложеніе № 7, на 128 стр.: Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова.

Вскорѣ послѣ поминовенія столѣтней годовщины кончины Ломоносова, историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета предложилъ студентамъ этого факультета на соисканіе золотой медали тему: Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ. Г. А. Будиловичъ рѣшился написать разсужденіе на эту тему, которое потомъ и напечатано подъ заглавіемъ: М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій по теоріи языка и словесности (Спб., 1869, въ 8^{0}, 120 и 72 стр.). Въ этомъ разсужденіи г. Будиловичъ часто ссылается на два фоліанта черновыхъ и неоконченныхъ статей и набросковъ Ломоносова, которые хранятся въ Академіи наукъ. Однимъ изъ нихъ, содержащимъ въ себѣ преимущественно черновыя работы Ломоносова по составленію русской грамматики, пользовался авторъ вышепомянутыхъ Дополнительныхъ извѣстій для біографіи Ломоносова, а другой, наиболѣе объемистый томъ, былъ описанъ Павломъ Свиньинымъ еще въ 1827 году въ Отечественныхъ запискахъ, часть XXXI, № 89, стр. 489—494. Г. Будиловичъ, предупредивъ въ предисловіи, что обоими сборниками онъ пользовался, «благодаря участію академика А. А. Куника», счелъ умѣстнымъ на 61 стр. своего разсужденія, о тѣхъ же самыхъ сборникахъ выразиться такъ: «Еще понынѣ забытыми покоются въ библіотекѣ Академіи наукъ цѣлые томы неизвѣстнаго въ печати матеріала въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова». Эти слова ввели въ заблужденіе одного журнальнаго публициста (Голосъ, 1869 г., 11 октября, № 181), и его пугливому воображенію представилось, будто Академія наукъ скрываетъ подъ спудомъ какія-то открытія Ломоносова, хранящіяся въ рукописи и которыя, по соображеніямъ публициста, должны были умножить славу нашего академика, какъ величайшаго ученаго.

Въ первой половинѣ своего разсужденія г. Будиловичъ, въ качествѣ студента филологическаго факультета, былъ въ состояніи сообщить полезныя для будущихъ издателей сочиненій Ломоносова извѣстія о трудахъ его какъ натуралиста, по отношенію къ количественности, но не со стороны научнаго значенія ихъ, о чемъ съ похвальною скромностью оговорено самимъ г. Будиловичемъ въ предисловіи. Что же касается другой половины изслѣдованія его, гдѣ разсматриваются филологическіе труды Ломоносова, то здѣсь тотчасъ можно замѣтить, что авторъ говоритъ съ яснымъ пониманіемъ того, о чемъ идетъ дѣло. Вообще вторая половина разсужденія г. Будиловича отличается тщательностью отдѣлки, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ 1871 г. издало

(Сборникъ Отдѣленія, томъ VIII, № 1, VII, 314 и 2 стр.) на свой счетъ другой, подготовительный трудъ, также принадлежащій г. Будиловичу, который пожелалъ дать ему такое заглавіе: Ломоносовъ какъ писатель. Въ этотъ сборникъ матеріаловъ вошли: I. Хронологическій указатель учено-литературныхъ работъ Ломоносова. II. Особенности его языка и стиля. III. Размѣръ и характеръ его научныхъ средствъ. IV. Отрывки неизданныхъ сочиненій Ломоносова. Хотя послѣдніе не прибавляютъ новыхъ лавровъ къ учено-литературный извѣстности Ломоносова, однако непремѣнно пригодятся для будущаго издателя полнаго собранія его сочиненій.

Въ заключеніе настоящаго обзора печатныхъ библіографическихъ указаній о Ломоносовѣ слѣдуеть упомянуть, что во Второмъ прибавленіи къ систематическому каталогу русскихъ книгъ, составленному г. Межовымъ (Спб., 1872 г.), на стр. XXIII—XXVIII, можно найти указанія (не всегда, впрочемъ, вѣрныя и точныя) о статьяхъ, написанныхъ по поводу юбилея ученой и литературной дѣятельности Ломоносова.

При составленіи настоящаго жизнеописанія, кромѣ бумагъ въ дѣлахъ академическихъ архивовъ, на которыя указываются въ ссылкахъ, я имѣлъ слѣдующія рукописи Ломоносова, составляющія собственность Академіи наукъ: 1. Нѣмецкое донесеніе Ломоносова изъ Марбурга, отъ 15 октября 1738 г. съ русскимъ стихотворнымъ переводомъ оды Фенелона и латинскимъ Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistantis dependente. 2. Рукопись стихотворныхъ произведеній Ломоносова, приготовленныхъ имъ къ печати въ 1751 г. для его собранія разныхъ сочиненій. 3. Сборникъ черновыхъ бумагъ, касающихся преимущественно русской грамматики, съ обозначеніемъ на корешкѣ № 112. 4. Сборникъ черновыхъ бумагъ по естествовѣдѣнію. О двухъ послѣднихъ сборникахъ говорено выше. 5. Нѣсколько писемъ Ломоносова къ И. Шувалову, также его замѣтки и сатирическія стихотворенія. Бумаги эти поступили въ Академію наукъ въ 1871 г. отъ покойнаго П. А. Муханова. Хотя, за исключеніемъ одной, всѣ онѣ уже были напечатаны: Билярскимъ по доставленнымъ ему изъ Москвы копіямъ; г. Бартеневымъ — въ Воронежской бесѣдѣ, а также — въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, однако при сличеніи съ подлинниками оказались въ печатныхъ пропуски, а иногда и искаженія, почему мухановскій сборникъ получаетъ особенное значеніе. Двѣ статьи изъ него: одна, прежде напечатанная съ дурнаго списка, а другая, нигдѣ не напечатанная, помѣщены въ приложеніи XIV-мъ къ настоящему жизнеописанію.

Кромѣ этихъ рукописей, по ходатайству Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, я получилъ возможность просмотрѣть сборникъ ломоносовскихъ бумагъ, который принадлежитъ Николаю Михайловичу Орлову и о которомъ говорено выше по поводу изданныхъ оттуда бумагъ въ Очеркахъ Россіи Пассека. (Ср. объ этомъ сборникѣ извѣстія академика Грота, Записки Академіи наукъ, V, 94, 241). Хотя Билярскій пользовался

орловскимъ собраніемъ бумагъ Ломоносова (стр. 025, 026), однако содержаніе его донынѣ не было вполнѣ извѣстно, почему въ приложеніи къ настоящему жизнеописанію помѣщено описаніе всѣхъ бумагъ, вошедшихъ въ это собраніе, и напечатаны тѣ изъ нихъ, которыя не были еще донынѣ изданы.

Наконецъ должно предупредить, что при выпискахъ въ настоящемъ жизнеописаніи изъ печатныхъ сочиненій Ломоносова вполнѣ соблюдается принятое имъ правописаніе. Такимъ же образомъ слѣдовало бы поступить и съ выписками изъ его рукописей; но этого нельзя было сдѣлать въ отношеніи многихъ бумагъ Ломоносова, которыя издавались прежде безъ сохраненія всѣхъ особенностей его правописанія и гдѣ нынѣ находятся неизвѣстно, почему для устраненія недоразумѣній всѣ выписки изъ рукописей и печатанныхъ въ позднѣйшее время бумагъ его сдѣланы согласно нынѣшнему нашему правописанію.

Рѣка Двина въ предѣлахъ архангельской губерніи чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ шире разливаетъ свои воды и образуетъ множество протоковъ, рукавовъ и острововъ. Въ этихъ мѣстахъ съ древнихъ временъ пролегалъ большой торговый путь, а потому неудивительно, что здѣсь берега Двины имѣли съ давнихъ поръ поселенія не только туземцевъ, первоначальныхъ обитателей Двинской земли, но и пришельцовъ изъ Новгорода. Такимъ образомъ около нынѣшнихъ Холмогоръ есть нѣсколько селеній, названія которыхъ упоминаются въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ. Противъ сейчасъ названнаго города лежитъ на Двинѣ островъ, называющійся Куростровомъ и встрѣчающійся съ этимъ именемъ въ судной грамотѣ 1397 года[1]). Надобно полагать, что поселенцевъ привлекали сюда выгоды торговли и промысловъ, потому что островъ самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно привлекательнаго, такъ-какъ, по своему низменному положенію, едва не понимается въ полую воду разливомъ Двины, покрытъ болотистыми кочками и небольшими холмами, а по прибрежью его ростетъ невысокій ивнякъ.

Если въѣхать въ рукавъ Двины, огибающій Куростровъ съ юго-западной стороны, и проплыть имъ верстъ семь, то можно

1) Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865 годъ, кн. 1, Отдѣлы историческій и этнографическій, стр. XXIX.

увидать длинный рядъ деревенскихъ домовъ и домишекъ, тянущихся по всему низменному, песчаному берегу Курострова. Эти дома составляютъ нѣсколько деревень, изъ которыхъ одна по письменному называется Денисовкою, а въ просторѣчьи — Болотомъ [1]). Отсюда въ одну сторону изъ-за ивняка виднѣются Холмогоры съ своими старинными церквами, въ другую, противоположную — село Вавчуги, памятное посѣщеніемъ Петра Великаго, когда тамъ была верфь для постройки судовъ. Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Денисовкѣ жилъ черносошный крестьянинъ Василій Дорофѣевъ (или Өедоровъ — въ ревизскихъ сказкахъ его отчество писано разно) Ломоносовъ. У него была земля, которою владѣлъ на правахъ собственности [2]), и сверхъ того онъ „промыслъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы трески и палтосины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою. (Онъ) всегда имѣлъ въ томъ рыбномъ промыслѣ счастіе, а со-

1) Очерки Архангельской губерніи, г. В. Верещагина (Спб., 1849 г.), 373.

2) О владѣніи Васильемъ Ломоносовымъ земляными участками свидѣтельствуютъ два, до нынѣ сохранившіеся акта. Въ одномъ — сговорномъ письмѣ 1714 г., Лука Леонтьевъ и Василій Дорофѣевъ Ломоносовы продали Козьмѣ Созонову «владѣнія своего тое жъ куростровской волости за рѣкою на Микифорковѣ пожню свою сѣнныхъ покосовъ по мірской волостной веревной книгѣ года (?) оба свои повытки безъ останка. А въ межахъ та пожня съ верхняго конца отъ Бѣлобородовыхъ земли, а съ нижняго конца отъ Биневыхъ земли по сторону отъ Полкозеро, а по другую сторону отъ Лывы. А цѣны взяли мы, Лука да Василій, у него, Козьмы, за ту свою пожню за оба повытка денегъ десять рублевъ. У сего сговорнаго письма деньги взяты всѣ вручь безъ останка и продали въ вѣкъ и въ дерпь безъ выкупа».... Другой актъ — письмо 27 ноября 1739 Василья Ломоносова, данное Михаилу Шубному: ...«продалъ язъ, Ломоносовъ, владѣнія своего по мірской веревной 1735 г. книгѣ въ Нальѣ острову пожню свою сѣнную покосовъ званіемъ на Микифорковѣ, которою язъ, Ломоносовъ, владѣлъ всю безъ останку, а цѣну взялъ за ту пожню язъ, Ломоносовъ, у него, Шубнаго, восьмь руб. денегъ и деньги взялъ при семъ письмѣ всѣ вручь безъ останку. А въ межѣхъ та пожня съ верхного конца отъ Бѣлобородовыхъ земли, съ нижнаго конца отъ Пинежской земли по сторону отъ Полкозера и по другую сторону отъ Лывы, и владѣть ему, Михаилу, тою пожнею вѣчно, и вольно продать и заложить и во всякія крѣпости крѣпить. А мнѣ, Ломоносову, и дѣтѣмъ моимъ и родственникомъ въ ту пожню не вступатца».... (Архангельскія губернскія вѣдомости 1865 г., № 4, Нѣсколько имущественныхъ актовъ крестьянъ Ломоносовыхъ).

бою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ, только грамотѣ не ученъ...." [1]).

По другому извѣстію объ этомъ крестьянинѣ, онъ былъ „промысломъ рыбакъ.... и первый изъ жителей сего края состроилъ и по европейски оснастилъ на рѣкѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ и прозвалъ его Чайкою; ходилъ на немъ по сей рѣкѣ, Бѣлому морю и по Сѣверному Океану для рыбныхъ промысловъ, и изъ найму возилъ разные запасы казенные и частныхъ людей города Архангельскаго въ Пустозерскъ, Соловецкой монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Семояди и на рѣку Мезень...." [2]).

Василій Ломоносовъ въ первый разъ былъ женатъ на дочери дьякона изъ очень стариннаго въ томъ краѣ селенія Матигоръ, Еленѣ Ивановой [3]). Отъ этого-то брака родился сынъ Михаилъ, которому потомъ суждено было прославиться въ Россіи литературными сочиненіями и учеными трудами. Годъ рожденія Ломоносова показывается различно: иногда 1709, или 1710, или 1711, а по ревизской сказкѣ 1722 г. выходитъ, что это случилось въ 1715 году [4]). Изъ собственноручнаго показанія Ломоносова, писаннаго несомнѣнно въ первые мѣсяцы

1) Объ отцѣ Ломоносова, также и о дѣтствѣ и юности послѣдняго нѣтъ современныхъ извѣстій другихъ или его самого, но остались такія свѣдѣнія, которыя собирались и записывались гораздо послѣ смерти Ломоносова. Сейчасъ сдѣланная выписка о крестьянинѣ Васильѣ Дорофѣевѣ находится въ статьѣ за подписью Василья Варфоломѣева отъ 4 іюля 1788 года, переданной тогда же Степаномъ Кочневымъ Озерецковскому, а этотъ помѣстилъ ее въ «Путешествіяхъ академика Ивана Лепехина», IV (Спб., 1804 г.), 298. Здѣсь же можно найти любопытный «Планъ мѣстъ, прилежащихъ Куростровской волости» гдѣ родился Ломоносовъ.

2) Это свѣдѣніе заимствовано изъ жизнеописанія Ломоносова, обыкновенно прилагавшагося при Собраніи сочиненій его, которое издавалось съ 1784 г. при Академіи наукъ, о чемъ уже говорено выше на стр. 259.

3) Путешествія Лепехина, IV (Спб., 1805), 301. Матигоры видны съ того мѣста, гдѣ стоялъ домъ Ломоносова отца, и сынъ хорошо помнилъ ихъ. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ послѣдняго къ своей сестрѣ, Марьѣ Васильевнѣ, о пріѣздѣ ея сына въ Петербургъ, читаемъ: «съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, сшиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы до ногъ и волосы убираетъ по нашему, такъ чтобы его на *Матигорахъ* не узнали»... Труды архангел. статистическаго комитета за 1865 г., кн. 1, отд. историческій, стр. XXX; Сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдина, I, 712.

4) Путешествія Лепехина, IV (Спб., 1805), 301.

1754 года, открывается, что онъ самъ считалъ себѣ тогда сорокъ два года, стало-быть, онъ родился въ 1712 году[1]).

По разсказу, сохранившемуся на родинѣ Ломоноса[2]), оказывается, что онъ съ своимъ отцемъ, „не учась еще россійской грамотѣ, ходилъ неоднократно на море, и какъ подросъ близь двадцати лѣтъ, то въ одно время отецъ его сговорилъ было въ Колѣ у неподлаго человѣка за него дочерь, однако онъ тутъ жениться не похотѣлъ, притворилъ себѣ болѣзнь, и потому того совершено не было. А какъ пришелъ съ моря уже взрослой[3]), вознамѣрился учиться россійской грамотѣ, и обучалъ

1) Собственноручное, черновое показаніе Ломоносова хранится въ конференцъ-архивѣ въ пачкѣ бумагъ съ надписью: Lebens-Nachrichten von dem Staats-Rath Blumentrost, vom Staats-Rath G. F. Müller und vielen bei der Academie gewesenen Professoren. Оно напечатано уже два раза съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника: Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, стр. 31, 32 и Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, г. Куника, II, 370. Показаніе безъ обозначенія года, но его легко опредѣлить, когда принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства: въ протоколахъ 1754 года подъ 25 февраля записано: Vi mandati specialis Imperatoriae Majestatis Augustissimae Imperatricis ad regentem Senatum missi, mandato ex cancellaria Academiae, Cll. Academiae membris notum factum fuit, omnibus civili munere fungentibus qui belli duces, legionum ac centuriarum praefectos dignitate aequi parant, demandatum esse, ideoque et Cll. professoribus injungitur, ut quisque scripto nunciet praemisso suo et patris nomine, ex quo anno officia sua praestet, quo tempore majorem consequutus sit dignitatem et salarium quique auctum, quale salarium nunc ei constitutum, quem annum agit, an et ubi antehac officio cuidam prepositus fuerit, quot dabeat liberos sexus virilis, hique annos, quot subditos, vernaculos atque praedia et quibus in territoriis. Premiserunt Cll. Professores crastina luce has relationes secundum mandatum archivario Stavengahen transmittere. Это обѣщаніе было исполнено, и академики подали требуемыя отъ нихъ извѣстія о себѣ, нѣкоторые съ обозначеніемъ времени составленія ихъ, а именно: Тредіаковскій — 28 февраля, Никита Поповъ — 26 февраля, Гришовъ — 26 февраля, Браунъ — 25 февраля 1754 года; а другіе, какъ: Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Таубертъ, Авраамъ Кааү-Бургаве и Фишеръ написали требованныя отъ нихъ свѣдѣнія безъ обозначенія времени, но изъ всѣхъ отзывовъ ихъ ясно, что они отвѣчали на указъ, записанный въ протоколахъ 25 февраля 1754 года. Послужной списокъ Ломоносова того же 1754 года, помѣщенный г. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, II, 405, очевидно составленъ изъ собственноручнаго отзыва Ломоносова, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Показаніе здѣсь о его возрастѣ заслуживаетъ тѣмъ болѣе довѣрія, что прочіе, выставленные въ отзывѣ годы обозначены чрезвычайно точно, что подтверждается другими современными свидѣтельствами.

2) Путешествія Лепехина, IV (Спб., 1805), 299.

3) Быть можетъ Ломоносовъ вспоми-

его оной той же куростровской волости крестьянинъ Иванъ Шубной, отецъ Федоту Ивановичу Шубину, который нынѣ (въ 1788 г.) при Академіи художествъ, и обучился въ короткое время совершенно; охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны, и по здѣшнему обычаю житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказывалъ сѣдящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеннѣе на словахъ обстоятельно. Домъ ихъ состоялъ въ той Куростровской волости отъ церкви въ западную сторону въ полутораостахъ саженяхъ. А какъ мать его умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была можетъ быть причиною, побудившею оставить домъ отца своего и искать себѣ счастія въ другихъ мѣстахъ...." [1]) Существованіе у Ломоносова злой мачихи подтверждается собственнымъ его свидѣтельствомъ въ письмѣ къ И. Шувалову (31 мая 1753 года): „....имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться чему возможно было въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и холодъ...." [2]).

налъ впослѣдствіи далекія свои странствія съ отцемъ по бурному морю, когда писалъ въ 1762 г. въ Одѣ по возшествіи на престолъ Петра III:

Когда по глубинѣ невѣрной
Къ невѣдомымъ брегамъ пловецъ
Спѣшитъ по дальности безмѣрной;
И не является конецъ;
Прилѣжно смотритъ птицъ полѣты,
Въ водѣ и въ воздухѣ примѣты.
И какъ ужъ томную главу
На брегъ желанный полагаетъ,
Въ слезахъ отъ радости лобзаетъ
Песокъ и мягкую траву.

1) Вторая жена Василья Ломоносова Θеодора Михайлова была дочь крестьянина троицкой ухтостровской волости Михаила Ускаго. Отецъ Ломоносова былъ женатъ потомъ еще третій разъ на Иринѣ Семеновой, дочери крестьянина бывшей вотчины Антоніева сійскаго монастыря, николаевской матигорской волости—Семена Корельскаго. Путешествія Лепехина, IV (Спб., 1805), 302. Въ знаменитомъ письмѣ о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа Ломоносовъ, между прочимъ, говоритъ: «отецъ мой овдовѣлъ въ третій разъ хотя пятидесяти лѣтъ, однако еще въ полной своей бодрости, и могъ бы еще жениться на четвертой».

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, 210.

Въ другомъ разсказѣ о юности Ломоносова, очевидно писанномъ со словъ его [1]), дополняются сейчасъ сообщенныя свѣдѣнія: отецъ Ломоносова „началъ брать его отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста съ собою, каждое лѣто и каждую осень, на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море. Ѣздилъ съ нимъ даже до Колы, а иногда и въ Сѣверный океанъ до 70 градусовъ широты мѣста. Самъ онъ разсказывалъ обстоятельства сихъ странъ, о ловлѣ китовъ и о другихъ промыслахъ. Возвращаясь съ рыбныхъ промысловъ, провождалъ зиму дома. Въ селеніи своемъ научился у одного тамошняго священнослужителя читать и писать по русски; читалъ обыкновенно одни только церковныя книги.... Простой ариѳметикѣ выучился онъ самъ собою...." Въ выноскахъ при этомъ помѣщены не менѣе любопытныя подробности о Ломоносовѣ-юношѣ: „чрезъ два года учинился, ко удивленію всѣхъ, лучшимъ чтецомъ въ приходской своей церкви. Охота его до чтенія на клиросѣ и за амвономъ была такъ велика, что не рѣдко биванъ былъ не отъ сверстниковъ по лѣтамъ, но отъ сверстниковъ по ученію за то, что стыдилъ ихъ превосходствомъ своимъ предъ ними произносить читаемое къ мѣсту разстановочно, внятно, а притомъ и съ особою пріятностію и ломкостію голоса. Въ домѣ Христофора Дудина увидѣлъ онъ въ первый въ жизни своей разъ недуховныя книги. То были старинная словенская грамматика и ариѳметика, напечатанная въ Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго для навигатскихъ учениковъ. Неотступныя и усильныя просьбы, чтобъ старикъ Дудинъ ссудилъ его ими на нѣсколько дней, оставалися всегда тщетными. Отрокъ, пылающій ревностію къ ученію, долгое время умышленно угождая тремъ стариковымъ сыновьямъ, довелъ ихъ до того, что выдали они ему сіи книги [2]). Отъ сего самого времени не разста-

1) Извѣстія о жизни Ломоносова при академическомъ изданіи Собранія его сочиненій 1784 г.

2) Есть слѣды тому, что Ломоносовъ, уже будучи академикомъ, былъ въ сношеніяхъ съ этими Дудиными. Такъ 8 октября 1757 г. изъ академической канцеляріи выдано крестьянину куроостровской волости Осипу Христофорову Дудину вознагражденіе за мамонтову кость. 18 іюня 1758 г. поступилъ въ академическую гимназію учиться

вался онъ съ ними никогда, носилъ вездѣ съ собою и, непрестанно читая, вытвердилъ наизусть. Самъ онъ потомъ называлъ ихъ вратами своей учености. На тринадцатомъ году, младый его разумъ уловленъ былъ раскольниками такъ называемаго толка безпоповщины; держался онаго два года, но скоро позналъ, что заблуждаетъ."

Въ поѣздки свои съ отцомъ Ломоносовъ имѣлъ случай узнать лопарей, и это впослѣдствіи ему дало возможность опровергать невѣрныя извѣстія Вольтера, помѣщенныя въ его Исторіи Петра Великаго: „Лопари, писалъ Ломоносовъ, отнюдь не черны и съ финцами одного поколѣнія, ровно какъ и съ корѣлами и со многими сибирскими народами. Языкъ имѣютъ одного происхожденія и разнятся другъ отъ друга, какъ нѣмецкой отъ датскаго и шведскаго, или италіанской отъ французскаго, а отличаются лопари только одною скудостію возраста и слабостію силы, за тѣмъ, что мясо и хлѣбъ ѣдятъ рѣдко, питаясь одною почти рыбою. Я, будучи лѣтъ четырнадцати, побарывалъ и перетягивалъ тридцатилѣтнихъ сильныхъ лопарей. Лопарки хотя лѣтомъ, когда солнце не заходитъ, весьма загораютъ, ни бѣлилъ, ни румянъ не знаютъ; однако мнѣ ихъ видать нагихъ случалось, и бѣлизнѣ ихъ дѣвиться, которою онѣ самую свѣжую треску превосходятъ — свою главную и повседневную пищу" [1]).

рисованью крестьянскій сынъ Петръ Дудинъ (Билярскій, стр. 349, 372).

1) Московскій Вѣстникъ 1829 г., IV, 159, 160. Кромѣ того, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Ломоносова встрѣчаются и другія мѣста, въ которыхъ онъ вспоминаетъ о своей дальней родинѣ и о томъ, что тамъ ему случалось видать въ отрочествѣ и юношествѣ. Такъ, разсказывая, что онъ пользовался свѣдѣніями о соляномъ дѣлѣ отъ академика Юнкера, Ломоносовъ прибавляетъ о себѣ: «а особливо, что онъ уже прежде того на поморскихъ соловарняхъ у Бѣлаго моря бывалъ многократно для покупки соли къ отцовскимъ рыбнымъ промысламъ и имѣлъ уже довольное понятіе о вываркѣ, которую послѣ съ прилежаніемъ и обстоятельно въ Саксоніи высмотрѣлъ»... (Отечественныя записки П. Свиньина, часть XXXVII, 1829 г., № 105, стр. 167).

Въ Первыхъ основаніяхъ металлургіи, изд. 1763 года (§ 106), читаемъ такое сравненіе: «Проѣзжая неоднократно Гессенское Ландграфство, примѣтить мнѣ случилось между Касселемъ и Марбургомъ равное песчаное мѣсто, горизонтальное, луговое, кромѣ того, что занято невысокими горками или буграми, въ перпендикулѣ отъ 4 до 6 саженъ, кои обросли мѣлкимъ,

Нельзя не сознаться, что въ судьбѣ Ломоносова ребенка и юноши было много поэтическаго, и что событія, случавшіяся съ нимъ тогда, являются намъ теперь какъ будто преднамѣренно чрезвычайными и неожиданными, чтобы потомъ чрезъ нихъ подготовить Россіи перваго ученаго и писателя именно для того времени, когда ей суждено было идти по пути, указанному могучею волею царя-преобразователя. Рожденіе въ бѣдной деревушкѣ въ суровой мѣстности, тяжелый трудъ во время переѣздовъ съ отцемъ, посѣщеніе далекихъ поморскихъ солеваренъ; созерцаніе величественной и грозной природы на Сѣверномъ океанѣ и Бѣломъ морѣ; наконецъ, это пребываніе въ расколѣ, и притомъ въ такомъ толкѣ, который отличался, болѣе чѣмъ другіе, своими крайностями и увлеченіемъ, въ тол-

---

скуднымъ лѣскомъ, и то больше по подолу, при коемъ лежитъ великое множество мѣлкихъ, цѣлыхъ и ломаныхъ морскихъ раковинъ, въ вохрѣ соединенныхъ. Смотря на сіе мѣсто, и воспомнивъ многіе отмѣлые берега Бѣлаго моря и сѣвернаго Океана, когда они во время отлива наружу выходятъ: не могъ себѣ представить ничего подобнѣе, какъ сіи двѣ части земной поверхности, въ разныхъ обстоятельствахъ, то есть одну въ морѣ, другую на возвышенной матерой землѣ лежащую. Тутъ бугры скудные прозябеніемъ, на песчаномъ горизонтальномъ полѣ; тамъ голыя каменныя луды на равнинѣ песчанаго дна морскаго. Здѣсь ржавою землею соединенныя въ подолѣ черепокожныя; тамъ держащіяся за обсохлую туру (морская трава, или морская капуста) и за самой камень морскія раковины. Не указываетъ ли здѣсь сама натура, увѣряя о силахъ въ земномъ сердцѣ заключенныхъ, отъ коихъ зависитъ повышенія и понижения наружности? не говоритъ ли она, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, обращаются, ставятъ деревни и городы, въ древнія времена было дно морское; хотя теперь отстоитъ отъ него около трехъ сотъ верстъ; и отдѣляется отъ него Гардскими и другими горами?»... Въ Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ Ломоносовъ говоритъ: «Въ прочемъ пары къ Електрическому тренію довольные открытое море произвести можетъ, которыхъ обиліе морская вода сама въ себѣ кажетъ, оставляя за собою свѣтящей путь ночью. Ибо оныя искры, которыя за кормою выскакиваютъ, по видимому тоже происхожденіе имѣютъ съ сѣвернымъ сіяніемъ. Многократно въ Сѣверномъ Океанѣ около 70 градусовъ широты я примѣтилъ, что оныя искры круглы. Ибо морская вода за кормою прескоро вихрами вертится и, отбивающею отъ центра силою разшибаясь, пустые шары, воздуха въ себѣ неимѣющіе, производитъ, въ которыхъ треніемъ на периферіи водяной и жирной матеріи свѣтъ раждается, равно какъ въ Електрическихъ стекляныхъ шарахъ безъ воздуха».

Въ Краткомъ описаніи разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніи возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію (издано въ Спб. 1847 года, подъ заглавіемъ: Сочиненіе Ломоносова, Ал. Соколовымъ), стр. 100, 101, между про-

кѣ, послѣдователи котораго лучше предпочитали умирать сотнями въ струбахъ, заботливо устроенныхъ ихъ собственными руками, чѣмъ отступить отъ своихъ вѣрованій—все это видѣлъ, испыталъ Ломоносовъ, и все это онъ кинулъ, какъ неудовлетворявшее его стремленій, въ которыхъ онъ, вѣроятно, не могъ себѣ отдать отчета, живя въ Денисовкѣ.

Даже самыя книги, которыя онъ называлъ „вратами своей учености", даже эти книги какъ будто не случайно попались въ руки Ломоносова: и грамматика Смотритскаго, и ариѳметика Магницкаго были самыми крупными и едва не единственными представителями книжной мудрости въ до-петровской Руси. Онѣ обѣ суть наслѣдіе польской схоластики, которая стала было пользоваться у насъ правомъ господства чрезъ

чимъ помѣщено: Вѣтры въ поморскихъ Двинскихъ мѣстахъ тянутъ съ весны до половины Мая по большой части отъ полудня, и выгоняютъ льды на Океанъ изъ Бѣлагѳ моря; послѣ того господствуютъ тамъ вѣтры больше отъ Сѣвера, что мнѣ искусствомъ пять разъ извѣдать случилось, ибо отъ города Архангельскаго до становища Кекурскаго всего пути едва на семь сотъ верстъ, скорѣе около онаго времяни не поспѣвалъ какъ въ четыре недѣли, а одинъ разъ и шесть недѣль на оную ѣзду положено, за противными вѣтрами отъ Нордъ-Оста. Около Иванова дни и Петрова дни, по большой части случаются вѣтры отъ полудни и имъ побочные, и простираются до половины Іюля, а иногда и до Ильина дни, а послѣ того двѣ, три, а иногда и четыре недѣли дуютъ полуночные вѣтры отъ восточной стороны; на конецъ лѣта западные и сѣверозападные. Сіе примѣтилъ я и по всему берегу Нормандскаго моря, отъ Святого носу до Килдина острова»...

Относительно виданныхъ на родинѣ сѣверныхъ сіяній Ломоносовъ писалъ впослѣдствіи: «родившись и живя до возраста въ такихъ мѣстахъ, гдѣ сѣверныя сіянія часто случаются, не безъ сожалѣнія воспоминаю, что не могъ пользоваться внимательнымъ наблюденіемъ разныхъ перемѣнъ и обстоятельствъ, бывающихъ при таковыхъ явленіяхъ. Причина тому первая, что ради привычки частое и почти повседневное ихъ оказаніе рѣдко возбуждаетъ въ тамошнихъ жителяхъ вниманіе; второе, что незнаніе наукъ не приводитъ ихъ къ любопытству. И такъ, сколько могу себѣ представить, заподлинно увѣряю, что въ этомъ климатѣ, около 64 градусовъ, сѣверныя сіянія больше бываютъ непорядочныя, и не могу вспомнить, чтобы когда я видѣлъ хотя мало регулярную дугу на сѣверѣ или полуднѣ, но по большей части бываютъ всполохи на подобіе зарницы или столбовъ и лучей весьма перемѣнныхъ; второе — хотя всполохи бываютъ по всему небу, однако больше на сѣверѣ; третье — случалось видѣть зимою мѣстами малиноваго, къ вишневому склоннаго цвѣту между западомъ и полуднемъ; четвертое чаще случалось видѣть въ вѣтреную погоду сквозь перерывные облаки»... Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, г. Будиловича (Спб., 1869 г.), стр. 48, 49.

представителей кіевской учености, находившихъ себѣ пріютъ въ гостепріимной Москвѣ. Извѣстно, какое потомъ оказало вліяніе произведеніе Смотритскаго на грамматику Ломоносова. Что же касается до ариѳметики Магницкаго, то замѣтить слѣдуетъ, что нѣкоторые, увлекшись тамъ стихами

Зане разумъ весь собралъ и чинъ
Природный русскій, а не нѣмчинъ,

считали Магницкаго творцемъ этого произведенія; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ только собирателемъ, начинившимъ свою компиляцію силлабическими виршами дѣйствительно своей работы. Старинныя рукописи, изъ которыхъ составилъ Магницкій свою компиляцію, донынѣ уцѣлѣли и несомнѣнно перешли къ намъ изъ Польши, въ которой были, кажется, и печатныя произведенія этого рода.

Въ настоящее время, въ мѣстахъ, гдѣ протекли дѣтство и юность Ломоносова, не много осталось слѣдовъ его пребыванія тамъ. Въ архангельскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ хранятся три рукописи, съ извѣстіями и упоминаніями объ отцѣ Ломоносова, о немъ самомъ и, наконецъ, объ его односельцахъ, имена которыхъ встрѣчаются въ разныхъ событіяхъ, случавшихся съ нимъ въ отрочествѣ и юношествѣ. Надобно знать, что въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ куростровской волости причтъ и прихожане пожелали, вмѣсто прежней погорѣвшей ихъ церкви, построить новую каменную во имя собора пресвятыя Богородицы, „христолюбческимъ даяніемъ“. Холмогорскій архіепископъ Варнава благословилъ „на то церковное зданіе у города Архангельскаго и на Холмогорахъ мірскаго сословія всѣхъ градовъ у купецкихъ людей и въ уѣздахъ у крестьянъ, требующимъ милости Божіи, собирати, обаче съ иконою не ходити, а гдѣ по прилучаю тихимъ образомъ кто что вдастъ, то благодарнѣ съ запискою пріимати....“ По случаю стройки церковнаго зданія была заведена „Тетрадь подрядная каменю, и кирпича и дровъ куростровской церкви церковнаго строителя Ивана Лопаткина“. Здѣсь между прочимъ записанъ договоръ: „1726 году февраля 4 дня, кузоменскаго стану, Островской деревни черносошные крестьяне Але-

ксѣй Аверкьевъ сынъ Старопоповыхъ, да Григорій Ивановъ сынъ Иконниковъ подрядилися мы въ куростровскую волость у священника Ивана и у церковнаго строителя Ивана Лопаткина къ строенію церкви каменныя на крытье кирпичныхъ сараевъ я, Алексѣй, подрядился добыть 50 тесницъ.... а я, Григорій, подрядился добыть 100 тесницъ.... весь тотъ вышеписанной тесъ желобленой въ полъ шеста и въ шесть вершковъ по поламъ, толщиною по кромкѣ полтора вершка. А добыть тотъ вышеописанной тесъ намъ, подрядчикамъ, и приплавить въ куростровскую волость сего же году по первому закрою за льдомъ и поставить на указномъ мѣстѣ; а съ воды на берегъ вынять изъ церковной казны. А тотъ весь вышеписанной тесъ добыть сосновой, самой доброй, и негнилой, и не губастой, не щеловатой и не перекосой....“ Эта любопытная по своему языку рядная имѣетъ подпись четырнадцати лѣтняго Ломоносова: „вмѣсто подрядчиковъ Алеѯѣя Аверкиева сна Старопоповыхъ да Григорья Іванова сына Іконникова по ихъ велѣнію Михайло Ломоносовъ руку приложилъ“. Эта подпись крестьянскаго мальчика (снимокъ съ нея см. въ приложеніяхъ) замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ ни одной ошибки противъ современнаго правописанія, тогда какъ первая извѣстная подпись Карамзина-юноши съ такими описками, что одинъ его біографъ только по этой одной причинѣ отказывается вѣрить въ принадлежность ея перу знаменитаго впослѣдствіи исторіографа.

Въ другой рукописи, гдѣ записывались даянія на построеніе куростровской церкви, находимъ, что въ 1727 году „декабря 26 дня высыпано изъ запечатаннаго ящика въ трапезѣ, при священникахъ и при мірскихъ людѣхъ, рубль девять алтынъ, въ которой ящикъ у города на лодьяхъ сбиралъ Василій Ломоносовъ съ товарищемъ.... 1728 году, генваря 15 дня куростровской волости крестьянинъ Василій Дорофѣевъ сынъ Ломоносовъ обѣщалъ въ церковное каменное строеніе дать десять рублевъ денегъ. Подписалъ по Васильеву велѣнію тоя жъ волости церковной дьячекъ Семенъ Сабельниковъ. Иванъ Лопаткинъ принялъ“. Этотъ вкладъ отличается отъ всѣхъ прочихъ по своей значительности. 20 февраля 1731 года

упоминается мачиха Ломоносова: „куростровца Василья Ломоносова жена Ирина, по усердію своему, обѣщаетъ построить окончину въ каменную церковь въ нижнее окно съ сѣверную сторону. У Ирины окончина принята и поставлена въ помянутое окно". Въ той же рукописи встрѣчаемъ имена дѣтей перваго учителя Ломоносова грамотѣ Ивана Шубныхъ — Сергѣя и Марфу. Иванъ въ 1730 г. уже умеръ, потому что при его имени стоитъ слово „бывшій". Далѣе вкладчиками были Ѳома Шубныхъ, который, какъ увидимъ ниже, далъ Ломоносову на дорогу китайчатое полукафтанье; Ѳедоръ Пятухинъ, ссудившій его деньгами въ Москвѣ; Егоръ Христофоровъ Дудинъ одинъ изъ братьевъ, за которыми Ломоносовъ ухаживалъ, чтобы получить печатныя ариѳметику и грамматику. Въ третьей рукописи находятся служба и житіе великомученику Димитрію, которыя переписаны четкимъ уставнымъ письмомъ, и здѣсь на одной страницѣ надписано Ломоносовымъ: „списывалъ с се̑ тетради Миха̑ло Ломоносовъ"[1]).

1) Рукописи эти архангельскій губернскій статистическій комитетъ благосклонно сообщалъ мнѣ для просмотра. См. также Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865 годъ (Арханг., 1866), стр. VII, XXX, и брошюра: Празднованіе столѣтней памяти (1765—1865) М. В. Ломоносова въ Архангельской губерніи (Арханг., 1865), стр. 11. Замѣтимъ, что здѣсь есть извѣстіе, будто Ломоносовъ крещенъ въ нынѣ существующей куростровской церкви; но это невѣрно, такъ-какъ она строена гораздо послѣ рожденія его. Куростровъ въ позднѣйшія времена посѣщали нѣкоторые изъ чтителей памяти Ломоносова, и оставленныя ими описанія родины нашего замѣчательнаго дѣятеля полагаю не лишнимъ помѣстить здѣсь. Первый, впрочемъ, очень кратко упомянувшій о ней, былъ академикъ Лепехинъ, который подъ 28 августа 1771 года записалъ въ своемъ дневникѣ: «Противу самыхъ Холмогоръ, на двинскомъ пространномъ острову находится Куростровская волость, прозванная по рѣчкѣ Курьѣ, отдѣляющей сей островъ отъ матерой земли. Куростровская волость тѣмъ наиболѣе примѣчанія достойна, что въ оной родился въ крестьянствѣ славный нашъ господинъ статскій совѣтникъ и профессоръ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. На правомъ двинскомъ берегу противу Холмогоръ, не доѣзжая семидесяти верстъ до города Архангельскаго, есть небольшая деревня, Вавчюга называемая. Мѣсто сіе особливаго вниманія достойно, потому что на немъ находится корабельная партикулярная верфь, принадлежащая роду архангелогородскихъ купцовъ г. Баженинымъ... Рѣка Двина нарочитую тутъ глубину имѣетъ и безпрепятственно въ полую воду построенныя суда проводятся до г. Архангельска»... (Третья часть дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина,

Время отбытія Ломоносова изъ Денисовки въ Москву, подобно многимъ другимъ обстоятельствамъ изъ его жизни, до весьма недавняго времени показывалось невѣрно, именно, что онъ покинулъ родительскій домъ будто бы въ 1728 году, а въ слѣдующихъ 1729 и 1730 годахъ указывали даже по именамъ

Спб., 1780 года, стр. 326, 327). Въ бытность въ Архангельскѣ въ 1828 году П. Свиньина, онъ засталъ въ живыхъ племянницу Ломоносова Матрену Евсевну и сына ея, Лопаткина, занимавшагося рѣзьбою разныхъ издѣлій изъ кости. Свиньинъ, при посѣщеніи Куростровa, заботился болѣе объ изліяніи на бумагу собственныхъ чувствъ, почему не заботился оставлять подробности о мѣстности и только замѣтилъ, будто Куростровскія селенія имѣютъ живописное положеніе и что они лежатъ на высокомъ (?) берегу рукава Двины. Извѣстно, что всѣ вообще разсказы Свиньина принимались его современниками съ большою недовѣрчивостью. (Библіотека для чтенія, 1834, II, отд. I, Потомки и современники Ломоносова, 212—220). Г. В. Верещагинъ въ Очеркахъ Архангельской губерніи (Спб., 1849), 373—376, говоритъ: «посѣтившему родину Ломоносова нѣтъ отрады увидѣть ни малѣйшаго слѣда его жизни... Не угодно-ли взглянуть на самое мѣсто, гдѣ Ломоносовъ родился? Именно только одно мѣсто и осталось здѣсь въ деревнѣ вмѣсто всякаго другаго памятника. Съ трудомъ уже можно различить и этотъ слабый слѣдъ великаго человѣка. Между большимъ домомъ и маленькимъ амбаромъ есть пустое мѣсто въ нѣсколько саженъ; сзади этой площадки замѣтны остатки когда-то существовавшаго пруда; за прудомъ возвышается холмъ, огороженный плетнемъ, примыкающимъ къ дому. За этимъ домомъ, въ отдаленіи, видна каменная церковь, существовавшая еще при Ломоносовѣ. Вотъ все, что можно сказать о родинѣ Ломоносова. Еще недавно существовалъ родной домъ его, но давно уже никто въ немъ не жилъ. Время разрушало его мало-по-малу и наконецъ совершенно разрушило: остатки пошли сосѣдямъ на дрова. Такимъ образомъ отъ этого дома остался лишь одинъ, едва замѣтный слѣдъ, который вскорѣ изчезнетъ, такъ что нельзя будетъ его отыскать. Какой-то землякъ Ломоносова, не слишкомъ, видно, благоговѣющій къ памяти его, намѣревается выстроить себѣ въ этомъ мѣстѣ домъ, а можетъ быть уже и выстроилъ. Кажется, очень не трудно бы огородить это мѣсто хотя простою рѣшеткою, чтобъ спасти его отъ забвенія, но этого никому не приходитъ въ голову. Равнодушіе здѣшнихъ крестьянъ къ памяти великаго земляка ихъ очень удивительно: имъ какъ будто ни по чемъ слава его, какъ будто они сами всѣ Ломоносовы. Родъ Ломоносова давно уже здѣсь прекратился, и никто изъ здѣшнихъ жителей не носитъ этой фамиліи, какъ потомокъ знаменитаго предка. Есть, правда, въ этой же деревнѣ крестьянинъ Лопатинъ, считающій себя въ родствѣ съ фамиліею Ломоносова, но сосѣди Лопатина, Богъ знаетъ почему, лукаво подсмѣиваются, когда заговоришь съ ними о степени этого родства. «Вишь, прибавляютъ они, Лопатинъ продалъ какія-то бумаги ломоносовскія одному чиновнику (т. е. Свиньину), такъ можетъ по тому и родня!»... Тотъ же г. В. Верещагинъ помѣстилъ въ Иллюстраціи 1847 г., V, № 25, стр. 5—10, статью: Холмогоры и Куростровъ, при которой находится рисунокъ деревни Денисовки. Изображеніе этой же де-

и учителей, будто бы учившихъ наукамъ молодаго пришельца въ московской духовной академіи. Между тѣмъ въ волостной книжкѣ для записки поручителей въ платежѣ податей за отлучившихся отмѣчено: „1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю

ревни можно найти въ Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ (Спб., 1858) на стр. 43, при статьѣ: Родина Ломоносова. Здѣсь вкратцѣ повторено то, что сказано у г. Верещагина.

«Скуденъ видъ окрестностей деревни Денисовки, говоритъ г. С. Максимовъ (Годъ на Сѣверѣ, 2-ое изд., Спб. 1864, стр. 587, 588), бывшій тамъ въ 1856 г.: низменный островъ, едва не понимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія болотистыя кочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Куростровѣ; сѣрыя бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мхомъ; болотины между этими холмами съ просочившейся грязной водой; прибрежья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ за котораго въ одну сторону видны Холмогоры съ своими старинными церквами, давными преданіями; повсюду жизнь, закованная въ размѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжкой трудовой жизни на промыслахъ; и нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко поэтическаго, нѣтъ ничего, могущаго питать душу и сердце. И вотъ изъ за того же ивняка, съ противоположной стороны, на горѣ открывается новый видъ села Вавчуги. Тамъ еще живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ Великомъ, тамъ еще такъ недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любилъ ласкать и жаловать великій императоръ»....

Столѣтняя годовщина со дня смерти Ломоносова подала поводъ къ изданію въ Архангельскѣ брошюры, подъ заглавіемъ: Празднованіе, столѣтней памяти (1765—1865) М. В. Ломоносова въ архангельской губерніи, и здѣсь на стр. 10, 11, есть краткое описаніе Денисовки. Видъ ея, снятый въ зимнюю пору, съ коротенькимъ извѣстіемъ о ней можно найти въ Трудахъ архангельскаго статистическаго комитета за 1865 годъ, кн. I, отдѣлъ историческій и этнографическій, стр. XXIX, XXX. Г. М. Сидоровъ, посѣщавшій Денисовку послѣ празднованія въ ней помянутой годовщины, сообщилъ (Современная Лѣтопись, 1866 года, № 3, стр. 10): «Земля, на которой родился и жилъ М. В. Ломоносовъ, принадлежитъ въ настоящее время крестьянину деревни Тючковой Гаврiилу Андреевичу Шубному (Ломоносовъ выучился читать отъ крестьянина Ивана Шубнаго). Домъ Шубнаго существуетъ уже около восмидесяти лѣтъ. Но дома, бывшаго жилищемъ Ломоносова, нѣтъ болѣе, а сохранились только остатки фундамента другаго дома, построеннаго на томъ самомъ мѣстѣ какимъ-то крестьяниномъ; эти развалины находятся въ трехъ саженяхъ отъ дома Шубнаго. Съ лицевой стороны предъ остатками дома, въ двадцати саженяхъ течетъ рѣка Куростровка, а позади, въ трехъ саженяхъ отъ дома, находится прудъ, почти весь поросшій травою; за прудомъ лежатъ поля. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Ломоносова, въ нынѣшнемъ году (т. е. 1865), на второй день праздника Пасхи, т. е. 5 апрѣля, въ день столѣтія памяти Ломоносова, была совершена по немъ панихида. Противъ дома, ближе къ берегу рѣки Куростровки, былъ устроенъ

до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукою по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался"[1]). За тѣмъ, изъ свидѣтельства самого Ломоносова теперь извѣстно, что онъ „въ Московскихъ Спасскихъ школахъ записался 1731 года Генваря 15 числа. Жалованья въ шести нижнихъ школахъ по 3 копейки на день. А въ седьмой 4 копейки на день"[2]). Стало-быть въ дорогѣ изъ архангельской губерніи до Москвы нашъ молодой человѣкъ пробылъ едва-ли съ мѣсяцъ, потому что, какъ увидимъ ниже, онъ не прямо поступилъ въ духовную Академію, но нѣкоторое время находился въ школѣ при сухаревой башнѣ. Такъ-какъ Ломоносовъ не возвратился потомъ на родину къ сроку, то въ ревизскихъ сказкахъ онъ показывался съ 1732 года въ бѣгахъ, и подушныя деньги за него вносилъ отецъ его, послѣ смерти котораго это лежало на обязанности крестьянъ куростровской волости со второй половины 1741 года по вторую же половину 1747 года[3]).

Объ отбытіи Ломоносова съ родины и ученіи его въ Москвѣ есть три разсказа. Одинъ, оказывающійся нынѣ, по провѣркѣ нѣкоторыхъ въ немъ сообщенныхъ извѣстій, болѣе вѣроподобнымъ, напечатанъ Озерецковскимъ[4]) и состоитъ въ слѣдующемъ: „Взялъ себѣ онъ (Ломоносовъ) пашпортъ не явнымъ образомъ посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскими дѣлами Ивана Васильевича Милюкова, съ которымъ, выпросивъ у сосѣда своего Ѳомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ

деревянный, раскрашенный памятникъ Ломоносову, сходный съ памятникомъ въ Архангельскѣ; но теперь и признаковъ этого памятника не оказалось. Его разрушила непогода, а матеріалы растащены. И такъ, на мѣстѣ родины Ломоносова мы почти ничего не нашли, что напоминало бы его»....

Нынѣ узнаемъ изъ Архангельскихъ вѣдомостей, что 9 сентября 1871 года происходило торжественное освященіе помѣщенія для ломоносовскаго училища, которое устроено въ Куростровскомъ селеніи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде домъ отца Ломоносова (Голосъ, 1871 г., № 275, стр. 3).

1) Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865 годъ, кн. I, отдѣлъ историч., стр. VII.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. Куникъ, II, 370.

3) Путешествія академика Ивана Лепехина, IV, 301, 302.

4) Тамъ же, стр. 299, 300, изъ записки В. Варфоломѣева, о которой говорено уже въ выноскѣ на стр. 267.

домашнимъ, ушелъ въ путь и, дошедъ до Антоніева Сійскаго монастыря, въ разстояніи отъ Холмогоръ по петербургскому тракту во стѣ верстахъ, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ псаломническую должность[1]); заложилъ тутъ взятое имъ у Ѳомы Шубнаго полукафтанье мужику Емчанину, котораго послѣ выкупить уже не удалось, ушелъ оттолѣ въ Москву, присталъ на сухареву башню обучиться ариѳметикѣ, которой науки показалось ему мало, то пришелъ онъ къ тогдашнему московскому архіерею, объявя себя поповскимъ сыномъ, просилъ о принятіи себя въ заикопоспасское училище для обученія словено-греко-латинскихъ наукъ, куда былъ и принятъ, и имѣлъ въ обученіи хорошій успѣхъ; носилъ тогда платье сермяжнаго сукна черкасскаго покрою; а между прочимъ въ томъ монастырѣ отправлялъ пономарскую должность. Во время бытности его въ Москвѣ каждый годъ пріѣзжалъ для торговыхъ надобностей сосѣдъ его куростровецъ Ѳедоръ Пятухинъ, и, будучи по знакомству, посѣщалъ его и временно по недостатку его снабдевалъ деньгами, коихъ и задавалъ ему до семи рублей, а получилъ отъ него при отъѣздѣ его за море въ Санктпетербургѣ; которому Пятухину онъ о состояніи своемъ и гдѣ какъ находился, самолично разсказывалъ. А какъ уже онъ обучился богословіи, то требовались изъ ученыхъ нѣсколько человѣкъ въ Корелу въ священный чинъ, въ томъ числѣ и онъ, Ломоносовъ, былъ назначенъ; однако онъ въ духовной чинъ не похотѣлъ и отозвался, а послѣ того не въ долгое время въ 736 году отправленъ для обученіи химіи въ Саксонію....“

Новиковъ, черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, писалъ въ его біографіи[2]), что будто пробудившаяся въ немъ страсть къ стихотворству была главнѣйшею причиною удаленія его изъ дома отца: „Юныя лѣта препроводилъ съ отцомъ своимъ, ѣздя на рыбные промыслы; но будучи обученъ россій-

1) Впрочемъ, Ломоносовъ оставался должно быть въ этомъ монастырѣ весьма короткое время, такъ какъ, покинувъ родину въ декабрѣ 1730 года, въ январѣ слѣдущаго онъ уже былъ въ Москвѣ.

2) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ (Спб., 1772 г.), 119, 120.

ской грамотѣ и писать, прилежалъ онъ болѣе всегда, по врожденной склонности, къ чтенію книгъ. И какъ по случаю попалася ему псалтирь, преложенная въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, то, читавъ оную многократно, такъ пристрастился къ стихамъ, что получилъ желаніе обучаться стихотворству. Почему сталъ онъ навѣдываться, гдѣ можно обучиться сему искусству; услышавъ же, что въ Москвѣ есть такое училище, гдѣ преподаются правила сей науки, взялъ непремѣнное намѣреніе уйти отъ своего отца. Къ сему его побуждало и упорное желаніе его родителя, дабы женить его по неволѣ. Вскорѣ потомъ исполнилъ онъ свое намѣреніе: оставилъ домъ родительскій, пришелъ въ Москву, и вступилъ въ заиконоспасское училище, въ которомъ съ великимъ прилежаніемъ обучился латинскому и греческому языкамъ, риторикѣ и стихотворству...."

Разсказы товарища Ломоносова по Академіи — Штелина о бѣгствѣ его изъ Денисовки и годахъ ученія въ Москвѣ отличаются разными, любопытными подробностями, которыя и повторяются до нынѣ во всѣхъ статьяхъ о Ломоносовѣ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ сознаться, что штелиновскіе разсказы о Ломоносовѣ, при критической оцѣнкѣ тѣхъ случившихся съ нимъ событій, которыя въ настоящее время возможно провѣрить по рукописнымъ источникамъ, постигаетъ та же участь, которую имѣли анекдоты Штелина о Петрѣ Великомъ, именно неточности и невѣрности, попадающіяся въ этихъ разсказахъ, по неволѣ заставляютъ относиться сомнительно къ нимъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Въ доказательство тому можно указать на извѣстіе, что Ломоносовъ прибылъ въ Москву въ 1728 г. Конечно, легко ошибиться въ двухъ, трехъ годахъ при вспоминаніи о событіяхъ давно случившихся; но при обозначеніи 1728 г. прибавлена подробность, кто посадилъ Ломоносова въ этомъ году за латинскую азбуку, и далѣе положительно сообщено, что онъ въ 1730 и 1731 годахъ учился латинской грамматики и опять названы наставники, ему преподававшіе ее. Между тѣмъ теперь оказывается, что этого ничего не было, такъ-какъ только въ январѣ 1731 года Ломоносовъ прибылъ въ Москву. Далѣе, по Штелину выходитъ, что

Ломоносовъ учился при академической гимназіи въ Петербургѣ два года, а онъ при ней пробылъ едва два мѣсяца. Въ выноскѣ, какъ дополненіе къ штелиновскимъ извѣстіямъ, сообщенъ разсказъ о томъ, будто Ѳеофанъ Прокоповичъ, узнавъ Ломоносова въ Кіевѣ, полюбилъ его за успѣхи въ наукахъ и говорилъ ему, когда дошло до его свѣдѣнія, что тотъ выдалъ себя за дворянина: „не бойся ничего, хотя бы со звономъ въ большой московской соборной колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, я твой защитникъ!“ Этотъ разсказъ также невѣроятенъ: Ломоносова не могъ Ѳеофанъ узнать въ Кіевѣ, такъ-какъ послѣдняго тамъ не было въ то время, когда первый туда ѣздилъ. Въ годъ прибытія въ Москву Ломоносова этотъ іерархъ нѣсколько мѣсяцевъ находился тамъ, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 8 сентября 1736 года, т. е. въ тотъ самый день, когда Академія наукъ отправила Ломоносова за границу.

Какъ бы то ни было, но здѣсь сообщаются безъ измѣненія извѣстія Штелина, какъ они обыкновенно помѣщались въ жизнеописаніи при прежнихъ академическихъ изданіяхъ его сочиненій. Священнослужитель, учившій Ломоносова грамотѣ, на вопросы его „обыкновенно отвѣчалъ ему, что для пріобрѣтенія большаго знанія и учености требуется знать языкъ латинскій, а сему не индѣ можно научиться, какъ въ Москвѣ, Кіевѣ или Петербургѣ, что въ сихъ только городахъ довольно книгъ на томъ языкѣ.... Долгое время питалъ онъ въ себѣ желаніе убѣжать въ который нибудь изъ сказанныхъ городовъ, чтобъ вдаться тамъ наукамъ. Нетерпѣливо нажидалъ удобнаго случая. На семнадцатомъ (sic) году возраста своего напослѣдокъ оный открылся. Изъ селенія его отправлялся въ Москву караванъ съ мерзлою рыбою. Всячески скрывая свое намѣреніе, по утру смотрѣлъ, какъ будто изъ одного любопытства, на выѣздъ сего каравана. Слѣдующею ночью, какъ всѣ въ домѣ отца его спали, надѣвъ двѣ рубашки и нагольный тулупъ, погнался за онымъ въ слѣдъ (не позабылъ взять съ собою любезныхъ своихъ книгъ, составлявшихъ тогда всю его библіотеку: грамматику и ариѳметику). Въ третій день настигъ его въ семидесяти уже верстахъ. Караванный прикащикъ не хотѣлъ

прежде взять его съ собою, но, убѣжденъ бывъ просьбою и слезами, чтобъ далъ посмотрѣть ему Москвы, наконецъ согласился. Чрезъ три недѣли прибыли въ столичный сей городъ. Первую ночь проспалъ Ломоносовъ въ обшевняхъ у рыбнаго ряду. На завтрѣе проснулся такъ рано, что еще всѣ товарищи его спали. Въ Москвѣ не имѣлъ ни одного знакомаго человѣка; отъ рыбаковъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, не могъ ожидать никакой помощи: занимались они продажею только рыбы своей, со всѣмъ объ немъ не помышляя. Овладѣла душою его скорбь; началъ горько плакать; палъ на колѣни; обратилъ глаза къ ближней церкви и молилъ усердно Бога, чтобъ его призрилъ и помиловалъ.

„Какъ уже совсѣмъ разсвѣло, пришелъ какой-то господской прикащикъ покупать изъ обоза рыбу. Былъ онъ землякъ Ломоносову, коего лицо показалось ему знакомо. Узнавъ же, кто онъ таковъ и объ его намѣреніи, взялъ къ себѣ въ домъ и отвелъ для житья уголъ между слугами того дома.

„У караваннаго прикащика былъ знакомой монахъ въ заиконоспасскомъ монастырѣ, который часто къ нему хаживалъ; чрезъ два дня послѣ пріѣзда его въ Москву, пришелъ съ нимъ повидаться. Представя онъ ему молодаго своего земляка, разсказалъ объ его обстоятельствахъ, о чрезмѣрной охотѣ къ ученію, и просилъ усильно постараться, чтобъ приняли его въ заиконоспасское училище. Монахъ взялъ то на себя и исполнилъ самымъ дѣломъ. И такъ учинился нашъ Ломоносовъ ученикомъ въ семъ монастырѣ. Дома между тѣмъ долго его искали и, не нашедъ нигдѣ, почитали пропадшимъ до возвращенія обоза по послѣднему зимнему пути: тогда уже узнали, гдѣ онъ и что онъ.

„Въ монастырѣ обучался Ломоносовъ съ великою охотою и оказалъ примѣрные успѣхи. По прошествіи перваго полугода перевели его изъ нижняго класса во второй; въ томъ же году изъ втораго въ третій классъ. Чрезъ годъ послѣ того столько сталъ онъ силенъ въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на немъ сочинять небольшіе стихи. Тогда началъ учиться по гречески, а въ свободные часы, вмѣсто того, что другіе семинаристы

проводили ихъ въ рѣзвости, рылся въ монастырской библіотекѣ. Находимыя во оной книги утвердили его въ языкѣ славенскомъ. Тамъ же, сверхъ лѣтописей, сочиненій церковныхъ отцовъ и другихъ богословскихъ книгъ, попалось въ руки его малое число философическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ. Заиконоспасская библіотека не могла насытить жадности его къ наукамъ, прибѣгнулъ къ архимандриту съ усильною просьбою, чтобъ послалъ его на одинъ годъ въ Кіевъ учиться философіи, физики и математики, но и въ Кіевѣ, противъ чаянія своего, нашелъ пустыя только словопренія аристотелевой философіи: не имѣя же случаевъ успѣть въ физикѣ и математикѣ, пробылъ тамъ меньше года, упражняясь больше въ чтеніи древнихъ лѣтописцевъ и другихъ книгъ, писанныхъ на славенскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ...“

Сохранился разсказъ самого Ломоносова о времени, когда онъ жилъ въ Москвѣ, въ слѣдующемъ письмѣ его къ Ивану Шувалову (10 мая 1753 года): „Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указыютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учитъся!...“ [1]).

1) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 204.

Памятниками ученическихъ годовъ Ломоносова въ Москвѣ остаются нынѣ: во первыхъ стихи, сохраненные землякомъ Ломоносова Кочневымъ и напечатанные въ Путешествіяхъ академика Лепехина [1]) подъ такимъ заглавіемъ: „Сочиненіе г. Ломоносова въ московской академіи за учиненной имъ школьной проступокъ. Calculus dictus.

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши сѣли,
Въ радости запѣли.
Егда стали ясти,
Попали въ напасти,
Увязли бо ноги.
Ахъ, плачутъ убоги:
Меду полизали,
А сами пропали,

Надпись учительская: Pulchre Стихи на туясокъ.“ [2]). Во вторыхъ учебникъ, писанный его рукою и приплетенный къ сборнику, въ 4°, принадлежавшему прежде г. Погодину и нынѣ находящемуся въ московскомъ румянцевскомъ музеѣ. Учебникъ этотъ, занимая въ сборникѣ послѣдній отдѣлъ, заключаетъ въ себѣ реторику на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum Oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam Styli in omni genere dicendi. Tradita Moscoviae ex anno 1733, in annum 1734, octobris 17. Здѣсь, на нѣкоторыхъ листахъ попадаются на поляхъ отмѣтки, вѣроятно, наставника: на оборотѣ листа 29: Vidi anno 1734 Jannuarii; листъ 51: Vidi, Februarii 27; оборотъ листа 106: Vidi, Junii 10; оборотъ листа 126: Vidi Julii 6 die. Что касается до содержанія учебника, то онъ изложенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ и очень напоминаетъ тѣ руководства, о которыхъ сообщилъ извѣстія г. Смирновъ въ Исторіи московской славяно-греко-латинской академіи (М., 1855), на стр. 170—172. Учебникъ, писанный Ломоносовымъ, въ особенности любопытенъ тѣмъ, что, при

1) Часть IV (Спб., 1805), 303.

2) Въ Толковомъ словарѣ г. В. Даля *туясъ* (арханг. волог.) значитъ глупый, безтолковый человѣкъ.

сравненіи съ нимъ его Краткаго руководства къ краснорѣчію, или реторикѣ (въ первый разъ издано 1748 года) въ обоихъ оказывается не мало совершенно сходныхъ опредѣленій, хотя расположеніе въ нихъ разное.

Въ то самое время, какъ любознательность Ломоносова не находила себѣ удовлетворенія въ схоластикѣ, господствовавшей тогда въ нашихъ духовныхъ училищахъ въ Кіевѣ и Москвѣ, въ то самое время въ Петербургѣ начальникъ Академіи наукъ, баронъ Корфъ представлялъ сенату (24 января 1735 года), что по мысли Петра Великаго это ученое общество учреждено не только для дальнѣйшаго усовершенствованія наукъ, но и для распространенія просвѣщенія въ Россіи, почему необходимо при Академіи наукъ устроить семинарію на тридцать „шляхетныхъ юношей.“ Баронъ Корфъ какъ бы предчувствовалъ, что его представленіе о семинаріи не будетъ утверждено, а потому, 13 мая 1735 года, вошелъ въ сенатъ съ новымъ ходатайствомъ, гдѣ писалъ: „понеже отъ учрежденія семинаріума не прежде какъ по прошествіи нѣкотораго времени способные люди произойти могутъ, того ради предлагаю я правительствующему сенату: не соблаговолено-ли будетъ приказать, чтобъ между тѣмъ изъ монастырей, гимназій и школъ въ здѣшнемъ государствѣ двадцать человѣкъ чрезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей выбрать, которые столько научились, чтобъ съ нынѣшняго времени они у профессоровъ сея Академіи лекціи слушать и въ вышнихъ наукахъ съ пользою происходить могли.“ Такъ какъ Академія не имѣла въ своемъ распоряженіи потребныхъ на содержаніе молодыхъ людей денегъ, то баронъ Корфъ просилъ сенатъ о назначеніи на каждаго изъ нихъ по сту пятидесяти рублей. Очевидно было, что въ этомъ дѣлѣ существенное заключалась въ назначеніи денегъ, но сенатъ обошелъ молчаніемъ этотъ предметъ и распорядился только: „изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ двадцать человѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію наукъ....“

Баронъ Корфъ, какъ видно, принималъ близко къ сердцу все это дѣло, а потому, по полученіи послѣдняго указа изъ сената, писалъ къ ректору и архимандриту спасскаго монастыря, Стефану: „дабы притомъ высочайшее намѣреніе ея императорскаго величества исполнилось, то вашего преподобія прошу избрать и отправить сюда отроковъ добрыхъ, которые бъ въ приличныхъ къ украшенію разума наукахъ довольное знаніе имѣли и вамъ бы самимъ честь и отечеству пользу учинить могли....“ Съ своей стороны архимандритъ отвѣчалъ: „изъ московской словено-греко-латинской академіи ученики, числомъ двѣнадцать, остроумія, по нашему мнѣнію, не послѣдняго, выбраны и въ московскую синодальнаго правленія канцелярію при доношеніи представлены....“

2 января 1736 года отставной прапорщикъ Василій Поповъ явился въ Академію наукъ съ двѣнадцатью молодыми людьми, которыхъ онъ привезъ изъ Москвы. По сообщенію коллегіи экономіи, это были: „изъ богословіи—Василій Лебедевъ, Яковъ Виноградовъ, Яковъ Несмѣяновъ, которые сего 1735 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при отправкѣ философскаго корпуса (курса?), въ богословію вступили. Изъ философіи — Александръ Чадовъ, Дмитрій Виноградовъ, Иванъ Голубцевъ, Михайло Ломоносовъ, что изъ реторики въ нынѣшнемъ же году перешли до философіи. Изъ реторики — Прокофій Шишкаревъ, Семенъ Старковъ. Изъ піитики — Алексѣй Барсовъ, Михайло Ковринъ, Никита Поповъ. которымъ до упомянутыхъ школъ промоція учинена сего же года....“ Ломоносовъ, какъ будетъ сейчасъ сказано, не долго оставался съ своими товарищами, и о немъ въ бытность его тогда въ Петербургѣ нѣтъ такихъ упоминаній, которыя бы знакомили съ его личностью. Но за то его московскіе товарищи вскорѣ потомъ выказались врагами нѣмцевъ, и одинъ изъ семинаристовъ Прокофій Шишкаревъ былъ наказанъ батогами за укоризны и бранныя слова о нѣмцахъ [1]). Замѣчательно, что въ числѣ лицъ. приносившихъ, по

1) Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, въ Запискахъ Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, 22—25, 86.

возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы, жалобы на Шумахера, что онъ врагъ русскаго народа и покровительствуетъ иноземцамъ, было трое бывшихъ товарищей Ломоносова [1]).

Еще въ 1735 году, баронъ Корфъ старался о пріисканіи за границею астронома и химика, свѣдущаго и въ горномъ дѣлѣ, для отправленія ихъ въ ученое путешествіе по Сибири, куда уже было послано нѣсколько членовъ нашей Академіи. Астрономъ былъ пріисканъ [2]), но касательно химика, который бы въ то же время зналъ и горное дѣло, встрѣтилось затрудненіе. Начальникъ Академіи по этому дѣлу обращался къ Іоганну-Фридриху Генкелю, доктору и горному совѣтнику, который въ тогдашнее время пользовался большою извѣстностью, какъ знатокъ металлургіи, минералогіи и химіи. Этотъ ученый откровенно отвѣчалъ, что такого химика, какой требовался въ русскую службу. сыскать невозможно, а потому предлагалъ послать въ Германію для изученія горнаго дѣла нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ, которые „уже получили научное образованіе, или по крайней мѣрѣ знакомы съ латинскимъ, да нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ, если они кромѣ того на столько одарены умомъ и способностями, что будутъ умѣть сами управлять собою и обращать на все должное вниманіе....“ [3]).

Этотъ отзывъ Генкеля дошелъ до Петербурга въ февралѣ 1736 года, стало-быть мѣсяца чрезъ полтора послѣ прибытія въ Академію наукъ московскихъ семинаристовъ. Баронъ Корфъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ Генкеля, и 5 марта 1736 года представилъ императорскому Кабинету объ отправленіи въ Фрейбергъ къ Генкелю для изученія металлургіи трехъ молодыхъ людей Рейзера, Дмитрія Виноградова и Ломоносова,

---

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 35.

2) Либертусъ, о которомъ говорено въ Исторіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 574, 575.

3) Какъ это свѣдѣніе, такъ и всѣ слѣдующія за тѣмъ извѣстія о посылкѣ Ломоносова за границу и пребываніи его въ Марбургѣ и Фрейбергѣ, заимствованы изъ Сборника Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVII вѣкѣ г. Купика, часть II (Спб., 1865).

„понеже они всѣ тѣ свойства въ себѣ имѣютъ, какихъ помянутой бергъ-физикусъ требуетъ.... Хотя Дмитрій Виноградовъ съ Михаиломъ Ломоносовымъ нѣмецкаго языка и не знаютъ, однако еще въ бытность свою здѣсь чрезъ три мѣсяца столько научиться могутъ, сколько имъ надобно...."

Восемь дней спустя Кабинетъ утвердилъ докладъ барона Корфа, но молодые люди не могли быть отправлены въ срокъ, означенный начальникомъ Академіи, такъ-какъ асигнованныя на годичное содержаніе и ученіе ихъ деньги 1.200 р. были получены только 26 іюня 1736 года. Между тѣмъ, когда Генкеля спросили сколько онъ возьметъ за обученіе этихъ русскихъ, то онъ назначилъ 1.200 руб. Стало быть на Ломоносова съ товарищами приходилось издерживать гораздо болѣе противъ назначенной уже Кабинетомъ суммы, а потому баронъ Корфъ началъ переписку объ отправленіи молодыхъ людей въ Марбургъ, гдѣ жилъ тогда Христіанъ Вольфъ, пользовавшійся громкою славою и оказавшій такія важныя услуги Академіи при основаніи ея. Въ опредѣленіи о нашихъ молодыхъ людяхъ, между прочимъ, значилось: „каждому изъ нихъ назначается въ годъ по триста рублей, изъ которыхъ они должны не только содержать себя, но и покрыть издержки на проѣздъ въ Марбургъ и всѣ другіе необходимые расходы. Остальные триста рублей остаются въ запасѣ, съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ могли быть уплачены могущіе встрѣтиться экстренные расходы и путевыя издержки въ случаѣ дальнѣйшей поѣздки въ Голландію, Англію и Францію...." По полученіи согласія Вольфа, 18 августа 1736 г., подписана была инструкція, въ силу которой Ломоносовъ и его товарищи обязывались: „1) Во всѣхъ мѣстахъ, во время своего пребыванія, показывать пристойные нравы и поступки, также и о продолженіи своихъ наукъ наилучше стараться. 2) Къ полученію желаннаго намѣренія ничего не оставлять, что до химической науки и горныхъ дѣлъ касается, а притомъ учиться и естественной исторіи, физикѣ, геометріи и тригонометріи, механикѣ, гидрауликѣ и гидротехникѣ. 3) Объявленнымъ наукамъ учиться ему у тамошняго совѣтника правительства г. Вольфа и требовать отъ него при всѣхъ случаяхъ совѣта, а къ нему о

томъ уже писано, и впредь письменная пересылка съ нимъ содержана быть имѣетъ. 4) Положивши основаніе въ теоріи, долженъ онъ при осматриваніи рудокопныхъ мѣстъ различныя свойства горъ и рудъ, также и случающуюся притомъ работу и прочія къ тому принадлежащія машины и строенія прилежно примѣчать, а при правленіи и отдѣленіи рудъ въ лабораторіяхъ самъ трудиться, и вездѣ въ практикѣ ничего не пренебрегать, чѣмъ онъ свое знаніе въ химіи и въ горныхъ дѣлахъ въ возможное совершенство привести можетъ. 5) Стараться имъ о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ они ими свободно говорить и писать могли, а притомъ учиться прилежно рисованію. 6) Присылать всегда по прошествіи полугода въ Академію наукъ извѣстія, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается; также — и нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія и притомъ счетъ съ росписками о своихъ расходахъ. 7) Ежели они потомъ, смотря по обстоятельствамъ, далѣе въ Саксонію, Голландію, Англію и Францію посланы быть имѣютъ, то дана будетъ ему тогда новая инструкція."

8 сентября 1736 года Ломоносовъ съ товарищами отправился было на кораблѣ въ путь, но за сильною бурею они вернулись назадъ, и только 23 числа того же мѣсяца выѣхали изъ Кронштадта, а 16 октября прибыли въ Травемюнде, откуда чрезъ Любекъ, Ніенбургъ, Минденъ, Ринтельнъ и Кассель прибыли въ Марбургъ 3 ноября [1]).

1) Ломоносовъ въ Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи, писанной, впрочемъ, много лѣтъ спустя послѣ событія, передаетъ слѣдующимъ образомъ и притомъ невѣрно о причинѣ замедленія въ отправкѣ заграницу: «Въ 1735 году истребованные вновь двѣнадцать человѣкъ школьниковъ и студентовъ въ Академію изъ московскихъ спасскихъ школъ... пріѣхали въ Санктпетербургъ всѣ вмѣстѣ генваря 1 дня 1736 года и содержаны были сперва на довольной пищѣ, хотя и излишно дорого за то заплачено родственнику Шумахера Фелтнигу. 19 марта объявлено студентамъ Ломоносову и Виноградову, что они отправляются по именному указу въ Германію для обученія натуральной исторіи. И съ того времени взяты на отпускъ опредѣленные изъ статсъ-конторы на содержаніе съ третьимъ тысячу двѣсти руб. на годъ, кои тогда же и употреблены на другія акедемическія нужды за недостаткомъ денегъ въ Академіи. А отправляющіеся вышеписанные студенты ... принуждены были ожидать своего отправленія до осени, въ коемъ

Іюньское донесеніе нашихъ студентовъ въ слѣдующемъ 1737 году дошло до Академіи наукъ довольно поздно, такъ-что оттуда въ августѣ того же года было послано къ нимъ подтвержденіе о томъ. $^{4}/_{15}$ сентября 1737 года Вольфъ писалъ къ барону Корфу: „....Виноградовъ и Ломоносовъ начинаютъ уже говорить по нѣмецки и довольно хорошо понимаютъ то, о чемъ говорится: нужно, конечно, нѣсколько времени на то пока русскій, который рѣшительно ничего не смыслитъ въ нѣмецкомъ языкѣ, успѣетъ усовершенствоваться въ немъ. Стали они также учиться рисованію, которое имъ пригодится въ механикѣ и естественной исторіи. Зимою они будутъ слушать экспериментальную физику, причемъ я тутъ же всякій разъ намѣренъ указывать имъ, на что именно слѣдуетъ обращать вниманіе при такихъ экспериментахъ. Начинаютъ они также вести себя лучше прежняго, что имъ впредь принесетъ пользу при дальнѣйшихъ поѣздкахъ....“ Послѣднее, впрочемъ, не продолжалось долго, и Вольфъ $^{13}/_{24}$ ноября 1737 г., между прочимъ, вынужденнымъ нашелся сообщить въ Академію: „въ послѣдній разъ я забылъ написать вамъ, что не мѣшало бы напомнить имъ, чтобы они были бережливѣе, а то въ случаѣ отозванія ихъ окажутся долги, которые могутъ замедлить ихъ отъѣздъ....“ О томъ же напомнилъ германскій философъ и въ письмѣ своемъ къ Шумахеру, отъ $^{19}/_{30}$ марта 1738 года, а потому 29 мая того же года молодымъ людямъ послана была изъ Академіи въ Марбургъ другая, болѣе строгая инструкція, въ которой говорилось: „....вообще не тратить денегъ на наряды и пустое щегольство.... остерегаться дѣлать долги“ и пр.; но эти наставленія были уже лишни, и $^{6}/_{17}$ августа 1738 г. Вольфъ сообщалъ барону Корфу: „....тому, что уже случилось, этимъ (т. е. новою инструкціею) врядъ-ли можно помочь. Вся ошибка происходитъ отъ перваго начала. Деньги, привезенныя ими съ собою, они прокутили, не заплативъ того, что слѣдовало, а потомъ, добывъ себѣ кредитъ, надѣлали долговъ. ....Они, кажется, еще не знаютъ, какъ нужно

пути будучи четыре недѣли на морѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ едва не потонули»... | Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ (Спб., 1865), 053.

обращаться съ деньгами и жить бережливо, да и не думаютъ о томъ, чѣмъ кончится дѣло, когда ихъ отзовутъ отсюда. У г. Ломоносова по видимому самая свѣтлая голова между ними: при хорошемъ прилежаніи онъ могъ бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желаніе учиться.“ Какъ бы въ подтвержденіе такому отзыву Вольфа, Ломоносовъ послалъ 15/4 октября 1738 года: донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, и о пріобрѣтенныхъ имъ книгахъ; разсужденіе на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexistentis dependente, и, наконецъ, стихотворный переводъ оды Фенелона, написанной въ 1681 году и воспѣвающей счастіе уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта, подъ кровомъ музъ. Начало перевода Ломоносова таково:

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы
Слышу, и дожди шумящы
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

Эти четырехстопные хореи важны въ исторіи русскаго стиха, какъ первая попытка Ломоносова писать стихи размѣромъ, введеннымъ у насъ Тредіаковскимъ. Въ стихахъ Ломоносова слышится подражаніе послѣднему, но, при всей тяжеловатости своей, они все-таки благозвучнѣе стихотвореній Тредіаковскаго 1734—1737 годовъ [1]).

---

1) Стихотворный переводъ оды Ломоносова оставался въ безвѣстности до 1854 года, въ которомъ былъ отпечатанъ лишь въ одномъ экземплярѣ и 12 января 1855 года поднесенъ нашею Академіею наукъ московскому университету въ день празднованія столѣтней его годовщины; при чемъ приложенъ портретъ Ломоносова, снимокъ съ его подписи и французскій подлинникъ оды съ примѣчаніями г. Куника. Послѣдній, кромѣ того, помѣстилъ въ Ученыхъ запискахъ Академіи по I и III отдѣл., III, 256—264, статью: Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года переведенной Ломоносовымъ. Переводъ во второй разъ изданъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ

Между тѣмъ Академію очень безпокоили извѣстія о мотовствѣ и распущенности молодыхъ людей, а потому она просила Вольфа привести въ извѣстность долги студентовъ; въ то же время къ нимъ былъ посланъ строгій выговоръ. Вольфъ, $^{2}/_{13}$ января 1739 года, увѣдомляя барона Корфа о томъ, что по показанію студентовъ долговъ они имѣютъ на 1371 рейхсталеръ, прибавлялъ: „Лучше всего будетъ, конечно, если они оставятъ университетъ и поступятъ къ химику, потому что у него они не будутъ имѣтъ той свободы, которой ихъ въ университетѣ никакъ нельзя лишить. Въ нѣмецкомъ языкѣ они уже на столько успѣли, что не только понимаютъ все, о чемъ говорится, но и сами могутъ объясняться по нѣмецки. Во французскомъ же языкѣ они, по всей вѣроятности, не далеко ушли впередъ, потому что преподаватель этого языка не хотѣлъ ихъ учить безъ платы, а сами они не сочли нужнымъ беречь на это деньги. Болѣе всего я еще полагаюсь на успѣхи г. Ломоносова: онъ по видимому и раскаявается въ сдѣланныхъ долгахъ....“ $\frac{4\ \text{апрѣля}}{24\ \text{марта}}$ 1739 г., Вольфъ отзывался опять болѣе одобрительно о двоихъ изъ молодыхъ людей: „студенты Рейзеръ и Ломоносовъ не только во всемъ слушаются добрыхъ совѣтовъ, но и живутъ между собою въ ладу, и я надѣюсь, что на нихъ деньги расходуются не напрасно. Г. Ломоносовъ начинаетъ также принимать болѣе кроткіе нравы....“

Отъ этой эпохи въ жизни Ломоносова сохранились два разсужденія его: 1) Dissertatio physica de corporum mixtorum differentia, quae in cohaesione corpusculorum consistit, quam exercitii gratia conscripsit M. L. Matheseos et Philosophiae studiosus. Anno 1839, mense Martio; 2) Dissertatio de solutione chymica, ubi operatio illa ad rationes physicas revocatur. Оба разсужденія[1]) въ апрѣлѣ и маѣ 1739 года были читаны академиками въ Петербургѣ, но отзывовъ о достоинствѣ этихъ юношескихъ опытовъ въ протоколъ не внесено.

г. Куника, II, 407—418; ср. также этого Сборника томъ I-й, стр. XXIV, XXV, и Извѣстія Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, IV, 78—80.

1) Первое изъ этихъ разсужденій, см. въ архивѣ академической конференціи, связка № 1, тетрадь подъ буквами Ah.

Между тѣмъ Академія наукъ рѣшилась отправить студентовъ въ Фрейбергъ для изученія металлургіи, при чемъ на Вольфа возлагалось составить списокъ ихъ долговъ. Послѣднихъ въ маѣ 1739 г. оказалось 1619 рейхсталеровъ и 29 крейцеровъ, а въ августѣ ихъ уже считалось на 1936 рейхсталеровъ съ нѣсколькими крейцерами. Болѣе всѣхъ задолжалъ Виноградовъ, за нимъ слѣдовалъ Ломоносовъ. Послѣдній, передъ отъѣздомъ изъ Марбурга, получилъ свидѣтельства отъ профессоровъ Дуйзинга и Вольфа. Первый отозвался, что Ломоносовъ „съ неутомимымъ прилежаніемъ слушалъ лекціи химіи, читанныя въ теченіе 1737 года“ и „извлекъ изъ нихъ не малую пользу“, а второй писалъ, что тотъ же Ломоносовъ, „до времени своего отбытія въ Марбургъ прилежно посѣщалъ мои лекціи математики и философіи, а преимущественно физики и съ особенною любовью старался пріобрѣтать основательныя познанія. Нисколько не сомнѣваюсь, что если онъ съ такимъ же прилежаніемъ будетъ продолжать свои занятія, то со временемъ, по возвращеніи въ отечество, можетъ принести пользу государству, чего отъ души и желаю“.

Любопытенъ разсказъ Вольфа объ отъѣздѣ молодыхъ русскихъ изъ Марбурга (въ письмѣ $\frac{\text{1 августа}}{\text{21 іюля}}$ 1739 г.): „студенты уѣхали отсюда 20 іюля утромъ послѣ 5 часовъ и сѣли въ экипажъ у моего дома, при чемъ каждому при входѣ въ карету вручены деньги на путевыя издержки. Изъ за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновенія его съ разными студентами, которые могли замедлить отъѣздъ. Ломоносовъ также еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку и которая могла только послужить задержкою, если бы я, по теперешнему своему званію проректора, не предупредилъ этого. Затѣмъ мнѣ остается только еще замѣтить, что они время свое провели здѣсь не совсѣмъ напрасно. ....Я не могу не сказать, что въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхи и въ наукахъ; съ нимъ я чаще имѣлъ случай говорить, нежели съ Рейзеромъ, и его манера разсуждать мнѣ болѣе извѣстна. Причина ихъ долговъ обнаруживается лишь теперь, послѣ ихъ отъѣзда. Они чрезъ мѣру пре-

давались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу. Пока они сами еще были здѣсь на лицо, всякій боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ. Отъѣздъ ихъ освободилъ меня отъ многихъ хлопотъ. ....Когда они увидѣли, сколько уплачивалось за нихъ денегъ, и услышали, какія имъ дѣлали затрудненія при переговорахъ о сбавкѣ, тогда только стали они раскаяваться и не только извиняться передо мною, что они надѣлали мнѣ столько хлопотъ, но и увѣрять, что они впредь хотятъ вести себя совершенно иначе, и что я нашелъ бы ихъ совершенно другими людьми, если бы они только нынѣ явились въ Марбургъ. Я убѣждалъ ихъ, что имъ теперь необходимо опять загладить свой проступокъ предъ вашимъ превосходительствомъ (т. е. барономъ Корфомъ) и Академіей наукъ, а что обо мнѣ имъ нисколько не нужно безпокоиться. При этомъ особенно Ломоносовъ отъ горя и слезъ не могъ промолвить ни слова....“

Студенты поѣхали изъ Марбурга на Гиршфельдъ, Эйзенахъ, Готу, Наумбургъ, Вейсенфельсъ и Лейпцигъ, и 25 іюля 1739 г. прибыли въ Фрейбергъ, гдѣ тотчасъ же явились къ Генкелю. Послѣдній уже заранѣе получилъ изъ Академіи наукъ не очень лестную рекомендацію молодымъ людямъ. Баронъ Корфъ именно писалъ къ Генкелю 7 іюля 1739 года: „эти три лица въ прилежаніи и успѣхахъ своихъ очень не равны между собою; въ мотовствѣ же какъ-бы превосходятъ другъ друга.... Вслѣдствіе этого Академія наукъ нашла себя вынужденною уменьшить отнынѣ стипендію трехъ студентовъ и каждому изъ нихъ, вмѣсто прежде назначенныхъ въ годъ 300 рублей, выдавать на содержаніе только половину, т. е. 150 рублей“. Въ концѣ убѣдительная просьба къ Генкелю: „чтобы то, что должно быть израсходовано на студентовъ, было уплачено вами самими тѣмъ, кому слѣдуетъ; студентамъ же, кромѣ одного талера въ мѣсяцъ, назначеннаго имъ на карманныя деньги и разныя мелочи, не выдавать никакихъ денегъ на руки, а между тѣмъ объявить вездѣ по городу, чтобы никто имъ не вѣрилъ въ долгъ, ибо, если это случится, то Академія

наукъ за подобный долгъ никогда не заплатитъ ни одного гроша...“

Несмотря на то, что всѣ подобныя предупрежденія были такого свойства, что не могли расположить Генкеля въ пользу новыхъ его слушателей, тѣмъ не менѣе однако онъ принялъ ихъ любезно, и въ первомъ письмѣ своемъ о нихъ барону Корфу $\frac{19 \text{ августа}}{30 \text{ іюля}}$ 1739 видимо беретъ сторону ихъ: „могу увѣрить, ваше превосходительство, писалъ онъ тогда, что они означенное сообщеніе и увѣщаніе выслушали съ должнымъ уваженіемъ и притомъ не безъ замѣшательства сознались, что они въ Марбургѣ дѣйствительно хозяйничали безразсудно, и потому незаслуженную заботливость, съ какою ваше превосходительство изволили поручить мнѣ надзоръ за ними, считаютъ для себя особливымъ благодѣяніемъ. Я съ своей стороны столько же увѣренъ въ искренности ихъ чувствъ, сколько уже и замѣчаю въ нихъ необходимую для ихъ занятій способность, охоту и старательность, равно какъ и довѣріе и вниманіе ко мнѣ....“ Затѣмъ Генкель распространяется о закупкѣ для нихъ разныхъ необходимыхъ предметовъ; о недостаточности назначенныхъ студентамъ 150 руб. въ годъ и прибавкѣ поэтому еще 50 руб.; о дополнительныхъ деньгахъ въ уплату за обученіе рисованію и пр.

Между тѣмъ въ Фрейбергъ пріѣхалъ бывшій членъ нашей Академіи, а потомъ надзиратель бахмутскихъ соляныхъ заводовъ Готтлобъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Юнкеръ. Онъ въ то время собиралъ въ Германіи извѣстія по соляному дѣлу, и въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ Ломоносовъ переводилъ для него въ Фрейбергѣ разные экстракты и донесенія въ Петербургъ [1]). Юнкеръ, подобно Генкелю, отнесся сочувственно къ

1) О Юнкерѣ въ Исторіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 479—491. Памятникомъ подобныхъ работъ Ломоносова слѣдуетъ считать, по справедливому указанію г. Куника, отрывокъ перевода перваго съ бумаги Юнкера, озаглавленной такъ: «Нижайшій докладъ и непредрассудительное мнѣніе императорскому соляному коммиссаріату о соляныхъ дѣлахъ, что въ мѣстахъ, между Днѣпромъ и Дономъ положенныхъ, находятся, а особливо о обоихъ императорскихъ заводахъ, что въ Бахмутѣ и Торѣ». Отрывокъ этотъ съ приписаніемъ его Ломоносову напечатанъ въ первый разъ въ Горномъ журналѣ 1828

молодымъ людямъ и такъ писалъ о нихъ $\frac{\text{11 августа}}{\text{31 іюля}}$ 1739 г. къ барону Корфу: „упомянутые студенты по одеждѣ своей, правда, глядѣли неряхами, но по части указанныхъ имъ наукъ, какъ убѣдился и я, и г. бергъ-ратъ, положили прекрасное основаніе, которое послужило намъ яснымъ доказательствомъ ихъ прилежанія въ Марбургѣ. Точно также я при первыхъ лекціяхъ въ лабораторіи.... не могъ не замѣтить ихъ похвальной любознательности и желанія дознаться основанія вещей. Тѣмъ болѣе мы льстимъ себя надеждою, что благодушное сердце вашего превосходительства не отринетъ покорнѣйшей просьбы нашей: забыть заслуженный гнѣвъ, который упомянутые студенты навлекли на себя легкомысленнымъ своимъ хозяйствомъ, и благосклонно утвердить сдѣланныя нами съ доброю цѣлью распоряженія....“ При этомъ Юнкеръ указывалъ, что не худо было бы, когда студенты, послѣ усвоенія общихъ понятій о горномъ дѣлѣ, займутся въ особенности какимъ либо отдѣломъ его, и что для разработки рудниковъ и устройства машинъ былъ бы болѣе прочихъ способенъ Ломоносовъ.

Къ этой же порѣ пребыванія Ломоносова въ Фрейбергѣ относится сочиненіе имъ оды по случаю взятія русскими турецкой крѣпости Хотина, что случилось 19 августа 1739 года. „Ода, замѣчаетъ г. Куникъ [1]), очевидно написана еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полученнаго извѣстія. Это проглядываетъ во всемъ, въ особенности же въ первой строфѣ, въ которой онъ по видимому описываетъ мѣстное положеніе тогдашняго своего пребыванія. Нѣсколько намековъ на его практическія занятія того времени встрѣчается также и въ остальныхъ

года, X, 148—152. Ср. Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. А. Куникъ, II, 376—380. Въ бумагахъ товарища Ломоносова, Виноградова, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, есть отрывокъ рукописи, безъ конца, на 32 нум. стр., озаглавленной: An den hohen dirigirende Senat des Hoff Cammer-Rath Junkers pflichtmässige unvorschreibliche Vorschläge, auf was Art die kays. Saltz-Werke in der Provinz Bachmuth des Veronezischen Cron-Interesse und soulagement der Unterthanen nach allen Vortheilen neu angeleget, auf das wirthschaftlichste betrieben und in beständigen Gange erhalten werden könnten.

1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. Куникомъ, I, стр. XXVIII.

строфахъ. Когда именно извѣстіе о побѣдѣ при Ставучанахъ проникло въ отдаленное нагорное мѣстечко, этого нельзя сказать положительно, но безъ всякаго сомнѣнія Ломоносовъ, принимаясь за сочиненіе своей оды, еще ничего не зналъ о заключеніи мирнаго договора съ Турціею, подписаннаго уже $^{18}/_{7}$ сентября того же года....“

Шлецеръ, часто пристрастный въ своихъ разсказахъ, когда рѣчь заходила о его друзьяхъ и недругахъ, довольно пренебрежительно отозвался, что Ломоносовъ „скорѣе перевелъ (въ своей одѣ на взятіе Хотина) Гюнтерову оду

Eugen ist fort, ihr Musen nach,

но въ Россіи тогда этого никто не зналъ и вотъ начало славы Ломоносова“ [1]). Въ одѣ послѣдняго дѣйствительно слышится подражаніе Гюнтеру, и не ему одному, но также Буало. По свидѣтельству Штелина, Ломоносовъ „въ особенности любилъ стихотворенія Гюнтера и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять русскіе стихи....“ Въ другомъ мѣстѣ: „отъ обхожденія съ тамошними (германскими) студентами и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ нѣмецкое стихотворчество. Лучшій для него писатель былъ Гюнтеръ. Многихъ знатнѣйшихъ стихотворцевъ вытвердилъ наизусть....“ [2]) „Принявъ, говоритъ г. Гротъ, размѣръ оды Гюнтера (на миръ Австріи съ Турціею въ 1718 году) и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риѳмъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода“ [3]).

---

1) A. L. Schlozer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben (Göttingen, 1802), 218. Ср. также Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. А. Куникъ, II, 393.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. А. Куникомъ, II, 393.

3) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный Я. К. Гротомъ въ Академіи наукъ 6 апрѣля 1865 года (Спб., 1865), 15. Здѣсь

Ода Ломоносова на взятіе Хотина въ особенности имѣетъ значеніе по небывалому до того времени въ русскихъ стихотвореніяхъ ямбическому размѣру и по своему языку гораздо лучшему сравнительно съ тѣмъ, которымъ писались у насъ стихи до появленія этой оды. Она получила въ послѣднее время извѣстность и тѣмъ еще, что по поводу ея Штелинъ въ своихъ анекдотическихъ извѣстіяхъ о Ломоносовѣ допустилъ неточности и несообразности, опровергать которыя пришлось позднѣйшимъ библіографамъ. Со словъ Штелина, долго повторялось, что ода была напечатана и произвела при дворѣ удивленіе. Нынѣ, несмотря на всѣ поиски, отдѣльно печатаннаго въ 1740 году экземпляра этой оды нигдѣ не оказалось; также какъ не нашлось и извѣстій о печатаніи ея тогда въ академической типографіи [3]). И такъ послѣ того является предположеніе, что на нее обратилъ вниманіе одинъ только Тредіаковскій и сдѣлалъ это тѣмъ болѣе по тому, что вмѣстѣ съ одою Ломоносовъ прислалъ письмо, въ которомъ, кромѣ полемическихъ выходокъ противъ Тредіаковскаго (о чемъ говорено въ жизнеописаніи послѣдняго на стр. 83, 84), есть любопытныя извѣстія о томъ, какъ Ломоносовъ принялся за писаніе стиховъ тони-

---

кстати замѣтимъ, что академикъ Гротъ отдастъ далѣе преимущество одѣ Ломоносова предъ гюнтеровскою. Не такого мнѣнія профессоръ казанскаго университета г. Буличъ, который говоритъ: «Если о Ломоносовѣ судить только по стихамъ его, то онъ представляется намъ холодною, оффиціальною натурою, съ значительною примѣсью бюрократическихъ свойствъ. Напрасно искать въ стихахъ его чувства, какъ выраженія личности. Источникомъ одъ и вообще его стихотворныхъ произведеній были внѣшнія побужденія. Онѣ походили на лекціи, панегирики, разсужденія въ конференціи Академіи; онѣ не имѣли связи съ душой поэта. Правда, то былъ вѣкъ похвальныхъ одъ, и Гюнтеру онѣ доставляли средства къ жизни—иначе ему пришлось бы умереть съ голоду; но сквозь вынужденную обстоятельствами лесть знатнымъ, въ немъ замѣтно дѣйствительное сатирическое чувство, готовое осмѣять то, передъ чѣмъ онъ только что склонялся съ такимъ подобострастіемъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ у Ломоносова, и все отношеніе къ нему нѣмецкаго поэта состоитъ только въ томъ, что Ломоносовъ находился отчасти подъ вліяніемъ большой оды Гюнтера, написанной въ прославленіе принца Евгенія послѣ мира, заключеннаго въ Пассоровицѣ въ 1718 г. Но и здѣсь исполненныя замѣчательнаго реализма картины сраженій стоятъ гораздо выше блѣдныхъ очерковъ русскаго поэта».... Къ столѣтней памяти Ломоносова, г. Н. Булича (Казань, 1865), 35.

1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. А. Куникомъ (Спб., 1865), I, стр. XXX и слѣд.

ческимъ размѣромъ, а также нѣсколько образчиковъ своихъ стихотворческихъ опытовъ до и во время написанія имъ оды на взятіе Хотина, опытовъ, имѣющихъ особенное значеніе, когда вспомнить, что изъ стиховъ Ломоносова до 1738 года извѣстно только одно силлабическое небольшое стихотвореніе, которое приведено выше на стр. 285 [1]).

Ломоносовъ въ этомъ письмѣ говоритъ: „Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственнную версификацію имѣть можетъ. Сіе толь долго пренебреженное счастіе, чтобы совсѣмъ въ забвеніи не осталось, умыслилъ я наши правильные стихи изъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ стопъ составлять.... За наилучшіе, велелѣпнѣйшіе и къ сочиненію легчайшіе, во всѣхъ случаяхъ скорость и тихость дѣйствія и состоянія всякаго пристрастія изобразить наиспособнѣйшіе оные стихи почитаю, которые изъ анапестовъ и хореевъ состоятъ. Чистые ямбическіе стихи хотя и трудновато сочинять; однако поднимаяся тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ....“ Доказывая затѣмъ возможность и красоту для русскихъ стиховъ въ сочетаніи мужскихъ и женскихъ риѳмъ наперекоръ Тредіаковскому, Ломоносовъ присовокупилъ: „здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ моихъ стиховъ, въ примѣръ стопъ и сочетанія“. Въ этихъ примѣрахъ есть стихи, въ которыхъ идетъ рѣчь о любви — чувствѣ, которое не должно было быть чуждымъ Ломоносову, такъ-какъ, по свидѣтельству Вольфа, русскіе студенты въ Марбургѣ отличались особеннымъ пристрастіемъ къ женскому полу. Вотъ эти стихи, въ которыхъ быть-можетъ Ломоносовъ высказывалъ и личныя отношенія свои.

„Вольные встающіе тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя.

1) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, г. А. Будиловича (Спб., 1869), 117, 118.

Хоть я не самъ тоя причина,
Люблю Мартиллу какъ себя.

Вольные падающіе тетраметры:

Нимфы около насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренней любви
Веселяся привѣчали
И цвѣтами насъ вѣнчали

Ямбическіе триметры:

Весна тепло ведетъ,
Пріятной западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ ледъ,
Грусть прочь забавы бьетъ.

Еще 24/13 декабря 1739 года Генкель писалъ къ барону Корфу „что моимъ любезнымъ ученикамъ нѣтъ никакой возможности изворачиваться двухстами рейхсталерами въ годъ“ и далѣе, „что занятія ихъ металлургіею идутъ успѣшно“, а въ январѣ 1740 года Ломоносовъ уже поссорился съ Генкелемъ и писалъ къ нему письмо хотя съ извиненіями, но притомъ не безъ нѣкоторой заносчивости, которою оскорбился нѣмецкій бергъ-ратъ. Ссора между нимъ повторилась еще, и на этотъ разъ она кончилась тѣмъ, что Ломоносовъ, не спросясь никого, покинулъ Фрейбергъ. Въ письмахъ Генкеля и Ломоносова сохранились доводы обоихъ, почему они вступили во взаимныя между собою пререканія. Генкель описывалъ Ломоносова человѣкомъ не очень добраго нрава и притомъ преданнымъ пьянству; послѣ отказа въ лабораторіи заняться работою, Ломоносовъ шумѣлъ и бранился во всеуслышаніе неприличными словами. Нѣсколько времени спустя, когда первое неудовольствіе прошло, Ломоносовъ сталъ просить денегъ у Генкеля. Этотъ, строго держась подтвержденій, данныхъ ему изъ Академіи наукъ, отказалъ, и это было поводомъ къ новой выходкѣ Ломоносова: въ нетрезвомъ видѣ, онъ производилъ буйства на улицѣ и, наконецъ, скрылся изъ Фрейберга. „Я, прибавляетъ къ тому Генкель, узналъ также, что онъ уже и прежде въ разныхъ

мѣстахъ велъ себя неприлично, ужасно буянилъ въ своей квартирѣ, колотилъ людей, участвовалъ въ разныхъ дракахъ въ винномъ погребкѣ, братался съ здѣшними молокососами-школьниками, съ самаго начала слишкомъ пьянствовалъ, поддерживалъ подозрительную переписку съ какою-то марбургской дѣвушкой — однимъ словомъ велъ себя непристойно....“

Ломоносовъ, оправдываясь предъ Шумахеромъ въ письмѣ ($^{16}/_{5}$ ноября 1740 г.), съ своей стороны также старался выставить Генкеля въ самомъ непривлекательномъ видѣ. „Мои прежніе проступки, писалъ тогда Ломоносовъ, которые не столько къ моей безпорядочной жизни приписать слѣдуетъ, сколько къ тягостнымъ и несчастнымъ обстоятельствамъ, къ соблазнительному обществу и къ поздней пересылкѣ всемилостивѣйше назначенной мнѣ стипендіи, конечно не мало будутъ споспѣшествовать къ наказанію моей нынѣшней безвинности.“ [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе Генкеля человѣкомъ злымъ, алчнымъ, лукавымъ и завистливымъ. Хотя имя Генкеля и до нынѣ пользуется извѣстностью въ исторіи тѣхъ наукъ, которымъ посвящалъ онъ свои занятія [2]), однако, по мнѣнію, выражен-

1) Впослѣдствіи времени, именно въ 1764 г., въ своей Исторіи о поведеніи академической канцеляріи, Ломоносовъ, при описаніи пребыванія своего съ товарищами въ Марбургѣ и Фрейбергѣ, забывъ о кутежахъ и мотовствѣ, всю бѣду въ этомъ случаѣ сваливалъ на Шумахера, что не согласно съ современными извѣстіями, оставленными не только Генкелемъ, но и Вольфомъ. Ломоносовъ говоритъ, напр., что они «для весьма неисправной пересылки денегъ на содержаніе претерпѣвали нужду и пришли въ долги, хотя Шумахеръ получалъ опредѣленную на нихъ изъ статсъ-конторы сумму, 1200 руб., впередъ на цѣлый годъ. Отправленнымъ имъ изъ Марбурга въ Фрейбергъ для обученія рудныхъ дѣлъ опредѣлилъ жалованья токмо по полтораста рублевъ. Обѣщанныхъ напередъ тамошнему совѣтнику Генкелю за обученіе ихъ химіи тысячи двухсотъ рублевъ не прислалъ же. Почему Генкель присылаемыя студентамъ на содержаніе деньги сталъ удерживать за собою, чево они не могли больше вытерпѣть и стали просить своего пропитанія, требуя справедливости; но онъ съ великою запальчивостію въ деньгахъ отказалъ, а ихъ вонъ отъ себя выслалъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Ломоносовъ отъѣхалъ въ Марбургъ къ Вольфу, какъ къ своему благодѣтелю и учителю»...

2) Вотъ какія извѣстія объ Іоганнѣ-Фридрихѣ Генкелѣ помѣщены въ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste von Ersch und Gruber, zweite Section, V, 315, 316: Генкель (род. 1679, † 1744) учился сначала медицинѣ, но по

ному Ломоносовымъ въ письмѣ къ Шумахеру, Генкель читалъ молодымъ людямъ лекціи о пустякахъ. „Что жъ до курса химіи надлежитъ, говорилъ между прочимъ Ломоносовъ, то онъ въ первые четыре мѣсяца едва ученіе о соляхъ пройти успѣлъ, на что одного мѣсяца довольно бъ было; остальнаго времени должно было достать для наученія всѣхъ главнѣйшихъ матерій, какъ-то: металловъ, полуметалловъ, земель, камней и сѣръ. Но приономъ большая часть опытовъ, ради его неловкости, не удавалась.... Сего господина, могутъ почитать идоломъ только тѣ, которые коротко его не знаютъ. Я же не хотѣлъ бы промѣнять на него свои, хотя и малыя, но основательныя знанія, и не вижу причины, почему мнѣ его почитать своею путеводною звѣздою и единственнымъ своимъ спасеніемъ. Самые обыкновенные процессы, о которыхъ почти во всѣхъ химическихъ книжкахъ говорится, онъ держитъ въ секретѣ и сообщаетъ ихъ неохотно; горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любаго штейгера, который всю жизнь свою въ рудникахъ проводитъ, нежели у него. Естественную исторію нельзя выучить въ кабинетѣ г. Генкеля изъ его шкаповъ и ящичковъ; нужно самому въ разныхъ рудникахъ побывать....“

Есть основаніе думать, что Ломоносовъ отзывался такъ о своемъ наставникѣ подъ вліяніемъ увлеченія и личной досады: въ лѣтахъ зрѣлыхъ нашъ ученый иначе думалъ о Генкелѣ, и лучшимъ доказательствомъ тому его собственное сознаніе въ 1752

возвращеніи на родину въ Фрейбергъ предался совершенно минералогіи и химіи. Его химическіе процессы произвели удачныя послѣдствія и были особенно полезны фарфоровому заводу въ Мейссенѣ, который чрезъ то чрезвычайно возвысился. Въ благодарность за то король пожаловалъ его въ бергъ-раты. Слава о немъ такъ распространилась, что привлекала въ Фрейбергъ многихъ учениковъ, которые получали тамъ образованіе теоретическое и практическое въ горномъ дѣлѣ. Его химическія сочиненія въ особенности дорого цѣнятся учеными по этому отдѣлу наукъ за добросовѣстность, съ которою сообщаетъ онъ результаты своихъ опытовъ. Сюда принадлежатъ: его Pyritologia, Лейпцигъ, 1725, нов. изд. 1754, францух. переводъ 1757 г.; Bethesda portuosa Лейпцигъ, 1726; нов. изд. 1746 г. Небольшія его химическія статьи изд. три раза въ 1744, 1757 и 1759 г.г. Henkelius in mineralogia redivivus два раза 1747 и 1759 г.г.; французскій переводъ подъ заглавіемъ Introduction à la minéralogie, 1756, и собраніе сочиненій въ 1760 г.

году: „показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Генкеля....“ [1]). Впрочемъ и изъ приведеннаго выше письма не трудно замѣтить, что Генкель сдѣлался нестерпимымъ Ломоносову болѣе потому, что мало давалъ ему съ товарищами на расходы денегъ и притомъ всегда съ затрудненіями. Впрочемъ въ этомъ никакъ нельзя винить бергъ-рата, потому что онъ, поступая такъ, исполнялъ только наказъ Академіи наукъ, полагавшей, какъ видѣли выше, что тѣмъ можно остановить молодыхъ людей отъ распущенности и мотовства, которыя выказали они въ Марбургѣ.

Ломоносовъ, покинувъ Фрейбергъ, направился (такъ онъ самъ разсказываетъ въ вышепомянутомъ письмѣ къ Шумахеру $^{16}/_{5}$ ноября 1740 года) въ Лейпцигъ въ надеждѣ встрѣтить тамъ на ярмаркѣ русскаго посланника барона Кейзерлинга. Туда онъ прибылъ 19 мая 1740 года, но тамъ не засталъ этого дипломата, который отправился въ Кассель. Генкель, въ письмѣ отъ 20 іюня 1740 года, говорилъ, „что г. Рейзеръ на дняхъ сообщилъ мнѣ, что г. Ломоносовъ, писавшій ему изъ Лейпцига, живетъ тамъ очень весело и проситъ, чтобы квартира его (въ Фрейбергѣ) была сдана, что и сдѣлано....“ По разсказу Ломоносова, онъ ѣздилъ и въ Кассель съ нѣсколькими добрыми друзьями изъ Марбурга, которые взяли его съ собою; но барона Кейзерлинга и тамъ не было. Въ такихъ обстоятельствахъ „я, продолжаетъ Ломоносовъ, отправился въ Марбургъ, чтобъ у старыхъ пріятелей своихъ запастись (деньгами) на поѣздку. Быть въ тягость г. Вольфу я не осмѣлился, узнавъ отъ него, что онъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ изъ Петербурга остальныя деньги получилъ. Притомъ примѣтилъ я, что онъ въ сіе дѣло вмѣшиваться не хочетъ.“ Затѣмъ Ломоносовъ въ своихъ признаніяхъ Шумахеру прошелъ молчаніемъ о событіи, случившемся съ нимъ тогда въ Марбургѣ и о которомъ въ церковной книгѣ тамошней реформатской церкви записано такъ: „6 іюня 1740 года обвѣнчаны: Михаилъ Ломоносовъ, кандидатъ медицины, сынъ архангельскаго торговца,

1) Билярскій, стр. 187.

Василія Ломоносова, и Елисавета-Христина Цильхъ, дочь умершаго члена городской думы и церковнаго старшины, Генриха Цильха.“ [1]).

„Изъ Марбурга, я, продолжаетъ Ломоносовъ въ письмѣ къ Шумахеру, отправился во Франкфуртъ, а потомъ водою въ Роттердамъ и Гагу. Графъ Головкинъ совсѣмъ отказалъ мнѣ въ помощи и не хотѣлъ вовсе ввязываться въ дѣло. Затѣмъ я отправился въ Амстердамъ и нашелъ здѣсь нѣсколько знакомыхъ купцевъ изъ Архангельска, которые мнѣ совершенно отсовѣтовали безъ приказанія въ Петербургъ возвращаться. Они представили мнѣ кучу опасностей и несчастій, и потому я опять долженъ былъ возвратиться въ Германію. Коликую опасность и нужду я претерпѣлъ въ пути, мнѣ самому страшно даже вспомнить, и поелику долго было бы писать о томъ, то для краткости лучше вовсе умолчу. Въ настоящее время (ноябрь 1740 года) я живу инкогнито въ Марбургѣ у своихъ пріятелей и упражняюсь въ алгебрѣ, намѣреваясь оную къ теоретической химіи и физикѣ примѣнить. Утѣшаю себя пока тѣмъ, что мнѣ удалось въ знаменитыхъ городахъ побывать, погово-

---

1) Русскій вѣстникъ, 1861 года, XXXI, статья г. М. Сухомлинова, Ломоносовъ, студентъ марбургскаго университета, стр. 162, 163. Здѣсь же собраны извѣстія, изъ которыхъ видно, что Штелинъ жену Ломоносова называлъ дочерью портнаго. Шлецеръ, нетерпѣвшій Ломоносова и послѣ его кончины, долгомъ счелъ такъ выразиться: «въ Марбургѣ Ломоносовъ близко познакомился съ своей прачкой, которую вызвалъ потомъ и въ Россію. Когда блюстительница цѣломудрія, Елисавета, запретила держать наложницъ, Ломоносовъ женился на своей любовницѣ(!), и новая статская совѣтница оказалась весьма достойною женщиною». Показанія Шлецера исправлены сыномъ его, Христіаномъ Шлецеромъ, слѣдующимъ образомъ: «Ломоносовъ жилъ въ Марбургѣ у одного ремесленника и съ дочерью его находился въ близкихъ отношеніяхъ. Случилось, что посланныя ему деньги не дошли до него по причинѣ Семилѣтней войны (sic!), затруднявшей сообщенія; чтобы спастись отъ грозившей ему нужды, онъ рѣшился жениться, тѣмъ болѣе, что родители невѣсты его были люди достаточные. По возвращеніи въ Россію, онъ выписалъ жену свою, но, по русскимъ законамъ она считалась экономкою въ его домѣ, не болѣе. Когда же высочайшимъ указомъ повелѣно было всѣмъ, имѣющимъ наложницъ, жениться на нихъ, то Ломоносовъ вторично былъ обвѣнчанъ съ женою своею русскимъ священникомъ». August Ludwig Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben (Göttingen, 1802), 218. A. L. Schlözer's öff. und privat-Leben beschrieben von dessen Sohne Ch. von Schlözer (Leipzig, 1828), I, 89, 90.

рить съ нѣкоторыми искусными химиками, осмотрѣть ихъ лабораторіи и взглянуть на рудники въ Гессенѣ и Зигенѣ....“

Между тѣмъ эти переѣзды Ломоносова оставались тайною не только для Академіи наукъ, но и для Генкеля, который $^{23}/_{12}$ сентября 1740 года писалъ туда: „я не знаю и не могу себѣ представить, гдѣ бы г. Ломоносовъ могъ находиться въ настоящее время, развѣ нашелъ себѣ убѣжище у г. гофрата Вольфа. Соотчичи его также ничего не знаютъ о его мѣстопребываніи. При этомъ случаѣ не могу не замѣтить, что, по моему мнѣнію, г. Ломоносовъ, довольно хорошо усвоившій себѣ теоретически и практически химію, преимущественно металлургическую, а въ особенности пробирное дѣло, равно какъ и маркшейдерское искусство, распознаваніе рудъ, рудныхъ жилъ, земель, камней, солей и водъ, способенъ основательно преподавать механику, въ которой онъ, по отзыву знатоковъ, очень свѣдущъ и на которой онъ повидимому главнымъ образомъ и хочетъ выѣзжать, тѣмъ болѣе что онъ никогда охотно не спускался въ рудники....“

Только $^{31}/_{20}$ октября 1740 года Генкель сообщилъ Академіи наукъ: ....„г. Ломоносовъ находится въ Марбургѣ и дня три тому назадъ г. Рейзеръ получилъ отъ него письмо. Онъ пишетъ ему, что вернулся изъ поѣздки въ Голландію и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ меня черезъ него, чтобы я изъ назначенныхъ на содержаніе его денегъ послалъ ему 50 рейхсталеровъ, по полученіи которыхъ онъ соберется въ путь и пріѣдетъ сюда. Но съ какою собственно цѣлью онъ хочетъ пріѣхать, этого онъ не говоритъ. Я просилъ г. Рейзера отвѣтить ему, что не считаю себя въ правѣ послать ему такія деньги до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ на это согласіе отъ своего высшаго начальства....“

По справедливой догадкѣ г. академика Куника, къ выше разсказанной злополучной поѣздкѣ Ломоносова изъ Марбурга въ Гагу, Амстердамъ и оттуда обратно въ первый изъ этихъ городовъ, слѣдуетъ отнести тѣ событія, о которыхъ сохранилъ извѣстія Штелинъ при разсказѣ о пребываніи Ломоносова въ Германіи по отъѣздѣ его изъ Фрейберга. Впрочемъ, необходи-

мо оговориться, что къ этимъ извѣстіямъ Штелина прибавлены вымыслы, не мало подрывающіе довѣріе ко всему его повѣствованію. Штелинъ, напр., увѣряетъ, что Ломоносовъ содержалъ жену и дочь въ Марбургѣ на жалованье, будто бы высылавшееся по третямъ изъ Академіи наукъ; тогда какъ послѣдняя, узнавъ изъ письма Генкеля, „что фрейбергскій ученикъ Ломоносовъ весьма не въ состояніи находится,“ 31 іюля 1740 г. постановила только о возвращеніи его въ Петербургъ, о чемъ и было писано Кейзерлингу, который не исполнилъ этого лишь потому, что ему осенью 1740 г. неизвѣстно было мѣсто пребыванія Ломоносова. Также должно отнести къ вымышленному событію — дозволеніе ему отъ Академіи наукъ посѣтить рудники въ Гессенѣ и Гарцѣ, и проч. Однако, не смотря на то, что въ разсказѣ Штелина частности невѣрны, событія перепутаны, а хронологическая послѣдовательность ихъ вовсе не соблюдена, все-таки трудно допустить, чтобы все занесенное Штелинымъ было невѣрно, въ чемъ особенно убѣждаешся послѣ прочтенія пространнаго нѣмецкаго письма Ломоносова къ Шумехеру, изъ котораго уже приведены выписки выше. Кромѣ того изъ словъ Стриттера, писавшаго прежде появленія академическаго жизнеописанія Ломоносова, положительно видно, что когда изъ Академіи сообщалось барону Кейзерлингу о возвращеніи Ломоносова въ Россію, то дипломатъ „не могъ тогда ничего по этому исполнить, такъ-какъ Ломоносовъ между тѣмъ поступилъ въ прусскую военную службу, которую нѣкоторое время несъ въ Везелѣ“ [1]). По этимъ основаніямъ, здѣсь помѣщается вышепомянутый разсказъ Штелина, печатавшійся съ нѣкоторыми отмѣнами, указанными г. Куникомъ, въ жизнеописаніи Ломоносова при академическихъ изданіяхъ его сочиненій.

„Отъ ничтожныхъ средствъ къ содержанію, говоритъ Штелинъ, отъ роскошной иногда жизни [2]) и отъ необходимыхъ издержекъ на содержаніе своего тайнаго семейства, Ломоносовъ

1) Продолженіе мюллеровской рукописи Стриттера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 709, 710.

2) Въ академическомъ жизнеописаніи это мѣсто выражено такъ: «и отъ непорядочнаго можетъ быть хозяйства».

впалъ въ бѣдность, въ доли и въ такое отчаянное положеніе, изъ котораго не зналъ, какъ освободиться. Изъ опасенія попасть въ тюрьму, онъ рѣшился тайно убѣжать въ Голландію, хотя бы даже пришлось ему дорогой просить милостыню (потому что отъ полученнаго имъ не за долго предъ тѣмъ третнаго жалованья у него не осталось ни гроша), а тамъ сѣсть на корабль и отправиться въ свое отечество [1]). Начало этого предпріятія исполнилъ онъ, не сказавъ никому ни слова въ Марбургѣ [2]). По дорогѣ въ Дюссельдорфъ, въ разстояніи двухдневнаго пути отъ Марбурга, зашелъ онъ на большой дорогѣ въ мѣстечко, гдѣ хотѣлъ переночевать въ гостинницѣ. Тамъ нашелъ онъ королевско-прусскаго офицера, вербующаго рекрутъ, съ солдатами и съ нѣсколькими новобранцами, которые весело пировали. Нашъ путешественникъ показался имъ пріятною находкою. Офицеръ вѣжливо пригласилъ его безъ платы поужинать и попить въ ихъ компаніи. Не забыли также расхвалить ему королевско-прусскую службу, и мало по малу уговорили молодаго странника вступить въ нее. Они такъ напоили его, что онъ на слѣдующій день ничего не могъ себѣ припомнить, что происходило съ нимъ въ продолженіе ночи. Проспавшись, увидѣлъ онъ только, что у него на шеѣ красный галстукъ, который онъ тотчасъ же снялъ, и въ карманѣ нѣсколько прусскихъ монетъ. Офицеръ же называлъ его славнымъ молодцомъ, которому навѣрное посчастливится въ королевско-прусской службѣ; солдаты называли его товарищемъ. „Я вашъ товарищъ? сказалъ Ломоносовъ, я про то ничего не знаю: я русскій и никогда не былъ вашимъ товарищемъ! — Что, возразилъ вахмистръ, ты имъ не товарищъ? Развѣ ты проспалъ, или ужь забылъ, что ты вчера при насъ принялъ королевскую прусскую службу, ударилъ по рукамъ съ г. поручикомъ, взялъ задатокъ и пилъ

1) Въ академическомъ жизнеописаніи: «расположился идти или въ Любекъ, или въ Голландію, и послѣ отправиться моремъ въ Петербургъ»...

2) Въ академическомъ жизнеописаніи прибавлены слѣдующія подробности: «не простившись ни съ кѣмъ, ниже съ женою своею, однимъ вечеромъ вышелъ со двора и пустился прямо по дорогѣ въ Голландію. Шелъ всю ночь. На третій день миновавъ Дюссельдорфъ, ночевалъ по близости отъ сего города, въ небольшомъ селеніи на постояломъ дворѣ»...

съ нами здоровье твоего и нашего полка? Будь же бодрѣе, другъ кавалеристъ, и не раскаявайся; тебѣ у насъ понравится: ты красивый молодецъ и верхомъ будешь очень хорошъ на парадѣ.“ И такъ нашъ бѣдный Ломоносовъ сталъ королевскимъ прусскимъ рейтаромъ [1]), и дня черезъ два, вмѣстѣ съ другими рекрутами, набранными въ окрестности, былъ отправленъ въ крѣпость Везель. Съ этой минуты онъ твердо рѣшился бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ. Его провожатые, казалось, замѣтили въ немъ еще дорогою это желаніе, и потому въ крѣпости Везелѣ, съ самаго начала, стали присматривать за нимъ строже, чѣмъ за прочими рекрутами. Замѣтивъ это, онъ притворился очень довольнымъ, какъ будто онъ получилъ величайшую охоту къ военной службѣ. Къ его счастію, онъ не былъ, какъ большая часть рекрутъ, помѣщенъ въ городѣ на квартирахъ, но оставался въ караульнѣ, гдѣ долженъ былъ спать на скамейкѣ. Такъ-какъ эта караульня находилась близко отъ вала, и заднее окно выходило прямо на валъ, то онъ и рѣшился воспользоваться этимъ и другими удобствами къ своему предположенному бѣгству, которое онъ чрезъ нѣсколько недѣль смѣло предпринялъ и благополучно исполнилъ. Онъ каждый вечеръ заранѣе ложился спать на свою скамейку, такъ-что высыпался довольно, когда его товарищи едва только засыпали, и всегда искалъ случая убѣжать. Однажды, проснувшись вскорѣ послѣ полуночи, онъ замѣтилъ, что всѣ прочіе спали глубокимъ сномъ; онъ рѣшился съ величайшею осторожностію вылезти изъ задняго окна и взобраться на валъ. Тутъ въ темнотѣ, онъ поползъ до вала на четверенькахъ, чтобъ часовые, разставленные не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, не могли его замѣтить, спустился въ ровъ, переплылъ чрезъ него безъ шуму, взобрался на четверенькахъ на валъ, и опять спустился въ ровъ и переплылъ его; потомъ вскарабкался на контръ-эскарпъ, перелезъ чрезъ частоколъ и палисадникъ, и съ гласиса выбрался въ открытое поле. И такъ самое трудное,

1) Въ академическомъ жизнеописаніи прибавлено послѣ того: «палка прусскаго вахмистра запечатлѣла у него уста. Дня черезъ два»...

подъ защитою ночнаго мрака, было благополучно окончено: теперь его спасеніе зависѣло отъ достиженія прусской границы; но до нее оставалось болѣе нѣмецкой мили. И вотъ онъ въ мокрой солдатской шинели, повязавъ шею носовымъ платкомъ вмѣсто краснаго галстука, собралъ всѣ свои силы, чтобы до разсвѣта достигнуть границы. Едва совершилъ онъ четверть пути, какъ стало уже разсвѣтать, и вскорѣ послѣ того онъ съ трепетомъ услыхалъ съ крѣпости пушечный выстрѣлъ, обыкновенный сигналъ о бѣжавшемъ дезертерѣ. Этотъ угрожающій звукъ заставилъ его удвоить шаги, и онъ побѣжалъ изъ всѣхъ силъ, оглядываясь по временамъ; онъ увидѣлъ даже, хотя въ далекомъ еще разстояніи, кавалериста изъ крѣпости, скачущаго за нимъ во весь опоръ. Но прежде нежели онъ могъ догнать его, нашъ смѣлый бѣглецъ достигъ вестфальской границы и возблагодарилъ Бога за благополучное свое спасеніе отъ прусской власти. Даже и тутъ въ вестфальской деревнѣ онъ не рѣшился остановиться, а пошелъ въ ближній лѣсъ, гдѣ въ густомъ кустарникѣ онъ снялъ себя мокрое платье, чтобъ высушить его, а самъ между тѣмъ легъ и проспалъ до сумерекъ. Вечеромъ онъ съ новыми силами пустился въ путъ, выдавая себя вездѣ за бѣднаго студента...."

Видѣли выше, что Ломоносовъ, вернувшись въ Марбургъ, въ октябрѣ 1740 г. просилъ чрезъ товарища своего Рейзера у Генкеля о высылкѣ денегъ, и что послѣдній въ томъ ему отказалъ. Въ такомъ положеніи Ломоносовъ написалъ оправдательное, нѣсколько разъ уже упомянутое здѣсь письмо къ Шумахеру, 16 ноября 1740 года, въ концѣ котораго, между прочимъ, есть такая просьба: „при пересылкѣ всемилостивѣйше пожалованной мнѣ стипендіи, приказать мнѣ отправиться еще въ какое-либо мѣсто, какъ напр. въ Гарцъ, и т. п., гдѣ бы я могъ свою горную науку совершить...." На это письмо послѣдовавало въ Академіи наукъ иное рѣшеніе въ февралѣ 1741 г.: Ломоносову высланъ былъ чрезъ Христіана Вольфа вексель въ сто рублей, и въ то же время Шумахеръ писалъ къ нашему студенту: „такъ-какъ ваше благородіе въ отправленномъ ко мнѣ изъ Марбурга письмѣ своемъ не упоминаете объ

ордерѣ, посланномъ вамъ отъ Академіи наукъ чрезъ г. тайнаго совѣтника фонъ Кейзерлинга, то должно полагать, что вы не получили этой бумаги. Она была такого же содержанія какъ и это предписаніе. Ваше благородіе, слѣдовательно, имѣете не медлить ни одной минуты въ исполненіи ея. Я имѣлъ также честь писать о васъ г. тайному совѣтнику Вольфу. Не сомнѣваюсь, что онъ поможетъ вамъ и словомъ, и дѣломъ".

Въ апрѣлѣ 1741 года Ломоносовъ уже зналъ объ этихъ распоряженіяхъ и въ письмѣ изъ Марбурга, отъ 18 числа того мѣсяца, къ товарищу своему Виноградову, упрекая его за медленность отвѣтовъ на его письма, просилъ прислать ему реторику Николая Каузина, книгу о Россіи Петра Петрея и сочиненія Гюнтера, а остальное имущество все продать. Въ концѣ письма Ломоносовъ извѣщалъ: „я получилъ изъ Петербурга предписаніе отправиться туда, и вексель въ сто рублей на путевыя издержки; долги же будутъ уплачены особо. Изъ писемъ, полученныхъ мною отъ г. тайнаго совѣтника Вольфа изъ Галле и г. Шумахера, я могу питать хорошую надежду на мое повышеніе. Чрезъ три недѣли я отправлюсь чрезъ Ганноверъ въ Любекъ...."[1]) Послѣднее извѣстіе еще болѣе возбуждаетъ сомнѣніе въ правдивости свидѣтельства Штелина, что Ломоносовъ сначала поѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ принялъ его русскій агентъ Ольдекопъ, отправившій его въ Гагу къ графу Головкину, а этотъ окончательно снарядилъ его въ путь въ Петербургъ чрезъ Амстердамъ.

25 апрѣля 1741 года, Христіанъ Вольфъ сообщалъ Шумахеру, что Ломоносовъ ему писалъ, „что на поѣздку и экипировку его хватитъ назначенныхъ по векселю денегъ, но что на уплату долговъ ему нужно еще до ста рейхсталеровъ, или немногимъ болѣе, то я просилъ добраго пріятеля въ Марбургѣ за моею отвѣтственностью поручиться за него, что онъ и обѣщалъ мнѣ сдѣлать, и еще разъ убѣждалъ г. Ломоносова поспѣшить отъѣздомъ на сколько возможно...."

---

1) Записки Академіи наукъ, X, Собственноручныя письма Ломоносова, 181, 182.

Затѣмъ извѣстій о Ломоносовѣ нѣтъ до возвращенія его въ Петербургъ, но такъ-какъ это случилось 8 іюня 1741 года, то надо предполагать, что онъ уѣхалъ изъ Марбурга въ срокъ, назначенный имъ себѣ въ письмѣ къ Виноградову.

Штелинъ сохранилъ слѣдующій случай съ Ломоносовымъ на возвратномъ пути его въ Россію:

„Дорогою, когда онъ плылъ моремъ въ свое отечество, случилось съ нимъ происшествіе, которое глубоко тронуло его и котораго онъ никогда не могъ забыть. Онъ проснулся послѣ страннаго сновидѣнія, въ которомъ очень ясно видѣлъ своего отца, выброшеннаго кораблекрушеніемъ и лежащаго мертвымъ на необитаемомъ, неизвѣстномъ островѣ въ Бѣломъ морѣ, не имѣвшемъ имени, но памятномъ ему съ юности, потому что онъ нѣкогда былъ къ нему прибитъ бурею съ отцемъ своимъ. Лишь только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ поспѣшилъ справиться объ отцѣ своемъ на биржѣ у всѣхъ прибывшихъ изъ Архангельска купцовъ и у холмогорскихъ артельщиковъ, и наконецъ узналъ, что отецъ его отправился на рыбную ловлю еще прошлою осенью и съ тѣхъ поръ не возвращался, а потому и полагаютъ, что съ нимъ случилось несчастіе. Ломоносовъ такъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, какъ прежде своимъ пророческимъ сномъ. Онъ далъ себѣ слово отправиться на родину, отыскать тѣло своего несчастнаго отца на островѣ, извѣстномъ ему съ юности и представившемся теперь ему во снѣ со всѣми подробностями и признаками, и съ честію предать его землѣ. Но такъ какъ занятія его въ Петербургѣ не позволяли ему исполнить это намѣреніе, то онъ съ купцами, возвращавшимися изъ Петербурга на его родину, послалъ письмо къ тамошнимъ роднымъ своимъ, поручилъ своему брату исполнить это предпріятіе на его счетъ, описалъ подробно положеніе острова и просилъ убѣдительно, чтобъ тамошніе рыбаки, отправившись на рыбную ловлю, пристали къ нему, отыскали на немъ тѣло отца его и предали его землѣ. Это было исполнено еще въ то же лѣто: ватага холмогорскихъ рыбаковъ пристала къ этому дикому острову, отыскала мертвое тѣло на описанномъ мѣстѣ, похоронила и взвалила большой

камень на могилу. Извѣстіе о совершенномъ исполненіи его желаній, полученное имъ въ слѣдующую зиму, успокоило его всегдашнюю тайную печаль, причину которой онъ только впослѣдствіи сообщилъ другимъ".

Само собою разумѣется, что можно вѣрить и не вѣрить этому разсказу Штелина. Слѣдуетъ только замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь о братѣ Ломоносова, между тѣмъ какъ этотъ въ письмѣ къ Шувалову (см. выше) положительно говорилъ, что онъ былъ у отца одинъ. То же значится и въ ревизской сказкѣ, въ которой противъ имени Василья Ѳедорова Ломоносова, т. е. отца писателя, отмѣчено: „потонулъ въ морѣ 741 года". Это случилось въ первой половинѣ того года, такъ-какъ со второй — за сына его подушныя деньги платились уже изъ мірскихъ крестьянскихъ суммъ[1]).

Мѣсяца за полтора до прибытія въ Петербургъ Ломоносова, былъ уволенъ отъ должности президента Академіи наукъ Карлъ Бревернъ[2]), и его мѣсто оставалось тамъ незанятымъ. Впрочемъ, эти оба обстоятельства не могли имѣть значительнаго вліянія на ходъ дѣлъ ученаго общества, такъ-какъ и при Бревернѣ, и послѣ него академическій совѣтникъ Шумахеръ пользовался тамъ первенствующимъ значеніемъ. Ломоносовъ зналъ это очень хорошо, и потому еще изъ Германіи обращался къ Шумахеру, а не къ президенту Академіи съ оправданіями своихъ поступковъ въ Фрейбергѣ. Нашъ провинившійся въ грѣхахъ молодости студентъ, вернувшись въ Петербургъ, сколько можно замѣтить изъ всѣхъ, касавшихся до него обстоятельствъ, не подвергнулся въ Академіи никакой отвѣтственности и непріятностямъ, и Шумахеръ велѣлъ отвести ему для жительства двѣ каморки въ боновскомъ домѣ. Это зданіе было куплено для Академіи у Бреверна и находилось за нынѣшнимъ среднимъ проспектомъ на Малой Невѣ близъ теперешняго Тучкова моста[3]). Чрезъ пять дней послѣ пріѣзда Ло-

---

1) Путешествія академика Лепехина, IV (Спб., 1805), 301, 302.

2) Жизнеописаніе его въ Исторіи Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 717—722.

3) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 495, и Билярскій, стр. 56.

моносова, именно 13 іюня 1741 года, Шумахеръ писалъ къ своему зятю, академику Амману, который завѣдывалъ академическими собраніями по естественной исторіи: „Такъ-какъ Ломоносовъ опять возвратился сюда, то я покорнѣйше прошу васъ, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, преподавать ему естественную исторію, особенно по царству ископаемыхъ, и руководить его занятіями съ тѣмъ, чтобы съ нимъ поскорѣе можно было дойти до предположенной цѣли“.

Ломоносовъ вернулся въ Россію въ то самое время, когда на престолѣ былъ императоромъ Іоаннъ III Антоновичъ, которому тогда еще не минуло одного года, а государствомъ правила мать его, Анна Леопольдовна, герцогиня брауншвейгъ-люнебургская. Послѣ арестованія Бирона, сдѣлавшагося было, по смерти Анны Іоанновны, самовластнымъ распорядителемъ Россіи, герцогиня отъ страдательной роли матери царствующаго государя перешла къ полному господству надъ Россіею. По отзыву современниковъ, принцесса была мягкаго характера, не любила крутыхъ и крайнихъ мѣръ и вообще давала болѣе простора Росссіи, которая такъ сурово была управляема въ предшедшее царствованіе. Несмотря однако на все это, въ Петербургѣ чувствовалось приближеніе новаго переворота: правительница, окруженная постоянно иноземцами, не была любима; въ народѣ толковали о предсказаніяхъ, что на престолѣ быть цесаревнѣ Елисаветѣ; нѣкоторые изъ иностранныхъ министровъ, надѣявшіеся ловить рыбу въ мутной водѣ, старались возбуждать волненія и поддерживать недовольство; шведы были такъ увѣрены въ возможности перемѣнъ въ Россіи и притомъ въ ихъ пользу, что объявили войну русскимъ и въ своихъ манифестахъ говорили о несправедливости исключенія отъ наслѣдства престоломъ Елисаветы, о притѣсненіяхъ государства иноземцами, и т. п. Правительство само чувствовало свою слабость, держало толпу шпіоновъ, которые должны были всюду слѣдить за дочерью Петра Великаго, и подкупало ея приверженцевъ.... но все было напрасно: ропотъ усиливался при малѣйшемъ событіи и не въ далекомъ будущемъ готовились важныя перемѣны.

Конечно не всѣ вѣрили и не всѣ знали, что тогда происходило кругомъ: приближенные правительницы, дворъ и вообще тѣ, которые ожидали себѣ выгодъ и пользъ отъ существующаго порядка вещей, мало думали о будущемъ и старались воспользоваться тѣмъ, что представляло настоящее.

Ломоносовъ, по внушенію-ли покровителей своихъ въ Петербургѣ, или по собственному побужденію, весьма понятному при тогдашнихъ взглядахъ на поэтовъ и поэзію[1]), Ломоносовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые жили настоящимъ, а потому тотчасъ же принялся за сочиненіе оды ко дню рожденія младенца-императора, т. е. къ 12 августа 1741 года. Ода была дѣйствительно написана и напечатана въ тогдашнихъ Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ[2]) и здѣсь „веселящаяся Россія" лобзаетъ очи, ручки, ножки императора. О послѣднихъ, между прочимъ, говорилось:

Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите.

Первое, конечно, было желательно; что же касается до подражанія царствованію императрицы Анны, подражанія, долженствовавшаго напомнить страшную бироновщину, то сомнительно, чтобы Россія желала дѣйствительно возвращенія къ

---

1) «Элоквенція и стихотворство, говоритъ г. М. Сухомлиновъ, находились тогда на степени ремесла; писать вирши, торжественныя оды на разные случаи и т. п. было общимъ обычаемъ того времени. За надгробныя и хвалебныя рѣчи и стихи королямъ и «высокопоставленнымъ особамъ» положено было (въ Марбургѣ, гдѣ учился Ломоносовъ) двѣнадцать талеровъ. Въ архивѣ марбургскаго университета хранятся дѣла, возникавшія по этому поводу (въ бумагахъ университетскаго архива подъ названіемъ: Das honorarium für die Festrede und Gedichte von 1735 — 1775); получавшіе условную плату давали расписку, а недовольные подавали жалобу и просили о выдачѣ награды по таксѣ, опредѣленной уставомъ. Удивительно-ли, прибавляетъ къ этому вышеназванный профессоръ, что Ломоносовъ, по примѣру тогдашнихъ нѣмецкихъ ученыхъ и литераторовъ, привыкъ смотрѣть на торжественную лирику какъ на офиціальную обязанность?» Русскій Вѣстникъ, 1861 года, XXXI, Ломоносовъ, студентъ марбургскаго университета, стр. 157.

2) Это произведеніе въ первый разъ помѣщено въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ часть 66 — 69, августа 18 дня 1741 г, стр. 267—272, а перепечатано впослѣдствіи съ примѣчаніями г. Куника въ Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по I и III отдѣленіямъ, III, 270—277.

тѣмъ временамъ. Впрочемъ, такъ-какъ Биронъ былъ уже во время писанія оды въ ссылкѣ и его опасаться повода не имѣлось, то въ одѣ сочтено было умѣстнымъ сдѣлать на падшаго регента намекъ, вѣроятно производившій въ свое время впечатлѣніе на русскихъ читателей, которые въ сужденіяхъ о современныхъ событіяхъ, при тогдашнихъ строгостяхъ, могли довольствоваться нападками заднимъ числомъ.

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить
Превысить хочетъ вышню Власть,
На мой животъ ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйства кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

Въ концѣ есть обращеніе и къ матери императора:

Надежда, Свѣтъ, Покровъ, Богиня,
Надъ пятой частью всей земли,
Велика сѣвера Княгиня,
Языковъ больше двадцати
Премудрой правишь что рукою,
Монарха тѣхъ держишъ другою,
Любовь моихъ, противныхъ Страхъ,
Возри на то прещедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубокомъ
Воспѣть дерзнула въ сихъ стопахъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ рожденія императора, именно 23 августа, русскія войска одержали побѣду надъ шведами при Вильманстрандѣ, и это событіе воспѣлъ Ломоносовъ въ стихахъ, подъ заглавіемъ „Первые трофеи Его Величества Іоанна III", которые также напечатаны въ современныхъ Примѣчаніяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ [1]).

---

1) Ода помѣщена въ первый разъ въ Примѣчаніяхъ къ вѣдомостямъ часть 73 и 74, 11 сентября 1741 года, стр. 288—296, и потомъ перепечатана съ историческими примѣчаніями г. Куника въ Ученыхъ запискахъ по I и III отдѣленіямъ Академіи наукъ, III, стр. 277—284.

Россійскихъ войскъ хвала растетъ,
Сердца продерзски страхъ трясетъ,
Младой Орелъ ужь льва терзаетъ

. . . .

Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высо́ко;
Вторая есть, которой око
Зритъ, твой къ чему намѣренъ полкъ.

. . . .

Коль блиска наша къ вамъ столица!
Но ближе тѣмъ паритъ Орлица,
Что правитъ свой полетъ ко льву.

Само собою разумѣется, что въ настоящее время стихи Ломоносова могутъ казаться холодными и напыщенными, и многія изъ его выраженій или устарѣли или кажутся намъ несвойственными духу языка; но если вспомнить время, въ которое появились названныя выше оды, и тѣ произведенія — въ стихахъ и прозѣ, это все равно — которыя предлагались тогдашнимъ читателямъ, то становится понятнымъ, почему произведенія Ломоносова обратили на себя всеобщее вниманіе и восхитили современниковъ и языкомъ, и содержаніемъ своимъ. Замѣчательно, что въ самой Академіи начало разсмотрѣнія ученыхъ разсужденій Ломоносова, а также Теплова, Рейзера и Виноградова, совпадаетъ со временемъ появленія въ печати стихотворческихъ произведеній перваго изъ нихъ. Такъ, 24 августа 1741 года, въ академическомъ засѣданіи опредѣлено было передать на прочтеніе академиковъ девять статей названныхъ лицъ, между которыми слѣдующія двѣ принадлежали Ломоносову: 1) Commentatio de instrumento caustico catoptrico-dioptrico, delineata a M. Lomonosoff, Anno 1741, mense augusto [1]), и 2) Meditationes physico-chymicae de convenientia argenti et mercurii, principiis philosophiae etc. Впрочемъ чтеніе этихъ разсужденій въ академическихъ засѣданіяхъ шло не очень быстро, такъ-что оно не было кончено еще въ декабрѣ 1741 г.

Между тѣмъ, 10 ноября 1741 года, академикъ Амманъ увѣдомилъ Шумахера: „Я уже просмотрѣлъ всѣ каталоги минераловъ, составленные г. Ломоносовымъ, за исключеніемъ ката-

1) Хранится до нынѣ въ архивѣ академической конференціи въ связкѣ № 1, тетрадь подъ буквою Ai.

лога янтарей, въ которомъ не нахожу нужнымъ дѣлать измѣненія, тѣмъ болѣе, что онъ переписанъ на чисто".

Объ этой работѣ Ломоносова есть извѣстія спеціалиста — хранителя минералогическаго музея Академіи наукъ, г. Гебеля. По его словамъ, каталогъ минералогическаго отдѣла академическихъ коллекцій началъ составлять еще въ 1732 году академикъ Гмелинъ, а потомъ продолжалъ академикъ Амманъ. „Гмелинъ и, по видимому, Амманъ, замѣчаетъ г. Гебель, окончили важнѣйшую часть каталога: описаніе солей, земель, сѣры и всѣхъ металловъ; Ломоносовъ же внесъ въ работу своего предшественника пріобрѣтенія, сдѣланныя впослѣдствіи...." Въ 1745 году этотъ каталогъ вышелъ въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: Musei Imperialis Petropolitani vol I. Pars tertia qua continentur res naturales ex regno minerali. Здѣсь изъ 227 печатныхъ страницъ около 90 принадлежатъ Ломоносову. „Подлинникъ той части каталога, продолжаетъ г. Гебель, которая принадлежитъ Ломоносову, написанъ съ поспѣшностію и поверхностію, свидѣтельствующими, что составитель желалъ поскорѣе окончить трудъ и отдѣлаться отъ непріятной работы. Онъ, по видимому, не придаетъ ни малѣйшаго значенія указаніямъ на мѣстонахожденія, такъ-какъ въ отдѣльной, имъ самимъ обработанной части не приводитъ ни одного такого указанія, хотя навѣрное они находились при весьма многихъ изъ предметовъ коллекціи. Нельзя также предположить, чтобы вообще въ то время придавали мало значенія столь важнымъ указаніямъ, какъ обозначенія мѣсто нахожденій: каталоги коллекцій учителя Ломоносова, горнаго совѣтника Генкеля въ Фрейбергѣ, которые впослѣдствіи (въ 1766) были куплены Академіею, доказываютъ противное, такъ-какъ въ нихъ съ особенною обстоятельностію обозначены мѣста, гдѣ найдены предметы, и не только указаны рудники, но шахты и штольни. Весьма многія изъ указаній этого рода, находившіяся въ точно и четко писанныхъ рукописяхъ каталога Гмелина, совершенно выпущены въ печатныхъ каталогахъ; другія же сокращены или искажены, при чемъ также не приведены нѣкоторыя краткія замѣтки, очень важныя для техническаго производства, какъ

напр., отношеніе количества руды къ количеству доставляемаго ею металла, и т. п.“[1]).

Кромѣ этой работы, Ломоносовъ занимался также переводами статей акедемика Крафта для Примѣчаній къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ. Статьи эти подписывались двумя буквами: К. обозначало имя автора ихъ, а Л. — переводчика. Въ 1741 году въ Примѣчаніяхъ слѣдующія статьи обозначены этими двумя буквами: въ части 80—83, 6 октября, стр. 317—332, О сохраненіи здравія; часть 84, 20 октября, стр. 333—336, часть 85—88, 23 октября стр. 337—352, Продолженіе о твердости разныхъ тѣлъ; часть 89, 90, 6 ноября, стр. 353—360, О вареніи селитры. Переводы эти отличаются особенною ясностью и правильностью языка, такъ-что съ первыхъ строкъ не трудно замѣтить, что переводчикъ очень хорошо понималъ, что онъ переводилъ.

Между тѣмъ члены Академіи еще не давали никакого отзыва о представленныхъ молодыми людьми разсужденіяхъ, а потому, 11 ноября 1741 года, Ломоносовъ отъ имени своихъ товарищей просилъ академиковъ благоволить высказать мнѣніе о ихъ сочиненіяхъ, дабы они положительнѣе могли разсчитывать на увеличеніе своего содержанія. Съ своей стороны и Шумахеръ, въ засѣданіи 17 ноября 1741 года, опять настаивалъ на томъ, чтобы конференція выразила свое мнѣніе на счетъ представленныхъ и читанныхъ диссертацій студентовъ Теплова и Ломоносова, такъ-какъ это и для него, Шумахера, и для студентовъ важно, чтобы сдѣлать за тѣмъ надлежащія распоряженія. Впрочемъ эти настоянія не особенно подвинули дѣло: въ академическомъ засѣданіи 20 ноября 1741 года состоялось опредѣленіе, чтобы тѣ изъ студентовъ, которые желаютъ получить свидѣтельства о своихъ успѣхахъ, явились къ экзамену. За тѣмъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ продолжалось чтеніе академиками помянутыхъ диссертацій.

25 ноября 1741 года вступила на престолъ императрица Елисавета. Такимъ образомъ давно смутно предчувствуемый

---

1) Записки Академіи наукъ, VIII, 57—61.

переворотъ совершился, и младенецъ императоръ съ матерью-правительницею, отцемъ-генералиссимусомъ очутились въ заточеніи. Посвященія имъ въ книгахъ, ихъ портреты, даже упоминанія о нихъ — все это старательно и быстро уничтожено Шумахеромъ, распорядителемъ судебъ Академіи, и онъ спѣшилъ представить доказательства приверженности и вѣрноподданническихъ чувствъ къ новой государынѣ. Случай къ тому не замедлилъ явиться: 18 декабря былъ день рожденія Елисаветы, и академикъ Штелинъ потщился написать Allerunterthänigster Glückwunsch zum Antritt der erwünschten Regierung Ihro Majestät.... am frohen Gedächtniss-Fest der hohen Geburth Ihro Kays. Majest. Съ самой первой минуты воцаренія новой императрицы въ народѣ, не только въ Петербургѣ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Сибири, сложилось убѣжденіе, что она не благоволитъ къ иноземцамъ и не намѣрена терпѣть вліяніе ихъ, которое такъ чувствовалось въ царствованіе Анны Іоанновны и ея внука. Неудивительно потому, что ода Штелина не могла явиться съ однимъ нѣмецкимъ текстомъ; его необходимо слѣдовало перевести по русски и притомъ стихами. Шумахеръ обратился къ Ломоносову, и этотъ, исполняя добросовѣстно возложенное на него порученіе, переложилъ въ русскіе стихи нѣмецкія строфы Штелина[1]). Этому оффиціальному стихотворцу предшествовавшихъ царствованій, послѣ столь многихъ прославительныхъ одъ не только императрицѣ Аннѣ, ея племянницѣ, но и Бирону со всѣми членами его семейства, теперь пришлось говорить, что именно въ тѣ самыя времена, которыя онъ до того воспѣвалъ какъ райское блаженство, музы были въ страхѣ, виднѣлись грозныя волны бѣдъ, и всѣ будто бы восклицали:

Избавь, избавь россійску кровь
Отъ злаго скорбныхъ дней начáла!...

---

1) Вотъ заглавіе этого перевода: Всеподданнѣйшее поздравленіе для восшествія на всероссійскій престолъ ея величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссійскія въ торжественный праздникъ и высокій день рожденія ея величества декабря 18, 1741, всеподданнѣйше представлено отъ императорской Академіи наукъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при императорской Академіи наукъ. Въ f⁰, 4 ненум. стран.

Ободренный-ли успѣхомъ этого перевода при дворѣ, или увлеченный общимъ убѣжденіемъ въ народѣ, что новая императрица дѣйствительно намѣрена покровительствовать русскимъ болѣе, чѣмъ иноземцамъ, только Ломоносовъ въ январѣ 1742 года подалъ прошеніе, въ которомъ, напоминая обѣщаніе, данное ему съ товарищами при отправленіи за границу, — произвести ихъ по возвращеніи въ Россію въ экстраординарные академики, потомъ писалъ: „Во оныхъ городахъ (Марбургѣ и Фрейбергѣ) будучи я чрезъ полпята года не токмо указанныя мнѣ науки принялъ, но въ физикѣ, химіи, и натуральной гисторіи горныхъ дѣлъ такъ произошелъ, что онымъ другихъ учить и къ тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями писать могу, въ чемъ я Академіи наукъ специмины моего сочиненія и притомъ отъ тамошнихъ профессоровъ свидѣтельства въ іюлѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1741 года съ докладомъ подалъ. И хотя я Академію наукъ многократно о опредѣленіи моемъ просилъ, однако оная на мое прошеніе никакого рѣшенія не учинила, и я, въ такомъ оставленіи будучи, принужденъ быть въ печали и огорченіи. И дабы указомъ вашего императорскаго величества повелѣно было сіе мое прошеніе принять и меня, нижайшаго, тѣмъ чиномъ пожаловать, котораго императорская Академія наукъ меня по моимъ наукамъ удостоитъ, въ которомъ чину я, нижайшій, отечеству полезенъ быть и вашему величеству вѣрно и ревностно служить не премину“ [1]).

На этотъ разъ рѣшеніе не замедлилось, и Шумахеръ 8 января 1742 года подписалъ постановленіе, приведенное въ исполненіе того же января 28 числа: „Понеже сей проситель, студентъ Михаило Ломоносовъ, специменъ своей науки еще въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго 1741 году въ конференцію подалъ, который отъ всѣхъ профессоровъ оной конференціи такъ аппробованъ, что сей специменъ и въ печать произвесть можно; къ тому жъ покойный профессоръ Амманъ его, Ломоносова, канцеляріи рекомендовалъ [2]); къ тому жъ оный Ломоносовъ въ

---

1) Билярскій, стр. 6, 7.

2) Впослѣдствіи времени, именно уже въ 1754 г., Ломоносовъ, говоря въ своей автобіографической запискѣ

переводахъ съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ на россійскій языкъ довольно трудился, а жалованья и мѣста понынѣ ему не опредѣлено; то до дальняго указа изъ правительствующаго сената и нарочнаго Академіи опредѣленія, быть ему, Ломоносову, адъюнктомъ физическаго класса. А жалованья опредѣляется ему съ 1742 году января съ 1 числа по 360 руб. на годъ, счисляя въ то число квартиру, дрова и свѣчи...."[1]).

Въ томъ же январѣ 1742 г. Ломоносовъ, какъ видно изъ его прошенія въ 1743 г.[2]), подавалъ въ Академію наукъ „предложеніе о учрежденіи химической лабораторіи, которой еще при Академіи наукъ не было, гдѣ бы я, нижайшій, могъ для пользы отечества трудиться въ химическихъ экспериментахъ; однако на оное мое прошеніе не учинено никакого рѣшенія". Можно къ этому прибавить, что и самое прошеніе это до нынѣ въ академическихъ дѣлахъ не отыскано.

Пріѣздъ въ Петербургъ племянника императрицы Елисаветы подалъ Ломоносову случай сочинить оду, которая и была тогда же напечатана подъ заглавіемъ: „Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской, государынѣ всемилостивѣй-

---

о назначеніи его въ адъюнкты «по аппробаціи „профессорскаго собранія и по опредѣленію академической канцеляріи», приписалъ: «NB. Объ аттестатахъ профессорскихъ отнюдь не оставлять: для того, что въ томъ состоитъ вся сила». (Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи въ XVIII в., изд. г. А. Куникомъ, Спб., 1865, II, 370.)

1) Билярскій, 7—8. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ изслѣдователей, забывая разность, существующую между цѣнностью денегъ въ половинѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ, предаются сѣтованіямъ, что Ломоносовъ мало получалъ жалованья при поступленіи своемъ на службу въ Академію наукъ. На это можно замѣтить, что въ 1742 г. 360 руб., назначенные Ломоносову какъ адъюнкту, несомнѣнно стоили болѣе, чѣмъ нынѣшніе 1200 р., получаемые адъюнктами Академіи наукъ. Во времена Ломоносова фунтъ говядины, наприм., въ Петербургѣ продавался по $1\frac{1}{2}$ и 2 коп. фунтъ и всѣ прочіе предметы первой необходимости можно было покупать соотвѣтственно сейчасъ приведенной цѣнѣ на мясо. Въ 1741 г. Эйлеръ, покидая Петербургъ, продалъ Академіи наукъ свой домъ въ 10-й линіи на Васильевскомъ островѣ, въ которомъ жилъ съ большею семьею, за 300 рублей! (II, книга № 58). Въ проектахъ штатовъ Академіи наукъ, составлявшихся самимъ Ломоносовымъ гораздо послѣ 1742 г., жалованье адъюнкту всегда имъ назначалось въ 360 руб.

2) Прошеніе это помѣщено у Билярскаго, на стран. 44.

шей, всеподданнѣйшее поздравленіе для благополучнаго и радостнаго прибытія въ Санктпетербургъ его королевскаго высочества государя Петра, владѣтельнаго герцога шлезвигъ-голштинскаго, внука государя императора Петра Великаго, въ высокій день рожденія его высочества февраля 10 дня 1742 года въ торжественной одѣ представленное отъ всеподданнѣйшаго раба Михаила Ломоносова императорской Академіи наукъ адъюнкта"[1]). Здѣсь нашъ стихотворецъ, подобно Штелину, увѣряетъ въ началѣ:

Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зритъ конецъ бѣдамъ,

и что Богъ

Возставилъ намъ Петрово племя
И нашей скорби далъ конецъ.
и т. д.

Вскорѣ послѣ того (16 февраля 1742 г.) академикъ Штелинъ отправился въ Москву для постановки тамъ на сценѣ, по случаю коронаціи императрицы Елисаветы, итальянской оперы Clemenza di Tito, къ которой придѣлалъ онъ прологъ къ прославленію этой государыни, подъ заглавіемъ: La Russia afflita e riconsolata. Въ возникшей послѣ отъѣзда Штелина перепискѣ съ нимъ Шумахера иногда заходила рѣчь о Ломоносовѣ. Такъ, 25 февраля 1742 года, академическій совѣтникъ писалъ къ Штелину въ Москву: „послѣ полученія вчера г. Ломоносовымъ французской копіи, онъ тотчасъ же принялся за работу. Онъ не будетъ перелагать въ стихи речитатива, но послѣдуетъ французскому (тексту)". 8 марта: „....Ломоносовъ безподобно подвигается въ своемъ переводѣ; можетъ быть ему удастся успѣть въ томъ. Если бы только не было у него одного недостатка, то отъ него должно было бы ожидать много хорошаго...." 15 марта: „....Если Ломоносовъ встрѣтитъ одобреніе, то это доставитъ мнѣ удовольствіе, потому что при переводѣ человѣкъ не щадилъ ни трудовъ, ни усердія. При этомъ препровождаются итальянскій и нѣмецкій экземпляры...." 5 апрѣля:

1) Въ f°, 4 нен. страницы.

„...я жалѣю Ломоносова и тѣхъ, которые превозносили до небесъ его стихи и переводъ. Можетъ-быть на будущее время его переводы заслужатъ болѣе одобренія. Между тѣмъ наша добрая воля видна изъ быстраго исполненія...."[1])

Къ торжественному засѣданію Академіи наукъ, по случаю коронованія Елисаветы, 29 апрѣля 1742 года, бывшій академикъ Юнкеръ, любимецъ графа Мюниха, теперь сосланнаго, пѣвецъ бироновскаго величія, тайкомъ передававшій извѣстія о Россіи саксонскому правительству [2]), написалъ оду въ прославленіе новой императрицы. Преслѣдованія, которымъ подверглись тогда всѣ покровители Юнкера, не помѣшали ему сочинить эту оду такъ, что она, по отзыву Стриттера, своими достоинствами превосходила всѣ прежнія произведенія въ этомъ родѣ нѣмецкаго поэта [3]).

Имя Ломоносова является и здѣсь: онъ перевелъ въ стихахъ оду Юнкера, и переводъ напечатанъ тогда же подъ такимъ заглавіемъ: Вѣнчанная надежда Россійскія имперіи въ высокій праздникъ коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссійскія, при публичномъ собраніи санктпетербургской императорской Академіи наукъ, всерадостно и всеподданнѣйше въ Санктпетербургѣ апрѣля 29 дня 1742 года стихами представленная отъ Готлоба Фридриха Вильгельма Юнкера, ея императорскаго величества надворнаго каммернаго совѣтника, интенданта соляныхъ дѣлъ и члена Академіи наукъ. Съ нѣмецкихъ россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ Академіи наукъ адьюнктъ. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ, 1742 [4]).

1) Быть-можетъ здѣсь рѣчь шла о переводѣ итальянской оперы Clemenza di Tito и пролога, придѣланнаго къ ней Штелинымъ. Они напечатаны въ Москвѣ въ 1742 году на итальянскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ. Впрочемъ, русскій переводъ въ печати, съ заглавіемъ: Милосердіе Титово, опера съ прологомъ, сдѣланъ не Ломоносовымъ, о чемъ положительно указано въ самой оперѣ: «рѣчи переводилъ *съ италіанскихъ виршей* переводчикъ Иванъ Меркурьевъ».

2) Исторія Академіи наукъ, I, 487,488.

3) Продолженіе мюллеровской рукописи Стриттера Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg, 771.

4) Въ f⁰, 12 стран. Въ началѣ и въ

По случаю вышепомянутаго академическаго торжества, есть другой переводъ, сохраняющійся до нынѣ въ черновой собственноручной рукописи Ломоносова, съ заглавіемъ: Описаніе живописныхъ изображеній настѣнныхъ и блафонныхъ (sic), которыми въ высокій праздникъ коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссійскія, новая сала конференціи санктпетербургской Академіи наукъ украшена [1]). Здѣсь въ началѣ говорится вкратцѣ о вышепомянутомъ засѣданіи въ Академіи. Читанная тогда рѣчь Крафта напечатана въ русскомъ переводѣ Григорія Теплова [2]) и издана тогда же; помѣщенные тамъ стихи въ тѣ времена несомнѣнно могли быть написаны только Ломоносовымъ [3]).

Въ Примѣчаніяхъ къ Санктпетербургскимъ вѣдомостямъ за 1742 годъ слѣдующія статьи напечатаны съ подписями буквъ: К., т. е. Крафта, автора, и Л., т. е. Ломоносова, переводчика: части 15, 16, февраля 19, стр. 57—64, Продолженіе описанія разныхъ машинъ (при этомъ ссылка на примѣчанія за 1739 годъ, часть 67). Части 41—46, мая 20—7 іюня, стр. 161—184, Продолженіе описанія разныхъ машинъ [4]).

концѣ на мѣди гравированныя виньетты съ подписью: «Вырѣзалъ Іванъ Соколовъ». На первой изъ нихъ, кромѣ аллегорическаго изображенія Елисаветы за камнемъ съ подписью juvante numine, представлены Нева и зданія Академіи наукъ, освѣщенныя солнцемъ.

1) Въ рукописи академической библіотеки, въ f⁰, № 138, съ вытисненнымъ на корешкѣ заглавіемъ: Реляціи и журналы и всякія викторіальныя изданія.

2) Исторія Академіи наукъ, I, 464,465.

3) Вотъ они, по академической рукописи въ f⁰, № 138 и съ показаніемъ въ выноскахъ разночтеній печатнаго изданія рѣчи:

Творецъ всѣхъ неба и земли,
Услыши вѣрный гласъ науки!
Грозящій Марсовъ мечь *возми*, [a])
А скипетръ дай Августѣ въ руки. [b])
Да правитъ тѣмъ *покойно* [c]) всѣхъ;
Да зритъ на весь Востокъ въ успѣхъ.
Пусть спѣютъ жатвы въ день надежный,
А смѣлъ купецъ товаръ везетъ
Какъ вѣтръ по морю къ намъ; [d])
При томъ дай Музамъ плодъ полезный.

[a]) растли
[b]) Подай самъ жезлѣ покоя въ руки.
[c]) Августа
[d]) И въ морѣ намъ покой живетъ,
Когда по немъ корабль плыветъ.

4) Г. Будиловичъ (Сборникъ II-го отд. Академіи наукъ, VIII, прилож. № 1, стр. 8), полагая, что слѣдующія слова, предпосланныя переводу Шамберовой циклопедіи 1744 г., принадлежатъ Ломоносову: «въ печатныхъ нашихъ примѣчаніяхъ о явившейся въ прошломъ 1742 г. кометѣ, обѣщали мы нашимъ читателямъ сообщить разсужденіе о кометахъ вообще»,—спра-

Между тѣмъ слухи объ Академіи наукъ въ связи съ неблагопріятными толками объ иноземцахъ вообще, послѣ возшествія на престолъ Елисаветы продолжались. Еще сначала 1742 года на Шумахера представили доношенія высшему правительству состоявшій на службѣ при Академіи токарь Петра Великаго Андрей Нартовъ и академикъ астрономъ Делиль [1]). Едва-ли не въ видахъ отраженія упрековъ въ небреженіи начальствомъ Академіи наукъ лежавшихъ на ней по проекту Петра Великаго обязанностей относительно распространенія знаній въ Россіи [2]), сдѣлано было распоряженіе о чтеніи лек-

---

шиваетъ: гдѣ эти примѣчанія? Статья «О недавно явившейся кометѣ» помѣщена въ Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ, часть 33—41, 22 апрѣля 1742 г., стр. 129—160; но она написана не Ломоносовымъ, а академикомъ Гейнзіусомъ, которому принадлежатъ и сейчасъ выписанныя слова. Ломоносовъ былъ только переводчикомъ ихъ. См. Исторію Академіо наукъ, I, 580.

1) Исторія Академіи наукъ, I, 33, 34.

2) Шумахеру очень хорошо было извѣстно о помянутыхъ доношеніяхъ Нартова и Делиля. Въ первомъ, между прочимъ, говорилось: «обученіе россійскаго народу молодыхъ людей оставлено, а производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ россійской имперіи никакой пользы быть не можетъ кромѣ единаго казеннаго убытку» и т. д. Здѣсь кстати замѣтимъ, что существуетъ мнѣніе, что доношеніе Нартова (оно есть въ копіи въ Государственномъ архивѣ при дѣлѣ объ Академіи наукъ) написано Ломоносовымъ и что эту бумагу должно считать первымъ протестомъ русскаго общества противъ злоупотребленія нѣмцами русскихъ народныхъ средствъ. (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1865, кн. I, смѣсь, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, стр. 37—39), и О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ, г. Н. Лавровскаго (Харьковъ, 1865), 37—41.) Билярскій, при разсмотрѣніи сборника ломоносовскихъ бумагъ, хранящагося у Н. М. Орлова, нашелъ, что на спискѣ съ доношенія Нартова надписано новѣйшимъ почеркомъ карандашемъ: «переписанная, черновая же писана рукой Ломоносова»; но черновой въ сборникѣ уже нѣтъ (Билярскій, 751). Эта надпись свидѣтельствуетъ только, что у Ломоносова имѣлось нартовское доношеніе. Обращаясь къ его содержанію, мы увидимъ, что оно заключаетъ въ себѣ кромѣ повтореній того, о чемъ писалъ еще прежде академикъ Делиль, выходки лично оскорбленнаго самолюбія самого Нартова. Такъ петровскій токарь, нисколько не сознавая своей малограмотности, наивно писалъ: «по высочайшей ихъ (sic) императорскаго величества милости въ той Академіи нахожусь членомъ, а онъ (Шумахеръ), злости ради, съ прочими и не включилъ». Ломоносовъ едва-ли бы написалъ это, такъ-какъ ему хорошо было извѣстно, что Нартовъ никакъ не могъ быть членомъ ученаго общества. Что касается до выходокъ въ томъ доношеніи противъ нѣмцевъ, то онѣ не тамъ въ первый разъ высказаны: со временъ Петра Великаго слѣды недовольства русскихъ отъ наплыва иноземцевъ проявлялись въ разныхъ слояхъ тогдашняго рус-

цій, о чемъ и разослано было печатное объявленіе [1]), гласившее:

„Нынѣ начинаемъ опять подъ державою Всеавгустѣйшія Імператрицы Елисаветы, нашея всемилостивѣйшія Государыни и Покровительницы, публичное и приватное въ наукахъ наставленіе; которое по установленію Родителя Ея, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Імператора Петра Великаго, Академіи нашея основателя и Імперіи сея храбраго расширителя, и прежде охотно всегда продолжали.

„Двоякая на насъ должность лежитъ: Первая, чтобъ въ приватныхъ нашихъ собраніяхъ въ совершенство приводить

скаго общества, и какъ это недовольство выражалось вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ правительства, то дѣла подобнаго рода судились въ тайной канцеляріи. Съ возшествіемъ на престолъ Елисаветы, такія выходки не только на словахъ и на бумагѣ, но иногда и на дѣлѣ въ первое время ея царствованія были терпимы, почему и встрѣчаются не только въ доношеніи Нартова, но напр. въ проповѣдяхъ, которыя произносились въ церквахъ. Еще болѣе рѣзкія, чѣмъ у Нартова, выраженія противъ нѣмцевъ можно читать въ другихъ бумагахъ академическихъ служителей, также обвинявшихъ Шумахера въ злоупотребленіяхъ (Исторія Академіи наукъ, I, 35—39). Гг. Пономаревъ и Будиловичъ, введенные въ заблужденіе статьею въ Энциклопедическомъ словарѣ (Спб., 1861), II, 279, полагаютъ, что жалоба Нартова заключается въ 38 пунктахъ и подписана одиннадцатью доносителями, изъ коихъ, по словамъ сейчасъ названной статьи главными были, кромѣ Нартова, академикъ Делиль, коммиссаръ Камеръ, переводчики Горлицкій и Поповъ. Доношеніе Нартова, съ обозначеніемъ 22 января и 10 февраля 1742 года, подписанное имъ однимъ и состоящее изъ девяти пунктовъ, подано имъ тогда же въ сенатъ; а въ іюлѣ, но не въ февралѣ, того же года Нартовъ поѣхалъ въ Москву и тогда взялъ съ собою другое донесеніе на Шумахера коммиссара Михаила Камера, канцеляриста Дмитрія Грекова и копіиста Василья Носова. Доношеніе этихъ трехъ лицъ (подлинное въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ № 794) дѣйствительно изъ 38 пунктовъ и наполнено разными обвиненіями противъ Шумахера и притомъ такого свойства, что они могли быть извѣстны канцелярскимъ чиновникамъ, каковы были сейчасъ названныя лица, но ни однимъ выраженіемъ не напоминаютъ Ломоносова. Послѣдній въ разсказѣ объ этомъ доношеніи ни слова не говоритъ объ участіи своемъ въ его составленіи и въ тоже время допускаетъ нѣсколько неточностей, понятныхъ по тому, что онъ писалъ о событіяхъ давно прошедшихъ (Билярскій, стр. 056, 057). Вышепомянутое доношеніе самого Нартова до сихъ поръ нигдѣ не было напечатано вполнѣ, и о немъ возникли у нашихъ изыскателей недоразумѣнія, почему считаю необходимымъ помѣстить его здѣсь въ приложеніи подъ № I.

1) Въ f°, на 4 стр., въ концѣ обозначено время выхода объявленіе въ свѣтъ: «Въ Санктпетербургѣ, августа 13 дня 1742 года.

и вновь изобрѣтать науки и всякія честныя художества. Сіе самое безпрерывно отъ нача́ла Академіи продолжается по два раза на всякую недѣлю, въ понедѣльникъ и пятницу; которыхъ собраній плодъ дѣйствительно находится, въ восми книгахъ къ окончанію ужѐ приведенныхъ подъ титуломъ: Комментаріи Санктпетербургскія Академіи Наукъ. Такихъ книгъ всякой годъ по одной изъ печати при Академіи выходитъ, и не только въ семъ государствѣ но и во всѣ другія, рассылаются; въ чемъ сколько возможно послѣдуемъ другихъ славнѣйшихъ Академій обыкновенію, то есть Лондонской, Парижской, Берлинской.

„Другая наша должность та, чтобъ свободные отъ приватныхъ нашихъ собраній дни, употреблять въ пользу тѣхъ учениковъ, которые въ сей Імперіи къ наукамъ опредѣляются или производятся изъ Академической гимназіи въ Академію, для слушанія приватныхъ и публичныхъ наставленій такимъ порядкомъ, какимъ ниже сего показано. И такъ 1 сентября вторично лекціи начнутся по вторникамъ, средамъ, четверткамъ и суботамъ, которыя непрерывно при Божіей по́моцци, со всякимъ прилѣжаніемъ будутъ продолжаться. Ко всѣмъ слѣдующимъ наукамъ, охотниковъ а паче учиться желающихъ призываемъ, надѣяся въ числѣ ихъ всегдашняго пріумноженія.“

За тѣмъ слѣдуетъ списокъ академиковъ, которые имѣли читать лекціи, и между ними: „До полудни отъ 3 до 4. Михайла Ломоносовъ, Адъюнктъ Академіи, руководство къ Географіи физической чрезъ господина Крафта сочиненное публично толковать будетъ; а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ Химіи и Исторіи натуральной о Минералахъ, такожъ обучать въ стихотворствѣ и штилѣ россійскаго языка.“

Это приглашеніе не встрѣтило большаго сочувствія: по крайней мѣрѣ у Ломоносова явился одинъ слушатель и тотъ нѣмецъ — Клеинфельдъ [1]).

Въ 1763 году Ломоносовъ издалъ въ свѣтъ Первыя осно-

---

1) Билярскій, 9.

ванія металлургіи или рудныхъ дѣлъ, изъ двухъ мѣстъ которой (§ 12, и стр. 223) видно, что это произведеніе было имъ составляемо еще въ 1742 году.

До сихъ поръ встрѣчались въ старинныхъ академическихъ дѣлахъ свѣдѣнія о мирныхъ занятіяхъ Ломоносова послѣ пріѣзда его изъ-за границы въ Петербургъ, и притомъ, какъ видно несомнѣнно изъ современныхъ протоколовъ и переписки, подъ покровительствомъ и по указаніямъ Шумахера. Но съ конца сентября 1742 года этотъ мирный характеръ извѣстій о Ломоносовѣ измѣняется, и онъ начинаетъ попадаться въ схваткахъ съ нѣмцами, въ схваткахъ, поводовъ къ которымъ въ первое время надобно искать болѣе въ широкомъ разгулѣ, увлекавшемъ въ непріятности нашего знаменитаго писателя. Объ его побитіи нѣмцевъ 26 сентября 1742 года сохранились подробности, которыя чрезвычайно наглядно представляютъ все произшествіе. Ломоносовъ сначала пришелъ къ служанкѣ академическаго садовника Штурма, сосѣда своего, занимавшаго квартиру въ томъ же академическомъ домѣ, гдѣ жилъ и нашъ адъюнктъ, а потомъ взошелъ и къ самому Штурму и началъ упрекать его гостей, что они украли его епанчу. Вслѣдствіе этого завязалась у нихъ драка съ обидчикомъ. Ломоносовъ, обладая, по свидѣтельству Штелина, чрезвычайною физическою силою, схватилъ „болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ, и началъ всѣхъ бить и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти“.... На этомъ побоищѣ получили раны и увѣчье жена Штурма, его тесть Грове, бухгалтеръ Прейсеръ и служанка; самъ хозяинъ спасся бѣгствомъ, выскочивъ изъ окна на улицу, гдѣ сталъ кричать караулъ. Изъ окна же успѣлъ скрыться еще одинъ гость Штурма словолитный мастеръ Биттнеръ. Впрочемъ, и Ломоносову схватка не прошла даромъ: когда академическая канцелярія потребовала его къ отвѣту, то онъ не могъ явиться, такъ-какъ, по свидѣтельству доктора-академика Вильде, онъ чувствовалъ ломъ въ груди, а лѣвое колѣно у него совсѣмъ распухло. 11 октября 1742 г. Штурмъ представилъ въ академическую канцелярію „покорнѣйшее доношеніе“, въ которомъ писалъ, что Ломоносовъ 8 числа того же мѣсяца намѣревался еще

разъ раздѣлаться съ нимъ. Штурмъ такъ былъ твердо убѣжденъ въ исполненіи угрозы, что ходатайствовалъ, „чтобъ Ломоносовъ далъ мнѣ надежныхъ порукъ въ томъ, что онъ меня какъ на улицѣ, такъ и въ моей квартирѣ въ покоѣ оставитъ“[1]). Событіе это осталось для Ломоносова безъ послѣдствій потому, какъ должно предполагать, что съ 7 октября 1742 года въ Академіи наукъ произошла важная перемѣна въ ея управленіи: вслѣдствіе вышепомянутаго доношенія Нартова, Шумахеръ былъ удаленъ отъ академическихъ дѣлъ и арестованъ; на мѣсто его назначенъ Нартовъ; всѣ бумаги, не только касавшіяся общаго дѣлопроизводства, но и ученая переписка Академіи была опечатана[2]). Нартовъ первое время своего управленія Академіею долгомъ счелъ поручить надзираніе надъ всѣмъ происходившимъ тамъ тѣмъ лицамъ, которыя писали жалобы на Шумахера; къ нимъ присоединился и Ломоносовъ[3]). Всѣ они полагали, что и академики, какъ иноземцы, стали состоять подъ ихъ надзоромъ, что, разумѣется, послѣднихъ, непричастныхъ ни къ какимъ хозяйственнымъ дѣламъ, о которыхъ собственно производилось изслѣдованіе, и занимавшихся исключительно науками, оскорбляло, и они подали въ слѣдственную коммиссію такое заявленіе, остававшееся до нынѣ не обнародованнымъ[4]):

„Когда 12 числа октября высокоучрежденной о Академіи наукъ слѣдственной коммиссіи чрезъ профессора Винцгейма покорнѣйше представлено было, что отъ запечатанія за день передъ тѣмъ конференцской архивы академическія дѣла совершенно остановились, то гг. члены высокоучрежденной ком-

1) Билярскій, 9—14. Въ слѣдующемъ году оказалось, что Ломоносовъ былъ долженъ Штурму 120 руб.; послѣдній далъ ему ихъ въ займы изъ денегъ евангелической церкви на Васильевскомъ островѣ, старостою которой онъ былъ. Билярскій, 21, 45, 46.

2) Исторія петербургской Академіи, I, 35.

3) Впрочемъ, Ломоносовъ не долго жилъ въ мирѣ и съ Нартовымъ: послѣдній 17 ноября 1742 г. поручилъ было ему перевести описаніе Казанцева о Сѣверной земли на нѣмецкой языкъ; но Ломоносовъ рѣшительно отказался принять о томъ указъ Нартова, отзываясь, что «то-де описаніе ему, Ломоносову, и въ два мѣсяца не перевесть». Билярскій, 18.

4) Билярскій, на стр. 20, полагалъ, что этой бумаги не сохранилось, но она есть, см. II, книга № 788.

миссіи благоволили приказать, чтобъ для безпрепятственнаго теченія дѣлъ помянутую архиву всегда отворять, ежели нужда того потребуетъ, а потомъ, вынявши надобное дѣло, опять запечатывать. По силѣ онаго приказу вынялъ профессоръ Винцгеймъ изъ архивы, въ присутствіи опредѣленнаго при коммиссіи г. маіора, такожъ адъюнкта Ломоносова, коммиссара Камера и кописта Пухорта, для нужныхъ справокъ по его должности, потребные протоколы 1735 и 1737 годовъ, тако жъ и лежавшія на столѣ у канцеляриста Мессера для всегдашняго употребленія нужныя дѣла, между которыми находились латинскіе и нѣмецкіе протоколы, журналы географическаго департамента и каталоги ландкартамъ; но вмѣсто того, чтобъ по силѣ означеннаго приказу дѣло въ архивѣ продолжаться могло, началъ коммиссаръ Камеръ съ товарищи вновь всякія своевольства чинить, ибо когда отворили запечатанный столовый ящикъ профессора Винцгейма, то адъюнктъ Ломоносовъ, вынявъ изъ онаго наглымъ образомъ половину бѣлой писчей бумаги, говоря, что ему, профессору Винцгейму, столько бумаги не надобно, и положилъ оную въ архиву, которую опять запечатали.

„Послѣ сего адъюнктъ Ломоносовъ, коммиссаръ Камеръ и копистъ Пухортъ, сѣдши за столъ членовъ Академіи наукъ, начали, а именно: адъюнктъ Ломоносовъ изъ вынятыхъ дѣлъ одинъ за другимъ пересматривать, а коммиссаръ Камеръ — листы перемѣчать, что они, однако, опять скоро покинули, разсуждая, что надлежитъ всѣ оныя дѣла обстоятельно описать и отъ начала до конца перемѣтить, а особливо, что первому изъ нихъ казалось въ оныхъ письмахъ великія тайности. Равнымъ же образомъ помянутый адъюнктъ Ломоносовъ дерзнулъ профессору Винцгейму въ разсужденіи доктора Сигезбека, студента Кёнигсфельда и пр. выговаривать и требовать отъ него отвѣту, по какой причинѣ то или оное написано, и вообще о разныхъ дѣлахъ ругательно и съ насмѣшками говорить, а именно: 1) чтобъ онъ, профессоръ Винцгеймъ, и прочіе не дѣлали себѣ столько труда; 2) что совѣтникъ Шумахеръ профессора Винцгейма, который и кромѣ того много дѣла имѣетъ,

напрасно отяготилъ архивою; 3) что можно теперь генеральной картѣ Россіи нѣсколько покою дать и прочая.

„Когда, напослѣдокъ, коммиссаръ Камеръ вонъ вышелъ и поручилъ все дѣло адъюнкту Ломоносову, то оный, вмѣстѣ съ копистомъ Пухортомъ, связку съ вынятыми дѣлами кругомъ опечаталъ такъ, чтобъ нельза было изъ оной ни малаго лоскута бумаги вынуть.

„Потомъ, когда 14 дня октября, всѣ обще профессоры имѣли чрезвычайное собраніе, то адъюнктъ Ломоносовъ и переводчикъ Горлицкій вошли съ немалымъ безстыдствомъ и дерзостію въ нашу конференцію подъ видомъ осматриванія печатей и помѣшали продолжать намъ свои дѣла. А когда у нихъ спросили, имѣютъ-ли они на такіе поступки указъ, то они отвѣтствовали, что имѣютъ на то ея императорскаго величества указъ, однакожъ онаго не предъявили. Вскорѣ по выходѣ ихъ, вошелъ опять адъюнктъ Ломоносовъ и привелъ съ собою коммиссара Камера, который Камеръ не постыдился намъ, профессорамъ, выговаривать, для чего мы не позволяемъ печати осматривать и что намъ нужды требовать, чтобъ о томъ предъявили указъ“.

Когда жалоба академиковъ дошла до коммиссіи, то въ засѣданіи ея 9 декабря 1742 года, присутствовавшіе тамъ члены графъ Н. Головинъ, князь Юсуповъ и Игнатьевъ постановили допросить Ломоносова и его товарищей, и въ январѣ слѣдующаго 1743 года сочиненъ былъ въ коммиссіи такой допросъ: „Прошлаго 1742 года въ октябрѣ мѣсяцѣ чего ради ты, Ломоносовъ, съ переводчикомъ Горлицкимъ и съ коммиссаромъ Камеромъ и съ копистомъ Пухортомъ, подъ видомъ осматриванія печати, съ непозволеннымъ безстыдствомъ обыкновеннаго профессорскаго собранія въ палату входили да еще неоднократно, и собою-ль или по чьей посылкѣ и имъ во отправленіи ихъ дѣлъ мѣшалъ, и такія учинили своевольства, которыя всея императорскія Академіи предосудительны? И о томъ тебѣ, Ломоносову, показать самую сущую правду, а ежели скажешь неправду, а послѣ изобличенъ будешь, и за то учинено тебѣ будетъ по ея императорскаго величества указамъ“.

Товарищи Ломоносова отвѣчали, что они являлись въ академическія засѣданія по порученію совѣтника Нартова, но притомъ безчинствъ никакихъ не дѣлали. Что же касается до Ломоносова, то онъ уклонился отъ дачи какихъ бы то ни было отзывовъ, такъ что несмотря на высокое положеніе въ тогдашнемъ обществѣ членовъ коммиссіи, они оказались безсильными, чтобы заставить незнатнаго ни родомъ, ни званіемъ академическаго адъюнкта исполнить требованіе ихъ и притомъ — надо сознаться — законное. Объяснять это, для тѣхъ временъ весьма необыкновенное явленіе теперь можно только чрезвычайными литературными успѣхами Ломоносова при елисаветинскомъ дворѣ.

Въ началѣ декабря 1742 года, именно тогда, когда академики приносили жалобы на Ломоносова, императрица Елисавета вернулась изъ Москвы въ Петербургъ, и возвращеніе ея нашъ стихотворецъ воспѣлъ въ одѣ „на прибытіе Ея Величества великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года по коронаціи“[1]). Достаточно произнести начальные стихи этой оды

Какой пріятной Зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая краснота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?

чтобы вспомнить, съ какимъ восторгомъ говорили объ этомъ, нынѣ кажущемся чрезвычайно длиннымъ и напыщеннымъ, стихотвореніи, не только современники Елисаветы, но и позднѣйшіе потомки, какъ напр. Севергинъ, Мерзляковъ. Послѣдній въ 1817 году все находилъ тамъ прекраснымъ и изумлялся и чистотѣ, и плавности оды, выборомъ выраженій благородныхъ и звучныхъ, и движеніемъ страстей и пр.

Превознося Елисавету, стихотворецъ не забываетъ пораженій шведовъ въ тогдашнюю войну съ ними и ласкаетъ на-

1) Первоначальнаго изданія не видалъ; въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, IV, № 7015, ошибочно показана написанною на день рожденія Елисаветы. Въ Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ (С.-Петербургъ, 1751) эта ода напечатана на стр. 49—71.

родное самолюбіе соотечественниковъ громкими описаніями побѣдъ русскаго воинства:

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готескими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны ру́ки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валятся вдругъ.
Но есть ли хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно;
Взойди на брегъ крутой высоко
и т. д.

Ломоносовъ не забылъ только что полученное въ то время извѣстіе объ открытіи нашими моряками, отправленными изъ Камчатки подъ начальствомъ Беринга и Чирикова, береговъ Америки:

Къ Тебѣ отъ всточныхъ странъ спѣшатъ
Ужѐ Американски во́лны
Въ Камчатской портъ веселья полны.

Въ послѣдней строфѣ оды стихотворецъ говоритъ о себѣ и, кто знаетъ? быть можетъ *подъ гнѣвомъ стихій* разумѣетъ слѣдственную объ Академіи коммиссію съ ея высокими членами:

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый;
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихій, ни мрачна древность
Въ забвеніи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой Дщери громки,
Что станутъ позны честь потомки.

Между тѣмъ академики, не обращая на умножавшуюся литературную извѣстность Ломоносова, рѣшились дѣйствовать противъ него съ тѣмъ бо́льшею настойчивостью, что по ходу дѣла о Шумахерѣ уже можно было легко предвидѣть, что онъ будетъ оправданъ, а Нартовъ не въ состояніи удержаться въ главѣ управленія академическими дѣлами. Кромѣ того нельзя

не замѣтить, что члены Академіи видимо ободрились и сдѣлались смѣлѣе послѣ возвращенія изъ Сибири (14 февраля 1742 года) академиковъ Мюллера и Гмелина. Первый изъ нихъ отличался чрезвычайнымъ самолюбіемъ, настойчивостью и охотою къ писанію канцелярскихъ бумагъ. По собственному признанію Мюллера, онъ велъ все дѣло противъ Ломоносова по академической конференціи[1]). 21 и 25 февраля, когда Ломоносовъ явился-было снова въ академическія засѣданія, то академики рѣшительно ему объявили, что не желаютъ его видѣть въ своей средѣ до тѣхъ поръ, пока не получатъ отвѣта на поданныя о немъ представленія въ декабрѣ 1742 года. Нартовъ пытался требовать о томъ объясненій отъ конференціи, но получилъ въ отвѣтъ то же самое, что было заявлено самому Ломоносову[2]).

24 февраля 1743 года слѣдственная коммиссія объ Академіи распорядилась по жалобѣ Горлицкаго на Шумахера: „у Адодурова и Тредіаковскаго и у адъюнктовъ Теплова и Ломоносова взять извѣстіе: въ конференцію къ профессорамъ всѣмъ-ли ученымъ людямъ такожъ и переводчику Горлицкому входить свободно было, и ежели кому надобно ходить въ конференцію, то у совѣтника-ль Шумахера о томъ требовано позволенія, и всѣ-ли входили тогда, когда оный Шумахеръ прикажетъ или инымъ какимъ образомъ? Предисловіе Комментарій по чьему приказу сочинено и кто конфирмовалъ? При публичныхъ собраніяхъ въ конференціяхъ бывшимъ переводчикамъ Сатарову, Ильинскому и доносителю Горлицкому совѣтникъ Шумахеръ садиться стуловъ не давалъ-ли и въ его-ль то волѣ состояло, а они, Сатаровъ, Ильинскій и Горлицкій, въ состояніи-ль были профессорскія предложенія, а иногда и свои отъ древностей, анатоміи и философіи и прочихъ наукъ предъ собраніемъ на русскомъ языкѣ показать, изъяснить и истолковать? Адъюнктъ Бремъ при историческомъ классѣ обрѣтается ль?... Есть-ли университетъ, и честныя и славныя науки происходятъ-ли и процвѣтаютъ-ли, о томъ отъ нихъ же, профессоровъ,

---

1) Исторія Академіи наукъ, I, 336. | 2) Билярскій, 20—23.

и у доктора Кондоиди, у ассессора Адодурова и у адъюнктовъ Ломоносова и Теплова взять извѣстіе....“[1]) Содержаніе отвѣта Адодурова сообщено уже въ первомъ томѣ настоящаго труда, стр. 511, 512. Отзывъ Тредіаковскаго помѣщенъ выше, на стр. 90, 91; что касается до Ломоносова, то вотъ его собственноручный отвѣтъ, который до нынѣ еще не былъ напечатанъ[2]):

„Въ высокоучрежденную слѣдственную коммиссію о Академіи наукъ нижайшее извѣстіе. Высокоучрежденная слѣдственная коммиссія о Академіи наукъ приказала отъ меня, нижайшаго, требовать извѣстія первое въ томъ, что въ конференцію къ профессорамъ всѣмъ ли ученымъ людямъ тако жъ и переводчику Горлицкому входить свободно было, и ежели кому надобно входить было въ конференцію, то у совѣтника Шумахера требовано позволенія, и всѣ ли входили тогда, когда оный Шумахеръ кому прикажетъ, или инымъ какимъ образомъ. На сіе отвѣтствовать я про другихъ не знаю; а что до меня надлежитъ, то по произведеніи моемъ въ адъюнкты требовалъ я отъ совѣтника Шумахера позволенія ходить въ конференцію. На что онъ мнѣ сказалъ, что де о томъ уже въ конференцію указъ посланъ, и мнѣ туда ходить и при профессорахъ сидѣть вольно, послѣ котораго времени я въ конференцію ходить началъ, не спрашиваясь больше о томъ у совѣтника Шумахера. 2) Предисловіе Комментарія по чьему приказу сочинено и кто конфирмовалъ, того я не знаю; для того что я въ то время при Академіи не былъ. 3) При публичныхъ собраніяхъ въ конференціяхъ бывшимъ переводчикамъ Сатарову, Ильинскому и доносителю Горлицкому совѣтникъ Шумахеръ садиться стуловъ не давалъ ли и въ ево ль то волѣ состояло, того я также не знаю, для того что я въ бытность переводчиковъ Ильинскаго и Сатарова не былъ, а доноситель Горлицкій въ присутствіи совѣтника Шумахера и при мнѣ въ конференціи не бывалъ. А что они въ состояніи ли были профессорскія предложенія, а иногда и свои отъ древностей, анатоміи, и философіи и прочихъ наукъ предъ собраніемъ на русскомъ языкѣ показать,

---

1) Билярскій, стр. 751.

2) II, книга № 794.

изъснить и истолковать, о томъ я также неизвѣстенъ: потому я съ переводчикомъ Горлицкимъ въ разговоры о наукахъ никогда не вступалъ, а Ильинскаго и Сатарова я и въ лице не знавалъ. 4) Адъюнктъ Бремъ при историческомъ классѣ обрѣтается ль, то всѣмъ довольно извѣстно, что онъ адъюнктъ историческаго класса; а обрѣтался больше при библіотекѣ. О семъ въ высокоучрежденную коммиссію нижайшее извѣстіе чинитъ императорской Академіи наукъ Адъюнктъ Михайло Ломоносовъ" [1]).

Этотъ замѣчательный по своей краткости и сдержанности отзывъ Ломоносова, свидѣтельствуетъ лучше всякихъ разглагольствій, что онъ не очень хлопоталъ тогда объ успѣхѣ дѣла, начатаго противъ Шумахера, и мало заботился о поддержкѣ его враговъ. Нельзя не обратить еще на то обстоятельство вниманіе, что въ приведенномъ отзывѣ не находимъ отвѣта на вопросъ коммиссіи объ университетѣ, хотя объ этомъ предметѣ и съ упоминаніемъ именъ Ломоносова, Теплова и Адодурова сохранился указъ, данный изъ коммиссіи отъ 24 февраля 1743 года за № 136 [2]). Тепловъ и Адодуровъ, а также и академики отвѣчали на означенный вопросъ утвердительно, что при Академіи наукъ, согласно проекту Петра Великаго о ея учрежденіи, существуетъ и университетъ, и что потому члены ея читаютъ лекціи, когда являются охотники слушать ихъ. Между тѣмъ въ дѣлахъ Государственнаго архива, переданныхъ изъ бывшаго при императрицѣ Елисаветѣ Кабинета и касающихся Академіи наукъ, есть никѣмъ неподписанная и непомѣченная копія, озаглавленная такъ: „Въ высокоучрежденную слѣдственную коммиссію о Академіи наукъ нижайшее доказательство о томъ, что здѣсь при Академіи наукъ нѣтъ университета". Эту бумагу, несомнѣнно писанную въ отвѣтъ на помянутый вопросъ, г. Ламанскій считаетъ за принадлежащую перу Ломоносова на томъ основаніи, что въ ней есть выраженія, напоминающія его позднѣйшее „Всенижайшее мнѣніе о исправленіи

1) II, книга № 794, гдѣ этотъ отвѣтъ помѣченъ такъ: «подано марта 1 дня 1743 года, записавъ, сообщить къ дѣлу».

2) I, связка № 64, ст. 7, подъ заглавіемъ: Varia acta academica.

санктпетербургской императорской Академіи наукъ"[1]). Билярскому[2]), а также и мнѣ не удалось найти въ академическихъ архивахъ ни подлинника, ни списка этой бумаги, и есть поводъ думать, что она напечатана г. Ламанскимъ съ вышепомянутой копіи Государственнаго архива. Затѣмъ, почему Ломоносовъ умолчалъ объ университетѣ въ отзывѣ своемъ коммиссіи, которой онъ отвѣтилъ на всѣ остальные вопросы; почему копія отвѣта съ доказательствами, что при Академіи нѣтъ университета, попала въ дѣла Кабинета, гдѣ и кѣмъ писанъ подлинникъ ея и по какой причинѣ его не сохранилось при дѣлахъ коммиссіи, — на эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ.

26 апрѣля 1743 года, Ломоносовъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, сперва взошелъ, не снимая шляпы, въ комнату академическихъ засѣданій и сдѣлалъ находившемуся тамъ академику Винцгейму непристойный знакъ изъ пальцевъ, а потомъ отправился въ географическій департаментъ, гдѣ, между прочими, работали бывшіе его товарищи по московской духовной школѣ Чадовъ, Шишкаревъ, Старковъ, Ковринъ. Здѣсь Ломоносовъ сталъ бранить Винцгейма, говоря: „я-де календарь и самъ сочиню не хуже ево!" Когда адъюнктъ Трюскоттъ останавливалъ его, то получилъ въ отвѣтъ: „ты-де что за человѣкъ? Ты-де адъюнктъ, кто тебя сдѣлалъ? Шумахеръ!...Говори со мною по латини." Когда Трюскоттъ отказался отвѣчать, то Ломоносовъ продолжалъ: „ты-де дрянь, никуда не годишся и недостойно произведенъ! И притомъ, по словамъ Чадова, бранилъ Шумахера и воромъ называлъ, и прочихъ господъ профессоровъ также бранилъ...." По показанію Трюскотта, Ломоносовъ велъ себя еще неумѣреннѣе и произносилъ слова неудобныя въ печати, а Винцгейму грозилъ, если только произнесетъ тотъ еще одно слово, поправить всѣ зубы. Къ послѣднему онъ еще разъ возвратился изъ географическаго департамента и упрекалъ за постановленіе объ исключеніи его изъ ака-

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., кн. I, смѣсь, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, стр. 56—59. Гг. Пономаревъ и Будиловичъ, не вдаваясь въ изслѣдованія объ этомъ обстоятельствѣ, повторили мнѣніе, высказанное г. Ламанскимъ.

2) Билярскій, стр. 0102, 0103.

демическихъ засѣданій, называя академиковъ Hundsfötter и Spitzbuben. Когда Винцгеймъ пригрозилъ занести все происшедшее въ протоколъ, то разбуянившійся адъюнктъ отвѣчалъ: Ja, ja schreiben sie nur; ich verstehe so viel wie ein Professor und bin ein Landeskind (т. е.: да, да, пишите, я столько же смыслю сколько профессоръ, а притомъ же я природный русскій [1])!

Послѣ этого событія академики принесли снова жалобу на Ломоносова въ помянутую слѣдственную коммиссію, и тогда князь Юсуповъ сдѣлалъ распоряженіе допросить обвиненнаго, но Ломоносовъ, какъ и въ первый разъ, сталъ уклоняться отъ отвѣтовъ. Такъ, 28 мая, онъ сказалъ: „я-де по пустому отвѣтствовать не буду, и надо мною главную имѣетъ команду Академія, а не коммиссія. И надлежитъ-де его требовать отъ Академіи, а безъ того въ допросъ не пойдетъ, и ничего-де со мною коммиссія сдѣлать не можетъ. И сверхъ того предъ присутствіемъ кричалъ онъ, Ломоносовъ, неучтиво и смѣялся.“ Въ другой разъ (2 іюня) его потребовалъ членъ же коммиссіи, генералъ-лейтенантъ Игнатьевъ, но тогда Ломоносовъ отозвался, что онъ „безъ воли команды оной же Академіи совѣтника Нартова отвѣтствовать не смѣетъ.“ Нартовъ представилъ на это, что онъ никогда не запрещалъ Ломоносову отвѣчать предъ коммиссіею. Члены послѣдней, выведенные изъ терпѣнія такимъ упорствомъ, 28 мая 1743 года постановили арестовать Ломоносова и содержать его подъ карауломъ [2]). Тогда Ломоносовъ въ маѣ же мѣсяцѣ подалъ прошеніе въ академическую канцелярію: „по поданному въ слѣдственную о Академіи наукъ коммиссію отъ профессоровъ Винцгейма съ товарищи на меня яко бы въ безчестьѣ прошеніе, содержусь я во оной коммиссіи подъ арестомъ безъ вѣдома Академіи наукъ напрасно.“

Въ другомъ прошеніи, 23 іюня 1743 года, Ломоносовъ объяснялъ: „подъ арестомъ содержусь я, нижайшій, и по сіе

1) Подлинныя показанія разныхъ свидѣтелей изъ иноземцевъ и русскихъ у Билярскаго, стр. 24—32; также въ Русской бесѣдѣ 1860 года, кн. 12, отдѣл. II, Историческія бумаги XVIII вѣка, стр. 213—228. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1865, кн. 1, смѣсь, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, 44—56.

2) Билярскій, стр. 38—44.

число, отлученъ будучи отъ наукъ, а особливо отъ сочиненія полезныхъ книгъ и отъ чтенія публичныхъ лекцій. А понеже отъ сего случая не токмо искренняя моя ревность къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, но и то время, въ которое бы я, нижайшій, другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно; и отъ меня никакой пользы отечеству не происходитъ; ибо я, нижайшій, нахожусь отъ сего напраснаго нападенія въ крайнемъ огорченіи" [1]).

Нартовъ пробовалъ-было 30 іюня просить слѣдственную коммиссію объ освобожденіи Ломоносова „дабы оный помянутыя свои до наукъ касающіяся (sic!) свободно исправить могъ", но это ходатайство оставлено тогда безъ послѣдствій [2]).

Кромѣ непріятностей съ академиками и арестованія по приказанію членовъ коммиссіи, Ломоносовъ долженъ былъ терпѣть, подобно всѣмъ служившимъ тогда при Академіи лицамъ, отъ разстройства хозяйственной ея части и отъ постоянной нужды тамъ въ деньгахъ. Изъ прошенія нашего адъюнкта въ іюлѣ 1743 года оказывается, что тогда имъ было получено только двѣ трети жалованья еще за прошлый 1742 годъ; за уплатою изъ нихъ долговъ, у него опять не было денегъ, а потому онъ просилъ, какъ милости, выдать еще жалованья за два мѣсяца того же 1742 года. Академическая канцелярія, за неимѣніемъ денегъ, выдала Ломоносову десять рублей [3]). Въ августѣ 1743 года Ломоносовъ написалъ въ академическую канцелярію слѣдующее собственноручное доношеніе: „Надлежитъ мнѣ, нижайшему, изъ Академіи наукъ донять заслуженнаго мною жалованья за сентябрскую треть прошлаго 1742 года и почти за двѣ трети сего 1743 года. И такъ почти за цѣлой годъ я, нижайшій, жалованья отъ Академіи не получалъ и отъ того пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ я, нижайшій, нахожусь болѣнъ и при томъ не токмо лѣкарства, но и дневной пищи себѣ купить на что не имѣю и денегъ взаймы достать не могу. Того ради Академію наукъ покорнѣйше прошу, дабы повелѣно было

1) Билярскій, стр. 40, 46.
2) II, книга № 793.
3) Билярскій, стр. 48, 49.

на счетъ заслуженнаго мною жалованья для моего содержанія выдать денегъ сколько Академія наукъ заблагоразсудитъ". Рѣшеніе на это прошеніе послѣдовало, 9 сентября, такое: „за неимѣніемъ въ казнѣ денегъ выдать Ломоносову пять рублевъ" [1]). По той же самой причинѣ, 29 ноября 1743 года, Ломоносову, вмѣсто денегъ, въ счетъ жалованья выдали „для его пропитанія" академическихъ изданій на 80 рублей [2]).

Такое бѣдственное положеніе нашего адъюнкта не останавливало повидимому его дѣятельности какъ на литературномъ, такъ и ученомъ поприщахъ. Такъ, 5 мая, сообщалъ онъ въ академическую канцелярію: „имѣю я, нижайшій, намѣреніе чинить оптическія и физическія обсерваціи, а особливо въ ботаникѣ, для того что сіе въ нынѣшнее весеннее и лѣтнее время можетъ учинено быть удобнѣе, для которой обсерваціи потребно мнѣ микроскоповъ простыхъ и сложенныхъ [3])...." Въ іюнѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ, напоминая о предложеніи своемъ въ январѣ 1742 года устроить химическую лабораторію, представлялъ снова объ этомъ предметѣ: „И понеже я, нижайшій, въ состояніи нахожусь не токмо химическіе эксперименты для приращенія натуральной науки въ Россійской имперіи въ дѣйство производить и о томъ журналы и разсужденія на россійскомъ и латинскомъ языкѣ сочинять, но при томъ еще могу другихъ обучать физикѣ, химіи и натуральной минеральной исторіи, и того ради имѣю я, нижайшій, усердное и искреннее желаніе наукою моею отечеству пользу чинить, въ химическихъ трудахъ безпрестанно упражняться, и какъ химической практикѣ, такъ и теоріи, съ присовокупленіемъ физики и натуральной минеральной исторіи, другихъ желающихъ обучать для того, чтобъ на мое обученіе въ Германіи издержанная ея императорскаго величества сумма и мои въ томъ положенные труды напрасно не потерялись. И если бъ въ моей возможности было, чтобъ мнѣ, нижайшему, на моемъ коштѣ лабораторію имѣть и химическіе процессы въ дѣйствіе производить можно

1) II, книга № 81.
2) Билярскій, стр. 51.
3) Билярскій, стр. 32.

было, то бы я, нижайшій, Академіи наукъ утруждать не дерзалъ; но понеже отъ долговременнаго удержанія заслуженнаго мною жалованья въ крайнюю скудость и почти въ неоплатные долги пришелъ, для того не токмо лабораторіи и къ тому надлежащихъ инструментовъ и матеріаловъ завесть мнѣ не возможно, но съ великою нуждою мое пропитаніе имѣю. И дабы высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ повелѣно было при Академіи наукъ въ пристойномъ мѣстѣ учредить изъ суммы академической химическую лабораторію и оную мнѣ, нижайшему, съ принадлежащими къ тому инструментами и матеріалами поручить, и къ тому опредѣлить двухъ студентовъ, а именно Степана Крашенинникова да Алексѣя Протасова, которыхъ я, нижайшій, химической теоріи и практикѣ и при томъ физикѣ и натуральной минеральной исторіи со всякимъ возможнымъ стараніемъ обучать буду, а производимымъ химическимъ процессамъ точной журналъ вести и Академіи наукъ предлагать буду, и чтобъ мнѣ, нижайшему, въ семъ предпріятіи и трудахъ никакого препятствія отъ недостатковъ и скудости не учинилось и для того бъ мнѣ, нижайшему, выдать заслуженное мною жалованье все сполна [1]).“

Это прошеніе, въ собенности замѣчательное для исторіи у насъ химіи, такъ-какъ здѣсь идетъ дѣло объ учрежденіи первой лабораторіи въ Россіи, осталось въ то время неисполненнымъ, впрочемъ не по винѣ Шумахера, какъ думалъ Ломоносовъ [2]), а просто по неимѣнію свободныхъ денегъ въ ученомъ учрежденіи. Въ немъ съ самаго основанія его не везло химіи: первый, назначенный на эту каѳедру ученый, Михаилъ Бюргеръ умеръ вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Петербургъ [3]). Іоганну-Георгу Гмелину поручена была химія почти пять лѣтъ спустя послѣ Бюргера, именно въ 1731 году, но въ слѣдующемъ году Гмелинъ уже сталъ сбираться въ ученое путешествіе, куда дѣйствительно отправился въ 1733 году и пробылъ тамъ почти десять лѣтъ [4]). Когда рѣчь заходила о новыхъ штатахъ для Ака-

1) Билярскій, стр. 44, 45.
2) Билярскій, стр. 064.
3) Исторія Академіи наукъ, I, 172—174.
4) Тамъ же, 433, 434.

деміи наукъ, то члены ея всегда напоминали о необходимости устройства при ней лабораторіи, но представленія ихъ какъ о ней, такъ и о другихъ ученыхъ учрежденіяхъ, оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ [1]). Помянутое представленіе Ломоносова подверглось той же участи, хотя онъ подалъ его при Нартовѣ, заступившемъ мѣсто арестованнаго тогда Шумахера и, по видимому, бывшемъ скорѣе благосклоннымъ, чѣмъ враждебнымъ Ломоносову. Въ академической канцеляріи на прошеніи его отмѣчено въ іюнѣ 1743 года: „адъюнкту Ломоносову отказать, что за неимѣніемъ при Академіи денегъ и за неподтвержденіемъ штата по сему его доношенію ничего сдѣлать не можно [2]).“

Праздникъ Петра и Павла, 29 іюня 1743 г., былъ днемъ тезоименитства великаго князя Петра Ѳедоровича, и это обстоятельство дало Ломоносову поводъ къ написанію оды „на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго князя Петра Ѳедоровича, 1743 года [3]). Тождество

---

1) Исторія Академіи наукъ, I, стр. LI, LII. Академики въ жалобѣ на Шумахера, 24 іюля 1745 г., писали: «при всѣхъ Академіяхъ имѣется лабораторія химическая, а при здѣшней такого нужнаго учрежденія съ начала не было. Ежели же г. совѣтникъ Шумахеръ достоинъ, чтобъ надъ всѣмъ дирекцію имѣть, то какъ онъ по сіе время о семъ дѣлѣ не подумалъ?» (Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, 51). Шумахеръ, въ свою очередь, отвѣчалъ на это обвиненіемъ академиковъ: «Подлинно, что понынѣ никакой химической лабораторіи не заведено, и я долженъ признаться, что при Академіи никакая наука такъ худаго успѣха не имѣла какъ сія. Первый профессоръ химіи Бергеръ, ѣдучи изъ гостей, ушибся до смерти пока онъ въ своей профессіи еще ничего и дѣлать не началъ. Докторъ Гмелинъ, который вступилъ на его мѣсто, поѣхалъ въ Камчатку въ самое то время, когда онъ хотѣлъ въ химіи упражняться. Главное несчастіе притомъ было сіе, что тогдашній президентъ графъ Кейзерлингъ склонился на прошеніе доктора Гмелина, чтобъ до возвращенія его изъ камчатской экспедиціи никого въ профессоры химіи на его мѣсто не опредѣлять, какъ о томъ явно изъ канцелярскаго протокола 1733 года. Слѣдующіе потомъ президенты не видѣли никакой причины, для чего бъ отмѣнить опредѣленіе г. графа Кейзерлинга. И такъ пока не было профессора химіи, то о лабораторіи и не думали. А понеже г. докторъ Гмелинъ, по возвращеніи своемъ изъ Сибири, не въ химіи, но больше въ описаніи сибирскихъ травъ упражнялся, то онъ и лабораторію химическую забылъ. Какимъ же образомъ можно мнѣ то въ вину приписывать?» I, портфель Мюллера, съ заглавіемъ: «Жалобы Академіи на канцелярію въ сенатъ съ 1744 по 1746 годъ».

2) Билярскій, 45.

3) Была-ли напечатана тогда эта ода, неизвѣстно. Она помѣщена Ломоносо-

именъ наслѣдника престола съ Петромъ Великимъ навело стихотворца на мысль пророчествовать, что первый для Россіи будетъ тѣмъ же, что былъ для нея его дѣдъ. Разумѣется послѣдній при этомъ случаѣ былъ превознесенъ похвалами и, между прочимъ, о немъ помѣщенъ здѣсь стихъ:

Онъ богъ, онъ богъ твой былъ Россія.

Стихъ, какъ извѣстно, возбуждавшій особенное негодованіе раскольниковъ.

23 іюля 1743 года, Ломоносовъ ходатайствовалъ „для упражненія и дальнѣйшаго происхожденія въ наукахъ математическихъ“ выдать ему физику Ньютона и универсальную ариѳметику, что тогда же и было исполнено [1].

Между тѣмъ успѣхи Ломоносова въ стихотворствѣ были такъ велики, что уже заставили забыть вовсе перваго изобрѣтателя тоническаго размѣра въ русскомъ стихѣ, и это обстоятельство, конечно, не могло не быть прискорбнымъ для Тредіаковскаго. Памятникомъ разногласій его и препирательствъ съ Ломоносовымъ и Сумароковымъ, въ началѣ, впрочемъ, не отличавшихся особенно враждебнымъ характеромъ, какой замѣчался впослѣдствіи, должно считать печатанныя въ 1743 году „Три оды парафрастическія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стихотворцевъ“. Стихи эти вышли въ свѣтъ съ обозначеніемъ 1744 года, и о нихъ было уже говорено выше въ жизнеописаніи Тредіаковскаго, на стр. 104—106. Здѣсь прибавимъ только, что это оригинальное состязаніе трехъ русскихъ стихотворцевъ, кажется, занимало и современное русское общество. По крайней мѣрѣ названныя три оды печатались, какъ видно изъ канцелярской переписки, „по письменному и устному извѣстію отъ генералъ-прокурора князь Никиты Юрьевича Трубецкаго“, который стало-быть принималъ участіе въ томъ, чтобы стихи явились въ свѣтъ. Успѣхи Ломоносова въ современномъ ему русскомъ обществѣ и опасеніе Тредіа-

---

вымъ въ Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ (Спб., 1751), 138—145.

1) Билярскій, стр. 49.

ковскаго, чтобы не забыли его заслугъ по усовершенствованію русскаго стиха, можно видѣть и изъ того, что въ октябрѣ 1743 года онъ вспомнилъ о своей полемикѣ съ Ломоносовымъ по поводу письма послѣдняго изъ Фрейберга (о чемъ уже говорено выше, на стр. 83, 84, 299, 300) и просилъ о возвращеніи ему статьи, написанной имъ въ отвѣтъ на это письмо, что и было исполнено въ декабрѣ того же 1743 года[1]).

По свидѣтельству, оставленному самимъ Ломоносовымъ, въ этомъ же году написано имъ „Вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“[2]). Это одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотвореній Ломоносова и при томъ — плодъ свободнаго творчества, справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведеній нашего писателя. Здѣсь въ началѣ описывается ночь:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Потомъ показано все ничтожество ума при созерцаніи множества міровъ, и наконецъ описывается сѣверное сіяніе, при чемъ поэтъ пытается объяснить себѣ это величественное явленіе:

Что зыблетъ ясный ночью лучь?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безгрозныхъ тучь
Стремится отъ земли въ Зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

* * *
* *

Тамъ спорitъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ;

---

1) Билярскій, стр. 50, 51.

2) Въ первый разъ напечатана эта ода въ 1748 г. въ Краткомъ руководствѣ къ краснорѣчію, книгѣ первой, въ которой содержится риторика, § 270, стр. 252—254.

Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ Эфиръ.

* * *
* *

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ,
и проч.

Замѣчательно это стихотвореніе и тѣмъ еще, что въ Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, въ 1753 году, Ломоносовъ, стараясь доказать, что его теорія о причинѣ сѣверныхъ сіяній разнится отъ той, которая высказана была Франклиномъ, прибавляетъ: „сверьхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747 г. (вѣрнѣе въ 1748 г.) въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ Еѳира произведено быть можетъ....“

„Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ внушило впослѣдствіи Мартосу мысль представить Ломоносова на памятникѣ, воздвигнутомъ ему въ Архангельскѣ, созерцающимъ съ восторгомъ и удивленіемъ сѣверное сіяніе и принимающимъ лиру изъ рукъ генія, чтобы воспѣть это величественное явленіе[1]). Этой мысли Мартоса нельзя отказать въ поэтическомъ оттѣнкѣ тѣмъ болѣе, что она напоминаетъ самое блестящее стихотвореніе нашего поэта.

Штелинъ, въ своихъ извѣстіяхъ о Ломоносовѣ, относитъ къ 1743 году пріѣздъ къ нему жены его изъ Германіи. Къ сожалѣнію, и въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, разсказъ Штелина не обошелся безъ промаховъ (напр. извѣстіе, что Ломоносовъ жилъ на казенной квартирѣ при лабораторіи, которой въ 1743 году еще не существовало и пр.), но такъ-какъ провѣрить этого разсказа по другимъ источникамъ невозможно за неимѣніемъ ихъ, то здѣсь приходится воспользоваться извѣстіемъ Штелина. По словамъ его, жена Ломоносова, въ продолженіе двухъ лѣтъ ничего не зная о своемъ мужѣ, обратилась къ русскому посланнику въ Гагѣ, который переслалъ ея письмо къ графу А. Бестужеву-Рюмину. Послѣдній пере-

---

1) Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865, кн. 1, отд. истор., стр. XXXII.

далъ его Штелину для полученія отъ кого слѣдуетъ отвѣта. „Никто и не воображалъ, говоритъ Штелинъ, чтобъ Ломоносовъ былъ женатъ. Но онъ самъ, полагая, что графъ Головкинъ узналъ всѣ обстоятельства отъ его, оставленной имъ жены, прочиталъ письмо и воскликнулъ: Правда, правда, Боже мой! я никогда не покидалъ ее и никогда не покину; только мои обстоятельства препятствовали мнѣ до сихъ поръ писать къ ней и еще менѣе вызвать ее къ себѣ. Но пусть она пріѣдетъ, когда хочетъ; я завтра же пошлю ей письмо и 100 рублей денегъ[1]), которыя попрошу передать ей". То и другое было отослано къ посланнику въ Гагу, а онъ немедленно переслалъ все въ Марбургъ, и въ томъ же году жена его съ ребенкомъ[2]) и въ сопровожденіи брата пріѣхала чрезъ Любекъ въ Петербургъ къ своему обрадованному мужу, котораго она нашла здоровымъ и веселымъ въ довольно хорошо устроенной академической квартирѣ при химической лабораторіи"....[3]).

1744 годъ для Ломоносова начался подъ болѣе счастливыми предзнаменованіями: когда до сената дошелъ докладъ коммиссіи объ Академіи наукъ касательно проступковъ адъюнкта и наказаніи его, то сенаторы, подъ вліяніемъ ли придворныхъ почитателей его поэтическихъ дарованій, или же можетъ быть по личному приказанію императрицы, которой онъ не могъ быть неизвѣстенъ послѣ своихъ одъ, постановили приговоръ, поражающій своею снисходительностью, особенно если вспомнить, что вытерпѣлъ бѣдный Тредіаковскій не далѣе какъ три года тому назадъ не за буйство, не за ослушаніе и насмѣшки надъ приказаніями знатныхъ, но за выговоръ по-

---

1) Послѣ того, что выше было говорено о бѣдственномъ положеніи Ломоносова, очень сомнительно, чтобы онъ былъ въ состояніи такъ легко отправить значительную для того времени сумму денегъ, каковы были 100 руб.

2) По словамъ Штелина, у Ломоносова была дочь; между тѣмъ, по разысканіямъ въ марбургскомъ архивѣ г. Сухомлинова, у Ломоносова въ Марбургѣ былъ сынъ Иванъ, родившійся 1 января 1742 г. и умершій 7 февраля того же года. Русскій Вѣстникъ 1861 г., т. XXXI, 164.

3) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. Куникъ, II, 400, 401. Что касается до упоминаемаго Штелинымъ шурина Ломоносова, то его звали Иванъ Андреевъ Цильхъ, и онъ въ 1748 г. служилъ копіистомъ при академической конференціи съ жалованьемъ по 120 рублей въ годъ. II, книга № 127.

сланному за нимъ отъ министра кадету, что тотъ обманулъ его. „Онаго адъюнкта Ломоносова, сказано въ сенатскомъ указѣ 18 января 1744 года, для его довольнаго обученія отъ наказанія освободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммиссіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья въ годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему жъ, Ломоносову, въ канцеляріи правительствующаго сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указомъ неотмѣнно“[1]).

27 января того же 1744 года Ломоносовъ просилъ прощенія у академиковъ въ конференціи, а 4 февраля у него произошло снова столкновеніе, но на этотъ разъ съ старымъ товарищемъ по московскимъ школамъ, академическимъ переводчикомъ Иваномъ Голубцевымъ: придя къ нему въ гости, онъ по неизвѣстной причинѣ „Голубцева ударилъ, какъ доносилъ товарищъ ихъ обоихъ В. Лебедевъ, шандаломъ въ лицо, отчего воспослѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удару язва, такъ-что нынѣ публично выдти не можетъ“. Академическая канцелярія, бывшая уже тогда снова въ распоряженіи Шумахера, не вступилась въ это дѣло, предоставивъ Голубцеву вѣдаться съ Ломоносовымъ судебнымъ порядкомъ[2]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 15 іюля, послѣдовалъ „милостивый и за собственноручнымъ ея императорскаго величества подписаніемъ“ указъ о производствѣ Ломоносову прежняго его жалованья[3]).

Объ ученыхъ работахъ Ломоносова въ 1744 г. извѣстно только, что онъ подавалъ въ конференцію какую то диссертацію, которую надобно было нѣсколько измѣнить и дополнить (академическій протоколъ 17 февраля); производилъ какіе-то химическіе опыты, для чего требовалъ (19 іюня) изъ академи-

1) Билярскій, стр. 51, 52.
2) Билярскій, стр. 53.
3) Билярскій, стр. 54.

ческой канцеляріи матеріаловъ, которые ему и были тогда отпущены; дѣлалъ также какіе то опыты въ физической аудиторіи, о чемъ есть извѣстіе въ протоколѣ 25 іюня. „Намѣренъ я, писалъ Ломоносовъ въ академическую канцелярію въ декабрѣ 1744 г., для дальнѣйшаго изслѣдованія магнитной теоріи дѣлать магнитные опыты и обсерваціи, къ чему потребны мнѣ оправленные два магнита небольшіе и магнитная иголка въ два фута длиною для склоненія и для наклоненія магнита“. Требованіе это тогда же было исполнено[1]). Кромѣ того, ему поручено было просмотрѣть переводъ съ нѣмецкаго языка ариѳметики, сдѣланный бывшимъ его товарищемъ по Москвѣ В. Лебедевымъ.

Ломоносовъ въ этомъ же году перевелъ трудъ Геинзіуса, о кометѣ 1744, за что, по отпечатаніи перевода, получилъ въ вознагражденіе шесть экземпляровъ [2]).

Что касается до литературной дѣятельности Ломоносова, въ 1744 году, то въ началѣ этого года была прислана изъ Москвы, гдѣ находился тогда дворъ, рукописный экземпляръ риторики его, съ посвященіемъ великому князю, наслѣднику престола, которое помѣчено Ломоносовымъ: „Генваря дня 1744 года“[3]). Книгу эту слѣдовало разсмотрѣть въ академиче-

---

1) II, книга № 89.

2) Билярскій стр. 53 — 55. Вотъ заглавіе этого перевода: Описаніе въ началѣ 1744 года явившіяся кометы купно съ нѣкоторыми учиненными объ ней разсужденіями чрезъ Готфрида Гейнсіуса императорской Академіи наукъ члена и профессора астрономіи, при чемъ на переди предложено сокращенное разсужденіе о состояніи и свойствахъ всѣхъ кометъ, переведенное изъ шамберовой циклопедіи. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ 1744 года. Въ 4^{0}, 142 нум. стр., съ изображеніями, гравированными на мѣди на четырехъ листахъ. На 142 страницѣ есть извѣстіе: «Описаніе кометы явившіяся въ началѣ 1744 года съ нѣмецкаго языка перевелъ Императорской Академіи наукъ Адъюнктъ Михайло Ломоносовъ». Въ Нѣмецкомъ подлинникѣ — Beschreibung des im Anfang des Jahrs 1744 erschienen Cometen etc. — не приложено въ началѣ извлеченія изъ помянутой Циклопедіи. Ср. выше примѣчаніе на стр. 325, 326.

3) Этотъ экземпляръ въ бархатномъ аломъ переплетѣ хранится до нынѣ въ русской библіотекѣ Академіи наукъ; рукопись въ 4^{0}; противъ печатнаго она имѣетъ множество отмѣнъ и состоитъ только изъ §§ 140, тогда какъ въ первомъ §§ 326. Замѣчательно также, что здѣсь посвященіе великому князю наслѣднику не то, которое помѣщено потомъ въ печатномъ изданіи, и наполнено исключительно похвалами, кото-

скихъ засѣданіяхъ для удостовѣренія, достойна ли она будетъ изданія въ свѣтъ, что взялъ на себя академикъ Мюллеръ, который, 16 марта, одобрилъ это произведеніе, но оно, какъ увидимъ ниже, напечатано было только въ 1747 году[1]).

Въ 1745 году Ломоносовъ выказалъ особенную дѣятельность на ученомъ поприщѣ: въ январѣ представилъ онъ на судъ академическаго собранія разсужденія De motu aëris in fodinis observato и De calore et frigore; въ мартѣ — De actione menstruorum in corpora solubilia; въ іюнѣ — De tinctura metallorum. Эти четыре произведенія были потомъ напечатаны на латинскомъ языкѣ въ ученомъ изданіи нашей Академіи — Комментаріяхъ 1750 и 1751 годовъ, и о нихъ будетъ говориться при изложеніи событій изъ жизни академика въ тѣ годы; здѣсь же только замѣтимъ, что вторая изъ диссертацій — De calore et frigore вызвала въ засѣданіи 25 января 1744 года слѣдующія замѣчанія нѣкоторыхъ академиковъ: „намѣренія и прилежаніе г. адъюнкта заслуживаютъ похвалы въ изысканіи

рыхъ менѣе и притомъ уже съ другимъ оттѣнкомъ въ печатномъ. Вотъ оно по рукописному экземпляру: «Пресвѣтлѣйшій великій князь, милостивѣйшій государь! Въ пресвѣтлѣйшей вашего императорскаго высочества особѣ не токмо вѣрные россійскіе подданные твердую надежду будущаго своего благополучія благоговѣйно почитаютъ, но и вся Европа удивляется высокимъ вашимъ добродѣтелямъ, еще въ юности процвѣтающимъ, какъ истинной отрасли петрова священнѣйшаго сѣмени. Взираютъ на нихъ великимъ вашимъ дѣдомъ основанныя науки какъ на восходящее солнце, и отъ пресвѣтлыхъ его лучей новаго щедротъ сіянія въ несомнѣнномъ уповаціи ожидаютъ. Благополучны возрастающія въ Россіи знанія, въ которыхъ самъ ожидаемый ихъ разширитель, ваше императорское высочество охотно упражняться изволитъ, равно какъ великій оныхъ основатель. Благополучны въ наученіи положенные труды сыновъ россійскихъ, которыхъ щедрая вашего высочества рука ободряетъ къ вящшему приращенію наукъ въ наслѣдной вашей имперіи. Толь прехвальными и внука достойными добродѣтелями ободренный, полагаю къ дражайшимъ стопамъ вашего императорскаго высочества сочиненное въ пользу отечества Краткое руководство къ риторикѣ и, припадая, подданнѣйше прошу на сей нижайшій мой трудъ возрѣть милостивѣйшимъ окомъ. Крѣпкая Всевышняго десница да покроетъ и укрѣпитъ неоцѣненное вашего высочества здравіе, и къ вящшей радости и благополучію всего россійскаго народа чрезъ многія лѣта да соблюдетъ невредимо, чего отъ искренняго усердія подданнѣйше желаю. Вашего императорскаго высочества подданнѣйшій рабъ

Михайло Ломоносовъ.

Генваря дня 1744 года».

1) Билярскій, стр. 54.

касательно теоріи теплоты и стужи, но кажется, что онъ слишкомъ поспѣшно приступилъ къ дѣлу, которое видится превосходящимъ его силы; особливо же никакъ недостаточны его доказательства, которыми онъ пытался отчасти подтвердить, отчасти опровергнуть разныя внутреннія движенія тѣлъ, и это г. адъюнктъ самъ признаетъ, когда только захочетъ доказательства свои особенно изъяснить и изложить въ формѣ силлогизма. Равнымъ образомъ было высказано мнѣніе, что г. адъюнкту не слѣдуетъ стараться о порицаніи трудовъ Бейля (Boyle), пользующихся однако славою въ ученомъ мірѣ, и извлекать изъ его сочиненій такія только мѣста, въ которыхъ онъ нѣкоторымъ образомъ заблуждался, и проходить молчаніемъ множество другихъ, гдѣ онъ преподалъ образцы глубокой учености"[1]).

Въ мартѣ 1745 года Ломоносовъ снова напомнилъ Академіи о необходимости устройства лабораторіи (см. выше стр. 341), при чемъ представилъ и самое предположеніе о томъ[2]). Не задолго

---

1) Билярскій, стр. 56, 57.

2) Вотъ это предположеніе, помѣщенное у Билярскаго, стр. 58 — 60. «Проектъ о учрежденіи химической лабораторіи при императорской Академіи наукъ: 1) Для способнѣйшаго учрежденія химическихъ дѣйствій и опытовъ должно построить особливую хоромину, длиною въ 6, а шириною въ 4 сажени, и оную раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ бы одна шириною была въ 2, длиною въ 4 сажени. 2) Въ бóльшей половинѣ по середкѣ поставить очагъ съ кожухомъ и трубою, который въ длину долженъ быть 2, а въ ширину 1½ сажени. Кожухъ надъ очагомъ поставить на четырехъ толстыхъ желѣзныхъ прутахъ и укрѣпить на верху между потолочными брусьями на боутахъ. А на потолкѣ подъ кровлею будетъ мѣсто, куда ставить посуду и класть уголье. 3) Въ меньшей половинѣ поставить шкапы и полки для поклажи разныхъ матеріаловъ, мелкихъ инструментовъ и нужныхъ химическихъ книгъ. А для зимняго времени печь и для записки химическихъ опытовъ столъ. 4) Какія печи и другія нужныя мелкія пристройки, посуды и матеріалы къ тому надобны, то видно отчасти въ приложенномъ при семъ планѣ, а о прочемъ могу подать въ Академію наукъ особливый реестръ, когда оная того потребуетъ. 5) Въ химическихъ дѣйствіяхъ намѣренъ я поступать такимъ порядкомъ: 1. Нужныя и въ химическихъ трудахъ употребительныя натуральныя матеріи сперва со всякимъ стараніемъ вычистить, чтобы въ нихъ никакого посторонняго примѣсу не было, отъ котораго въ другихъ дѣйствіяхъ обманъ быть можетъ. 2. Вычищенныя матеріи раздѣлять, сколько можно, на тѣ, изъ которыхъ онѣ натурально сложены. 3. Для лучшаго доказательства, что раздѣленныя матеріи изъ оныхъ простыхъ состоятъ, намѣренъ оныя снова соединять сколь возможно. 4. Разныя натуральныя и сдѣланныя матеріи

передъ тѣмъ, а можетъ быть и одновременно, Ломоносовъ представилъ переводъ свой Сокращенной экспериментальной физики Вольфа вице-канцлеру графу Михаилу Воронцову. При переводѣ, въ посвященіи, подписанномъ 24 февраля 1745 года, есть обращеніе къ этому сановнику, который, какъ извѣстно, былъ изъ числа особенныхъ покровителей Ломоносова: „Ужѐ знатныхъ военныхъ, статскихъ и придворныхъ особъ бесѣды рѣдко проходятъ, чтобъ притомъ о наукахъ рассужденія съ похвалою не было. Ваше Сіятельство довольно о томъ свидѣтельствуете, котораго любовь къ наукамъ равномѣрную видимъ протчимъ Вашимъ природнымъ добродѣтелямъ, достойнымъ быть предъ престоломъ высочайшія въ свѣтѣ Монархини. Въ наукахъ трудъ свой полагающіе получаютъ у Вашего Сіятельства надежное прибѣжище и великодушное покровительство. На сіе уповая, приношу“ и т. д.[1]).

соединять разными химическими способами для произведенія новыхъ дѣйствій и матерій, которыя могутъ часто пользовать въ познаніи натуры и къ приращенію художествъ. 5. Сдѣланные отъ химиковъ важные опыты, которые хотя и вѣроятны, однако нѣсколько сомнительны, или у которыхъ нужныя обстоятельства неточно описаны, повторять, и тѣмъ ихъ справедливость или подлогъ изслѣдовать. 6) Я не токмо въ разныхъ авторахъ усмотрѣлъ, но и собственнымъ искусствомъ удостовѣренъ, что химическіе эксперименты, будучи соединены съ физическими, особливыя дѣйствія показываютъ. Напр., крѣпкая водка при распущеніи металловъ безъ воздуха инако дѣйствуетъ, нежели на воздухѣ. Для того было бы весьма полезно: 1. Опыты, которые безъ воздуха дѣлать можно, чинить въ колбахъ или ретортахъ, изъ которыхъ воздухъ вытянутъ; къ чему можно сдѣлать особливый небольшой инструментъ, чтобы безъ переносу и повреждепія антліи можно было и въ ней прикрѣплять помянутые химическіе сосуды. 2. Самородныхъ и сдѣланныхъ матерій изслѣдовать пропорціональную тягость. 3. Части мелкихъ матерій, и все что возможно и прилично покажется, смотрѣть сквозь прибыльныя стекла. Сверхъ сего къ химическимъ опытамъ присовокуплять, гдѣ возможно, оптическіе, магнитные и электрическіе опыты, къ чему нужные инструменты можно брать на время изъ физической палаты, или и нарочные къ оному сдѣлать. 7) При всѣхъ помянутыхъ опытахъ буду я примѣчать и записывать не токмо самыя дѣйствія, вѣсъ или мѣру употребляемыхъ къ тому матерій и сосудовъ, но и всѣ окрестности, которыя надобны быть покажутся, а въ нужныхъ случаяхъ для лучшаго изъясненія присовокуплять рисунки. А все сіе предлагать Академіи наукъ въ формѣ химическаго журнала по каждую четверть года. Академіи наукъ адъюнктъ Михайло Ломоносовъ».

1) Рукопись, въ 4°, сохраняется въ русской библіотекѣ Академіи наукъ; посвященіе здѣсь писано рукою Ломоносова.

Въ началѣ 1745 года, дворъ, послѣ долговременнаго пребыванія въ Москвѣ и Кіевѣ, вернулся наконецъ въ Петербургъ, и вскорѣ послѣ того Ломоносовъ рѣшается подать прошеніе о повышеніи его изъ адъюнктовъ въ профессоры. Здѣсь прописавъ о своихъ занятіяхъ за границею, онъ далѣе говорилъ: „въ бытность мою при Академіи наукъ, трудился я, нижайшій, довольно въ переводахъ физическихъ, механическихъ и піитическихъ съ латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ на россійскій и сочинилъ на россійскомъ же языкѣ горную книгу и Риторику, и сверхъ того въ чтеніи славныхъ авторовъ, въ обученіи назначенныхъ ко мнѣ студентовъ, въ изобрѣтеніи новыхъ химическихъ опытовъ, сколько за неимѣніемъ лабораторіи быть можетъ, и въ сочиненіи новыхъ диссертацій съ возможнымъ прилежаніемъ упражняюсь; чрезъ что я, нижайшій, къ вышеупомянутымъ наукамъ больше знанія присовокупилъ; но точію я, по силѣ онаго обѣщанія, профессоромъ не произведенъ, отчего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободреніе не имѣю....“[1])

Шумахеръ эту просьбу послалъ въ собраніе академиковъ, а между тѣмъ писалъ придворному медику Рибеирѣ Санше (27 мая 1745 года) о докторѣ Авраамѣ Каау Бургаве: „обдумавъ дѣло г. Каау, я нахожу, что нѣтъ ничего легче какъ доставить ему мѣсто профессора въ Академіи, если пожелаетъ онъ взять на себя анатомію и въ то же время направлять занятія Ломоносова, который уже сдѣлалъ успѣхи въ химіи и которому назначается каѳедра по этой наукѣ съ жалованьемъ по 800 рублей въ годъ. Dies diem docet....“ Дѣйствительно, въ іюнѣ 1745 года, Шумахеръ ходатайствовалъ въ императорскомъ Кабинетѣ объ опредѣленіи Каау академикомъ по каѳедрѣ анатоміи, при чемъ было прибавлено, что онъ „и въ химіи весьма искусенъ.... притомъ же россійскихъ учениковъ не только анатоміи, но химіи и физіологіи обучать желаетъ....“[2])

---

1) Билярскій, стр. 61, 62.

2) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, 21. Авраамъ Каау Бургаве, племянникъ знаменитаго доктора Бургаве, поступилъ въ члены Академіи въ концѣ 1747 г., см. ниже, стр. 371, 372.

Между тѣмъ въ академическомъ засѣданіи 17 іюня 1745 года Гмелинъ объявилъ, что онъ готовъ уступить каѳедру химіи Ломоносову, такъ-какъ самъ занятъ натуральною исторіею; при этомъ всѣ академики находили, что „поданнныя отъ г. адъюнкта ученія его специмены достойны профессорскаго званія“. Впослѣдствіи академикъ Мюллеръ писалъ Теплову, что онъ, желая загладить предъ Ломоносовымъ прежній свой образъ дѣйствія противъ него во время жалобы на него академиковъ въ 1743 году, много содѣйствовалъ къ его производству въ профессоры [1]). Признаніе это достаточно показываетъ, какого достигъ Ломоносовъ значенія въ 1745 году. По сообщеніи означеннаго опредѣленія академиковъ Шумахеру, этотъ представилъ, 10 іюля 1745 года, о Ломоносовѣ, вмѣстѣ съ Крашенинниковымъ въ сенатъ, прося, за неимѣніемъ въ Академіи президента, утвердить перваго изъ нихъ профессоромъ химіи, а втораго адъюнктомъ натуральной исторіи. 7 августа 1745 года это представленіе было утверждено, причемъ неожиданно для Академіи, назначенъ былъ профессоромъ элоквенціи Тредіаковскій, о чемъ было говорено на стр. 107, 108 [2]).

Первымъ произведеніемъ, о которомъ Ломоносовъ въ новомъ своемъ званіи заявилъ академическому собранію, была ода на бракъ великаго князя Петра Ѳедоровича, написанная имъ по порученію помянутаго собранія. Шумахеръ въ это время былъ уже въ ссорѣ съ бóльшею частію академиковъ, а потому, когда ему сказали о приготовленныхъ Ломоносовымъ и Штелинымъ русской и нѣмецкой одахъ, то онъ объявилъ, что типографія обременена другими дѣлами, а потому стихи не могутъ быть напечатаны. Тогда оды были изданы по требованію и на счетъ ихъ авторовъ. Ломоносовская была отпечатана въ количествѣ 230 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: Ода ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, и ихъ императорскимъ высочествамъ

1) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, стр. 20.
2) Билярскій, стр. 63—68.

пресвѣтлѣйшему государю великому князю Петру Ѳеодоровичу и пресвѣтлѣйшей государынѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на торжественный день брачнаго сочетанія ихъ высочествъ приносится въ знакъ искренняго усердія, благоговѣнія и радости отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова химіи профессора. Печатана при императорской Академіи наукъ. MDCCXLV[1]).

Здѣсь стихотворецъ такъ описываетъ великаго князя:

Въ одномъ геройской духъ и сила
Цвѣтутъ въ лѣтахъ ужè младыхъ....

Далѣе говорится о взаимной любви молодой четы:

Какъ утрення заря сіяетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянитъ синій горизонтъ;
Лицо любови толь прекрасно.

Попадаются далѣе пророчества, что Петръ распространитъ русскіе предѣлы. На сколько все это было справедливо и согласовалось съ дѣйствительностью, о томъ можно судить по современнымъ разсказамъ, напр. самой Екатерины въ ея Запискахъ. Ода кончается обращеніемъ къ Провидѣнію, вѣроятно производившимъ въ свое время впечатлѣніе: извѣстно, что императрица Елисавета усердно заботилась объ этомъ бракѣ и по государственнымъ соображеніямъ для бóльшаго утвержденія себя на престолѣ, который былъ еще недавно занятъ сыномъ принцессы Анны Леопольдовны.

Съ высотъ твоихъ Елисаветѣ
Посли святую благодать,
Сподоби Ту въ грядущемъ лѣтѣ
Петрова Первенца лобзать.

По назначеніи въ акедемики, Ломоносовъ дѣйствовалъ заодно съ остальными своими товарищами въ борьбѣ противъ Шумахера и подавалъ, вмѣстѣ съ Мюллеромъ, въ сенатъ представленія отъ имени всѣхъ академиковъ. Въ то же время онъ снова возбудилъ дѣло о постройкѣ химической лабораторіи, и

---

1) Въ f°, 8 страницъ.

по его предстательству, академическое собраніе подало объ этомъ предметѣ доношеніе въ сенатъ помимо академической канцеляріи [1]).

Въ концѣ 1745 года сенатъ предписалъ-было академической канцеляріи послать Ломоносова къ Юнкеру „для переводу до соляныхъ заводовъ касающихся дѣлъ“, но послѣднему было дано знать, что Ломоносовъ пожалованъ профессоромъ и потому не угодно-ли будетъ выбрать кого нибудь другаго для означеннаго дѣла. „Въ поданномъ я своемъ нижайшемъ доношеніи, отвѣчалъ на это Юнкеръ 7 января 1746 года, просилъ именно о бывшемъ тогда адъюнктѣ г. Ломоносовѣ для того наипаче, что онъ имѣетъ искусство въ горныхъ и до того касающихся дѣлахъ. Но понеже г. Ломоносовъ сдѣланъ уже профессоромъ химіи, то я къ поспѣшествованію моего дѣла не нахожу другаго лучшаго средства, какъ чтобы ваше высокоблагородіе приказали объявленныя мои письма переводить переводчику Попову или кому другому искусному человѣку, и оный бы переводъ отъ г. профессора Ломоносова пересмотрѣнъ и аппробованъ былъ“. Впослѣдствіи изъ Академіи былъ посланъ для переводовъ къ Юнкеру переводчикъ Голубцовъ, но не видно, чтобы Ломоносову вмѣнено было въ обязанность просматривать его переводы, какъ желалъ того Юнкеръ [2]).

Новымъ доказательствомъ усиленія значенія Ломоносова въ Академіи было рѣшеніе, которое послѣдовало на его прошеніе о выдачѣ ему недоданныхъ, по его мнѣнію, денегъ еще въ бытность его за границею. Съ іюня 1741 по 13 февраля 1746 года онъ почему-то не считалъ возможнымъ напоминать объ этой недодачѣ, которую онъ высчитывалъ въ 290 руб. 30½ коп. Академическая канцелярія съ своимъ совѣтникомъ

1) Исторія Академіи наукъ, I, 45—48; Билярскій, стр. 71—76. Здѣсь же упомянуты слѣдующія изъ постороннихъ порученій, исполненныхъ въ 1745 г. Ломоносовымъ: 1) переводъ мнѣнія объ академическомъ штатѣ (вѣроятно для представленія противъ Шумахера отъ академиковъ въ сенатъ въ декабрѣ 1745 года, гдѣ есть пространныя объясненія по этому предмету, см. Записки Академіи наукъ, VII, прилож. № 4, 58—72). 2) Отзывъ съ прочими о ловлѣ жемчужныхъ раковинъ. 3) Поправки календаря на 1746 годъ.

2) II, книга № 89, и Билярскій, стр. 75, 76, 80.

Шумахеромъ во главѣ не только не отказала въ требованіи Ломоносову, но поспѣшила 25 числа того же февраля составить такое опредѣленіе: „понеже хотя онъ, Ломоносовъ, въ Францію, Англію и Голландію не ѣздилъ, однако въ оной Нѣмецкой землѣ, будучи чрезъ немалое бытіе, такое отмѣнное искусство получилъ, что не только отъ Академіи наукъ въ адъюнкты, но по именному ея императорскаго величества прошлаго 1745 года указу профессоромъ химіи всемилостивѣйше пожалованъ, за такіе реченнаго Ломоносова предъ прочими товарищи его ревностные труды и особливую его предъ ними къ пользѣ государственной дѣйствительно полученную науку и за разныя въ бытность здѣсь въ Россіи къ пользѣ и чести Академіи оказанныя услуги, означенную въ бытность его въ Марбургѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ для наукъ въ разные годы происшедшую недодачу 380 руб. 10½ к. выдать изъ книжной лавки достальныя, что надлежитъ, книгами жъ....“ [1])

Выдача книгами слѣдующаго жалованья, за недостаткомъ денегъ, было дѣломъ не новымъ въ Петербургѣ: еще при Петрѣ Великомъ, когда въ петербургской типографіи не было въ наличности суммъ, то ея служителямъ, едва не помиравшимъ съ голоду, выдавали книгами, которыя раскупались туго, почему и хранилось ихъ множество въ книжныхъ складахъ [2]). Получавшіе книги вмѣсто жалованья продавали ихъ за низкую цѣну и такимъ образомъ окончательно роняли и безъ того мало процвѣтавшій у насъ книжный торгъ. При постоянныхъ недостаткахъ въ деньгахъ, водворился и въ Академіи обычай удовлетворенія служившихъ въ ней лицъ вмѣсто денежныхъ выдачъ книгами.

Въ дѣлахъ 1746 года не осталось слѣдовъ чисто ученой дѣятельности Ломоносова, но за то онъ въ этомъ году выказываетъ замѣтнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, рѣшимость поднять вопросы объ образованіи русскаго юношества и заботиться вообще о распространеніи просвѣщенія въ Россіи.

1) Билярскій, стр. 79, 80.
2) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, II, 657, 658.

Еще въ 1745 году, въ указѣ сената 17 октября, объ изданіи въ свѣтъ ломоносовскаго перевода Вольфіанской экспериментальной физики, предписывалось, чтобы онъ читалъ лекціи на русскомъ языкѣ. Это распоряженіе становится понятнымъ, когда прочтешь въ предисловіи къ помянутому переводу слѣдующее мѣсто: „сія книжица почти только для того сочинена и нынѣ переведена на Россійскій языкъ, чтобы по ней показывать и толковать физическіе опыты; и потому она на Латинскомъ языкѣ весьма коротко и тѣсно писана, чтобы, для удобнѣйшаго употребленія учащихся, вмѣстить въ ней три книги нѣмецкихъ". Хотя академическая канцелярія распорядилась объ исполненіи статьи сенатскаго указа, касавшейся чтенія лекцій на русскомъ языкѣ, однако слѣдовъ приведенія этого въ дѣйствіе въ 1745 году не видно[1]). 21 марта слѣдующаго 1746 года Ломоносовъ письменно представилъ академическому собранію о выдачѣ тѣхъ изъ физическихъ инструментовъ, которые ему понадобятся при чтеніи лекцій на основаніи сенатскаго указа. Кромѣ того, тогда же онъ предложилъ, чтобы студенты прилежнѣе посѣщали эти лекціи, и чтобы Академія просила сенатъ о высылкѣ бóльшаго числа учениковъ изъ семинарій невской и новгородской. Вслѣдствіе этихъ предложеній, въ засѣданіи состоялись опредѣленія: касательно инструментовъ переговорить съ академикомъ по каѳедрѣ физики Рихманомъ, бывшимъ тогда въ отсутствіи, и просить послѣдняго, чтобы и онъ началъ читать подобныя же лекціи на латинскомъ языкѣ. Всѣмъ студентамъ подтвердить о непремѣнномъ посѣщеніи лекцій обоихъ курсовъ. Наконецъ, не оставить просить сенатъ объ увеличеніи числа учениковъ, но предварительно озаботиться о мѣрахъ къ содержанію ихъ[2]). Послѣдняго тѣмъ болѣе требовало благоразуміе, что во время управленія Академіею барона Корфа былъ уже случай, что ученики, высланные изъ Москвы, по неисполненію ходатайства этого лица о назначеніи особой на нихъ суммы, и по недостатку денегъ въ самой Академіи, встрѣчали въ продолженіе

1) Билярскій, стр. 72, 73.

2) Билярскій, стр, 80, 81.

нѣсколькихъ лѣтъ затрудненія въ содержаніи и о томъ возникала огромная, но безплодная переписка[1]).

6 мая 1746 года Ломоносовъ заявлялъ въ академическомъ засѣданіи о трехъ обстоятельствахъ, о которыхъ слѣдовало, по его мнѣнію, представить правительствующему сенату, это — во первыхъ объ истребованіи учениковъ изъ школъ при монастыряхъ; во вторыхъ — объ увеличеніи числа учениковъ гимназіи, и въ третьихъ — о книгахъ, переведенныхъ на русскій языкъ или сочиненныхъ по русски, чтобы разсмотрѣніе ихъ благоволилъ сенатъ довѣрить академическому собранію. Опредѣленіе состоялось относительно только перваго предмета, именно потребовано изъ академической канцеляріи предположенія объ учрежденіи при Академіи семинаріи временъ барона Корфа, о которыхъ сейчасъ упоминалось[2]).

Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ испросилъ, чтобы ему дозволено было въ находившейся при Академіи наукъ инструментальной экспедиціи поправлять физическіе инструменты и заказывать тамъ все принадлежащее до опытовъ; кромѣ того онъ ходатайствовалъ о выдачѣ ему на мелкіе расходы при производствѣ опытовъ небольшой суммы денегъ. Эти требованія были исполнены, а на мелкіе расходы Ломоносову было выдано 5 рублей. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, по вступленіи въ президенты Академіи графа Кирила Разумовскаго, на предложеніе Ломоносова касательно публичныхъ лекцій обращено было болѣе вниманія. Академическая канцелярія распорядилась сообщить объ этихъ лекціяхъ на русскомъ языкѣ въ тѣ учрежденія, въ которыхъ могли найтися люди, интересовавшіеся ими, а 13 іюня Ломоносовымъ составлено было приглашеніе къ любителямъ физики, которое и было напечатано съ обозначеніемъ 19 іюня 1746 года[3]). Здѣсь, послѣ витіеватаго вступленія (начало

1) Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, Редакторъ, сотрудникъ и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, 22, 23, 26, 27.

2) Билярскій, стр. 84.

3) Одно такое печатное приглашеніе хранится въ архивѣ академической конференціи въ портфелѣ исторіографа Мюллера, озаглавленномъ: Академическія программы. Въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ № 102 есть то же печатное приглашеніе, но безъ обозначенія мѣсяца и года. Вѣроятно подобный экземпляръ попался

его Ломоносовъ помѣстилъ потомъ въ своей Риторикѣ при § 43 въ образецъ *перiодовъ зыблющихся*, т. е. такихъ, въ членахъ которыхъ подлежащiя и сказуемыя неравныя), говорится, что академики по указанiю Петра Великаго обязаны, кромѣ ученыхъ трудовъ, преподавать молодымъ людямъ науки. „По сему узаконенiю они въ сей должности хотя и упражняются, однако ихъ ученiя по сiе время предлагались на чужихъ языкахъ, и такъ купно и физическiе опыты въ Академiи наукъ на Россiйскомъ языкѣ никогда толкованы не были. Но какъ уже въ Академическое собранiе нѣкоторые Россiйскiе Профессоры вступили, то по указу Правительствующаго Сената Академiи Наукъ Президентъ Ея Императорскаго Величества Дѣйствительной Камергеръ и Кавалеръ Графъ Кирила Григорьевичь Разумовскiй, опредѣлилъ, чтобы тожъ Академiи Членъ и Профессоръ, Господинъ Ломоносовъ показывалъ публично Физическiе опыты по сокращенной Вольфiанской Экспериментальной Физикѣ, и оные бы толковалъ на Россiйскомъ языкѣ, которые за помощiю Божiею начнетъ онъ въ Академiи Наукъ въ физическихъ камерахъ сего iюня 30 дня по полудни въ началѣ третьяго часа, и будетъ оные показывать по дважды въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ по два часа на день. Того ради Императорская Академiя Наукъ желающихъ учиться натуральной Философiи на помянутые опыты призываетъ, ничего инаго отъ нихъ не желая, какъ только постояннаго слушанiя.“

Приглашенiе это, любопытное именно въ томъ отношенiи, что лекцiи впервые предполагалось читать на русскомъ языкѣ, осталось однако въ описываемое время безъ осуществленiя: два дня спустя послѣ того, какъ назначена была первая лекцiя, именно 1 iюля, Ломоносовъ самъ объявилъ въ академическомъ засѣданiи, что его чтенiя отложены впредь до возвращенiя президента, и затѣмъ въ современныхъ бумагахъ не встрѣчается никакихъ указанiй, чтобы лекцiи были потомъ когда либо читаемы [1]). Можно бы предполагать, что это произошло отъ того, что

въ руки при изданiи Смирдинымъ Сочиненiй Ломоносова и перепечатанъ тамъ съ невѣрнымъ указанiемъ, что будто приглашенiе явилось въ свѣтъ въ 1750 году, I, стр. 802—807.

1) Билярскiй, стр. 81—86.

графъ Разумовскій, руководимый Шумахеромъ и Тепловымъ, чаще высказывался противъ академиковъ и никакихъ предположеній отъ нихъ не принималъ. Но съ другой стороны тогда бы не было допущено о распубликованіи чтеній, да и самъ Ломоносовъ нигдѣ не жалуется на преднамѣренное помѣшательство осуществленію этого предположенія его, что, конечно, не преминулъ бы сдѣлать въ своей Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи, гдѣ онъ не пропустилъ безъ упоминаній ни одного случая, въ которомъ такъ или иначе выказывались нерасположеніе и козни его враговъ. Такъ напр. въ этой Краткой исторіи упомянуто объ одномъ происшествіи, которое, по всѣмъ соображеніямъ, случилось никакъ не ранѣе второй половины 1746 года, а не 1745 году, какъ полагалъ покойный Билярскій[1]): „Умыслилъ совѣтникъ Шумахеръ и ассессора Теплова (который въ эту должность назначенъ 1 іюля 1746 г.) пригласилъ, чтобы мои аппробованныя уже диссертаціи въ общемъ академическомъ собраніи послать въ Берлинъ къ профессору Эйлеру, конечно съ тѣмъ, чтобъ ихъ онъ охулилъ.... Ассессоръ Тепловъ, Ломоносову тайно показавъ аттестатъ Эйлеровъ о его диссертаціяхъ, великими похвалами преисполненный, объявилъ, что-де Шумахеръ хотѣлъ его опредѣлить къ переводамъ, а отъ профессорства отлучить; однако-де ему не удалось. А какъ Ломоносовъ выпросилъ Эйлеровъ аттестатъ, то прислана къ нему тотчасъ отъ Теплова цѣдулка, чтобъ аттестатъ отослать неукоснительно назадъ и никому, а особливо Шумахеру, не показывать. Въ такомъ былъ онъ у Шумахера подобострастіи!“ Ломоносовъ, однако, сохранилъ списокъ съ отзыва великаго математика и переписалъ его своею рукою вмѣстѣ съ разными похвальными отрывками изъ писемъ къ нему извѣстныхъ ученыхъ на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этотъ отзывъ Эйлера извѣстенъ до нынѣ въ двухъ копіяхъ, писанныхъ Ломо-

1) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, 92, 93. Что же касается до того, что въ Энциклопедическомъ словарѣ, II, 280 этотъ случай отнесенъ къ 1754 году, то такое указаніе можно только объяснить типографскою опечаткою.

носовымъ, и по тексту, напечатанному въ Очеркахъ Россіи Пассека (Москва, 1840 г., стр. 6, 7). Во всѣхъ этихъ спискахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ являются отмѣны, а въ писанныхъ Ломоносовымъ копіяхъ встрѣчаются, правда, незначительныя, но все таки поправки его рукою въ выраженіяхъ. Эти разнорѣчія и поправки можно объяснить тѣмъ, что подлинникъ письма Эйлера писанъ не по французски, а дошедшіе до насъ списки есть только переводъ его. Такъ-какъ самый отзывъ напечатанъ былъ уже нѣсколько разъ, то здѣсь помѣщается одинъ русскій переводъ его, сдѣланный самимъ Ломоносовымъ (въ началѣ заглавіе рукою Тауберта: „Г. Эйлеръ между прочимъ въ отвѣтѣ къ президенту Академіи графу К. Г. Разумовскому отзывается о сочиненіяхъ г. Ломоносова такимъ образомъ): „Всѣ сіи диссертаціи не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо онъ пишетъ о матеріяхъ физическихъ и химическихъ весьма нужныхъ, которыя по нынѣ не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что онъ учинилъ съ такимъ успѣхомъ, что я совершенно увѣренъ о справедливости его изъясненій. При семъ случаѣ г. Ломоносову долженъ отдать справедливость, что имѣетъ превосходное дарованіе для изъясненія физическихъ и химическихъ явленій. Желать должно, чтобъ и другія Академіи въ состояніи были произвести такія откровенія, какія показалъ г. Ломоносовъ. Эйлеръ въ отвѣтѣ къ его сіятельству г. президенту 174. года.“ Этотъ отзывъ Эйлера о диссертаціяхъ Ломоносова извѣстенъ въ томъ отношеніи, что лица, желающія не только чтить заслуги Ломоносова русской литературѣ и русскому обществу, но и видѣть въ немъ замѣчательнаго европейскаго ученаго, обыкновенно приводятъ сейчасъ выписанный отрывокъ изъ письма Эйлера въ подтвержденіе мнѣнія о значеніи для науки трудовъ Ломоносова. Предоставляю спеціалистамъ, посвятившимъ себя изученію естествознанія, объяснить, почему тѣ же самыя диссертаціи Ломоносова, будучи напечатаны въ Комментаріяхъ петербургской Академіи, прошли незамѣченными въ исторіи наукъ, къ которымъ принадлежатъ по своему содержанію, тогда какъ попавшіе въ тѣ же

Комментаріи труды другихъ членовъ нашего ученаго общества, доставили нѣкоторымъ изъ нихъ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, которою они безспорно пользуются и до нынѣ.

Въ жизнеописаніи Тредіаковскаго на стр. 114, 115, уже было говорено о препирательствѣ его, которое онъ было завелъ въ академическихъ засѣданіяхъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1746 года съ Ломоносовымъ объ окончаніяхъ прилагательныхъ множественнаго числа. Ломоносовъ съ видимою неохотою вступилъ въ этотъ споръ и вскорѣ затѣмъ отказался отъ него. Наброски его отвѣта сохранились до сихъ поръ, и сущность ломоносовскаго мнѣнія видна въ послѣднемъ, тамъ помѣщенномъ замѣчаніи: „...мое мнѣніе въ томъ состоитъ, говоритъ тамъ Ломоносовъ, что введенное за десять и больше лѣтъ въ академической типографіи употребленіе множественныхъ прилагательныхъ окончаній мужескаго на *е* и женскаго и средняго на *я* хотя довольнаго основанія не имѣетъ, однако свойству нынѣшняго.... не противно. А предложенное въ сихъ пунктахъ мужеское прилагательныхъ множественныхъ на *и* употребленію великороссійскаго языка противно, и такъ лучше будетъ и въ прозѣ употреблять оное какъ уже нѣсколько старое, нежели сіе новое и незрѣлое, а въ стихахъ *е* и *я* во всѣхъ родахъ класть безъ разбора, смотря какъ потребуетъ оныхъ сложеніе, ибо сіе свойству великороссійскаго языка не противно“[1]). Какъ ни шатки въ этомъ случаѣ доводы Ломоносова, однако защищаемое, но не имъ введенное, какъ думаютъ нѣкоторые, правописаніе прилагательныхъ множественныхъ въ именительномъ падежѣ утвердилось у насъ и имѣетъ силу донынѣ.

Говорено выше на стр. 352, что въ началѣ 1745 г. Ломоносовъ переводъ свой Вольфіанской физики или — вѣрнѣе сказать — латинскаго сокращенія изъ трехъ книгъ экспериментальной физики Вольфа, сдѣланнаго профессоромъ Тиммигомъ, представилъ съ посвященіемъ графу Михаилу Воронцову. Послѣдній отослалъ рукопись въ сенатъ, а этотъ, въ свою очередь,

1) Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, стр. 118, 119.

препроводилъ ее въ академическую канцелярію „для свидѣтельства, во всемъ-ли она исправна и нѣтъ-ли какихъ погрѣшностей". Просмотромъ перевода занимался академикъ Гмелинъ, по отзыву котораго оказалось: „объявленный переводъ по бóльшей части довольно хорошъ и силу сочинителя весьма хорошо изъяснилъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, которыя отъ г. профессора Ломоносова при г. докторѣ Гмелинѣ отчасти тогда же исправлены, а отчасти поправленіе оныхъ до будущаго печатанія по находящейся въ Академіи росписи для того оставлено, чтобъ письменнаго экземпляру не измарать". Сенатъ приказалъ тогда издать переводъ, который и былъ напечатанъ въ половинѣ марта 1746 года, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Волфіанская експериментальная физика съ нѣмецкаго подлинника на латинскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго на россійскій языкъ перевелъ Михайло Ломоносовъ императорской Академіи наукъ членъ и химіи профессоръ. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ 1746 [1]).

Въ посвященіи графу М. Воронцову переводчикъ говоритъ, что въ Россіи начинаетъ сбываться предсказаніе Петра Великаго, „что и въ пространномъ семъ Государствѣ высокія науки изберутъ себѣ жилище, и въ Россійскомъ народѣ получатъ къ себѣ любовь и усердіе". Далѣе по словамъ Ломоносова выходило, что въ тогдашней Россіи не только ученыхъ по обязанности, но и знатныхъ особъ „бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы притомъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было". Затѣмъ идутъ похвалы графу М. Воронцову. Гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ посвященіе, имѣетъ предисловіе, приложенное Ломоносовымъ къ своему переводу. Здѣсь въ первый разъ на русскомъ языкѣ, опредѣлительно и понятно разсказано объ успѣхахъ наукъ въ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Не надо

1) Билярскій, стр. 63, 64, 70, 72, 82. Физика издана въ 8°, 12 ненум., 170 нум. и 4 нен. стран.; чертежей, гравированыхъ на мѣди 7 таблицъ; они рѣзаны подъ наблюденіемъ гравера Ивана Соколова. Этой книги печатано было 588 на простой и 12 на александрійской бумагѣ; съ чертежами печатаніе обошлось въ 251 руб. 46 к., а продавалась она по 60 коп. за экземпляръ. Ср. также II, книги №№ 96 и 100.

забывать, что Ломоносовъ говорилъ о томъ въ такое время, когда во всѣхъ нашихъ духовныхъ училищахъ — этихъ почти единственныхъ тогда разсадникахъ просвѣщенія въ Россіи, — схоластика и искаженное ученіе Аристотеля пользовались непоколебимымъ авторитетомъ. „Славный и первый изъ новыхъ философовъ Картезій, замѣчаетъ между прочимъ Ломоносовъ, осмѣлился Аристотелеву философію опровергнуть, и учить по своему мнѣнію и вымыслу. Мы кромѣ другихъ его заслугъ особливо за то благодарны, что онъ тѣмъ учоныхъ людей ободрилъ противъ Аристотеля, противъ себя самого и противъ прочихъ философовъ въ правдѣ спорить, и тѣмъ самымъ открылъ дорогу къ вольному философствованію и къ вящему наукъ приращенію.... Въ новѣйшія времена науки столько возрасли, что не токмо за тысячу, но и за сто лѣтъ жившіе едва могли того надѣяться. Сіе больше отъ того происходитъ, что нынѣ учоные люди, а особливо испытатели натуральныхъ вещей, мало взираютъ на родившіеся въ одной головѣ вымыслы и пустыя рѣчи, но больше утверждаются на достовѣрномъ искусствѣ. Главнѣйшая часть натуральной науки физика нынѣ ужѐ только на одномъономъ свое основаніе имѣетъ. Мысленныя разсужденія произведены бываютъ изъ надежныхъ и много разъ повторенныхъ опытовъ....“

Нельзя также пройти молчаніемъ и той большой заслуги, которую Ломоносовъ оказалъ въ своемъ переводѣ русской научной терминологіи. Здѣсь въ иныхъ случаяхъ онъ былъ творцемъ и почти всегда преобразователемъ. „Принужденъ я былъ, говоритъ онъ въ заключеніи своего предисловія, искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствій и натуральныхъ вещей; которыя хотя сперьва покажутся нѣсколько странны, однако надѣюсь, что они со временемъ чрезъ употребленіе знакомѣе будутъ. Окончивая сіе отъ искренняго сердца желаю, чтобы по мѣрѣ обширнаго сего государства высокія науки въ немъ распространились, и чтобы въ сынахъ Россійскихъ къ онымъ охота и ревность равномѣрно умножилась“.

Литературныя произведенія Ломоносова, напечатанныя въ

1746 году были два стихотворенія. Одно имѣетъ такое заглавіе: Ода на пресвѣтлый праздникъ восшествія на всероссійскій престолъ ея величества всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссійскія, которою ея величеству всеусерднѣйшее поздравленіе приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ. 1746, ноября 25 дня. Печатана при императорской Академіи наукъ (въ f°, 8 страницъ). Печатаніе ея обошлось Ломоносову въ 11 рублей [1]).

Въ этой одѣ стихотворецъ снова повторяетъ на разные лады, что Россія бѣдствовала до вступленія на престолъ Елисаветы и пребывала во тьмѣ, пока наконецъ не просіяло солнце. Далѣе намеки на ночь, въ которую произвела эта государыня переворотъ:

И странно всѣмъ и непонятно
Полъ свѣта взять въ одной нощи!

Конецъ состоитъ въ такомъ пожеланіи:

Да возрастетъ Ея держава,
Богатство, щастье и полки,
И купно дѣлъ Геройскихъ слава,
Какъ токъ великія рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ;
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
И множество градовъ поитъ,
Разлившись на поля восходитъ;
Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
И жатвы щедро богатитъ.

Другое стихотвореніе, также написанное на торжество озаглавлено: Ода ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, которою въ торжественный праздникъ рожденія ея величества декабря 18 дня 1746 искреннія и всеусерднѣйшія свои желанія приноситъ всеподданнѣйшая Академія наукъ. Печатана при императорской Академіи наукъ [2]). И здѣсь повторяется та же главная

---

1) Билярскій, стр. 86.

2) Въ f°, 4 стр.; этой оды печатано 200 экз.; изъ нихъ 150 выданы были Ломоносову для раздачи при дворѣ.

мысль, что и въ предыдущей одѣ, а равно и во всѣхъ, начиная съ штелиновской оды на возшествіе на престолъ Елисаветы. Въ четвертой и пятой строфахъ стихотворецъ воспользовался астрологическими соображеніями по поводу рожденія императрицы въ то время, когда Меркурій и Марсъ стояли въ одномъ знакѣ съ солнцемъ, а луна была въ созвѣздіи стрѣльца. Нужно-ли прибавлять, что, конечно, это не даетъ права думать, чтобы Ломоносовъ вѣрилъ въ астрологію. Въ стихахъ

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

слышится намекъ на то, что государыня если не закономъ, то на дѣлѣ уничтожила смертную казнь. Въ концѣ выражено желаніе, чтобы здравіе императрицы подобилось верьху высокія горы, который

Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

Изъ протокола академическаго засѣданія 18 августа 1746 года[1]) видно, что на разсмотрѣніе Ломоносова былъ отданъ русскій переводъ, сдѣланный бывшимъ его товарищемъ Иваномъ Голубцовымъ, сочиненія академика Георга Крафта: Kurze Einleitung zur theoretischen Geometrie zum Gebrauch der studirenden Jugend in dem Gymnasio bey der kayserl. Academie der Wissenschaften in S.-Petersburg. Ломоносовъ тогда заявилъ, что въ переводѣ этомъ не имѣется болѣе недостатковъ. Рукопись голубцовскаго перевода[2]) донынѣ сохранилась въ рускомъ отдѣленіи академической библіотеки и любопытна

Все печатаніе обошлось въ 6 руб., но ихъ не взыскали съ автора; «ибо та сочиненная имъ ода поднесена отъ Академіи въ честь». Билярскій, стр. 87.

1) Билярскій, стр. 86.

2) Переводъ этотъ напечатанъ въ 1748 году, подъ заглавіемъ: Краткое руководство къ теоретической геометріи въ пользу учащагося въ гимназіи при императорской Академіи наукъ россійскаго юношества, сочинено той же Академіи наукъ членомъ Г. В. Крафтомъ и переведено съ нѣмецкаго яз. переводчикомъ И. Голубцовымъ. Въ 8°, 207 нумер. стр. и 14 таблицъ чертежей.

по множеству поправокъ, сдѣланныхъ въ ней рукою Ломоносова. Въ свое время Голубцевъ считался однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ[1]), но какъ выше его въ этомъ отношеніи стоялъ Ломоносовъ, то свидѣтельствуютъ поправки послѣдняго въ Краткомъ введеніи геометріи. Вотъ примѣры тому:

Переводъ Голубцова.	Его же переводъ съ исправленіями Ломоносова.
Геометрія есть наука, которая показываетъ намъ состояніе и свойство всякаго распространенія по колику она предѣлы свои имѣетъ; и притомъ подаетъ извѣстной способъ къ вымѣриванію всего того, что при тѣлесныхъ вещахъ распространеннаго случиться можетъ	Геометрія есть наука, которая показываетъ состояніе и свойства всякаго протяженія, предѣлы имѣющаго, и притомъ подаетъ способъ къ точному измѣренію всѣхъ протяженій, которыя въ тѣхъ тѣлахъ быть могутъ...
Когда по вышеобъявленному образу надобно вымѣрить уголъ, то все равно хотя циркуль притомъ опишется большимъ или меньшимъ радіусомъ . . .	Когда по вышепоказанному образу надобно вымѣрять уголъ, то все равно, какимъ радіусомъ притомъ кругъ ни начертится . . . .
И того ради его транспортиромъ вымѣрять не можно; но сей недостатокъ легко наградить можно, ибо надлежитъ только вымѣрять уголъ внутри . . .	И того ради онаго транспортиромъ вымѣрять нельзя, а пособить сему можно такимъ образомъ: вымѣряй только извнутри взятой уголъ . . .
Ибо надлежитъ провесть чрезъ верхъ C линѣю DCE, которая бы съ фундаментальною линѣею AB была паралельна . . .	Когда чрезъ верьхъ C проведется DCE паралельная основанію AB.

и мн. др.

Въ январѣ 1747 года Ломоносовъ потребовалъ „для дѣланія физическихъ опытовъ" делиліанскій термометръ[2]). Затѣмъ, какъ провелъ Ломоносовъ первую половину 1747 года и чѣмъ онъ въ то время занимался, въ главныхъ источникахъ для извлеченія извѣстій о его дѣятельности — въ архивахъ Академіи наукъ извѣстій не отыскалось. Рядъ прерванныхъ о нашемъ академикѣ свѣдѣній снова начинается съ 7 іюля 1747 года: въ этотъ день онъ представилъ академической канцеляріи разсмотрѣнную и исправленную имъ рукопись Мюллера о Сибирской исторіи.

1) С. Порошина записки, служащія къ исторіи великаго князя Павла Петровича (Спб., 1844), 106.

2) Билярскій, стр. 86, 87.

Извѣстный собиратель свѣдѣній о Петрѣ Великомъ, коммиссаръ Петръ Крекшинъ подавалъ въ сенатъ составленное имъ „Родословіе великихъ князей, царей и императоровъ всероссійскихъ". Оно было отослано въ Академію наукъ, которая разсмотрѣніе его поручила сначала академику Мюллеру. Этотъ ученый находилъ въ трудѣ Крекшина много произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ выводовъ и даже просто вымысловъ. Крекшинъ разсердился на такой отзывъ о немъ академика и старался придать дѣлу уголовный оттѣнокъ. Еще до ссоры съ Мюллеромъ, онъ досталъ у исторіографа его выписки изъ иностранныхъ писателей, въ которыхъ былъ между прочимъ разсказъ одного польскаго писателя объ унизительномъ для русскихъ обхожденіи татаръ съ великими князьями. Мюллеръ, узнавъ о недовольствѣ на него Крекшина, просилъ о назначеніи коммиссіи для разсморѣнія его пререканій съ коммиссаромъ, имѣвшимъ по видимому наклонность къ сутяжничеству. Просьба эта была уважена, и коммиссія была составлена изъ Ломоносова, Тредіаковскаго и Штрубе де-Пирмона. Первый изъ нихъ составилъ изложеніе сущности всего дѣла, представленное академической канцеляріи 24 іюля 1747 г. и уцѣлѣвшее до нынѣ подъ заглавіемъ: „Разсмотрѣніе спорныхъ пунктовъ между г. профессоромъ Мюллеромъ и г. коммиссаромъ Крекшинымъ по приказанію его сіятельства графа и президента Академіи наукъ Кирилы Григорьевича Разумовскаго, учиненное отъ профессоровъ Штрубе де Пирмона, Василья Тредіаковскаго и Михаила Ломоносова[1]). Здѣсь высказаны были такого рода мнѣнія, что изъ нихъ не трудно было вывести, что Крекшинъ въ своихъ выводахъ неправъ. Послѣднему это не понравилось, и онъ повелъ дѣло далѣе, обвинивъ Мюллера предъ сенатомъ въ томъ, что „въ данной ему отъ профессора Мюллера книгѣ, писанныхъ рукою его историческихъ запискахъ усмотрѣлъ онъ, Крекшинъ, многія непотребныя записки, каковыя ему не только писать, но и на иностранныхъ языкахъ не должно читать...." Въ подтвержденіе тому, Крекшинъ со-

1) Бплярскій, стр. 88—93.

слался на помянутый разсказъ польскаго писателя. По требованію сената, Академія наукъ, 25 іюля 1747 года, сообщила въ сенатъ всю переписку о родословіи, составленномъ Крекшинымъ, вмѣстѣ съ выписками Мюллера, а 4 августа 1747 года, сенатъ между прочимъ постановилъ: „понеже во взятой противъ того Крекшина показанія изъ канцеляріи Академіи наукъ книгѣ явилось въ ней письмо латинскаго языка, того ради въ правительствующій сенатъ призвать изъ оной Академіи профессора Ломоносова и велѣть ему въ означенной книгѣ противъ вышеписаннаго Крекшина показанія сыскать и учинить тому переводъ, а по переводѣ доложить немедленно....“ Ломоносовъ исполнилъ это приказаніе, и его переводъ мѣста изъ польской исторіи Іоганна Длугоша, показавшагося столь страшнымъ Крекшину, сохранился донынѣ. Здѣсь разсказывалось, какъ московскій великій князь, при пріемѣ татарскихъ пословъ, встрѣчалъ его пѣшъ, подносилъ имъ стаканъ кобыльяго молока и т. д.

Сенатъ и по полученіи перевода этой выписки видимо затруднялся постановить какое нибудь рѣшеніе; но Крекшинъ не унимался: 4 декабря 1747 года, въ новомъ прошеніи онъ напоминалъ сенату о своемъ родословіи, въ которомъ царствующій домъ показанъ по прямой линіи отъ „великаго князя Гостомысла и великаго царя Владиміра Святославича. А что въ лѣта царствованія царя Бориса Ѳедоровича высочайшая ея императорскаго величества фамилія, слѣдующая по мужескому колѣну отъ царя Владиміра, дѣйствомъ его, царя Бориса Ѳедоровича пресѣчена, и ложно написано начало отъ прусскихъ королей, и во многихъ родословныхъ книгахъ высочайшая ея императорскаго величества фамилія приписана ложно къ разнымъ родамъ Кобылиныхъ и прочимъ, которыми лжами умножены многія книги, въ которыхъ профессоръ Мюллеръ, не знавъ истины, заблудилъ и высочайшую фамилію неправо простою дворянскою дерзнулъ писать, и профессоры Ломоносовъ, Тредіаковскій и Штрубе въ невѣдѣніи же сію лжу за истину признавали....“ По этимъ основаніямъ, Крекшинъ просилъ, чтобы ему дозволено было изобличить названныхъ ученыхъ, а

книги, въ которыхъ писаны такія лжи, сжечь. Сенатъ постановилъ доложить дѣло въ общемъ собраніи, а Крекшина обязать подпискою, впредь до окончанія дѣла, отнюдь объ немъ не разглашать. На этомъ и остановилась вся переписка[1]).

Увольненіе изъ Академіи наукъ ботаника Сигезбека, жившаго въ казенномъ домѣ, о которомъ говорено было выше на стр. 313, и отъѣздъ заступившаго мѣсто Сигезбека Гмелина за границу[2]) дали возможность президенту графу Разумовскому 1 августа 1747 года предоставить Ломоносову помянутый домъ для помѣщенія его съ семействомъ[3]). Того же мѣсяца (17 и 18 чиселъ) положено было отвести при томъ же домѣ мѣсто подъ постройку химической лабораторіи. При отводѣ мѣста долженъ былъ присутствовать и Ломоносовъ[4]). Впрочемъ послѣднее обстоятельство не помѣшало состояться въ академической канцеляріи, 7 октября 1747 года, слѣдующему постановленію: „Къ доктору Бургаве послать письмо, и въ ономъ написать, что его графское сіятельство Академіи наукъ президентъ.... имѣетъ намѣреніе построить при Академіи хоромы для театра анатомическаго и лабораторіи химической, того ради требовать отъ него чертежей, а ежели такихъ у него чертежей не имѣется, то бъ свое о томъ письменно онъ, Бургаве, объявилъ“[5]). Надобно знать, что послѣдній въ то время

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, 22—24.

2) Исторія Академіи наукъ, I, 728, и 443.

3) Такъ называемый боновскій домъ былъ описанъ въ 1739 г. архитекторами Трезини и Оснеромъ и тогда же ему составленъ планъ: ...«по второй линіи деревянной домъ на каменномъ фундаментѣ съ погребами, длиной на 17 саженяхъ съ аршиномъ, шириною во дворъ на 8 саженяхъ. А съ другой стороны къ воротамъ на 10 саженяхъ и 2 аршина. Во ономъ домѣ жилыхъ покоевъ 10, 1 кухня и трое сѣней. Внизу 7 погребовъ съ сводами, въ окошкахъ желѣзныя рѣшетки. На верху онаго дома фронтосписъ. Во ономъ домѣ окончины изъ чистыхъ ямбургскихъ стеколъ; печи кафельныя живописныя, бѣлыя и зеленыя; рамы у окошекъ, и наличники, и дверныя затворы и лѣсницы столярной работы; потолки подмазные квадраторной работы съ постѣннымъ гзымзомъ, а иные съ клеймами, и въ трехъ каморахъ убито бумажными шпалерами. Ворота столярной работы; кровля крыта гонтами и крашена черленью съ масломъ; слуховыя окошки и карнизъ столярной работы»... II, книга № 48.

4) Билярскій, стр. 94.

5) II, книга № 110.

24*

еще не былъ академикомъ и назначенъ въ эту должность только мѣсяцъ спустя послѣ приведеннаго сейчасъ опредѣленія, именно 7 ноября 1747 года[1]). Отвѣтъ Бургаве неизвѣстенъ; только не подлежитъ сомнѣнію, что Ломоносовъ подозрѣвалъ въ описанномъ случаѣ недоброжалательство Шумахера и Теплова, котораго тотъ подговаривалъ противъ него. „....Пріѣхавшему тогда изъ Голландіи доктору Бургаву меньшому, пишетъ Ломоносовъ, было сказано, что онъ притомъ и химическую профессію приметъ съ прибавочнымъ жалованьемъ. И Бургавъ, уже не таясь, говорилъ, что онъ для печей въ химическую лабораторію выпишетъ глину изъ Голландіи. Между тѣмъ Ломоносовъ, сіе о Бургавѣ услышавъ, доложилъ барону Черкасову, и потому выдача денегъ на лабораторію пріостановлена. Также и Бургавъ, увѣдавъ, что его химическую профессію поручаютъ Ломоносову въ обиду, отъ того отказался....“[2])

Академическій переводчикъ Кирьякъ Кондратовичъ представилъ въ академическую канцелярію переводы свои на русскій языкъ Словаря Кнапія и часть такого же словаря Целларія. О Кондратовичѣ будетъ еще упоминаться въ настоящемъ жизнеописаніи Ломоносова, и потому съ нимъ необходимо познакомить читателя. Отецъ Кондратовича Андрей былъ сотникъ слободскаго ахтырскаго полка и убитъ подъ Полтавою, а самъ онъ учился въ кіевской духовной академіи, гдѣ слушалъ реторику, философію и богословію. Въ 1728 г. онъ сдѣлался учителемъ въ семинаріи въ Переславлѣ-Рязанскомъ, гдѣ въ то время епископомъ былъ дядя Кондратовича, Гавріилъ Бужинскій. Оттуда онъ попалъ въ 1731 году ко двору императрицы Анны съ страннымъ, вѣроятно шутовскимъ, титуломъ придворнаго философа. По крайней мѣрѣ такъ писался самъ Кондратовичъ въ нѣкоторыхъ своихъ прошеніяхъ, а въ одномъ онъ говорилъ, что находился въ царствованіе названной импера-

---

1) Извѣстія объ Авраамѣ Каау Бургаве см. Содержаніе ученыхъ разсужденій императорской Академіи наукъ, изданныхъ въ четвертомъ томѣ новыхъ комментаріевъ, стр. 44—58.

2) Билярскій, стр. 064, 065.

трицы придворнымъ студентомъ съ жалованьемъ по 100 рублей. Въ 1733 году четыре мѣсяца занимался онъ переводами у извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича, и въ томъ же году отосланъ въ Екатеринбургъ къ Татищеву. Что Кондратовичъ былъ лично извѣстенъ императрицѣ Аннѣ, то свидѣтельствуетъ письмо ея къ Семену Салтыкову, начальствовавшему въ Москвѣ: „Семенъ Андреевичъ. По указу нашему посланъ Кондратовичъ съ Васильемъ Татищевымъ въ Сибирь, а нынѣ мы слышимъ, что будто онъ шатается въ Москвѣ. Того ради освѣдомься подлинно, вправду-ли онъ въ Москвѣ и зачѣмъ живетъ? и прежде не публично, чтобъ куда не скрылся; также и къ Василью Татищеву отпиши: зачѣмъ онъ его въ Москвѣ оставилъ? И о томъ насъ увѣдомь“.

Въ Екатеринбургѣ Кондратовичъ обучалъ въ школѣ латинскому языку и занимался переводами по указанію Татищева. Съ воцареніемъ Елисаветы, Кондратовичъ явился въ Петербургъ и заявилъ сенату свое желаніе получить при Академіи наукъ мѣсто профессора „къ собиранію лексиконовъ латино-россійскаго и россійско-латинскаго языковъ“. Академія наукъ отозвалась, что въ ней такой каѳедры не существуетъ. Тогда сенатъ рѣшилъ послать его туда для опредѣленія къ чему найденъ будетъ годнымъ, почему 10 сентября 1743 г. онъ назначенъ въ должность академическаго переводчика, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ[1]). Вышепомянутые словари Кондратовича были отданы на разсмотрѣніе Ломоносова, и онъ, 3 октября 1747 года, отозвался, что лексиконъ Кондратовича „хотя имѣетъ не малое число первообразныхъ словъ, однако производными, а особливо сложенными не доволенъ, и притомъ не мало имѣетъ производныхъ не подъ ихъ своими первообразными и нарочитое число весьма новыхъ и неупотребительныхъ производныхъ же словъ, а переводъ латынской языкъ во многихъ мѣстахъ неисправенъ, и не малое число

---

1) Архивъ академической канцеляріи, II, книги №№ 251 и 30; Современникъ, 1858 года, т. LXIX, отд. 1, стр. 452—484; Библіографическія записки 1858 года, № 8, 225 и слѣд. Письмо императрицы Анны, писанное Полубояриновымъ, хранится въ Государственномъ архивѣ.

словъ не переведено, а напротивъ того при нѣкоторыхъ словахъ приписаны излишнія латинскія рѣчи, которыя значатъ совсѣмъ разныя вещи. Но хотя помянутый лексиконъ показанные недостатки имѣетъ, однако при совершеніи того россійскаго лексикона, который въ Академіи Андреемъ Богдановымъ собранъ, съ пользою употребленъ быть можетъ...."[1]) Вслѣдствіе этого отзыва лексиконъ Кондратовича былъ сданъ въ академическую библіотеку и пользоваться имъ было дозволено Богданову. Ниже будетъ еще случай возвратиться къ словарнымъ трудамъ Кондратовича, здѣсь же замѣтимъ только, что работа его тѣмъ замѣчательна, что она, вмѣстѣ съ словаремъ, въ составленіи котораго принималъ участіе Таубертъ[2]), положена была въ основаніе начальныхъ трудовъ по составленію перваго русскаго словаря, изданнаго Россійскою Академіею въ 1786—1794 годахъ[3]).

Изъ литературныхъ произведеній Ломоносова въ 1747 году извѣстны двѣ его стихотворныя надписи для иллюминацій на тезоименитство и день рожденія императрицы. Во второй изъ нихъ есть стихи:

Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ Твоей державой возвышаетъ,

вызвавшіе слѣдующій суровый приговоръ писателя нашего времени: „Въ словахъ этихъ идеализмъ государственности доводитъ Ломоносова до того, что онъ и не чувствуетъ необходимости принимать тутъ рабство въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ; — не знаетъ и не видитъ, что сюда относились застѣнки, усердно продолжавшіе дѣйствовать при Елисаветѣ, указы относительно сбора пошлинъ и податей, не уступавшіе ни мало бироновскимъ, плети, наконецъ урѣзываніе языковъ,

1) Доношеніе объ этомъ Ломоносова, II, книга № 110; Билярскій, стр. 94.
2) Исторія Академіи наукъ, I, 643, 651.
3) Записки Академіи наукъ, III, прилож. № 6, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, стр. 81.

какъ благодушный способъ смягченія еще болѣе ужаснаго приговора...."[1])

Выписанные стихи дѣйствительно не могутъ не казаться черезчуръ покорными, чтобы не сказать болѣе; но въ нихъ можетъ быть несправедливо корить Ломоносова, который въ этомъ случаѣ былъ, вѣроятно, только переводчикомъ. Увидимъ далѣе, что какъ иллюминаціи, такъ и надписи къ нимъ въ первое время царствованія Елисаветы всегда сочинялъ на нѣмецкомъ языкѣ Штелинъ, а Ломоносовъ обязывался только перелагать нѣмецкіе стихи въ русскіе, противъ чего онъ, впослѣдствіи возсталъ, наскучивъ должностью переводчика штелиновскихъ виршей. Въ первый разъ нѣкоторые изъ подобныхъ стихотворныхъ переводовъ надписей напечатаны были Ломоносовымъ въ его Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ (Спб., 1751), но безъ указанія, что это переводные стихи, между тѣмъ какъ о сдѣланныхъ въ 1748 и слѣдующихъ годахъ есть въ современныхъ дѣлахъ неопровержимыя доказательства тому.

Въ 1747 году императрица Елисавета утвердила новый уставъ для Академіи наукъ и штаты, по которымъ на ученое общество стало выходить болѣе, чѣмъ вдвое, противъ прежде отпускавшейся на нее суммы. Этотъ самый уставъ, составленный однимъ Тепловымъ подъ вліяніемъ Шумахера, былъ потомъ поводомъ ко многимъ несправедливостямъ, а также и къ тому, что Академія не особенно процвѣтала, когда онъ дѣйствовалъ. Ломоносовъ возставалъ потомъ болѣе прочихъ противъ всего происходившаго въ Академіи на основаніи этого устава, тѣмъ не менѣе однако въ 1747 г. онъ принужденъ былъ написать оду, гдѣ восторженно прославляются новыя постановленія для Академіи. Стихотвореніе это имѣло такое заглавіе: Радостныя и благодарственныя восклицанія музъ россійскихъ, прозорливостію Петра Великаго основанныхъ, тщаніемъ щедрыя Екатерины утвержденныхъ и несказаннымъ велико-

1) Ломоносовъ и реформа Петра Великаго, г. О. Миллера, Вѣстникъ Европы 1866 г., мартъ, I, отд. 2, стр. 385.

душіемъ ея императорскаго величества всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссійскія обогащенныхъ, оживленныхъ и восставленныхъ, которыя на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на всероссійскій престолъ ея величества ноября 25 дня 1747 года приноситъ всеподданнѣйшая Академія наукъ. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [1]).

Ода начинается знакомою почитателямъ музы Ломоносова строфою, въ которой изображенъ миръ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Для прославленія Россіи, Провидѣніе послала ей Петра. Несмотря на страшныя войны,

Тогда божественны науки
Чрезъ гóры, рѣки и моря́,
Въ Россію простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подáть въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѐ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Здѣсь разумѣется намекъ на основаніи Академіи наукъ въ Петербургѣ: но открыть ее помѣшала кончина великаго царя,

И Музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

Отрадою имъ является супруга его: когда бы она долго жила,

---

1) Въ f°, на 8 стр.; печатано 124 экземпляра.

то навѣрное бы славная въ ученомъ мірѣ парижская Академія наукъ должна была уступить петербугской:

Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой

Послѣдующія затѣмъ царствованія пройдены молчаніемъ. Горестный Парнассъ прояснѣлъ снова,

Великая Петрова Дщерь
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

Заслуживаетъ великихъ похвалъ завоеватель, но звукъ его славы заглушается стонами побѣжденныхъ. Въ царствованіе Елисаветы науки содѣйствуютъ процвѣтанію государства и для нихъ открыто широкое поприще.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Затѣмъ слѣдующая строфа, начинающаяся:

Науки юношей питаютъ

заимствована, какъ извѣстно, изъ Цицерона́, а подражаніе этому мѣсту въ прозаическомъ переводѣ Ломоносовъ помѣстилъ въ своей Риторикѣ, § 211 [1]).

Что касается до частной жизни Ломоносова въ 1747 и началѣ 1748 годахъ, то можно замѣтить, что онъ въ этотъ періодъ времени не могъ, повидимому, справиться съ своимъ хозяйствомъ: ему недоставало профессорскаго содержанія 660

---

1) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, г. Будиловича (Спб., 1869), 110.

рублей, и онъ постоянно бралъ жалованье впередъ „для крайнихъ нуждъ“, а одинъ разъ, именно 2-го ноября, въ подобномъ случаѣ прибавлено „и что жена его находится въ великой болѣзни, а медикаментовъ купить не на что....“ [1])

31 января 1748 года Эйлеръ, въ письмѣ въ нашу Академію, сообщилъ, что въ берлинской Академіи наукъ на будущій 1749 годъ задачею на премію избранъ вопросъ о происхожденіи селитры. „Я, прибавлялъ къ тому великій математикъ, сомнѣваюсь чтобы могъ кто-либо, кромѣ г. Ломоносова, написать объ этомъ лучше, почему и прошу убѣдить его приняться за эту работу. Было бы конечно почетно, когда бы членъ императорской Академіи и притомъ русскій получилъ нашу премію....“ Кромѣ того, Эйлеръ написалъ письмо и къ самому Ломоносову, 23 марта 1748 года. Здѣсь, между прочимъ, было слѣдующее мѣсто, переведенное послѣднимъ: „Сколь много проницательству и глубинѣ вашего остроумія въ изъясненіи претрудныхъ химическихъ вопросовъ я удивлялся, такъ равномѣрно ваше ко мнѣ письмо было пріятно.... Изъ вашихъ сочиненій съ превеликимъ удовольствіемъ я усмотрѣлъ, что вы въ истолкованіи химическихъ дѣйствій далече отъ принятаго у химиковъ обыкновенія отступили и съ препространнымъ искусствомъ (знаніемъ) въ практикѣ высочайшее основательной физики знаніе вездѣ совокупляете. Почему не сомнѣваюсь, что нетвердыя и сомнительныя основанія сея науки приведете къ полной достовѣрности, такъ-что ей послѣ мѣсто въ физикѣ по справедливости дано быть можетъ [2])“. Ломоносовъ съ чрезвычайною благодарностью и удовольствіемъ отвѣчалъ на означенный вызовъ и предварительно сообщилъ Эйлеру (5 іюля 1748 года) свое мнѣніе объ упругости воздуха (de vi aëris elastica). Haec sunt, vir celeberrime, кончалъ свое посланіе Ломоносовъ, quae jam per aliquot annos volvo, quaeque mihi quominus ea, quae, investigando causas qualitatum particularium profeci, in unum systema redigere atque publici juris

1) Билярскій, стр. 94—96, 97, 107.

2) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), стр. 95.

facere possim. Tuo autem acutissimo judicio ex hoc labyrintho me extricatum iri non dubito. Препровождая это письмо Ломоносова, Шумахеръ сообщилъ Эйлеру: „я совѣтовалъ г. Ломоносову дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ осторожно, и это-то имѣло послѣдствіемъ настоящее письмо. Онъ выказываетъ настоящій академическій духъ. Для поощренія его, г. президентъ приказалъ привести лабораторію въ такое состояніе, чтобы онъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случаются въ химіи...."

„Позвольте, милостивѣйшій государь, писалъ Эйлеръ къ графу К. Разумовскому, 24 августа 1748 года, сообщить вашему сіятельству мой отвѣтъ г. Ломоносову о предметѣ, чрезвычайно сбивчивомъ въ физикѣ, и я не знаю никого, кто бы былъ въ состояніи разъяснить этотъ трудный предметъ кромѣ даровитаго человѣка, дѣлающаго своими знаніями честь и императорской Академіи, и всему народу." Того же мѣсяца и года Эйлеръ писалъ, между прочимъ къ самому Ломоносову: „Какъ преглубоки ваши разсужденія, которыхъ сообщеніемъ дали вы мнѣ чувствительный знакъ своей любви и благосклонности.... О умедленіи моего отвѣта прошу не погнѣваться, затѣмъ, что о толь далекихъ и сокровенныхъ вещахъ мысли времени требуютъ...." [1])

Въ слѣдующемъ 1749 году, именно 8 апрѣля, Шумахеръ, очевидно опасавшійся, чтобы Эйлеръ своимъ вліяніемъ не помогъ Ломоносову получить премію, долгомъ счелъ предупредить знаменитаго математика: „г. Ломоносовъ сказывалъ мнѣ, что онъ отослалъ (?) свою статью о селитрѣ. Когда я имѣлъ честь говорить объ этомъ предметѣ съ г. президентомъ, то онъ далъ мнѣ понять, что желаетъ въ настоящемъ случаѣ сохранить безпристрастіе: если заслуживаетъ статья г. Ломоносова быть

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, Пекарскаго (Спб., 1865), 96. Билярскій, на стр. 113, высказалъ догадку, что отрывокъ «какой то физико-математической статьи» въ сборникѣ рукописей Ломоносова (въ f°, № 58, л.л. 445—448), писанный рукою Эйлера, можетъ быть есть отрывокъ отвѣта его Ломоносову. По прочтеніи этого отрывка оказывается, что здѣсь идетъ рѣчь объ отраженіи свѣта въ стеклахъ.

увѣнчанною — хорошо; если нѣтъ, то этимъ нисколько не обидятся....“ Эйлеръ отвѣчалъ, что онъ не вмѣшивается въ дѣло, но слышалъ, что одна изъ присланныхъ на премію статей превосходна и основательна. „Я бы, прибавляетъ онъ, желалъ чтобы авторомъ ея былъ г. Ломоносовъ.“

Но опасенія Шумахера, также какъ и благородное доброхотство Эйлера остались безъ осуществленія. Ломоносовъ хотя началъ 16 января 1749 года разсужденіе De nitro, и написалъ 32 страницы, но потомъ оставилъ эту работу неоконченною, и она донынѣ въ черновомъ собственноручномъ спискѣ Ломоносова хранится въ фоліантѣ его бумагъ подъ № 58 (въ русской академической библіотекѣ). Въ письмѣ 27 іюля 1749 года Ломоносовъ объяснялъ Эйлеру причины, которыя принудили его опоздать доставленіемъ къ сроку разсужденія о селитрѣ: устройство лабораторіи, чтеніе лекцій на русскомъ языкѣ, другія ученыя и литературныя занятія, рожденія дочери и пр. [1]).

Лѣтомъ 1748 года, наконецъ, было приступлено къ возведенію химической лабораторіи, которая строилась на деньги, отпущенныя изъ императорскаго Кабинета. На торгахъ, бывшихъ по этому поводу, подрядчикъ взялся выстроить все зданіе за 1.344 руб. Работы производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ломоносова. Всѣ необходимыя для этого учрежденія вещи и матеріалы заготовлялись также по его требованіямъ, а иногда и чертежамъ. Въ октябрѣ лабораторія приходила уже къ окончанію, такъ-что Ломоносовъ тогда уже требовалъ туда дровъ и угольевъ, а также сторожа. Въ ноябрѣ онъ просилъ объ отпускѣ туда же чугунныхъ чашъ, горшковъ и пр. [2]).

---

1) Билярскій, стр. 96, 109, 110, 113, 127, 753—755; Записки Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, 28, 29.

2) Билярскій, стр. 107, 108, 111, 112, 114, 117, 118. Вотъ описаніе, сдѣланное самимъ Ломоносовымъ первой въ Россіи химической лабораторіи (въ переводѣ съ латинскаго г. Будиловича, М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ, С. Петербургъ, 1869, 41): «Лабораторія должна быть довольно просторна и раздѣлена на нѣсколько камеръ со шкапами и полками, чтобы можно было свободно устроивать дѣйствія и на приличныхъ мѣстахъ располагать химическую посуду; для безопасности отъ пожара она должна быть построена изъ кирпича или камня и выведена сводомъ; печная труба должна быть устроена

Изъ своихъ ученыхъ трудовъ Ломоносовъ въ 1748 г. читалъ въ академическихъ засѣданіяхъ (2 сентября и 7 ноября) разсужденія: Tentamen theoriae de vi aëris elastica и Anemometrum summam celeritatem cujusvis venti, et simul variationes directionis illius indicans [1]). Оба эти разсужденія были впослѣдствія напечатаны и потому о нихъ будетъ еще говорено ниже.

Въ 1748 году при Академіи былъ учрежденъ сначала историческій департаментъ, а вскорѣ за тѣмъ историческое собраніе, засѣданія котораго вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ академиковъ обязанъ былъ посѣщать и Ломоносовъ [2]). Слѣды участія

удобнѣйшимъ образомъ, чтобъ открытъ былъ свободный выходъ дыму и вреднымъ парамъ. Академическая лабораторія, щедротами императрицы въ 1748 г. построенная изъ кирпичей въ ботаническомъ саду (при этомъ ссылка на чертежи, но ихъ въ рукописи не оказалось): AAAA есть самая лабораторія; B — камера, приспособленная для предметовъ, которые должны быть взвѣшиваемы, раздѣляемы и пр.; C — другая камера для посуды, которая не всегда нужна къ употребленію; DDDD четыре столба, которые поддерживаютъ печную трубу лабораторіи; EEEE — основаніе печей; F печка для согрѣванія зимою камеры B; GGGG шкапы для сбереженія сырыхъ матеріаловъ и выработанныхъ химическимъ способомъ; HHHH шкапы для посуды, которая въ лабораторіи всегда должна быть подъ рукою; K лѣстница, по которой можно входить на печку, гдѣ подъ крышею сохраняется запасъ химической посуды. Въ лабораторіи, которая преимущественно приспособлена къ открытію физическихъ истинъ путемъ химическимъ, не нужно печекъ болѣе того, сколько необходимо для общихъ дѣйствій, и онѣ должны быть такой величины, чтобы могли только вмѣстить достаточно матеріала для дѣлаемыхъ опытовъ; ибо эти труды предпринимаются не для прибытка, а для науки; притомъ химикъ не можетъ считаться довольно осмотрительнымъ, если произведетъ больше опытовъ, чѣмъ сколько обнимаетъ вниманіе его мысли. Въ нашей лабораторіи девять печекъ, которыхъ намъ достаточно: 1) *ll* печка плавильная; 2) *mm* furnus docimasticus; 3) *nn* опять плавильная печь; 4) *oo* печь для дистилляціи; 5) *pp* furnus anemius valedissimus; 6) *qq* печка финифтяная; 7) *rr* petrificus; 8) *ss* печка для стекляннаго производства; 9) *tt* furnus digestorius. Можно прибавить печки переносныя, если нужда потребуетъ. Мы постарались устроить двѣ плавильныя печки одной величины по причинѣ частаго и постояннаго ихъ употребленія; ибо всѣ физическія дѣйствія, совершаемыя при помощи огня, могутъ приличнѣйшимъ образомъ производиться въ нихъ, буде потребуетъ нужда. Впрочемъ liquefactio, calcinatoria praeparatio, inrigidatio, decoctio, amalgamatio, caementatio, reductio, detonatio et crematio обыкновенно всегда производятся въ этихъ печкахъ.

1) Билярскій, стр. 113, 117.

2) Объ учрежденіи историческаго департамента и собранія — Исторія Академіи наукъ, I, 346, 347, 625, и въ настоящемъ томѣ, въ жизнеописаніи Тредіаковскаго, стр. 125—127.

его въ засѣданіяхъ этого учрежденія видны при двухъ случаяхъ. 3 и 6 іюня 1748 года въ историческомъ собраніи, во время чтенія одного мѣста изъ сочиненія исторіографа Мюллера, гдѣ упоминалось, что „Ермакъ грабежу или разбою (Räuberey), чинимаго отъ людей своихъ въ Сибири, не почиталъ за прегрѣшеніе (Verbrechen)“, гг. члены, а именно Штелинъ, Штрубе, Ломоносовъ и Браунъ (замѣтили), что о семъ дѣлѣ должно писать осторожнѣе и помянутому Ермаку въ разсужденіи завоеванія Сибири разбойничества не приписывать, въ чемъ и пришедшій въ самое то время, какъ о семъ рѣчь была, г. ассессоръ Тепловъ согласился....“ Въ слѣдующее засѣданіе, 6 іюня, Мюллеръ объявилъ, что онъ „требуетъ общаго отъ всѣхъ мнѣнія въ разсужденіи того, что онъ написалъ о Ермакѣ, какъ сперва бывшемъ такомъ человѣкѣ, котораго не возможно назвать по правдѣ добрымъ, выключить-ли ему то все, что онъ ни написалъ объ немъ, ибо умягчить свои изображенія ему никакъ невозможно....“ При отобраніи о томъ мнѣній отъ академиковъ, Ломоносовъ отозвался, что онъ „мнитъ, что подлинно неизвѣстно, для себя-ли Ермакъ воевалъ на Сибирь или для всероссійскаго самодержца, однако сіе правда, что онъ потомъ поклонился ею всероссійскому монарху, того ради, буде оныя разсужденія, которыя объ его дѣлахъ съ нѣсколькимъ похуленіемъ написаны, не могутъ быть перемѣнены, лучше ихъ всѣ выключить....“ Такъ-какъ всѣ остальные академики были того же мнѣнія, то исторіографъ „учинилъ оное при ихъ присутствіи, а именно вычернилъ всѣ оныя помянутыя описанія....“ [1]) Увидимъ ниже, что Ломоносовъ (1751 г.) формально доносилъ, что онъ съ самаго открытія историческаго собранія много принужденъ былъ тамъ отъ Мюллера „ругательства и обиды терпѣть напрасно....“ [2]) Свидѣтельства современниковъ о нравѣ нашего знаменитаго писателя даютъ нѣкоторое право думать, что едва-ли онъ допускалъ „терпѣть напрасно“ нападки на него Мюллера, который, впрочемъ, так-

1) Библіографическія записки 1861 г., № 17, 515—517.
2) Билярскій, стр. 489.

же по современнымъ отзывамъ не обладалъ сдержанностью и уступчивостью. Вскорѣ послѣ засѣданій историческаго собранія, въ которыхъ разбирали трудъ Мюллера съ цензурной точки зрѣнія, возникло объ этомъ ученомъ слѣдственное дѣло по поводу къ нему письма изъ-за-границы астронома Николая-Іосифа Делиля, гдѣ петербургская Академія наукъ была названа corps phantasque, т. е. учрежденіемъ призрачномъ, и упоминалось объ уговорѣ съ Мюллеромъ написать что-то о ней за границею [1]). Мюллеръ во всемъ этомъ дѣлѣ видѣлъ только слѣдствіе давняго недоброжелательства къ себѣ Шумахера и даже опасался, чтобы тотъ при разборѣ отобранныхъ у него бумагъ нѣкоторыя изъ нихъ не присвоилъ себѣ, или не вложилъ таковыхъ собственнаго издѣлія. „Хотя мнѣ, писалъ далѣе Мюллеръ по французски къ Теплову 25 октября 1748 года, говорили, что при разборѣ бумагъ присутствовали также гг. Винцгеймъ и Ломоносовъ, но они можетъ быть заняты другими дѣлами. Кромѣ того, вы знаете, милостивый государь, что первый хотя и честный человѣкъ, однако не имѣетъ смѣлости противорѣчить г. Шумахеру въ самомалѣйшей вещи. Что касается другаго, то у меня не менѣе причинъ ему не довѣрять, такъ-какъ онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ мнѣ простить того, что я дѣйствовалъ противъ него вмѣстѣ съ другими профессорами въ его ссорѣ съ г. Винцгеймомъ, когда онъ былъ еще адъюнктомъ—обида, которую я считалъ достаточно заглаженною содѣйствіемъ, оказаннымъ ему мною при избраніи его въ профессоры....“ [2]) Наряженная тогда о Мюллерѣ особенная коммиссія не могла придти ни къ какимъ результатамъ о виновности этого ученаго, но Ломоносовъ гораздо послѣ событія, писалъ: „что непозволенныя переписки Мюллеръ производитъ съ чужестранными, то довольно утверждаетъ бывшая надъ нимъ вторая коммиссія для слова phanatique (sic) [3]).

Въ октябрѣ—декабрѣ 1748 года въ томъ же историческомъ собраніи разсматривался университетскій регламентъ, состав-

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 349—351.

2) I, 2-й портфель исторіографа Мюллера, Матеріалы для исторіи Академіи наукъ съ 1743 по 1751 годъ.

3) Билярскій, стр. 489.

ленный въ канцеляріи и препровожденный потомъ на обсужденіе академиковъ. Въ жизнеописаніи Тредіаковскаго, стр. 135—142, говорено подробно о ходѣ всего дѣла, здѣсь же замѣтимъ только, что когда потребовано было отъ Ломоносова мнѣнія о разсматриваемомъ регламентѣ, то онъ, 12 октября 1748 года, отвѣчалъ въ письмѣ къ Тредіаковскому, какъ секретарю историческаго собранія: „....оное (мнѣніе) кратко объявляю и думаю, что въ университетѣ неотмѣнно должно быть тремъ факультетамъ: юридическому, медицинскому и философскому (богословскій оставляю синодальнымъ училищамъ), въ которыхъ бы производились въ магистры, лиценціаты и докторы. А ректору при немъ не быть особливому, но все то знать ефору или надзирателю, что въ взнесенномъ въ историческое собраніе регламентѣ на ректора положено; ибо ректоръ въ университетѣ бываетъ главный командиръ, а здѣсь онъ только будетъ имѣть одно имя. Не худо, чтобы университетъ и Академія имѣли по примѣру иностранныхъ какія нибудь вольности, а особливо чтобъ они свобождены были отъ полицейскихъ должностей“.

7 декабря 1748 года, Ломоносовъ подалъ „Прибавленіе къ моему мнѣнію о университетскомъ регламентѣ“, заключавшееся въ слѣдующемъ: „Студентовъ раздѣлить на три класса; перваго класса студенты ходятъ на всѣ лекціи для того, чтобы имѣть понятіе о всѣхъ наукахъ, и чтобы всякъ могъ видѣть, къ какой кто наукѣ больше способенъ и охоту имѣетъ. Втораго класса студенты ходить должны на лекціи только того класса, въ которомъ ихъ наука. Третьяго класса студенты тѣ, которые опредѣлены уже къ одному профессору и упражняются въ одной наукѣ. Симъ послѣднимъ должно, по моему мнѣнію, опредѣлить рангъ армейскаго прапорщика; а производить ихъ въ временные переводчики въ поручической рангъ, а изъ нихъ въ адъюнкты“[1]).

---

1) Билярскій, стр. 115, 119. Здѣсь кстати замѣтить, что высказанное г. Н. Лавровскимъ предположеніе (О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ, Харьковъ, 1865 г., стр. 93, 94) о томъ, будто бумаги, доказывающія большее

Въ жизнеописаніи Тредіаковскаго (стр. 123, 124) было говорено о выборѣ воспитанниковъ духовныхъ училищъ въ Петербургѣ, Новгородѣ и Москвѣ для помѣщенія ихъ въ университетѣ при Академіи наукъ. Когда молодые люди туда прибыли (въ мартѣ 1748 года), то ихъ съ академиками Брауномъ и Фишеромъ экзаменовалъ и Ломоносовъ. Они находили, что семнадцать изъ семинаристовъ „въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ что оные на академическія лекціи о чистотѣ штиля, здравѣйшей философіи и математикѣ допущены быть могутъ, а двухъ изъ нихъ.... послать на нѣсколько времени въ академическую гимназію латинскому языку учиться“.

Ломоносовъ отправлялся вмѣстѣ съ Брауномъ для вышепомянутой же цѣли экзаменовать воспитанниковъ невской семинаріи, и послѣ того къ нему явился одинъ изъ нихъ, не попавшій на экзаменъ по волѣ своего начальства, но очень хотѣвшій быть академическимъ студентомъ. „И по его желанію говорилъ я, писалъ Ломоносовъ въ академическую канцелярію, съ нимъ по латинѣ и задавалъ переводить съ латинскаго на россійскій языкъ, изъ чего я усмотрѣлъ, что онъ имѣетъ острое понятіе и латинскій языкъ столько знаетъ, что онъ профессорскія лекціи разумѣть можетъ. При экзаменѣ сказанъ былъ онъ отъ учителей больнымъ“[1]). Академическая канцелярія вытребовала этого ученика въ Академію; это былъ — Иванъ Барковъ, оказавшійся даровитѣйшимъ изъ тогдашнихъ студентовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, его ожидала громкая извѣстность, когда бы несчастная страсть къ вину и распущенная жизнь не погубила этого человѣка.

Ломоносовъ 13 мая 1748 года доставилъ требованный отъ

участіе Ломоносова въ дѣлѣ объ университетскомъ регламентѣ, утрачены, не подтверждаются никакими данными. Вся переписка по этому предмету хранится въ академическихъ архивахъ: канцелярскомъ — въ книгѣ № 803, которую видѣлъ Билярскій, и въ конференцскомъ — въ связкѣ № 70, которою этотъ изслѣдователь не пользовался. Я имѣлъ случай просматривать какъ книгу, такъ и связку.

1) Билярскій, 100, 104, и Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ, стр. 29 и слѣд.

него переводъ программы всѣхъ лекцій, которыя должны были читаться при академическомъ университетѣ. Программа эта была напечатана[1]), и здѣсь, послѣ объясненій о пользѣ наукъ и упоминаній о щедротахъ къ Академіи Петра Великаго, Екатерины I и Елисаветы, находимъ: „Великихъ сихъ благодѣяній Россія почитать никогда да не престанетъ. И Академія наукъ властію и прозорливостію Его Сіятельства своего Президента побуждаемая, ничего не преминетъ, чемъ за толикое Ея Величество щедролюбіе ревностію служить и Россійскому юношеству пользовать можетъ. Прочее отъ васъ, Россійскіе юноши, зависитъ, чтобы вы толикимъ Всемилостивѣйшія Государыни благодѣяніемъ съ пользою наслаждались. Здѣсь предлагается вамъ росписаніе академическихъ наставленій, которыя въ академическихъ авдиторіяхъ публично предлагаться будутъ". Затѣмъ слѣдуютъ имена академиковъ и предметы ихъ чтеній, а въ заключеніи сказано: „Когда къ окончанію сихъ лекцій студенты къ прочимъ наукамъ довольно будутъ приготовлены, тогда по понятію и по охотѣ каждаго имъ толковать будутъ": Винцгеймъ—практическую астрономію, А. Бургаве—анатомію и физіологію, Ломоносовъ—химію, Краценштейнъ—механику, Крашенинниковъ — ботанику, Поповъ — астрономію теоретическую.

Изъ литературныхъ трудовъ Ломоносова, появившихся въ печати въ 1748 году, самымъ виднымъ было Краткое руководство къ краснорѣчію, книга перьвая, въ которой содержится Риторика показующая общія правила обоего краснорѣчія, то есть ораторіи и поэзіи, сочиненная въ пользу любящихъ

---

1) Вотъ ея заглавіе: По всемилостивѣйшему указу ея императорскаго величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія и протчая, и протчая, и протчая. И по опредѣленію его сіятельства, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, ея императорскаго величества дѣйствительнаго каммергера, Академіи наукъ президента, орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалера. Тоя же Академіи наукъ профессоры Россійскимъ Юношамъ, къ изученію почтенныхъ наукъ опредѣленнымъ, чрезъ сіе объявляютъ будущія свои наставленія, которыя начаты быть имѣютъ 11 іюля 1748 года. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ. Въ f°, 4 ненум. стр.

словесныя науки. Трудами Михайла Ломоносова Императорской Академіи Наукъ и Историческаго Собранія Члена, Химіи Профессора. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1748[1]).

Выше, на стр. 350, приведено рукописное посвященіе Ломоносова. Что касается до находящагося при печатномъ экземплярѣ, то въ немъ сначала говорится о дарѣ слова и украшеніи его. „Языкъ, которымъ Россійская Держава великой части свѣта повелѣваетъ, по ея могуществу имѣетъ природное изобиліе, красоту и силу, чемъ ни единому Европейскому языку не уступаетъ. И для того нѣтъ сумнѣнія, чтобы Россійское слово не могло приведено быть въ такое совершенство, каковому въ другихъ удивляемся. Симъ обнадеженъ, предпріялъ я сочиненіе сего руководства; но больше въ такомъ намѣреніи, чтобы другіе увидѣвъ возможность, по сей малой стезѣ въ украшеніи Россійскаго слова дерзновенно простирались. О успѣхахъ сего дѣла весьма не можно сумнѣваться, когда уже купно съ прот-

1) Въ 8°. Существуютъ два изданія этой книги оба съ обозначеніемъ 1748 года. Въ первомъ, кромѣ заглавія, 8 ненум. стр. (посвященіе великому князю наслѣднику); 315 нум. и 2 нен. стр. (погрѣшности и оглавленіе). Такой экземпляръ есть у меня, но безъ посвященія; а въ академической библіотекѣ—любопытенъ тѣмъ, что онъ съ корректурными поправками Ломоносова. Отсюда, напр., узнаемъ, что на заглавіи прежде стояло въ титулѣ автора «и исторіографическаго департамента члена», вм. чего Ломоносовъ поправилъ «и историческаго собранія членъ». Въ подписи подъ посвященіемъ было набрано: «Нижайшій усердный рабъ Михайло Ломоносовъ», что потомъ имъ поправлено такъ: «всенижайшій и всеусерднѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ». Иногда онъ подписывалъ къ печатанію: Imprimatur. Lomonosoff; иногда же это по русски, напр. «24 марта высмотрѣвъ прилѣжно и рѣчь отъ рѣчи, гдѣ они стоятъ слиты, расставивъ, печатать Ломоносовъ». Или: выбрать и пересмотрѣть корректуру и потомъ печатать. Маія 4. Lomonosoff». Или просто: «Выбравъ чисто печатать. Ломоносовъ». На стр. 263 есть рукою Ломоносова въ примѣрѣ изъ 145 псалма поправка, сдѣланная очевидно по цензурнымъ соображеніямъ. Прежде было набрано: «Или должно уповать на Бога, или на Князей земныхъ; но на Князей уповать не должно; слѣдовательно должно уповать на Бога». Это потомъ зачеркнуто и вмѣсто того написано: «Или уповать на Бога, или на князей сыновъ человѣческихъ; но уповать на нихъ не надежно; слѣдовательно лучше уповать на Бога». Изъ нѣкоторыхъ отмѣтокъ на послѣднихъ листахъ видно, что Ломоносовъ держалъ ихъ корректуру въ февралѣ и мартѣ 1748 года. Второе изданіе Риторики 1748 года съ тѣмъ же заглавіемъ на 302 нумер. и 1 ненум. стр., на которой оглавленіе.

чими и словесныя науки, великимъ Вашего Императорскаго Высочества Дѣдомъ основанныя, нынѣ божественнымъ благодѣяніемъ августѣйшія Дщери Его всемилостивѣйшія монархини нашея умножены и обогащены. О семъ настоящемъ щастіи радость нашу умножаетъ твердая и о будущемъ надежда, которыя превосходныя Вашего Высочества дарованія въ сердцахъ нашихъ возбуждаютъ....“

Изъ сохранившагося до нынѣ риторическаго учебника, писаннаго Ломоносовымъ въ бытность его въ московской духовной школѣ (о немъ см. выше стр. 285), видно, что онъ при составленіи риторики не забылъ своего прежняго школьнаго руководства. Впрочемъ подобные учебники были сколкомъ съ риторикъ Кауссина и Помея, и митрополитъ Евгеній первый указалъ, что ломоносовская риторика выбрана изъ сочиненій сейчасъ названныхъ писателей. Въ одномъ разборѣ смирдинскаго Собранія сочиненій Ломоносова указано и третье произведеніе, изъ котораго онъ заимствовалъ риторическія правила — это Готшеда Ausführliche Redekunst [1]). По свидѣтельству г. Будиловича, параграфы „о сопряженіи простыхъ идей“ и „объ изобрѣтеніи доводовъ“ взяты у Вольфа [2]).

И такъ ломоносовская риторика со стороны своего содержанія не представляетъ ничего такого, что отличалось бы самостоятельностью. Впрочемъ, она въ русской литературѣ имѣетъ особенное значеніе по другимъ причинамъ. Прежде всего это была первая риторика на русскомъ языкѣ, такъ-какъ до того времени въ нашихъ школахъ эта наука преподавалась не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Во вторыхъ, въ подтвержденіе правилъ и для образца здѣсь приведены отрывки и цѣлыя произведенія въ стихахъ и прозѣ, переводныя и оригинальныя. Эти-то собственно примѣры и дѣлали риторику Ломоносова неоцѣненною во время появленія ея въ свѣтъ, когда вовсе не было почти книгъ для легкаго чтенія. По этому ни-

1) Московскія Вѣдомости 1852 г., № 47, О смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова.

2) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ (Спб., 1869), гдѣ на стр. 103—112 подробно и обстоятельно сообщено о содержаніи ломоносовской риторики.

сколько неудивительно, что долгое время и послѣ ломоносовская риторика была не только учебникомъ, но и сборникомъ образцовъ всего лучшаго изъ того, что тогда представляла небогатая русская литература. Замѣчательно еще въ этой риторикѣ и то, что переводчиковъ и авторовъ всѣхъ возможныхъ примѣровъ и образцовъ совмѣщало въ себѣ одно лицо — Ломоносовъ! Неудивительны поэтому слова Татищева, который писалъ вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этого произведенія Ломоносова: „нашъ языкъ многихъ полняе и плодовитѣе, и мню, что въ Философіи, Маѳематикѣ и прочихъ наукахъ не хуже Французскаго и Германскаго, но еще кратче изъяснить можемъ, что нѣкоторые Члены Русской Академіи изданіемъ преизрядныхъ книгъ засвидѣтельствовали, особливо господина Профессора Ломоносова изрядная Риторика и другія, яко же Тредіаковскаго и господина Сумарокова, стихотворныя хвалы достойны“ [1]). Не только одни современники Ломоносова, но и потомки, нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ уже появленія въ свѣтъ его риторики, отзывались о ней не иначе какъ съ восхищеніемъ. „Правда, говоритъ напримѣръ Севергинъ [2]), что правила изобрѣтенія идей, украшенія и разположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя. Но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семъ поприщѣ лучшія проложилъ стези на Россійскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ; и не взирая на оныя, любители словесности не престаютъ до нынѣ читать его Риторику и образовать себя по оной. Ибо никто почти не былъ столь счастливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ, и вообще въ украшеніи и разположеніи. Здѣсь должны мы наипаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые не подражае-

1) Исторія россійская В. Татищева, I, 493.

2) Слово похвальное М. В. Ломоносову, читанное въ императорской россійской Академіи В. Севергинымъ, Санктпетербургъ, 1805 года, стр. 31, 32.

мы....“ Затѣмъ въ примѣръ приведено описаніе пѣнія соловья, оказавшееся, впрочемъ, заимствованнымъ изъ Плинія.

29 марта 1748 года Ломоносовъ въ собственноручномъ доношеніи писалъ: „Для переплету сочиненной мною риторики, въ какомъ долженъ я поднести его императорскому высочеству, также и для другихъ домашнихъ нуждъ потребны мнѣ необходимо деньги, въ которыхъ имѣю крайніе недостатки. Того ради канцелярію Академіи наукъ покорно прошу, чтобы повелѣно было выдать мнѣ жалованья за мартъ мѣсяцъ сего 1748 года“[1]). Просьба эта была тогда же удовлетворена. Кромѣ того, академическая канцелярія распорядилась, 8 іюня 1748 г., о выдачѣ Ломоносову 25 экземляровъ риторики „за его трудъ въ награжденіе“. Нѣсколько времени спустя, именно 6 іюля, къ этимъ экземплярамъ прибавлено было автору еще 25[2]).

Въ 1748 году Ломоносовъ сочинилъ „Оду на день восшествія на престолъ ея величества государыни императрицы Елисаветы Петровны“, которая и была напечатана къ 25 ноября того же года[3]). Здѣсь болѣе, чѣмъ въ предыдущихъ годахъ, встрѣчается громкихъ похвалъ мудрости, благодушію и умѣнію царствовать Елисаветы. Между пожеланіями снова являются намеки на дарованіе новаго устава Академіи наукъ и прежнее ея печальное положеніе:

И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слезы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повседневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

* * *
* *

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!

1) II, книга № 115; Билярскій, стр. 99.

2) Билярскій, стр. 106, 109.

3) Этой оды было отпечатано 225 экземпляровъ, но нынѣ мнѣ не случилось видѣть перваго изданія ея, а потому примѣры здѣсь выписаны изъ Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ М. Ломоносова, Спб. 1751 года, 105—117.

Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ!

Далѣе слѣдуютъ иносказанія, какъ русскіе при Елисаветѣ побѣдили шведовъ, иносказанія, которыя можно объяснить тѣмъ, что въ 1748 году дѣлались разныя военныя приготовленія противъ Швеціи и въ тогдашнихъ Петербургскихъ вѣдомостяхъ отъ времени до времени печатались извѣстія о сосредоточеніи войскъ и о снабженіи нашихъ магазиновъ въ Финдляндіи разными запасами.

Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чѣмъ путь его пресѣченъ къ стаду.

Въ 1748 г. императрица послала вспомогательныя войска на Рейнъ, и это одно обстоятельство было причиною заключенія мира въ Аахенѣ:

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой лаврами обвитый
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Въ 20-й строфѣ воспоминанія о пораженіи Карла XII. Дворъ въ концѣ 1748 года сбирался въ Москву, гдѣ въ маѣ 1748 года сгорѣло нѣсколько десятковъ монастырей и церквей, около двухъ тысячъ дворовъ и проч. [1])

Москва едина на колѣна
Упавъ, передъ Тобой стоитъ,
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня, ожидаетъ,

1) С. Петербургскія вѣдомости 1748 г., № 49, стр. 390, 391.

Къ Тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опаленны
Возри на стѣны разрушенны
Я жду щедроты Твоея.

* * *
* *

Гряди, краснѣйшая денницы,
Гряди и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряніцы
Утѣшь печальныя сердцà,
И время возврати златое.

Ода Ломоносова была поднесена императрицѣ во дворцѣ президентомъ Академіи, графомъ Разумовскимъ, и, какъ сказано въ современныхъ газетахъ, „ея императорское величество милостиво принять соизволила, и сочинителю сего поздравленія профессору химіи г. Ломоносову всемилостивѣйше пожаловать изволила двѣ тысячи рублевъ въ награжденіе“ [1]).

Изъ дѣла, возникшаго въ 1750 г. о взысканіи съ Ломоносова по одному векселю можно видѣть, что онъ часть пожалованныхъ ему денегъ употребилъ въ 1748 г. на расплату долговъ; но количество послѣднихъ онъ самъ опредѣлительно не зналъ, такъ какъ, по его свидѣтельству, одинъ вексель въ сто рублей оказался тогда скрытымъ заимодавцемъ съ цѣлію получать по немъ впослѣдствіи проценты. Ломоносовъ это замѣтилъ уже тогда, когда вексель представленъ былъ къ взысканію [2]).

Въ 1748 году Ломоносову нѣсколько разъ приходилось составлять стихотворные переводы надписей для иллюминацій, которыя сочинялись академикомъ Штелинымъ. Такъ, 20 апрѣля того года, Ломоносовъ получилъ изъ академической канцеляріи ордеръ о переводѣ стихами надписи, переведенной въ прозѣ такъ:

Твоей короны зданіе, монархиня, пускай стоитъ
Тебѣ къ веселію и намъ къ блаженству твердо,
Какъ наша вѣрность ожидать отъ неба намъ того велитъ
И ревность уповать всегда тебѣ усердно.

Получивъ такую надпись, Ломоносовъ обратился съ пись-

1) С. Петербургскія Вѣдомости 1748 г., № 96, стр. 769.
2) Билярскій, стр. 775.

момъ къ Теплову, въ которомъ увѣрялъ, „что въ нѣмецкихъ виршахъ нѣтъ ни складу, ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно, чтобъ такую глупость перевесть на россійскій языкъ...“[1])

Тепловъ, въ отвѣтъ Ломоносову, послалъ 22 апрѣля къ нему самое изъясненіе иллюминаціи, предупреждая, чтобы онъ не досадилъ Штелину экспрессіями, предосудительными его чести, и оканчивая словами „пожалуй поспѣши къ утру“. Ломоносовъ тогда написалъ „Надпись на иллуминацію, представленную въ торжественный день Коронованія Ея Величества 1748 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ представленъ былъ въ храмѣ олтарь изъ сердецъ сложенной, на верьху Императорской вѣнецъ, по сторонамъ галлереи къ восходящему и заходящему солнцу.

Во храмѣ ревности на олтарѣ сердецъ
Къ подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Отъ подданныхъ Твоихъ чистѣйшій огнь пылаетъ,
Да щастіемъ Твоимъ Россію увѣнчаетъ,
Да солнце восходя и заходя дивится,
Что всюду красота Твоихъ тріумфовъ зрится[2]).

Другая подобная надпись на иллюминацію 5 сентября 1748 года, сочиненная Ломоносовымъ, помѣщается въ Собраніи его сочиненій[3]); но слѣдующія два его произведенія этого же рода до сихъ поръ были неизвѣстны, такъ-какъ онъ самъ не напечаталъ ихъ въ Собраніяхъ своихъ сочиненій, которыя выходили при его жизни.

Ко дню возшествія на престолъ императрицы Елисаветы Штелинъ придумалъ иллюминацію, въ которой Россія была изображена въ видѣ крѣпости, взятой Елисаветою; при чемъ были нѣмецкіе стихи, вышедшіе въ русскомъ прозаическомъ переводѣ такими рублеными строчками:

Къ нашему давно желанному благополучію,
Къ удовольствію твоего отечества,

---

1) Билярскій, стр. 101—103. Все письмо Ломоносова уже помѣщено въ Исторіи Академіи наукъ, I, 547.

2) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ М. Ломоносова, (Спб., 1751), надпись 13.

3) Тоже Собраніе разныхъ сочиненій, надпись 14.

Мудрою твоею храбростью взята удержанная крѣпость.
Въ воспоминаніе сего дѣла, въ честь сея ночи,
Мы, по должности нашей и вѣрности,
Сію иллюминацію соорудили.

Подъ этимъ переводомъ рукою Ломоносова написаны слѣдующіе стихи:

Явивъ щастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Прешла препятствій многихъ стѣну,
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
На память дня того и оноі ночи въ честь,
Мы тщимся праздничны сіи огни принесть [1]).

Въ ноябрѣ же 1748 года, Штелину поручено было составить проекты фейерверка и иллюминаціи къ новому 1749 году, который тогда долженъ былъ праздноваться въ Москвѣ, по случаю пребыванія тамъ двора. Штелиновскій трудъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій академическій переводчикъ Василій Лебедевъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе и изъясненіе трехъ соединенныхъ плановъ фейерверка на новой 1749 годъ“. Ломоносовъ, кромѣ стихотворныхъ переложеній, сдѣлалъ своею рукою нѣкоторыя исправленія въ переводѣ бывшаго своего товарища. Напр.:

Переводъ Лебедева.	Поправки Ломоносова.
Средній планъ представляетъ по римскому великолѣпію лавровыми и пальмовыми вѣтвьми украшенный щитъ подъ короною имени ея императорскаго величества, а подъ нимъ знаками новаго году, а именно двузрачною янусовою головою на крылѣ и числомъ 1749 года на верху тріумфальныхъ вратъ. Сквозь отверстіе которыхъ городъ и Москва рѣка, а подъ ними восходящее солнце въ сіяніи является. На воротахъ сидитъ Московская губернія въ золотомъ побѣдоносномъ и съ башенками вѣнцѣ на головѣ, на щитъ своего герба опершись.	Средній планъ представляетъ тріумфальныя ворота по римскому великолѣпію лавровыми и пальмовыми вѣтьвями украшенной щитъ подъ короною имени ея императорскаго величества, надъ которымъ знаки новаго года, а именно двуличная Янусова голова и число 1749 года на верьху. Сквозь отверзтіе оныхъ являются городъ и рѣка Москва, а надъ ними восходящее солнце въ сіяніи. При воротахъ сидитъ Москва въ видѣ женщины въ городовой короне, на щитъ своего герба опершись.

Лебедевскій переводъ надписи: „по нашему желанію сей

1) II, книга № 121. Эта надпись была напечатана только разъ въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1749 г., № стр. 96, 768.

годъ щастливо приходитъ и наше щастіе съ твоею славою къ верху восходитъ" Ломоносовъ переложилъ въ стихи, написанные его рукою:

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастіе приводитъ:
Съ твоею славою талантъ нашъ въ верхъ восходитъ.

И далѣе вм. лебедевскихъ: „какъ смотришь ты себя вѣрность и подданство въ храмѣ благополучнаго времени, такъ большая часть земнаго твоего благополучія должна быть въ счастливѣйшемъ царствѣ", Ломоносовъ написалъ стихи:

Взираетъ вѣрность на тебя
Во храмѣ полнаго блаженства,
Пространная твоя земля
Того жъ достигнетъ совершенства [1]).

Къ числу подобныхъ стихотворныхъ переводовъ Ломоносова въ томъ же году слѣдуетъ отнести четверостишіе, переведенное въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ Горація и заключающее въ себѣ намекъ на заключеніе мира въ Аахенѣ вслѣдствіе отправленія русскаго войска на Рейнъ. Латинскіе стихи были помѣщены въ календаряхъ на 1749 годъ [2]).

Послѣ пожара въ зданіи Академіи наукъ, канцелярія, 6 мая 1748 года, поручила Тауберту привести въ извѣстность уцѣлѣвшія отъ огня книги и вещи въ библіотекѣ и кунсткамерѣ, почему онъ былъ уволенъ „отъ писанія Санктпетербургскихъ вѣдомостей" [3]), и выборка для нихъ иностранныхъ извѣстій была возложена на Штелина [4]). Переводы для Вѣдомостей должны были дѣлать академическіе переводчики: Лебедевъ, Фрейгангъ, Барсовъ и студентъ Тепловъ. „А тѣ переводы, сказано въ томъ же опредѣленіи канцеляріи, править и послѣднюю оныхъ ревизію отправлять и надъ всѣмъ тѣмъ, что къ тому принадлежитъ, трудъ нести г. профессору Ломоносову; за который излишній, сверхъ должности его трудъ имѣетъ онъ получать, окромѣ жалованья его, въ награжденіе по 200 рублей

1) II, книга № 122.
2) Исторія Академіи наукъ, I, 657.
3) Билярскій, стр. 752, 753.
4) Исторія Академіи наукъ, I, 545.

въ годъ до указу изъ суммы, положенной класса физическаго (sic)....“

При этомъ была дана „инструкція вѣдомостной экспедиціи“, на которую въ слѣдующемъ году ссылался Ломоносовъ въ свое оправданіе. Вотъ эта инструкція, въ особенности имѣющая значеніе для исторіи единственной тогда въ цѣлой Россіи академической газеты:

„1. Г. надворному совѣтнику и профессору Штелину вѣдомости изъ иностранныхъ нѣмецкихъ и французскихъ письменныхъ и печатныхъ извѣстій, по понедѣльникамъ и четверткамъ, въ вѣдомостной экспедиціи писать, и Лебедеву, Фрейгангу, Барсову и студенту Теплову оныя по прежнему переводить, а профессору г. Ломоносову оные ихъ переводы править и послѣднюю оныхъ ревизію отправлять. Корректуры какъ нѣмецкихъ, такъ и россійскихъ Вѣдомостей въ вѣдомостной экспедиціи, а не дома — подъ штрафомъ — дѣлать, чего ради имъ всѣмъ въ вѣдомостные дни въ экспедицію приходить и каждому должность свою притомъ вѣрно и радѣтельно исполнять. 2. Никакова артикула изъ Россіи, изъ какова бы мѣста ни было, безъ вѣдома президента или въ отсутствіе его канцеляріи, въ Вѣдомости не вносить же. 3. Въ писаніи отъ всякаго умствованія и предосудительныхъ экспрессій удерживаться; особливо что къ предосужденію Россіи или ея союзниковъ касается въ Вѣдомости не вносить. 4. Какъ письменныя, такъ и печатныя извѣстія, которыя въ Вѣдомости поставлены, по мѣсячно расположить и въ надлежащемъ мѣстѣ прилежно хранить, дабы по требованію о томъ, что въ россійскихъ Вѣдомостяхъ публиковано, отвѣтъ дать можно было. 5. Прежде нежели Вѣдомости въ народъ пущены будутъ, то напередъ по одному экземпляру русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостей на почтовой бумагѣ канцлеру въ домовую канцелярію вносить“ [1]).

Кромѣ этого порученія, на Ломоносова возлагались, по примѣру прежнихъ лѣтъ, просмотры переводовъ книгъ, которыя печатались при Академіи наукъ. Въ февралѣ 1748 года ему

1) II, книги №№ 117 и 457.

были даны на разсмотрѣніе переведенные академическимъ переводчикомъ Васильемъ Лебедевымъ Корнелій Непотъ и физика Лешера. Ломоносовъ, 9 февряля 1748 года, писалъ въ академическую канцелярію: „переводъ книги Корнелія Непота исправленъ и весьма достоенъ, чтобы оную книгу напечатать. Что же до лешеровой физики касается, то въ разсужденіи перевода во многихъ мѣстахъ, а особливо въ терминахъ, до химіи и исторіи натуральной надлежащихъ, очень неисправна: также и оригиналъ самъ собою, которой мнѣ прежде читать случилось, никуда негоденъ, и мнѣ весьма удивительно, что изъ толь великаго числа физическихъ книгъ самой худой на русской языкъ переведенной быть случилось“. Вслѣдствіе такаго отзыва переводъ Корнелія Непота велѣно было отъ академической канцеляріи печатать, а за лешерову физику Лебедевъ получилъ внушеніе, „дабы оный впредь на такія книги негодныя время праздно не тратилъ, а какія книги имѣетъ впредь переводить, о таковыхъ бы прежде объявлялъ канцеляріи, которая по усмотрѣніи, ежели достойная явится, то къ переводу позволеніе дано быть имѣетъ съ резолюціею“ [1]).

17 февраля 1748 года Ломоносовъ обязывался просмотрѣть русскій переводъ студента Протасова анатомическихъ терминовъ изъ сочиненія Прейслера [2]).

12 августа того же года, Ломоносовъ доносилъ академической канцеляріи, что по разсмотрѣніи имъ перевода В. Лебедева первой книги сибирской исторіи академика Мюллера, „помянутая книга напечатанія достойна: малыя погрѣшности, которыя больше въ чистотѣ штиля состоятъ, могутъ имъ самимъ легко быть исправлены“ [3]).

Въ 1748 году Ломоносовъ также разсматривалъ вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ произведенія Сумарокова: трагедію Гамлетъ и

1) Билярскій, стр. 96, 97.

2) Билярскій, стр. 97. О первомъ переводѣ Правилъ Прейслера къ рисовальному художеству, сдѣланномъ Таубертомъ см. Исторію Академіи, I, 643. Второе изданіе этихъ же правилъ, въ переводѣ которыхъ вѣроятно участвовалъ академическій студентъ Протасовъ, издано, по свидѣтельству Опыта россійской библіографіи Сопикова (IV, № 8829), въ 1749 г.

3) Билярскій, стр. 112.

двѣ эпистолы. Тогда Ломоносовъ еще не былъ во враждѣ съ россійкимъ Расиномъ, который притомъ сравнилъ его въ одной изъ тѣхъ эпистолъ съ Пиндаромъ, а потому неудивительно, что нашъ академикъ далъ отзывъ благопріятный для Сумарокова. Тредіаковскій, осмѣянный въ эпистолахъ, не имѣлъ силы похвалить ихъ, о чемъ говорено уже выше на стр. 132—134. Впрочемъ благосклонный отзывъ о Гамлетѣ не помѣшалъ Ломоносову написать эпиграмму на это произведеніе Сумарокова, о чемъ Шишковъ такъ разсказываетъ въ своемъ Разсужденіи о старомъ о новомъ слогѣ: „Въ Гамлетѣ Сумарокова уличенная сыномъ своимъ въ убійствѣ перваго мужа и пришедшая въ раскаяніе Гертруда говоритъ второму супругу своему:

Вы всѣ свидѣтели безбожныхъ дѣлъ,
Того противна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,
Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерть не тронута взирала.

„Ломоносовъ, похуляя сей послѣдній стихъ и доказывая, что въ немъ совсѣмъ не тотъ смыслъ заключается, въ какомъ сочинитель его употребилъ, написалъ слѣдующіе стихи:

Женился Стилъ, старикъ безъ мочи,
На Стеллѣ, что въ пятнадцать лѣтъ,
И, не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись, оставилъ свѣтъ:
Тутъ Стелла бѣдная вздыхала,
Что на супружню смерть нетронута взирала.

Въ жизнеописаніи академика Іоганна-Георга Гмелина[1]) было разсказано о томъ, какъ Ломоносовъ и Мюллеръ при увольненіи его за границу въ 1747 году поручились за него въ уплатѣ данныхъ ему денегъ, а также въ возвращеніи академическихъ бумагъ и рисунковъ на случай, если бы Гмелинъ не вернулся въ Россію. Послѣдній дѣйствительно не захотѣлъ опять пріѣхать въ Петербургъ, и, 27 сентября 1748 г., объ этомъ событіи Шумахеръ сообщалъ Тауберту: „но нашъ президентъ вызываетъ его обратно строжайшимъ указомъ, а г. профессору Крафту поручилъ объявить ему, Гмелину, что

1) Исторія Академіи наукъ, I, 443 —447.

если онъ останется при своемъ злостномъ намѣреніи, то сдѣлаетъ тѣмъ несчастливыми и себя, и своихъ друзей. Между тѣмъ приказано его поручителей, гг. профессоровъ Мюллера и Ломоносова, смѣстить на половинное жалованье“ 1).

Въ бумахъ Мюллера сохраняется письмо къ нему Гмелина въ современномъ русскомъ переводѣ, гдѣ все это событіе изложено слѣдующимъ образомъ: „Ежели въ канцеляріи дни вѣрно записаны, то явственно есть, что контрактъ начали со мною заключать еще въ мѣсяцѣ іюнѣ, а къ подписанію былъ изготовленъ въ срединѣ іюля. О порукахъ же мнѣ стали говорить уже тогда, когда контрактъ былъ подписанъ. И какъ я г. совѣтнику Шумахеру представилъ, не изволитъ ли онъ по мнѣ взять поруку, то въ канцеляріи предложено было мнѣ о васъ и о г. профессорѣ Ломоносовѣ. Вы, по прошенію моему, порукою быть не отреклись, а г. профессоръ Ломоносовъ, какъ я съ нимъ о семъ, будучи у него въ домѣ, говорилъ, по мнѣ поручиться также не отказался съ такимъ уговоромъ, ежели вы изволите подписаться, то и онъ тотчасъ подпишется. Мнѣ неизвѣстно, что вы о томъ между собою совѣтовали, но каждый мнѣ самъ обѣщалъ. Я не могу понять, для чего было вамъ по мнѣ не ручаться, когда вы оба чрезъ многіе годы знаками моего къ вамъ чистосердечія удостовѣрены быть могли. Мнѣ весьма было странно, какъ я получилъ писанное отъ г. профессора Ломоносова октября отъ 1 дня бѣшеное письмо, въ которомъ онъ не постыдился описать меня плутомъ и вѣроломнымъ человѣкомъ. Онъ поступилъ въ семъ хотя чрезвычайно грубо, однако я отъ того и природной моей кротости не лишился; а я его угрозы ставлю не за велико, такъ какъ я не много скорблю о ругательныхъ словахъ, на меня изблеванныхъ. Онъ попрекаетъ меня своими благодѣяніями и дружествомъ, токмо я думаю, что ежели спросить тѣхъ людей, которые знаютъ

1) Въ рукахъ академика А. А. Куника были письма Ломоносова къ Гмелину, которыя, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ любопытныя черты для характеристики нашего знаменитаго писателя. Уже давно письма эти г. Куникъ передалъ другому лицу въ надеждѣ видѣть ихъ обнародыванными въ свѣтъ, но этого до сихъ поръ еще не послѣдовало. Билярскій, стр. 93.

г. Ломоносова и меня, то не сыщется ни одного такого безсовѣстнаго, который бы не сказалъ, что я его какъ благодѣяніемъ, такъ и дружественнымъ обходительствомъ много превышалъ. Однакожъ я для васъ и для г. профессора Ломоносова все то сдѣлаю, что въ разсужденіе старой дружбы за должность мою почитаю. Не извольте опасаться, чтобъ я безъ позволенія Академіи что въ печать издалъ, но будьте благонадежны, что я по полученіи указа тотчасъ всѣ порученные мнѣ письма и рисунки пришлю.... Я и не думалъ о побѣгѣ, чѣмъ дорогой мой другъ, россійскій Ньютонъ, г. профессоръ Ломоносовъ въ вышепомянутомъ своемъ письмѣ меня угрожаетъ, и остаются въ покоѣ его угрозы, въ самомъ дѣлѣ такъ страшныя, яко бы знаменіе тѣхъ приключеній, которыя не задолго предъ страшнымъ судомъ быть имѣютъ. Да и подлинно онѣ такъ жестоки, что ихъ уже и испугаться не можно....“[1])

18 января 1749 г. Ломоносовъ просилъ академическую канцелярію о выдачѣ слѣдующаго ему жалованья сполна, такъ-какъ „докторъ Гмелинъ прислалъ ассигнацію къ почтъ-директору Ашу на часть моего поручительства, и оныя деньги канцелярія Академіи наукъ принять можетъ. Что жъ до возвращенія доктора Гмелина, то самое мое поручительство показываетъ, что канцелярія Академіи отъ меня всеконечно требовать того не можетъ, но сама стараться имѣетъ. А что я помянутаго Гмелина уговаривать стараюсь, чтобы онъ возвратился, то канцелярія довольно видѣть можетъ изъ моихъ съ Гмелинымъ переписокъ....“ По этому поводу Шумахеръ представлялъ въ февралѣ 1749 года президенту Академіи: „....опредѣленіе о произвожденіи половиннаго жалованья Мюллеру и Ломоносову отмѣнить можно; они кричатъ и шумятъ, нетерпѣливы и къ дѣлу неудобны бываютъ, и напослѣдокъ выдать имъ и удержанное жалованье....“[2]) Распоряженіе о выдачѣ прежняго содержанія Мюллеру и Ломоносову послѣдовало 20 апрѣля 1749 года[3]).

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 31, 32.

2) Билярскій, стр. 753, 122.

3) Исторія Академіи наукъ, I, 339.

Объ ученыхъ занятіяхъ Ломоносова въ этомъ году, кромѣ напечатанныхъ уже извѣстій о томъ, что предполагалъ онъ тогда дѣлать [1], сохранились его же донесенія по этому предмету въ академическую канцелярію. Помѣщая заключающіяся тамъ свѣдѣнія въ выноскѣ, перехожу къ передачѣ подробностей, уцѣлѣвшихъ о дѣятельности Ломоносова какъ академика [2].

8 февраля 1749 года Шумахеръ опредѣлилъ представить президенту Академіи наукъ, гр. Разумовскому, бывшему тогда въ Москвѣ, о приказаніи отъ его имени Ломоносову написать рѣчь къ торжественному собранію Академіи, „понеже профессоръ Ломоносовъ въ состояніи написать диссертацію какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ, и оную либо публично

1) Билярскій, стр. 120, 121, 127, 128.

2) Всѣ три донесенія писаны неизвѣстнымъ почеркомъ и только подписаны Ломоносовымъ. I. «Въ канцелярію Академіи наукъ репортъ. Въ прошедшую январскую треть сего 1749 года трудился я: 1) въ окончаніи учрежденія лабораторіи и, сколько за неспособностію отъ стужи и за недостаткомъ нѣкоторыхъ инструментовъ и матеріаловъ можно было, дѣлалъ химическіе опыты, до крашенія стеколъ надлежащіе; 2) сочинилъ прибавленіе къ прежней моей диссертаціи о воздухѣ; 3) дѣлалъ физическіе опыты для опредѣленія градусовъ теплоты и стужи и началъ о томъ диссертацію; 4) началъ сочинять Слово похвальное къ будущему въ сентябрѣ мѣсяцѣ публичному академическому собранію 1749 года, мая 8 дня. II. Рапортъ о моихъ упражненіяхъ въ майской трети. 1) Трудился въ лабораторіи, пріуготовляя простые матеріалы, т. е. разныя соли, водки и прочая. А потомъ старался искать, какъ дѣлать берлинскую лазурь и баканъ венецейской и къ тому нашелъ способъ, какъ оные дѣлать. Сверхъ того чинилъ разныя физическія примѣчанія; 2) сочинилъ рѣчь похвальную ея императорскому величеству на россійскомъ языкѣ и половину перевелъ на латинской; 3) въ сочиненіи россійскаго лексикона при вспоможеніи г. Кондратовича до письмени П съ производными безъ сложныхъ. А въ настоящую треть: 1) намѣренъ стараться въ изысканіи способовъ, какъ дѣлать другія краски и цвѣтныя стекла для смазней, финифтей и прочая; 2) простираться стану въ сочиненіи россійскаго лексикона съ помянутымъ Кондратовичемъ; 3) доканчивать начатыя диссертаціи. III. Прошедшаго 1749 года въ сентябрской трети, сколько пріуготовленіе къ публичному собранію допустило, трудился я въ дѣлѣ крашеныхъ разныхъ стеколъ, какъ для изслѣдованія теоріи о цвѣтахъ, такъ и для разныхъ употребленій оныхъ, въ чемъ имѣю нарочитый успѣхъ. Между тѣмъ старался я приводить берлинскую лазурь въ лучшее состояніе и какъ бы оную дѣлать въ немаломъ количествѣ, и нашелъ, что оную дѣлать можно весьма дешево, такъ-что въ предлагаемые при семъ матеріаловъ исходитъ 75 копеекъ па фунтъ. Въ январскую треть сего 1750 года буду упражняться въ твореніи разныхъ стеколъ какъ для теоріи цвѣтовъ, такъ и для практики. Профессоръ Михаилъ Ломоносовъ». (II, книга № 125).

читать, либо наизусть говорить“; при чемъ ему слѣдовало вмѣнить въ обязанность, „чтобъ онъ не забылъ въ диссертаціи приписать похвалу основателю Академіи государю императору Петру Великому и покровительницѣ нынѣ достохвально владѣющей государынѣ императрицѣ; послѣ бъ объявилъ о началѣ, происхожденіи и нынѣшнемъ состояніи химіи, а потомъ бы описалъ нѣкоторые новые опыты....“ Впрочемъ Шумахеръ предлагалъ о Ломоносовѣ вовсе не изъ желанія имѣть для торжественнаго собранія блестящимъ образомъ написанную рѣчь или чтобы тѣмъ дать случай отличиться академику предъ русскою публикою; а просто по тому, что совѣтникъ очень хорошо зналъ, что въ Академіи не имѣлось много ученыхъ, которые были бы способны и охотники сочинять и произносить предъ публикою такого рода произведенія. Настоящій образъ мыслей объ этомъ предметѣ Шумахера всего лучше видѣнъ изъ его письма къ Теплову 9 февраля, стало-быть написаннаго на другой день послѣ вышеписаннаго опредѣленія: „Очень бы я желалъ, сознавался тамъ довольно откровенно Шумахеръ, чтобы кто нибудь другой, а не г. Ломоносовъ произнесъ рѣчь въ будущее торжественное засѣданіе, но не знаю такого между нашими академиками.... Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ, чтобы имѣть силу для пораженія безжалостныхъ насмѣшниковъ. Развѣ у насъ, милостивый государь, есть кто нибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его въ этихъ качествахъ?...“ За тѣмъ слѣдуетъ предложеніе о Мюллерѣ, чтобы онъ также читалъ рѣчь на актѣ, на томъ основаніи, что и онъ „обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень близко къ нахальству....“ Предложеніе это было принято графомъ Разумовскимъ, и отъ его имени велѣно было сочинять рѣчи и Ломоносову, и Мюллеру. Хитрый Шумахеръ не безъ намѣренія, конечно, сопоставилъ въ этомъ случаѣ двухъ академиковъ вмѣстѣ, во-первыхъ для того, чтобы Ломоносовъ не очень превозносился порученіемъ, а во-вторыхъ, чтобы еще болѣе разжечь соперничествомъ и безъ того сильную непріязнь между двумя учеными. Это можно замѣтить изъ слѣдующаго письма Шумахера къ Теплову, отъ 30 марта 1749 года: „все,

что вы почтили сообщить мнѣ касательно торжественнаго собранія, которое должно быть 5 сентября, будетъ исполнено въ точности. Я не счелъ нужнымъ говорить о томъ г. Ломоносову: у него голова еще полна разнородныхъ паровъ, которые его сильно безпокоятъ, ни г. Мюллеру, чтобы не возбудить зависти въ г. Ломоносовѣ....“ [1])

Въ августѣ рѣчь нашего академика, посвященная исключительно прославленію императрицы Елисаветы, была уже готова и отдана въ печать; но она не была произнесена 6 сентября, какъ предполагались прежде [2]), а 26 ноября 1749 года, такъ-какъ торжественное собраніе было отложено вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій, возбужденныхъ рѣчью Мюллера, о чемъ будетъ говорено ниже. Здѣсь же приводится только слѣдующее мѣсто изъ опредѣленія академической канцеляріи 27 сентября 1749 года: „Похвальное слово г. профессора Ломоносова къ славѣ Академіи наукъ и къ его собственной чести оставить такъ, какъ оно и прежде было уже отъ г. президента аппробовано, и перепечатать только тѣ приличности, которыя самъ г. Ломоносовъ отмѣнить захочетъ при переносѣ Слова своего отъ 6 сентября къ 25 ноября [3])“....

Рѣчь Ломоносова первоначально было отпечатана подъ заглавіемъ: Слово похвальное всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей

1) Исторія Академіи наукъ, I, 51, 54.

2) О торжественномъ собраніи въ этотъ день были, однако, разосланы слѣдующія печатныя объявленія: «Во исполненіе ея императорскаго величества указа и опредѣленія его графскаго сіятельства, Академіи наукъ г. президента, санктпетербургская императорская Академія наукъ, любителей свободныхъ наукъ всякаго званія и чина почтенно проситъ, чтобъ публичное академическое собраніе, которое имѣетъ быть въ академическихъ палатахъ, на другой день высочайшаго тезоименитства ея императорскаго величества, то есть сентября 6 дня по утру въ 9-мъ часу, присутствіемъ своимъ почтить соизволили. Причемъ г. профессоръ, ректоръ университета и исторіографъ Герардъ Фридрихъ Миллеръ читать будетъ диссертацію о началѣ россійскаго народа, и отчего оный такъ называется. Г. профессоръ химіи, Михайло Ломоносовъ говорить похвальное слово ея императорскому величеству; а по окончаніи онаго г. профессоръ астрономіи Николай де Винсгеймъ предложитъ астрономическую задачу для рѣшенія всѣмъ въ Европѣ находящимся ученымъ людямъ, съ объявленіемъ награжденія тому, кто оную основательнѣе рѣшитъ и яснѣе истолкуетъ. Печатано при императорской Академіи наукъ, 1749».

3) Билярскій, стр. 763.

великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской, на пресвѣтлый и торжественный праздникъ тезоименитства ея величества при публичномъ собраніи въ императорской Академіи наукъ сентября 6 дня 1749 года. Говоренное Михайломъ Ломоносовымъ, химіи профессоромъ, Академіи наукъ и историческаго собранія членомъ. Печатано при императорской Академіи наукъ [1]).

Впослѣдствіе Слово явилось въ видѣ прибавленія къ книгѣ: „Торжество Академіи наукъ.... празднованное публичнымъ собраніемъ на другой день восшествія на престолъ Ея императорскаго величества, т. е. ноября 26 дня 1749 года [2]). Здѣсь рѣчи дано было новое заглавіе: Слово похвальное всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, самодержицѣ всероссійской, на пресвѣтлый и торжественный день восшествія на всероссійскій престолъ ея величества ноября 25 дня, который празднованъ въ императорской Академіи наукъ публичнымъ собраніемъ ноября 26 дня 1749 года, говоренное Михайломъ Ломоносовымъ. Печатано при императорской Академіи наукъ [3]).

---

1) Въ 4°, 45 нум. стр. Въ архивѣ академической канцеляріи, книга № 838, есть рукописный экземпляръ этого изданія Слова, съ подписью: «Печатать по сему. Президентъ графъ К. Разумовскій». Въ этой же книгѣ есть извѣстіе, что въ сентябрѣ 1749 года Слово отпечатано на александрійской бумагѣ 250 и на комментарной 250 же экземпляровъ. Ср. также Билярскій, стр. 130, 131.

2) Въ 4°, 16 ненум. стр. (кромѣ заглавій, здѣсь: предисловіе, описаніе иллюминаціи и объявленіе о награжденіи преміею), 34 и 45 нум. страницъ. Въ началѣ гравюра, съ подписью внизу: грав. И. Соколовъ при Академіи наукъ и художествъ; на ней изображена иллюминація впереди двухъ зданій, принадлежавшихъ тогда Академіи наукъ. Въ предисловіи говорится, что празднество 26 ноября 1749 года именно учреждено было въ выраженіе благодарности за дарованіе Академіи штата, безъ чего она приходила бы все въ худшее состояніе и должна была бы необходимо рушиться.

3) Также въ 4°, на 45 нумер. стр.; но здѣсь было перепечатано полтора листа изъ прежняго изданія вслѣдствіе поправокъ, сдѣланныхъ самимъ Ломоносовымъ. Тогда же напечатанъ былъ латинскій переводъ подъ заглавіемъ: Panegyricus Elisabetae Augustae, въ количествѣ 450 на простой, 50 на заморской и 12 экземпляровъ на александрійской бумагѣ. II, книга № 838, и Билярскій, стр. 763, 764. Во второй разъ это слово при жизни Ломоносова было напечатано въ его Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, книга первая (Спб., 1751), 201—232; въ третій — въ 1755 г. въ прибавленіи къ Слову похвальному Петру Великому, стр. 57—98.

Въ этомъ Словѣ, между риторскими обращеніями и витійственными оборотами, Ломоносовъ помѣстилъ нѣсколько чертъ, которыя, конечно, были понятны современникамъ и принадлежатъ исторіи своего времени. Восхваляя добродѣтели Елисаветы, нашъ писатель, между прочимъ, два раза упоминаетъ о дѣйствительно замѣченной въ этой государынѣ особенной наклонности къ обрядности въ дѣлахъ, касающихся вѣры. Въ ея царствованіе особенно строго соблюдались посты при дворѣ, такъ что во время ихъ императрица не оставалась даже въ тѣхъ покояхъ, гдѣ были подаваемы мясныя кушанья. При Елисаветѣ также дворъ часто предпринималъ путешествія по монастырямъ, въ Кіевъ и т. д. „Приносится, говоритъ нашъ витія, благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благовѣнія ради.... Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. Видитъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія церькви; съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ государствъ Повелительница, которой земли, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію вѣры укрѣпляема, строгимъ пощеніемъ и сухояденіемъ тѣло свое изнуряетъ; которой не токмо великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ“.... Ломоносовъ не забылъ о пріостановленіи Елисаветою смертныхъ казней въ Россіи: „Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечь на казнь повинныхъ кровію еще не обагренный“.... Въ слѣдующихъ строкахъ разсказана подробность, сохраненная исторією о ночѣ, когда Елисавета отправилась для вступленія на царство: „Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія

крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходитъ со крестомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины"…. Извѣстно, что Елисавета, отправлясь къ зимнему дворцу въ ночь на 25 ноября 1741 года, заставила своихъ приближенныхъ цѣловать крестъ, который надѣла на себя и показывала потомъ преображенцамъ, отправившимся съ нею для арестованія младенца-императора и его родителей [1]. Далѣе находимъ указанія на современныя безпокойства въ разныхъ европейскихъ государствахъ, на тогдашнія отношенія Россіи къ Швеціи; причемъ довольно рѣзко напоминалось о побѣдахъ русскихъ при Полтавѣ и Вильманстрандѣ. „Побѣждена Швеція Ея (Елисаветы) оружіемъ, но больше побѣждена великодушіемъ; страшится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу"…. Затѣмъ есть намеки быть можетъ на тогдашнія отношенія къ Пруссіи: „Премудрая Елисавета, хотя радуяся взираетъ на своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется: ограждаетъ ихъ распростертымъ по земли́ и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, мыслями воюющихъ проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; рассуждаетъ о прошедшемъ, рассматриваетъ настоящее, и будущее предвидитъ. Того ради естьли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини Нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о семъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что иссякло море, прекратили теченіе рѣки и го́ры опустившись въ равныя поля́ претворились; помыслитъ, что не флотъ Рос-

1) Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ (Спб., 1862), 431, 432.

сійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала"…. Въ Словѣ есть нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ императрица прославляется за щедроты ея къ Академіи наукъ. По мнѣнію Ломоносова, нигдѣ, кромѣ „пространной и безмятежной" Россіи, нѣтъ столько удобствъ и безопасности къ процвѣтанію наукъ, и онъ влагаетъ въ уста императрицы такую рѣчь къ русскому юношеству: „Обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Неописанны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить мою милость. Сіе щедрое Ея Величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ. И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте"…. [1])

---

1) Что касается до подражаній и заимствованій Ломоносова въ настоящемъ Словѣ изъ древнихъ писателей, то это уже давно указано Каченовскимъ въ Трудахъ общества любителей россійской словесности (Москва, 1812 г.), III, въ статьѣ: Разсужденіе о похвальныхъ словахъ Ломоносова. Здѣсь, между прочимъ, на стр. 89—91, послѣ нѣсколькихъ выписокъ изъ похвальнаго слова Елисаветѣ говорится: «Сравните прекраснѣйшія мѣста сіи, сравните обращенія, вопрошенія и другія фигуры нашего витія съ краснорѣчивѣйшими мѣстами у римскихъ ораторовъ, и скажите, не славно ли быть ученикомъ толь великихъ наставниковъ (Cicer. Catil. I, 7. Nunc te patria etc. Verr. VII, Ipse inflammatus scelere etc. Catil. IV, 6. Videor mihi hanc urbem videre etc. Plin. paneg. XVII, 1, 2. Cicer. pro Mil. 37. Vos, Albani tumuli etc.)? Повсюду ясно открывается, что Ломоносовъ шелъ по слѣдамъ ихъ, руководствовался ихъ примѣрами и въ ораторскихъ движеніяхъ, и въ возвышенности мыслей, и въ выборѣ словъ, и въ доброгласномъ расположеніи періодовъ. Я могу показать мѣста, гдѣ онъ не только подражаетъ древнимъ, но даже заимствуетъ у нихъ мысли, присвоиваетъ ихъ посредствомъ разнообразныхъ измѣненій, и облекаетъ ихъ великолѣпною одеж-

Что это произведеніе Ломоносова понравилось при дворѣ о томъ извѣщалъ изъ Москвы Тепловъ Шумахера; но послѣдняго отъ многихъ мѣстъ Слова видимо коробило, и онъ, скрѣпя сердце, писалъ 4 декабря 1749 года Теплову: „И такъ похвальное слово (Ломоносова) было принято при Дворѣ съ одобреніемъ. Хорошо, но я увѣряю васъ, милостивый государь, что физическая диссертація (Рихмана) будетъ такимъ же образомъ принята отъ ученыхъ, а премія тѣми, кто ее получитъ. И такъ всѣ будутъ довольны. Прусаки и шведы также, когда вы имъ покажете прилагаемое при семъ писаніе, потому что они устыдятся своихъ жалобъ противъ г. Ломоносова, когда прочтутъ болѣе жесткія и болѣе рѣзкія выраженія, которыя употребилъ король прусскій въ статьѣ Дарже. Надобно вамъ знать, что король есть настоящій авторъ ея ...“ [1]).

дою россійскаго слова. Кто не видитъ Траянова панегириста, напр., въ слѣдующемъ начертаніи человѣколюбія императрицы Елисаветы. «Когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человѣческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходитъ (Cui nihil ad agendum fastigium superest, hic uno modo crescere potest, si se ipse submittit securus magnitudinis suae. Paneg. c. 71).» И далѣе: «Отличается человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ ея подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою, вливающею несказанную радость въ сердца наши (Unum ille se ex nobis, et hoc magis, excellit atque eminet, quod unum ex nobis putat. Paneg. c. 2). Обращается при вратахъ пресвѣтлаго ея дому не ужасъ и трепетъ (Observabatur foribus horror et minae. Paneg. c. 48), но кроткое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость, и надежный стражъ величества вѣрная любовь подданныхъ (Quanto nunc tutior, quanto securior eadem domus, postquam ejus non crudelitatis, sed amoris excubiis, non solitudine et claustris defenditur?... Discimus experimento, fidelissimam esse custodiam principis ipsius innocentiam. Paneg. c. 49)».... «Сіи и подобныя имъ слова, прибавляетъ Каченовскій, могли имѣть особливое дѣйствіе надъ тѣми, которые помнили Бирона. Плиній гораздо явственнѣе показываетъ разность между Траяномъ и его злыми предшественниками. См. cap. 48 и 49».

1) Etienne Darget, французъ, исполнявшій должность секретаря, чтеца и корректора при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II; онъ также читалъ въ берлинской Академіи статьи, которыя писалъ этотъ государь (Abbé Denina — La Prusse littéraire sous Frédéric II, I, 352). Въ 1748 году Дарже читалъ между прочимъ въ Академіи сочиненіе короля: La vie de Frédéric I, roi de Prusse, при которомъ были приложены статьи его же: Des moeurs, des

Что касается до Эйлера, то онъ тотчасъ по полученіи экземпляра рѣчи Ломоносова, которую, при своемъ знаніи русскаго языка, могъ прочесть въ подлинникѣ, отвѣчалъ похвалами и этого произведенія русскаго академика: „я былъ восхищенъ, писалъ Эйлеръ къ Шумахеру 3 января 1750 года, услыхавъ о послѣднемъ славномъ собраніи въ Академіи наукъ. Статьи, читанныя при этомъ случаѣ заслужатъ похвалы отъ всѣхъ ученыхъ; въ особенности панегирикъ г. Ломоносова мнѣ кажется образцовымъ въ своемъ родѣ“ [1]). Торжественное засѣданіе 26 ноября 1749 года любопытно еще потому, что тогда въ первый разъ отъ Академіи наукъ предложена была задача на премію, придуманная, по просьбѣ президента Академіи наукъ, Эйлеромъ [2]). При объявленіи этой задачи въ академическомъ засѣданіи, 21 августа 1749 года, Ломоносовъ заявилъ, что и онъ отъ себя предложитъ нѣсколько задачъ для отсылки къ президенту, если только онѣ будутъ одобрены. Впрочемъ, Ломоносовъ не исполнилъ этого обѣщанія, а Шумахеръ того же числа писалъ къ Теплову въ Москву:... „Скажу вамъ только, что замѣтивъ, что г. Ломоносовъ казался разсерженнымъ присылкою задачъ, такъ-какъ онъ думаетъ, что въ этомъ случаѣ надлежало положиться на академиковъ, я ему говорилъ, что отъ него зависитъ предложить задачи, какія считаетъ онъ нужными, и что ихъ также пошлютъ къ его сіятельству (гр. Разумовскому). На это онъ согласился. Господинъ этотъ выказываетъ себя ужаснымъ гордецомъ“.... [3]).

Въ 1749 году химическую лабораторію продолжали, по требованіямъ Ломоносова, снабжать необходимыми принадлежностями. Такъ на стеклянномъ заводѣ была заказана для нея стеклянная посуда; кромѣ того сдѣлана желѣзная пробирная печь [4]).

---

coutumes, de l'industrie, des progrès de l'esprit humain dans les arts et dans les sciences, и De la superstition et de la religion (Friedrich der Grosse als Schriftsteller, von Preusz, Berlin, 1837, стр. 49). См. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 53.

1) Исторія Академіи наукъ, I, 267—270.

2) Билярскій, стр. 130, 131; Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 48.

3) Билярскій, стр. 138.

4) Билярскій, стр. 123.

23 февраля 1749 г. показывалъ нашъ ученый въ академическомъ засѣданіи небольшія углубленія въ стеклянныхъ бомбахъ, которыя лопнули отъ расширенія замерзнувшей воды [1]). Опыты эти Ломоносовъ потомъ объяснилъ въ своемъ прибавленіи къ разсужденію объ упругости воздуха, о чемъ будетъ говорено ниже.

„Построенная при Академіи наукъ химическая лабораторія, писалъ Ломоносовъ въ доношеніи академической канцеляріи 27 февраля 1749 года, уже по большой части имѣетъ къ химическимъ трудамъ надлежащія потребности и въ будущемъ мартѣ мѣсяцѣ, какъ скоро великіе морозы пройдутъ, должно будетъ вступить въ безпрерывное продолженіе химическихъ опытовъ. А понеже, какъ канцеляріи Академіи наукъ извѣстно, должно мнѣ на всякую недѣлю для академическихъ и историческихъ собраній по три утра быть въ Академіи; также и дома случаются такія, до науки касающіяся, сверхъ настоящей моей профессіи, дѣла, которыя у химическихъ опытовъ безпрестанно быть не допускаютъ; и сверхъ того у долговременныхъ опытовъ, которые нѣсколько дней продолжаются, одному мнѣ всегда быть нельзя, для того должно быть при мнѣ такому человѣку, который бы зналъ нѣсколько химической практики и по моему бы указанію могъ иногда и безъ меня одинъ при экспериментахъ быть и поступалъ бы съ ними настоящимъ образомъ, какъ то при другихъ физическаго класса профессорахъ, которыхъ практика велика, имѣются спомощники: у ботаника садовникъ, а у анатомика просекторъ. Того ради канцелярію Академію наукъ прошу опредѣлить ко мнѣ въ лабораторію для вспоможенія лаборатора“ [2]).

Шумахеръ въ представленіи къ президенту Академіи наукъ полагалъ исполнить требованіе Ломоносова, но притомъ не пропустилъ случая кольнуть академика: „Хотя бы г. профессоръ Ломоносовъ, писалъ Шумахеръ, и никакихъ другихъ дѣлъ

1) Билярскій, стр. 123. Объ этихъ опытахъ Ломоносовъ писалъ въ письмѣ къ Эйлеру 27 мая 1749 года. Ср. Билярскій, стр. 754, 755.

2) Донесеніе писано не самимъ Ломоносовымъ. II, книги №№ 126 и 818.

кромѣ химическихъ не имѣлъ, однако необходимо надобенъ ему лабораторъ или такой человѣкъ, который съ огнемъ обходиться умѣетъ, понеже профессоръ самъ того еще не знаетъ, да и упражняясь въ теоріи, столь скоро тому не научится. Ежели ему такой человѣкъ приданъ не будетъ, то онъ больше сосудовъ испортитъ, нежели сколько жалованья приданный ему человѣкъ получитъ"... [1])

Іоганнъ Менеке изъявилъ желаніе занять мѣсто лаборанта при академической лабораторіи, а потому Ломоносову было предписано испытать его. Вслѣдствіе этого послѣдній 29 апрѣля 1749 г. донесъ академической канцеляріи: „....мекленбургца Іоганна Менеке въ химіи свидѣтельствовалъ, а по свидѣтельству явилось, что оный Менеке въ химіи къ тому довольно искусенъ, чтобы при химической лабораторіи быть лабораторомъ. И ради того академической канцеляріи его къ тому дѣлу въ службу принять весьма полезно будетъ." Менеке былъ опредѣленъ въ лаборанты 1 мая 1749 года, съ жалованьемъ по 200 рублей въ годъ, а уволенъ былъ по прошенію 7 іюня 1751 года [2]).

28 апрѣля 1749 года, Ломоносовъ предлагалъ въ академическомъ засѣданіи подписывать всѣмъ членамъ протоколы, такъ-какъ въ историческомъ собраніи бывали примѣры, что нѣкоторые изъ членовъ не соглашались съ тѣмъ, что было внесено въ протоколъ, который также не подписывался тамъ всѣми наличными членами. Академикъ Винцгеймъ, на обязанности котораго лежало веденіе и подписываніе протокола, заявилъ, что онъ будетъ очень радъ такой перемѣнѣ, но ее нельзя произвести безъ разрѣшенія президента. Впослѣдствіи Ломоносовъ снова возобновлялъ это предложеніе, и 28 октября

---

1) Билярскій, стр. 124. Современный переводъ Лебедева, который обыкновенно переводилъ резолюціи Шумахера, II, № 803.

2) II, книга № 126. Тамъ же есть и собственноручное свидѣтельство Ломоносова: «Бывшій чрезъ два года при химической лабораторіи лабораторъ Іоганнъ Менеке отправлялъ по своему контракту свои операціи по моему предписанію вѣрно и прилежно и казны ея величества ничего не утратилъ, и я поступками его всегда былъ доволенъ. О семъ свидѣтельствуетъ совѣтникъ Михайло Ломоносовъ. 1751 года.» Ср. Билярскій, стр. 125, 126.

1751 года окончательно было постановлено принять его предложеніе, послѣ чего протоколы стали подписываться не однимъ конференцъ-секретаремъ, какъ было въ обычаѣ до того времени, а всѣми присутствовавшими въ засѣданіи академиками [1]).

Далѣе въ маѣ и іюнѣ 1749 года Ломоносовъ входилъ съ представленіями о снабженіи лабораторіи разными принадлежностями. Такъ онъ просилъ, напр., туда воздушный насосъ, потому что „химическіе опыты весьма мало были дѣланы въ безвоздушномъ мѣстѣ, которыми можно сыскать много новыхъ перемѣнъ и явленій въ натурѣ, которыя еще неизвѣстны“ [2]).

29 мая 1749 года нашъ ученый предъявилъ въ академическомъ засѣданіи Supplementum ad tentamen theoriae de vi aëris elastica, которое, какъ будетъ говорено ниже, напечатано потомъ въ Novi Commentarii. Въ письмѣ къ Эйлеру, 27 мая 1749 года, Ломоносовъ считалъ нужнымъ сообщить подробности по поводу этого же добавленія.

4 декабря 1749 года Ломоносовымъ передано въ академическомъ засѣданіи мнѣніе его объ устроеніи универсальнаго барометра [3]).

Еще въ концѣ 1748 года коллегія иностранныхъ дѣлъ препровождала къ президенту Академіи наукъ, гр. Разумовскому русско-латино-французско-итальянскій лексиконъ, составленный переводчикомъ той коллегіи Георгіемъ Дандоло, родомъ изъ Венеціи. Составитель желалъ видѣть трудъ свой изданнымъ въ свѣтъ. Въ академической канцеляріи не находили къ тому препятствій на томъ основаніи, что „лучше что нибудь имѣть, нежели ничего не имѣть“, но въ историческомъ собраніи, куда былъ посланъ словарный трудъ Дандоло, высказано было мнѣніе противъ напечатанія его. Разборъ, на которомъ было основано такое мнѣніе, составленъ Ломоносовымъ съ обозначеніемъ 18 января 1749 года. Здѣсь указывалось на промахи Дандоло противъ правилъ русской грамматики; на недостаточность переводовъ многихъ русскихъ словъ; на зна-

1) Билярскій, стр. 126, 158, 159.
2) Билярскій, стр. 126.
3) Билярскій, стр. 128, 129, 132, 754, 755, 138.

чительные пропуски; на слова „нововымышленныя, въ россійскомъ языкѣ неупотребительныя“. Любопытно въ высшей степени, что Ломоносовъ къ послѣднему разряду словъ причислялъ и слѣдующія: рѣшительно, раболѣпность, опредѣлительно. Въ заключеніи Ломоносовъ, послѣ рѣзкаго приговора лексикону Дандоло, упоминалъ о словарѣ бывшаго россійскаго собранія при Академіи, составленномъ при помощи Андрея Богданова и заключавшемъ въ себѣ болѣе 60,000 русскихъ словъ [1]). Съ этимъ отзывомъ согласилось историческое собраніе, и тогдашній секретарь его Тредіаковскій сообщилъ о рѣшеніи въ академическую канцелярію. По этому случаю Шумахеръ писалъ въ Москву къ Теплову: „наши гг. профессора жестоко напали на лексиконъ Дандоло и предлагаютъ составить въ Академіи такой, который бы ей принесъ болѣе чести, чѣмъ этотъ. Московской академической канцеляріи предлежитъ рѣшить, какъ тутъ поступить. Что касается до меня, то я объ этомъ дѣлѣ не берусь судить....“ [2])

Когда Дандоло получилъ изъ академической канцеляріи ломоносовскій приговоръ его словарю за скрѣпою Тредіаковскаго, то написалъ длинный отвѣтъ, въ которомъ не мало достается Тредіаковскому. Сверхъ того, въ оправданіе ошибокъ своего труда, Дандоло указывалъ на ошибки изданнаго при Академіи лексикона Целлярія. Шумахеръ хотя и не желалъ сначала вмѣшиваться не въ свое дѣло, однако на возраженіе Дандоло написалъ 13 марта 1748 года рѣшеніе въ пользу его, съ видимымъ намѣреніемъ противорѣчить Ломоносову: „....лучше что нибудь имѣть, замѣчалъ Шумахеръ, нежели ничего не имѣть, такъ какъ его высокографское сіятельство г. президентъ и г. Тепловъ при подачѣ того лексикона въ канцелярію разумно разсуждали. Положимъ же, что Ломоносовъ съ Кондратовичемъ лексиконъ Целляріевыхъ образцовъ, гдѣ производныя слова стоятъ подъ первообразными, дѣлаютъ, однакожъ то толь скоро не сдѣлается. А хотя и сіе сдѣлается, то надлежитъ

1) Такъ какъ этотъ разборъ Ломоносова еще нигдѣ не былъ напечатанъ, то онъ помѣщенъ здѣсь въ приложеніи II. Что касается словаря Богданова, то о немъ см. выше, стр. 374.

2) I, Исходящія письма 1748 года.

тогда во первыхъ прикладывать иностранные языки; а какъ и кому то дѣлать, то подвержено будетъ еще многимъ затрудненіямъ: ибо легче что поносить, нежели также дѣлать или подражать можно. И хотя бы и все сіе сдѣлалось, то также не худо, что будутъ разные роды лексиконовъ".

Въ 1750 году Дандоло возобновилъ чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ настоянія свои о напечатаніи своего словаря, но и на этотъ разъ изъ Академіи было отвѣчено отказомъ. Дандоло опять возражалъ, но такъ что затрогивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Ломоносова, говоря: „Я на то ни мало не досадую въ разсужденіи наипаче, что сочинитель россійской риторики на стр. 136[1]) не только всѣхъ итальянскихъ авторовъ презираетъ, но и на стр. 150[2]) и другихъ націй писателей (не выключая изъ того числа и самыхъ россійскихъ) всѣхъ-на-все безъ разбору ни во что ставитъ. Изъ чего, слѣдовательно, можно справедливо заключить, что одинъ только онъ, россійской риторики сочинитель, славится во всей вселенной, и по всѣмъ языкамъ искусенъ и похваленъ такъ въ сладкорѣчіи, какъ въ знаменованіи и чистотѣ рѣчей". Какъ бы то ни было, но трудъ Дандоло, вслѣдствіе первоначальнаго о немъ отзыва Ломоносова, остался навсегда неизданнымъ въ свѣтъ[3]).

Извѣстность Ломоносова, какъ знатока отечественнаго слова и спеціалиста, побудила Татищева просить Шумахера предложить академику написать къ составленной Татищевымъ

---

1) Въ Риторикѣ Ломоносова, изд. 1748, на стр. 136 напечатано: «послѣдуя вкусу нынѣшняго времени предлагаемъ здѣсь нѣсколько правилъ о изобрѣтеніи витіеватыхъ рѣчей, о чемъ древніе учители краснорѣчія мало упоминаютъ. Но сіе показываемъ не съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ учащіеся мѣры не знали, и послѣдовали бы нынѣшнимъ Италіанскимъ Авторамъ, которые силясь писать всегда витіевато, и не пропустить ни единой строки безъ острой мысли, не рѣдко завираются....»

2) Здѣсь между прочимъ напечатано (по изд. Риторики 1748 года): «....не токмо сіе требуется, чтобы замыслы были нечаянны и пріятны, но сверьхъ того весьма остерегаться должно, чтобы за ними излишно гоняючись не завраться, которой погрѣшности часто себя подвергаютъ нынѣшніе писатели: для того что они меньше стараются о важныхъ и зрѣлыхъ предложеніяхъ, о увеличеніи слова чрезъ распространенія, или о движеніи сильныхъ страстей, нежели витійствѣ».

3) Библіографическія записки 1859 года, № 7, 195—220; Билярскій, стр. 124—125.

русской исторіи посвященіе великому князю Петру Θеодоровичу. „Я, отвѣчалъ Шумахеръ Татищеву 30 января 1749 года, не хотѣлъ задерживать прилагаемое при семъ письмо г. Ломоносова, сейчасъ мнѣ переданное имъ для отсылки, чтобы ваше превосходительство могли убѣдиться въ нетерпѣливомъ желаніи нашемъ видѣть появленіе въ свѣтъ, на пользу общества, вашего превосходнаго труда....“

„Письмо, чрезъ которое ваше превосходительство изволили мнѣ, писалъ Ломоносовъ къ Татищеву 27 января 1749 года, объявить о удостоеніи меня вашего снисходительства, принесло мнѣ немалую радость: ибо кромѣ того, что особою вашего превосходительства къ почтенію всякъ побужденъ быть долженъ, имѣлъ я издавна желаніе изыскать случай, какъ бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что объ охотѣ вашей къ россійскому языку слыхалъ довольно, къ которому я трудъ свой по силѣ прилагаю. Сіе желаніе паче моего чаянія нынѣ исполнилось, и сообщенное мнѣ отъ вашего превосходительства предъизвѣщеніе о россійской исторіи и прочія ваши примѣчанія, отъ господина совѣтника Шумахера мнѣ сообщенныя, прочиталъ съ великою охотою и радостію о успѣхахъ, которые ваше превосходительство въ россійской исторіи имѣете. По требованію вашего превосходительства приношеніе его высочеству, сочиненное мною, при семъ прислать честь имѣю и отдаю на ваше разсужденіе. Что до предъизвѣщенія надлежитъ, то оное весьма изрядно и во всемъ достаточно и поправленія никакого не требуетъ, развѣ только о слѣдующемъ подумать можно: ваше превосходительство изволили показать въ причинѣ, для чего не соблаговолили къ сочиненной вами исторіи присовокупить жизни государя императора Петра Великаго, что упоминая худыя дѣла знатныхъ нѣкоторыхъ людей, не досадить бы ихъ фамиліи. То сіе правило надлежитъ по моему мнѣнію наблюдать и въ самомъ предъизвѣщеніи. Однако оному противное находится при отвѣтѣ князя Долгорукова, о чемъ ваше превосходительство сами больше разсудить можете. Совѣтъ вашего превосходительства о преложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ

я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи препятствуютъ: первое недосуги, ибо главное мое дѣло есть горная наука, для которой я былъ нарочно въ Саксонію посыланъ, также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ текущихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе—опасеніе, ибо я не смѣю дать въ преложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ принявшись перелагать на стихи прекрасный псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашелъ въ переводѣ погрѣшности, напримѣръ: *змій сей, его же создалъ еси ругатися ему*, вмѣсто: *се китъ, его создалъ еси презирать оное* (то есть море, его пространство). Псалма, преложеннаго Ѳеофаномъ архіепископомъ, при письмѣ вашего превосходительства не нашлось. Я думаю, что онъ ошибкою остался. При семъ имѣю честь прислать вашему превосходительству всѣ оды, мною сочиненныя и въ печать изданныя, и впредь моими сочиненіями съ охотою вашему превосходительству служить готовъ, какъ и нынѣ пребываю" и пр. [1]).

11 марта 1749 г. Шумахеръ сообщилъ Татищеву: „по приказанію вашего превосходительства, г. профессору Ломоносову сдѣланъ подарокъ въ 10 рублей. Онъ имъ очень доволенъ и въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ самъ благодарить за то. Препровожденная къ нему глава изъ русской исторіи возвращается при семъ обратно къ вашему превосходительству...."

Что касается до упоминаемаго въ ломоносовскомъ письмѣ 103-го псалма, то онъ находится до нынѣ въ черновомъ сборникѣ бумагъ нашего академика, хранящемся въ Академіи наукъ. Тамъ на листахъ 112—113 есть: „Преложеніе псалма 103.— Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло etc." Переложеніе это напечатано въ Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова (Спб., 1803), I, 43—46, но здѣсь не помѣщено выписаннаго сейчасъ эпиграфа и притомъ слѣдующіе отмѣны:

Въ печатномъ: Крилами *вихровъ* шумъ наводишь.
Въ рукописи Лом: Крилами *вѣтровъ* шумъ наводишь.

---

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865) 35, 36, а на стр. 37, 38 посвященіе Ломоносова къ исторіи Татищева.

Въ печатн.: Всесильнымъ *манiемъ* послушны.
Въ рукоп. Лом: Всесильнымъ *манiямъ* послушны.
Въ печатн: *Онагри ждутъ*, какъ въ жаждѣ таютъ.
Въ рук. Лом: *И ждутъ ослы*, какъ въ жаждѣ таютъ.
Въ печатн: И *всѣхъ живущихъ* насыщаешь.
Въ рук. Лом: И *всѣ народы* насыщаешь.

Въ 1749 году отпечатано было при Академiи наукъ сочиненiе Эйлера Scientia navalis, который въ началѣ того же года писалъ къ Шумахеру: „вслѣдствiе приказанiя его сiятельства г. президента, беру смѣлость приложить при семъ подъ открытою печатью латинское письмо къ нему, въ которомъ я старался не только дать ясное понятiе о Scientia navalis, но также по возможности основательно изложить содержанiе и важность ея. Я написалъ по латини, чтобы это, въ случаѣ надобности, какъ было угодно сообщить вамъ, могло быть напечатано въ началѣ книги вмѣсто предисловiя; а такъ какъ письмо въ то же время должно быть переведено по русски, то я счелъ нужнымъ послать его незапечатаннымъ къ вамъ, чтобы переводъ могъ быть сдѣланъ въ наискорѣйшемъ времени....“

Scientia navalis, а равно и посвященiе графу Разумовскому написаны на латинскомъ языкѣ, но кромѣ того въ началѣ книги есть русскiй переводъ этого посвященiя. Онъ отличается правильностью и выразительностью языка и сдѣланъ Ломоносовымъ. 26 января 1749 г. Шумахеръ писалъ къ нему: „его сiятельство г. президентъ рѣшилъ, чтобы письмо г. Эйлера, которое будетъ предпослано въ его Scientia navalis вмѣсто предисловiя, было также напечатано по русски. А такъ какъ я увѣренъ, что вы съ удовольствiемъ исполните все, что послужитъ къ угожденiю его сiятельству, то, не колеблясь, посылаю это письмо для перевода на русскiй языкъ въ возможной скорости...“ О переводѣ Ломоносовымъ посвященiя Шумахеръ увѣдомилъ Эйлера въ письмѣ 14 марта 1749 года[1]).

Штелинъ сочинилъ къ иллюминацiи 10 февраля 1749 г., т. е. ко дню рожденiя великаго князя Петра Ѳедоровича, изоб-

1) Дополнительныя извѣстiя для бiографiи Ломоносова (Спб., 1865), 34—41.

раженіе алоэ съ двадцать однимъ отпрыскомъ (число лѣтъ наслѣдника престола!) и подписью, выражающею не осуществленное еще тогда ожиданіе на продолженіе потомства въ семействѣ великаго князя.

Dreimal sieben sind vorbei unsre Hoffnung zu beleben,
Dasz die Pflantze wohl bekleibt und bald Blüth und Frucht wird geben.

Переводъ этой подписи въ русскомъ двустишіи написанъ рукою переводчика Василья Лебедева, но кажется сдѣланъ Ломоносовымъ, а именно:

Три краты седмь прошло, надежда насъ крѣпитъ,
Что древо возрастетъ и плодъ насъ усладитъ.

Къ 21 апрѣля 1749 года, которое было днемъ рожденія великой княгини Екатерины Алексѣевны, Штелинъ придумалъ на иллюминаціи представить амарантъ и сосуды съ горящимъ фиміамомъ, съ такимъ стихотворнымъ изъясненіемъ:

Da manch entflamter Wunsch für dich zum Hiemmel steigt,
So wird die Zuversicht mit Freuden überzeugt.
Es soll dein Fest, dein Flor, dein Wohlergehen
In immer grünem Schmuck, gleich Amaranthen stehen,
Der wenn gleich Zeit und Frost der holder Schmuck vertreibt,
In unverwelktem Flor und steter Schönheit bleibt.

Стихотворный русскій переводъ этой надписи сдѣланъ рукою Ломоносова:

Коль много за тебя сердецъ пылаетъ къ Богу,
И радость чувствуютъ въ сей свѣтлый день толь многу.
Гласятъ, чтобъ съ тою онъ стократно возвратился,
Какъ красный Амаранѳъ твой вѣкъ бы процвѣталъ,
Морозы лютые и бури презиралъ,
Чтобъ россійй родъ твоимъ плодамъ возвеселился.

Эти же самые стихи потомъ переписаны въ переводѣ описанія иллюминаціи рукою переводчика В. Лебедева.

Къ иллюминаціи на коронацію императрицы 25 апрѣля 1749 года Штелинымъ изображены короны по числу тогдашнихъ русскихъ губерній и областей, освѣщенныя солнцемъ, которое поднялось на семь градусовъ (годы царствованія Елисаветы). На горизонтѣ виднѣлось четверостишіе:

Wie glücklich ist dein Reich! Wie glücklich so viel Kronen,
Die unter deiner Kron in stolzer Ruhe wohnen!
Ihr Glück entflamt den Wunsch, für dich zu Gott zu schreyen:
Herr! Lasz Elisabeth noch lang ihr Reich erfreuen!

Русскій стихотворный переводъ этихъ виршей также написанъ рукою Ломоносова:

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы,
Что подъ твоимъ вѣнцомъ прославлены въ покоѣ.
Въ семъ счастіи гласитъ усердіе святое,
Да росски въ вѣкъ тобой утѣшитъ Богъ концы [1]).

Къ числу подобныхъ же произведеній Ломоносова, должно отнести его надпись впрочемъ оригинальную, по случаю спуска шестидесяти шести пушечнаго корабля подъ названіемъ св. Александръ Невскій, что имѣло мѣсто въ петербургскомъ адмиралтействѣ 18 мая 1749 года [2]).

Изъ жизнеописаній такихъ знаменитостей нашей Академіи, каковыми были Даніилъ Бернулли, Эйлеръ, Герардъ-Фридрихъ Мюллеръ [3]), видно, какое у нихъ было сильное желаніе получить чины, которыхъ по мудрому установленію Петра Великаго не полагалось для ученыхъ, почему и не сдѣлано было дополненія къ табели о рангахъ послѣ основанія Академіи наукъ. Дѣйствительно, сравненіе ученыхъ съ обыкновенными чиновниками, когда это дополненіе было сдѣлано, не произвело особенно замѣтныхъ послѣдствій для преуспѣянія наукъ и напротивъ только содѣйствовало развитію бюрократизма въ ученой средѣ. Чины давались академикамъ не за ихъ ученые труды, но или за выслугу лѣтъ или смотря по тому, на сколько имѣлъ тотъ или другой изъ нихъ удачи пользоваться личнымъ благоволеніемъ начальства. Въ послѣднемъ случаѣ чинами награждались не въ очередь, не обращая никакого вниманія на ученыя заслуги. Ломоносовъ былъ въ числѣ сторонниковъ мнѣнія о необходимости

1) Автографы всѣхъ этихъ переводовъ Ломоносова будущій издатель его сочиненій найдетъ въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ подъ № 125.

2) Въ первый разъ эта надпись напечатана въ Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова, 1751 года, надпись 8.

3) Исторія Академіи наукъ, I, 108, 109, 291, 372, 373.

для академиковъ чиновъ, о чемъ и ходатайствовалъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей у президента Академіи наукъ. Вторичное прошеніе на имя графа К. Разумовскаго о рангахъ онъ читалъ въ историческомъ собраніи 13 іюля 1749 г. „Ваше сіятельство, говорилось между прочимъ въ прошеніи, чрезъ особливую ея императорскаго величества къ вамъ высочайшую милость, имѣете случай въ разсужденіи сего сдѣлать два великія дѣла, т. е. исходатайствовавъ намъ ранги, умножить въ россійскомъ народѣ почтеніе и охоту къ наукамъ, а себѣ тѣмъ пріобрѣсти вѣчную славу. Что честь Академіи наукъ вашему сіятельству любезна, и, зная что по вашемъ сіятельствѣ, яко главѣ, состоитъ въ ея членахъ, сего никто не оспоритъ. Того ради отнюдь не сомнѣваемся, что ваше сіятельство далѣе не попустите, чтобы мы почитались въ однихъ рангахъ съ тѣми, которые и съ адъюнктами нашими ученіемъ сравниться не могутъ, каковы морской академіи ученики. Всѣ природные и чужестранные въ службѣ ея величества, кромѣ насъ, почтены пристойными рангами, того ради вашему сіятельству приносимъ всепокорнѣйшее прошеніе, чтобы и мы вашего сіятельства милостивымъ предстательствомъ той же ея величества высочайшей милости наслаждаться удостоены были. За такое вашего сіятельства милостивое ходатайство благодарность членовъ Академіи дотолѣ продолжится, пока Академія наукъ здѣсь процвѣтать будетъ; а наша искренняя къ вашему сіятельству ревность въ томъ непрестанно простираться будетъ, чтобъ мы достойны всегда были вашего великодушія“ [1]).

Ходатайство это осталось безъ послѣдствій для товарищей Ломоносова, но онъ самъ, конечно благодаря своей литературной извѣстности, достигъ того, что потомъ имѣлъ рангъ.

Въ августѣ 1749 года Шумахеръ вѣроятно отъ Теплова получилъ изъ Москвы неблагопріятный отзывъ о Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ, потому что 3 числа того же мѣсяца

---

1) Полученіе ранговъ такъ занимало Ломоносова, что онъ перевелъ прошеніе о томъ на нѣмецкій языкъ для тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не понимали по русски. Оба прошенія можно читать въ Очеркахъ Россіи, изд. В. Пассекомъ (М., 1842), V, 88, 90.

писалъ къ Теплову: „не только переводъ статьи № 57 гадокъ, но и вся газета наполнена такихъ промаховъ. Сколько разъ я говорилъ г. Штелину составлять Вѣдомости съ бо́льшимъ вниманьемъ, а г. Ломоносову—исправлять переводъ не на дому, а въ Академіи, согласно данному отъ президента приказанію! Ни тотъ, ни другой не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дѣлаемые имъ выговоры и продолжаютъ работать небрежно....“ [1])

Съ Санктпетербургскими вѣдомостями 1749 года случилась еще непріятность, надѣлавшая не мало переполоха въ Академіи. Надобно знать, что милости Елисаветы къ новому ея любимцу Ивану Шувалову получили особенную огласку со времени поѣздки императрицы изъ Москвы на богомолье въ воскресенскій новоіерусалимскій монастырь, гдѣ она праздновала 5 сентября день своихъ именинъ, а наканунѣ пожаловала въ камеръ-юнкеры этого Шувалова. 16 октября 1749 года Тепловъ написалъ Шумахеру помѣстить въ Вѣдомостяхъ „о пожалованіи камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры“. До Петербурга, какъ видно, еще не дошло извѣстія о всей великости значенія такого дворскаго событія, и въ Вѣдомостяхъ (№ 85, стр. 678) напечатано о немъ: „ея императорское величество всемилостивѣйше пожаловали своего камеръ-пажа Ивана Шувалова въ свои камеръ-юнкеры....“

„Его сіятельству, писалъ Тепловъ къ Шумахеру 6 ноября 1749 года, безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смотрятъ на свою должность и отправляютъ дѣла свои съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью! Сколько памятуется, и особливымъ опредѣленіемъ подтверждено было, дабы чины особливаго достоинства всегда вносилися въ газеты съ ихъ именемъ и отчествомъ и съ надлежащею учтивостью, а не такъ какъ подъ № 85 объ Иванѣ Ивановичѣ господинѣ Шуваловѣ.... Сіе не что иное есть, какъ у подчиненныхъ въ положенныхъ на нихъ дѣлахъ усматривается крайняя несторожность и нерадѣніе. Чего ради его сіятельство г. президентъ приказалъ къ вашему высокоблагородію писать, дабы вы, призвавъ въ

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 45, 46.

канцелярію тѣхъ, на комъ сіе взыскивать надлежитъ, учинили имъ пристойный выговоръ въ канцеляріи.... А для исправленія сея погрѣшности посылаю артикулъ изъ воскресенскаго монастыря, который точно такъ внести въ газеты, какъ онъ сочиненъ...“

Можно догадываться, что графъ Разумовскій, будучи президентомъ Академіи наукъ, при которой издавались Санктпетербургскія вѣдомости, опасался, чтобы не подумали, что онъ, какъ братъ прежняго любимца, имѣя свои причины быть недовольнымъ возвышеніемъ Шувалова, приказалъ самъ внести въ газеты о Шуваловѣ, какъ лицѣ, не особенно важномъ. Какъ бы то ни было, но въ Вѣдомостяхъ № 91, стр. 725, 726, помѣщено описаніе о томъ, какъ происходило 5 сентября въ новоіерусалимскомъ монастырѣ придворное празднество, а въ концѣ прибавлено, что императрица „пожаловать изволила камеръ-пажа своего Ивана Ивановича господина Шувалова двора своего камеръ-юнкеромъ....“

Шумахеръ не удовольствовался выговоромъ, за пропускъ отчества Шувалова, корректору и переводчику, но сообщилъ о томъ и Ломоносову, желая и его привлечь къ отвѣту; но этотъ, увѣренный въ своей правотѣ (ср. выше, стр. 396), не оставилъ ордера безъ возраженія: „вашему высокоблагородію доношу, писалъ онъ Шумахеру 17 ноября 1749 г., что по данной мнѣ отъ академической канцеляріи инструкціи долженъ я разсматривать только одинъ переводъ россійской; а до россійскихъ артикуловъ нѣтъ мнѣ никакого дѣла, ибо оные присылаются отъ канцеляріи въ экспедицію и такъ какъ есть печатаются. За тѣмъ въ нихъ я ничего перемѣнить не долженъ, кромѣ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ, а особливо что въ данной мнѣ инструкціи предписано отъ всякихъ умствованій удерживаться“[1]).

Ко дню возшествія на престолъ Елисаветы, 25 ноября 1749 года, Штелинъ сочинилъ иллюминацію съ такимъ стихотворнымъ объясненіемъ:

---

1) Билярскій, стр. 134—137.

Sieh, Russland! die beglückte Nacht,
Die deine Wohlfahrt wider bracht,
Da die Gerechtigkeit und Vaterlandes Liebe
Nebst Klugheit, Tapferkeit, Genad- und Grossmuths Triebe,
Die Erbin deines Throns Elisabeth
Auf ihrer Eltern Thron begleitet und erhöht,
Und zum erwünschten Glück für alle die dich lieben,
Als Wächter ihres Throns untrennlich stehen blieben.

Слѣдующій переводъ этихъ стиховъ Штелина писанъ рукою Ломоносова съ его помарками:

Россія, посмотри на ту счастливу ночь,
Что радость привела, печаль отгнала прочь.
Когда по ревности и истинному праву
Изволила принять Петрова дщерь державу,
Съ собою и тебя до облакъ вознесла,
Добротъ прекрасный ликъ ко трону привела,
Которыя его всечасно окружаютъ
И счастіе твое во вѣки сохраняютъ [1])

20 декабря 1749 года императрица Елисавета, послѣ почти годоваго пребыванія въ Москвѣ, возвратилась въ Петербургъ, и Ломоносовъ привѣтствовалъ это событіе надписью, напечатанною въ первый разъ въ Собраніи его сочиненій 1751 года (надпись 7).

Поднявшись солнце вверхъ, возводитъ взоръ по свѣту.
Спѣшащу зритъ во градъ Петровъ Елисавету,
Дивится, что зима покорна Ей и снѣгъ,
И что по оному толь быстрый видитъ бѣгъ.
и т. д.

Выше на стр. 401 — 403 было говорено, что Ломоносовъ вмѣстѣ съ Мюллеромъ приготовляли въ 1749 г. рѣчи къ торжественному собранію въ Академіи наукъ. Первый изъ нихъ успѣлъ написать похвальное слово императрицѣ Елисаветѣ, которое, какъ видѣли, встрѣчено было всеобщимъ одобреніемъ. Мюллеръ былъ не такъ счастливъ въ этомъ случаѣ. Его рѣчь, озаглавленная „Происхожденіе народа и имени россійскаго", была предметомъ особыхъ разбирательствъ въ академическихъ засѣданіяхъ и, наконецъ, вовсе запрещена. До весьма недавняго времени существовало убѣжденіе, что всѣ преслѣдо-

1) II, книга № 129.

*

ванія противъ этого произведенія Мюллера были возбуждены по наущенію Ломоносова. Послѣ обнародованія значительной массы матеріаловъ для жизнеописанія послѣдняго, оказалось, что преслѣдованія эти начались изъ Москвы отъ Теплова, управлявшаго всѣми дѣйствіями тогдашняго призидента Академіи графа Разумовскаго, и потомъ поддерживались Шумахеромъ въ Петербургѣ.

Въ настоящемъ трудѣ нѣсколько разъ упоминалось объ этомъ предметѣ [1]), а въ жизнеописаніи Тредіаковскаго (стр. 144, 145, 239) приведены его взглядъ и сужденія о мюллеровской диссертаціи; здѣсь же слѣдуетъ говорить объ участіи Ломоносова въ этомъ дѣлѣ, участіи тѣмъ болѣе любопытномъ, что его сужденія, высказанныя имъ по поводу спорнаго вопроса о происхожденіи Руси, и потомъ находили отъ времени до времени послѣдователей и продолжателей.

У многихъ народовъ издавна проявлялось желаніе выдумывать для себя наиболѣе почетное происхожденіе отъ героевъ древности. Въ этомъ отношеніи любопытно свидѣтельство Георга Грота въ его извѣстной Исторіи Греціи. „Когда взять исторію нашего собственнаго отечества (т. е. Англіи), говоритъ онъ, такъ, какъ она слагалась и переписывалась отъ XII до XVII вѣковъ Hargyng'омъ, Fabian'омъ, Grafton'омъ, Hollinshed'омъ и другими, то увидимъ, что тогда начало ея приписывали Бруту, троянцу, и отъ того времени вели ее чрезъ многія столѣтія въ длинномъ рядѣ королей до Юлія Цезаря. Подобная вѣра въ троянское происхожденіе, имѣвшая по видимому источникомъ благоговѣйное подражаніе римлянамъ и ихъ троянскому происхожденію, высоко цѣнилась въ воображеніи другихъ народовъ. Эта сказка о происхожденіи англичанъ сперва была пущена въ ходъ въ особенности Geoffrey Monmouth'омъ и перешла въ народное убѣжденіе безъ большаго противодѣйствія и сопротивленія: короли вносились въ списокъ нисходящихъ потомковъ отъ Брута въ хронологическомъ порядкѣ съ подведенными какъ слѣдуетъ указаніями

---

1) Исторія Академіи наукъ, I, 56—58, 359—361.

времени. При одномъ спорѣ, возникшемъ въ царствованіе Едуарда I (1301 года) между Англіею и Шотландіею, о происхожденіи англійскихъ королей отъ Брута троянца было торжественно занесено въ актъ какъ доказательство въ подтвержденіе правъ Англіи въ спорномъ дѣлѣ, и это прошло безъ возраженій отъ противной стороны... Упорство, съ которымъ защищался этотъ ранній рядъ британскихъ королей, не менѣе достоинъ вниманія какъ и легковѣріе, съ которымъ оно было принято. Историки XVII столѣтія съ жаромъ возставали противъ проникавшаго скептицизма, предававшаго уничтоженію столько достойныхъ монарховъ и стиравшаго столько благородныхъ подвиговъ. Они взывали къ патріотическому чувству своихъ читателей, представляя, какъ безразсудно было бы пускать въ ходъ такую кичливую критику столѣтнихъ вѣрованій, и ссылаясь на опасность примѣра для исторіи вообще". Только историки XIX столѣтія стали начинать исторію Англіи со временъ Юлія Цезаря[1]).

Подобныя же сказанія о древности русскаго народа, съ ссылками даже на 38 и 39 главы пророчества Іезекіиля, о Мосохѣ князѣ росскомъ и въ тоже время внукѣ Ноя, и съ упоминаніями о славянахъ, помогавшихъ въ войнахъ Александру Македонскому и отцу его Филиппу и т. п., все это сначала заносилось въ разныя рукописи и сборники, а потомъ и напечатано въ Синопсисѣ, изданномъ въ первый разъ въ Кіевѣ въ XVII вѣкѣ.

Вскорѣ послѣ основанія Академіи наукъ, членъ ея Байеръ занялся вопросомъ о происхожденіи варяговъ. Его изслѣдованія по этому предмету любопытны въ томъ отношеніи, что въ немъ впервые высказаны положенія, составляющія до нынѣ краеугольный камень такъ называемой норманской системы о происхожденіи Руси. Но произведеніе Байера, написанное по латыни, было напечатано въ академическихъ Комментаріяхъ, и навѣрное его никто не читалъ въ Россіи за исключеніемъ

1) Geschichte Griechenlands von Georg Grote (Leipzig, 1850), I Band, 383, 384.

одного Татищева. Между тѣмъ какъ у насъ вѣрили въ первой половинѣ XVIII столѣтія всѣмъ баснямъ, выдуманнымъ очень не за долго до того времени, о древнемъ происхожденіи русскихъ, о томъ можно судить по одному „предложенію“ Петра Крекшина, поданному въ Академію наукъ въ октябрѣ 1735 г. и въ которомъ онъ повторяетъ эти басни въ твердой увѣренности ихъ истинности. Такъ, онъ сначала высказываетъ недовольство на Синопсисъ за молчаніе о началѣ рода славянскаго, а между тѣмъ, говоритъ Крекшинъ, „какъ оное начало будетъ познано, то всей славянской исторіи истинный фундаментъ и прошедшихъ лѣтъ печатнымъ исторіямъ начало и совершенство симъ взысканіемъ начала рода славянскаго и ихъ житія и всѣ исторіи будутъ отверзты и гласны, а безъ взысканія сего начала не будутъ истинны“. За тѣмъ предлагаются такія извѣстія: „Въ лѣто отъ сотворенія міра 3099 скиѳскіе князи, первый Словянъ, второй Руссъ съ роды своими и яже подъ Русью пришли отъ Евксинопонта на мѣсто пусто близъ великаго езера, которое наименовали во имя сестры Словяновой и Русовой Ильмены Ильменомъ, а во имя жены Словяновой Шелони рѣку, падшую во Ильменъ езеро, нарекоша Шелонью. Во имя сына большаго Словянова Волхва нарекоша рѣку Волховымъ....“ Послѣ подобныхъ сказокъ слѣдуетъ упоминаніе о грамотѣ Александра Македонскаго въ великій Словянскъ и т. п., а въ концѣ: „къ сему явное свидѣтельство и нынѣ тово града Словянска разрытое мѣсто противъ Юрьева монастыря, которое именуется городище, что неложное и непритворное свидѣтельство, и жителей новгородскіе изстари другъ другу объ ономъ сказываютъ и исторіи имѣютъ у себя...“ [1])

---

1) «Да многія жъ древнія письма, продолжалъ Крекшинъ, складены въ Новѣ-городѣ въ стѣны надъ кукуйскими воротами, и та казарма не покрыта; и отъ течи воды и отъ ветхости можно-ль оныя письма разобрать и древность видѣть—не вѣдаю». Начальникъ Академіи наукъ баронъ Корфъ, относительно послѣдняго извѣстія, входилъ съ докладомъ въ императорскій Кабинетъ, и рукописи были доставлены изъ Новгорода. Всѣ онѣ оказались XVII и рѣдкія XVI столѣтія. Между прочими объ одной рукописи изъ этого собранія было такое извѣстіе: «Столпъ о съѣздѣ великаго посольства со обѣихъ сторонъ отъ царя Ѳедора Ивановича и короля шведскаго Яга-

Возвращаясь къ рѣчи Мюллера, мы должны прежде всего замѣтить, что вопросъ: былъ ли онъ правъ, выводя варяговъ изъ Швеціи, или же Ломоносовъ, защищавшій мнѣніе кіевскаго Синопсиса о славянствѣ варяговъ, вопросъ этотъ остался и донынѣ не разрѣшеннымъ, хотя и историческая критика, и филологія въ продолженіе ста двадцати двухъ лѣтъ послѣ того, какъ впервые возникъ о томъ споръ, сдѣлали значительные успѣхи. Только въ одномъ обстоятельствѣ по этому вопросу можно видѣть шагъ впередъ — именно, что въ наши времена уже не считается чѣмъ либо нецензурнымъ не только выводить происхожденіе руссовъ изъ Швеціи, но и выдумывать это происхожденіе отъ такихъ незначительныхъ инородцевъ, какъ жмудь. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, не безплодно ли заниматься рѣшеніемъ вопроса, многолѣтнія изслѣдованія которымъ многихъ лицъ не были въ состояніи вывести его изъ области гаданій и предположеній, скажемъ только. что исторія разработки этого вопроса при самомъ возникновеніи его и дальнѣйшихъ разысканій о немъ заключаетъ въ себѣ много назидательнаго для литературы русской исторіи, такъ-какъ знакомитъ съ пріемами и взглядами разныхъ замѣчательныхъ въ наукѣ дѣятелей, пристально занимавшихся вопросомъ о происхожденіи Руси, и въ то же время даетъ понятіе о состояніи науки въ разныя эпохи. Мюллеровская рѣчь[1]) при

на III межъ Иваномъ-городомъ и Ругодевымъ о мирномъ договорѣ, на которомъ россійскіе послы старалися за Лифляндію и въ ней имѣющіеся городы издревле россійскіе, а именно: Ругодевъ, Колывань, Ракоборъ, Толщеборъ, Папда, Ансель Лиговеръ, Коловеръ, Патцы, Выгилова мыза и Корела. И доказываютъ россійскіе послы, что вся Лифляндія изстари есть россійская отъ Ярослава Георгія взята войною, и городъ въ ней въ свое имя построилъ называемъ Юрьевъ, какъ господа послы доказывали, что оный городъ за 552 года прежде, какъ оное посольство было въ 7101 году построенъ и прочая о томъ доказательства». См. II, книга № 22.

1) Вотъ полное заглавіе этой нынѣ чрезвычайно рѣдкой рѣчи Мюллера: «Произхожденіе народа и имени россійскаго въ высочайшее тезоименитство всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны императрицы и самодержицы всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая, всемилостивѣйшія нашея государыни въ публичномъ собраніи Академіи наукъ сентября 6 дня 1749 года изъясненное Герардомъ Фридрихомъ Мілleромъ, императорскимъ исторіографомъ, университета ректоромъ и

всѣхъ ея недостаткахъ, замѣчательна въ нашей исторической литературѣ какъ одна изъ первыхъ попытокъ ввести научные пріемы при разработкѣ русской исторіи и историческую критику, безъ которой исторія немыслима какъ наука. Такимъ образомъ въ трудѣ Мюллера заключаются слѣдующія главнѣйшія положенія: a) нѣтъ историческихъ свидѣтельствъ для подкрѣпленія мнѣній о происхожденіи русскихъ отъ Мосоха, сына Афетова; отъ Росса, упоминаемаго у пророка Іезикіиля; отъ Русса, одного изъ сыновей Афетовыхъ; отъ народа роксоланъ, отъ скиѳовъ и сарматъ, также какъ и о томъ, что русскіе получили такое прозваніе отъ русыхъ волосъ, отъ военнаго крика (рази!), ими употребляемаго при нападеніяхъ на непріятелей, или отъ вымышленнаго Руса, брата Чеха и Леха. b) Русскіе, живущіе въ нынѣшней Россіи, были пришельцами, а до нихъ обиталъ тамъ народъ, называемый Чудь, подъ которымъ должно разумѣть чухонцевъ, кореловъ и эстляднцевъ. c) Славяне жили у береговъ Дуная и, бывъ оттуда изгнаны волохами, поселились сначала у Днѣпра, овладѣли всею Польшею, построили Кіевъ и потомъ Новгородъ, а также другіе города, напр. Смоленскъ, Черниговъ; при этомъ опровергнуто баснословное извѣстіе новгородскаго лѣтописца „будто Новгородъ построенъ во времена Моисеевы и израильской работы“. d) Хотя Несторъ утверждаетъ, что Кій не былъ перевозчикомъ, однако это не отнимаетъ достовѣрности у греческихъ писателей, прежде Нестора жившихъ. e) Скадинавы и варяги одинъ и тотъ же народъ: отъ нихъ русскіе получили свое названіе и царей (sic), и они же сначала овладѣли русскою землею, потомъ были выгнаны изъ нея, а наконецъ снова призваны туда самими новгородцами. f) Въ кіевскомъ Сино-

---

профессоромъ императорскія Академіи наукъ и королевскаго аглинскаго Социетета членомъ. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ». Въ 4°, 56 нум. стр. Одинъ экземпляръ съ поправками въ слогѣ рукою Крашенинникова видѣлъ въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ № 817. Здѣсь же есть донесеніе адъюнкта Модераха 16 сентября 1749 г., изъ котораго видно, что онъ съ переводчикомъ Лебедевымъ переводилъ на русской яз. рѣчь Мюллера, и что послѣдній «не токмо цѣлые періоды самъ переводилъ, но и переводъ нашъ вездѣ подправилъ».

писѣ, на основаніи только однѣхъ догадокъ, предполагалось, что варяги были славянами; но между этими народами ничего не было общаго, что подтверждается прежде всего свидѣтельствомъ Константина Багрянороднаго, который, при описаніи днѣпровскихъ пороговъ, старательно отличилъ названія славянскія отъ варяжскихъ; за тѣмъ въ подтвержденіе этого же положенія Мюллеръ приводилъ извѣстія о варягахъ изъ скандинавскихъ сагъ, а также датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ писателей. g) Оскольдъ и Диръ, по ошибкѣ русскихъ историй, считался за два лица, тогда какъ это было одно — Оскольдъ, имѣвшій званіе діара, что на старинномъ готскомъ языкѣ означало судью или начальника. h) Вопреки принятому мнѣнію, Оскольдъ владѣлъ Кіевомъ до призванія Рюрика въ Новгородъ, что подтверждается извѣстіями, оставленными Зонарою и Кедринымъ о походѣ русскихъ на Царьградъ, который отъ того былъ въ страхѣ. По греческимъ писателямъ это случилось въ 858 г. по Р. X., а у Нестора, по ошибкѣ, записано, что это имѣло мѣсто при императрицѣ Өеодорѣ, а она была лишена престола еще въ 856 году. i) Пріѣзжавшіе къ греческому императору Өеофилу послы были отъ народа россъ, который жилъ въ Кіевѣ. Стало быть это были варяги, почему и неудивительно, что цезарь Людовикъ Кроткій подозрѣвалъ въ нихъ шведовъ. k) Финны шведовъ до нынѣ называютъ россами, т. е. россалейне (правильнѣе: ruotsalainen). Новгородцы, въ подражаніе имъ, всѣхъ пришельцовъ съ сѣвера стали называть этимъ же именемъ, а когда славяне перешли подъ власть такихъ пришельцовъ-варяговъ, то и сами начали прозываться россами, и это подтверждается Несторомъ: „отъ тѣхъ варяговъ находниковъ прозвашася Русь и оттолѣ словетъ Русская земля, иже суть новгородстіи люди, и до нынѣшняго дня; прежде бо нарицахуся славяне, а нынѣ русь и отъ тѣхъ варягъ прозвашась, сице бо варяги прозвашася Русью“.

Гр. Разумовскій, конечно по внушеніямъ Теплова, находившагося тогда при немъ въ Москвѣ, не только запретилъ рѣчь Мюллера читать въ публичномъ засѣданіи Академіи, но велѣлъ отдать ее на пересмотръ академиковъ. Вслѣдствіе этого

распоряженія Ломоносовъ представилъ свой первый отзывъ о произведеніи Мюллера 16 сентября 1749 года. Здѣсь нашъ писатель находилъ неприличнымъ, что Мюллеръ, послѣ обѣщанія ссылаться на иностранныхъ писателей только въ случаяхъ, когда отечественные недостаточны, „однако въ противность того россійскихъ авторитетовъ не токмо просто, но не рѣдко и съ поношеніемъ опровергаетъ.... Правда, что и въ нашихъ лѣтописяхъ не безъ вымысловъ межъ правдою, какъ то у всѣхъ древнихъ народовъ исторія сперва баснословна; однако правды съ баснями вмѣстѣ выбрасывать не должно, утверждаясь только на однѣхъ догадкахъ. Изъ всего видно, что онъ весьма немного читалъ россійскихъ лѣтописей и для того напрасно жалуется, будто бы въ Россіи скудно было извѣстіями о древнихъ приключеніяхъ....“ Далѣе Ломоносовъ высказываетъ, что Мюллеръ пользуется иностранными писателями „непристойно“: „гдѣ они противны его мнѣніямъ, засвидѣтельствуетъ ихъ недостовѣрными, а гдѣ на его сторону клонятся, тутъ употребляетъ ихъ за достовѣрныхъ....“ Ломоносову казались „темной ночи подобными“ опроверженія Мюллера о происхожденіи отъ Мосоха Москвы и россіянъ отъ рѣки Росса. „О скиѳахъ, продолжаетъ Ломоносовъ, которыхъ почитать должно за первоначальныхъ жителей въ нашихъ нынѣшнихъ селеніяхъ, г. Мюллеръ весьма мало упоминаетъ ....Я примѣтилъ здѣсь, что отъ него пропущенъ самый лучшій случай къ похвалѣ славянскаго народа, ибо, какъ извѣстно, что скиѳы Дарія, персидскаго царя, Филиппа и Александра, царей македонскихъ, и самихъ римлянъ не устрашались, но великіе имъ отпоры чинили и побѣды надъ ними одерживали, посему легко заключить можно, что народъ словенской былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ мужественныхъ скиѳовъ“. Затѣмъ Ломоносовъ подмѣтилъ на этотъ разъ довольно справедливо какое-то особенное довольство, съ которымъ Мюллеръ указываетъ всѣ неудачи и неуспѣхи славянъ. Хотѣлъ ли Мюллеръ, писавши такъ, показать свое безпристрастіе во времена, когда считалось чуть не святотатствомъ сомнѣваться въ истинѣ баснословій Синопсиса, или же онъ, какъ иноземецъ, питалъ затаенное

чувство противъ Россіи и русскихъ, что не рѣдкость между иноземцами, даже навсегда поселившимися въ Россіи, только въ рѣчи его есть не мало непріятнаго для самолюбія русскихъ, почему Ломоносовъ писалъ: „Правда, что г. Мюллеръ говоритъ: прадѣды ваши отъ славныхъ дѣлъ назывались славянами, но сему во всей своей диссертаціи противное показывать старается, ибо на всякой почти страницѣ русскихъ бьютъ, грабятъ, *благополучно* скандинавы побѣждаютъ; гунны Кія берутъ съ собою на войну въ неволю. Сіе такъ чудно, что если бы г. Мюллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ толь бѣднымъ народомъ, какимъ еще ни одинъ и самый подлый народъ ни отъ какого писателя не представленъ". Ломоносовъ отказывается вѣрить мнѣнію Мюллера, что славяне въ нынѣшней Россіи явились только въ IV вѣкѣ по Р. Х., и что варяги происходятъ не отъ роксоланъ, народа славянскаго. „Германцы, пишетъ Ломоносовъ, давно называютъ себя дейченъ, хотя ихъ ни русскіе, ни французы тѣмъ именемъ и по нынѣ не пишутъ. Такъ и варяги, происходя отъ роксоланъ, всегда себя Русью называли, хотя другіе народы ихъ инако именовали, и самыя слова несторовы показываютъ, что варяги назывались Русью, а по нимъ и новгородскіе славяне и прочіе назывались Русью; но едва можно чуднѣе что представить какъ то, что г. Мюллеръ думаетъ, яко бы чухонцы варягамъ и славянамъ имя дали." Ломоносовъ находилъ смѣшнымъ, что Мюллеръ въ Изборскѣ видѣлъ Исабургъ, но вслѣдъ за тѣмъ самъ увлекся бывшимъ тогда въ ходу объясненіемъ названій посредствомъ сходства, иногда очень отдаленнаго нѣкоторыхъ звуковъ въ другихъ именахъ. „Аскольдъ, говоритъ Ломоносовъ, рѣченіе есть словенское и значитъ обоюдный топоръ; такъ въ псалмѣ 73-мъ, стихъ 6, сѣкирою и оскордомъ (или асколдомъ) разрушиша. Диръ происходитъ отъ слова деру, якобы драчъ. Ольга названа отъ облегченія матери своея рожденіемъ...." Затѣмъ Ломоносовъ находилъ „предложеніями неосторожными и предосудительными" названія напр. Мюллеромъ словенскихъ князей царями, что, по мнѣнію критика, было „въ предосужденіе первовѣнчаннымъ царямъ россійскимъ", или про-

званіе новгородцевъ самохвалами. „О св. Несторѣ лѣтописцѣ, замѣчалъ также Ломоносовъ, говоритъ весьма продерзостно и хулительно, такъ: *ошибся Несторъ*, и сіе неоднократно." Въ концѣ академикъ указывалъ, что латинскій текстъ рѣчи Мюллера написанъ дурною латинью, а русской переводъ наполненъ ошибокъ противъ русскаго языка, и вообще вся она „весьма недостойна, и россійскимъ слушателямъ и смѣшна, и досадительна..." [1]).

Не трудно примѣтить, что Ломоносовъ въ отзывѣ о рѣчи своего личнаго врага преимущественно руководствовался патріотическимъ воззрѣніемъ. Это же самое воззрѣніе легло въ основаніе писаннаго Тепловымъ опредѣленія, въ силу котораго рѣчь Мюллера была признана на столько вредною, что ее велѣно было держать за академическими печатями, „не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единаго экземпляра." Конечно такая мѣра противъ историческаго изслѣдованія, гдѣ были ошибки и промахи, встрѣчающіеся во всякомъ человѣческомъ трудѣ, кажется нынѣ строгою и неумѣстною, и въ оправданіе Теплова, изрекшаго такой приговоръ, можетъ служить только то обстоятельство, что рѣчь предназначалась для торжественнаго засѣданія, въ которомъ оскорбленіе народнаго самолюбія посѣтителей не принесло бы никакой пользы Академіи, а напротивъ повредило бы въ общественномъ мнѣніи ученому учрежденію, которое, будучи наполнено иноземцами, и безъ того считалось анти-національнымъ.

Когда Мюллеръ узналъ объ участи, постигшей его рѣчь, то написалъ къ президенту, что въ приговорахъ его произведенію онъ видитъ личное къ себѣ недоброходство, почему было сдѣлано распоряженіе „изслѣдовать помянутую его диссертацію академическому и историческому собранію и прислать общую отъ обоихъ собраній аппробацію, и сей экзаменъ произвесть при немъ самомъ Мюллерѣ, въ генеральномъ собраніи безъ всякаго пристрастія...." Вслѣдствіе этого Ломоносовъ написалъ новый отзывъ о произведеніи Мюллера и на этотъ разъ

---

1) Билярскій, стр. 758—762.

болѣе подробный (см. вполнѣ въ приложеніи II къ настоящему жизнеописанію).

Въ доказательство того, что роксолане и россіяне одинъ и тотъ же народъ, Ломоносовъ указываетъ на сходство обоихъ названій и на свидѣтельства, помѣщенныя въ изданномъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ Описаніе всего свѣта; онъ также ссылается на Плинія, Страбона и Тацита, упоминавшихъ о роксоланахъ, при чемъ обращается вниманіе на Целларія, сочинителя учебниковъ XVIII столѣтія, и на тѣ мѣста новгородской лѣтописи, въ которой помѣщены баснословные разсказы. Отъ IV до VIII вѣка о роксоланахъ нѣтъ упоминаній древнихъ писателей, а вмѣсто этого народа появляются русскіе и притомъ съ такою славою, что патріархъ цареградскій въ своемъ посланіи говоритъ объ ихъ побѣдахъ, которыхъ нельзя было учинить въ короткое время. Стало быть это былъ, думаетъ Ломоносовъ, народъ древній, т. е. тѣ же роксолане, о которыхъ писатели могли молчать въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ по чисто случайнымъ причинамъ. Роксолане говорили славянскимъ языкомъ по такому соображенію Ломоносова, что этотъ языкъ былъ въ употребленіи на огромномъ пространствѣ и не происходитъ ни отъ латинскаго, ни отъ греческаго языка: „слѣдовательно самъ собою состоитъ уже отъ самыхъ древнихъ временъ". Во времена Августа, по словамъ Ломоносова, цитующаго притомъ Целларія, роксолане стали называться у грековъ и римлянъ сарматами, а сами себя именовали славянами отъ славныхъ дѣлъ.

Въ словахъ Мюллера, что Рюрикъ съ братьями были не славяне, а шведы, Ломоносовъ видитъ подражаніе Байеру, а потому запальчиво нападаетъ на послѣдняго за его сближеніе именъ первыхъ русскихъ великихъ князей съ скандинавскими. „Всего несноснѣе, замѣчаетъ Ломоносовъ, что онъ въ своемъ изступленіи или полуумствѣ опровергаетъ основаніе, на которомъ утверждено важное Петра Великаго учрежденіе, т. е. орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго, ибо Байеръ то явно отрицаетъ, что св. апостолъ Андрей Первозванный былъ въ землѣ Россійской для проповѣди Евангелія. Жаль, что въ то

время не было такого человѣка, который бы поднесъ ему къ носу такой химической проницательной составъ, отъ чего бы онъ могъ очнуться!...“ Что касается до славянскихъ и русскихъ названій днѣпровскихъ пороговъ у Константина Порфиророднаго, то Ломоносовъ объясняетъ ихъ не разностью языковъ, а разностью времени, такъ-какъ оно перемѣняетъ названія.

Далѣе онъ высказываетъ собственныя свои соображенія въ пользу мнѣнія, что Рюрикъ съ братьямя пришелъ изъ Пруссіи, древніе обитатели которой говорили по славянки. Скандинавами этихъ князей-пришельцевъ Ломоносовъ не признавалъ главнѣйше по тому, что въ русскомъ языкѣ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ скандинавскаго, что необходимо должно было бы имѣть мѣсто, такъ-какъ дружина долгое время была изъ варяговъ и съ князьями пришло много ихъ единоплеменниковъ. Татары никогда въ русскихъ городахъ не жили долго и посылали туда только сборщиковъ, а между тѣмъ въ русскомъ языкѣ осталось множество татарскихъ словъ.

Разсказы, приведенные Мюллеромъ о русскихъ владѣтеляхъ изъ скандинавскихъ сагъ, а также шведскихъ и датскихъ писателей, Ломоносовъ сравниваетъ съ баснями, „какова у насъ о Бовѣ королевичѣ“.

„Не могу, замѣчаетъ Ломоносовъ на этотъ разъ весьма вѣрно, пройти мимо того, какъ онъ имя города Холмогоръ производитъ отъ Голмгардіи, которымъ его скандинавцы называли. Ежели бы я хотѣлъ по примѣру байеро-мюллеровскому перебрасывать литеры какъ зернь, то бы я право сказалъ шведамъ, что они свою столицу неправедно Стокгольмъ называютъ, но должно имъ звать оную Стіокольной, для того что она такъ слыветъ у русскихъ. Имя Холмогоры соотвѣтствуетъ весьма положенію мѣста, для того что на островахъ около его лежатъ холмы, а на матéрой землѣ горы, по которымъ и деревни близь онаго называются, напр.: Матигоры верхніе и нижніе, Каскова гора, Загорье и пр.“

Заключеніе Ломоносова въ послѣднемъ его отзывѣ сильнѣе предыдущаго: здѣсь доказывается, между прочимъ, что „ежели

положить, что-Рюрикъ и его потомки, владѣвшіе въ Россіи, были шведскаго рода, то не будутъ ли изъ того выводить какого опаснаго слѣдствія". Также, что посѣтители торжественнаго академическаге собранія, услыхавъ „толь новое свое происхожденіе, на догадкахъ основанное, проименованіе свое отъ чухонцевъ, презрѣніе древнихъ своихъ исторій, и частыя россіянъ отъ шведовъ разоренія, побѣды, порабощенія и опустошенія, о которыхъ они прежде не слыхали, конечно не токмо на г. Мюллера, но и на всю Академію и на ея командировъ, по справедливости, вознегодуютъ...."

Съ 23 октября 1749 года начались засѣданія академиковъ для разсмотрѣнія диссертаціи Мюллера. Возраженія подавались учеными, начиная съ младшихъ. При подачѣ другими своихъ мнѣній, Ломоносовъ только разъ вмѣшался въ споръ, доказывая Мюллеру, что роксолане и русскіе одинъ и тотъ же народъ. Засѣданія съ нѣкоторыми перерывами продолжались послѣдніе мѣсяцы 1749 года и перешли въ наступившій 1750 годъ, такъ что вышепомянутыя возраженія Ломоносова внесены въ протоколы этихъ засѣданій въ латинскомъ переводѣ въ мартѣ 1750 года. Тогда то при многихъ изъ отвѣтовъ Мюллера Ломоносовъ сдѣлалъ собственноручныя приписки, которыя и помѣщаются здѣсь, такъ-какъ они могутъ служить для характеристики нашего академика.

Противъ доводовъ Мюллера, что слово роксолане не могло перемѣниться въ россіяне, какъ думалъ Ломоносовъ, послѣдній приписалъ: Quoniam Mullerus summa tantum capita objectionum mearum et quidem mutilata attigit, non abs re fore judicavi, quaedam hic adjicenda esse. Мюллеръ говорилъ, что славяне прежде прихода варяговъ не назывались руссами и притомъ ссылался на Нестора и русскихъ лѣтописцевъ, а Ломоносовъ замѣтилъ: Falsè, nam Chronographus Novogrodensis et plerique alii scriptores Slavos et Russos ante adventum Varagorum unam gentem fuisse, prodiderunt. Послѣ того у Мюллера читаемъ, что Ломоносовъ, пренебрегая прямымъ свидѣтельствомъ русскаго лѣтописца, предпочитаетъ мнѣніе несвѣдущихъ иностран-

ныхъ писателей, что предками русскихъ были роксолане. Ломоносовъ противъ этого сдѣлалъ такую приписку: Sed cum tanta convicia in me sparsa videam, rationibus et argumentis locum hic non esse judico. Мюллеръ утверждалъ, что считаетъ Кіевъ и Кенугардію за одно и тоже не на основаніи сходства этихъ двухъ названій, а на несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, а Ломоносовъ на это замѣтилъ: Indirecte hic oppugnat mearum objectionum Mullerus. Non enim nego Koenugardiam Kioviam fuisse, sed exemplum id esse volo, quo major convenientia nominum Rossolani et Rossi appareat. Мюллеръ соглашался, что Плиній роксоланъ и аланъ считалъ за одинъ народъ, но эта истина діаметрально противорѣчитъ предложенію, что роксолане одно и то же, что руссы. Ломоносовъ возразилъ: E diametro? quare? Nam ubi Rossolani ex Rossis et Alanis compositus populus, fuerunt, ibi ergo et Rossi etiam populus fuit. Rossos autem et Russos qui negari potest eundem populum, propter eundem locum idemque nomen, fuisse. На слова Мюллера, что въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ сродство народовъ, недостаточно однѣхъ догадокъ, Ломоносовъ: Est sane multoties mentio facta a Strabone et reliquis. Ex tua enim sententia patet Rossos fuisse populum cum Alanis mixtum. Мюллеръ не вѣрилъ доводамъ Ломоносова, чтобы россы древности перемѣнили въ позднѣйшія времена свое названіе на имя руссы, на томъ основаніи, что поляки букву о перемѣняютъ на у. Ломоносовъ противъ этого писалъ: O si Mullerus ejusmodi conjecturam pretulisset, obtraderet sane pro inconcussa veritate. Oblitus est hic Mullerus Rossorum nomen etiam apud Graecos ρως scribi; revocet in animum legatos ex gente ρως apud Romanum imperatorem examinatos. Nec nimium credat россы novam prorsus scriptionem esse; non enim desunt argumenta pro partibus nostris. Далѣе Мюллеръ утверждалъ, что мѣста, гдѣ былъ построенъ Кіевъ, въ древности были чисто русскія, и тамъ процвѣталъ настоящій русскій языкъ безъ всякой примѣси полонизмовъ, что видно изъ писанныхъ въ древнія времена въ Кіевѣ лѣтописей и переводовъ св. отцовъ. Ломоновосъ противъ этого замѣтилъ: O praeclarum linguae Russi-

cae heroëm! Qui nec id novit, quod omnes libri ecclesiastici et historici Slavonica lingua sint conscripti, cujus nec in Polonia usus unquam fuit ullus nisi in templis, qui mos hanc usque in diem in Polonia in Ecclesia graeca obtinet. Caeterum lingua polonica jam ab antiquissimis temporibus ut a Russica, ita quoque a slavica ecclesiastica illa dialecto differt. Ecclesiastica enim dialectus, quae apud omnes Slavici generis et Graecae confessionis populos in templis viget, proprie est antiqua Moravica lingua cujus apud Slavicos populos nunquam fuit usus universalis. По словамъ Мюллера перемѣна въ Кіевѣ языка русскаго и малорусскаго въ польскій произошла гораздо въ позднѣйшія времена, а Ломоносовъ на это возразилъ: Ista mutatio non obscure prodit, etiam nomen ρως in ρȣς mutatum fuisse. Затѣмъ Ломоносовъ дѣлаетъ такое заключеніе по спору о тождествѣ россовъ и руссовъ: Ad singulas responsiones Mulleri regerere possum ejus modi retorsiones, sed cum graviora negotia tempori parcendum esse. Monent, breviter clarissimas collegas moneo, eas ubique fere quadruplex artificium in Mulleri responsionibus inventuras. 1) Ambages et res sine ullo nexu congestas, quo lectorem confundere et implicatis ideis onerare studet, ut veritatem tenebris obruat. 2) Citationes responsionum ejus, quae ad aliorum objectiones factae, vel potius fictae sunt. 3) Fictiones, quas nobis tribuit; alium nempe sensum objectionibus nostris dando, eumque refellendo super umbras et somnia magnifice triumphare videtur. 4) Maledicta et convicia, quibus terrorem nobis incutere satagit. Sed plumbei hi sunt pugiones et bruta fulmina. Мюллеръ давалъ болѣе вѣры мнѣнію Байера, что курляндской языкъ (sic) не сходенъ съ славянскимъ, а Ломоносовъ на это замѣтилъ: Curonicam linguam a Slavica ortam et non magis diversam esse ab ea, quam Svecicam a Germanica, non a Borusso Bejero, sed a plerisque eruditis Curoniae indigenis didici. Мюллеръ иронически замѣтилъ, что опытъ сравненія, сдѣланный Ломоносовымъ о Байерѣ, происходящемъ будто бы отъ бурлака, дѣлаетъ только честь остроумію автора, ничего не доказывая, и за тѣмъ говорилъ, что вѣроятность никакъ не можетъ замѣнять историческихъ фактовъ и что логическимъ

законамъ противно дѣлать заключенія *a posse ad esse*. Ломоносовъ въ началѣ этого возраженія отмѣтилъ: Ecce Mullerus sibi dictat sententiam, а въ концѣ: quod passim Mullerus facit, et ipse sibi iterum contrarius est. Мюллеръ утверждалъ, что въ помѣщенномъ при Библіи жизнеописаніи двѣнадцати апостоловъ, нѣтъ никакого упоминанія чтобы св. Андрей проповѣдывалъ слово Божіе въ Кіевѣ, и тамъ только есть: „проповѣда Виѳиніи, Понту и Аруссніи и т. д. Ломоносовъ подчеркнулъ слово Понту и съ боку приписалъ: Hic Slavi et Russi. На примѣръ, приведенный Ломоносовымъ, что пермяки, живучи съ русскими и слыша церковную службу по славянски, однако не утратили своего роднаго языка, Мюллеръ возражалъ, что пермяки нигдѣ не живутъ съ русскими смѣшанно. Ломоносовъ на это замѣтилъ: Passim permixti sunt, etiam urbibus et vicis interspersi. Мюллеръ приводилъ свидѣтельство изъ патріаршей лѣтописи (in exemplo annalium patriarchali), что когда было сдѣлано предложеніе варягамъ отъ славянъ придти управлять ими, то первые опасались принять приглашеніе послѣднихъ, такъ какъ эти вели жизнь свирѣпую (Varagi autem a fero gentis vitae genere metuerunt sibi, et vix tres fratres electi sunt....) Ломоносовъ возразилъ: Haec tantum exstant in corrupto Nestoris chronico. Slavos enim etiam exteri scriptores bene moratos fuisse litteris prodiderunt. Изъ того же лѣтописца Мюллеръ приводилъ, что Олегъ, при начатіи войны противъ грековъ, составилъ войско изъ варягъ, славянъ, чуди, и пр., а Ломоносовъ отвѣчалъ: Ex his omnis nil nisi nominis diversitas, et vitae, non linguae perspicitur. На указаніе Мюллера объ отношеніяхъ великаго князя Владиміра къ варягамъ, Ломоносовъ замѣчалъ: sed quid haec ad diversitatem linguae? Мюллеръ каждое возраженіе противъ Ломоносова о томъ, что всѣ народы, жившіе около Варяжскаго моря назывались варягами и пр., начиналъ фигурою изъ риторики: ложно то и то, ложно другое, ложно третье и т. д. Ломоносовъ противъ этого написалъ: Quantam vim adfert haec figurata oratio argumentis Mullerianis! Sed quibus? Nullis. Мюллеръ говорилъ, что есть разница между историческимъ разсужденіемъ и панегирикомъ, и что онъ не

желалъ писать послѣдняго. На это Ломоносовъ написалъ: Nec panegyricum postulo, nec apertus contradictiones Slavorum genti ignominiosas tolerandus esse affirmo. Deus bone! ubi hanc novam regulam a me vel scriptam vel dictam legit vel audivit? Fingit certe Mullerus, ut solet, fictaque aggreditur, quia ipsam genuinam obsectionem refellere nequaquam potest. Hoc artificio passim utitur. Кромѣ того Мюллеръ ссылался, что онъ уже объ этомъ говорилъ въ отвѣтѣ на возраженіе Крашенинникова, но Ломоносовъ написалъ: Nihil invenitur, quod contra hanc objectionem cl. Krasch. responsum sit directe. Ломоносову не нравилось, что Мюллеръ распространялся о славянахъ, покинувшихъ Дунай вслѣдствіе стѣсненія ихъ римлянами: Respuens jugum, idest, subire nolens. Ergo nondum adhuc fuit servitate pressa gens Slavenorum. Мюллеръ въ сейчасъ приведенномъ случаѣ ссылался на слова Нестора, Ломоносовъ же возразилъ: At ego haec exstare affirmo, et ostendere possum. Мюллеръ защищалъ мнѣніе, что не все слѣдуетъ отвергать въ скандинавскихъ сказаніяхъ о руссахъ и просилъ Ломоносова указать ему старинныя сказанія о древнихъ временахъ, которыя были бы совсѣмъ свободны отъ баснословныхъ разсказовъ. Отвѣтъ Ломоносова: Si ergo Scandinavicas fabulas te referre non piget; cur et Novogorodensium scripta hinc inde fabulis permista referre non vis? Cum antiquas gentium fabulas jam hic putas non tam ignominiosum esse recensere. Мюллеръ утверждалъ, что скандинавскій народъ „побѣдоноснымъ оружіемъ благополучно покорилъ себѣ Россію, или лучше сказать Австрію, Острогардію, Гардарикію, Голмгардію, Хунигардію, Гунниландію, которыми именами тогда наши земли отъ сосѣдственныхъ народовъ назывались, не зная еще тогда о россійскомъ имени“. Ломоносовъ противъ этого: Cur igitur passim his nominibus Ostrogardia etc. non es usus? Unico enim verbo declarare posses illis nominibus has terras designari. Мюллеръ на возраженіе Ломоносова, что онъ писалъ только о томъ, что относилось къ славѣ шведовъ или скандинавовъ, отвѣчалъ, что въ исторіи ложный тотъ законъ, по которому слѣдуетъ умалчивать о заслуживающемъ похвалы въ другихъ народахъ; и что онъ говорилъ о скандинавахъ на основаніи

приведенныхъ въ диссертаціи его свидѣтельствъ. Quibus autem, отвѣчалъ Ломоносовъ, testibus haec Mullerus firmabit? Cur in dissertatione suam nunquam indicavit Rurici patrem, avum attulit aliquem ex majoribus ejus Scandinavum? Inconsulte equidem fecit, et id, in quo cardo rei vertitur, prorsus omisit. Sed nullum sane invenire potest vestigium, in Scandinavorum monumentis eorum, quae profert. Ломоносовъ писалъ, что русскимъ слушателямъ рѣчи Мюллера будетъ обидно слышать, что одноименный съ ними народъ вездѣ побивали и побѣждали скандинавы. Мюллеръ возражалъ, что ему нѣтъ дѣла до слушателей невѣждъ, а мудрые поймутъ, что дѣло идетъ не о нынѣшнихъ русскихъ. Противъ этого Ломоносовъ замѣтилъ: Hodiernum populum Russiacum ex antiquis incolis, qui ante adventum Varagorum fuerunt, potissimum constare ipse Mullerus fatetur in dissertatione sua: quidquid igitur ignominiae in antiquos incolas ex contemptu eorum redundat, id ipsum potissimum in hodiernum quoque populum redundat. Мюллеръ считалъ для себя обидными возраженія, сдѣланныя Ломоносовымъ противъ его мнѣнія, что Оскольдъ и Диръ были одно и то же лицо. Ломоносовъ на это отвѣчалъ: Videant, obsecror, clarissimi collegae, quid § 69, a me in Mullerum injuriose dictum sit. Intelligent certe vim urgentis veritatis injuriam ab illo appelari. Въ концѣ того же возраженія Мюллеръ сослался на свой прежній отвѣтъ по этому предмету академику Попову, а Ломоносовъ приписалъ (при словахъ Мюллера responsionem Popovio datam): quae sane nulla est; nihil ad haec Popovio responsum, nihil mihi.

Собственныя показанія въ общихъ чертахъ о занятіяхъ Ломоносова въ 1750 году, какъ академика, помѣщаемъ здѣсь въ выноскѣ [1]). Что же касается сохранившихся о томъ подроб-

1) 11 мая 1750 года Ломоносовъ писалъ: «Въ прошлой трети трудился я въ дѣланіи крашеныхъ стеколъ и въ другихъ химическихъ опытахъ для изслѣдованія натуры цвѣтовъ. Въ будущую майскую треть буду въ томъ же упражняться и опредѣляемымъ ко мнѣ студентамъ буду показывать химическіе опыты натуральнымъ порядкомъ». (II, книга № 141).

«Прошедшей майской трети сего 1750 года продолжалъ я, писалъ Ломо-

ностей, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что еще въ октябрѣ 1749 года въ Академіи наукъ по отдѣленію художествъ производились опыты надъ пробами голубыхъ красокъ, на подобіе берлинской лазури, „химическимъ порядкомъ изобрѣтенныхъ“ Ломоносовымъ [1]), а 19 января 1750 года онъ, въ собственноручномъ донесеніи къ президенту Академіи, графу Разумовскому, писалъ по пунктамъ:

1. „По построеніи подъ моимъ смотрѣніемъ химической лабораторіи въ ботаническомъ огородѣ, старался я какъ въ концѣ 1748 года, такъ и въ генварской трети минувшаго 1749 года, удовольствовать оную нужными матеріалами, посудою и инструментами, а въ слѣдующія двѣ трети во первыхъ заготовлялъ разные спирты и другіе простые продукты, а потомъ предпріялъ опыты, для которыхъ химическія лабораторіи при Академіяхъ бываютъ.

2. По регламенту Академіи наукъ профессорамъ должно не меньше стараться о дѣйствительной пользѣ обществу, а особливо о приращеніи художествъ, нежели о теоретическихъ разсужденіяхъ; а сіе больше всѣхъ касается до тѣхъ, которыя соединены съ практикою, каково есть химическое искусство. Того ради за благо я разсудилъ во первыхъ изыскивать такія вещи, которыя художникамъ нужны, а выписываютъ ихъ изъ другихъ краевъ и для того покупаютъ дорогою цѣною. И такъ

носовъ въ другомъ мѣстѣ, опыты къ дѣлу крашеныхъ стеклахъ (sic) и фарфора, и красокъ минеральныхъ для финифти, и началъ сочинять трагедію, которую именнымъ ея императорскаго величества указомъ сочинять повелѣно, а въ будущей трети буду простираться въ тѣхъ же трудахъ». (II, книга № 145).

«Въ сентябрскую треть прошлаго 1750 года продолжалъ сочиненіе трагедіи Тамира и Селимъ и окончилъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а въ декабрѣ мѣсяцѣ, по именному ея императорскаго величества указу, началъ сочинять другую трагедію, Демофонтъ называемую, для которой матерію расположилъ. Въ химической лабораторіи производилъ опыты для крашенія стеколъ къ мозаикѣ и надѣлалъ оныхъ нарочитое количество къ произведенію дѣйствительной мозаической пробы. Сверхъ того, сколько за сими и за другими дѣлами, какъ-то: за исправленіемъ переводовъ и за чтеніемъ книгъ, времени оставалось, дѣлалъ нѣсколько опытовъ до физической химіи надлежитъ (sic) и простирался въ сочиненіи начатыхъ диссертацій. Генваря 22 дня 1751 года (II, книга № 149).

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 132, 133.

въ концѣ прошлаго лѣта и по осени искалъ я способовъ какъ дѣлать лазурь берлинскую, которой два сорта при семъ прилагаю. Подъ нумеромъ 1-мъ дѣлана съ купоросомъ русскимъ, подъ нумеромъ 2-мъ сдѣлана съ нѣмецкимъ. А ежели англинской купоросъ къ тому употребленъ будетъ, котораго мнѣ еще имѣть не случилось, то выйдетъ изъ того лазурь добротою много выше. Приложенные при семъ сорты становятся въ 75 коп. фунтъ, не считая работы, которая, однако, весьма немного будетъ стоить.

3. Стекла разныхъ цвѣтовъ употребляютъ въ финифть и въ финифтяную живопись на малеванье фарфоровой и финифтяной посуды, на мусію и на другія украшенія, и сверхъ того изъ такихъ стеколъ можно дѣлать не малыя плиты разныхъ цвѣтовъ на подобіе аспида и мрамора, для того прилагаю я возможное стараніе, чтобы дѣлать стекла разныхъ цвѣтовъ, которыя бы къ помянутымъ художествамъ годны были, и въ томъ имѣю нарочитые прогрессы. При всѣхъ сихъ практическихъ опытахъ записываю и тѣ обстоятельства, которыя подлежатъ до химической теоріи.

4. А понеже химіи никоимъ образомъ научиться невозможно, не видавъ самой практики и не принимаясь за химическія операціи, для того весьма нужно и полезно, чтобы опредѣлить ко мнѣ двухъ или трехъ студентовъ, которые бы, слушая мои лекціи, и въ практикѣ могли упражняться, и труды бы мои двойную приносили пользу, то есть новыми изобрѣтеніями для художествъ и наставленіемъ студентовъ.

„Того ради ваше сіятельство нижайше прошу для показанной пользы къ наученію химіи опредѣлить студентовъ, чтобъ они впредь могли плоды свои принести отечеству.“ [1]).

Краски Ломоносова были отосланы въ бывшую при Академіи наукъ Академію художествъ, и оттуда получено было донесеніе, что краска подъ № 1 „не хороша и не скоро высыхаетъ, а № 2 хороша и въ дѣло годится; а флорентійскій лакъ плохъ и надлежащаго цвѣту не даетъ.“ Въ доказательство это-

---

1) II, книга № 137.

му приложены до нынѣ сохраняющіеся образцы тѣхъ красокъ на холстѣ.

Что касается до студентовъ, о которыхъ просилъ Ломоносовъ, то о нихъ въ постановленіи академической канцеляріи [1]) пройдено молчаніемъ. Между тѣмъ академическіе студенты Михаилъ Софроновъ, Иванъ Ѳедоровскій и Василій Клементьевъ, 15 февраля 1750 года, просили академическую канцелярію, вѣроятно, по совѣту Ломоносова: „Понеже химія есть полезная въ государствѣ наука, притомъ же и мы желаемъ обучаться оной, того ради всепокорнѣйше просимъ канцелярію Академіи наукъ, чтобъ соблаговолила намъ ходить оной науки къ профессору его благородію г. профессору Ломоносову, который показывать намъ эксперименты и лекціи свои начать обѣщается. Что же касается до лекцій, которыя мы нынѣ слушаемъ, на оныя какъ ходили, такъ и будемъ ходить, пока генеральнаго развода по наукамъ всѣмъ не воспослѣдуетъ.“ [2]).

Изъ названныхъ студентовъ занимался потомъ химіею только одинъ Клементьевъ, сдѣлавшійся послѣ лаборантомъ академической лабораторіи и умершій въ этой должности въ февралѣ 1759 года [3]).

29 марта 1750 года, вслѣдствіе доношенія Ломоносова, „что по учиненнымъ имъ опытамъ въ химической лабораторіи, нашлось не малое число такихъ стеколъ, которыя въ мусію годятся, а для лучшаго ихъ виду должно-де оточить и съ одной стороны вышлифоватъ“, академическая канцелярія возложила исполненіе этого требованія на барометреннаго дѣла подмастерья Бѣляева [4]).

20 апрѣля 1750 года Ломоносовъ въ собственноручномъ доношеніи писалъ: „потребно въ химическую лабораторію слѣдующіе матеріалы: 1) аглинсково сапожнова купоросу пять пудъ. 2) Стеклянной композиціи, называемой по французски rocaille blanche d'Hollande двадцать фунтовъ. 3) Сѣмени, по

---

1) Билярскій, стр. 139.
2) II, книга № 137.
3) Билярскій, стр. 262, 381.
4) Билярскій, стр. 139, 140.

французски называемаго graine de Chouan два фунта. 4) корки, называемой по французски écorce d'Autour, два же фунта. И ежели помянутыхъ матеріаловъ здѣсь продажныхъ не найдется, то прошу оные соблаговолить изъ за моря выписать".

Требуемыхъ матеріаловъ дѣйствительно не нашлось тогда въ Петербургѣ, и Шумахеръ лаконически отвѣтилъ Ломоносову: „и о томъ ваше благородіе извольте быть извѣстны" [1]).

Въ маѣ 1750 года, Ломоносовъ представилъ новое донесеніе въ академическую канцелярію относительно приготовленной имъ синей краски: „По опытамъ, отъ искусныхъ живописцовъ учиненнымъ, дѣланныя мною пробы берлинской лазори явились весьма годны, а оной лазори можно при лабораторіи дѣлать немалое количество и продавать съ немалою прибылью, изъ которой можно содержать лабораторію, т. е. покупать уголье, дрова и другіе матеріалы, разную посуду и матеріалы. А чтобъ сію продажу произвести въ дѣйство, то я разсуждаю, что надлежитъ потребовать извѣстія отъ тѣхъ коллегій и канцелярій, гдѣ на оную краску расходъ бываетъ, по многу-ли оной тамъ въ годъ исходитъ и по какой цѣнѣ покупаютъ, для того, чтобы разсудить можно было заблаговременно, сколько при лабораторіи оной лазори должно заготовить и сколько прибыли Академія получить отъ того можетъ. А чтобы дѣланіе оной лазори непродолжительно происходило, и лабораторія бы могла имѣть впредь лабораторовъ природныхъ россіанъ, то должно быть неотмѣнно двумъ или тремъ лабораторскимъ ученикамъ русскимъ. Того ради канцелярія Академіи наукъ прошу, чтобы о вышеписанномъ опредѣлить соблаговолила, ибо я не сомнѣваюсь, что академическая лабораторія такимъ образомъ вящше и вящше размножится и можетъ придти въ цвѣтущее состояніе".

По желанію Ломоносова, о берлинской лазори сносились съ разными коллегіями, бо́льшая часть которыхъ отвѣчали, что у нихъ выходитъ берлинской лазори отъ полъ фунта до фунта, а привезено этой краски въ Россію въ 1747 году на

1) II, книга № 140.

277 рублей 2 коп., а въ 1748 году — на 75 копеекъ. На этихъ свѣдѣніяхъ и остановилась дальнѣйшая переписка о берлинской лазори по академической канцеляріи [1]).

Въ вышедшемъ въ 1750 году первомъ томѣ Novi commentarii Academiae scientiarum petropolitanae (ad annum MDCCXLVII et MDCCXLVIII) помѣщено нѣсколько статей Ломоносова, которыя онъ, какъ видѣли выше на стр. 350, 361, 362, представлялъ въ академическія собранія. Такимъ образомъ, на стр. 206—229 сейчасъ названнаго изданія, напечатаны Meditationes de caloris et frigoris causa [2]). Самъ Ломоносовъ былъ

1) II, книга № 141. Здѣсь кстати сообщить, что въ августѣ 1750 года сенатъ, приславъ образцы брусковой синей краски, сдѣланной Антономъ Тавлѣевымъ съ товарищами, требовалъ мнѣнія: «какое она имѣетъ съ заморскою сходство?» Ломоносовъ на этотъ запросъ 23 августа 1750 года отвѣчалъ: «я, нижеименованный, присланную изъ канцеляріи Академіи наукъ для свидѣтельства синюю брусковую краску, которую дѣлалъ Антонъ Тавлѣевъ съ товарищи, по химическому искусству пробовалъ, учинивъ многіе сравнительные опыты съ иностранною, которую здѣсь въ Россіи въ великомъ числѣ употребляютъ. А по пробѣ пашлось, что оная синяя брусковая краска, составляемая Антономъ Тавлѣевымъ съ товарищи, всѣми качествами съ иностранною брусковою синею краскою сходна, и добротою своею оной ни въ чемъ не уступаетъ, и для того къ крашенью суконъ и другихъ матерій такова же дѣйствительна и совершенна какъ иностранная».

Другіе академики дали отзывы съ нѣкоторыми отмѣнами отъ ломоносовскаго. Такъ Краценштейнъ, описавъ составъ настоящей брусковой синей краски изъ сока травы анилъ, растущей въ Индіи, замѣчалъ, что краска Тавлѣева не имѣетъ ея качествъ; «что жъ до той брусковой краски касается, которую въ здѣшнихъ лавкахъ продаютъ, то и она не истинная индѣйская, но сдѣлана изъ травы, вейдъ называемой, и съ ней великое здѣшняя имѣетъ сходство. Впрочемъ не сумнѣваюсь, чтобъ здѣшняя брусковая краска лучшую доброту и твердость доставать не могла бы, ежели она такимъ же образомъ, какъ и истинная заморская чрезъ гниль легко распущена будетъ....» Другой академикъ Гебенштрейтъ отозвался: «здѣсь сдѣланная брусковая краска, по внѣшнему своему виду, съ китайскою краскою, индиго называемою, сходна быть кажется, а имѣетъ ли равную съ индиго доброту и то-ли самое дѣйствовать можетъ, о томъ я не могу объявить для незнанія моего въ красильномъ художествѣ. Красильные мастера о томъ можетъ-быть лучше могутъ учинить опыты». Изъ собранія Академіи художествъ Штелинъ писалъ, что по всѣмъ, произведеннымъ тамъ опытамъ, «явилась та краска добра и въ живописномъ художествѣ на иллюминаціи и театральныя представленія съ равномѣрною добротою противъ голландской брусковой краски употреблена быть можетъ». (II, книга № 144.)

2) Въ довольно рѣдкомъ нынѣ изданіи, выходившемъ подъ заглавіемъ: Содержаніе ученыхъ рассужденій императорской Академіи наукъ, изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Ком-

такого мнѣнія, что высказанныя имъ здѣсь „основанія для объясненія природы подтверждены доводами à priori и à posteriori, и теперь можно имѣть ясную идею и геометрическое познаніе того, что составляетъ душу всѣхъ остальныхъ явленій: устранена смутная идея о какой-то скитающейся и бродячей, не подчиненной никакому закону, теплотворной матеріи"[1]). Нѣсколько лѣтъ спустя эта теорія Ломоносова нашла себѣ противниковъ въ Германіи, быть можетъ не безъ участія тѣхъ изъ сочленовъ его по Академіи въ Петербургѣ, которые были

ментаріевъ послѣ всемилостивѣйшей аппробаціи отъ ея императорскаго величества новаго академическаго регламента. Въ Санктпетербургѣ, при императорской Академіи наукъ (въ 4°, s. a.), — внесено слѣдующее описаніе статьи Ломоносова О причинѣ теплоты и стужи: «Въ параграфѣ первомъ показано, что теплота состоитъ въ движеніи матеріи, которое движеніе хотя и не всегда чувствительно, однако подлинно въ теплыхъ тѣлахъ есть, о чемъ см. въ § 2. Сіе движеніе есть внутреннее, то есть, въ теплыхъ и горячихъ тѣлахъ движутся нечувствительныя частицы, изъ которыхъ состоятъ самыя тѣлà; сіе явствуетъ въ § 3 и 4, и подтверждается въ § 5. Внутреннее движеніе нечувствительныхъ частицъ есть трояко, *проходное*, *зыблющееся* и *коловратное*, что изъяснено въ § 6. Теплота тѣлъ не что иное есть, какъ коловратное движеніе собственной матеріи, то есть тѣло бываетъ тепло или горячо тогда, когда нечувствительныя частицы оное составляющія около своей оси вертятся; сіе доказано въ § 7 — 11. Въ § 12 опровергается нѣкоторое возраженіе. Въ § 13 выведено изъ вышеписаннаго рассужденія нѣкоторыя слѣдствія, изъ которыхъ главное есть то, что чемъ нечувствительныя частицы скорѣе вертятся, тѣмъ теплота или жаръ больше бываетъ. Въ § 14—15 для вящшаго доказательства авторовой теоріи предложены и истолкованы 14 свойствъ и перемѣнъ, которыя теплота показываетъ. Въ § 16 показано, что должно рассуждать о прибыли величины, которую нагрѣтыя тѣла получаютъ. Что на земномъ шару, на которомъ мы обитаемъ, нѣтъ нигдѣ самой совершенной стужи, то явствуетъ изъ сей теоріи въ § 27. Рассужденіе о матеріи, которую большая часть философовъ за собственную матерію теплоты почитаетъ, и называетъ теплотворною, или огненною стихіею; и есть ли такая матерія, о томъ слѣдовать начинаетъ Авторъ въ § 28. Но хотя то самая правда, что тѣлà отъ огня расширяются, что пережженные въ порошокъ металлы тяжелѣе становятся, что сгущенные солнечные лучи зажигательнымъ стекломъ великой жаръ производятъ, и что снѣгъ съ солью смѣшанной таетъ, когда положенная на него вода въ стаканѣ мерзнетъ; однако изъ всего того не слѣдуетъ, чтобы была матерія теплотворная, которая бы изъ одного тѣла въ другое переходила, и множествомъ своимъ теплоту и огонь умножала; сіе ясно доказано въ § 29—34. Въ § 35 кратко объявлено, что и такой особливой матеріи нѣтъ, которая бы своимъ присутствіемъ стужу производила».

1) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, А. Будиловича (Спб., 1869), 58. Здѣсь помѣщена собственноручная записка Ломоносова о своихъ заслугахъ.

съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ, о чемъ будетъ еще говорено далѣе, а здѣсь представляются позднѣйшіе отзывы о теоріи Ломоносова касательно тепла и стужи.

Въ J. S. T. Gehler's Physikalisches Wörterbuch neu bearbeitet von Gmelin, Littrow, Muncke, Pfaff (Leipzig, 1841), X, 56, при историческомъ изложеніи ученія о сущности теплоты, между прочимъ, замѣчено: „Что Ньютонъ принималъ теплотворное вещество, то въ томъ менѣе должно сомнѣваться, потому что его сторонникъ Христіанъ Вольфъ явственно высказываетъ, что существуетъ особенное, повсюду распространенное въ тѣлахъ вещество, выказывающее явленіе теплоты. Напротивъ того Ломоносовъ общіе феномены теплоты выводилъ изъ вращательнаго движенія частицъ въ тѣлахъ, причемъ онъ тщетно старался, при помощи искуственныхъ гипотезъ, согласовать съ этою теоріею существованіе стужи отъ охлаждающихся смѣшеній“ (wobei er sich vergebens bemüht, die Erzeugung der Kälte durch kaltmachende Mischungen mittelst künstlicher Hypothesen dieser Theorie anzupassen).

Академикъ Д. М. Перевощиковъ въ Руководствѣ къ опытной физикѣ (Москва, 1833, стр. 141—144), говоря о гипотезахъ касательно причины происхожденія тепла, описываетъ также сущность ломоносовскаго предположенія объ этомъ предметѣ, и потомъ прибавляетъ: „принявъ за правила предлагать гипотезы только исторически и воздерживаться отъ рѣшительнаго мнѣнія касательно ихъ достоинства, не можемъ однакожъ не замѣтить, что предположеніемъ Ломоносова бо́льшая часть явленій природы приводятся къ одному началу...“ За тѣмъ слѣдуютъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ опытахъ Румфорда и другихъ, заставившихъ возобновить такое предположеніе.

При обзорѣ трудовъ Ломоносова по части физики, профессоръ этой науки въ московскомъ университетѣ г. Любимовъ[1]) прежде всего дѣлаетъ такую оговорку: „Съ именемъ Ломоносова не связано никакихъ особенно замѣчательныхъ открытій;

1) Ломоносовъ какъ физикъ. Въ воспоминаніе 12 января 1855 года, ученолитературныя статьи профессоровъ и преподавателей московскаго университета (Москва, 1855 года), стр. 4, 5, 6, 13—16.

мы даже не встрѣтимъ этого имени въ исторіи науки. Разнообразіе предметовъ, которыми занимался онъ съ безграничною пытливостью, переносили его вниманіе отъ одного предмета на другой и не позволяли ему останавливаться на частномъ изслѣдованіи какого нибудь отдѣльнаго явленія; его умъ всегда уносился въ область теоріи.... Ломоносову не суждено было внести какіе либо новые замѣчательные факты въ науку; но немногіе изъ современныхъ ему ученыхъ понимали явленія природы такъ глубоко и ясно, какъ онъ. Ломоносовъ не былъ математикомъ, оттого его теоріи носятъ чисто физической характеръ. Такія теоріи забываются, остаются одни факты.... Его труды имѣютъ другое, для насъ еще болѣе важное значеніе: это блестящія страницы въ исторіи русскаго образованія. Физическія сочиненія Ломоносова любопытны и поучительны и въ наше время, ибо отличаются двумя великими достоинствами изложенія, которымъ должно учиться у Ломоносова. Во первыхъ это ясность пониманія, это умѣніе поставить вопросъ. Рѣшеніе вопроса дѣлается конечно въ духѣ того времени, но слѣдить за тѣмъ, какъ Ломоносовъ подходитъ къ вопросу, какъ возникаютъ въ его умѣ одна за другою самыя существенныя стороны предмета, интересно и въ наше время. Съ другой стороны, физическіе труды Ломоносова отличаются понятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнымъ изложеніемъ... И конечно никто лучше Ломоносова не писалъ по русски о физическихъ предметахъ. Только нѣкоторая устарѣлость оборотовъ рѣчи затрудняетъ иногда читателя..." Далѣе г. Любимовъ перечисляетъ ученыхъ, которые держались одного съ Ломоносовымъ мнѣнія относительно теплоты, какъ движенія, и послѣ пересказа сущности этого мнѣнія, замѣчаетъ: „оставивъ въ сторонѣ оцѣнку такой теоріи теплоты, имѣющей безъ сомнѣнія только историческое значеніе, не могу не замѣтить, что мысль о вращательномъ движеніи частицъ тѣлъ встрѣчается въ новѣйшемъ сочиненіи Деларива объ электричествѣ...."

Въ первомъ же томѣ Novi Commentarii, на стр. 230—244, помѣщено другое изслѣдованіе Ломоносова Tentamen theoriae de vi aeris elastica, и на стр. 305—312, Supplementum ad medi-

tationes de vi aeris elastica [1]). По мнѣнію самого Ломоносова здѣсь „любители основательной натуральной науки найдутъ объясненіе этихъ явленій путемъ механическимъ, устраняя всякія предположенія о причинѣ упругости упругихъ частицъ; и всѣ отсюда выводы удивительно согласуются съ теоріею теплоты“ [2]). Г. Любимовъ [3]), по поводу этого изслѣдованія, замѣчаетъ, что „Ломоносовъ не былъ математикомъ. Оттого творенія Ньютона не имѣли на него большаго вліянія. Воззрѣнія его на природу были чисто картезіанскія... Въ теоріи упру-

1) Въ «Содержаніи ученыхъ разсужденій императорской Академіи наукъ, изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ послѣ всемилостивѣйшей аппробаціи отъ ея императорскаго величества новаго академическаго регламента. Въ Санктпетербургѣ, при императорской Академіи наукъ», на стр. 62, 63, есть краткое содержаніе изслѣдованія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, а именно: «Разсужденіе о упругости воздуха, которое предлагаетъ Михайло Ломоносовъ. Въ § 1 объявлено, что по изобрѣтеніи воздушнаго насоса, хотя многія свойства воздуха извѣстны учинились, однако причина его упругости еще недовольно истолкована. Въ § 2 мнѣніе, которое утверждается на теоріи о силѣ, отбивающей отъ центра, правдивѣе всѣхъ почитается. Въ § 3 недостатокъ или справедливѣе сказать излишекъ во ономъ мнѣніи показанъ. Въ § 4 теоріи начинаетъ Авторъ яснымъ понятіемъ о самой упругости. Въ § 5—7 показано, что упругость воздуха зависитъ не отъ органическихъ или сложныхъ какихъ частей воздуха, но отъ самыхъ простыхъ, твердыхъ и нераздѣлимыхъ частицъ или атомовъ. Въ § 8 и 9 разсуждаетъ Авторъ, что воздушнымъ нераздѣлимымъ атомамъ никакая фигура не можетъ быть толь пристойна, какъ сферическая шероховатая, то есть, что воздухъ состоитъ изъ нераздѣлимыхъ твердыхъ шероховатыхъ шаричковъ. Въ § 10—12 показано, что составляющія воздухъ частицы въ упругое расширеніе расскакиваются не вступленіемъ другой какой матеріи, которая бы самого воздуха была мельче, но взаимнымъ самихъ на себя дѣйствіемъ. Въ § 13—17 доказываетъ Авторъ, что нераздѣлимыя воздушныя частицы вертясь для теплоты около своей оси и шероховатою поверхностію одна о другую ударяясь расскакиваются, и такимъ расширеніемъ упругость воздуха производятъ. Въ § 18 теорія сія примѣромъ изъясняется. Въ § 19—28 свойства воздуха изъясняются, и тѣми вящше утверждается предложенная теорія». Далѣе тамъ же, на стр. 67: «Къ разсужденію о упругости воздуха прибавленіе Михаила Ломоносова. Въ § 1 предлагается причина сего прибавленія. Въ § 2 слѣдуетъ Бернулліево мнѣніе, что въ сильномъ стисненіи воздуха упругость его непропорціональна съ густостью. Въ § 3—10 Бернулліево мнѣніе подтверждается выкладками, которыя выведены изъ той силы, которою замерзающая вода стеклянные и чугунные шары разрываетъ. Въ § 11—13 показано, какъ сіе свойство сходствуетъ съ вышепоказанною Автороровою теоріею».

2) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, А. Будиловича, 58.

3) Ломоносовъ какъ физикъ — въ сборникѣ: Въ воспоминаніе 12 января 1855 г. и пр., стр. 7, 13.

гости воздуха яснѣе всего замѣтно картезіанское направленіе Ломоносова. Чтобы объяснить это свойство воздухообразныхъ тѣлъ, онъ дѣлаетъ гипотезу въ духѣ воззрѣній Декарта на природу. Ломоносовъ разсматриваетъ малѣйшія частицы воздуха и допускаетъ, что онѣ не правильной сферической формы, а напротивъ того весьма угловаты. Тяжесть, побуждая эти частицы опускаться, заставляетъ ихъ сближаться между собою... Вообще Ломоносовъ давалъ великое значеніе ученію о малѣйшихъ частицахъ тѣлъ, и говорилъ, что „познаніе ихъ толь нужно есть испытателямъ натуры, какъ сами эти частицы къ составленію тѣлъ необходимо потребны" (Рѣчь о пользѣ химіи).

Тотъ же первый томъ Novi Commentarii, стр. 245—266, заключаетъ въ себѣ ломоносовскую Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere [1]).

До сихъ поръ ни одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ не

---

1) Въ «Содержаніи ученыхъ разсужденій императорской Академіи наукъ, изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ» и пр. такъ изложено объ этомъ изслѣдованіи на стр. 63, 64: «О химическихъ растворахъ вообще рассужденіе Михаила Ломоносова. Въ § 1 и 2 причину химическихъ растворовъ изслѣдовать предъ прочими сокровенными химическихъ перемѣнъ и явленій причинами за достойное дѣло почитаетъ Авторъ. Въ § 3—6 обыкновенныя растворовъ истолкованія, которыя на величинѣ и фигурѣ нечувствительныхъ скважинокъ и частицъ основаніе свое имѣютъ, отвергаетъ. Въ § 7—10 показываетъ, что растворяющія жидкія матеріи входятъ въ нечувствительныя скважинки растворяемыхъ тѣлъ для подобнаго съ ними сходства самихъ оныхъ тѣлъ. Въ § 11 Авторъ намѣреніе свое объявляетъ. Въ § 12 полагаетъ за основаніе своего рассужденія противныя перемѣны при растворахъ бывающія, то есть что крѣпкія водки горячи становятся, когда въ себѣ металлы разъѣдаютъ; а напротивъ того вода становится холоднѣе, когда соли въ ней растворяются. Въ § 13—27 показываетъ, что металлы растворяются въ крѣпкихъ водкахъ отъ воздуха, который въ нечувствительныхъ скважинкахъ металла расширившись, частицы отрываетъ. Въ § 28 и 29 подтверждаетъ сіе опытами. Въ § 30—34 толкуетъ явленія бывающія при растворахъ, и тѣмъ теорію утверждаетъ. Въ § 35—38 математическою выкладкою о ея справедливости удостовѣряетъ. Въ § 39—47 показываетъ, что сóли растворяются въ водѣ, отъ взаимно вертящихся частицъ тренія и отъ смѣшенія растворяющей воды съ тою водою, которая въ соли содержится. Въ § 48 и 49 растворы раздѣляются на посредственные и непосредственные. Въ § 50 упоминается о томъ, какъ нечувствительныя растворенныхъ тѣлъ частицы держатся въ растворяющемъ тѣлѣ.»

бралъ на себя труда разсмотрѣть и оцѣнить съ исторической точки зрѣнія о значеніи трудовъ Ломоносова по химіи, а потому мнѣ по необходимости приходится пользоваться въ настоящемъ случаѣ довольно поверхностнымъ очеркомъ, сдѣланнымъ профессоромъ московскаго университета Лясковскимъ въ статьѣ по случаю празднованія юбилея Ломоносова въ московскомъ университетѣ: „Ломоносовъ, какъ химикъ“[1]). Здѣсь сначало замѣчено, что „Ломоносовъ жилъ въ періодъ такъ называемой флогистической химіи, когда начала химической теоріи почерпались преимущественно изъ односторонняго объясненія явленій теплотныхъ; когда состояніе физическаго каленія смѣшивалось съ химическимъ процессомъ горѣнія; когда принимали особое горючее вещество; когда подъ выраженіями: элементъ и сложное тѣло, соединеніе и разложеніе разумѣли діаметрально противоположное тому, что подъ этими терминами разумѣютъ нынѣшніе химики....“ Далѣе Лясковскій къ этому прибавляетъ: „имѣя въ виду эти основанія тогдашней химіи, которымъ въ то время болѣе или менѣе подчинялись самые передовые двигатели этой науки, мы найдемъ естественнымъ, что и на сочиненіяхъ Ломоносова отразился характеръ того періода химіи.... Соображая свои требованія съ тою бѣдностію вѣрно истолкованными фактами, которою отличалась тогдашняя химія отъ нынѣшней, но помня вмѣстѣ съ тѣмъ, что духъ строгой критики уже былъ внесенъ въ эту науку, что она уже окрѣпла на пути развитія въ самостоятельную отрасль естествовѣдѣнія, химическій читатель трактатовъ Ломоносова съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ узнаетъ въ немъ не только изобрѣтательнаго экспериментатора и обладавшаго обширною ученостью руководителя въ области химіи, но и необыкновенно проницательнаго толкователя химическихъ явленій. Чтобы прійти къ такому заключенію, уже достаточно прочитать, напр., его Meditationes de

1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1865—1866 императорскимъ московскимъ университетомъ апрѣля 11 дня (М., 1855), стр. 57—66.

caloris et frigoris causa (размышленія о причинѣ теплоты и холода) и Dissertatio de actione menstruorum chymicorum in genere (разсужденіе о химически растворяющихъ жидкостяхъ вообще). Эти трактаты, между прочимъ, доказываютъ, что Ломоносовъ былъ естествоиспытатель, пользовавшійся для рѣшенія химическихъ вопросовъ всѣми пособіями тонкихъ и точныхъ изслѣдованій: и геометрическою демонстраціею, и опредѣленіемъ объема и вѣса, и микроскопомъ, и воздушнымъ насосомъ. Тутъ же можно убѣдиться въ большой начитанности Ломоносова и въ томъ, что несмотря на распространенныя тогда понятія о флогистонѣ, объ элементарномъ огнѣ, его свѣтлый умъ вѣрно оцѣнивалъ тѣ химическіе факты, которые противорѣчили этимъ понятіямъ....“

Наконецъ, въ первомъ томѣ Novi Commentarii на стр. 267—275 напечатано изслѣдованіе Ломоносова De motu aeris in fodinis, которое съ нѣкоторыми измѣненіями вошло какъ прибавленіе въ Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: Прибавленіе о вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ примѣченномъ, изъ перваго тома Новыхъ Комментаріевъ [1]).

Иванъ Шуваловъ, съ самого перваго времени какъ сдѣлался любимцемъ императрицы Елисаветы, вступилъ въ сношенія съ Ломоносовымъ и сталъ оказывать ему покровительство. Доказательствомъ тому служитъ стихотворное „Письмо къ его высокородію Ивану Ивановичу Шувалову“, написанное Ломоносовымъ 18 августа 1750 года. Здѣсь послѣ описанія конца лѣта, читаемъ:

---

1) Въ Содержаніи ученыхъ разсужденій Академіи наукъ, изданныхъ въ первомъ томѣ Новыхъ Комментаріевъ, на страницѣ 64, о сущности этой статьи можно найти слѣдующія извѣстія: «Во первыхъ предлагается наблюденіе онаго движенія, и описаніе найденное въ горной книгѣ Георгія Агриколы, потомъ въ § 1—9 опредѣленіе съ ихъ слѣдствіями присовокупляются. Въ 10—24 показано, что сіе движеніе происходитъ отъ разной густости воздуха, для того, что въ ямахъ воздухъ всегда одной теплоты и густости, а внѣшній лѣтомъ бываетъ теплѣе и рѣже, а зимою холоднѣе и гуще того, которой въ ямахъ. На концѣ вкратцѣ показана польза, которая отъ сего разсужденія слѣдовать можетъ».

Чертоги свѣтлые, блистаніе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ.
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ.

Но, по среди радостей и утѣхъ въ Царскомъ селѣ, Шуваловъ не забываетъ россійскихъ музъ, а потому Ломоносовъ обращается къ нему:

Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.
Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится,
Я оныхъ красотой и въ зиму наслаждусь,
Когда мой духъ твоимъ пріятствомъ ободрится,
Которое внести я на Парнасъ потщусь [1]).

Надобно предполагать, что это стихотвореніе понравилось молодому любимцу, потому что Ломоносовъ вскорѣ потомъ, именно 27 августа 1750 г., былъ въ Царскомъ селѣ и памятникомъ признательности за оказанную ему тамъ милость служитъ напечатанная въ слѣдъ за тѣмъ: Ода ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, самодержицѣ всероссійской, которою за высочайшую монаршескую милость, оказанную въ Сарскомъ селѣ, всеусерднѣйшее благодареніе приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ. Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ сентября 16 дня 1750 года [2]).

---

1) Въ первый разъ это произведеденіе явилось въ печати въ академическомъ изданіи Полнаго собранія сочиненій Ломоносова, 1784—1787 г.г., съ опредѣлительнымъ поясненіемъ, что «тогда его высокопревосходительство нынѣшній оберъ-камергеръ Иванъ Ивановичъ былъ каыеръ-юнкеромъ».

2) Въ f⁰, 8 нен. страницъ. Ода эта была напечатана въ количествѣ 150-ти экземпляровъ на простой и 50-ти на заграничной бумагѣ, на счетъ автора, отъ котораго въ маѣ 1751 года и были потребованы за печатаніе оды деньги 11 руб. $24^1/_2$ коп. (Билярскій, стр. 151). Въ Собраніи разныхъ сочиненій

Здѣсь Ломоносовъ описываетъ свое блаженство, что онъ слѣдуетъ за Діаной,

От коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ.
. . . .
Не ложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова Дщерь
Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ

За тѣмъ описывается извѣстная жителямъ Царскаго села и Павловска рѣчка Славянка:

Гдѣ древнимъ именемъ Славéна
Гордяся пролились струи.
. . . .

Далѣе попадается замѣчательная по красотѣ строфа, въ которой описывается царская охота временъ Елисаветы:

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной всадницей гордясь!

Ломоносова (Спб., 1751 г.), на стр. 118, въ заглавіи этой оды точно пояснено, что высочайшая милость была оказана 27 августа 1750 года. По смыслу стихотворенія трудно теперь угадать, въ чемъ заключалась эта милость; только положительно можно сказать, что она не состояла въ пожалованіи дачи Коровалдай, какъ полагаетъ Билярскій, о чемъ въ одѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Правда, что въ старческихъ воспоминаніяхъ И. Шувалова, записанныхъ Тимковскимъ, есть такое извѣстіе, что Ломоносовъ, приступивъ къ русской исторіи, писалъ ее медленно, причемъ ссылался на свою нужду и бѣдность. «Чтобъ ободрить его, я, разсказывалъ Шуваловъ, взялъ его съ собою въ Царское село. Онъ описалъ въ стихахъ Славянку. Я выпросилъ ему деревушку въ 40 душъ за Ораніенбаумомъ; но какъ засѣлъ онъ тамъ, такъ и пропалъ».... Шуваловъ точно выпросилъ у Елисаветы крестьянъ Ломоносову, но только гораздо послѣ, именно въ мартѣ 1753 года въ Москвѣ, и притомъ не 40, а 200 слишкомъ душъ, о чемъ будетъ сказано ниже (ср. Билярскій, стр. 039, 040).

Ломоносовъ за тѣмъ намекаетъ на приглашеніе его въ Царское село:

Коль взоръ твой далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынь Парнасъ,
Какъ ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу твоему.

По разсказу императрицы Екатерины II [1]) выходитъ, что зимою 1749 г., когда дворъ не былъ въ Петербургѣ, остававшійся тамъ главнымъ начальникомъ, князь Юсуповъ для своего развлеченія, а также и оставшихся съ нимъ высшихъ лицъ, заставлялъ играть кадетовъ (Юсуповъ завѣдывалъ шляхетнымъ корпусомъ) русскія и французскія пьесы Сумарокова и Вольтера; послѣднія представлялись въ искаженномъ видѣ. По возвращеніи императрицы изъ Москвы, она приказала, чтобы пьесы Сумарокова были даваемы при дворѣ этими же молодыми людьми [2]). Вскорѣ замѣтили при дворѣ, что Елисавету чрезвычайно стали занимать эти представленія, при чемъ актеры-кадеты были одѣваемы съ особенною роскошью. Между ними замѣтнѣе былъ красивый Бекетовъ, игравшій роли первыхъ любовниковъ; тогда при дворѣ были убѣждены, что старѣющійся любимецъ графъ А. Разумовскій хотѣлъ возвышеніемъ Бекетова противодѣйствовать значенію у императрицы молодого И. Шувалова. На сколько это было вѣрно, распространяться о томъ здѣсь неумѣстно, скажемъ только, что въ 1750 году рус-

---

1) Mémoires de Catherine II écrits par elle-même (Londres, 1859), 149—151.

2) Карабановъ въ своей брошюрѣ «Основаніе 1750 года русскаго театра» (Спб., 1849), 12, 13, разсказываетъ что Хоревъ былъ игранъ въ первый разъ кадетами въ Петербургѣ и что будто послѣ того Сумароковъ внѣ себя отъ радости, провожаемый рукоплесканіями, летѣлъ донести о томъ покровителю своему оберъ-егермейстеру Разумовскому, у котораго исправлялъ тогда должность адъютанта. Графъ почелъ долгомъ извѣстить о такой новости императрицу». Это самое извѣстіе Карабанова заимствовано изъ Отечественныхъ Записокъ 1822 года, часть XII, № 32, изъ статьи Павла Сумарокова: О россійскомъ театрѣ отъ начала онаго до конца царствованія Екатерины II, стр. 298.

скій театръ былъ любимымъ развлеченіемъ двора до такой степени, что 29 сентября 1750 года, графъ К. Разумовскій, президентъ Академіи наукъ, объявилъ въ ея канцеляріи, что „ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня изустнымъ своимъ именнымъ указомъ изволила Тредіаковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи....“ [1]) Не задолго до полученія этого повелѣнія, именно въ августѣ 1750 года, нѣкій титулярный совѣтникъ Балкъ просилъ о взысканіи съ Ломоносова денегъ по векселю въ сто рублей съ причитающимися процентами. Ломоносовъ, не отвергая долга, признавалъ только неправильнымъ требованіе процентовъ (ср. выше, стр. 392). Послѣ доказательствъ тому, нашъ писатель прибавлялъ: „и понеже канцелярія Академіи наукъ извѣстна, что я нынѣ по именному ея императорскаго величества указу съ поспѣшеніемъ трагедію сочинять долженъ, того ради покорнѣйше прошу меня отъ такихъ наглыхъ его, Балка, на меня нападокъ оборонить и не дать безпокоить, ибо въ противномъ случаѣ исполненіе высочайшаго ея величества повелѣнія съ желаемымъ успѣхомъ въ дѣйствіе произведено быть не можетъ“. Канцелярія рѣшила, что это дѣло слѣдуетъ передать въ магистратскую контору [2]).

Между тѣмъ Ломоносовъ усердно спѣшилъ выполнить именный указъ о сочиненіи драматическаго произведенія: 29 октября уже дано было приказаніе мастеру Соколову о вырѣзаніи виньетты къ его трагедіи, а 3 ноября 1750 года покупались матеріалы для переплета подносныхъ экземпляровъ. Драматическое сочиненіе Ломоносова носило такое заглавіе: Тамира и Селимъ трагéдія Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [3]). Это произве-

---

1) Билярскій, стр. 145.

2) Билярскій, стр. 772—776.

3) Въ 8°, 75 нум. стр.; гравюра на мѣди въ началѣ; пробный ея оттискъ сохраняется донынѣ съ подписью: Approb. Acad. artium, 14 Nov. 1750, J. Sthln. Книга была напечатана въ количествѣ 630 экз. (II, книга № 145). Въ январѣ 1751 года все изданіе ея было распродано, и тогда опредѣлено было вновь печатать 600 экземпляровъ, почему Шумахеръ, 28 января, писалъ къ Ломоносову, не сдѣлаетъ-ли онъ притомъ какихъ перемѣнъ, «того ради ваше благородіе изволите о томъ непродолжительное учинить исполненіе, и ежели по прежнему оставлена будетъ, то такъ и печатана быть

деніе было таково, что не затмило собою драматическихъ сочиненій Сумарокова, который у насъ и сталъ не въ шутку называться потомъ россійскимъ то Расиномъ, то Волтеромъ.

24 апрѣля 1750 года графъ К. Разумовскій былъ утвержденъ гетманомъ Малороссіи, и это событіе Ломоносовъ воспѣлъ въ Идиліи, въ которой разговариваютъ Колліопа муза, Левкія, днѣпровская нимфа, и Дафнисъ, тамошній пастухъ. Первая изъ нихъ говоритъ:

Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
Богиня, что поля пространны управляетъ,
И щедрою Парнасъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Не трудно угадать, что подъ Полидоромъ стихотворецъ разумѣлъ графа Разумовскаго, президента Академіи и съ тѣмъ вмѣстѣ гетмана, а подъ богинею — императрицу Елисавету.

Къ Дафнису такъ обращается Каліопа:

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ,
Однако сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ.
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

имѣеть; а буде что перемѣните, то въ такомъ случаѣ включено будетъ въ заглавномъ листѣ, что она печатана вторымъ изданіемъ». Отвѣтъ Ломоносова мнѣ неизвѣстенъ. (II, книга № 149). Вотъ «краткое изъясненіе», напечатанное въ началѣ ея: «Въ сей трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамая Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Дмитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьями своими въ Крымъ, въ городѣ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію Муметъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичь Багдатскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолію, посадилъ войска на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметъ будучи осажденъ, и не имѣя довольныя силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дождаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Пóслѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ».

Дафнисъ воспѣваетъ потомъ красоту богини и качества Полидора и, наконецъ, нимфы, конечно жены гр. Разумовскаго.

Лозѣ подобно плодовитой;
Она возлюбленнымъ плодомъ,
Благословеніемъ покрытой
Наполнитъ Полидоровъ домъ [1])

Кромѣ этихъ самостоятельныхъ работъ, Ломоносовъ въ 1750 году переводилъ стихами слѣдующія нѣмецкія надписи, сочинявшіяся Штелинымъ. Послѣдній къ иллюминаціи на 4 сентября написалъ четверостишіе:

Mit den frischen Friedens Palmen
Steigt dein Namen mehr empor!
Russland und mit ihm Europa flecht
den Ehren Krantz davor.

При русскомъ переводѣ объясненія иллюминаціи Ломоносовъ написалъ своей рукой:

Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
Возвышено твое преславно имя въ свѣтѣ.
Россія, и пріявъ покой Европа съ ней
Похвалъ вѣнецъ за то плетутъ Елисаветѣ [2]).

При описаніи иллюминаціи на 25 ноября стихи рукою Штелина:

Du, die du täglich noch durch Weisheit, Huld und Macht
Auf deiner Länder Wohl und Ansehe bist beflieszen,
Hast ehemals dein Reiche in der beglückten Nacht,
Aus düsterm Labyrinth auf Gottes Winck gerissen,
Was Wunder, dasz die Treu, die sich daran ergötzt
Dir alle Jahr dafür noch Ehren Säulen setzt
Und zu dem Himmel fleht: Er wolle deinem Leben
Den längsten Aufenthalt in Russlands Lustfeld geben.

Сохранился и собственноручный переводъ Ломоносова этихъ стиховъ [3]):

---

1) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина, I, 293—299.
2) II, книга № 142.
3) II, книга № 145. Этотъ переводъ въ первый разъ напечатанъ въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1750 года, № 96, стр. 765, согласно съ авторскою рукописью, но въ послѣдующихъ академическихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова есть отмѣны, которыя помѣщены здѣсь въ выноскахъ.

Во время твоея, Монархиня, державы,
Сугубой щастливы мы лѣта красотой.
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавыйй,
Другую дарствуетъ приходъ, Богиня, Твой.
Изъ лабиринта [1]) бѣдъ изведены Тобою,
Вошли въ прекрасные спокойствія сады [2])
И ставя нынь столпы съ Твоею похвалою,
Вкушаемъ радости сладчайшіе [3]) плоды
Nostradamus.

Къ иллюминаціи на 18 декабря Штелинымъ сочинены такіе стихи:

Dein Strahl, beglückter Stern, der du dein Licht verliehen
Als Russlands Schutz und Lust, Elisabeth, erschien,
Dein Strahl entflamt das Hertz der Ihr getrauen Lande,
Deckt Wunsch und Eifer auf, halt Tempel in dem Stande
Und zündt auf dem Altar das Opfer für sie an.
Mit dessen Glut der Wunsch zum Himmel steigen kan:
O lasz, Elisabeth, die uns zum Glück gegeben,
Disz Fest in höchstem Wol noch hundertmal erleben.

Переложеніе, писанное Ломоносовымъ, заключало въ себѣ стихотвореніе [4]):

Щастливая звѣзда на горизонтъ блистала,
Когда Елисаветъ Россіи воссіяла.
Монархиня, Твой къ намъ сверкнулъ пресвѣтлый лучь,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ тучь.
Единымъ сердцемъ всѣ къ Тебѣ равно пылаемъ,
И тое на Олтарь усердья возлагаемъ [5]).
Изъ храмовъ Ревности усердія [6]) гласятъ:
Да Вышній дастъ сей день торжествовать стократъ.

Къ Иллюминаціи на новый 1751 годъ Штелинъ приготовилъ слѣдующіе стихи:

Die Tempel stehen noch. Es rauchen die Altärn.
Die unsre Glut entflammt. Der Wunsch erneuert sich
Mit der verneuten Zeit, und zielt allein auf dich.
Huldreichste Käyserin, auf Wol, deine Ehre.

---

1) Вавилона.

2) спокойствія въ прекрасные.

3) пріятные.

4) II, книга № 146; въ первый разъ эта надпись помѣщена въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1750 года, № 102, стран. 903, 904, согласно рукописи, но въ послѣдующихъ академическихъ изданіяхъ есть незначительныя отмѣны, которыя обозначены здѣсь въ выноскахъ.

5) усердій возлагаемъ.

6) желанія.

Die Treue wünscht und rufft: es sey das neue Jahr
Voll Ruhm und Glück für dich, wie das vergangne war;
Musz der Seegens-Strahl wird er nur dich beglücken
Auch jenen Erdkreis-Theil, der dir erhört, erquicken.

Стихотворный переводъ рукою Ломоносова [1]):

Отверсты храмы всѣ и Олтари дымятся,
Желанія къ тебѣ [2]), Монархиня, стремятся,
И Ревность подданыхъ со временемъ растетъ,
И оныхъ щастіе съ числомъ восходитъ лѣтъ.
Полсвѣта, что Твоя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышній новый годъ съ тобой благословитъ,
И слухъ твой и другу полсвѣта усладитъ.

Кромѣ того, въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, 1751 года и послѣдующихъ изданій помѣщена: „Надпись на иллуминацію, представленную ея императорскому величеству отъ ихъ императорскихъ высочествъ въ Ораніенбаумѣ 1750 года, іюля 31 дня; гдѣ изображены были два соединенныя сердца пылающія на олтарѣ къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ младой мѣсяцъ и восходящая денница.“ Нѣмецкаго подлинника этой надписи въ академическихъ старинныхъ дѣлахъ не отыскалось.

Еще въ ноябрѣ 1746 года въ Кабинетѣ императрицы Елисаветы приступлено было къ распоряженіямъ по изготовленію серебряной раки для мощей св. Александра Невскаго. Баронъ Черкасовъ просилъ тогда какого-то архіерея о доставленіи свѣдѣній касательно жизни и дѣяній этого святаго. Свѣдѣнія были дѣйствительно доставлены и не только отъ духовнаго вѣдомства, но и отъ исторіографа Мюллера, въ чемъ удостовѣряетъ хранящаяся до нынѣ записка его руки. За тѣмъ извлеченія изъ этихъ извѣстій были переданы придворному живописцу Гроту для сочиненія барельефовъ. Впрочемъ, Штелинъ оставилъ извѣстіе, что имъ сочинены были эти аллегорическіе

1) II, книга № 146; этотъ переводъ напечатанъ въ первый разъ въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1751 года № 2, стр. 14, согласно съ рукописью; отмѣна же позднѣйшихъ академическихъ изданій обозначена здѣсь въ выноскѣ.

2) Желанья всѣхъ къ тебѣ.

и историческіе барельефы, а также и проектъ самой раки [1]). Въ октябрѣ 1747 года модель ея взялся исполнить Захарій Дейхманъ съ жалованьемъ по 1.200 руб. на годъ. По волѣ императрицы, раку долженствовали сдѣлать изъ вновь добытаго серебра на Колыванскихъ заводахъ 82⅓ пробы. Работу производилъ Дейхманъ подъ наблюденіемъ совѣтника монетной канцеляріи Шлаттера въ казармахъ петропавловской крѣпости подлѣ невскихъ воротъ. Серебряные листы выковывались на сестрорѣцкомъ заводѣ. Чеканщики и слесаря были русскіе, а мастера серебрянаго и столярнаго дѣлъ — нѣмцы. Всего серебра пошло на раку и большую при ней пирамиду 76 пудъ 4 фунта 6 золотниковъ. 28 февраля 1750 года императорскій Кабинетъ требовалъ отъ синода надписей на эту раку, и 1 мая 1750 года московскимъ архіепископомъ Платономъ было представлено четыре проекта такихъ надписей. Вмѣстѣ съ ними при дѣлѣ находятся на двухъ листахъ написанные Ломоносовымъ стихи, а именно пять надписей къ конной статуѣ Петра Великаго и одна надпись на серебряную раку святаго и благовѣрнаго князя Александра Невскаго, съ такою помѣтою барона Ивана Черкасова: „Отъ ея императорскаго величества аппробована и послана къ совѣтнику Шлаттеру іюля въ 16 день 1750 года.“ Эти подписи Ломоносовъ въ первый разъ напечаталъ въ Собраніи разныхъ сочиненій своихъ 1751 года, съ легкими отмѣнами и измѣненіями нѣкоторыхъ стиховъ. Въ слѣдующемъ 1751 году, какъ увидимъ ниже, Кабинетъ потребовалъ новыхъ надписей къ этой ракѣ [2]).

Въ теченіе 1750 года, Ломоносовъ, по примѣру предшествовавшихъ лѣтъ, разсматривалъ также труды своихъ сочленовъ на русскомъ языкѣ. Такъ въ августѣ мѣсяцѣ того года ему было поручено, вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ, Поповымъ и Таубертомъ, освидѣтельствовать въ историческомъ собраніи рѣчь академика Крашенинникова, сочиненную имъ для торжественнаго собранія и имѣвшую предметомъ „о пользѣ наукъ и худо-

1) Исторія Академіи наукъ, I, 564, 565.

2) Рукописныя надписи Ломоносова въ Государственномъ архивѣ.

жествъ во всякомъ государствѣ". При разсмотрѣніи этого произведенія, въ немъ нашлись нѣкоторые недостатки, а потому было записано, что рѣчь „для избѣжанія отъ завистниковъ грубой критики, автору возможно еще выправить, къ чему еще есть и время…" [1]).

Въ этомъ же году Ломоносовъ съ Крашенинниковымъ и Поповымъ занимались оцѣнкою посвященія и предисловія къ Аргенидѣ, переведенной Тредіаковскимъ, о чемъ подробности сообщены выше въ жизнеописаніи послѣдняго, на стр. 147—150.

Въ 1749 году Кондратовичъ, о которомъ было уже говорено выше на стр. 372—374, сочинилъ, по его словамъ въ одинъ годъ „русскій лексиконъ съ латинскимъ по образцу Целларіеву." Производилъ онъ эту работу подъ наблюденіемъ Ломоносова, что впрочемъ Кондратовичу видимо не нравилось, почему онъ доносилъ академической канцеляріи 20 іюня 1750 г.: „г. профессоръ Михайло Ломоносовъ многими трудами отягченъ по его жъ самого объявленію, кромѣ частыхъ его болѣзней; къ тому жъ собственная его химическая профессія не допущаетъ пересматривать лексиконъ; ибо хотя по силѣ указа по частямъ я ему отдавалъ первообразныя и производныя имена; однакожъ онъ производныхъ отъ прошлогодскаго іюня исправлять не принимался, и я три мѣсяца отъ самого поданія рапорта прогулялъ, дожидаясь его пересмотру, ибо онъ день отъ дня отлагаетъ и продолжаетъ, и говорилъ мнѣ: что-де ты такъ спѣшишь и торопишся о своемъ лексиконѣ? А въ историческомъ собраніи сказалъ, что надобно-де два года смотрѣть и исправлять ему…." Но есть и другое доношеніе Кондратовича въ академическую канцелярію, въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ 1750 года, и здѣсь иначе объясняется причина нежеланія его имѣть дѣло съ знаменитымъ писателемъ: „Понеже я, объяснялъ тамъ нашъ переводчикъ, съ г. химіи профессоромъ М. Ломоносовымъ имѣю партикулярную ссору, а именно: что онъ меня въ домѣ архіерея московскаго какъ при немъ, такъ и архіереѣ володимерскомъ, и при архимандритѣ воскресенскомъ трожды дура-

---

1) Билярскій, стр. 142, 143.

комъ называлъ и проводившаго его къ квартирѣ не только м...... бранилъ всякими непотребными словами и называлъ канальею, но и бить хотѣлъ. Того ради по правамъ подъ его присмотромъ мнѣ быть не подлежитъ, и чтобъ мнѣ повелѣно было быть подъ присмотромъ всего историческаго собранія для скорѣйшаго окончанія лексикона." [1]).

Ходатайство Кандратовича объ освобожденіи его изъ подъ наблюденія Ломоносова не было уважено, потому что 11 ноября 1750 года первый доносилъ академической канцеляріи, что отдалъ на разсмотрѣніе Ломоносова оконченныя имъ производныя слова Целларіева лексикона. Въ слѣдующемъ 1751 году, именно октября 10, академическій докторъ Елачичъ довелъ до свѣдѣнія академическаго начальства, что Кандратовичъ, „будучи въ меланхоліи, обрѣзалъ у себя языкъ." Только въ маѣ 1754 года медицинская канцелярія увѣдомила Академію наукъ, что Кондратовичъ „отъ безумія свободился..." [2]) Послѣ того этотъ труженикъ снова принялся за словарь и снова имѣлъ столкновеніе съ Ломоносовымъ, о чемъ будетъ сказано еще въ своемъ мѣстѣ.

6 ноября 1750 года, академическая канцелярія поручила разсмотрѣть Ломоносову книгу всесильнаго въ тогдашнемъ академическомъ управленіи, по близкимъ отношеніямъ къ президенту гр. Разумовскому, Теплова. Послѣдній представилъ въ академическую канцелярію „книгу трудовъ своихъ на россій-

1) Билярскій, стр. 771, 772. Замѣчательно, что Кондратовичъ имѣлъ подобныя же столкновенія и съ другою литературною знаменитостью нашею того времени — Сумароковымъ. Этотъ, конечно, имѣлъ въ виду Кирьяка Кондратовича, малоросса, употреблявшаго полонизмы, когда писалъ въ Трудолюбивой пчелѣ: «опасно, чтобъ Кирейки не умножили въ немъ, (т. е. въ русскомъ языкѣ) и польскихъ словъ». (См. Трудолюбивая пчела 1759 года, стр. 767.) Но вражда не ограничилась однимъ печатнымъ намекомъ, и Кондратовичъ въ январѣ 1760 года доносилъ академической канцеляріи: «сего генваря 11 числа, въ бытность мою здѣсь на Васильевскомъ острову въ домѣ, называемомъ Головкинѣ, гдѣ находятся актеры и актрицы (sic) россійскаго театра, брегадиръ Александръ Петровъ сынъ Сумароковъ билъ меня въ голову и по щекамъ, и бранилъ непотребными и ругательными словами, чѣмъ меня обезчестилъ и изувѣчилъ». Академическая канцелярія дозволила Кондратовичу «просить на бригадира Сумарокова, гдѣ по указомъ надлежитъ». II, книга № 251.

2) II, книги №№ 158 и 188.

скомъ языкѣ, которая заключаетъ въ себѣ знанія, касающіяся вообще до философіи ...въ наставленіе тѣмъ, которые о сей матеріи чужестранными книгами пользоваться не могутъ..." [1])

„По ордеру, присланному изъ канцеляріи Академіи наукъ, читалъ я, отвѣчалъ Ломоносовъ въ доношеніи въ ноябрѣ 1750 года, книгу, сочиненную г. ассессоромъ Тепловымъ, называемую Знанія, до философіи вообще касающіяся, о которой репортую, что философскія ученія въ ней предлагаются понятнымъ образомъ для всякаго и весьма полезны будутъ россійскимъ читателямъ, которые, не зная другимъ языковъ, хотятъ имѣть понятіе или и знаніе о философіи вообще на всѣхъ ея частяхъ (sic), и для того за благо разсуждаю, чтобъ она была напечатана" [2]).

Въ началѣ 1751 года, Ломоносовъ былъ озабоченъ изданіемъ въ свѣтъ собранія своихъ сочиненій. 25 января этого года онъ писалъ въ академическую канцелярію: „Намѣренъ я всѣ мои оды и нѣкоторыя другія мои сочиненія отдать въ печать, для того что весьма много охотниковъ, которые ихъ спрашиваютъ. Для того прилагаю при семъ оныхъ собраніе и канцелярію Академіи наукъ прошу, чтобъ соблаговолено было оныя напечатать".

Сначала канцелярія распорядилась-было напечатать этого собранія 725 экземпляровъ, изъ которыхъ 100 на заграничной и 25 на александрійской бумагѣ. Вскорѣ однако велѣно было прибавить къ этому количеству еще 700 экз. Все изданіе было отпечатано 24 іюля 1751 года; изъ него 1268 экземпляровъ пущены были въ продажу по 45 копеекъ; Ломоносову выдано безплатно 50 экз.; поднесено императрицѣ, великому князю-наслѣднику и великой княгинѣ, также „роздано знатнымъ обоего пола персонамъ" 57 экземпляровъ [3]).

---

1) Билярскій, стр. 146, 147.

2) II, книга № 147. Книга Теплова къ январѣ 1751 года дѣйствительно была напечатана, подъ заглавіемъ Знанія, до философіи вообще касающіяся (Опытъ россійской библіографіи, собранный Сопиковымъ, III, № 4305) въ количествѣ 600 экземпляровъ. Изъ нихъ 100 дано было Теплову «за его трудъ».

3) II, книга № 150, и Билярскій, стр. 153.

Первое изданіе твореній Ломоносова вышло подъ заглавіемъ: Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ Михайла Ломоносова. Книга перьвая. Печатано при императорской Академіи наукъ 1751 года. Въ 8°, 232 страницы[1]).

Рукопись, которую представилъ Ломоносовъ для печатанія съ нея своихъ сочиненій, уцѣлѣла до нынѣ въ академической библіотекѣ. При сравненіи ея съ прежними изданіями его одъ и стихотвореній, а также и съ Собраніемъ разныхъ сочиненій 1751 года, оказываются въ послѣднемъ варіанты, на которые должно обратить вниманіе будущему издателю ломоносовскихъ сочиненій. Нѣкоторыя стихотворенія онъ дополнялъ и измѣнялъ не только въ помянутой рукописи, но уже при печатаніи новаго изданія. Такъ, напр., два послѣдніе стиха второй строфы Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія, въ Риторикѣ 1748 года напечатаны:

Какъ персть между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

Въ рукописи вмѣсто этихъ стиховъ:

Теряетъ такъ мой умъ себя
Смущенъ пространство то смотря.

---

1) Слѣдующихъ частей этого изданія не выходило, хотя, какъ увидимъ ниже, въ 1755 году шла переписка о продолженіи его. Помѣщаемъ здѣсь оглавленіе перваго Собранія сочиненій Ломоносова, такъ какъ, при знаніи содержанія его, опредѣляется время написанія нѣкоторыхъ его произведеній: Преложенія псалмовъ 1, 14, 26, 34, 70, 143, 145; Ода, выбранная изъ Іова, гл. 38, 39, 40 и 41. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ. Ода на прибытіе Елисаветы изъ Москвы въ С. Петербургъ 1742 г. по коронаціи. Ода на день восшествія на престолъ Елисаветы, 1746 г. Ода на день рожденія ея, 1746 г. Ода на восшествіе на престолъ 1747 г. Ода на восшествіе на престолъ, 1748 г. Ода благодарственная на милость въ Сарскомъ селѣ, 27 августа 1750 г. Ода на прибытіе изъ Голстиніи великаго князя Петра Ѳеодоровича 10 февраля 1742 г. Ода на тезоименитство его 1743 г. Ода на день брачнаго сочетанія его 1745 г. Ода на взятіе Хотина 1739 г. Пять надписей къ статуѣ Петра Великаго: 1) Се образъ; 2) Елисавета здѣсь; 3) Металлъ, что пламенемъ; 4) Зваяннымъ образомъ; 5) Гремящія по всѣмъ. Надписи: на ракѣ св. Александра Невскаго; на прибытіе Елисаветы изъ Москвы 1745 г.; на спускъ корабля св. Александра Невскаго 1749 г.; на маскарады 1751 г. (двѣ); на иллюминацію: двѣ 1747 г., двѣ 1748 г., три 1750 г., двѣ 1751 г. Въ концѣ книги Слово похвальное Елисаветѣ.

А въ изданіи 1751 года новая перемѣна этихъ стиховъ:

Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!

Сверхъ краткихъ извѣстій объ ученыхъ трудахъ Ломоносова въ 1751 году, впрочемъ извѣстій позднѣйшаго времени[1]), имѣются о нихъ слѣдующія подробности въ старинныхъ академическихъ дѣлахъ.

Въ академическомъ засѣданіи 1 февраля 1751 года Ломоносовъ предложилъ просить бывшаго члена нашей Академіи, жившаго потомъ въ Тюбингенѣ, Крафта присылать оттуда болѣе подробныя метеорологическія наблюденія для сравненія ихъ съ петербургскими. Остальные товарищи Ломоносова одобрили эту мысль, почему положено о томъ сообщить академической канцеляріи[2]).

Въ другомъ засѣданіи, 24 мая, онъ представилъ на обсуж-

1) Эти свѣдѣнія заключаются въ доношеніи Ломоносова, вѣроятно 1756 года, на запросъ гр. Разумовскаго о трудахъ и упражненіяхъ академиковъ съ 1751 года (Московскій телеграфъ 1727, № 22; Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 728, 729; у Билярскаго съ исправленіемъ по подлиннику, стр. 162, 163). «Въ 1751 году: въ Химіи: 1) произведены многіе опыты химическіе, по большей части огнемъ, для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что значитъ того жъ году журналъ лабораторіи на 12-ти листахъ и другія записки. 2) Говорилъ сочиненную свою Рѣчь о пользѣ химіи на россійскомъ языкѣ. 3) Вымыслилъ нѣкоторые новые инструменты для физической химіи. Въ физикѣ: 1) дѣлалъ опыты въ большіе морозы, для изысканія: какою пропорціею воздухъ сжимается по всѣмъ градусамъ термометра. 2) Лѣтомъ дѣланы опыты зажигательнымъ стекломъ и термометромъ, коль высоко втекаетъ ртуть въ разныхъ разстояніяхъ отъ зажигательной точки. 3) Сдѣланы опыты, какъ раздѣлять олово отъ свинца однимъ плавленіемъ, безъ всякихъ постороннихъ матерій простою механикою, что весьма изрядной успѣхъ имѣетъ и весьма дешево становится. Въ исторіи: читалъ книги для собранія матеріи къ сочиненію россійской исторіи: Нестора, законы Ярославли, большой лѣтописецъ, Татищева первой томъ, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другія, изъ которыхъ бралъ нужные эксцепты, или выписки и примѣчанія, всѣхъ числомъ 653 статьи на 15-ти листахъ. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ трагедію, Демофонтъ называемую. 2) Сочинилъ стихи на иллюминаціи. 3) Собранныя прежде матеріи къ сочиненію Грамматики началъ приводить въ порядокъ. Давалъ приватныя лекціи студентамъ въ россійскомъ стихотворствѣ, а особливо Поповскому, который нынѣ профессоромъ. 4) Диктовалъ студентамъ сочиненное мною начало третьей книги краснорѣчія о стихотворствѣ вообще».

2) Билярскій, стр. 148.

деніе обзоръ мнѣній физиковъ касательно причины сѣверныхъ сіяній и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ мысль, которою объяснялъ эту причину чрезъ сравненіе явленія, происходящаго при вливаніи холодной воды въ теплую, съ тѣмъ, вслѣдствіе котораго холодный воздухъ врывается въ слои наиболѣе нагрѣтаго. Inter phisicos constat, говорилъ по этому случаю Ломоносовъ, aquam frigidam in calidam infundendo motum oriri particularem, qui proficiscitur a tendentia, quam habet calida aqua, tanquam specifice levior, superficiem externam versus. Cumque similis oriri debeat motus in aëre nostro, quando frigidior aër in calefactum irrumpit, suspicari licet meteora haec singularia motu illo forte produci posse“ [1]).

Еще 6 мая 1751 года графъ Разумовскій постановилъ въ академической канцеляріи касательно торжественнаго собранія въ Академіи на 6 сентября: „россійскую рѣчь поручаю говорить г. совѣтнику и профессору Ломоносову, которая бы состояла въ ученой какой ни есть матеріи, а не въ похвальномъ словѣ“ [2]). Объ этомъ приказаніи президента Шумахеръ заявилъ въ академическомъ засѣданіи 21 іюня, и Ломоносовъ тогда же взялъ на себя приготовить къ помянутому случаю рѣчь о пользѣ химіи [3]). Въ августѣ она была уже готова, почему академикамъ Крашенинникову и Попову поручалось просмотрѣть это произведеніе Ломоносова: „не найдется ли въ немъ какихъ погрѣшностей?“ 13 числа того же мѣсяца названные ученые доносили: „оное слово о пользѣ химіи г. совѣтника нами читано, и знатныхъ погрѣшностей въ немъ не примѣчено, а что надлежитъ исправить, о томъ ему, г. совѣтнику, объявлено, и онъ съ нашимъ мнѣніемъ согласенъ и обѣщалъ исправлять“ [4]).

Рѣчь Ломоносова имѣетъ такое заглавіе: „Слово о пользѣ химіи, въ публичномъ собраніи императорской Академіи наукъ сентября 6 дня 1751 года говоренное Михаиломъ Ломоносовымъ“, и напечатана въ первый разъ, вмѣстѣ съ другими двумя рѣчами, въ книгѣ подъ заглавіемъ: Торжество Академіи наукъ въ

1) Билярскій, стр. 152.
2) II, книга № 153.
3) Билярскій, стр. 152.
4) Билярскій, стр. 154. II, книга № 153.

вожделѣнный день тезоименитства ея императорскаго величества.... публично говоренными рѣчми празднованное сентября 6 дня 1751 года. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при императорской Академіи наукъ (стр. 51—102[1]).

Профессоръ московскаго университета Лясковскій, написавшій, какъ говорено уже выше, по случаю поминовенія столѣтней годовщины Ломоносова въ 1865 г. очеркъ подъ заглавіемъ: Ломоносовъ, какъ химикъ, указавъ на недостатки такъ называемой флогистической химіи, прибавляетъ: „вообще знаменитый русскій ученый принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ химиковъ своего времени, которые... могутъ почитаться предтечами эпохи, съ которой началась антифлогическая, новѣйшая химія....“ Далѣе Лясковскій находитъ, что Ломоносовъ былъ необыкновенно проницательнымъ толкователемъ химическихъ явленій, и въ доказательство выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ вышеупомянутаго Слова о пользѣ химіи: „Прекрасныя натуры рачительный любитель, желая испытать толь глубоко сокровенное состояніе первоначальныхъ частицъ, тѣла составляющихъ, долженъ высматривать всѣ оныхъ свойства и перемѣны, а особливо тѣ, которыя показываетъ ближайшая ея служительница и наперсница, и въ самые внутренніе чертоги входъ имѣющая, химія: и когда она раздѣленныя и разсѣянныя частицы изъ растворовъ въ твердыя части соединяетъ и показываетъ разныя въ нихъ фигуры—выспрашивать у осторожной и догадливой геометріи; когда твердыя тѣла на жидкія, жидкія на твердыя перемѣняетъ и разныхъ родовъ матеріи раздѣляетъ и соединяетъ—совѣтовать съ точною и замысловатою механикой; и когда чрезъ слитіе жидкихъ матерій разные цвѣты производитъ—вывѣдывать чрезъ проницательную оптику. Такимъ образомъ,

1) Въ 4°; печатано 300 экземпляровъ, изъ которыхъ 150 на александрійской бумагѣ (II, книга № 153). Латинскій переводъ этой рѣчи изданъ въ началѣ марта 1759 г. — 390 экз., изъ которыхъ каждый продавался по 12 коп. Заглавіе: Oratio de utilitate Chemiae in publico conventu... habita... a Michaele Lomonosow ... ex rossica autem in latinam linguam conversa a Gregorio Kositzki въ 4°, 30 стр. За этотъ трудъ Козицкому дано было въ апрѣлѣ 1759 г. 12 экз. перевода (II, книга № 238, и Билярскій, стр, 377).

когда химія пребогатыя госпожи своея потаенныя сокровища разбираетъ, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрезъ геометрію вымѣривать, чрезъ механику развѣшивать и чрезъ оптику высматривать станетъ — то весьма вѣроятно, что онъ желаемыхъ тайностей достигнетъ. Здѣсь, уповаю, еще вопросить желаете: чего ради по сіе время изслѣдователи естественныхъ вещей въ семъ дѣлѣ столько не успѣли? На сіе отвѣтствую, что къ сему требуется весьма искусный химикъ и глубокій математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, который только изъ одного чтенія книгъ понялъ его науку, но который собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся; и не такой, напротивъ того, который хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако, больше желаніемъ великаго и скораго пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному только исполненію своего желанія, и ради того послѣдуя своимъ мечтаніямъ, презиралъ случившіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ таинъ. Не такой требуется математикъ, который только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но который въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и не поползновеннымъ порядкомъ вывесть умѣетъ. Безполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстію оной. Безполезны тому руки, кто къ разсмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, математика очами физическими по справедливости назваться можетъ“. По отзыву Лясковскаго выходитъ, что „современная химія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что въ выполненіи программы, выражаемой этими словами Ломоносова, заключается вся ея будущность, и что она еще только приступила къ этому выполненію....“ [1])

1 іюля 1751 года Ломоносовъ предложилъ въ академическомъ засѣданіи для задачи на соисканіе установленной отъ

1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1765—1865 г. московскимъ университетомъ (М., 1865), 58, 59, 63—65.

нашей Академіи наукъ преміи слѣдующее: объяснить причины отдѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки съ показаніемъ притомъ лучшаго и дешевѣйшаго способа отдѣленія этихъ металловъ. Это предложеніе Ломоносова было принято Академіею, и въ торжественомъ засѣданіи 6 сентября 1751 года было объявлено, что за разрѣшеніе помянутой задачи въ 1753 году будетъ выдано награжденіе въ сто червонцевъ [1]).

Памятникомъ химическихъ опытовъ Ломоносова, произведенныхъ имъ въ 1751 году, при помощи огня, для изслѣдованія свойствъ цвѣтовъ, остался до нынѣ журналъ лабораторіи на 12-ти листахъ, подъ заглавіемъ Solutiones et praecipitata varia ad pigmenta et incausta paranda [2]). Въ октябрѣ 1751 года канцелярія отъ строеній просила академическое начальство, чтобы Ломоносовъ, знавшій, какъ дѣлать составы изъ хрусталя и цвѣтныя стекла, научилъ этому искусству присяжняго мастера Ивана Конерова, который долженъ былъ примѣнить потомъ свои знанія на казенныхъ стеклянныхъ заводахъ. Ломоносовъ 29 октября 1751 года отвѣчалъ на это: „хотя-де изъ канцеляріи отъ строеній требуется знаніе цвѣтныхъ составовъ только для украшенія дѣлаемой хрустальной посуды, которое требованіе помянутой канцеляріи можно удовольствовать отъ академической лабораторіи, отпуская довольное число крашеныхъ разныхъ цвѣтовъ стеколъ; но ежели канцелярія отъ строеній заблагоразсудитъ, чтобы работать и дѣлать на стеклянныхъ заводахъ цвѣтную крупную посуду и галантерейныя вещи не пеструю, но одинакихъ цвѣтовъ, прозрачную и не прозрачную, также и оконнишныя цвѣтныя стекла, каковыхъ знатное число изъ Италіи чрезъ здѣшній портъ въ Персію провозятъ, и чрезъ сіе бы получать интересу ея императорскаго величества прибыль, для сего потребно особливое учрежденіе какъ стеклоплавильныхъ, такъ и другихъ печей для пріуготовленія крѣпкихъ водокъ и другихъ припасовъ, и ежели сіе начать соблаго-

1) Санктпетербургскія вѣдомости 1751 г., № 73, стр. 553.

2) Билярскій, стр. 162, и М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, сочиненіе г. А. Будиловича, стр. 28.

волено будетъ, то желаетъ онъ, г. совѣтникъ, сіе искусство открыть присяжному, честному и трезвому человѣку, который бы могъ притомъ понять химическіе процессы, которые къ сему дѣлу знать необходимо нужно. А какъ сіе искусство съ пользою учредить должно, о томъ онъ, г. совѣтникъ, можетъ подать надлежащій проектъ, ежели потребуется". Когда о томъ было сообщено канцеляріи отъ строеній, то она прислала для обученія къ Ломоносову „архитектуріи ученика" Петра Дружинина, о которомъ нашъ ученый 12 февраля 1753 года доносилъ: „прошлаго 1752 г. присланный изъ канцеляріи отъ строеній ученикъ Петръ Дружининъ и отъ канцеляріи Академіи наукъ мнѣ порученный для показанія составовъ разноцвѣтныхъ стеколъ, будучи при лабораторіи прилежно изучился составленію оныхъ стеколъ, которыя въ его бытность для набору мозаическаго образа дѣланы, и больше ничего не остается, какъ чтобъ онъ на стеклянныхъ заводахъ сдѣлалъ пробы тому въ дровяномъ тамошнемъ огнѣ, что здѣсь въ угольномъ видѣлъ и самъ дѣлалъ, ибо въ томъ состоитъ нарочитая разность, которую онъ, будучи при дѣлѣ, примѣтить и исправить можетъ, зная довольныя основанія. А что будетъ ему сомнительно, о томъ можетъ при академической лабораторіи искать наставленія" [1]).

Въ 1751 году изданъ въ свѣтъ нашею Академіею XIV (послѣдній) томъ Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae, въ которомъ, на стр. 286—298, помѣщено, упомянутое выше на стр. 350 разсужденіе Ломоносова De tincturis metallorum. Въ позднѣйшемъ обзорѣ собственныхъ своихъ ученыхъ трудовъ Ломоносовъ такъ выразился объ этомъ разсужденіи: „физическимъ наукамъ не доставало ясныхъ основаній для объясненія явленій изъ царства ископаемыхъ. Всюду предполагали скрытыя свойства, такъ-какъ ученые металлурги не простирали своего знанія дальше практической химіи, пока заслуживающій похвалы (laudatus) профессоръ Ломоносовъ,

---

1) II, книга № 158; также Билярскій, стр. 157, 160, 161, 187. Здѣсь, между прочимъ, сообщено, на стр. 161, что у одного частнаго лица есть копія проекта Ломоносова объ устройствѣ стекляннаго завода.

кромѣ химіи, вооруженный знаніемъ физики и геометріи, въ диссертаціи de tincturis metallorum и въ рѣчи о происхожденіи металловъ отъ трясенія земли объяснилъ (минералогическія явленія), на сколько можно этимъ путемъ проникнуть въ подземные тайники природы“ [1]). Оцѣнки спеціалистами значенія разсужденія Ломоносова Di tincturis metallorum мнѣ не встрѣчалось.

Во второмъ томѣ Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae, вышедшемъ также въ 1751 году, помѣщена одна и притомъ послѣдняя въ этомъ органѣ ученой дѣятельности нашей Академіи статья Ломоносова, на стр. 128—133, подъ заглавіемъ: Anemometrum summam celeritatem cujusvis venti et simul variationes directionum illius indicans. Описанный здѣсь снарядъ объясненъ въ Содержаніи ученыхъ разсужденій императорской Академіи наукъ, изданныхъ во второмъ томѣ Новыхъ комментаріевъ [2]), на стр. 17, 18, подъ заглавіемъ „Михайла Ломоносова описаніе анемометра“; а именно: „Чрезъ анемометръ предлагаетъ Господинъ Авторъ новой способъ, какъ узнавать скорость и сторону вѣтра, и чрезъ то опредѣлить въ каждые сутки, или на цѣлую недѣлю, на мѣсяцъ или и на весь годъ, сколь много воздуху, и въ которую сторону проходитъ мимо того мѣста, на которомъ учреждены Метеорологическія наблюденія. Машина къ тому изобрѣтенная состоитъ въ вертикальной меленкѣ, которой движимое крылье оборачиваетъваломъ колеса, а колеса обращаютъ стекляную кольцомъ согнутую трубку, ртутью наполненную. Раздѣленіе при трубкѣ показываетъ скорость, а вытекшая въ компасные ящики ртуть сторону вѣтра“. Объ этомъ снарядѣ Ломоносова есть упоминаніе въ Johann Samuel Traugott Gehler's Phisikalisches Wörterbuch neu bearbeitet von Gmelin, Littrow, Muncke, Pfaff (X Band, Zweite Abtheilung, 2162, 2163). Здѣсь послѣ описанія подобныхъ снарядовъ

1) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, г. А. Будиловича (Спб., 1869), 59.

2) Переводъ статей, заключающихся въ этомъ изданіи, сдѣланъ адъюнктомъ Іосифомъ Шестаковскимъ, и тѣ изъ нихъ, кои касались химіи, просмотрѣны Ломоносовымъ. Билярскій, стр. 162.

Христіана Вольфа и Лейтмана, слѣдуетъ подробное объясненіе, съ изображеніемъ подъ № 215, снаряда Ломоносова; причемъ въ началѣ замѣчено, что изобрѣтенный имъ анемометръ принадлежитъ къ самоотмѣчающимъ (ein selbstregistrirendes) и что онъ „хотя задуманъ чрезвычайно остроумно, но во всѣхъ отношеніяхъ трудно достигаетъ цѣли, для которой предназначенъ....“

Что касается до занятій Ломоносова въ 1751 г. русскою исторіею, то объ этомъ кромѣ его собственныхъ указаній о чтеніи разныхъ источниковъ, сюда относящихся, нѣтъ извѣстій. За то уцѣлѣли свѣдѣнія о продолженіи его распрей съ исторіографомъ Мюллеромъ, въ которыхъ, — по мимо личной непримиримой вражды, всегда стоявшей на первомъ планѣ у этихъ двухъ академиковъ въ ихъ отношеніяхъ между собою, — рѣчь шла о вопросахъ изъ русской исторіи. Еще въ концѣ 1750 года эти распри грозили перейти въ настоящее судное дѣло, о чемъ такъ записано въ протоколѣ академической канцеляріи, 11 декабря того года: „минувшаго ноября 6 числа сего 1750 году с.-петербургская губернская канцелярія присланнымъ доношеніемъ требовала о присылкѣ къ суду по челобитью Академіи наукъ профессора г. Ломоносова оной же Академіи адъюнкта Г. Ф. Мюллера во учиненномъ имъ, Мюллеромъ, ему, Ломоносову, безчестьи. Но понеже его сіятельство Академіи наукъ г. президентъ приказалъ его, Мюллера, къ суду отсылкою удержать, того ради о семъ велѣно записать въ журналъ“[1]).

4 сентября 1751 года, Ломоносовъ просилъ уволить его отъ хожденія въ историческое собраніе и читать на дому сочиненіе Мюллера о Сибири. „Кацеляріи Академіи наукъ, писалъ при этомъ случаѣ Ломоносовъ, извѣстно, коль много принужденъ я былъ отъ помянутаго профессора Мюллера ругательствъ и обиды терпѣть напрасно, а въ нынѣшнихъ историческихъ собраніяхъ читается его жъ Мюллерова Сибирская исторія, и для того опасаюсь, чтобы обыкновенныхъ его досадительныхъ рѣчей не претерпѣть напрасно и, безпокой-

1) Билярскій, стр. 147, 148.

ствуясь принятаго отъ того досадою, въ другихъ моихъ дѣлахъ не имѣть остановки". Это ходатайство Ломоносова было рѣшено согласно его желанію, и 29 октября онъ представилъ репортъ, въ которыхъ излагалъ „непристойности", найденныя имъ въ присланныхъ къ нему двухъ главахъ Сибирской исторіи Мюллера. По мнѣнію нашего писателя послѣднему не слѣдовало упоминать о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худыхъ поступкахъ: „ибо по сему примѣру всѣхъ въ Сибири бывшихъ подлыхъ бездѣльниковъ описывать было бы должно, что весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ, каково есть посольство отъ блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Ѳедоровича къ золотому царю". Далѣе Ломоносовъ полагалъ, что излишне упоминать о церквахъ, которыя уже погорѣли; что неосторожно писать „что будто для лучшаго украшенія города двѣ церкви построены: ибо церкви строятся для приношенія славословія Божія и молитвы"; и совѣдовалъ убѣгать выраженій, въ родѣ „праздность всероссійскаго престола" вмѣсто „междуцарствованіе". Ломоносовъ кончалъ репортъ извѣстіемъ, что „первой томъ Сибирской исторіи для такихъ мелочей подверженъ былъ немалой критикѣ и ропотанію" [1]).

Вслѣдствіе такого отзыва, въ академической канцеляріи, 30 декабря 1751 г., занесено въ протоколъ: „....декабря отъ 12 дня архиваріусъ Стафенгагенъ репортомъ объявилъ: примѣчанія г. совѣтника и профессора Ломоносова читаны и засѣдающіе (въ историческомъ собраніи) разсудили: большая-де часть, что г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ въ сочиненіяхъ г. профессора Мюллера критиковалъ, имъ, г. Мюллеромъ, уже поправлена; а прочія-де г. Ломоносова примѣчанія касаются только до переводчика. Что же-де онъ упоминаетъ о посольствѣ золотому царю, то-де г. авторъ за благо не разсудилъ оное внести въ шестую главу, но ему приличнѣе показалось такое знатное посольство описывать въ особой главѣ, что въ главѣ осмойнадесять и учинено, въ которой только одно сіе посоль-

1) Билярскій, стр. 159, 160.

ство и другія, золотаго царя касающіяся дѣла описаны. А понеже-де главы Сибирской исторіи недѣли за двѣ и больше напередъ сообщаются каждому члену историческаго собранія, также и ему, г. совѣтнику Ломоносову, дабы каждый могъ примѣчанія подавать при чтеніи оныхъ главъ, о томъ бы объявить ему, г. совѣтнику, чтобъ чинилъ по тому жъ, дабы собранію не было разсуждать объ одномъ дѣлѣ дважды—опредѣлено: послѣ объявленныхъ главъ шестой и седьмой, послѣдующія главы отсылать къ нему, г. совѣтнику и профессору Ломоносову, напредь, дабы въ собраніи послѣ его, г. совѣтника и профессора, примѣчаній въ другой разъ читано не было, и, по прочтеніи ему, г. совѣтнику, присылать въ канцелярію, которыя отсылать для свидѣтельства въ историческое собраніе....“[1]).

Въ 1751 году Ломоносовъ продолжалъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, составлять стихотворныя переложенія, впрочемъ иногда весьма отдаленныя отъ подлинника, нѣмецкихъ стиховъ Штелина на иллюминаціи. Такъ, напр., ко дню празднованія коронаціи 25 апрѣля 1751 года Штелинъ сочинилъ слѣдующія вирши:

Seitdem du Kron und Zepter tragst, o Russlands Schmuck, Elisabeth.
Hat dein stets wirkendes Verdienst auf Palm- und Lorbern sie erhöht,
Und ihren Glantz so ausgebreitet, dasz er dein grosses Reich erhellt,
Und durch die aufgeklärten Gräntzen in die entfernsten Länder fällt.
Erstaunt sieht nun ein jeder Theil von den vier Gegenden der Erden.
Wie deines Käyserthumes Macht und Ruhm und Glück erhöhter werden.
Auch disz macht, dasz aus unsrer Brust der Wunsch in vollem Eiefer bricht:
Erleb dein Krönungs-Fest so offt, als die Bewundrung von dir spricht.

У Ломоносова эти стихи озаглавлены: Надпись на иллюминацію, представленную въ торжественный день коронованія Ея Величества апрѣля 25 числа, 1751 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена въ Амфитеатрѣ окруженная сіяніемъ Императорская Корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, по обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при ко-

1) II, книга № 461.

торыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта.

Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца
Въ четыре разлились Вселенныя конца:
Европа, Африка, Америка, Азія
Чудятся ясности, отъ коея Россія
Сіяетъ чрезъ концы земны просвѣщена.
О ты блаженная въ подсолнечной страна,
Взведи свой умный взоръ къ божественному свѣту,
Дабы вѣнчанную въ сей день Елисавету
На много лѣтъ своимъ блистаньемъ окружилъ,
И съ нами сѣверъ весь спокойствомъ озарилъ [1]).

Къ 4 сентября 1751 года Штелинымъ приготовлены были на иллюминацію такіе стихи:

Europa stund in Furcht und sah der Noth entgegen
Die mit der Krieges Fluth ausz Nord im Anbruch war.
Dein Nahme zeigte sich, die Welle musz sich legen
Zur Ruh' und sicherm Wohl wird Sturmwind und Gefahr.
Die Wohlfahrt deines Reichs sieht also mit Vergnügen
Den Pflug in Furchen gehn, das Schwerdt darnider liegen,
Und alles rufft dir zu: Dein Nahme sey gepriesen
Und dir sein Fest von Gott noch hundertmal gewiesen.

Шумахеръ, препровождая къ Ломоносову, 25 іюля 1751 года, нѣмецкое описаніе иллюминаціи съ русскимъ переводомъ, писалъ притомъ: „ваше высокоблагородіе извольте оный переводъ, такожъ воономъ описаніи вирши перевесть или въ такой же сенсъ благоволите вновь сдѣлать". Ломоносовъ исполнилъ порученіе и написалъ своею рукою:

По всюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ;
Лежитъ оружіе, и съ кровью слезъ не льетъ;
И земледѣлецъ плугъ выноситъ безопасно:
Спокойство съ именемъ Твоимъ вездѣ согласно.
По правдѣ Божій Миръ, Монархиня, слывешь,
Когда ты тишину Европѣ всей даешь.
Съ почтеніемъ она главу свою склоняетъ,
И храмъ тебѣ хвалы [2]) бессмертный возвышаетъ.

---

1) II, книга № 150. Въ первый разъ эта подпись напечатана въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1751 года, № 35, стр. 288, а потомъ въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, 1751 года, надпись 19.

2) Въ позднѣйшихъ изданіяхъ начало стиха измѣнено:

И славы храмъ тебѣ . . .

Напрасно лютая война шумѣть спѣшитъ,
Гдѣ имя кроткія Богини въ свѣтъ гремитъ [1]).

„Описаніе иллуминаціи, на 25 число будущаго ноября мѣсяца, писалъ Ломоносовъ 11 октября 1751 года, исправленный мною переводъ и съ сочиненными мною стихами на оную же иллуминацію въ канцелярію Академіи наукъ при семъ представляю".

На этотъ разъ нѣмецкіе стихи были такого содержанія:

Hier sieht die Dankbarkeit den Tempel aufgebaut
Den auch die späteste Zeit noch mit Bewunderung schaut,
Dero Tempel, den dein Muth zu deines Reichs Vergnügen,
Trotz der Unmöglichkeit, in einer Nacht erstiegen.
Da liebe Hoffnung, Treu und Freude Theil annahm,
Und mit erfülltem Wunsch dir froh entgegen kam.
Dadurch erscheinet dein Reich in Sternen gleicher Pracht
Und rufft: Elisabeth hat alles wiederbracht.

Стихи Ломоносова написаны его рукою:

Желая къ храму насъ блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была протти.
Тамъ горы, хляби тамъ, бугры, стремнины, рѣки,
Препятствія вездѣ неслыханны во вѣки.
Но что, Монархиня, могло твой духъ сдержать,
Какъ промыслъ самъ воздвигнулъ насъ спасать?
Внезапно возсіялъ Твой лучь всѣхъ бѣдствій выше,
И трудной толь восходъ минулъ Зефира тише.
Надежда, вѣрность намъ и радость и любовь
Тотъ день приводятъ въ умъ и представляютъ вновь.
Коль счастлива Твоимъ возшествіемъ Россія,
Что съ онымъ привела Ты дни въ нее златыя [2]).

Къ иллюминаціямъ на рожденіе императрицы, 18 декабря, и на наступавшій новый годъ Штелинъ приготовилъ стихи:

1.

Der du für die theueren Jahre unserer Monarchin wachst
Schutzgeist, der du ihre Tage frisch, gesund und fröhlich machst,
Halte ferner deinen Schild über sie und ihre Reiche,
Dasz ihr Wohl und Lebenskraft hundertjahrgen Pflanzen gleiche,

---

1) II, книга № 155. Въ первый разъ стихи, согласно рукописи, въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ, 1751 года, № 72, стр. 546, 547.

2) II, книга № 158. Надпись въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1751 года, № 95, стр. 797.

Damit indem Jahre schöner, stärker und erhöchter gehe
Und zur Wohlfahrt ganzer Länder, wie zur Pracht im Lustplatz stehe.

2.

Hier steht des Landes Treu, huldreichste Kayserin,
Für dein erwünschtes Wohl der Wünsche Rauchfasz hin,
Und fleht den Himmel an: er wolte deinem Leben
Mit indem neuen Jahr verneute Kräffte geben.
Den habt die Wolfahrt dies und deinen Ruhm empor
So geht nichts unserm Wohl, nicht unserm Glücke vor:
Dadurch alleine kan dein fünfter Theil der Erden
Auch bey dem rauchsten Nord zum schönsten Lustplatz werden.

Ломоносовъ поправилъ переводъ описанiй этихъ иллюминацiй и написалъ стихи, подъ которыми его подпись: „Стихи сочинилъ М. Ломоносовъ".

На 18 декабря 1751 года.

Среди прекраснаго Россiйскаго Рая,
Монархиня, цвѣтетъ дражайша жизнь твоя,
Рукою Вышняго насъ ради насажденна
И силою его отвсюду покровенна.
Мы сердце возводя и очи къ небесамъ,
Согласно просимъ всѣ: подай, о Боже намъ,
Да солнце милости сiять къ ней не престанетъ,
И толь дражайшiй плодъ во вѣки не увянетъ.

На 1 января 1752 года.

Веселiемъ сердца́ годъ новый оживляетъ,
И ново щастiе въ Россiи утверждаетъ.
Довольство, здравiе и щастiе цвѣтетъ,
Гдѣ свѣтитъ именемъ своимъ Елисаветъ.
Россiя, веселясь, блажитъ ея державу,
Что каждый годъ свою растущу видитъ славу [1]).

Въ 1751 же году Ломоносовымъ сочинены два стихотворенiя по случаю придворныхъ маскарадовъ, въ которыхъ превозносится императрица Елисавета. Эти произведенiя нашли себѣ въ первый разъ мѣсто въ Собранiи разныхъ сочиненiй въ стихахъ и въ прозѣ Михаила Ломоносова, 1751 года. Надобно замѣтить, что въ описываемую эпоху въ особенности были часты маскарады при дворѣ императрицы Елисаветы, что

1) II, книга № 158. Описанiе фейерверка и стихи на новый 1752 годъ напечатаны въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 года, № 4, стр. 30.

можно видѣть и изъ современныхъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ. Объ одномъ изъ таковыхъ маскарадовъ на 8 февраля 1752 года тогдашній генералъ-прокуроръ князь Н. Трубецкой прислалъ въ Академію наукъ такое объявленіе: „на который съѣзжаться по полудни въ пятомъ часу всѣмъ придворнымъ и знатнымъ персонамъ, и чужестраннымъ и всему дворянству съ фамиліями, кромѣ малолѣтнихъ, противъ прежняго; точію жъ притомъ всему генералитету и тѣхъ классовъ дамскимъ персонамъ въ доминахъ съ баутами (т. е. въ наличникахъ изъ легкой матеріи, которыми завѣшивалась часть лица изъ подъ маски и шея) противъ бывшаго прошлаго 1751 г. декабря 22 числа маскараду; а прочимъ всему дворянству обоего пола въ маскарадныхъ платьяхъ, въ какихъ кто хочетъ, точію кромѣ пилигримскаго и арлекинскаго и деревенскихъ платьевъ, и не употреблять въ убранствахъ хрусталей и мишуры; и прочаго, что прежде было запрещено, не имѣть же. А кто не дворянинъ, тотъ бы въ оный маскарадъ быть не дерзалъ подъ опасеніемъ штрафа“. По случаю этого объявленія, къ академикамъ разослана была повѣстка, но желающихъ изъ ученыхъ отправиться на придворный маскарадъ явилось только двое: Штелинъ и Ломоносовъ, который такъ росписался: „быть намѣренъ и съ женою“ [1]).

Выше на стр. 461 упомянуто было о стихотворной надписи Ломоносова къ серебряной ракѣ для мощей св. Александра Невскаго. Оказалось потомъ, что эта надпись, по установкѣ раки на мѣсто, была не видна, „чего ради ея императорское величество указать соизволила къ большой, назади раки стоящей пирамидѣ придѣлать два ангела со щитами, на которыхъ надпись вновь назначить, дабы она отъ всякаго видна была, и чтобъ разными искуснѣйшими профессорами на оныхъ щитахъ пристойныя надписи, для предложенія и аппробаціи ея императорскому величеству, сочинены были....“ Академическая канцелярія вслѣдствіе, того 29 октября 1751 года, опредѣлила сочинить такія надписи Ломоносову, Штелину, Тредіаковскому

1) II, книга № 162.

и Фишеру. Когда это было исполнено и надписи были представлены въ императорскій Кабинетъ, то баронъ Иванъ Черкасовъ „приказалъ взнести, какъ святый благовѣрный князь Александръ Невскій былъ у царя Батыя, и какъ онъ его заставлялъ кланятся солнцу и огню и идоломъ, но онъ того не учинилъ, и оный Батый отпустилъ святаго съ честію“[1]). Въ академическихъ дѣлахъ сохранились собственноручно написанныя Ломоносовымъ надписи двѣ русскія, изъ коихъ одна съ латинскимъ переводомъ. Обѣ онѣ имѣютъ отмѣны отъ печатаемой въ позднѣйшихъ академическихъ изданіяхъ надписи и той, которая находится въ Описаніи Петербурга Богданова, изд. Рубаномъ (Спб., 1779), на стр. 377, 378, а потому списанныя съ рукописи помѣщены въ приложеніи IV. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что Штелинъ, какъ видно изъ его собственныхъ показаній[2]), говорилъ, что сочиненныя имъ надписи къ ракѣ св. Александра Невскаго переведены Ломоносовымъ. Эти надписи, числомъ шесть, до нынѣ сохраняются писанныя на латинскомъ языкѣ рукою Штелина; что же касается до русскаго перевода ихъ, то онъ дѣланъ и писанъ академическимъ переводчикомъ Иваномъ Голубцевымъ[3]).

„Какъ академической канцеляріи извѣстно, что я, писалъ Ломоносовъ 8 марта 1751 года, почти три года исправляю при Академіи переводъ россійскихъ Вѣдомостей сверхъ моей химической профессіи, который трудъ мнѣ нынѣ въ другихъ моихъ дѣлахъ не мало препятствуетъ, для того что по именному ея величества указу въ полгодичное время сочиняю уже другую трагедію на россійскомъ языкѣ, въ чемъ исправленіе Вѣдомостей мнѣ не мало дѣлаетъ помѣшательство. Того ради канцелярію Академіи наукъ прошу, чтобъ меня отъ вышепомянутаго исправленія Вѣдомостей уволить и оное поручить кому нибудь иному“ [4]).

Канцелярія исполнила такое ходатайство и вмѣсто Ломоносова поручила Вѣдомости Тауберту[5]).

1) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 159, 161, 162.
2) Исторія Академіи наукъ, I, 565.
3) II, книга № 158.
4) II, книга № 117.
5) II, книга № 461.

Въ мартѣ 1751 года исполнилось желаніе Ломоносова имѣть чинъ. Сенатъ прислалъ въ академическую канцелярію указы отъ 5 и 14 марта, въ которыхъ значилось: „въ указѣ-де ея императорскаго величества собственныя руки сего марта 1 числа въ правительствующій сенатъ написано: ея императорское величество пожаловали профессора Михайлу Ломоносова, за его отличное въ наукахъ искусство, ея императорскаго величества въ коллежскіе совѣтники съ жалованьемъ по 1200 рублей, которое ему получать изъ суммы, положенной на Академію наукъ; а быть ему по прежнему у дѣлъ академическихъ и отправлять должность профессорскую по разсмотрѣнію президента". Почти одновременно, именно 11 марта, графъ Разумовскій разрѣшилъ выдать Ломоносову „для его крайнихъ нуждъ" впередъ жалованье за пять мѣсяцевъ [1]).

Дѣйствительно-ли Ломоносовъ сдѣлался заносчивѣе послѣ полученія чина, или же Шумахеру, всегда бывшему противъ награжденія академиковъ чинами, только казалось это, только онъ въ одномъ протоколѣ академической канцеляріи (2 мая 1751 года) замѣтилъ, что „начинаютъ господа профессоры нынѣ и канцелярію безчестить", и въ примѣръ тому, между прочимъ, приведено: „когда повѣстка къ г. совѣтнику и профессору Ломоносову прислана была, то онъ оную разодралъ и притомъ сторожу сказалъ: поди, отнеси назадъ въ канцелярію и скажи, чтобъ другое написали". Шумахеръ разсуждалъ, что „отъ такихъ поступковъ многія опасныя и интересу ея императорскаго величества предосудительныя слѣдствія происходить могутъ", почему и рѣшилъ репортовать о томъ президенту Академіи, который въ то время находился въ Малороссіи [2]).

1) II, книга № 461; Билярскій, стр. 776; Санктпетербургскія вѣдомости 1751 г., № 20, стр. 157. Надобно знать, что въ одно время съ производствомъ Ломоносова Тепловъересталъ быть ассессоромъ въ академической канцеляріи, а потому Эйлеръ, полагая, что Ломоносовъ тамъ занялъ его мѣсто, писалъ объ этомъ къ Шумахеру 3 марта 1751 года: «Перемѣны, предпринятыя г. президентомъ въ Академіи предъ его отъѣздомъ, конечно будутъ для нея очень полезны; и я представляю себѣ, что мѣсто г. Теплова не безъ великой пользы будетъ занято г. совѣтникомъ Ломоносовымъ, если только онъ будетъ имѣть дѣло съ канцеляріею, но это не мало попрепятствуетъ ему въ его занятіяхъ»... Билярскій, стр. 149.

2) Билярскій, стр. 776, 777.

Впрочемъ, Ломоносовъ, по всѣмъ признакамъ, не очень опасался теперь навѣтовъ давняго своего непріятеля, такъ-какъ имѣлъ сильнаго себѣ покровителя въ тогдашнемъ фаворитѣ императрицы И. Шуваловѣ, большомъ охотникѣ до литературы, любившемъ разыгрывать роль Мецената и кропавшемъ притомъ и самъ иногда кое-какіе стишки.

Въ маѣ 1751 г. Шуваловъ удалился отъ двора и уѣхалъ изъ Петербурга. Это обстоятельство подало Ломоносову случай написать къ нему нѣсколько писемъ. Въ одномъ изъ нихъ, 8 мая, едва-ли онъ не намекаетъ на кратковременную неудачу любимца[1]): „Дай Боже, чтобы прежестокая минувшая зимы стужа, и тяжелый продолжительныя весны холодъ награжденъ вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною теплотою. А чтобы въ оныхъ дняхъ ясность и тихость еще показалась вамъ пріятнѣе, то должно вамъ представлять въ умѣ противное время. Но какъ лѣто и зима вдругъ быть не могутъ, чтобы вы, сличивъ одно съ другимъ, при строгости и скучномъ видѣ одного, могли яснѣе видѣть и выше почесть другаго красоту, нѣжность и пріятность, для того имѣю честь прислать вамъ зиму стихотворную въ эклогѣ, сочиненной студентомъ Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни единаго слова, но какову онъ прошедшей зимы далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю....“ Въ другомъ письмѣ[2]), поздрав-

---

1) Выше, на стр. 455, сообщены разсказы Екатерины II о стараніи графа А. Разумовскаго дать при дворѣ ходъ Бекетову въ ущербъ И. Шувалову. Быть можетъ поѣздка послѣдняго не случайно совпадала съ высочайшимъ повелѣніемъ, обнародыванньмъ въ апрѣлѣ 1751 года, о назначеніи къ оберъ-егермейстеру графу А. Разумовскому въ генеральсъ-адъютанты кадетскаго корпуса подпоручика Никиту Бекетова, вмѣстѣ съ закадычнымъ пріятелемъ его, поручикомъ и лейбъ-компаніи писаремъ Иваномъ Елагинымъ (Санктпетербургскія вѣдомости, 1751 года, № 30, стр. 248). Впрочемъ, случай Бекетова продолжался не долго: Шуваловы восторжествовали, и на И. Шувалова съ 1 августа 1751 года посыпались снова необычайныя для простыхъ смертныхъ награды.

2) Оно писано несомнѣнно ранѣе 1 августа 1751 года, когда И. Шуваловъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а черезъ мѣсяцъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго. Послѣ этого пожалованія Ломоносовъ титулуетъ уже Шувалова превосходительствомъ, на что онъ получилъ право какъ камергеръ. Журналы камеръ-фурьерскіе 1751 года, стр. 74, 85; Санктпетербургскія вѣдомости, 1751 года, № 62, стран. 494; № 72, стран. 545.

ляя Шувалова съ переѣздомъ въ Царское село, академикъ завидуетъ трагедіи Тамирѣ: „она счастливѣе своего сочинителя затѣмъ, что предстанетъ безъ него предъ очи великія монархини въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено[1]). Здѣсь, конечно, Ломоносовъ намекалъ на свою прошлогоднюю оду, описанную выше на стр. 453—455[2]).

2 іюля 1751 г. Ломоносовъ подалъ въ академическую канцелярію собственноручное доношеніе о домѣ, въ которомъ онъ жилъ:

1) „Имѣющійся при академическомъ ботаническомъ саду и при химической лабораторіи боновской домъ находится въ плохомъ состояніи, а особливо лѣвая сторона, что къ поперечному переулку, также и конюшня толь ветхи, что неотмѣнно требуютъ въ нынѣшнемъ лѣтѣ поправленія, безъ котораго въ будущую зиму никакъ прожить не будетъ можно. 2) Умножающіеся при лабораторіи разные продукты и иные опыты, какъ то: сложеніе мозаики, составленіе фарфоровой массы, въ каменной лабораторіи, для дыму и всегдашней пыли, дѣлать и держать нельзя. Для того необходимо надлежитъ къ вышеупомянутой половинѣ покой прибавить. 3) Того ради канцелярію Академіи наукъ прошу, чтобы соблаговолено было во первыхъ адъ вышеупомянутой боновскаго двора половиною кровлю въ нужныхъ мѣстахъ поправить; печи двѣ перекласть, а другія переправить; 4) полы во всѣхъ покояхъ новые сдѣлать; 5) нѣсколько дверей новыхъ сдѣлать, а иныя починить; 6) подмазку у потолковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поправить; 7) пазы у потолка при зымзахъ выконопатить; 8) лѣстницы починить или и новыя сдѣлать; 9) на конюшнѣ кровлю, потолокъ и полъ передѣлать; 10) и пристройку учинить по предложенному отъ меня на планѣ помянутаго дома назначенію“[3]).

---

1) Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ не имѣется извѣстій, чтобы Тамира была представлена лѣтомъ 1751 года и притомъ въ Царскомъ селѣ. Упоминаніе объ этой пьесѣ находимъ тамъ одинъ только разъ 9 января 1751 года: «при дворѣ, на маломъ театрѣ, представлена была кадетами новая трагедія, сочиненная профессоромъ Ломоносовымъ: Тамира и Селимъ». Камеръ-фурьерскій журналъ 1751 г., стр. 13.

2) Приведенныя выписки сдѣланы изъ писемъ, которыя помѣщены во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ Собранія сочиненій Ломоносова.

3) II, книга № 155. Здѣсь же на-

Исполненіе этого ходатайства было возложено на архитектора Шумахера, который составилъ смѣту на всѣ исправленія въ 206 руб. 74 коп., но потомъ передержалъ еще 78 руб. 20 к., что „сдѣлано по указанію г. совѣтника и профессора Ломоносова, сверхъ прежде поданной смѣты“ [1]).

15 августа 1751 года Ломоносовъ обращался къ И. Шувалову съ просьбою похлопотать за него при представленіи графомъ М. Воронцовымъ императрицѣ его пробы мозаичныхъ составовъ: „при которомъ случаѣ, писалъ нашъ академикъ, ежели вашему превосходительству непротивно, всепокорно прошу постараться о моемъ нижайшемъ прошеніи, чтобы мнѣ, имѣя случай и способы, удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои въ наукахъ предпріятія; ибо хотя голова моя и много зачинаетъ, да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можно бы употребить чужія, да приказать не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я, право, весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ. Нѣтъ ни единаго дня, въ которой бы я не упоминалъ о вашей ко мнѣ милости, и ею бы не радовался. Однако нѣтъ ни единаго моего въ Академію пріѣзда, въ которой бы я не удивлялся, что она, имѣя въ себѣ сына отечества, котораго вы любите и жалуете, не можетъ того дожить, что бы онъ отвратилъ отъ нея всѣ чрезъ двадцать пять лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ быть пользамъ препятствія. Заключая сіе послѣднее мое о семъ прошеніе, съ великою надеждою ожидаю желаемаго и съ искреннимъ почтеніемъ“ и пр.

10 сентября 1751 г., пославъ Шувалову стихи свои на спускъ корабля св. Іоаннъ Златоустъ [2]), Ломоносовъ писалъ: „при семъ

ходится любопытный планъ, котораго снимокъ см. въ приложеніяхъ, и такое дополненіе, также писанное Ломоносовымъ: «1) Горницу D придвинуть къ горницѣ F, поднявъ прежде и сравнявъ полъ съ поломъ, а отходъ H перенесть въ F. 2) Въ сѣняхъ A отгородить горницу *a b c d*, а часть лѣстницы *c* перенести въ *h*, оставивъ проходъ L, *i*, *k*. 3) Лѣстницу K перенести въ L. 4) Залъ BC разгородить на двѣ камеры и при каждой по чулану TT для тѣхъ, которые при лабораторіи быть или обучаться должны».

1) II, книга № 155.

2) Въ первый разъ въ печати по-

доношу, что я нынѣ Демофонта докончать стараюсь, и притомъ дѣлаю планъ россійской исторіи, который по возвращеніи вашемъ въ Санктпетербургъ показать честь имѣть буду"[1]).

Въ елисаветинскую эпоху жилъ капитанъ псковскаго пѣхотнаго полка Иванъ Шишкинъ[2]). По словамъ Новикова, онъ „много написалъ хорошихъ пѣсенъ, эллегій и другихъ мелкихъ стихотвореній.... Вообще сочиненія его весьма много похваляются за чистоту слога и пріятность вкуса; но смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видѣть въ немъ можетъ быть славнаго стихотворца"[3]). Эти краткія свѣдѣнія и эпиграмма Ломоносова на Шишкина[4]) составляютъ все, что извѣстно о послѣднемъ. Объ изданіи произведеній этого лица заботился И. Шуваловъ.

Въ протоколѣ академической канцеляріи такъ было занесено о событіи, касавшемся и Шишкина, и Ломоносова: „Въ прошломъ 1751 году, г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ принесъ въ канцелярію переведенную капитаномъ Шишкинымъ на россійскій языкъ книгу, называемую Мнѣнія Цицероновы[5]) и притомъ словесно просилъ, чтобъ оную напечатать. На что ему г. совѣтникъ Шумахеръ отвѣтствовалъ: понеже г. президентъ находится въ отсутствіи, того ради такого содержанія книгу въ печать отдать безъ именнаго ея императорскаго величества или святѣйшаго синода указовъ, или безъ приказу ея

явились въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, Москва, 1757, I, надпись 39.

1) Письма Ломоносова къ Шувалову въ позднѣйшихъ изданіяхъ Собранія его сочиненій.

2) Полезное увеселеніе, издан. на 1860 г., стр. 30; въ академическихъ дѣлахъ о Шишкинѣ говорится какъ объ умершемъ въ 1751 году.

3) Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ Н. Новикова (Спб., 1772) 246, 247.

4) Смѣется и поётъ, онъ о звѣздахъ толкуетъ,
То нюхаетъ табакъ, то картъ игру тасуетъ,
То слушаетъ у всѣхъ, со всѣми говоритъ
И дѣлаетъ стихи нашъ другъ архипіитъ!
Увѣнчанъ лавромъ былъ Маронъ за стихотворство.
Намъ чѣмъ почтить свово за таково проворство?
Ужъ плохи для него лавровые вѣнки:
Нельзя тѣмъ увѣнчать премудрые виски.
(Такъ чѣмъ же увѣнчать толь мудрые виски?)
О чемъ я такъ тужу? Онъ будетъ увѣнчанъ:
За грошъ одинъ купить капусты лишь кочанъ!

(Библіографическія записки, 1858, № 16, 485.)

5) Объ отзывѣ Тредіаковскаго касательно этой книги см. выше, стр. 156, 157.

величества министровъ не смѣетъ. Послѣ чего оный г. совѣтникъ Ломоносовъ, оставя оную книгу въ канцеляріи на столѣ, особливо къ стѣнѣ приставленномъ, и не сказавъ ничего, пошелъ изъ канцеляріи. И такъ оная книга лежала на столѣ по тѣхъ поръ, пока канцелярскіе служители, убирая въ канцеляріи, съ прочими письменными дѣлами оную книгу въ архивъ положили. И не малое послѣ того спустя время, пришедши оный г. совѣтникъ Ломоносовъ въ канцелярію, про оную книгу спрашивалъ, но токмо тогда не могъ сыскать, куды она дѣвалась. Потомъ г. совѣтникъ Шумахеръ, ища въ архивѣ нѣкоторыхъ писемъ, нечаянно тамъ нашелъ оную и отдалъ ее г. совѣтнику Ломоносову съ повтореніемъ прежняго отвѣта".

Въ январѣ 1752 года послѣдовало высочайшее повелѣніе печатать ту книгу, и 22 того же января Ломоносова спросили изъ академической канцеляріи, на чей счетъ печатать книгу и сколько? Онъ отвѣчалъ на другой день собственноручно: „по ордеру отъ канцеляріи Академіи наукъ репортую, что книга, называемая Цицероновы мнѣнія, напечатана быть имѣетъ на囯 коштѣ его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова, ея величества дѣйствительнаго камергера и ордена св. Александра Невскаго кавалера, а напечатать надлежитъ цѣлый заводъ шестьсотъ на комментарной, да шестьсотъ на здѣшней комментарной хорошей бумагѣ, въ томъ числѣ пятьдесятъ на александрійской бумагѣ". При этомъ доношеніи на лоскуткѣ рукою же Ломоносова: „Какъ изъ первой корректуры видно, что на поляхъ не достаетъ на оную мѣста, и отъ того будетъ излишній трудъ и остановка, то надлежитъ сперва оригиналъ переправить, и для того пришлите его ко мнѣ на домъ. Я буду его присылать по тетрадно, исправивъ".

Въ январѣ же 1752 года, корректоръ академической типографіи доносилъ: „г. совѣтникъ Ломоносовъ объявилъ мнѣ, что наборомъ книги, Мнѣнія Цицероновы называемой, погодить надобно, ибо-де она переведена съ французскаго языка такимъ образомъ, какъ обыкновенно французы съ латинскаго переводятъ, т. е. взявши токмо смыслъ изъ оригинала, а слова иныя отъ себя прибавляютъ, а иныя по произволенію своему

убавляютъ и выкидываютъ, а потому-де съ латинскимъ оригиналомъ не сходна, чего-де ради надлежитъ спроситься, такъ ли печатать или вновь переводить". Впослѣдствіи на заглавномъ листѣ обозначено, что переводъ исправленъ „противъ подлинника латинскаго".

12 марта 1752 года было высочайше подтверждено о скорѣйшемъ печатаніи помянутой книги, а 14 марта тотъ же корректоръ доносилъ академической канцеляріи: „по приказу канцеляріи Академіи наукъ ходилъ я вчерашняго дня съ даннымъ мнѣ изъ оной канцеляріи письмомъ къ г. камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, который объявилъ мнѣ, что-де изволь донести г. совѣтнику Шумахеру, чтобъ онъ не сумнѣвался, ибо-де ея величество никакого гнѣву не имѣетъ. Притомъ же говорилъ, что въ нѣмецкой землѣ сію книжку можно бы въ три дня напечатать. А я на то отвѣтствовалъ, что сіи литеры недавно еще сдѣланы и ими никакой книги не дѣлывалось, и потому изъ сихъ литеръ набирается не съ большимъ два листа, а нынѣ г. совѣтникъ Шумахеръ приказалъ сихъ литеръ прилить еще столько жъ. На что его превосходительство только мнѣ сказалъ, что поклонись г. совѣтнику Шумахеру. И съ тѣмъ я отъ него и пошелъ".

Въ концѣ марта 1752 года книга была уже отпечатана [1]).

Занятія Ломоносова въ 1752 году, какъ академика по каѳедрѣ химіи [2]), начались пробою рудъ. 26 декабря 1751 года,

1) II, книги №№ 161 и 163; также Билярскій, стр. 167, 181, 777.

2) Вотъ общій отчетъ о занятіяхъ Ломоносова въ 1752 году, сдѣланный имъ самимъ быть можетъ въ 1756 году: «По химіи: 1) дѣланы многіе химическіе опыты для теоріи цвѣтовъ, о чемъ явствуетъ въ журналѣ сего года на 25-ти листахъ; 2) показывалъ студентамъ химическіе опыты тѣмъ курсомъ, какъ самъ учился у Генкеля; 3) для яснаго понятія и краткаго познанія всей химіи диктовалъ студентамъ и толковалъ сочиненные мною къ физической химіи пролегомены на латинскомъ языкѣ, которые содержатся на 13-ти листахъ въ 150-ти параграфахъ, со многими фигурами на 6-ти полулистахъ; 4) изыскалъ способы и практикою доказалъ, какъ составлять мусію. По канцелярскому указу обучалъ составленію разноцвѣтныхъ стеколъ присланнаго изъ канцеляріи строеній ученика Дружинина для здѣшнихъ стеклянныхъ заводовъ. Въ физикѣ: 1) чинилъ электрическія воздушныя наблюденія съ немалою опасностію; 2) зимою повторялъ опыты о разномъ протяженіи воздуха по градусамъ термометра. Въ исторіи: для собранія

во время выѣзда императрицы Елисаветы изъ Петербурга въ Царское село, на подъѣздѣ зимняго дворца, ей было подано тобольскимъ купцомъ Иваномъ Зубаревымъ доношеніе о нахожденіи въ Исетской провинціи серебряныхъ рудъ и золота въ пескѣ. Податель доношенія отданъ былъ тотчасъ же подъ караулъ, а дѣло, вмѣстѣ съ образцами представленныхъ отъ него рудъ, стало производиться въ императорскомъ Кабинетѣ, у барона И. Черкасова. Послѣдній обратился о производствѣ пробъ помянутыхъ образцевъ въ Академію наукъ, въ монетную канцелярію и въ бергъ-коллегію въ Москвѣ[1]).

Академическая канцелярія поручила исполненіе этого дѣла Ломоносову, какъ химику, у котораго находилась въ распоряженіи академическая лабораторія. „По ордеру оной канцеляріи пробовалъ я, писалъ Ломоносовъ въ февралѣ 1752 года, присланныя изъ Кабинета ея императорскаго величества сибирскія руды, что привезены купцомъ Зубаревымъ, а по пробѣ явилось слѣдующее: всѣ роды, запечатанные въ тридцати трехъ бумажкахъ, содержатъ въ себѣ признакъ серебра, который весьма нарочитъ въ № 29. А сколько каждая руда въ себѣ серебра оказала, то содержится подробно въ приложенной при семъ табели. Пробы для изслѣдованія другихъ металловъ учинены только надъ тѣми, которыя по тягости и по цвѣту показались пробованія достойны. А всѣ руды пробовать для разныхъ дешевыхъ металловъ какъ не малаго времени и кошту требуетъ, такъ и пользы чаять нельзя, и сверхъ того бо́льшее количество помянутыхъ рудъ потребно, нежели какъ въ оныхъ присланныхъ.

матеріаловъ въ россійской исторіи читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Іорнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Ѳеофана исповѣдника и Леопа грамматика, и иныхъ эксцептовъ нужныхъ на трехъ листахъ въ 161-ой статьѣ. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ оду на возшествіе на престолъ ея императорскаго величества; 2) письмо о пользѣ стекла; 3) изобрѣталъ иллюминаціи и сочинялъ къ нимъ стихи: на 25 апрѣля, на 4 сентября, на 25 ноября. 4) ораторіи второй части краснорѣчія сочинилъ 10-ть листовъ». Московскій Телеграфъ, 1827 г. № 22; Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 729, 730; Билярскій, стран. 187, 188.

1) Дѣло въ Государственномъ архивѣ, XIX.

№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.	№	Золотн. серебра изъ пуда.
1	4	5	3	9	4	В.14	4	19	4	24	3	28	$4\frac{1}{2}$
2	2	6	$4\frac{1}{2}$	10	2	15	$3\frac{1}{2}$	20	4	25	$4\frac{1}{2}$	29	$7\frac{1}{2}$
3	$4\frac{1}{4}$	7	4	11	4	16	$3\frac{1}{2}$	21	$3\frac{1}{2}$	26	5	30	4
4	5	А.8	5	12	3	17	$2\frac{1}{2}$	22	4	27	$3\frac{1}{2}$	31	4
		В.8	3	А.14	2	18	$3\frac{1}{2}$	23	$3\frac{1}{2}$				

Въ №№ 10, 18, 27, пробовались для мѣди и явился малый признакъ оныя“ 1).

Между тѣмъ по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ бергъ-коллегіи и совѣтникомъ монетной канцеляріи, извѣстнымъ въ свое время знатокомъ дѣла Шлаттеромъ, въ пробахъ, представленыхъ Зубаревымъ, вовсе не нашлось ни золота, ни серебра. При томъ же открылось, что Зубаревъ былъ въ стачкѣ съ форлейферомъ Левринымъ, который сознался въ подлогѣ. Тогда баронъ И. Черкасовъ потребовалъ отъ академической канцеляріи объясненій „отчего оная въ пробѣ невѣрность и обманство произошло, и нѣтъ-ли въ томъ подобнаго, какъ и вышеписанный Левринъ учинилъ, чьего коварства? Также вышедшіе при пробѣ на капелинахъ изъ тѣхъ рудъ серебряные корны купно съ блейкорномъ для усмотрѣнія прислать въ Кабинетъ ея императорскаго величества съ тѣмъ, кто оныя пробы чинилъ“ 2).

Шумахеръ, вѣроятно не мало былъ доволенъ такому непріятному для Ломоносова случаю, и, 14 мая 1752 года, въ академической канцеляріи состоялось постановленіе: „понеже оныя пробы чинены г. совѣтникомъ и профессоромъ Ломоносовымъ, а канцелярія въ томъ участія не имѣла, чего ради канцеляріи и отвѣтствовать о томъ невозможно. Для того, во исполненіе Кабинета ея императорскаго величества требованія, опредѣлено: оному г. совѣтнику и профессору Ломоносову съ вышедшими на пробѣ на капелинахъ изъ тѣхъ рудъ серебряными корнами купно съ блейкорномъ для усмотрѣнія въ не-

1) II, книга № 161.

2) Билярскій, стр. 169, 170.

медленномъ времени явиться въ Кабинетъ ея императорскаго величества" [1]).

Ломоносова это дѣло сильно безпокоило, что въ особенности замѣтно изъ слѣдующаго письма его къ И. Шувалову 3 марта 1752 года:

„Ежелибъ не вчерашнія строчки, которыя ваше превосходительство въ отвѣтъ на мое письмо прислать изволили, знакомъ непремѣнной вашей ко мнѣ милости не утолили внезапнаго моего смущенія, то бъ я пришелъ въ отчаяніе, не ради своего какого преступленія, но ради опасности отъ несчастія. Вашему превосходительству не безызвѣстенъ гнѣвъ на меня нѣкоторой знатной особы, положенный на меня первое для того, что началъ было я дѣлать фарфоровыя пробы, и второе, конечно какъ я думаю, что ему противна была ваша ко мнѣ милость и мое въ васъ исканіе: ибо онъ всѣхъ тѣхъ ненавидитъ, которые кромѣ его другихъ благодѣтелей находятъ. Нынѣ нашелъ онъ случай учинить мнѣ великое поврежденіе. Присланныя сибирскія серебряныя руды по пробѣ, учиненной въ лабораторіи, явились съ нарочитымъ признакомъ серебра. А какъ я слышу отъ достовѣрныхъ людей, то по пробамъ, учиненнымъ на монетныхъ дворахъ въ Москвѣ и здѣсь, весьма мало или и ничего серебра не явилось. Я сперва былъ спокоенъ, зная, что операція мною произведена точно по всѣмъ химическимъ правиламъ, которыя и весьма не многи и не трудны, и мнѣ довольно извѣстны. Но какъ я вчерась во весь день изслѣдовалъ пробирный развѣсъ и пробирные вѣски, которые здѣсь на монетномъ дворѣ дѣланы, то нашелъ въ нихъ неисправности, и для того не могу противъ своей совѣсти спорить, чтобъ въ моихъ пробахъ также не были какія неисправности. А онъ, какъ я слышалъ, хочетъ еще пробовать ихъ при свидѣтеляхъ и съ ихъ подпискою подать всемилостивѣйшей государынѣ, чтобъ тѣмъ меня привести въ бѣду, и хотя я въ семъ дѣлѣ по совѣсти своей чистъ, однако мнѣ ничего тяжелѣе въ жизни быть не можетъ, какъ ежели наша всемилостивѣйшая

1) II, книга № 161.

монархиня хотя подумаетъ, чтобъ я въ наукѣ своей былъ неискусенъ. Что я прежде пробованія вѣсковъ не изслѣдовалъ и на нихъ положился, тому кромѣ другихъ больше всего причиною были понужденія отъ Кабинета и отъ академической канцеляріи, чтобы пробу сдѣлать скорѣе не токмо для серебра, но для всякихъ другихъ металловъ и минераловъ, чего бъ по послѣдней мѣрѣ въ три мѣсяца сдѣлать нельзя было за тѣмъ, что 32 пробы должно бъ было пробовать по двадцати разъ и больше. Въ такикъ обстоятельствахъ прибѣгаю къ вашему превосходительству, какъ къ извѣстному милостивому моему покровителю, и всепокорнѣйше прошу предварить мое неблагополучіе вашимъ предстательствомъ и, ожидая съ смущеніемъ моимъ отрады...." [1])

Въ Кабинетъ же Ломоносовъ подалъ 16 мая 1752 года „извѣстіе", представляющее дѣло въ иномъ свѣтѣ. Вотъ оно: „присланныя мнѣ для пробованія сибирскія руды пробованы въ химической лабораторіи такимъ образомъ: понеже велѣно было оныя пробы учинить въ присутствіи онаго Зубарева, къ чему онъ нарочитое время не ходилъ, и наконецъ, по неоднократному моему требованію, приходилъ во оную лабораторію временно, иногда и безъ меня, ибо мнѣ безпрестанно при пробахъ быть за другими дѣлами отнюдь нельзя. Оныя пробы отданы при репортѣ въ академическую канцелярію, какъ то изъ моего репорта явствуетъ. Но послѣ увѣдомясь, что по пробамъ въ монетной канцеляріи въ помянутыхъ рудахъ серебра не явилось, пробовалъ самую богатую № 29, и серебра въ ней не нашлось; а достальныя буду пробовать и что явится репортовать буду" [2]).

Для Ломоносова дѣло осталось безъ послѣдствій, но приключенія съ Зубаревымъ на этомъ не остановились, и судьбѣ угодно было, чтобы онъ впослѣдствіи былъ причиною одного изъ важнѣйшихъ событій въ жизни семейства герцога браун-

1) Билярскій, стр. 170, 171. Также въ Воронежской бесѣдѣ 1861 г., 231, 232; здѣсь письмо ошибочно отнесено къ 1755 г., а въ доставленномъ Билярскому спискѣ выставленъ 1775 г. Сейчасъ приведенный отрывокъ выправленъ, также какъ годъ и число этого письма, по подлиннику изъ собранія ломоносовскихъ бумагъ, предоставленныхъ нашей Академіи П. Мухановымъ.

2) Изъ дѣлъ въ Государственномъ архивѣ.

швейгскаго, содержавшагося, какъ извѣстно, подъ стражею въ Холмогорахъ.

Когда Зубаревъ попалъ подъ арестъ, то чрезвычайно подробно показывалъ о своемъ представленіи великому князю наслѣднику. Послѣ оказалось, что это представленіе было выдумкою Зубарева, и его отослали въ 1754 году въ сыскной приказъ, откуда онъ бѣжалъ, а въ концѣ 1755 года былъ пойманъ, какъ шпіонъ прусскаго короля. Въ тайной канцеляріи Зубаревъ разсказывалъ со всѣми мелочными подробностями о томъ, какъ онъ въ Пруссіи встрѣтился съ бывшимъ въ русской службѣ Манштейномъ, какъ этотъ представлялъ его прусскому королю Фридриху, который сдѣлалъ его полковникомъ и далъ порученіе ѣхать въ Архангельскъ для свиданія съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ брауншвейгскимъ и объявленія ему, чтобы онъ готовился къ побѣгу изъ Россіи на кораблѣ. Признанія эти Зубаревъ сдѣлалъ въ январѣ 1755 г., а 23 числа того же мѣсяца и года было сдѣлано чрезвычайно скрытнымъ образомъ распоряженіе объ отвозѣ лейбъ-компаніи сержантомъ Савинымъ принца Іоанна Антоновича (бывшаго императора) изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ и кончилась его печальная жизнь въ 1764 году. Что касается до Зубарева, то онъ умеръ въ тайной канцеляріи 22 ноября 1757 года, и передъ смертью на исповѣди у священника подтвердилъ правоту всего, что ни показывалъ на допросѣ[1]).

Въ теченіе 1752 года Ломоносову приходилось еще пробовать образцы рудъ, представленные дьячкомъ Семеномъ Пономаревымъ, и разсматривать „свѣтлое каменье“ изъ дачъ села Наруксова; но это обошлось безъ особыхъ приключеній. О первыхъ нашъ химикъ отвѣчалъ, что признаковъ серебра въ нихъ не оказалось, а о послѣднемъ отзыва не видно[2]).

17 февраля 1752 года Ломоносовъ предложилъ въ академическомъ собраніи „фигуру машины, чрезъ которую узнать можно рефракцію свѣтлыхъ лучей, проходящихъ сквозь жид-

1) Историческія бумаги, собр. академикомъ К. И. Арсеньевымъ, и изд. Отдѣленіемъ русск. яз. и словесн. Академіи наукъ въ IX т. Сборника, стр. 375—408.

2) Билярскій, стр. 173, 174; II, книга № 165.

кія матеріи...“ [1]). Хотя эту машину одобрили всѣ академики, но Ломоносовъ впослѣдствіи не издалъ о ней въ свѣтъ никакого извѣстія, что имъ было сдѣлано, какъ видѣли выше, на стр. 472, съ его анемометромъ, а потому надо полагать, что машина, будучи изготовлена, не оправдала на дѣлѣ ожиданій изобрѣтателя. То же можно замѣтить и о другихъ подобныхъ изобрѣтеніяхъ Ломоносова, о которыхъ онъ доводилъ до свѣдѣнія академиковъ въ 1752 году, но потомъ не считалъ нужнымъ оглашать въ ученомъ свѣтѣ чрезъ печатныя описанія, а именно: 17 августа въ академическомъ засѣданіи Ломоносовымъ представлено изображеніе машины для наблюденія „о перемѣнахъ универсальной тяжести“, и тогда же было положено объ устройствѣ такой машины сообщить академической канцеляріи. 21 августа онъ упоминалъ о нѣкоторомъ способѣ полировать большія плоскія зеркала [2]).

Кромѣ того въ засѣданіи 11 мая 1752 г. Ломоносовъ представилъ списокъ инструментовъ, которые ему были необходимы при преподаваніи студентамъ химіи: „1) деревянные вѣски; 2) инструменты для изслѣдованія жесткости твердыхъ тѣлъ давленіемъ и ломаніемъ; 3) точило; 4) инструментъ для изслѣдованія вязкости жидкихъ матерій по числу капель; 5) Папинова машина; 6) мельница чѣмъ тереть разные матеріалы; 7) пирометръ; 8) десять термометровъ простыхъ съ ртутью“. Эти инструменты должны были быть дѣланы подъ наблюденіемъ самого Ломоносова. Въ дѣлахъ академической канцеляріи сохранились три рисунка его съ собственноручными надписями: „Рисунокъ 3. Точило для изслѣдованія твердости камней разныхъ и стеколъ въ діаметрѣ около полуторыхъ футовъ. Рисунокъ 4. Инструментъ для слѣдованія вязкости жидкихъ матерій по числу капель. Рисунокъ 5. Папинова машина, въ лучшее состояніе приведенная“. [3]). О послѣдней Ломоносовъ доносилъ

1) Описаніе этой машины, по указанію г. Будиловича (Сборникъ русс. отд. Академіи наукъ, VIII, № 1, стр. 28, 29), есть въ академической рукописи подъ № 58, л.л. 407, 408, подъ заглавіемъ: Nova methodus observandi refractiones radiorum in omni genere pellucidorum corporum. Ср. также Билярскій, стр. 166.

2) Билярскій, стр. 176, 178.

3) II, книга № 161.

академической канцеляріи, 29 іюля 1752 года, что модель ея готова, а потому слѣдовало сдѣлать самую машину „желѣзную съ надлежащею крѣпостію". Требованіе это было исполнено: машина заказана на сестербецкихъ заводахъ, и за нею ѣздилъ самъ Ломоносовъ въ концѣ января 1753 года, о чемъ и доносилъ онъ 1 февраля того же года [1]).

Отъ лекцій, читанныхъ Ломоносовымъ въ 1752 году, сохранилось нѣсколько листовъ въ академической рукописи въ f°, № 58, л.л. 433—438, озаглавленныхъ: Tentamen chymiae physicae in usum studiosae juventutis adornatum. 1752. По словамъ Ломоносова въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ за январскую треть 1752 года, онъ „диктовалъ студентамъ первыя основанія физической химіи и читалъ по нимъ лекціи по четыре часа въ недѣлю". [2]). По поводу этихъ лекцій Ломоносовъ писалъ своею рукою 7 апрѣля 1752 года въ академическую канцелярію: „Для умноженія въ химической лабораторіи черной работы, а особливо для показанія химическихъ опытовъ студентамъ, однимъ работникомъ обойтись и довольствоваться нельзя, гдѣ не меньше бываетъ работы, нежели въ ботаническомъ саду, какъ то: носить и класть по печамъ дрова и уголье, мыть и чистить посуду, приготовлять, тереть и толочь матеріалъ и всю лабораторію въ чистотѣ содержать. А для совершенія начатаго мною мозаичнаго образа часто надобенъ человѣкъ вертѣть шлифовальную машину. Того ради канцелярія Академіи наукъ да соблаговолитъ опредѣлить еще одного истопника къ помянутой лабораторіи". Требованіе это было тогда же исполнено [3]).

Въ отчетѣ же о своихъ занятіяхъ за январскую треть 1752 года Ломоносовъ, между прочимъ, показалъ, что онъ „упражнялся въ химической практикѣ для исправленія стекляннаго дѣла: сложилъ мозаичнаго образа 120 квадратныхъ дюймовъ, а осталось онаго 180...." [4]). Объ этомъ образѣ Ломоносовъ собственноручно такъ доносилъ 25 августа 1752 года на запросъ академической канцеляріи:

1) Билярскій, стр. 168, 169, 172, 173; II, книга № 161.
2) II, книга № 166.
3) II, книга № 164.
4) II, книга № 166.

1. По ордеру канцеляріи Академіи наукъ велѣно мнѣ репортовать, что при химической лабораторіи сдѣлано и сдѣланныя вещи гдѣ хранятся. На сіе репортую, что кромѣ физико-химическихъ опытовъ упражнялся я въ изысканіи цвѣтовъ мозаичныхъ составовъ, о чемъ я по третямъ всегда подавалъ извѣстія. А сдѣланныя пробы хранятся при лабораторіи въ боновскомъ домѣ въ особливомъ покоѣ, каждая особливо подъ нумерами противъ химическаго журнала, въ которомъ по мѣсяцамъ и числамъ оныхъ составы и процессы описаны. Всѣхъ оныхъ цвѣтовъ по оптическому и живописному порядку образцы подамъ въ академическую канцелярію по совершеніи мозаичнаго образа, чѣмъ весьма поспѣшаю.

2. Изобрѣтенные мною мозаичные составы, которые дѣлалъ я въ нѣсколько бóльшемъ количествѣ, употреблены на составленіе мозаичнаго образа; а остатки имѣются въ вышепомянутомъ же покоѣ.

3. А понеже оный образъ съ Божіею помощію на сей недѣлѣ совсѣмъ готовъ быть имѣетъ, и рамы уже изъ зеленой мѣди вылиты, которыя длиною два фута, а шириною въ девятнадцать дюймовъ; для сего потребно на позолоту оныхъ шесть червонныхъ, да для соблюденія онаго образа кіотъ деревянный, орѣхомъ выкрашенный и внутри зеленымъ сукномъ убитый, который имѣетъ быть сдѣланъ по моему указанію. Того ради канцелярія Академіи наукъ да соблаговолитъ оные шесть червонныхъ для позолоты выдать и кіотъ приказать сдѣлать.“ [1]). Академическая канцелярія безпрекословно исполнила желаніе Ломоносова того же 25 августа.

4 сентября 1752 года Ломоносовъ самъ поднесъ императрицѣ этотъ образъ, который, по его словамъ, „составленъ.... съ оригинала славнаго римскаго живописца Солимена; всѣхъ составныхъ кусковъ поставлено больше 4000, все его руками; а для изобрѣтенія составовъ дѣлано 2184 опыта въ стеклянной печи“. Донося о томъ канцеляріи, 24 сентября, Ломоносовъ просилъ дать ему ученика для обученія мозаичному дѣлу, „ибо

---

1) II, книга № 168.

онъ, изобрѣвъ къ сему дѣлу всѣ способы, и показать можетъ довольно, но самъ всегда въ томъ не можетъ упражняться, желая служить отечеству другими знаніями и науками". Академическая канцелярія 24 сентября распорядилась, „для объявленнаго наученія мозаическаго выбрать ему, г. совѣтнику и профессору Ломоносову самому, лучшихъ и способныхъ къ тому дѣлу двухъ учениковъ изъ рисовальныхъ учениковъ изъ вѣдомства мастера Гриммеля". И дѣйствительно потомъ ученики Матвѣй Васильевъ и Ефимъ Мельниковъ были отданы въ распоряженіе Ломоносова [1]). Но послѣдній этимъ не удовольствовался и 25 сентября 1752 года подалъ уже „всенижайшее предложеніе о учрежденіи здѣсь мозаичнаго дѣла," которое, какъ нигдѣ еще ненапечатанное, помѣщено въ приложеніи V въ концѣ настоящаго жизнеописанія. Въ этомъ предложеніи объяснялось, что изобрѣтенные нашимъ ученымъ составы не уступаютъ римскимъ; что изъ нихъ можно набирать образа и что для учрежденія мозаичнаго дѣла необходимо отдать въ обученіе шесть учениковъ, назначить особый каменный домъ, изъ имѣющихся въ казнѣ отъ конфискаціи за преступленія, и, наконецъ, ежегодно отпускать 3710 рублей на поддержаніе всего заведенія, которое, какъ думалъ Ломоносовъ, могло содержаться на деньги отъ продажи своихъ произведеній. „Сіе все имѣетъ служить къ постоянному украшенію церквей и другихъ знатныхъ зданій, а особливо къ славѣ ея императорскаго величества и отечества".

На предложеніе это не послѣдовало рѣшенія, вѣроятно потому, что правительству требованія Ломоносова показались несоразмѣрными съ пользою, которую можно было извлечь изъ подобнаго предпріятія. Впрочемъ въ сентябрскую треть 1752 года, какъ видно изъ отчета Ломоносова, онъ продолжалъ заниматься мозаикою. „Къ дальнѣйшему произведенію мозаичнаго дѣла, писалъ онъ, учинены мною пріуготовленія къ составленію портрета блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, причемъ опредѣленнымъ

1) Билярскій, стр. 177, 179; II, книга № 169.

ко мнѣ для ихъ ученія сего дѣла рисовальнымъ ученикамъ показалъ я способы, какъ приготовлять надлежащіе изъ составовъ куски къ набиранію онаго портрета, которыхъ они уже нарочитое количество наготовили" [1]).

Неуспѣхъ „всенижайшаго предложенія" не охладилъ въ Ломоносовѣ желанія извлечь существенныя выгоды отъ занятій своихъ по составленію разноцвѣтныхъ стеколъ, и онъ подалъ въ правительствующій сенатъ прошеніе въ которомъ изложилъ уже иныя условія, на основаніи которыхъ домогался пособія отъ правительства для заведенія „фабрики дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и изъ нихъ бисеру, пронизокъ и стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще по нынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ-за-моря великое количество".... Ломоносовъ на этотъ разъ не ходатайствовалъ уже о ежегодномъ пособіи отъ казны, а просилъ только единовременной выдачи 4000 рублей, съ условіемъ возвратить ихъ въ пять лѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ академикъ представлялъ, чтобы ему „отвесть въ копорскомъ уѣздѣ село Ополье или въ другихъ уѣздахъ С.-Петербурга не далѣе полутораста верстъ, гдѣ бы мужескаго пола около двухсотъ душъ имѣлось, съ принадлежащими угодьями, и потому же лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми, за новостью, той фабрики въ совершенство привести не можно".... Затѣмъ слѣдуютъ доказательства, что хотя въ законахъ и не упоминается о раздачѣ деревень для заведенія фабрикъ, но что это само собою разумѣется, такъ какъ въ тѣхъ же законахъ допускается „всякое вспоможеніе".

Такимъ образомъ сынъ черносошнаго крестьянина, который не далѣе какъ шесть лѣтъ тому назадъ еще показывался по ревизскимъ сказкамъ своей волости въ бѣгахъ, почему за него платили подушныя деньги нисколько неповинные въ томъ односельцы его, Ломоносовъ, достигнувъ извѣстности и случая воспользоваться ею, считалъ себя въ правѣ добиваться

---

1) Билярскій, стр. 186.

закрѣпощенія для своихъ выгодъ двухсотъ свободныхъ людей изъ того самого сословія, изъ котораго вышелъ онъ самъ. Сенатъ находилъ такое ходатайство вполнѣ уважительнымъ и 14 декабря 1752 года постановилъ представить императрицѣ Елисаветѣ докладъ „не соизволитъ-ли ея императорское величество то село Ополье, для заведенія вышеобъявленной нужной, государству полезной фабрики, со всѣми принадлежащими къ тому селу угодьи, ему, Ломоносову, пожаловать и быть тому селу при оной фабрикѣ.... вѣчно неотъемлемому, дабы онъ, Ломоносовъ, имѣя въ томъ твердую надежду и проча ее себѣ и потомкамъ своимъ, могъ тому своему художеству, употребя изъ находящихся въ ономъ селѣ молодыхъ людей, совершенно обучить....“ Кромѣ того сенатъ полагалъ: выдать ему единовременно на обзаведеніе 4000 руб.; запретить въ продолженіе тридцати лѣтъ заводить въ Россіи подобныя фабрики; не брать съ произведеній ея десять лѣтъ никакихъ внутреннихъ пошлинъ. Ломоносовъ ходатайствовалъ и о запрещеніи привоза изъ за границы всего, что будетъ производимо на его фабрикѣ, но сенатъ, еще неувѣренный повидимому въ успѣхѣ дѣла, не рѣшился этого исполнить и потому присовокупилъ только: „о томъ (о запрещеніи) надлежащее распоряженіе учинено будетъ въ то время, какъ его фабрика въ размноженіе придетъ и вышеозначенныхъ вещей съ довольствомъ дѣлано будетъ“ [1]).

Представленіе сената было разрѣшено только въ слѣдующемъ году и нѣсколько иначе, чѣмъ просилъ Ломоносовъ, о чемъ будетъ говорено ниже, на стр. 511.

Между тѣмъ въ томъ же декабрѣ 1752 года было велѣно печатать въ академической типографіи: „Письмо о пользѣ стекла къ дѣйствительному ея императорскаго величества камергеру и орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалеру его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову отъ коллежскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова.

---

1) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, XIII, № 10.057; Билярскій, стр. 181—186.

Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ 1752 года"[1]). Разсказываютъ анекдотъ, что будто бы Ломоносовъ обѣдалъ у этого Шувалова въ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, и при этомъ кто-то замѣтилъ, что такихъ пуговицъ болѣе не носятъ. Ломоносовъ, разсерженный тѣмъ, сталъ изчислять всѣ пользы, проистекающія отъ стекла, и онѣ показались такъ важными хозяину, что онъ просилъ Ломоносова описать все это въ стихахъ. Слѣдствіемъ такой просьбы было будто бы появленіе въ печати письма о пользѣ стекла[2]). Если принять въ соображеніе, что это стихотворное произведеніе Ломоносовъ писалъ и печаталъ именно въ то время, когда онъ подавалъ представленія объ учрежденіи стеклянной фабрики, то не трудно объяснить поводъ къ сочиненію письма желаніемъ убѣдить Шувалова въ полезности этого учрежденія. Навѣрное въ тѣ времена были скептики, невѣрившіе въ великія выгоды, которыя обѣщались Россіи отъ учрежденія съ значительнымъ пособіемъ отъ казны такой фабрики[3]), и этихъ то скептиковъ имѣлъ въ виду Ломоносовъ, начиная свое письмо:

Не право о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые Стекло чтутъ ніже Минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.

Въ жизнеописаніи Рихмана[4]) было уже говорено, что объ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества сдѣлалось въ первый разъ извѣстно русскимъ читателямъ изъ Санктпетербургскихъ вѣдомостей лѣтомъ 1752 года. Ломоносовъ въ

1) Въ 8⁰, 16 нумер. стр.; брошюры было печатано на счетъ Ломоносова 420 экз., изъ которыхъ 20 на александрійской бумагѣ. Билярскій, стр. 186.

2) Москвитянинъ 1845 года, № 1, матер. для русск. исторіи, стр. 17, 18.

3) Что такіе скептики существовали, это доказываетъ отзывъ десятилѣтняго великаго князя Павла Петровича, когда онъ узналъ о смерти Ломоносова, что его нечего жалѣть: «казну только разорялъ и ничего не сдѣлалъ». Разумѣется, что эти слова могли относиться ни къ чему другому, какъ къ мозаичной фабрикѣ Ломоносова, и великій князь говорилъ такъ со словъ другихъ. Русскій архивъ, издав. г. Бартеньевымъ, 1869, № 1, стр. 13.

4) Исторія Академіи наукъ, I, 703, 704.

своемъ письмѣ о пользѣ стекла не забылъ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ:

Вертясь Стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственны сверканіемъ и трескомъ.
Дивился сходству умъ, но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ.
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ!
Что таже сила тучъ гремящихъ мракъ наводитъ,
Котора отъ Стеклà движеніемъ исходитъ,
Что зная правила изъисканны Стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истиннѣ Стекла увѣритъ насъ;
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою̀ вперила,
И махины ужѐ пристойны учредила.
Я слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу,
На время ко Стеклу весь трудъ свой приложу

„Къ наступающему торжественному дню возшествія на всероссійскій престолъ ея императорскаго величества сочинилъ я, писалъ собственноручно Ломоносовъ въ академическую канцелярію 19 ноября 1752 года, поздравительную оду, которыя пятнадцать куплетовъ прилагаю для набору, чтобы успѣть печатаніемъ, а достальные сообщу завтре предъ полуднемъ; а на чьемъ коштѣ и сколько экземпляровъ печатать, то все полагается на волю помянутой канцеляріи“ [1]). На это ходатайство послѣдовало такое распоряженіе: „....время остается самое малое, къ тому же той оды безъ воли и аппробаціи его сіятельства Академіи наукъ г. президента канцелярія печатать собою не можетъ.....ежели же онъ ту своего сочиненія оду отъ своего имени и на своемъ коштѣ печатать намѣреніе возымѣетъ, то канцелярія какъ скоро возможно печатаніемъ поспѣшать будетъ“.

Стихотвореніе было отпечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ [2]): Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой госуда-

---

1) II, книга № 171.

2) Всего было напечатано въ 1752 году оды 200 экземпляровъ, изъ которыхъ 30 па александрійской бумагѣ. II, книга № 463, и картонъ № 15; Билярскій, стр. 180, 181.

рынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской на пресвѣтлый и всерадостный праздникъ восшествія на всероссійскій престолъ ея величества ноября 25 дня 1752 года, во изъявленіе истиннаго усердія и радости всеподданнѣйшее поздравленіе лирическимъ стихомъ изображенное всенижайше приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ ноября 23 дня 1752 года (въ f°, 8 нен. стр.).

Здѣсь, кромѣ обычныхъ риторскихъ похвалъ и напыщенныхъ сравненій, есть нѣсколько намековъ на современныя произшествія. Императрица собиралась въ скоромъ времени посѣтить Москву:

Но вы, о коль благополучны,
Москву поящія струи!
Вы ударяючи во бреги тучны
И проходя поля̀ свои̂,
Ликуйте свѣтло, веселитесь:
Вы скоро, скоро насладитесь
Богини щедрыя очей.
Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
Видѣнія ея лишенны,
Сердцами пойдутъ въ слѣдъ за ней.

30 іюля 1752 года Елисавета съ большимъ торжествомъ присутствовала при открытіи замѣчательныхъ въ своемъ родѣ канала и доковъ въ Кронштадтѣ, зачатыхъ еще при Петрѣ Великомъ въ 1719 г. и оконченныхъ при ней Люберасомъ. Намеки на это встрѣчаемъ въ разбираемой одѣ:

Отъ гласа Росскія Палла́ды
Подвиглись сильныя громады
Врата пучинѣ отворить!
О полны чудесами вѣки!
О новость непонятныхъ дѣлъ!
Текутъ изъ мо́ря въ зе́млю рѣки,
Натуры нарушивъ предѣлъ!
Ужѐ въ нихъ корабли вступаютъ
Отъ коихъ во́лны отбѣгаютъ,
и т. д.

Далѣе Ломоносовъ высказываетъ мысль объ отысканіи пути въ Америку чрезъ Ледовитый Океанъ, мысль, для осуще-

ствленія которой ему были въ 1763—1765 годахъ предоставлены средства отъ правительства:

Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ бреговъ вечернихъ на востокъ.
Я вижу умными очами
Колумбъ Россійскій между льдами
Спѣшитъ, и презираетъ рокъ.

Есть также нѣсколько строфъ съ историческимъ воспоминаніями о великихъ княгиняхъ Ольгѣ, Еленѣ Васильевнѣ, матери Ивана Грознаго, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Въ концѣ 1752 года, великая княгиня Екатерина Алексѣевна была беременна, и потому Ломоносовъ намекалъ:

О ты, котораго Россія
Давно отъ чреслъ Петровыхъ ждетъ,
Для коего мольбы святыя
Елисавета къ Богу льетъ,
Гряди, гряди, гряди поспѣшно:
О семъ единомъ безутѣшно
Вздыхаютъ Россы всякой часъ!
О небо, предвари судьбину
Снабди плодомъ Екатерину!
Внуши народовъ многихъ гласъ!

Въ 1752 году Ломоносовымъ сочинено также нѣсколько надписей къ иллюминаціямъ съ тою только отмѣною, что съ этого года академическая канцелярія давала порученія составлять описанія иллюминацій не одному Штелину, но и Ломоносову. Подобныя описанія послѣдняго изъ нихъ до сихъ поръ оставались ненапечатанными, хотя должны непремѣнно найти мѣсто въ будущемъ полномъ собраніи его сочиненій, а потому помѣщены при настоящемъ жизнеописаніи въ приложеніи VI.

Къ этому же году относится его надпись (42) на отъѣздъ изъ Санктпетербурга въ Москву ея величества 1752 года декабря дня, напечатанная въ первый разъ въ Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, книга первая, Москва, 1757 года.

Выше было приведено мѣсто изъ письма Ломоносова къ И. Шувалову, въ сентябрѣ 1751 года, изъ котораго видно, что

онъ уже тогда старался объ окончаніи второй трагедіи. Именное повелѣніе императрицы о печатаніи этого произведенія Ломоносова было объявлено Шумахеру И. Шуваловымъ 10 сентября 1752 года. Пьеса печаталась и день и ночь, и была окончена въ ноябрѣ 1752 года [1]) Заглавіе ея было слѣдующее: Демофо́нтъ трагедія Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ въ 1752 году [2]). Новая трагедія Ломоносова не имѣла, также какъ и первая, успѣха и была послѣднимъ его опытомъ въ драматической поэзіи [3]).

Изъ переписки Ломоносова съ И. Шуваловымъ въ 1752 году извѣстно нынѣ одно письмо перваго изъ нихъ, отъ 3 октября. Императрица Елисавета чувствовала личное нерасположеніе къ Фридриху II, и одною изъ причинъ тому было вольнодумство прусскаго короля въ вопросахъ, касающихся религіи, чего онъ нисколько не скрывалъ въ особенности въ обращеніи своемъ съ французскими современными знаменитостями. И. Шу-

---

1) Билярскій, стр. 177, 178, 180.

2) Въ 8⁰, 76 нумер. стр. Печатано было этой пьесы 600 экз. на комментарной заморской бумагѣ; 600 — на русской; 50 — на любской и 50 — на александрійской. Рисунокъ къ ней поручено было сочинить Гриммелю, а рѣзать на мѣди — Соколову; но послѣдній не успѣлъ этого исполнить, почему опредѣлено было книжку выпустить безъ гравюры. Печатаніе съ бумагою обошлось въ 8 копеекъ каждый экземпляръ, а продавался по 25 копеекъ. II, картонъ подъ № 15.

3) Вотъ «краткое изъясненіе» ея, приложенное въ началѣ книги: «Послѣ раззоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, противною бурею занесенъ былъ къ берегамъ Ѳракійскимъ, и съ разбитаго флота принятъ Царевною Филлидою, дочерью Ликурга Царя, по́слѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнесторъ Князь и правитель Ѳра́кійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою и невѣсту Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возъимѣла великую взаимную любовь, положили, чтобы уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства; а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалостію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и отселѣ начинается сія трагедія». Кончается трагедія смертью Демофонта и Филлиды.

валову, какъ человѣку, по свидѣтельству Екатерины II, не отличавшемуся стойкостью своихъ убѣжденій, вѣроятно случалось, въ угоду своей повелительницѣ, порицать не только Фридриха II, но и Вольтера, который одно время былъ чрезвычайно близокъ къ королю-вольнодумцу. Впрочемъ это не мѣшало Шувалову тайкомъ восхищаться французскимъ остроумцемъ, что тогда требовала и мода во всей Европѣ. Ломоносовъ зналъ, конечно, что угодить Шувалову, пославъ къ нему какое-то вольнодумное произведеніе Вольтера, но въ то же время, въ предосторожность, обставилъ въ помянутомъ письмѣ эту посылку такимъ отзывомъ: „Не могу преминуть, чтобъ вашему превосходительству не прислать Вольтеровой музы новаго изчадія, которое объявляетъ, что онъ и его государь безбожникъ, и то ему въ похвалу приписать не стыдится предъ всѣмъ свѣтомъ. Приличнѣе примѣра найти во всѣхъ вольтеровыхъ сочиненіяхъ не возможно, гдѣ бъ виднѣе было его полоумное остроуміе, безсовѣстная честность, и ругательная хвала, какъ въ сей панегирической пасквилѣ, которую на ваше проницательное разсужденіе отдая, съ глубокимъ почтеніемъ....“ [1])

Благодаря академику Гроту, мы имѣемъ нѣсколько подробностей объ отношеніяхъ Ломоносова къ И. Шувалову. „У потомковъ Шувалова сохранилась драгоцѣнная, неизвѣстная доселѣ рукопись, съ которою мнѣ, разсказываетъ г. Гротъ, позволено было ознакомиться: это черновая настольная книга въ листъ, куда молодой Шуваловъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, записывалъ свои мысли, извлеченія изъ разныхъ писателей, особенно французскихъ, также свои собственные опыты въ стихотворныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Эти поэтическіе опыты любопытны только какъ подтвержденіе преданія, что Шуваловъ писалъ стихи и вмѣстѣ какъ доказательство, что онъ былъ лишенъ всякой способности къ поэзіи, и даже никогда не могъ овладѣть механизмомъ стиха. Между тѣмъ

---

1) Записки Академіи наукъ, I, прилож. № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. Шувалову, изд. г. Гротомъ, 23.

тутъ же является свидѣтельство, что онъ прибѣгалъ въ этомъ дѣлѣ къ наставленіямъ нашего всеобъемлющаго академика. Въ верху самой первой страницы рукой Ломоносова написанъ стихъ изъ появившейся не задолго передъ тѣмъ первой трагедіи его, съ раздѣленіемъ на стопы и съ означеніемъ долгихъ и короткихъ слоговъ. Это было въ 1752 г., какъ видно изъ помѣты Шувалова подъ слѣдующимъ, уже имъ самимъ написаннымъ въ день своего рожденія четырестишіемъ... Съ поправками Ломоносова онъ читается такъ:

О боже мой Господь, Создатель всего свѣта!
Сей день Твоею волей я сталъ быть человѣкъ:
Если жизнь моя полезна, продолжай ты мои лѣта;
Если жъ та идетъ превратно, сократи скорѣй мой вѣкъ.

„Особенно любопытны далѣе двѣ страницы, на которыхъ рукой Шувалова написанъ конспектъ всей Риторики Ломоносова. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что любознательный вельможа учился у своего друга-академика стихосложенію и риторикѣ....“ [1])

Вошло въ обыкновеніе восхищаться покровительствомъ, которое И. Шуваловъ оказывалъ Ломоносову, но едва-ли подобное меценатство сильнаго при елисаветинскомъ дворѣ человѣка принесло существенную пользу нашему академику въ дальнѣйшихъ его занятіяхъ какъ ученаго и притомъ такого, въ которомъ Эйлеръ провидѣлъ европейскую знаменитость. Покрайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что съ самаго перваго года покровительства Шувалова Ломоносову, послѣдній замѣтно менѣе занимался естественными науками, обратился къ розысканіямъ по русской исторіи — наукѣ, къ которой онъ не былъ подготовленъ и которая особенно обратила на себя его вниманіе только со времени нападокъ на личнаго врага, исторіографа Мюллера, когда притомъ требовалось провести въ историческія изслѣдованія національное пристрастіе и нетерпимость — ненадежныхъ, какъ извѣстно, совѣтниковъ тогда, когда

1) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный Я. К. Гротомъ (Спб., 1865), 29, 30.

идетъ дѣло объ истинѣ. Кромѣ занятій наукою, до того времени ему посторонней, Ломоносовъ, въ надеждѣ, конечно, на вліяніе Шувалова — въ чемъ и не обманулся — сильно увлекся также желаніемъ улучшить свое матеріальное существованіе. Желаніе, весьма понятное въ каждомъ человѣкѣ, но къ сожалѣнію Ломоносовъ задумалъ достигнуть его при помощи довольно сложнаго коммерческаго предпріятія. По всѣмъ, дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о немъ видно, что онъ вовсе не былъ человѣкомъ разсчетливымъ, точнымъ, предусмотрительнымъ, бережливымъ; напротивъ онъ никогда не умѣлъ сладить съ своими средствами, почти всегда нуждался въ деньгахъ, и ему часто приходилось, то должать, то забирать жалованье впередъ. При такомъ положеніи хозяйства, трудно было ожидать выгодъ отъ фабрики какъ самому Ломоносову, такъ и Россіи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что это дѣйствительно такъ и случилось. Теперь же обращаю вниманіе на письмо Ломоносова, писанное имъ 4 января 1753 года[1]) въ отвѣтъ на шуваловское отъ 28 декабря 1752 года. Это письмо лучше всего рисуетъ требованія и побужденія, которыми долгомъ считалъ вдохновлять всесильный меценатъ нашего ученаго и изъ которыхъ слѣдовало, что Ломоносовъ долженъ былъ вовсе бросить занятія химіею и физикою.

Въ помянутомъ письмѣ сначала помѣщены излiянія благодарности за лестное ободреніе къ сочиненію русскою исторіею. „Коль великимъ счастіемъ я, продолжалъ Ломоносовъ, себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностью древность россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей свѣту откроются, то весьма чувствую. И читая отъ вашего превосходительства ко мнѣ писанныя похвалы, которыя мое достоинство далече превосходятъ, благодарю отъ всего сердца; и, радуясь, по предпріятому моему намѣренію со всякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій стараюсь, безъ которыхъ от-

1) Въ Собраніи сочиненій Ломоносова, изд. Смирдина, это письмо по типографской ошибкѣ отнесено къ 1755 г.; Билярскій, не замѣтивъ это, также помѣтилъ его въ матеріалы 1755 года, и притомъ поправилъ воображаемую ошибку письма въ хронологіи. Ср. стр. 280—282. Г. Будиловичъ (Ломоносовъ какъ писатель, стр. 44) повторилъ ошибку Билярскаго.

нюдь ничего въ исторіи предпріять не возможно. Могу васъ, милостиваго государя, увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отчего я уже давно отказался за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе россійской исторіи и на украшеніе россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лекарства служить имѣютъ...." За тѣмъ Ломоносовъ предлагаетъ говорить въ будущемъ 1754 г. въ торжественномъ академическомъ засѣданіи похвальное слово Петру Великому. „Что жъ до кончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, милостивый государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать: ибо тѣмъ окончаются всѣ мои великіе химическіе труды, въ которыхъ я три года упражнялся и которые безплодно потерять мнѣ будетъ несносное мученіе, и много больщее препятствіе, нежели отъ самыхъ оныхъ опасаться должно...." [1])

Въ академическомъ засѣданіи 18 января 1753 года Ломоносовъ высказалъ мнѣніе, что колебанія струны, произведенныя въ безвоздушномъ пространствѣ кажутся тождественными съ колебаніями свѣта. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Ломоносовъ въ позднѣйшемъ своемъ Словѣ о происхожденіи свѣта, новую ѳеорію о цвѣтахъ представлющемъ (1756 г.), сравнивалъ рас-

1) Письма Ломоносова къ Шувалову, при которыхъ здѣсь нѣтъ ссылокъ, можно найти во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ Собранія его сочиненій.

пространеніе свѣта съ распространеніемъ звука. Тамъ же 25 января, онъ заявилъ, что часто народъ въ блестящихъ камняхъ думаетъ находить золото и серебро, отчего нерѣдко происходятъ разнаго рода столкновенія и непріятности, для отклоненія которыхъ Ломоносовъ обѣщалъ извлечь изъ учебниковъ лучшіе и простѣйшіе способы отдѣлять металлы изъ минераловъ, такъ что при пособіи этихъ способовъ всякій кузнецъ могъ бы распознать благородные металлы. Эти извлеченія слѣдовало за тѣмъ перевести на русской языкъ и распространить по всему государству. Всѣ присутствовавшіе академики одобрили эту мысль, но она осталась неосуществленною.

Въ первые же мѣсяцы 1753 года Ломоносову поручалось разсматривать образцы представленныхъ рудъ, но въ нихъ академикомъ не было найдено признаковъ золота и серебра[1]).

Въ описываемую же эпоху Ломоносовъ старался обратить вниманіе академической канцеляріи на своихъ слушателей въ учебномъ заведеніи, состоявшемъ при Академіи. Объ одномъ изъ нихъ, Поповскомъ, онъ написалъ собственноручно такое доношеніе 12 января 1753 года: „Порученный прошлаго 1752 года мнѣ студентъ Николай Поповскій отъ канцеляріи

---

1) Билярскій, стр. 188, 189, 200, 201. Вотъ собственное извѣстіе Ломоносова о его трудахъ въ 1753 году: Въ химіи: 1) продолжались опыты для изслѣдованія натуры цвѣтовъ, что показываетъ журналъ того же году на 56-ти листахъ; 2) по окончаніи лекцій дѣлалъ новые химико-физическіе опыты, дабы привести химію сколько можно къ философскому познанію и сдѣлать частію основательной физики: изъ оныхъ многочисленныхъ опытовъ, гдѣ мѣра, вѣсъ и ихъ пропорція показаны, сочинены многія цифирныя таблицы на 24-хъ полулистовыхъ страницахъ, гдѣ каждая строка цѣлый опытъ содержитъ. Въ физикѣ: съ покойнымъ профессоромъ Рихманомъ дѣлалъ химико-физическіе опыты въ лабораторіи для изслѣдованія градуса теплоты, который на себя вода принимаетъ отъ погашенныхъ въ ней минераловъ, прежде раскаленныхъ; 3) говорилъ въ публичномъ собраніи рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, съ истолкованіемъ многихъ другихъ свойствъ натуры; 4) дѣлалъ опыты, коими оказалось, что цвѣты, а особливо красный, на морозѣ ярче, нежели въ теплотѣ. Въ Исторіи: 1) записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами; 2) читалъ россійскіе академическіе лѣтописцы безъ записокъ, чтобы общее понятіе имѣть пространно о дѣяніяхъ россійскихъ. Въ словесныхъ наукахъ: 1) для россійской грамматики привелъ глаголы въ порядокъ; 2) пять проектовъ со стихами на иллюминацію и фейерверки: на 1 января, на 25 апрѣля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря. (Билярскій, стр. 249).

Академіи наукъ, чтобъ онъ отъ меня получалъ въ стихотворствѣ наставленія, показываетъ въ ономъ весьма изрядные опыты своей особливой способности. И уже прошлаго 1752 года на торжественный праздникъ коронованія ея императорскаго величества сочинилъ оду, которую письменную приватно показывалъ я при дворѣ моимъ благодѣтелямъ и немалую похвалу отъ нихъ слышалъ. А въ послѣднихъ мѣсяцахъ минувшаго 1752 г. подалъ онъ мнѣ свой переводъ Гораціевыхъ стиховъ о стихотворствѣ (ars poetica) и нѣкоторыхъ одъ, который такъ хорошо сдѣланъ, что напечатанія весьма достоенъ. И при отъѣздѣ двора знающіе въ краснорѣчіи силу желали ихъ видѣть въ печати.

„Того ради канцелярія Академіи наукъ да соблаговолитъ оныя напечатать, а помянутому студенту Поповскому сдѣлать отличное одобреніе отъ прочихъ награжденіемъ ранга и жалованья: ибо онъ уже нынѣ въ состояніи искусствомъ своимъ въ чистотѣ россійскаго штиля и стихотворства приносить Академіи наукъ честь и пользу. Сочиненные имъ съ Гораціевыхъ стихи при семъ прилагаются“.

Академическая канцелярія распорядилась печатать стихи, а о рангѣ и жалованья автору ихъ отозвалась, что въ отсутствіе президента объ этомъ невозможно постановить какого либо рѣшенія [1]).

3 февраля 1753 года Ломоносовъ снова настаивалъ предъ академическою канцеляріею, „чтобъ его, Поповскаго, за его особливую въ краснорѣчіи способность отличить отъ прочихъ студентовъ чиномъ и жалованьемъ, и отдѣлить квартирою отъ ихъ общежитія, чтобъ онъ, съ хорошими людьми обращаясь, привыкъ къ пристойному обхожденію, ибо между студентами,

---

1) II, книга № 173. Отсюда же видно, что стихотворческій переводъ Поповскаго былъ отпечатанъ въ академической типографіи въ мартѣ 1751 года, въ количествѣ 637 экземпляровъ, подъ заглавіемъ: Письмо Горація Флакка о стихотворствѣ къ Пизонамъ переведено съ латинскаго языка Николаемъ Поповскимъ. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ 1753 года. Въ 8°, 40 нум. стр. Объ этомъ изданіи не упоминается въ подробномъ жизнеописаніи Поповскаго въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ московскаго университета (М., 1855), II, 317.

которые пристойнаго воспитанія не имѣли и для своей давней фамиліарности не безъ грубостей поступаютъ, учтивыхъ поступковъ научиться нельзя...." Далѣе Ломоносовъ надѣялся окончить свои лекціи по химіи въ маѣ 1753 года и указывалъ на Румовскаго (окончившаго впослѣдствіи высшее математическое образованіе въ домѣ Эйлера и подъ его руководствомъ), какъ на способнѣйшаго изъ всѣхъ своихъ слушателей. О Поповскомъ и на этотъ разъ представленіе осталось безъ успѣха [1]).

Ломоносовъ разсказываетъ, что „для испрошенія по сенатскому представленію крестьянъ, необходимо ему надобно было ѣхать въ Москву куда передъ тѣмъ не задолго дворъ отбылъ; но Шумахеръ отказалъ, что онъ безъ президентскаго позволенія дать не смѣетъ ..." Это произошло 17 февраля 1753 года, а послѣ того Ломоносовъ просилъ объ отправленіи на казенный счетъ лаборанта, но и въ этомъ ему было отказано, почему у нашего писателя съ академическимъ совѣтникомъ вышли пререканія, которыя такъ описывалъ Шумахеръ въ письмѣ къ Тауберту 15 марта 1753 года: „г. совѣтникъ Ломоносовъ весьма несправедливъ, когда на меня жалуется: не я съ нимъ, а онъ со мною поступилъ невѣжливо. Если онъ подъ невѣжливымъ обхожденіемъ разумѣетъ то, что не все дѣлается по его волѣ, въ нарушеніе права и справедливости, въ такомъ случаѣ я долженъ согласиться, что поступилъ съ нимъ невѣжливо. Его лаборантъ подалъ въ канцелярію доношеніе съ просьбою объ отпускѣ его въ Москву, по своимъ дѣламъ, на 29 дней. Канцелярія разрѣшила его отпустить. День спустя, является въ канцелярію г. совѣтникъ Ломоносовъ и передаетъ мнѣ на словахъ, чтобъ я выдалъ лаборанту прогоны на двѣ лошади, такъ-какъ онъ посылаетъ его въ Москву по своимъ мозаическимъ работамъ. Я возразилъ ему, что этого не можетъ быть сдѣлано, потому что лаборантъ въ своемъ доношеніи объяснилъ, что отправляется въ Москву по собственнымъ домашнимъ дѣламъ. „Это должно сдѣлать, отвѣчалъ г. совѣтникъ Ломоносовъ, и вы

---

1) Билярскій, стр. 190, 191.

узнаете, какъ это будетъ сдѣлано!“ А я говорилъ, что этого не будетъ. „Не очень гордитесь (nicht so hoch), сказалъ Ломоносовъ, я самъ такой же полковникъ, какъ и вы!“ Я возразилъ, что я не полковникъ, а совѣтникъ канцеляріи, гдѣ онъ ничѣмъ не можетъ повелѣвать. Затѣмъ онъ внѣ себя вышелъ вонъ. Съ тѣхъ поръ я съ нимъ не говорилъ, а лаборантъ поѣхалъ на своихъ лошадяхъ. Г. Ломоносовъ можетъ дѣйствовать противъ меня, какъ онъ хочетъ, но я всегда скажу, что у него былъ бы хорошій умъ (gutes Genie) и что онъ высоко стоялъ бы по своей наукѣ (dasz er es in denen Wissenschaften würde hoch gebracht haben), когда бы притомъ оставался вѣжливымъ. Надменность, скупость и пьянство такіе пороки, которые многихъ довели до несчастія. Его шуринъ сказывалъ мнѣ сегодня, что г. совѣтникъ скоро прибудетъ сюда. Это извѣстіе очень разнствуетъ съ вашимъ“.... [1]).

Ломоносовъ не остановился предъ отказомъ Шумахера и обратился къ главноначальствовавшему тогда въ Петербургѣ адмиралу князю М. Голицыну, который приказалъ выдать изъ сенатской конторы паспортъ на проѣздъ академика въ Москву. Здѣсь, 15 марта 1753 года, состоялось именное повелѣніе, за которымъ собственно и пріѣзжалъ Ломоносовъ въ Москву: ...„дать ему, Ломоносову, для работъ къ фабрикѣ въ копорскомъ уѣздѣ изъ Коважской мызы отъ деревни Шишкиной 136, изъ деревни Калищъ 29, изъ деревни Усть-Рудицъ 12 [2]), отъ мызы Горья Валдай изъ деревни Перекули и Липовой 34 — всего 211 душъ со всѣми къ нимъ принадлежащими по описнымъ книгамъ землями....“ Въ позднѣйшей грамотѣ на пожалованіе этихъ крестьянъ было выражено всеми-

1) Билярскій, стр. 066, 195—200; Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 54—57.

2) Въ этой деревнѣ и была устроена Ломоносовымъ фабрика. Здѣсь кстати напомнить, что она упоминается въ ботанической литературѣ. Около нея въ первый разъ нашелся для петербургской флоры колокольчикъ широколистый. У Гёртера въ изданномъ имъ въ 1764 г. Appendix ad Floram ingricam Stephani Kraschenennikow читаемъ: Campanula latifolia.... habitat in Ingria ad fabricam Rudicensem 60 werstas Petroburgo D. Consiliarius Status M. Lomonosow (Газета День, 1863 г. № 10, г. М. Максимовича Новыя письма къ Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчья, стр. 4).

лостивѣйше обнадеживаніе: „ежели та фабрика имъ, Ломоносовымъ, содержана будетъ въ добромъ порядкѣ, то оная у него и наслѣдниковъ его взята и другимъ никому отдана не будетъ, и ниже какое малое въ ихъ потребностяхъ поврежденіе учинится, развѣ самая какая важная причина отъ нихъ показана будетъ или сами въ состояніи оной содержать не будутъ“.... [1]). Пожалованныя Ломоносову дачи находятся за Ораніенбаумомъ верстахъ въ 70 отъ Петербурга въ прежнемъ копорскомъ уѣздѣ и донынѣ принадлежатъ потомкамъ Ломоносова по женской линіи — Н. М. Орлову и г.г. Раевскимъ [2]).

По полученіи Ломоносовымъ крестьянъ, онъ написалъ „Надпись на оказаніе высочайшей милости Ея Величества въ Москвѣ 1753 года“:

Монархиня, Твоя прещедрая рука
Обиліе намъ льетъ и радость, какъ рѣка;
Сильнѣе, нежели ключей Кастальскихъ токи,
Стремленіе къ стихамъ и духъ даетъ высокій.
О радостный восторгъ; куда я полечу?
Но большее языкъ богатство словъ являетъ,
Когда умѣренно веселіе бываетъ;
Веселіе мое безмѣрно, я молчу [3]).

Вообще изъ словъ Ломоносова видно, что онъ былъ весьма доволенъ своимъ пребываніемъ въ Москвѣ въ 1753 году: „всемилостивѣйшая государыня, говоритъ онъ, благоволила подать ему довольные знаки своего высочайшаго благоволенія и пожаловала по желанію его деревни“.... И далѣе: „блаженныя памяти государыня императрица Елисавета Петровна на куртагѣ Ломоносову чрезъ камергера Шувалова изволила объявить въ бытность его въ Москвѣ, что ея величество охотно желала бы видѣть россійскую исторію его штилемъ“.... [4]).

---

1) Грамота напечатана въ Сынѣ Отечества 1840 года, №№ 23, 24, а подлинникъ принадлежитъ нынѣ потомку Ломоносова по женской линіи Н. М. Орлову. Снимокъ съ нея со всѣми украшеніями, по распоряженію русскаго отдѣленія Академіи наукъ, сдѣланъ для библіотеки ея. Записки Академіи наукъ, VII, 105, 106.

2) Записки Академіи наукъ, VII, Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, сост. г. Гротомъ, стр. 241,

3) Въ первый разъ эта надпись въ Собраніи разныхъ сочиненій М. Ломоносова, Москва, 1757, I, 184.

4) Билярскій, стр. 066, 067.

Въ одно время съ Ломоносовымъ, въ Москву являлся изъ Петербурга зять Шумахера—Таубертъ, пріѣзжавшій также кланяться и просить объ оказаніи милости — объ арендѣ въ Ливоніи, но на этотъ разъ нѣмецъ былъ менѣе счастливъ русскаго: хлопоты Тауберта пропали тогда вотще, и онъ только могъ сообщать своему тестю объ успѣхахъ при дворѣ ихъ заклятаго врага Ломоносова, что и вызвало въ одномъ письмѣ Шумахера къ Тауберту меланхолическія соображенія о суетности человѣческаго счастія и несбывшееся предвѣщаніе: „многіе такого мнѣнія, что чрезвычайныя преимущества, которыхъ онъ (Ломоносовъ) достигъ, умножая его счастье, послужатъ также и къ погибели его"....[1]).

По разсказамъ Ломоносова, хотя президентъ Академіи, графъ К. Разумовскій встрѣтилъ его въ Москвѣ „ласково и во всю бытность оказывалъ любленіе", однако „возвратясь въ Санктпетербургъ, Ломоносовъ увидѣлъ въ профессорскомъ собраніи отъ президента оному на общее лицо репримандъ въ ослушаніи[2]). А покойникъ адміралъ князь Голицынъ показалъ Ломоносову также вѣжливый репримандъ отъ президента въ формѣ письма отъ совѣтника Теплова, что онъ въ чужую должность вступился, отпустивъ въ Москву реченнаго Ломоносова. Такъ противны были Шумахеру его успѣхи!"....[3]).

Полученіе андреевской ленты двоюроднымъ братомъ любимца императрицы, графомъ Петромъ Шуваловымъ, подало поводъ Ломоносову написать къ нему письмо (10 мая 1753 года), въ которомъ академикъ увѣрялъ, что извѣстія о томъ „произвели истинное веселіе, которымъ, услаждаясь, поздравляю ваше сіятельство отъ всего моего усердія и желаю въ оной

1) Исторія Академіи наукъ, I, 60.

2) Здѣсь Ломоносовъ разумѣлъ ордеръ гр. К. Разумовскаго 26 марта 1753 года: «Усмотрѣно мною, что нѣкоторые академики не во всемъ точно исполняютъ по силѣ регламента академическаго, высочайшею аппробаціею ея императорскаго величества конфирмованнаго, и по особливой инструкціи на основаніи онаго регламента, оставленной мною въ канцеляріи, того ради имъ вновь подтверждаю, чтобъ канцелярія Академіи наукъ крайне наблюдала, дабы ничего того пренебрежено не было, что какъ въ вышепомянутомъ регламентѣ, такъ и въ инструкціи отъ меня предписано....» (II, книга № 175).

3) Билярскій, стр. 066.

непремѣнно прирастающаго продолженія. Равномѣрное засвидѣтельствованіе моего искренняго усердія принялъ я смѣлость показать дражайшей вашей супругѣ, сіятельнѣйшей графинѣ милостивой государынѣ Маврѣ Егорьевнѣ, прилагая малый опытъ начинающагося въ Россіи мозаичнаго художества, который хотя нарочитые недостатки имѣетъ, однако, для новости дѣла и для малости изображенія, уповаю нѣкоторое мнѣ извиненіе пріобрѣсти можетъ; а особливо ежели нѣсколько повыше въ удобномъ мѣстѣ поставленъ будетъ. По разведеніи фабрики не сомнѣваюсь, что самого совершенства въ семъ дѣлѣ чрезъ недолгое время достигну, и вашему сіятельству онымъ показать должное благодареніе не премину" [1]).

Другое письмо Ломоносова, писанное того же дня, какъ и предыдущее, къ самому меценату его, любопытно въ томъ отношеніи, что изъ него видно, что И. Шуваловъ предостерегалъ его не оставлять ученыхъ занятій для фабрики, а также быть вообще осторожнымъ въ своихъ поступкахъ. „Милостивое вашего превосходительства меня письмомъ напоминовеніе, писалъ Ломоносовъ, увѣряетъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, которое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почитаю. Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ-ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ добровольно, отвратить не умѣла"... Затѣмъ слѣдуютъ воспоминанія о пребываніи въ московскомъ духовномъ училищѣ, приведенное выше на стр. 284, послѣ чего Ломоносовъ продолжаетъ: „я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были,

1) Билярскій, стр. 203, 204 имѣлъ это письмо въ дурномъ спискѣ. Настоящая выписка поправлена по подлиннику изъ собранія ломоносовскихъ бумагъ, доставленныхъ въ нашу Академію П. Мухановымъ.

и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили бъ, что музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно: онѣ кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ для умноженія ихъ гордости, а съ другой стороны Невтона, богатаго лорда Боила, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство; Слоана въ Англіи, который послѣ себя такую библіотеку оставилъ, что никто приватно не былъ въ состояніи купить, и для того парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ"…. [1]).

Въ другомъ письмѣ къ И. Шувалову, отъ 31 мая 1753 года, Ломоносовъ снова возвращается къ этому предмету и притомъ не безъ лести своему покровителю: „Полученное вчерашняго числа отъ 24 мая письмо вашего превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнный знакъ особливой вашей ко мнѣ милости, премного меня обрадовало, особливо тѣмъ, что вы объявить изволили свое удовольствіе о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливаго удивленія затѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ счастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли и способы изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у себя патроновъ, которые у нихъ наукъ мало или ничего не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство въ разсужденіи меня дѣлъ требуете, довольствуются только однимъ ихъ именемъ [2]). Въ помянутыхъ, оставившихъ въ своемъ счастіи ученіе, людяхъ весьма ясно видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, что въ малолѣтствѣ

1) Билярскій, стр. 204, 205.

2) Если я не ошибаюсь, то здѣсь намекъ на Адодурова и Теплова, которымъ покровительствовали графы Разумовскіе и которые ученую карьеру предпочли служебной.

изъ подъ лозы выучились, а будучи въ своей власти, почти никакова знанія больше не присовокупили"..... [1]).

Въ жизнеописаніи академика Рихмана [2]) было уже говорено, что какъ скоро въ Петербургъ дошло извѣстіе объ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества, то названный ученый началъ производить рядъ опытовъ надъ этимъ явленіемъ, и результаты, добытые Рихманомъ, тотчасъ же сообщались въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ. Ломоносова также занимало новое открытіе, что онъ и высказалъ, какъ видѣли на стр. 500, въ своемъ стихотворномъ письмѣ о пользѣ стекла. Въ академическихъ засѣданіяхъ 26 и 29 апрѣля Рихманъ сообщалъ свои наблюденія надъ электричествомъ и отсюда видно, что въ нихъ принималъ нѣкоторое участіе и Ломоносовъ. Между тѣмъ наступило лѣто, и результаты наблюденій Рихмана снова стали сообщаться въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ, гдѣ тогда помѣщено и описаніе изобрѣтеннаго имъ электрическаго указателя.

О подобныхъ же наблюденіяхъ Ломоносова онъ упоминалъ впослѣдствіи въ своихъ Изъясненіяхъ, надлежащихъ къ Слову о электрическихъ воздушныхъ явленіяхъ. Впрочемъ, еще прежде появленія въ печати этого Слова, одинъ разъ его имя упомянуто и въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ при описаніи наблюденій надъ грозами 26 и 29 мая, причемъ было открыто, что „электрическая въ воздухѣ сила далѣе громоваго треску распростереться или и безъ дѣйствительнаго грому быть можетъ". Объ этомъ обстоятельствѣ увѣдомлялъ Ломоносовъ Шувалова въ письмѣ 31 мая: „что до электрической силы надлежитъ, то изысканы здѣсь два особливые опыты весьма недавно, одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ тучѣ. Первый, что Мушенброковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ знатное разстояніе около цѣлой версты, чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Второе примѣтилъ у своей громовой машины,

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 209, 210.

2) Исторія Академіи наукъ, I, 703—709.

25 числа сего апрѣля, что безъ грому и молніи, что бы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута отходила и за рукою гонялась. А въ 28 число того же мѣсяца, при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грому и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ трескомъ издалека слышнымъ; что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею о электрической силѣ весьма согласно, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оный актъ буду я отправлять съ г. профессоромъ Рихманомъ: онъ будетъ предлагать опыты свои, а я теорію и пользу, отъ оной происходящую, къ чему уже я пріуготовляюсь"…. [1]).

Рихмана убило громомъ, утромъ 26 іюля 1753 года, въ то самое время, когда онъ производилъ наблюденія у изобрѣтеннаго имъ электрическаго указателя. Ломоносовъ въ тотъ же самый день въ письмѣ къ И. Шувалову писалъ: „что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я, или мертвъ. Я вижу, что г. профессора Рихмана громомъ убило въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего іюля въ 26 число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, за тѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною спорывалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь бѣжали. И

1) Билярскій, стр. 210, 211.

жена просила, чтобы я прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынутъ, а притомъ и электрическая сила почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: профессора громомъ зашибло....“ [1])

Смерть Рихмана и написанная Ломоносовымъ рѣчь объ электричествѣ подали случай къ довольно долгимъ пререканіямъ и столкновеніямъ, изъ которыхъ въ первый еще разъ въ жизнеописаніи Ломоносова яснѣе обрисовываются его отношенія къ Шумахеру, исконному его врагу, и къ товарищамъ-академикамъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ кончины Рихмана, именно 5 августа 1753 года, Шумахеръ постановилъ представить президенту Академіи объ отмѣнѣ торжественнаго собранія въ Академіи, назначеннаго на 5 сентября, при чемъ главнѣйшею причиною выставлена была смерть Рихмана. Между тѣмъ академики ничего не знали о томъ, такъ какъ Шумахеръ еще 18 августа просилъ Ломоносова переговорить съ академикомъ Гришовымъ относительно отвѣта послѣдняго на рѣчь Ломоносова. Этотъ, въ письмѣ къ И. Шувалову 23 августа, послѣ представленія перевода своего ученика Поповскаго — Опыта о человѣкѣ — Поппе и ходатайства о помѣщеніи Поповскаго ректоромъ въ академической гимназіи, замѣчалъ: „Шумахеръ хотя кажетъ видъ, что то же хочетъ дѣлать, однако отнюдь вѣрить нельзя, и больше, чаю, противное сдѣлать намѣренъ. Публичное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерти обѣщалъ неоднократно произвести въ дѣло, и часто присылалъ ко мнѣ о поспѣшеніи; а какъ я нынѣ читалъ, то онъ сказалъ, что изъ Москвы не имѣетъ извѣстія, будетъ ли актусъ. Между тѣмъ слышалъ я

1) Продолженіе этого письма и подробности о смерти Рихмана см. въ жизнеописаніи его въ Исторіи Академіи наукъ, I, 710—714.

отъ профессора Гришова, которому онъ сказалъ, что актусъ будетъ отложенъ...."

Дѣйствительно графъ Разумовскій утвердилъ представленіе Шумахера объ отмѣнѣ торжественнаго собранія въ Академіи. Тогда Ломоносовъ снова обратился къ своему покровителю И. Шувалову, къ которому 7 октября 1753 года писалъ: „переписанную рѣчь мою къ вашему превосходительству переслать принимая смѣлость, еще васъ, милостиваго государя, прошу, чтобы о произведеніи оной къ 25 ноября постараться: ибо мнѣ даютъ навѣтки, что ее въ Комментаріи напечатать; однако я тѣмъ отнюдь не могу быть доволенъ и за прямой отказъ почесть долженъ. Она такимъ образомъ сочинена, чтобы говорить въ собраніи и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельствахъ долженъ я буду много перемѣнить и выкинуть, что мнѣ много труда стоитъ. Сверхъ того съ Комментаріями выйдетъ она весьма поздно...."

Кромѣ Шувалова, Ломоносовъ два раза писалъ о томъ же и къ президенту, который 11 октября далъ предписаніе Шумахеру: „....хотя я отъ 2 сентября и опредѣлилъ было ассамблеѣ публичной не быть за объявленными въ вашемъ представленіи, учиненномъ отъ 5 августа, резонами: однакожъ, дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими изобрѣтеніями между учеными въ Европѣ людьми не упоздалъ, и чрезъ то трудъ бы его въ учиненныхъ до сего времени электрическихъ опытахъ не пропалъ...." графъ Разумовскій назначилъ торжественное собраніе на 25 ноября.

Такимъ образомъ Ломоносову и на этотъ разъ удалось одержать верхъ надъ происками Шумахера, но за тѣмъ ему съ своею рѣчью пришлось испытать затруденія со стороны товарищей-академиковъ. Въ академическомъ засѣданіи 26 октября академики Гришовъ, Браунъ и Поповъ подали письменныя „сумнительства", найденныя ими въ приготовленной Ломоносовымъ рѣчи. Сумнительства Гришова и Брауна состояли въ томъ, что они не совсѣмъ довѣряли новизнѣ предложенной Ломоносовымъ теоріи и что разныя, приводимыя имъ явленія,

и до него объяснялись электричествомъ, какъ напр. это дѣлалъ Франклинъ Кейль, Монніеръ, Эйлеръ.

Какъ Ломоносовъ былъ всѣмъ этимъ взволнованъ и раздраженъ, то лучше всего видно изъ письма его къ И. Шувалову, 1 ноября 1753 года:

„Что я письмами вашего превосходительства нынѣ не оставленъ, сіе служитъ мнѣ къ великому утѣшенію въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Совѣтникъ Шумахеръ, пренебрегая то, что онъ отъ его сіятельства г. президента присланнымъ ордеромъ о произведеніи публичнаго акта изобличенъ былъ въ своихъ неправедныхъ поступкахъ въ разсужденіи моей рѣчи, употребилъ еще всѣ коварные свои происки для ея остановки. Правда, что онъ всегда былъ высокихъ наукъ, а слѣдовательно и мой ненавистникъ и всѣхъ профессоровъ гонитель, и коварный и злохитростный приводчикъ въ несогласіе и враждованіе; однако нынѣ сталъ еще вдвое, имѣя двойные интересы, т. е. прегордаго невѣжду, высокомысленнаго фарисея, зятя своего Тауберта. Всѣ, нынѣ упражняющіеся въ наукахъ говорятъ: не дай Богъ, чтобъ Академія досталась Тауберту въ приданое за дочерью Шумахеровой; обоихъ равна зависть и ненависть къ ученымъ, которая отъ того происходитъ, что оба не науками, но чужихъ рукъ искусствомъ, а особливо профессорскимъ попраніемъ подняться ищутъ, и нынѣ профессоровъ одного на другаго подущать и ихъ несогласіемъ пользоваться стараются. Я о всемъ писалъ къ его сіятельству г. президенту нарочито пространно и всепокорнѣйше просилъ, чтобъ сдѣлать конецъ двадцатилѣтнему бѣдному Академіи состоянію и избавить отъ приближающагося конечнаго разоренія. Между тѣмъ васъ, милостиваго государя и отца, слезно прошу учинить съ науками въ Россіи великую милость, чтобы какимъ вамъ заблагоразсудиться образомъ, сіе общее благополучія ученыхъ препятствіе окончалось и воспослѣдовали бы уже давно отъ всѣхъ желаемая тишина и радость. По вашего превосходительства письмамъ разсуждаю, что вы графу Кирилѣ Григорьевичу пристойнымъ образомъ о моемъ къ нему письмѣ знать дать можете; которое на прошлой почтѣ къ нему послано. Сила и важность

вся въ томъ состоитъ, чтобъ безъ вѣдома профессорскаго никакія ученыя дѣла не отправлялись, и его бы сіятельство ничего не аппробовалъ, что канцелярія безъ согласія собраній о томъ представитъ. Ибо кромѣ сего на что профессорскія собранія? На что ихъ голосы, когда Шумахеръ все смыслитъ, когда ему все повѣрить можно? *Все смыслитъ?* Боже мой! но онъ и въ главной своей охотѣ, въ рисованіи толку не знаетъ. Посмотрите на изображеніе ея императорскаго величества, что на петербургскомъ планѣ. *Ему все повѣрить можно?* Правда, козлу — капусту, овецъ — волку! На него просили первые профессоры, призванные въ Россію Петромъ Великимъ, которыхъ онъ своими коварствами отсюду вытѣснилъ, и наше отечество лишилъ великія пользы. На него просили студенты въ правительствующемъ сенатѣ, какъ я былъ за моремъ, за что ему былъ жестокій выговоръ. На него просили снова студенты и канцелярскіе служители съ Нартовымъ въ испровержении наукъ и въ расточеніи казны, гдѣ онъ во многомъ изобличенъ и только знатнымъ предстательствомъ избавился. Наконецъ, просили на него и всѣ профессоры обще, и для того поручено было имъ правленіе ученыхъ дѣлъ до президента. При толь великихъ примѣрахъ его злости, при толь великомъ множествѣ свидѣтелей разнаго состоянія, разныхъ народовъ, и въ толь разныя времена и обстоятельства, возможно ли сомнѣваться о безсовѣстномъ его поведеніи? возможно ли ожидать цвѣтущаго наукъ состоянія? Возможно ли подумать, что все на него напрасно солгано за тѣмъ, что онъ не повѣшенъ? Сіе столько же его оправдать можетъ, какъ публикованнаго бездѣльника князя Хованскаго, который многократно судей и права умѣлъ употребить къ своему закрытію и избавленію отъ петли? Не довольно ли о семъ увѣряетъ внѣшнее и внутреннее Академіи бѣдное состояніе? Извнѣ почти однѣ развалины; внутрь нѣтъ ничего, чтобъ Академіею и университетомъ могло назваться по примѣру иностранныхъ и по несравненному великодушію монархини нашей. Я ожидаю какъ отъ его сіятельства г. президента, такъ и отъ вашего превосходительства скорой наукамъ помощи и за должность мою къ отечеству и за

несказанныя щедроты всемилостивѣйшія государыни, положилъ твердое и непоколебимое намѣреніе, чтобы за благополучіе наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ обстоятельства, не пожалѣть всего моего временнаго благополучія...." [1])

Вслѣдствіе настояній Ломоносова предъ графомъ К. Разумовскимъ, послѣдній писалъ къ Шумахеру, 4 ноября 1753 г.: „....вамъ рекомендую, дабы канцелярія не вступалась въ сіе ихъ дѣло, кромѣ того, что отъ нихъ прислано будетъ для напечатанія, о томъ только приложить стараніе безъ замедленія...."

Между тѣмъ въ историческомъ собраніи 3 ноября вышла новая распря у Ломоносова съ своими товарищами. Тогда тамъ присутствовалъ Таубертъ, получившій званіе адъюнкта ранѣе Ломоносова и на этомъ основаніи считавшій себя старше его. Ломоносовъ, по словамъ Тредіаковскаго [2]), въ самомъ началѣ засѣданія „говорилъ г. ассесору Тауберту весьма велерѣчиво о своемъ предсѣданіи предъ нимъ"; упоминалъ, что онъ пожалованъ совѣтникомъ „за отличную его науку" и называлъ себя предъ прочими „первенствующимъ профессоромъ". Что нѣчто подобное случилось въ помянутомъ засѣданіи, то подтверждается донесеніемъ архиваріуса Стафенгагена. Онъ составилъ протоколъ о происходившемъ въ засѣданіи и присутствующихъ въ немъ написалъ по старшинству ихъ вступленія въ Академію, отчего выше Ломоносова были показаны: Мюллеръ, Штелинъ, Штрубе, Таубертъ и Тредіаковскій. Когда посланный для подписанія протокола дошелъ до Ломоносова, то онъ, по словамъ Стафенгагена, „свое имя изъ вышеписаннаго числа вычернилъ и приписалъ тутъ резоны свои, для чего онъ то сдѣлалъ, и имя свое подписалъ на самомъ верху выше всѣхъ; а какъ сей протоколъ къ подпискѣ дошелъ до прочихъ господъ, то никто изъ нихъ не подписался, для чего—то не знаю. Только г. профессоръ Тредіаковскій на другой бѣлой страницѣ приписалъ

---

1) Билярскій, стр. 229—231; Воронежская Бесѣда 1861 г., 229—231. Билярскій пользовался дурнымъ спискомъ съ этого письма; но здѣсь оно провѣрено по подлиннику, доставшемуся Академіи наукъ отъ П. Муханова.

2) Рапортъ его объ этомъ происшествіи см. выше въ жизнеописаніи Тредіаковскаго на стр. 170—172.

свое мнѣніе о семъ дѣлѣ, а что именно, и то мнѣ неизвѣстно, потому что какъ я сего утра оное все прочитать хотѣлъ, чтобъ о томъ происходившемъ канцеляріи репортовать, то онъ, г. совѣтникъ Ломоносовъ, пришелъ ко мнѣ и требовалъ, чтобъ я оный протоколъ вновь бы переписать отдалъ, и его бы имя выключилъ. И какъ я ему на то отвѣтствовалъ, что мнѣ того нельзя сдѣлать безъ согласія другихъ гг. профессоровъ, ибо нѣкоторые уже подписались, а другіе видѣли, что онъ тутъ свое имя вычернилъ, то онъ взялъ у меня протоколъ изъ моихъ рукъ и разодралъ и къ себѣ въ карманъ положилъ, такъ что и времени мнѣ не было прочесть, что онъ, г. профессоръ Тредіаковскій, въ немъ приписалъ“ [1]).

Въ академическомъ засѣданіи 16 ноября читанъ былъ отвѣтъ Гришова на рѣчь Ломоносова для произнесенія въ торжественномъ собраніи Академіи; но и при этомъ не обошлось безъ разногласій, изъ которыхъ послѣднее заключалось въ слѣдующемъ: „г. совѣтникъ Ломоносовъ объявилъ, что онъ диссертацію свою на россійскомъ языкѣ въ публичномъ собраніи читать будетъ. Гг. профессора Крашенинниковъ и Поповъ тому согласились, а всѣ прочіе гг. профессора такое дали мнѣніе, что ежели диссертація на россійскомъ языкѣ читана будетъ, то и отвѣтъ тѣмъ же языкомъ читанъ быть имѣетъ“.

Наконецъ въ засѣданіи 19 ноября были прочитаны и одобрены помянутый отвѣтъ Гришова на рѣчь Ломоносова, сочиненная послѣднимъ программа задачи на премію и его же изъясненія къ своей рѣчи; причемъ, однако, академикъ Поповъ настоялъ, чтобы выраженныя имъ сомнѣнія противъ рѣчи Ломоносова были сохранены въ академическомъ архивѣ [2]).

Послѣ столь многихъ и долго длившихся то препятствій, то пререканій, Слово Ломоносова было отпечатано на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Русское изданіе имѣло такое заглавіе: Торжество Академіи наукъ въ честь и прославленіе вожделѣннѣйшаго и всерадостнѣйшаго дня восшествія на престолъ ея

1) Билярскій, стр. 231, 232.

2) Весь ходъ дѣла о разсужденіи Ломоносова изложенъ здѣсь по матеріаламъ Билярскаго, стр. 205—243; Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 57—60.

императорскаго величества, всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая, празднованное публичнымъ собраніемъ на другой день восшествія на престолъ ея императорскаго величества, то есть ноября 26 дня 1753 года. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при императорской Академіи наукъ 1753 года[1]). Здѣсь въ началѣ помѣщена сочиненная Ломоносовымъ программа на задачу отъ Академіи къ 1755 году: „сыскать подлинную электрической силы причину и составить точную ея теорію". За тѣмъ слѣдуетъ: „Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ електрической силы происходящихъ, предложенное отъ Михайла Ломоносова". На стр. 51—64 напечатано: „Августина Наѳанаила Гришова профессора астрономіи отвѣтъ именемъ академиковъ на рѣчь господина совѣтника и профессора Ломоносова и рассужденіе о необыкновенныхъ воздушныхъ явленіяхъ имъ самимъ примѣченныхъ". Въ этомъ отвѣтѣ любопытны тонкіе намеки на высказанныя нѣкоторыми изъ товарищей Ломоносова „сумнительства" въ томъ, чтобы его теерія была дѣйствительно новою. Гришовъ, напр., замѣчаетъ, что Ломоносовъ „краснорѣчиво" разсуждалъ о началѣ электрической силы, „которое отъ него пóслѣ того, какъ слава о семъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ свѣта чрезъ пи́сьма господина Франклина до насъ дошла недавно, доказано разными собственными доводами...." И далѣе: „такимъ образомъ въ нынѣшнемъ дѣлѣ, когда напримѣръ господинъ совѣтникъ Ломоносовъ догадку свою о происхожденіи хвостовъ и лучéй у кометъ предлагаетъ: то хотя славнѣйшіе сего вѣка Астрономы давно ужѐ не только догадывались, что есть сходство между сѣвернымъ сіяніемъ и кометными хвостами, но и доказать то, хотя изъ основаній отмѣнныхъ отъ доводовъ господина Совѣтника Ломоносова, старались: однако Академія

1) Въ 4°, 6 ненумерованныхъ и 76 нумер. стран., и четыре таблицы гравированныхъ на мѣди чертежей. Книги было печатано 700 экз., изъ которыхъ 300 на латинскомъ языкѣ. Печатаніе, бумага и гравированіе чертежей обошлись въ 255 руб. 72 коп.; въ продáжу она пущена была по 40 коп. (Билярскій, стр. 243; II, книги №№ 464 и 177).

новой сей способъ къ истолкованію кометныхъ хвостовъ достойными быть рассудила къ дальнѣйшимъ размышленіямъ Астрономамъ особливо и Физикамъ. Со всѣмъ тѣмъ Академики весьма довольны трудами Господина совѣтника Ломоносова, яко такими, которые принадлежатъ къ изъясненію чрезъ остроумный вымыслъ, нѣкоторыхъ воздушныхъ явленій, въ истолкованіи которыхъ физики между собою не согласны...“

На стр. 65—76 напечатаны принадлежащія опять Ломоносову: „Изъясненія, надлежащія къ Слову о електрическихъ воздушныхъ явленіяхъ“. Здѣсь первое замѣчаніе касательно погруженія верхнихъ слоевъ атмосферы въ нижніе написано въ отвѣтъ вышепомянутыхъ сумнительствъ академика Попова. При этомъ Ломоносовъ счелъ необходимымъ оправдаться отъ подозрѣній въ заимствованіяхъ у Франклина: „однако что я, говоритъ Ломоносовъ, въ моей Теоріи о причинѣ електрической силы въ воздухѣ ему ничего не долженъ, изъ слѣдующихъ явствуетъ. Во первыхъ о погруженіи верьхняго воздуха я уже мыслилъ и разговаривалъ за нѣсколько лѣтъ; Франклиновы письма увидѣлъ въ первые, когда уже моя рѣчь была почти готова, въ чемъ я посылаюсь на своихъ господъ товарищей. 1) Погруженіе верьхней Атмосферы Франклинъ положилъ только догадкою въ нѣсколькихъ словахъ. Я свою Теорію произвелъ изъ наступающихъ внезапно великихъ морозовъ, т. е., изъ обстоятельствъ въ Филадельфіи, гдѣ живетъ Франклинъ, неизвѣстныхъ. 3) Доказалъ я выкладкою, что верхней воздухъ въ нижнемъ не токмо погрузиться можетъ, но иногда и долженъ. 4) Изъ сего основанія истолкованы мною многія явленія съ громовою силою бывающія, которыхъ у Франклина нѣтъ и слѣду. Все сіе не того ради здѣсь прилагается, чтобъ я хотѣлъ себя ему предпочесть, но послѣдовалъ изволенію господъ товарищей, которые сіе къ моему оправданію присовокупить мнѣ приговорили“. Далѣе разсказывается о наблюденіяхъ Ломоносова надъ воздушнымъ электричествомъ лѣтомъ 1753 года, при чемъ онъ воспользовался и наблюденіями, записанными въ его рукописномъ сборникѣ (академическая библіотека, № 112, л.л. 118, 119). Видно, что Ломоносова сильно заботило подо-

зрѣніе о заимствованіяхъ имъ теоріи Франклина, и онъ еще разъ возвращается къ этому обстоятельству въ изъясненіяхъ: „Франклинова догадка о сѣверномъ сіяніи, котораго онъ въ тѣхъ же письмахъ нѣсколькими словами касается, отъ моей Теоріи весьма разнится. Ибо онъ матерію Електрическую для произведенія сѣвернаго сіянія отъ жаркаго пояса привлечь старается; я довольную нахожу въ самомъ томъ мѣстѣ, то есть, Ефиръ вездѣ присутствующій. Онъ мѣста ея не опредѣляетъ; я выше Атмосферы полагаю. Онъ не объявляетъ, какимъ она способомъ производится; я изъясняю понятнымъ образомъ. Онъ никакими не утверждаетъ доводами; я сверхъ того истолкованіемъ явленій подтверждаю. Сего ради никто не можетъ подумать, чтобъ я, похитивъ его мысли, изтолковалъ пространнѣе; а особливо какъ выше упомянуто, что сіе мое слово было уже почти готово, когда я о Франклиновой догадкѣ увѣдалъ. Сверхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 г., а въ 1747 году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ Ефира произведено быть можетъ...." [1]).

Шумахеръ поспѣшилъ отправить сочиненіе Ломоносова, какъ только вышло оно въ свѣтъ, къ заграничнымъ почетнымъ членамъ нашей Академіи Эйлеру, Геинзіусу и Крафту; при чемъ просилъ ихъ именемъ президента, который въ дѣйствительности съ истинно малороссійскою безпечностью относился къ наукамъ и ученымъ вопросамъ, доставить свои мнѣнія. Изъ послѣдующей переписки Шумахера съ этими лицами легко примѣтить, что онъ ожидалъ изъ-за границы неблагопріятныхъ для Ломоносова отзывовъ; но его ожиданія не сбылись со всѣмъ въ отношеніи главы европейскихъ ученыхъ того времени Эйлера.

„Сочиненіе г. Ломоносова объ этомъ предметѣ, писалъ геніальный геометръ къ Шумахеру 29 декабря 1753 года, я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Объясненія, данныя имъ относительно столь внезапнаго возникновенія стужи и проис-

1) Объ упоминаемомъ здѣсь стихотвореніи см. выше, стр. 345, 346.

хожденія послѣдней отъ верхнихъ слоевъ воздуха въ атмосферѣ, я считаю совершенно основательными. Недавно я сдѣлалъ подобные же выводы изъ ученія о равновѣсіи атмосферы. Прочія догадки столько же остроумны, сколько и вѣроподобны, и выказываютъ въ г. авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго познанія естествовѣдѣнія, чему образцы впрочемъ и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Нынѣ таковые умы весьма рѣдки, такъ-какъ бóльшая часть остаются только при опытахъ, почему и не желаютъ пускаться въ разсужденія; другіе же впадаютъ въ такіе нелѣпые толки, что они въ противорѣчіи всѣмъ началамъ здраваго естествовѣдѣнія. Поэтому догадки г. Ломоносова тѣмъ бóльшую имѣютъ цѣну, что онѣ удачно задуманы и вѣроподобны. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы онѣ были вполнѣ доказаны, потому что дальнѣйшія изслѣдованія — согласуются-ли óнѣ съ истиною или нѣтъ — приведутъ насъ къ желанной цѣли. Все, что мы теперь знаемъ достовѣрнаго въ физикѣ, было первоначально окружено только догадками, и когда бы никогда не допускали таковыхъ даже ложныхъ, то мы бы не достигли никакъ истины. Догадокъ своихъ самъ г. авторъ не выдаетъ за конечныя истины, а потому и Академіи не слѣдуетъ признавать ихъ за таковыя. Между тѣмъ каждый можетъ ранѣе принять въ томъ участіе, смотря на то, что догадки не отвергаются безъ дальнихъ разсужденій, а найдены достойными дальнѣйшихъ изысканій. На это, какъ мнѣ кажется, мѣтилъ г. профессоръ Гришовъ въ своемъ отвѣтѣ, и я въ немъ ничего не нашелъ такого, чтобы могъ принять въ худую сторону г. Ломоносовъ“ [1]). Въ другомъ письмѣ, обращенномъ въ нашу Академію (22 января 1754 года), Эйлеръ распространяется въ похвалахъ задачѣ, предложенной ею на рѣшеніе по убѣжденію и мысли Ломоносова; находитъ ее достойною внимательнаго изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ порицаетъ ученыхъ, которые признаютъ въ естествовѣдѣніи только опыты, не дозволяя философскихъ сужденій. „Что про-

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 97, 98; Билярскій, стр. 251, 252.

ницательный Ломоносовъ, говоритъ между прочимъ Эйлеръ, о теченіи сей тонкой матеріи въ облакахъ (т. е. объ электричествѣ) разсуждалъ, великую помощь подастъ тѣмъ, которые въ семъ вопросѣ хотятъ свои силы изслѣдовать. Также преизрядны его размышленія о снисхожденіи верхняго воздуха и о внезапныхъ морозахъ...." [1]).

Какъ непріятны были Шумахеру хвалы Эйлера произведенію Ломоносова, то лучше всего видно изъ отвѣта послѣдняго отъ 1 января 1754 года: „что у г. совѣтника и профессора Ломоносова замѣчательный умъ и что у него особливое предъ прочими дарованіе, того не отвергаютъ и здѣшніе профессора и академики. Только они не могутъ сносить его высокомѣрія и тщеславія, что будто бы высказанныя имъ въ разсужденіи мысли новы и принадлежатъ ему. Въ этомъ они не хотятъ ему уступить, но полагаютъ, что означенныя мысли были высказаны другими прежде его. Въ особенности не намѣрены они простить ему, что въ своихъ примѣчаніяхъ онъ дерзнулъ нападать на мужей, прославившихся въ области наукъ. Однимъ словомъ, какъ здѣшніе, такъ и иноземцы вовсе недовольны поведеніемъ автора" [2]).

„Послѣ того, что вы сообщили мнѣ о г. Ломоносовѣ, я, отвѣчалъ на это Эйлеръ Шумахеру 23 февраля 1754 года, прочиталъ его сочиненіе и нигдѣ тамъ не могъ примѣтить, чтобы онъ презрительно писалъ о великихъ людяхъ; и такъ онъ безъ сомнѣнія на словахъ чаще грѣшилъ и тѣмъ огорчалъ своихъ сотоварищей. Но жалко въ особенности ради его прекрасныхъ дарованій, когда онъ допускаетъ увлекаться высокомѣріемъ" [3]).

Отвѣты Геинзіуса и Крафта, усердныхъ сторонниковъ Шумахера, должны были болѣе понравиться послѣднему, такъ-какъ въ нихъ похвалы дарованіямъ Ломоносова были умѣреннѣе, чѣмъ Эйлера, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказано болѣе сомнѣній и опроверженій на то, что доказывалъ Ломоносовъ [4]). 22 января

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 248, 249.
2) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 59, 60.
3) Билярскій, стр. 259.
4) Билярскій, стр. 252, 258.

1754 г. Шумахеръ писалъ къ Геинзіусу: „мнѣніе ваше касательно препровожденной статьи я велѣлъ перевести и послать въ Москву къ его сіятельству г. президенту. Оно сходится съ тѣмъ, что говорили здѣшніе профессора. Они соглашаются, что мысль г. автора хороша, но вовсе, вовсе не нова, такъ какъ г. Эйлеръ, а равно и г. Франклинъ высказывали ее. Гипотеза не есть еще доказанная истина, но г. авторъ хочетъ утверждать, что онъ первый ее высказалъ и что его система (теорія?) справедлива. При такихъ противорѣчіяхъ его сіятельство охотно желаетъ знать, кто изъ нихъ правъ. Что авторъ владѣетъ большими способностями, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но опасаются, чтобы ему не повредило его чрезвычайное тщеславіе...“

Между тѣмъ до Шумахера, вѣроятно, дошли слухи о жалобахъ на него со стороны Ломоносова, потому что онъ въ письмѣ отъ 3 февраля 1754 года къ Фелькнеру, который занимался письмоводствомъ при графѣ Разумовскомъ въ Москвѣ, писалъ: „Когда бы хотѣли поступать со мною справедливо и сообщили бы то, что г. Ломоносовъ передалъ противъ меня, то я бы могъ помочь ему во многихъ предметахъ, потому что dann man klopft den Mühlsack und meint den Esel (т. е. кошку бьютъ, невѣсткѣ навѣтки даютъ [1]).

По мнѣнію самого Ломоносова, въ его „рѣчи о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ, на основаніи открытаго, объясненнаго и доказаннаго низхожденія верхней (холодной) атмосферы въ нижнюю — найдено въ высшей степени удачное объясненіе внезапныхъ холодовъ, силъ громовыхъ, сѣверныхъ сіяній, украшенныхъ хвостами кометъ и т. д.“ [2]). Между тѣмъ въ дальнѣйшей судьбѣ этого произведенія, стоившаго автору столькихъ непріятностей и хлопотъ — все въ видахъ скорѣйшаго оглашенія наблюденій и догадокъ своихъ къ свѣдѣнію европейскихъ ученыхъ — любопытно то, что именно это произведеніе прошло незамѣченнымъ въ исторіи от-

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 60.

2) М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, г. Будиловича, 59.

крытій по части воздушнаго электричества, такъ что, наприм., о немъ упоминается только мимоходомъ по поводу наблюденій надъ сѣверными сіяніями, въ J. S. T. Gehler's Physikalisches Wörterbuch, VII, 156, 157, и пройдено вовсе молчаніемъ въ томъ же изданіи въ статьѣ Luftelektricität, (VI, erste Abtheilung), хотя какъ видѣли выше, у Гелера говорится, напр., обстоятельно объ анемометрѣ, изобрѣтенномъ Ломоносовымъ. Нѣкоторые изъ русскихъ ученыхъ, для объясненія такого умолчанія объ опытахъ и догадкахъ нашего академика о воздушномъ электричествѣ, ссылались на то обстоятельство, что помятое Слово будто бы напечатано только по русски; но видѣли выше, что одновременно съ русскимъ текстомъ рѣчи Ломоносова была издана она при Академіи наукъ и на латинскомъ языкѣ. Скорѣе это обстоятельство умолчанія о Ломоносовѣ въ исторіи электричества должно приписать тому, что его опыты и гипотезы изложены въ рѣчи, предназначавшейся для публики, а по принятому всюду обыкновенію, въ подобнаго рода произведеніяхъ никогда не ожидаютъ найти новыхъ какихъ либо открытій. Притомъ же эта рѣчь отпечатана была брошюрой въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и въ такомъ отдаленномъ городѣ, какъ Петербургъ. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, что она ускользнула отъ вниманія европейскихъ ученыхъ, которые занимались этимъ предметомъ, хотя они могли бы найти тамъ несомнѣнно любопытныя для науки извѣстія.

Первый изъ русскихъ ученыхъ, обратившій вниманіе на произведеніе Ломоносова, забытое въ продолженіе болѣе чѣмъ семидесяти лѣтъ, былъ академикъ Д. М. Перевощиковъ. Въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 12 января 1831 года, онъ читалъ „Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія: о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“ [1]). Тотъ же академикъ въ своемъ Руководствѣ къ опытной физикѣ (М., 1833 г.), на стр. 426, приводитъ мнѣніе Ломо-

1) Это Разсмотрѣніе было помѣщено: Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи москов. университета 1831 года, и кромѣ того перепечатано: въ Телескопѣ 1831 г., № 4, 486—513; въ Маякѣ, 1843 года, № 1.

носова, „который, доказавъ погруженіе верхнихъ слоевъ атмосферы въ нижнихъ ея слояхъ, болѣе нагрѣваемыхъ и потому болѣе разрѣженныхъ, нежели верхніе, думалъ, что электричество раждается отъ взаимнаго тренія различныхъ испареній, всегда наполняющихъ атмосферу. Хотя такое мнѣніе, прибавляетъ г. Перевощиковъ, не совсѣмъ удовлетворительно; однако до настоящаго времени не было лучшаго; и точная причина воздушнаго электричества оставалась неопредѣленною до новыхъ опытовъ Пулье....“

Профессоръ московскаго университета Михаилъ Спасскій въ своей рѣчи „Объ успѣхахъ метеорологіи“[1]), говоря объ открытіи Франклиномъ воздушнаго электричества въ 1752 г., прибавляетъ: „съ этимъ знаменитымъ въ наукѣ именемъ мы, русскіе, не безъ гордости можемъ поставить на ряду имя Ломоносова, который въ слѣдующемъ же году въ Словѣ своемъ о явленіяхъ воздушныхъ, кромѣ полной теоріи образованія грозовыхъ тучь, весьма замѣчательной — особенно для тогдашняго времени — высказалъ весьма много глубокихъ мыслей относительно всей метеорологіи. Изложенная имъ, во всей подробности, въ этомъ Словѣ смѣлая теорія погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній осталась неизвѣстною западнымъ ученымъ. При объясненіи важности въ метеорологическихъ явленіяхъ такъ называемыхъ восходящихъ потоковъ воздуха (courant ascendants) вся честь приписывается Соссюру (см. Dove — Meteorologische Untersuchungen, 1837) по той причинѣ, что Соссюръ изложилъ ее на основаніи непосредственныхъ своихъ наблюденій. Ломоносовъ въ основаніи своей теоріи совершенно вѣренъ природѣ и, еще прежде Соссюра, указалъ на значеніе этихъ потоковъ; но въ подробностяхъ изложенія, основываясь на весьма неточныхъ данныхъ и руководясь однимъ глазомѣромъ, который такъ много помогаетъ русскому уму въ нѣкоторыхъ случаяхъ, зашелъ слишко далеко. Такимъ образомъ онъ предполагаетъ, что температура воздуха на вы-

1) Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи московъ. университета 12 января 1851 г. (М., 1851 г.), стр. 15, 16.

сотѣ трехсотъ саженъ можетъ быть и дѣйствительно бываетъ 53-мя градусами по Реомюру (100 град. по дѣленію Делиля и Ломоносова) ниже температуры воздуха на поверхности земли. Изъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ Соссюромъ и послѣ него другими естествоиспытателями, теперь извѣстно, что пониженіе температуры съ возвышеніемъ въ атмосферу никогда не бываетъ такъ значительно; среднимъ числомъ можно принять, что съ возвышеніемъ на 100 саженъ температура понижается на 1° Р. Въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ пониженіе бываетъ вдвое быстрѣе, но при всемъ томъ никогда не бываетъ такъ значительно, какъ предполагаетъ Ломоносовъ...."

Въ статьѣ другаго профессора физики того-же университета г. Н. Любимова „Ломоносовъ какъ физикъ" сдѣлана обстоятельная оцѣнка трудовъ по этой науки нашего академика и притомъ, что очень важно, не упущено изъ виду современное Ломоносову состояніе науки, почему не представляется особенной трудности при сравненіи трудовъ нашего знаменитаго академика съ открытіями позднѣйшихъ ученыхъ. По словамъ г. Любимова, „Ломоносовъ жадно слѣдилъ за движеніемъ науки и вскорѣ послѣ того, какъ узналъ объ открытіи Франклина, рѣшился самъ повторить его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина, а во многихъ превышаетъ ее. Замѣчательно, что Ломоносовъ составилъ свои теоретическіе взгляды на атсмосферныя электрическія явленія, еще не читая классическихъ „писемъ Франклина", которыя попались ему подъ руку, когда уже бóльшая часть „Слова объ электричествѣ" была готова. Со свойственною ему воспріимчивостью, Ломоносовъ угадалъ, въ чемъ состоятъ главные вопросы въ области этого предмета и составилъ теорію, которая можетъ быть превышаетъ всѣ современныя ему понятія о воздушномъ электричествѣ.... Наблюденія Ломоносова надъ электричествомъ воздуха весьма любопытны. Замѣчательно, что Ломоносовъ часто наблюдалъ значительное электрическое напряженіе въ воздухѣ, когда не было и признаковъ грозы.

Фактъ этотъ замѣченъ имъ независимо отъ иностранныхъ наблюденій.... Ломоносовъ относитъ сѣверное сіяніе къ числу электрическихъ явленій атмосферы. Онъ объясняетъ это явленіе электричествомъ, возбуждаемымъ въ воздухѣ полярныхъ странъ отъ погруженія верхняго холоднаго воздуха въ нижній и скопляющимся въ самыхъ высшихъ слояхъ атсмосферы, гдѣ оно свѣтится какъ въ пространствѣ, въ которомъ разрѣженъ воздухъ. Ломоносовъ хотѣлъ найти связь между явленіемъ грозы и сѣвернымъ сіяніемъ, и пришелъ къ заключенію, что въ началѣ осени и въ концѣ лѣта обильнаго грозами, чаще бываютъ сѣверныя сіянія, нежели въ другое время. Впрочемъ выставляя во время сѣвернаго сіянія электрическій прутъ, онъ не замѣтилъ признака электричества. Упомянемъ еще, что, по мнѣнію Ломоносова, зарница принадлежитъ къ одному роду явленій съ сѣвернымъ сіяніемъ. Теорія сѣвернаго сіянія составлена Ломоносовымъ независимо отъ подобной же теоріи Франклина, которая имъ кратко выражена въ „письмахъ...“ Ломоносовъ относитъ хвосты кометъ и зодіакальный свѣтъ также къ электрическимъ явленіямъ. Въ его эпоху многіе ученые (въ числѣ прочихъ Меранъ и Эйлеръ) видѣли въ сѣверномъ сіяніи связь съ зодіакальнымъ свѣтомъ и хвостами кометъ. Но ихъ объясненія сѣвернаго сіянія ниже объясненій Ломоносова...“ [1])

Въ то самое время, какъ Ломоносову приходилось въ Академіи защищать и доказывать новость своихъ мыслей касательно воздушнаго электричества, въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ явились также у него враги, и противъ нихъ-то вызывалъ И. Шуваловъ ратовать Ломоносова, конечно, въ видахъ позабавиться литературною схваткою и писательскимъ задоромъ.

Въ описываемую эпоху при дворѣ Елисаветы уже успѣли образоваться двѣ партіи, одна, болѣе многочисленная и сильная, держалась такъ называвшагося тогда стараго двора, ко-

1) Сборникъ разсужденій, озаглавленный: Въ воспоминаніе 12 января 1855 года. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей московскаго университета (М., 1855), 20—25.

торый находился вполнѣ въ распоряженіи Шуваловыхъ; другая, менѣе значительная, состояла изъ приверженцевъ великой княгини Екатерины Алексѣевны и считала своими покровителями графовъ Разумовскихъ. При чтеніи тогдашнихъ записокъ и частныхъ писемъ, не трудно замѣтить антагонизмъ между обѣими этими партіями и не только между главными ихъ предводителями, но и лицами далеко второстепенными. Вслѣдствіе ли моды, или дѣйствительно была тогда потребность въ меценатствѣ, только и у Шуваловыхъ, и у Разумовскихъ были свои поэты, которымъ они спеціально покровительствовали. Первые выпрашивали милости Ломоносову, вторые восхищались и держали въ милости Сумарокова. Само собою разумѣется, что наши писатели, въ подражаніе своимъ знатнымъ покровителямъ, терпѣть не могли другъ друга; у каждаго изъ нихъ были свои почитатели изъ незначительныхъ писателей, которые въ свою очередь также враждовали между собою по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. Изъ старческихъ воспоминаній И. Шувалова, разсказывавшаго съ простодушнымъ цинизмомъ какъ онъ потѣшался, стравливая Ломоносова съ Сумароковымъ, можно легко понять, что эти литературныя перепалки служили времяпрепровожденіемъ для знатныхъ того времени, и потому они сами нарочно подзадоривали воюющихъ.

Въ письмѣ къ И. Шувалову, 16 октября 1753 года, Ломоносовъ прямо начинаетъ съ того, что онъ рѣшается „учинить отпоръ“ своимъ ненавистникамъ и зоиламъ „въ исполненіе приказанія“, убѣжденій и неоднократно объявленной воли Шувалова. „Они, пишетъ далѣе Ломоносовъ о своихъ врагахъ, стихи мои осуждаютъ и находятъ въ нихъ надутыя изображенія для того, что они самихъ великихъ древнихъ и новыхъ стихотворцевъ высокопарныя мысли, похвальныя во всѣ вѣки и отъ всѣхъ народовъ почитаемыя, унизить хотятъ.... Я весьма не удивляюсь, что онъ (зоилъ) въ моихъ одахъ ни Пиндара, ни Малгебра не находитъ: для того, что онъ ихъ не знаетъ и говорить съ ними не умѣетъ, не разумѣя ни по гречески, ни по французски. Не къ поношенію его говорю, но хотя ему доброе совѣтовать за его ко мнѣ усердіе, чтобы хотя одному поучился.

Заключая сіе, увѣряю ваше превосходительство, что я съ Перфильевичемъ переписываться никогда намѣренъ не былъ, и нынѣ, равно какъ прежде сего пародію его на Тамиру, всѣ противъ меня намѣренія и движенія пропустилъ бы я безпристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія, какъ похвалу отъ его учителя безъ честолюбиваго услажденія, если бы я не опасался произвести въ васъ неудовольствіе ослушаніемъ. Но и еще притомъ прошу, ежели возможно, удовольствоваться тѣмъ, что сочинилъ г. Поповскій, почетшій за свою должность по справедливости, что Перфильевичъ здѣсь несправедливо присвояетъ. Данный мнѣ отъ него титулъ никогда бы я не оставилъ въ его стихахъ, если бы я хвастовствомъ моихъ завистниковъ не принужденъ былъ разсудить, что тѣмъ именемъ нынѣ ученику меня назвать можно, которымъ меня за двадцать лѣтъ учители мои называли....“ [1])

Подъ именемъ Перфильевича здѣсь разумѣется Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, сторонникъ гр. Разумовскихъ, такъ обращавшійся къ Сумарокову въ своей Сатирѣ на петиметровъ:

Открытель таинства любовныя намъ лиры,
Творецъ преславныя и пышныя Семиры,
Изъ мозгу рождшія богини мудрый сынъ,
Наперсникъ Буаловъ, россійскій нашъ Расинъ,
Защитникъ истины, гонитель, бичь пороковъ
Благій учитель мой, скажи, о Сумароковъ,
Гдѣ риѳмы ты берешь, ты мнѣ не объявилъ,
Хоть къ стихотворству мнѣ охоту въ сердце влилъ?

Въ этомъ стихотвореніи, при описаніи петиметра и между разными насмѣшками надъ нимъ, попадаются только два стиха, въ которыхъ видно намѣреніе задѣть стихотворца за неудачную риѳму:

Или какъ нашъ поэтъ, вписавъ въ свой стихъ Россію
Любуется сыскать къ ней риѳмою Индію.

Ломоносовъ не могъ не принять этихъ стиховъ на свой счетъ, такъ какъ у него въ одѣ на возшествіе на престолъ

1) Сочиненія Ломоносова, изданныя А. Смирдинымъ, I, 684, 685; Записки Академіи Наукъ, I, приложеніе № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, изд. г. Я. Гротомъ стр. 24.

Елисаветы, поднесенной 25 ноября 1747 года (о ней см. выше, стр. 375—377) есть, между прочимъ:

Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

За такое напоминаніе кто-то подбилъ Ломоносова ополчиться на Елагина, что онъ сдѣлалъ и — надо сознаться — не безъ успѣха въ слѣдующемъ письмѣ: „Милостивый государь. По желанію вашему все, что въ моей силѣ состоитъ, готовъ исполнить, и токмо одного избавленъ быть прошу, чтобы не мнѣ вступать ни въ какіе критическіе споры. Въ присланномъ Елагина письмѣ къ Сумарокову, онъ употребленную риѳму: *Россія, Индія*, на смѣхъ въ примѣръ поставилъ. Я подлинно знаю, что сія риѳма также не хороша, какъ извѣстная вамъ у Расина, и для того Елагинъ лжетъ, что онъ ею любовался.

„Много бы я могъ показать бѣдности его мелкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такого человѣка, который уже больше десяти лѣтъ стихи кропать началъ, и по нынѣ, какъ изъ прилагаемыхъ строчекъ видно, стихотворческой мѣры и стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображеній и надлежащимъ образомъ употребленія похвалъ и примѣровъ. Сіе особливо сожалительно объ Александрѣ Петровичѣ, что онъ, хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелѣпо выбранилъ. Въ первой строчкѣ почитаетъ Елагинъ за таинство, какъ дѣлать любовныя пѣсни, чего себѣ Александръ Петровичъ, какъ священнотайнику приписать не позволитъ и Паномъ пѣсеннымъ назвать себя не допуститъ. *Семира пышная*, т. е. надутая, ему непріятное имя, да и неправда, затѣмъ что она больше нѣжная. *Рожденная изъ мозгу богини сыномъ*, т. е. мозговымъ внукомъ, не чаю, чтобъ Александръ Петровичъ хотѣлъ назваться; особливо, что нѣтъ къ тому никакой дороги. Минерва трагедій и любовныхъ пѣсенъ никогда не сочиняла; она богиня философіи, математики и художествъ, въ которыя Александръ Петровичъ, какъ человѣкъ справедливый, никогда

не вклеплется, и думаю, когда онъ услышитъ, что Перфильевичъ на него взводитъ, то истинно у нихъ до войны дойдетъ, несмотря на панегирикъ. *Наперсникомъ Буаловымъ* назвать Александра Петровича несправедливое дѣло. Кто бы Расина назвалъ Буаловымъ наперсникомъ, то-есть его любимымъ прислужникомъ, то бы онъ едва вытерпѣлъ: дивно, что Александръ Петровичъ сноситъ. Кажется сверстать его съ Александромъ Петровичемъ истинная обида. *Россійскимъ Расиномъ* Александръ Петровичъ по справедливости названъ, за тѣмъ, что онъ его не токмо половину перевелъ въ своихъ трагедіяхъ по русски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевичъ, называя его защитникомъ истины, даетъ ему титулъ больше, нежели короля англійскаго: онъ пишется защитникомъ вѣры, но право или нѣтъ, о томъ сомнѣваться позволено. Александръ Петровичъ защитникъ истины? Великъ человѣкъ, ежели Перфильевичъ про него не такъ солгалъ, какъ о риѳмѣ *Россія — Индія,* будто онъ ею любуется. Дважды поноситъ онъ своего благаго учителя явно, въ третій ругательски хвалитъ: поноситъ первое, что учитъ его яко-бы скрытно, не показывая, откуда беретъ риѳмы, и будто бы отъ него хочетъ посуловъ; второе, яко бы все стихотворческое искусство Александра Петровича состояло въ пріисканіи скоромъ риѳмъ, несмотря на мысли, въ чемъ я самъ спорю и подтверждаю его же, Елагина, словомъ, что Александръ Петровичъ, ищучи риѳмъ, самъ не ломается, но, какъ человѣкъ осторожный, лучше вмѣсто себя ломаетъ языкъ россійской, правда хотя не вездѣ, однако не рѣдко. Наконецъ ругательскій титулъ: *благій учитель! Благій* по славянски *добрый* знаменуетъ и точному разумѣнію писаться надлежитъ до Божества, какъ оное свидѣтельствуетъ: *никто же благъ токмо единъ Богъ.* Я не сомнѣваюсь, что Александръ Петровичъ боготворить такимъ образомъ себя не позволитъ. И такъ одно нынѣшнее россійское осталось знаменованіе: *благой* или *блаженной:* нестерпимая обида! однако еще несноснѣе, что онъ, Аполлона столкавъ съ Парнасса, хочетъ музъ отдать въ послушаніе Александра Петровича, или по его мнѣнію, без-

стыдному мщенію уже отдалъ, думая, что музы безъ Сумарокова никому ничего дать не могутъ" [1]).

Впрочемъ, литературная перепалка, возбужденная сатирою Елагина, не ограничилась этимъ письмомъ и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ сохранилось нѣсколько эпиграммъ за и противъ Ломоносова. Одна изъ нихъ несомнѣнно принадлежитъ ему самому [2]) и заключается въ слѣдующихъ стихахъ:

Златой младыхъ людей и безпечальной вѣкъ,
Кто хочетъ огорчить, тотъ самъ не человѣкъ.
Такого въ наши дни мы видимъ Балабана,
Безсильнаго младыхъ и глупаго тирана,
Которой полюбить все право потерялъ,
И для ради того противъ любви возсталъ.
Но вы, красавицы, того не опасайтесь:
Вы вѣкомъ пользуйтесь и грубостью ругайтесь,
И знайте, что чего теперь не смѣетъ самъ,
То хочетъ запретить ругательствами вамъ.
Обиду вы свою напрасную отмстите
И глупому въ глаза насмѣшнику скажите:
Не смѣйся, Балабанъ, смотря на нашъ нарядъ,
И къ намъ не подходи: ты, Балабанъ, женатъ.
Мы помнимъ, какъ ты самъ хоть вѣдалъ передъ бракомъ,
Что будешь подлинно на перву ночь свякомъ;
Что будешь вотчимъ слыть, на дѣвушкѣ женясь,
Или отецъ княжнѣ, самъ будучи не князь.
Ты все то вѣдая, старался дни и ночи
Наряды прибирать сверхъ бѣдности и мочи.
Но естьлибъ чистой былъ Діянѣ милъ твой взглядъ,
И былъ бы, Балабанъ, ты сверхъ того женатъ;
То бъ ты, на пудрѣ спалъ и ѣлъ всегда помаду,
На бѣса бъ былъ похожъ и съ переду и съ заду.
Тогда бъ передъ тобой и самой вертопрахъ
Какъ важной былъ Катонъ у всякаго въ глазахъ.
Вы все то, не стыдясь, скажите Балабану:
Чтобъ васъ язвить забылъ, свою лѣчилъ бы рану

Въ отвѣтной эпиграммѣ не менѣе безцеремонно разобла-

---

1) Сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдина, I, 708—711.

2) Эта эпиграмма напечатана въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., № 15, 455, 456, но по испорченному списку; здѣсь же списана съ собственноручной Ломоносовской рукописи, переданной въ Академію Наукъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми его письмами П. Мухановымъ.

чается, что авторъ предыдущей считался Ломоносовъ, который здѣсь является подъ именемъ Телелѣя,

Огромнаго враля и глупаго халуя,
Который Гинтера и многихъ обокралъ,
И мысли ихъ писавъ, народъ нашъ удивлялъ.
. . . .
Онъ, знатно, что тогда шумёнъ былъ отъ вина;
Бросаться жъ на людей — страсть пьяницы всегда.
Обидѣ то твоей довольно будетъ мщенья,
Когда ты лай его забудешь отъ презрѣнья,
И слугъ твоихъ созвавъ одной породы съ нимъ,
Подъ штрафомъ учинишь заказъ крѣпчайшій имъ,
Похабствомъ чтобъ такимъ они не навыкали
И скареднымъ словамъ полъ женскъ не поучали.

Въ отвѣтъ на эту эпиграмму явилась новая, съ подписью Л., въ которой сейчасъ приведенное стихотвореніе приписано какому-то Сукину. Эта фамилія дала поводъ къ такому немудрому сближенію:

Но кто бы это былъ, чтобъ вздоръ такой навралъ,
Балабановъ однихъ листъ цѣлый намаралъ?
Теперь я дознаюсь, кто толь нестройно вретъ,
Конечно — это онъ, что Сукинъ сынъ слыветъ!

Есть и еще нѣсколько подобныхъ эпиграммъ — все по случаю сатиры Егагина на петиметра, но въ нихъ нѣтъ уже рѣчи о Ломоносовѣ[1]).

Обычныя порученія Ломоносову по составленіи надписей и описаній иллюминацій случались и въ 1753 году. 22 января того года академическому собранію вмѣнено было въ обязанность сочинить надписи къ статуѣ императрицѣ на конѣ, что и было исполнено Ломоносовымъ 5 марта[2]). Двѣ надписи его „на конное литое изъ мѣди изображеніе ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Петровны въ амазонскомъ уборѣ“ въ первый разъ напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, Москва, 1757 г., I, 183. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года нашъ писатель вмѣстѣ съ своими товарищами по Академіи

1) Библіографическія Записки, 1859 г., № 15, 451—460.

2) Билярскій, стр. 200.

Штелинымъ и Поповымъ сочинилъ надпись къ плану Петербурга[1]). Что касается до описаній иллюминацій, то они помѣщены въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ, стр. 192, 193, 201, 202, 208, 209, 217, 218.

15 декабря 1753 года канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи просила напечатать чертежъ и описаніе фейерверка, приготовленнаго „по идеи коллежскаго совѣтника и профессора Ломоносова". Тогда академическая канцелярія распорядилась, чтобы Модерахъ приготовилъ въ одни сутки переводъ описанія на нѣмецкій языкъ. Чертежъ долженъ былъ вырѣзать на мѣди мастеръ И. Соколовъ. По переводѣ Модерахомъ описанія, оно было напечатано на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ количествѣ 550 экземпляровъ, изъ нихъ 500 сданы были 27 декабря въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи, съ которой за нихъ требовалось 322 руб. 44 коп. При современномъ дѣлѣ сохранились гравюра и рисунокъ фейерверка съ надписью: „Изображеніе иллуминаціи и фейэрверка, которые представлены были предъ новопостроеннымъ ея императорскаго величества зимнимъ домомъ въ новой 1754 годъ въ Москвѣ". Внизу на правой сторонѣ значится: „По изобрѣтенію г. совѣтника и профессора Ломоносова"; а съ лѣвой — „сочинялъ оберъ-фейэрверкеръ Матвѣй Мартыновъ". Кромѣ того, есть и собственноручная подпись: Михайла Ломоносовъ[1]). Что касается до стиховъ: Надпись на новый 1754 годъ, гдѣ время уподобляется великому зданію, то они были напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, (Москва, 1757) I, 174, 175. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ одна отмѣна: во 11-мъ стихѣ вм. бодрый — добрый духъ.

Къ 1753 или 1754 году относится одно небольшое стихо-

---

1) Вотъ ломоносовская надпись, написанная его рукою (II, книга № 178):

Августѣйшей императрицѣ
Елисаветѣ
щедрой
отеческаго града
расширительницѣ
великодушной
наукъ и художествъ
покровительницѣ
любовь, вѣрность
усердіе и благодарность
въ честь и славу
посвящаетъ.
Михайло Ломоносовъ.

2) II, книга № 184.

твореніе Ломоносова, для объясненія котораго необходимо сообщить нѣсколько извѣстій, касающихся исторіи музыки въ Россіи елисаветинскихъ временъ. Бывшій гофмаршалъ двора Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ, въ 1751 году пожалованный въ оберъ-егермейстеры, принялся тотчасъ же за улучшенія по придворной охотѣ. Между прочимъ ему пришло въ голову усовершенствовать тогдашюю грубую и весьма непріятную охотничью музыку. Русскіе охотники изстари не знали другаго музыкальнаго инструмента кромѣ первобытной мѣдной валторны въ видѣ прямаго или нѣсколько согнутаго въ дугу конуса. Всѣ эти охотничьи рога дѣлались по одной мѣркѣ и одинаковаго размѣра, стало быть имѣли они одинъ звукъ, и когда на охотѣ десять или болѣе охотниковъ бывало затрубятъ въ свои рога, то такой усугубленный, ревущій звукъ былъ конечно довольно силенъ, чтобы произвести потрясающій звукъ въ лѣсу и цѣлой странѣ и тѣмъ поднять или спугнуть дичь. Оберъ-егермейстеру удалось уничтожить непріятное впечатлѣніе такой музыки при содѣйствіи одного очень даровитаго придворнаго валторниста и скрыпача Мареча, родомъ чеха. Достигли этого отчасти сохраненіемъ прежнихъ роговъ, отчасти же увеличеніемъ или уменьшеніемъ размѣра ихъ. Маречъ велѣлъ изготовить 37 русскихъ роговъ разныхъ величинъ и ширины, отчего составилось три полныя октавы. Послѣ уже было 49 роговъ и, слѣдовательно, четыре полныя октавы. Каждый такой рогъ имѣлъ свой собственный звукъ, но музыкантъ, на немъ трубившій, не могъ производить никакого другаго кромѣ этого звука. При исполненіи музыкальной пьесы, состоявшей изъ нераздѣльныхъ звуковъ, трубачъ только выжидалъ мгновенія, когда въ дошедшую до него очередь, ему слѣдовало протрубить изъ рога свойственный ему звукъ. Соблюденіе именно этого мгновенія долженствовало быть главнымъ предметомъ изученія. По этому каждый музыкантъ по предписанію, означенному на листкѣ, считалъ прочіе звуки пока не доходилъ до него чередъ трубить. Когда каждый считалъ точно и во время издавалъ звукъ, то выходили предписанные и раздѣленные между разными исполнителями звуки пьесы послѣдовательно и стало быть

сама пьеса съ свойственною ей мелодіею. Первое обученіе требовало много усилій, но они были вознаграждены превосходнымъ, совершенно особеннымъ и неожиданнымъ впечатлѣніемъ, котораго не производили никакіе другіе инструменты. Въ 1753 году въ первый разъ была услышана роговая русская музыка въ полѣ передъ дворцомъ въ Измайловѣ не подалеку отъ Москвы. Она возбудила изумленіе двора и иностранныхъ министровъ. Потомъ ее часто заставляли играть въ Петербургѣ особенно въ звѣринцѣ около Царскаго села. Иногда въ жаркіе лѣтніе вечера эта музыка слышилась съ придворныхъ шлюпокъ, катавшихся по Невѣ, и далеко раздававшіеся звуки ея возбуждали, по свидѣтельству современника, удивительно пріятное ощущеніе[1]).

Ломоносовъ написалъ „На изобрѣтеніе роговой музыки" слѣдующіе стихи:

Ловцовъ и пастуховъ межъ селами отрада,
Одни ловятъ звѣрей, другіе смотрятъ стада.
Охотникъ въ рогъ реветъ, пастухъ свиститъ въ свирѣль,
Тревожитъ оный Нимфъ; пріятна тиха трель.
Тамъ шумный песій ревъ; а здѣсь у тихой рѣчки
Молоденьки блѣютъ по матери овечки.
Здѣсь нѣжность и покой, здѣсь царствуетъ любовь,
Охотнической шумъ, какъ Марсовъ, движетъ кровь.
Но нынѣ къ обоимъ вы, Нимфы, собирайтесь
И равно обоей музыкой услаждайтесь.
Что было грубости въ охотничьихъ трубахъ,
Нарышкинъ умягчилъ при нашихъ берегахъ;
Чего и дикія животны убѣгали
Въ томъ слухи нѣжные пріятности сыскали.

Въ теченіе 1754 года Ломоносовъ нѣсколько разъ переписывался съ знаменитымъ Эйлеромъ[2]). Похвалы послѣдняго въ

---

1) J. von Stählen's Nachrichten von der Musik in Russland, помѣщенныя въ J. Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland, II, 116—122.

2) Что касается до общаго обзора ученыхъ занятій Ломоносова въ 1754 году, то онъ самъ оставилъ о томъ такія извѣстія: «Въ химіи: 1) сдѣланные разные опыты химическіе, которые содержатся въ журналѣ сего года на сорока шести листахъ; 2) повтореніемъ повѣрены физико-химическія таблицы, прошлаго года сочиненныя. Въ физикѣ: 1) изобрѣтены нѣкоторые способы къ сысканію долготы и широты на морѣ при мрачномъ небѣ;

письмахъ къ Шумахеру и въ Акедемію наукъ по поводу Слова его о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ (выше стр. 526—528), побудили Ломоносова отвѣчать знаменитому математику. Въ письмѣ его отъ $\frac{12}{23}$ февраля 1754 года, нашъ академикъ сначала объявляетъ, что перерывъ переписки между ними произошелъ отъ случайнаго обстоятельства и разныхъ занятій: три года предавался онъ изслѣдованіямъ о цвѣтахъ; имъ было сдѣлано почти три тысячи опытовъ для производства цвѣтныхъ стеколъ и для усовершенствованія мозаичнаго искусства. Послѣ того онъ сдѣлалъ образчикъ мозаики — образъ Богородицы, который поднесъ императрицѣ въ 1752 году въ день ея именинъ. Это понравилось, и ему дана была привилегія на устройство стекляннаго завода. „Потомъ, продолжаетъ Ломоносовъ, щедроты монархини много превзошли мои надежды и мои заслуги, понеже 16 марта 1753 г. всемилостивѣйшая императрица пожаловала мнѣ въ Ингріи 226 крестьянъ съ тысячью десятинами земли, на которой имѣется довольно полей, луговъ, рыбныхъ ловель и лѣса въ изобиліи. Четыре у меня деревни, изъ которыхъ ближайшая въ 64, а отдаленнѣйшая въ 80 верстахъ отстоятъ отъ Петербурга. Имѣніе прилегаетъ къ морю, и тамъ протекаетъ рѣчка, при которой, кромѣ дома и стекляннаго завода, уже построен-

---

въ практикѣ изслѣдовать сего безъ адмиралтейства не возможно; 2) дѣланы опыты метеорологическіе надъ водою, изъ Сѣвернаго океана привезенною, въ какомъ градусѣ мороза она замерзнуть можетъ. Притомъ были разные химическіе растворы морожены для сравненія; 3) дѣланы опыты при пильной мельницѣ въ деревнѣ, какъ текущая по наклоненію вода теченіе свое ускорлетъ, и какою силою бьетъ; 4) дѣлалъ опытъ машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять съ собою маленькой термометръ, дабы узнать градусъ теплоты на вышинѣ, которая хотя слишкомъ на два золотника облегчалась, однако къ желаемому концу не приведена. Въ исторіи: сочиненъ опытъ исторіи словенскаго народа до Рурика; дедикація; вступленіе; глава 1, о старобытныхъ жителяхъ въ Россіи; глава 2, о величествѣ и поколѣніяхъ словенскаго народа; глава 3, о древности словенскаго народа, всего 8 листовъ. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ оду на рожденіе государя великаго князя Павла Петровича; 2) изобрѣлъ фейерверкъ, который былъ представленъ на новый 1754 годъ и стихи сдѣлалъ. Также дѣлалъ проекты на иллюминаціи и фейерверки къ 25 апрѣля, къ 5 сентября и къ 25 ноября. (Билярскій, стр. 279, 280.)

ныхъ, возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; на верьху ея будетъ устроена самопишущая метеорологическая обсерваторія, описаніе которой, при помощи Божіей, предамъ публично на обсужденіе будущимъ лѣтомъ...." Затѣмъ Ломоносовъ въ томъ же письмѣ къ Эйлеру говоритъ, что все это мѣшаетъ его ученой перепискѣ; при томъ же онъ не только исправляетъ обязанности поэта, оратора, химика и физика, но сдѣлался и историкомъ, къ чему вызвала его сама императрица въ бытность его въ Москвѣ [1]).

Эйлеръ отвѣчалъ Ломоносову (30 марта 1754 года), что онъ всегда удивлялся счастливому уму Ломоносова, который преуспѣваетъ въ разнаго рода наукахъ и съ особенною удачею объясняетъ теоретически явленія природы; за тѣмъ слѣдуютъ поздравленія съ монаршею милостью и пожеланія здоровья и силъ на продолженіе подъятыхъ трудовъ. Послѣ такого приступа, Эйлеръ излагаетъ въ письмѣ чисто научныя соображенія относительно свойствъ цвѣтовъ и заканчиваетъ опять похвалами Ломоносову: „всеконечно, говоритъ онъ, достойно васъ, что вы въ состояніи придатъ стеклу всевозможные цвѣта. Наши химики это изобрѣтеніе считаютъ за великое дѣло..." [2])

Въ 1754-мъ же году Ломоносову пришлось обратиться къ Эйлеру съ ходатайствомъ по дѣлу, касавшемуся огорченнаго самолюбія перваго, какъ писателя. Два года спустя по выходѣ въ свѣтъ перваго тома Novi Commentarii Academiae scientiarum petropolitanae, вдругъ стали появляться въ разныхъ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ разборы помѣщенныхъ въ названныхъ Комментаріяхъ статей Ломоносова (о нихъ говорено выше, стр. 445—452), разборы, направленные противъ автора и писанные съ желаніемъ задѣть его авторское самолюбіе [3]).

1) Билярскій, стр. 779—781.

2) Билярскій (стр. 263), не отыскалъ этого письма Эйлера; отрывокъ изъ него съ переводомъ Ломоносова въ Дополнительныхъ извѣстіяхъ для біографіи его (Спб., 1865), 96; такъ какъ письмо не было вполнѣ напечатано и заключаетъ отзывы о трудахъ Ломоносова, то оно помѣщено здѣсь въ приложеніи VII.

3) Заграничныя изданія, въ которыхъ разбирались статьи Ломоносова были: Comentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis, Lipsiae; Vogels's Medicinische Bibliothek; Hamburgisches Magazin. Подробности о

Въ академическомъ засѣданіи 22 августа 1754 года, Ломоносовъ заявилъ сочленамъ, что одинъ изъ его критиковъ, напечатавшій разборъ въ лейпцигскомъ изданіи, дурно понялъ его и приписалъ ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими, почему нашъ академикъ намѣревался напечатать антикритику. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкій магистръ Іоганнъ-Христофъ Арнольдъ, для полученія мѣста доцента въ эрлангенскомъ университетѣ, защищалъ диссертацію, написанную именно съ цѣлью опровергнуть гипотезу, придуманную Ломоносовымъ для объясненія теплоты. Въ одной, позднѣйшей своей запискѣ (1761 года) Ломоносовъ прямо высказалъ, что давній врагъ его, исторіографъ Мюллеръ подущалъ изъ Петербурга къ сочиненію на Ломоносова критикъ за границей. „И многія причины къ подозрѣнію имѣю, писалъ послѣдній, что по отпискамъ Мюллера внесены обо мнѣ неправедныя разсужденія въ ученыхъ вѣдомостяхъ: студента Арнольда старался сюда выписать академикомъ, чтобы мнѣ и здѣсь былъ соперникомъ за тѣмъ, что онъ писалъ противъ моей теоріи о теплотѣ и стужѣ“. Конечно, нѣкоторыя изъ подобныхъ обвиненій Ломоносова противъ его личныхъ враговъ, какъ писанныя сгоряча и подъ вліяніемъ враждебнаго увлеченія, впослѣдствіи, при повѣркѣ съ другими современными источниками, иногда не оправдывались на дѣлѣ; но тѣмъ не менѣе эти постоянные хлопоты Шумахера, а потомъ Мюллера сообщать какъ можно скорѣе всѣ статьи Ломоносова къ заграничнымъ ученымъ съ прибавленіемъ, что авторъ ихъ хвастается новыми открытіями своими, такіе хлопоты предпринимались конечно не въ видахъ распространенія извѣстности Ломоносова въ Европѣ, а съ затаенною мыслію получать изъ Германіи неблагопріятные отзывы, чтобы потомъ колоть самолюбіе, дѣйствительно не малое нашего академика. Напомнимъ при этомъ, что въ 1754 году враждебныя отношенія къ Ломоносову его сочленовъ изъ чужеземцовъ выражались не только въ подущеніяхъ нѣмецкихъ ученыхъ

критикахъ ломоносовскихъ статей и его отвѣтахъ можно читать въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ, изданнымъ г. академикомъ Куникомъ (Спб., 1865), II, 502—530.

писать неодобрительные противъ него разборы, но и въ сочиненіи стихотворныхъ сатиръ. Одно изъ такихъ произведеній уцѣлѣло до нашихъ дней, озаглавлено Bänckel-Sänger Lied auf Lomonosoff, съ обозначеніемъ іюля 1754 г. Какъ бы нарочно для указанія связи между этою пѣснію и Академіею или покрайней той части ея, которая была враждебна Ломоносову, сказано, что напѣвъ ея взятъ изъ мелодія профессора Геинзіуса, бывшаго нѣкоторое время членомъ нашей Академіи. Въ пѣсни разсказано довольно грубо и съ притязаніемъ, впрочемъ нисколько неудавшемся, на остроуміе, жизнь Ломоносова, именно: что онъ пилъ водку, съекшался съ дочерью портнаго, былъ битъ вербовщиками въ Везелѣ, а по возвращеніи въ Россію „ругаетъ все то, что не имъ придумано, а сдѣлано кѣмъ нибудь прежде него“. Въ послѣднемъ куплетѣ авторъ пѣсни хотѣлъ возвысить Сумарокова надъ Ломоносовымъ, но опять неудачно: „подобно Марсіасу, онъ охотно бы опозорилъ Сумарокова, въ награду за его смѣлое изобрѣтеніе просодіи по нѣмецкому образцу (?!). Онъ не оставляетъ въ покоѣ и безчеститъ Эйлера, Лейбница и даже Ньютона[1])“.

Ломоносовъ, послѣ полученія извѣстія о нападкахъ противъ него Арнольда, написалъ антикритику и послалъ ее къ Эйлеру при письмѣ отъ 28 ноября 1754 года. Здѣсь, говоря о нападкахъ на него въ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ, нашъ академикъ также объяснялъ: „Все это заставляетъ меня не безъ причины подозрѣвать, что тутъ кроется змѣя подъ травою и

1) Русскій Архивъ, изд. г. П. Бартеньевымъ, 1865 г., 87—90. По словамъ г. Погодина нѣмецкіе стихи писаны рукою академика Штелина; ср. тамъ же, стр. 517. Билярскій, стр. 786, думалъ, что найденное имъ въ одномъ старинномъ реестрѣ заглавіе бумаги «Доказательство о подкинутомъ письмѣ совѣтнику г. Ломоносову черное и бѣлое» относится къ этому нѣмецкому стихотворенію; но это невѣрно: вышеписанное заглавіе относится къ запискѣ Теплова, сохраняющейся донынѣ въ черновомъ и бѣловомъ экземплярахъ. Въ этой запискѣ Тепловъ доказываетъ, что подкинутое въ октябрѣ 1755 г. къ Ломоносову «пасквильное письмо содержитъ въ себѣ подъ видомъ критики на нѣкоторыя сочиненія жалобы великія на г. Академіи президента, злодѣйскія ругательства совѣтнику Теплову, полковнику Сумарокову, профессору Мюллеру и напослѣдокъ на всѣхъ чужестранныхъ, въ Академіи служащихъ, злобную клевету». Объ этой запискѣ говорено выше въ жизнеописаніи Тредіаковскаго, стр. 188—199.

что столь незаслуженныя и оскорбительныя клеветы распространяются коварствомъ какого-то заклятаго моего врага. И такъ, если вы, по своей благосклонности, не погнушаетесь помочь мнѣ, я нахожу самымъ удобнымъ къ тому способомъ, чтобы приложенное здѣсь опроверженіе (которое предоставляю на вашъ произволъ измѣнить и, можетъ-быть, смягчить), по напечатаніи его, было защищено гласно студентомъ какого либо университета, (какъ въ Эрлангенѣ былъ противъ меня диспутъ Арнольда); послѣ же можно будетъ помѣстить въ ученомъ журналѣ разборъ этого труда противъ враждебныхъ нападеній. Издержки на печатаніе мною будутъ сполна возвращены. Впрочемъ настоящее возраженіе мое можетъ быть издано и въ формѣ программы подъ чужимъ именемъ. Между тѣмъ предупреждаю васъ, что здѣсь въ Петербургѣ никто не знаетъ и знать не будетъ объ этихъ предположеніяхъ моихъ: почему и васъ покорнѣйше прошу, чтобъ все это было исполнено втайнѣ. Подозрѣваю, что и здѣсь принимаютъ немаловажное участіе въ нанесеніи мнѣ такого оскорбленія".

Эйлеръ, по полученіи этого письма, писалъ, 31 декабря 1754 года, къ Мюллеру, что онъ уже привыкъ къ подобнымъ нападкамъ лейпцигскихъ и гамбургскихъ рецензентовъ: „волноваться изъ-за этихъ людей—значило бы тратить по пустому время, тѣмъ болѣе, что они еще чванятся, когда видятъ, что на нихъ досадуютъ..." Въ слѣдующемъ году, 11 февраля, Эйлеръ отвѣчалъ и самому Ломоносову. За описаніемъ недобросовѣстности и наглости критиковъ, слѣдуетъ: „наша (берлинская) Академія сама испытала это: ея мемуары критиковались подобными писателями, между которыми первенствуетъ лейпцигскій профессоръ Кестнеръ, какъ бы руководящій всѣми литературными извѣстіями Лейпцига, Геттингена и Гамбурга.... Кто смотритъ на вещи не поверхностно и знаетъ имъ цѣну, тотъ не долженъ принимать къ сердцу сужденія, столь пустыя и противныя очевидности. Всякой знаетъ, что появившіеся до сихъ поръ физическіе трактаты о причинахъ тепла еще не разъяснили вполнѣ этого предмета, и занимающіеся его изслѣдованіемъ заслуживаютъ величайшей похвалы. Васъ, милости-

вый государь, нельзя не благодарить за то, что вы разсѣяли мракъ, покрывавшій доселѣ этотъ вопросъ". Далѣе Эйлеръ увѣдомлялъ, что возраженія Ломоносова будутъ напечатаны Формеемъ въ Nouvelle bibliothèque germanique.

Ломоносовъ, довольный хвалами Эйлера и при томъ желая воспользоваться его письмомъ для показанія неправоты своихъ враговъ, поспѣшилъ напечатать его во французскомъ переводѣ (подлинникъ былъ написанъ по нѣмецки и хранится въ архивѣ академической конференціи) въ журналѣ Le Caméléon littéraire, издававшемся въ Петербургѣ въ 1755 г., вѣроятно по желанію И. Шувалова состоявшимъ при немъ нѣкіимъ де Люсси. Такое оглашеніе частнаго письма было сдѣлано вопреки обыкновенія и безъ испрошенія предварительнаго на то согласія автора письма, который остался тѣмъ очень недоволенъ. „Впередъ, когда мнѣ, сообщалъ по этому случаю Эйлеръ къ Шумахеру, случится писать къ такимъ людямъ, буду осторожнѣе и отложу въ сторону всякую откровенность [1]).

Что касается до вышеупомянутаго опроверженія Ломоносова, то оно напечатано во французскомъ переводѣ въ Nouvelle bibliothèque germanique, XVI, 2-partie, 1755, стр. 343—366, а въ перепечаткѣ можно его читать въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, изд. г. Куникомъ, II, 519—530.

Въ продолженіе 1754 года Ломоносовымъ сдѣлано было въ академическихъ засѣданіяхъ нѣсколько заявленій касательно его ученыхъ занятій и вообще ученыхъ дѣлъ. Такъ 4 февраля онъ представилъ своимъ сочленамъ „о машинкѣ маленькой, которая бы вверхъ подымала термометры и другіе малые инструменты метеорологическіе". Впослѣдствіи самъ Ломоносовъ говорилъ что эта машинка „къ желаемому концу не приведена" [2]).

14 марта, при разсужденіяхъ о вакантной при Академіи каѳедрѣ физики и механики, Ломоносовъ предложилъ Шпангенберга, профессора математики въ Марбургѣ. Когда Мюллеръ

1) Билярскій, стр. 273, 274, 781—785. | 2) Билярскій, стр. 258, 259, 280.

сообщилъ Ломоносову отзывъ о Шпангенбергѣ Эйлера, а также его похвалы Котельникову, его ученику, на котораго указывалъ великій математикъ, какъ на ученаго, могущаго занять каѳедру высшей математики, то Ломоносовъ отвѣтилъ Мюллеру: „Письмо г. Эйлера прочиталъ я не безъ удивленія: Шпангенберга и Эбергарда признаетъ за такихъ людей, которые въ Академіи не годны за тѣмъ, что ничего не писали годнаго въ Комментаріяхъ. Сіе учинено противъ справедливости и противъ его самого. Онъ рекомендовалъ Академіи такихъ людей, которыхъ сочиненія въ Комментаріи мало годны, и только на будущее надѣялся. Также и нынѣ представляетъ Мейера, Кестнера и Бермана, которые въ ученомъ свѣтѣ не чудотворцы. Профессоръ Шпангенбергъ въ Марбургѣ читалъ уже лѣтъ восемь лекціи во всей философіи и математикѣ и столько-жъ какъ Вольфъ имѣлъ слушателей, а Берманъ тогда ходилъ самъ къ Вольфу на лекціи. Я его довольно знаю: съ годъ времени за однимъ столомъ были у Вольфа и учился у него нѣмецкому языку и математикѣ. Бермана превосходитъ Шпангенбергъ несравненно. Студентомъ будучи, много лѣтъ читалъ лекціи другимъ студентамъ съ великою похвалою, и нынѣ профессоромъ тринадцать лѣтъ въ томъ упражняется. Правда, что въ Академіи надобенъ человѣкъ, который изобрѣтать умѣетъ; но еще больше надобенъ, кто учить мастеръ. Обои достоинства въ профессорѣ Шпангенбергѣ несомнительны. О новыхъ изобрѣтеніяхъ не было ему времени думать для того, что долженъ читать много лекцій. Впрочемъ физическіе и электрическіе особливо опыты дѣлаетъ онъ часто въ Касселѣ передъ ландграфомъ и кассельскій физическій департаментъ въ рукахъ имѣетъ. При томъ о его остроуміи увѣренъ я изъ его разговоровъ. Что жъ до чтенія физическихъ и математическихъ лекцій надлежитъ, то подобнаго ему трудно сыскать во всей Германіи. Сіе нашимъ студентамъ весьма нужно: ибо нѣтъ у насъ профессора, который бы довольную способность имѣлъ давать лекціи въ физикѣ и во всей математикѣ; сверхъ сего честные его нравы и всѣ поступки Академіи наукъ не постыдны будутъ. Мнѣ въ четыре года студентомъ и профессоромъ довольно

знать его случалось. Мы счастливы ежели только онъ поѣдетъ. Что жъ до Эбергарда надлежитъ, то его сочиненія весьма не хуже Краценштейновыхъ, развѣ только тѣмъ негодны, что онъ Невтоновой теоріи въ разсужденіи цвѣтовъ держится. Я больше нежели г. Эйлеръ въ теоріи цвѣтовъ съ Невтономъ не согласенъ, однако тѣмъ не непріятель, которые инако думаютъ. Кестнера и Мейера я только по сочиненіямъ вѣдаю; признаю за людей весьма посредственныхъ и думаю, что они дороги. Въ разсужденіи Котельникова нѣтъ-ли полно пристрастія? Г. Эйлеръ самъ не такой великой былъ математикъ, когда здѣсь произведенъ въ профессоры. Все со временемъ. И такъ мое мнѣніе состоитъ въ томъ, чтобы для физики экспериментальной и для курса математическаго выписать профессора Шпангенберга, для механики Эбергарда или Бермана; высшую математику Котельникову оставить. Сіе прошу сообщить его сіятельству г. президенту; а г. Эйлера о томъ не увѣдомлять за тѣмъ, чтобы дружба моя съ нимъ не нарушилась; правду больше всего почитаю, притомъ стараюсь, чтобъ безъ ея нарушенія дружба сохранилась....“ [1]) Здѣсь надобно прибавить, что ни одинъ изъ иностранныхъ кандидатовъ, предложенныхъ нашей Академіи Ломоносовымъ и Эйлеромъ, не были въ нее приняты; что же касается до Котельникова, то онъ сдѣланъ впослѣдствіи членомъ ученаго общества.

18 апрѣля 1754 года Ломоносовымъ было донесено объ окончаніи имъ мозаическаго портрета Петра Великаго; при чемъ онъ просилъ заказать для него раму мѣдную чеканной работы, что бралъ на себя вольный чеканщикъ Венденбургъ за 60 руб. Это ходатайство было выполнено академическою канцеляріею [2]). 18 же апрѣля Ломоносовъ далъ отчетъ о своихъ химическихъ занятіяхъ, показавъ притомъ составленное имъ Introductio ad Chemiam physicam experimentalem и начало химическихъ опытовъ о соляхъ и пр., за чѣмъ должна была слѣдовать вторая часть введенія, изъясняющая теоретическую химію.

---

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 260, 265—267.

2) II, книга № 187; Билярскій, стр. 262.

Для учрежденія опытовъ, по заявленію Ломоносова, требуется много времени, и многія легкія дѣла могли бы быть совершены чрезъ переписчиковъ, которымъ онъ бы самъ диктовалъ; этотъ трудъ отчасти поручалъ онъ студентамъ, посѣщавшимъ его лекціи, но такъ какъ изъ нихъ одинъ только Клементьевъ посвятилъ себя изученію химіи, то потому Ломоносовъ и предлагалъ сообщить академической канцеляріи о назначеніи къ нему новыхъ студентовъ. Какъ было исполнено это предложенія, того изъ современныхъ дѣлъ не видно; положительно извѣстно только, что Клементьевъ былъ единственнымъ слушателемъ Ломоносова, исключительно посвятившимъ себя изученію химіи, и умеръ въ званіи лаборанта академической лабораторіи въ 1759 году [1]). Въ томъ же засѣданіи Ломоносовъ требовалъ для нѣкоторыхъ опытовъ стеколъ различныхъ величинъ вогнутыхъ и выпуклыхъ, которыя желалъ онъ имѣть для приготовленія физико-математическихъ инструментовъ и пр.

Тогда же рѣчь зашла о торжественномъ засѣданіи Академіи 6 сентября и о томъ, кому произносить въ немъ рѣчи. Ломоносовъ заявилъ, что хотя онъ въ прошломъ году исполнялъ эту обязанность, однако и на этотъ разъ берется приготовить разсужденіе; но сомнѣвается, прилично ли будетъ произносить ему рѣчи одному два раза къ ряду безъ посторонняго содѣйствія [2]).

19 апрѣля Ломоносовъ представилъ въ академическомъ засѣданіи собственноручно написанное имъ „мнѣніе о будущемъ публичномъ собраніи“, заключавшееся въ слѣдующемъ:

1. „Диссертаціи о новыхъ изобрѣтеніяхъ для публичнаго акта должны больше въ себѣ содержать, нежели нѣкоторыя всегда удобно чинимыя наблюденія и описанія, что и въ Комментаріяхъ почти за нужду принимается.

2. Похвальныхъ и симъ подобныхъ словъ въ академическихъ собраніяхъ иначе употреблять непристойно, какъ при заключеніяхъ акта безъ отвѣта. Къ сему требуется искусство въ краснорѣчіи и отмѣнная къ произношенію слова способ-

---

1) Билярскій, стр. 262, 263.

2) Билярскій, стр. 262, 381.

ность, дабы слушателямъ чинилось удовольствіе и охота пріумножилась.

3. Въ разсужденіи первыхъ, ежели господа академики не изволятъ предложить пристойныхъ матерій или только одна сыщется, то я могу служить слѣдующими: 1) предложить новую о цвѣтахъ теорію, на физическихъ и химическихъ опытахъ основанную. 2) Или о первоначальныхъ частицахъ, чувствительныя тѣла составляющихъ. 3) Способы, какъ вѣрнѣе опредѣлять ходъ корабельной и всякаго мореплавателя путь употреблять съ большимъ приращеніемъ знанія въ мореплаваніи. 4) Новые способы, какъ безопасно мѣрить электрическую силу въ воздухѣ и ослаблять громовую силу въ тучахъ. 5) Обсерваторія метеорологическая самопишущая [1]). 6) Задачу предложить о опредѣленіи количества въ движеніи и о пропорціи количества матеріи къ тягости. О томъ сообщить (sic) съ г. Эйлеромъ [2]).

4. Ежели актъ публичный къ новому году въ честь государя императора Петра Великаго отложится, то можетъ быть г. Гришовъ со своимъ трудомъ поспѣетъ [3]), задача будетъ пристойна; а я буду имѣть случай приготовить и говорить панегирикъ блаженныя памяти государю императору Петру Великому, который ему давно должна Академія" [4]).

1 іюля Ломоносовъ въ академическомъ засѣданіи заявлялъ о новой, имъ придуманной машинѣ, о которой такъ записано въ современномъ протоколѣ: Lomonossovius monstravit machinam, quam vocat aërodromicam, a se excogitatam, cujus usus hic esse debet, ut ope alarum, per elaterem, quales in horologiis esse solent, in diversas directiones horizontaliter motarum, aër deprimatur, et attolatur machina versus superiorem regionem aëris,

---

1) Объ этой обсерваторіи упоминалъ Ломоносовъ въ своемъ письмѣ къ Эйлеру, $^{12}/_{23}$ февраля 1754 г., о чемъ см. выше, на стр. 544.

2) Объ этой задачѣ будетъ говорено ниже, на стр. 581, 582.

3) Въ засѣданіи 15 апрѣля 1754 г. Гришовъ обѣщалъ къ торжественному засѣданію рѣчь о геометрическихъ операціяхъ на островѣ Эзелѣ, предпринятыхъ ради новой географической карты этого острова, Билярскій стр. 263.

4) У Билярскаго, стр. 263, 264, сообщенъ латинскій переводъ этого мнѣнія, а подлинникъ до нынѣ хранится въ конференцъ-архивѣ, связка № 70, а.

eo fine, ut conditio aëris superioris, per machinas metheorologicas, huic machinae aërodromicae annectendas, explorari possit. Suspendebatur machina ex funiculo per duas trochleas extenso, et per ponduscula ex adversa parte adpensa aequilibrio tenebatur. Intenso elatere mox ascendebat in altum. Ideoque desideratum effectum promittebat. Hic autem effectus ex judicio inventoris magis augebitur, si augebitur vis elateris, si distantia inter utrumque per alarum major erit, et capsula, qua elater reconditur, ut minuendum pondus ex ligno conficietur, quod ut fiat, se curaturam promisit [1]). Дальнѣйшихъ упоминаній объ этомъ изобрѣтеніи Ломоносова не встрѣчается, а потому должно думать, что оно, подобно другимъ подобнымъ попыткамъ его, предано имъ самимъ забвенію.

Въ „Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи" Ломоносовъ пишетъ: „При случаѣ платы въ награжденіе по задачѣ ста червонцевъ за химическую диссертацію, Ломоносовъ сказалъ въ собраніи профессорскомъ, что-де онъ, имѣя работу сочиненія россійской исторіи, не чаетъ такъ свободно упражняться въ химіи, и ежели въ такомъ случаѣ химикъ понадобится, то онъ рекомендуетъ ландмедика Дахрица. Сіе подхватя, Мюллеръ записалъ въ протоколъ и согласясь съ Шумахеромъ, безъ дальняго изъясненія съ Ломоносовымъ, скоропостижно выписали доктора Зальхова, а не того, что рекомендовалъ Ломоносовъ, который внезапно увидѣлъ, что новый химикъ пріѣхалъ и ему отдана лабораторія и квартира. Помянутый Зальховъ былъ послѣ весьма жалокъ...." Это извѣстіе Ломоносова не совсѣмъ вѣрно. Выше уже видѣли, что въ 1753 году, Академія предложила на рѣшеніе задачу: объяснить причины отдѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки и показать притомъ лучшій и дешевый способъ отдѣленія этихъ металловъ. Одна изъ присланныхъ въ 1754 году диссертацій съ девизомъ Igneus est solis vigor et coelestis origo обратила на себя вниманіе Ломоносова. На листкѣ безъ года и числа онъ сдѣлалъ о ней слѣдующій, собственноручно имъ написанный отзывъ:

---

1) Билярскій, стр. 271.

„Диссертація нынѣшняя лутче всѣхъ; жаль, что коротка, и пропущены доказательства, которыя онъ за извѣстныя полагаетъ у насъ и по справедливости. Однако для порядка быть имъ въ диссертаціи должно. Притомъ и не въ формѣ диссертацій, но какъ письма. Ежели еще лутче не будетъ, то едва ли награжденія не достойна. Я бы хотѣлъ знать автора; неради приватныхъ обстоятельствъ, но ради чести Академіи, у меня нѣтъ въ Германіи ни единаго знакомаго химика."

Затѣмъ въ протоколѣ засѣданія 18 августа 1754 г. занесено: „Господинъ совѣтникъ Ломоносовъ возвратилъ диссертацію химическую, у которой надпись Igneus etc., оную весьма хвалилъ и объявилъ, что по его мнѣнію полезно будетъ для Академіи сочинителя оной диссертаціи опредѣлить профессоромъ химіи, ежели склонить его возможно, чтобъ въ Россію поѣхалъ, ибо онъ самъ (т. е. Ломоносовъ), другими дѣлами будучи обязанъ, въ оной наукѣ болѣе трудиться не можетъ."

Вслѣдствіе такого заявленія президенту Академіи былъ сдѣланъ докладъ, при чемъ прибавлено, что Ломоносовъ послѣ своего предложенія „требовалъ, чтобъ то записано было въ протоколѣ, что и учинено." На этотъ докладъ еще не послѣдовало рѣшенія президента, какъ совѣтникъ монетной канцеляріи Шлаттеръ, также разсматривавшій вмѣстѣ съ другими представленныя на конкурсъ сочиненія, 12 августа 1755 года, далъ весьма неблагопріятный и совершенно противоположный ломоносовскому отзывъ о диссертаціи съ девизомъ: Igneus etc. „Что же надлежитъ, писалъ онъ, до диссертаціи подъ стишкомъ Igneus est solis vigor et coelestis origo, то понять я не могу, какъ осмѣлился авторъ выписанное отъ слова до слова изъ Глаубера и уже давно вѣдомое дѣло прислать ученому собранію, притомъ же и съ фигурныхъ листовъ у онаго Глаубера снять копіи. Сверхъ сего онъ всеконечно не дѣлалъ ни раздѣленія и ниже того, что въ диссертаціи написано.... По моему мнѣнію не присуждаю я никому изъ господъ сочинителей помянутыхъ диссертацій давать награжденія, для того-что не дошли они еще далеко до истиннаго и прибыльнаго способа. Никакое въ Европѣ мѣсто не можетъ похвалиться приведе-

ніемъ искусства раздѣленія до высокой степени, кромѣ Россіи. На что сего короче, когда на всякой годъ до 600 пудъ или 48.000 маркъ золотнаго серебра, сколь бы мало ни было въ немъ золота, съ превеликою прибылью, весьма скоро, а притомъ и способно раздѣлять можно, и когда фунтъ со всѣми расходами и угаромъ обходится не выше 64 копеекъ? Напротивъ же того въ Нѣмецкой землѣ вездѣ (какъ сіе засвидѣтельствуется послѣднею диссертаціею) за раздѣленіе съ фунта по 2 ефимка берется“....

Диссертація съ девизомъ Igneus etc. хранится до нынѣ въ архивѣ академической конференціи. Имя автора ея написано на заглавномъ листѣ и потомъ закрыто лоскуткомъ бумаги, съ приложеніемъ по сторонамъ печатей. Ихъ слѣдовало вскрыть, если бы разсужденіе удостоилось преміи; но этого не случилось, почему печати до нынѣ остаются нетронутыми. Впрочемъ бумага, покрывающая имя, такъ прозрачна, что можно безъ труда прочесть, что авторомъ диссертаціи былъ Carolus Dachritz.

Въ 1755 году отъ Академіи наукъ было объявлено, что на основаніи устава, въ 1752 и 1753 предлагалась отъ нея на рѣшеніе задача „изъяснить изъ физическихъ и химическихъ основаній причины раздѣленія золота отъ серебра посредствомъ крѣпкой водки, и притомъ показать способъ, какъ бы легче и дешевле раздѣлить сіи два метала“, но что изъ присланныхъ диссертацій „не найдено такой, въ которой бы оная задача совершенно была рѣшена, однако для убѣжанія всякаго подозрѣнія будто бы Академія не исполняетъ того, что обѣщаетъ, и для удовольствованія ученаго свѣта, желающаго видѣть лучшую изъ присланныхъ о семъ дѣлѣ диссертацій, опредѣлила награжденіе ста червонныхъ дать за ту, при которой находится подпись: Dant vulnera Christi salutem....“ По вскрытіи пакета съ именемъ автора, она оказалась написанною Ульрихомъ Христофоромъ Сальховымъ, о которомъ выше приведено упоминаніе Ломоносова. Между тѣмъ Мюллеръ, въ донесеніи президенту Академіи отъ 13 сентября 1755 г., напомнивъ о прошлогоднемъ протоколѣ 18 августа, объ одобреніи Ломоносовымъ диссертаціи съ девизомъ Igneus est etc. и объ отказѣ его занимать каѳедру химіи,

писалъ далѣе: „а реченная диссертація за тѣмъ, что сочинитель оной выбралъ много изъ другой книги, за сто лѣтъ уже напечатанной, награжденія не получила, и, слѣдовательно, имя того сочинителя неизвѣстно. Того ради, прикажите-ли ваше высокографское сіятельство цидулку, въ которой имя его находится, распечатать. Ежели же по упомянутой причинѣ достоинство его кажется подъ сумнѣніемъ, то не соизволите-ли приказать призвать того, который получилъ награжденіе. А то правда, что г. Ломоносовъ весьма мало въ химіи упражняется, и не безъ пользы будетъ другаго профессора химіи призвать въ академическую службу“ [1]).

Вѣроятно графъ Разумовскій согласился на это представленіе Мюллера, потому что послѣ этого производилась переписка съ Эйлеромъ о приглашеніи въ нашу Академію помянутаго Сальхова, съ которымъ и заключенъ былъ окончательный контрактъ 7 декабря 1755 года [2]).

Изъ литературныхъ произведеній Ломоносова въ 1754 году была напечатана: Ода всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской и наслѣднику ея величества внуку Петра Великаго, пресвѣтлѣйшему государю великому князю Петру Θеодоровичу и супругѣ его пресвѣтлѣйшей государынѣ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на всевожделѣнное рожденіе пресвѣтлѣйшаго государя великаго князя Павла Петровича сентября 20 дня 1754 года съ искреннимъ усердіемъ и ревностію пренесенная отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [3]). Здѣсь стихотворецъ высказываетъ пожеланія новорожденному сравниться въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ: ему предстояло, по его мнѣнію, освобождать святыя мѣста, вокругъ которыхъ „облегъ драконъ ужасный“ и перешагнуть чрезъ стѣны, отдѣляющія отъ Россіи Китай. По случаю рож-

1) I, связка № 64, бум. 12.

2) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 62—66.

3) Въ f⁰, 8 невум. стр.; оды этой печатано на счетъ Ломоносова 300 экземпляровъ, изъ нихъ 25 на александрійской бумагѣ (Билярскій, стр. 275).

денія великаго князя Павла Петровича сочинены еще Ломоносовымъ двѣ надписи, помѣщенныя въ Собраніи сочиненій его, Москва, 1757, I, стр. 179, 180.

О составленныхъ Ломоносовымъ въ 1754 году описаніяхъ для иллюминаціи и фейерверковъ говорится въ приложеніи V, подъ №№ 5—10. Въ тѣ времена подобнымъ предметамъ придавалось особенное значеніе, такъ-что проекты Ломоносова и Штелина представлялись на разсмотрѣніе самой императрицы, и она выбирала изъ нихъ тѣ, которые казались ей лучшими. Относительно рисунковъ, сочиненныхъ по мысли этихъ академиковъ для иллюминаціи 5 сентября 1754 года канцелярія главной артиллеріи и фортификаціи увѣдомила академическую канцелярію, что государыня, при поднесеніи ей ихъ, „изволила аппробовать тако: г. Ломоносова вирши очень хороши [1]), а иллюминацію перемѣнить, понеже-де таковою фигурою многажды бывали; а сдѣлать какова нынѣ отъ Штелина представляется, или онъ, Ломоносовъ, свою съ прибавочнымъ украшеніемъ, какъ наилучше выдумавъ, можетъ представить....“ [2])

„На сіе, отвѣчалъ въ собственноручномъ донесеніи Ломоносовъ 4 августа 1754 года, репортую, что по рисунку г. Штелина идеи безъ описанія угадать не могу и не уповаю, чтобъ мои стихи къ ней были приличны. Того ради прилагаю свою, нѣсколько отмѣнную идею, къ моимъ стихамъ приличную. А украшенія и расположенія надлежатъ до Академіи художествъ,

---

1) Вотъ стихи Ломоносова, понравившіеся императрицѣ:

Россія, вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту:
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утвержденъ, Монархиня, тобою.
Считая многія довольства, говоритъ:
Коль сладкое меня блаженство веселитъ!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзаютъ,
И алчны мытари внутрь торгу не смущаютъ,
Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ;
Свобода съ тишиной и въ селахъ, и въ градахъ,
Пристанищъ, крѣпостей и храмовъ всходятъ стѣны,
И знанія цвѣтутъ щедротою снабдѣнны.
Что я Монархинѣ своей могу воздать?
И въ славу имени Ея мнѣ что создать?
Какія радости въ сей день представлю виды?
Мнѣ тѣсны храмы всѣ и нискй пирамиды.
Ахъ, естьлибъ ревности сравнилась крѣпость силъ!
Тобъ Кавказъ на хребтѣ Рифейскомъ нынѣ былъ;
Поставилабъ Ей въ честь пречудны обелиски
Превыше облаковъ, къ предѣламъ звѣзднымъ блиски.

2) Билярскій, стр. 273.

которая вѣдать должна, какоя фигурою прежде иллюминаціи бывали, и довольно людей имѣетъ, которые, по ея указанію, нарисовать могутъ" [1]).

22 ноября 1754 года составленный Ломоносовымъ проектъ иллюминаціи и фейерверка на новый 1755 годъ (см. приложеніе V, 8) былъ отосланъ въ канцелярію главной артиллеріи и фортификаціи, но его не одобрила императрица Елисавета, почему и былъ принятъ проектъ Штелина, напечатанный въ январской книжкѣ Ежемѣсячныхъ сочиненій 1755 года, стр. 17—25. Помѣщенные тамъ стихи (Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ) потомъ помѣщались въ позднѣйшихъ изданіяхъ собранія сочиненій Ломоносова, хотя они не принадлежатъ ему. Въ современномъ дѣлѣ [2]) сохраняется и прозаическій переводъ штелиновскихъ стиховъ Ивана Голубцева, въ чемъ Ломоносовъ, конечно, не имѣлъ надобности, и нѣсколько черновыхъ списковъ стихотворнаго переложенія этого перевода. Подобныя переложенія одною и тою же рукою попадаются нѣсколько разъ. Впослѣдствіи, какъ оказывается изъ одной подписи подъ стихами на иллюминацію 25 апрѣля 1756 года, этимъ также занимался студентъ Академіи наукъ Адріанъ Дубровскій [3]).

Кромѣ вышеупомянутыхъ стиховъ и описаній, Ломоносовымъ сочинены надписи: 1) „на маскарадъ 24 числа октября 1754 года въ домѣ его превосходительства дѣйствительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова" [4]) и 2) на такое же празднество у графа Петра Шувалова 16 октября 1754 года [5]).

1) II, книга № 189.

2) II, книга № 189.

3) II, книги №№ 189 и 208. Въ журн. Москвитянинѣ 1853 г., № 3, истор. матер., «Для біографіи Ломоносова», стр. 25, 26, сказано, что переводъ стиховъ «Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ» принадлежитъ Поповскому.

4) Помѣщена на стр. 179, I-го тома Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Ломоносова, Москва, 1757 года. Въ ноябрѣ 1754 года, гравировальный мастеръ Соколовъ доносилъ академической канцеляріи, что И. Шуваловъ приказалъ ему вырѣзать на мѣди изображеніе фейерверка, бывшаго у него по случаю маскарада 24 октября, а также отпечатать въ количествѣ трехсотъ экземпляровъ описанія этого празднества на русскомъ и французскомъ языкахъ. Это приказаніе было исполнено, и Шувалову заказъ обошелся въ 33 руб. 37 коп. (II, книга № 194).

5) Собраніе сочиненій Ломоносова. Москва, 1767 г., I, 180.

1754 годъ былъ послѣднимъ, въ которомъ Ломоносовъ такъ усердно и много трудился надъ составленіемъ описаній иллюминацій и фейерверковъ. Надобно думать, что его самолюбіе было обижено предпочтеніемъ его описанію штелиновскаго проекта фейерверка, такъ какъ въ мартѣ 1755 г. онъ просилъ объ увольненіи его отъ подобныхъ трудовъ[1]). Точно также онъ поступилъ и въ отношеніи латинскихъ надписей, которыя возложено было въ академическомъ засѣданіи 28 января 1754 года сочинить ему къ медалямъ, выбитымъ для увѣковѣченія дѣяній Петра Великаго, Екатерины I, Петра II и Елисаветы. 7 августа 1755 г. Ломоносовъ рѣшительно объявилъ въ засѣданіи, что онъ подобныя занятія предоставляетъ академику Штелину[2]).

$\frac{8}{19}$ февраля 1754 года, академикъ Гришовъ писалъ къ французскому академику Ла-Кондамину: „Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь препроводить къ вамъ, милостивый государь, русскую азбуку, которую вы у меня просили. Я обращался о томъ къ г. совѣтнику Ломоносову, безспорно самому свѣдущему по этой части. Онъ чрезвычайно радъ этому случаю, чтобы выразить, милостивый государь, свое уваженіе къ вамъ и вашимъ достоинствамъ, и всегда будетъ очень доволенъ пользоваться вашимъ знакомствомъ. По недостатку времени, мы не могли распространиться о той азбукѣ болѣе; но можетъ быть я еще буду имѣть случай доставить вамъ болѣе примѣровъ звуковъ, употребительныхъ въ русскомъ языкѣ. Между тѣмъ я въ состояніи сказать вамъ, милостивый государь, что русскіе не могутъ никоимъ образомъ выразить на своемъ языкѣ звукъ *eu*, какъ напр. въ словѣ *Dieu*, ни звукъ *u*, какъ напр. въ *vertu*. Вы видите, милостивый государь, что русскіе не могутъ выразить своими буквами всѣ звуки европейскихъ языковъ. Случается даже, что они лишены возможности выражать звуки, встрѣчающіеся въ ихъ собственномъ языкѣ такъ. Напр., у нихъ есть

1) Исторія Академіи наукъ, I, 547, 548. Хотя Ломоносову поручалось составить планъ иллюминаціи на 25 апрѣля 1755 года, однако таковый представленъ былъ однимъ Штелинымъ. Билярскій, стр. 282 и II, книга № 196.

2) Билярскій, стр. 258, 297.

звукъ французской двоегласной ое, но прежде у нихъ не было буквы для обозначенія его, почему недавно въ Академіи изобрѣли новую букву, которая должна выражать звукъ *ое*" [1]). Ла-Кондаминъ впослѣдствіи писалъ къ Ломоносову, и отрывокъ изъ одного его письма, впрочемъ весьма ничтожнаго содержанія, выписанъ нашимъ академикомъ между другими похвальными о немъ отзывами европейскихъ знаменитостей [2]).

Шуваловъ просилъ Ломоносова достать ему учено-литературныя приложенія къ Петербургскимъ вѣдомостямъ, которыя выходили прежде подъ заглавіемъ Примѣчаній. Ломоносовъ, въ отвѣтѣ Шувалову 3 января 1754 года, обѣщая исполнить это порученіе, присовокуплялъ: „Весьма бы полезно и славно было нашему отечеству, когда бы въ Академіи начались подобныя симъ періодическія сочиненія, только не на такихъ бумажкахъ по одному листу, но по всемѣсячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна дли двѣ-три матеріи содержались въ книжкѣ и въ меньшемъ форматѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, а изъ которыхъ лучшимъ послѣдовать, или бы свой, примѣняясь, выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желанія любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ начатіи новаго года прошу...." [3]).

Въ концѣ 1754 года желаніе Ломоносова исполнилось: при Академіи рѣшено было окончательно издавать именно такой учено-литературный журналъ и даже въ томъ самомъ форматѣ, въ какомъ хотѣлось это Ломоносову. При всемъ томъ, однако, онъ непріязненно сталъ относиться къ этому изданію съ самаго его появленія въ свѣтъ и не принималъ въ немъ участія, что все объясняется тѣмъ, что издателемъ-распорядителемъ академическаго журнала былъ назначенъ личный врагъ Ломоносова.

22 ноября 1754 года, Мюллеръ, который въ 1728 г. первый придумалъ издавать вышепомянутыя литературныя прибавленія къ „Петербургскимъ Вѣдомостямъ", заявилъ въ академическомъ

---

1) Гришовъ, вѣроятно, здѣсь имѣетъ въ виду їо, которое у насъ печаталось и писалось нѣкоторое время вм. ё, какъ напр.: всїо сїодла.

2) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 61, 62, 97.

4) Билярскій, стр. 250.

засѣданіи предложеніе президента Академіи, графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго объ изданіи въ предстоявшемъ 1755 году ученаго періодическаго журнала (de ephemeride quadam erudita) на русскомъ языкѣ по образцу издававшихся прежде „Примѣчаній" къ Вѣдомостямъ. Академики единогласно признали всю полезность подобнаго изданія для любителей чтенія, и каждый обѣщалъ свое сотрудничество по тѣмъ наукамъ, которыми занимался; но нѣкоторое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ обнаружилось, однако, при подписаніи протокола. Ломоносовъ высказалъ тогда мысль, что статьи, предназначенныя въ журналъ, надлежало, прежде изданія въ свѣтъ, представлять въ академическое собраніе. Тредіаковскій, соглашаясь съ распоряженіями, изложенными въ протоколѣ, возразилъ противъ Ломоносова, что представленіе статей на предварительный просмотръ можетъ подать поводъ къ пререканіямъ и напрасной тратѣ времени.

Надобно думать, что возбужденный Ломоносовымъ о предварительной цензурѣ журнала вопросъ въ началѣ не обратилъ на себя особеннаго вниманія; по крайней мѣрѣ о немъ пройдено вовсе молчаніемъ въ предложеніи академическому собранію, данномъ отъ имени графа Разумовскаго 12 декабря 1754 года. Здѣсь давалось знать академикамъ, что, согласно ихъ заключенію, будетъ издаваться на русскомъ языкѣ журналъ, подъ названіемъ „Санктпетербургскія академическія примѣчанія" и что „сіе дѣло поручается подъ смотрѣніе секретарю конференціи", т. е. Мюллеру.

14 декабря 1754 года. Мюллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи приготовленное имъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которое и было выслушано безъ возраженій со стороны академиковъ[1]. Но мѣсяцъ спустя (11 января 1755 года), Ломоносовъ потребовалъ къ себѣ въ корректурѣ заглавный листъ и предисловіе журнала и заявилъ въ академическомъ собраніи, „что сей титулъ и предисловіе при дворѣ ея императорскаго величества очень раскритикованы и надле-

1) Протоколы академической конференціи за 1754 годъ.

жить-де оба перемѣнить. А особливо о титулѣ сказалъ онъ, что хотя назвать книгу санктпетербургскими штанами, то сіе таково жъ прилично будетъ, какъ имя „Примѣчаній“, потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи-де не примѣчанія“. Мюллеръ возражалъ, что журналу дано заглавіе по латинской пословицѣ a potiori fit denominatio, но Ломоносовъ тѣмъ не удовлетворился и приступилъ къ разбору предисловія. Уже на первой строкѣ ему не понравилось выраженіе „ученые журналы“. Мюллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностью, и, защищая въ настоящемъ спорѣ помянутое выраженіе, примолвилъ: „ежели г. Ломоносовъ то не знаетъ, то надлежитъ-де ему поучиться!“ Эти слова окончательно разсердили Ломоносова, и онъ сталъ упрекать Мюллера, что онъ его посылаетъ учиться въ школу, „а онъ-де человѣкъ такой, что ему-де съ нимъ равняться никакъ не возможно!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ утверждалъ, что на иностранныхъ языкахъ можно сказать Journal littéraire, Gelehrte Zeitungen, но по русски такъ не говорится. Въ споръ вмѣшался другой недругъ Ломоносова, Тредіаковскій: этотъ утверждалъ, что если говорятъ: ученое собраніе, ученыя дѣла, ученыя письма, то стало быть можно сказать и ученый журналъ. По свидѣтельству Мюллера, въ продолженіе этихъ пререканій, ему много досталось отъ Ломоносова „безчестныхъ порицаній“, о которыхъ онъ умалчиваетъ только „для краткости“. Свое донесеніе президенту Академіи объ этомъ событіи Мюллеръ оканчиваетъ догадкою, что „можетъ быть г. Ломоносовъ не доволенъ тѣмъ, что дѣло сіе положено на меня, и онъ развѣ думаетъ, что онъ гораздо лучше оное исправить можетъ“. Въ такомъ случаѣ конференцъ-секретарь предлагалъ возложить на Ломоносова обязанности по изданію журнала, „токмо, чтобъ онъ обязался, что за нимъ никогда остановки не будетъ....“ Если же журналъ останется въ рукахъ его, Мюллера, то онъ просилъ, чтобы ему быть внѣ зависимости отъ критики Ломоносова, такъ какъ у него съ нимъ „великая ссора была“ по поводу диссертаціи о происхожденіи руссовъ.

Вслѣдствіе указанія Ломоносова на неточность первоначально даннаго заглавія, журналъ сталъ выходить подъ титуломъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій“ [1]).

Въ 1754 году президентъ Академіи наукъ, графъ К. Разумовскій, быть можетъ вслѣдствіе сообщеній Ломоносова И. Шувалову, обратилъ вниманіе на множество лицъ, состоявшихъ тогда при ученомъ обществѣ и по бóльшей части не приносившихъ ему особенной пользы. 26 февраля того года президентъ писалъ изъ Москвы академической канцеляріи: ....„суммы на тѣ чины чѣмъ бы ихъ содержать почти совсѣмъ уже нѣтъ затѣмъ больше, что сверхъ штата людей разнаго званія очень набрано много, а особливо гимназическихъ и разныхъ художествъ учениковъ, мастеровыхъ и другихъ чиновъ, которые Академіи, а по большей части художники, ни пользы, ни дальней чести не дѣлаютъ, кромѣ только единаго разглашенія, якобы въ Академіи больше прилагается стараніе художественную фабрику размножить, нежели науки, чего во отвращеніе, а къ пользѣ наукамъ, и чтобъ на содержаніе ученыхъ и другихъ необходимо надобныхъ людей достатокъ въ суммѣ имѣть, да чтобъ наипаче согласоваться съ регламентомъ сколько возможно, непремѣнно надлежитъ какъ изъ находящихся нынѣ на лицо въ штатѣ, такъ и сверхъ штата служителей, въ которыхъ искусства, пользы и дальней или никакой нужды признано не будетъ и безъ которыхъ во исправленіи какихъ либо дѣлъ обойтиться можно; также нѣтъ-ли и такихъ, которые хотя и въ штатѣ есть, но или должности своей не отправляютъ за какими либо собственными пороками или и способности къ тому не имѣютъ,—такихъ всѣхъ съ суммы академической сбавить, а надобныхъ только оставить. И того ради г. совѣтнику Шумахеру вообще съ г. совѣтникомъ и профессоромъ Ломоносовымъ и профессоромъ же г. Штелинымъ и съ г. конференціи секретаремъ Мюллеромъ всѣхъ въ штатѣ и за штатомъ состоящихъ академическихъ служителей разсмотрѣть“.... Предписаніе это

---

1) Записки Академіи наукъ, XI, приложеніе № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ.

графа Разумовскаго не простиралось на тѣхъ, кои были назначены въ Академію по именнымъ указамъ, а срокъ для разбора и представленія о томъ президенту назначенъ былъ двухмѣсячный [1]).

„Причина была слѣдующая сея коммиссіи, разсказывалъ потомъ Ломоносовъ: слухъ достигъ и до самыхъ внутренностей двора объ излишествахъ, недостаткахъ и непорядкахъ академическихъ, и президентъ услышалъ тамъ непріятныя рѣчи о своемъ правленіи. И для того послалъ о поправленіи сего въ академическую канцелярію ордеръ и къ совѣтнику Ломоносову особливой, при чемъ и приватное письмо отъ совѣтника Теплова, въ коихъ точно и ясно изображены шумахеровы непорядки. И потому никоею мѣрою отрещись невозможно, что шумахеровы непорядки были давно вѣдомы. Съ начала сея коммиссіи дѣло зачалось было изрядно; однакожъ можно увѣриться, что Шумахеръ, будучи членомъ въ той коммиссіи, которая учреждена для разбору его же непорядковъ, во всемъ доброму успѣху препятствовалъ. И надворный совѣтникъ Штелинъ за художества стоялъ больше, нежели за науки. Бывшій тогда въ канцеляріи секретарь Ханинъ искалъ себѣ ассессорства и единственнаго смотрѣнія надъ книжнымъ печатаньемъ и торгомъ, который былъ всего тягостнѣе наукамъ, старался всячески угождать Шумахеру. Наконецъ, коммиссія кончена и поданъ репортъ президенту, котораго исполненіе могло бы хоть нѣсколько поправить академическое состояніе; однако онъ совсѣмъ оставленъ безъ вниманія: отрѣшенъ только за пьянство архитекторъ Шумахеръ, однако послѣ опять принятъ и поступаетъ по прежнему“ [2]).

Памятникомъ дѣятельности Ломоносова по этой коммиссіи осталась собственноручная записка его, въ которой онъ предлагалъ: въ академическую гимназію назначить изъ академическихъ студентовъ: ректоромъ Николая Поповскаго, а конректоромъ Филипа Яремскаго; затѣмъ нѣсколькихъ учителей от-

1) II, книга № 465.

2) Билярскій, стр. 070, 071; объ архитекторѣ Шумахерѣ см. Исторія Академіи наукъ, I, 63, 64.

туда уволить; вытребовать изъ духовныхъ училищъ десять человѣкъ въ студенты; учредить порядокъ въ расходахъ по типографіи; вовсе отрѣшить переплетное дѣло при Академіи; о служащихъ недостойныхъ и порочныхъ представить президенту въ особой вѣдомости [1]).

Есть и письмо Ломоносова объ этомъ же предметѣ къ И. Шувалову отъ 28 марта 1754 года; только, къ сожалѣнію, оно дошло съ пропусками.... „Мы, господа, въ коммиссіи, писалъ тамъ Ломоносовъ, иной боится отрѣшить.... чтобы не раздражить какого нибудь знатнаго господина; иной говоритъ, что онъ бѣденъ. Однако прошу меня извинить — не могу всѣхъ пристрастій и всѣхъ обстоятельствъ изобразить. Словомъ: съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ.... окончаніе сего дѣла ясно покажетъ, и я никогда по чистой моей совѣсти не останусь лживымъ человѣкомъ".... [2]).

Въ 1754 году Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе въ развитіи и осуществленіи мысли — основать университетъ въ Москвѣ. Тимковскій въ своихъ Запискахъ сохранилъ нѣсколько воспоминаній, слышанныхъ имъ отъ И. Шувалова на счетъ содѣйствія ему въ этомъ дѣлѣ Ломоносова. „Въ раннихъ годахъ славы Шувалова, при императрицѣ Елисаветѣ, говоритъ Тимковскій, лучшее мѣсто занимаетъ Ломоносовъ. Съ нимъ онъ составляетъ проектъ и уставъ московскаго университета. Ломоносовъ тогда много упорствовалъ въ своихъ мнѣніяхъ и хотѣлъ вполнѣ удержать образецъ лейденскаго съ несовмѣстными вольностями. Судили и о томъ, у Красныхъ-ли воротъ къ концу города помѣстить его или на срединѣ, какъ и принято, у Воскресенскихъ воротъ; содержать ли гимназію при немъ, или учредить отдѣльно; предпочтено первое, обое по своимъ причинамъ и проч." [3]).

Нельзя не согласиться, что эти краткія замѣтки даютъ смутное понятіе о томъ участіи, какое принималъ Ломоносовъ въ

1) Билярскій, стр. 778, 779.
2) Билярскій, стр. 261.
3) Билярскій, стр. 038.

основаніи старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ. Къ счастью уцѣлѣло одно письмо его къ И. Шувалову, изъ котораго виднѣе доля участія въ этомъ дѣлѣ нашего академика.

„Полученнымъ отъ вашего превосходительства черновымъ доношеніемъ правительствующему сенату къ великой моей радости я, писалъ Ломоносовъ къ Шувалову, увѣрился, что объявленное мнѣ словесно предпріятіе подлинно въ дѣйство произвести намѣрились къ приращенію наукъ, слѣдовательно къ истинной пользѣ и славѣ отечества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю, сколь много природное ваше несравненное дарованіе служить можетъ и многихъ книгъ чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ совѣтъ вашему превосходительству не безполезенъ будетъ, которые сверхъ того университеты не токмо видали, но и въ нихъ нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія въ умѣ ихъ ясно и живо, какъ на картинѣ, представляются. Того ради ежели московскій университетъ по примѣру иностранныхъ учредить намѣряетесь, что весьма справедливо, то желалъ бы я видѣть планъ, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени, или ради другихъ какихъ причинъ того не удостоюсь; то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мнѣ милость и великодушіе, принимаю смѣлость предложить мое мнѣніе о учрежденіи московскаго университета кратко вообще.

1) Главное мое основаніе, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради не смотря на то, что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ префессоровъ и жалованныхъ студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, оный снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы.

2) Профессоровъ въ полномъ университетѣ меньше двѣнадцати быть не можетъ въ трехъ факультетахъ. Въ юридическомъ

три: I. профессоръ всей юриспруденціи вообще, который учить долженъ натуральныя и народныя права, также и узаконенія римской древней и новой имперіи. II. Профессоръ юриспруденціи россійской, который, кромѣ вышеписанныхъ, долженъ знать и преподавать внутреннія государственныя права. III. Профессоръ политики, который долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ были въ прошедшіе вѣка и какъ состоятъ въ нынѣшнее время.

Въ медицинскомъ три же: I. Докторъ и профессоръ химіи. II. Докторъ и профессоръ натуральной исторіи. III. Докторъ и профессоръ анатоміи.

Въ философскомъ шесть: I Профессоръ философіи. II — — физики[1]). III — — ораторіи. IV — — поэзіи[2]). V — — исторіи. VI — — древностей и критики[3]).

3) При университетѣ необходима должно быть гимназія, безъ которой университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ. О ея учрежденіи хотѣлъ бы я кратко здѣсь вообще предложить, но времени краткость возбраняетъ.

Не въ указъ вашему превосходительству совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней польдесятка обождать можно, то я цѣлой полной планъ предложить могу"...

Изъ этого письма очевидно, что доношеніе въ сенатъ отъ имени Шувалова о необходимости основанія университета въ Москвѣ было написано безъ участія Ломоносова и послано къ нему только на обсужденіе. Потомъ это доношеніе, 19 іюля 1754 года, было представлено Шуваловымъ сенату вмѣстѣ съ проектомъ университетскаго устава. При сравненіи сейчасъ приведеннаго письмо съ тѣмъ мѣстомъ проекта, гдѣ идетъ рѣчь

---

1) Здѣсь (кажется, рукою Шувалова) поставлено противъ обоихъ 1.

2) Противъ обоихъ также написано 1.

3) Шуваловъ противъ обоихъ подписалъ: и геральдику.

Эти три примѣчанія принадлежатъ первому издателю письма въ Московскомъ телеграфѣ 1825 г., № 18. Подлинное письмо поступило въ Академію наукъ съ сборникомъ ломоносовскихъ бумагъ отъ П. Муханова; оно оказалось напечатаннымъ въ Телеграфѣ вѣрно.

о числѣ и занятіяхъ каждаго изъ профессоровъ трехъ факультетовъ, оказывается, что въ послѣдній вошли цѣликомъ слова Ломоносова изъ его письма съ поправками, которыя сдѣланы при томъ рукою Шувалова. Это обстоятельство, а также и обѣщанія Ломоносова дней чрезъ пять доставить Шувалову полный планъ даютъ поводъ предполагать не безъ основанія, что именно этотъ планъ и приложенъ къ доношенію подъ названіемъ проекта [1]). Извѣстно, что императрица Елисавета утвердила послѣдній 12 января 1755 года.

Вскорѣ послѣ того, именно въ февралѣ того же года, второй кураторъ новаго университета бывшій учредитель и первый президентъ Академіи наукъ Лаврентій Блюментростъ былъ вызванъ въ Петербургъ для совѣщаній относительно дальнѣйшаго устройства университета [2]). Къ этому-то времени относится воспоминаніе Ломоносова о Блюментростѣ: „Ломоносовъ, говоритъ онъ о себѣ, будучи участникомъ при учрежденіи

1) Какъ доношеніе, такъ и проектъ объ учрежденіи московскаго университета напечатаны въ Полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи, XIV, № 10,346. Въ 1855 году праздновалась столѣтняя годовщина московскаго университета, при чемъ вспомнили также и о Шуваловѣ, и Ломоносовѣ. Въ память этого событія въ жизни старѣйшаго въ Россіи высшаго учебнаго заведенія, была выбита медаль; она для историковъ и нумизматовъ не только важна по своему назначенію увѣковѣчить признательность потомства къ названнымъ основателямъ университета, но и по допущеннымъ несообразностямъ и промахамъ въ изображеніяхъ и надписяхъ на ней. На медали представлено грудное изображеніе Елисаветы и по сторонамъ ея два лица, подающія ей толстой фоліантъ; быть можетъ, для показанія званія государыни, она представлена въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ стоящія по сторонамъ ея лица, которыя при томъ понижены и ростомъ, такъ что едва головами достигаютъ плечъ императрицы. Далѣе — лицо, помѣщенное на лѣвой сторонѣ, по всей вѣроятности, должно было изображать Ивана Шувалова; но подъ нимъ сдѣлана подпись «Гр. Шуваловъ», а онъ, какъ извѣстно, никогда не имѣлъ графскаго титула; на груди этого же лица андреевская звѣзда, которую И. Шуваловъ имѣлъ право носить только двадцать семь лѣтъ послѣ основанія университета. Толстый фоліантъ, о которомъ говорено выше, съ надписью: «уставъ московскаго университета. 1755», то же историческая невѣрность, такъ-какъ Елисаветою утверждены были коротенькіе проектъ и доношеніе объ основаніи заведенія, но не уставъ его. Кругомъ всего этого русская надпись: «Б. М. Елисавета I, (она такъ никогда не титуловалась) императр. и самодерж. всеросс.», а внизу латинское слово iubilaeum, выбитое съ ошибкою въ написаніи его вм. jubilaeum.

2) Исторія императорской Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 15.

московскаго университета, довольно въ немъ примѣтилъ нелюбія къ россійскимъ ученымъ, когда Блюментростъ назначенъ кураторомъ и пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, ибо онъ не хотѣлъ, чтобы Ломоносовъ былъ больше въ совѣтахъ о университетѣ, который и первый причину подалъ къ основанію помянутаго корпуса..."[1]).

Въ 1755 году ученыя и литературныя занятія у Ломоносова видимо отходятъ на второй планъ[2]): бо́льшая часть его времени поглощается въ эту эпоху на борьбу съ его личными врагами. Ей предавался нашъ академикъ со всѣмъ увлеченіемъ и жаромъ, которыхъ въ немъ не могли истребить лѣта и никакія стороннія соображенія. Отъ этого рода дѣятельности Ломоносова, исключительно почти полемическаго и обличительнаго свойства, сохранилось значительное количество разныхъ записокъ, докладовъ и представленій, по бо́льшей части въ черновыхъ набросках, которыхъ не хотѣлъ или не успѣвалъ окончательно обдѣлывать Ломоносовъ, почему многимъ изъ нихъ и не давалъ онъ дальнѣйшаго хода. Всѣ эти бумаги въ высшей степени любопытны для оцѣнки Ломоносова, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, и, кромѣ того, онѣ имѣютъ особенное значеніе для большинства русскихъ читателей, которые въ этомъ случаѣ почти всегда становятся на сторону Ломоносова

1) Билярскій, стр. 097; Ломоносовъ и Петербургская Академія наукъ, сообщ. г. В. Ламанскій, стр. 69.

2) Вотъ собственное показаніе Ломоносова, что имъ сдѣлано въ 1755 году: «Въ химіи: Дѣланы разные физико-химическіе опыты, что явствуетъ въ журналѣ того-жъ года на 14-ти листахъ. Въ физикѣ: 1) сочинилъ диссертацію о должности журналистовъ, въ которой опровергнуты всѣ критики, учиненныя въ Германіи противъ моихъ диссертацій, въ Комментаріяхъ напечатанныхъ, а особливо противъ новыхъ теорій о теплотѣ и стужѣ, о химическихъ растворахъ и упругости воздуха. Оная диссертація переведена г. Формеемъ на французскомъ языкѣ и въ журналѣ, называемомъ Нѣмецкая библіотека (Bibliothèque germanique) на ономъ языкѣ напечатана; 2) сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ Океаномъ. Въ исторіи сдѣланъ опытъ описаніямъ владѣнія первыхъ великихъ князей россійскихъ Рурика, Олега, Игоря. Въ словесныхъ наукахъ: 1) сочинилъ и говорилъ въ публичномъ собраніи Слово похвальное блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому. 2) Сочинивъ большую часть грамматики, привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ году печатью къ концу приходитъ. 3) Сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ». (Билярскій, въ Матеріалахъ для Біографіи Ломоносова, стр. 302, 303).

именно потому, что у Ломоносова иногда рѣзко осуждаются льготы и преимущества иноземцамъ въ Россіи и ихъ весьма понятное равнодушіе къ ея пользамъ. Чтобы ни говорили объ этомъ предметѣ, какъ бы ни представлялся онъ той или другой сторонѣ, только замѣчаемая въ Россіи издавна рознь между нѣкоторыми народностями не есть позднѣйшая выдумка или модная прихоть, какъ стараются доказывать нынѣ нѣкоторые, но историческое явленіе, которое легко прослѣдить въ разныя эпохи русской исторіи. Его не возможно никакъ обойти правдивому историку, когда онъ дойдетъ до оцѣнки и объясненія многихъ событій ихъ русской исторіи въ особенности со временъ Петра Великаго, когда наплывъ иноземцевъ въ Россію принялъ обширные размѣры, когда они стали пользоваться у насъ разными льготами и преимуществами въ ущербъ природнымъ русскимъ и когда, наконецъ, они выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ высокомѣрное презрѣніе къ русскимъ и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія. Многія изъ ломоносовскихъ бумагъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, были обнародываны въ Очеркахъ Россіи, изданныхъ В. Пассекомъ, съ поспѣшностью, которую можно объяснить только этою наклонностью русскаго человѣка чѣмъ бы то ни было и какъ бы то ни было напомнить о рознѣ, о которой говорено выше. Поспѣшность въ этомъ случаѣ была причиною, что бумаги изданы кое-какъ, съ замѣтнымъ желаніемъ оттѣнить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было поболѣе выходокъ противъ нѣмцевъ. Повторяю — русскимъ невозможно читать ломоносовскихъ бумагъ противъ его академическихъ враговъ безъ сочувствія къ писавшему ихъ, но при этомъ все таки не слѣдуетъ выпускать изъ вида исторической правды, а ее невсегда найдешь въ писаніяхъ человѣка страстнаго, постоянно взволнованнаго, разсерженнаго, негодующаго. Между тѣмъ долгое время никто не брался за сличеніе ломоносовскихъ бумагъ съ другими современными извѣстіями, которыя необходимо должны были многое пополнять, иное представить совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, и кое-что отвергнуть вовсе, какъ плодъ личнаго увлеченія.

За день до наступленія новаго 1755 года, т. е. 30 декабря 1754 года, Ломоносовъ писалъ къ И. Шувалову: „изъ вчерашняго вашего превосходительства милостиваго разговора примѣтилъ я, что злоба преодолѣваетъ благости, подкрадываясь подъ святость высочайшихъ повелѣній. И такъ ежели невозможно, чтобы я по моему всепокорнѣйшему прошенію былъ произведенъ въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ предстательствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ иностранную коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имѣя случай употреблять въ споможеніе архивы къ продолженію россійской исторіи. Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ сотворилъ со мною знаменіе во благо: да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся: Господь помоглъ ми и утѣшилъ мя есть изъ двухъ единымъ, дабы или всѣ сказали: камень, его же небрегоша зиждущій, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такого человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности. Ожидая того или другаго, въ твердомъ на милостивѣйшее ваше ходатайство уповаціи со усерднымъ глубокопочитаніемъ пребываю...“ [1])

Изъ этого письма можно догадываться только, что Ломоносовъ просилъ Шувалова о какомъ-то высшемъ для себя назначеніи въ Академіи въ видахъ избавленія ея отъ „коварныхъ предпріятій“. Шуваловъ, по видимому, не внималъ этой просьбѣ, но Ломоносовъ не отчаявался и для бо́льшаго убѣжденія своего покровителя не скупился на тексты изъ св. писанія. Вскорѣ ему представился случай открыто напасть на слабыя стороны тогдашняго академическаго управленія по случаю учрежденія особой коммиссіи для сочиненія новаго уложенія. Таубертъ былъ назначенъ въ эту коммиссію отъ Академіи и по

1) Билярскій, стр. 278.

распоряженію сената обязывался представить „о всѣхъ недостаткахъ и излишествахъ“ при Академіи[1]) Вслѣдствіе этого онъ приготовилъ предложенія къ улучшенію состоянія ученаго учрежденія, которыя и представлялъ на обсужденіе академическаго собранія въ февралѣ и мартѣ 1755 года[2]). Ломоносовъ, съ своей стороны, намѣревался представить иныя предложенія. Успѣлъ-ли онъ обработать что нибудь цѣльное касательно новаго академическаго устава въ 1754 г., съ точностью неизвѣстно, и теперь только по уцѣлѣвшимъ собственноручнымъ отрывкамъ его, можно судить о томъ, какова должна была быть Академія наукъ по его мысли. Отрывки эти хранятся въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ г. Орлова и помѣщены въ концѣ настоящаго жизнеописанія въ приложеніи VIII. Ломоносовъ, написавъ составныя части, изъ которыхъ долженствовала состоять Академія наукъ, видимо затруднялся, которой изъ нихъ отвести какое мѣсто. Такъ сначала ненавистная ему академическая канцелярія стояла ниже всѣхъ; но потомъ имъ принято было такое распредѣленіе: 1. Канцелярія. 2. Академическое собраніе. 3. Университетъ. 4. Академія художествъ. 5. Библіотека и кунсткамера. 6. Гимназія. 7. Географическій департаментъ. 8. Переводческая экспедиція. Академическое собраніе имѣло состоять изъ трехъ классовъ; въ первомъ математическомъ, каѳедры: высшей математики, астрономіи, механики; второй—физической съ каѳедрами физики, медицины и химіи; третій историческій, гдѣ членами названы: анатомъ, ботаникъ и металлургъ. Такимъ образомъ по мысли Ломоносова въ Академіи наукъ не допускались ни филологія, ни исторія, ни древности. Далѣе всѣ постановленія, которыя намѣревался предложить Ломоносовъ для ученаго общества, заключаются въ оглавленіяхъ предметовъ, о которыхъ имѣлъ онъ говорить и въ наброскѣ штатовъ. По убѣжденію Ломоносова ежегодное жалованье ординарнымъ академикамъ въ 660 р., экстраординарнымъ по 500, и адъюнктамъ 360 р. было достаточно; сверхъ

1) Исторія Академіи наукъ, т. I, 652.

2) Очерки Россіи, изд. В. Пассекомъ, (Москва, 1840), II, 48—65. Поправки невѣрностей противъ подлинника у Билярскаго, въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 283—285.

того за чтеніе лекцій и отправленіе должностей ректора, библіотекаря назначались прибавки къ жалованью, не превышавшія 200 р. въ годъ.

Занимаясь регламентаціею, Ломоносовъ, при занятіяхъ этимъ дѣломъ, видимо увлекся личнымъ нерасположеніемъ противъ тогдашнихъ распорядителей судьбами Академіи и въ своихъ бумагахъ отвелъ полемическимъ выходкамъ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ положительнымъ указаніямъ на то, какъ должны быть исправлены замѣченные имъ недостатки. Въ этомъ отношеніи любопытно приготовленное Ломоносовымъ вчернѣ „Всенижайшее мнѣніе о исправленіи санктпетербургской Академіи наукъ"[1]). Здѣсь очень много мѣткихъ указаній на недостатки дѣйствовавшаго тогдашняго академическаго регламента, на малые успѣхи учениковъ при академической гимназіи, на причины малочисленности учащихся въ гимназіи и университеты. Между прочимъ Ломоносовъ возставалъ совершенно справедливо противъ запрещенія учиться при Академіи записаннымъ въ подушный окладъ „Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, говоритъ онъ, позволено въ Академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьѣ всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи, при самомъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ университетъ принимать запрещается. Будто бы сорокъ алтынъ толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать! Довольно бъ и того выключенія, чтобъ не принимать дѣтей холопскихъ".

При нѣкоторыхъ изъ пунктовъ Ломоносовъ приписывалъ

1) Высказано было предположеніе, что вся коммиссія для сочиненія новаго уложенія будто бы была установлена подъ вліяніемъ Ломоносова на Шувалова (Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, Москва, 1865, стр. 87); но въ подтвержденіе тому нѣтъ намековъ въ современномъ дѣлѣ объ этой коммиссіи, которое я имѣлъ въ рукахъ, благодаря Г. К. Рѣпинскому. Изъ этого дѣла видно, что Таубертъ получило отъ сената, а не вслѣдствіе настояній Ломоносова, подтвержденіе о необходимости пересмотра академическаго устава.

сатирическія выходки. Такъ въ одномъ мѣстѣ на полѣ замѣтка: „дивлюсь, что и студентовъ изъ за моря не велѣно выписывать!“ Въ другомъ мѣстѣ: „Диво, что въ Академіи нѣтъ музыки! Ба, да Шумахеръ танцовать не умѣетъ!“

Въ академическихъ засѣданіяхъ, впрочемъ, не дошло дѣло до разсмотрѣнія предложеній Ломоносова, такъ-какъ онъ въ одно изъ первыхъ же собраній жестоко поссорился съ Тепловымъ, и Мюллеръ донесъ объ этомъ президенту Академіи: „сего февраля 23 дня учинился споръ отъ г. совѣтника Ломоносова противъ г. совѣтника Теплова съ такими словами, для которыхъ г. совѣтникъ Тепловъ объявилъ къ протоколу, что за учиненнымъ ему отъ г. совѣтника Ломоносова безчестіемъ присутствовать съ нимъ въ академическихъ собраніяхъ не можетъ; тако жъ и г. статскій совѣтникъ Шумахеръ говорилъ, что свое присутствіе впредь за излишнее признаваетъ. И такъ всѣ члены разошлися.... А я, прибавляетъ отъ себя Мюллеръ, такожде прошу, чтобъ меня отъ академическихъ собраній уволить, потому что не меньше я г. совѣтника Ломоносова опасаюсь, имѣя уже толь много примѣровъ его ко мнѣ досады, что впредь съ нимъ ни о какомъ дѣлѣ говорить не осмѣливаюсь....“ [1])

По разсказу Ломоносова, онъ въ помянутомъ засѣданіи „представлялъ, что въ академическомъ статѣ есть много неисправностей, прекословныхъ и вредныхъ установленій, и то-де доказывается тѣмъ, что по нему не чинится исполненія. Совѣтникъ Тепловъ съ презрѣніемъ словъ его не хотѣлъ слушать, отчего дошло съ обѣихъ сторонъ до грубыхъ словъ и до шуму. И въ собраніи ничего не положено....“ [2]) Объ этомъ же событіи Ломоносовъ поспѣшилъ сообщить И. Шувалову. Въ одномъ письмѣ онъ описывалъ, что столкновеніе у нихъ произошло изъ того, что Тепловъ отстаивалъ значеніе президента въ Академіи: „коварникъ (Шумахеръ) говорилъ, что хочу отнять власть и полномощество президентское. Я отвѣчалъ, что я желаю снять

---

1) Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, г. В. Ламанскаго (М., 1865), стран. 101.

2) Биларскій, стр. 071.

съ него бремя, которое выше силъ одного человѣка, каковъ бы онъ ни былъ; но должно общимъ согласіемъ всему производиться, а особливо, что президентъ не полигисторъ..... Въ полномощество президенсткое мы не знаемъ, что дѣлать или нѣтъ. Мы знаемъ то.... и говоримъ многое время. Вдругъ повелѣніе: не быть такъ.... Я, продолжаетъ Ломоносовъ, въ первомъ собраніи оговорился, чтобъ никто не думалъ, когда я говорю о президентѣ, якобы я говорилъ о графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ, но разсуждаю о президентѣ генерально въ вѣчные роды; мы всѣ смертны; однако ничто не помогло! Онъ все натягивалъ на нынѣшнее состояніе; помавалъ всѣмъ руками, какъ диктаторъ. Всѣ боятся и готовы его слушать...."

Ссора съ Тепловымъ въ засѣданіи повлекла письменный выговоръ президента, который слѣдовало объявить Ломоносову въ канцеляріи чрезъ секретаря. „Я, писалъ опять Ломоносовъ къ И. Шувалову, осужденъ. Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватой оправленъ, правой обвиненъ! Коварнинъ надѣется, что онъ и со мною такъ поступитъ, какъ съ другими прежде. Делиля, Гмелина, Сигезбека, Крузіуса, Гебенштрейта профессоровъ изъ Россіи выгналъ; Вейтбрехта крутымъ отъ службы отказомъ уморилъ; другими многими какъ хотѣлъ поворачивалъ. Президентъ нашъ добрый человѣкъ, только ввѣрился въ коварнина. Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только не Теплова...." Въ заключеніе Ломоносовъ просилъ предстательства за него у императрицы и о избавленіи его „отъ Теплова ига" [1]). Ходатайство это имѣло желаемое дѣйствіе: графъ Разумовскій велѣлъ уничтожить письменное опредѣленіе о взысканіи съ Ломоносова и допустить, „чтобъ въ собраніяхъ академическихъ по прежнему ему присутствовать".

Впрочемъ, Ломоносовъ, не обращая вниманія на постигшую было его непріятность, составилъ въ слѣдъ затѣмъ обширную записку, въ которой, очевидно находясь подъ свѣ-

---

1) Письмо Ломоносова къ Шувалову отъ 10 и 12 марта 1755 г. у Билярскаго, стр. 288—291, и въ Воронежской бесѣдѣ 1861 г. стр. 232, 233. Здѣсь выписки изъ письма отъ 12 марта поправлены по подлиннику, доставленному въ Академію наукъ отъ П. Муханова.

жимъ впечатлѣніемъ своего столкновенія съ Тепловымъ и Шумахеромъ, далъ значительное мѣсто извѣстіямъ обличительнаго свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ мнѣніе о томъ, каковъ долженъ быть новый уставъ Академіи [1]). „Нынѣ въ разсужденіи Академіи предпріялъ я, писалъ тамъ Ломоносовъ, отдать отечеству послѣднюю должность; ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія великія нашея государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ. Симъ предпріятіемъ побуждаю на себя безсомнѣнія нѣкоторыхъ негодованія, которыхъ ко мнѣ доброжелательство прежнее чувствительно; однако совѣсть и должность онаго несравненно сильнѣе. Чѣмъ могу я предъ правосудіемъ извиниться? Оно уже заблаговременно мнѣ предвѣщаетъ и въ сердцѣ говоритъ, что имѣя во многихъ наукахъ знаніе, вѣдая другихъ Академій поведеніе, видя великой упадокъ и бѣдное состояніе здѣшней Академіи, многіе недостатки и неисправности въ регламентѣ и безполезную трату толикой казны ея величества, не представлялъ по своей должности. Что отвѣтствовать? Развѣ то, что я боялся руки сильныхъ? Но я и живота своего не жалѣть въ случаѣ клятвою предъ Богомъ обѣщался....“ Послѣ такого приступа, слѣдуетъ разсказъ объ отправленіи Ломоносова съ Виноградовымъ и Рейзеромъ, разсказъ, какъ говорено уже было на стр. 290, невѣрный потому, конечно, что писанъ сгоряча и долго спустя послѣ событій. О недостаткѣ учениковъ и множествѣ художниковъ и ремеслъ, также о самовластіи канцеляріи Ломоносовъ повторилъ то, что писали противъ Шумахера прежніе академики, но у него изложено это рѣзче, и, главное, съ бóльшимъ литературнымъ умѣ-

1) Билярскій, на стр. 434—436, записку эту относилъ къ 1760 г. и приводитъ разныя сображенія для подтвержденія того; но г. Н. Лавровскій, въ изслѣдованіи своемъ: О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ (Харьковъ, 1865), 115—120, весьма убѣдительно доказалъ, что произведеніе Ломоносова, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, могло быть написано только въ 1755 г., и что въ него вошло въ распространенномъ видѣ и выше приведенное «Всенижайшее мнѣніе» и пр. Г. Будиловичъ не обратилъ вниманія на доводы г. Лавровскаго и повторилъ промахъ Билярскаго. (Сборникъ отд. русск. яз. VIII, № 1, стр. 60, 61).

ніемъ. Вотъ, напр., какъ онъ рисуетъ въ своей запискѣ дѣянія своего врага: „Шумахеръ, для приведенія профессоровъ въ ссору между собою, прибиралъ себѣ всегда изъ нихъ по обстоятельствамъ партію; вооружалъ и ободрялъ молодыхъ профессоровъ противъ старыхъ; надобныхъ себѣ привлекалъ выдачею напередъ или прибавкою жалованья; а другихъ томленіемъ, удерживая оное. Сегодня того лаская, кого угнеталъ вчерась; перемѣняя какъ понадобится; президента же и другихъ знатныхъ особъ улещая то подареніемъ разныхъ книгъ въ хорошихъ переплетахъ, грыдоровальныхъ листовъ, на что многія тысячи рублевъ истрачены; то дачею оныхъ въ долгъ изъ казенной книжной лавки, которыхъ чаятельно много пропало.... Шумахеру было опасно происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессоры природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы больше опасался. Того ради ученіе и содержаніе россійскихъ студентовъ было въ такомъ небреженіи, по которому ясно оказывалось, что не было у него намѣренія ихъ допустить къ совершенству ученія. Яснѣе сіе понять можно, что Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры. И недавно зять его, и имѣнія, и дѣлъ и чуть не Академіи наслѣдникъ отозвался въ разговорѣ о произведеніи россійскихъ студентовъ: развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно — и одинъ-де намъ въ тягость!“ Послѣ во многихъ отношеніяхъ справедливаго разбора недостаточности академическаго устава, сочиненнаго Тепловымъ, Ломоносовъ предлагалъ: „1) не попустить больше властвовать надъ науками людямъ малоученымъ, которые однако хотятъ, чтобъ ихъ за ученыхъ почитали, каковы показаны выше; 2) чтобъ не дать великой власти чужестраннымъ тѣмъ, въ которыхъ нѣкоторое къ ученымъ россіянамъ недоброжелательство примѣчено....“ Въ предложенномъ отъ Ломоносова штатѣ полагалась новая должность, которой до того времени не существовало — именно вице-президента. Изъ вышеприведеннаго письма нашего академика къ И. Шувалову, а также и изъ другихъ, писанныхъ въ послѣдующіе годы, не трудно убѣ-

диться, что эту должность Ломоносовъ предназначалъ для себя [1]).

Графъ Разумовскій, предписавъ, какъ видѣли выше, уничтожить опредѣленіе о выговорѣ Ломоносову, въ то же время ему поручалъ: „какъ возможно бъ стараться ему изготовить къ будущей асамблеѣ, т. е. наступающаго апрѣля 26 числа, Слово похвальное государю императору Петру Великому, которое-де имъ обѣщано давно сочинить“ [2]).

Дѣйствительно объ этомъ Словѣ Ломоносовъ упоминалъ въ письмѣ къ И. Шувалову еще 28 марта 1754 года. Здѣсь онъ оправдывался, что не имѣлъ намѣренія выражать ласкательства фавориту. „Всепокорнѣйшее мое прошеніе къ вашему превосходительству только ту силу имѣетъ и намѣреніе, чтобы я вашимъ милостивымъ благодѣяніемъ предостереженъ былъ въ разсужденіи тѣхъ должностей, которыя наблюдать должно въ разсужденіи толь великой особы, къ которой мое сочиненіе простирается; штиля моего и другихъ хотя никто больше и лучше судья васъ быть не можетъ, что я собственнымъ искусствомъ всегда могу засвидѣтельствовать; однако все мое къ вашему превосходительству прошеніе состоитъ въ разсужденіи перваго....“ [3])

Рѣчь Ломоносова вышла подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Слово похвальное блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государю императору Петру Великому въ торжественное празднество коронованія ея императорскаго величества всепресвѣтлѣйшія, самодержавнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссійскія въ публичномъ собраніи санктпетербургской императорской Академіи наукъ, говоренное Михайломъ Ломоносовымъ апрѣля 26 дня 1755 года. Печатано при императорской Академіи наукъ [4]).

---

1) Записка Ломоносова у Билярскаго, стр. 442—455. Такъ какъ я имѣлъ случай видѣть и черновой подлинникъ этого произведенія нашего академика въ собраніи его бумагъ, принадлежащихъ г. Орлову, то при чтеніи его оказалось нѣсколько мѣстъ зачеркнутыхъ Ломоносовымъ и не напечатанныхъ Билярскимъ: нѣкоторыя изъ нихъ такъ любопытны, что я возстановилъ ихъ и помѣщаю въ приложеніи VIII.

2) Билярскій, стр. 293.

3) Билярскій, стр. 261.

4) Въ 4°, 70 стр. и въ 8°, II и

Первый, указавшій на заимствованія въ этомъ Словѣ Ломоносова изъ панегирика Плинія младшаго Траяну былъ Каченовскій [1]). Впослѣдствіи бывшій профессоръ московскаго университета Шевыревъ, забывъ о Плиніи младшемъ, утверждалъ:

---

56 стр. Всего было печатано 600 экз., изъ которыхъ 150 на александрійской бумагѣ. Слово продавалось по 40 коп. Въ декабрѣ 1765 г. напечатано второе изданіе его, такъ-какъ первое было распродано, а покупатели продолжали спрашивать его. Тогда выпущено въ свѣтъ 600 экз., по 25 копеекъ каждый (II, книга № 292). Французскій переводъ: Panégyrique de Pierre le Grand, prononcé par M. Lomonosow.... et traduit sur l'original russien par M. le baron de Tschoudy, въ 4°, 42 стр. Въ академическомъ экземплярѣ между послѣдними строками приписка Ломоносова: «mais traduit fort mal et contre les protestations de l'auteur». Перевода напечатано въ іюлѣ 1759 г. 625 экз., изъ коихъ каждый продавался по 15 к. (II, книга № 243).

1) Труды общества любителей россійской словесности (Москва, 1812 г.), III, Разсужденіе о похвальныхъ словахъ Ломоносова, 92—99. Здѣсь, между прочимъ, Каченовскій говоритъ:

«Витія нашъ тщательно ловитъ всѣ возможные случаи, дозволящіе ему воспользоваться стяжаніемъ любимыхъ образцовъ своихъ. Къ самому началу приступа онъ умѣлъ привязать любезную для слушателей своихъ мысль Плиніеву:

«Хотя бы еще кому сомнительно «было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю «державы достигаютъ; однако единымъ «рожденіемъ великія Государыни на«шея увѣриться о томъ должно, видя, «что Она уже тогда избрана была «владычествовать надъ нами!	У Плинія: Ac, si adhuc dubium fuisset, forte casuque rectores terris, an aliquo numine darentur, principem tamen nostrum liqueret divinitus constitutum. Paneg. I.

«Разсматривая сіе Похвальное слово, еще нахожу мѣста, гдѣ Ломоносовъ переводитъ Плинія. Сходство въ добродѣтеляхъ человѣколюбиваго Траяна и безпримѣрнаго Петра заставило нашего Витію брать не только краски, но даже рисунокъ у древняго панегириста, котораго всякій узнаетъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Часто межъ подданными своими «просто обращался, не имѣя великаго и «монаршеское присутствіе показующа«го великолѣпія и раболѣпства. Часто «пѣшему свободно было просто встрѣ«титься, слѣдовать, идти вмѣстѣ, за«чать рѣчь, кому потребуется.	Liberum est, ingrediente per publicum principe, subsistere, occurrere, comitari, praeterire; ambulas inter nos, non quasi contingas; et copiam tui, non ut imputes facis. Haeret lateri tuo quisquis accessit.... Pan. c. 24.
«Многихъ прежде Государей рабы на «плечахъ, на головахъ своихъ носили; «Его снисхожденіе превознесло выше «самихъ Государей.» Или:	Illos ergo humeri cervicesque servorum super ora nostra; te fama, te gloria.... ibid.

„Ломоносовъ сравнивалъ Петра Великаго съ божествомъ — и справедливо.... Это значеніе Петра христіанское....“ [1]) Вскорѣ за тѣмъ г. Галаховъ напомнилъ Шевыреву, что это сравненіе съ божествомъ Петра переведено Ломоносовымъ изъ язычника Плинія, который возвелъ въ своемъ панегирикѣ въ бога Траяна.... Тогда же г. Галаховъ, на основаніи указаній Каченовскаго, привелъ и другія заимствованія Ломоносова у Плинія [2]).

Послѣ торжественнаго собранія въ Академіи, Ломоносовъ получилъ разрѣшеніе отправиться до 1 августа „на его заводы“. Передъ отъѣздомъ туда, академикъ, 3 мая 1755 года, подалъ слѣдующее донесеніе въ академическую канцелярію: „Данные мнѣ отъ академической канцеляріи ученики рисовальнаго художества для наученія мозаики имѣютъ въ оной не

«Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ Обладателей, великими названныхъ.... иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ; иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества, и проч.»

....Enituit aliquis in bello, sed obsolevit in pace: alium toga, sed non arma honestarunt: reverentiam ille terrore, alius amorem humanitate captavit: ille quaesitam domi gloriam, in publico: hic in publico partam, domi perdidit. Pan. c. 4.

Слѣдующая высокая мысль, украшенная въ русскомъ переводѣ вдохновеннымъ изреченіемъ Царя псалмопѣвца, также взята изъ Плинія:

«Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и небо; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды, прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ; обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.»

Saepe ego mecum, P. C. tacitus agitavi, qualem quantumque esse oporteret, cujus ditione nutuque maria, terra, pax, bella gererentur: quum interea singenti formantique mihi principem, quem aequata diis immortalibus potestas deceret, nunquam voto saltem concipere succurrit similem huic, quem videmus. Ibid.

Примѣтно, что Ломоносову предстояли ощутительныя неудобства къ приличному выраженію сей мысли въ своемъ Похвальномъ словѣ....»

1) Москвитянинъ 1843 г., № 6, критика, 526.

2) Отечественныя Записки 1843 г., XXX, отд. VIII, стр. 59—61.

малые успѣхи, что явствуетъ изъ составленнаго ими мозаичнаго портрета государя императора Петра Великаго блаженныя памяти, и нынѣ составляютъ мозаичный же портретъ св. апостола Петра по римскому примѣру. 2. Для совершенія онаго при химической лабораторіи имъ больше не возможно въ томъ упражняться, затѣмъ что уже должно въ оной трактовать физическую химію, а совершенства въ мозаикѣ достигнуть онымъ ученикамъ неотмѣнно должно, положивъ на мозаичное художество не мало времени и достигнувъ изрядныхъ успѣховъ. 3. На привилегированной моей фабрикѣ учреждены къ мозаичному дѣлу всякія потребности и мозаичные составы дѣйствительно производятся, изъ которыхъ набирая всякіе образы и портреты могутъ помянутые ученики достигнуть въ томъ дѣлѣ совершенства подъ моимъ присмотромъ и притомъ показывать оное моимъ собственнымъ мастеровымъ людямъ. 4. И понеже въ Академіи наукъ ученики не ради того обучаются, чтобъ всѣмъ остаться въ академической службѣ, но выпускать къ другимъ мѣстамъ; также и въ данномъ мнѣ на оную фабрику отъ правительствующаго сената указѣ съ прочетомъ изображено, что мнѣ въ помянутой фабрикѣ чинить во всемъ надлежащее вспоможеніе, гдѣ оный указъ объявится, того ради канцелярію Академіи наукъ покорно прошу, дабы оныхъ учениковъ Васильева и Мельникова уволить ко мнѣ на фабрику на три года, гдѣ содержать и довольствовать ихъ буду моимъ коштомъ. А по прошествіи трехъ лѣтъ имѣютъ быть отъ меня отпущены съ надлежащими аттестатами въ Академію или въ другую команду“.

Какое рѣшеніе послѣдовало на это ходатайство, неизвѣстно [1]).

21 августа 1755 года, Ломоносовъ въ академическомъ засѣданіи предложилъ на задачу въ 1756 году принять тему, о которой уже заявлялъ въ 1754 году (см. выше стр. 552), а именно: Sit ne vera illa hypothesis, qua statuitur, materiam corporum esse ponderibus eorum proportionalis, ex gr. utrum in auro

1) II, книга № 199.

vigecupla fere insit quantitas materiae, quam in aqua sub eodem volumine, quod theoria et praxi examinandum. Въ томъ же засѣданіи, а также и въ слѣдующемъ 25 августа были высказаны сомнѣнія на счетъ возможности получить удовлетворительное рѣшеніе такой задачи. Споровъ тогда было много, но они не привели ни къ какому заключенію. Наконецъ 31 августа 1755 года въ академическомъ протоколѣ было занесено, что президентъ Академіи положилъ предложенную Ломоносовымъ задачу отложить до другаго времени по случаю разногласій о томъ его сочленовъ. На слѣдующій день, Ломоносовъ продиктовалъ Стафенгагену, занимавшемуся письмоводствомъ при конференцъ-архивѣ, слѣдующую записку: Weil der Herr Professor Müller viele Kennzeichen gegeben hat, dasz er parteysch ist; dasz ich mich auf ihm in der Conferenz nicht verlassen kann, geschweige andere Kennzeichen, die schon vorhanden sind; folglich so werde ich so lange er Conferenz-Secretaire ist, kein von ihn verfastes Protocoll unterschreiben. Weil dem Befehl aus dem dirigirenden Senat wegen Verbesserung der acad. Gesetzen nach dem landes mütterlichen Befehl Ihro Keys. Maj. bishero kein Gnügen geschehen, so declarire hiemit, dasz ich ausser aller Schuld sey und verlange, dasz es noch heute oder höchstens morgen der academ. Cantzelley proponiret werde. Михайло Ломоносовъ. 1 сентября 1755 года[1]).

Это напоминаніе, кажется продиктованное въ минуту досады на вышеприведенное рѣшеніе графа Разумовскаго о задачѣ, осталось безъ послѣдствій, а между тѣмъ о ней было сообщено Эйлеру, который 26 ноября 1755 года писалъ Мюллеру: „что касается до предложенной г. совѣтникомъ Ломоносовымъ задачи—пропорціонально-ли количество тяжести тѣлъ, то конечно сама по себѣ она величайшей важности, если бы только возможно было какимъ нибудь образомъ надѣяться, чтобы получились о томъ статьи основательныя и соотвѣтствующія вопросу. Однако я готовъ быть порукою, что если

1) II, картонъ № 17; Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 300; на стр. 785, 786, помѣщенъ у него и современный переводъ этого заявленія, не совсѣмъ вѣрно передавшій мысль Ломоносова.

эта задача будетъ десять разъ предложена, то все таки не достигнутъ въ томъ великой достовѣрности. По моему мнѣнію, при совѣщаніяхъ о подобныхъ предметахъ слѣдуетъ смотрѣть не столько на важность предлагаемой задачи самой по себѣ, сколько на вѣроятность получить на нее статьи. При вопросѣ, въ первый разъ заданномъ отъ Академіи наукъ, это намѣреніе было достигнуто совершенно вполнѣ, потому что прежде господствовала великая неувѣренность, согласовалось ли движеніе луны съ теоріею Ньютона? а теперь этотъ важный вопросъ, по приговору всего ученаго свѣта, рѣшенъ окончательно. Подобнаго же исхода при предложеніи вышесказанной задачи конечно нельзя обѣщать“ [1]).

Вслѣдствіе-ли этого отзыва Эйлера, или самъ Ломоносовъ наконецъ созналъ тщету вопроса, по мнѣнію современныхъ ему ученыхъ, неразрѣшимаго, только на конкурсъ 1756 года наша Академія предложила другую задачу, а именно: „какая есть ближайшая причина, перемѣняющая тѣло младенца въ чревѣ матернемъ безъ перемѣны тѣла беременной въ то время, когда она какимъ либо незапнымъ приключеніемъ объята, и чего ради то дѣлается въ той части младенческаго тѣла, до которой на своемъ тѣлѣ мать прикоснется рукою? При семъ и такія разсужденія будутъ приняты, которыя хотя противнаго сему мнѣнію, только бы на вѣроятныхъ доказательствахъ основаны были“.

Въ 1755 году, извѣстный въ свое время изслѣдователь по части исторіи и географіи оренбургскаго края Рычковъ, окончивъ первую часть главнѣйшаго своего труда — Оренбургская топографія, послалъ ее въ рукописи къ Ломоносову. Напоминая въ письмѣ о благосклонности, которую послѣдній выказывалъ ему въ бытность его въ Петербургѣ, Рычковъ просилъ разсмотрѣть трудъ и представить его вниманію Академіи. Впослѣдствіи Рычковъ разсказывалъ: „Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ, получа первую часть моей Топографіи, письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ

1) Билярскій, стр. 300—302.

мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія аппробована; писалъ, что пріятели и непріятели (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди"…. Въ томъ же 1755 г. Мюллеръ напечаталъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ статью Рычкова „Переписка между двумя пріятелями о коммерціи", но безъ его имени. Рычковъ обрадовался появленію въ печати своего произведенія и вообразилъ, что онъ этимъ обязанъ Ломоносову, котораго считалъ издателемъ Ежемѣсячныхъ сочиненій, почему и продолженіе переписки о коммерціи послалъ прямо къ нашему академику. Это недоразумѣніе провинціала возбудило досаду въ послѣднемъ. „Онъ, писалъ потомъ Рычковъ къ Мюллеру, отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ (т. е. Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ) и что оныя мои пьесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ, по незнанію моему, исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?…" [1]).

Въ 1755 году Ломоносовъ подалъ слѣдующее донесеніе въ академическую канцелярію: „Разныя мои сочиненія на россійскомъ языкѣ въ стихахъ и въ прозѣ умножились такъ, что оныхъ три тома къ первому напечатать возможно, того ради канцелярія Академіи наукъ да соблаговолитъ второй оныхъ томъ приказать печатать въ такомъ же форматѣ, какъ первой. А какія въ немъ быть имѣютъ сочиненія притомъ прилагается реестръ".

„Реестръ сочиненіямъ ко второму тому. 1. Слово похвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому.

---

1) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб., 1867), 34—36.

2. Слово о пользѣ химіи. 3. Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ. 4. Ода на торжественный праздникъ возшествія на всероссійскій престолъ ея императорскаго величества. 5. Ода на рожденіе государя великаго князя Павла Петровича. 6. Надписи на иллюминаціи и фейерверки съ 5 числа сентября 1751 года по начало сего 1755 года".

22 августа того же 1755 года академическая канцелярія распорядилась печатать второй томъ собранія сочиненій Ломоносова въ количествѣ 725 экземпляровъ и 13 сентября увѣдомила о томъ академика; но вскорѣ за тѣмъ печатаніе его же Россійской грамматики было причиною, что изданіе этого втораго тома сочиненій было отложено [1]).

20 сентября 1755 года Ломоносовъ поднесъ въ рукописи свою россійскую грамматику великому князю Павлу Петровичу и въ донесеніи своемъ въ канцелярію Академіи наукъ, отъ 21 сентября, писалъ: „Вчерашняго числа на всерадостное торжество рожденія его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича, съ позволенія его сіятельства Академіи наукъ президента, удостоился я поднести его высочеству приписанную ему россійскую грамматику, мною сочиненную, которая милостивѣйше принята. А его сіятельство господинъ президентъ, по словесному моему докладу, изволилъ

---

1) II, книга № 150. Первое изданіе Собранія сочиненій Ломоносова только и вышло въ одной части въ 1751 году. За тѣмъ второе изданіе напечатано Академіею наукъ въ 1768 году, подъ заглавіемъ: Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Оно въ 8°, и въ первой книгѣ, перепечатанной съ перваго изданія безъ прибавленій, заключается 229 стр. Во второй книги 250 стран. Изъ дѣлъ академической канцеляріи (II, книги № 311, 313 и 314) видно, что 11 марта 1768 года въ коммиссіи, учрежденной для управленія Академіи наукъ, постановлено было «сочиненныхъ покойнымъ Ломоносовымъ одъ и прочаго, которыхъ въ первой части нѣтъ, напечатать вторую часть столько же экземпляровъ, сколько первыхъ печатано, и на такой же бумагѣ». Далѣе изъ типографскаго счета, 20 августа 1768 года, узнаемъ: «Второй части поэмы (sic) сочиненія покойнаго статскаго совѣтника г. Ломоносова, печаталось 1200 экземпляровъ на россійской комментарной бумагѣ, да на александрійской 4 экземпляра.... Всего на все вышепомянутая вторая часть поэмы обошлась по типографіи и съ бумагою 290 р. $51\frac{1}{2}$ к., а каждый экземпляръ придетъ съ небольшимъ въ 24 коп». Эту вторую часть велѣно было продавать сначала по 30, а потомъ цѣна увеличена до 35 копеекъ.

мнѣ приказать подать о томъ въ канцелярію репортъ, чтобъ оную грамматику напечатать прежде втораго тома моихъ сочиненій. Того ради при семъ прилагаю оную вчернѣ и прошу приказать переписать по бѣлѣе, чтобы набирать было способнѣе. Для украшенія помянутой грамматики прилично напереди поставить гридорованный листъ, котораго при семъ сообщаю идею“.

Идея „грыдорованнаго“ листа къ Россійской грамматикѣ изложена Ломоносовымъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „представить на возвышенномъ нѣсколько ступеньми мѣстѣ престолъ, на которомъ сидитъ россійской языкъ въ лицѣ мужескомъ, крѣпкомъ, тучномъ, мужественномъ и притомъ пріятномъ, увѣнчанъ лаврами, одѣтъ римскимъ мирнымъ одѣяніемъ. Лѣвую руку положилъ на лежащую на столѣ раствореннную книгу, въ которой написано: *Россійская Грамматика*, другую простираетъ, указывая на упражняющихся въ письмѣ геніевъ, изъ которыхъ одинъ пишетъ сіи слова: *Россійская Исторія*, другой *Разныя Сочиненія*. Подлѣ сѣдящаго россійскаго языка три нагія граціи, схватясь руками, ликуютъ и изъ лежащаго на столѣ подлѣ грамматики рога изобилія высыпаютъ къ геніямъ цвѣты, смѣшанные съ антиками и съ легкими инструментами разныхъ наукъ и художествъ. Передъ симъ трономъ на другой сторонѣ стоятъ въ кучѣ разные чины и народы, Россійской державѣ подданные, въ своихъ платьяхъ. Наверху надъ всѣмъ симъ ясно сіяющее солнце, которое свѣтлыми лучами и дышущими зефирами прогоняетъ туманъ отъ россійскаго языка. Въ срединѣ солнца литера Е подъ императорскою короною. позади солнца слѣдующей на восходѣ молодой мѣсяцъ, съ литерою П, которой принятые отъ солнца лучи испускаетъ отъ себя на лежащую на столѣ Россійскую Грамматику“.

Въ концѣ октября 1755 года академическая канцелярія передала грамматику Ломоносова копиcту Ивану Барсову, для переписки набѣло, и поручила мастеру Гриммелю сдѣлать къ ней рисунокъ по идеѣ автора. Рисунокъ этотъ вырѣзанъ на мѣди Иваномъ Соколовымъ, о чемъ онъ донесъ 9 января 1757 года. Въ то же время дано было предписаніе о печатаніи

грамматики въ числѣ 1200 экз. Изъ нихъ 25 на александр. бумагѣ. Печатаніе производилось болѣе года, и окончено только въ январѣ 1757 года; на заглавномъ же листѣ выставленъ 1755 годъ [1]).

Заглавіе этой книги было таково: Россійская грамматика Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ. При императорской Академіи наукъ 1755 года [2]). Она выдержала потомъ четырнадцать изданій. Два послѣднія сдѣланы въ Академіи наукъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ 1855 г., въ воспоминаніе столѣтія этого труда Ломоносова [3]). Въ предисловіи, предпосланномъ тогда къ этимъ изданіямъ, изложено содержаніе какъ грамматикъ славянскаго и славяно-русскаго языка до Ломоносова, такъ и его грамматики.

Обстоятельную оцѣнку не только грамматики Ломоносова, но и всѣхъ вообще замѣтокъ и отрывковъ его по этому пред-

---

1) II, книга № 204; печатаніе грамматики обошлось по $24\frac{1}{4}$ к. каждый экз., а въ продажѣ была назначена цѣна по 50 коп.

2) Грамматика Ломоносова, со обозначеніемъ на заглавномъ листѣ 1755 года, въ библіотекѣ Академіи наукъ имѣется въ нѣсколькихъ экземплярахъ, представляющихъ значительныя отмѣны между собою. Всѣ они въ 8°, но въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, счетъ страницъ начинается съ заглавнаго листа, 210 нум. и 3 нен. стр.; на послѣднихъ на двухъ оглавленіе и на третьей—«Типографскія погрѣшности». При такихъ экземплярахъ имѣются гравюры, вырѣзанныя, какъ указано выше, по мысли Ломоносова. Въ одномъ экземплярѣ счетъ страницъ одинаковъ съ предыдущими, но нѣтъ листка съ типографскими погрѣшностями; въ оглавленіи нѣтъ уже невѣрности въ строкахъ главы 5, и кромѣ того есть поправки въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ самого текста, напр. на стр. 208 читаемъ: ѣхать на Вятку, на Покровку; тогда какъ въ предыдущихъ: ѣхать на вятку, на покровку и т. п. Въ другомъ экземплярѣ заглавный листъ не нумерованъ, отчего вышло въ книгѣ 208 стран.; кромѣ того перемѣнены заставки въ началѣ и въ концѣ книги. Наконецъ, есть экземпляръ, въ которомъ 187 нум. и 2 ненум. стр., не включая сюда заглавнаго листа. И такъ грамматики Ломоносова съ обозначеніемъ 1755 года можно считать четыре разныхъ изданія. Въ мартѣ 1763 г. бывшій воспитанникъ академической гимназіи, архиваріусъ при конференціи Стафенгагенъ довелъ до свѣдѣнія Ломоносова, что имъ будетъ скоро оконченъ переводъ на нѣмецкій языкъ его грамматики (Билярскій, стр. 589). Въ маѣ 1764 года этотъ переводъ уже былъ напечатанъ въ количествѣ 1225 экз.; каждый обошелся типографіи по 54 коп., а продавался по 70 копеекъ. Стафенгагену велѣно выдать за трудъ 100 экземпляровъ или деньгами, что они стоили по продажной цѣнѣ, т. е. 70 рублей. (II, книги №№ 282 и 283).

3) Грамматика въ 1855 г. издана въ Ученыхъ запискахъ второго отдѣленія Академіи наукъ кн. III, и отдѣльно.

мету, сохранившихся въ академической рукописи (въ f°, № 112), можно найти у г. Будиловича въ его изслѣдованіи: М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ (Спб., 1869), на стр. 63—79. Здѣсь приводимъ главнѣйшія изъ выводовъ этого изслѣдователя.... „Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, говоритъ онъ, Ломоносовъ началъ собирать матеріалы для русской грамматики, которую первоначально онъ задумалъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, и къ которой долженъ былъ примкнуть цѣлый рядъ филологическихъ изслѣдованій, какъ видно изъ сохранившагося плана ихъ [1]). „Ораторія" и книга „о стихотворствѣ" не сохранились; „филологическія изслѣдованія" вѣроятно не были и написаны.... Въ вышепомянутой академической рукописи Ломоносова находятся слѣдующія замѣтки о предположеніяхъ его относительно грамматическихъ трудовъ: „Меня хотя другія мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако видя, что никто не принимается, а многіе того.... Я хотя и не совершу [2]), однако начну, что будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать.... Ни на единомъ языкѣ совершенной грамматики никто не сдѣлалъ.... Сію грамматику не выдаю я за полную, но только опытъ: ибо никакой еще нѣтъ кромѣ словенской и маленькой въ лексиконѣ, весьма несовершенной и во многихъ мѣстахъ неисправной (зачеркнуто: несправедливой...." [3]).

„До Ломоносова, говоритъ митрополитъ Евгеній, были въ Россіи только славянскія грамматики Зизанія, Смотритскаго и Максимова, изъ коихъ нельзя было извлечь правилъ для рус-

---

1) Сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдина, I, 789. Сюда эта статья перепечатана изъ Московскаго Телеграфа 1825 г., № 19. Подлинникъ ея находится въ числѣ ломоносовскихъ бумагъ, поступившихъ въ Академію наукъ отъ П. Муханова, и по сличеніи собственноручной статьи Ломоносова съ печатною, въ послѣдней оказались пропуски, а именно 3-й и 10-й пункты слѣдуетъ такъ читать: «3. О словенскомъ церковномъ языкѣ и о нынѣшнихъ діалектахъ.... 10. О чтеніи книгъ старинныхъ и о реченіяхъ нестеровскихъ, новгородскихъ и пр. лексиконъ незнакомыхъ.»

2) Г. Будиловичъ невѣрно прочиталъ: «я самъ не совершу». Замѣчу также, что передъ каждой изъ этихъ замѣтокъ на полѣ отмѣчено: «Предис.» т. е. что онѣ предназначались въ предисловіе.

3) Рукопись академическая въ f°, № 112, л.л. 105 и 83.

скаго языка, имѣвшаго многія отличія и во время Ломоносова получившаго уже столько различныхъ оборотовъ, выраженія и слога, что каждый по произволу выдумывалъ и употреблялъ ихъ... Въ этихъ словахъ, продолжаетъ г. Будиловичъ, Евгеній не упоминаетъ о вышеуказанной русской грамматикѣ Адодурова, которою Ломоносовъ несомнѣнно пользовался, что видно какъ изъ приведенныхъ уже выше словъ самого Ломоносова, такъ и изъ сравненія его труда съ трудомъ Адодурова. Но главною подкладкою и у Ломоносова, и у Адодурова была все таки грамматика Смотритскаго.... Что касается грамматики Адодурова, то она составлена довольно обстоятельно, но есть не болѣе, какъ извлеченіе изъ Смотритскаго, съ переложеніемъ лишь формъ церковно-славянскаго языка на русскій; несамостоятельный характеръ ея прямо указанъ и составителемъ. Въ ней довольно полно изложены склоненія, въ нѣкоторыхъ частяхъ даже подробнѣе, чѣмъ у Ломоносова (напр. склоненія иностранныхъ словъ, и пр.); но за то глаголы изложены очень кратко и неполно.... Расположеніе грамматикъ Ломоносова и Смотритскаго (если исключить „первое наставленіе" Ломоносова) одинаково; но въ отдѣльныхъ случаяхъ заимствованія изъ Смотритскаго являются у Ломоносова совершенно въ другомъ порядкѣ и едва узнаются въ новой обстановкѣ, что даетъ поводъ предполагать, что и въ этомъ случаѣ Ломоносовъ прибѣгнулъ къ обычному своему пріему отдѣльныхъ выписокъ, и размѣщая ихъ, уже не стѣснялся прежнимъ ихъ расположеніемъ и группировкою"....

Къ концу 1755 года относится извѣстіе о портретѣ Петрѣ Великаго, сработанномъ Ломоносовымъ и поднесенномъ имъ сенату. Объ этомъ поднесеніи занесено такимъ образомъ въ журналѣ сената 12 декабря 1755 г.: „Впущенъ былъ коллежскій совѣтникъ и Академіи наукъ профессоръ М. Ломоносовъ и собранію правительствующаго сената доносилъ, что онъ въ знакъ благодарности за пожалованную ему бисерную фабрику сдѣлалъ изъ мозаиковыхъ камней портретъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, который, притомъ объявя, просилъ, чтобъ повелѣно было оный,

портретъ у него, Ломоносова, въ правительствующій сенатъ принять. Приказали: оный, сдѣланный объявленнымъ совѣтникомъ Ломоносовымъ портретъ въ правительствующей сенатъ принять, который тогда же у него, Ломоносова, и принятъ, а ему, Ломоносову, отъ собранія правительствующаго сената объявлено, что сенатъ такимъ употребленнымъ его трудомъ доволенъ" [1]).

Въ 1756 году труды Ломоносова, какъ академика [2]), нача-

1) Извѣстія Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, V, 1856 г., стр. 102. О дальнѣйшей судьбѣ этого портрета свѣдѣній не отыскивается. Между тѣмъ въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. П. Свиньинымъ есть извѣстіе, что мозаическій портретъ Петра Великаго работы Ломоносова продавался въ 1822 г. на аукціонѣ картинъ и рѣдкостей, принадлежавшихъ гр. П. В. Гудовичу (Отеч. Записки, 1822 г. № 26, стр. 447). Подобный же портретъ хранился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ объявлено чрезъ Полицейскія вѣдомости, былъ оттуда похищенъ. Наконецъ, на выставкѣ историческихъ портретовъ, бывшей въ Петербургѣ въ 1870 году, находился такой же портретъ, и о немъ въ каталогѣ выставки (изд. 2, Спб., 1870), подъ № 56 указано: «мозаичный портретъ, дѣланный на фабрикѣ Ломоносова. Голова одна, типъ Амикони (выш. 8 вершк., шир. 7 вершк.) Принадлежитъ А. А. Половцову».

2) Вотъ отчетъ самого Ломоносова о своихъ занятіяхъ въ 1756 году: Въ химіи: 1. Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ-ли вѣсъ металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Бойля мнѣніе ложно, ибо безъ пропущенія внѣшняго воздуха вѣсъ сожженнаго металла остается въ одной мѣрѣ. 2. Учинены опыты химическіе со вспоможеніемъ воздушнаго насоса, гдѣ въ сосудахъ химическихъ, изъ которыхъ воздухъ былъ вытянутъ, показывали на огнѣ минералы такіе феномены, какіе химикамъ еще неизвѣстны. 3. Нынѣ лаборатор Клементьевъ подъ моимъ смотрѣніемъ изыскиваетъ по моему указанію, какъ бы сдѣлать для фейерверковъ верховыя зеленыя звѣздки. Въ физикѣ: 1. Изобрѣтенъ мною новый оптическій инструментъ, который я назвалъ никтоптическою трубою (tubus nictopticus); оный долженъ къ тому, чтобы ночью видѣть можно было. Первый опытъ показываетъ на сумеркахъ ясно тѣ вещи, которыя простымъ глазомъ не видны, и весьма надѣяться можно, что стараніемъ искусныхъ мастеровъ можетъ простереться до такого совершенства, какого нынѣ достигли телескопы и микроскопы отъ малаго начала. 2. Сдѣлалъ четыре новоизобрѣтенные мною пендула, изъ которыхъ одинъ мѣдный, длиною въ сажень, однако служитъ чрезъ механическія стрѣлки противъ такого, который бы былъ вышиною съ четвертью на версту. Употребляется къ тому, чтобы узнать, всегда-ли съ земли центръ, притягающій къ себѣ тяжкія тѣла, стоитъ неподвижно или перемѣняетъ мѣсто. 3. Говорилъ въ публичномъ собраніи сочиненную мною рѣчь о цвѣтахъ. Въ исторіи: собранные мною въ нынѣш-

лись порученіемъ въ январѣ мѣсяцѣ освидѣтельствованія соли самосадки и тузлука, мѣсто нахожденія которой не было означено въ современной перепискѣ по Академіи [1]).

Въ февралѣ Ломоносовъ просилъ академическую канцелярію вновь напечатать его Реторику, потому что „многіе-де охотники почти ежедневно спрашиваютъ и желаютъ имѣть у себя" эту книгу, „а въ книжной-де лавкѣ за употребленіемъ оной въ продажу ни одного экземпляра давно не имѣется"…. Академическая канцелярія не находила возможнымъ исполнить это ходатайство: „понеже въ типографіи много книгъ давно печатаніемъ зачато, токмо еще и по нынѣ не окончены…. пока оныя зачатыя книги окончены не будутъ, печатаніемъ той Реторики обождать"…. [2]).

Еще въ 1754 г. Ломоносовъ отдалъ въ академическую мастерскую обучать принадлежавшаго ему человѣка Игната Петрова „барометренному и термометренному художеству на его囲 коштѣ". 2 апрѣля 1756 г. Ломоносовъ писалъ къ Шумахеру собственноручно:

„Высокородный господинъ статскій совѣтникъ, милостивый государь мой. Подателя сего письма, человѣка моего Игната Петрова, который обучался выдувать термометры и больше имѣетъ склонность къ живописному искусству, позволить допускать въ рисовальную палату прошу всепокорнѣйше, дабы онъ нѣкоторые свои успѣхи могъ между другими учениками подъ тамошнимъ смотрѣніемъ произвести далѣе. Въ надеждѣ милостиваго вашего соизволенія, принялъ его къ вашему высо-

---

немъ году россійскіе историческіе манускрипты для моей библіотеки, пятнадцать книгъ, сличалъ между собою для наблюденія сходствъ въ дѣяніяхъ россійскихъ. Въ словесныхъ наукахъ: 1. Сочиняю героическую поэму, именуемую Петръ Великій. 2. Сдѣлалъ проектъ со стихами для фейерверка къ 18 декабря сего года. Сверхъ сего въ разные годы зачаты дѣлать диссертаціи: 1. О лучшемъ и ученомъ мореплаваніи. 2. О твердомъ термометрѣ. 3. О трясеніи земли. 4. О первоначальныхъ частицахъ, тѣла составляющихъ. 5. О градусахъ теплоты и стужи, какъ ихъ опредѣлять основательно со мнѣніемъ о умѣренности растворенія воздуха на планетахъ. Къ совершенію привесть отчасти препятствуютъ другія дѣла, отчасти протяжнымъ печатаніемъ Комментаріевъ охота отнимается. (Билярскій, стр. 313, 314.)

1) Билярскій, стр. 313.

2) Билярскій, стр. 305.

кородію прислать, непремѣнно съ должнымъ почтеніемъ пребывъ, вашего высокородія всепокорный слуга“ [1]). Вслѣдствіе этой просьбы ломоносовскій крѣпостной посланъ былъ учиться къ академическому живописцу Гриммелю.

Въ сборникѣ черновыхъ бумагъ Ломоносова сохраняется набросокъ его, съ надписью „cepta est 5 apr. 1756“, слѣдующаго содержанія: Theoria electricitatis methodo mathematica concinnata. Auctore M. Lomonosow. 1756. Dispositio opusculi: Caput. 1) praeliminaria continet; 2) de aethere et igne; 3) de structura corporum sensibilium; 4) de productione electricitatis primitivae; 5) de productione electricitatis derivativae; 6) explicatio phaenomenarum artificialium; 7) explicatio phaenomenarum naturalium; 8) prognosticon de successibus doctrinae de electricitate [2]). Далѣе слѣдуютъ заглавія о предметахъ, о которыхъ хотѣлъ разсуждать Ломоносовъ въ названномъ сейчасъ сочиненіи.

6 мая вызванный для занятія каѳедры химіи на мѣсто Ломоносова, академикъ Сальховъ (о которомъ говорено выше на стр. 553, 556) въ первый разъ явился въ академическомъ собраніи. Вскорѣ затѣмъ, именно 10 мая 1756 года, Ломоносовъ обратился съ новымъ, собственноручнымъ письмомъ къ Шумахеру, въ которомъ, послѣ обычной титулатуры, писалъ: „Вашему высокородію извѣстно, какъ я неоднократно вамъ словесно жаловался на неприличные поступки лаборатора Беттигера, которые не токмо тѣмъ, что жили съ нимъ въ той же половинѣ въ академическомъ боновскомъ домѣ, были несносны и производились жалобы, но и мнѣ самому тягостны и досадны. Однако все сіе пропускалъ я для того, что онъ свою лабораторскую должность отправлялъ по моему указанію, какъ должно, и, надѣясь его исправленія, сносилъ я оскорбленія. Но противу моего чаянія, почувствовалъ я отъ его домашнихъ большія грубости. Для множества почти дневно и ночно часто

1) II, книга № 209; Билярскій, стр. 285, 306.

2) Рукопись академической библіотеки f⁰, № 58, л. 221—238; М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Съ приложеніями, содержащими матеріалы для объясненія его сочиненій, г. Будиловича (Спб., 1869), 47, 48.

приходящихъ на его квартиру гостей разныхъ званій и націй, безпокойство такъ умножилось, что уже и ворота середи дня пьяные гости его ломаютъ, а ночью часто стоятъ полы для прiѣзжающихъ къ нему колясокъ и одноколокъ. Сверхъ сего отъ служанокъ его чинятся фамиліи моей напрасныя и наглыя обиды, такъ что недавно дѣвка его безчестными словами дочерь мою съ крыльца сослала. И какъ жена моя вышла и спросила, зачѣмъ оная дѣвка такъ поступаетъ, то она, поворотясь задомъ и оперши́сь о перила, давала грубые отвѣты. И какъ уже неоднократно прежде было, что оный Беттигеръ за обиды, моимъ домашнимъ учиненныя, людей своихъ не наказывалъ, а суда на нихъ просить смѣшно и стыдно, для того велѣлъ я ту дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служанокъ была спокойна. Помянутый Беттигеръ вмѣсто того, чтобъ мнѣ поблагодарить за наученіе, забывъ стыдъ и за мое къ нему снисходительство благодарность, дерзнулъ утруждать на меня жалобою его сіятельство г. президента, будучи самъ виноватъ передо мною. И нынѣ, бѣгая по разнымъ домамъ, обноситъ меня ложными жалобами и, по двору ходя, грозитъ мнѣ черезъ моихъ домашнихъ, а отъ лабораторіи отсталъ. Для чего ваше высокородіе всепокорно прошу, чтобъ ради моего и слѣдующаго профессору спокойства онаго лаборатора Беттигера отъ академической службы отставить, а вмѣсто его принять холостаго, одинокаго человѣка, у котораго бы не могли быть безчестные и подозрительные въ домѣ поступки. На мѣсто его рекомендую студента Василья Клементьева, который сію должность отправлять и себѣ бо́льшее искусство въ этомъ снискать можетъ. Въ надеждѣ сего, съ должнымъ почитаніемъ пребываю" и пр.

На требованіе Ломоносова не замедлило послѣдовать удовлетвореніе: 14 мая указанный академикомъ студентъ Клементьевъ подалъ прошеніе о назначеніи его лаборантомъ на томъ основаніи, что онъ чувствуетъ охоту къ химіи и представилъ уже диссертацію, написанную имъ по этой наукѣ. Затѣмъ, 20 мая, Беттигеръ вошелъ съ просьбою объ увольненіи его отъ должности лаборанта; причемъ онъ счелъ за нужное

представить слѣдующее свидѣтельство, выданное ему Ломоносовымъ не далѣе какъ въ мартѣ того же 1756 года: „Я, нижеименованный, симъ засвидѣтельствую, что лабораторъ Францъ Беттигеръ при академической химической лабораторіи сначала своего вступленія въ академическую службу и понынѣ отправляетъ свою должность вѣрно и прилежно, и сверхъ химическихъ операцій ведетъ метеорологическій журналъ третій годъ. Для чего, по моему мнѣнію, достоенъ быть награжденъ прибавкою жалованья. Писалъ марта 22 дня 1756 года коллежскій совѣтникъ и профессоръ Михайло Ломоносовъ“.

Шумахеръ распорядился-было послать Клементьева для освидѣтельствованія къ академику Сальхову, „какіе онъ въ химіи успѣхи имѣетъ и лабораторомъ быть хотя нѣсколько можетъ-ли?“ Сальховъ на это отвѣчалъ, что онъ не можетъ произвести испытанія Клементьеву, такъ-какъ ему, Сальхову, еще не передана лабораторія, которая находится въ завѣдываніи Ломоносова, „слѣдовательно и искусный лабораторъ ему потребенъ; и ежели хочетъ онъ имѣть лаборатора, то всегда случай имѣетъ къ его освидѣтельствованію, а мнѣ, присовокупилъ Сальховъ, не можно у г. совѣтника Ломоносова, яко у старшаго профессора химіи, отнять первенство“.... Тогда Шумахеръ просилъ Ломоносова написать формальное представленіе о Клементьевѣ, что и было исполнено, послѣ чего этотъ студентъ, 30 іюля 1756 года, опредѣленъ въ лабораторы [1]).

Въ академическомъ собраніи 13 мая 1756 года было объявлено приказаніе президента, чтобы послѣ Петрова дня въ Академіи было торжественное засѣданіе. По этому случаю между академиками зашла рѣчь о томъ, кому и о чемъ произносить рѣчи. Ломоносовъ изъявилъ съ своей стороны готовность читать на русскомъ языкѣ или о причинахъ движенія, или о новой теоріи касательно цвѣтовъ, или о машинѣ, придуманной имъ для усиленія свѣта, или же, наконецъ, о двухъ послѣднихъ предметахъ, соединенныхъ въ одну рѣчь. За тѣмъ онъ показы-

1) II, книга № 210.

валъ ту машину, приготовленную академическими мастеровыми. По разсмотрѣніи ея, академики Гришау и Поповъ объявили, что они въ инструментѣ признаютъ новымъ только рукоятку, отличную отъ другихъ трубъ, и что послѣднія могутъ служить для той же самой цѣли, которой достигнуть предполагалъ Ломоносовъ [1]). Впослѣдствіи времени, именно въ сентябрѣ 1756 г., машина эта вновь была сдѣлана подъ надзоромъ академическаго механика; но при освидѣтельствованіи ея въ академическомъ засѣданіи Ломоносовъ объявилъ, что и тогда она была сдѣлана не такъ, какъ онъ желалъ; между тѣмъ придуманъ имъ другой способъ, болѣе легкій и удобный для наблюденія отраженія, который и обѣщалъ представить на обсужденіе сочленовъ [2]).

31 мая нашъ академикъ объявилъ, что въ предстоящее торжественное собраніе онъ прочтетъ русскую рѣчь, въ которой изложитъ новую теорію о происхожденіи цвѣтовъ, за чѣмъ и остановилось дальнѣйшее печатаніе его Россійской грамматики [3]).

Сейчасъ названная рѣчь напечатана подъ заглавіемъ: Слово о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющее, въ публичномъ собраніи императорской Академіи наукъ іюля 1 дня 1756 года говоренное Михайломъ Ломоносовымъ. Печатано въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [4]).

---

1) Вотъ описаніе изобрѣтенной Ломоносовымъ машины: Est tubus duorum circiter pedum tres quatuorve digitos amplus lente minori oculari et objectiva, altera majori, quae radios colligit, instructos eo fine, ut nocturno tempore in mari rupes et naves ope illius discernantur. Et omnino experientia compertum est in camera res in obscuro positas per hunc tubum distinctius, quam sine illo, conspici. Cum autem hoc in exigua tantum distantia obtineat: nondum constare, quid longiquius in mari futurum sit. Neque Lomonossovius inventionem suam jam ad eum perfectionis gradum perductam esse putat, ut pro certissima utilitate ejus in mari praedem se obstringere velit. (Билярскій, стр. 307.)

2) Билярскій, стр. 312.

3) Билярскій, стр. 309.

4) Въ 4^0, 42 нум. стр. Слова печаталось 400 экз., изъ которыхъ 100 на александрійской бумагѣ; оно окончено печатаніемъ въ 1757 году; каждый экземпляръ обошелся въ $25^1/_4$ коп., а продавался по 45 коп. (II, картонъ № 17, протоколъ 3 мая 1757 г.). Латинскій переводъ: Oratio de origine lucis, sistens novam theoriam colorum....

На другой день послѣ произнесенія рѣчи Мюллеръ спѣшилъ увѣдомить Эйлера о новомъ произведеніи своего недруга: „Что касается нашего вчерашняго собранія, то г. совѣтникъ Ломоносовъ прочиталъ на русскомъ языкѣ сочиненіе о свѣтѣ и цвѣтахъ, въ которомъ пытается утвердить новую теорію. Въ справедливости ея онъ обѣщалъ убѣдить прочихъ членовъ Академіи потомъ, когда его трудъ будетъ переведенъ на латинскій языкъ, о чемъ, посредствомъ печати, можетъ также сдѣлаться извѣстнымъ и иностраннымъ ученымъ....“ 30 мая 1758 года, Мюллеръ же писалъ съ замѣтною ироніею къ бывшему академику Кратценштейну: „если ваша система физики еще не готова, то нынѣ можете ее обогатить новою теоріею г. совѣтника Ломоносова о цвѣтахъ. О ней было бы сообщено ранѣе, если бы только не въ недавнее время сочиненіе о томъ появилось въ латинской одеждѣ. Въ то время, какъ она была произнесена въ торжественномъ собраніи и напечатана по-русски, никто не зналъ о ней изъ нашихъ академиковъ-иноземцовъ и, слѣдовательно, не могъ высказаться о ней....“ [1]).

Сообщенная въ этомъ Словѣ Ломоносова новая гипотеза о происхожденіи цвѣтовъ осталась незамѣченною въ европейской ученой литературѣ, и о ней вспомнили спеціалисты въ Россіи много десятковъ лѣтъ послѣ того, какъ появилось въ первый разъ въ печати Слово. Академикъ Д. М. Перевощиковъ [2]), послѣ изложенія такъ называемой гипотезы истеченія, придуманной для объясненія явленій свѣта Ньютономъ, говоритъ, что противъ нея „остроумныя и основательныя возраженія предложены Ломоносовымъ въ Словѣ о происхожденіи свѣта“, и что есть другая гипотеза по тому же предмету сотрясенія, которая принадлежитъ Гюйгенсу и которой слѣдовали Эйлеръ и Ломоносовъ. „Въ новѣйшее время, присовокупляетъ г. Перевощиковъ, возобновлена сія гипотеза Юнгомъ и Френе-

---

сдѣланъ Григорьемъ Козицкимъ, и напечатанъ въ мартѣ 1758 года въ количествѣ 400 экз.; каждый продавался по 15 копеекъ; переводчику за трудъ выдано 12 экземпляровъ (II, книги №№ 229 и 231).

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 73, 74.

2) Руководство къ опытной физикѣ, Москва, 1833 г., стр. 332.

лемъ и сильно подкрѣплена глубокими изслѣдованіями Пуассона". Въ 1865 году г. Перевощиковъ же издалъ: Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи[1]). Здѣсь подробно разсказано содержаніе помянутой рѣчи, и есть такія замѣчанія: „Примемъ или не примемъ предположенія Ломоносова, но въ этомъ объясненіи не можемъ не видѣть остроумія и сильной логики.... Порѣшивъ такимъ образомъ съ цвѣтами, Ломоносовъ переходитъ къ явленіямъ химическимъ, гдѣ обнаруживаетъ свои знанія въ современной ему химіи, которая, къ сожалѣнію, была причиною совершенно фантастической теоріи.... Ломоносовъ былъ на дорогѣ къ истинной теоріи горѣнія, къ антифилософской теоріи Лавуазье...."

Московскій профессоръ Михаилъ Павловъ[2]) посвятилъ теоріи свѣта Ломоносова особый параграфъ. „Основаніе ломоносовской теоріи, говоритъ онъ, также эѳиръ. Нашъ физикъ полагалъ, что эѳиръ состоитъ изъ шариковъ трехъ разрядовъ: большихъ, малыхъ и среднихъ; что поверхности исполнены частыми, мелкими неровностями, которыми они, подобно зубчатымъ колесамъ, сцѣпляются и приводятся въ движеніе; само собою разумѣется, что большіе шарики движутся большими, малые — малыми, а средніе — средними. Сіе условіе движенія Ломоносовъ называетъ совмѣщеніемъ частицъ.... По мнѣнію Ломоносова эѳиръ приводится въ движеніе внѣшнею силою, т. е. свѣтящими тѣлами, притомъ въ движеніе зыблющееся и коловратное (круговое); зыблющемуся движенію приписываетъ произведеніе свѣта, коловратному — произведеніе теплоты.... Цвѣтность же Ломоносовъ производитъ изъ совмѣщенія частицъ эѳира съ тремя родами дѣйствующихъ первоначальныхъ частицъ, чувствительныя тѣла, по его мнѣнію, составляющихъ.... Замѣчательно, кончаетъ М. Павловъ, что при всей грубости взгляда, Ломоносовъ стремился къ полному объему предмета; чувствовалъ потребность открыть въ свѣтѣ не только причину видимости, но также причину цвѣтности и тепла, чего

1) Радуга, журналъ 1865 г., апрѣль, стр. 175—185.

2) Основанія физики, Москва, 1836, I, 211—214.

нѣтъ даже и въ теоріи Декорта. Вмѣстѣ съ симъ признаться надобно, что теорія Ломоносова, по неосновательности своей и по связи съ алхиміею, не стоитъ опроверженія".

Еще подробнѣе разсмотрѣно содержаніе Слова Ломоносова о происхожденіи свѣта и цвѣтахъ профессоромъ московскаго университета г. Любимовымъ[1]), который въ своемъ обзорѣ между прочимъ замѣчаетъ: „Не будучи математикомъ, не допуская силъ упругости, Ломоносовъ не имѣлъ, какъ мы сказали, яснаго представленія о колебательномъ родѣ движенія и потому не остановился на этой мысли, а дополнилъ ее своими теоретическими догадками, которыя имѣли для него болѣе физической ясности и повели къ составленію оригинальной теоріи цвѣтовъ.... Если кто обвинитъ Ломоносова въ механической грубости его понятій о малѣйшихъ частицахъ, тому надо вспомнить, что таковы были по бóльшей части физическія теоріи того времени. Достаточно припомнить диссертацію Эйлера объ огнѣ, гдѣ онъ представляетъ себѣ физическое строеніе веществъ, подобныхъ пороху, такимъ образомъ: эти вещества, по его мнѣнію, состоятъ изъ маленькихъ шариковъ, которыхъ оболочка весьма хрупка, а внутри они наполнены сильно сжатымъ газообразнымъ веществомъ. Если нѣсколько шариковъ разобьются, то сжатое въ нихъ вещество, вылетая съ силою, произведетъ то, что и другіе шарики полопаются одинъ за другимъ, и такимъ образомъ произойдетъ общая вспышка...."

Затѣмъ въ академическихъ современныхъ бумагахъ весьма мало осталось извѣстій объ учено-литературныхъ трудахъ Ломоносова въ 1756 году. 15 іюля онъ представилъ въ академическомъ собраніи правила, написанныя имъ для московской гимназіи, обѣщавъ притомъ составить для гимназіи при Академіи другія, которыя были бы примѣнимы къ уставу этой послѣдней. 17 іюля Мюллеръ предложилъ въ засѣданіи свое пред-

---

1) Въ воспоминаніе 12-го января 1855 года. Учено-литературныя статьи профессоровъ московскаго университета (М., 1855 г.), Ломоносовъ какъ физикъ, 16—20.

ставленіе, сдѣланное имъ за девять лѣтъ передъ тѣмъ академической канцеляріи объ отдѣленіи благородныхъ учениковъ отъ происходящихъ изъ низшихъ слоевъ народа и объ особенномъ обученіи ихъ. Ломоносовъ, Штелинъ и Поповъ оставили засѣданіе; оставшіеся же академики, вслѣдствіе приказанія президента, постановили донести ему о качествахъ гимназическихъ учителей. 19 іюля, Ломоносовъ, послѣ споровъ, возбужденныхъ предыдущимъ протоколомъ, старался объ уничтоженіи его и затѣмъ вышелъ изъ засѣданія. Съ тѣхъ поръ до 16 сентября онъ не посѣщалъ академическихъ собраній, да и въ остальные мѣсяцы этого года вообще мало посѣщалъ ихъ [1]).

Въ августѣ 1756 года возратился въ Петербургъ адъюнктъ Академіи Румовскій. До того времени онъ нѣсколько лѣтъ изучалъ математику въ Берлинѣ подъ рукодствомъ Эйлера, у котораго въ домѣ и жилъ. Любопытно то обстоятельство, что молодой ученикъ великаго математика не раздѣлялъ того высокаго мнѣнія, которое не разъ высказывалъ его знаменитый наставникъ въ своихъ письмахъ о статьяхъ и гипотезахъ Ломоносова. Сохранились два письма Румовскаго къ Эйлеру, гдѣ онъ съ примѣтною ироніею сообщаетъ о новыхъ изобрѣтеніяхъ тогдашней русской знаменитости нашей Академіи, не придавая имъ научнаго значенія. Такъ, въ письмѣ 7 декабря 1756 года, Румовскій извѣщалъ Эйлера:

„Г. совѣтникъ Ломоносовъ намѣренъ предложить ученымъ три вопроса. Одинъ изъ нихъ заключается въ слѣдующемъ: тяжесть тѣлъ пропорціональна-ли количеству вещества? Второй — изобрѣсти такой телескопъ, при помощи котораго представлялись бы явственно предметы, находящіеся въ темномъ мѣстѣ, съ условіемъ, чтобы оно не совсѣмъ было лишено освѣщенія. Третій — количество движенія пропорціонально-ли массѣ, помноженной на скорость или на квадратъ скорости? Способы, употребляемые имъ для доказательства и рѣшенія перваго вопроса, мнѣ нѣсколько извѣстны. Второй вопросъ рѣ-

1) Билярскій, стр. 311.

шенъ имъ самимъ, но онъ хочетъ, чтобы весь свѣтъ поработалъ надъ этимъ предметомъ. Имѣвъ честь быть допущеннымъ къ смотрѣнію многихъ предметовъ въ его телескопъ, я, однако, пользуясь имъ, не замѣтилъ никакой разности отъ того, что видятъ въ обыкновенные телескопы, исключая того, что мнѣ показались всѣ предметы очень цвѣтными и что радужные цвѣта представляются тамъ въ высшей степени совершенства, изъ чего заключаю, что рѣшеніе этого вопроса, по мнѣнію г. Ломоносова, заключается не въ иномъ чемъ, какъ въ размѣщеніи телескопныхъ стеколъ такъ, чтобы радужные цвѣта были какъ можно болѣе явственны. Что касается до третьяго вопроса, то о немъ ничего не знаю, потому что все время, какъ былъ въ Берлинѣ, я не имѣлъ счастія слышать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ, почему покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, пожертвовать нѣсколько минутъ вашего драгоцѣннаго времени на разъясненіе мнѣ вопроса. Г. Ломоносовъ хочетъ издать разсужденіе, которымъ намѣревается низпровергнуть все, что до сихъ поръ успѣли открыть, потому что онъ доказываетъ, что тяжесть тѣлъ не пропорціональна количеству вещества, и что количество движенія не пропорціонально массѣ, помноженной на квадратъ скорости. Если это сочиненіе явится въ свѣтъ, то журналистамъ будетъ много работы, и вы, сдѣлавшій величайшія открытія, основанныя на этихъ началахъ, имѣете справедливо опасаться такого сочиненія....“

Эйлеръ отвѣчалъ Румовскому на запросы, и послѣдній въ письмѣ, отъ 21 февраля 1757 года, благодаря за то, писалъ: „г. совѣтникъ Ломоносовъ ничего не открылъ для опроверженія теоріи тяготѣнія, ни вашей — объ электричествѣ. Первую онъ старается уничтожить на основаніи однихъ умозрѣній, которыя осмѣливаюсь предложить на ваше обсужденіе. Во первыхъ онъ находитъ погрѣшность, называемую circulus, въ умозрѣніяхъ Ньютона и почти всѣхъ прочихъ физиковъ, когда они хотятъ доказать, что тяжесть тѣлъ пропорціональна количеству вещества, изъ чего слѣдуетъ, говоритъ онъ, что когда спрашиваютъ физика, почему золото въ четырнадцать разъ

тяжелѣе воды? то онъ отвѣчаетъ на это, потому что въ извѣстной массѣ золота въ четырнадцать разъ болѣе вещества, чѣмъ въ такой же массѣ воды. А если вопросъ, по словамъ Ломоносова, продолжать далѣе, почему извѣстная масса золота содержитъ въ себѣ четырнадцать разъ болѣе вещества, чѣмъ вода въ такой же массѣ, то обыкновенно, продолжаетъ онъ, отвѣчаютъ, что золото содержитъ въ себѣ вещества въ четырнадцать разъ болѣе, чѣмъ вода. Я не знаю, какой бы физикъ ему отвѣтилъ такимъ образомъ. Во вторыхъ, г. Ломоносовъ высказываетъ слѣдующія сужденія: такъ какъ ни золото, ни вода не подлежатъ сжимаемости, то изъ того слѣдуетъ, что количество вещества въ кубическомъ футѣ золота столько же, сколько въ кубическомъ футѣ воды. Можно-ли изъ недостатка нашихъ силъ выводить заключеніе о невозможности чего либо? Кромѣ того, мнѣ кажется, что даже если бы и согласиться на несжимаемость того или другаго тѣла, все таки можно извлечь объясненіе тому изъ вашей теоріи въ статьѣ объ атомахъ, помѣщенной въ вашихъ сочиненіяхъ, и не отвергать теоріи тяготѣнія. По вашему мнѣнію атомы несжимаемы или совершенно тверды. И такъ, чтобы объяснить несжимаемость тѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ удѣльный вѣсъ, только слѣдуетъ дать атомамъ сферическую фигуру и предположить, что атомы, изъ которыхъ состоитъ вода, грубѣе и больше, чѣмъ въ золотѣ. Отсюда мнѣ кажется слѣдуетъ, что въ кубическомъ футѣ золота будетъ болѣе вещества, чѣмъ въ кубическомъ футѣ воды, на которую можетъ дѣйствовать эѳиръ, и, стало быть, кубическій футъ золота будетъ тяжелѣе кубическаго фута воды, и въ то же самое время оба несжимаемы.

„Что касается до третьяго вопроса, то ваше толкованіе такъ ясно, что мнѣ теперь кажется, что я его понимаю вполнѣ, и надѣюсь, что, послѣ прочтенія указанной статьи, буду въ состояніи доказать ложность мнѣнія г. Ломоносова. Въ отношеніи этого вопроса онъ основывается на опытѣ, производимомъ при помощи маленькаго колеса, помѣщаемаго въ каналѣ, чрезъ который течетъ вода. Этотъ опытъ не заслуживаетъ того, чтобы объ немъ разсказывать, потому что я самъ въ

состояніи видѣть несовершенство его и ложныя заключенія, которыя онъ отсюда выводитъ....“ [1])

Объ учено-литературныхъ занятіяхъ своихъ въ 1757 году Ломоносовъ такъ заявилъ въ академическомъ собраніи 10 января того же года: „онъ въ печать издавать намѣренъ исторію россійскую и поэму эпическую въ похвалу государя императора Петра Великаго; а впрочемъ-де дѣлать намѣренъ опыты физическіе и химическіе съ папиніанскою машиною“ [2]).

Начало новаго 1757 года въ жизни нашего академика ознаменовано было новою жалобою на него стараго академическаго переводчика, Кирьяка Кондратовича. Выше на стр. 372 и 462 уже было говорено объ отношеніяхъ къ нашему академику этого бѣдняка, который такъ разсказывалъ о новомъ оскорбленіи, нанесенномъ ему: „А сего 1757 году января 8 дня, при поданіи въ канцелярію Академіи наукъ доношенія моего о лексиконѣ, помянутый коллежскій совѣтникъ г. Ломоносовъ ругалъ меня не только въ судейскомъ мѣстѣ, но и во время присутствія, позабывъ своей присяги о исполненіи указовъ, не токмо говоря, что лексиконъ мой негоденъ, хоть отъ всего собранія аппробованъ, но велѣлъ мнѣ проспаться, а просыпаются только одни пьяницы, я же, нижайшій, никакого пьянаго питья не употребляю уже шесть лѣтъ. Да онъ же въ то жь время называлъ меня дуракомъ, о чемъ я на него тогда жъ и другій протестъ подалъ....“ Кондратовичъ свою странную жалобу кончалъ тѣмъ, чтобы Ломоносова не допускать къ оцѣнкѣ его литературныхъ и переводчискихъ произведеній, такъ какъ онъ его противникъ [3]).

Это доношеніе, вѣроятно, какъ не стоющее вниманія, было оставлено безъ послѣдствій, но вскорѣ, именно 6 марта 1757 г., на Ломоносова была подана другая жалоба, болѣе серьезная, потому что была высказана во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ имени синода императрицѣ Елисаветѣ, а она извѣстна была своею набожностью и вмѣстѣ съ тѣмъ склонностью слушать навѣты духовенства, о чемъ есть разсказы въ Запискахъ князя

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 75, 78.

2) Билярскій, стр. 315.

3) Билярскій, стр. 787, 788.

Якова Шаховскаго, тогдашняго синодальнаго оберъ-прокурора. „Въ недавнемъ времени, говорилось въ докладѣ, проявились въ народѣ пашквильные стихи, надписанные Гимнъ бородѣ, въ которыхъ не довольно того, что тотъ пашквилянтъ, подъ видомъ яко бы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти, и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ; но и тайну св. крещенія къ зазрительнымъ частямъ тѣла человѣческаго наводя, богопротивно обругалъ и чрезъ названіе бороду ложныхъ мнѣній завѣсою, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ. И когда, по случаю бывшаго съ профессоромъ Академіи наукъ Михайломъ Ломоносовымъ свиданія и разговора, о таковомъ вовсе непотребномъ сочиненіи отъ синодальныхъ членовъ разсуждаемо было, что оный пашквиль, какъ изъ слогу признательно, не отъ простаго, но отъ какого нибудь школьнаго человѣка, а чуть не отъ него ли самого произошелъ, и что такому сочинителю, ежели въ чювство не придетъ и не раскается, надлежитъ какъ казни Божіей, такъ и церковной клятвы ожидать, то услыша означенный Ломоносовъ, исперва началъ оный пашквиль шпынски защищать, а потомъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ себя тому пашквильному сочиненію авторомъ оказалъ, ибо въ глаза предъ синодальными членами таковыя ругательства и укоризны на всѣхъ духовныхъ за бороды ихъ произносилъ, каковыхъ отъ добраго и сущаго христіанина надѣяться отнюдь не возможно. И не удовольствуясь тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими уже явными духовному чину ругательствы, безразумныхъ козлятъ далеко почтеннѣйшими, нежели поповъ, ставитъ, а при концѣ точно ихъ назвавши козлами, упомяненную ему при разсужденіи церковную клятву за едину тщету вмѣняетъ. Изъ каковыхъ нехристіанскихъ, да еще отъ профессора академическаго пашквилевъ не иное что, какъ только противникамъ Православныя Вѣры и таковымъ продерзателямъ къ безстрашному кощунству ими Святыхъ Таинъ и къ ругательству духовнаго чину явный по-

водъ происходитъ и впредь, ежели не измѣнится, происходить можетъ. А понеже, между прочими вседражайшаго вашего императорскаго величества родителя, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго правами, жестокія казни хулителѣмъ закона и Вѣры чинить повелѣвающими, военнаго артикула главы 18-ой, 149-мъ пунктомъ, таковыхъ пашквилей сочинителей наказывать, а пашквильныя письма чрезъ палача подъ висѣлицею жечь узаконено: того ради со оныхъ пашквилевъ всеподданнѣйше вашему императорскому величеству подноситъ синодъ копію и всенижайше проситъ, чтобъ ваше императорское величество, яко Богомъ данная и истинная Церкви и Вѣры святой и духовному чину защитница, высочайшимъ своимъ указомъ таковые соблазнительные и ругательные пашквили истребить и публично жечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ синодъ отослать всемилостивѣйше указать соизволили"[1]).

Этотъ докладъ, подобно и прежнимъ жалобамъ на Ломоносова, не навлекъ на него никакой отвѣтственности, и черезъ нѣсколько дней послѣ его написанія онъ былъ назначенъ совѣтникомъ академической канцеляріи. Самый же докладъ не былъ и возвращенъ въ синодъ, а остался въ дѣлахъ Кабинета. Что касается до Гимна бородѣ, то появленіе его произвело жестокую литературную перебранку сатирами и эпиграммами. На сколько она касалась Тредіаковскаго, говорено было уже въ его жизнеописаніи на стр. 205—208, а здѣсь слѣдуетъ ограничиться тѣми чертами, которыя, конечно въ преувеличенномъ и часто извращенномъ видѣ, какъ во всякой сатирѣ, рисуютъ характеръ и мнѣнія Ломоносова.

Прежде всего, припомнимъ слова Пушкина: „немногимъ извѣстна стихотворная перепалка Ломоносова съ Дмитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна бородѣ, ненапечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. Она можетъ дать понятіе о

1) Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, матеріалы, сообщ. г. В. Ламанскимъ, (Москва, 1865) 23—25.

заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника...“[1])

Гимнъ бородѣ въ настоящее время уже напечатанъ[2]); но другое стихотвореніе, на которое указывается въ докладѣ, извѣстно по спискамъ въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ. Въ одномъ изъ принадлежащихъ мнѣ оно приписано Баркову, а не Ломоносову.

Возраженіе на переодѣтую бороду.

О страхъ! о ужасъ! громъ! ты держишь за титаны,
Которые висятъ подъ ртомъ у сатаны!
Ты видишь: онъ за то свирѣпствуетъ и злится;
Дырявый красный носъ, какъ пещь халдейска, дымится;
Огнемъ и жупеломъ наполнены усы.
О! какъ бы хорошо коптить въ нихъ колбасы!

* * *
* *

Козляты малые родятся съ бородами
Коль много почтены они передъ п.....

---

1) Сочиненія Пушкина, изд. г. Анненковымъ, VI, 87, 88.

2) Библіографическія записки 1859 г., № 15, стр. 461—463. Въ двухъ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ, принадлежащихъ мнѣ, въ Гимнѣ бородѣ есть нѣкоторыя отмѣны и прибавки, а именно: въ послѣднемъ стихѣ 1-ой строфы вм. уважаютъ — уважаетъ. 4-ой стихъ припѣва:

Предъ тобой предпочтена.

Во второй строфѣ послѣдніе стихи:

И нашъ первый взоръ возводимъ:
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Въ третьей строфѣ 6-ой стихъ:

Были-бъ безъ нея безглазы:

Въ четвертой строфѣ 5, 6 и 7-й стихи:

Увѣряютъ сатаною,
Что насъ нѣтъ здѣсь съ бородою.
Если-жъ скажутъ, что есть тутъ

Въ пятой строфѣ 5-ый и 6-ой стихи:

Въ сборъ за оную приносятъ
И съ поклономъ низкимъ просятъ

Въ шестой строфѣ, 6-ой и 7-ой стихи:

Сколько съ Оби и Печоры
Послѣ нихъ богатствъ домой

Въ десятой строфѣ 5-ый стихъ:

Я крестьянамъ подражаю.

Что касается до списка, принадлежащаго покойному почетному члену Академіи А. М. Княжевичу, то въ немъ нѣтъ особенныхъ отмѣнъ противъ приведенныхъ разночтеній. Четыре дополнительныя строфы въ этомъ спискѣ (см. Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи наукъ, I, стр. II) взяты изъ другаго стихотворенія, напечатаннаго вполнѣ въ Библіографическихъ запискахъ 1859 г., № 15, стр. 471—473, и начинающагося:

Не Парнасовъ судъ съ Богами
и т. д.

О польза! я одной изъ сихъ пустыхъ бородъ
Недавно удобрилъ безплодный огородъ.
Уже и прочія того жъ себѣ желаютъ
И принести плоды обильны обѣщаютъ.

***

Чего не можно ждать отъ сихъ мохнатыхъ лицъ
Гдѣ въ тучной бородѣ премножество ....
Сидя и межъ собой, какъ люди, разсуждаютъ,
Другихъ съ .... бородъ не признаваютъ,
А признаютъ лишь тѣхъ, кто молвитъ про козловъ:
Возможно-ль быть у нихъ столь много волосовъ!

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вышеупомянутаго доклада, именно 15 іюля 1757 года, пущено въ обращеніе письмо, будто бы написанное изъ Холмогоръ, и при немъ другое къ Ломоносову съ просьбою помѣстить въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ стихотвореніе: Переодѣтая борода, или имнъ пьяной головѣ. Теперь уже извѣстно, что и письмо, и стихотвореніе принадлежатъ перу Тредіаковскаго. Здѣсь сочинитель Гимна бородѣ описывается слишкомъ уже крупными штрихами: „Лучшаго-де ничего нельзя ожидать отъ безбожнаго сумазброда и пьяницы! Не довольно того, что сей негодный ярыга, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговоры употребляетъ всякія насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему; что презираетъ уставы онаго, и все то ни во что вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасительное почитаютъ; недовольно и того, что онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ, какъ песъ, лаетъ: онъ еще и письменныя противу таинствъ вѣры нашея и святыни закона глумленія и ругательства употребить отважился. Не думайте, господа, чтобъ одной гимномъ бородѣ поруганіе сдѣлать онъ намѣрился. Нѣтъ! его безбожное намѣреніе было, чтобъ намъ смѣшнымъ представить и весь законъ нашъ. Возьмите только въ разсужденіе одно то.... что онъ разумѣетъ чрезъ „завѣсу ложныхъ мнѣній?“ Не ученіе-ли, предлагаемое намъ въ Священномъ Писаніи и догматахъ Церкви нашея, преданное намъ чрезъ великихъ оныя учителей и проповѣданное отъ ихъ преемниковъ, которые намъ другихъ мнѣній сообщать не могутъ и не должны, кромѣ тѣхъ, которымъ они оттуда научи-

лись?..."[1]) Послѣ обвиненій сочинителя Гимна бородѣ въ безбожіи и богохуленіи, слѣдуютъ описаніе его нравственныхъ качествъ: „Нѣтъ въ свѣтѣ и не бывало человѣка, котораго-бъ онъ хотя въ малую цѣну противъ себя поставилъ. Не великъ предъ нимъ Картезій, Невтонъ и Лейбницъ со всѣми новыми и толь въ свѣтѣ прославленными ихъ изысканіями. Онъ всегда за лучшія и важнѣйшія свои почитаетъ являемыя въ міръ откровенія, которыми не только никакой пользы отечеству не приноситъ, но еще напротивъ того вредъ и убытокъ, употребляя на оныя немалые казенные расходы[2]), а напослѣдокъ, вмѣсто чаемой хвалы и удивленія отъ ученыхъ людей, заслуживая хулу и поруганіе, чему свидѣтелемъ быть могутъ „Лейпцигскіе комментаріи"[3]). Во всѣхъ наукахъ и во многихъ языкахъ почитаетъ онъ себя совершеннымъ, хотя понятія не имѣетъ; совсѣмъ тѣмъ ежели незнающій ученыхъ шарлатановъ, его послушаетъ, легко повѣрить можетъ, что онъ въ свѣтѣ первый полигисторъ...."

Въ стихотвореніи „Переодѣтая борода, или гимнъ пьяной головѣ" поясняется то, что въ сейчасъ приведенныхъ отрывкахъ изъ письма могло казаться еще неяснымъ. Такъ напр.:

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ по вся годы;
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ
И безпутства причиняетъ.
Не дадутъ когда вина —
Сходитъ онъ тогда съ ума!

* * *
* *

Не напрасно онъ дерзаетъ;
Пользу въ томъ свою считаетъ,

---

1) Чтобы видѣть всю недобросовѣстность въ этомъ случаѣ толкованія Тредіаковскаго, выписывается здѣсь вся строфа изъ Гимна, о которой онъ упоминаетъ:

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить?
Чѣмъ заслуги заплатить?

2) Здѣсь Тредіаковскій очевидно имѣетъ въ виду мозаичную фабрику Ломоносова.

3) Ср. выше на стран. 545, объ Арнольдѣ и заграничныхъ критикахъ Ломоносова.

Чтобъ обманствомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мозаикомъ ложнымъ,
Или бисеромъ подложнымъ,
Иль сребро сыскавъ въ дермѣ,
Хоть къ ущербу всей казнѣ.

* * *
* *

Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты, преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ;
Но безмѣрное піянство,
Бѣшенство, обманъ и чванство
Всѣхъ когда лишатъ чиновъ,
Будешь пьяной рыболовъ [1]).

О прочихъ стихотвореніяхъ, которыми размѣнялись наши литературные враги, все по поводу стихотворной шутки Ломоносова надъ бородою, говорилось въ жизнеописаніи Тредіаковскаго. Ни вышеупомянутый докладъ императрицѣ, ни подущенія врага не произвели никакого дѣйствія на судьбу Ломоносова, и онъ, торжествующій, въ правѣ былъ сказать:

Хоть ложной святостью ты бородой скрывался,
Пробинъ, на злость твою взирая, улыбался:
Ученія его, и чести, и труда
Не можешь повредить ни ты, ни борода! [2])

Между 1755 и 1757 годами написано Ломоносовымъ оглавленіе длиннаго представленія къ неизвѣстному (едва ли не былъ это И. Шуваловъ), съ жалобами на небреженіе президента къ Академіи наукъ при чемъ раскрыты неблаговидные поступки тамъ Шумахера и Теплова. Тамъ, между прочимъ, Ломоносовъ писалъ о гр. Разумовскомъ: „6. Отъѣзжая на Украйну, повѣрилъ правительство въ отсутствіи одному Ш. и, пріѣхавъ, представилъ въ присутствіи трехъ человѣкъ: первый безсовѣстный, другой шалунъ, третій невѣжда. 7. Съ пріѣзду графъ былъ въ Академіи только однажды. 8. Между тѣмъ сколько я трудился и дѣлъ сдѣлалъ, вамъ извѣстно. 9. Нынѣ

1) Библіографическія Записки 1859 г., № 15, 463—469.

2) Москвитянинъ 1854 г., №№ 1 и 2, истор. матер., стр. 3.

Ежемѣсячные листы (извѣстно, что этотъ журналъ издавался съ 1755 г.) повѣрилъ одному Мюллеру.... я о похищеніяхъ ничего не знаю и о утѣсненіи другихъ служителей, для того что сіе надлежитъ до дѣлъ канцелярскихъ, въ которыхъ никакого участія не имѣю.... 36. Академики числятся члены, а не употребляются. Для чего жь мы? На что жъ получаемъ жалованье?" [1]) Эти вопросы разрѣшились въ угоду Ломоносова: 13 февраля 1757 года онъ достигъ того, о чемъ и прежде просилъ въ письмахъ къ И. Шувалову, т. е. участія въ управленіи Академіею наукъ. Президентъ ея, отправляясь въ Малороссію, сдѣлалъ, подъ предлогомъ дряхлости и старости Шумахера, распоряженіе: вмѣстѣ съ нимъ „присутствовать въ канцеляріи академической и всѣ текущія по Академіи дѣла обще съ нимъ подписывать г. коллежскому совѣтнику и профессору Ломоносову и г. коллежскому ассессору и унтеръ-библіотекарю Тауберту, поступая во всемъ по регламенту и приложенной при семъ особливой инструкціи, о чемъ отъ меня и въ правительствующій сенатъ доношеніемъ представлено" [2]). Распоряженіе это получило силу съ 1 марта 1757 г. Черезъ четыре дня послѣ того въ академической канцеляріи состоялось распоряженіе, чтобы академикъ, заступившій мѣсто Ломоносова по каѳедрѣ химіи, занимался такими разысканіями, которыя бы могли принести пользу Россіи. Когда это распоряженіе докладывалось въ академическомъ собраніи, то Ломоносовъ говорилъ Сальхову, чтобы онъ показалъ, какъ дѣлать добрую сталь, „въ чемъ г. Сальховъ трудиться и намѣренъ" [3]).

За тѣмъ слѣдуетъ указъ, подписанный Ломоносовымъ и касавшійся педагогической части академическихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь предписывалось инспектору гимназіи строго наблюдать, чтобы учителя неуклонно исполняли свои обязан-

---

1) Записка эта напечатана въ Очеркахъ Россіи, изд. Пассекомъ, V, 31—33. При сравненіи съ подлинникомъ изъ собранія ломоносовскихъ бумагъ Н. М. Орлова, оказалось, что въ печатномъ между 31 и 32 пунктами помѣщенъ другаго времени и другими чернилами семь пунктовъ на память о гимназіи и пр., которые нисколько не относятся къ запискѣ. Потомъ въ 36-мъ, послѣднемъ пунктѣ въ рукописи стоитъ *мы*, а въ печатномъ ошибочно *наз.*

2) Билярскій, стр. 317.

3) Билярскій, стр. 319.

ности, а ученики вели себя добропорядочно и не прогуливали классовъ.

Вліяніе на академическія дѣла дало вмѣстѣ съ тѣмъ возможность Ломоносову къ болѣе чувствительнымъ нападкамъ на своихъ личныхъ враговъ по Академіи. Такъ онъ немедленно обратилъ вниманіе на Ежемѣсячныя сочиненія, издававшіяся, какъ видѣли выше, исконнымъ врагомъ его Мюллеромъ. Для мартовской книжки этого журнала набиралась статья Григорія Полетики „О началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи и о нынѣшнемъ оныхъ состояніи", и Мюллеръ, 7 марта 1757 года, просилъ академическую канцелярію о дозволеніи напечатать сто отдѣльныхъ оттисковъ статьи для автора. Начало ея уцѣлѣло въ старинномъ академическомъ дѣлѣ [1]), и отсюда можно видѣть, что произведеніе Полетики для своего времени было очень замѣчательно по обстоятельности заключавшихся въ немъ свѣдѣній о Петрѣ Могилѣ. 8 марта канцелярія потребовала эту статью на разсмотрѣніе, а 11 числа Ломоносовъ объявилъ Мюллеру, что ее „печатать непристойно, понеже въ оной съ X-го вѣка по Р. X. по XVII-й вѣкъ ни о какихъ школахъ въ Россіи не упомянуто; а были-де еще при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ архитекторы, выписанные изъ Италіи; а при царѣ Иванѣ Васильевичѣ зачалась-де типографія; что-де все надлежало было описать, и упомянуто-де только о кіевскихъ школахъ, а не о московскихъ. Чего ради надлежитъ-де мнѣ, прибавляетъ Мюллеръ, сію пьесу выкинуть изъ Ежемѣсячныхъ сочиненій и на то мѣсто взнесть что нибудь другое...." Мюллеръ пробовалъ было возражать: „когда ни въ какихъ лѣтописяхъ, ниже въ другихъ извѣстіяхъ, которыя г. сочинитель къ сему своему сочиненію употребилъ, какъ я подлинно увѣренъ, не упоминается о школахъ, въ то время бывшихъ, то и того отъ него, г. сочинителя, требовать не можно. Иное есть архитектура, или практика архитектурная, иное архитектурная школа. Были-де при великихъ князьяхъ московскихъ и при царѣ

1) II, книга № 501.

Иванѣ Васильевичѣ и медики, токмо не было медицинской школы. О московскихъ школахъ обстоятельное дано будетъ извѣстіе во второмъ письмѣ, въ третьемъ о семинаріяхъ, въ четвертомъ о типографіяхъ, и ничего-де достопамятнаго о сихъ матеріяхъ пропущено не будетъ... Послѣ того свидѣлся я съ г. ассессоромъ Полетикою и спрашивалъ его, хощетъ-ли онъ свое сочиненіе по мнѣнію г. совѣтника Ломоносова пополнить? А онъ на то сказалъ, что не намѣренъ онъ подвергать свое сочиненіе напрасной г. Ломоносова критикѣ....“ Однако эти и подобные имъ доводы нисколько не помогли, и 13 марта канцелярія предписала: „Полетики пьесы О началѣ и пр., для усмотрѣнныхъ въ ней разныхъ непристойностей не печатать... Каковы же въ его, профессора Мюллера, доношеніяхъ находятся неприличныя выраженія, отъ таковыхъ ему впредь остерегаться и канцелярію подобными сему дѣлу диспутами не утруждать....“

Мюллеръ того же 13 марта написалъ письмо къ президенту Академіи наукъ, въ которомъ, послѣ изложенія сущности дѣла, сообщалось: „Злой рокъ хочетъ, чтобы г. Ломоносовъ, будучи помѣщенъ въ канцеляріи, какъ будто сотворенъ для причиненія огорченій многимъ изъ насъ и въ особенности мнѣ, хотя я не подаю ему ни малѣйшаго повода. Сначала онъ присвоилъ себѣ рѣшительный судъ надъ тѣмъ, что печатается въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.... Должно ли все приписывать одному г. Ломоносову, этого я не хочу рѣшать, по крайней мѣрѣ снисходительность другихъ господъ несовсѣмъ безупречна. Тѣ, которые бываютъ въ канцеляріи, говорятъ мнѣ, что г. Шумахеръ не произноситъ ни одного слова, а г. Таубертъ выказывается несмѣющимъ противорѣчить тому, что предлагаетъ г. Ломоносовъ. Писцы въ полномъ распоряженіи послѣдняго. Чтобы ни случилось отъ того, я увѣряю ваше сіятельство, что всегда буду неуклонно слѣдовать правиламъ моей обязанности, поддерживая власть вашего сіятельства и ваши приказанія. Моя привязанность къ Ежемѣсячнымъ сочиненіямъ и стараніе не выказывать публикѣ наши внутренніе раздоры заставляютъ меня на этотъ разъ подчиниться приказаніямъ г. Ломоносова.

Но умоляю ваше сіятельство помочь въ этомъ дѣлѣ въ возможной скорости, иначе я не въ состояніи буду продолжать мой трудъ...“

Мюллеръ не удовольствовался письмомъ къ графу Разумовскому, но представилъ возраженія и въ академическую канцелярію. Здѣсь, между прочимъ, было и то, что опредѣленіе въ академическіе совѣтники Ломоносова еще не утверждено сенатомъ. Далѣе Мюллеръ писалъ: „мнѣ кажется сумнительно оный указъ писанъ-ли свѣдома г. статскаго совѣтника Шумахера и ассессора Тауберта, а особливо для того, понеже оный указъ писанъ о такомъ дѣлѣ, въ которомъ г. совѣтнику Ломоносову и голосу имѣть не надлежало. Первое: извѣстна всегдашняя его, г. Ломоносова, со мною ссора, и что онъ уже давно того ищетъ, чтобъ мнѣ повредить. Второе: ни г. статскій совѣтникъ, ни г. ассессоръ Таубертъ не соизволяютъ разсудить о достоинствѣ пьесы г. ассессора Полетики. Слѣдовательно г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ одинъ и доводчикъ и хощетъ быть судьею въ семъ дѣлѣ, что указомъ государственнымъ весьма противно.... Что упоминается, будто въ моихъ доношеніяхъ находятся неприличныя выраженія, отъ которыхъ велѣно мнѣ впредь остерегаться, то, дабы и сіе доношеніе за такое не было принято, объявляю, что до канцеляріи имѣю все надлежащее почтеніе, которое нарушить не намѣренъ. А ежели я что пишу къ неудовольствію г. совѣтника и профессора Ломоносова, то сіе дѣло партикулярное, и прочимъ гг. членамъ надлежитъ оное слѣдовать безпристрастно, или приказать изслѣдованіе кому иному и репортовать его высокографскому сіятельству для рѣшенія, а г. Ломоносову при томъ голосу не имѣть, ниже чтобъ онъ самъ могъ рѣшить спорное между нами дѣло....“

Объ отвѣтѣ Мюллера въ канцеляріи составлена была очевидно Ломоносовымъ записка, подъ заглавіемъ „Неприличности, которыя г. Мюллеръ показалъ въ своемъ доношеніи“, кончавшаяся такъ: „Всѣмъ симъ показалъ онъ свою древнюю вкорененную зависть, злобу и необузданное властолюбіе и презрѣніе людей честныхъ, которые объ общемъ добрѣ радѣютъ и пре-

сѣкаютъ его коварные поступки, которые всегда показывали, что онъ, приводя академическій корпусъ въ замѣшательство чрезъ вредное и безчестное униженіе другихъ, себя ищетъ возвысить".

По полученіи донесенія о Мюллерѣ, графъ Разумовскій обвинилъ вполнѣ исторіографа и, по его приказанію, академическая канцелярія 30 апрѣля 1757 г., между прочимъ, писала Мюллеру: „рекомендуется вамъ всякая пристойность и почтеніе къ канцеляріи, отъ которыхъ вы въ семъ случаѣ не мало отступили, а притомъ оставить должны и лишнія съ канцеляріею переписки, въ которыхъ вы члена, г. Ломоносова, называете доводчикомъ и судіею, и то указами государственными утверждаете. Таковыя экспрессіи, да и вся сія, размноженная вами по напрасну и въ едино только затрудненіе канцеляріи и его сіятельству переписка прилична не къ ученымъ дѣламъ, но къ процессамъ суднымъ, а академики и ихъ дѣла, въ Академіи производящіяся, весьма инаго званія суть, о которыхъ должности его сіятельство напоминать вамъ причины не имѣетъ [1])".

12 марта 1757 года Ломоносову назначенъ былъ студентъ Веденскій для вспоможенія ему при дѣланіи выписокъ по составленію русской исторіи. При ходатайствѣ о томъ Ломоносовъ пояснилъ: „прошлаго 1753 г. въ мартѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ и въ домѣ ея императорскаго величества имѣлъ я высочайшее счастіе слышать всемилостивѣйшее повелѣніе чрезъ его превосходительство дѣйствительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова, чтобъ я приложилъ стараніе свое къ сочиненію россійской исторіи".

16 и 21 мая 1757 г. въ академическихъ засѣданіяхъ разсуждалось о рѣчахъ, которыя слѣдовало приготовить къ будущему торжественному собранію. При этомъ случаѣ Ломоносовъ „предложилъ разныя матеріи, о которыхъ онъ можетъ сочинить рѣчи и собранію подать въ половинѣ мѣсяца іюля на латин-

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр 321—333; Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 79; Записки Академіи наукъ, XII, прил. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годо[в], 46—47.

скомъ и на русскомъ языкахъ..." При этомъ выписано въ протоколѣ тринадцать темъ, на которыя Ломоносовъ вызывался приготовить разсужденія, а именно: 1. De gradibus caloris certius determinandis, deque usu eorum in cognoscendis mutationibus atmosphaerae a calore profectis. 2. De temperie aëris in planetis et cometis conjectura. 3. De fonte saliente per vim mercurii prementis. 4. De motu terrae metallifero. 5. De incremento ponderis per calcinationem. 6. De ascensu corporum volatilium in vacuo. 7. De monadibus physicis. 8. De principio corporum ponderosissimo omnium. 9. De speculo caustico Archimedis. 10. De ratione materiae et ponderis. 11. De tubo nyctoptico. 12. De aëre ex poris corporum liberato. 13. Methodus explorandi mutationes centri gravium. Изъ этихъ темъ академическое собраніе указало на четвертую, пятую и тринадцатую, какъ на такія, которыя оно желало бы видѣть обработанными [1]).

30 іюня Ломоносовъ предложилъ собранію двѣ задачи на рѣшеніе въ предстоявшемъ конкурсѣ: 1) измѣняется-ли направленіе тяжестей? 2) можетъ-ли быть устроенъ оптическій инструментъ, при помощи котораго можно было бы видѣть явственно предметы въ темномъ мѣстѣ, не совсѣмъ лишенномъ свѣта? Обѣ эти задачи остались непредложенными на слѣдовавшихъ за тѣмъ конкурсахъ. Въ то же засѣданіе нашъ академикъ „объявилъ маленькіе гусли, съ которыми хочетъ чинить подъ антліею экспериментъ для доказательства, что лучи и искры подъ антліею происходятъ отъ движенія эфира, о чемъ впредь собраніе увѣдомить обѣщался" [2]).

Ломоносовъ окончилъ къ сроку обѣщанную имъ рѣчь, которая въ началѣ сентября 1757 года и была уже отпечатана, подъ заглавіемъ: Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, на торжественный праздникъ тезоименитства ея императорскаго величества великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія въ публичномъ собраніи императорской Академіи наукъ сентября 6 дня

---

1) Билярскій, стр. 334.

2) Билярскій, стр. 346, 347.

1757 года говоренное коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ Михаиломъ Ломоносовымъ. Въ Санктпетербургѣ печатано при императорской Академіи наукъ [1]).

Содержаніе этого произведенія Ломоносова въ связи съ его же статьею, помѣщенною въ 1763 г. въ Первыхъ основаніяхъ металлургіи — о слояхъ земныхъ, подробно изложено московскимъ профессоромъ г. Щуровскимъ въ его рѣчи „Ломоносовъ, какъ минералогъ и геологъ“ [2]). Здѣсь, между прочимъ, ученый авторъ замѣчаетъ: „счастливая мысль о происхожденіи каменнаго угля изъ торфяниковъ обыкновенно приписывалась нашему времени; но собственно она принадлежитъ Ломоносову. Онъ первый (?) высказался, что каменный уголь образовался изъ торфа. Мысль эта казалась ему столь естественною, что, по видимому, даже не имѣла въ его глазахъ особенной важности. Уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Ломоносова, та же мысль была защищаема Вернеромъ, и еще позднѣе извѣстными французскими геологами Броньяромъ и Эли де Бомономъ, пока наконецъ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Но Ломоносовъ предупредилъ нынѣшнюю теорію образованія угля еще въ другомъ отношеніи: превращеніе торфяниковъ въ каменный уголь, по мнѣнію Ломоносова, должно было происходить при участіи подземнаго огня, слѣдовательно того же могучаго дѣятеля, который и по нынѣшней теоріи почитается самымъ главнымъ въ образованіи каменнаго угля. Замѣчанія Ломоносова относительно излагаемаго предмета вообще принадлежатъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ. Перечитывая ихъ, съ

1) Въ 4°, 32 нум. стр.; печатано въ количествѣ 780 экз., продавалось по 12 коп.; тогда же былъ изданъ и латинскій переводъ этого Слова, подъ заглавіемъ: Oratio de generatione metallorum a terrae motu, въ 4°, 28 стр., въ числѣ 390 экз.; цѣна та же, что и за русскій подлинникъ.

2) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова московскимъ университетомъ (Москва, 1865), 33 и слѣд. Есть также объ этомъ Словѣ отзывы профессоровъ харьковскаго университета гг. Борисяка и Леваковскаго, см. Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865 г. (Харьковъ, 1865), 65—77. Въ журналѣ Радуга, 1865 г., апрѣля 6, на стр. 185—196, въ статьѣ г. Д. Перевощикова: Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи,— разсматриваемая здѣсь рѣчь описана въ связи съ Первыми основаніями металлургіи Ломоносова. О послѣднемъ произведеніи будетъ говорено ниже.

трудомъ вѣришь, что обо всемъ этомъ говорилось за сто лѣтъ до нашего времени....

„Мнѣніе Ломоносова, продолжаетъ г. Щуровскій, относительно янтаря такъ общеизвѣстно и такъ естественно, что никому не приходитъ на мысль, чтобы можно было думать объ этомъ иначе, нежели какъ думалъ Ломоносовъ. Но въ то время, когда жилъ Ломоносовъ, на многія вещи смотрѣли совсѣмъ другими глазами. Бо́льшая часть тогдашнихъ ученыхъ принимали янтарь за минералъ, либо приписывали ему другое какое либо происхожденіе, а не растительное. Ломоносовъ, напротивъ, призналъ янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній...[1]) Поднятіе и обрушеніе земныхъ пластовъ Ломоносовъ объяснялъ расширительнымъ дѣйствіемъ воздуха и сѣрныхъ паровъ, скоплявшихся въ глубокихъ подземныхъ хлябяхъ и отъ времени до времени вырывавшихся оттуда наружу... Теоріи Ломоносова, по сравненію съ нынѣшнею, не доставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огненножидкою массою и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корой; этой теоріи недоставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненножидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры“... „Ломоносовъ, замѣчаетъ другой ученый, академикъ Перевощиковъ, жилъ въ то время, когда — такъ сказать — свирѣпствовала эпидемія гипотезъ, когда стремились все объяснить безъ достаточныхъ данныхъ, собранныхъ многочисленными наблюденіями и опытами. Онъ не могъ устоять противъ такихъ искушеній и въ Словѣ о рожденіи металловъ

---

1) Академикъ Гельмерсенъ, къ которому я обращался по поводу настоящихъ выписокъ, сообщилъ мнѣ, что мнѣніе объ образованіи янтаря изъ растеній высказалъ не Ломоносовъ, а Плиній, у котораго въ 3-й главѣ 27-ой книжки (нѣмецкій переводъ 1765 г. стр. 829) прямо говорится, что янтарь вытекаетъ изъ стволовъ хвойныхъ деревъ, именно сосны, на подобіе смолы, вытекающей изъ вишневыхъ деревъ.

старается доказать, что подземный огонь происходитъ единственно отъ сѣры, которая, загораясь треніемъ, зажигаетъ флецы и другія горючія вещества. Въ началѣ текущаго столѣтія, многіе геологи не удалялись отъ мнѣнія Ломоносова, нынѣ же сдѣлались осторожнѣе и столь важный вопросъ считаютъ еще нерѣшенымъ; но когда Ломоносовъ руководствовался наблюденіями, тогда его описанія и объясненія явленій всегда точны и вѣрны. Къ его описанію четырехъ видовъ землетрясенія новѣйшіе геологи ничего не могли прибавить. Огнедышущія горы, какъ нынѣ, считалъ онъ отдушинами, трубами или каналами, посредствомъ которыхъ ослабляются дѣйствія подземнаго огня, потому что онъ зналъ, что съ открытіемъ волкановъ прекращаются землетрясенія..." [1]).

Въ академическомъ засѣданіи 15 сентября 1757 года Ломоносовъ предложилъ, „чтобъ для точнѣйшихъ наблюденій, перемѣняется-ли центръ, къ которому стремятся тяжелыя тѣла, сдѣлать подобный пендулъ, какой у себя имѣетъ, и оный здѣсь въ Академіи въ пристойномъ мѣстѣ повѣсить..," Предложеніе было одобрено и сообщено въ канцелярію для исполненія. Затѣмъ объ ученой дѣятельности Ломоносова въ остальные мѣсяцы 1757 года въ современныхъ академическихъ дѣлахъ никакихъ слѣдовъ не отыскано. Можетъ быть причину тому надо будетъ опять искать въ сношеніяхъ его съ Шуваловымъ. Послѣдній сообщилъ нашему академику о порученіи Вольтеру писать исторію Петра Великаго. „Къ сему дѣлу, по правдѣ, г. Вольтера никто не можетъ быть способнѣе, отвѣчалъ Ломоносовъ 2 сентября 1757 года, только о двухъ обстоятельствахъ нѣсколько подумать должно. Первое, что онъ человѣкъ опасный и подалъ въ разсужденіи высокихъ особъ худые примѣры своего характера. Второе, хотя довольно можетъ получить отъ насъ записокъ, однако переводъ ихъ на языкъ, ему знакомый, великаго труда и времени требуетъ. Что до сего надлежитъ, то принимаю смѣлость предложить сдѣдующее: во пер-

1) Радуга журналъ 1865 г., апрѣль, Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи, 193, 194.

выхъ долженъ онъ себѣ сдѣлать краткій планъ, который можетъ сочиненъ быть изъ сокращеннаго описанія дѣлъ государевыхъ, которое я имѣю, къ чему онъ и сочиненный мною панегирикъ не безъ пользы употребить можетъ, ежели на французскій языкъ переведенъ будетъ. Профессоръ Штрубе перевелъ уже великую его часть; однако я не могъ упросить, чтобъ онъ привелъ къ окончанію, а приказать власти не имѣю. По сочиненіи плана и его сюда сообщеніи, думаю, что лучше къ нему посылать переводы съ записокъ по частямъ, какъ порядокъ въ планѣ покажетъ, а не всѣ вдругъ. И такъ станетъ онъ сочинять начало, между тѣмъ прочій переводъ поспѣвать можетъ, и такъ сочиненіе скорѣе начаться и къ окончанію приходить имѣетъ. Ускореніе сего дѣла для престарѣлыхъ лѣтъ вольтеровыхъ весьма надобно. У меня сколько есть записокъ о трудахъ великаго нашего монарха, всѣ для сего предпріятія готовы. О состояніи Россіи во время царствованія государя царя Михаила Ѳедоровича должно сдѣлать краткій экстрактъ изъ лѣтописцевъ нашихъ, къ чему я могу употребить нѣсколько времени. Анекдоты при началѣ сего сочиненія не такъ нужны; притомъ же нѣтъ уже никого, кто-бы дѣтскія лѣта государевы помнилъ, однако и о томъ постараюсь, чтобы хотя отъ другихъ слышанное слышать.....“[1]).

10 октября 1757 года Ломоносовъ писалъ къ Шувалову объ этомъ же предметѣ: „Сокращенное описаніе самозванцевъ и стрѣлецкихъ бунтовъ еще переписавъ, имѣю честь подать чрезъ сіе письмо вашему превосходительству. Сами можете отмѣтить, что вамъ не разсудится за благо перевести на французскій языкъ. Сокращеніе о житіи государей царей Михаила, Алексѣя и Ѳеодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ....“[2]).

Русское общество елисаветинскихъ временъ часто относилось непріязненно къ партіи Шуваловыхъ, полновластно распоряжавшихся тогда судьбами Россіи. Эту непріязнь можно

1) Записки Академіи наукъ, X, Собственноручное письмо Ломоносова, сообщ. академикомъ Бычковымъ, 186, 187.
2) Билярскій, стр. 354.

замѣтить изъ разныхъ современныхъ записокъ и свидѣтельствъ, и она началась съ самыхъ первыхъ годовъ царствованія Елисаветы. Еще прежде случая, въ который попалъ Иванъ Шуваловъ, при дворѣ уже пользовались великимъ значеніемъ двоюродные братья его графы Александръ и Петръ Шуваловы [1]). Послѣдній, отличаясь особенною наклонностью къ любостяжательности, былъ также страстный любитель представлять проекты и планы разныхъ усовершенствованій, преобразованій и т. п. Современникъ изъ мелкихъ подчиненныхъ его, маіоръ Даниловъ, въ своихъ Запискахъ [2]), оставилъ, между прочимъ, такой разсказъ: „графъ былъ человѣкъ замысловъ великихъ и предпріимчивый, который... выдумалъ одну гаубицу, желая быть фельдцейгмейстеромъ; въ которой было дуло не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а какъ оное орудье стрѣляло широко одною дробью, то гаубицу назвали *секретною* и дула никому не давали смотрѣть, заслоняли его мѣдными закрышками и замыкали

1) «Извѣстно намъ учинилось, писала императрица Елисавета 15 февраля 1743 г. къ генералу Александру Бутурлину, что въ Москвѣ злословятъ нашего дѣйствительнаго камергера Петра Шувалова и жену его, нашу статсъ-даму, Мавру Шувалову, и такъ уразительно, что якобы за какое великое злодѣйство обрекаютъ имъ поносное лишеніе живота и тѣмъ другихъ, кто съ ними знакомство имѣетъ, устращиваютъ, что намъ зѣло чувственно, ибо оные живутъ въ нашемъ домѣ и милость нашу за службы свои на себѣ носятъ; того для повелѣваемъ вамъ о такихъ бездѣльныхъ и уразительныхъ поношеніяхъ какимъ возможно образомъ, токмо приватно, провѣдать, и, ежели явится, отъ кого то произошло, о томъ насъ увѣдомить»... Бутурлинъ на это повелѣніе отвѣчалъ уклончиво: «хотя прежде точно таковыхъ слуховъ до меня и не доходило, понеже всѣ здѣшніе обрѣтающіеся отъ меня весьма знакомствомъ отдаляются, однакожъ, по развѣданію моему посторонне, находится, что ко оскорбленію обоихъ именованныхъ было къ поношенію, якобы они нынѣ не въ милости вашего императорскаго величества состоятъ. А какъ мною вашего императорскаго величества высочайшій и указъ объ томъ разглашеніи и уразительныхъ объ нихъ здѣсь поношеніяхъ полученъ, то изъ нѣкоторыхъ персонъ видно и примѣчено мною было по ихъ взглядамъ, что произнесенное все едва не истина-ли. Точно, всемилостивѣйшая государыня, отъ кого за подлинно произошло, увѣдать не можно, кромѣ нѣкакого дознанія, понеже частые, разсѣянные слухи затѣйные безпрестанно отъ недоброжелательныхъ клеветниковъ происходятъ»... (Изъ бумагъ Государственнаго архива).

2) Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова (М., 1842 г.), 80, 81.

замкомъ; а которые были къ таковому орудію приставлены служители для стрѣлянія, офицеры и рядовые, онымъ учинена была особливая присяга, чтобъ никому не показывали секретной гаубицы дула, хотя уже многіе его знали...“

Желаніе угодить и польстить графу Петру Шувалову было такъ велико у нѣкоторыхъ современниковъ, что едва только наши войска выступили въ походъ противъ пруссаковъ, какъ уже начали являться печатныя похвалы секретнымъ шуваловскимъ гаубицамъ[1]). Когда одержана была побѣда при Гросъ-Егерсдорфѣ, то фельдмаршалъ Степанъ Апраксинъ долгомъ счелъ включить въ своей реляціи объ этой побѣдѣ: „наша артиллерія, а особливо новоизобрѣтенныя генераломъ-фельдцейгмейстеромъ графомъ Шуваловымъ, по имени его шуваловскими названныя гаубицы такое при томъ имѣли дѣйствіе, что, заслуживая ему справедливую похвалу, не токмо не допустили стремящагося непріятеля ворваться въ наши линіи, но паче кавалерію его въ крайнее привели замѣшаніе“. Реляція эта была напечатана въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ.

На прославленіе шуваловскихъ гаубицъ сочинено и Ломоносовымъ стихотвореніе, озаглавленное „На всерадостное объявленіе о превосходствѣ новоизобрѣтенной артиллеріи предъ старою генераломъ фельдцейгмейстеромъ и кавалеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ“[2]). Здѣсь любопытны упоминанія о непріятеляхъ этого временщика, названныхъ стихотворцемъ завистниками:

Для пользы общества коль радостно трудиться,
Отъ зависти притомъ коль скучно борониться!
Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ, правъ,
Самъ дѣломъ испыталъ, трудолюбивый графъ.
. . . . .
День въ пользѣ провождать и безъ покоя ночь,
И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи
Не легче какъ стоять противъ кровавой сѣчи.

1) Военный сборникъ 1858 г., III, отд. II, Походъ русскихъ въ Пруссію въ 1757 году, 308.

2) Это хвалебное стихотвореніе не являлось въ печати ни при Елисаветѣ, ни при Екатеринѣ II: въ первый разъ оно напечатано въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, С. Петербургъ, въ типографіи Шнора (въ 8°), II, 35, 37.

Слѣдующіе стихи въ старину находили восхитительными:

Намъ слава, страхъ врагамъ, въ полкахъ твои огни;
Какъ прежде, такъ и впредь пали, рази, гони.

Кончаются эти стихи такъ:

Мнѣ весь Парнассъ сказалъ: туда полкомъ стоитъ
Съ Елисаветой Богъ и храбрость генераловъ,
Россійска грудь, твои орудія, Шуваловъ.

Извѣстно, что въ продолженіе семилѣтней войны Фридриху II удалось отнять нѣсколько шуваловскихъ гаубицъ, и онѣ нарочно показывались народу въ Берлинѣ. По возшествіи на престолъ Екатерины II, эти орудія, какъ безполезныя, были изгнаны изъ русской артиллеріи [1]).

Литературная дѣятельность Ломоносова въ 1757 г. выказалась также въ слѣдующемъ стихотвореніи: Ода ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, самодержицѣ всероссійской, на пресвѣтлый и торжественный праздникъ рожденія ея величества и для всерадостнаго рожденія государыни великой княжны Анны Петровны, поднесенная отъ императорской Академіи наукъ декабря 18 дня 1757 года. Въ Санктпетербургѣ печатано при императорской Академіи наукъ [2]).

Такъ-какъ во время написанія оды уже началась у насъ

1) Словарь достопамятныхъ людей, сост. Д. Бантышъ-Каменскимъ (М., 1836), V, 344.

2) Въ f⁰, 8 нен. страницъ; печатано 300 экз., изъ которыхъ 50 на александрійской бумагѣ. Великая княжна Анна, дочь наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳедоровича и супруги его Екатерины Алексѣевны, родилась 9 декабря 1757 г., а скончалась 8 марта 1759 года. Въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, IV, №№ 7022 и 7023, вышепомянутая ода показана, по недоразумѣнію, два раза. По случаю рожденія великой княжны Анны, приказано было ея родителемъ напечатать въ академической типографіи въ 4⁰, на 25 стр., въ количествѣ 60 экземпляровъ, кантату, подъ заглавіемъ: Junon secourable Lucine au très desiré accouchement de S. A. I. madame la grande duchesse de toutes les Russies etc. accouchée heureusement le soir du IX décembre 1757 d'une princesse impériale baptisée sous le nom d'Anna Petrowna... Текстъ на французскомъ и италіанскомъ написанъ Антоніемъ Дензи, а музыка сочинена Францискомъ Арая. (II, книга № 228).

война съ Пруссіею, то Ломоносовъ долгомъ счелъ сдѣлать нѣсколько намековъ, обращенныхъ на Фридриха II:

Присяжны преступивъ союзы,
Поправши нагло святость правъ,
Царямъ низвергнуть тщится узы
Желаніе чужихъ державъ.
Творецъ! воззри въ концы вселенны,
Воззри на зёмли утѣсненны,
На помощь страждущимъ восстань,
Позволь для общаго покою
Подъ сильною твоей рукою
Воздвигнуть противъ брани брань.

Въ концѣ стихотворецъ указываетъ, что нынѣ, не такъ какъ прежде, война свирѣпствуетъ въ чужихъ предѣлахъ и тамъ всѣ ужасы отъ нея:

А ты Отечество драгое!
Ликуй при внутреннемъ покоѣ
Въ Елисаветиныхъ лучахъ.

Почитатель музы Ломоносова, И. Шуваловъ, едва только учредилась типографія при московскомъ университетѣ, поспѣшилъ издать тамъ произведенія его, подъ заглавіемъ: Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ господина коллежскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова. Книга первая, второе изданіе съ прибавленіями. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ 1757 года [1]). Въ этомъ изданіи удержанъ порядокъ стихотвореній и прозаическихъ статей, принятый въ первомъ академическомъ собраніи сочи-

1) Въ 4°, 10 и 398 нумер. и 2 нен. стр., съ тремя таблицами гравированныхъ на мѣди чертежей. Хотя на заглавіи и выставленъ 1757 годъ, однако изданіе этой книги не было еще окончательно приготовлено въ этомъ году, потому что для него еще въ слѣдующемъ году, 17 августа, въ академической канцеляріи велѣно было перепечатать въ типографіи Академіи наукъ нѣсколько страницъ, а именно, въ первой части стр. 39—40, 187—188; во второй части: 5—6, 57—58 и У 3, и сверхъ того всю статью, помѣщенную въ началѣ вмѣсто предисловія: «О пользѣ книгъ церковныхъ». (Билярскій, 374 и II, книга № 232). Кромѣ гравированнаго на мѣди портрета Ломоносова, на заглавномъ листѣ первой части помѣщена также рѣзанная на мѣди виньетта съ изображеніемъ горы Парнасса, увѣнчаннаго храмомъ, отъ котораго готовъ воспрянуть Пегасъ; у подножья горы мужъ въ греческой одеждѣ и сандаліяхъ, въ лавровомъ вѣнкѣ играетъ на лирѣ.

ненiй Ломоносова 1751 года, о которомъ говорено на стр. 465, и прибавлены всѣ оды, надписи[1]) и слова, выходившiя послѣ 1751 по 1757 годъ включительно[2]). Въ началѣ помѣщено еще не бывшее до того времени въ печати: Предисловiе о пользѣ книгъ церковныхъ, гдѣ, какъ извѣстно, Ломоносовъ, слѣдуя ученiю Аристотеля и Квинтилiана о слогахъ, принятому въ XVII вѣкѣ кiевскими, а потомъ и московскими книжниками, раздѣлялъ слогъ на высокiй, среднiй и низкiй, при чемъ для различiя ихъ другъ отъ друга полагалъ бóльшую или мéньшую степень участiя въ русской рѣчи церковно-славянскаго языка. Въ этомъ разсужденiи Ломоносовъ говоритъ самъ о себѣ, какъ объ авторитетѣ, которому слѣдовало подражать: „всѣмъ любителямъ отечественнаго слова беспристрастно объявляю, и дружелюбно совѣтую, увѣрясь собственнымъ своимъ искусствомъ, дабы съ прилѣжанiемъ читали всѣ церковныя книги, отъ чего къ общей и къ собственной пользѣ воспослѣдуетъ...“ Въ концѣ разсужденiя высказывается мысль, что греки и римляне тѣмъ счастливы, что произведенiя ихъ великихъ писателей еще доселѣ возбуждаютъ восторгъ, хотя языки этихъ народовъ уже давно вышли изъ употребленiя. За тѣмъ слѣдуетъ заключенiе, которое никакъ нельзя упрекнуть въ излишней скромности: „Подобное счастiе оказалось нашему Отечеству отъ просвѣщенiя Петрова, и дѣйствительно настало и основалось щедротою Великiя Его Дщери. Ею ободренныя въ Россiи словесныя науки не дадутъ никогда притти въ упадокъ Россiйскому слогу. Станутъ читать самые отдаленные вѣки великiя дѣла Петрова и Елисаветина вѣку, и равно, какъ

---

1) Между ними одна: На новое строенiе Сарскаго села (Хотя по царствамъ) въ печати прежде не появлялась.

2) Сюда не вошла, впрочемъ, Надпись къ ракѣ св. Димитрiя митрополита ростовскаго, которая стала помѣщаться въ числѣ сочиненiй Ломоносова только въ позднѣйшихъ изданiяхъ, а также и въ смирдинскомъ (Спб., 1847), I, 268, 269, гдѣ есть опечатка, вм. 1754 г. показанъ 1734 для обозначенiя времени причтенiя къ лику святыхъ этого iерарха. Замѣтимъ кстати, что рака была сдѣлана по рисункамъ академикомъ Штелина въ 1754 г. (Исторiя Академiи наукъ, I, 565), а надпись въ первый разъ была напечатана въ Опытѣ историческаго словаря Новикова (С. Петербургъ, 1772), 60, 61, но безъ означенiя, что она принадлежитъ перу Ломоносова.

мы, чувствовать сердечныя движенія. Какъ не быть нынѣ Виргиліямъ и Гораціямъ? Царствуетъ Августа Елисавета; имѣемъ знатныхъ и Меценату подобныхъ предстателей, чрезъ которыхъ ходатайство Ея отеческій градъ снабдѣнъ новыми приращеніями наукъ и художествъ. Великая Москва, ободренная пѣніемъ новаго Парнасса, веселится своимъ симъ украшеніемъ, и показываетъ оное всѣмъ городамъ Россійскимъ, какъ вѣчной залогъ усердія къ Отечеству своего Основателя; на котораго бодрое попеченіе и усердное предстательство твердую надежду полагаютъ Россійскія музы о высочайшемъ покровительствѣ".

По желанію И. Шувалова къ первой книгѣ Собранія сочиненій Ломоносова приложенъ гравированный на мѣди портретъ его. Онъ имѣетъ особенную цѣну предъ прочими, позднѣйшими портретами великаго нашего писателя, какъ рисованный и гравированный при жизни его. Въ письмѣ 10 октября 1757 г. Ломоносовъ писалъ къ Шувалову: „Въ ожиданіи обѣщаннаго портрета хотя и въ нетерпѣливости, однако какъ завсегда съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю...." Впрочемъ, когда Ломоносовъ получилъ портретъ, то уже не сталъ принимать къ сердцу или покрайней мѣрѣ показывалъ видъ, что не слишкомъ принимаетъ къ сердцу такой дани уваженія къ его произведеніямъ; напротивъ онъ напоминалъ Шувалову о какомъ-то повышеніи, о которомъ уже и прежде ходатайствовалъ у него для себя. Письмо Ломоносова къ Шувалову по этому поводу отъ 23 ноября 1757 года очень любопытно: „По милостивому вашего превосходительства любленію и доброжелательству къ наукамъ, нагрыдорованнаго моего портрета нѣсколько листовъ отпечатано, какъ вы приказать изволили, изъ которыхъ пять при семъ приложены. Мастеръ Вортманъ, уповаю, что скоро исправитъ извѣстныя въ немъ погрѣшности. Ваше превосходительство изволили говорить, чтобъ подъ помянутый портретъ подписать какіе нибудь стихи. Но того, милостивый государь, отнюдь не желаю; я стыжусь, что я нагрыдорованъ. Я прошу только того, что мнѣ надлежитъ по справедливости, чѣмъ всемилостивѣйшая государыня усердныхъ рабовъ своихъ обыкно-

венно жаловать изволитъ, что по моей службѣ и дорогѣ слѣдуетъ и что больше отечеству, нежели мнѣ, нужно и полезно. Для того прошу всеуниженно прежнее мое письмо еще прочитать однажды и отдать справедливость моему законному прошенію. Вашего превосходительства ко мнѣ благодѣянія хотя многи и велики, однако желаемое будетъ всѣхъ больше не тѣмъ, что я о томъ прошу больше трехъ лѣтъ, но для того что оно соединено съ общею пользою и что онымъ новая кровь въ жилы мои вольется къ совершенію начатаго героическаго описанія трудовъ Петровыхъ, которыхъ окончаніе выше всѣхъ благополучій въ жизни моей почитаю“ [1]).

Несмотря на уклончивый отказъ касательно надписи къ портрету, таковая однако явилась при немъ, когда Собраніе сочиненій вышло въ свѣтъ. Надпись эта довольно плоха, но замѣчательна по хваламъ, въ ней помѣщеннымъ Ломоносову, и по сочинителю ея. Вотъ она:

Московской здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Новиковъ, въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ [2]), сначала было приписалъ эту надпись Поповскому, но потомъ въ концѣ статьи объ И. Шуваловѣ сообщилъ такое замѣчаніе: „Стихи къ портрету г. Ломоносова хотя изданы мною подъ именемъ г. Поповскаго; но по отпечатаніи того листа, получилъ я отъ нѣкоторой особы достовѣрное извѣстіе, что они сочинены г. графомъ (sic!) Шуваловымъ, что также подтверждаетъ, сколь много любилъ онъ науки и покровительство ученыхъ людей“. Это замѣчаніе напечатано еще при жизни И. Шувалова, а потому въ достовѣрности сообщеннаго тамъ извѣстія нѣтъ повода намъ сомнѣваться. Впрочемъ, не одинъ Новиковъ считалъ и Поповскаго авторомъ подписи къ портрету Ломоносова: Сумароковъ ему же приписывалъ это

1) Билярскій, стр. 356.

2) Изд. 1-ое, 1772 г., стр. 129, 249.

произведеніе. Всего любопытнѣе то, что этотъ даровитый, но вмѣстѣ съ тѣмъ задорный до смѣшнаго и малограмотный писатель обидѣлся похвалами Ломоносову и написалъ противъ нихъ стихи же, которые намѣревался предать тисненію, но потомъ раздумалъ. Все это онъ довольно забавно излагалъ въ письмѣ къ Шувалову, отъ 7 ноября 1758 года: „Я, не опасаяся отвѣта и отплаты отъ Поповскаго и ото всѣхъ въ московскомъ университетѣ труждающихся въ словесныхъ наукахъ, стиховъ къ опроверженію подписи похвальной г. Ломоносову не предалъ печати. Поповскій и прочіе тамо обрѣтающіеся опровергнуть честь мою по стихотворству не въ силахъ еще, въ чемъ, думается мнѣ, ваше превосходительство довольно увѣрены, и я бы смѣшенъ былъ, ежели бы ихъ отплаты боялся, довольно будучи извѣстенъ и о нихъ, и о себѣ. Коротко сказать: они еще малы и возвысить, и уменьшить честь мою. Я стиховъ тѣхъ не отдалъ печатать по вашему совѣту, который я пріемлю всегда повелѣніемъ, а чтобы я пренебрегъ справедливое мое честолюбіе, я знаю, что ваше превосходительство того отъ меня не потребуете. Писатели стиховъ русскихъ привязаны или къ Академіи или къ университету, а я, по недостоинству моему, ни къ чему и, будучи русскимъ, не имѣю чести членомъ быть никакова въ Россіи ученова мѣста, да и нельзя: ибо г. Ломоносовъ меня до сообщества академическаго не допускаетъ, а въ университетѣ словесныхъ наукъ собранія вамъ уставить еще не благоволилось. И такъ не позволяется мнѣ и тогда прекословить, когда оные господа, отнимая честь мою, потомкамъ неправду объявляютъ. Я посылаю къ вашему превосходительству свое защищеніе, въ которомъ Поповскій, укрываясь именемъ университета, не тронутъ, а Ломоносовъ, еще сколько истина допускаетъ, возвышенъ. Противъ истины я не вооружаюся, а неправды нести къ безславію не хочется. Я нижайше прошу меня хотя одною строкою увѣдомить, могули я его напечатать“ [1]).

---

1) Записки Академіи наукъ, I, прил. № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, соб. г. Гротомъ, 40, 41.

Хотя о второй части разсматриваемаго здѣсь Собранія сочиненій Ломоносова слѣдовало бы говорить подъ 1759 годомъ, когда она вышла, однако о ней помѣщаются свѣдѣнія здѣсь для удобнѣйшаго понятія обо всемъ этомъ изданіи, которое и состояло только въ двухъ книгахъ. Вторая часть озаглавлена: Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ коллежскаго совѣтника и профессора Михаила Ломоносова книга вторая, въ которой содержится краткаго руководства къ краснорѣчію раздѣленіе первое, состоящее изъ риторики, или общихъ прáвилъ обоего краснорѣчія, то есть ораторіи и поэзіи. Второе изданіе съ сочинителевыми исправленіями. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ 1759 года [1]). Сличеніе обѣихъ частей московскаго изданія Собранія сочиненій Ломоносова съ первоначальными, отдѣльно вышедшими стихотвореніями и статьями его, а также и первымъ изданіемъ нѣкоторыхъ произведеній его 1751 года будетъ составлять первый и самый необходимый трудъ будущаго издателя полнаго собранія сочиненій нашего писателя, такъ-какъ встрѣчающіяся тамъ отмѣны и поправки сдѣланы самимъ Ломоносовымъ и потому имѣютъ особенное значеніе. Что касается до риторики, то въ московскомъ изданіи ея 1759 года, что можно уже видѣть и изъ заглавнаго листа, сдѣланы Ломоносовымъ нѣкоторыя измѣненія, такъ напр. §§ 148—152 передѣланы съ-изнова, а при § 270 вмѣсто стихотворенія Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ помѣщены „Стихи, сочиненные въ Петергофѣ на Петровъ день 1759 года“, и т. п. [2]).

О дальнѣйшей дѣятельности Ломоносова, какъ члена академической канцеляріи въ 1757 году, извѣстно, что онъ 6 іюня входилъ съ представленіемъ о необходимости одного обширнаго зданія для помѣщенія не только учебныхъ заведеній и мастерскихъ, но также и профессоровъ и учениковъ

---

1) Въ 4°, 8 неп. стр., не считая заглавнаго листа, 224 нум. и 2 неп. страп. (оглавленіе). Въ Опытѣ россійской библіографіи, Сопикова, III, №№ 6015 и 6033, обѣ книги одного и того же изданія показаны подъ разными нумерами.

2) Московскія вѣдомости 1852 года, №№ 46, 47, О смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова.

при Академіи наукъ. Для постройки такого зданія, Ломоносовъ предлагалъ завести ученому учрежденію свои собственные кирпичные заводы и пильную мельницу, если въ отведенномъ для того отъ казны мѣстѣ будетъ протекать рѣчка. По окончаніи постройки зданія, оба названныя хозяйственныя заведенія должны были остаться въ распоряженіи Академіи для извлеченія доходовъ въ ея пользу. Въ слѣдующемъ 1758 г. 16 марта, президентъ Академіи приказалъ, по представленію Ломоносова, составить планъ предположенному зданію и исчисленіе потребной на него суммы [1]), а 23 мая 1760 года состоялось опредѣленіе въ академической канцеляріи, въ которомъ изъ ломоносовскаго предложенія были выписаны неудобства отъ нахожденія разныхъ учрежденій при Академіи въ отдаленныхъ другъ отъ друга помѣщеніяхъ. За тѣмъ положено было представить въ сенатъ о постройкѣ для Академіи одного большого зданія и объ отпускѣ на то девяноста тысячъ рублей, которые слѣдовало выдать въ теченіе пяти лѣтъ. Объ учрежденіи кирпичныхъ заводовъ и мельницы въ протоколѣ не упоминалось конечно какъ о дѣлѣ, не соотвѣтствовавшемъ назначенію ученаго общества. Дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ этого представленія не нашлось, и оно никогда потомъ не было осуществлено [2]).

17 іюня 1757 года Ломоносовъ подписалъ въ канцеляріи указъ на имя Мюллера о слабости испытаній при Академіи лицъ, искавшихъ полученія права на званіе домашнихъ учителей; причемъ не обошлось безъ выходки, направленной лично противъ Мюллера: „примѣчено, сказано въ томъ указѣ, что вы экзаменуете во французскомъ языкѣ, которое бы надлежало г. профессору Штрубу, и такъ каждый въ своемъ природномъ языкѣ и кто въ чемъ сильнѣе экзаменовалъ бы...“

8 октября 1757 года, Ломоносовъ заявилъ академической канцеляріи: „сего-де числа онъ, г. Ломоносовъ, ѣздилъ въ домъ свято-троицкой сергіевской лавры для осмотру академическихъ студентовъ и усмотрѣлъ, что тѣ покои, въ которыхъ студенты

---

1) Билярскій, стр. 334—337; 367. | 2) II, книга № 471.

жительство имѣютъ, въ крайней нечистотѣ, да и студенты содержатъ себя въ непорядкѣ...“ Предписано было инспектору гимназіи Модераху объ исправленіи такихъ непорядковъ, причемъ была высказана угроза вычитать за неисполненіе изъ жалованья.

Вступленіе Ломоносова въ званіе академическаго совѣтника имѣло послѣдствія и для географическаго департамента. 10 октября 1757 года составлена для этого учрежденія инструкція. Она приложена къ протоколу академической канцеляріи 30 того же октября, и черновой ея списокъ носитъ несомнѣнные слѣды участія Ломоносова въ сочиненіи ея [1]).

---

1) Инструкція хранится въ архивѣ академической канцеляріи въ книгахъ за №№ 219 и 468. Слова, набранныя здѣсь курсивомъ, написаны Ломоносовымъ. *Инструкція географическому департаменту.* Его с-во ясновельможный гетманъ и Академіи наукъ г. президентъ графъ Кирила Григор. Разумовскій, при отъѣздѣ своемъ въ Малороссію, между прочимъ препоручилъ академической канцеляріи для порядочнѣйшаго учрежденія географическаго департамента сочинить инструкцію; чего ради въ оной канцеляріи за благо разсуждено о помянутомъ департаментѣ учинить слѣдующее опредѣленіе:

1.

Опредѣленнымъ во оный департаментъ (сначала были поименованы Мюллеръ, Гришовъ, Трусскотъ и Шмитъ, но потомъ зачеркнуты) *господамъ профессорамъ и адъюнктамъ* собираться между собою по однажды въ недѣлю въ такой день и въ такіе часы, какъ сами за наиспособнѣе найдутъ, въ географическомъ департаментѣ для разсужденія о дѣлахъ, до россійской географіи касающихся.

2.

Упомянутымъ гг. профессорамъ преподавать каждому по своей наукѣ всѣ къ сочиненію вновь или къ поправленію прежнихъ картъ потребныя извѣстія, изъ которыхъ, выбирая новѣйшее и достовѣрнѣйшее, показывать обоимъ адъюнктамъ употребленіе оныхъ, а именно: адъюнктамъ упражняться въ дѣйствительномъ сочиненіи тѣхъ картъ по имѣющимся въ географическомъ департаментѣ или по даннымъ имъ отъ гг. профессоровъ и обще апробованнымъ извѣстіямъ и запискамъ.

3.

Что послѣ каждаго собранія въ геогр. департаментѣ какъ гг. адъюнктами, тако и опредѣленными при томъ департаментѣ студентами вновь сочинено или сдѣлано будетъ, оное разсмотрѣть въ (наступающемъ — зачеркнуто) *слѣдующемъ* собраніи, и какъ о продолженіи *тѣхъ работъ* (вм. той работы), такъ и о прочемъ, что касаться можетъ до исправленія россійскія географіи, имѣть разсужденія *и для предбудущаго собранія назначить общее дѣло.*

4.

Въ такомъ намѣреніи гг. адъюнктамъ географическаго департамента имѣть равный голосъ и засѣданіе, какой имѣютъ адъюнкты въ академическихъ собраніяхъ, при чемъ каждому свое мнѣніе и сумнительства пристойнымъ образомъ предлагать прочимъ того департамента членамъ. А когда за потребно разсудится, то и въ журналъ записать. Кромѣ же того посту-

9 декабря 1757 года Ломоносовъ предлагалъ, во избѣжаніе излишней переписки и мелочныхъ разсчетовъ по покупкѣ разныхъ матеріаловъ для академическихъ департаментовъ, составлять на каждый годъ заблаговременно примѣрныя

пать во всемъ по большинству голосовъ.

5.

(Вм. Адъюнкту Шмиту, яко младшему) *Одному изъ адъюнктовъ по разсмотрѣнію г. президента или канцеляріи* отправлять должность секретаря и содержать порядочной журналъ всему, что въ географическихъ собраніяхъ за благо принято или кромѣ того памяти достойное происходить будетъ. (Сначала зачеркнуто, а потомъ возстановлено:) Журналъ за незнаніемъ россійскаго яз. писать ему на нѣмецкомъ языкѣ.

6.

Присылаемые отъ канцеляріи указы и повелѣнія предлагать ему прочимъ членамъ и что по онымъ учинено будетъ, о томъ паки репортовать канцелярію (этотъ § присоединенъ послѣ къ 5).

7.

Другому адъюнкту напротивъ того имѣть въ своемъ храненіи всѣ находящіяся при географическомъ департаментѣ карты и прочія извѣстія, и ежели онымъ не учинено по сіе время точной описи, то оную сдѣлать немедленно и, списавъ съ нея копію, подать въ канцелярскую архиву.

8.

Безъ позволенія Академіи наукъ г. президента или академической канцеляріи членамъ географическаго департамента никакихъ имѣющихся во ономъ, еще неопубликованныхъ картъ или другихъ извѣстій никому на сторону не сообщать. Въ противномъ случаѣ подлежать имѣютъ за то тяжкому отвѣту. Равномѣрно и имъ самимъ, не записавъ въ журналъ, ничего на домъ къ себѣ не брать. А адъюнктамъ работы свои отправлять въ географическомъ департаментѣ и для того какъ до полудни, такъ и послѣ полудни порядно туда приходить и смотрѣть, чтобъ то же и отъ студентовъ чинено было. (Съ боку приписка Ломоносова:) «*Членамъ быть до полудни; а студентамъ на послѣ полуденное время задавать работу.*»

9.

Студентамъ географическаго департамента не запрещается, сидя за стульями членовъ, слушать ихъ разсужденія и оными пользоваться.

10.

Которые изъ студентовъ въ геодезіи и въ сочиненіи картъ еще не довольно искусились, онымъ подавать въ томъ должны господа адъюнкты всякое наставленіе и показывать на обсерваторіи употребленія нужнѣйшихъ инструментовъ, дабы они въ случаяхъ съ пользою и надежностью къ отправленіямъ въ губерніи и провинціи употреблены быть могли. Дни и часы для онаго наставленія назначить отъ собранія географическаго, какъ наиудобнѣе будетъ.

11.

Понеже поправленіе россійскаго атласа имѣетъ быть главнѣйшимъ намѣреніемъ (это рукою Тауберта вм. «сверхъ текущихъ дѣлъ») географическаго департамента, того ради членамъ онаго въ ихъ собраніяхъ одну часть россійской генеральной карты за другою порядочно разсмотрѣть, сличая притомъ всѣ имѣющіяся объ оныхъ мѣстахъ извѣстія. Что въ печатномъ атласѣ окажется неправильно положенное, которое по другимъ достовѣрнымъ и новѣйшимъ извѣстіямъ поправлено быть должно, оное въ журналѣ для будущаго поправленія

росписи потребныхъ матеріаловъ. Это предложеніе также осталось безъ осуществленія[1]).

Еще въ 1756 году Ломоносовъ получилъ изъ главной полицмейстерской канцеляріи во владѣніе шесть погорѣлыхъ мѣстъ въ адмиралтейской части для постройки на нихъ каменнаго дома. Прося для себя помянутыя мѣста, нашъ академикъ объяснялъ, что ему необходимо, „въ разсужденіи его профессіи", имѣть собственный „свободный" домъ. Впрочемъ, намѣреніе Ломоносова построить себѣ каменный домъ не даетъ еще права думать, чтобы его хозяйственныя дѣла были въ блистательномъ положеніи: мѣсяца черезъ три послѣ полученія мѣстъ, нашему академику выдано было впередъ полугодовое жалованье „для его необходимыхъ нуждъ...."[2]) Несмотря на то, Ломоносову уже тогда завидовали: его литературный соперникъ Сумароковъ, съ обычною грубостью, писалъ къ И. Шувалову по поводу своихъ нескончаемыхъ пререканій съ Ломоносовымъ: „ему, деревни, домъ и хорошіе доходы имѣющему,

---

обстоятельно записать, а о которыхъ мѣстахъ совсѣмъ никакого извѣстія нѣтъ или хотя и есть токмо недостаточно или недостовѣрно, объ оныхъ представить академической канцеляріи, дабы она о доставаніи оныхъ чрезъ предлагаемыя средства и пути стараніе свое приложила.

12.

При вступленіи въ дѣйствительное поправленіе какой либо спеціальной карты, прилежно разсмотрѣть употребляемыя къ тому извѣстія, и когда основаніе оныхъ за достаточное признано будетъ, то о употребленіи оныхъ записать въ журналъ, а безъ того по однѣмъ только догадкамъ въ россійскомъ атласѣ ничего не перемѣнять.

13.

Когда вышеписаннымъ образомъ какая карта совсѣмъ исправлена и окончена будетъ, то тому, кто оную сочинялъ, предложить ее собранію и показать учиненныя въ ней поправки со всѣми обстоятельствами и резонами, а потомъ всѣмъ членамъ подписать на ней свою аппробацію и при репортѣ подать въ канцелярію для вырѣзыванія на мѣди.

14.

Какъ изо всѣхъ академическихъ департаментовъ, такъ и изъ географическаго подавать въ канцелярію ежемѣсячные репорты обо всемъ, что въ ономъ происходить будетъ.

15.

Собирать при географическомъ департаментѣ не токмо всѣ извѣстныя нынѣ печатныя карты о Россіи, но и новѣйшія прочихъ странъ свѣта, особливо сосѣдственныхъ государствъ и земель, которымъ для того сочинить реестръ и подать въ канцелярію, почему тѣ карты немедленно выписаны быть имѣютъ.

1) Билярскій, стр. 334—337, 344, 345, 349, 350, 357, 358.

2) Билярскій, стр. 309, 310, 787.

жить легко, а мнѣ со всѣмъ моимъ домомъ лишаему быть на цѣлую треть моего пропитанія трудновато. Когда Ломоносовъ пьетъ и въ пьянствѣ подписываетъ промеморіи, долженъ ли я въ чужомъ пиру имѣть похмѣлье? Онъ опивается, а я чувствую похмѣлье!...“ [1])

Уже въ инструкціи президента Академіи въ мартѣ 1757 года находилось распоряженіе на случай выѣзда Ломоносова изъ казенной квартиры въ свой домъ, который, по словамъ г. Грота, „находился на правой сторонѣ Мойки, у нынѣшняго пѣшеходнаго моста возлѣ частнаго полицейскаго дома. Теперь на этомъ мѣстѣ одно изъ зданій, принадлежащихъ почтамту. Домъ Ломоносова, говорятъ, былъ еще цѣлъ въ 1830-хъ годахъ“ [2]).

Изъ письма Ломоносова къ И. Шувалову, 27 сентября 1757 года, видно, что послѣдній хотѣлъ ему заказать мозаичный портретъ. „Я, писалъ при этомъ Ломоносовъ, думаю, чтобы на перво хотя одинъ ликъ скопировать съ самого лучшаго приказать Ѳедору....“ [3]) Далѣе, изъ другаго письма Ломоносова 3 марта 1760 года оказывается, что Шуваловъ ему заказалъ для московскаго университета портретъ императрицы Елисаветы.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ Ломоносовъ въ началѣ октября 1757 года подалъ прошеніе въ сенатъ, въ которомъ, описывая достоинства произведеній изъ мозаики на его фабрикѣ, просилъ, чтобы сенатъ указомъ повелѣлъ дѣлать на счетъ казны „мозаическія живописныя вещи для украшенія казенныхъ строеній“. И такъ правительству, которое пожаловало Ломоносову людей и землю на устройство завода, пришлось еще впослѣдствіи поддерживать это учрежденіе заказами на счетъ казны же. Иначе, впрочемъ, и не могло быть, такъ-какъ заведеніе въ Россіи, при тогдашнихъ недостаткахъ у народа въ средствахъ къ удовлетворенію самыхъ необходимыхъ потребностей, фабрика розноцвѣтныхъ стеколъ, бисера, пронизокъ

1) Записки Академіи наукъ, I, прилож. № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, сооб. академикомъ Гротомъ, стр. 36.

2) Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, академика Грота (Спб., 1865), 57.

3) Билярскій, стр. 350.

и стекляруса была дѣломъ излишнимъ и въ коммерческомъ отношеніи нисколько невыгоднымъ. Какимъ образомъ Ломоносовъ могъ разсчитывать на покупателей, когда большинство ихъ не имѣло возможности пріобрѣтать его пронизки, бисеръ, а тѣмъ паче разноцвѣтныя стекла, такъ что и простыя стекла въ окнахъ въ селеніяхъ и даже городахъ многіе считали въ тѣ времена роскошью и употребляли слюду и пузыри? Вотъ, почему въ вышеприведенныхъ полемическихъ нападкахъ Тредіаковскаго на Ломоносова, хотя во многомъ несправедливыхъ, была однако своя доля правды, когда рѣчь шла о малой полезности для государства отъ ломоносовской фабрики. Тѣмъ не менѣе, однако, нашъ академикъ надѣялся и въ этомъ случаѣ на поддержку покровительствовавшаго ему временщика. 10 октября 1757 года онъ писалъ къ И. Шувалову: „Всепокорнѣйше прошу не причесть мнѣ въ предосужденіе, что о своихъ свидѣтельствахъ и трудахъ при семъ прилагаю [1]): не ради своего самохвальства то сдѣлать осмѣлился; но чтобы себя оборонить отъ моихъ презрителей и поносителей съ верху парнасскихъ горъ долой. Домашнія мои заботы въ разсужденіи строенія фабрики и прочаго приходятъ къ окончанію, и я уповаю доказать великими доводами въ самомъ дѣлѣ, что оныя слова самая пустошь....“ [2])

16 октября 1757 г. сенатъ приказалъ академической канцеляріи „разсмотря оную мозаическую работу, освидѣтельствовать и представить въ правительствующій сенатъ“. Тогда Ломоносовъ обратился къ академику Штелину, завѣдывавшему художественною частію по Академіи, съ убѣдительнымъ пись-

1) Билярскій, на стр. 354, 355, имѣя въ виду одно письмо съ похвалами русскому языку въ сочиненіяхъ и переводахъ неизвѣстнаго, полагаетъ, что это одно изъ свидѣтельствъ, приложенныхъ Ломоносовымъ; при этомъ Билярскій намекаетъ, что это письмо сочинено имъ самимъ. Дѣйствительно въ бумагахъ Ломоносова, поступившихъ въ Академію наукъ отъ П. Муханова, списокъ этого самаго письма писанъ Ломоносовымъ съ его помарками; но едва ли помянутыя свидѣтельства не были тѣ самыя выписки хвалебныхъ отзывовъ о Ломоносовѣ изъ писемъ къ нему разныхъ знаменитостей, которыя съ русскимъ переводомъ переписалъ онъ самъ и которыя до сихъ поръ сохранились въ его бумагахъ (Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), стр. 92—98).

2) Билярскій, стр. 350—355.

момъ, въ которомъ доказывались польза и красота мозаикъ съ ломоносовской фабрики, а также напоминалось, что въ Римѣ достигли такихъ послѣдствiй впродолженiе только нѣсколькихъ столѣтiй и потративъ множество издержекъ. Какъ на доказательство значенiя Ломоносова можно указать на то, что отзывъ, данный изъ собранiя Академiи художествъ, согласовался вполнѣ съ мыслiю, изложенною Ломоносовымъ въ письмѣ къ Шувалову. „Впрочемъ, говорилось въ отзывѣ, со удивленiемъ признавать должно, что первые опыты такой мозаики безъ настоящихъ мастеровъ и безъ наставленiя въ такое малое время столь далеко доведены, что Россiйскую имперiю поздравляемъ съ тѣмъ, что между благополучными успѣхами наукъ и художествъ, подъ всемилостивѣйшею державою ея императорскаго величества процвѣтающими, и сiе благородное художество изобрѣтено и уже столь далеко произошло, какъ въ самомъ Римѣ и другихъ земляхъ едва въ нѣсколько сотъ лѣтъ происходить могло“ [1]).

Сенатъ, по полученiи такого отзыва, 11 февраля 1758 года, постановилъ предложить канцелярiи отъ строенiй и другимъ мѣстамъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда понадобятся въ общественныхъ какiя либо зданiяхъ украшенiя изъ мозаики, призывать Ломоносова и давать ему заказы. Въ слѣдъ за тѣмъ, 20 того же февраля, графъ Петръ Шуваловъ предложилъ „не изволитъ-ли правительствующiй сенатъ приказать совѣтнику и профессору Ломоносову на привилегированныхъ его мозаичныхъ заводахъ сдѣлать внутри состоящей въ Санктпетербургской крѣпости церкви св. Апостолъ Петра и Павла приличныя на достохвальную память государя императора Петра Великаго мозаичныя украшенiя и что къ монументу сего мудраго монарха изобразить пристойно будетъ....“

Разумѣется изъ сенаторовъ никто не противорѣчилъ всесильному графу Петру Шувалову, и сенатъ тотчасъ же потребовалъ проектовъ помянутому памятнику отъ Академiи. Они были составлены и представлены въ сенатъ 1 апрѣля 1758 года.

---

1) Билярскiй, стр. 352, 353.

Независимо отъ нихъ, Ломоносовъ „подалъ отъ себя, какъ для построенія обоимъ въ Бозѣ почивающимъ монархамъ монумента, такъ и для изображенія историческимъ образомъ дѣлъ государя императора Петра Великаго и для украшенія въ той церкви около настѣнныхъ исторій мозаикою проектъ[1]) и монументу идеи его модель съ яснымъ описаніемъ того монумента историческихъ изображеній, и какимъ образомъ, по его мнѣнію, надлежитъ оный его проектъ производить въ дѣйство, учиня всему объявленному строенію и украшеніямъ смѣту, по которой все оное стать можетъ около 148.682 руб. При чемъ онъ объявилъ, что все то исправить уповаетъ въ шесть лѣтъ....“ Всѣ сенаторы вполнѣ одобрили представленіе Ломоносова и подписали докладъ о томъ императрицѣ Елисаветѣ. Но на него не послѣдовало утвержденія, вѣроятно по причинѣ значительности для того времени изчисленной по смѣтѣ суммы. И такъ дѣло остановилось и было возобновлено только въ 1760 году[2]).

Между тѣмъ Ломоносовъ въ 1758 г. былъ убѣжденъ въ скоромъ и благопріятномъ для себя послѣдствіи отъ сенатскаго доклада, потому что 27 іюня того года писалъ по нѣмецки къ академику Штелину, которому состоялъ должнымъ: „Вопреки моего предположенія, дѣло въ сенатѣ на долго затянулось и только за недѣлю передъ тѣмъ окончилось. Въ ожиданіи я держу на свой счетъ такъ много людей, что по одной только фабрикѣ плачу ежегодно деньгами 600 руб., не считая того, что выходитъ на припасы и матеріалы. Поэтому прошу извинить меня, что не въ состояніи уплатить долгъ мой въ срокъ и что завтра этого не будетъ исполнено; но въ теченіе недѣли я буду изыскивать всѣ способы удовлетворить васъ съ величайшею благодарностью. У меня стоятъ четыреста саженъ дровъ на берегу Каравалдая, и не могу никого найти кто бы купилъ у меня изъ нихъ 300 саж. и сотню перевезъ бы сюда, какъ дѣлалось это прежде“ [3]).

1) Этотъ-то проектъ Порошинъ читалъ великому князю Павлу Петровичу (Записки Порошина, 97).

2) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1867, II, смѣсь, 15—17; Билярскій, стр. 363, 364, 369.

3) Билярскій, стр. 372, 373.

Что касается до дѣятельности Ломоносова въ 1758 году по должности совѣтника академической канцеляріи, то, по его собственному свидѣтельству, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на подряды, которые производилъ Таубертъ по Академіи. Въ подобныхъ дѣлахъ Ломоносовъ вовсе расходился съ послѣднимъ и часто подавалъ особыя мнѣнія. За тѣмъ онъ возставалъ противъ безденежной раздачи академическихъ изданій и притомъ въ богатыхъ переплетахъ. Наконецъ, Ломоносову казалось несообразнымъ „великое множество дѣлъ, до наукъ ничего не надлежащихъ, покупки разныхъ вещей на типографію въ книжную лавку, въ мастеровыя палаты, а особливо что по мелочамъ въ разбивку; которыми такъ время тратится, что мало досуговъ остается о главномъ дѣлѣ — о наукахъ....“ [1])

7 января 1758 года, Ломоносовъ написалъ представленіе къ президенту Академіи и здѣсь подробно объяснялъ „несостояніе“ Академіи, которое онъ усмотрѣлъ въ десятимѣсячное присутствованіе свое въ академической канцеляріи. Прежде всего онъ указываетъ, подобно академикамъ, бывшимъ до него, на множество ремесленныхъ заведеній при Академіи, нисколько къ наукамъ неотносящихся. При перечисленіи недостатковъ ученаго учрежденія, Ломоносовъ писалъ: „для умноженія книгъ россійскихъ, чѣмъ бы удовольствовать требующихъ охотниковъ, не достаетъ登 становъ, переводчиковъ, а больше всего, что нѣтъ россійскаго собранія, гдѣ бъ обще исправлять грубыя погрѣшности тѣхъ, которые по своей упрямкѣ худыя употребленія въ языкѣ вводятъ. Университетъ и гимназія весьма въ худомъ состояніи и требуютъ, чтобъ канцелярія больше къ нимъ прилежала....“ Отсутствіе регламентовъ для ученыхъ и учебныхъ учрежденій при Академіи, по мнѣнію Ломоносова, было также причиною безпорядковъ. Ломоносовъ жаловался при томъ на Мюллера за его „противности и ругательства“, конечно по дѣлу о статьѣ Полетики, о чемъ уже было говорено выше; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставлялъ

2) Билярскій, стр. 073.

исторіографа, какъ подстрекателя прочихъ академиковъ къ отговоркамъ отъ чтенія лекцій. Слѣдующее за тѣмъ мѣсто должны были принять на свой счетъ Шумахеръ и Таубертъ: „съ другой стороны въ канцеляріи желающіе рекомендовать себя художествами, то есть за великій меритъ почитающіе то, когда чужихъ трудовъ что нибудь поднесутъ знатнымъ людямъ, сіи всякими мѣрами желаютъ и стараются науки унизить, говоря: 1) что университетъ здѣсь не надобенъ и что все, до того подлежащее, уступить московскому университету. 2) Такое недоброхотное мнѣніе дѣломъ оказалось, когда лучшіе ученики изъ гимназіи, вмѣсто рисовальныхъ, въ монетную канцелярію отданы были...." Ломоносовъ находилъ также великое самовластіе въ распоряженіяхъ „что безъ моего совѣта дѣла дѣлали". Послѣднею мѣрою изъ тѣхъ, которыя академикъ нашъ перечислялъ въ своемъ представленіи президенту, была слѣдующая: „чтобъ по примѣру другихъ командъ, которыя много академической меньше, былъ вице-президентъ, который бы, зная науки и состояніе академическое, могъ совѣтомъ и дѣломъ прекращать внутреннія неудовольствія, всѣ недостатки исправлять и приводить науки въ цвѣтущее состояніе подъ повелѣніемъ и покровительствомъ вашего сіятельства, облегчая труды".

На это представленіе графъ Разумовскій отвѣчалъ распоряженіемъ, въ силу котораго завѣдываніе ученою и учебною частями по Академіи было возложено на Ломоносова, „и ежели что къ лучшему произведенію ученыхъ дѣлъ и къ приращенію наукъ усмотритъ, о томъ представлять въ канцеляріи прочимъ господамъ членамъ, гдѣ, по общему согласію, о томъ чинить разсужденія и опредѣленія и докладывать для конфирмаціи его сіятельству г. президенту...." Штелину въ то же время поручены были художества, а Тауберту типографія, книжная торговля и мастерскія [1]).

На основаніи этого распоряженія и ссылаясь на неисполненіе постановленія академическаго регламента, Ломоносовъ

---

1) Билярскій, стр. 359—362, 367, 368.

предложилъ 4 мая 1758 года выдавать въ свѣтъ еженедѣльное изданіе, подъ заглавіемъ: Санктъ-петербургскія вѣдомости о дѣлахъ ученыхъ людей. Здѣсь должны были помѣщаться извѣстія и отзывы о выходящихъ при Академіи сочиненіяхъ, а также о новыхъ книгахъ иностранныхъ. Безъ сомнѣнія, подобное изданіе было бы и полезно, и наставительно; но въ ученыхъ обществахъ тогда только можно надѣяться на достоинство, а слѣдовательно и успѣхи періодическаго сочиненія, когда редакторомъ его будетъ такое лицо, которое бы съ любовью и всецѣло посвятило значительную часть своего времени такому предпріятію. Примѣръ Мюллера, который выдавалъ Ежемѣсячныя сочиненія, оставшіяся памятными въ исторіи русской журналистики, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ, ибо какъ только онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, изданіе прекратилось. Неудивительно по этому, что предложеніе Ломоносова, при неимѣніи въ виду редактора для предположенныхъ Вѣдомостей — самъ же онъ, какъ видно, не желалъ взять на себя такую скучную и хлопотливую обязанность,—предложеніе Ломоносова осталось безъ осуществленія[1]).

Въ іюнѣ 1758 года, онъ довелъ до свѣдѣнія академической канцеляріи, что уже вошелъ съ письменнымъ представленіемъ „о умноженіи учениковъ въ гимназіи и студентовъ въ университетѣ и о распространеніи наукъ въ Россіи“, почему просилъ отпустить „для довольствія“ гимназистовъ 1800 руб. Графъ Разумовскій, 18 августа того же года, постановилъ, на основаніи академическаго регламента и требованія Ломоносова, выдать впередъ на содержаніе гимназистовъ по 30 руб. на каждаго человѣка въ годъ, а всего на 40 человѣкъ 1200 руб.[2]).

Какъ образчикъ того, какъ распоряжался Ломоносовъ въ академической канцеляріи въ отношеніи своихъ товарищей по Академіи наукъ, можно привести уцѣлѣвшую въ черновомъ отпускѣ его бумагу касательно академика-астронома Августа Натаніеля Гришау. Надобно предупредить, что этотъ ученый, женившись въ остзейскомъ краѣ на дѣвицѣ Сакенъ, любилъ

1) Билярскій, стр. 370, 371. | 2) Билярскій, стр. 374.

отпрашиваться изъ Петербурга подъ предлогомъ производства наблюденій на островѣ Эзелѣ и часто проводилъ время въ названномъ краѣ, такъ что Академіи не разъ приходилось съ подтвержденіями вызывать съ Эзеля своего астронома. Въ 1757 г. онъ снова жилъ тамъ, а въ слѣдующемъ году Ломоносовымъ набросалъ чернилами и карандашемъ слѣдующее рѣшеніе [1]):

„На репортъ профессора Гришова отъ 24 числа марта опредѣлено послать къ нему указъ, чтобъ онъ, не теряя времени, съ острова Эзеля въ Санктпетербургъ обратно поѣхалъ и по дорогѣ бы въ Перновѣ и въ Дерптѣ учинилъ наблюденія астрономическія оныхъ городовъ долготы и широты сколько потребно для географіи. А для предосторожности, чтобы онъ негодными представленіями канцелярію впредь не утруждалъ, объявить ему въ ономъ указѣ слѣдующія неудовольствія, кото-

1) Кромѣ этой бумаги, есть еще и другая вѣроятно первоначальной редакціи, писанная канцеляристомъ, но съ приписками Ломоносова, которыя здѣсь набраны курсивомъ: «На репортъ профессора Гришова отъ 24 числа марта опредѣлено: 1) послать къ нему указъ, чтобъ онъ съ острова Эзеля *немедленно* возвратился въ Санктпетербургъ и исполненіе чинилъ по силѣ прежде посланнаго къ нему указу и больше бъ такихъ грубыхъ представленій *и мелочныхъ требованій какъ о починкѣ коляски и прочаго*, какіе онъ въ томъ своемъ репортѣ въ упорность канцеляріи писалъ, болѣе бъ не представлялъ, а старался бъ по силѣ данной ему инструкціи и посланнаго предъ симъ указа все исполнить и возвращаться сюда. (Приписка неоконченная:) *объявляя ему слѣдующія академической канцеляріи неудовольствія въ его поступкахъ:* 1) *въ его неосновательныхъ отговоркахъ и преслушаніи команды напр. будто никогда почти нѣтъ ясного неба и будто бы...* 2) Для поѣздки чрезъ Перновъ и Дерптъ по требованію его истребовать изъ рижской губернской канцеляріи подводъ и почтовыхъ лошадей за одинокіе прогоны до Санктпетербурга, которыя бы ему на каждой станціи по требованіямъ даваны были съ надлежащими проводниками, веревками и прочимъ. 3) По прибытіи его въ Перновъ отведена бъ ему была удобная квартира. 4) Въ эзельскую провинціальную канцелярію о выдачѣ при отъѣздѣ его выдать ему на счетъ Академіи 50 руб., о которыхъ ему по пріѣздѣ сюда подать вѣрный счетъ, изъ которыхъ казенную испорченую телегу починить. 5) Чтожъ касается до починки эзельской обсерваторіи, канцелярія за нужно не признаваетъ, для того что ему возвратиться уже велѣно. 6) Бумаги простой 5 дестей да 4 хорошей послать къ нему немедленно. 7) *Обсерваціи въ Дерптѣ и въ Перновѣ для опредѣленія долготы, сколько къ географіи требуется, можно учинить по кульминаціямъ звѣздъ неподвижныхъ, и для того нѣтъ нужды, чтобы дожидаться закрытія звѣздъ луною или эмерсій и иммерсій юпитеровыхъ спутниковъ*».

рыя въ разсужденіи его поступокъ имѣетъ канцелярія, а именно: 1) неосновательныя вымышленныя отговорки и грубыя отговорки (sic) и ослушаніе команды, напр., якобы канцелярія указала, чтобы онъ, Гришовъ, взялъ самыя точныя обсерваціи для долготы по закрытію звѣздъ и проч., чего отнюдь отъ канцеляріи ему не предписано; да и самъ онъ, Гришовъ, какъ астрономіи профессоръ, разсудить долженъ, что для географіи только оное требуется. Также помянутый Гришовъ пишетъ, что онъ того дѣлать не обѣщался и ежели учинитъ, то развѣ только въ угодность его сіятельства г. президента, а не памятуетъ, что онъ въ контрактѣ обѣщался поступать по регламенту и всѣ указы исполнять, которые ему отъ президента или отъ канцеляріи присланы будутъ по его профессіи. Сверхъ сего ставитъ онъ себѣ то время въ потерю, которое употребится на помянутыя обсерваціи, и представляетъ для того адъюнкта Красильникова, не разсуждая, что ему нѣтъ безчестья оныя наблюденія сдѣлать по примѣру славныхъ астрономовъ, которые такими трудами при случаѣ не гнушались. А нарочная посылка будетъ казнѣ излишняя трата. И оный Гришовъ не долженъ удивляться, что канцелярія дѣлъ его эзельскихъ не знаетъ за тѣмъ, что она еще почти ничего того не видитъ для чего онъ.... (На другомъ листѣ:) И такъ вышеписанныя обсерваціи еще понынѣ между лучшими его изобрѣтеніями въ сей посылкѣ почитаться должны. Частое повтореніе неясной погоды и что-де небо не въ его командѣ суть грубыя отговорки, затѣмъ что къ географическимъ наблюденіямъ на сухомъ пути долготы закрытіе спутниковъ юпитеровыхъ и звѣздъ отъ луны не нужны. 2) Въ тягость канцеляріи требуетъ отъ нея резолюціи, починивать ли телѣгу, что подъ инструментами, и другихъ мелочей, которыя безъ ордера и безъ посылки отсюда сдѣлать тамъ и достать можетъ. По симъ его, Гришова, поступкамъ увѣряется канцелярія въ томъ мнѣніи, что онъ въ островъ Эзель старается ѣздить больше для своихъ прихотей, нежели для пользы Академіи. И ради того въономъ указѣ ему объявить, чтобы впредь такихъ вымышленныхъ отговорокъ и грубыхъ упорностей противъ повелѣнія команды не дѣлалъ,

опасаясь неизбѣжнаго штрафа по указамъ за преслушаніе команды."

Что касается до ученыхъ и литературныхъ занятій Ломоносова въ 1758 году, то 19 января того года онъ внесъ въ академическое засѣданіе свое разсужденіе объ упоминавшейся уже ночезрительной трубѣ, подъ заглавіемъ: Problema physicum de tubo nyctoptico, о чемъ у него потомъ вышли пререканія съ академикомъ Эпинусомъ. 30 января Ломоносовъ представилъ сочленамъ разсужденіе о предметѣ, о которомъ также говорено прежде, именно de ratione massae et ponderis. 20 февраля имъ же объявлено въ академическомъ засѣданіи, что на будущее время онъ не въ состояніи посвящать своихъ трудовъ химіи, но что если потребуется произнести рѣчь въ какомъ либо торжественномъ собраніи Академіи, то онъ готовъ принимать это на себя [1]).

Въ маѣ 1758 года Ломоносовымъ былъ сдѣланъ стихотворный переводъ оды профессора Бока въ Кенигсбергѣ. Городъ этотъ былъ взятъ тогда русскими войсками и управлялся русскимъ губернаторомъ. Вотъ, почему пруссакъ Бокъ поднесъ Елисаветѣ оду, явившуюся въ русскомъ переводѣ подъ такимъ заглавіемъ: День во вѣки преславный коронованія всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, именемъ кенигсбергскія Академіи съ глубочайшимъ благоговѣніемъ торжественно почтенный отъ Іоганна Георга Бока, профессора кенигсбергскаго университета и Академіи наукъ члена. Переводъ съ нѣмецкаго языка. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ [2]). Впрочемъ эта же ода напечатана была и въ Академической типографіи въ количествѣ 300 экземпляровъ. Ломоносову за его трудъ было выдано 40 экземпляровъ [3]). Сочинитель оды Бокъ получилъ также нѣкоторое возмездіе за свои стихи: по именному повелѣнію императрицы 30 апрѣля 1758 года, онъ былъ возведенъ въ почетные члены нашей Академіи, а въ слѣдующемъ 1759 году, графъ К. Разу-

1) Билярскій, стр. 363.
2) Въ 4°, 6 стр.
3) Билярскій, стр. 371, 372.

мовскій во уваженіе, что Бокъ сочиняетъ оды въ честь императрицы, ходатайствовалъ объ избавленіи его отъ наложенной на прочихъ пруссаковъ контрибуціи [1]).

Въ 1758 году Ломоносовъ подносилъ въ рукописи И. Шувалову и императрицѣ Елисаветѣ свою Россійскую исторію, которую и было велѣно печатать въ сентябрѣ 1758 года. Для этого заказаны были новыя заставныя буквы, а въ художественномъ отдѣленіи Академіи обязывались „изобрѣсти грыдорованный листъ и пристойныя гдѣ надобно виньетты, и оныя нагрыдоровать.“ По мысли Ломоносова, на гравированномъ листѣ слѣдовало: „изобразить между славными мирными и военными дѣлами ея императорское величество въ видѣ Минервы со щитомъ, а на тѣмъ гербъ россійскій. Передъ нею Исторія и Правда, положивъ книги, указуютъ на великолѣпный храмъ, украшенный медальонами, бюстами стоячими и каменными статуями прежнихъ государей россійскихъ“ [2]). Всѣ эти распоряженія, однако, не были потомъ осуществлены, и въ 1763 г. послѣдовало новое предписаніе о печатаніи Россійской исторіи Ломоносова.

Сенатъ требовалъ отъ Академіи наукъ чрезвычайно подробныхъ картъ теченія Волги и главнѣйшихъ рѣкъ, впадающихъ въ нее, а также Медвѣдицы, Дона, Хопра и Донца. Ломоносовъ написалъ на это требованіе такой отзывъ отъ имени академической канцеляріи: „Описанія глубины (на нѣсколько тысячъ верстъ простирающіяся) рѣки Волги, въ самую большую, посредственную и меньшую воду; крутость и пологость береговъ, и гдѣ она по низкости ихъ такъ разливается, что настоящей глубины имѣть не можетъ, и по случаямъ бываютъ мели, и какъ велики и отъ чего то происходитъ, и о прочемъ, что до навигаціи слѣдуетъ, также о рѣкахъ Медвѣдицѣ, Дону, Хопрѣ и Донцѣ — въ Академіи наукъ нѣтъ и быть въ сіе время такъ обстоятельно отнюдь не можетъ. Въ доказательство тому довольно служатъ примѣры. Рейнъ—рѣка,

1) II, книги №№ 232 и 247.

2) Билярскій, стр. 375. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 80.

которая противъ Волги едва десятою долею сравниться можетъ и протеканіемъ по землѣ, которая Академіями издавна наполнена, не описана еще такимъ образомъ, ибо къ тому требуется много знающихъ людей, иждивенія и времени. Сколько жъ какихъ картъ объ оныхъ рѣкахъ въ Академіи наукъ при географическомъ департаментѣ есть, то можно скопировать сенатскими геодезистами, для того что академическіе, за сочиненіемъ новаго россійскаго Атласа, къ тому употреблены быть не могутъ" [1]).

14 декабря Ломоносовъ показывалъ сочленамъ придуманную имъ машину, quae barometri marini vices sustinere debet; каково дѣйствовала эта машина на опытѣ, извѣстій потомъ никакихъ не встрѣчается [2]).

Въ томъ же 1758 году Ломоносовъ занимался описаніемъ фейерверка, сожженнаго предъ домомъ графа Петра Шувалова: о переводѣ слѣдующихъ къ тому стиховъ на нѣмецкій онъ просилъ Штелина [3]).

Въ 1759 году ученыя занятія Ломоносова состояли въ томъ, что онъ 8 января того года представлялъ въ академическомъ засѣданіи квадрантъ Гадлея novo motu. uni speculo adplicato auctum, quo efficitur, ut observatio horizontis tanquam valde dubia, non amplius requiratur, econtra autem differentiarum altitudinis corporum coelestium ratio habetur, quae ex judicio academicorum quoad theoriam certa methodus est, et for-

1) Билярскій, стр. 376. Вслѣдствіе этого отзыва, сенатъ послалъ описывать Волгу, въ іюнѣ 1759 года, ученика геодезіи Дмитрія Смирнаго. (II, книга № 244).

2) Билярскій, стр. 377.

3) Билярскій, стр. 037. Лѣтописи русск. литературы и древностей, 1859 г., II, смѣсь, 195; такъ какъ эта записка напечатана тамъ не совсѣмъ точно, то провѣренная по подлиннику, хранящемуся въ импер. Публ. библіатекѣ, помѣщается здѣсь: S. Exc. der Herr Graff P. J. verlangen, dasz die Beschreibung von den Feuer-Werke sollte im deutschen und französischen gedruckt werden. Der Staffengagen hat es übersetzt, aber mir gefallen nicht die Verse im Prosa. Ich bitte Ew. Wohlgebohr., wegen der Ehre der Academie dies zu übersehen. Die Verse habe Wort zu Wort ins lateinische übersetzt. Es wäre zu wünschen, dasz sie auch in deutsche Versen gesetzet wären. Fern unsere französische Translateur aus dem deutschen ins französische befördern, so haben sie mehr Autorität ihm es zu thun zu befehlen. Wenn die Verse französisch in Prosa sind, so will ich morgen schon einen Poet bekommen.

sitan in praxi quoque usum habere potest. Въ февралѣ дѣлались, по предложенію Ломоносова, „нѣкоторые инструменты", для лучшаго объясненія приготовляемой тогда имъ рѣчи, а 2 апрѣля въ академическомъ засѣданіи Ломоносовъ „толковалъ бывшимъ притомъ членамъ новыя свои изобрѣтенія, до мореплавательной науки касающіяся, которыя онъ намѣренъ описать въ рѣчи, къ будущему публичному собранію приготовленной; а самую рѣчь намѣренъ онъ сообщить знающимъ той матеріи впредь. И оныя изобрѣтенія всѣми, притомъ бывшими членами, по колику имъ истолкованы, къ печати удостоены" [1])

Вскорѣ затѣмъ эта рѣчь была напечатана, подъ заглавіемъ: Разсужденіе о бо́льшей точности морскаго пути, читанное въ публичномъ собраніи императорской Академіи наукъ мая 8 дня 1759 года господиномъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ Михайломъ Ломоносовымъ [2]).

Объ этомъ произведеніи есть два отзыва спеціалистовъ. Одинъ изъ нихъ, академикъ Д. М. Перевощиковъ говоритъ: „Послѣ Ломоносова осталось Разсужденіе о большей точности морскаго пути, въ которомъ изложены способы для точнаго опредѣленія географическихъ широтъ и долготъ мореплавателями. По усовершенствованному состоянію практической астрономіи и мореплаванія, разсужденіе Ломоносова имѣетъ уже только историческое значеніе; но въ немъ послѣдняя глава „о предсказаніи погодъ, а особливо вѣтровъ заслуживаетъ полнаго вниманія метеорологовъ." Затѣмъ, выписавъ нѣсколько мѣстъ изъ этой главы и заключеніе Ломоносова о необходимости учрежденія въ разныхъ частяхъ свѣта самопишущихъ метеорологическихъ обсерваторій, г. Перевощиковъ кончаетъ: „Такимъ

---

1) Билярскій, стр. 377, 380, 382, 383.

2) Въ 4°, 52 стр. и 3 таблицы фигуръ. Это разсужденіе напечатано въ количествѣ 390 экз. на русскомъ и столько же на латинскомъ языкахъ. Печатаніе и бумага стоили 133 р. 3 к. Латинскій переводъ сдѣланъ Козицкимъ и изданъ подъ заглавіемъ: Meditationes de via navis in mari certius determinanda, praelectae in publico conventu Academiae scientiarum imperialis petropolitanae die VIII mai A. l. 1759 auctore Michaeli Lomonosow, in 4°, 64 стр. и 3 табл., (Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 383).

образомъ Ломоносовъ предвидѣлъ и предсказалъ все, что нынѣ думаютъ и дѣлаютъ метеорологи....“ [1]).

Московскій профессоръ физики г. Любимовъ, послѣ историческаго изложенія о вопросѣ, которымъ занимался Ломоносовъ въ разсматриваемой здѣсь рѣчи, дѣлаетъ такой отзывъ: „Ломоносовъ не думалъ, чтобы его изслѣдованія могли произвести реформу въ наукѣ мореплаванія; онъ предлагалъ только (не касаясь математической стороны предмета) различныя усовершенствованія въ методахъ наблюденія на кораблѣ какъ астрономическихъ, такъ и физическихъ явленій (каковы, напр., скорость корабля, направленіе вѣтровъ и теченій, и пр.), и желалъ показать, какъ много наука нужна для мореплаванія. Ломоносовъ предлагаетъ много замѣчательныхъ проектовъ, напр. проектъ о мореплавательной академіи. Разсужденіе о точности морскаго пути яснѣе всего показываетъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ Ломоносовъ за современными интересами науки. Онъ такъ самъ отзывается о своемъ трудѣ: „Хотя трудъ мой безполезнымъ можетъ показаться, что толикимъ произведеніямъ нѣчто придать искусился (т. е. трудамъ знаменитыхъ астрономовъ, занимавшихся усовершенствованіемъ мореплаванія); однако дѣломъ симъ послѣдовалъ я рудоискателямъ, которые иногда безъ всякой вѣроятности сладкою надеждою питаются, и не всегда же тщетно.“ Много трудностей приходилось преодолѣвать въ своихъ трудахъ Ломоносову: онъ работалъ одинъ, часто замѣчательнѣйшія изобрѣтенія доходили до него только по слухамъ, напр. усовершенствованіе хронометровъ въ Англіи. Но и при такихъ обстоятельствахъ, чего бы ни коснулся онъ, все получало подъ его руками оригинальную форму. Описаніе многихъ новыхъ инструментовъ, новыхъ наблюденій, исполненныхъ или задуманныхъ, встрѣчается на каждой страницѣ его разсужденія. Изъ наблюденій, дѣланныхъ Ломоносовымъ и о которыхъ онъ упоминаетъ въ разбираемомъ нами разсужденіи, весьма замѣчательны наблюденія надъ длиннымъ

---

1) Радуга, журналъ, апрѣль 1865, Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи, стр. 198, 199.

маятникомъ. Они тѣмъ болѣе интересны, что въ новѣйшее время опыты Фуко надъ движеніемъ длиннаго маятника привлекли къ себѣ общее вниманіе. Ломоносовъ наблюдалъ въ покоѣ находящійся длинный маятникъ. Такія наблюденія были въ срединѣ XVIII вѣка дѣланы многими учеными, и явленіе отклоненія маятника называлось reciprocotio pendulu. Одинъ прованскій дворянинъ первый замѣтилъ, что длинный маятникъ, оставленный въ покоѣ, измѣняетъ нѣсколько свое положеніе съ теченіемъ времени. Это наблюденіе произвело споры между учеными, изъ которыхъ одни признавали такое явленіе, другіе отрицали его. Въ исторіи парижской Академіи за 1742 годъ эти споры изложены подробно. Въ 1754 г. Бугеръ дѣлалъ многіе опыты надъ длиннымъ маятникомъ и пришелъ къ заключенію, что измѣненія въ положеніи вертикальнаго маятника не подчинены никакому правильному закону и зависятъ отъ ближайшихъ неправильныхъ причинъ, а не находятся въ связи съ общею системою міра, какъ думали многіе ученые.... Ломоносовъ, какъ видно изъ его разсужденія, не зналъ опытовъ Бугера, а измѣненіе въ направленіи падающихъ тѣлъ казалось ему столь вѣроятнымъ, что онъ сдѣлалъ до шестисотъ наблюденій надъ положеніемъ длиннаго маятника (таблица этихъ наблюденій приложена къ Разсужденію о точности морскаго пути). Ломоносовъ не открылъ правильнаго закона въ отклоненіяхъ маятника, однако пришелъ къ заключенію, что маятникъ дѣйствительно отклоняется, и притомъ, что отклоненіе чувствительнѣе отъ востока къ западу, нежели отъ сѣвера къ югу.... Въ этомъ Разсужденіи о точности пути Ломоносовъ обращаетъ вниманіе на магнитныя явленія земнаго шара. Говоря объ употребленіи компаса, Ломоносовъ касается вопроса о магнетизмѣ земли. По нѣкоторымъ словамъ можно заключить, что Ломоносовъ былъ знакомъ съ математическимъ трудомъ Эйлера (1757) объ этомъ предметѣ. Но Ломоносову кажется преждевременнымъ составленіе теоріи.... Измѣненіе магнитныхъ элементовъ Ломоносовъ производитъ отъ дѣйствія свѣтилъ небесныхъ, которыя въ свою очередь суть магниты и дѣйствуютъ различнымъ образомъ на разныя части земнаго

шара, смотря по ихъ магнитному составу.... Въ разсужденіи встрѣчаются многія практическія замѣчанія о употребленіи компаса на морѣ“ [1]).

Въ торжественномъ собраніи Академіи наукъ 8 мая 1759 г., кромѣ Ломоносова, произносилъ рѣчь пріятель его, академикъ Браунъ. Она имѣла предметомъ перемѣны въ атмосферѣ и въ особенности о предвѣщаніи ихъ, но въ началѣ по обычаю, строго державшемуся въ старину при Академіи, слѣдовало оратору непремѣнно произнести нѣчто о случаѣ, по которому въ Академіи отправлялось торжественное собраніе. То, о которомъ говорится здѣсь, было назначено послѣ дня коронованія, почему Браунъ въ началѣ рѣчи упоминалъ о разнаго рода правленіяхъ и обрядахъ при вступленіи государей на престолъ. Ломоносовъ, при чтеніи уже отпечатаннаго листа рѣчи, на немъ же написалъ: „Разсужденія о правленіяхъ весьма къ сему случаю неприличны. И на что̀ такое постороннее дѣло мѣшать? Говорилъ бы онъ о своей матеріи, а что до витійства надлежитъ, того ему Богъ не далъ. По моему мнѣнію, должно это все отмѣнить и какимъ нибудь образомъ иное начать“. Этотъ отзывъ, который нельзя не признать черезъ чуръ рѣзкимъ, Мюллеръ, въ качествѣ непремѣннаго секретаря, поспѣшилъ перевести на нѣмецкій языкъ и препроводить къ Брауну, а этотъ, разумѣется, обидѣлся: „что касается витійства, говорилъ онъ тогда, то думаю, что Богъ надѣлилъ меня имъ, какъ и всякаго другаго“. Въ академическомъ засѣданіи Браунъ рѣшительно отказался сдѣлать перемѣны въ вступленіи къ своей рѣчи. При разсужденіяхъ тогда стали уже толковать и о томъ, что нѣкоторыя выраженія Брауна въ противорѣчіи съ догматами греческой вѣры, такъ-какъ на основаніи ихъ помазаніе на царство и коронованіе суть таинства. Дѣло дошло до президента Академіи, и вступленіе къ рѣчи Брауна явилось потомъ въ печати съ значительными урѣзками [2]).

---

1) Въ воспоминаніе 12 января 1855 г. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей московскаго университета (М., 1855), Ломоносовъ какъ физикъ, г. Н. Любимова, 27—30.

2) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 81—86; Билярскій, стр. 383—385.

21 іюня 1759 года Ломоносовъ показывалъ въ академическомъ засѣданіи недавно сдѣланную въ Англіи и данную ему И. Шуваловымъ трубу. По мнѣнію академика, назначеніе этого инструмента было то же самое, какъ и ночезрительной, имъ изобрѣтенной трубы. Выше на стр. 600, было говорено о ней, а также и о томъ, что Румовскій находилъ ее неудовлетворяющею своему назначенію. Теперь противъ изобрѣтенія Ломоносова возсталъ другой академикъ — Эпинусъ. Этотъ ученый поступилъ въ нашу Академію въ 1757 году на каѳедру физики, а до того времени онъ находился при обсерваторіи берлинской Академіи наукъ и довольно продолжительное время составлялъ тамъ астрономическія изчисленія для календаря. Безспорно даровитый, Эпинусъ не болѣе десяти лѣтъ посвящалъ себя ученымъ занятіямъ въ нашей Академіи наукъ, а потомъ занималъ въ Петербургѣ разныя должности, не относившіяся уже къ ученой дѣятельности. Несмотря, впрочемъ, на краткость пребыванія въ средѣ ученаго общества, имя Эпинуса осталось въ исторіи физики памятнымъ въ особенности по сочиненію Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi, и по тому еще, что онъ первый открылъ въ турмалинѣ электрическія свойства. Противъ ночезрительной трубы Ломоносова онъ написалъ двѣ статьи. Одна была озаглавлена: Доказательство невозможности ночезрительной трубы Ломоносова, а другая Прибавленіе къ доказательству о невозможности ночезрительной трубы. Объ этихъ статьяхъ было разсуждаемо въ іюльскихъ академическихъ засѣданіяхъ, и Эпинусъ былъ такъ увѣренъ въ своей правотѣ, что предлагалъ передать свои возраженія на судъ парижской Академіи наукъ. Впрочемъ до этого дѣло не дошло, и съ тѣхъ поръ объ изобрѣтеніи Ломоносова дѣло замолкло. Впослѣдствіи онъ свою неудачу въ этомъ отношеніи также приписывалъ недоброхотству Тауберта и вотъ какимъ образомъ: „подалъ совѣтникъ Ломоносовъ въ профессорское собраніе проектъ о дѣланіи трубы, коею бы яснѣе видѣть можно было въ сумеркахъ, и представилъ давно сдѣланный тому опытъ. Физики профессоръ, что нынѣ коллежскій совѣтникъ, Эпинусъ дѣлалъ на то объекціи, почитая сіе невозможнымъ

дѣломъ. Ломоносовъ немного послѣ того спустя получилъ отъ камергера Шувалова присланную трубу того жъ сродства, и онъ представлялъ въ доказательство своей справедливости. Однако профессоръ Эпинусъ не токмо слушать не хотѣлъ, но и противъ Ломоносова употреблялъ грубыя слова, и вдругъ вмѣсто дружбы прежней сталъ оказывать непріятельскіе поступки. Всѣ ясно уразумѣли, что то есть Таубертовъ промыселъ по шумахеровскому примѣру, который ученые между профессорами споры, кои бы могли дружелюбно кончится, употреблялъ въ свою пользу, портя ихъ дружбу. Все ясно оказалось тѣмъ, что Эпинусъ не токмо съ Ломоносовымъ, но и съ другими профессорами, ему пріятельми, перересталъ дружиться, вступилъ въ Таубертову компанію и, вмѣсто прежняго прилежанія, отдался въ гуляніе...." Неизвѣстно, что помѣшало Ломоносову издать въ свѣтъ и такимъ образомъ отдать на судъ ученыхъ свое изобрѣтеніе ночезрительной трубы; но за то онъ не преминулъ пожаловаться И. Шувалову, къ которому писалъ 8 іюля 1759 г., стало быть въ самый разгаръ своихъ пререканій съ Эпинусомъ: „....не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣтенія ради славы отечества, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ ночезрительною трубою случилось. Сей ущербъ чести отъ моихъ трудовъ сталъ мнѣ вдвое горестенъ для того, что тѣ, которые сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и по нынѣ жестоко съ досадительными словами говорятъ, такъ что видя, не видятъ, и слыша, не слышатъ. Не взирая на то, стараюсь произвести въ дѣйствіе еще новый оптическій инструментъ, которымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ...."

Мысль о новомъ инструментѣ занимала Ломоносова, и онъ, слѣдуя своему обыкновенію, 13 іюля 1759 года предложилъ въ академической канцеляріи объявить на соисканіе преміи задачу: „можно-ли сдѣлать инструментъ оптическій, помощію котораго можно бы было видѣть вещи въ морѣ или въ рѣкахъ глубже?" Хотя это предложеніе и было препровождаемо на

обсужденіе академиковъ, но подобной задачи отъ Академіи наукъ предлагаемо не было[1]).

15 іюля 1759 года Ломоносовъ вошелъ съ представленіемъ въ академическую канцелярію: „по примѣру другихъ государствъ, весьма полезно быть разсуждаю, чтобы учредить при Академіи наукъ печатаніе внутреннихъ россійскихъ вѣдомостей, которыя бы въ государственной экономіи и приватныхъ людей, а особливо въ купечествѣ приносили пользу отечеству сообщеніемъ знанія о внутреннемъ состояніи государства, въ чемъ гдѣ избытокъ или недостатокъ: напримѣръ, плодородія хлѣба или недороду, о вывозѣ или привозахъ товаровъ или припасовъ и о многихъ другихъ вещахъ подобныхъ, какъ для извѣстія во всѣхъ въ государствѣ присутственныхъ мѣстахъ, такъ и для знанія приватнымъ людямъ, торгами и промыслами пропитаніе себѣ имѣющимъ....“ [2])

Нельзя не сознаться въ полезности изданія, придуманнаго Ломоносовымъ; но такъ какъ, по его собственному сознанію, онъ имѣлъ только въ виду примѣры въ иностранныхъ государствахъ, не обращая при томъ вниманія, находилась ли тогдашняя русская торговля и русское купечество въ такомъ положеніи, чтобы они нуждались въ спеціальномъ для себя изданіи, то и это предположеніе, подобно прошлогоднему касательно Вѣдомостей объ ученыхъ дѣлахъ, не было осуществлено; при томъ же Ломоносовъ не указалъ, кто бы могъ быть въ Академіи издателемъ такихъ Вѣдомостей, при составленіи которыхъ надо было очень хорошо знать торговлю и промыслы Россіи, а это при тогдашнемъ отсутствіи гласности было вовсе не легко.

Стихотворныя произведенія Ломоносова въ 1759 году умножились слѣдующимъ: Ода ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ импе-

---

1) Билярскій, стр. 388, 389, 391, 392. На 1760 годъ отъ нашей Академіи была предложена слѣдующая задача: «Опытами изслѣдовать преломленіе лучей въ разныхъ тѣлахъ какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ, и оттуда вывесть, сколь много преломленіе лучей зависитъ отъ разнаго пропорціонпаго количества тѣлъ и отъ разнаго совокупленія частицъ и первоначальныхъ частицъ тѣла составляющихъ, и оное изъяснить теоріею, которая бы опытамъ соотвѣтствовала».

2) Билярскій, стр. 392.

ратрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской на торжественный праздникъ тезоименитства ея величества сентября 5 дня 1759 года, и на преславныя ея побѣды, одержанныя надъ королемъ прусскимъ нынѣшняго 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднѣйшее поздравленіе отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ, печатана при императорской Академіи наукъ [1]).

Въ 1759 году издавался Сумароковымъ ежемѣсячный журналъ, который особенно извѣстенъ въ нашей литературѣ по нѣсколькимъ сатирическимъ статьямъ самого издателя. Такъ-какъ Трудолюбивая пчела печаталась въ типографіи Академіи наукъ, а Сумароковъ былъ человѣкъ задорный и своенравный, то дѣло не обошлось безъ столкновеній, которыя, рисуя ярко тогдашніе литературные нравы, даютъ тѣмъ самымъ понятіе о томъ, каково было вообще наше доброе старое время.

Надобно припомнить, что въ первые годы изданія Мюллеромъ журнала Ежемѣсячныя сочиненія, Сумароковъ, будучи съ нимъ въ ладахъ, помѣщалъ тамъ свои стихотворенія. Академикъ Штелинъ сохранилъ объ этомъ такую подробность: „бригадиръ Сумароковъ поставилъ даже себѣ закономъ, чтобъ безъ присылки его стихотворенія не выходила ни одна Ежемѣсячная книжка журнала, потому-то въ каждомъ его мѣсяцѣ, нѣсколько лѣтъ сряду можно найти по одному и по нѣскольку его стихотвореній“ [2]). Это продолжалось до 1759 года. Вѣроятно около этого времени у Сумарокова произошла какая нибудь стычка съ Мюллеромъ, человѣкомъ также не весьма уступчивымъ, потому что Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову (19 января 1761 г.) говорилъ о Сумароковѣ: „Тауберта и Мюллера для

---

1) Въ f°, 8 стр. Было два изданія этой оды: 2 сентября 1759 г. опредѣлено печатать ее въ листъ 500 экземпляровъ на заморской бумагѣ, 50 на александрійской и 20 на почтовой. Печатаніе обошлось въ 15 руб., не считая бумаги; продавался экземпляръ по 10 коп.; 17 сентября того же года, Ломоносовъ объявилъ, что И. Шуваловъ желаетъ напечатать этой же оды на счетъ московскаго университета 500 экз. Печатаніе ихъ и съ бумагою стоило 11 руб. 90 коп. (II, книга № 247). У Сопикова эта ода показана подъ двумя разными нумерами, IV, №№ 7024 и 7025.

2) Москвитянинъ 1852 года, № 2, матеріалы, Записка Штелина, 208.

того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы“ [1]). Еще въ декабрѣ 1758 года Сумароковъ доводилъ до свѣдѣнія канцеляріи Аадеміи наукъ, что намѣренъ онъ издавать журналъ „для услуги народной“: „что жъ касается до разсмотрѣнія изданій, нѣтъ-ли чего въ оныхъ противнаго, сіе могутъ просматривать, ежели благоволено будетъ, тѣ люди, которые просматриваютъ академическія журнальныя изданія, моихъ изданій слогу не касаяся“. Академическая канцелярія прямо высказалась противъ ходатайства Сумарокова: по ея отзыву онъ состоялъ еще должнымъ академической типографіи съ 1748 года [2]), которая и безъ того завалена казенными работами. Кромѣ того, „члены канцеляріи, имѣя по должности своей довольно другихъ дѣлъ, въ разсмотрѣніе его пьесъ вступать не могутъ. А ежели, паче чаянія, въ оныхъ усмотрѣна будетъ послѣ какая противность, въ такомъ случаѣ, кто будетъ въ отвѣтѣ?“ Несмотря на такіе отзывы, президентъ Академіи

---

1) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 686.

2) Для полученія съ Сумарокова этого долга академическая канцелярія рѣшилась разъ сообщить штатсъ-конторѣ, чтобы она удерживала его изъ причитавшагося ему жалованья. Промеморія о томъ была подписана Ломоносовымъ, какъ членомъ академической канцеляріи, а этого уже было достаточно, чтобы Сумароковъ окончательно вышелъ изъ себя. Тому доказательствомъ осталось доношеніе его въ штатсъ-контору, едва-ли когда либо посланное, такъ-какъ оно безъ обозначенія года и притомъ надорвано (было списано изъ мюллеровскихъ бумагъ, вѣроятно хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ). «Оный Ломоносовъ, писалъ въ этомъ доношеніи Сумароковъ, можетъ быть принялъ дерзновеніе дѣлать таковыя на меня нападенія отъ того, что онъ часто отъ пьянства сходитъ съ ума, что всему городу извѣстно, и какъ уповательно, то онъ ту промеморію подписалъ на меня въ обыкновенномъ своемъ безумствѣ; ибо Академія причины не имѣетъ взыскивать съ меня деньги таковымъ порядкомъ.... Всегда и часто съ ума сходящій Ломоносовъ не можетъ повелѣніемъ своимъ ни одной полушки удержать изъ моего жалованья, хотя бы онъ и въ цѣломъ умѣ былъ, потому что я свое жалованье получаю по именному ея императорскаго величества указу, и служу отъ начала службы моей безпорочно. А онъ, Ломоносовъ таковыя во пьянствѣ дерзновенія дѣлалъ неоднократно, за что содержался нѣсколько времени подъ карауломъ и отрѣшенъ былъ онъ присутствія въ конференціи. А что онъ не въ полномъ разумѣ, въ томъ я свидѣтельствуюсь сочиненною имъ риторикою и грамматикою». (Литературная газета, издан. барономъ Дельвигомъ, 1830 г., I, 223.)

графъ Разумовскій приказалъ печатать въ академической типографіи Трудолюбивую пчелу [1]).

Слѣды вмѣшательства Ломоносова въ цензурномъ отношеніи при помѣщеніи статей въ журналѣ Сумарокова остались нынѣ только на одномъ лоскуткѣ бумагѣ съ его собственноручнымъ распоряженіемъ: „Его сіятельство Вздорныхъ одъ вносить не приказалъ, что велѣть исполнить Барсову“ [2]). „Вздорныя оды“, сочиненныя Сумароковымъ не могли быть запрещены ни по какимъ цензурнымъ соображеніямъ, такъ-какъ онѣ были рѣшительно невиннаго содержанія; но лично задѣвали самолюбіе Ломоносова, которое, какъ извѣстно, у него было не малое. Вздорныя оды были не что иное, какъ пародіи и — должно въ томъ сознаться — чрезвычайно мѣткія, удачныя, а потому и въ высшей степени забавныя на оды Ломоносова. Сумароковъ очень ловко подмѣтилъ пареніе нашего стихотворца, его трескучіе стихи, и гиперболическія сравненія и уподобленія. Всѣмъ этимъ онъ и напичкалъ свои Вздорныя оды. Если и нынѣ, при знакомствѣ съ ломоносовскими лирическими произведеніями, пародіи Сумарокова кажутся забавными, то можно себѣ вообразить, какое дѣйствіе должны были онѣ производить на современниковъ, которые знали наизусть оды Ломоносова и восхищались ими.

Вотъ, напр., первая и послѣдняя строфы второй изъ Вздорныхъ одъ:

Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ,
Везувій мещетъ изъ средины
Въ подсолнечну горящій адъ.
Съ востока вѣчна дымъ восходитъ,
Ужасны облака возводитъ
И тьмою кроетъ горизонтъ.
Ефесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ
Тремя Церберъ гортаньми лаетъ,
Средьземный возжигаетъ понтъ.

* * *
* *

1) Журналъ этотъ печатался въ количествѣ 800 экземпляровъ. Въ уплату за всѣ расходы по изданію Пчелы въ 1759 году, съ Сумарокова взято было Академіею 518 руб. 96 к.

2) II, книги №№ 239 и 470.

Претяжкою ступилъ ногою
На Пико яростный Титанъ,
И, поскользнувшися, другою
Во грозный льдистый Океанъ.
Ногами онъ лишь только въ мирѣ,
Главу скрываетъ онъ въ ефирѣ,
Касась ею небесамъ.
Весь ротъ я, Музы, разѣваю,
И столько хитро воспѣваю,
Что пѣсни не пойму и самъ.

Въ третьей Вздорной одѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія строфы, въ которыхъ есть прямые намеки на Ломоносова.

Въ безоблачной странѣ несуся,
Напившись ипокренскихъ водъ,
И, ихъ напившися, трясуся.
Производитель громкихъ одъ!
Ослабли гордые нынь ямбы,
Ослабли пышны дитирамбы.
О, Бахусъ, та ль награда мнѣ?
Орфей ты больше не трясися;
Возникни, Муза, вознесися,
Греми въ безоблачной странѣ!

***
**

Трава зеленою рукою
Покрыла многія мѣста;
Заря багряною ногою
Выводитъ новыя лѣта.
Вы тучи съ тучами спирайтесь,
Во громы громы ударяйтесь,
Борей на воздухѣ шуми,
Пройду нутръ горный и вершину,
Въ морскую свергнуся пучину;
Возникни, Муза, и греми!

***
**

О, Роза! я пою мятежно:
Согласія въ сей Одѣ нѣтъ.
Цалуйся ты съ Зефиромъ нѣжно,
Но помни то, что я Поетъ.
Какъ естьли ты сіе забудешь,
Ты въ вѣкъ моей злодѣйкой будешь,
Не стану я хвалить тебя.
А кто Поета раздражаетъ,
Велико войско вооружаетъ
Противъ несчастнаго себя.

Въ послѣдней изъ Вздорныхъ одъ, озаглавленной: Диѳирамбъ, читаемъ:

Уже сталъ таять вѣчный ледъ,
Судамъ дорогу отверзая:
На сѣверѣ я вижу полдень,
У Колы Флору на лугахъ.
* * *
Богини, кою Актеонъ
Узрѣлъ, несчастливый, нагую,
Любезный братъ! о сынъ Латоны!
Любовникъ Дафны! жги Ефиръ!
* * *
А ты, о Семелеинъ сынъ,
Помчи меня къ Каспiйску морю!
Я Волгу обращу къ вершинѣ,
И утомленный лягу спать! [1])

Таковы были оды, которыя запретилъ Ломоносовъ печатать въ Трудолюбивой пчелѣ именемъ президента Академiи. Какъ Сумарокова сердили, и въ этомъ случаѣ быть можетъ не безъ основанiя, подобныя распоряженiя, всего лучше это видно изъ слѣдующаго письма его къ И. Шувалову отъ 15 ноября 1759 года: „Сочиненiй мнѣ никакихъ больше въ народъ пускать невозможно: ибо Ломоносовъ останавливаетъ у меня ихъ и принуждаетъ имѣть непрестанные хлопоты, а онъ и истецъ, и судья, а мнѣ, чтобъ я всему мiру не открылъ его крайняго въ словесныхъ наукахъ невѣжества, крайнiй злодѣй; а его почти всѣ при Академiи боятся и ему противу воли угождаютъ [2]). Сихъ ради причинъ нельзя мнѣ ничего сочинять, ибо ничего безъ множества хлопотъ напечатать неудобно. Избраны цензоры не знаю для чего, чему и президентъ дивится, а что они подпишутъ, то еще Ломоносовъ просматриваетъ, приказывая

---

1) Полное собранiе всѣхъ сочиненiй Сумарокова, изд. 2, (М., 1787), II, 205—215.

2) Это показанiе сходится съ тѣмъ извѣстiемъ, которое оставилъ Шлецеръ о Ломоносовѣ: Oft kam er berauscht zu seinen Geschäften in die Canzlei und Conferenz: seine ihm, auch wenn er nüchtern war, natürliche Grobheit ging nun in Wildheit über; da riss er in offner Conferenz Blätter aus dem Protocoll (aus Müllers Munde); alles zitterte vor dem Gewaltigen, niemand getraute sich dem Betrunkenen die Thüre zu weisen (Schlözer's: Oeffentliche und privat Leben (Göttingen, 1802), 220.

корректору всякой листъ моихъ изданій къ себѣ взносить, и что ему не покажется, то именемъ канцеляріи останавливаетъ, а я печатаю не по указу и плачу деньги...“[1])

Журналъ Трудолюбивая пчела любопытенъ тѣмъ, что издатель рѣшился посвятить его великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ стихахъ, въ которыхъ говорилась:

Умомъ, и красотой и милостью Богиня,
О просвѣщенная великая княгиня!

. . . .

Возвысь сей низкій трудъ примѣрами ея [2])
И покровительствомъ Минерва будь моя!

Написать и напечатать такое посвященіе было своего рода мужествомъ со стороны Сумарокова въ 1759 году. такъ-какъ тогда великая княгиня была въ немилости императрицы Елисаветы и почти въ открытомъ разладѣ съ великимъ княземъ; какъ той, такъ и другому были извѣстны замыслы графа А. Бестужева-Рюмина предоставить Екатеринѣ участіе въ правленіи Россіею въ случаѣ кончины Елисаветы, и попытки самой великой княгини вмѣшиваться въ тогдашнія дѣла внутренней и внѣшней политики въ видахъ осуществленія тѣхъ замысловъ канцлера. Сумароковъ, какъ уже было замѣчено, принадлежалъ къ партіи графовъ Разумовскихъ—сторонниковъ великой княгини и противниковъ Шуваловыхъ. Хотя это не мѣшало нашему писателю обращаться съ разными просьбами къ И. Шувалову въ царствованіе Елисаветы, однако по возшествіи на престолъ Екатерины II, когда значеніе елисаветинскаго фаворита окончательно рушилось, Сумароковъ писалъ къ этой государынѣ:... „Отецъ Шувалова (графа), братъ и онъ самъ мои злодѣи: тѣ были за то особливо, что они хотѣли меня сдѣлать себѣ противу графа Разумовскаго злодѣемъ, да и еще за многое, чего я напоминать не хочу, ибо и усердіе мое къ особѣ....“[3]).

---

1) Записки Академіи наукъ, I, приложеніе № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. Шувалову, сообщ. г. Гротомъ, 42.

2) Т. е. императрицы Елисаветы.

3) И въ подлинномъ письмѣ стоятъ многозначительныя точки. Библіографическія записки 1858 г., № 15, 453.

При началѣ изданія Трудолюбовой Пчелы, академическій совѣтникъ Таубертъ писалъ академику по каѳедрѣ астрономіи, Никитѣ Попову, что „его сіятельство, Академіи наукъ г. президентъ, по доношенію бригадира Сумарокова, приказать изволилъ: издаваемый имъ по мѣсячно журналъ печатать въ академической типографіи и вносимыя въ оный піесы, прежде печатанія, просматривать вамъ, и если усмотрѣно будетъ вами что противное въ дѣлѣ, а не въ слогѣ, то напоминать о томъ г. издателю“.

Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ Сумароковъ подалъ доношеніе на своего цензора, при чемъ въ бранныхъ выраженіяхъ обвинялъ его въ нетрезвой жизни. Пропуская большую часть ругательныхъ выраженій суммороковскаго доношенія, приведу только одно мѣсто, чтобы судить обо всемъ остальномъ: „Не первой пьяница меня уже изъ ученыхъ пьяницъ обидитъ. Есть еще такой же Барковъ и другіе, о которыхъ Академія не меньше меня извѣстна. Я прошу только нижайше всѣхъ господъ присутствующихъ по канцеляріи, никого для подозрѣнія не исключая, чтобъ приказали мнѣ цензоромъ, да и то не въ складѣ, опредѣлить не пьяницу; ибо отъ пьянства профессора Попова мнѣ дѣлается въ изданіи моего журнала остановка, и чтобъ канцелярія Академіи наукъ благоволила мнѣ сдѣлать милость и назначить безъ замедленія времени другаго цензора, потому что журналъ по тѣмъ правамъ, безъ данной отъ меня причины, не нарушивъ правосудія, остановленъ быть не долженъ. *А что онъ подчеркивалъ, то ясно доказываетъ о его, во время просматриванія, состояніи. Бригадиръ Александръ Сумароковъ* [1]). Апрѣля 22 дня 1759 года.

Того же 22 апрѣля, гр. Разумовскій распорядился о порученіи должности цензора „Трудолюбовой Пчелы“ математикамъ Котельникову и Румовскому. Къ послѣднему написано было: „понеже нынѣ оный г. бригадиръ Сумароковъ чрезъ доношеніе канцеляріи представилъ на онаго г. профессора Попова великія свои неудовольствія, того ради въ канцеляріи Академіи наукъ

1) Курсивомъ собственноручная приписка Сумарокова.

опредѣлено: пока оное его доношеніе разсмотрѣно быть имѣетъ, чтобъ въ печатаніи оныхъ не учинить остановки, оныя издаваемыя на май мѣсяцъ піесы читать вамъ обще съ г. профессоромъ Котельниковымъ, кои и имѣютъ быть къ вамъ присыланы прямо отъ него, г. Сумарокова..."[1])

Въ іюнѣ 1759 г., Поповъ, узнавъ о взведенныхъ на него Сумароковымъ обвиненіяхъ, просилъ канцелярію „отъ такихъ наглыхъ и напрасныхъ ругательствъ и безчестій меня отъ сея сильныя руки г. бригадира Сумарокова защитить и доставить мнѣ за то достойную сатисфакцію по указамъ", а 19 іюня и Котельниковъ просилъ, но тщетно, объ увольненіи его отъ цензорства журнала Сумарокова. „Его высокородіе, писалъ между прочимъ Котельниковъ, о моихъ представленіяхъ великое показываетъ неудовольствіе. И для того, опасаяся ссоры и отъ того худыхъ слѣдствій, принужденъ я многія вещи безъ поправки пропускать, ибо его высокородіе отнюдь не хочетъ ничего въ оныхъ сочиненіяхъ допустить поправить" [2]).

Въ слѣдъ за удаленіемъ Попова отъ цензорства Трудолюбивой Пчелы, въ ней съ мая же мѣсяца стали появляться статейки съ невинными, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, намеками, но Ломоносову казавшимися преступными посягательствами на его авторскую славу. Извѣстно, что въ тѣ времена три изъ наиболѣе знаемыхъ въ русской публикѣ писателей Ломоносовъ, Тредіаковскій и Сумароковъ долгомъ считали каждый по своему писать окончанія прилагательныхъ въ именительномъ множественнаго числа. Ломоносовъ, слѣдуя введенному еще до него въ академическихъ изданіяхъ обычаю, употреблялъ *е* въ концѣ прилагательныхъ мужескаго рода и *я*— въ женскомъ и среднемъ родахъ. Тредіаковскій доказывалъ, что первые, на основаніи церковно-славянскихъ книгъ, должны оканчиваться на *и*, средняго на *я*, женскаго на *е*; Сумароковъ, вообще писавшій крайне безграмотно, такъ какъ вовсе не зналъ грамматики, хотѣлъ однако отличиться отъ своихъ лите-

1) II, книги №№ 239 и 470.

2) Оба послѣднія прошенія помѣщены г. Буличемъ въ изслѣдованіи его: Сумароковъ и современная ему критика (Спб., 1854 года), стран. 182, 183.

ратурныхъ враговъ, а потому увѣрялъ, что всѣ прилагательныя въ именительномъ множественнаго числа слѣдуетъ писать на *я*. Въ статьѣ „Къ типографскимъ наборщикамъ“ [1]), этотъ писатель налегаетъ на безполезность грамматикъ, потому что Ломоносовъ издалъ свою, а также и на то, что не должно слѣдовать принятымъ имъ правиламъ. „Я, пишетъ Сумароковъ, по единому только собственному моему произволенію никакихъ себѣ правилъ не предписываю, и не только другимъ, но и самому себѣ въ грамматикѣ законодавцемъ быть не дерзаю, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не языкъ грамматикѣ.... Какому жъ послѣдуя правилу оканчеваете вы во множественномъ прилагательныя имена на *е*? Вы скажите: такъ пишутъ нынѣ. Кто такъ пишетъ нынѣ? Всѣ, вы скажите. Право не всѣ, ибо не всѣ еще симъ заражены и никогда не заразятся, а то, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, стоять не можетъ“.... Въ заключеніи Сумароковъ сообщаетъ наборщикамъ и такую мысль: „вы знаете, что не только многія переводчики, но и нѣкоторыя авторы грамотѣ еще меньше знаютъ, нежели подъячія, которые высокомѣрятся любимыми своими словами: понеже, точію, якобы, имѣетъ быть, не имѣется, и прочими такими“...

Въ іюнскомъ выпускѣ Трудолюбивой Пчелы явилась статья Тредіаковскаго „О мозаикѣ“. Въ этой небольшой статейкѣ авторъ исключительно распространяется о томъ, откуда произошло это слово, также о различныхъ родахъ мозаики и финифти. Въ заключеніи высказано слѣдующее скромное мнѣніе: „Живопись, производимая малеваніемъ, весьма превосходнѣе мозаичныя живописи, по разсужденію славнаго въ ученомъ свѣтѣ автора, ибо не возможно, говоритъ онъ, подражать совершенно камешками и стеклышками всѣмъ красотамъ и пріятностямъ, изображеннымъ отъ искусныя кисточки на картинѣ изъ масла, или на стѣнѣ такъ называемою фрескою изъ воды по сырой извести“ [2]).

Выше на стр. 632—635 было говорено, что въ 1758 г. Ломо-

1) Трудолюбивая Пчела 1759 года, 266, 267.

2) Трудолюбивая Пчела 1759 года, 353—360.

носовъ хлопоталъ о полученіи казенныхъ заказовъ на его стеклянномъ заводѣ и что сенатъ представилъ вполнѣ согласный съ видами академика докладъ, но послѣдній оставался не утвержденнымъ. Ломоносовъ увидалъ въ вышеприведенномъ отзывѣ Тредіаковскаго о мозаикѣ умыселъ дѣйствовать скопомъ противъ него и устроеннаго имъ стекляннаго завода. Какъ Сумароковъ обращался къ И. Шувалову съ жалобами на цензурныя придирки и самовольство Ломоносова, такъ и этотъ послѣдній счелъ умѣстнымъ излить предъ тѣмъ же Шуваловымъ свои жалобы не только на Тредіаковскаго, но и на другихъ своихъ враговъ Сумарокова и Тауберта. „При семъ, писалъ Ломоносовъ къ И. Шувалову 8 іюля 1759 года, не могу преминуть, чтобъ не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ Трудолюбивой, такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредіаковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлый комплотъ: Тредіаковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу, Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть ваше высокопревосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не престая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердитесь надо мною, милостивый государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія; но токмо всеуниженно прошу оправданъ быть предъ свѣтомъ высочайшею конфирмаціею докладу отъ правительствующаго сената о украшеніи петропавловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая, претерпѣваю, сверхъ моего разоренія, посмѣяніе и ругательство. Ваше сильное ходатайство можетъ меня отъ всего скоро избавить и увѣрить меня о непремѣнной милости, которою за особливое счастіе и честь въ жизни моей почитаю“ [1]).

---

1) Билярскій, стр. 389, 390.

Ломоносовъ не удовольствовался одними жалобами, но пустилъ въ обращеніе эпиграмму „Злобное примиреніе", въ которой осмѣиваетъ Сумарокова за примиреніе свое съ Тредіаковскимъ. Эпиграмма помѣщена выше на стр. 212, 213. Все это, однако, не утишило неудовольствія Ломоносова за статью о мозаикѣ, и онъ вспоминалъ о ней и въ 1764 г. въ своей „Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи"; но во время писанія этой статьи нашъ академикъ былъ особенно сердитъ на Мюллера, а потому, забывъ Сумарокова, примѣшалъ исторіографа къ дѣлу, къ которому этотъ нисколько не былъ причастенъ. „Не токмо въ академическихъ дѣлахъ, говорится въ Краткой исторіи, Ломоносову чинены многія препятствія, но и по его приватнымъ трудамъ оскорбленія. Когда мозаичное дѣло привелъ онъ до такова совершенства, что стали многіе похвалять его стараніе, въ то время издано въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ нѣкоторое извѣстіе о мусіи, наполненное незнанія о семъ дѣлѣ, а паче презрѣнія сего искусства, которое нынѣ въ Римѣ и здѣсь производится изъ стеклянныхъ составовъ и превосходнѣе древняго. Сіи ругательства дѣлу, для отечества славному, отъ кого произошли видно, что при концѣ онаго сочиненія стоятъ буквы В. Т. Собираетъ сочиненія профессоръ Мюллеръ, печатаетъ Таубертъ. Одному Ломоносова стихотворство, другому его исторія, третьему обое, а паче всего въ канцеляріи товарищество противно" [1]).

Выше было говорено, что 8 мая 1759 г. Ломоносовъ читалъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи наукъ Разсужденіе о бо́льшей точности морскаго пути, въ которомъ предлагались разные новые способы для наблюденія долготъ, широтъ, употребленія компаса и пр. Въ августовской книжкѣ Трудолюбивой Пчелы (стр. 483) явились три стихотворенія, озаглавленныя „Новыя изобрѣтенія". Первое изъ нихъ очевидно относится къ помянутому Разсужденію:

Вскорѣ
Поправить плаванье удобно въ морѣ;

---

1) Билярскій, стр. 076.

Морскія камни, мѣль въ водахъ переморить;
Всѣ вѣтры кормщику подъ область покорить,
А это хоть и чудно,
Хотя немножко трудно;
Но льзя природу претворить.
А ежели никакъ не льзя тово сварить,
Довольно и тово, что льзя поговорить.

Во второмъ стихотвореніи намеки на стеклянное производство:

Разбивъ стаканъ, точить куски, а по оточкѣ
На всякомъ тутъ кусочкѣ
Поставить азъ,
Такъ будетъ изъ стекла алмазъ.

Въ третьемъ стихотвореніи, кажется, слѣдуетъ видѣть общее указаніе на поиски за открытіями, которыя занимали пытливый духъ Ломоносова:

Скажу не ложно:
Возможно
Такъ дѣлать золото изъ молока, какъ сыръ,
И хитростью такой обогатить весь міръ.
Лишь только я притомъ одно напоминаю:
Какъ дѣлать, я не знаю.

Послѣдній выпускъ Трудолюбивой Пчелы Сумароковъ видимо писалъ взволнованный и раздраженный. Въ досадѣ на то, что французскіе актеры, итальянскіе танцовщики получали больше его жалованья; въ негодованіи на самовольное вмѣшательство Ломоносова въ изданіе его журнала по цензурной части; наконецъ, въ отчаяніи, что его не дѣлаютъ академикомъ, когда бы онъ могъ въ академической канцеляріи распоряжаться подобно Ломоносову, на томъ основаніи, что онъ „не хуже его, хотя и бисера не дѣлаю“ [1]), — Сумароковъ беззастѣнчиво писалъ въ послѣднемъ выпускѣ своего журнала въ статьѣ „О копистахъ“: „что только видѣли Аѳины и видитъ

1) Письмо Сумарокова къ Шувалову 13 ноября 1759 года въ Запискахъ Академіи наукъ, I, приложеніе 1, Письма къ Шувалову Ломоносова и Сумарокова, сообщенныя г. Гротомъ, 41—43.

Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени, ты нынѣ то вдругъ, Россія, стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія!...“ Въ другой статьѣ „Къ несмысленнымъ риѳмотворцамъ“: „я будто сквозь дремучій лѣсъ, сокрывающій отъ очей жилище Музъ, безъ проводника проходилъ, и хотя я много долженъ Расину, но его увидѣлъ я уже тогда, какъ вышелъ изъ сего лѣса, и когда уже Парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расинъ французъ и въ русскомъ языкѣ мнѣ дать наставленія не могъ. Русскимъ языкомъ и чистотою склада ни стиховъ, ни прозы, не долженъ я никому кромѣ себя; да долженъ я за первыя основанія въ русскомъ языкѣ отцу моему, а онъ тѣмъ долженъ Зейкену, который выписанъ былъ отъ государя императора Петра Великаго въ учители къ господамъ Нарышкинымъ и который послѣ былъ учителемъ государя императора Петра Втораго....“ Такія увѣренія не должны были нравиться Ломоносову и Тредіаковскому, такъ-какъ они оба не разъ заявляли о своихъ правахъ на старшинство и предсѣданіе на россійскомъ Парнассѣ своего времени. Затѣмъ Сумароковъ пускается въ придирки къ ломоносовскому правописанію нѣкоторыхъ словъ и кстати намекаетъ на происхожденіе нашего академика изъ удаленной отъ Москвы деревни: „Не знаю кому, или лучше — не хочу сказать кому, не показалася литера *i* и того же произношенія литера *и*, и для того уставилъ онъ новое и странное правило очень часто премѣняти ее въ литеру *е*. А то еще и странняе, что многія правилу сему ни на естествѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи основанному слѣдуютъ, то только въ доказательство пріемля: *тако сказалъ Пиѳагоръ*. А Пиѳагоръ московскаго нарѣчія не знаетъ, ибо онъ родился въ деревнѣ такого уѣзда, гдѣ говорятъ не только крестьяня, но и дворяня очень дурно. А мы, москвитяня, должны ли сему правилу повиноваться, хотя бы оно золотыми литерами напечатано было? *Достоинъ* называется *достоенъ*, *бывшій* — *бывшей* и пр. Всѣ, которые въ русскомъ языкѣ сильны въ опровerженіи сего со-

мною согласны. Не отрава-ли такія правила нашему языку?...“ 1)

Теперь остается разсказать о дѣятельности Ломоносова въ описываемое время, какъ совѣтника академической канцеляріи. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что Билярскій ошибался, высказывая по поводу опредѣленія въ 1759 г. академическою канцеляріею адъюнкта Модераха въ профессоры, что „не такъ было прежде“, и что въ подобныхъ случаяхъ до Ломоносова принимало будто бы участіе всё ученое собраніе. Въ тогдашнія времена академики рѣшительно не имѣли ни вліянія, ни участія при выборѣ новыхъ сочленовъ: это зависѣло вполнѣ отъ воли президентовъ, а въ небытность ихъ Шумахера, который, какъ напр., видно и изъ матеріаловъ Биляр-

1) Трудолюбивая Пчела 1759 года, 758, 765—767. Уже послѣ смерти Ломоносова, въ статьѣ: «О правописаніи» Сумароковъ писалъ: «Удивительно мнѣ, что г. Ломоносовъ, возненавидѣвъ литеру *і*, часто ее премѣнялъ въ литеру *е*, напр. вм. *достоинъ* — *достоенъ* и пр, и въ нарушеніе грамматическаго произношенія вм. *бывшій* *бывшей* и пр., чему и нынѣ многіе безъ размышленія и безъ разбора слѣдуютъ, и что наши потомки конечно истребятъ, ибо сіе нововведенное правило не имѣетъ основанія ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи, а единственно на произведеніи г. Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семъ правилѣ, что г. Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на Академіи, хотя онъ не составлялъ Академіи, но былъ ея членъ. И ни Академія, ни Россія того не утвердила, да и утверждати того Академіи не можно, ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется.... Г. Ломоносовъ родомъ не москвитянинъ, такъ его произношеніе московское часто обманывало.... Г. Ломоносову, яко провинціяльному уроженцу, простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ и отъ поселянъ: но прочимъ, которые рождены не во провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извиненіе быть не можетъ. Но дабы не подумали, что я о происхожденіи г. Ломоносова въ ругательство ему воспоминаю, такъ. насъ не благородство, но музы на Парнассъ возводятъ, ибо благородство есть послѣднее качество нашего достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которые другова достоинства не имѣютъ ... Ежели я не опорочу Грамматики г. Ломоносова, такъ я о нечистотѣ нашего стопосложенія и ничего истолковать не могу, ибо главныя пороки онаго отъ того и произошли, чево г. Ломоносовъ самъ не зналъ, не будучи ни грамматикомъ, ни знающимъ чистоту московскаго произношенія... должноли на Колмогорскомъ нарѣчіи составляти правила грамматическія? А изъ сего выходитъ то, что г. Ломоносовъ благороднаго не зналъ московскаго нарѣчія, а еще меньше имѣлъ онъ понятія о Грамматикѣ, которой нынѣ всѣ незнающія люди повинуются.» (Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, изд. 2, X, 6, 7, 56, 57.)

скаго, самого Ломоносова опредѣлилъ въ адъюнкты, не спрашивая мнѣнія ададемиковъ; также онъ поступалъ при назначеніи Теплова, Сигезбека. Слѣдовательно винить Ломоносова въ самовластіи при означенномъ опредѣленіи Модераха нѣтъ никакого основанія [1]).

Вслѣдствіе порученія президента Ломоносову завѣдывать географическимъ департаментомъ, послѣдній обратилъ вниманіе на составленіе большаго атласа Россійской имперіи. По этому случаю въ академической канцеляріи состолось, 26 мая 1759 года, опредѣленіе о требованіи отъ синода „списка всѣмъ синодальнымъ строеніямъ, во всемъ Россійскомъ государствѣ соборнымъ и приходскимъ церквамъ, также и всѣмъ монастырямъ по всѣмъ городамъ и селамъ, и гдѣ каменныя строенія и ограды или деревянныя; и монастыри стоятъ при какихъ рѣкахъ и при какихъ городахъ, въ какомъ отъ оныхъ разстояніи и на которую сторону; а сверхъ того присланы бъ были изъ монастырей съ историческихъ описаній о времени построенія оныхъ для сочняющейся россійской исторіи копіи“. Въ сенатѣ же ходатайствовалось о содѣйствіи къ полученію извѣстій по слѣдующимъ вопросамъ, которые были напечатаны для разсылки по губерніямъ и областямъ: „1. Городъ чѣмъ огражденъ каменною стѣною, или деревянною, или землянымъ валомъ? 2. Много-ли приходовъ внутри и за городомъ, и которыя церкви каменныя или деревянныя, и сколько верстъ въ окружности имѣетъ? 3. На какой рѣкѣ или озерѣ, и на которой сторонѣ по рѣкѣ внизъ или при озерѣ по компасу? 4. По онымъ рѣкамъ какія суда ходятъ по веснѣ и въ межень? 5. Когда бываютъ ярмарки, и откуду больше и съ какими товарами пріѣзжаютъ, и который день въ недѣлѣ торговый? 6. Чего больше родится около того города и какіе есть промыслы? 7. Въ какихъ ремеслахъ народъ больше упражняется? 8. Какіе гдѣ по городамъ и по селамъ заводы, яко-то серебряные, мѣдные, желѣзные и рудные, также и фабрики? 9. Въ городахъ, буде есть лѣтописцы, присылать съ нихъ вѣрныя копіи для сочиняю-

1) Билярскій, стр. 380 и 6.

щейся исторіи россійской. 10. Села и деревни сколько душъ по ревизіи? 11. Сколько дымовъ? 12. Есть-ли ряды и ярмарки? 13. Гдѣ есть водяныя мельницы, пильныя или хлѣбныя?"

Синодъ долгомъ счелъ, вмѣсто исполненія требованія, отдѣлаться такого рода отпискою: „означеннаго описанія и плановъ при святѣйшемъ синодѣ не имѣется; а что-де слѣдуетъ до присылки съ историческихъ о монастыряхъ, отъ коего времени оные построены, описаній, о томъ, когда отъ оной Академіи будутъ посланы землеописатели, то-де тогда, гдѣ такія описанія найдутся, о сообщеніи съ оныхъ копій, такожъ и о допущеніи тѣхъ посланныхъ для означеннаго описанія и снятія плановъ опредѣленіе учинено будетъ...." Академическая канцелярія 21 іюля 1759 года, опредѣлила отвѣчать на это такъ: „отъ святѣйшаго синода Академія плановъ не требовала, а только положенія мѣстъ, т. е., въ которой странѣ какой монастырь и въ какомъ разстояніи отъ какого города, что не токмо какого монастыря настоятель, но и каждый монахъ знать и сказать, а копіи списать обрѣтающіеся при тѣхъ монастыряхъ приказные и другіе служители могутъ, почему особливыхъ геодезистовъ къ снятію плановъ, а для списыванія со описаній копій писцовъ по монастырямъ отъ Академіи посылать было бъ весьма излишне...." Въ концѣ предлагалось синоду послѣдовать примѣру сената относительно печатныхъ вопросовъ, „отчего не токмо отечеству польза и слава воспослѣдуетъ, но и самому святѣйшему синоду такое описаніе не безъ надобности быть можетъ" [1]).

Что касается до сената, то онъ потребовалъ, чтобы въ Академіи напечатаны были вопросы, которые оттуда и должны были разсылаться во всѣ города при сенатскихъ указахъ. Тогда выше сообщенные вопросы были посланы въ историческое собраніе и географическій департаментъ. Послѣдній одобрилъ ихъ безусловно, но въ первомъ Мюллеръ и другіе члены приписали разныя дополненія, такъ что отдано было въ печать не 13, а 30 вопросовъ. Они были отпечатаны на одномъ

---

1) II, книга № 470.

листѣ въ двѣ страницы, подъ заглавіемъ: Запросы, которыми требуются въ императорскую Академію наукъ географическія извѣстія изо всѣхъ городовъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ Россійскаго государства для сочиненія вновь исправнѣйшаго россійскаго атласа въ оной Академіи [1].

Эти запросы при доношеніи, которое вчернѣ исправлялъ Ломоносовъ, были посланы въ сенатъ въ октябрѣ 1759 г., при чемъ предъ сенатомъ ходатайствовалось, „чтобъ благоволилъ опредѣлить для толь важнаго дѣла, каково есть знаніе отечества, не токмо всему народу полезно, но и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ нужно, послать по всѣмъ губерніямъ ея императорскаго величества печатные указы по приложенному при семъ для аппробаціи правительствующему сенату формуляру купно съ помянутыми запросами....“ Въ этомъ формулярѣ были предписаны такія правила: 1) По силѣ запросовъ опросить знающихъ обывателей городскихъ и лучшихъ крестьянъ, взять съ нихъ сказки за руками; 2) гдѣ чего не можно опросомъ дознаться надежно, для того посылать нарочныхъ для усмотрѣнія подлинности; 3) разстоянія назначить мѣрными верстами кромѣ самой невозможности; 4) не вносить въ извѣстія ненадлежащихъ до географіи окрестностей, но отвѣтствовать точно противъ запросовъ безъ недостатка; 5) какъ изъ самыхъ запросовъ явствуетъ, что на одни легче отвѣтствовать, нежели на другіе, и потому оные меньше требуютъ къ исполненію времени. Того ради изъ помянутыхъ городовъ присылать требуемыя извѣстія тѣ, кои скорѣе собрать можно по обстоятельствамъ того города и по его положенію въ каждые три мѣсяца, начиная отъ полученія сего указа, дабы въ Академіи наукъ географическій департаментъ могъ пользоваться заблаговременно оными извѣстіи въ сочиненіи новаго россійскаго атласа; 6) ежели какимъ на запросы отвѣтомъ Академія наукъ не будетъ довольна и станетъ требовать отъ какого мѣста

---

1) Запросы въ этой редакціи напечатаны въ числѣ 600 экз. (Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 396, 421). Они помѣщены въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., кн. 1, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, матеріалы, сообщ. г. Ламанскимъ, стр. 124—127.

яснаго дополненія, оную тѣмъ удовольствовать, не ожидая отъ правительствующаго сената подтвержденія...."

19 января 1760 года сенатъ далъ знать въ Академіи, что тамъ сдѣлано распоряженіе о доставленіи географическихъ извѣстій, вполнѣ согласно ея ходатайству. Съ тѣхъ поръ стали поступать изъ разныхъ мѣстъ отвѣты на запросы; кромѣ того извѣстія о томъ же предметѣ вытребованы были впослѣдствіи изъ шляхетскаго кадетскаго корпуса, который разослалъ по Россіи подобные же запросы. Приведеніемъ въ порядокъ всей массы поступавшихъ такими путями свѣдѣній занимался состоявшій при Ломоносовѣ студентъ Илья Абрамовъ. При жизни нашего академика эти извѣстія не были употреблены въ дѣло, а по смерти его ихъ потребовало академическое собраніе, куда они и были отосланы при составленной Абрамовымъ описи 2 октября 1766 года [1]).

Въ то время какъ Ломоносовъ былъ занятъ истребованіемъ географическихъ извѣстій, имъ было предписано 6 октября 1759 г. географическому департаменту донести, какъ исполнялась данная этому учрежденію въ октябрѣ 1757 года инструкція (о ней см. выше на стр. 629—631)? Занимавшіеся въ географическомъ департаментѣ адъюнкты Трускотъ и Шмитъ донесли 15 отября 1759 г., что о частныхъ трудахъ членовъ его, академиковъ Мюллера и Гришау, ничего неизвѣстно; а между тѣмъ послѣдній „собранію публично объявилъ, что онъ къ собранію географическихъ картъ не обязанъ; а г. профессоръ Мюллеръ въ томъ согласенъ и объявилъ, что ему дѣйствительно нужды нѣтъ до географическаго департамента".

По полученіи этихъ свѣдѣній, Ломоносовъ, 18 октября 1759 года, вошелъ къ президенту съ представленіемъ, въ которомъ изъяснялъ, что въ первомъ, изданномъ отъ Академіи наукъ атласѣ многія области показаны ненаселенными, а петербургская губернія вмѣстѣ съ завоеванными провинціями изображена на одной картѣ, почему „во первыхъ старался я, говоритъ Ломоносовъ, какъ бы сей недостатокъ отвратить и

1) I, связка № 66; Билярскій, стр. 747; II, книги №№ 300 и 313.

тѣмъ показать въ другихъ государствахъ, что наше отечество не такъ пусто и безнародно, какъ на атласѣ нашемъ представлено". Для этого приступлено было къ составленію новыхъ картъ нѣкоторыхъ губерній въ большомъ форматѣ и предлагалось потребовать черезъ сенатъ по сочиненнымъ на этотъ случай запросамъ географическихъ извѣстій изъ всей Россіи. О томъ же слѣдовало обратиться и къ синоду касательно всего, что касалось духовнаго вѣдомства. Затѣмъ Ломоносовъ, считалъ необходимымъ предложить, чтобы Мюллера уволить отъ занятій по географическому департаменту, какъ безполезнаго члена, потребовавъ, однако, отъ него всѣ матеріалы, которые собиралъ онъ для географіи Россіи въ десятилѣтнее путешествіе по Сибири; на мѣсто его опредѣлить русскихъ академиковъ Попова и Котельникова; Гришау принудить указомъ къ занятіямъ въ томъ департаментѣ; наконецъ для опредѣленія долготы и широты мѣстъ въ Россіи послать производить астрономическія наблюденія адъюнктовъ Шмидта и Красильникова.

Это предложеніе имѣло слѣдствіемъ то, что отъ Мюллера и Гришау потребовали объясненій касательно ихъ занятій въ географическомъ департаментѣ, и они въ данныхъ отвѣтахъ, указывая на свои работы по этой части, утверждали, что не отрекались отъ подобныхъ работъ и на будущее время. Тогда въ академической канцеляріи (11 февраля 1760 года) состоялось опредѣленіе: „наикрѣпчайше" подтвердить Мюллеру и Гришау ходить въ географической департаментъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Котельниковъ назначенъ былъ также членомъ этого департамента[1]). О дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ по этой части, ввѣренной надзору Ломоносова, будетъ говорится въ разсказѣ о слѣдующихъ годахъ его жизни.

Въ теченіе 1759 года Ломоносовъ занимался особенно дѣятельно устройствомъ гимназіи и составленіемъ устава для нея и университета при Академіи. Такъ, 19 января того года, имъ сочинены были „Узаконенія для учащихся въ гимназіи",

1) Билярскій, стр. 394—402.

и здѣсь преподаны правила, какъ должны были вести себя ученики въ отношеніи учителей, также другъ къ другу и пр. 25 февраля Ломоносовымъ предложено въ канцеляріи, что „при выпускѣ гимназистовъ изъ гимназіи надлежитъ имѣть имъ краткое понятіе о всѣхъ наукахъ, которымъ въ Академіи обучаютъ, дабы они могли себѣ избрать всякъ по своей склонности, къ которой употребить главное свое упражненіе. Для того должно въ помянутыхъ верхнихъ классахъ имѣть сокращенное ясное представленіе и общее понятіе обо всѣхъ оныхъ наукахъ въ небольшой книжкѣ“. По мнѣнію Ломоносова такія сокращенія обязаны были составить академики, почему о томъ и было передано въ академическое собраніе, которое хотя и не высказалось противъ такого опредѣленія, но не сдѣлало ничего для его осуществленія, а между тѣмъ Ломоносовъ не разъ напоминалъ о томъ [1]).

23 іюля 1759 года графъ Разумовскій далъ предписаніе академической канцеляріи: „приложенные при семъ регламенты университета и гимназіи разсмотрѣть въ канцеляріи всѣмъ и, согласясь, подать мнѣ общее мнѣніе“ [2]). Вслѣдствіе того 12 августа постановлено было въ академической канцеляріи тѣ регламенты перевести на нѣмецкій языкъ.

Этотъ трудъ Ломоносова донынѣ не отыскивается вполнѣ [3]), а потому для ознакомленія съ нимъ приходится ограничиваться краткимъ извлеченіемъ, сохранившимся въ ломоносовскихъ бумагахъ. Здѣсь прежде всего обозначенъ „Статъ университетскій“. Университетъ долженъ состоять изъ трехъ факультетовъ и 11 каѳедръ. За тѣмъ слѣдуетъ „Регламентъ университетскій“: „Часть I, о учащихъ. Главы: 1) о произведеніи и пріемѣ профессоровъ и о ихъ содержаніи; 2) о профессорскихъ должностяхъ; 3) о ихъ сочиненіяхъ; 4) о диспутахъ и другихъ экзерциціяхъ; 5) о произведеніяхъ въ градусы; 6) о принятіи профессорамъ должностей въ другихъ командахъ; 7) о магистрахъ

---

1) Билярскій, стр. 378—381, 386, 456.

2) II, книга № 470.

3) Билярскій, стр. 420; также г. Н. Лавровскій: О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ (Харьковъ, 1865), 202, 203. Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова о штатѣ для университета и его уставѣ помѣщенъ у меня вполнѣ въ приложеніи IX.

учащихъ; 8) о должности проректорской. Часть II, о учащихся. Главы: 1) о произведеніи и пріемѣ студентовъ; 2) о раздѣленіи ихъ на три класса и о хожденіи ихъ на лекціи; 3) о содержаніи студентовъ; 4) о студентскихъ экзерциціяхъ; 5) о экзаменахъ и произведеніяхъ; 6) о студентскихъ узаконеніяхъ, награжденіяхъ и наказаніяхъ; 7) о выпускахъ студентовъ". Потомъ идетъ отдѣлъ „Привилегіи": „1. Чтобъ университетъ имѣлъ власть прозводить въ градусы высочайшимъ монаршескимъ именемъ; 2) чтобы по здѣшнимъ законамъ назначить пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы; 3) снять полицейскія тягости; 4) уволить на каникулярные дни; 5) сумму отпускать прежде всѣхъ и никакого не чинить изъятія, развѣ именнымъ указомъ точно на оную будетъ указано; 6) студентовъ не водить въ полицію, но прямо въ Академію; 7) духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ. Наконецъ, въ четвертомъ и послѣднемъ отдѣлѣ „Порядокъ инавгураціи" намѣчено: „Пріуготовленіе. 1. Публичный гимназическій экзаменъ гимназистовъ верхняго класса къ произведенію въ студенты; 2) экзаменъ въ градусы; 3) избраніе проректора — диспуты и рѣчи; 4) программа; 5) расположеніе мѣстъ. Дѣйствіе: 1) обѣдня съ концертомъ и проповѣдью; 2) чтеніе привилегій; 3) благодарный молебенъ съ пальбою и музыкою; 4) рѣчь благодарственная ея императорскому величеству; 5) назначеніе проректора и декановъ; 6) произвожденіе въ градусы; 7) обѣдъ съ пальбою и съ музыкою. Слѣдствіе: 1) напечатаніе всего дѣйствія; 2) поздравленіе на домахъ; 3) разсылка копій съ привилегій и прочаго по всѣмъ университетамъ"[1]).

17 сентября 1759 года регламенты Ломоносова поручено было отъ академической канцеляріи разсмотрѣть академикамъ: Мюллеру, Фишеру, Брауну и Модераху. Мнѣнія по этому предмету двухъ послѣднихъ сохранились вполнѣ[2]), и сущность

1) Билярскій, стр. 417—419.

2) Мнѣнія эти Билярскій (стр. 410—414) помѣстилъ ошибочно между отзывами всѣхъ вообще академиковъ, которыхъ позднѣе, именно 11 января 1760 года, спрашивали о сочиненныхъ

ихъ довольно обстоятельно очерчена г. Н. Лавровскимъ, который говоритъ: „Изъ замѣчаній Брауна, во первыхъ, видно, что и университетскій регламентъ Ломоносова заключалъ въ себѣ, какъ и гимназическій, по его мнѣнію, слишкомъ строгія и точныя предписанія, особенно въ разсужденіи экзерцицій и диспутовъ, которыя должны затруднять тѣ изъятія, какія впослѣдствіи могли оказаться необходимыми по различію обстоятельствъ; во вторыхъ, что онъ, по видимому, не приведенъ былъ къ окончательному виду, по крайней мѣрѣ такъ казалось Брауну. Изъ тѣхъ же замѣчаній по учебной части видно, что въ ряду общихъ (генеральныхъ) наукъ, т. е. входящихъ въ первый студентскій курсъ, не дано проектомъ Ломоносова надлежащаго мѣста историческимъ наукамъ, которыя, по справедливому мнѣнію Брауна, „и здѣсь въ разсужденіе необходимо приняты быть должны". Видно также, что обученіе новымъ языкамъ, по проекту, должно производиться совмѣстно съ гимназистами, съ чѣмъ также не согласенъ Браунъ по тому, что „гимназисты и студенты живутъ не очень согласно". Видно, кромѣ того, что проектъ придавалъ важное значеніе чтенію книгъ студентами всѣхъ курсовъ, съ чѣмъ также Браунъ не вполнѣ соглашается: по его мнѣнію, чтеніе книгъ полезно только для высшаго курса, потому что „къ настоящему книгъ употребленію требуются напередъ знаніе началъ наукъ, и вообще начинающій студентъ долженъ читать немного, дабы ему не придти въ замѣшательство, ежели онъ еще не твердо знаетъ начала". Остальныя замѣчанія Брауна касаются разныхъ университескихъ степеней, причемъ онъ высказываетъ, между прочимъ, мысль о равенствѣ степеней, по ихъ значенію, во всѣхъ факультетахъ. Нѣкоторыя замѣчанія Модераха непонятны безъ текста регламента: такъ, онъ полагаетъ, что вся

Ломоносовымъ предложеніяхъ касательно привилегіи и инавгураціи университета, о чемъ будетъ говорено ниже. Что касается до помѣщеннаго Билярскимъ, стр. 402—406, также подъ январемъ 1760 г., Проекта привилегіи всей Академіи, то самъ Билярскій на стр. 671, а потомъ г. Н. Лавровскій, на основаніи пространныхъ доводовъ, утвердили, что проектъ тотъ долженъ относиться къ 1764 году. (О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ, Харьковъ, 1765, стр. 215—218.

вторая глава требуетъ, по своей важности, особенной точности и обстоятельности опредѣленія, для устраненія множества затрудненій и безпорядковъ и пр.; изъ остальныхъ—одно признаетъ недостаточнымъ надзоръ за столомъ однихъ педелей и требуетъ присутствія болѣе вліятельнаго лица; другое касается рѣчей, которыя по проекту должны выучивать наизусть, и признаетъ для неодаренныхъ хорошею памятью достаточнымъ простое прочтеніе ихъ...." [1])

Что касается до мнѣній о составленномъ Ломоносовымъ регламентѣ для университета и гимназіи двухъ другихъ академиковъ Мюллера и Фишера, то отзыва перваго изъ нихъ вовсе не уцѣлѣло, а втораго извѣстны только начало и конецъ Anmerkungen über das Reglement des Gymnasii (они помѣчены 16 октября 1759 г.; къ этому же времени слѣдуетъ отнести представленіе и предыдущихъ мнѣній). Этими примѣчаніями былъ недоволенъ Ломоносовъ, что видно изъ слѣдующаго, очевидно имъ составленнаго „экстракта съ примѣчаніями" [2]):

„Его сіятельство Академіи наукъ господинъ президентъ, вѣдая, коль великія и безполезныя несогласія и шумы были въ академическихъ собраніяхъ, когда онъ по силѣ академическаго регламента приказалъ въ профессорскихъ собраніяхъ сочинить регламентъ для университета и гимназіи, изволилъ поручить господину коллежскому совѣтнику Ломоносову оныхъ составленіе, дабы отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ споровъ не произошло по прежнему въ томъ препятствія и потери времени, въ которое бы могло россійское юношество пользоваться добрымъ обоихъ оныхъ департаментовъ учрежденіемъ. И такъ по лучшимъ примѣрамъ университетовъ и гимназій и по приличности нашего государства, съ возможнымъ раченіемъ и вниманіемъ сочинивъ онъ такіе регламенты, представилъ его сіятельству, которые по ордеру его сіятельства велѣно разсмот-

1) О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ, соч. г. Н. Лавровскаго (Харьковъ, 1865), 207. 208.

2) Эта статья еще не была нигдѣ напечатана; подлинникъ ея до сихъ поръ хранится въ архивѣ академической канцеляріи, въ книгѣ подъ № 471.

рѣть въ канцеляріи прочимъ членамъ обще съ нимъ, господиномъ совѣтникомъ, по которыхъ совѣту повелѣно было сверхъ того на оные регламенты сдѣлать примѣчанія господамъ профессорамъ Мюллеру, Фишеру, Брауну, и Модераху. И такъ по даннымъ изъ канцеляріи Академіи наукъ указамъ оные господа профессоры учинили слѣдующее: господинъ Мюллеръ отозвался репортомъ на сочиненные имъ прежде сего такіе регламенты; господа Браунъ и Модерахъ подали свои примѣчанія настоящимъ и пристойнымъ образомъ, изъ коихъ нѣкоторыя вниманія достойны. Господинъ Фишеръ хотя также подалъ годныя примѣчанія, однако не столько старался о истинно полезныхъ поправленіяхъ или прибавленіяхъ, сколько искалъ при многихъ пунктахъ случая, какъ бы употребить грубыя и язвительныя насмѣшки, изъ которыхъ нѣсколько здѣсь для примѣру присовокупляются.

1. Во первыхъ удивленія достойно, что не впалъ въ умъ господину Фишеру, какъ знающему латынь, Горацій и другіе ученые и знатные люди въ Римѣ, которые были выпущенные на волю изъ рабства, когда онъ толь презрѣнно уволенныхъ помѣщичьихъ людей отъ гимназіи отвергаетъ; не вспомнилъ того, что они въ Римѣ не токмо въ школахъ съ молодыми дворянами, но и съ ихъ отцами за однимъ столомъ сидѣли, съ государями въ увеселеніяхъ имѣли участіе и въ знатныхъ дѣлахъ повѣренность. Сихъ и нынѣшнихъ примѣровъ видно знать онъ не хотѣлъ. Однако того бы нельзя было ему просмотрѣть, что въ § 4 гимназическаго регламента написано о службѣ дворянъ въ арміи вмѣстѣ съ крѣпостными бывшими людьми. Но неупоминая при семъ пунктѣ о прочихъ его пустыхъ и издѣвочныхъ излишнихъ окрестностяхъ, не могу преминуть о порицаніи россійскихъ дворянъ, которыхъ онъ въ присутственномъ мѣстѣ и еще письменно вообще невѣжами или неучью называетъ; не разсуждая того, сколько попеченіемъ Петровымъ и его наслѣдниковъ, а особливо нынѣ россійское дворянство пріобрѣло просвѣщенія".

2. Шестьдесятъ гимназистовъ и тридцать студентовъ почитаетъ за излишную казнѣ тягость, а паче всего спрашиваетъ,

куда ихъ дѣвать? Его ли о томъ попеченіе? Ему велѣно было смотрѣть регламентъ, а не штатъ. Его ли дѣло располагать академическою суммою? И ему ли спрашивать, куда дѣвать студентовъ и гимназистовъ? О томъ есть кому имѣть и безъ него попеченіе. Мы знаемъ и безъ него, куда въ другихъ государствахъ такихъ людей употребляютъ, и также—куда ихъ въ Россіи употребить можно. Сіе есть ясное доказательство его невниманія къ разсмотрѣнію регламента, и что онъ только старался вступаться въ разсужденія, гдѣ бы для оказанія своего шпынства привязаться.

3. Во многихъ мѣстахъ смыслъ худо выразумѣвъ, а въ иныхъ нарочно сдѣлавъ ложныя заключенія, выводитъ до самой матеріи и до прямаго дѣла непринадлежащія издѣвки. Напримѣръ: экзамены и произведенія въ классахъ положены на всякой годъ дважды, а изъ верхняго въ студенты однажды (гдѣ онъ приписалъ ложно, якобы и въ студенты изъ верхняго класса дважды); также положено учить въ верхнемъ классѣ краткія основанія краснорѣчія, философіи, универсальной исторіи и толковать латинскихъ авторовъ и расположено все по мѣрѣ годоваго времени, такъ что остраго понятія молодой человѣкъ можетъ въ оное пріобрѣсти о наукахъ доброе общее понятіе, ибо надлежаще учиться остаются студентскіе годы. А совершенства достигать могутъ и въ адъюнктахъ. А ежели кто не такъ довольно понятенъ, остаться долженъ еще на годъ въ верхнемъ классѣ. Что разумѣется и о прочихъ классахъ. Но господинъ Фишеръ сдѣлалъ очевидно ложное заключеніе, яко бы опредѣлено и положено было въ регламентѣ происходить въ полтора года въ студенты изъ начинающихъ по латынѣ учиться. Притомъ, для показанія мнимой въ сочиненіи оплошности, написалъ многія имена наукъ и авторовъ, яко бы ихъ всѣхъ сквозь, обстоятельно толковать было въ регламентѣ положено. Сіи ложныя слѣдствія и вымыслы сдѣлалъ онъ для того, чтобы написать слѣдующую ругательную издѣвку надъ россійскимъ юношествомъ письменно, не разсуждая присутственнаго мѣста: „ежели де сіе возможно, то я „поздравляю Россію, въ которой чудеса творятся, въ другихъ

„земляхъ невозможныя. По послѣдней мѣрѣ онаго еще не оказалось по сіе время. Гимназисты, имѣющіе самую ближную „надежду быть студентами, препроводивъ въ гимназіи восемь „лѣтъ, еще немного позабыли“ (его издѣвочнымъ стилемъ научились). Такія язвительныя слова оставляя до разсужденія, сіе напомянуть должно, что господинъ Фишеръ, представивъ себѣ, коль много подобные ему проворствомъ наставники успѣть могутъ, не клалъ бы вины на учащихся.

„Сихъ трехъ примѣровъ довольно къ доказательству, что господинъ Фишеръ нарочно и умышленно старался дѣлать ругательныя кощуны, не только не наблюдая точно по ордеру и по должности надобное дѣло, но насмѣхаясь шпынски дворянству и понятности россійскаго юношества. И понеже такимъ непристойнымъ и насмѣшническимъ образомъ писалъ онъ въ отвѣтъ къ своей командѣ на то, что ему въ разсужденіи даннаго ему отъ оной повелѣнія съ подобающимъ почитаніемъ отвѣтствовать должно было о самомъ настоящемъ дѣлѣ, того ради должно вышеписанное принять въ разсужденіе, дабы и другіе впредь не отважились на подобные поступки“.

Теперь, послѣ этого разъясненія Ломоносова о сущности примѣчаній Фишера, совершенно понятно мѣсто въ его Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи, въ которомъ онъ говоритъ: „Когда Ломоносовъ сочинилъ статы и регламенты для гимназіи и университета, то для лучшей исправности сообщилъ ихъ для просмотрѣнія и дѣланія примѣчаній совѣтнику Теплову и четыремъ профессорамъ. Тепловъ сдѣлалъ примѣчанія и трое изъ профессоръ, кои были по большей части справедливы и приняты въ уваженіе. Четвертый, принявъ Таубертовы совѣты, спорилъ противъ числа студентовъ и гимназистовъ, точно его слова употребляя: „что куда-де столько студентовъ и гимназистовъ? Куда ихъ дѣвать и употреблять будетъ?“ Сіи слова часто твердилъ Таубертъ Ломоносову въ канцеляріи, и хотя отвѣтствовано, что у насъ нѣтъ природныхъ россіянъ ни аптекарей, да и лекарей мало, также механиковъ искусныхъ, горныхъ людей, адвокатовъ и другихъ ученыхъ и ниже своихъ профессоровъ въ самой Академіи и въ

другихъ мѣстахъ; но не внимая сего, всегда твердилъ и другимъ внушалъ Таубертъ: куда со студентами?" [1])

Въ академическомъ засѣданіи 10 января 1760 года, Ломоносовымъ „читанъ проектъ о привилегіи академическаго корпуса, который посланъ былъ къ каждому члену, чтобъ всякой въ чрезвычайномъ собраніи, имѣющемъ быть 11 числа, объявилъ свое мнѣніе". Сущность этихъ преимуществъ можно видѣть изъ сообщеннаго выше черноваго наброска Ломоносова. 11 января дѣйствительно происходило чрезвычайное академическое собраніе, „въ которомъ, въ присутствіи всѣхъ академиковъ, совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ спросилъ академиковъ, какого они мнѣнія о университескихъ привилегіяхъ, имъ предложенныхъ, и надлежитъ-ли имѣть публичную инавгурацію въ университетѣ или нѣтъ?" Отзывы всѣхъ академиковъ на эти два вопроса были положительные, за исключеніемъ Мюллера, который писалъ въ своемъ мнѣніи: „что прежде привилегіи надлежитъ аппробовать университетскій регламентъ, потому что объ ономъ въ привилегіи упоминается, яко объ аппробованномъ; что прежде инавгураціи стараться должно о снабденіи университета довольнымъ числомъ профессоровъ во всѣхъ факультетахъ, потому что во всѣхъ факультетахъ градусы давать предложено; что надобно стараться о умноженіи числа студентовъ, а особливо такое учрежденіе учинить, дабы и дворянство могло пріохочивано быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ для обученія ученыхъ языковъ и наукъ. А прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство" [2]).

По всѣмъ дальнѣйшимъ обстоятельствамъ этого дѣла можно замѣтить, что Ломоносовъ особенно торопился имъ. Того же 11 января состоялось опредѣленіе въ академической канцеляріи, подписанное Ломоносовымъ и Штелинымъ: „въ собраніи художествъ учинить на приготовленную привилегію академическому университету лаврамъ, приличествующимъ къ наукамъ, проекты

1) Билярскій, стр. 080.

2) Билярскій, стр. 402, 408—415.

на четырехъ страницахъ и, нарисовавъ, подать въ канцелярію при репортѣ". 14 января состоялось тамъ же новое опредѣленіе, „за подписаніемъ канцеляріи Академіи наукъ господъ присутствующихъ", о заготовленіи пергаментной кожи для написанія привилегіи [1]).

Въ разсказахъ Ломоносова о его стараніяхъ привести въ лучшее состояніе академическіе университетъ и гимназію, часто встрѣчаются жалобы на противодѣйствіе ему въ этомъ дѣлѣ академическаго совѣтника Тауберта, который, по свидѣтельству Ломоносова, „имѣя казну отъ книжной лавки подъ своимъ вѣдѣніемъ и печатью, съ великимъ затрудненіемъ давалъ на университетъ и гимназію, когда статной казны въ наличествѣ у коммиссарства не было, хотя все книжное дѣло и доходы произошли изъ академическаго опредѣленнаго иждивенія съ немалымъ наукъ ущербомъ; такъ-что иногда Ломоносову до слезъ доходило, ибо, видя бѣдныхъ гимназистовъ босыхъ, не могъ выпросить у Тауберта денегъ.... Таковые поступки понудили Ломоносова просить президента, чтобы университетъ и гимназія отданы были ему въ единственное смотрѣніе и сумму по новому стату на оба сіи учрежденія отдѣлять особливо, съ тѣмъ, чтобы канцелярія (сирѣчь прочіе члены) чинила ему въ томъ всякое вспоможеніе...." [2])

Распоряженіе графа К. Разумовскаго, о которомъ упоминаетъ здѣсь Ломоносовъ, состоялось именно въ слѣдъ за разсмотрѣніемъ въ академическомъ засѣданіи предложенія его о привилегіи и инавгураціи университета. Это распоряженіе служитъ какъ бы отвѣтомъ на возраженіе Мюллера, что для университета не утверждено еще устава, а потому излишне думать о его привилегіяхъ и инавгураціи. 19 января 1760 года, въ историческомъ собраніи, въ которомъ присутствовалъ и Мюллеръ, читано было предложеніе академической канцеляріи отъ президента: „по силѣ котораго совѣтнику Ломоносову одному поручены въ смотрѣніе университетъ и гимназія". Такъ-какъ

1) У Билярскаго, на стр. 415, не совсѣмъ точно передано объ этихъ распоряженіяхъ; здѣсь извѣстія извлечены изъ архива академической канцеляріи, книга № 251.

2) Билярскій, стр. 078, 079.

это предложенiе было извѣстно до сихъ поръ только въ нѣмецкомъ переводѣ [1]); при томъ же оно несомнѣнно составлено самимъ Ломоносовымъ, то оно помѣщается здѣсь.

„Понеже черезъ разные опыты я усмотрѣлъ, что учрежденiю и распорядку, а особливо сочиненiю регламентовъ гимназiи и университета отъ несогласiя разныхъ мнѣнiй также и надлежащему происхожденiю сихъ департаментовъ чинится остановка; и уже многiе годы минули не съ такимъ успѣхомъ и пользою, каковыхъ бы по справедливости ожидать должно было; и сверхъ того сумма, опредѣленная на университетъ, исходила по сiе время по большей части на другiе расходы, такъ что академическое коммиссарство должно стало университету многiя тысячи. Того ради прошедшаго 1758 году данъ былъ отъ меня ордеръ господину коллежскому совѣтнику Ломоносову, чтобы онъ сочинилъ регламенты для университета и гимназiи; которые имъ сочинены и по ордеру моему отданы въ канцелярiю для общаго разсмотрѣнiя и для подаянiя мнѣ на аппробацiю. Но какъ я еще вижу, что дѣло сiе по прежнему отъ несогласныхъ мнѣнiй претерпѣваетъ остановку; а господинъ Ломоносовъ между тѣмъ, по сочиненному отъ него регламенту гимназiи поступая съ моего позволенiя, привелъ своимъ старанiемъ гимназiю во много лучшее состоянiе передъ прежнимъ, того ради по данной мнѣ отъ ея императорскаго величества власти поручаю учрежденiе и весь распорядокъ университета и гимназiи единственно оному господину совѣтнику Ломоносову по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знанiе и усердiе, и уповая, что онъ въ произведенiи до цвѣтущаго состоянiя оныхъ двухъ департаментовъ по должности сына отечества со всякимъ прилежанiемъ и усердiемъ поступать будетъ. И по сему академической канцелярiи чинить ему въ произведенiи сей, на него единственно положенной должности всякое споможенiе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенiю наукъ въ отечествѣ, а особливо чтобы опредѣленную на университетъ

---

1) Билярскiй, стр. 423, 424.

сумму не токмо не употреблять ни на какіе другіе расходы; но и недоимочную на прошлые годы, въ случаѣ надобности, для помянутаго учрежденія выдавать по частямъ изъ академической суммы или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришелъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный господинъ Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхи“ [1]).

Послѣ такого распоряженія, Ломоносовъ 11 февраля 1760 года счелъ себя въ правѣ составить въ академической канцеляріи опредѣленіе, въ силу котораго съ будущей недѣли академики Фишеръ, Браунъ, Эпинусъ, Котельниковъ и адъюнктъ Козицкій обязывались начать чтеніе лекцій при университетѣ по четыре раза въ недѣлю. 14 февраля, за подписаніемъ графа Разумовскаго и Ломоносова, были объявлены правила для университета. Здѣсь учреждались три факультета: юридическій, медицинскій и философскій; назначался особый проректоръ изъ академиковъ; предполагалось: выдавать ученыя степени и исходатайствовать чрезъ учрежденную при дворѣ конференцію „формуляръ съ пунктами“ университетской привилегіи. Наконецъ, опредѣлено вмѣсто прежде отпускавшихся на университетъ и гимназію 10.300 руб. выдавать 15.248 руб.

Замѣчательно, что несмотря на все значеніе графа К. Разумовскаго, подписавшаго сейчасъ приведенное опредѣленіе, сочлены Ломоносова по академической канцеляріи Таубертъ и Штелинъ сочли возможнымъ и въ этомъ случаѣ, при помощи подъяческихъ уловокъ, столь обычныхъ и удобныхъ для канцелярій и комитетовъ, представить затрудненія для осуществленія распоряженія, внушеннаго Ломоносовымъ. Прежде всего они отказались отъ подписанія вышепомянутыхъ опредѣленій 11 и 14 февраля, на томъ основаніи, что „отъ его сіятельства г. президента въ канцелярію ордеромъ отъ 19 января сего, университетъ и гимназія поручены въ единственное смотрѣніе г. со-

---

1) II, книга № 471.

вѣтнику Ломоносову". Потомъ Штелинъ и Таубертъ велѣли занести въ то же постановленіе: „представить президенту и просить его разрѣшенія, отъ какихъ именно чиновъ и расположенныхъ въ аппробованномъ штатѣ на разные департаменты суммъ выпеисанное, въ 5.000 руб. состоящее превосходство отнято и на университетъ и гимназію прибавлено быть имѣетъ. Такожъ впредь, по департаментно-ли считать всю положенную въ аппробованномъ штатѣ на Академію сумму и отъ одного департамента на другой не употреблять, или счислять только генеральную сумму, какъ то по нынѣ наблюдаемо было?" [1])

Это недоумѣніе сочленовъ Ломоносова было разрѣшено опредѣленіемъ академической канцеляріи 31 мая слѣдующаго 1761 года и притомъ разрѣшено совершенно согласно видамъ нашего академика, такъ-какъ тамъ постановлялось: „впредь отъ принимаемой на Академію наукъ суммы отдѣлять опредѣленную на университетъ и гимназію по новому штату особливо, и ни на какіе другіе расходы не употреблять, но содержать за казенною и его, г. совѣтника Ломоносова, и коммиссарскою печатьми, дабы онъ по ввѣренному ему единственному надъ вышеписанными департаментами смотрѣнію могъ производить нужное, государству полезное смотрѣніе въ приращеніи наукъ въ отечествѣ безпрепятственно [2]). Между тѣмъ Ломоносовъ въ 1760 г. продолжалъ съ особенною настойчивостью спѣшить дѣломъ объ утвержденіи императрицею привилегіи университету. „Для твердаго основанія санктпетербургскаго университета, разсказываетъ онъ самъ, и для его движенія, старался совѣтникъ Ломоносовъ, чтобъ исходатайствовать оному надлежащія привелегіи и учинить торжественную инавгурацію по примѣру другихъ университетовъ, для того съ позволенія его сіятельства Академіи президента сочинилъ, по примѣру другихъ университетовъ, привилегію, и съ его аппробаціею и профессорскаго собранія отдалъ переписать на пергаментѣ.... Примѣчанія достойны, продолжаетъ Ломоносовъ, при семъ дѣлѣ Таубертовы поступки: 1) что онъ объ университетской инав-

1) Билярскій, стр. 425—430.

2) Билярскій, стр. 521—523.

гураціи не хотѣлъ и слушать, и ради того и у проекта привилегіи для поданія въ придворную конференцію не подписался, которая и представлена за президентскою и Ломоносова рукою. 2) Адъюнкту Протасову посланъ былъ ордеръ въ Голландію, чтобы не ставясь тамъ въ докторы, ѣхалъ въ Санктпетербургъ для постановленія при инавгураціи. Къ сему Таубертъ не подписался, отзываясь, что какія-де здѣсь постановленія въ докторы, не будутъ-де его почитать — будто бы здѣшняя монаршеская власть не была толь важна, какъ голландская!“ [1]).

Послѣдній доводъ противъ Тауберта не очень убѣдитиленъ, что же касается до неподписанія имъ представленія въ конференцію о привилегіи, то это справедливо. Оно подано 17 февраля 1760 года за подписаніемъ графа Разумовскаго и Ломоносова и донынѣ подлинникъ хранится въ Государственномъ архивѣ, а черновое въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ № 471. Упоминаемыхъ при томъ пунктовъ и формуляра ни тамъ, ни здѣсь не сохранилось, но за то при подлинникѣ находится посланная, конечно, Ломоносовымъ, не подписанная копія съ распоряженія графа Разумовскаго о предоставленіи академическихъ университета и гимназіи въ завѣдываніе одного Ломоносова. Вотъ это представленіе въ конференцію:

„Въ данномъ отъ вашего императорскаго величества Академіи наукъ регламентѣ въ 38-мъ пунктѣ повелѣно учредить при оной университетъ по примѣру другихъ въ Европѣ процвѣтающихъ университетовъ, котораго учрежденіе здѣсь дѣйствительно производится; однако искусствомъ извѣдано, что безъ привилегій, каковыми университеты въ другихъ государствахъ пользуются, природные россіяне и чужестранные самопроизвольно и безъ вашего императорскаго величества жалованья обучаться въ санктпетербургскомъ университетѣ не охотятся, и для такой причины не можетъ оный придти въ цвѣтущее состояніе, и нельзя чаять такой нашему отечеству пользы, каковую своимъ приносятъ иностранные. И такъ, дабы рос-

1) Билярскій, стр. 081.

сійскіе дворяне и разночинцы также и иностранные наукъ любители, кромѣ содержащихся на жалованьѣ вашего императорскаго величества, въ санктпетербургскомъ университетѣ съ такою жъ какъ въ другихъ государствахъ охотою на своемъ содержаніи самопроизвольно обучались, и учащіе имѣли бы большее къ наставленію прилежаніе и чрезъ то бы отечеству польза и слава происходила, академическая канцелярія признаетъ за необходимое дѣло имѣть привилегію за собственноручнымъ вашего императорскаго величества подписаніемъ.

„И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было санктпетербургской университетъ для предъявленныхъ неминуемыхъ причинъ снабдить привилегіею; а какова содержанія быть оная отъ канцеляріи академической за довольную признается, всеподданнѣйше взносятся пункты и формуляръ, которые по аппробаціи и по перепискѣ имѣютъ быть предложены къ подписанію. А таковую вашего императорскаго величества къ наукамъ высочайшую милость Академія наукъ и университетъ будетъ стараться объявить всему свѣту пристойнымъ публичнымъ актомъ академическимъ и университетскія инавгураціи."

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого представленія, именно 22 февраля, было напечатано въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1760 года, № 15, объявленіе, что графъ Разумовскій втрое умножилъ число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ, а потому родители приглашаются объ отдачѣ своихъ дѣтей „для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ."

Въ то же время, какъ все это происходило, продолжалось приготовленіе роскошнаго экземпляра университетской привилегіи, которую слѣдовало поднести къ подписанію императрицы Елисаветы. Такъ, 29 февраля, отпущены были деньги на матеріалы „для сдѣланія къ привилегіи украшенія, лявръ и прочихъ фигуръ." 6 апрѣля назначены деньги за серебряный капсюль для печати въ $1\frac{1}{2}$ фунта съ позолотою — 45 рублей, и за шнуры золотые съ серебряными кистями — 25 рублей. 25 мая опре-

дѣлено купить 5 аршинъ тафты для переплета той же привилегіи [1]).

Ломоносовъ такъ сильно желалъ скорѣйшаго утвержденія императрицею привелегіи и такъ былъ увѣренъ въ непремѣнномъ осуществленіи этого, что уже приступилъ-было къ сочиненію благодарственной рѣчи, которую намѣревался произнести при торжественной инавгураціи университета. Въ набраскѣ, сохранившемся въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова, императрица, между прочимъ, прославляется за то, что „печется увеличить благородство въ благородныхъ, ибо что есть благороднѣе, какъ преимущество отъ дворянства, возвышенное и крашенное основательнымъ ученіемъ? Снабдить обѣщеваетъ благородствомъ неблагородныхъ и тѣмъ отворить входъ къ благополучію дарованіямъ природнымъ“ [2]). Кромѣ того, уцѣлѣло въ болѣе полномъ видѣ, хотя и неотдѣланное въ подробностяхъ „Слово благодарственное“ Елисаветѣ „на торжественной инавгураціи санктпетербургскаго университета, говоренное 1760 года“ [3]). Любопытно, что здѣсь Ломоносовъ намѣревался затронуть вопросъ, въ которомъ намекалось бы на его врага по академической канцеляріи Тауберта, а именно: „Нѣкоторые говорятъ: куда съ учеными людьми?“ Въ отвѣтѣ предполагалось перечислить потребности Россіи въ ученыхъ людяхъ, что только разъяснено оглавленіями: „1. Сибирь пространна. 2. Горныя дѣла. 3. Фабрики. 4. Ходъ сѣверомъ. 5. Сохраненіе народа. 6. Архитектура. 7. Правосудіе. 8. Исправленіе нравовъ. 9. Купечество и сообщеніе съ оріентомъ. 10. Единство чистыя (дружбы) вѣры. 11. Земледѣльство, предзнаніе погодъ. 12. Военное дѣло. И такъ безразсудно тщетно отъ нѣкоторыхъ рѣчи произносились: куда съ учеными людьми дѣваться?“

Въ концѣ рѣчи Ломоносовъ предполагалъ высказать свои завѣтныя желанія и изложить предсказанія, какъ онъ понималъ будущее величіе Россіи:

---

1) Билярскій, стр. 415, 416; II, книга № 251.

2) Билярскій, стр. 419, 420.

3) Сочиненія Ломоносова въ Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ, изд. Смирдина, I, 619—628.

„И россійское бы слово, отъ природы богатое, сильное, здравое, прекрасное, нынѣ еще во младенчествѣ своего возраста, добродѣтелей твоихъ изображеніемъ растущее и укрѣпляющееся, превзошло бъ достоинство всѣхъ другихъ языковъ. Желаніе — чтобы въ Россіи науки распространились, описаніе ея хорошее. Желаніе — чтобы отъ блещущаго ея величества оружія возсіялъ миръ — наукъ питатель.

„Предсказанія: подвигнется Европа; ученые, возвращаясь, станутъ сказывать: мы были во градѣ Петровѣ, гробъ его видѣли, мы видѣли Елисаветы, мы видѣли чудныя дѣла Божія и Петровы, мы видѣли тамъ Августово время Меценатовъ. При дворѣ какъ любятъ ученыхъ. Ни бури, ни то, ни то не прекратятъ, и пока будетъ Россія, тобою спасенная, украшенная, пока наукамъ будетъ почтеніе, и ежели гдѣ въ уголку свѣта варварство останется, имя твое во первомъ мѣстѣ стоять будетъ. О прехожденіи наукъ. Описать, какъ родители дѣтей своихъ въ училища отпускать и какъ принимать станутъ. Будетъ время, когда Сибирь, наполненная разными народами, на разныхъ языкахъ будетъ приносить похвалы дому Петрову, и какъ изъ Греціи, такъ изъ Россіи....“

Что въ описываемую эпоху всѣ помыслы Ломоносова направлены были къ утвержденію привилегіи, доказательства тому сохранились также въ двухъ письмахъ его этого времени къ И. Шувалову. Одно изъ нихъ, 17 апрѣля 1760 г., такого содержанія [1]): „Вашему высокопревосходительству довольно извѣстно, что Александръ Сергѣевичъ весьма жалуетъ Мюллера, который нигдѣ не пропускаетъ случая, чтобы какое нибудь зло противъ меня всѣять. Того ради не удивлялся я Александра Сергѣевича издавна холодности, вмѣсто которой ко мнѣ, для любленія наукъ, долженъ былъ я ожидать такой горячности, какую вы оказали ко мнѣ и его сіятельство Романъ Ларіоновичъ, пріѣхавъ изъ Москвы. Имѣя охоту къ россійскимъ сло-

1) Письмо это было уже напечатано г. П. Бартеневымъ въ Воронежской Бесѣдѣ 1861 г., стр. 233—235, и Билярскимъ, стр. 431—433, но по весьма плохому списку. Благодаря П. Муханову, подлинникъ этого письма нынѣ находится въ Академіи, и оно помѣщается здѣсь провѣренное по рукописи.

веснымъ наукамъ и къ минераламъ, какъ бы можно было пренебрегать меня, если бы отъ Мюллера предувѣреніе не усилилось? Къ сему присовокупилось еще новое неудовольствіе, что я печатать отсовѣтываю французскую рѣчь не ради того, что она весьма нескладна; но для того, что учиненныя въ ней похвалы для Россіи тѣмъ самимъ опровергаются, что онъ, не зная россійскаго языка, разсуждаетъ о россійскихъ стихотворцахъ и ставитъ тѣхъ въ параллель, которые въ параллелѣ стоять не могутъ [1]). Ваше превосходительство праведно разсуждаете по его тихимъ поступкамъ, чтобы могъ кого изобидить. И я самъ вчерась браннымъ словамъ его не вѣрилъ, пока великой перемѣны въ глазахъ и во всемъ его лицѣ не увидѣлъ. Всю процессію могу съ вашего высокопревосходительства позволенія при немъ на словахъ представить. Я сожалѣю сердечно, что васъ принужденъ представленіемъ утруждать о моей

1) Это мѣсто письма даетъ поводъ предполагать, что Строгановъ написалъ по французски статью о русскихъ стихотворцахъ и должно быть сравнивалъ тамъ Ломоносова и Сумарокова, что и не понравилось первому изъ нихъ, и онъ, кромѣ письма, написалъ еще замѣтку на выраженіе изъ статьи Строганова: «Примѣчаніе. Quand un tel parallèle désigne deux génies créateurs. Génie créateur перевелъ въ свои трагедіи изъ французскихъ стихотворцевъ все, что ни есть хорошево, кусками, съ великимъ множествомъ пеносныхъ погрѣшностей въ россійскомъ языкѣ, и оныя сшивалъ еще гаже своими мыслями и словами. Génie créateur! Стихосложеніе принялъ сперва развращенное отъ Тредіаковскаго и на присланныя изъ Фрейберга сродныя нашему языку и свойственныя написалъ ругательную эпиграмму. Однако послѣ нимъ же послѣдовалъ и писалъ по нимъ всѣ свои трагедіи и другіе стихи. Génie créateur! Дѣйствіямъ училъ Мелиссино; а онъ только вздорилъ и всегда представлялъ въ комедіяхъ комедіи. Génie créateur! Директорство россійскаго театра велъ такъ чиновно, что за многія мечтательныя его неудовольствія и неистовыя наглости лишенъ полной прежней команды. Génie créateur! Сколько ни жилился летать одами, выбирая изъ другихъ россійскихъ сочиненій слова и мысли и хотя ихъ превысить, однако толь же счастливъ былъ какъ Икаръ. Génie créateur! Новое изобрѣтеніе выдумалъ Пчелку и посылалъ ее по медъ на стрѣлку, чтобы притомъ жалила подъячихъ. Изрядный нашелъ способъ въ крапиву испр..... Génie créateur! Сочинялъ любовныя письма и тѣмъ весьма счастливъ, для того что вся молодёжь, то есть пажи, коллежскіе юнкера, кадеты и гвардіи капралы такъ ему послѣдуютъ, что онъ передъ многими изъ нихъ самъ па ученика ихъ походитъ. Génie créateur!» (Списокъ съ этой статейки съ собственноручной ломоносовской поправкой въ бумагахъ, переданныхъ Академіи наукъ П. Мухановымъ. Также ср. Лѣтописи русской литературы, 1859 г., IV, отд. III, 105. 106).

неповинности, а особливо видя изъ вашего письма, что вы уже моего обидщика защищаете, едва принимаю смѣлость послать вамъ сіи строки. И конче бы не послалъ, естьлибъ меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуду могутъ произотти многочисленные Ломоносовы. И для того ваше высокопревосходительство всеуниженно прошу постараться, чтобы изъ конференціи, при дворѣ учрежденной, данъ былъ формуляръ привилегіи по прошенію его сіятельства Академіи наукъ г. президента, чего при семъ копію сообщаю. Сіе будетъ больше всѣхъ благодѣяніе, которыя ваше высокопревосходительство мнѣ въ жизнь сдѣлали. По окончаніи сего, только хочу искать способа и мѣста, гдѣ бы чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше видѣть было персонъ высокородныхъ, которые мнѣ низкою моею породою попрекаютъ, видя меня какъ бѣльмо на глазѣ; хотя я своей чести достигъ не слѣпымъ счастіемъ, но даннымъ мнѣ отъ Бога талантомъ, трудолюбіемъ и терпѣніемъ крайней бѣдности добровольно для ученія. И хотя я отъ Александра Сергѣевича могъ бы по справедливости требовать удовольствія за такую публичную обиду; однако я уже оное имѣю чрезъ то, что притомъ постоянные люди сказали, чтобы я причелъ его молодости, и его пріятель тогда же говорилъ, что я напрасно обиженъ; а больше всего тѣмъ я оправданъ, что онъ, попрекая недворянство, самъ поступилъ не по дворянски. И такъ все позабывая, еще всеуниженно прошу вашимъ предстательствомъ для пользы учащихся россіянъ споспѣшествовать университетской привилегіи, которая можетъ быть и для московскаго университета нѣсколько послужитъ."

Три дня спустя, 20 апрѣля, Ломоносовъ, посылая къ Шувалову Описаніе Камчатки Крашенинникова для перевода на французскій, писалъ: „при семъ прилагаю смѣлость, милостивый государь, о моемъ всеуниженномъ прошеніи для общей пользы наукъ въ отечествѣ докучать, чтобы вашимъ сильнымъ ходатайствомъ по представленію милостиваго государя графа Кирила Григорьевича изъ высокой конференціи данъ былъ

формуляръ университетской привилегіи для ускоренія инавгураціи и порядочнаго теченія ученій. Сіе будетъ конецъ моего попеченія о успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ и начало особливаго раченія къ приведенію въ исполненіе старанія моего въ словесныхъ наукахъ. Дѣло весьма вамъ нетрудное и только стоитъ вашего слова, которымъ многіе наукъ рачители обрадованы будутъ и купно я съ ними, истинный и непреложный почитатель вашего высокопревосходительства" и проч. [1]).

Есть еще одна записка Ломоносова къ И. Шувалову, несомнѣнно относящаяся къ 1760 году. Она любопытна тѣмъ, что изъ нея становятся понятными намеки его въ прежнихъ письмахъ къ Шувалову о своемъ повышеніи. „При представленіи нижайше прошу, писалъ здѣсь нашъ академикъ, напомнить: 1) что служу девять лѣтъ въ одномъ чинѣ и отсталъ отъ многихъ; 2) что въ Академіи больше мнѣ надобно авторитету, чтобъ иностранные перевѣсу не имѣли; 3) что графъ Кирила Григорьевичъ и прежде сего представлялъ о вице-президентѣ; 4) что всѣми силами стараюсь о ученыхъ россіянахъ, сочинилъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію; 5) и прежде сего совѣты давалъ о московскомъ университетѣ; 6) что вице-президентской чинъ не великой, а въ графскихъ отсутствіяхъ надобенъ; 7) сіе ободритъ меня къ сочиненію въ одинъ годъ Петріады. NB. Постарайтесь, милостивый государь, чтобъ я благодарственное слово на университетской инавгураціи проговорилъ съ великимъ ободреніемъ" [2]).

Несмотря, однако, на всѣ хлопоты Ломоносова, какъ привилегія университетская не утверждалась, такъ и не осуществилось его желаніе получить слѣдующій чинъ и сдѣлаться вице-президентомъ Академіи наукъ. Для Ломоносова 1760 годъ прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ, а въ слѣдующемъ, какъ увидимъ далѣе, онъ обращался — также напрасно — къ другому сильному вельможѣ елисаветинскаго двора.

17 ноября 1760 года сенатъ далъ знать Академіи наукъ,

---

1) Билярскій, стр. 434.

2) Билярскій, стр. 433.

что такъ какъ на И. Шувалова возложена забота о заведеніи въ Россіи гимназій, то ученое общество должно въ томъ ему содѣйствовать сообщеніемъ по его требованію нужныхъ извѣстій и мнѣній. Въ декабрѣ того же года академики представили свои соображенія объ устройствѣ гимназій и школъ въ Россіи, но между этими соображеніями не встрѣчается мнѣнія Ломоносова [1]). Впрочемъ онъ принимался было за этотъ предметъ, и въ бумагахъ его, находящихся нынѣ у Н. М. Орлова, сохранился отрывокъ проекта устава для гимназій, который помѣщенъ здѣсь въ приложеніи X.

Въ 1760 г. по управленію университетомъ съ Ломоносовымъ случилась непріятность, которая, при его самолюбіи, должна была ему показаться особенно чувствительною. Съ 1754 года при Академіи обучались двое студентовъ изъ малороссовъ Аѳанасій Лобысевичъ и Семенъ Дѣвовичъ, которымъ, какъ всѣмъ вообще малороссамъ, особенно покровительствовали при Елисаветѣ графы Разумовскіе, ихъ земляки. Одинъ изъ названныхъ молодыхъ людей, А. Лобысевичъ въ 1759 году былъ сотрудникомъ столь ненравившейся Ломоносову Трудолюбивой Пчелы и помѣстилъ здѣсь нѣсколько переводовъ. Въ слѣдующемъ 1760 году, 16 іюня, канцелярія распорядилась: „оныхъ студентовъ Лобысевича и Дѣвовича, за нехожденіе ихъ на профессорскія лекціи, изъ университета академическаго выключить и болѣе не числить, и жалованья имъ за май мѣсяцъ не давать, и для опредѣленія въ другую команду, куда пожелаютъ, дать имъ абшиды.“

Молодые люди остались недовольны такимъ опредѣленіемъ и жаловались президенту Академіи, находившемуся тогда въ Малороссіи. Они, между прочимъ, писали, что академикъ Браунъ и другіе дали имъ аттестаты объ ихъ успѣхахъ, почему они имѣли право на „повышеніе ихъ чинами при Академіи“, но Ломоносовъ будто бы нарочно откладывалъ рѣшеніе о томъ до отъѣзда графа Разумовскаго. Когда же послѣдній уѣхалъ, то, по словамъ Лобысевича и Дѣвовича, „оный Ломоносовъ, крайне

1) Билярскій, стр. 474, 475.

насъ ненавидя и злобствуя за то, что мы вашему сіятельству взнесли нашу просьбу, не токмо по нашему доношенію не сдѣлалъ удовольствія, но и того, что имѣли, лишилъ, давъ намъ абшидъ и отказавъ вовсе отъ Академіи. Того ради ваше высокографское сіятельство всенижайше просимъ, прекратя высокою своею властію злобу Ломоносова, прямо повелѣть наградить насъ при Академіи адъюнктами или магистрами, къ другому какому мѣсту опредѣлить....“

Графъ Разумовскій, принявъ близко къ сердцу жалобу малороссовъ, не счелъ даже нужнымъ потребовать объясненія отъ Ломоносова, а прямо обвинилъ его. 12 сентября 1760 года президентъ писалъ изъ Батурина въ академическую канцелярію о Лобысевичѣ и Дѣвовичѣ: „канцелярія имѣетъ немедленно, давъ имъ на прогоны, не въ зачетъ ихъ жалованья, надлежащія деньги, ко мнѣ прислать въ Глуховъ обоихъ. А между тѣмъ объявить г. Ломоносову, что я весьма удивляюсь, по чьему учрежденію таковой противу воли ихъ отпускъ имъ безъ моей аппробаціи сдѣланъ, да какъ вижу и безъ вѣдома канцеляріи изъ службы академической, а паче такимъ людямъ, которые въ Академію приняты по моему собственному опредѣленію и которыхъ аттестаты объ успѣхахъ ихъ мнѣ самому довольно извѣстны? Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г. Ломоносову не давалъ, чего ради и впредь изъ студентовъ безъ моего собственнаго опредѣленія никого канцелярія, тѣмъ меньше самъ собою г. Ломоносовъ высылать изъ академической службы не должны. Какое же опредѣленіе о сихъ студентахъ Лобысевичѣ и Дѣвовичѣ учинить надобно, о томъ впредь отъ меня будетъ писано; а заслуженное имъ жалованье безудержно выдать, разумѣя ихъ дѣйствительно въ той же службѣ, въ которой они до сего были.“

Канцелярія, согласно приказанію президента, отправила въ Глуховъ обоихъ студентовъ, но при донесеніи объ исполненіи послала къ графу Разумовскому такое объясненіе: „А по выслушаніи сего ордера въ канцеляріи господинъ совѣтникъ Ломоносовъ объявилъ: упомянутые-де студенты, Лобысевичъ и Дѣвовичъ просили его сіятельство о произведеніи ихъ адъ-

юнктами, почему его сіятельство и изволилъ объ нихъ приказывать ему, господину Ломоносову, и господину надворному совѣтнику Штелину въ канцеляріи учинить объ нихъ разсмотрѣніе; на что они чинили его сіятельству словесныя представленія, что оные студенты хотя и не худо учатся и имѣютъ успѣхи, однако адъюнктами произведены быть еще не могутъ. Но какъ же они студенты его сіятельству безпрестанно о томъ докучали, то приказывалъ его сіятельство ему, господину Ломоносову, сдѣлать имъ произведеніе чему они достойны. И стараясь онъ, господинъ Ломоносовъ, то исполнить, велѣлъ ихъ свидѣтельствовать, почему явилось, что они только посредственные студенты, а отъ того весьма далеки, каковымъ по академическому регламенту адъюнктамъ быть положено, почему онъ, господинъ Ломоносовъ, совѣтовалъ имъ, чтобы они продолжали еще лекціи и когда положатъ хотя нѣкоторое начало въ какой нибудь наукѣ, адъюнкту приличной, то онъ, господинъ Ломоносовъ, со всею охотою радъ будетъ помогать къ ихъ произведенію; но они вмѣсто того не токмо ни на какія лекціи не ходили, но и совсѣмъ отъ университета самовольно отстали, и сверхъ того одинъ изъ нихъ требовалъ, чтобы ему жить въ домѣ его высокопревосходительства господина оберъшталмейстера и кавалера Петра Спиридоновича Сумарокова, что онъ, господинъ Ломоносовъ, по многократнымъ присылкамъ его превосходительства, и позволилъ съ тѣмъ, чтобы онъ ходилъ на лекціи и исполнялъ бы что онъ, господинъ Ломоносовъ, ему приказывалъ къ его произведенію; однако того совсѣмъ не сдѣлалъ. А какъ по общимъ репортамъ господина профессора и гимназіи инспектора Модераха о хожденіи студентовъ на лекціи и прочіе господа въ канцеляріи присутствующіе сіе усмотрѣли, что они жалованьемъ пользуются, не упражняясь ни въ чемъ и безъ всякаго для Академіи плода, требуя чиновъ не по своему знанію, а далѣе учиться не хотятъ, и повидимому ищутъ себѣ индѣ мѣста, какъ и другіе ихъ товарищи учинили. Изъ чего явствуетъ неосновательная на онаго господина совѣтника Ломоносова тѣхъ студентовъ жалоба.

„А по справкѣ въ академической канцеляріи, мая 8 числа

44*

сего года профессоръ и гимназіи инспекторъ Модерахъ на запросъ отъ канцеляріи справкою отвѣтствовалъ, что профессорскія лекціи начались сего 1760 года февраля 21 числа, а студенты: Дѣвовичъ на оныя не ходилъ головою, а Аѳанасій Лобысевичъ два раза токмо ходилъ на лекціи профессора Фишера, а у другихъ не бывалъ; почему въ канцеляріи о увольненіи ихъ отъ академіи опредѣленіе учинено и подписано обще всѣми присутствующими и жалованье имъ по май мѣсяцъ выдано, и Дѣвовичу и абщидъ данъ, а Лобысевичу, за нехожденіемъ его, абшида не дано".

Въ концѣ представленія канцелярія полагала, что „оные студенты по указамъ за такое ихъ ложное на присутствующихъ доносительство, въ примѣръ другимъ, достойны не малаго штрафа". Графъ Разумовскій не внялъ однако такому представленію и, 9 февраля 1761 года, далъ знать, что Лобысевичъ опредѣленъ имъ въ академическіе переводчики, а Дѣвовичъ — на службу въ Малороссію [1]). Увидимъ ниже, что такой исходъ дѣла нашъ академикъ приписывалъ пристрастію Теплова.

Въ качествѣ совѣтника академической канцеляріи, Ломоносовъ пытался два раза осуществить ученое предпріятіе, о неисполненіи котораго тогда на дѣлѣ могутъ пожалѣть въ наше время не только археологи, но и всѣ вообще любители русской старины. Дѣло въ томъ, что нашъ академикъ предлагалъ послать способнаго живописца въ старинные русскіе города, а именно: Новгородъ, Тверь, Москву, Переяславль-Залѣсской, Ростовъ, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Переяславль-Рязанскій, Черниговъ, Кіевъ, Смоленскъ и Псковъ: „чтобъ имѣющихся въ церквахъ изображеній государскихъ иконописною и фресковою работою, на стѣнахъ или на гробницахъ состоящихъ, снять точныя копіи величиною и подобіемъ, на бумагѣ водяными красками.... А сіе учинить бы для того: 1) дабы отъ съѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей и сохранить для позднѣй-

---

1) II, книги №№ 471 и 472.

шихъ потомковъ; 2) чтобъ показать и въ другихъ государствахъ россійскія древности и тщаніе предковъ нашихъ; ибо выданныя прежде сего въ печать родословные грыдорованные листы не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою въ лицахъ не имѣютъ; 3) чтобъ санктпетербургская академія художествъ имѣла случай употребить свое искусство, какъ бы изобразить ихъ надлежащею живописью въ приличныхъ положеніяхъ со стариннаго манеру, не теряя подлиннаго подобія, а чтобы учащіеся живописному и рѣзному художеству, смотря на работу мастеровъ, по таковымъ перемѣнамъ къ изобрѣтеніямъ привыкали...." Другой разъ Ломоносовъ повторилъ это представленіе 16 октября 1760 г., и тогда казалось, что оно осуществится, такъ-какъ канцелярія уже назначила въ поѣздку по означеннымъ городамъ своего рисовальнаго учителя Андрея Грекова, и синодъ 11 января 1761 года далъ знать въ Академію наукъ, что о допущеніи его къ снятію требовавшихся изображеній по церквамъ, посланы указы по епархіямъ. Нельзя отвергать, что эта посылка Грекова могла бы спасти много древнихъ изображеній, которыхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія сохранялось болѣе, чѣмъ нынѣ, и которыя потомъ уничтожались или по невѣжеству, или по нерадѣнію. Однако Грековъ былъ назначенъ въ учители рисованія къ великому князю Павлу Петровичу и вмѣсто него никто не былъ посланъ въ старинные города для помянутой цѣли. Ломоносовъ неудачу и этого предположенія своего приписывалъ враждѣ къ нему Тауберта и разсказывалъ послѣ о томъ такъ: „Таубертъ, для пресѣченія сего дѣла, для тото что не отъ него, но отъ Ломоносова получило свое теченіе, нашелъ способъ рекомендовать сего Грекова для обученія рисованія его императорскаго высочества. Что онъ сіе учинилъ съ зависти и злобы, то неоспоримо по тому: 1) что можно бы къ сему много лучшихъ рисовальщиковъ сыскать кромѣ Академіи, и особливо что Таубертъ зналъ готовое уже Грекова отправленіе; 2) что кромѣ исполненія своей на Ломоносова злости отнюдь бы онъ Грекова не рекомендовалъ къ такому знатному мѣсту затѣмъ, что онъ былъ свидѣтелемъ на тестя его, Шумахера, во время слѣдственной на

него коммиссіи, почему меньшаго его брата, Алексѣя Грекова, и понынѣ утѣсняетъ чувствительно"[1]).

Заботы Ломоносова въ 1760 году по географическому департаменту заключались въ стараніи осуществить тѣ предложенія свои, о которыхъ онъ заявлялъ въ 1759 году (см. выше, стр. 665—668). Такимъ образомъ относительно истребованія географическихъ извѣстій о Россіи изъ правительственныхъ мѣстъ, было сообщено въ камеръ-коллегію о доставленіи въ Академію извѣстій: „сколько по нынѣшнему состоянію въ каждой губерніи и провинціи уѣздовъ, селъ и деревень, и сколько жъ въ каждомъ селѣ и деревнѣ мужеска пола душъ, для различія въ атласѣ величности деревень, чтобы не поставить на ландкартѣ весьма малыхъ и не пропустить бы великихъ". Камеръ-коллегія отвѣчала, что переписка подобныхъ извѣстій должна занять слишкомъ десять стопъ бумаги, и что для такой работы у ней нѣтъ въ распоряженіи свободныхъ переписчиковъ. Академическая канцелярія, 3 мая 1760 года, постановила обратиться по этому предмету къ содѣйствію сената, который, 17 ноября 1760 года, приказалъ для переписки помянутыхъ извѣстій отрядить въ камеръ-коллегію десять человѣкъ солдатскихъ дѣтей изъ гарнизонныхъ школъ[2]).

Еще въ 1759 году Ломоносовъ повторилъ въ представленіи своемъ президенту мысль, нѣсколько разъ высказанную старѣйшимъ астрономомъ нашей Академіи, Николаемъ-Іосифомъ Делилемъ и другими академиками, занимавшимися русскою картографіею, о необходимости снаряженія экспедицій для опредѣленія долготы и широты замѣчательнѣйшихъ городовъ въ Россіи. Въ протоколѣ академической канцеляріи 11 февраля 1760 года было записано: „изъ географическаго департамента, отъ 29 дня января сего 1760 года.... представлено, что при сочиненіи новаго россійскаго атласа безъ примѣчанія долготы и широты находящихся при географическомъ департаментѣ въ архивѣ подлинныхъ картъ, также и тѣхъ извѣстій, кои по

1) Билярскій, стр. 463—465, 075, 076.

2) Билярскій, стр. 455, 456, 472, 473.

указу правительсгвующаго сената изъ Россійскаго государства въ географическій департаментъ присланы быть имѣютъ, употреблять невозможно, и для того въ географическомъ департаментѣ лежащіе въ европейской части Россіи города назначены на приложенной при семъ картѣ, которыхъ долготу и широту знать должно и раздѣлены на три части для посылки туда трехъ обсерваторовъ; причемъ оный департаментъ канцелярію Академіи наукъ проситъ о произведеніи онаго намѣренія въ дѣйство. А понеже г. коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ представлялъ о вышеписанныхъ экспедиціяхъ прежде сего обстоятельно, и расположеніе мѣстъ для наблюденія по астрономической долготѣ и широтѣ съ представленіемъ отъ географическаго департамента мало разнится, на кои отмѣны оный г. совѣтникъ Ломоносовъ согласенъ...." [1]), то академическая канцелярія постановила ходатайствовать предъ сенатомъ о содѣйствіи къ отправленію академика Попова съ адъюнктомъ Шмидтомъ и капитана Красильникова съ Николаемъ Кургановымъ „для географическаго Россіи описанія и точнаго мѣстъ положенія". Сенатъ согласился на ходатайство академической канцеляріи и 29 ноября 1760 г. далъ ей знать о томъ [2]); но предположенныя экспедиціи не состоялись. Ломоносовъ полагалъ, что это сдѣлано вслѣдствіе интригъ Тауберта, Штелина и Мюллера [3]); изъ академическихъ же дѣлъ видно только, что

1) II, книга № 471. Билярскій, стр. 458, не зная этого протокола, полагалъ, что Ломоносовъ все дѣло объ отправленіи экспедиціи велъ помимо канцеляріи изъ опасенія разногласій и споровъ.

2) Билярскій, стр. 458—462; 465—468; 474—476.

3) Билярскій, стр. 087, 088. Въ январѣ 1763 г. Ломоносовъ, такъ припоминалъ объ этомъ обстоятельствѣ Разумовскому: «Что жъ до посылки географической экспедиціи надлежитъ, то она совсѣмъ остановилась: 1) къ вашему сіятельству послано было еще на Украйну канцелярское о томъ опредѣленіе для конференціи; однако того не воспослѣдовало, можетъ быть по приватному спорному представленію моихъ товарищей, что изъ слѣдующаго заключаю: 2) г. статскій совѣтникъ Таубертъ тогда принялъ па себя, чтобъ выписать къ симъ экспедиціямъ нужные инструменты, а потомъ вовсе отказался. Г. Штелинъ также послѣ сію коммиссію на себя принялъ; однако ничего не исполнилъ. И такъ черезъ три года все изволочилось. Поручикъ Кургановъ, который былъ для помянутой экспедиціи изъ адмиралтейской коллегіи истребованъ, скучивъ ожиданіемъ (и еще какъ заподлинно меня

означенное предпріятіе сначала замедлилось по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

26 ноября 1759 года Мюллеръ получилъ извѣстіе отъ аббата де-ла-Калля (de la Caille), что астрономъ парижской Академіи наукъ Жантиль сбирается ѣхать въ Восточную Индію для наблюденія рѣдкаго явленія—прохожденія Венеры черезъ солнце. Мюллеръ, находя полезнымъ и славнымъ для Россіи, чтобы для той же цѣли былъ посланъ въ Сибирь искусный астрономъ, представилъ о томъ графу Разумовскому, который отвѣчалъ, что къ этому слѣдуетъ склонить академика-астронома Гришау. Послѣдній въ это время уже былъ тяжко болѣнъ, а потому отказался отъ поѣздки, совѣтуя вызвать какого нибудь астронома изъ Парижа. Мюллеръ о томъ сообщилъ де-ла-Каллю, который отвѣчалъ, что въ этомъ не встрѣтится препятствія, когда русское правительство обратится съ просьбою чрезъ французскаго посланника при петербургскомъ дворѣ. Это предложеніе осталось, однако, безъ дальнѣйшаго движенія, и академикъ Эпинусъ, занимавшійся до прибытія въ Петербургъ наблюденіями на обсерваторіи въ Берлинѣ, взялся подготовить адъюнкта Румовскаго къ производству наблюденія означеннаго явленія. Между тѣмъ хотя изъ нашей Академіи не было приглашенія, однако въ Парижѣ явился охотникъ отправиться въ Сибирь для означенной цѣли — именно аббатъ Шаппъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи извѣстность описаніемъ своего путешествія по Россіи и возраженіемъ противъ него, въ составленіи котораго участвовала и Екатерина II. Графъ Разумовскій объ отправленіи Шаппа въ Россію узналъ изъ Мемуаровъ парижской Академіи наукъ и, 23 октября 1760 года, писалъ въ академическую канцелярію, „что такое намѣреніе французской Академіи показалося мнѣ для санктъ-петербургской ея императорскаго величества Академіи весьма предосудительно, чего ради не меньше совершенная польза въ море-

увѣряютъ тайнымъ Мюллеровымъ наущеніемъ, какъ онъ было уже и самъ опредѣлился въ морской кадетскій корпусъ главнымъ директоромъ наукъ) отправился обратно въ прежнюю команду. (Билярскій, стр. 582, 583).

плаваніи и другихъ по астрономіи объясненіяхъ, какъ честь и слава Академіи санктпетербургской требуетъ того, чтобъ сіе произвести дѣломъ самимъ безъ помочи французскихъ астрономовъ". За тѣмъ гр. Разумовскій назначилъ Румовскаго для этого наблюденія, „но дабы сіе предпріятіе, присовокупилъ президентъ, столь же безплодно не учинилось, какъ въ 1740 году г. Делилемъ при прохожденіи планеты Меркурія мимо солнца [1]), то весьма не худо двѣ таковыхъ экспедиціи въ Сибирь отправить...." Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого ордера, въ Академіи снаряжены были двѣ экспедиціи въ Иркутскъ и Якутскъ, „а буде за какими трудностьми въ дорогѣ до сего послѣдняго мѣста доѣхать будетъ невозможно, то въ Нерчинскъ...." Начальниками экспедицій были академикъ Поповъ и адъюнктъ Румовскій [2]). Снаряженіемъ ихъ замѣтно торопились, чтобы они могли отправиться до пріѣзда въ Петербургъ Шаппа. Послѣдній прибылъ туда въ февралѣ 1761 года, и академическая канцелярія сдѣлала запросъ академическому собранію, кто распорядился тамъ о выпискѣ аббата изъ-за границы? Мюллеръ отвѣтствовалъ, что онъ предъявлялъ академикамъ письмо де-ла-Калля, и они одобрили приглашеніе астронома изъ Парижа. „И тогда я, писалъ Мюллеръ, оное письмо оригинальное сообщилъ канцеляріи совѣтнику г. Тауберту, который обще съ г. Эпинусомъ старался исходатайствовать позволеніе о выписываніи астрономовъ изъ Парижа; токмо какъ оное позволеніе не воспослѣдовало, то въ семъ дѣлѣ больше ничего не учинено, и отъ меня ни къ кому объ отправленіи сюда астрономовъ не писано". Послѣ того вскорѣ,

---

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 132.

2) По этому поводу есть записка Ломоносова къ Штелину, въ которой онъ пишетъ: «Мое мнѣніе относительно двухъ экспедицій въ Сибирь есть, что въ нихъ должны быть два обсерватора Поповъ и Румовскій. Хотя у меня есть важная причина сомнѣваться, чтобы астрономія была такая легкая наука, которой такой человѣкъ, какъ Румовскій, могъ бы обучиться въ полъ-года и притомъ такъ, чтобы могъ быть употребленъ при рѣдчайшихъ и труднѣйшихъ наблюденіяхъ. Не худо бы ему было придать товарища и даже старшаго. Впрочемъ я подамъ мнѣніе письменно» (Лѣтопись русской литературы и древности, 1859 г. кн. II, отд. 3, 195).

именно 9 февраля 1761 г., академическая канцелярія увѣдомлена была изъ придворной конференціи, что и аббатъ Шаппъ отправляется въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій и что ему, кромѣ прогоновъ и провожатаго, дано „въ подарокъ" 1000 рублей. По возращеніи во Францію, аббатъ отблагодарилъ за щедрость русскаго правительства книгою, которая сильно оскорбляла національное самолюбіе современниковъ въ Россіи [1]).

Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры мимо солнца было новымъ поводомъ къ умноженію вражды между Ломоносовымъ и Эпинусомъ. Разсказано выше, на стр. 648—649, что неодобреніе послѣднимъ ночезрительной трубы, которую первый считалъ своимъ изобрѣтеніемъ, было, по свидѣтельству самого Ломоносова, началомъ взаимныхъ ихъ неудовольствій, перешедшихъ вскорѣ въ открытую вражду. Ломоносовъ высказывалъ, что Эпинусъ съ нимъ разсорился по наущенію Тауберта: „Онъ Эпинуса вездѣ сталъ выхвалять и рекомендовать, и тѣмъ сдѣлалъ себѣ два выигрыша: 1) отвелъ отъ наукъ человѣка, который бы сталъ можетъ быть ими дѣйствовать противъ него, если бы при наукахъ остался; 2) сыскалъ себѣ въ помощь недоброжелателя Ломоносову.... Эпинусъ, бывъ здѣсь едва три года (онъ прибылъ въ Петербургъ въ 1756 г.) по контракту, произведенъ коллежскимъ совѣтникомъ, не показавъ ни малой услуги россійскому отечеству, по таубертовой рекомендаціи, и еще мимо старшихъ его иностранныхъ, усердно трудившихся въ наставленіи россійскаго юношества въ университетѣ, отчего Эпинусъ неосновательными отговорками вовсе отказался" [2]).

Намекъ Ломоносова на иностранныхъ, читавшихъ лекціи русскимъ, конечно должно отнести къ Брауну. По словамъ Ломоносова же, Таубертъ, Мюллеръ и Эпинусъ „на Брауна уже не первый разъ нападаютъ за его несклонность къ ихъ коварствамъ, что свидѣтельствуетъ ихъ поступокъ, когда онъ ртуть заморозилъ: ибо Мюллеръ писалъ въ Лейпцигъ именемъ

---

1) I, 3-й портфель Мюллера: Матеріалы для исторіи Академіи наукъ 1751—1764 годовъ; II, книга № 809.

2) Билярскій, стр. 074, 075.

Академіи безъ ея вѣдома, яко бы начало сего новаго опыта произошло отъ профессора Цейгера и Эпинуса, и Брауну, яко бы по случаю, удалось, какъ пѣтуху, сыскать жемчужное зерно....“ [1]) Объ этомъ обстоятельствѣ въ началѣ октября 1760 года былъ посланъ оффиціальный запросъ изъ академической канцеляріи въ конференцію, очевидно составленный Ломоносовымъ, такъ-какъ тамъ дѣло излагалось согласно вышеписаннымъ словамъ его. Въ запросѣ былъ задѣтъ и Эпинусъ, потому что тамъ говорилось, о „неисправностяхъ“ въ его статьѣ касательно замороженія ртути. Тогда Эпинусъ пожелалъ знать, въ чемъ состоятъ эти неисправности? „На сіе Ломоносовъ объявилъ, что неисправности въ томъ состоятъ, что въ ономъ извѣстіи первое замороженіе искусствомъ ртути приписано Цейгеру, который однако жъ ничего сего не учинилъ; притомъ что наблюденіе Ломоносова о ртути въ термометрѣ Делилевомъ, на 1260 градусовъ опустившейся, опровергаемо было....“ Мюллеръ отзывался, что онъ не доставлялъ въ Лейпцигъ извѣстія о Цейгерѣ, такъ-какъ это было исключено изъ его статьи. Когда же Браунъ возразилъ, что однако о Цейгерѣ говорится въ Лейпцигскихъ Комментаріяхъ, то Мюллеръ высказалъ предположеніе, что можетъ быть это сообщено бывшимъ членомъ нашей Академіи Гебенштрейтомъ. Любопытно заключеніе протокола по этому предмету въ октябрѣ 1760 года: послѣ споровъ о статьѣ въ лейпцигскихъ журналахъ, Мюллеръ принялся было читать письмо свое къ академику Гришау, „но понеже Ломоносовъ сначала читать помѣшалъ и мюллеровыхъ представленій, чтобъ прежде письмо выслушалъ, потому что оное состоитъ изъ одной только странички, не принялъ, того ради читать (Мюллеръ) пересталъ, а письмо въ академической журналъ записано“ [2]).

Въ половинѣ ноября 1760 года, Ломоносовъ счелъ нужнымъ написать къ президенту Академіи представленіе, главнѣйшее содержаніе котораго касалось Эпинуса. Прежде всего въ представленіи говорится объ экспериментальной физи-

1) Билярскій, стр. 090, 091.

2) Билярскій, стр. 462, 463.

ческой камерѣ, безпорядокъ которой описанъ не безъ риторическихъ пріемовъ: „лежатъ уже много лѣтъ физическіе инструменты по угламъ разбросаны въ плесени и въ ржавчинѣ, безо всякаго употребленія ни къ новымъ академическимъ изобрѣтеніямъ, ниже для чтенія студентамъ физическихъ лекцій. Г. коллежскій совѣтникъ и физики профессоръ Эпинусъ, не взирая на свою должность, чтобы ему физическую камеру не токмо содержать, но и стараться довольствовать новоизобрѣтенными инструментами, съ самаго своего вступленія въ академическую службу едва бывалъ тамъ, гдѣ валяются физическіе инструменты. А отъ лекцій письменно отказался, предложивъ невозможныя кондиціи. Бывшее отъ меня дружеское напоминаніе превратило его въ горькаго мнѣ непріятеля". Затѣмъ Ломоносовъ обращается къ академической обсерваторіи, которая, по его словамъ, „всегда служила больше къ профессорскимъ ссорамъ, нежели къ наблюденіямъ свѣтилъ". Эпинусъ распоряжался тамъ такимъ образомъ, что не пускалъ туда опытныхъ и заслуженныхъ обсерваторовъ Попова и Красильникова, а между тѣмъ самъ Эпинусъ и его ученикъ Румовскій рѣдко бывали въ обсерваторіи, въ чемъ Ломоносовъ полагалъ умѣстнымъ удостовѣряться самъ такимъ образомъ: „при нѣкоторыхъ не безъ знатныхъ приключеніяхъ небесныхъ, наблюденія достойныхъ, посылалъ я въ ясныя ночи къ обсерваторіи освѣдомиться, что тамъ происходитъ; однако найдено, что не токмо оная заперта, но крыльцо занесено глубокимъ снѣгомъ. И сіе не дивно: г. Эпинусъ, когда еще былъ только физики профессоръ, крайне не радѣлъ о своей должности, а нынѣ уже и астрономъ, и главный директоръ шляхетнаго кадетскаго корпуса; притомъ человѣкъ случайный...." Далѣе Ломоносовъ, упоминая, что „на будущее лѣто готовятся обсерваторію перелаживать по нраву г. Эпинуса", прибавляетъ: „все сіе чинится для того, какъ бы безъ труда брать жалованье, а съ другой стороны (т. е. Тауберта, котораго впослѣдствіи и Екатерина II признавала за казнокрада [1]), чтобы чаще были подряды. „Все

1) Исторія Академіи наукъ, I, 663—668.

сіе, кончалъ нашъ академикъ, требуетъ отъ вашего сіятельства внимательнаго и дѣйствительнаго призрѣнія". Въ слѣдъ за тѣмъ Ломоносовъ написалъ было: „безъ опущенія времени, ибо хотя оные мнѣ отъ вашего сіятельства по силѣ генеральнаго регламента и поручены какъ человѣку, довольно знающему профессіи разныхъ наукъ академическихъ; однако несмотря на то, ниже на долговременную мою вѣрную и ревностную службу и въ ученомъ свѣтѣ извѣстные мериты, всячески стараются недоброхоты мои произвести въ членахъ данному отъ васъ мнѣ авторитету презрѣніе" [1]). Понятно, что Ломоносовъ это мѣсто потомъ выключилъ, потому что здѣсь высказывались слишкомъ ясно личныя побужденія его, и ограничился только такимъ заключеніемъ: „кромѣ того воспослѣдовать могутъ еще хуже обстоятельства прикрыя и предосудительныя".

Графъ Разумовскій ничего не сдѣлалъ по представленію Ломоносова, а между тѣмъ у послѣдняго непріятности съ Эпинусомъ возобновлялись даже при такихъ случаяхъ, при которыхъ всего бы менѣе можно было ожидать того, какъ напр. по поводу наблюденія прохожденія Венеры мимо солнца.

Въ издававшемся Мюллеромъ періодическомъ сборникѣ „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе, октябрь 1760 г. (стр. 359—371), Эпинусъ напечаталъ „Извѣстіе о наступающемъ прохожденіи Венеры между солнцемъ и землею". „Намѣреніе мое, говоритъ здѣсь Эпинусъ, единственно состоитъ въ томъ, чтобъ обществу подать достаточное понятіе о семъ явленіи, и показать истинную и несравненную пользу, которой какъ науки, такъ и весь родъ человѣческой отъ точнаго наблюденія онаго ожидать имѣютъ...." Ломоносовъ находилъ, что приложенный при этой статьѣ чертежъ о прохожденіи Венеры былъ невѣренъ. Услыхавъ о томъ, Эпинусъ подалъ въ академическое собраніе, 1 декабря 1760 года, возраже-

---

1) У Билярскаго это представленіе, на стр. 469—471. По сравненіи съ черновымъ подлинникомъ, хранящимся въ собраніи бумагъ г. Орлова, оказывается въ началѣ пропускъ послѣ словъ «и опредѣлено отъ вашего сіятельства» *по моей должности и совѣсти* не могу преминуть и т. д. Кромѣ того не выписано вышеприведеннаго, зачеркнутаго мѣста.

нія, въ которыхъ утверждалъ, что въ обнародованномъ имъ чертежѣ нѣтъ никакой ошибки. Съ своей стороны и Ломоносовъ въ академическомъ собраніи, 8 декабря, читалъ доказательства промаха Эпинуса, кончавшіяся такъ: „И потому г. Эпинусъ напрасно въ академическомъ собраніи жалуется и старается загладить свои погрѣшности, да и по нынѣ не престаетъ нарушать спокойствіе Музъ. А я признаюсь что и гдѣ о его сочиненіи говорилъ, понеже все, что до наукъ касается, поручено въ мое смотрѣніе, а г. Эпинусъ безъ моего вѣдома издалъ свое сочиненіе, того ради жаловался я въ канцеляріи, услышавъ о учиненной тамъ погрѣшности, да и самъ я, хотя инымъ образомъ оную усмотрѣлъ, объявилъ моимъ товарищамъ. И такъ справедливо-ли можетъ жаловаться г. Эпинусъ, который непріятелей моихъ недавно побуждалъ и нѣкоторыхъ академиковъ просилъ, чтобъ противъ меня возстали? Не упоминая о другомъ, прошу г. Эпинуса, чтобъ сіе письмо великодушно разсмотрѣлъ и пересталъ бы непріятельства и ссоры производить, вѣдая 1) что услуги мои въ отечествѣ и въ ученомъ свѣтѣ несравненно больше, нежели чтобъ онъ достоинство и важность оныхъ хотя мало помрачить могъ; 2) въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ онъ упражняется, я не совсѣмъ неискусенъ, такъ чтобъ ему разсужденіе мое о его сочиненіяхъ презирать можно было; 3) взирая на многіе примѣры, должно ему остерегаться, чтобъ и съ нимъ того же, что со многими учинилось, не воспослѣдовало, дабы со временемъ отъ самыхъ защитителей своихъ не былъ посмѣянъ и не былъ бы подверженъ худымъ послѣдствіямъ; 4) наконецъ долженъ г. Эпинусъ съ тѣми примириться, съ коими въ отечествѣ нашемъ общими силами распространять науки присягою обязался“. Эпинусъ не былъ въ этомъ засѣданіи, а потому просилъ прислать къ нему объясненія Ломоносова. Дальнѣйшихъ извѣстій объ этой распрѣ двухъ академиковъ нѣтъ, однако въ бумагахъ Ломоносова сохранилась статья его: Показаніе пути Венерина по солнечной плоскости, какимъ образомъ покажется наблюдателямъ и смотрителямъ въ разныхъ частяхъ свѣта, мая 26 дня 1761 года, по изчисленію Академіи наукъ коллежскаго совѣтника, химіи

профессора и члена королевской шведской Академіи наукъ (въ рукописи не дописано). Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „причину къ сему показанію подалъ мнѣ неисправный и недостаточный чертежъ пути помянутыя планеты въ напечатанномъ здѣсь извѣстіи о прохожденіи Венеры между солнцемъ и землею, по которому не токмо любопытные смотрители, но и сами посылаемые въ Сибирь обсерваторы въ примѣчаніи вступленія Венеры на солнечную плоскость и видимое движеніе по оной могутъ обмануться“ [1]).

Послѣднее событіе изъ борьбы, веденной особенно горячо Ломоносовымъ съ его непріятелями въ 1760 г., было по поводу ошибки нѣмецкаго перевода въ S.-Petersburger Zeitung реляціи о взятіи русскими войсками Берлина [2]). 9 декабря 1760 г. Ломоносовъ подалъ представленіе въ академическую канцелярію, начинавшееся такъ: „Съ сожалѣніемъ я слышалъ, что не токмо въ городѣ, но и при дворѣ ея императорскаго величества знатныя особы негодуютъ на канцеляріи академической несправедливый поступокъ, что она по сіе время не учинила изысканія и разсмотрѣнія о томъ, какимъ образомъ и отъ кого произошли непростительныя погрѣшности при переводѣ и печатаніи реляціи о взятіи Берлина и не учинено виноватымъ въ томъ штрафа; напротивъ же того корректоръ Барсовъ штрафованъ за то, что сдѣлалъ прошибку въ титулѣ знатнаго человѣка....“ [3]) Ломоносовъ и Штелинъ подписали за тѣмъ опре-

---

1) Само собою разумѣется, что вопросъ, кто былъ правъ въ настоящей распрѣ, Ломоносовъ или Эпинусъ, можетъ быть рѣшенъ только спеціалистами, которые объ этомъ предметѣ должны прочесть, кромѣ указанной выше статьи Эпинуса въ изданіи Мюллера, у Билярскаго, стр. 476—480. Статья Ломоносова «Показаніе пути Венерина» и пр. напечатана г. Будиловичемъ въ его сборникѣ Ломоносовъ, какъ писатель (Спб. 1871), 281—284.

2) Въ чемъ заключалась эта ошибка, я не могъ узнать, потому что S.-Petersburger Zeitung за 1760 годъ не нашлось въ извѣстныхъ петербургскихъ библіотекахъ. Реляціи о взятіи Берлина въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ помѣщены въ №№ 85 и 87.

3) 20 ноября 1760 г. состоялось постановленіе въ академической канцеляріи, въ силу котораго корректоръ Барсовъ былъ нѣкоторое время арестованъ и разжалованъ въ копіисты за то, что въ одномъ объявленіи при С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, вмѣ-

дѣленіе о производствѣ по этому обстоятельству формальнаго изслѣдованія. Впрочемъ, это распоряженіе кончилось ничѣмъ: Тауберть на столько чувствовалъ себя сильнымъ, что изорвалъ отвѣтъ, написанный было Стафенгагеномъ, принимавшимъ участіе въ изданіи нѣмецкихъ Вѣдомостей, и не считалъ себя обязаннымъ давать какія бы то ни было объясненія по требованіямъ Ломоносова [1]).

Объ учено-литературныхъ занятіяхъ и трудахъ нашего академика въ 1760 году извѣстно, что 10 января того года онъ предлагалъ въ академическомъ собраніи „проектъ твердаго термометра", который тогда же опредѣлено было сработать, а 28 января Ломоносовымъ уже былъ предъявленъ сочленамъ „воздушный горизонтальный термометръ на подобіе термометра для примѣчанія большихъ градусовъ искусствомъ произведенной стужи". 10 же января Ломоносовъ предлагалъ, и прочіе академики одобрили „поставить въ академическихъ покояхъ универсальный барометръ, потому что пендулъ тамъ уже утвержденъ, дабы можно было видѣть согласіе оныхъ" [2]).

Въ мартѣ 1760 года академическая канцелярія постановила напечатать второе изданіе сокращенной физики Вольфа въ переводѣ Ломоносова, о которомъ уже было говорено выше

сто дѣйствительнаго камергера названъ дѣйствительнымъ камердинеромъ (II, книга № 471).

1) Билярскій, стр. 480, 481. Въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ г. Орлова сохраняется замѣтка Ломоносова, которую можно отнести ко времени, когда была сдѣлана ошибка въ помянутой статьѣ о взятіи Берлина: «Не присутствовать NB. NB. 1. Таубертъ по тому совершенно виноватъ, что о изысканіи дѣла совершенно умалчивалъ затѣмъ, что онъ тому причина. Ему бы надлежало паче всѣхъ стараться и спѣшить для своего оправданія. 2. Хотя и вездѣ должно наблюдать свою должность, однако въ семъ важномъ дѣлѣ много осторожнѣе: Берлинъ однажды былъ взятъ. 3. Дѣло весьма невеликое два листа прочесть на недѣлю».

Вмѣстѣ съ этой же замѣткой на одномъ листкѣ есть набросокъ Ломоносова какихъ-то стиховъ:

Кто хочетъ походить по пнямъ и по болоту
По кочкамъ, по грязи и збить къ ходьбѣ охоту?
Кто по́ грязи, по пнямъ, по кочкамъ по болоту
Желаетъ / Кто хочетъ / Коль хочетъ } сбить свою къ хожденію охоту
Тотъ походи по пнямъ, по камнямъ, по болоту.
Гдѣ тернъ, крапива, грязь, и ржавчина и пыль
(Не хочешь впредь читать) читай ....овъ штиль
Спѣшишь отстать отъ книгъ.

2) Билярскій, стр. 402, 425.

на стр. 352, 363—365. Это распоряженіе исполнено въ томъ же году, и книга вышла подъ заглавіемъ: Волфіянская експериментальная физика съ нѣмецкаго подлинника на латинскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго на россійскій языкъ перевелъ Михайло Ломоносовъ. Напечатана вторымъ тисненіемъ съ прибавленіями. Въ Санктпетербургѣ, при императорской Академіи наукъ. 1760[1]). Второе изданіе обращаетъ на себя вниманіе въ особенности по тому, что въ концѣ его помѣщены „Прабавленія къ експериментальной физикѣ". Ихъ всего шесть, и только въ одномъ, именно пятомъ, „О новыхъ рукодѣланныхъ магнитахъ" говорится объ изобрѣтеніи и способѣ, принадлежащихъ постороннимъ ученымъ; во всѣхъ же остальныхъ прибавленіяхъ Ломоносовъ сообщаетъ вкратцѣ содержаніе своихъ собственныхъ статей, помѣщенныхъ въ Новыхъ Комментаріяхъ нашей Академіи наукъ. Такимъ образомъ въ первомъ прибавленіи послѣ сообщенія, что „при раздѣленіи частицъ тѣла, разсѣянной и заключенной между ними воздухъ освобождается и союзнымъ дѣйствіемъ силы свои увеличиваетъ безмѣрно" указывается: „изъясненіе сего показано мною ученому свѣту въ академическихъ новыхъ комментаріяхъ въ томѣ перьвомъ въ рассужденіи о упругости воздуха". Во второмъ прибавленіи говорится о погруженіи высшихъ слоевъ воздуха въ нижніе и за тѣмъ добавлено: „сіе доказано въ моемъ словѣ о електрическихъ воздушныхъ явленіяхъ". Третье прибавленіе прямо начинается такъ: „Для опроверженія теплотворной нарочной матеріи, а особливо ея прехожденія, и для установленія моей системы теплотворнаго движенія, предлагаю здѣсь сокращеніе диссертаціи о причинѣ теплоты и стужи, изъ академическихъ новыхъ комментаріевъ въ томѣ перьвомъ...." Прибавленіе четвертое заключается въ слѣдующемъ краткомъ заявленіи: „Истолкованія и доказательства моей новой теоріи о цвѣтахъ ясно видѣть можно въ

1) Въ 8°, 18 нен., 183 нум. и 16 нен. стр. и 7 таблицъ гравированныхъ на мѣди чертежей. Втораго изданія печатался одинъ заводъ. 19 октября 1760 года въ академической канцеляріи было постановлено: «г. Ломоносову за сочиненіе къ новой физики едиціи (sic) выдать ему оной, по примѣру прочихъ авторовъ, 12 экземпляровъ (II, книга № 257).

рѣчи о происхожденіи свѣта и цвѣтовъ. Здѣсь только объявляю кратко, что въ числѣ цвѣтовъ правѣе Маріоттъ, нежели Невтонъ, и что изъ краснаго, желтаго и голубаго всѣ протчія цвѣты происходятъ". Шестое прибавленіе „о електрической силѣ" кончается такъ: „Пространное свойствъ и дѣйствъ сего явленія на воздухѣ истолкованіе въ словѣ о воздушныхъ явленіяхъ въ атмосферѣ, а краткую всего причину въ словѣ моемъ о происхожденіи свѣта читать могутъ любители натуральной науки".

Всѣ сейчасъ упомянутыя диссертаціи Ломоносова были разсматриваемы и оцѣнены въ отношеніи ихъ научнаго значенія позднѣйшими учеными, отзывы которыхъ занесены на страницы настоящаго жизнеописанія, а потому распространяться о томъ излишне. Замѣчательно только въ этомъ случаѣ собственно для характеристики Ломоносова то значеніе, которое онъ придавалъ собственнымъ изслѣдованіямъ своимъ. Это еще явственнѣе высказывается въ новомъ посвященіи перевода графу Михаилу Воронцову. Здѣсь въ началѣ, послѣ напоминанія, что хотя физика Вольфа и устарѣла, такъ-какъ „знаніе естественныхъ дѣйствій возъимѣло великіе успѣхи, и физическое ученіе пріобрѣло знатное приращеніе, однако этотъ недостатокъ въ изданіи русскаго перевода восполняется присовокупленіемъ краткаго описанія новыхъ физическихъ изобрѣтеній: „новыя изобрѣтенія въ физикѣ, продолжаетъ Ломоносовъ, имѣютъ разныя степени важности. Иныя только въ поправленіяхъ, иныя въ цѣлыхъ состоятъ основаніяхъ, отъ коихъ вся система физическаго ученія новой видъ принять долженствуетъ. Для краткости предлагаю здѣсь токмо самыя важныя, оставивъ другія, а особливо кои по большей части показываютъ поправленіе нѣкоторыхъ инструментовъ и способнѣйшее ихъ употребленіе. Сіи прибавленія не токмо что служить будутъ къ наставленію, но и вмѣсто краткаго показанія цѣлой моей физической системы, особливожъ въ тѣхъ частяхъ натуральной науки, кои должны изъяснять дѣйствія и перемѣны, зависящія отъ тончайшихъ нечувствительныхъ частицъ тѣла составляющихъ; каковы суть теплота и стужа, твердость и жидкость, химическія перемѣны, вкусы, упругость, цвѣты и протчая".

И такъ Ломоносовъ не сомнѣвался, что изъ всѣхъ современныхъ изслѣдованій по физикѣ, его—долженствовали произвести переворотъ въ наукѣ и потому одни и заслуживали упоминанія. Высказавъ такимъ образомъ мнѣніе о значеніи своихъ статей по части физики, нашъ академикъ за тѣмъ находилъ умѣстнымъ вставить въ посвященіи такія похвалы графу М. Воронцову. „Изысканіе причины цвѣтовъ, продолжаетъ Ломоносовъ, хотя мнѣ всегда было пріятнѣе всѣхъ физическихъ изслѣдованій, особливо жъ для того, что оно больше зависитъ отъ химіи, моей главной профессіи; однако возбудилось во мнѣ большее желаніе къ испытанію оныя, когда Вашего сіятельства достохвальнымъ любопытствомъ по окончаніи Вашего дальнаго по знатнѣйшимъ Европейскимъ государствамъ путешествія, привезены въ Россію лучшія Мозаичныя изображенія изъ Рима, гдѣ сіе многотрудное искусство процвѣтаетъ, и гдѣ знатнѣйшія во всемъ свѣтѣ огромныя публичныя строенія имъ украшаютъ, не щадя великаго иждивенія. И такъ сколько испытаніе физическихъ причинъ разные цвѣты производящихъ, столько жъ, или еще больше, примѣры Римской Мозаики и Вашего сіятельства милостивое ободреніе побудило меня предпріять снисканіе Мозаичнаго художества. Каковы мои успѣхи въ новой теоріи о цвѣтахъ и въ Мозаичной практикѣ, тому показаны опыты въ моей рѣчи говоренной въ Академическомъ собраніи 1756 года іюля 1 дня, и въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ вышепомянутымъ мастерствомъ составленныхъ. О семъ упоминаю токмо для моей должности, дабы показать, коль много вспомоществовать могутъ къ приращенію наукъ и художествъ высокіе благодѣтели упражняющимся въ оныхъ, которымъ Ваше сіятельство достохвальной примѣръ представляете....“

По порученію графа М. Воронцова и И. Шувалова, Ломоносовъ составилъ четыре образца медали, которую слѣдовало выбить въ память побѣды русскихъ войскъ надъ пруссаками при Франкфуртѣ. Эти образцы были представлены въ академическомъ засѣданіи 28 февраля 1760 года [1]), и черновой и бѣ-

1) Билярскій, стр. 430.

ловой экземпляры ихъ хранятся въ ломоносовскомъ сборникѣ академической библіотеки, f°, № 57, лл. 461, 462.

12 іюня 1760 года въ академической канцеляріи было опредѣлено печатать сочиненный Ломоносовымъ Лѣтописецъ съ родословіемъ, который и былъ напечатанъ въ концѣ того же года подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Краткой россійской лѣтописецъ съ родословіемъ. Сочиненіе Михайла Ломоносова. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ, 1760 года[1]). Ломоносовъ посвятилъ эту книжку великому князю Павлу Петровичу, къ которому вначалѣ обращены стихи съ пророчествомъ, что онъ современемъ пойдетъ по слѣдамъ Петра Великаго и Елисаветы. Напечатанное за стихами „Показаніе россійской древности, сокращенное изъ сочиняющейся пространной исторіи“ заключаетъ въ себѣ мнѣніе Ломоносова о происхожденіи Руси, высказанное имъ при разборѣ диссертаціи Мюллера. Дѣянія великихъ князей и царей русскихъ описаны кратко. Послѣднимъ помѣщенъ Петръ Великій; подробность о его дѣтствѣ, вѣроятно, записанная съ разсказовъ современниковъ, заслуживаетъ вниманія. Послѣ того напеча-

1) Въ 8°, 12 нен. и 75 нум. страницъ. Сначала этой книги велѣно было печатать 1200 экз. на заморской комментарной и по шести экз. на александрійской и любской бумагѣ; впослѣдствіи это количество было увеличено, и книги вышло 2406 экзем., которые обошлись 277 руб. 32 коп., а продавался каждый по 25 коп. (II, книги №№ 255 и 261; Билярскій, стр. 456 и 511). Это произведеніе Ломоносова переведено на нѣмецкій языкъ сыномъ академика Якова Штелина — Петромъ, и потомъ издано два раза въ 1767 и 1771 годахъ, подъ заглавіемъ: Kurzgefasstes Jahrbuch der russischen Regenten. Билярскій (стр. 037), а за нимъ и г. Будиловичъ (Сборникъ отдѣленія рус. яз. и слов. Академіи наукъ, VIII, № 1, 89) полагаютъ, что въ запискѣ Ломоносова къ Штелину, помѣщенной девятою въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, 1859 г., II, отд. 3, апр. 196, 197, дѣло идетъ о Шлецерѣ, такъ какъ тамъ напечатано *H. Sch.*, но по сличеніи печатнаго текста съ подлинною запискою оказывается, что вмѣсто Sch. слѣдуетъ читать Sohn. Тогда становится яснымъ, что Ломоносовъ писалъ къ Штелину-отцу о стараніи сына его, которое, какъ я думаю, относилось къ вышеозначенному переводу. Вотъ самая записка, провѣренная по рукописи: Ich werde allemahl für die Bemühung von Ihrem H. Sohn dankbar bleiben und ferne sey, dasz ich ihn blamiren oder abschrecken soll, will auf alle Art suchen aufzumuntern. Denn spreche, wie ich denke, nicht wie die Katze, die vorne lecken und hinter kratzen. Ex. gr. il bel quadro! es war aber nur eine Esquisse, oder nur eine Idee. 27 x-bre 1764.

тано „Родословіе россійскихъ государей мужескаго и женскаго полу и брачные союзы съ иностранными государями“, написанное, какъ указано выше въ примѣчаніи на стр. 199, помощникомъ библіотекаря при Академіи Богдановымъ.

Въ торжественномъ засѣданіи Академіи наукъ 6 сентября 1760 г. Ломоносовъ читалъ рѣчь[1]), которая была напечатана тогда же, подъ заглавіемъ: Рассужденіе о твердости и жидкости тѣлъ ради торжественнаго праздника тезоименитства ея величества всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, въ публичномъ собраніи императорской Академіи наукъ сентября 6 дня 1760 года читанное господиномъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ, и королевской шведской Академіи наукъ членомъ Михайломъ Ломоносовымъ. Въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ[2]). Это произведеніе нашего академика постигла странная участь: его забыли внесть въ наиболѣе распространенныя изданія собраній сочиненій, такъ что оно было потомъ перепечатано только одинъ разъ въ изданіи 1778 года, приготовленномъ Дамаскинымъ и которое нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость. Неудивительно поэтому, что о Разсужденіи Ломоносова касательно твердости и жидкости тѣлъ не встрѣчается упоминанія ни въ одномъ отзывѣ позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Здѣсь Ломоносовъ является по прежнему противникомъ существованія притягательной силы, которую называетъ мнимою; по его словамъ „самъ Нев-

1) Въ то же засѣданіе читалъ на латинскомъ языкѣ рѣчь академикъ Браунъ: О удивительной стужѣ, искусствомъ произведенной (въ 4°, 30 стр.), и здѣсь на стр. 26, разсказывается, что открытіе его о замороженіи ртути подтвердилось опытами Ломоносова, Цейгера, Эпинуса и Моделя. Разсужденіе Ломоносова о твердости и жидкости тѣлъ начинается упоминаніемъ именно объ этой рѣчи Брауна, прочитанной имъ, 6 сентября 1760 г., прежде Ломоносова.

2) Въ 4°, 22 ненум. стр. съ таблицею гравированныхъ на мѣди чертежей. Это разсужденіе напечатано было и вмѣстѣ съ рѣчью Брауна De admirando frigore artificiali — 248 экз., и отдѣльно 478 экз., изъ коихъ 6 на александрійской бумагѣ. Каждый экземпляръ обошелся по 6 копеекъ, безъ нѣсколькихъ долей, и продавался по 6 коп. (II, книги №№ 256, 257). Въ январѣ 1761 года было отпечатано 412 экз. этого же самаго разсужденія въ латинскомъ переводѣ: Meditationes de solido et fluido, in 4°, 18 стр. и таблица.

тонъ, которой притягательной силы не принималъ въ жизни, по смерти учинился невольной ея предстатель излишнимъ послѣдователей своихъ радѣніемъ". Далѣе авторъ рѣшительно говоритъ: „Доказано мною прежде сего (въ Разсужденіи о причинахъ теплоты и стужи), что Елементарной огонь Аристотельской, или по новыхъ ученыхъ штилю теплотворная особливая матерія, которая изъ тѣла въ тѣло переходя и странствуя, скитается безъ всякой малѣйшей вѣроятной причины, есть одинъ только вымыслъ; и купно утверждено, что огонь и теплота состоитъ въ коловратномъ движеніи частицъ, а особливо самой матеріи тѣла составляющія. Сія моя система отъ неосновательныхъ возраженій защищена, и тщетныя прекословія во тщету вмѣнились. И сверхъ того новыя пріобрѣла неподвижныя утвержденія (въ Словѣ о происхожденіи свѣта и цвѣтовъ)...." Наконецъ, Ломоносовъ подробно разсказалъ о томъ, какъ у него, при искусственномъ охлажденіи, ртуть опустилась до 1260 градусовъ, въ чемъ какъ видѣли выше, на стран. 699, сомнѣвался Эпинусъ. Въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ, хранящихся у Н. М. Орлова, есть черновой набросокъ этого разсуждні ія Ломоносова, который помѣщенъ въ приложеніи XI.

На стр. 632 было говорено, что въ сентябрѣ 1757 года И. Шуваловъ заказалъ Ломоносову мозаическій портретъ императрицы Елисаветы. 3 марта 1760 года, Ломоносовъ писалъ къ этому вельможѣ: „По вашего высокопревосходительства повелѣнію составляется мозаичной портретъ для московскаго университета, и уже приходитъ къ окончанію, и нынѣшнею весною готовъ будетъ. Между тѣмъ недостатки мои принуждаютъ показать вамъ счотъ, во что онъ мнѣ нынѣ стóитъ, и всепокорнѣйше просить васъ, милостиваго государя, о вспоможеніи, чтобы я въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ могъ исправиться деньгами. Ежели угодно освидѣтельствовать, то оная работа здѣсь и трудящіеся мастеровые люди. Ожидая милостиваго неостановленія, съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ пребываю" и пр. [1]).

1) При этомъ письмѣ приложенъ «Счетъ во что стало по сіе время дѣланіе мозаичнаго портрета ея величества для московскаго университета:

26 октября 1760 года послѣдовало, наконецъ, давно ожидавшееся Ломоносовымъ разрѣшеніе о заказѣ отъ казны работы на его мозаичной фабрикѣ (см. выше, стр. 632—635, 660—661). На сенатской докладъ о памятникѣ надъ гробомъ Петра Великаго послѣдовало рѣшеніе императрицы, что „столько должная имперіи къ благодѣтелю своему благодарность уже давно обязывала бъ воздвигнуть монументъ, памяти его достойный.“ При сообщеніи этого рѣшенія, придворная конференція дала знать, что „мозаичная работа въ великомъ почтеніи и сама собою имперіи славу приноситъ, слѣдовательно, по разсмотрѣнію, можетъ, между другимъ, при сооруженіи употреблена быть.“ За тѣмъ потребованы были относительно сооруженія памятника мнѣнія отъ Академіи наукъ и отъ И. Шувалова, какъ главнаго директора Академіи художествъ. Ломоносовъ хлопоталъ о скорѣйшемъ доставленіи изъ Академіи наукъ затребованнаго мнѣнія, и въ одной запискѣ этой эпохи къ своему товарищу Штелину, завѣдывавшему художественною частью въ Академіи наукъ, писалъ: „Между тѣмъ покорнѣйше прошу не медлить съ проектомъ монумента, потому что мнѣ нужны χρῆμα, pecuniam, деньги, Geld, argent, ratra“ [1]).

Наконецъ изъ академической канцеляріи представлены были сенату въ мартѣ 1761 года требованные проекты и рисунки „Академіи художествъ директора и инвентора Штелина,

---

мастеру мозаичныхъ составовъ въ годъ 80 руб. Двоимъ наборщикамъ по 50 р. 100 руб. Ученику 25 руб. Матерію тянутъ, разрѣзываютъ, мастику готовятъ и варятъ, прошлифовываютъ куски четыре человѣка по 25 р.—100 руб. Двое стеклянныхъ плавильщиковъ и гончаръ по 25 р. — 75 руб. Работниковъ—рубить дрова, жечь уголье, печи въ лабораторіи и въ мастерскихъ топить, матеріалы толочь и сѣять, глину мять, 8 человѣкъ по 18 р. — 144 р. И того за работу въ два года 1048 руб. Ординарной мозаичной матеріи 9 футовъ; на футъ исходитъ около двухъ пудъ, считая съ обломками и съ отшлифовками пудъ по 3 руб. — 54 р. Дорогой матеріи 3 фута квадратныхъ съ обломками и съ опилками 6 пудъ, по 10 руб. пудъ — 60 руб. Сковорода 24 руб. Крестъ 2 р. 60 к. Проволока 1 р. 60 к. Мастики и горшковъ въ чемъ варить по 1 руб. на футъ — 12 руб. Всего 1201 р. 20 коп.» Въ концѣ этого счета подпись Ломоносова: «Въ прошломъ 1757 году пятьсотъ рублевъ получено». Какъ письмо, такъ и счетъ—въ сборникѣ ломоносовскихъ бумагъ, пожертвованныхъ Академіи наукъ П. Мухановымъ.

1) Лѣтописи русской литературы и древности 1859, кн. II, отд. 3, 195.

архитектора Шумахера, також живописнаго и рисовальнаго мастеровъ". По этому поводу въ собраніе правительствующаго сената, 29 марта 1761 года „впущенъ былъ . . . совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ, и смотрѣны поданные отъ него и отъ надворнаго совѣтника Штелина и прочихъ о томъ сооруженіи означеннаго монумента и для изображенія ко оному славныхъ государя императора Петра Великаго дѣлъ мозаичными картинами рисунки..." Тогда же послѣ этого разсмотрѣнія, въ сенатѣ было постановлено: „...Ломоносовъ, поданнымъ своимъ доношеніемъ проситъ о выдачѣ ему для начатія заблаговременно объявленнаго мозаичнаго строенія дѣломъ и для заплаты его долгу въ банкѣ на первый случай денегъ шести тысячъ рублей; то во что мозаичныя картины стать могутъ, подать ему, Ломоносову, въ правительствующій сенатъ вѣрный счетъ, почему тогда и о тѣхъ просимыхъ имъ деньгахъ разсмотрѣніе учинено быть имѣетъ...."[1]) Вслѣдствіе того Ломоносовъ поспѣшилъ составить новое примѣрное изчисленіе расходовъ на мозаичныя картины въ петропавловскомъ соборѣ, по которому, вмѣсто прежнихъ 148.682 рублей, показано имъ 80.764 руб. 10 коп. 14 іюня 1761 года сенатъ велѣлъ выдать Ломоносову въ счетъ этой суммы просимыя имъ 6000 рублей [2]). Кромѣ того, сенатъ ему назначилъ пять учениковъ живописнаго художества для работы на его мозаичной фабрики [3]).

Быть можетъ въ благодарность за вышепомянутое разрѣшеніе, послѣдовавшее 26 октября 1760 года, Ломоносовъ въ ноябрѣ того же года приступилъ къ печатанію давно и часто обѣщанной имъ И. Шувалову поэмы о Петрѣ Великомъ. Догадка эта подтверждается еще и тѣмъ, что хотя поэмы написано было только начало, однако тѣмъ не менѣе приступлено къ печатанію ея выпусками, и при первомъ есть посвященіе всесильному любимцу императрицы Елисаветы. Первая пѣснь,

---

1) Изъ копій, доставленныхъ въ библіотеку Академіи наукъ отъ сенатора Калачева; книга прав. сената 1761 г. № $^{872}/_{32}$, л. 887.

2) Билярскій, стр. 471, 472; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1867, кн. II, смѣсь, 17—19.

3) Билярскій, стр. 538, 539.

безъ выходнаго листа, съ заглавіемъ: „Петръ Великій, героическая поэма Михайла Ломоносова“, была окончена печатаніемъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1760 года, а вторая пѣснь — въ іюлѣ 1761 года [1]).

Въ посвященіи, подъ которымъ Ломоносовъ подписалъ 1 ноября 1760 года, когда былъ день рожденія И. Шувалова, стихотворецъ такимъ образомъ обращается къ временщику:

Начáло моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мои, любя Россійско слово,
И тѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей путь пустился я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сія дана Тебѣ доброта,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видитъ Твой и просвѣщенный умъ
Гдѣ мысли важныя и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ твоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну утомленъ,
Вниманіемъ Твоимъ восстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
. . . .
Однакожъ я отнюдъ надежды не лишенъ:
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудѣ словами
Стремлюся на Парнассъ, какъ легкими крилами.
Въ разборѣ убѣжденъ о правотѣ Твоей,
Пренебрегаю злыхъ роптаніе людей.
И естьли въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжется мой вѣкъ недоброхотнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ за всегда защитники такія,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

„Въ двухъ пѣсняхъ поэмы: Петръ Великій, говоритъ г. Галаховъ, Ломоносовъ слѣдовалъ Виргилію и въ планѣ, и въ

---

1) Билярскій, стр. 482, 532. Первой пѣсни печатано 625 экз., стоившихъ 69 р. 3 к.; второй — 600 экз., которые обошлись 22 руб. 50 коп.; продавался каждый по 20 коп. (II, книга № 263).

частностяхъ. Первая пѣснь есть сокращенное подражаніе первымъ двумъ пѣснямъ Энеиды: подобно Энею, Петръ I претерпѣваетъ бурю; какъ Эней разсказываетъ Дидонѣ о разореніи Трои, такъ русскій царь разсказываетъ настоятелю соловецкаго монастыря о стрѣлецкихъ бунтахъ" [1]).

Сумароковъ на эту поэму Ломоносова написалъ эпиграмму въ формѣ эпитафіи:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Ѳирсъ Ѳирсовичъ Гомеръ,
Который пѣлъ, не знавъ галиматіи мѣръ.
Великаго воспѣть онъ мужа устремился:
Отважился, дерзнулъ, запѣлъ и осрамился,
Оставивъ по себѣ потомству вѣчный смѣхъ.
Онъ море обѣщалъ, а вылилася лужа,
Прохожій! возгласи въ душѣ имъ пѣта мужа:
Великая душа, прости вралю сей грѣхъ! [2])

Впрочемъ, кромѣ этой эпиграммы, въ 1760 году у Сумарокова продолжалась стихотворная перепалка съ Ломоносовымъ. По прекращеніи въ 1759 г. Трудолюбивой Пчелы, Сумароковъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ 1760 году въ періодическомъ изданіи, носившемъ заглавіе: Праздное время въ пользу употребленное. Здѣсь въ февральскомъ выпускѣ, на стр. 146—148 напечатана Притча Сумарокова: Оселъ во львовой кожѣ. Содержаніе ея заключается въ томъ, что оселъ, послѣ смерти льва, одѣлся въ львиную кожу и отъ того сдѣлался чрезвычайно гордъ, какъ мужикъ, ставшій откупщикомъ и богачемъ, или подобно тому, когда увидишь въ чести дурака,

Или въ чину урода
Изъ сама подла рода,
Котораго пахать произвела природа.
Ворчалъ,
Мычалъ,
Рычалъ,
Кричалъ,

1) Исторія русской словесности г. Галахова, (Спб.. 1863), I, 343, 344.

2) Полное собраніе сочиненій Сумарокова, изд. 2, IX, 139. Объ эпиграммѣ Державина на это произведеніе Сумарокова, см. Сочиненія Державина, изд. Академіи наукъ подъ редакціею г. Я. Грота, III, 247, 248.

На всѣхъ сердился.
Великій Александръ толико не гордился —
Таковъ нашъ сталъ оселъ:
Казалося ему, что онъ судьею сѣлъ.

Не долго, однако, ослу воздавали почести, достойныя царю звѣрей: лиса взяла на себя смѣлость явиться къ нему „милости искать“, и расточала передъ нимъ много похвалъ —

Но вдругъ увидѣла, всѣ лести тѣ пропѣвъ,
Что то оселъ, не левъ.
Лисица зароптала,
Что, вмѣсто льва, осла всѣмъ сердцемъ почитала.

Въ тѣ времена число писателей было весьма незначительно, а потому неудивительно, что тотъ изъ нихъ, который, будучи рождетъ во крестьянствѣ, достигъ чина коллежскаго совѣтника и притомъ не столько отличался миролюбивымъ нравомъ, сколько высокимъ о себѣ мнѣніемъ, тотъ долженъ былъ принять на свой счетъ изображеніе осла въ львиной кожѣ. Подъ лисою, быть-можетъ, Сумароковъ разумѣлъ самого себя: онъ, дѣйствительно, прежде, чѣмъ разсорился съ Ломоносовымъ, былъ съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, о чемъ не разъ упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ. Такъ напр.: „Г. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ короткое знакомство и ежедневное обхожденіе, и не рѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли...“ „О Ломоносовъ, Ломоносовъ, восклицаетъ въ другомъ мѣстѣ Сумароковъ, что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей симъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія! Сіе тебѣ въ возмездіе, что ты участныя имѣя со мною распри, часто мнѣ противоборствовалъ и во правописаніи и въ другомъ, касающемся до нашего языка, въ чемъ мы прежде нашихъ участныхъ ссоръ и распрей всегда согласны были, и когда мы другъ отъ друга совѣты принимали, ругаяся несмысленнымъ писателямъ, которыхъ тогда еще мало было и переводу Аргениды...“ Или: „Жаль того, что въ кое время мы съ г. Ломоносовымъ были пріятели и ежедневные

собесѣдники и другъ отъ друга принимали здравые совѣты, я самъ тогда тонкости стопосложенія не зналъ!..." [1])

Такъ Сумароковъ писалъ, впрочемъ, уже послѣ кончины Ломоносова, но въ 1760 году вражда между ними была въ полномъ разгарѣ, и на вышепомянутую басню явилась пародія, которая въ моемъ рукописномъ сборникѣ находится съ такимъ заглавіемъ: Свинья въ лисьей кожѣ на г. С..... сочинена г. Ломоносовымъ. Здѣсь лиса, приходившая ко льву, оказывается переодѣтою свиньею.

Пришла предъ льва свинья и милости просила.
Хоть тварь была подла, но много говорила;
Однако все врала.
Изъ глупости она осломъ льва назвала.
Не вшелъ тѣмъ левъ
Во гнѣвъ,
Съ презрѣньемъ на нее онъ разсмѣялся,
И такъ ей говорилъ:
Я мало бы тужилъ,
Когда бъ съ тобой, свинья, во вѣкъ я не видался;
Тотчасъ узналъ то я,
Что ты свинья!
Такъ тщетно тщилась ты лисою подбѣгать,
Чтобъ врать;
Родился въ свѣтъ я не для свиныхъ поклоновъ,
Я не страшусь и громовъ;
Нѣтъ въ свѣтѣ семъ тово, чтобъ мой смутило духъ.
Была бъ ты не свинья,
Такъ знала бы кто я,
И знала бъ, обо мнѣ какой свѣтъ носитъ слухъ.
Свиньѣ не удалось: предъ львомъ не полежала
Пошла домой съ стыдомъ, но идучи роптала,
Ворчала,
Мычала,
Кричала,
Визжала,
И въ ярости себя стократно проклинала [2]).

Тимковскій, передавая воспоминанія свои объ И. Шуваловѣ, между прочимъ говоритъ: „Того же времени (т. е. при Елисаветѣ) соперникомъ Ломоносова былъ Сумароковъ. Отъ

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій Сумарокова, изд. 2, IX, 220; X. 25, 51, 52.

2) Библіографическія записки 1858 г., I, 485—488.

споровъ и критики о языкѣ они доходили до преимуществъ съ одной стороны лирическаго и эпическаго, съ другой драматическаго рода, а собственно каждый своего, и такія распри опирались иногда на приносимыя книги съ текстами. Первое, въ языкѣ, произвело его задачу обоимъ переводъ оды Жанъ-Батиста Руссо на счастіе; по второму Ломоносовъ рѣшился написать двѣ трагедіи. Въ спорахъ же, чѣмъ болѣе Сумароковъ злился, тѣмъ болѣе Ломоносовъ язвилъ его; и если оба не совсѣмъ были трезвы, то оканчивали ссору бранью, такъ-что онъ (Шуваловъ) высылалъ или обоихъ, или чаще Сумарокова. Если же Ломоносовъ занесется въ своихъ жалобахъ, говорилъ Шуваловъ, то я посылаю за Сумароковымъ, а съ тѣмъ, ожидая, заведу рѣчь объ немъ. Сумароковъ, услышавъ у дверей, что Ломоносовъ здѣсь, или уходитъ, или подслушавъ, вбѣгаетъ съ крикомъ...“ За тѣмъ слѣдуютъ взаимныя пререканія стихотворцевъ. „Но иногда мнѣ, прибавляетъ Шуваловъ, удавалось примирять ихъ, и тогда оба были очень пріятны...“ [1]).

Стихотворныя переложенія оды, о которой упоминается въ сейчасъ приведенной выпискѣ. въ первый разъ явились въ періодическомъ изданіи, выходившемъ при московскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ: Полезное увеселеніе 1760 года. № 2. стр. 17—28: Ода господина Руссо, Fortune de qui la main couronne, переведенная г. Сумароковымъ и г. Ломоносовымъ. Любители и знающіе словесныя науки могутъ сами, по разному сихъ обѣихъ (sic) Піитовъ свойству, каждаго переводъ узнать.“

Еще въ декабрѣ 1760 года Сумароковъ писалъ къ И. Шувалову письмо, изъ котораго достаточно видно, въ какомъ онъ былъ въ то время настроеніи относительно Ломоносова: „Пускай, говорилъ онъ тамъ, Ломоносовъ обладаетъ всѣми науками. Помилуйте меня и освободите отъ графа Сиверса и отъ команды Тауберта, Штелина, Мюллера и Ломоносова по печатанію книгъ. Помилуйте меня, а сверхъ того и чина я не получаю“ [2]).

1) Билярскій, стр. 038, 039.

2) Записки Академіи наукъ, I, приложенія № 1, Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. Шувалову, сообщенныя г. академикомъ Гротомъ, стр. 43.

Разсказъ Шувалова о попыткахъ его примирять Ломоносова съ Сумароковымъ подтверждается слѣдующимъ, чрезвычайно характеристичнымъ письмомъ нашего академика, отъ 19 января 1761 года:

„Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ ваше высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ [1]). Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ! т. е. сдѣлай смѣхъ и позоръ! Свяжись съ такимъ человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ, и вы сами не ради. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ, который ничего другово не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ. Тауберта и Мюллера для того только бранитъ, что не печатаютъ его сочиненій, а не ради общей пользы. Я забываю всѣ его озлобленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ чрезъ многіе случаи и зная, каково въ крапиву...... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только васъ увѣряю, что въ послѣдній разъ. И, ежели несмотря на мое усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ жизнь защитникъ, и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ нимъ слезы въ моей справедливости. Ваше высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лутчія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю. Мстить за обиды и не думаю. И только у Господа прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Буде онъ человѣкъ знающей, искусной, пускай дѣлаетъ пользу отечеству. Я по моему малому таланту также готовъ стараться. А съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу, кото-

1) Видѣли выше, что Ломоносовъ просилъ Шувалова о повышеніи чиномъ, о вице-президенствѣ.

рый всѣ прочія знанія позоритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, которой мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сумароковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столько всякова вздору наговорилъ, что на весь мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣтъ дома и не желаютъ съ комедіянтами обхожденія. Я пустой болтни и самохвальства не люблю слышать. И по сіе время ужились мы въ единодушіи. Теперь по вашему миротворству должны мы вступить въ новую дурную атмосферу. Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не изчезло въ памяти — постарайтесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для пользы отечества прошеніяхъ, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мелочномъ дѣлѣ, позабудьте....“ [1]).

Между ходатайствами, которыя Ломоносовъ обращалъ къ И. Шувалову въ 1760 году, было также прошеніе о повышеніи чиномъ. Видѣли выше, что академикъ считалъ себя въ правѣ требовать этой награды на томъ основаніи, что служилъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника девять лѣтъ и что нѣкоторые изъ его сверстниковъ уже были повышены. Однимъ изъ такихъ сверстниковъ былъ Григорій Тепловъ, произведенный почти одновременно съ Ломоносовымъ въ званіе адъюнкта въ 1742 г. Награжденіе Теплова чиномъ казалось Ломоносову на столько стоющимъ вниманія, что онъ въ своей Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи, года четыре спустя послѣ событія, счелъ умѣстнымъ отвести разсказу о томъ особый параграфъ. „Пожалованъ между тѣмъ, сказано тамъ, коллежскій совѣтникъ Тепловъ въ статскіе совѣтники; для того Ломоно-

1) Билярскій, стр. 486, 487. Въ настоящемъ жизнеописаніи письмо свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ рукописномъ сборникѣ ломоносовскихъ бумагъ, который переданъ въ Академію П. Мухановымъ; въ печатномъ оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ пропуски.

совъ, какъ въ одно время произведенный, прежде подалъ и о своемъ произведеніи прошеніе его сіятельству Академіи г. президенту, что онъ и принялъ благосклонно. Совѣтникъ Таубертъ, увѣдавъ о семъ, употребилъ для помѣшательства сему профессора Эпинуса, приговоривъ еще къ тому профессора Цейгера и адъюнкта Кельрейтера, бывшаго въ великой любви у Тауберта и у Мюллера; скопомъ пришедъ къ президенту, просили, чтобы не воспослѣдовало Ломоносову произвожденіе. Что учинили и у другихъ нѣкоторыхъ особъ, имѣя предводителемъ Эпинуса, а рѣчь велъ Цейгеръ, почему и остановлено произвожденіе Ломоносова....“ [1]).

Такимъ образомъ давняя личная вражда Ломоносова съ Мюллеромъ и Таубертомъ, въ 1760 году должна была еще болѣе усилиться вслѣдствіе новыхъ столкновеній и непріятностей съ этими лицами. Послѣ этого неудивительно, что нашъ академикъ съ наступленіемъ слѣдующаго 1761 года началъ открытую войну съ своими исконными недругами при помощи объемистыхъ представленій, написанныхъ по ломоносовскому обычаю мѣтко, язвительно и притомъ не всегда справедливо, какъ все, что говорится и пишется въ запальчивости и раздраженіи. Въ январѣ этого года онъ послалъ къ президенту Академіи наукъ два представленія съ обвинительными пунктами противъ Мюллера и Тауберта, а къ Теплову, повышеніе котораго такъ задѣло самолюбіе Ломоносова, было написано имъ длинное посланіе, наполненное самыхъ рѣзкихъ упрековъ [2]).

---

1) Билярскій, стр. 074.

2) Билярскій, стр. 488—503. Представленія эти въ собственноручныхъ черновыхъ ломоносовскихъ спискахъ сохранились въ собраніи бумагъ его, принадлежащихъ Н. М. Орлову. Здѣсь есть нѣсколько мѣстъ, которыя самимъ Ломоносовымъ зачеркнуты. Такъ въ представленіи о Мюллерѣ 10-й пунктъ заключалъ въ себѣ обвиненіе противъ исторіографа: «Представляетъ по десяти членовъ вдругъ и такихъ, что едва въ ученомъ свѣтѣ извѣстны; а что къ нимъ пишетъ, то въ собраніяхъ едва когда читаетъ. А изъ Линнеевой переписки видно, что Мюллеръ себя не хулитъ, но душою академическою представляетъ: tu qui animam inspiras Academiae. Чѣмъ выше писанное подтверждается». Прежде 13-й пунктъ былъ изложенъ съ такою подробностью: «Грузинецъ совѣтникъ Давидъ Петровичъ говоритъ, что въ разсужденіи андреевцевъ Андреевой деревни на-

Въ первой части настоящаго сочиненія помѣщено подробное обозрѣніе трудовъ Мюллера и его заслугъ, которыя оказаны имъ русской исторіи. Если послѣ того обратиться къ восемнадцати обвинительнымъ статьямъ, написаннымъ противъ историографа Ломоносовымъ, то не трудно замѣтить, что послѣдній писалъ ихъ въ увлеченіи личнымъ негодованіемъ и притомъ на память, которая ему не рѣдко измѣняла въ подобныхъ случаяхъ. Такъ, напр., Мюллеръ совершенно напрасно обвинялся Ломоносовымъ въ непозволительной перепискѣ съ чужестранцами на томъ основаніи, что о немъ производилось дознаніе по поводу одного выраженія въ письмѣ Делиля, которое притомъ вовсе переиначено въ обвиненіи Ломоносова [1]). Также неоснователенъ упрекъ Мюллеру, что онъ выписалъ для астраномическихъ наблюденій аббата Шаппа (о чемъ см. на стр. 696—698). Обстоятельства, при которыхъ былъ выписанъ изъза границы на каѳедр ухиміи Сальховъ, разъяснены уже на стр. 553—553, и изъ нихъ равнымъ образомъ не усматривается вины Мюллера. Ломоносовъ также обвинялъ исторіографа, что онъ не читалъ лекцій. Послѣдній самъ сознавался, что не былъ въ состояніи выполнять этого, такъ-какъ весь отдался собиранію и разработкѣ памятниковъ по русской исторіи [2]). Мюллеръ такъ много сдѣлалъ на этомъ поприщѣ, что и теперь еще не успѣли вполнѣ воспользоваться собранными имъ историческими матеріалами, а потому мы, его потомки, не можемъ не быть признательными этому трудолюбцу именно за то, что онъ не отвлекался посторонними занятіями въ ущербъ своему призванію.

Другія обвиненія Ломоносова теперь не могутъ не казаться мелочными придирками: такъ первая обвинительная статья противъ Мюллера гласитъ, что онъ осмѣлился Рычкова, назна-

---

печаталъ Мюллеръ въ Сочиненіяхъ великую политическую ошибку и хочетъ донести въ коллегію». Послѣ Ломоносовъ выпустилъ упоминаніе о грузинцѣ. Въ концѣ есть: NB. Вспомнить милость Г., коею пользуется, и науки подъ какимъ именемъ счастливы, и потачки, Еропкинъ etc., и рѣчь князя Алексѣя М. Ч.»

1) Исторія Академіи наукъ, I, 349—251.

2) Исторія Академія наукъ, I, 362.

ченнаго *корреспондентомъ* Академіи наукъ, печатно назвать *членомъ корреспонденціи!* Затѣмъ слѣдуютъ упреки Мюллеру за то, что онъ выбираетъ „самую мрачную часть россійской исторіи и всѣваетъ занозливыя рѣчи: напр. описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ". Въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать, что задача историка не заключается лишь въ повѣствованіи событій, почему либо льстящихъ патріотизму читателей. Если бы даже Мюллеръ и дѣйствительно намѣренно выставлялъ однѣ темныя стороны, то и тогда его можно бы было упрекать въ пристрастіи и увлеченіяхъ, недостойныхъ серьезнаго ученаго, но все это еще очень далеко отъ политической неблагонадежности. Между тѣмъ Ломоносовъ именно къ этому клонилъ свои обвиненія. Въ началѣ 1761 г. Мюллеръ помѣстилъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ „Опытъ новѣйшей исторіи о Россіи". Онъ какъ будто предчувствовалъ, что его обвинятъ за выборъ для изслѣдованія временъ Годунова и Разстриги, почему писалъ въ предисловіи: „....есть ли такая земля, либо государство, которое бъ не имѣло своихъ неблагополучныхъ временъ и въ коемъ бы не перемѣнялись счастіе и несчастіе, сила и слабость, завоеванія и опустошенія? Исторія государствъ уподобляется картинѣ, имѣющей тѣнь, которая потребна къ тому, дабы ясность и превосходство чрезъ то казались великолѣпнѣе...." Но эти предупрежденія нисколько не помогли. Высшее правительство, — здѣсь позволительно предполагать, что по указанію Ломоносова — обратило вниманіе на упомянутый Опытъ, и въ апрѣлѣ 1761 г. Мюллеръ получилъ за него жестокій выговоръ чрезъ конференцъ-секретаря Д. Волкова и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе прекратить печатаніе подобныхъ произведеній [1]). Въ черновомъ письмѣ Мюллера къ Рычкову, относящемся къ описываемой эпохѣ, именно говорится объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ погибели

1) Записки Академіи наукъ, XII, прилож. № 5, Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг., 52—55.

исторіографа и добился таки, что онъ не смѣетъ далѣе продолжать Опыта новой русской исторіи [1]).

Второе представленіе Ломоносова къ президенту Академіи касалось Тауберта [2]). И здѣсь дѣло не обошлось безъ личныхъ выходокъ, которыя и теперь невольно вызываютъ улыбку. Ломоносовъ, между прочимъ, сердился на Тауберта за то, что этотъ распорядился объ изготовленіи глобуса и картъ для великаго князя Павла Петровича, не сказавъ ни слова о томъ Ломоносову, который, называя это нахальствомъ, видѣлъ въ томъ намѣреніе „отвести отъ меня до наукъ принадлежащіе департаменты.... и чтобы себя рекомендовать, а мнѣ не дать въ смотрѣніи участія....“ При этомъ включенъ извѣтъ на адъюнкта Трускота: ему Таубертъ получилъ сдѣлать помянутые глобусъ и карты, а Ломоносовъ доводилъ до свѣдѣнія президента, будто „жена и дѣти Трускотовы во фрянкахъ!“ Въ винахъ Тауберта было также помѣщено Ломоносовымъ, что онъ „спознавшись со студентомъ Кельрейтеромъ, въ Тюбингенѣ будучи, и желая за него сестру свою выдать, призвалъ его адъюнктомъ мимо Щепина.... Однако Кельрейтеръ еще сомнѣвается, не лучше ли домой ѣхать, нежели за себя взять дѣвку дурную, старую и безприданую“.

Впрочемъ, кромѣ подобныхъ личныхъ выходокъ, Ломоносовъ могъ привести другія, гораздо болѣе вѣскія обвиненія противъ Тауберта, самовластіе и деспотизмъ котораго въ управленіи Академіею не могъ скрыть и такой почитатель академи-

---

1) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб., 1867), 46, 47.

2) Въ этомъ представленіи въ третьемъ пунктѣ, послѣ словъ: «отъ незнающаго никакой практики Эпинуса Румовскій выучился въ три мѣсяца», Ломоносовъ зачеркнулъ слѣдующее, имъ написанное мѣсто: «я естьли бы еще хуже Таубертова имѣлъ понятіе о астрономіи, однако то знаю, что астрономическіе лексиконы составляютъ добрую книгу однихъ терминовъ, а каждый требуетъ такой имагинаціи, чтобы все строеніе свѣта какъ на ладони представить. Я за тридцать лѣтъ началъ оной учиться и всегда въ тѣхъ размышленіяхъ упражнялся, знаю что астрономія, и могу засвидѣтельствовать ея трудность искусными въ ней великими профессорами». Въ 4-мъ пунктѣ того же представленія при извѣстіи, что Эпинусъ отказался отъ чтенія лекцій зачеркнуто: «все дѣлалъ по наущеніямъ Таубертовымъ», а съ боку замѣтка конечно о Шумахерѣ: «NB. Ш. invalide, половинное ж.» (Черновое представленіе въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ Н. М. Орлова).

ческаго совѣтника, каковымъ былъ Шлецеръ[1]). Таубертъ, какъ большая часть начальниковъ его времени, распоряжался казеннымъ добромъ самовластно и не упускалъ случая извлекать изъ него выгоды для себя — это несомнѣнно. Если бы Ломоносовъ только и остановился на этихъ обстоятельствахъ, не пускаясь въ личности и не выказывая своего, слишкомъ раздражительнаго самолюбія, то несомнѣнно, что его обвиненія получили бы больше значенія и силы. Ломоносову было досадно, что Таубертъ, всегда требуя извѣстій о расходахъ по гимназіи и университету, порученныхъ вѣдѣнію академика, въ то же время самъ никогда не давалъ отчета по ввѣреннымъ ему частямъ. Такъ напр.: „захвативши деньги отъ книжной лавки, кому хочетъ, тому и даетъ жалованье.... Занявъ въ академическомъ Волкова и Лутковскаго домѣ (на углу 7-ой линіи и набережной Невы — это зданіе и нынѣ принадлежитъ Академіи) самъ лучшіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, роздалъ другія по своему распоряженію квартиры. И переплетчикъ Розенбергъ имѣетъ столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ!“

Въ особенности Ломоносовъ упрекалъ Тауберта въ недобросовѣстности при подрядахъ по перестройкамъ, часто излишнимъ, академическихъ зданій; при чемъ онъ, вмѣсто обогащенія библіотеки необходимыми для академиковъ изданіями, хлопоталъ только о внѣшности. „Библіотека, справедливо замѣчаетъ по этому случаю Ломоносовъ, не состоитъ въ золотыхъ шкафахъ, но въ книгахъ, коими наша библіотека весьма недостаточна“. Любопытно, что въ концѣ этой бумаги Ломоносовъ приписалъ конечно для себя и послѣ зачеркнулъ такое примѣчаніе: „Графъ П. И. благодѣтель многимъ, а нашъ жалуетъ только Теплова“. Не трудно отгадать, что здѣсь нашъ академикъ, горячій сторонникъ Шуваловыхъ, записалъ о графахъ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ и Кирилѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ[2]).

---

1) Исторія Академіи наукъ, I, 661.

2) Черновое представленіе Ломоносова въ собраніи его бумагъ, хранящихся у г. Орлова.

Одновременно съ этими обвиненіями противъ Мюллера и Тауберта, Ломоносовъ написалъ (30 января 1761 г.) письмо къ Теплову. Это произведеніе обдѣлано Ломоносовымъ особенно тщательно и все наполнено упреками за покровительство, оказываемое Тепловымъ Мюллеру и Тауберту — этимъ врагамъ просвѣщенія въ Россіи, какъ считалъ ихъ Ломоносовъ. Письмо это обращало на себя вниманіе позднѣйшихъ изслѣдователей, и они придумывали для него разныя заглавія: такъ одинъ напечаталъ его подъ заглавіемъ — Голосъ отчаянія [1]); другой считалъ его — послѣдней попыткой спасти русскаго человѣка для русскаго дѣла [2]). Ниже увидимъ, что самъ Ломоносовъ грозилъ Теплову пустить это письмо по городу, какъ образецъ краснорѣчиваго произведенія. Прежде всего въ письмѣ напоминается вышепомянутое дѣло о студентахъ-малороссахъ Лобысевичѣ и Дѣвовичѣ. Ломоносовъ прямо писалъ, что о нихъ было рѣшено противъ него потому, что Теплову одинъ изъ этихъ молодыхъ людей былъ сватъ. „Не спрося отъ меня отвѣту и оправданія присовѣтовали, да и по штилю видно, сами сочинили мнѣ публичный выговоръ человѣку, который больше достоинствъ и услугъ имѣетъ, нежели за такую мелочь передъ командою былъ обруганъ“. Въ 1760 г. Мюллеръ представлялъ президенту, что онъ обремененъ множествомъ дѣла въ особенности по изданію русскаго журнала, и графъ Разумовскій въ отвѣтъ на это приказалъ выдавать исторіографу прибавочное жалованье по 200 руб. въ годъ [3]). Эта прибавка была сдѣлана академику, прослужившему Россіи и ученому обществу тридцать пять лѣтъ, и притомъ за хлопоты по изданію русскаго журнала, который несомнѣнно приносилъ пользу современной русской публикѣ. Несмотря на все это, Ломоносовъ въ увеличеніи на двѣсти рублей содержанія исторіографа видѣлъ личное къ себѣ недоброхотство Теплова и въ письмѣ къ нему, послѣ нагоняя за студентовъ, прямо выговаривалъ: „И того еще вамъ было мало: въ досаду мнѣ прибавили

1) Очерки Россіи, кн. II, стр. 33.

2) Ломоносовъ какъ писатель, сост. г. Будиловичъ (Спб., 1871), 67.

3) Исторія Академіи наукъ, I, 371.

Мюллеру жалованья, чтобъ онъ отправлялъ три дѣла исправно....“ Заключеніе письма состоитъ въ такомъ патетическомъ обращеніи къ Теплову: „И такъ изберите любое: или одобряйте явныхъ недоброхотовъ не токмо учащемуся россійскому юношеству, но и тѣмъ сынамъ отечества, кои уже имѣютъ знатныя въ наукахъ и всему свѣту извѣстныя заслуги. Одобряйте, чтобы Академіи чрезъ противоборство никогда не бывать въ цвѣтущемъ состояніи и за то ожидайте отъ всѣхъ честныхъ людей роптанія и презрѣнія; или внимайте единственно дѣйствительной пользѣ Академіи; откиньте льщенія опасныхъ противоборниковъ наукъ россійскихъ; не употребляйте Божьяго дѣла для своихъ пристрастій; дайте возростать свободно насажденію Петра Великаго. Тѣмъ заслужите не токмо въ прежнемъ прощеніе, но и не малую похвалу, что вы могли себя принудить къ полезному наукамъ постоянству. Что жъ до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятельми наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину“.

Любопытны краткія оглавленія предметовъ, о которыхъ Ломоносовъ отмѣтилъ на память на поляхъ черноваго списка этого письма, для того, чтобы потомъ говорить о нихъ пространнѣе. Эти оглавленія онъ послѣ зачеркнулъ [1]). Вотъ, напр., что было имъ написано съ боку и отмѣчено NB: „Жаль мнѣ добросердечн. чел. К. Г. (конечно графа Разумовскаго), благодѣт.... который дарованнымъ ему отъ Бога счастіемъ, дородствомъ, цвѣтущими лѣтами и богатствомъ пользоваться долженъ. Вамъ вѣритъ. Ежели ты (разумѣется Тепловъ) его отъ поношенія не избавишь, это письмо будутъ въ пѣсняхъ пѣть и ходить по городу какъ pièce d'éloquence....“ Не дожидаясь этого, самъ Тепловъ поспѣшилъ сообщить извѣстіе объ обвиненіяхъ Ломоносова Тауберту, а этотъ въ свою очередь передалъ о нихъ Мюллеру. Послѣдній тотчасъ же извѣстилъ Теплова,

1) Черновое письмо хранится въ сборникѣ ломоносовскихъ рукописей, у Н. М. Орлова.

что будетъ возражать противъ Ломоносова лишь бы только ему были сообщены восемнадцать обвинительныхъ статей его врага. Еще не имѣя ихъ, исторіографъ уже былъ внѣ себя и, подобно Ломоносову, разразился притивъ него бранными словами. „Повѣрьте мнѣ, милостивый государь, писалъ тогда Мюллеръ къ Теплову по французски, Ломоносовъ — бѣшеный съ ножемъ въ рукахъ. Онъ разоритъ всю Академію, если его сіятельство не возстановитъ скоро порядка. Мы видимъ печальный тому примѣръ на университетѣ и гимназіи, которыми онъ исключительно управляетъ: они никогда не были въ такомъ плохомъ положеніи, какъ теперь. Онъ имѣетъ притязаніе властвовать съ такимъ же деспотизмомъ въ нашихъ засѣданіяхъ. Въ этомъ онъ меня всегда встрѣчалъ себѣ противникомъ. Hinc illae lacrimae!...“ [1])

Къ описываемой же эпохѣ и также къ разряду бумагъ, которыя тогда Ломоносовъ писалъ съ цѣлью разить своихъ враговъ, относится составленный имъ „Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе“. Это произведеніе, сравнительно съ предыдущими, сочинено въ болѣе спокоймомъ тонѣ, безъ личныхъ выходокъ, такъ что только одинъ Мюллеръ и то одинъ разъ обозванъ невѣждою. Для равновѣсія между голосами русскихъ и иноземцевъ въ управленіи Академіею, Ломоносовъ предлагалъ назначить въ канцелярію ея, членомъ академика Котельникова, которому съ Ломоносовымъ слѣдовало „науки повѣрить“: „довольно и такъ иноземцы русскому юношеству недоброхотствомъ въ происхожденіи препятствовали“. Деньги на учебную часть должно было совершенно отдѣлить отъ прочихъ академическихъ суммъ. Званіе конференцъ-секретаря, которое носилъ Мюллеръ, Ломоносовъ предлагалъ вовсе уничтожить. Инструментальную часть, находившуюся въ рукахъ Тауберта, исключительно предоставить въ распоряженіе академиковъ. „Такимъ образомъ, — кончаетъ Ломоносовъ, несумнѣнно уповаю, что Академія придетъ въ цвѣту-

1) Чтенія въ обществѣ истоpіи и древностей, 1865, кн. I, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ, г. Ламанскаго, стр. 105.

щее состояніе, застарѣлое зло искоренится, и оная будетъ не смѣхъ, но примѣръ другимъ командамъ [1]).

Не осталось въ современныхъ дѣлахъ никакихъ слѣдовъ тому, чтобы графъ Разумовскій отвѣчалъ Ломоносову на эти представленія его, и потому можно съ нѣкоторою основательностью предполагать, что президентъ Академіи оставлялъ безъ движенія этого рода бумаги знаменитаго академика. Думать, чтобы графъ Разумовскій поступалъ такимъ образомъ только въ угоду недоброхотамъ распространенія просвѣщенія въ Россіи, какъ высказывалъ это Ломоносовъ, будетъ едва-ли справедливо: не далѣе какъ въ предыдущемъ 1760 году, президентъ Академіи безпрекословно утверждалъ все, что ни подавалъ ему Ломоносовъ относительно мѣръ, казавшихся послѣднему необходимыми для улучшенія учебной части въ Академіи, и эта часть была отдана ему въ полное распоряженіе. Въ 1761 году Ломоносовъ пошелъ далѣе, и въ своихъ представленіяхъ началъ настаивать на необходимость удаленія Мюллера отъ званія конференцъ-секретаря, а Тауберта — отъ управленія академическими дѣлами. Эти представленія, написанныя прекраснымъ, ломоносовскимъ языкомъ, наполненныя то сатирическими, то язвительными личными выходками, и теперь приковываютъ къ себѣ вниманіе читателя; но все это пригодно скорѣе для памфлета, котораго назначеніе распространяться въ массахъ читающей публики и производить на нихъ впечатлѣніе. Обвинительный актъ, написанный подъ вліяніемъ личнаго негодованія и оскорбленнаго самолюбія, вообще не въ состояніи внушить къ себѣ довѣрія, ни разсчитывать на достиженіе предположенной цѣли. Графъ Разумовскій, какъ увидимъ на стр. 744, по дѣлу увольненія Ломоносовымъ профессора Модераха, прямо высказалъ, что онъ сомнѣвался въ правотѣ подобныхъ представленій и потому медлилъ давать имъ какой либо ходъ.

Враждебныя отношенія къ своимъ недругамъ побуждали Ломоносова хлопотать о скорѣйшемъ утвержденіи императрицею представленной въ конференцію (см. выше, стр. 687, 688),

1) Билярскій, стр. 503, 504.

университетской привилегіи. Ходатайство объ этомъ у И. Шувалова осталось безъ дальняго успѣха, а потому Ломоносовъ обратился къ другому почитателю его литературныхъ произведеній — канцлеру графу М. Воронцову. 15 февраля 1761 г. нашъ академикъ писалъ къ нему, что замедленіе въ подписаніи государынею помянутой привилегіи „мнѣ наводитъ немалое ослабленіе въ моихъ трудахъ; а особливо что мои недоброхоты вездѣ мое доброе предпріятіе осмѣхаютъ и худыми пререканіями отнимаютъ охоту у тѣхъ, кои таковою монаршею милостію давно себя ласкали....“ Прося о поспѣшеніи этимъ дѣломъ, Ломоносовъ приложилъ „просительные стихи“ о томъ же къ государынѣ, стихи, которые наканунѣ вручилъ И. Шувалову. Здѣсь, послѣ похвалъ императрицѣ и описанія ужасовъ войны, стихотворецъ говоритъ:

Любитель тишины, соборъ драгихъ наукъ,
Защиты крѣпкія отъ бранныхъ пщетъ рукъ.
О, коль велики имъ отрады и утѣхи,
Восслѣдуютъ и намъ въ ученіяхъ успѣхи,
И славный слухъ, когда твой университетъ
О имени твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ!

Затѣмъ Ломоносовъ напоминаетъ о приготовленной имъ рѣчи на случай торжественнаго открытія университета:

Коль счастливъ оный день, коль счастливъ буду я,
Когда я среди россійскихъ музъ стоя,
Благодѣяніе представлю ново,
Великостью его о какъ возвышу слово!
Тогда мой средственный въ россійской рѣчи даръ
Въ благодареніи сугубой приметъ жаръ.

Въ концѣ стихотворенія намекъ, что все дѣло остановилось за одною только подписью императрицы:

Сіе исполнится немногими чертами,
Когда рука твоя ущедрится надъ нами.
Для славы твоея, для общаго плода,
Не могутъ милости быть рано никогда.

И послѣ этихъ стиховъ, Ломоносову въ 1761 году приходилось хлопотать о подписаніи той же привилегіи, и разъ,

когда за тѣмъ же ѣхалъ въ Петергофъ, онъ сочинилъ стихи, отличающіеся неподдѣльнымъ чувствомъ:

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою
И наслаждаешся медвяною росою.
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты ангелъ во плоти, иль лучше ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому! [1])

Видѣли выше на стр. 701—703, что приготовленія къ наблюденію прохожденія Венеры черезъ солнца уже подавали поводъ къ взаимнымъ пререканіямъ Ломоносова съ Эпинусомъ. Когда наступило время самого наблюденія, то возникли новыя непріятности между нашими учеными. Изъ желанія-ли досадить Ломоносову, или дѣйствительно Эпинусъ не считалъ возможнымъ произвести это наблюденіе при стороннемъ вмѣшательствѣ, только этотъ академикъ никакъ не хотѣлъ, вопреки опредѣленія, подписаннаго Ломоносовымъ, какъ совѣтникомъ академической канцеляріи, допустить для наблюденія сказаннаго явленія русскихъ астрономовъ Красильникова и Курганова, подъ предлогомъ, что они будутъ мѣшать ему. Конечно не безъ участія Ломоносова, названныя лица, ссылаясь на неисполненіе ломоносовскаго опредѣленія, жаловались сенату, который принялъ сторону русскихъ и велѣлъ допустить ихъ на обсерваторію. Эпинусъ представилъ причины своего отказа, но онѣ не были приняты во вниманіе, почему онъ не наблюдалъ помянутаго явленія, которое имѣло мѣсто 26 мая 1761 года [2]).

Впрочемъ Эпинусъ уступилъ не безъ борьбы: онъ написалъ бумагу, въ которой по пунктамъ доказывалъ, почему ему слѣдовало производить наблюденіе одному. Ломоносовъ на это написалъ слѣдующее возраженіе [3]): 1. „Во всѣхъ обсервато-

1) Оба стихотворенія помѣщаются во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова.

2) Билярскій, стр. 512—521.

3) Черновая собтвенноручная записка Ломоносова до нынѣ была не напечатана и хранится въ собраніи его бумагъ у Н. М. Орлова.

ріяхъ, а особливо при важныхъ случаяхъ бываютъ и должны быть coobservatores (сонаблюдатели), или помощники наблюденій. Примѣровъ тому вездѣ довольно, также и здѣсь имѣемъ. Делиль де-ла-Кройеръ пользовался споможеніемъ г. Красильникова въ Камчаткѣ. Другой Делиль, бывшей здѣсь долгое время профессоръ, ѣздилъ въ Березовое (sic) и имѣлъ съ собою помощниковъ. Бывшее 1748 году примѣчали знатное солнечное затмѣніе на здѣшней обсерваторіи г.г. Браунъ, Красильниковъ и Поповъ и еще при нихъ другіе, а никто другъ на друга въ помѣшательствѣ не жаловался. (Зачеркнуто: „Нѣжность и излишняя неправедная осторожность г. Эпинуса подтверждаетъ"). Симъ не токмо несправедливость Эпинусова подтверждается, но и неискусство его наружу выходитъ, ибо человѣкъ, твердый въ наблюденіяхъ, не боится легкихъ обстоятельствъ, а особливо отъ тѣхъ, кои черезъ многіе годы дѣломъ знаютъ, чего требуетъ наблюденіе. По справедливости г. Эпинусъ боялся, чтобы непроворности и незнанія его не было свидѣтелей таковыхъ, каковы Красильниковъ и Кургановъ, бывшіе въ знатныхъ посылкахъ и здѣшнихъ наблюденіяхъ со знатными и искусными астрономами, кои на нихъ никогда не жаловались, чтобы они помѣшали въ наблюденіяхъ, но паче съ похвалами рекомендовали. Непростительно г. Эпинусу, что будучи начинающій быть обсерваторъ, не хотѣлъ пользоваться практикою и вспоможеніемъ людей, больше его въ томъ знающихъ, и тѣмъ учинилъ замѣшательство и препятствіе доброму и согласному исполненію сего дѣла. Да и самъ не устыдился противорѣчить своему печатному изданію (см. Собраніе разныхъ сочиненій, мѣсяцъ октябрь прошлаго году, стр. 361), гдѣ объявилъ, что у Горокція былъ товарищемъ въ наблюденіи Крабтре въ точно такомъ же случаѣ при явленіи Венеры въ солнцѣ.

2. И ежели бы не была правда, что помянутые обсерваторы, чрезъ долгое время къ практикѣ пріобыкшіе, сдѣлали шаркотню и заглушили бъ часовой маятникъ (чего бъ они отнюдь и для своихъ примѣчаній не сдѣлали, а сдѣлала бъ конечно компанія, кою уже давно г.г. Таубертъ и Эпинусъ пригласили).

Однако искусной въ обсервацiяхъ астрономъ можетъ по долговременной привычкѣ счесть въ умѣ множество секундъ, не разглашаясь съ часами. Видно, что г. Эпинусъ той способности не имѣетъ.

3. Пространство нашей обсерваторiи такъ довольно, что человѣкъ до пяти могутъ чинить наблюденiя и еще съ помощниками. Да благоволено будетъ приказать осмотрѣть.

4. Эпинусъ пишетъ къ Тауберту, что г. Красильниковъ *о состоянiи сего наблюденiя исправнаго понятiя не имѣетъ.* Боже мой! Какая наглость! Изданная Эпинусомъ глупая и по большей части краденая книжонка доказываетъ ясно, коль мелки его разсужденiя. О томъ подано мною доказательство въ академическое собранiе на неистовое его на меня облыганiе и, какъ видно, по наущенiю Таубертову. Знаетъ г. Красильниковъ, къ чему служатъ таковыя прохожденiя, такъ давно, когда Эпинусъ бѣгалъ въ школу съ азбукою, а Красильниковъ въ Москву былъ посланъ для наблюденiя прохожденiя Меркурiя въ солнцѣ общимъ согласiемъ всей Академiи; кои наблюденiя по общему согласiю академической конференцiи и въ Комментарiяхъ напечатаны. Недовольное въ астрономiи знанiе Эпинусово изъ слѣдующаго явствуетъ: въ книжкѣ, что онъ выдалъ за полгода о явленiи Венеры въ солнцѣ, и въ ней прорекалъ, что сего явленiя во сто двадцать лѣтъ опять не случится, однако г. Кургановъ вычислилъ и проектованнымъ рисункомъ объявилъ уже давно, что оно въ 1769 г. мая 23 числа снова видимо будетъ, что съ полученною нынѣ въ парижскомъ астрономическомъ календарѣ выкладкою согласно. А г. Эпинусъ того и не зналъ. Здѣсь двояко изобличить его можно, что ежели Кургановъ досталъ извѣстiе изъ Францiи, то ложно порицаютъ его незнанiемъ новыхъ книгъ, ибо г. Кургановъ и по французски довольно разумѣетъ и извѣстiе имѣлъ прежде Эпинуса. Ежели жъ самъ по выкладкѣ напередъ вычислилъ, то и того похвальнѣе, что онъ своимъ въ астрономiи искусствомъ сiе могъ изчислить лучше, нежели Эпинусъ.

5. Астрономiя къ языку не прикована. Старанiе г. Красильникова и практика, также и давнишнее знакомство съ другими

россійскими астрономами съ г.г. Поповымъ и Кургановымъ, кои другіе языки разумѣютъ, къ сему наблюденію довольно, чтобы узнавать новости. Да и г. Гришовъ недавно умеръ, которой почиталъ г. Красильникова и ни отъ какихъ обсервацій не отлучалъ, какъ нынѣ отлучить хотѣлъ г. Эпинусъ.

6. Спасибо! Здѣсь г. Э. признается, коль великой невѣжда въ астрономіи г. Таубертъ. Толкуетъ прикосновеніе и полное вступленіе Венерино. Сію глубокую премудрость всякъ, здравое понятіе имѣющій человѣкъ, взявъ блюдо да денежку, легко вообразить можетъ, что есть прикосновеніе и что полное вступленіе.

7. Почитать больше должно за ошибку г. Эпинуса, нежели за такое грубое незнаніе, будто бы астрономы согласились брать одинъ моментъ. Здѣсь двѣ неправды въ словѣ *согласились* и въ словѣ *моментъ*. 1. Соглашаться астрономамъ нѣтъ нужды, для того что и безъ того всякъ и посредственной обсерваторъ знаетъ, въ чемъ состоитъ точность; и простымъ примѣромъ сказать: пріѣзду нечаемаго гостя нельзя точно предвидѣть, а выѣздъ много точнѣе опредѣлить можно. 2. Вмѣсто моментъ должно было ему написать моменты, ибо кромѣ трехъ главныхъ, т. е. 1) полнаго вступленія Венерина въ солнце; 2) прикосновенія переднимъ краемъ къ солнцу при выступленіи; 3) и совершеннаго выступленія изъ солнца, можетъ искусной астрономъ наблюсти сѣточкою или микрометромъ много моментовъ.

8. Не отъ сего момента все зависитъ, но и отъ двухъ при выходѣ.

9. Здѣсь г. Красильниковъ оболганъ. Онъ въ доношеніи своемъ, въ канцелярію поданнымъ, отнюдь о прикосновеніи Венериномъ къ солнцу и слова не упоминаетъ, а говоритъ о восхожденіи Венеры на солнечную поверхность.

10. Развѣ безуміе.

11. Здѣсь наглая и ложная насмѣшка: у г. Красильникова нѣтъ слова *прикосновеніе*.

12. Помощниковъ, товарищей, или еще предводителей добрыхъ называетъ помѣшательми человѣкъ безсовѣстный".

Всѣ эти пререкательства свидѣтельствуютъ теперь о задорѣ и заносчивости ученыхъ распрей добраго стараго времени. Наука, во имя которой по видимому возникло все дѣло, ничего отъ того не выиграла: Эпинусъ, дѣлавшій, по его словамъ, большія приготовленія къ наблюденію, не производилъ его, а то, которое было исполнено Красильниковымъ и Кургановымъ, признано было недостаточнымъ, о чемъ и велась ожесточенная полемика еще въ 1764 году.

Непосредственно за пререканіями по научному предмету, слѣдовали у Ломоносова столкновенія съ Таубертомъ по хозяйственной части управленія Академіею. 1 іюня 1761 года Ломоносовъ въ академической канцеляріи подписалъ постановленіе о ревизіи академической библіотеки, которою безотчетно завѣдывалъ Таубертъ. Поводомъ къ такому распоряженію приводилось въ постановленіи то, что Таубертъ не представлялъ въ академическую канцелярію отчетовъ „о состояніи библіотеки и кунсткамеры, и что опредѣленными къ онымъ департаментамъ людьми производится.... а особливо выписываются-ли какія книги или нѣтъ для пріумноженія библіотеки; въ какомъ она состояніи и порядкѣ, и чего ради не изданъ чрезъ столь долгое время новый каталогъ книгамъ для пользы ученыхъ и любящихъ науки...“ Ломоносовъ объ этомъ словесно заявлялъ въ засѣданіи того же 1 іюня Тауберту, который „словесно объявилъ же, что кунсткамера и библіотека до канцеляріи не принадлежитъ, а долженъ обо всемъ ономъ знать онъ, Таубертъ, яко унтеръ-библіотекарь. Да притомъ и отъ его высокографскаго сіятельства Академіи наукъ г. президента оба оные департамента препоручены въ особливое его смотрѣніе“ [1]).

На другой день, т. е. 2 іюня, Ломоносову представился новый случай сдѣлать непріятность Тауберту. Надобно знать, что послѣ пожара въ зданіи Академіи наукъ въ 1747 г., императрица Елисавета, 23 декабря того же года, повелѣла: „отдать подъ библіотеку ея императорскаго величества и кунсткамеру

1) II, книга № 262; Билярскій, стр. 523, 524.

домъ дворянъ Демидовыхъ впредь до указу ея императорскаго величества по коихъ мѣстъ академическія палаты построены будутъ". Съ тѣхъ поръ эти учрежденія тамъ и помѣщались, а въ 1761 году Никита Акинфьевичъ Демидовъ подалъ въ сенатъ прошеніе съ объясненіемъ, что домъ его на Васильевскомъ островѣ близь Академіи занятъ не только кунсткамерою и библіотекою, но и разными служителями, „а въ погреба, кои бывали подъ складкою желѣза и припасовъ, чрезъ утѣсненіе совѣтника Тауберта, поставлено англійское пиво...." О содержаніи этого прошенія сдѣлалось извѣстнымъ Ломоносову, и онъ подписалъ, 2 іюня 1761 г., въ академической канцеляріи опредѣленіе объ осмотрѣ демидовскаго дома, „и буде что окажется, оные погреба запечатать.... казенною и коллежскаго совѣтника Ломоносова печатьми". Въ одномъ погребѣ дѣйствительно оказалось англійское пиво, но когда оффиціально спросили академическихъ коммиссара и смотрителя надъ домами, кому принадлежитъ то пиво и кѣмъ поставлено, то они уклончиво донесли, что ничего о томъ не знаютъ [1]).

Нѣсколько дней спустя, Ломоносовъ писалъ къ Штелину (подлинникъ по нѣмецки): „ваше высокоблагородіе найдете справедливымъ, чтобы положить конецъ неурядицѣ и чтобы мы въ канцеляріи, какъ начальственномъ мѣстѣ, знали, что происходитъ въ библіотекѣ и кунсткамерѣ, потому что вѣжливость и комплименты ничего не значатъ въ дѣлахъ, касающихся государственнаго блага и въ которыхъ несправедливость беретъ перевѣсъ. Если впрочемъ вы имѣете высказать что нибудь противъ, кромѣ вѣжливостей, то выскажите это письменно. Я не виноватъ въ томъ, что вы не присутствовали при этомъ дѣлѣ въ канцеляріи. Я долженъ это осуществить (ich muss ins Werk bringen). Г. Таубертъ вчера объявилъ (что и занесено въ протоколъ), что канцелярія не можетъ вмѣшиваться въ библіотеку. Если вы находите справедливымъ, чтобы мы отдали г. Тауберту въ приданое библіотеку и пр., то подпишитесь подъ этимъ. Между тѣмъ я исполню все и представлю обо

---

1) II, книга № 263.

всемъ подробно правительствующему сенату"[1]). Тауберта не очень тревожили эти постановленія, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что имъ предназначено было остаться неосуществленными. Въ доказательство спокойствія духа академическаго совѣтника, можно привести слѣдующее письмо его къ Штелину (подлинникъ на французскомъ языкѣ): „Я вчера говорилъ его превосходительству г. камергеру Шувалову. Онъ былъ весьма удивленъ всѣми продѣлками нашего любезнаго сочлена (съ боку Штелинъ приписалъ: Ломоносовъ). Нѣкоторые образчики этихъ продѣлокъ я ему показывалъ, и касающееся до предположеннаго имъ разслѣдованія на счетъ библіотеки онъ сохранилъ у себя и обѣщалъ поговорить о томъ и съ Романомъ Иларіоновичемъ (гр. Воронцовымъ). Мнѣ сказывали, что со вчерашняго дня нашъ первый писатель чувствуетъ себя немножко неловко, начиная предчувствовать, что все это дѣло можетъ кончиться весьма дурно для него. Если президентъ захочетъ дѣйствовать настойчиво, то ничто не въ состояніи спасти его отъ его неудовольствія. Его превосходительство генералъ-прокуроръ, котораго я видѣлъ утромъ и которому показывалъ указъ за подписью секретаря о сообщеніи во всѣ департаменты сенатскаго повелѣнія касательно обсерваторіи и о запрещеніи принимать въ департаментахъ, ввѣренныхъ попеченію нашего сочлена, какіе бы то ни было указы, подписанные мною, генералъ-прокуроръ также выражалъ удивленіе. Что же касается до глупаго дѣла объ англійскомъ пивѣ, то онъ мнѣ сказывалъ, что вычеркнулъ о томъ изъ сенатскаго постановленія, какъ о ничтожномъ обстоятельствѣ, котораго злостность онъ, однако, сознаетъ...."[2])

Объ англійскомъ пивѣ дѣло было дѣйствительно замято: 12 іюня 1761 года въ академической канцеляріи постановлено, что сенатскимъ указомъ „велѣно имѣющіеся въ домѣ дворянина Никиты Демидова, гдѣ императорская библіотека и кунсткамера, погреба, кои заняты пивомъ англійскимъ (постановлен-

---

1) Лѣтописи русской литературы и древностей, 1859 г., I, отд. III, 196.

2) Записки Академіи наукъ, VII, 122.

номъ невѣдомо Академіи чьемъ) отдать Демидову. А понеже одинъ погребъ, въ которомъ оказались бочки съ пивомъ, по учиненному во оной канцеляріи и подписанному совѣтникомъ Ломоносовымъ, во отвращеніе на Академію нареканія происшедшаго, опредѣленію запечатанъ...." то печати снять и погреба отдать; „а пиво чье оно, сыскавъ хозяина, сдать съ роспискою" [1]).

Президентъ Академіи, разумѣется по внушенію Тауберта, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы сумма въ двѣ тысячи рублей, ежегодно ассигновывавшаяся на умноженіе библіотеки и кунстъ-камеры, была исключительно въ вѣдѣніи Тауберта, которому предоставлялось употреблять ее „на строеніе шкафовъ и прочихъ приличныхъ украшеній въ библіотекѣ и кунсткамерѣ". Ломоносовъ считалъ такое распоряженіе, хотя оно и исходило отъ президента, несправедливымъ на томъ, между прочимъ, совершенно вѣрномъ основаніи, что „истинное ихъ (библіотеки и кунсткамеры) украшеніе состоитъ во множествѣ рѣдкихъ и нужныхъ книгъ и вещей любопытства достойныхъ", а потому онъ предлагалъ въ канцеляріи, 15 іюля 1761 года, донести президенту, „чтобы соблаговолилъ опредѣлить о исходатайствованіи отъ правительствующаго сената добавочной суммы на достройки погорѣлыхъ палатъ, и чтобы отдѣльной суммѣ, какъ выше показано, приказалъ быть вмѣстѣ съ прочею общею по указаніямъ и поведеніямъ прочихъ коллегій за общею г.г. присутствующихъ печатью" [2]). И это представленіе Ломоносова оставлено было президентомъ безъ исполненія. Тогда нашъ академикъ, въ пріѣздъ графа Разумовскаго въ декабрѣ 1761 года изъ Малороссіи въ Петербургъ, подалъ формальное донесеніе объ отдачѣ Тауберта подъ судъ. Извѣстно, что по указу Петра Великаго подчиненные, въ случаѣ незаконныхъ требованій отъ нихъ по службѣ, обязаны заявлять о томъ начальникамъ своимъ, а если послѣдніе не примутъ этого во вниманіе, то подчиненные имѣютъ представлять высшему начальству и даже самому государю. Выписавъ этотъ указъ,

1) II, книга № 263.

2) Билярскій, стр. 527—529, 536—537.

Ломоносовъ закончилъ свое донесеніе такимъ образомъ: „посему прошу вашего сіятельства скораго повелѣнія на слѣдствіе онаго Тауберта; ибо я не долженъ и не могу болѣе молчать и видѣть академическаго несчастія и вашего нареканія и всегдашняго попреку, что науки не процвѣтаютъ по мѣрѣ щедроты ея императорскаго величества всемилостивѣйшія нашея самодержицы. Ежели же ваше высокографское сіятельство не соблаговолите сей важной долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени ради вашего недолгаго, какъ видно здѣсь пребыванія, то принужденъ буду принять законную смѣлость непремѣнно поступить по высокопомянутому монаршескому указу для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣсненія....“ 1)

При этомъ Ломоносовъ приложилъ „пункты продерзостей канцеляріи совѣтника Тауберта“. Здѣсь повторялось о безотчетномъ управленіи библіотекою и кунсткамерою, объ англійскомъ пивѣ, о великолѣпныхъ шкафахъ, о самовольныхъ перестройкахъ и постройкахъ, о распряхъ по поводу наблюденія прохожденія Венеры, объ ошибкѣ въ Вѣдомостяхъ, о болѣзни Трускота, дѣлавшаго глобусъ для Павла Петровича. Ломоносовъ также перечислилъ свои предположенія, которыхъ неосуществленіе приписывалъ единственно недоброхотству Тауберта 2).

Когда писалъ такимъ образомъ Ломоносовъ къ гр. К. Разумовскому, послѣдній былъ въ опалѣ при дворѣ, какъ сторонникъ великой княгини Екатерины Алексѣевны, принимавшей дѣятельное участіе въ тайныхъ замыслахъ передать ей правленіе Россіею послѣ кончины императрицы Елисаветы; тѣмъ не менѣе однако угрожающій тонъ ломоносовскаго донесенія, столь несовмѣстный съ чинопочитаніемъ, господствовавшимъ въ прошломъ вѣкѣ, не могъ пройти незамѣченнымъ. Теперь только неизвѣстно положительно, успѣлъ ли Ломоносовъ вручить свое донесеніе гр. Разумовскому, или же оно осталось у

---

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 551—553.

2) Билярскій, стр. 553—557. Сохранился набросокъ Ломоносова съ краткимъ оглавленіемъ этого представленія въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ г. Орлова. Набросокъ этотъ помѣщенъ въ приложеніи XII-мъ.

него въ черновомъ спискѣ безъ движенія, такъ какъ въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ императрица Елисавета скончалась, и въ новое царствованіе происходило столько чрезвычайнаго, что некогда было думать ни объ угрозахъ академика президенту, ни о слѣдствіи надъ Таубертомъ.

Въ дѣятельности Ломоносова, какъ главнаго распорядителя учебной части при Академіи, въ 1761 году вообще замѣтна особенная наклонность къ крутымъ мѣрамъ и рѣшимость обходить власть президента Академіи, когда нашъ академикъ могъ ожидать съ его стороны противодѣйствіе.

Съ 1749 г. при Академіи состоялъ на службѣ Карлъ-Фридрихъ Модерахъ, занимавшій прежде должность адъюнкта въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Сначала онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ, и въ этомъ званіи состоялъ (съ 1750 г.) помощникомъ академика Крашенинникова по завѣдыванію академическими университетомъ и гимназіею. 1 сентября 1755 года академическая канцелярія постановила опредѣлить его инспекторомъ гимназіи, такъ какъ онъ поступалъ „исправно и добропорядочно. Сверхъ же того, чрезъ его особливыя наставленія нѣсколько дворянскихъ дѣтей получили въ иностранныхъ языкахъ довольные успѣхи и за то въ правительствующемъ сенатѣ нѣкоторые изъ нихъ произведены въ оберъ-офицеры, а другіе въ тѣхъ же рангахъ опредѣлены къ штатскимъ дѣламъ. Да и нынѣ обучаются у него знатной фамиліи дворянскія дѣти, чѣмъ онъ, Модерахъ, приноситъ Академіи довольную честь, обществу—пользу....“ Въ 1759 г. Модерахъ, по заведенному издавна въ Академіи обычаю, просилъ въ академической канцеляріи о возведеніи его въ званіе профессора, и канцелярія, также по старому обычаю, своею властію утвердила его въ этомъ званіи [1]).

Въ 1761 году Ломоносовъ сталъ выказывать свое недовольство Модерахомъ. Первымъ поводомъ къ тому была жалоба академическихъ гимназистовъ и студентовъ на однообразіе казенной пищи, почему 20 февраля Ломоносовъ послалъ къ Мо-

1) II, книги №№ 203 и 240.

дераху росписаніе, какія кушанья должно было изготовлять для молодыхъ людей. Послѣ того, 5 марта, Модерахъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ Академіи, а на другой день, 6 марта, Ломоносовъ написалъ новое предложеніе, въ которомъ уже прямо говорилось, что онъ не усматриваетъ болѣе охоты въ Модерахѣ заботиться о молодыхъ людяхъ, а потому его слѣдуетъ уволить, а въ инспекторы гимназіи опредѣлить академика Котельникова. Ломоносовъ при этомъ высказалъ мнѣніе, что инспекторомъ надъ русскими „долженъ быть: 1) природный россіянинъ для того, чтобы во первыхъ имѣлъ о учащихся усердное попеченіе, какъ о своихъ свойственникахъ или дѣтяхъ; 2) чтобы главной командѣ больше имѣлъ повиновеніе и не всегда бы чинилъ для малѣйшихъ причинъ отговорки, ссылаясь на свой контрактъ и угрожая требованіемъ абшида; 3) чтобы зная россійскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, зналъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренною строгостью....“ [1])

Академическая канцелярія, 19 марта, представила на усмотрѣніе президента предложеніе Ломоносова о Модерахѣ и Котельниковѣ, но не уволила этого лица до полученія отвѣта отъ графа Разумовскаго, и 23 марта Тауберть далъ знать изъ канцеляріи Модераху: „до воспослѣдованія отъ его высокографскаго сіятельства резолюціи, порученную вамъ должность изволите исправлять со всякимъ радѣніемъ, какъ вамъ сначала предписано; а гимназическимъ учителямъ, студентамъ и ученикамъ, чтобъ они всякъ свои должности исполняли и вамъ надлежащее послушаніе чинили, подтверждено отъ канцеляріи на крѣпко.“

Студенты, однако, не дождались рѣшенія президента и 3 апрѣля подали доношеніе, въ которомъ прямо просили объ опредѣленіи къ нимъ новаго начальника, такъ какъ Модерахъ не прилагалъ старанія объ ихъ содержаніи [2]). Тогда того же

1) Билярскій, стр. 507—509.

2) Вотъ это доношеніе: «Мы уже долгое время принуждены быть безъ призрѣнія: отъ сего несумнѣнно должны воспослѣдовать безпорядки и замѣшательства, а отъ нихъ неминуемый вредъ. Но мы несравненно въ худшихъ еще обстоятельствахъ находимся, ибо отъ

3 апрѣля состоялось опредѣленіе: „въ канцелярію Академіи наукъ находящимся въ академической гимназіи г.г. обучающимъ студентовъ и гимназистовъ адъюнктамъ и учителямъ подъ симъ подписать немедленно: г. профессоръ Модерахъ сначала нынѣшняго года по нынѣ сколько разъ въ классахъ для надзиранія былъ?“ На этотъ запросъ адъюнкты Козицкій и Мотонисъ, шесть русскихъ учителей и одинъ нѣмецъ объявили, что Модерахъ въ ихъ классахъ въ 1761 г. не былъ ни разу. Одинъ нѣмецъ и одинъ же французъ изъ учителей отозвались, что Модерахъ былъ у нихъ на лекціяхъ по нѣскольку разъ. Тогда Ломоносовъ одинъ подписалъ 5 апрѣля опредѣленіе, въ которомъ, послѣ прописанія нерадѣнія Модераха, постановлено уволить его изъ Академіи, а инспекторомъ гимназіи назначить академика Котельникова; при этомъ первый изъ нихъ обязывался „немедленно прежде праздника святыя Пасхи изъ университетскаго дома выѣхать.“ Послѣднюю статью опредѣленія Модерахъ медлилъ исполнить, вѣроятно въ ожиданіи рѣшенія президента Академіи, находившагося тогда въ Малороссіи; но Ломоносовъ, 21 мая 1761 г., подписалъ по этому предмету новое опредѣленіе, которое въ черновомъ спискѣ дополнялъ самъ, что здѣсь и отмѣчено курсивомъ:

несмотрѣнія и нерадѣнія нашего командира, г. профессора Модераха, то сдѣлалось, что столъ какъ у насъ, такъ и у гимназистовъ рушился, и мы, получая деньгами, претерпѣваемъ великія препятствія въ исправленіи положенной на насъ должности, стараясь единственно о способахъ къ содержанію своему. Сверхъ сего, мы имѣемъ во многихъ вещахъ великой недостатокъ и многократно его о отвращеніи сего просили, но онъ, не внимая ничего, съ ругательствомъ выгонялъ отъ себя, часто говоря, что ему ни до чего нужды нѣтъ; для чего вскорѣ принуждены будемъ оставить лекціи. Канцелярія Академіи наукъ довольно знаетъ, какой вредъ отъ сего воспослѣдовать имѣетъ. И ежели не предупреждено и не отвращено будетъ сіе зло, то наконецъ хуждшее что сдѣлается. Того ради канцелярію Академіи наукъ покорнѣйше просимъ защитить насъ и не допустить до того, чтобъ мы были безъ всякаго призрѣнія, которое намъ неотмѣнно нужно; также опредѣлить командира, который бы такъ поступалъ, какъ должно, и о приведеніи въ прежнее состояніе нашего стола. О семъ нижайше доносятъ студенты: Алексѣй Полѣновъ. Александръ Леонтьевъ. Иванъ Лепехинъ. Василій Ѳедотьевъ. Дмитрій Легкой. Василій Матвѣевъ. Иванъ Петровскій. Ѳедоръ Васильевъ. Николай Стрешневъ. Гуръ Ивановъ. Дмитрій Мокѣевъ. Аѳанасій Горинъ. Петръ Виноходцевъ. Иванъ Мошковъ. Герасимъ Шпыневъ.

„Прошлаго 1759 году февраля 11 дня, по опредѣленію его высокографскаго сіятельства .... велѣно адъюнкту Модераху быть университетскимъ профессоромъ и имѣть смотрѣніе надъ гимназистами, какъ инспектору гимназіи, наблюдая точно въ добромъ порядкѣ новоучрежденное гимназистовъ общежитіе, дабы какъ въ ученіи, такъ и въ добропорядочномъ произведеніи предуспѣвали и по мѣрѣ положенной на содержаніе ихъ суммы во всемъ довольствованы были, такожъ смотрѣть ему и надъ студентами. *И для того оный Модерахъ уволенъ былъ отъ университетскихъ лекцій и отъ поправленія переводовъ, ибо и профессорство дано ему только для того, чтобъ одобрить его къ прилежному смотрѣнію.* А въ нынѣшнемъ 1761 г. марта 11 дня (sic), онъ, Модерахъ, поданною въ академическую канцелярію челобитною объявляя, что контракту его срокъ минулъ и что онъ болѣе при Академіи служить не желаетъ, просилъ о увольненіи его изъ академической службы по прошествіи шести мѣсяцевъ, или какъ канцелярія заблагоразсудитъ, и о дачѣ абшида. По которому его челобитью и представлено о томъ его высокографскому сіятельству Академіи г. президенту, а до воспослѣдованія отъ его высокографскаго сіятельства резолюціи велѣно ему, Модераху, порученную ему должность исправлять какъ ему сначала предписано, а учителямъ гимназическимъ, студентамъ и ученикамъ быть у него, Модераха, во всякомъ послушаніи; однако онъ, Модерахъ, не смотря на опредѣленіе академической канцеляріи, университетъ и гимназію привелъ *своимъ нерадѣніемъ* въ бѣдное состояніе, и не ходя чрезъ долгое время въ классы, какъ о томъ справкою отъ учителей гимназіи показано, для смотрѣнія каково учатъ и учатся, оставивъ ихъ безъ призрѣнія въ противность даннаго ему регламента, аппробованнаго отъ его высокографскаго сіятельства, и о содержаніи студентовъ и гимназистовъ не сталъ имѣть попеченія, и отказывая и выбивая ихъ отъ себя *съ безчестіемъ*, сталъ общество совсѣмъ рушить. *Да и прежде его прошенія о увольненіи, академическою канцеляріею примѣчено нерадѣніе о своей должности и происходили многія на него жалобы.* Чего ради неминуемо въ канцеляріи Академіи наукъ и опредѣлено

его, Модераха, отъ академической службы уволить, а чтобы учащіе не пришли въ безпорядокъ, и для того велѣно быть инспекторомъ гимназіи г. профессору г. Котельникову, которому и имѣть смотрѣніе надъ университетомъ и принять отъ него, Модераха, имѣющуюся у него для студентовъ и гимназистовъ сумму и данные ему инструкціи и регламенты. И для того ему, Котельникову, велѣно въ университетскомъ домѣ отвести квартиру, а Модераху изъ того дому выѣхать *и квартиру во ономъ опорожнить еще прежде праздника святыя Пасхи.* И хотя къ нему, Модераху, о выѣздѣ изъ того дому апрѣля 5 и 26 чиселъ и посланы изъ академической канцеляріи указы, *и сверхъ того неоднократно посыланъ былъ къ нему коллегіи юнкеръ Орловъ съ тѣмъ, чтобы онъ, Модерахъ, заблаговременно нанялъ себѣ квартиру. И онъ помянутому Орлову сказывалъ, что у него квартира уже нанята и скоро изъ академическаго дому выѣдетъ. Однако и виду еще выѣзду не показываетъ и является преслушнымъ ея императорскаго величества указамъ. А между тѣмъ безъ всегдашняго присмотру, за отдаленіемъ новаго инспектора, чинятся въ гимназіи безпорядки* и общежитіе приходитъ въ вящшій *упадокъ.* Отъ его высокографскаго сіятельства Академіи г. президента университетъ и гимназія препоручены въ единственное смотрѣніе г. коллежскому совѣтнику Ломоносову, *а понеже* въ академическомъ регламентѣ въ 50-мъ пунктѣ написано: академической канцеляріи присутствующіе члены въ небытность президента должны всѣмъ корпусомъ такъ, какъ президентъ самъ управлять, того ради, по указу ея императорскаго величества, въ канцеляріи Академіи наукъ опредѣлено: упомянутаго профессора Модераха, за непослушаніе данныхъ ему указовъ, изъ университетскаго дому правящему экзекуторскую должность коллегіи юнкеру Орлову немедленно выслать. А ежели онъ, Модерахъ, будетъ *противиться* (вм. усиливаться), въ такомъ случаѣ у тѣхъ покоевъ, въ которыхъ онъ жительство имѣетъ, оконницы *и двери* выставить вонъ и тѣмъ его выѣхать принудить. И о томъ оному Орлову дать *ордеръ*, а *Модераху сообщить копію съ сего опредѣленія*".

Между тѣмъ какъ Ломоносовъ принималъ такія рѣшитель-

ныя мѣры къ удаленію Модераха изъ казенной квартиры, президентъ Академіи медлилъ отвѣтомъ на канцелярское представленіе и только 28 іюня 1761 года подписалъ приказаніе относительно бывшаго инспектора гимназіи. Здѣсь графъ Разумовскій съ замѣчательною умѣренностью высказалъ, что много разъ получалъ жалобы Ломоносова на Модераха, а послѣдній стороною, но не прямо къ президенту, писалъ „о нападеніяхъ и обидахъ" ему отъ Ломоносова. Въ такомъ положеніи гр. Разумовскій, по его словамъ, выжидалъ, не будетъ ли изъ академической канцеляріи какихъ либо свѣдѣній для того, чтобы выдти ему „изъ сумнительства", но вмѣсто того оттуда прислано доношеніе, что Ломоносовъ уволилъ Модераха и на его мѣсто опредѣлилъ Котельникова. Президентъ, оставивъ до времени въ силѣ помянутое распоряженіе Ломоносова, приказалъ: „а что профессоръ Модерахъ проситъ увольненія отъ Академіи по одному, какъ видно изъ стороннихъ писемъ, огорченію, въ томъ до прибытія моего въ Санктпетербургъ удержаться, ибо ежели онъ прямо обиженъ, то я самъ, по разсмотрѣніи дѣла, и удовольствіе ему учиню.... Ежели же онъ не желаетъ ничего инаго, какъ только отпуску своего отъ Академіи, то ему, такъ какъ человѣку свободному и контрактъ свой выжившему, въ томъ не препятствуется...."

Вслѣдствіе того академическая канцелярія, 26 іюля 1761 года, объявила Модераху президентское опредѣленіе, но онъ, вѣроятно опасаясь преслѣдованій Ломоносова, отвѣчалъ, „что ничего инаго не желаетъ какъ только отпуску своего и увольненія отъ Академіи...." Послѣ такого заявленія, Модерахъ въ августѣ 1761 года получилъ увольненіе изъ Академіи наукъ [1]).

Весь январь 1761 года у Ломоносова по видимому прошелъ въ писаніи вышепомянутыхъ представленій противъ своихъ

---

1) II, книга № 260; также Билярскій, стр. 507—510, 530, 531. Въ іюлѣ 1763 года Модерахъ снова былъ принятъ въ Академію профессоромъ съ порученіемъ ему надзора за переводами и переводчиками. Въ февралѣ 1767 г. въ Модерахѣ не находили болѣе надобности при Академіи, а потому его тогда уволили вторично изъ академической службы (II, книги №№ 276 и 303).

недоброхотовъ, и только съ слѣдующаго мѣсяца начинаютъ попадаться предложенія и заявленія его, какъ академика, касательно наукъ и вообще учено-литературной дѣятельности его. Такъ, 4 февраля, онъ предлагалъ академической канцеляріи о невыгодахъ дѣйствительно чрезвычайно медленнаго печатанія произведеній академиковъ въ органѣ ученой дѣятельной Академіи — Novi commentarii. По мнѣнію Ломоносова, слѣдовало означенныя произведенія издавать выпусками по третямъ, а въ концѣ года соединять въ одинъ томъ подъ общимъ заглавіемъ съ предисловіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовымъ и притомъ имъ первымъ — что нельзя не поставить ему въ заслугу — высказана въ высшей степени важная для научной русской литературы мысль: „всѣ диссертаціи переводить на россійскій языкъ и на ономъ печатать. Чрезъ сіе избѣжимъ роптаній, и общество россійское не останется безъ пользы. И сверхъ того студенты, коихъ я на то назначу, будутъ привыкать къ переводамъ и сочиненіямъ диссертацій съ профессорскихъ примѣровъ“ [1]). Нельзя не пожалѣть искренно, что эта полезная мѣра Ломоносова осталась только на бумагѣ: съ осуществленіемъ ея русская научная литература обогатилась бы множествомъ замѣчательныхъ произведеній по разнымъ наукамъ и они, сдѣлавшись доступными для бо́льшаго круга читателей, несомнѣнно распространяли бы мало по малу знанія и любовь къ нимъ въ Россіи. Самая Академія наукъ, какъ справедливо ожидалъ этого и Ломоносовъ, выиграла бы отъ того во мнѣніи русскаго общества, которое считаетъ дѣятельность ея чуждою Россіи именно потому, что большая часть и притомъ важнѣйшихъ изъ произведеній ея членовъ являются въ свѣтъ не на родномъ языкѣ.

5 февраля, по предложенію Ломоносова, отдано въ печать сочиненіе его Первыя основанія въ металлургіи. Оно окончательно издано въ свѣтъ въ 1763 г., подъ которымъ и будетъ говорено о немъ [2]).

18 мая 1761 года академическая канцелярія распорядилась о выполненіи словеснаго предложенія Ломоносова касательно

---

1) Билярскій, стр. 505.

2) Билярскій, стр. 505.

отпуска изъ книжной лавки и выписыванія изъ-за границы книгъ для гимназическихъ учениковъ, которые чувствовали тогда въ нихъ великой недостатокъ, „ибо-де инымъ не всѣ, а другимъ никакихъ не выдано, отчего-де въ ученіи дѣлается не малая остановка; да и впредь при произвожденіи изъ учениковъ въ студенты и при переведеніи учениковъ изъ нижнихъ въ верхніе классы, также и когда новые ученики принимаются на казенное иждивеніе, книги часто надобны бываютъ...“ [1]) Памятникомъ заботъ Ломоносова объ учебникахъ для гимназистовъ служатъ собственноручные его наброски, хранящіеся въ его бумагахъ у Н. М. Орлова [2]).

1 іюня 1761 г., Ломоносовъ представлялъ въ академиче-

1) Билярскій, стр. 511, 512.

2) Вотъ эти наброски:

Нужныя книги для классовъ.

I. Въ нижнемъ латинскомъ:
1. Rudimenta linguae latinae.
2. Primitiva latina usitata.
3. Vocabularium juxta genere rerum dispositum.
4. Colloquia selectiora.

(Съ боку противъ этихъ четырехъ руководствъ написано:) Съ россійскимъ переводомъ въ одной книжкѣ напечатать.

II. Въ среднемъ латинскомъ:
1. Полная латинская грмматика съ просодіею.
2. Улнеровы фразисы избранные.
3. Эразмовы пословицы.
4. Корнелій Непотъ на латинскомъ.

(Съ боку противъ этихъ руководствъ отмѣчено:) Въ одной книжкѣ напечатать съ россійскимъ переводомъ.

III. Въ верхнемъ латинскомъ классѣ:
1. Оная жъ полная грамматика.
2. Курцій.
3. Цицероновы избранныя рѣчи.
4. Пантеумъ.
5. Виргилій.

IV. Въ нижнемъ классѣ первыхъ основаній наукъ книгъ не надобно; ариѳметикѣ обучать просто.

V. Въ среднемъ:
1. Первыя основанія математики Вольфовы на латинскомъ языкѣ.
2. Логариѳмы.

VI. Въ верхнемъ:
1. Тиммигова вольфіянская философія.
2. Географія математическая и политическая.
3. Атласъ.

(Приписка съ боку:) Нарочная гимназическая библіотека NB и университетская. Всѣ классическіе авторы. Книги дарить.

(На другой четверткѣ Ломоносовымъ написано:)

Для средняго латинскаго класса.

1. Полная грамматика изъ Альвара, собранная съ просодіею и съ переводомъ. Эксцепціи дополнить вокабулами.
2. Первообразныя съ правилами этимологическими.
3. Улнеровы фразисы.
4. Эразмовы пословицы.
5. Orbis pictus, selectior.

Для верхняго 1 класса.

1. Та же грам.
2. Краткая ритор. Снаріевы таблицы.
3. Краткая исторія.
4. Митологія. Ranth. My.
5. Избранныя синон. и фр. изъ Gradus ad. Par.

скомъ засѣданіи образцы золота, присланнаго изъ Колыванскихъ заводовъ. Присутствовавшіе въ засѣданіи академики удивлялись изобилію этихъ образцовъ и находили ихъ достойными тщательнаго разсмотрѣнія [1]).

Въ іюлѣ 1761 г. въ академической канцеляріи было прислано изъ сената представленіе, съ которымъ вошелъ туда Ломоносовъ о придуманныхъ имъ средствахъ къ открытію въ Россіи „по разнымъ мѣстамъ еще неизвѣстныхъ рудъ, дорогихъ металловъ и камней". Ломоносовъ думалъ, что „къ сему имѣемъ въ отечествѣ сильныхъ и многочисленныхъ рудокоповъ, и многія тысячи рудоискателей и рудокопателей, каждой сильнѣе тысячи саксонцевъ.... Извиненія въ томъ проситъ, что для уваженія сего полезнаго дѣла употребилъ онъ метафорическія рѣчи: сильныхъ рудокоповъ разумѣетъ многочисленныя россійскія рѣки, а рудоискателей называетъ дѣтей малыхъ...." По мысли нашего академика, деревенскіе мальчики должны были собирать „разные пески, разные камни, разныя глины, смотря по ихъ цвѣтамъ". Затѣмъ старостамъ и сотскимъ слѣдовало выбирать изъ этого, что признаютъ они за лучшее, и выбранное отсылать въ города съ крестьянами, а оттуда воеводскія и управительскія канцеляріи имѣли собранное такимъ образомъ отправлять въ Петербургъ. По разсчету Ломоносова, подобныхъ посылокъ могло набраться тысячъ съ пять пудовъ. Все это Ломоносовъ брался разсмотрѣть, а „пески промывать и пробовать новоизобрѣтеннымъ имъ способомъ, коимъ самой малый признакъ золота показать можно". Сверхъ того, „онъ изъ собранія присылаемыхъ отвсюду минераловъ сочинить всѣми силами и въ печать издать подъ именемъ Россійской минералогіи стараться обѣщается...." Въ заключеніи Ломоносовъ брался обучить въ одинъ годъ молодыхъ людей, знающихъ ариѳметику и геометрію, минералогіи и пробирному дѣлу. Сенатъ обратился въ академическую канцелярію съ запросомъ: „можетъ ли изъ того быть государственная польза?" Нѣкоторые изъ академиковъ, именно четверо русскихъ и Фи-

1) Билярскій, стр. 523.

шеръ, безусловно одобрили ломоносовское предложеніе, но прочіе находили его трудноисполнимымъ. Представленіе Ломоносова осталось потомъ безъ осуществленія, и въ 1763 г. онъ самъ подалъ уже иное предположеніе по тому же предмету [1]).

Прохожденіе Венеры черезъ солнце, бывшее, какъ видѣли на стр. 701, 730, причиною горячихъ столкновеній и пререканій нѣкоторыхъ изъ ученыхъ нашей Академіи, подало Ломоносову случай написать брошюру, оконченную печатаніемъ въ іюлѣ 1761 года: „Явленіе Венеры на Солнцѣ, наблюденное въ Санктпетербургской Императорской Академіи наукъ Маія 26 дня 1761 г.[2]) Здѣсь помѣщены между прочимъ извѣстія о заслугахъ и опытности русскихъ обсерваторовъ Красильникова и Курганова, что конечно должно было служить косвеннымъ отвѣтомъ Тауберту и Эпинусу, недовѣрявшимъ знаніямъ и искусству помянутыхъ лицъ Въ концѣ доказательства Ломоносова — что система Коперника не противорѣчитъ Св. Писанію — направлены противъ тѣхъ, которые не далѣе какъ въ 1756 году подавали императрицѣ Елисаветѣ докладъ о богопротивности сочиненій, въ которыхъ приводится мысль о множествѣ міровъ и проч.[3]).

„Ломоносовъ, говоритъ московскій профессоръ г. Любимовъ, наблюдалъ прохожденіе Венеры черезъ солнце съ физической стороны, тогда какъ адъюнктъ астрономіи маіоръ Красильниковъ и поручикъ Кургановъ производили астрономическія наблюденія. Ломоносовъ употреблялъ зрительную трубу о двухъ стеклахъ длиною въ 4½ фута, присоединивъ къ ней не слишкомъ густо закопченное стекло. Наблюденія Ломоносова привели къ заключенію о существованіи атмосферы вокругъ Венеры. Къ краткому извѣщенію о прохожденіи Венеры чрезъ

---

1) Билярскій, стр. 532—536; также II, № 263; Горный журналъ, 1828 г., X, 140—148; Чтенія въ обществѣ исторіи 1862 г., кн. IV, смѣсь, 169—175.

2) Въ 4°, 16 страницъ съ таблицею. Нѣмецкій переводъ ея: Erscheinung der Venus vor der Sonne beobachtet bey der kayserlichen Academie der Wissenschafften in S.-Petersburg den 26 May 1761. Aus dem russischen übersetzt. Печатано по 250 экземпляровъ на каждомъ языкѣ; экземпляръ обошелся по 7 коп., а продавался по 12 коп. (II, книга № 261; Билярскій, стр. 537).

3) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей 1867 г., книга 1, смѣсь, стр. 7, 8. Записки Академіи наукъ, XII, прил. № 5, Редакторъ, сотрудникъ и цензура въ русск. журналѣ 1755—1764 г.г., 44.

солнце Ломоносовъ присоединилъ еще прибавленіе, назначенное для отстраненія мыслей, которыя бываютъ у малосвѣдущихъ людей относительно астрономическихъ явленій. Люди непросвѣщенные, говоритъ Ломоносовъ, съ ужасомъ внимаютъ что про различныя „небесныя явленія пророчествуютъ бродящія по міру богаделенки, кои во весь свой долгій вѣкъ о имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь". Такой страхъ легковѣрія достоинъ презрѣнія. Другое замѣчаніе Ломоносовъ относитъ къ грамотѣямъ, которые, превратно понимая нѣкоторыя мѣста изъ Св. Писанія, хотятъ осудить ученіе астрономіи, говоря: „противно-де закону". Ломоносовъ объясняетъ словами Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, какъ и съ какимъ разумомъ должно читать и разумѣть Писаніе. Высокимъ благочестіемъ здѣсь дышитъ всякое слово Ломоносова. Говоря о Коперниковой системѣ міра, онъ соединяетъ серьезное съ забавнымъ и приводитъ басню о поварѣ, который, не долго думая, рѣшаетъ споръ между двумя лицами, изъ которыхъ одно раздѣляетъ мнѣніе Коперника, а другое держится ученія Птоломея. Поваръ говоритъ:

...что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака такова,
Который бы вертѣлъ очагъ вокругъ жаркова? [1])

Академикъ Д. М. Перевощиковъ, упоминая о наблюденіяхъ того же явленія Румовскимъ и Ломоносовымъ, дѣлаетъ притомъ такое заключеніе: „оба наблюдатели видѣли одни и тѣ же физическія явленія; но Румовскій ни слова не сказалъ объ ихъ причинѣ, а Ломоносовъ весьма основательно объяснилъ ихъ существованіемъ атмосферы около Венеры. Спустя тридцать лѣтъ, послѣ небольшой полемики между Шретеромъ и В. Гершелемъ, эти знаменитые астрономы согласились въ существованіи атмосферы около Венеры, что еще позже подтвердилъ Араго.

---

1) Въ воспоминаніе 12 января 1855 г. Учено-литературныя статьи профессоровъ московскаго университета. Ломоносовъ какъ физикъ, 30, 31.

И такъ Ломоносову принадлежитъ честь перваго открытія атмосферы около Венеры. По существованію атмосферы около всякой планеты, можно заключить, что она способна для жилища органическихъ существъ, и потому Ломоносовъ объявляетъ себя послѣдователемъ Фонтенеля, и текстами изъ Отцевъ Церкви, Василія Великаго и Іоанна Дамаскина доказываетъ, что ученіе о множествѣ міровъ ни мало не противорѣчитъ Св. Писанію" [1]).

18 сентября 1761 года, академическая канцелярія опредѣлила выдать Ломоносову по двѣнадцати экземпляровъ всѣхъ его произведеній въ переплетахъ „для пересылки за море къ ученымъ людямъ". Поводомъ къ этому было словесное заявленіе нашего академика, что „сочиненія его, изданныя въ печати, ко многимъ ученымъ людямъ не доходятъ...." [2])

21 сентября Ломоносовъ предложилъ академической канцеляріи, чтобы за каждое засѣданіе академикамъ были выдаваемы, по примѣру Французской Академіи, медали въ пятьдесятъ и тридцать копеекъ, смотря по званію академика и адъюнкта. Этимъ вознагражденіемъ онъ думалъ устранить то, что „долговременнымъ искусствомъ примѣчено: г.г. академики не сходятся въ обыкновенные часы въ конференцію, и проходитъ время напрасно, для того что мало вступаютъ въ ученыя разсужденія, отъ коихъ обыкновенно выходятъ идеи къ новымъ полезнымъ изобрѣтеніямъ...." Предложеніе Ломоносова было оставлено до прибытія въ Петербургъ президента, а потомъ предано забвенію [3]). Извѣстно, что мѣра, предложенная Ломоносовымъ, впослѣдствіи времени введена была въ Россійской Академіи и служила долгое время потомъ поводомъ къ разнымъ насмѣшкамъ надъ этимъ способомъ вознагражденія трудовъ ея членовъ.

Въ сентябрѣ и октябрѣ, въ академическихъ засѣданіяхъ была обсуждаема задача, предложенная Ломоносовымъ на премію отъ Академіи на 1763 годъ. Послѣ представленія академикомъ Леманомъ особаго мнѣнія, съ которымъ согласились про-

---

1) Радуга, журналъ на 1865 годъ, апрѣль, № 4, Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи, 198.

2) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 540.

3) Билярскій, стр. 540, 541.

чіе члены [1]), было положено объявить объ этой задачѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Всѣмъ, плавильное искусство знающимъ, извѣстно, что къ большей части рудъ придаютъ разныя вещи прежде сожженія оныхъ въ порохъ и сплавки. А сіе дѣлается отчасти для того, чтобъ способнѣе можно отдѣлить другаго рода частицы, съ тѣми рудами смѣшанныя, а отчасти чтобъ самой металлъ безо всякаго примѣса удобнѣе могъ на дно осѣсть. Чего ради предлагается вопросъ: нѣтъ ли способовъ отдѣлять всякой металлъ отъ свой руды, которыми бы не только скорѣе обыкновеннаго, но и съ меньшимъ иждивеніемъ то учинить можно было такъ, чтобы въ плавильномъ дѣлѣ употребляемыхъ толь многихъ разныхъ вещей не придавать, а довлѣла бы къ тому одна или другая, и какія самыя способнѣйшія вещи, которыя во всякой рудѣ придавать должно. Сея задачи рѣшенія, доказательствами и опытами утвержденнаго и изъясненнаго, Академія ожидаетъ“.

Въ 1761 году печаталось въ академической типографіи удостоенное отъ нашей Академіи преміи сочиненіе Самуила Клингенштіерна: Tentamen de definiendis et corrigendis aberrationibus radiorum luminis in lentibus sphaericis refracti, et de perficiendo telescopio dioptrico. При чтеніи перваго листа этого разсужденія, Ломоносовъ остановился на выраженіи автора: Quae cl. geometra Eulerus in Commentariis Berolinensibus Anni 1757 huc spectantia dedit, ea, cum demonstrationibus careant, non tam ad instruendos lectores scripta videntur, quam ad excitandos Matheseos cultores, ut proprio marte negotium aggrediantur. Нашъ академикъ послалъ этотъ листъ въ засѣданіе 1 ноября съ такою надписью: „Здѣсь авторъ нѣсколько съ презрѣніемъ и неправедно говоритъ о г. Эйлерѣ, а намъ для многихъ причинъ надобно за него стоять. И такъ должно сіе инако отмѣнить“. Въ засѣданіи, впрочемъ, академики не находили основательнымъ замѣчаніе Ломоносова, напротивъ видѣли истину въ словахъ Клингенштіерна, почему положено было оставить напечатанный листъ безъ измѣненія,

1) Билярскій, стр. 541—545.

такъ какъ непристойно измѣнять что нибудь безъ согласія автора сочиненія, увѣнчаннаго преміею, отчего бы кромѣ того, безъ нужды удвоились издержки печатанія [1]). Здѣсь кстати замѣтить, что Ломоносовъ въ описываемое здѣсь время выказывалъ себя особенно расположеннымъ къ Эйлеру. Въ жизнеописаніи послѣдняго [2]) было уже говорено, что великій математикъ, по совѣту исторіографа Мюллера, знавшаго по опыту болѣе, чѣмъ кто либо, все значеніе Ломоносова въ тогдашнемъ Петербургѣ, обращался къ нашему академику съ просьбою о содѣйствіи въ хлопотахъ его касательно возмѣщенія убытковъ, потерпѣнныхъ Эйлеромъ въ его имѣніи въ Пруссіи отъ русскихъ войскъ. Какъ только до Ломоносова дошло это письмо Эйлера (въ январѣ 1761 года), то онъ принялся ходатайствовать за него, чему свидѣтельствомъ служитъ слѣдующая его собственноручная записка въ академическую канцелярію: „Получивъ письмо отъ г. Эйлера о его разореніи, докладывалъ я вчера о томъ его сіятельству, милостивому государю графу Михаилу Ларіоновичу. И его сіятельство склоненъ принять отъ канцеляріи на то реляцію. Для того надобно заготовить, а прежде того сообщить мнѣ въ домѣ его жъ сіятельства“ [3]).

Какъ въ прошломъ 1760 г. въ день рожденія И. Шувалова, 1 ноября, Ломоносовъ поднесъ ему посвященіе своей поэмы Петръ Великій, такъ и въ 1761 году въ тотъ же день нашъ писатель подарилъ любимца императрицы письмомъ, которое несомнѣнно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній его пера. Оно написано на тему „о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа“. Въ началѣ его Ломоносовъ говоритъ, что онъ, при разборѣ своихъ сочиненій, нашелъ „старыя записки моихъ мыслей, простирающихся къ приращенію общественной пользы“. Эти, по выраженію самаго Ломоносова, „по разнымъ временамъ замѣченныя порознь мысли подведены быть могли подъ слѣдующія главы: 1. О размноженіи и сохраненіи россійскаго народа. 2. О истребленіи празд-

1) Билярскій, стр. 547, 548.
2) Исторія Академіи наукъ, I, 280.
3) II, книга № 259.

ности. 3. О исправленіи нравовъ и о большемъ народа просвѣщеніи. 4. О исправленіи земледѣлія. 5. О исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ. 6. О лучшихъ пользахъ купечества. 7. О лучшей государственной экономіи. 8. О сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира". Сохранилось въ спискѣ съ собственноручной записки Ломоносова другое, подобное же оглавленіе его мыслей, но нѣсколько переиначенное и съ прибавками, а именно: „1. О сохраненіи и размноженіи народа. 2. О истребленіи праздности. 3. О исправленіи нравовъ и о просвѣщеніи. 4. О умноженіи внутренняго изобилія. 5. О купечествѣ, особливо со внѣшними народами. 6. О ремесленныхъ дѣлахъ и художествахъ. 7. О государственной экономіи. 8. О сохраненіи военнаго искусства и храбрости во время долговременнаго мира. Оріентальная Академія. О лѣсахъ. Экономическая географія. Экономическія игры. Истребленіе раскола. Экономическая ландкарта. Праздность показать по мѣстамъ и по персонамъ. Мужъ мельницу не сдѣлаетъ, а жена весь день мелетъ" [1]).

На основаніи этого оглавленія, нѣкоторые изслѣдователи положительно говорятъ, что Ломоносовъ непремѣнно написалъ разсужденія подъ такими заглавіями и что они теперь утрачены [2]); напротивъ того, Билярскій высказываетъ предположеніе, что эти разсужденія существовали только въ заглавіяхъ [3]). Какъ бы то ни было, только въ настоящее время не отыскано еще ни одного произведенія Ломоносова, которое бы можно было пріурочить, по содержанію и направленію, къ тому же разряду сочиненій, которыя упоминаются въ вышеприведенныхъ заглавіяхъ [4]). Отчасти напоминаетъ пріемы разбираемаго здѣсь письма

1) Снимокъ съ этой записки есть въ академической библіотекѣ вмѣстѣ съ копіею съ письма о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа.

2) Г. Бартеневъ въ Указателѣ статей и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Москвитянинѣ, стр. 59; г. Будиловичъ, Ломоносовъ какъ писатель (Спб., 1871), стр. 73.

3) Билярскій, стр. 547.

4) Въ недавнее время г. М. Шпилевскій напечаталъ въ журналѣ Бесѣда 1872 г., кн. 1, стр. 155—159 статью, подъ заглавіемъ: «Неизданное сочиненіе Ломоносова о коммерціи». Сочиненіе это въ рукописяхъ Императорской публичной библіотеки занесено во Второе прибавленіе къ описанію сла-

Ломоносова небольшая статейка его о духовенствѣ, которая имъ самимъ озаглавлена „Примѣчанія", и написана для И. Шувалова, а въ печати названа „Объ обязанности духовенства" [1]).

Въ вышеозначенномъ письмѣ Ломоносовъ причинами умаленія народонаселенія полагалъ: браки между лицами несоотвѣтствующихъ лѣтъ, а также насильственные; далѣе запрещеніе жениться болѣе трехъ разъ. Ломоносовъ краснорѣчиво

вяно-россійскихъ рукописей гр. Ѳ. Толстова, вмѣстѣ съ другими двумя, писанными однимъ и тѣмъ же почеркомъ, а именно: Географическое описаніе королевства прусскаго и Шведскія узаконенія о торговлѣ. Доводы принадлежности Ломоносову помянутой рукописи г. М. Шпилевскій основываетъ на томъ, что «отдѣльныя слова, выраженія, обороты рѣчи — все это напоминаетъ ломоносовское перо, ломоносовскій слогъ». Между тѣмъ, при чтеніи рукописи, на каждой страницѣ ея замѣчается неумѣнье и непривычка автора къ литературному изложенію, въ которомъ былъ такъ силенъ Ломоносовъ; встрѣчаются иностранныя слова въ родѣ: профитъ, претекстъ, амбиція, инфлюенція, что нисколько не напоминаетъ Ломоносова. Далѣе въ «Бесѣдѣ» говорится, что въ рукописи «приписки и поправки сдѣланы почеркомъ, близко подходящимъ къ почерку Ломоносова». Но это положительно ошибочно, такъ какъ каждому, знакомому съ почеркомъ Ломоносова, при взглядѣ на рукопись, не представляется никакого сомнѣнія, что тѣ приписки и поправки сдѣланы совсѣмъ другимъ лицомъ. Нельзя не замѣтить, что въ нихъ иногда попадаются такія неправильности, какихъ нѣтъ ни въ одной подлинной бумагѣ Ломоносова, напр., въ одной припискѣ слово *иждивенію* написано: *ижъдивенію.* Наконецъ, въ той же статьѣ говорится: «Мысль о необходимости учрежденія экономическаго класса при Академіи (пунктъ 3 ркп.) имѣетъ близкую связь съ доношеніемъ Ломоносова объ учрежденіи класса агрикультуры при Академіи». Но Ломоносовъ не писалъ доношенія объ учрежденіи подобнаго класса, а изъ цитуемаго въ «Бесѣдѣ» мѣста труда г. Будиловича («Ломоносовъ какъ писатель», прил. XIX) оказывается, что Ломоносовъ былъ противъ присоединенія къ Академіи учрежденій съ чисто-практическими цѣлями. Въ концѣ своей статьи г. Шпилевскій выразилъ увѣренность, что Публичная библіотека «поспѣшитъ издать въ свѣтъ это замѣчательное произведеніе нашего народнаго писателя». Эта увѣренность не осуществится, такъ какъ г. Помощникъ директора Публичной библіотеки, академикъ Бычковъ уже заявилъ, что помянутая статья не можетъ принадлежать Ломоносову и по всѣмъ признакамъ написана послѣ его кончины (С. Петербургскія вѣдомости, 1872 г., № 92).

1) Статейка эта напечатана въ Лѣтописяхъ литературы и древности, 1859, II, отд. III, 197, 198. Благодаря пожертвованнымъ въ Академію П. Мухановымъ, бумагамъ Ломоносова, теперь извѣстенъ и подлинникъ ея, переданный вмѣстѣ съ ними. По сравненіи печатной статьи съ рукописью, оказывается, что въ 4-мъ пунктѣ напечатано «должности свои», а слѣдуетъ читать: «должность свою»; тамъ же послѣ словъ «меньше будетъ преступленій» пропущено: «меньше челобитья, меньше ябедниковъ»; въ 6-мъ пунктѣ напечатано «со всею строгостію», а надобно «со всякою строгостію»; тамъ же вм. «безпрерывно» — «безперерывно».

возстаетъ потомъ противъ насильственнаго постриженія въ монахи вдовыхъ молодыхъ священниковъ и дьяконовъ, равнымъ образомъ — и противъ поступленія въ монашество молодыхъ людей обоего пола. По мнѣнію нашего писателя, для сохраненія жизни младенцевъ, рожденныхъ внѣ брака, необходимо устроивать „богадельные дома“, въ которыхъ бы принимались и воспитывались подобныя дѣти. Для отвращенія большой смертности, случающейся въ дѣтскомъ возрастѣ, совѣтуется составить общедоступный лечебникъ, собранный изъ иностранныхъ книгъ. Ломоносовъ при этомъ случаѣ въ особенности обращаетъ вниманіе на „великаго медика Гофмана:“ онъ, „упражнявшись черезъ шестьдесятъ лѣтъ въ докторскомъ званіи, при концѣ жизни писалъ наставленія о излеченіи младенческихъ болѣзней, по которымъ я — прибавляетъ Ломоносовъ — дочь свою дважды отъ смерти избавилъ....“ Потомъ слѣдуютъ разсужденія о вредѣ крещенія дѣтей въ холодной водѣ, на что настаивали нѣкоторые упрямые священники. Особенною яркостью красокъ отличается описаніе излишествъ, которымъ русскіе предаются въ большіе праздники, и потомъ—вреда для здоровья отъ перехода къ дурной постной пищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается, что время нашихъ большихъ праздниковъ и постовъ самое неудобное къ тому, и что св. отцы, установлявшіе ихъ, имѣли въ виду народы, жившіе на югѣ, въ благорастворенномъ климатѣ. Ломоносовъ говоритъ о необходимости перемѣнъ въ постановленіяхъ по этому предмету, которыя бы соотвѣтствовали климатическимъ условіямъ Россіи: „для толь важнаго дѣла можно въ Россіи вселенскій соборъ составить: сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ.“ Ломоносовъ былъ увѣренъ, что подобныя перемѣны легко дѣлаются въ Россіи по тому-де, что „россійскій народъ гибокъ!“

Размноженіе докторовъ и аптекъ, а въ послѣднихъ — аптекарей изъ русскихъ (это желаніе Ломоносова подобно нѣкоторымъ другимъ — какъ извѣстно — остается неосуществленнымъ и по нынѣ), съ тѣмъ вмѣстѣ уничтоженіе суевѣрнаго лѣченія волшебствомъ и чародѣйствомъ; искорененіе случаевъ насильственной смерти, дракъ, разбоевъ; возвращеніе множества

бѣглыхъ изъ за границы (даже военною силою); истребленіе раскола посредствомъ распространенія просвѣщенія; призывъ иностранныхъ поселенцовъ — таковы предметы, о которыхъ распространялся Ломоносовъ въ своемъ письмѣ. Вообще это произведеніе, поражающее и теперь широкимъ взглядомъ, чуждымъ мелочностей и личностей, затрогиваетъ столько вопросовъ, неразрѣшимыхъ и донынѣ; оно все такъ глубоко проникнуто сознаніемъ правоты того, что высказываетъ здѣсь великій писатель; въ немъ повсюду является такое глубокое знаніе своего народа — и при томъ оно написано такимъ прекраснымъ, могучимъ слогомъ, что все это безспорно дѣлаетъ письмо Ломоносова о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній всей русской литературы XVIII вѣка. Независимо отъ этого, письмо для насъ драгоцѣнно и въ томъ отношеніи, что оно болѣе, чѣмъ всѣ прочія его сочиненія, знакомитъ насъ съ его взглядами и убѣжденіями въ гражданскомъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Теперь любопытно узнать всѣ мытарства, которыя испыталъ этотъ трактатъ, чтобы явиться въ печати безъ помарокъ ровно сто десять лѣтъ спустя послѣ его сочиненія. Только въ 1819 году русскіе читатели увидѣли напечатаннымъ это письмо. Его осмѣлился помѣстить, впрочемъ съ важными пропусками, В. Олинъ въ своемъ Журналѣ древней и новой словесности [1]). Въ то же время оно вышло и отдѣльною брошюрою. „Появленіе письма и брошюры, разсказываетъ г. профессоръ Сухомлиновъ [2]), не прошло незамѣченнымъ. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлалъ замѣчаніе цензурному комитету, что не слѣдовало, вопреки пятнадцатому параграфу устава, пропускать сочиненіе, въ которомъ содержатся, въ пунктахъ: третьемъ, пятомъ, седьмомъ и восьмомъ, мысли предосудительныя, не справедливыя, противныя православной Церкви и оскорбляющія честь нашего духовенства. Цензору Яценкову, одобрив-

1) 1819 года, мартъ, № 6, стран. 52—78.

2) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I, ч. II. (Спб., 1866), 58, 59, 96, 97.

шему рукопись, угрожали удаленіемъ отъ должности, и цензурованіе Журнала древней и новой словесности передано было въ другія руки. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ призналъ, что распространеніе письма Ломоносова въ публикѣ должно быть воспрещено. Весьма замѣчательно объясненіе цензора Яценкова, показывающее, какъ мало цензура расположена была стѣснять литературную дѣятельность, и какимъ образомъ относилась она къ произведеніямъ словесности вообще. „Не входя въ изслѣдованіе о томъ — пишетъ Яценковъ — справедливы ли разсужденія Ломоносова, въ письмѣ семъ изображенныя, осмѣливаюсь объяснить только слѣдующее. Статья сія имѣетъ совсѣмъ другую цѣну, и должна быть разсматриваема совсѣмъ съ другой стороны. Она не есть ни богословская: ибо кто станетъ искать въ Ломоносовѣ разрѣшенія богословскихъ вопросовъ? ни медицинская, ниже политико-экономическая, хотя въ семъ дѣлѣ всѣ лучшіе врачи и многіе государственные мужи отдадутъ Ломоносову справедливость. Она есть не что иное, какъ новая черта къ портрету Ломоносова, дополненіе къ исторіи жизни и многочисленнымъ ученымъ занятіямъ сего великаго мужа. До сихъ поръ мы знали и почитали Ломоносова, какъ неподражаемаго поэта, какъ великаго математика, физика, астронома, химика; отнынѣ будемъ знать и почитать еще его и какъ глубокомысленнаго государственнаго мужа, какъ ревностнѣйшаго споспѣшника народной силы, богатства и величія нашего отечества. Онъ могъ ошибаться въ мнѣніяхъ своихъ о предметахъ богословскихъ и политико-экономическихъ; но одно усердіе его къ споспѣшествованію общей пользѣ даетъ уже ему право на всеобщую признательность. Будущій историкъ жизни Ломоносова не пропуститъ и сей черты вмѣстѣ со многими другими, изображающими величественный образъ сего необыкновеннаго человѣка. И сія есть одна истинная точка, съ которой цензоръ считалъ себя въ обязанности разсматривать статью сію. Запретивши оную, онъ бы выкинулъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ похвальномъ словѣ Ломоносова.“

Въ 1842 г. въ Москвитянинѣ снова было напечатано пись-

мо Ломоносова [1]), а отсюда перешло въ Сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдинымъ [2]); но въ обоихъ названныхъ изданіяхъ это письмо явилось еще съ бо́льшими урѣзками, чѣмъ у Олина. Въ 1859 г. въ Библіографическихъ запискахъ [3]), послѣ скромнаго замѣчанія, что „это любопытное сочиненіе.... вѣроятно еще нескоро появится въ печати въ удовлетворительномъ и полномъ спискѣ,“ возстановлено было нѣсколько пропусковъ. Какъ обо всемъ этомъ мало было извѣстно не только русской читающей публикѣ, но и въ журналистикѣ, тому доказательствомъ можетъ служить статья С. Петербургскихъ вѣдомостей 1871 г., № 82: „Всѣми забытое письмо Ломоносова.“ Здѣсь въ началѣ неизвѣстный авторъ, увѣряя, что письмо было только разъ напечатано въ Журналѣ древней и новой словесности, приводитъ изъ него выписки касательно постовъ. Наконецъ, въ 1871 году въ третьемъ выпускѣ Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности, на стр. 72—86, напечатано это письмо Ломоносова вполнѣ [4]).

Выше на стр. 617, 618, было говорено, что Ломоносовъ по желанію Шувалова собиралъ матеріалы для исторіи Петра Великаго, съ цѣлію передачии хъ во французскомъ переводѣ Вольтеру, который вызвался, къ великому удовольствію Шувалова, писать эту исторію. Конечно, не трудно было впередъ предвидѣть, какова она могла выдти изъ-подъ пера знаменитаго вольнодумца, имѣвшаго самыя смутныя понятія и о Россіи, и о ге-

1) № 1, отд. историч. матеріал., стр. 126—143.

2) I, 631—654.

3) № 11, стр. 345—348.

4) При сравненіи текста, напечатаннаго въ Бесѣдахъ, съ рукописнымъ экземпляромъ, найденномъ мною въ собраніи рукописей покойнаго академика К. И. Арсеньева, оказались, кромѣ неважныхъ разночтеній, въ первомъ слѣдующіе пропуски противъ рукописи: въ 5-мъ пунктѣ, стр. 75, послѣ словъ «и пятаго брака»: «*разрѣшеніемъ къ супружеству вдовыхъ поповъ и дьяконовъ*»; въ 8-мъ пунктѣ, въ концѣ, на стр. 81: послѣ словъ: «всѣмъ сердцемъ»: «*сирѣчь не кишками*»; тамъ же послѣ словъ: «какъ самъ себя»: «*то есть, совѣстію, а не языкомъ*»; тамъ же послѣ словъ: «обходительствомъ съ иновѣрными»: «*заставить матросовъ въ лѣтніе посты ѣсть мясо*»; на стр. 82, въ пунктѣ 10-мъ, послѣ словъ: «человѣческой, то есть»: «*моровыя*». На стр. 85, въ 11-мъ пунктѣ: вмѣсто «проводникомъ» слѣдуетъ «*приводчикомъ*». Эти же самыя дополненія написаны, согласно арсеньевскому списку, въ другомъ, сообщенномъ мнѣ академикомъ А. В. Никитенко.

ніальномъ царѣ ея. Тѣмъ не менѣе однако Шуваловъ, подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, зараженъ былъ маніею приходить въ восхищеніе отъ похвалъ европейскихъ знаменитостей, которыя иногда чисто изъ разсчетовъ любостяжательности, отзывались благосклонно, но всегда — съ сохраненіемъ чувства собственнаго превосходства о Россіи и русскихъ. Любопытны подробности о заказѣ Вольтеру писать исторію Петра Великаго, оставленныя академикомъ Штелинымъ: „не щадили, говоритъ онъ, никакихъ издержекъ, чтобы возбудить въ этомъ знаменитомъ писателѣ охоту къ отчетливому исполненію такого труда. Ему послали впередъ отъ имени ея императорскаго величества подарки великой цѣны: полное собраніе изображеній русскихъ людей, выбитыхъ на золотѣ, значительный запасъ дорогихъ мѣховъ изъ отборныхъ соболей, черныхъ и голубыхъ лисицъ и пр., которые одни даже въ Россіи оцѣнивались въ нѣсколько тысячъ рублей. Но какъ былъ изумленъ дворъ, когда послѣ долгаго промежутка времени, вмѣсто ожидаемой отъ знаменитаго писателя полной и обстоятельной исторіи русскаго монарха, явился голый остовъ подъ заглавіемъ Histoire de Pierre le Grand, empereur de la Russie, въ которомъ открылись любостяжательные виды сочинителя: онъ не только утаилъ и удержалъ болѣе чѣмъ половину пересланныхъ ему извѣстій, но и вставилъ тамъ-сямъ свои бездоказательныя мнѣнія и сужденія, которыя совершенно противорѣчили переданнымъ ему извѣстіямъ и обстоятельствамъ. Справедливо досадовали на такое несовершенство книги и съ вѣроятностью угадывали въ этомъ корыстный разсчетъ г. Вольтера, который онъ уже выказалъ при изданіи многихъ своихъ книгъ: удерживать множество полезныхъ матеріаловъ, въ видахъ помѣщенія ихъ потомъ въ новыя изданія, всегда умноженныя и улучшенныя, и тѣмъ самымъ наполнять болѣе и болѣе свой кошелекъ....“ [1]).

Въ первой части настоящаго труда говорено было, что замѣчанія на Исторію Петра Великаго Вольтера (1759—1761 гг.)

---

1) Originalanekdoten von Peter dem Groszen von J. Stählin (Leipzig, 1785), 377, 378.

писалъ, по-порученію Шувалова, исторіографъ Мюлллеръ въ 1761 году [1]). Вѣроятно къ этому же времени относятся примѣчанія на эту книгу, сдѣланныя Ломоносовымъ [2]). Они не многочисленны и не столько касаются всѣхъ возможныхъ промаховъ французскаго историка, которые съ нѣмецкою настойчивостью разоблачалъ Мюллеръ, сколько патріотическихъ соображеній, которыя, какъ извѣстно, у Ломоносова въ его историческихъ трудахъ были всегда на первомъ планѣ. Такъ, напр., онъ полагалъ выкинуть вовсе изъ исторіи Вольтера упоминанія о Петрѣ Великомъ въ родѣ les liens sérieux, ses débauches de table. Впрочемъ слѣдующее замѣчаніе Ломоносова вполнѣ подтвердилось позднѣйшими изслѣдованіями: „Sueur froide et convulsions, quand il fallait passer un ruisseau. Я, говоритъ при этомъ Ломоносовъ, имѣю примѣры, что государь въ дѣтствѣ воды не боялся и часто ѣздилъ Москвою рѣкою къ Саввѣ Сторожевскому съ братомъ своимъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ". За тѣмъ въ отзывѣ о третьей главѣ видно ясно, что примѣчанія писались для И. Шувалова: „Вся сія глава о стрѣлецкихъ бунтахъ не полна и весьма недостаточна. Много неисправностей. Къ сочиненію ея можете перевесть приказать мой экстрактъ о стрѣлецкихъ бунтахъ...." (Ср. выше на стр. 618).

Послѣднее въ 1761 году литературное произведеніе нашего писателя было въ то же время послѣднимъ стихотвореніемъ въ прославленіе императрицы Елисаветы: Ода всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ самодержицѣ всероссійской на пресвѣтлый торже-

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 386, 387.

2) Они дошли до насъ въ двухъ разныхъ редакціяхъ: одна напечатана въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829 года, V, 158—163, а другая—въ Московскомъ Телеграфѣ 1828 г. № 6, мартъ, 121—159. Подлинники обѣихъ этихъ редакцій, писанные Ломоносовымъ, поступили нынѣ въ Академію наукъ отъ П. Муханова. При сличеніи рукописи съ печатными примѣчаніями, можно убѣдиться, что хотя издатели названныхъ журналовъ и увѣряли, что правописаніе ими оставлено прежнее, однако они допустили въ немъ произвольныя измѣненія ломоносовской ороографіи. Въ Московскомъ Телеграфѣ, на стр. 158 вм. *спасскомъ* монастырѣ ошибочно напечатано: въ сѣвскомъ. Впрочемъ все остальное напечатано довольно вѣрно.

ственный праздникъ ея величества восшествія на всероссійскій престолъ ноября 25 дня 1761 года въ оказаніе истинной радости и ревностнаго усердія всенижайше поднесенная отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [1]).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ поднесенія этой оды, 25 декабря 1761 года, Елисавета скончалась. Ломоносовъ былъ огорченъ этимъ событіемъ, и сочиненная имъ по поводу его надпись дышитъ неподдѣльнымъ чувствомъ горести и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на отношенія нашего писателя къ государынѣ:

Се Елисавета
Петра Великаго великая дщерь.
Благочестивая, щедрая,
мужественная, великодушная,
всемилостивѣйшая самодержица,
моя избавительница,
защитница, просвѣтительница,
слава моя, вознесшая главу мою,
во гробъ низходитъ!
Рыдайте области,
насладившіяся кроткою ея державою;
въ слезы обратитесь
великія мои моря и рѣки;
всѣ вѣрные мои чада
къ Богу возопійте:
Упокой, Спасе, въ вѣрѣ къ Тебѣ преставльшуюся,
И царствія Твоего сопричастницу сотвори,
На тя бо упованіе возложи, человѣколюбче!

Нѣсколько дней послѣ кончины Елисаветы, Ломоносовъ написалъ стихотвореніе въ честь новаго императора: Ода всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему великому государю императору Петру Феодоровичу самодержцу всероссійскому, пресвѣтлѣйшему владѣтельному герцогу голстинскому высокому наслѣднику норвежскому и протчая и протчая, всемилостивѣйшему государю, которую его императорскому величеству на всерадостное восшествіе на всероссійскій престолъ и купно на новый 1762 годъ въ изъявленіе истинныя радости, усердія

---

1) Въ f⁰, на 7 нумер. листахъ. Печатано было 162 экземпляра; каждый обошелся по 14 коп. (Билярскій, стр. 550).

и благоговѣнія всенижайше приноситъ всеподданнѣйшій рабъ Михайло Ломоносовъ. Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [1]). Здѣсь въ первой же строфѣ новый императоръ приравненъ къ его знаменитому дѣду:

Петра Великаго обратно
Встрѣчаетъ Росская страна.

Извѣстно пристрастіе Петра III къ Голштиніи и ко всему, что напоминало ему ее. Нашъ стихотворецъ, конечно, зналъ это, и въ угоду этого пристрастія въ одѣ находимъ такіе стихи:

Голстинія возвеселися,
Что отъ Тебя цвѣтетъ нашъ Кринъ.
Ты къ мо́рю въ празднествѣ стремися,
Цвѣтущій славою Цвейтинъ.
Хотя не силенъ ты водою;
Но радостью сравнись съ Невою;
До Зунда шумъ твой распростри.

Вообще положеніе Ломоносова съ воцареніемъ новаго государя не могло потерпѣть большихъ измѣненій: почитатель и покровитель его, И. Шуваловъ продолжалъ пользоваться особенною милостью при дворѣ. Что касается до другаго сильнаго защитника нашего академика, графа М. Воронцова, то его вліяніе на дѣла, благодаря близости къ императору племянницы его, графини Елисаветы Воронцовой, сдѣлалось еще значительнѣе, чѣмъ въ предыдущее царствованіе. Такимъ образомъ въ жизни Ломоносова изъ этой эпохи замѣтно только то, что онъ пріостановился дальнѣйшими представленіями на своихъ недоброхотовъ изъ нѣмцевъ и не настаивалъ болѣе предъ графомъ Разумовскимъ о приведеніи въ исполненіе предложенныхъ имъ крутыхъ мѣръ противъ помянутыхъ враговъ своихъ. Теперь трудно сказать, поступалъ-ли такъ Ломоносовъ, имѣя въ виду особенную склонность Петра III ко всѣмъ нѣмцамъ, или же онъ хорошо видѣлъ, что въ постоянную сумятицу,

1) Въ f°, на 8 нумер. стр.; издано 12 экз.; печатаніе и бумага стоили 37 руб. 14 копеекъ (Билярскій, стр. 560).

которою отличалось это кратковременное царствованіе, безплодно было бы продолжать нападки, неимѣвшія успѣха и въ болѣе спокойныя времена.

28 января 1762 года Ломоносовъ и Таубертъ, вѣроятно, для совѣщаній на счетъ украшеній и надписей при погребеніи императрицы Елисаветы, были потребованы въ печальную коммиссію, куда и должны были явиться въ траурномъ платьѣ[1]).

4 февраля, Ломоносовъ далъ презрительный отзывъ о стихотворныхъ произведеніяхъ придворнаго пѣвчаго Голеневскаго и Сумарокова: „Стихи г. Голеневскаго, на погребеніе сдѣланные, можно отдать въ печать, такъ какъ и г. Сумарокова оду на погребеніе печатаютъ, со мною не обсылаясь, чего я и не требую, какъ и цензоромъ быть не желаю, и впредь прошу на меня никого съ такими коммиссіями не насылать. При томъ могу сказать, что Плачъ ничѣмъ не уступаетъ Погребальной одѣ. Нѣкоторыя погрѣшности обѣщался онъ исправить“[2]). Есть извѣстіе, не подтверждающееся впрочемъ до нынѣ никакими современными свидѣтельствами, что Ломоносовымъ „воспѣты“ манифесты Петра III: о вольности дворянства 18 февраля и объ уничтоженіи тайной канцеляріи 21 февраля, о чемъ упоминаетъ только нѣкій Гавріилъ Гераковъ, котораго многіе разсказы требуютъ еще провѣрки[3]).

Въ продолженіе февраля и марта мѣсяцовъ не встрѣчается слѣдовъ дѣятельности Ломоносова ни по канцеляріи, ни по конференціи. Это приписать должно тяжкой болѣзни, о которой онъ самъ упоминаетъ въ одномъ своемъ произведеніи[4]). Таубертъ и Штелинъ, воспользовавшись отсутствіемъ своего сочлена, распорядились объ отдаленіи стараго обсерватора Красильникова отъ сочиненія календаря за погрѣшность будто бы его въ изчисленіи[5]). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ наблюдалъ морозъ, случившійся тогда послѣ теплой

1) Билярскій стр. 560; II, книга № 266.
2) Билярскій, стр. 560.
3) Вѣстникъ Европы 1804 г., II, № 8, стр. 313.
4) Новый магазинъ естественной исторіи, изд. И. Двигубскимъ, III, № 1, стр. 35.
5) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 560, 561.

погоды, и написалъ по этому поводу статью, которую, впрочемъ, не окончилъ. Здѣсь нашъ академикъ пытался объяснить причины быстраго перехода отъ весенняго тепла къ стужѣ, придерживаясь прежде высказанной имъ теоріи. Онъ полагалъ, что „сія перемѣна произошла отъ погруженія средняго морознаго слоя атмосферы въ нижней ради большей онаго тягости....“ 1)

Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ Ломоносовъ занимался изобрѣтеніемъ новаго рода катадіоптрической зрительной трубы. „Она, по словамъ Ломоносова, тѣмъ должна быть превосходнѣе невтоніанской и григоріанской, что 1) работы меньше для того, что малаго зеркала не надобно, а потомъ 2) и дешевле; 3) не загораживаетъ большаго зеркала и свѣту не умаляетъ; 4) не такъ легко можетъ испортиться, какъ вышеписанныя, а особливо въ дорогѣ; 5) не тупѣютъ и не путаются въ маломъ зеркалѣ (коего нѣтъ и не надобно) лучи солнечные, и тѣмъ ясность и чистота умножаются; 6) новая бѣлая композиція въ зеркалѣ къ пріумноженію свѣта способна“ 2).

„Апрѣля 15 дня сего 1762 г., отмѣтилъ также самъ Ломоносовъ, учинена проба трубы катадіоптрической объ одномъ зеркалѣ, и мое изобрѣтеніе произошло въ дѣйствіе съ желаемымъ успѣхомъ“ 3). Затѣмъ нашъ ученый, увѣренный, что это изобрѣтеніе „будетъ служить къ чести Академіи“, сталъ хлопотать объ опредѣленіи къ нему на мѣсяцъ инструментальныхъ академическихъ мастеровъ Бѣляева и Тирютина. Это требованіе онъ заявилъ 21 апрѣля, а 29 того же мѣсяца повторилъ его уже съ такою угрозою: „что ежели не воспослѣдуетъ, принужденъ буду искать тутъ, гдѣ, не принимая отговорокъ, дѣло все скоро разсмотрятъ и отдадутъ мнѣ надлежащую справедливость“. Такое заявленіе подѣйствовало, и того же числа послѣдовало распоряженіе, чтобы Бѣляевъ и Тирютинъ, согласно желанію Ломоносова, являлись къ нему ежедневно въ послѣобѣденное время 4).

---

1) Неоконченная статья Ломоносова напечатана г. Будиловичемъ въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, VIII, прилож. № 1, 277—280.

2) Ibid., стр. 287.

3) Ibid., стр. 288.

4) Билярскій, стр. 562, 563.

13 мая Ломоносовъ объявилъ въ академическомъ засѣданіи, что президентъ одобрилъ назначеніе на другой день Петрова дня торжественнаго засѣданія въ Академіи. Тогда же нашъ ученый показалъ образецъ изобрѣтенной имъ катадіоптрической трубы новаго рода и отдалъ русское описаніе ея [1]).

Выше, на стр. 712, было говорено о выдачѣ въ 1761 г. Ломоносову 6,000 руб. на дѣланіе мозаичныхъ картинъ къ патятнику Петра Великаго. Въ 1762 г. академикъ снова вошелъ съ прошеніемъ о продолженіи отпуска суммы, предназначенной на этотъ предметъ, и сенатъ 7 іюня 1762 г. постановилъ выдать ему 7460 р. 68 коп. [2]).

Впродолженіе іюня мѣсяца Ломоносовъ занимался приготовленіемъ рѣчи къ помянутому торжественному засѣданію. Предметомъ ея онъ избралъ свое изобрѣтеніе въ катадіоптрической трубѣ, и рѣчь уже была напечатана на латинскомъ языкѣ въ 4°, на 10 страницахъ. Въ концѣ этой рѣчи Ломоносовъ, по заведенному обычаю, упоминалъ о царствовавшемъ императорѣ: „....прошу васъ быть довольными добрымъ началомъ и совершенно увѣренными, что при покровительствѣ августѣйшагө самодержца нашего Петра Третьяго, наслѣдника родовыхъ добродѣтелей, съ сонмомъ всѣхъ прочихъ наукъ возрастетъ и астрономія.... Августѣйшій домъ Петра, по укрощеніи военной бури, какъ солнце — среда движенія планетъ и умѣритель — да привлечетъ къ себѣ, какъ къ центру, всѣ тѣла въ системѣ цѣлаго міра, отъ него свѣтъ и теплоту заимствующія. Сіи живѣйшія желанія наши соединимъ съ обѣтами всей Имперіи россійской въ сей день, который уже почти цѣлое столѣтіе, послѣ рожденія Петра Великаго, празднуется вѣрноподданными при громогласныхъ восклицаніяхъ, рукоплесканіяхъ и пл声кахъ. Сей день Петра, отца отечества и сына, возлюбленнѣйшаго государя, радостный и счастливый, съ удвоеннымъ торжествомъ да возвращается на всегда болѣе радостнымъ, болѣе счастливымъ,

---

1) Билярскій, стр. 563.

2) Билярскій, стр. 564, 565; Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1867 г., II, смѣсь, 20.

и да принесетъ въ позднѣйшее потомство общее ненарушимое веселіе"[1])

Этимъ пожеланіямъ не суждено было не только осуществиться, но и быть произнесенными въ торжественномъ засѣданіи Академіи. Наканунѣ дня, въ который оно было назначено, Петръ III подписалъ отреченіе отъ престола, а 6 іюля 1762 г. его уже не было на свѣтѣ.

Какъ неожиданно было для Ломоносова это событіе, лучше всего доказываетъ печатаніе этой рѣчи съ выписанными сейчасъ пожеланіями. Но, кромѣ неожиданности, возшествіе императрицы Екатерины II на престолъ могло возбудить въ немъ и другія чувства. Для современниковъ, конечно, не было тайною, что новая государыня, когда была великою княгинею, а потомъ и въ царствованіе ея супруга, считала всѣхъ Шуваловыхъ, а также и гр. М. Воронцова людьми, наиболѣе причинявшими ей непріятностей и даже преслѣдовавшими ея[2]). Ломоносовъ, который пользовался такою громкою

1) Извѣстія о сохраненіи печатнаго экземпляра этой рѣчи сообщены г. М. Погодинымъ И. Двигубскому, который и напечаталъ ее съ русскимъ переводомъ въ Новомъ магазинѣ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ, 1827 г., часть III, № 1, стр. 31—50.

2) Записки Академіи наукъ, III, приложеніе № 6, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II, стр. 15, 16. Здѣсь кстати замѣтить, что изъ русскихъ государей въ XVIII вѣкѣ Екатерина II была первая, которая оставила бывшую до нея въ большомъ употребленіи при русскомъ дворѣ систему опалъ и преслѣдованій людей, пользовавшихся значеніемъ въ предшествовавшее царствованіе. У новой императрицы было много причинъ къ личному неудовольствію противъ нѣкоторыхъ елисаветинскихъ царедворцевъ, однако она воздерживалась отъ явнаго и, главное, поспѣшнаго выраженія къ нимъ этого чувства. Такъ объ удаленіи отъ двора графа Александра Шувалова извѣщено въ современныхъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1763 года, № 9: «Сего генваря 7 дня ея императорское величество, снисходя на всеподданнѣйшее ея императорскому величеству прошеніе генерала фельдмаршала графа Александра Ивановича Шувалова, въ разсужденіи какъ долговременной и добропорядочной службы, такъ и слабаго здоровья его, всемилостивѣйше соизволила уволить его въ вѣчную отставку, а притомъ подтверждая и то, что при бывшемъ послѣднемъ правленіи имяннымъ отъ 9 іюня прошедшаго 1762 году указомъ даны ему, графу Шувалову, и женѣ его двѣ тысячи душъ крестьянъ изъ дворцовыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами выбрать пожелаютъ. И ея императорское величество всемилостивѣйше жалуетъ ему и женѣ его выбранныя имъ и въ силу онаго указа за ними отказанныя вѣдомства главной

извѣстностью между современниками, открыто стоялъ въ числѣ усердныхъ сторонниковъ Шуваловыхъ, и Екатеринѣ II не могло не быть извѣстнымъ это. Тѣмъ не менѣе, однако, едва прошла недѣля послѣ переворота, какъ нашъ писатель изготовилъ стихотвореніе въ честь новой властительницы судебъ Россіи: Ода торжественная ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ всероссійской на преславное ея восшествіе на всероссійскій императорскій престолъ іюня 28 дня 1762 года. Въ изъявленіе истинной радости и вѣрноподданнаго усердія искренняго поздравленія приносится отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова.

дворцовой канцеляріи въ Ингерманландіи Ямсковицкую мызу село Апольс съ деревнями, въ коихъ 1242 души; да въ можайскомъ уѣздѣ Гиреевскую и Кузовскую волости, въ которыхъ въ первой 407, а во второй 317 душъ, и того 1966 душъ съ принадлежащими къ ней землями и всѣми угодьями, что по дачамъ и по писцовымъ книгамъ въ нихъ состоитъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе».

Въ началѣ 1763 г. государственный канцлеръ князь М. Воронцовъ внезапно почувствовалъ потребность въ заграничномъ лѣченіи ослабѣвшаго своего здоровья. Послѣ его отъѣзда, Екатерина II распорядилась, какъ напечатано въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1763 года, № 93, препоручить «по нынѣшнимъ небезтруднымъ обстоятельствамъ, во время отсутствія его сіятельства канцлера, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, его превосходительству сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Никитѣ Ивановичу Панину исправленіе и производство всѣхъ по иностранной коллегіи дѣлъ; чего ради и повелѣно ему присутствовать въ оной коллегіи старшимъ членомъ, по колику дозволятъ ему другія его должности». Хотя впослѣдствіи гр. Воронцовъ и вернулся изъ-за границы, но иностранною коллегіею управлялъ уже Панинъ.

4 марта 1763 года состоялся высочайшій указъ: «генералъ-поручикъ и шефъ сухопутнаго кадетскаго корпуса Иванъ Шуваловъ получилъ отъ ея императорскаго величества дозволеніе отъѣхать на нѣкоторое время въ чужіе краи, а между тѣмъ оный корпусъ остается безъ шефа, того ради до возвращенія помянутаго Шувалова повелѣваетъ ея императорское величество генералъ-маіору князю Репнину отправлять должность шефа того корпуса (Санктпетербургскія вѣдомости 1763 г., № 31). Шуваловъ не возвращался потомъ въ Россію въ продолженіе четырнадцати лѣтъ. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ, что свидѣтельство г. П. Бартенева, будто этотъ Шуваловъ пользовался довѣріемъ и милостивымъ вниманіемъ Екатерины II (Біографія И. И. Шувалова, М., 1857, стр. 51), противорѣчитъ современнымъ извѣстіямъ, которыхъ достовѣрность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Елисаветинскій генералъ-прокуроръ, князь Никита Трубецкой, судившій гр. А. Бестужева-Рюмина за то, что онъ хотѣлъ послѣ императрицы Елисаветы отдать Россію во власть Екатерины, также не удержался при дворѣ послѣд-

Печатана въ Санктпетербургѣ при императорской Академіи наукъ [1]).

Въ этомъ произведеніи стихотворцу пришлось порицать дѣянія властителя, которому за нѣсколько еще дней онъ готовился произнести пышныя хвалы при стеченіи публики.

Прежде всего Ломоносовъ въ своей одѣ Екатеринѣ II, громитъ пристрастіе Петра III къ прусскому королю и постыдный для Россіи миръ, съ нимъ заключенный:

Слыхалъ ли кто изъ въ свѣтъ рожденныхъ,
Чтобъ торжествующій народъ
Предался въ руки побѣжденныхъ?
О стыдъ, о странной оборотъ!
Чтобъ кровью купленны Трофеи
И побѣдителей злодѣи
Пріобрѣли въ напрасный даръ
И данную залогомъ вѣру.

ней. Объ этомъ событіи такъ объявлено въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1763 года, № 50: «его сіятельство г. генералъ-фельдмаршалъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой всеподданнѣйше просилъ ея императорское величество о увольненіи его, за великою его болѣзнію, отъ всякой военной и гражданской службы, почему ея величество, имѣя совершенную причину оказать къ нему, яко долговременно и вѣрно служившему, высочайшее благоволеніе, всемилостивѣйше отъ оной его уволила, повелѣвая производить ему по смерть жалованье его вмѣсто пенсіону по чину его изъ того мѣста, откуда уже ея императорскимъ величествомъ назначено, и сверхъ того выдать ему изъ главной экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ серебряною монетою 50 т. рублей, которые, раздѣля по поламъ, уплатить въ домъ его одну половину нынѣшняго года, а другую будущаго 1764 года въ іюнѣ мѣсяцѣ». Потомъ въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ въ № 52 читаемъ: «Сверхъ прежде объявленной высочайшей монаршей милости къ его сіятельству князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, ея императорское величество всемилостивѣйше указать соизволила его сіятельству по увольненіи отъ службы, когда въ столицахъ ея императорскаго величества находиться будетъ, давать пристойный караулъ не въ образецъ другимъ. Въ день же отшествія ея императорскаго величества отсюда въ Санктпетербургъ его сіятельство, будучи болѣнъ ногами и потому не въ состояніи выѣхать, чтобы припавъ къ стопамъ ея величества принести рабскія и усердныя свои желанія, ея величество изъ особливой высочайшей милости, бывъ въ успенскомъ соборѣ, изволилала заѣхать къ его сіятельству на загородной дворъ, потомъ чрезъ Москву возвратясь въ лагерь, прямо въ путь свой отправиться».

1) Распоряженіе о печатаніи этой оды послѣдовало въ академической канцеляріи 8 іюля 1762 года; печатано было 800 экземпляровъ, изъ нихъ 132, переплетеныхъ въ золотой и серебряной муаръ, также въ тафту, поднесены императрицѣ, наслѣднику престола и знатнымъ (II, книга № 269).

Петръ Великій, о которомъ Ломоносовъ долгомъ считалъ напоминать какъ только дѣло касалось Петра III, въ новой одѣ нашего стихотворца уже говоритъ:

Я мертвъ терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
Въ супружество я поручилъ,
Дабы чрезъ то Моя Россія
Подъ игомъ области чужія
Лишилась власти, славы, силъ?

Въ разсматриваемой одѣ есть превосходная строфа, которая очевидно навѣяна манифестомъ Екатерины II, 6 іюля 1762 г., гдѣ говорилось о Петрѣ III: „законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ, и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ; доходы государственные расточать началъ....“ [1]) Нашъ стихотворецъ воспользовался этою мыслію и такъ изложилъ ее въ стихахъ:

Услышьте Судіи земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Само собою разумѣется, что въ одѣ Екатеринѣ II уже не было помина о Голштиніи, которую стихотворецъ воспѣвалъ при Петрѣ III; напротивъ, въ стихахъ въ честь государыни есть обращенія, которыя должны были принять прямо на свой счетъ столь отличаемые при дворѣ покойнаго государя нѣмцы:

О вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,

---

1) Осмнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ, издаваемый г. П. Бартеневымъ, IV, 216—223.

Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Беспреткновенно приносить;
На то ль склонились къ вамъ Монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

* * *

И вмѣсто чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россійскимъ родомъ
Умышлено отъ вашихъ главъ.
Къ попранью нашего закона
Россійскаго къ паденью Трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

* * *

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствомъ собственнымъ повѣрьте,
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ Героевъ
Отъ земледѣльца до Царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
И у святаго олтаря.

Стихи въ предпослѣдней строфѣ о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ:

А Ты, о отрасль вожделѣнна,
Спасенная отъ сильныхъ рукъ,

становятся понятными по прочтеніи помянутаго же манифеста, гдѣ сказано о бывшемъ императорѣ, что „имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго намъ сына,... не восхотѣлъ объявить его наслѣдникомъ престола“. Послѣдняя строфа оды прославляетъ пособниковъ Екатерины II, возведшихъ ее на престолъ.

Впрочемъ это произведеніе не заставило императрицу Екатерину II обратить вниманіе на Ломоносова, и въ первое время ея царствованія, отличавшееся особенною щедростью на награды и деньгами, и чинами, первый русскій писатель былъ забытъ, быть можетъ не безъ намѣренія, какъ старинный почи-

татель ненавистныхъ государынѣ Шуваловыхъ. Между тѣмъ Тепловъ, съ которымъ такъ часто вздорилъ Ломоносовъ по академической канцеляріи и котораго онъ считалъ до сихъ поръ себѣ ровнею, Тепловъ сдѣлался первымъ дѣльцомъ въ Кабинетѣ императрицы. Всѣ манифесты, писанные съ горяча въ первые дни новаго царствованія, всѣ тогдашнія важнѣйшія распоряженія сочинялись Тепловымъ. Онъ находился въ Ропшѣ въ день смерти тамъ Петра III, и въ самомъ началѣ переворота получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, единовременно 20,000 руб. и т. д. Елагинъ, котораго Ломоносовъ осмѣивалъ въ сатирическихъ стихахъ подъ именемъ Балабана, и онъ возвысился, благодаря тому, что былъ пособникомъ красивому Станиславу Понятовскому въ его сердечныхъ дѣлахъ. Екатерина II произвела Елагина изъ отставныхъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначила его также на службу въ Кабинетъ. Наконецъ Таубертъ, этотъ исконный врагъ Ломоносова, удостоенъ былъ 19 іюля значительнаго для того времени повышенія: ему дали чинъ статскаго совѣтника, а между тѣмъ Ломоносовъ оставался все коллежскимъ совѣтникомъ. Въ продолженіе іюля 1762 г. онъ сказывался больнымъ, такъ что 25 іюля Таубертъ, вѣроятно торжествующій отъ недавняго повышенія, дерзнулъ постановить, чтобы въ канцеляріи чинить исполненіе по дѣламъ безъ подписанія Ломоносова. Между тѣмъ, послѣдній, видимо задѣтый за живое повышеніемъ Тауберта, именно послѣ того принялся самъ хлопотать о своемъ повышеніи. Въ какомъ настроеніи духа дѣйствовалъ онъ при этомъ случаѣ, всего лучше показываетъ слѣдующее прошеніе его, поданное на высочайшее имя въ іюлѣ мѣсяцѣ вслѣдъ за производствомъ въ статскіе совѣтники Тауберта:

1. Въ службѣ вашего императорскаго величества состоя тридцать одинъ годъ, обращался я въ наукахъ со всякимъ возможнымъ раченіемъ, и въ нихъ пріобрѣлъ толь великое знаніе, что по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей учоныхъ принесъ я ими знатную славу Отечеству во всемъ учономъ свѣтѣ, чему показать могу подлинныя свидѣтельства.

И таковымъ ученіемъ, одами, публичными рѣчьми и диссертаціями пользовалъ и украшалъ я вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ двадцать лѣтъ. 2. На природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, такъ же и до высокихъ наукъ надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль россійской въ минувшіе двадцать лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много способнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ, въ чемъ свидѣтельствуетъ общая аппробація моихъ сочиненій и во всякихъ письмахъ употребляемыя изъ нихъ слова и выраженія, что къ просвѣщенію народа много служитъ. 3. Присутствуя въ канцеляріи Академіи наукъ членомъ полшеста года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалованья — что однако моимъ товарищамъ учинено было — отправлялъ я должность мою по положеннымъ на меня департаментомъ со всякимъ раченіемъ такъ, что гимназія, университетъ и географическій департаментъ пришли во много лучшее передъ прежнимъ состояніе. 4. Помянутою моею ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежалъ я двѣнадцать недѣль въ смертной постелѣ и нынѣ тяжко болѣнъ. 5. Не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и безпорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ близь двѣнадцати лѣтъ въ одномъ чину, оставленъ я, нижайшій, произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ; которымъ при семъ реестръ сообщается и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества милосердіемъ благоволено было сіе мое нижайшее прошеніе принять и меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы вашего императорскаго величества вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды, и для того что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ статскіе дѣйствитель-

ные совѣтники, съ ежегодною пенсіею по тысячи по осьмисотъ рублевъ по мою смерть изъ статской конторы. Между тѣмъ въ покоѣ и въ уединеніи отъ хлопотъ, бывающихъ по должности, пользуясь таковою вашего императорскаго величества всевысочайшею щедротою, въ часы свободные отъ болѣзни не премину въ наукахъ посильно упражняться въ пользу отечества [1]).

При прошеніи приложенъ списокъ лицъ, въ сравненіи съ которыми Ломоносовъ считалъ себя обойденнымъ въ награжденіи чиномъ. Всѣхъ лицъ изчислено здѣсь пятнадцать человѣкъ: между ними не названъ Тепловъ, хотя бы онъ могъ быть помѣщеннымъ тамъ, а послѣднимъ стоитъ Таубертъ, стало быть прошеніе Ломоносова написано вскорѣ послѣ 19 іюля.

По разсказамъ Гельбига, изъ всѣхъ братьевъ Орловыхъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ императрицы Екатерины II, Ѳедоръ считался умнѣйшимъ и наиболѣе образованнымъ [2]). Надобно думать, что Ломоносовъ зналъ его прежде, потому что, 26 іюля 1762 г., онъ именно къ нему обратился съ ходатайствомъ вручить любимцу императрицы, Григорью Орлову какіе-то документы о своей службѣ „для подтвержденія моего законнаго прошенія". За тѣмъ академикъ приводилъ примѣры, какъ щедро награждаютъ ученыхъ въ другихъ земляхъ [3]). „Между тѣмъ, продолжаетъ онъ, отдаясь въ Божіе благоволеніе, Его прошу: сотвори со мною знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся, яко ты, Господи, помоглъ ми и утѣшилъ мя еси. Вышеписанное сообщаю для примѣра, не для прошенія, чтобъ только желаемое во благо бъ исполнить. Благодарность моя его превосходительству (т. е. Григорью Орлову) безсмертна будетъ утверждена публичными памятниками...." Нельзя не замѣтить, что и при писаніи этого посланія, Ломоносова преслѣдовала мысль о полученіи Таубертомъ чина статскаго совѣтника — такъ въ постъ-скриптумѣ академикъ приписалъ: „Здѣсь примѣчать над-

1) Записки Академіи наукъ, XII, 104—106.

2) Russische Günstlinge (Tübingen, 1809), 303.

3) Списокъ иностранныхъ ученыхъ, очевидно приложенный къ этому письму, помѣщенъ у Билярскаго въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 285, 286.

лежитъ, что въ чужихъ краяхъ жалуютъ профессоровъ знатными чинами, а книгопродавцевъ и типографщиковъ, каковъ г. Таубергауптъ, и другихъ ремесленныхъ людей никакими чинами не повышаютъ“ [1]).

Григорій Орловъ на другой день присылалъ кого-то къ Ломоносову, и этотъ, того же 27 іюля, благодарилъ письменно фаворита: „Подай вамъ въ весь вѣкъ столько чувствовать удовольствія, какъ я нынѣ; но оно безконечно умножится, когда совершеніе вашего благодѣянія истинно отеческаго воспослѣдуетъ, ибо онымъ всѣ истинные сыны отечества отъ унынія возставлены или, лучше сказать, воскрешены будутъ; напротивъ того злые недоброхоты россійскіе, въ коварныхъ своихъ происках ослабясь, не такъ станутъ насягать на насъ дерзостно. Нынѣ время златой знатнымъ наукамъ вѣкъ возставить, и отъ презрѣнія (въ которое я было самъ первый попалъ) избавить возлюбленный россійскій родъ! Не укосни, милостивый государь, въ отчаяніи и дряхлости сѣтующее, учащееся здѣсь юношество оживить отрадою и показать, что ваше превосходительство Богъ возвысилъ истиннымъ сыномъ отечества на защищеніе вѣрныхъ, природныхъ подданныхъ ея величества. Въ надеждѣ несомнѣннаго отеческаго вашего покровительства и пр. [2]).

Несмотря на эти усильныя просьбы, Ломоносовъ впродолженіе 1762 года оставался какъ бы незамѣченнымъ отъ новаго правительства. Между тѣмъ онъ продолжалъ недомогать, и этому обстоятельству надобно приписать, что въ означенномъ году осталось мало слѣдовъ его дѣятельности.

27 августа 1762 г., Ломоносовъ напоминалъ, что изданіе въ свѣтъ картъ для россійскаго атласа два года останавливается за академическою конференціею, и что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ „долѣе не коснѣть и тѣмъ не чинить ущерба казнѣ и чести академической“. 3 сентября онъ объявилъ, что „отъ болѣзни его имѣетъ нѣсколько свободы, однако въ канцелярію ѣздить не можетъ, а дѣла нужныя слушать и подписывать на дому будетъ“.

1) Билярскій, стр. 566.

2) Билярскій, стр. 566, 567.

11 сентября 1762 года сенатъ потребовалъ отъ академической канцеляріи извѣстій „о государственныхъ доходахъ, сколько тѣхъ денегъ ежегодно въ казну доходитъ, куда оныя въ расходъ употребляются и по какимъ указамъ?“ Вѣроятно, хитрый и изворотливый Таубертъ имѣлъ свои причины показывать видъ, что не понимаетъ ясно запроса сената, а потому полагалъ уклончиво отвѣтить, что кромѣ опредѣленной по штату на Академію суммы, она не имѣетъ другихъ государственныхъ доходовъ; а хотя съ разныхъ учрежденій при Академіи получается „нѣкоторая сумма денегъ“, но она опять издерживается въ расходъ на нужды по Академіи же. Ломоносовъ справедливо возсталъ противъ такого отвѣта сенату: „ибо, писалъ онъ, 1) въ словахъ: кромѣ положенной на Академію суммы, никакихъ государственныхъ доходовъ оная не имѣетъ — разумѣется, якобы положенная на Академію сумма была государственный доходъ; но она дѣйствительно государственный расходъ и изъ доходовъ употребляется на Академію. 2) А какъ за государственные доходы почитаются соляные и винные сборы, также и отъ казенныхъ заводовъ и фабрикъ въ бергъ и мануфактуръ коллегію получаемыя прибыли; равнымъ образомъ и отъ академической типографіи и книжной лавки и отъ другихъ мастерствъ собираемыя деньги суть дѣйствительно подобные государственные доходы, о которыхъ по силѣ указа правительствующаго сената въ оной несомнѣнно подать надлежитъ обстоятельную краткую вѣдомость“[1]). Изъ дѣлъ не видно, принято ли было во вниманіе это мнѣніе Ломоносова.

Между тѣмъ нашъ академикъ снова сдѣлался болѣнъ, и это лишило его возможности принимать участіе въ академическихъ дѣлахъ. Въ концѣ января слѣдующаго 1763 года онъ сталъ поправляться и ѣздить въ академическую канцелярію. Тогда-то именно Таубертъ объявилъ академической канцеляріи предложеніе президента графа Разумовскаго, подписанное имъ еще 31 августа 1762 года, о передачѣ управленія географическимъ департаментомъ при Академіи исторіографу Мюллеру. Ломо-

1) Билярскій, стр. 569, 570.

носовъ объяснялъ это событіе тѣмъ, „что Таубертъ выпросилъ у президента такой ордеръ въ запасъ, что ежели Ломоносовъ не умретъ, то оный ордеръ произвести, чтобъ Мюллеръ могъ въ географическомъ дѣлѣ Ломоносову быть соперникъ; ежели же умретъ, то бы оный уничтожить, дабы Мюллеру не дать случая себя рекомендовать географическими дѣлами. Оба сіи тогда друзья, когда надобно нападать на Ломоносова, въ прочемъ — крайніе между собою непріятели....“ [1]).

Помянутое предложеніе графа Разумовскаго не могло не затронуть и безъ того уже оскорбленнаго въ Ломоносовѣ чувства самолюбія, такъ какъ причина назначенія Мюллера вмѣсто Ломоносова приведена въ самомъ началѣ и притомъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ: „Отъ географическаго департамента уже нѣсколько лѣтъ почти ничего новаго къ поправленію россійской географіи на свѣтъ не произведено, чему по большей части причиною нераченіе опредѣленныхъ при ономъ географическомъ департаментѣ; ибо вмѣсто того, чтобъ соединенными силами трудиться къ общей пользѣ, одинъ другому токмо всякія препятствія дѣлаетъ....“ Ломоносовъ не подчинился приказанію президента: въ представленіи въ академическую канцелярію 6 февраля 1763 года онъ объявилъ прежде всего, что „о состояніи географическаго департамента донесено его сіятельству ложно“, и за тѣмъ такъ описываетъ сдѣланное имъ по этой части: „Мое о новомъ россійскомъ атласѣ раченіе не токмо географическому департаменту и академической канцеляріи, но и правительствующему сенату довольно извѣстно, ибо 1) моимъ хожденіемъ истребованы отъ высокопомянутаго сената указы, во всѣ городы Россійскаго государства разосланные съ запросами географическими, и получаются довольные отвѣты. 2) Получено отъ онаго же правительствующаго сената позволеніе и опредѣлены требованныя вспоможенія для географическихъ экспедицій по моему жъ представленію. 3) Изъ каморъ-коллегіи истребованы и присылаются реестры душъ мужеска полу для великой надобности къ сочиненію россійскаго

1) Билярскій, стр. 088.

атласа моимъ же стараніемъ. 4) Сочинено девять россійскихъ ландкартъ къ новому россійскому атласу подъ моею же дирекціею. 5) Геодезисты и студенты географическаго департамента, кои прежде ландкарты только копировали, нынѣ уже сами отъ себя ихъ сочиняютъ чрезъ мое попеченіе, чего прежде порученнаго мнѣ надъ географическимъ департаментомъ особливаго смотрѣнія не могла академическая канцелярія привести въ дѣйствіе, или и совсѣмъ того не начинала. 6) Сочинена экстрактомъ топографія тѣхъ городовъ, изъ коихъ присланы довольные отвѣты, подъ моимъ стараніемъ". За тѣмъ во всѣхъ неудачахъ и промедленіяхъ по изданію новаго русскаго атласа Ломоносовъ обвинялъ академическую канцелярію и Мюллера. Послѣдняго онъ вовсе не признавалъ способнымъ править географическимъ департаментомъ и въ концѣ представленія рѣшительно заявилъ, что не подчиняется объявленному Таубертомъ распоряженію „который, по словамъ Ломоносова, и для того уже совсѣмъ недѣйствителенъ, что безъ произведенія въ дѣло оставленъ и уже полгода просроченъ, къ явному засвидѣтельствованію, что онъ потребованъ хитростно для нѣкоторыхъ приватныхъ намѣреній...."

Вслѣдъ за этимъ представленіемъ, нашъ академикъ написалъ „Краткое показаніе о происхожденіяхъ географическаго департамента" [1]). Повторяя здѣсь въ болѣе распространенномъ видѣ извѣстія о томъ, что успѣлъ сдѣлать по этому департаменту, Ломоносовъ въ особенности нападаетъ на „злобныя поведенія господина Мюллера", а въ концѣ говоритъ: „вмѣсто награжденія за неусыпное мое о географическомъ департаментѣ стараніе и успѣхи, какъ выше показано, вижу себѣ горестное наказаніе. Ибо что можетъ быть несноснѣе, какъ моимъ раченіемъ исходатайствованные и расположенные къ полезному успѣху способы; сочиненныя подъ моимъ смотрѣніемъ многія ландкарты для россійкаго атласа, готовыя къ напечатанію; обученныхъ

1) О происхожденіи этого учрежденія и работахъ въ немъ до 1745 года можно найти извѣстія въ статьѣ К. Свенске: Матеріалы для составленія атласа Россійской имперіи, изданнаго императорскою Академіею наукъ, въ 1745 г., въ Запискахъ Академіи наукъ, IX, прилож. № 2.

чрезъ мое попеченіе ландкартному дѣлу студентовъ, видѣть отъ меня по ложнымъ причинамъ отнятыхъ съ поношеніемъ за благодареніе и отданныхъ такому человѣку, который всѣми силами препятствовалъ моимъ добрымъ успѣхамъ въ произведеніи россійскаго атласа; не имѣетъ достаточнаго знанія географіи" и т. д.

Замѣчательно, что въ черновомъ собственноручномъ спискѣ этой бумаги есть приписка, о которой нѣтъ никакого слѣда въ позднѣйшей копіи: „я, будучи у Ив. Ив., никогда не искалъ зла президенту какъ М. и Т." Нетрудно угадать, что здѣсь идетъ рѣчь о бывшемъ временщикѣ елисаветинской эпохи Иванѣ Шуваловѣ, и товарищахъ Ломоносова по Академіи Мюллерѣ и Таубертѣ. Разсказывая впослѣдствіи о распоряженіи гр. Разумовскаго передать географическій департаментъ въ вѣдѣніе Мюллера, Ломоносовъ прибавляетъ: „оный ордеръ не произведенъ въ дѣйствіе" [1]). И дѣйствительно онъ до смерти своей оставался во главѣ означеннаго департамента.

Одновременно съ этими извѣстіями Ломоносовъ счелъ нужнымъ представить президенту о состояніи ввѣренной ему учебной части. По донесенію Ломоносова, здѣсь все обстояло благополучно и вездѣ были видны успѣхи. При этомъ случаѣ испрашивалось: 1) о прибавкѣ въ 12 рублей на каждаго гимназиста: „ей, по нынѣшней дороговизнѣ тридцатью шестью рублями содержать невозможно"; 2) объ оставленіи въ вѣдѣніи Ломоносова географическаго департамента; 3) о передачѣ физическихъ инструментовъ отъ Эпинуса Брауну; 4) о доступности для академика астронома Попова обсерваторіи, также какъ и для адъюнкта Красильникова, геодезистовъ и студентовъ: „ибо оная для того и построена, чтобы пользоваться природнымъ россіянамъ къ пользѣ отечества". Это представленіе обращаетъ на себя вниманіе по тону, которымъ оно написано. Не далѣе какъ въ концѣ 1761 года Ломоносовъ грозилъ графу Разумовскому въ случаѣ, если онъ не предастъ суду Тауберта, довести о томъ до свѣдѣнія сената. Теперь же, такъ начиналось

1) Билярскій, стр. 088.

донесеніе академика къ президенту: „По должности моей принимаю смѣлость ваше сіятельство всеуниженно увѣдомить о состояніи порученныхъ мнѣ въ особливое смотрѣніе отъ вашего сіятельства въ силу генеральнаго регламента академическихъ департаментовъ, и съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и съ благонамѣреннымъ усердіемъ нижайше прошу разсмотрѣть оныя мои увѣдомленія и мнѣнія, представленныя безъ всякаго приватнаго пристрастія кромѣ того, кое имѣю къ распространенію наукъ въ отечествѣ....“ [1])

---

1) Билярскій, стр. 575—588. Кромѣ сейчасъ приведеннаго представленія въ собраніи бумагъ Н. М. Орлова сохраняется слѣдующій собственноручный черновой отрывокъ Ломоносова, писанный имъ также въ царствованіе Екатерины II.

(Зачеркнуто: VIII. По канцеляріи) ....«И тѣ безъ всякаго призрѣнія и порядочнаго содержанія, и лекціи были такъ запущены чрезъ нѣсколько лѣтъ, что и каталоги не были издаваны какъ водится. По врученіи ему, Ломоносову, въ единственное смотрѣніе университета 1) соединилъ онъ студентовъ въ общежитіе, снабдивъ довольнымъ столомъ, приличнымъ платьемъ и прочими надобностьми; учредилъ порядочныя лекціи и издавалъ ихъ каталоги, какъ въ университетахъ водится; сочинилъ университетскій регламентъ, который профессорами и самимъ президентомъ разсматриванъ и аппробованъ и по немъ поступать въ университетѣ повелѣно; великое прилагалъ стараніе о привилегіяхъ и о жалованной грамотѣ университету и всей Академіи и, съ общаго совѣта профессорскаго и согласія президентскаго, сочинилъ оную жалованную грамоту для Академіи и университетской инавгураціи, которая уже совсѣмъ была заготовлена, контрасигнована гросъ-канцлеромъ, графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ и предложена къ подписанію блаженныя памяти Г. И. Елисаветы Петровны, что кончиною ея величества пресѣклось.

4. Въ гимназіи хотя не мало было гимназистовъ, однако въ весьма бѣдномъ и безполезномъ состояніи, за тѣмъ что: 1) жалованье имъ давалось въ руки, которое брали къ себѣ ихъ родители или свойственники и держали больше на себя, нежели на школьниковъ, такъ что въ школы приходили въ бѣдныхъ рубищахъ, претерпѣвали наготу и стужу, и стыдно было ихъ показать постороннимъ людямъ. Притомъ же пища ихъ была весьма бѣдная и единъ иногда хлѣбъ съ водою. Въ такихъ обстоятельствахъ наука мало шла имъ въ голову. 2) Да и времени имъ къ тому не было, за тѣмъ что дома должны были служить отцу и матери для бѣдности, а въ гимназію ходя по дальнему разстоянію, теряли лучшіе часы, и всегда случай имѣли рѣзвиться и отъ школъ отгуливать. И такъ не дивно, что чрезъ семь лѣтъ не было произведено изъ гимназіи въ университетскіе студенты ни единаго человѣка. По послѣ порученія оной гимназіи совѣтнику Ломоносову въ единственное смотрѣніе, всѣ оныя неудобствія отвращены и пресѣчены, ибо гимназисты соединены какъ и студенты въ общежитіе, снабдены приличною одеждою и общимъ довольнымъ столомъ по мѣрѣ опредѣленнаго имъ жалованья; не теряютъ времени ни ходьбою на

Но, смирившись въ письменныхъ представленіяхъ къ президенту, Ломоносовъ по прежнему былъ вспыльчивъ и невоздерженъ на словахъ въ личныхъ сношеніяхъ своихъ съ сотоварищами. Такъ, 10 марта 1763 года, въ академическомъ засѣданіи конференцъ-секретарь Мюллеръ началъ докладывать переписку о замѣщеніи свободной въ Академіи каѳедры ботаники. Ломоносовъ, не давъ окончить доклада, объявилъ, что онъ имѣетъ предложить другое, болѣе важное дѣло, именно разсмотрѣніе приготовленныхъ къ изданію въ свѣтъ русскихъ картъ географическаго департамента. При этомъ академикъ утверждалъ, что сдѣланное по этому предмету до того времени было „все пустое". Мюллеръ попробовалъ сослаться на свидѣтельство, подписанное всѣми членами, но Ломоносовъ „продолжалъ далѣе, что подписанія членовъ ничего не значатъ, ибо не безызвѣстно, что можно получить ихъ отъ каждаго; что мошенническимъ образомъ auf eine spitzbüberische Weise (на обоихъ языкахъ произносилъ сіи ругательства) дѣлу преполезному воспрепятствовано...." Послѣ такой выходки, Мюллеръ объявилъ, что не можетъ оставаться въ засѣданіи и тотчасъ покинулъ его, хотя Ломоносовъ, вѣроятно одумавшись, началъ утверждать, что „сіи его слова не до Мюллера касаются...." [1])

Не прошло и мѣсяца послѣ этого столкновенія, именно 3 апрѣля, къ Ломоносову посланы были изъ академической канцеляріи къ подписанію протоколы и журналы. Посланный, возвратясь отъ академика, заявилъ, что „г. коллежскій совѣтникъ протоколовъ и журналовъ, да и никакихъ дѣлъ, производимыхъ по приказанію г. статскаго совѣтника Тауберта подписывать не будетъ, а должно-де требовать на всѣ дѣла резолюціи отъ его высокографскаго сіятельства Академіи наукъ г. президента, какъ-де то и г. статскій совѣтникъ учиненныхъ по его приказанію: перваго — объ отправленіи въ географическую экспедицію; втораго — о присутствіи г. надворному совѣт-

---

домъ, ни службою родителямъ, ниже заочною рѣзвостію, будучи у инспектора гимназіи и у нарочныхъ надзирателей передъ глазами въ одномъ домѣ.

1) Билярскій, стр. 591, 592.

нику и профессору Попову и адъюнкту Красильникову въ географическомъ департаментѣ; третьяго — о подачѣ профессору Мюллеру извѣстія, что онъ въ томъ департаментѣ впредь присутствовать будетъ ли,—не подписываетъ, отзываясь, будто-де безъ президентской воли онъ, г. статскій совѣтникъ, ничего учинить не можетъ. А напослѣдокъ.... г. совѣтникъ Ломоносовъ приказалъ, чтобъ ни по какимъ дѣламъ, а особливо о расходѣ денежной казны до пріѣзду его въ канцелярію не чинить....“ Когда Таубертъ узналъ о такомъ заявленіи Ломоносова, то долгомъ счелъ съ своей стороны занести въ протоколъ: „какъ по прежнимъ, такъ и впредь сочиняемымъ по приказаніямъ его протоколамъ и журналамъ исполненіе чинить, дабы въ текущихъ по канцеляріи дѣлахъ не было ни малѣйшей остановки, оставляя на волю его, г. совѣтника Ломоносова, хотя онъ будетъ или не будетъ подписывать. Которые же протоколы и по нихъ исполненіе подпишетъ онъ одинъ, въ томъ и отвѣтъ пріемлетъ онъ, г. статскій совѣтникъ, на себя, и о томъ-де будетъ писать къ его сіятельству г. президенту....“

Должно предполагать, что Ломоносовъ, обдумавъ хладнокровно всѣ послѣдствія, которыя могли произойти для ученаго учрежденія отъ личныхъ распрей начальствующихъ между собою, отказался отъ высказаннаго имъ прежде рѣшенія. 11 апрѣля онъ призвалъ къ себѣ секретаря академической канцеляріи и объявилъ ему, что онъ подпишетъ всѣ прежніе протоколы и журналы и впредь будетъ дѣлать то же со всѣми имѣющими состояться опредѣленіями. По этому случаю было занесено въ протоколъ 11 апрѣля, что „г. коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ неподписанные имъ протоколы и журналы съ шестаго марта, апрѣля по 11 число, кромѣ журнала о слушанныхъ дѣлахъ 3 числа сего жъ апрѣля, въ которомъ записанъ докладъ его же, секретаря, для чего онъ, г. совѣтникъ Ломоносовъ, тѣхъ протоколовъ и журналовъ подписывать прежде не хотѣлъ, прочіе всѣ подписалъ безспорно, а о томъ-де журналѣ объявилъ, что онъ то объявленіе секретарское и безъ подписи своей утверждаетъ...“ [1])

1) Билярскій, стр. 595, 596.

Три дня спустя послѣ рѣшимости Ломоносова подписывать всѣ опредѣленія, имѣвшія состояться въ академической канцеляріи, встрѣтился случай, который заставилъ его отказаться отъ вышепомянутаго намѣренія. Поводомъ къ этому было дѣло по притязаніямъ Сергѣя Волчкова къ академической канцеляріи, дѣло въ особенности любопытное по тому, что его можно считать первымъ въ Россіи процессомъ о литературной собственности. Въ первомъ и настоящемъ томахъ Исторіи Академіи наукъ мнѣ не разъ приходилось упоминать о Волчковѣ. Онъ, состоя до 1759 года на службѣ при Академіи наукъ занимался почти исключительно переводами и исполнялъ нѣкоторое время должность секретаря академической канцеляріи. Въ означенномъ году сенатъ предположилъ увеличить свою типографію двумя станами, именно „для скорѣйшаго прозведенія къ народной пользѣ въ печать рукописныхъ его, Волчкова, перевода книгъ". 19 ноября 1759 года, послѣдній донесъ академической канцеляріи, что онъ назначенъ директоромъ сенатской типографіи, а потому просилъ назначить его почетнымъ членомъ Академіи съ жалованьемъ по 300 руб. въ годъ. Канцелярія въ тотъ же день распорядилась объ увольненіи Волчкова изъ акедемической службы, съ объявленіемъ ему притомъ: „понеже онъ, г. Волчковъ, упражняется только въ переводахъ, а не въ наукахъ, а по академическому регламенту въ почетные члены опредѣляются знающіе науки, и для того его, Волчкова, Академія принять не можетъ". Послѣ того Волчковъ началъ домогаться не только присылки изъ Академіи находившихся тамъ рукописныхъ переводовъ его, но тѣхъ изъ нихъ, кои уже напечатаны на академической счетъ и оставались тогда нераспроданными. Академическая канцелярія отвѣчала (2 апрѣля 1761 года), что она переводы Волчкова считаетъ собственностью Академіи, такъ какъ онъ, „будучи въ академической службѣ и получая за то отъ Академіи жалованье, какъ живучи здѣсь, такъ и въ отпуску, и не будучи обязанъ никакою другою должностью, перевелъ...." Въ іюлѣ 1761 года Волчковъ, видимо разсерженный на Академію за непринятіе его въ почетные члены, подалъ обшир-

ное прошеніе[1]), гдѣ, доказывая пространно свои права на сдѣланные имъ переводы, входилъ и въ объясненія положенія самой Академіи, гдѣ по его словамъ „почти всѣ ученые люди наиболѣе въ томъ упражняются, что въ безпрестанныхъ между собою ссорахъ и враждахъ за мнимое преимущество въ наукахъ своихъ живучи, великое жалованье почти напрасно берутъ....“ Главнѣйшія жалобы Волчкова были направлены противъ Тауберта. „....Въ крайней горести души своей, на колѣни мои падши, писалъ между прочимъ Волчковъ въ прошеніи, съ кровавыми слезами у правительствующаго сената милосердія прошу на имя старшаго въ академической канцеляріи совѣтника Михаила Ломоносова послать особливой указъ, которымъ ему повелѣть, дабы онъ, Ломоносовъ, всѣ моего перевода письменныя и подъ моимъ именемъ за указами правительствующаго сената печатанныя книги не только изъ бібліотеки, но изъ книжной лавки, также изъ обѣихъ академическихъ типографій и отъ Тауберта изъ дому забравши, привезъ въ сенатскую типографію....“ 17 декабря 1762 года сенатъ было распорядился буквально исполнить такое домогательство Волчкова, но по воцареніи Екатерины II, вслѣдствіе новаго представленія академической канцеляріи, 8 августа 1762 г., ограничился постановленіемъ, чтобы книги и рукописи, за которыя Волчковъ получилъ уже вознагражденія изъ академической канцеляріи, болѣе оттуда не требовать. Волчкова это не остановило отъ дальнѣйшихъ ходатайствъ, и онъ подалъ новое прошеніе на имя Екатерины II, гдѣ увѣрялъ, что Академія отъ продажи печатныхъ изданій его переводовъ получила съ 1737 г. болѣе пятидесяти тысячъ рублей прибыли. Адамъ Олсуфьевъ, сообщивъ о томъ гр. Разумовскому, прибавилъ, что „всемилостивѣйшая государыня повелѣть изволила объявить высочайшее свое вашему сіятельству повелѣніе, дабы отъ Академіи наукъ ему, Волчкову, въ томъ показана была надлежащая справедливость“. Противъ этого-то прошенія Тау-

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1859 г., II, смѣсь, 153—162, и Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, XV, № 11372.

бертомъ было выведено на справку изъ академическихъ дѣлъ, что книгъ перевода Волчкова было издано при Академіи съ 1736 по 1761 годъ на 19,361 руб., а продано дѣйствительно на 14,742 р. Между тѣмъ въ бытность Волчкова при Академіи за объявленное время онъ получилъ жалованья 6246 руб. 38 коп.; да сверхъ того надобно было принять въ разсчетъ издержки на печатаніе помянутыхъ переводовъ. При представленіи этихъ объясненій, Таубертъ полагалъ просить, „чтобы его сіятельство на сего злостнаго и дерзновеннаго клеветателя у ея императорскаго величества надлежащей сатисфакціи истребовать соизволилъ". Когда такое постановленіе было подано Ломоносову, то онъ, 14 апрѣля 1763 г., отказался подписать его: „Мнѣ, писалъ онъ притомъ, довольно и одного надъ науками смотрѣнія, которыхъ приращенію всякими оттяжками моихъ полезныхъ стараній, онъ, г. Таубертъ, препятствуетъ, а особливо, что не хочетъ подписывать такихъ дѣлъ, въ коихъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но явная польза. И такъ сего репорта не подписываю для того, что я на г. Волчкова въ жалобахъ не помощникъ, а особливо противъ ея императорскаго величества высочайшаго повелѣнія" [1]).

Въ 1748 г. въ академической канцеляріи возникла мысль устроить въ Москвѣ книжную лавку для продажи академическихъ изданій, потому что „въ столичномъ всероссійскомъ градѣ Москвѣ и другихъ россійскихъ же городахъ желающихъ людей покупать всякія книги, портреты, ландкарты и прочее множественно есть, которые жадно бъ желали то покупать, но за толь великою отселѣ дальностію не толико кто бъ для покупки того сюда быть, но и чрезъ корреспондентовъ своихъ выписывать, убѣгая отъ убытковъ и отъ пересылокъ за платежъ вѣсовыхъ денегъ, не отважится. Къ тому же и вѣдать не могутъ, какія здѣсь бываютъ въ городахъ книги и прочее...." [2]) Въ слѣдующемъ 1749 г. академическая лавка въ Москвѣ была дѣйствительно открыта въ Бѣломъ городѣ, на Лубянкѣ, между

1) II, книга № 249; Билярскій, стр. 597, 598.

2) II, книга № 119.

Мясницкой и Срѣтенки въ домѣ капитанъ-поручика Жироваго Засѣкина [1]). До 1763 года здѣсь и производилась продажа книгъ, высылавшихся изъ Академіи наукъ, но въ этомъ году открылись безпорядки и упущенія завѣдывавшаго тою лавкою, почему Таубертъ полагалъ пріискать желающихъ взять эту лавку въ частное содержаніе на основаніи сочиненныхъ для того особыхъ условій; Ломоносовъ же, 24 апрѣля 1763 года, подалъ отдѣльное мнѣніе, по которому слѣдовало: академическую лавку въ Москвѣ вовсе уничтожить, а продавать книги въ Петербургѣ; для распространенія извѣстій о нихъ напечатать каталогъ продажнымъ книгамъ съ обозначеніемъ цѣнъ и разослать его въ Петербургѣ „по знатнымъ купцамъ", также отправить въ Москву и другіе города, „а съ купцевъ взять обязательство, чтобъ они здѣсь въ Санктпетербургѣ оныхъ книгъ не продавали...." Это мнѣніе Ломоносова не было принято во вниманіе, и книжная лавка въ Москвѣ отдана была въ содержаніе нѣкоему Петру Волкову [2]).

Между тѣмъ какъ происходили вышеописанныя пререканія, ссоры и несогласія Ломоносова съ Мюллеромъ и Таубертомъ, дворъ еще находился въ Москвѣ, гдѣ оставалась императрица Екатерина послѣ коронованія. Президентъ Академіи, графъ К. Разумовскій былъ тамъ же, и 17 апрѣля 1763 года онъ писалъ академической канцеляріи: „г.г. членамъ рекомендуется впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь Академіи, а дѣлать то, съ чего бы вящшая государству польза слѣдовать могла...." Вскорѣ за этимъ распоряженіемъ, въ Москвѣ былъ поднятъ вопросъ объ увольненіи Ломоносова изъ Академіи. Дѣлалось ли это по представленію графа Разумовскаго, вслѣдствіе горячихъ схватокъ, безпрестанно случавшихся въ ученомъ обществѣ, или же вспомнили о прошлогодней просьбѣ самого Ломоносова — неизвѣстно; только Екатерина II въ концѣ апрѣля 1763 г. уже знала о предполагаемомъ увольненіи

1) С.-Петербургскія вѣдомости 1749 года, № 24, стр. 190.

2) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 601, 602.

его и 23 числа того же мѣсяца писала къ Олсуфьеву: „Адамъ Васильевичъ. Я чаю — Ломоносовъ бѣденъ: сговоритесь съ гетманомъ, не можно ли ему пенсіонъ дать, и скажи мнѣ отвѣтъ“ [1]). Нѣсколько дней спустя состоялся слѣдующій именный указъ сенату: „Коллежскаго совѣтника Михайлу Ломоносова всемилостивѣйше пожаловали мы въ статскіе совѣтники и вѣчною отъ службы отставкою съ половиннымъ по смерть его жалованьемъ. Екатерина. Москва, мая 2 дня 1763 года“.

Извѣстіе объ этомъ указѣ дошло до Ломоносова 15 мая; онъ въ тотъ же день отказался подписать журналы и протоколы по академической канцеляріи и въ слѣдъ за тѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга въ свое помѣстье. Быть можетъ послѣ Тауберта, Мюллеръ былъ болѣе, чѣмъ кто либо, обрадованъ таковымъ извѣстіемъ, и уже 16 мая онъ поспѣшилъ отправить въ Германію письмо къ Гебенштрейту: „Академія освобождена отъ г. Ломоносова. Именный указъ императрицы отъ 2 мая заключаетъ въ себѣ, что онъ навѣчно увольняется въ отставку и впредь будетъ пользоваться половиннымъ жалованьемъ. Однако въ то же самое время онъ произведенъ въ статскіе совѣтники, чего такъ давно добивался.... Увѣдомьте объ этомъ скорѣе г. Кельрейтера, навѣрное это ускоритъ его рѣшимость возвратиться опять сюда; но о томъ еще ничего неизвѣстно изъ Вѣдомостей.“

Это увѣдомленіе ломоносовскаго недруга оказалось преждевременнымъ: 13 мая 1763 г. въ сенатѣ была получена собственноручная записка императрицы Екатерины II: „Естьли указъ о Ломоносова отставкѣ еще не посланъ изъ сената въ Петербургъ, то сейчасъ его ко мнѣ обратно прислать.“ Что побудило Екатерину II отмѣнить свой указъ объ отставкѣ Ломоносова, также неизвѣстно, но несомнѣнно, что это произошло безъ всякаго съ его стороны ходатайства. Такимъ образомъ нашъ академикъ скоро снова явился въ академической канцеляріи и тамъ снова начались взаимныя препирательства [2]).

1) Билярскій, стр. 603.

2) Указъ Екатерины II 2 мая и записка ея 13 мая 1763 г. взяты изъ копій, доставленныхъ въ Академію г. П. Калачовымъ изъ сенатскихъ бумагъ объ Академіи наукъ съ 1756 по 1765 г.,

14 іюля 1763 г. въ академической канцеляріи было объявлено сообщенное Тепловымъ высочайшее повелѣніе государыни о немедленномъ составленіи въ Академіи картъ съ обозначеніемъ всѣхъ произведеній, которыми отличаются та или другая мѣстность въ Россіи; при чемъ предполагалось происходящія въ томъ измѣненія ежегодно вносить въ карты. Все это должно было совершаться подъ вѣдѣніемъ Тауберта и Мюллера и наблюденіемъ Теплова. Такое распоряженіе снова привело въ гнѣвъ Ломоносова, и онъ, несмотря на то, что Тепловымъ объявлено было высочайшее повелѣніе, написалъ примѣчанія, въ которыхъ не только опровергалъ, но иногда и осмѣивалъ предложенное къ исполненію предпріятіе. Нельзя не сознаться, что Ломоносовъ весьма мѣтко и убѣдительно доказалъ всю неосуществимость подобнаго предпріятія. По примѣрному вычисленію его, всѣхъ картъ требовалось сочинить и выгравировать 1200! „Карты продуктовъ, замѣчаетъ онъ, именуемыя: хлѣбная, пенечная, льняная, табачная; слѣдовательно должны быть карты: чесночная, лапотная, рогожная, мыльная, кожаная, хомутиная и другія симъ подобныя въ великомъ множествѣ. Каковы же онѣ казаться будутъ, можно видѣть на приложенномъ здѣсь опытѣ. И сколь пріятно смотрѣть на ту жъ карту, нѣсколько сотъ разъ напечатанную, съ тою только отмѣною, что на одной написано: конопляное масло, на другой сальныя свѣчи, на третьей смольчугъ и т. д.“ По поводу внесенія ежегодно происшедшихъ измѣненій въ картахъ онъ съ насмѣшкой писалъ: „Слѣдовательно на всякой годъ и карты должны передѣлывать, снова грыдоровать и печатать. Сей пунктъ весьма изобиленъ и способенъ къ тому, чтобы Ломоносова оттереть отъ произведенія къ совершенію новаго россійскаго атласа, ибо печатанія ежегодныхъ табачныхъ, свѣчныхъ и прочихъ картъ въ тысячу лѣтъ не окончить, а ему столько не прожить.“ Предполагалось такихъ картъ выпустить три тома, и Ломоносовъ на это возражалъ:

книга № 28, стр. 529, 531. Кромѣ того: Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 603; Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова въ Запискахъ Академіи, VIII, прилож. № 7, стр. 87.

„По сему расположенію ни самому, мню, міру вмѣстити пишемыхъ книгъ, аминь.“

Нашъ академикъ не ограничился одними полемическими примѣчаніями, но подалъ въ сенатъ „нижайшее доношеніе“, въ которомъ доказывалъ, что помянутое предпріятіе отдалитъ на многіе годы окончаніе русскаго атласа, „какъ бы доброму намѣренію и ожиданію правительствующаго сената должно соотвѣтствовать и какъ бы требовала государственная польза.“

На этотъ разъ Ломоносовъ одержалъ полную побѣду: врага его, Тауберта, потребовали 4 августа 1763 г. во дворецъ, гдѣ ему было объявлено чрезъ Теплова, „что ея величество высочайше указать соизволила сочиненіе повелѣнныхъ россійскихъ картъ.... поручить г. коллежскому совѣтнику Ломоносову....“ Таубертъ того же числа заявилъ о томъ академической канцеляріи, въ которой 7 августа было занесено въ протоколъ: „г. коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ, въ присутствіе вступя, объявилъ, что онъ за болѣзнію своею понынѣ не присутствовалъ въ канцеляріи, а нынѣ, получа отъ оной свободу, въ академической канцеляріи присутствовать и дѣла̀ слушать будетъ.“

11 августа было постановлено требовать изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣнія, необходимыя для составленія ландкартъ россійскихъ продуктовъ. Въ черновомъ постановленіи, кромѣ двухъ вставокъ, рукою Ломоносова приписано: „Произведеніе сего дѣла учинить неукоснительно.“ При этомъ онъ приложилъ проектъ о составленіи „экономическаго лексикона россійскихъ продуктовъ и показанія внутренняго и внѣшняго оныхъ сообщеній съ принадлежащими къ тому ландкартами.“ Этимъ, по мнѣнію Ломоносова, долженствовало отстраниться неудобство къ сочиненію особенныхъ картъ для каждаго произведенія, отчего бы произошли великіе и безконечные томы“[1]). Нашъ академикъ, такъ удачно разобравшій неудобоисполнимость предположенія своихъ враговъ на счетъ картъ произведеній Россіи, не замѣчалъ, что и его предпріятіе было

1) II, № 474 и Билярскій, стр. 604—613.

трудно, если не совсѣмъ невозможно: всѣ извѣстія, которымъ слѣдовало войти въ его экономическій лексиконъ, надо было требовать отъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ служащихъ. Если и въ настоящее время собираніе матеріаловъ подобнымъ путемъ соединено съ великими затрудненіями и притомъ не надежно въ отношеніи точности, то можно себѣ представить, каковы должны были быть извѣстія, собранныя оффиціальнымъ образомъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Предположеніе объ экономическомъ лексиконѣ никогда потомъ не осуществилось.

6 сентября 1763 года, Екатерина II обратила вниманіе на иностранныя изданія, обращавшіяся тогда въ русской публикѣ: „слышно, писала она тогда, что въ Академіи наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ: Эмиль Руссо, Меморіи Петра III, Письма жидовскія по французскому и много подобныхъ"[1]). Императрица, приказавъ, чтобы въ книжныхъ лавкахъ Академіи наукъ и московскаго университета не происходило подобной продажи, вмѣстѣ съ тѣмъ возложила на сенатъ придумать на будущее время мѣры противъ распространенія въ Россіи подобныхъ иностранныхъ изданій. Сенатъ, вслѣдствіе этого повелѣнія, призвалъ въ октябрѣ 1763 года въ свое присутствіе Тауберта и поручилъ ему представить о томъ свое мнѣніе. Послѣдній написалъ по этому предмету доношеніе, въ которомъ, слѣдуя примѣрамъ въ чужихъ краяхъ, совѣтовалъ учредить при портахъ и пограничныхъ таможняхъ знающихъ свое дѣло цензоровъ, а торговлю иностранными книгами передать въ исключительное завѣдываніе Академіи наукъ, такъ-какъ при подобномъ сосредоточеніи привозимыхъ изданій легче было бы слѣдить за ними. § 6 доношенія Тауберта гласилъ: „Къ запрещеннымъ книгамъ причислять должно только такія: 1) которыя явно опровергаютъ основанія христіанскія вѣры и граж-

---

1) Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ VII, Бумаги императрицы Екатерины II, ч. I, 318.

данскаго общества; 2) соблазнительныя и честные нравы повреждающія; 3) пашквили и сатирическія сочиненія, предосудительныя государству и чести народной или нѣкоторыхъ персонъ особливо. Таковымъ книгамъ и сочиненіямъ надлежитъ написать реестръ и вручить тому, кто опредѣленъ будетъ къ осмотру привозныхъ книгъ....“ Въ заключеніе Таубертъ писалъ: „И какъ успѣхамъ наукъ и просвѣщенію человѣческаго разума ничто столько препятствовать не можетъ, какъ отнятіе свободности въ читаніи всякихъ книгъ, то по мнѣнію канцеляріи Академіи наукъ о привозимыхъ иностранныхъ книгахъ точнаго запрещенія далѣе распространять не должно какъ въ шестомъ пунктѣ упомянуто. Все сіе распоряженіе быть можетъ секретно, дабы публика ничего о томъ не вѣдала и никакія противныя разглашенія отъ того воспослѣдовать не могли какъ здѣсь, такъ и въ чужихъ краяхъ. Впрочемъ твердое правило принять можно, что добродѣтельно воспитанные и страхъ Божій въ сердцѣ имѣющіе люди, хотя бъ какимъ случаемъ и попались имъ въ руки подлежащія запрещенію книги, тѣмъ не поколеблятся въ благонравіи и въ должностяхъ своихъ къ закону и обществу, а злонравные и безъ читанія оныхъ къ худымъ дѣламъ и развращеннымъ мнѣніямъ всегда поползновеніе имѣть будутъ“ [1]).

Ломоносовъ отказался подписать это доношеніе, отзываясь, „что онъ въ цензуру иностранныхъ книгъ не вступается и представленія о томъ подписать не можетъ потому паче, что оное повелѣніе единственно зависитъ отъ правительствующаго сената“ [2]). Отказъ этотъ надобно полагать происходилъ у Ломоносова не отъ разномыслія на счетъ цензурныхъ мѣръ, но отъ оскорбленнаго самолюбія, такъ-какъ сенатъ не его призывалъ въ свое присутствіе и не ему поручалъ написать мнѣніе о цензурѣ.

Въ октябрѣ 1763 года находившійся при Ломоносовѣ студентъ Илья Абрамовъ, прописывая въ своемъ прошеніи, что онъ съ 1748 по 1754 годъ учился въ гимназіи, потомъ былъ студентомъ и занимается въ географическомъ департаментѣ съ

1) II, книга № 278.

2) Билярскій, стр. 621.

1760 года, ходатайствовалъ предъ академическою канцеляріею о прибавкѣ жалаванья. При этомъ прошеніи находится слѣдующая собственноручная записка Ломоносова: „Геодезіи студентъ Илья Абрамовъ упражняется: 1) въ дѣланіи экстрактовъ по географическимъ извѣстіямъ, присылаемымъ изъ городовъ и сколько ихъ есть, всѣ окончилъ; 2) приводитъ подъ алфавитъ собираемыя извѣстія для экономическаго лексикона; 3) сочинилъ подъ моимъ смотрѣніемъ двѣ полярныя карты къ книгѣ о сѣверныхъ путешествіяхъ, коя поднесена его императорскому высочеству; 4) приводитъ въ порядокъ по моимъ указаніямъ центрическія обсерваціи, чиненныя чрезъ полпята года, кои таблицы уже въ печать отданы. Сверхъ того ведетъ себя честно и трезво и весьма прилеженъ, для того-достоинъ жалованья прибавки до пятидесяти рублевъ къ прежнему. Октября 16 дня, 1763 года. Михайла Ломоносовъ.“ Академическая канцелярія, на основаніи этого удостовѣренія, опредѣлила Абрамову вмѣсто ста рублей въ годъ давать жалованья сто пятьдесятъ рублей [1]).

20 декабря 1763 года исполнилось давнее желаніе Ломоносова: въ этотъ день въ академической канцеляріи полученъ былъ именный указъ Екатерины II о пожалованіи его въ статскіе совѣтники; жалованье при этомъ ему было назначено 1875 рублей въ годъ [2]).

На стр. 642 говорено уже было о томъ, что въ 1758 г. дѣлаемы были разныя распоряженія о шрифтѣ, виньеттѣ и пр. для печатанія сочиненной Ломоносовымъ Россійской исторіи. 28 февраля 1763 г. въ запискѣ въ академическую канцелярію онъ самъ объяснилъ, что съ того времени напечатано было этой книги только три листа, и что онъ теперь отмѣняетъ свое прежнее намѣреніе печатать ее „съ примѣчаніями и съ сокращеніями на полѣ, но токмо съ однѣми цитаціями авторовъ, а примѣчанія присовокуплю назадѣ.... Такимъ способомъ, прибавляль Ломоносовъ, не сомнѣваюсь сію желаемую въ обществѣ

1) II, книга № 278.
2) Билярскій, стр. 628; Санктпетербургскія вѣдомости 1763 года № 102.

книгу въ краткомъ времени привести печатаніемъ къ окончанію." Въ представленной тогда рукописи заключался первый томъ въ двухъ частяхъ, содержавшій въ себѣ „россійскія дѣянія отъ самой древности даже до кончины великаго князя Ярослава Перваго, т. е. до перваго главнаго раздѣленія самодержавства россійскаго." По намѣренію Ломоносова, за этими двумя частями въ томъ же первомъ томѣ слѣдовало быть еще двумъ частямъ: „первая до Батыева нашествія, т. е. до порабощенія россійскаго татарамъ; вторая до великаго князя московскаго Ивана Васильевича, когда Россія вовсе свободилась отъ татарскаго насильства" [1]).

Въ академической канцеляріи 3 марта 1763 года было опредѣлено печатать эту книгу „съ крайнею поспѣшностію." Несмотря на то она окончена была печатаніемъ уже послѣ смерти Ломоносова [2]).

Это произведеніе Ломоносова имѣло такое заглавіе: „Древняя россійская исторія отъ начала россійскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ статскимъ совѣтникомъ, профессоромъ химіи и членомъ санктпетербургской императорской и королевской шведской Академій наукъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской Академіи наукъ 1766" [3]). Въ

1) Билярскій, стр. 588, 589.

2) 25 августа 1766 года факторъ академической типографіи Лыковъ доносилъ академической канцеляріи, что Россійская исторія Ломоносова «коштуетъ по типографіи въ 898 р. 80 к., а каждый экземпляръ обошелся въ 37 коп. съ четвертью. Нынѣ же оная исторія, за неимѣніемъ въ типографіи къ продолженію оригинала, печатаніемъ не производится». Вслѣдствіе этого Таубертъ постановилъ: «объ ономъ сообщить въ академическое собраніе письменно и притомъ послать той исторіи одинъ экземпляръ и требовать, яко о ученомъ дѣлѣ, у г.г. академиковъ мнѣнія». 9 ноября 1766 г. тотъ же Лыковъ донесъ въ учрежденную при Академіи коммиссію, что въ концѣ октября, «по насланному изъ канцеляріи Академіи наукъ оригиналу къ помянутой исторіи титула, предисловія и оглавленія напечатано 2425 экз.»; съ ними составилось въ книгѣ $18\frac{1}{2}$ листовъ и каждый экземпляръ обошелся 39 коп. Коммиссія велѣла продавать книгу по 60 коп. (II, книга № 298). 7 декабря 1766 г. было опредѣлено: «сочиненной покойнымъ статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ Россійской исторіи за труды его выдать дочери его тридцать экземпляровъ изъ книжной лавки». (II. книга № 301). Ср. также Билярскаго, стр. 744, 745.

3) Въ 4°, 6 ненум. и 140 нумер. страницъ.

началѣ книги приложено коротенькое предисловіе „къ читателю", въ которомъ въ концѣ замѣчено: „Полезный сей трудъ содержитъ въ себѣ древнія, темныя и самыя ко изъясненію трудныя россійской исторіи части. Сочинитель конечно не преминулъ бы оной далѣе продолжать, ежели бы преждевременная его смерть.... добраго сего предпріятія не пресѣкла, а между оставшимися послѣ его письмами продолженія не найдено." Такимъ образомъ къ книгѣ не приложено и примѣчаній, обѣщанныхъ, какъ видѣли выше, Ломоносовымъ.

Общую и вполнѣ безпристрастную оцѣнку историческихъ трудовъ Ломоносова сдѣлалъ академикъ Соловьевъ, который между прочимъ говоритъ:... „величайшій изъ писателей вѣка не могъ не коснуться великаго дѣла — открыть свѣту древность россійскаго народа и славныя дѣла государей, хотя онъ нисколько не былъ приготовленъ къ занятію русскою исторіею, хотя и для него, какъ для всѣхъ его современниковъ, исторія отечества была доступна менѣе всѣхъ другихъ знаній.... Хотѣли, чтобъ Ломоносовъ въ краснорѣчивомъ повѣствованіи представилъ событія древней русской исторіи. Самъ Ломоносовъ такъ понималъ свою задачу, т. е. смотрѣлъ на исторію съ чисто литературной точки зрѣнія, и такимъ образомъ явился у насъ отцомъ того литературнаго направленія, которое послѣ такъ долго господствовало.... Могучій талантъ Ломоносова оказался недостаточнымъ при занятіи русскою исторіею, не помогъ ему возвыситься надъ современными понятіями.... Во вступленіи къ своему историческому труду Ломоносовъ излагаетъ свои понятія объ исторіи; какъ выше было сказано, онъ смотритъ на нее только со стороны искусства: „всякъ кто увидитъ въ россійскихъ преданіяхъ равныя дѣла и героевъ греческимъ и римскимъ подобныхъ, унижать насъ предъ оными причины имѣть не будетъ; но только вину полагать долженъ на бывшей нашъ недостатокъ въ искусствѣ, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности." Не имѣя возможности изучить вполнѣ русскую исторію, Ломоносовъ, разумѣется, не могъ уяснить себѣ ея хода, характера главныхъ явленій, опредѣляющихъ эпохи;

вотъ почему онъ не могъ представить никакой системы и удовольствовался, какъ выражается самъ, „нѣкоторымъ общимъ подобіемъ въ порядкѣ дѣяній россійскихъ съ римскими, гдѣ находитъ владѣніе первыхъ королей соотвѣтствующее числомъ лѣтъ и государей самодержавству первыхъ самовластныхъ великихъ князей россійскихъ; гражданское въ Римѣ правленіе подобно раздѣленію нашему на разныя княженія и на вольные городы, нѣкоторымъ образомъ гражданскую власть составляющему; потомъ единоначальство кесарей представляетъ согласнымъ самодержавству государей московскихъ". Послѣ такой странной системы читатель поражается блистательнымъ по тогдашнимъ средствамъ науки рѣшеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ приготовительныхъ вопросовъ; такъ напр. о сарматахъ и скиѳахъ читаемъ: „Славяне и Чудь по нашимъ, Сарматы и Скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели въ Россіи. Единородство Славянъ съ Сарматами, Чуди со Скиѳами для многихъ ясныхъ доказательствъ неоспоримы." Это мнѣніе сильно поддерживается еще теперь учеными. Потомъ встрѣчаемъ превосходное замѣчаніе о составленіи народовъ: „Сихъ народовъ, положившихъ по разной мѣрѣ участіе свое въ составленіи Россіянъ, должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе, дабы увѣдать оныхъ древность, и сколь много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются. Рассуждая о разныхъ племенахъ, составившихъ Россію, никто не можетъ почесть ей въ уничиженіе. Ибо ни о единомъ языкѣ утвердить не возможно, чтобъ онъ сначала стоялъ самъ собою безъ всякаго примѣшенія. Большую часть оныхъ видимъ военными неспокойствами, преселеніями и странствованіями въ такомъ между собою сплетеніи, что рассмотрѣть почти невозможно, коему народу дать вящшее преимущество." Не смотря на то, увлеченный современными отношеніями, Ломоносовъ, не хочетъ признать скандинавскаго происхожденія варяговъ-руси, выводитъ Рюрика изъ Пруссіи и дѣлаетъ пруссаковъ славянами. Ломоносовъ замѣтилъ дружинный составъ народовъ, являющихся въ началѣ среднихъ вѣковъ.... Въ главѣ „О дальной древности Славенскаго народа" Ломоносовъ повто-

рилъ мнѣніе Татищева, которое въ наше время выражено почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ и подтверждено Шафарикомъ.... О словѣ скиѳъ Ломоносовъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое и теперь не потеряло еще силы между учеными: „Имя Скиѳъ по старому Греческому произношенію со словомъ Чудь весьма согласно; не происходитъ отъ Греческаго и безъ сомнѣнія отъ Славянъ взято.“ Послѣ такихъ любопытныхъ и правильныхъ замѣчаній, тѣмъ рѣзче чувствуется переходъ собственно къ повѣствованію о событіяхъ русской исторіи, тѣмъ сильнѣе подтверждается правило самого Ломоносова, что насильственные поступки съ Музами не остаются безнаказанны. (За тѣмъ слѣдуетъ выписка изъ Исторіи Ломоносова въ примѣръ, какъ онъ раскрашивалъ и добавлялъ лѣтописныя извѣстія [1]).

Здѣсь кстати слѣдуетъ прибавить, что нѣкоторые думаютъ, что Ломоносовъ въ своей Древней россійской исторіи, стр. 98—101 первый указалъ на остатки древней славянской миѳологіи въ обычаяхъ и праздникахъ русскаго народа позднѣйшихъ временъ; но все сказанное Ломоносовымъ по этому предмету есть только повтореніе, иногда подкрашенное невѣрными сравненіями изъ греческой и римской миѳологіи, статей Синопсиса „О идолѣхъ“ и „О обліяніи водою на великъ день.“ Первое изданіе Синопсиса вышло въ свѣтъ изъ кіево-печерской типографіи въ 1674 году.

Извѣстно, что императрица Екатерина не была равнодушною къ похваламъ и даже лести [2]. Скоро подмѣтили это царс-

1) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. г. Калачовымъ, книги второй половина первая (М., 1855), отд. III, Писатели русской исторіи XVII в., 40—46. Въ 1865 г. г. Соловьевъ, при праздновапіи столѣтней годовщины Ломоносова въ московскомъ университетѣ, въ произнесенной имъ рѣчи ни слова не упомянулъ объ исторической дѣятельности великаго писателя, но прочиталъ: «Очеркъ состоянія Россіи въ эпоху дѣятельности Ломоносова».

2) Императоръ Іосифъ II въ одномъ письмѣ къ своему брату Леопольду преподавалъ совѣты, какъ ему писать письмо къ Екатеринѣ II, которой расположеніе заискивали въ Австріи по политическимъ соображеніямъ. Въ числѣ совѣтовъ есть и слѣдующій: On peut déjà un peu charger la dose, cela ne l'effarouche pas, en flatterie. Joseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von A. von Arneth (Wien, 1872), I, 2.

дворцы и поспѣшили воспользоваться такимъ настроеніемъ духа новой государыни: не прошло еще трехъ недѣль послѣ вступленія ея на престолъ, какъ въ сенатѣ зашла рѣчь о томъ, чтобы воздвигнуть ей памятникъ. 17 іюля 1762 года сенатъ вызвалъ въ присутствіе генералъ-поручика Ивана Бецкаго, которому тогда же и объявлено: „какъ ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня принятіемъ императорскаго престола толико изліяла всѣмъ ея вѣрноподданнымъ матернихъ щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ отечества въ незабвенной памяти остаться долженствуютъ, то сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безмертную ея императорскаго величества славу сдѣлать монументъ, къ чему онъ, генералъ-поручикъ, по его довольному къ подобнымъ знаніямъ искусству, избранъ...“ Бецкой отвѣчалъ; „что онъ порученіе ему толь великаго дѣла признаваетъ за особливое для себя счастіе, и хотя онъ къ исполненію того находитъ себя недостаточнымъ, однако жъ, по долговременной своей бытности въ чужихъ краяхъ и получа тамо знакомство со многими учеными и искусными людьми, надѣется съ помощію ихъ сіе къ удовольствію правительствующаго сената исполнить и тѣмъ заслужить аппробацію....“ 21 августа 1762 г. Бецкой представилъ письменно свои предположенія, въ которыхъ онъ объяснялъ: „за такую правительствующаго сената ко мнѣ довѣренность не могу довольно изъяснить чувствительную мою благодарность. Желалъ бы, чтобъ знаніе мое столь совершенно соотвѣтствовало ожиданію такого знатнаго собранія; но сколь ни ревнительно оное на себя принять желаю, дабы о произведеніи дѣйствомъ славнаго ихъ намѣренія имѣть хотя малое участіе и тѣмъ равномѣрно доказать мое рабское усердіе къ великой такой монархинѣ, но чувствуя недостатки знанія и силъ далѣе отважиться какъ только представить вкратцѣ, какимъ образомъ другіе просвѣщенные народы въ такихъ случаяхъ донынѣ поступали...“ За тѣмъ идутъ длинныя тирады о грекахъ, римлянахъ, „а паче о Франціи.“ „Понимаю, продолжаетъ онъ, намѣреніе знатнаго онаго собранія, сколько много побуждаетъ должность всѣхъ вѣрныхъ сыновъ россійскихъ къ сооруженію

ихъ всемилостивѣйшей монархинѣ такого монумента, дабы не только самимъ себя тѣмъ живяе вообразить и во всегдашней памяти имѣть грозившія любезному ихъ отечеству бѣдствія, отъ которыхъ они благодѣяніемъ сей монархини избавились.... Но приступая къ самому дѣлу, многаго разсужденія требуется: конной ли быть оной статуи или пѣшей? Для того право такихъ монументовъ не дозволяетъ убавить, ниже что прибавить, но правду изъявлять потомству. А всѣмъ извѣстно: ея величество для утвержденія своего закона и престола какъ выходъ съ войскомъ изъ Санктпетербурга до Петергофа, такъ и возвратное свое торжественное вшествіе въ городъ имѣть изволила верхомъ.“ Далѣе говорится, что надо за границей поискать людей для осуществленія желанія сената. „А для представленія исторически великаго такого дѣла нахожу слѣдующія причины: 1) уходъ ея императорскаго величества изъ Петергофа; 2) прибытіе въ измайловскіе казармы; 3) въ семеновскій полкъ; 4) къ казанской церкви; 5) видъ зимняго каменнаго дворца съ балкона; 6) внутрь церкви онаго жъ дворца, гдѣ присяга была; 7) пріѣздъ отъ бывшаго императора трехъ министровъ; 8) выходъ съ арміею изъ Петербурга; 9) паки торжественный входъ; 10) видъ пріѣзда въ лѣтній дворецъ; 11) какъ ея императорское величество чрезъ залу того жъ дворца подъ руки ведена была; 12) представить Неву рѣку, мостъ и берегъ Васильевскаго острова, наполненный народомъ.“ Сенатъ, 21 августа 1762 г., опредѣлилъ, чтобъ Бецкой „представилъ способную персону къ посылкѣ въ иностранныя государства для пріисканія и склоненія къ пріѣзду въ Россію ученыхъ людей и искуснѣйшихъ художниковъ, ради совершенія толь славнаго зданія потребныхъ.“

Прошелъ годъ послѣ того, и Бецкой въ іюлѣ 1763 года объявилъ сенату, что онъ „способной персоны“ не могъ сыскать за моремъ, „а нынѣ онъ отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйше увольняется на нѣкоторое время за море къ минеральнымъ водамъ....“ Тогда сенатъ предположеніе о монументѣ Екатеринѣ II передалъ на разсмотрѣніе Академіи наукъ. 11 августа 1763 года объ этомъ предметѣ было заявлено

въ академическомъ засѣданіи. Академикъ Штелинъ тотчасъ заявилъ, что у него есть семь готовыхъ изобрѣтеній на этотъ случай, только ему необходимо указаніе мѣста, на которомъ будетъ воздвигнутъ памятникъ, чтобы знать, которое изъ тѣхъ изобрѣтеній приличествуетъ памятнику. Ломоносовъ также заявилъ, что и онъ желаетъ высказать свои мысли по этому предмету. Прочіе академики отозвались, что они въ настоящемъ дѣлѣ полагаются на Штелина.

Того же 11 августа и отъ Бецкаго поступило въ академическую канцелярію, но уже другаго рода требованіе, а именно: „въ лѣтнемъ ея величества домѣ въ одномъ покоѣ вмѣсто обоевъ на бѣлой тафтѣ написать ландкартами Россійской имперіи съ прочими къ тому пристойностями искусной работы отъ Академіи наукъ.“ Кстати Бецкой передалъ и другое порученіе составить проекты какъ для подножія къ памятнику Петра Великаго, такъ и объ отливкѣ новаго изображенія этого государя. Вотъ почему Ломоносовъ, кромѣ предположенія о памятникѣ Екатеринѣ II, составилъ описаніе пьедестала для статуи Петра Великаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ, конечно въ память благоволенія къ нему императрицы Елисаветы, проектъ и для монумента въ честь этой государыни.

Что касается до перваго изъ ломоносовскихъ предположеній, то по его мысли въ честь Екатерины II слѣдовало воздвигнуть торжественныя врата и на нихъ конную статую государыни „изображающую верхомъ на конѣ мужественную сію героиню, въ бодромъ видѣ съ обнаженною шпагою, обвитою масличными вѣтвями, лавровымъ вѣнцемъ увязенную.“ Кромѣ аллегорическихъ изображеній, Ломоносовъ предполагалъ четыре мозаическія картины: „1) Ополченіе и походъ въ Петергофъ. 2) Возвращеніе съ торжествомъ. 3) Отъѣздъ изъ Петергофа. На сей картинѣ представить въ нѣкоторомъ перспективномъ положеніи Петергофъ, и ея величеству тщится препятствовать Опасность; но Вѣрность и Усердіе оную отгоняютъ и подъемлютъ ея величество въ карету. 4) Самая первая присяга при измайловскихъ свѣтлицахъ, гдѣ отъ грозящей отовсюду напасти подъ Божіе свыше покровительство сбѣгается

народъ къ ея величеству.“ Мѣстомъ памятника Ломоносовъ предназначалъ измайловскій мостъ. Памятникомъ для Елисаветы онъ предполагалъ высокой столбъ на подобіе Траянова, съ статуею государыни на вéрху. Для постановки его академикъ указывалъ на площадь предъ полковою церковью преображенскаго полка,гдѣ впервые присягнули гвардейцы этой государынѣ. Монументъ Петру Великому, по мысли Ломоносова, слѣдовало воздвигнуть на каменномъ мосту, имѣющемъ быть построеннымъ на Невѣ. Надписи обѣщался онъ сдѣлать новыя: „Матерія къ тому такъ богата, какъ необъятны дѣла сего героя.“

Кажется, что предположеніямъ Ломоносова не было дано хода, по крайней мѣрѣ изъ Академіи наукъ въ началѣ 1764 г. были посланы въ сенатъ только проекты Штелина и Шумахера-архитектора. Въ томъ же году съ академическою канцеляріею шла переписка о мѣстѣ, гдѣ поставить монументъ Екатеринѣ II. Были предположенія воздвигнуть его или противъ Академіи наукъ и зданія коллегій (нынѣшняго университета), или противъ зимняго дворца. Ни то, ни другое изъ предположеній не осуществилось вѣроятно по тому, что геніальная императрица очень хорошо чувствовала всѣ неудобства отъ напоминанія Петербургу о событіяхъ, случившихся въ Петергофѣ и Петербургѣ 28 и 29 іюня и окончившихся въ Ропшѣ 6 іюля 1762 года[1]).

18 августа 1763 г. въ академическомъ засѣданіи рѣчь шла о назначеніи торжественнаго собранія въ Академіи, и большинство рѣшило отложить его до 24 ноября. Ломоносовъ не присутствовалъ въ засѣданіи, но на другой день прислалъ записку, въ которой говорилъ, что академикамъ не неизвѣстно, что онъ уже болѣе четырехъ лѣтъ производитъ множество центрическихъ наблюденій надъ маятникомъ (ср. выше сказанное на стр. 617) и универсальнымъ барометромъ, изъ каковыхъ наблюденій можно бýдетъ вывести съ очевидностью многія и совершенно особливыя явленія природы. Выводы отсюда онъ

---

1) II, № 277; Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 613—615; Ломоносовъ какъ писатель г. Будиловича, въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка Академіи наукъ, VIII, № 1, 298—301.

приготовилъ въ рѣчи de turbationibus gravitatis, которую и намѣревался предложить въ вышепомянутое торжественное засѣданіе [1]). Нѣсколько времени спустя, Ломоносовъ написалъ собственноручно: „Въ профессорскомъ собраніи объявлено отъ меня, что въ будущемъ публичномъ собраніи намѣренъ я говорить рѣчь о перемѣнахъ тягости на земномъ глобусѣ, о чемъ готова оная рѣчь къ прочтенію членамъ по обычаю. А наблюденія требуютъ времени для напечатанія; для того должно ихъ печатать, не отлагая времени, причемъ и проба онымъ прилагается. Октября 2 дня, 1763. Михайла Ломоносовъ" [2]). Академическая канцелярія въ тотъ же день распорядилась объ исполненіи желанія академика. Чрезъ нѣсколько дней велѣно было выгравировать изображенія инструментовъ, при помощи которыхъ производились тѣ наблюденія [3]). Нѣкоторыя изъ таблицъ были дѣйствительно отпечатаны впослѣдствіи, но относительно самой рѣчи о перемѣнахъ тягости на земномъ глобусѣ остались только извѣстія, что 21 мая и 20 августа 1764 г. Ломоносовъ снова обѣщалъ ее для торжественнаго засѣданія, а 27 августа того же года прочиталъ начало ея въ академическомъ засѣданіи [4]).

20 декабря 1762 года, императрица Екатерина II, уволивъ въ отставку дряхлаго генералъ-адмирала князя Михаила Голицына, на мѣсто его назначила великаго князя Павла Петровича, о чемъ было такъ объявлено въ тогдашнихъ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ [5]): „имѣя ея величество ревностное и неутомленное попеченіе о пользѣ государственной и о принад-

---

1) Билярскій, стр. 615.

2) II, книга № 278.

3) Билярскій, стр. 617.

4) Билярскій, стр. 639, 648, 649. О судьбѣ таблицъ къ рѣчи Ломоносова узнаемъ изъ донесенія фактора академической типографіи Лыкова въ апрѣлѣ 1766 года: «въ типографіи таблицы о перемѣнахъ тягости по земному шару на россійскомъ и латинскомъ языкахъ начались печатаніемъ по ордеру 1763 года октября 7 дня, которыхъ и отпечатано на обоихъ языкахъ только на двѣнадцати листахъ заводъ; книги на каждомъ языкѣ на александрійской (бумагѣ) по 12-ти, на любской — по 309, и того учинитъ 322 экз.» Таубертъ, 2 мая 1766 г., распорядился «оныхъ таблицъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ по одному экземпляру послать въ профессорское собраніе на разсмотрѣніе....» (II, книга № 296.)

5) 1763 г., № 3.

лежащемъ къ ней, между инымъ цвѣтущемъ состояніи флота, и желая купно съ достойнымъ въ томъ подражаніемъ блаженныя и безсмертныя памяти дѣду ея императорскаго величества, государю императору Петру Великому вперить при нѣжныхъ еще младенческихъ лѣтахъ во вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника своего, государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича знаніе государственныхъ дѣлъ, того же 20 числа всемилостивѣйше соизволила опредѣлить его императорское высочество генераломъ-адмираломъ.“

Ломоносовъ, имѣя въ виду это назначеніе великаго князя и упоминаніе притомъ о Петрѣ Великомъ, 20 сентября 1763 года, поднесъ юному генералъ-адмиралу сочиненіе: Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію. Въ посвященіи академикъ долгомъ счелъ высказать ожиданіе отъ наслѣдника престола продолженія заботъ Петра Великаго о морскомъ дѣлѣ въ Россіи. „Могущество и обширность морей, окружающихъ Россійскую имперію, требуютъ, говоритъ далѣе Ломоносовъ, таковаго раченія и знанія. Между прочими, Сѣверный океанъ есть пространное поле, гдѣ подъ вашего императорскаго высочества правленіемъ усугубиться можетъ россійская слава, соединенная съ безпримѣрною пользою, чрезъ изобрѣтеніе восточно-сѣвернаго мореплаванія въ Индію и Америку. Представляющіяся въ томъ трудности и опасности сколько добропорядочнымъ предпріятіемъ умалятся, но вдвое того оскудѣютъ или и вовсе изчезнутъ счастіемъ вашего императорскаго высочества и Божескимъ споспѣшествованіемъ во всѣхъ благонамѣренныхъ дѣлахъ премудрыя Екатерины.“

Мысль о дальнихъ странствіяхъ и новыхъ открытіяхъ русскихъ людей занимала уже издавна Ломоносова, и онъ не разъ высказывалъ ее даже въ своихъ стихотвореніяхъ [1]). Такъ еще въ 1747 г. въ Одѣ Елисаветѣ онъ мечталъ о путешествіи въ невѣдомыя страны:

---

1) Отечественныя записки 1853 г., т. CX, отд. V, 72—74.

Се мрачной вѣчности запóну
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ;
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить.
Колумбъ Россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить.

Въ одѣ на восшествіе на престолъ Елисаветы Ломоносовымъ въ 1752 г. высказанъ намекъ, понятный, когда извѣстно вышепомянутое описаніе:

Напрасно строгая природа
Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
Съ бреговъ вечернихъ на востокъ.
Я вижу умными очами:
Колумбъ россійскій между льдами
Спѣшитъ и презираетъ рокъ.

Въ отчетѣ о занятіяхъ Ломоносова за 1755 г. значится, между прочимъ, что онъ „сочинилъ письмо о сѣверномъ ходу въ Остъ-Индію Сибирскимъ океяномъ.“ Письмо это нынѣ неизвѣстно, но оно, судя по заглавію по крайней мѣрѣ, содержало въ себѣ изложеніе мыслей о томъ же самомъ предметѣ, о которомъ распространяется нашъ ученый въ произведеніи, поднесенномъ имъ великому князю.

Въ поэмѣ своей Петръ Великій (1760 года) Ломоносовъ влагаетъ въ уста этому государю именно тѣ самые доводы, которые онъ пространно приводитъ въ предисловіи къ описанію[1]):

1) Такъ въ Краткомъ описаніи разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніи возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію, Ломоносовъ, послѣ объясненій трудностей для испанцовъ и португальцовъ при плаваніяхъ въ Остъ-Индію, говоритъ: «Не на великомъ пространствѣ, въ разныхъ климатахъ, которые разнятся семьюдесятью градусами, предпріять долговременной морской путь россіянамъ нужно; но между 80-мъ и 65-мъ сѣверной широты обращаться. Нѣтъ страху ни отъ крутыхъ, море похищающихъ вихрей, ни отъ ударовъ тучъ, корабли отъ воды отрывающихъ, которые въ сѣверныхъ моряхъ нигдѣ не примѣчены. Не опасна долговременная тишина съ великими жарами, отъ чего бы члены человѣческіе пришли въ неудобную къ понесенію трудовъ слабость; ни со-

Какая похвала россійскому народу
Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду,
Хотя тамъ кажется поставленъ плыть предѣлъ.
Но бодрость подаютъ примѣры славныхъ дѣлъ.
Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама,
И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
Подвигнуты хвалой, исполненны надежды,
Которой лишены пугливые невѣжды,
Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина магнитна сила.
Бездонный океанъ травой, какъ лугъ, покрытъ;
Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозитъ.
Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
Лишаетъ долгій зной здоровья и ума,
А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
Самъ ледъ, что кажется толь грозенъ и ужасенъ,
Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.
Колумбы росскіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
Межъ льдами новый путь отворятъ на востокъ,
И наша досягнетъ въ Америку держава.

Краткое описаніе разныхъ путешествій по Сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію начинается предисловіемъ, въ которомъ, какъ сейчасъ указано, говорится о необходимости и возможности для русскихъ отыскивать сѣверный ходъ Сибирскимъ океаномъ. За тѣмъ первыя двѣ главы посвящены историческимъ разысканіямъ о плаваніяхъ въ Остъ-Индію сѣверо-западными морями и о попыткахъ отыскать проходъ туда же Сибирскимъ океаномъ. Третья глава — „о возможности мореплаванія этимъ океаномъ въ Остъ-Индію, признаваемой по натуральнымъ обстоятельствамъ.“ Здѣсь Ломоносовъ, въ подтвержденіе своей мысли, главнѣйше приводитъ слѣдующія доказательства:

гнитіе воды и съѣстныхъ припасовъ и рожденіе въ нихъ червей; ниже моровая язва и бѣшенство въ людяхъ: все сіе стужею, которой опасаемся, отвращено будетъ. Самое сіе больше страшное, нежели вредное препятствіе, которое нашимъ сѣвернымъ россіянамъ не такъ пагубно, превратится въ помощь....»

1) часто замѣчаемыя сѣверныя сіянія у береговъ Ледовитаго моря и у Шпицбергена свидѣтельствуютъ открытость моря. 2) Воды океана имѣютъ вообще теченіе отъ востока на западъ, а на западной сторонѣ Шпицбергена устремляются къ сѣверу: „слѣдовательно за симъ проливомъ есть великое море въ странахъ подполярныхъ;" а какъ обратное, отливное теченіе весьма слабо, то и должно заключить, что приливъ обходитъ кругомъ полюса. 3) По аналогіи съ положеніемъ материковъ земнаго шара, надобно думать, что въ полюсѣ есть земля и что эта земля, въ противоположность низменному, отмелому сибирскому берегу, высокая и приглубая. 4) Подобныя земли не имѣютъ большихъ рѣкъ, изъ чего можно заключить, что и льдовъ не намерзаетъ тамъ столько, сколько у береговъ Сибири. 5) Количество льдовъ въ Полярномъ морѣ, по примѣрному изчисленію, занимаетъ 1/12 часть всего этого моря, а предположивъ материкъ въ самомъ полюсѣ, только 1/10 часть: „довольное пространство къ корабельному ходу сѣверомъ въ Японію и въ Остъ-Индію." 6) Эти льды, судя по господствующимъ на Бѣломъ морѣ вѣтрамъ, весною относятся къ сѣверу, а лѣтомъ къ югу, и между тѣмъ восточнымъ теченіемъ прибиваются къ западу; а потому: „въ половинѣ и въ концѣ іюня мѣсяца должно Сѣверному океану между Новою землею и Шпицбергену быть чисту и безледну, и оному чистому океану простираться далече на востокъ безо льду, по малой мѣрѣ на тысячу верстъ.... сіе чистое мѣсто должно быть на широтѣ около 80°, отъ сибирскихъ береговъ около 600 верстъ."

Въ четвертой главѣ Ломоносовъ преподаетъ совѣты „о пріуготовленіи къ мореплаванію Сибирскимъ океаномъ", а въ пятой — разсуждается „о самомъ предпріятіи сѣвернаго мореплаванія и о утвержденіи и умноженіи россійскаго могущества на востокѣ."

Это произведеніе Ломоносова было послано на судъ бывшаго сибирскаго губернатора Ѳедора Соймонова, который рѣшительно высказался противъ предположеній ученаго: достигнуть до полюса совершенно невозможно за твердо стоящими льдами, ибо промышленники наши, плавая по Ледовитому

океану, встрѣчали оные во всѣхъ мѣстахъ, а въ широтѣ 72° находили на льдины вышиною и толщиною болѣе 40 саженъ. Промышленники, отправлявшіеся съ устья Индыгирки и Шалацкаго носа, достигали 80°, но и тамъ находили льды еще крупнѣйшіе, почему Соймоновъ и полагалъ, что у полюса льды должны быть еще крупнѣе.

Между тѣмъ обаяніе Ломоносова на современниковъ было такъ велико и его авторитетъ считался ими на столько непогрѣшимымъ, что несмотря на возраженіе такого знатока, каковымъ былъ Соймоновъ, а также и на то, что вся возможность предлагаемаго академикомъ предпріятія основывалась на гипотезахъ, конечно очень остроумныхъ и изложенныхъ прекраснымъ ломоносовскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе еще не подтвержденныхъ, несмотря на все, это предложеніе обратило на себя серьезное вниманіе правительства. Девятилѣтній генералъ-адмиралъ 22 декабря 1763 г. послалъ сочиненіе нашего академика въ морскую россійскихъ флотовъ коммиссію съ тѣмъ, чтобы „если по внимательномъ разсужденіи не сыщется въ семъ дѣлѣ невозможностей, то, положивъ какъ приступить къ оному, меня о томъ увѣдомить: тогда можемъ поднесть докладъ ея императорскому величеству на высочайшую аппробацію.“

По полученіи ломоносовскаго произведенія, коммиссія выписала изъ Архангельска четырехъ промышленниковъ изъ посѣщавшихъ Шпицбергенъ и Новую землю, и потребовала изъ флота всѣхъ матросовъ, которые бывали въ тѣхъ же странахъ. При отобраніи отъ этихъ лицъ свѣдѣній находился и Ломоносовъ. Сначала онъ предлагалъ было отправить экспедицію на востокъ отъ сѣверо-восточной оконечности Новой земли, но показанія промышленниковъ и матросовъ убѣдили его измѣнить это предложеніе. Въ первомъ добавленіи къ своему описанію, поданномъ въ мартѣ 1764 года, Ломоносовъ уже говорилъ, что выгоднѣе отправиться къ западу съ острова Шпицбергена. 24 апрѣля того же года онъ подалъ второе прибавленіе, въ которомъ, основываясь на полученыхъ извѣстіяхъ объ открытіи острововъ алеутской гряды, еще сильнѣе увѣрялъ о возможности и удобности прохода Полярнымъ моремъ. При этомъ

Ломоносовъ торопилъ снаряженіемъ экспедиціи пока Юпитеръ, планета, хорошо опредѣляющая долготу мѣста, обращается въ самыхъ дальнихъ сѣверныхъ странахъ. 14 мая 1764 г. состоялось высочайшее повелѣніе о снаряженіи экспедиціи. Она была задумана на широкихъ основаніяхъ, при чемъ не щадилось никакихъ издержекъ и поощреній. Такъ на экспедицію было отпущено 20.000 рублей; всѣ офицеры, долженствовавшіе участвовать въ экспедиціи, повышены чинами, и, кромѣ того, слѣдующіе чины получали тотчасъ по достиженіи цѣли экспедиціи; прочимъ служащимъ прибавлено жалованье, которое всѣмъ назначалось двойное; въ случаѣ смерти, опредѣлялась пенсія оставшимся послѣ умершаго вдовѣ и дѣтямъ. Въ концѣ повелѣнія, подписаннаго Екатериною II, находилось: „По сему дѣлу повелѣваемъ присутствовать статскому совѣтнику и профессору Михайлѣ Ломоносову. Все сіе предпріятіе содержать тайно и пока сего нашего указу до времени не объявлять и нашему сенату“.

Въ слѣдъ за тѣмъ немедленно начались приготовленія къ экспедиціи: теплой одежды и съѣстныхъ припасовъ было пріобрѣтено въ изобиліи; сверхъ обыкновенной дачи, отпущены были разные противоцынготные припасы; даже былъ заказанъ „сушеной супъ со специями и безъ специй“ и т. д. Предназначавшіеся для зимовья на Шпицбергенѣ избы, анбаръ и баня были отправлены туда еще лѣтомъ 1764 года.

Въ томъ же 1764 г., по требованію адмиралтейской коллегіи, при Академіи наукъ заготовлялись „подъ смотрѣніемъ и по показанію“ Ломоносова подзорныя трубки, морскіе барометры и разные термометры. Академики-астрономы трудились для экспедиціи надъ составленіемъ таблицъ разстоянія луны отъ солнца и о затмѣніи спутниковъ Юпитера. Сверхъ того, адмиральтейская же коллегія нѣсколько разъ присылала въ Академію наукъ штурмановъ и штурманскихъ учениковъ „для обученія у находящихся при оной Академіи профессоровъ въ астрономіи обсерваціи подъ смотрѣніемъ г. статскаго совѣтника Ломоносова.“ При этомъ случаѣ дѣло, конечно, не обошлось безъ того, чтобы не выказались личныя распри, кото-

рыя такъ часто волновали ученое учрежденіе въ описываемую эпоху. Когда присланныхъ изъ коллегіи лицъ стали экзаменовать, то сторонники нашего академика, Поповъ и Красильниковъ, нашли ихъ способными къ слушанію астрономіи, а Румовскій, державшій болѣе сторону Тауберта, объявилъ, что присланныхъ изъ адмиральтейской коллегіи молодыхъ людей, за исключеніемъ Осипа Шелехова, слѣдовало еще обучать предварительно плоской и сферической тригонометріи. 28 сентября 1764 г. Ломоносовъ далъ предложеніе, чтобы обучать помянутыхъ моряковъ: 1) „употребленію Годлеева квадранта для взятія высотъ и разстоянія звѣздъ отъ луны и луны отъ солнца. 2) По симъ находить долготу на морѣ.“ Румовскій рѣшительно отказался отъ обученія, которое принялъ на себя Поповъ при содѣйствіи Красильникова. Въ академической канцеляріи состоялся протоколъ, чтобы предписать Эпинусу и Румовскому о допущеніи этихъ академиковъ съ ихъ слушателями на обсерваторію и о дачѣ нужныхъ имъ инструментовъ. Этотъ протоколъ за подписью Ломоносова хранится донынѣ въ собраніи бумагъ его, принадлежащихъ Н. М. Орлову, при чемъ есть такая замѣтка: „къ его высокородію г. статскому совѣтнику Ив. Ив. Тауберту опредѣленіе (о допущеніи на обсерваторію для обученія въ астрономіи штурмановъ) для подписанія сегодня носилъ подканцеляристъ Ефимовъ, но его высокородіе, прочтя, отдалъ обратно безъ подписанія.“

Не трудно замѣтить, что Ломоносовъ былъ душою всего этого предпріятія, и всѣ его предложенія принимались безпрекословно. Въ сейчасъ помянутомъ собраніи его бумагъ сохраняется и наставленіе, данное начальнику экспедиціи Василью Чичагову, въ редакціи нѣсколько сокращенной противъ извѣстной въ печати и со множествомъ приписокъ на поляхъ рукою Ломоносова. Оно озаглавлено: Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на востокъ Сѣвернымъ Сибирскимъ океаномъ. На послѣднемъ листѣ этой инструкціи есть замѣтка на память Ломоносова: „Рангами оныхъ пожаловать“, что, какъ видѣли выше, и было исполнено по его желанію. Далѣе на той же

страницѣ рукою Ломоносова писано: „Слѣдующіе инструменты на каждый корабль выдать за весьма полезно разсуждаю: 1. Пружинные часы, которые заводятся однажды въ недѣлю. 2. Карманные часы съ секундами. 3. Годлеевъ квадрантъ или и два 4. По двѣ подзорныхъ добрыхъ трубокъ. 5. На главное судно грегоріанскую трубку. 6. По наклонительной магнитной стрѣлкѣ. 7. По два морскихъ барометра. 8. По особливому термометру. 9. По картѣ полярной. 10. По картѣ меркаторской. 11. По мортиркѣ со шлагами. 12. По термометру для опусканія на дно. 13. Астрономическіе часы и квадрантъ. 14. Таблицы лунныя и спутниковъ Юпитеровыхъ. 15. По вентилатору." Противъ этой росписи отмѣчено другою рукою: „Коллегія сіи инструменты заготовляетъ."

Далѣе, тамъ же другое росписаніе, писанное также Ломоносовымъ: „1. Карманные часы съ минутами. 2. Барометры морскіе (съ боку: нен.) 3. Термометры разные (съ боку: нен.) 4. Часы песчаные секундные. 5. Наклонительныя стрѣлки. 6. Карты полярныя съ магнитнымъ полюсомъ. 7. Карты меркаторскія отъ полярнаго круга до полюса. 8. Шлаги. 9. Отправить на онѣжское устье. 10. Искать склоненіе компаса. 11. Теченіе моря. 12. Ходомѣръ. 13. Солоность моря. 14. Столяровъ для укладки инструментовъ. 15. Спросить трехъ компасовъ или сдѣлать. 16 Употребленіе инструментовъ. 17. Какъ журналъ ведутъ просить формы. 18. Компасы показать" [1]).

Графъ Иванъ Чернышевъ, по видимому, былъ главнымъ лицомъ, дававшимъ полную вѣру всѣмъ мнѣніямъ по этому дѣлу Ломоносова и болѣе прочихъ способствовавшимъ къ осуществленію его предположенія. Сохранились два письма нашего академика къ этому вельможѣ (12 августа и 22 октября 1764 года): здѣсь рѣчь идетъ о вызовѣ людей, бывалыхъ въ

1) Вѣроятно по этому же дѣлу въ томъ же собраніи ломоносовскихъ бумагъ сохранилась еще слѣдующая его замѣтка: «Ящики. 1. Карманные часы. 2. Баром. и терм. 3. Наклон. стрѣлка. 4. Для квадранта. NB. На письмѣ дать: 1. О полюсѣ магнитномъ. 2. О метеорологическомъ журналѣ. 3. Повѣрять компасы и .... (?) 4. Теченіе моря пружиною. .... (?)-лодка. 5. Какъ термометръ въ воду опускать. 7 (sic). Какъ солоность мѣрить. 8. Сѣвер. сіяніе и электр.»

плаваніяхъ по сѣвернымъ морямъ для отобранія нужныхъ извѣстій и объ обученіи въ Академіи присланныхъ изъ адмиральтейской коллегіи молодыхъ людей.

9 мая 1765 г., стало быть нѣсколько недѣль спустя послѣ кончины Ломоносова, Чичаговъ вышелъ въ море изъ Архангельска съ тремя судами. Во все время плаванія командѣ приходилось бороться съ сплошными льдами и встрѣчать повсюду непреодолимыя препятствія, почему Чичаговъ въ августѣ того же года и вернулся въ Архангельскъ. Адмиральтейская коллегія и въ особенности графъ Иванъ Чернышевъ были чрезвычайно огорчены такою неудачею. Положено было на слѣдующій годъ снова отправить Чичагова; но это второе плаваніе было также неуспѣшно какъ и первое: безпрерывные льды заставили эскадру возвратиться 10 сентября 1766 года въ Архангельскъ [1]). Несмотря на столь неудачный исходъ этого

1) Судьбѣ угодно было, чтобы первымъ описателемъ этой неудавшейся экспедиціи былъ исконный врагъ Ломоносова — Мюллеръ: по повелѣнію Екатерины II онъ составилъ въ 1777 г. Geschichte der Schiffahrten nach Norden, aus authentischen Nachrichten des Admiralitäts-Collegiums in einem Auszuge mit vielen eingestreueten Anmerkungen (Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 429). Замѣчательно, что Мюллеръ не назвалъ здѣсь главнаго виновника экспедиціи — Ломоносова. Было ли это имъ сдѣлано потому, что предпріятіе не удалось, или что вражда къ Ломоносову продолжалась у автора и послѣ кончины перваго изъ нихъ, такъ что онъ не хотѣлъ упоминать его имени, — неизвѣстно. Трудъ Мюллера былъ напечатанъ въ 1793 г., подъ заглавіемъ Herrn von Tschitschagow Reise nach dem Eismeer; но для русскихъ это изданіе осталось совершенно неизвѣстнымъ, что, къ сожалѣнію, часто у насъ случается съ произведеніями, касающимися Россіи и полезными для нея, но изданными въ свѣтъ на иностранныхъ языкахъ. Послѣ того, въ 1828 г. В. Берхъ напечаталъ нѣкоторыя извѣстія объ экспедиціи, но съ опущеніемъ самаго сочиненія Ломоносова, вызвавшаго ее, въ Московскомъ телеграфѣ, часть XXI, № 11, іюнь, стр. 289—314: Дополненіе къ жизнеописанію М. В. Ломоносова. Въ 1847 г. Ал. Соколовъ нашелъ въ дѣлахъ гр. И. Чернышева предположеніе академика и напечаталъ его въ томъ же году, подъ заглавіемъ: Сочиненіе Ломоносова, издано отъ гидрографическаго департамента морскаго министерства (Спб.), въ 12°, 2 нен. и 150 нум. стр. Какъ дополненія къ этому изданію, А. Соколовъ помѣстилъ слѣдующія статьи въ Запискахъ гидрографическаго департамента: a) 1847 г., часть V, 240—251, Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова 1765 и 1766 г. b) 1848 г.. часть VI, 100—142, Разныя свѣдѣнія, относящіяся къ экспедиціи Чичагова. c) 1851 г., часть IX, 108—147, Разныя свѣдѣнія, относящіяся къ экспедиціи Чичагова. Въ 1854 г. вышло новое изданіе того же произведенія Соколова: Проектъ Ломоносова и экспедиція Чича-

предпріятія, въ недавнее время по случаю журнальныхъ толковъ за границею и у насъ о германской полярной экспедиціи къ сибирскимъ рѣкамъ, снаряженной въ 1871 году, г. М. Сидоровъ вспомнилъ о старинномъ предположеніи нашего академика: „Ломоносовъ, говоритъ онъ [1]), въ проектѣ полярной экспедиціи, составленномъ въ 1763 году, указывалъ свободный и единственно возможный путь къ достиженію полюса между островами Шпицбергеномъ и Новою Землей. Къ тому же убѣжденію пришли въ послѣднее время англійскіе и нѣмецкіе авторитеты, по случаю преній съ англійскимъ капитаномъ Осборномъ, который, въ теченіе семи лѣтъ, убѣждалъ королевское географическое общество послать экспедицію для открытія арктическаго пространства и сѣвернаго полюса, полагая пройти Баффиновымъ Проливомъ, чрезъ Смиттовъ Проливъ (Smitt Sund). Открытіе свободнаго Полярнаго Моря до 79° с. ш., въ сентябрѣ 1871 года, Пайэромъ практически на дѣлѣ оправдало ученыя предположенія нашего Ломоносова. И такъ, только чрезъ 108 лѣтъ, г. Пайэръ, наткнувшись на указанный Ломоносовымъ путь, открылъ міру, съ какимъ глубокимъ знаніемъ Ледовитаго Океана составленъ былъ ломоносовскій проэктъ.“

Возвращаясь за тѣмъ къ обзору дѣятельности Ломоносова, какъ академика, въ 1763 году, мы должны сказать, что въ началѣ октября этого года окончена печатаніемъ написанная имъ книга: Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ. Въ Санктпетербургѣ, печатаны при императорской Академіи наукъ 1763 года [2]). Въ посвященіи этой книги Екате-

---

гова, изданіе гидрографическаго департамента, (Спб., въ 8°, С и 150 стр.). Ср. также II, книги № 285 и 288, и Билярскій, стр. 645, 646, 688, 694.

1) Голосъ, газета полит. и литер. 1871 г. № 293; ср. также С.-Петербургскія вѣдомости 1871 г., № 296, статья г. Латкина: Открытое полярное море.

2) Въ 8°, 12 нен. (заглавіе, посвященіе и оглавленіе), 416 нумер. и 2 нен. (погрѣшности) стран.; 7 листовъ гравированныхъ на мѣди съ 43-мя изображеніями. На стр. 223—236: Прибавленіе о вольномъ движеніи въ рудникахъ примѣченномъ. Изъ перваго тома Комментаріевъ (о немъ см. выше на страницѣ 452). На стр. 237—416: Прибавленіе второе о слояхъ земныхъ. Книги печаталось 1225 экземпляровъ, которые типографіи съ гравированіемъ изображеній обошлись въ 832 руб. $72\frac{1}{2}$ к.; каждый экземпляръ по 71 к. (Билярскій, стр. 505, 618), а прода-

ринѣ II [1]), Ломоносовъ между прочимъ говоритъ: „Ваше Императорское Величество Геройскимъ на Всероссійскій престолъ Елисаветину подобнымъ восшествіемъ увѣрили Отечество, что Всевышній Господь недовѣдомыми судьбами и чуднымъ промысломъ предпріялъ продолжить и усугубить наше блаженство, и удовольствовать Россію всякими избытками...... Краткое сіе наставленіе о рудныхъ дѣлахъ, которое къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества издать въ свѣтъ для того принялъ дерзновеніе, дабы вѣрные Ваши подданные онаго сіяніемъ озаряемы и предводимы, вяще и вяще вникнули разумомъ и раченіемъ въ земныя нѣдра, къ большему приращенію государственной пользы и къ Вашего Императорскаго Величества неумолчному прославленію...."

Изъ выше выписаннаго заглавія видно, что Первыя основанія металлургіи были изданы какъ самостоятельный трудъ, писанный, по указанію самого Ломоносова въ примѣчаніи на стр. 20, еще въ 1742 году. Между тѣмъ въ Санктпетербургскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, выходившихъ въ 1777 г., стало быть четырнадцать лѣтъ спустя послѣ появленія разсматриваемаго произведенія, помѣщенъ въ № 21, на стран. 161—165, разборъ его, при чемъ въ заглавіи сдѣлана неизвѣстнымъ рецензентомъ отъ себя такая прибавка словъ: „переведенныя съ нѣмецкаго на россійскій языкъ коллежскимъ совѣтникомъ и профессоромъ химіи М. В. Ломоносовымъ." Здѣсь, послѣ подробнаго описанія содержанія книги, въ заключеніи говорится: „Сочинитель Первыхъ основаній металлургіи есть Христофоръ-Андрей Шлютеръ, который въ сей наукѣ долголѣтнее упраж-

---

вался по 1 рублю. Подносные экземпляры Ломоносовъ хотѣлъ было для государыни и наслѣдника престола переплесть въ золотой и серебряной глазетъ, но Таубертъ совѣтовалъ — въ красный сафьянъ съ богатою позолотою. Ломоносовъ на этотъ разъ не спорилъ и написалъ: «Очень изрядно, я согласенъ» (Билярскій, стр. 618). Сопиковъ въ Опытѣ русской библіографіи (III, № 6021) показываетъ новое изданіе Металлургіи въ 1790 г., но мнѣ только извѣстно 1796 года, перепечатанное съ перваго изданія страница въ страницу. Ср. также Роспись книгамъ Смирдина, № 5220.

1) Помѣченное 11 октября 1763 г., оно неизвѣстно почему осталось неперепечатаннымъ въ изданномъ Смирдинымъ Собраніи сочиненій Ломоносова.

неніе имѣлъ. Всѣ искусные въ сей наукѣ люди согласны въ томъ, что о плавленіи рудъ никто основательнѣе, искуснѣе и пространнѣе не писалъ, какъ славный г. Шлютеръ. Что же касается до перевода россійскаго, то кажется намъ, что довольно уже оному похвалы и одобренія скажемъ, когда припомнимъ, что проистекъ оный отъ пера славнѣйшаго россійскаго писателя Ломоносова.“ Это мнѣніе повторили потомъ безъ дальнихъ справокъ митрополитъ Евгеній и авторъ одной позднѣйшей рецензіи Собранія сочиненій Ломоносова, изданнаго Смирдинымъ [1]). Любопытно, что спеціалисты, высказывавшіе приводимыя ниже мнѣнія по случаю юбилейныхъ празднествъ въ память Ломоносова въ 1865 г., всего болѣе распространялись о его Первыхъ основаніяхъ металлургіи, но въ то же время совершенно прошли молчаніемъ вопросъ, на сколько Ломоносовъ былъ самостоятеленъ по отношенію къ Шлютеру? Не будучи спеціалистомъ, я, конечно, не могу принять на себя рѣшеніе этого вопроса и ограничиваюсь здѣсь только однѣми библіографическими подробностями.

Андрей-Христофоръ Шлютеръ (Schlüter) былъ сынъ директора горныхъ заводовъ въ Нижнемъ Гарцѣ и изучалъ горное дѣло съ дѣтства; въ 1698 году онъ получилъ должность своего отца и оставался въ ней до 1724 года, когда, въ награжденіе его заслугъ горному дѣлу, его назначили на болѣе значительный постъ. Огромный трудъ его, въ сравненіи съ которымъ произведеніе Ломоносова по объему кажется книжечкою, озаглавленъ: Gründlicher Unterricht von Hütte-Werken, worin gezeiget wird, wie man Hütten-Werke auch alle dazu gehörige Gebäude und Oefen aus dem Fundament recht anlegen solle, auch wie sie am Hartz und andern Orten angeleget sind. Und wie darauf die Arbeit bey Gold-Silber-Kupfer- und Bley-Ertzen, auch Schwefel-Vitriol- und Aschen-Werken geführet werden müsse. Nebst einem vollständigem Probier-Buch, darin enthalten wie allerley Ertze auf alle Metalle zu probieren, die

---

1) Словарь свѣтскихъ писателей, изд. Москвитянина, II, 22; Московскія вѣдомости 1852 г., № 46.

Silber auf unterschiedene Art fein zu brennen, Gold und Silber mit Vortheil zu scheiden und alles, so dazu gehöret, zu verrichten.... Braunschweig, 1738 (въ f°, 612, и 198, не считая реестровъ, и 58 листовъ съ гравированными на мѣди изображеніями).

Въ 1750 г. эта книга издана во французскомъ переводѣ съ примѣчаніями члена парижской Академіи наукъ Гелло, подъ заглавіемъ De la fonte des mines, des fonderies etc. Здѣсь въ предисловіи сказано, что во Франціи, кромѣ трактата Агриколы, писаннаго по латини, не было тогда никакого сочиненія по части металлургіи; а въ Германіи трудъ Шлютера можетъ считаться почти единственною и уважаемою книгою по этой отрасли знаній.

Карстенъ [1]) сдѣлалъ такую оцѣнку сочиненія Шлютера: „хотя металлургія Шлютера уже обращала на себя вниманіе яснымъ и понятнымъ изложеніемъ, а также старательнымъ и точнымъ описаніемъ почти всѣхъ, тогда извѣстныхъ въ Европѣ способовъ плавки для добыванія серебра, мѣди и свинца, однако она, кромѣ того, была всюду принята еще и по тому, что сочинитель ея пользовался извѣстностью какъ опытный и знающій дѣло металлургъ-практикъ, успѣвшій ввести разныя цѣлесообразныя улучшенія въ горномъ промыслѣ на Гарцѣ. Когда бы Шлютеръ могъ или захотѣлъ свой трудъ распространить на всю металлургію, тогда онъ, разработавъ съ свойственною ему основательностью и старательностью недостававшіе предметы, произвелъ бы новый періодъ въ исторіи этой науки на одинаковыхъ правахъ съ Металлургіею Агриколы. Въ особенности жалко, что металлургія желѣза осталась вовсе безъ вниманія и что Шлютеръ ни мало не изслѣдовалъ желѣзные рудники на Гарцѣ“.

Обращаясь затѣмъ къ Первымъ основаніямъ металлургіи Ломоносова, я долженъ напомнить, что въ ней и въ особенности въ прибавленіяхъ есть нѣсколько мѣстъ, которыя лично относятся къ Ломоносову и никакъ не могутъ принадлежать

---

1) System der Metallurgie (Berlin, 1831), I, 207.

Шлютеру, или Агриколѣ и Фохту, о сочиненіяхъ которыхъ касательно рудныхъ дѣлъ и горной геометріи нашъ академикъ самъ упоминаетъ. Въ тѣхъ мѣстахъ Ломоносовъ именно говоритъ о своемъ пребываніи за границею или о предметахъ минеральнаго кабинета при нашей Академіи наукъ. Всѣ подобныя упоминанія приведены академикомъ Куникомъ въ его Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, II, 373—376.

Теперь слѣдуетъ привести отзывы о Первыхъ основаніяхъ металлургіи позднѣйшихъ русскихъ ученыхъ. Въ порядкѣ хронологическомъ первое мѣсто принадлежитъ академику Д. М. Перевощикову, который [1]) сравнивалъ нѣкоторые изъ выводовъ, сдѣланныхъ Ломоносовымъ въ его прибавленіи къ Первымъ основаніямъ Металлургіи — О слояхъ земныхъ — касательно происхожденія и сравнительной древности горъ, съ тѣмъ, что высказано по этому предмету Эли де Бомономъ въ 1829 г. Послѣ того г. Перевощиковъ, пришелъ къ такому заключенію: „предположенія, которыя Араго извлекъ изъ разсужденія де Бомона, совершенно сходны съ доказательствами Ломоносова, опровергавшаго оставленную нынѣ теорію Вернера. Такимъ образомъ увѣряемся, что въ ученіи о поднятіи горъ Ломоносовъ предупредилъ новѣйшихъ геологовъ почти цѣлымъ столѣтіемъ. Причину этого поднятія отнесъ Ломоносовъ къ дѣйствіямъ собственнаго тепла земли: Араго оканчиваетъ свою статью изчисленіемъ многихъ перемѣнъ на земной поверхности, доказывающихъ, что сила внутренняго земнаго огня и нынѣ возобновляется время отъ времени...“

Впослѣдствіи г. Перевощиковъ описалъ подробно все содержаніе помянутой статьи О слояхъ земныхъ [2]) и при этомъ случаѣ прибавилъ такое замѣчаніе: „утвердивъ свое ученіе о поднятіи материковъ и горъ, описавъ слѣдствія и показавъ причины измѣненій на земной поверхности, Ломоносовъ пространное мѣсто въ прибавленіи отводитъ для описанія слоевъ земли и объясненія способа ихъ происхожденія. Тутъ онъ раз-

1) Современникъ, 1848 г., т. VII, отд. II, Отрывки изъ физической географіи, 43—46, 53, 54.

2) Радуга, журналъ 1865 г., апрѣль, Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи, 185—196.

сматриваетъ происхожденіе чернозема, торфа, песку, хряща, шифера, песчаниковъ, извѣстняковъ, горной соли, янтаря, который — замѣчаетъ онъ — жители его родины называютъ морскимъ ладономъ, и металловъ, обращая особенное вниманіе на признаки ихъ существованія, потому что теорію ихъ образованія предложилъ онъ въ Словѣ о рожденіи металловъ. Но эта теорія для настоящаго времени уже неудовлетворительна, принадлежитъ къ произвольнымъ гипотезамъ, и только происхожденіе мѣсторожденій металловъ отъ землятрясеній можетъ остановить на себя вниманіе геологовъ.“

Содержаніе Первыхъ основаній металлургіи Ломоносова разсказано также г. профессоромъ московскаго университета Щуровскимъ, который прибавляетъ къ тому: „само собою разумѣется, что въ металлургіи Ломоносова нельзя найти того совершенства, какое сообщили ей означенныя науки впослѣдствіи. По крайней мѣрѣ онъ шелъ въ уровень съ своимъ временемъ или въ уровень съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ находилось тогда горное искусство во всей Германіи, и особенно въ Саксоніи. Металлургія Ломоносова имѣла большое значеніе для своего времени. По своему изложенію или по своимъ пріемамъ, она необходимо должна была имѣть характеръ саксонскаго горнаго дѣла, той страны, гдѣ изучалъ эту науку самъ авторъ.... Кромѣ того, Металлургія Ломоносова, написанная на русскомъ и по тогдашнему времени весьма изящномъ языкѣ, необходимо должна была послужить образцомъ для всѣхъ горныхъ людей....“

Передавая теорію Ломоносова о поднятіи и обрушеніи земныхъ пластовъ посредствомъ подземнаго жара отъ сѣры внутри земли, г. Щуровскій прибавляетъ: „Теоріи Ломоносова, по сравненію съ нынѣшнею, не доставало только одного предположенія, именно предположенія объ огневомъ происхожденіи нашей планеты, о томъ, что земля наша сначала была огненно-жидкою массою, и только въ теченіе времени остыла на своей поверхности и покрылась твердою корою; этой теоріи не доставало только предположенія о томъ, что внутри земли, вмѣсто воспламеняющейся сѣры, до сихъ поръ находятся огненно-

жидкія и упругія вещества, которыя непрестанно стремятся наружу и составляютъ причину поднятія и разрушенія земной коры [1]...."

Профессоръ харьковскаго университета г. Борисякъ даетъ о Первыхъ основаніяхъ Металлургіи такой отзывъ: „Въ воззрѣніяхъ на минералы Ломоносовъ отличается стремленіемъ къ самостоятельности, и несмотря на нѣкоторые невѣрные взгляды — плодъ тогдашняго состоянія науки — онъ старается отрѣшиться отъ господствовавшихъ въ ней схоластическихъ предположительныхъ началъ. Онъ не принималъ изъ этой науки многаго, что считалось непреложнымъ для такихъ свѣтилъ его времени, каковы были Поттъ, Генкель, Валлерій и др.; наконецъ онъ имѣлъ воззрѣнія, которыя только послѣ его получили полное господство въ наукѣ. Взглядъ его на кристаллы соотвѣтствуетъ тому, какой установился въ нашемъ столѣтіи.... Подмѣтивъ сходство кристалловъ съ кристаллами солей, Ломоносовъ за долго до знаменитаго врача первой французской революціи Леблана, высказалъ вѣрную идею о способѣ ихъ происхожденія и какъ бы указываетъ на методъ наблюденія надъ ихъ образованіемъ. Въ минералогической характеристикѣ Ломоносова виднѣется критика признаковъ физическихъ: они выдаются рельефно, въ раціональной подчиненности...." Послѣ изчисленія подобнымъ образомъ достоинствъ произведенія Ломоносова, г. Борисякъ, кончаетъ такъ: „Сочиненіе Ломоносова о металлургіи вполнѣ доступно, популярно; номенклатура въ немъ русская. Появленіе подобнаго сочиненія въ то время, когда у насъ существовали горныя училища, а не было руководствъ; въ московскомъ университетѣ еще въ 1759 г. диктовались Керштенсомъ лекціи по Картейузеру; когда горный языкъ находился подъ ярмомъ саксонской номенклатуры, — появленіе подобнаго сочиненія нельзя считать иначе какъ важною, общественною заслугою Ломоносова. Но меня могутъ спросить, почему же русская наука не развила идей Ломоно-

1) Празднованіе столѣтней годовщины Ломоносова 4 апрѣля 1765—1865 г. московскимъ университетомъ (М. 1865), 26, 27, 32.

сова, а набралась ихъ, хотя и позже, отъ иностранцевъ? На это я отвѣчу: потому что ученые, смѣнившіе Ломоносова, не всегда понимали завѣтъ его — водворить въ наукѣ нашей самостоятельность, изгнать недобросовѣстное заимствованіе и вредное подчиненіе...." [1])

Другой харьковскій профессоръ г. И. Леваковскій въ рѣчи: „О сочиненіяхъ Ломоносова по предмету геологіи", дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующую оцѣнку выше помянутаго прибавленія къ Первымъ основаніямъ Металлургіи: „Въ геологіи Ломоносовъ не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ, передовымъ двигателемъ науки; для этого, кромѣ силы ума, нужно было имѣть еще возможность стать лицомъ къ лицу съ самою природою; необходимо было много путешествовать. Ломоносовъ лишенъ былъ этой возможности и, можетъ быть, по неволѣ ограничился заимствованіемъ сообщаемыхъ свѣдѣній изъ готовыхъ источниковъ.... Къ чести Ломоносова нужно сказать, что онъ, по взглядамъ и убѣжденіямъ, сталъ нисколько не ниже, а во многихъ случаяхъ выше своихъ современниковъ. Весьма естественно можно было бы ожидать въ сочиненіяхъ Ломоносова встрѣтить отголосокъ словъ и взглядовъ учителя его, Генкеля, или же вліяніе направленія Лейбница, чрезъ посредство ученика его Вольфа. Но въ сочиненіяхъ Ломоносова мы не находимъ ни того, ни другаго; напротивъ въ геологическихъ свѣдѣніяхъ и понятіяхъ Ломоносова, выражается главнымъ образомъ вліяніе наиболѣе даровитыхъ предшественниковъ Агриколы и Стено, которые по справедливости должны считаться основателями геологіи.... Ломоносовъ первый въ Россіи изложилъ въ систематическомъ видѣ ученіе геологіи; онъ перенесъ лучшія по тогдашнему времени геологическія свѣдѣнія на русскую почву и далъ возможность своимъ соотечественникамъ сразу стать въ этомъ отношеніи въ уровень съ западной Европой.... Къ сожалѣнію Ломоносовъ прошелъ только блестящимъ метеоромъ на горизонтѣ русской науки,

---

1) Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865 года (Харьковъ, 1865). Нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Ломоносова относительно минераловъ, 65—76.

озаривъ ее яркимъ свѣтомъ, который потомъ, не поддерживаемый новыми силами, совершенно исчезъ.... Что касается геологіи, то она почти совершенно погасла въ Россіи на нѣкоторое время, и, принявъ ее снова отъ иностранцевъ, надо сознаться, мы даже забыли о первомъ нашемъ учителѣ, который давалъ намъ возможность воспользоваться его трудами и идти впередъ, не отставая отъ другихъ народовъ.... Тѣмъ, что мы имѣемъ въ Россіи по части геологіи, мы по большей части обязаны или иностранцамъ.... или уроженцамъ остзейскихъ губерній.... Лишь немного наберемъ мы настоящихъ русскихъ именъ...." [1]).

10 октября 1763 года въ Академіи художествъ происходилъ пріемъ Ломоносова въ почетные ея члены. Въ началѣ засѣданія архитекторъ Кокориновъ представилъ директору Академіи объ избраніи нашего ученаго: онъ, по словамъ оратора, „знаніемъ и заслугами извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, не токмо простираясь въ наукахъ, славное пріобрѣлъ имя, но и по склонности къ художествамъ открылъ къ славѣ Россіи толь рѣдкое еще въ свѣтѣ Мозаичное искусство...." За тѣмъ Ломоносовъ былъ введенъ въ собраніе, гдѣ и произнесъ рѣчь, написанную по всѣмъ правиламъ реторики. Главнѣйшее содержаніе ея заключалось въ похвалахъ Екатеринѣ II, которая въ тотъ же день посѣтила Академію художествъ [2]). Въ слѣдующемъ 1764 г. предполагалось праздновать особымъ торжествомъ основаніе Академіи художествъ, и Ломоносовъ готовилъ къ этому случаю надпись и благодарственное слово къ императрицѣ Екатеринѣ II. Послѣднее онъ намѣревался произнести отъ имени Академіи художествъ. Какъ надпись, такъ и слово, не вполнѣ отдѣланное, до нынѣ сохранились въ черновыхъ бумагахъ Ломоносова [3]).

1) Памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865 года (Харьковъ, 1865), 77—87.

2) Извѣстіе о принятіи Ломоносова и его рѣчь въ первый разъ напечатаны въ Прибавленіи къ № 85 Санктпетербургскихъ вѣдомостей 1763 года.

3) Надпись у Билярскаго, стр. 620; рѣчь въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, VIII, № 1, 303—311. Въ этомъ произведеніи между прочимъ говорится: «И сіе о великости благодѣянія вкратцѣ; посмотримъ же кому оное оказано? Россійскому народу; народу острою понятія, поворотливостію членовъ, тѣлесною крѣпостію, склонностію къ

Впрочемъ оба эти произведенія остались безъ употребленія: вышепомянутое торжество лѣтомъ 1764 года не состоялось за отъѣздомъ императрицы въ Остзейскій край, а потомъ—по случаю покушенія Мировича снова возвести на престолъ принца Ивана Антоновича. Основаніе Академіи художествъ праздновалось 28 іюня 1765 года, когда Ломоносовъ былъ уже въ могилѣ. Вмѣсто его рѣчи произнесъ проповѣдь законоучитель великаго князя, іеромонахъ Платонъ [1]).

27 ноября 1763 года Ломоносовъ заявилъ въ академической канцеляріи, что онъ „намѣренъ для общаго употребленія и пользы издать на россійскомъ языкѣ на своемъ коштѣ“ географическіе глобусы, а потому просилъ выгравировать на мѣди изображенія „градусовъ и прочихъ линій географическихъ, кои для ускоренія могутъ уже начаты быть грыдорованіемъ, пока между тѣмъ положенія мѣстъ и ихъ имена поспѣютъ.“ Ломоносовъ предполагалъ напечатать до тысячи экземпляровъ, и канцелярія распорядилась объ исполненіи этого требованія. Послѣ смерти Ломоносова, находившійся при немъ студентъ Илья Абрамовъ, разсказывая о своихъ работахъ подъ смотрѣніемъ академика, между прочимъ упоминалъ: „сдѣлалъ земной глобусъ, который уже и на мѣди вырѣзывается“ [2]).

Въ академическомъ засѣданіи 28 ноября 1763 г. Ломоносовъ сообщилъ замѣтку о своихъ наблюденіяхъ надъ электричествомъ во время сѣвернаго сіянія.

Въ ноябрѣ того же года академическая канцелярія требовала справки отъ конференцъ секретаря: „было-ль отъ кого изъ г.г. академиковъ въ подачѣ предложеніе о измѣреніи всей Россіи треугольниками и какое о томъ въ собраніи положено мнѣніе, и если притомъ сочинены были и особливыя образцовыя кар-

---

любопытству, а наче удобностію къ послушанію предъ прочими превосходному.... Не изображаю здѣсь препятствій, происходившихъ отъ зависти учащихъ и отъ опасенія, чтобъ искуство ихъ въ Россіи не размножилось, не унизилась бы плата и пріобрѣтеніе бъ ихъ не умалилось....»

1) Ошибочное предположеніе, что празднованіе основанія Академіи художествъ происходило въ 1765 г, см. у Билярскаго, 047; Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи художествъ въ Петербургѣ (Спб., 1864). Примѣчанія къ I части, стр. 764—766 и 769—772.

2) Билярскій, стр. 623, 744.

ты, то оное все, собравъ, въ оригиналѣ взнесть въ самой скорости въ канцелярію для поднесенія ея императорскому величеству, по высочайшему ея величества повелѣнію.“ Мюллеръ отвѣчалъ, что о томъ, кромѣ неосуществившихся предположеній бывшаго академика астронома Делиля, въ конференцъ-архивѣ ничего не имѣется. Сверхъ того Мюллеръ и Эпинусъ составили статьи, въ которыхъ доказывалось о тщетности подобнаго предложенія Делиля [1]); Ломоносовъ, кажется, впалъ въ недоразумѣніе, такъ-какъ въ этихъ отвѣтахъ видѣлъ личное къ себѣ недоброхотство, вообразивъ, что императрица спрашивала именно о его предложеніи касательно географическихъ экспедицій.

„Въ прошломъ 1763 г., разсказываетъ Ломоносовъ, ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня, принявъ отъ Ломоносова апробованный въ собраніи планъ географическихъ экспедицій и разсмотрѣвъ оный, благоизволила послать въ Академію справиться, что о такомъ измѣреніи (?) Россіи было ли когда разсужденіе? На сіе отвѣтствовано, мимо онаго Ломоносова, чрезъ статскаго совѣтника Тауберта отъ Мюллера, яко бы того предпріятія не бывало при Академіи; а объ ономъ апробованномъ планѣ ничего не упомянуто, который былъ причиною сего всемилостивѣйшаго вопроса“ [2]).

12 декабря 1763 года Ломоносовъ представилъ академической канцеляріи „на латинскомъ и россійскомъ языкахъ грамматику, сочиненную подъ его, г. Ломоносова, смотрѣніемъ для нижняго класса гимназіи....“ Грамматика эта была отпечатана въ маѣ 1765 года, въ количествѣ 1200 экземпляровъ, и продавалось по 35 коп. [3]). Объ этомъ же учебникѣ послѣ кончины

1) Исторія Академіи наукъ, I, 147, 148.

2) Билярскій, стр. 624, 635, 098. Говоря о планѣ географическихъ экспедицій, Ломоносовъ ссылается именно на § 53 своей записки, въ которомъ рѣчь идетъ о его предложеніи Академіи послать таковыя экспедиціи для усовершенствованія географическихъ картъ Россіи. Стало быть едва-ли будетъ вѣрно предположеніе, что для Екатерины II Ломоносовъ составилъ еще какую-то новую записку.

3) Въ Опытѣ россійской библіографіи Сопикова, II, № 2905, показана Грамматика, или первыя основанія латинскаго языка для употребленія въ гимназіи при санктпетербургской Ака-

Ломоносова въ 1765 г. академикъ Котельниковъ объявлялъ, что „оная книжка собрана была по приказу и наставленію штатскаго совѣтника Ломоносова, но неисправленная начата печатать, и какъ первый листъ только напечаталъ покойный Ломоносовъ подъ своимъ смотрѣніемъ, то увидѣлъ, что оное смотрѣніе отниметъ у него много времени и отвлечетъ отъ трудовъ другихъ академическихъ“, почему книга потомъ исправлялась Котельниковымъ [1]).

20 декабря 1763 года было напечатано объявленіе отъ Ломоносова подъ заглавіемъ: Извѣстіе о сочиняемой россійской минералогіи [2]). Здѣсь было помѣщено приглашеніе доставлять образчики рудъ и пр. изъ горныхъ заводовъ, вмѣстѣ съ географическими описаніями послѣднихъ, а не изъ каждой деревни чрезъ мальчиковъ, какъ предполагалъ Ломоносовъ прежде. Императрица Екатерина обратила на это предпріятіе особенное вниманіе и приказала Олсуфьеву доставить академику хранившіяся въ Кабинетѣ извѣстія, нужныя для нашего ученаго.

Говорено было выше о нѣкоторой непріязненности, выказанной Ломоносовымъ къ Рычкову вслѣдствіе пріятельскихъ сношеній послѣдняго съ Мюллеромъ (см. стр. 583, 584, 722). Рычковъ, однако, не помнилъ этого и какъ только узналъ объ означенномъ приглашеніи академика, то отозвался на него первый, пославъ къ нему описаніе и руды съ своихъ заводовъ. Впослѣдствіи Рычковъ спрашивалъ Мюллера: „не знаю я, каково показалось Михайлѣ Васильевичу Ломоносову описаніе мое о рудахъ?“ Мюллеръ отвѣчалъ на это, 24 декабря 1764 года: „сегодня все наше академическое общество обѣдало у его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова. При этомъ случаѣ я

деміи съ россійкимъ переводомъ, Спб., 1765, въ 8°, цѣна 80 коп., и притомъ замѣтка: «въ одной росписи русскихъ книгъ, продающихся у книгопродавца И. З. (1811 г., стр. 68), неизвѣстно почему эта грамматика помѣщена между сочиненіями г. Ломоносова: конечно ошибкою?»

1) Билярскій, стр. 747.

2) Оно напечатано «для разсылки на рудные заводы», въ количествѣ 500 экземпляровъ, которые и были всѣ выданы Ломоносову. Одинъ печатный экземпляръ въ 4°, на 3 нен. страницахъ, въ архивѣ академической канцеляріи въ книгѣ № 288. Ср. также II, книга № 280. Перепечатка у Билярскаго, стр. 625—628.

видѣлся также съ г. Ломоносовымъ и показывалъ ему ваше извѣстіе о рудахъ на Уралѣ. Оно было ему пріятно, и онъ обѣщался письменно благодарить какъ за это, такъ и за прежнія свѣдѣнія“ [1]).

Хотя Ломоносовъ въ означенномъ Извѣстіи предполагалъ приступить къ печатанію Минералогіи въ январѣ 1765 г., но это предположеніе не осуществилось.

Въ 1763 году стокгольмскою Академіею наукъ напечатано переведенное съ латинскаго языка на шведскій разсужденіе Ломоносова о происхожденіи ледяныхъ горъ въ сѣверныхъ моряхъ [2]). Поводомъ къ присылкѣ Ломоносовымъ этой статьи въ помянутую Академію было избраніе его тамъ въ почетные члены. Благодаря за эту честь, нашъ академикъ писалъ туда: sed offerre igitur ausus sum libellum, communis nostri septentrionis quaedam phaenomena eveniter exponentem, quae quantum quidem mihi constat, non ut merentur in orbe litterario sunt cognitae [3]). Разсматриваемое разсужденіе Ломоносова впослѣдствіи было переведено на нѣмецкій языкъ, а съ него на русскій г. Фрейгангомъ и помѣщено въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ 1865 г., № 37. Здѣсь, между прочимъ, замѣчено редакціею этого журнала, что „смѣлая гипотеза нашего знаменитаго русскаго ученаго—объ образованіи сѣверныхъ полярныхъ ледяныхъ горъ въ устьяхъ большихъ рѣкъ сибирскаго материка—не можетъ быть принята къ объясненію образованія ледяныхъ горъ южнаго полярнаго моря, потому что въ это море, какъ извѣстно, не впадаетъ такихъ рѣкъ, которыя могли бы

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова въ Запискахъ Академіи наукъ, VIII, прилож. № 7, стр. 71—73. Описаніе Рычкова, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, напечатано въ 1766 г. въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества. Кромѣ Рычкова, въ 1765 г. изъ бергъ-коллегіи прислано было Описаніе о находящихся въ Дауріи рудныхъ мѣстахъ и о прочемъ. Оно хранится II, въ книгѣ № 290.

2) Tankar om Is-bergens ursprung uti de Nordiska Hafven, insände af Michael Lomonosow, Ledamot af Kejserliga Peterburgiska, samt K. Svenska Vet. Acad. Ifrån Latinska Språket öfversatte. Kongl. Vetenskaps Academiens Handlingar. För År 1763, vol. XXIV, 1763, стр. 34—40. См. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ г. Куника, II, 386.

3) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, VIII, № 1, стр. 81, 311.

соперничать съ нашими: Обью, Енисеемъ, Иртышемъ и другими".

Къ стихотворнымъ произведеніямъ Ломоносова въ 1763 году также относится помѣщаемая въ Собраніяхъ сочиненій его Надпись, напечатанная въ Уставѣ московскаго воспитательнаго дома.

Въ 1764 г. продолжались у Ломоносова пререканія и столкновенія съ его недругами по Академіи. 4 марта этого года онъ представилъ въ академическую канцелярію, что множество постороннихъ для наукъ заведеній препятствуютъ процвѣтанію чисто ученыхъ учрежденій. Въ слѣдъ за такимъ вступленіемъ говорится о печальномъ состояніи обсерваторіи: „а тѣ, прибавляетъ Ломоносовъ, производятъ-ли что въ пользу астрономіи, мнѣ неизвѣстно". Вслѣдствіе этого представленія сдѣланъ былъ запросъ Румовскому, который и подалъ президенту Академіи подробное объясненіе какъ относительно обсерваторіи, такъ и о собственныхъ занятіяхъ по астрономіи. Выше, на стр. 599—602, говорено, что Румовскій послѣ возвращенія своего изъ Берлина, гдѣ жилъ у Эйлера, относился весьма скептически къ тому, что Ломоносовъ выдавалъ за свои изобрѣтенія и открытія. Разумѣется это должно было нравиться Тауберту, и онъ оказывалъ молодому адъюнкту видимое покровительство. Благодаря этому обстоятельству, Румовскій былъ приглашенъ въ наставники къ дѣтямъ президента Академіи наукъ, графа Разумовскаго, и жилъ въ его домѣ. Въ торжественномъ засѣданіи Академіи наукъ 2 іюля 1763 года, при императрицѣ Екатеринѣ и наслѣдникѣ престола, удостоившихъ ученое общество своимъ присутствіемъ, Румовскій читалъ Сокращенную исторію о началѣ и приращеніи оптики[1]), гдѣ затронулъ мимоходомъ и теорію о цвѣтахъ Ломоносова. Въ настоящемъ жизнеописаніи не разъ приводимы были примѣры чрезмѣрной чувствительности Ломоносова къ самымъ легкимъ сомнѣніямъ въ превосходствѣ и непогрѣшимости его произведеній. Такъ и теперь намекъ въ рѣчи Румовскаго не оставленъ былъ безъ вни-

1) Санктпетербургскія вѣдомости 1763 г. № 53.

манія нашимъ академикомъ, и онъ долгомъ счелъ упомянуть о немъ въ своей Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи: „Что жъ Румовскій наущенъ на Ломоносова, то явствуетъ заключеніе его оптическихъ извѣстій, читанное въ публичномъ собраніи, гдѣ не кстати прилѣплена теорія о свѣтѣ; но Румовскаго въ сей матеріи одобреніе неважно и охуленіе неопасно, какъ отъ человѣка, въ физикѣ незнающаго“ [1]).

Еще упорнѣе и продолжительнѣе велось у Ломоносова препирательство съ Таубертомъ по поводу Шлецера. Въ первомъ томѣ настоящаго труда было уже упомянуто, что этотъ ученый, впослѣдствіи пріобрѣвшій себѣ громкую извѣстность въ Германіи, былъ выписанъ Мюллеромъ въ Петербургъ на скромное мѣсто домашняго наставника къ его дѣтямъ, въ надеждѣ сдѣлать изъ него современемъ помощника въ трудахъ по русской исторіи. Неоспоримо, что Шлецеръ, какъ писатель и публицистъ, оказалъ много услугъ наукамъ и современному обществу; но не подлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣнію, что въ то же время этотъ ученый былъ самаго неуживчиваго и сварливаго характера и притомъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, своихъ знаніяхъ и пр. Онъ не долго ужился съ Мюллеромъ, покинулъ его домъ и сдѣлался горячимъ сторонникомъ Тауберта, на котораго въ автобіографіи указываетъ какъ на своего отца-командира, покровителя и благодѣтеля [2]). При занятіяхъ своихъ русскимъ языкомъ, Шлецеръ обратился конечно къ единственному тогда руководству по этому предмету — къ грамматикѣ Ломоносова. Изъ желанія-ли понравиться Тауберту, или безъ всякихъ разсчетовъ, только Шлецеръ направилъ свои лингвистическія занятія преимущественно на отысканіе и указаніе недостатковъ въ сейчасъ названномъ трудѣ нашего академика. „Таубертъ дѣйствительно изучалъ русскій языкъ, но,—прибавляетъ Шлецеръ съ своимъ обычнымъ самодовольствомъ и тономъ глубокаго знатока,—безъ общихъ философскихъ свѣдѣній, по этому онъ часто слыхалъ отъ меня вопросы и возраженія, которыя

---

1) Билярскій, стр. 630—632, 681—685, 691.

2) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 374—379, 660—663.

ставили его въ тупикъ. Естественно, что при этомъ рѣчь часто заходила о тогдашнихъ русскихъ грамматикахъ и чаще всего о ломоносовской, которая считалась за образцовую. При помощи моей всеобщей грамматики, я, продолжаетъ скромный Шлецеръ, доказывалъ Тауберту въ ломоносовской—множество неестественныхъ правилъ и безполезныхъ подробностей и указывалъ съ такою ясностью, что ему становилось досадно, какъ онъ самъ прежде не примѣчалъ этого. Наконецъ въ началѣ 1763 г. онъ мнѣ сказалъ: „напишите сами русскую грамматику—Академія ее напечатаетъ“. Я принялъ вызовъ....“ [1]).

Надобно замѣтить, что Таубертъ успѣлъ уже провести Шлецера въ Академію въ качествѣ адъюнкта, впрочемъ заурзднаго, какъ говорилось тогда, т. е. непринимавшаго участія въ академическихъ засѣданіяхъ; кромѣ того, благодаря ему же, Шлецеръ сдѣлался, подобно Румовскому, наставникомъ дѣтей президента Академіи и жилъ уже на его счетъ.

Весною 1764 г. Шлецеръ, желая отправиться за границу, просилъ академическую канцелярію, чтобы ему было объявлено, чего онъ можетъ ожидать, оставаясь при Академіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить ему представить планъ будущихъ его работъ. При просьбѣ онъ представилъ свою статью Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus. Imperatoriae scientiarum Academiae oblatum ab Augusto Ludovico Schlozero d. 30 aprilis, 1764. Въ первомъ отдѣлѣ этой статьи Шлецеръ представилъ образчикъ возстановленія двухъ мѣстъ Нестора при помощи греческаго текста Кедрина. Во второмъ отдѣлѣ объяснены по византійскимъ источникамъ выраженія, встрѣчающіяся у Нестора и казавшіяся непонятными: судъ, дымъ, кувара, мѣсячина, философъ, языкъ, дружина; тутъ же включено нѣсколько замѣчаній о греческомъ огнѣ. Третій отдѣлъ занятъ словами, вошедшими въ славяно-русскій языкъ изъ греческаго. Кончается статья разрѣшеніемъ вопроса, предложеннаго Мюллеромъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: отчего

---

1) A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben (Göttingen, 1802), 167, 168.

происходитъ окончательный слогъ *вичъ*, прилагаемый для чести къ отеческому имени? и пр. „Главною моею темою, говоритъ Шлецеръ въ автобіографіи по поводу этой статьи, было неслыханное со временъ Байера дѣло, что русскій изслѣдователь исторіи долженъ знать по гречески и преимущественно предъ всѣми изучать византійцевъ. Въ Академіи одинъ только Фишеръ въ старинные годы былъ въ состояніи понимать по гречески, а Ломоносовъ и Мюллеръ съ трудомъ могли читать на этомъ языкѣ“ [1]).

Статья эта сначала была читана Мюллеромъ, потомъ послана къ Фишеру, и уже послѣ нихъ дошла до Ломоносова. Но еще прежде этого, именно 26 мая 1764 г., Ломоносовъ подписалъ въ академической канцеляріи опредѣленіе совершенно въ пользу Шлецера, о производствѣ ему испытанія въ академическомъ собраніи, чтобы убѣдиться: „имѣетъ ли онъ довольныя качества, чтобъ въ какой нибудь наукѣ при академическомъ ученомъ корпусѣ или при университетѣ быть профессоромъ, дабы не упустить человѣка, который, какъ извѣстно, сверхъ прочихъ своихъ достоинствъ, оказалъ уже такіе успѣхи въ россійскомъ языкѣ, коихъ отъ выписываемаго вновь иностраннаго человѣка не инако какъ чрезъ долгое время ожидать можно“ [2]).

Шлецеръ подалъ въ академическое собраніе два плана: въ одномъ онъ распространялся о способахъ, какъ слѣдуетъ заниматься древнею русскою исторіею и изучать лѣтописи критически, грамматически и исторически; также составлять извлеченія изъ иностранныхъ писателей о Россіи и сравнивать ихъ съ русскими извѣстіями. Второй планъ касался объ изданіи Академіею на русскомъ языкѣ полезныхъ иностранныхъ сочиненій. По прочтеніи предположеній Шлецера, большая часть академиковъ высказались въ пользу принятія его профессоромъ. Мюллеръ однако подалъ мнѣніе, которое онъ уже и ранѣе вы-

1) A. L. Schlözer's öffentl. und privat Leben, 202.

2) Билярскій, стр. 698, 699. Шлецеръ (Oeffentl. u. privat Leben, 205) увѣряетъ, что Ломоносовъ подписалъ это опредѣленіе или вслѣдствіе льстивыхъ увѣреній Тауберта, или же потому что былъ тогда подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

сказалъ, что если Шлецеръ желаетъ посвятить себя русской исторіи, то долженъ навсегда остаться въ Россіи [1]).

Что касается до Ломоносова, то онъ по прочтеніи вышепомянутой статьи Шлецера, одобренной Мюллеромъ и Фишеромъ, находилъ ее рѣшительно неудобною къ печати: Hoc periculum, писалъ Ломоносовъ на статьѣ [2]), ita conscriptum est, ut quicunque linguae Rossicae ignarus legerit, illam filiam esse Graecae credat necesse est, quod tamen cum veritate pugnat. Id circo eo habitu, quo nunc apparat, in publicum prodire non debet. Taceo non pauca alia corriganda.

Когда же Ломоносову стало извѣстно объ отзывахъ большинства академиковъ въ пользу Шлецера, то, не стѣсняясь канцелярскимъ опредѣленіемъ отъ 26 мая, онъ написалъ: „свидѣтельства иностранныхъ профессоровъ о знаніи г. Шлецера въ россійскихъ древностяхъ почитать должно недѣйствительными затѣмъ, что они сами оныхъ не знаютъ. Что жъ до меня надлежитъ, то оному Шлецеру много надо учиться, пока можетъ быть профессоромъ россійской исторіи. Сверхъ того и мѣста ему при Академіи нѣтъ порожняго. Г.г. Мюллеръ и Фишеръ суть профессоры исторіи. Я жъ и самъ сочиняю россійскую и уже въ печати. И такъ помянутой Шлецеръ россійской исторіи (профессоромъ?) быть не можетъ и нѣтъ мѣста“ [3]).

Затѣмъ Ломоносовъ подалъ пространное мнѣніе о предположеніяхъ Шлецера, и здѣсь-то въ особенности высказалась та болѣзненная раздражительность, которой невозможно не замѣтить въ полемическихъ писаніяхъ нашего академика въ послѣдніе годы его жизни. Въ самыхъ предположеніяхъ Шлецера не заключалось ни малѣйшаго намека, который бы могъ оскорблять самолюбіе Ломоносова; напротивъ Шлецеръ вызывался изъ его русской исторіи составить таковую же на нѣмецкомъ языкѣ и высказывалъ надежду, что Ломоносовъ будетъ ему помогать объясненіями непонятныхъ словъ. Этотъ вызовъ Шлецера Ломоносовъ принялъ за личное себѣ оскорбленіе и

---

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ I, 379; Билярскій, стр. 700—702, 705—707.

2) Подлинникъ этой статьи мнѣ сообщалъ академикъ А. А. Куникъ.

3) Билярскій, стр. 702—704.

потому въ отзывѣ, касавшемся собственно опредѣленія Шлецера, послѣ доказательствъ, что ему, иноземцу, въ короткое время нельзя было узнать ни русскаго языка, ни древностей, Ломоносовъ упоминаетъ о своихъ заслугахъ, достоинствахъ и знаніяхъ. По его словамъ, Шлецеръ „представилъ бы себѣ нѣкоего изъ нашихъ природныхъ, который съ малолѣтства спознапъ общій россійской и славенской языки, а достигши совершеннаго возраста, съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ древнимъ славено-моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги; сверхъ сего довольно знаетъ всѣ провинціальные діалекты здѣшней имперіи, также слова, употребляемыя при дворѣ, между духовенствомъ и простымъ народомъ, разумѣя притомъ польской и другіе съ россійскими сродные языки. Онъ же и предъ прочими своими согражданами пріобрѣлъ въ отечествѣ своемъ особливую похвалу во всемъ, что до языка и древностей россійскихъ принадлежитъ; по сему не можно-ли почесть за неразсуднаго и наглаго, ежели онъ похочетъ сравниться съ вышеупомянутымъ?... Но безстыдство, какое усматривается изъ требованій г. Шлецера, увидитъ каждый, кто познаетъ раченіе мое о природномъ языкѣ и оказанные успѣхи отечеству, также труды въ чтеніи россійскихъ и иностранныхъ древнихъ книгъ, а наконецъ стараніе о сочиненіи самой россійской исторіи. Всего того г. Шлецеръ требуетъ себѣ въ помочь въ той силѣ, чтобъ человѣкъ, знатной по лѣтамъ, по заслугамъ, по достоинству и по разнымъ наукамъ, а особливо извѣстный по россійской исторіи, уступилъ свои собранія съ достохвальностію въ сочиненіи исторіи отечества своего молодому иностранцу, дабы оные преданы были вѣчному забвенію...“ [1]).

Ломоносовъ, не находя достаточнымъ неблагопріятный отзывъ о Шлецерѣ въ стѣнахъ Академіи наукъ, представилъ о немъ въ сенатъ, такъ-какъ Шлецеръ ему казался уже неблагонадежнымъ и по политическимъ соображеніямъ [2]). Побужденія

---

1) Билярскій, стр. 702, 704.

2) Заявленіе Ломоносова, 2 іюня 1764 года, въ сенатъ напечатано г. Будиловичемъ въ Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, т. VIII, № 1, 312. Здѣсь есть

заставившія его рѣшиться на такой поступокъ, описаны имъ слѣдующимъ образомъ въ Краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи: „Скорой отъѣздъ Шлецера изъ Россіи былъ отнюдь несумнителенъ. Между тѣмъ профессоръ Мюллеръ неоднократно жаловался на Тауберта въ профессорскомъ собраніи, что онъ все историческое дѣло старается отдать Шлецеру; ввѣрилъ ему всю россійскую библіотеку, такъ что Шлецеръ выписываетъ и переписываетъ что хочетъ, на что писцовъ наймуетъ, а одного-де и нарочно держитъ; о чемъ-де онъ не для чего другово такъ старается, какъ чтобы, выѣхавъ изъ Россіи, не возвратиться, а изданіемъ россійскихъ историческихъ извѣстій тамъ наживать себѣ похвалу и деньги. Ломоносовъ, вѣдая все прежнее и слыша Мюллеровы основательныя жалобы и представленія, и опасаясь, чтобъ не воспослѣдовали такія жъ неудовольствія, какія были прежде отъ иностранныхъ изъ Россіи выѣзжихъ, не могъ для краткости времени, не терпящаго ни малаго умедленія, и для отсутствія президентскаго, и не долженъ былъ преминуть, чтобы о томъ для предосторожности не объявить правительствующему сенату....“ 1)

Сенатъ 3 іюля 1764 г. распорядился не давать Шлецеру заграничнаго отпуска, а канцеляріи академической предписалъ отобрать „обще съ статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ“ всѣ историческія рукописи, какія найдутся у Шлецера. Таубертъ имѣлъ пріятелей и въ сенатѣ, а потому ему не трудно было узнать о содержаніи этого распоряженія въ самый тотъ день, когда оно состоялось. Шлецеръ довольно живо описалъ, какъ дѣйствовалъ въ этомъ критическомъ случаѣ его патронъ: „3 іюля 1764 года на нашъ дворъ съ громомъ въѣхалъ эки-

---

извѣщеніе, что Шлецеръ, переписавъ многія историческія извѣстія въ академической библіотекѣ съ дозволенія Тауберта, нынѣ отъѣзжаетъ за границу. «Извѣстно, продолжаетъ за тѣмъ Ломоносовъ, что и здѣсь издаваемыя о Россіи чрезъ иностранцевъ извѣстія не всегда безъ пороку и безъ ошибокъ, служащихъ Россіи въ предосужденіе; сверхъ того Гмелинъ и Шаппъ недоброхотные намъ примѣры показали, того ради симъ всепокорнѣйше представляю, не соблаговолено-ли будетъ принять въ разсужденіе сего предосторожности».

1) Билярскій, стр. 094.

пажъ такъ рано, что я едва успѣлъ встать. Таубертъ стремглавъ влетѣлъ въ мою комнату и, какъ помѣшенный, потребовалъ, чтобы я скорѣе собралъ всѣ рукописи, которыя получилъ отъ него. Вольтеровскія рукописи (т. е. матеріалы, собиравшіеся для исторіи Петра Великаго этого писателя) лежали вмѣстѣ въ порядкѣ; нѣкоторыя другія разрозненныя я скоро приложилъ. Но изъ всѣхъ бумагъ Таубертъ съ большимъ страхомъ спрашивалъ о своемъ фоліантѣ съ извѣстіями о казакахъ (здѣсь были договоры русскихъ съ казаками съ 1664 г.). Всю эту кипу бумагъ бросилъ слуга въ экипажъ, и Таубертъ уѣхалъ....“ Далѣе Шлецеръ разсказываетъ, какъ онъ припряталъ въ пергаментный переплетъ арабскаго лексикона таблицы о народонаселеніи Россіи, о привозныхъ и вывозныхъ товарахъ, о рекрутскомъ наборѣ и т. п. Остальное онъ было хотѣлъ сжечь, но раздумалъ конечно въ надеждѣ, что Таубертъ съумѣетъ обдѣлать дѣло. Шлецеръ не ошибся [1]).

Только два дня спустя, именно 5 іюля, Таубертъ распорядился отобрать показанія отъ Шлецера, библіотекаря и бывшихъ у перваго для списыванія переписчиковъ [2]). Того же 5 іюля Ломоносовъ являлся въ сенатъ и вслѣдствіе того тамъ состоялся, 9 іюля, новый указъ на имя президента Академіи наукъ: „сего іюля 5 числа собранію правительствующаго сената статскій совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ словесно доносилъ, что посланный въ канцелярію Академіи наукъ изъ сената по доношенію его указъ о отобраніи у отъѣзжающаго за море адъюнкта Шлецера списанныхъ имъ, съ позволенія статскаго совѣтника Тауберта, въ академической библіотекѣ неизданныхъ еще въ свѣтъ историческихъ извѣстій, который присланъ былъ сего іюля 3 дня, понынѣ ему былъ не объявленъ. А какъ по оному указу исполненіе канцеляріи Академіи велѣно учинить обще съ нимъ, Ломоносовымъ, то онъ и не можетъ надѣяться, чтобъ тѣ списанныя извѣстія у адъюнкта Шлецера найтить было можно, ибо онъ, пользуясь симъ временемъ, могъ о томъ быть увѣдом-

---

1) Schlözer's öf. und privat Leben, 233—235.

2) Билярскій, стр. 707—712.

ленъ и подлежащее ко отобранію скрыть, или другимъ какимъ образомъ учинить себя въ томъ безопаснымъ и что подлинно такія историческія, въ свѣтъ еще неизданныя сочиненія Шлецеръ получилъ, о томъ вѣдаютъ и профессоры Фишеръ, Мюллеръ и Котельниковъ, и какъ въ поданномъ отъ него доношеніи показано, что для сего и нарочный писецъ употребленъ былъ, то нынѣ онъ объявляетъ, что для переписки употреблены были академическіе служители Кохъ и Карелинъ. И хотя по посланному изъ правительствующаго сената въ канцелярію Академіи наукъ указу и велѣно было оной канцеляріи обще съ Ломоносовымъ у Шлецера, ежели историческія извѣстія, неизданныя въ свѣтъ переписанныя найдутся, все отобрать немедленно и по отобраніи отдать въ библіотечные манускрипты, дабы оные имъ, Шлецеромъ, отсюда въ иностранныя государства вывезены не были, и по исполненіи въ сенатъ репортовать. Но по оному указу канцелярія исполненія по нынѣ не учинила, почему бы и слѣдовало исполненіе сего дѣла паки поручить той канцеляріи и въ скорѣйшемъ онаго окончаніи учинить надлежащія понужденія, чтобъ сенатъ и не оставилъ; но какъ члены оной, статскіе совѣтники Таубертъ и Ломоносовъ въ семъ дѣлѣ одинъ доказывать, а другой отвѣтствовать должны, а другихъ кромѣ ихъ членовъ въ той канцеляріи, кому бъ сіе дѣло поручить, нѣтъ, да и время, какъ выше значитъ, въ отобраніи писемъ уже упущено и осталось единственно разобрать только слѣдствіемъ, того ради по указу ея императорскаго величества правительствующій сенатъ приказали къ вамъ, г. фельдмаршалу, сенатору и кавалеру, послать указъ, по которому вы, яко президентъ сего собранія, имѣете въ семъ дѣлѣ надлежащее произвесть слѣдствіе по своему благоусмотрѣнію, а сенатъ что учинено будетъ репортовать“ [1]).

Гр. Разумовскій сопровождалъ тогда императрицу Екатерину II въ ея поѣздкѣ по Остзейскому краю, а потому приступилъ къ исполненію этого указа только по возвращеніи своемъ

1) Изъ переписки о Шлецерѣ, хранящейся нынѣ въ Государственномъ архивѣ.

въ Петербургъ. Не трудно угадать, что возбужденное Ломоносовымъ дѣло было ему чрезвычайно непріятно: Таубертъ пользовался благоволеніемъ графа до такой степени, что ему былъ довѣренъ главный надзоръ за воспитаніемъ дѣтей Разумовскаго; Шлецеръ состоялъ при послѣднихъ наставникомъ и жилъ вмѣстѣ съ ними; наконецъ Ломоносовъ представлялъ на обоихъ этихъ лицъ прямо въ сенатъ, минуя непосредственнаго начальника и знатнаго вельможу. Потребовавъ къ себѣ всю переписку о Шлецерѣ, графъ Разумовскій велѣлъ Ломоносову „подать отвѣтъ: для чего мимо меня, яко главнаго командира, утруждалъ правительствующій сенатъ о такомъ дѣлѣ, которое, въ силу академическаго регламента, единственно подлежитъ моему разсмотрѣнію и рѣшенію?“

Отвѣтъ Ломоносова на этотъ запросъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того значенія, которымъ пользовался нашъ академикъ въ средѣ современнаго русскаго общества. Представляя оправданія въ взведенномъ на наго обвиненіи, онъ изложилъ ихъ въ отвѣтѣ графу Разумовскому такимъ образомъ, что съ перваго же пункта обвиненный академикъ становился обвинителемъ президента Академіи. „Шлецеръ, писалъ Ломоносовъ, принятъ въ Академію не токмо не въ силу регламента, но и въ предосужденіе россійскому народу.... Въ академическомъ регламентѣ въ 13-мъ пунктѣ повелѣно стараться, чтобъ адъюнкты всѣ были россійскіе. Сіе разумѣть не иначе должно, какъ что иностранныхъ не принимать вновь послѣ объявленія онаго регламента, а особливо гдѣ они не положены, какъ при исторіографѣ....“ Далѣе, послѣ доводовъ, что изъ академической библіотеки не слѣдуетъ сообщать рукописей, которыя могутъ быть изданы, минуя Академію, и что Шлецеръ намѣревался увезти съ собою за границу добытыя имъ извѣстія о Россіи, Ломоносовъ высказался: „и ради того учинилъ я правительствующему сенату законное представленіе для предупрежденія, въ отсутствіе вашего сіятельства, что не можетъ вашей особѣ отнюдь служить въ обиду, яко дѣло не терпящее умедленія. Сверхъ того не долженъ я не упомянуть въ свое законное оправданіе и того, что не токмо въ отсутствіе

ваше, но и въ бытность здѣсь вашего сіятельства мои вамъ представленія, служащія ко всенародной пользѣ и къ исправленію академическаго состоянія, весьма укоснительно въ дѣйствіе производятся, а иныя и вовсе безъ дѣйствія оставлены“ [1]).

Въ этомъ же отвѣтѣ Ломоносовъ упоминаетъ, что Таубертъ также сообщалъ Шлецеру сдѣланный Россохинымъ и Леонтьевымъ русскій переводъ китайскихъ и манжурскихъ книгъ, который сенатомъ велѣно было печатать. Объ этомъ обстоятельствѣ доведено было въ описываемое же время до свѣдѣнія сената, который, 29 іюля 1764 г., требовалъ изъ академической канцеляріи свѣдѣній, какое сдѣлано распоряженіе по указу его о печатаніи вышепомянутыхъ книгъ? Таубертъ, опять минуя Ломоносова, 9 августа 1764 г., отписывался, что будто бы Академія признала, что помянутый переводъ нельзя печатать по слишкомъ великому объему его; что потому изъ него слѣдовало сдѣлать для печати небольшое извлеченіе, что и поручено было Шлецеру „котораго Академія по его искусству въ историческихъ сочиненіяхъ и знанію многихъ языковъ къ тому за способнѣйшаго признала“. Ломоносовъ на эту отписку подалъ примѣчанія, изъ которыхъ выходило, что Академія никогда не разсматривала переводовъ Россохина и Леонтьева и никогда не поручала разсматривать ихъ Шлецеру, „ибо, кромѣ профессоровъ Мюллера и Фишера, могли сыскаться россіяне къ тому способные, а особливо были тогда г.г. Козицкій и Мотонисъ, довольно учёные люди, да и университетъ бы не отказался назначить имъ на вспоможеніе способныхъ къ тому студентовъ.... Изъ сего ясно усмотрѣть можно, кончаетъ Ломоносовъ, 1) что г. статской совѣтникъ Таубертъ не обинулся свои проступки неправильнаго впущенія Шлецера въ библіотеку такъ далече закрывать бóльшими, т. е. неисправность свою извинять не токмо пустыми отговорками, но и совсѣмъ ложными въ правительствующій сенатъ отвѣтами. 2. Когда же онъ сіе высокое правленіе облыгать дер-

1) Билярскій, стр. 713—717.

заетъ, то не можно усумниться, какъ онъ въ состоянiи употреблять въ своей командѣ таковыя же мѣры“ [1]).

Въ это-то время тревогъ, ожесточенной борьбы съ врагами и безпрерывныхъ раздраженiй Ломоносовъ написалъ Краткую исторiю о поведенiи академической канцелярiи въ разсужденiи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени [2]). При внимательномъ чтенiи этого произведенiя пера великаго писателя нашего, можно легко примѣтить, что оно писано отъ начала до конца безъ промежутковъ, такъ сказать не переводя духа, почему въ немъ замѣтна ровность изложенiя и особенная настойчивость въ проведенiи одной мысли, которой видимо отдался тогда Ломоносовъ со всею страстностью человѣка, нестрашившагося препятствiй, нетерпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчiя. Эта мысль—обвиненiе всѣхъ своихъ личныхъ недруговъ по Академiи и твердое намѣренiе выйти изъ борьбы съ ними побѣдителемъ. Если обратиться къ подробностямъ, излагаемымъ Ломоносовымъ въ разбираемой запискѣ, то во многихъ изъ нихъ легко найти промахи, противорѣчiя съ другими несомнѣнными современными свидѣтельствами и т. п. И это нисколько неудивительно, потому что, какъ сказано выше, Краткая исторiя должна была писаться чрезвычайно быстро, и автору ея, находившемуся тогда въ возбужденномъ состоянiи, было не до того, чтобы справляться съ грудами бумагъ и рыться въ архивныхъ дѣлахъ прежнихъ лѣтъ. Въ настоящемъ жизнеописанiи не разъ приходилось обращаться къ этой запискѣ, въ которой Ломоносовъ несомнѣнно выразился цѣльнѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ своихъ бумагахъ полемическаго свойства. Оканчиваетъ онъ это произведенiе надеждою, что одна императрица въ состоянiи отвратить зло, которое наносятъ всей Россiи его личные враги. „Ежели жъ, заключаетъ Ломоносовъ, онаго не воспослѣдуетъ,

---

1) У Билярскаго, стр. 717—720, это заключенiе напечатано съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ и опущенiемъ 2-го пункта, который въ черновомъ подлинникѣ, хранящемся въ собранiи Н. М. Орлова, зачеркнутъ самимъ Ломоносовымъ.

2) Событiя академическiя въ этой запискѣ доведены до сентября мѣсяца 1764 г.

то вѣрить должно, что нѣтъ божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи“ [1]).

Изъ автобіографіи Шлецера читатель, даже совершенно сочувствующій его повѣствованію, можетъ замѣтить, какого онъ былъ высокаго мнѣнія о собственныхъ своихъ знаніяхъ и съ какимъ презрѣніемъ относился потому къ грамматическимъ и историческимъ трудамъ Ломоносова: „der Mann war, замѣчалъ Шлецеръ, in Sprache und Geschichte ein purer Naturalist; hatte keinen Begriff davon, dasz beide, wie andre Wissenschafften, gelernt werden könnten und müszten“. Впрочемъ такіе отзывы не помѣшали тому, что и въ собственной грамматикѣ Шлецера нашлось не мало такого, съ чѣмъ никакъ не согласятся записные филологи. Ломоносовъ, когда ему удалось прочитать это произведеніе, несмотря на недостатокъ строго филологической подготовки, при одномъ практическомъ знаніи роднаго языка, легко отыскалъ ошибки и промахи Шлецера; но при этомъ случаѣ онъ очень хорошо зналъ, что грамматическія словопренія не много повредятъ врагу, а потому, не пускаясь вдаль, ограничился приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ, которые могли задѣть національное и религіозное чувство современнаго русскаго общества. Въ коротенькой запискѣ о русской грамматикѣ Шлецера Ломоносовъ говоритъ: „Стр. 58. *Бояринъ* производится: 1) отъ дурака, 2) отъ барана. Стр. 82. Слово дѣва, которое слово употребляется у насъ почти единственно въ наименованіи пресвятыя Богородицы, производитъ Шлецеръ отъ нѣмецкаго слова Dieb (воръ), отъ голландскаго teet (бл...), отъ нижняго саксонскаго Tiffe (сука). Диво, что сумазброду не пришло въ голову слово Deufel: оно ближе будетъ по его мечтаніямъ къ дѣвѣ, нежели Dieb и прочія. Стр. 83. Слово *король* производитъ отъ слова Kerl. Стр. 89. Напечатано ругательнымъ образомъ высочайшій степень россійскаго дворянства (князь): кажется быть то же, что по нѣмецки Knecht холопъ. Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пако-

1) Краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи напечатана Билярскимъ, стр. 049—0101, и г. Ламанскимъ, который возстановилъ и зачеркнутыя Ломоносовымъ выраженія, въ Чтеніяхъ 1865 г., книга 1.

стей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина" [1])!

Заключеніе этой статейки таково, что не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ тому, что Ломоносовъ былъ далекъ отъ спокойнаго и хладнокровнаго обсужденія во всемъ, что ни касалось Шлецера. Послѣдній увѣряетъ, что это указаніе на производство слова князь отъ Knecht ему не прошло даромъ. „Ломоносовъ, говоритъ онъ, столь же мало слыхавшій въ свою жизнь объ ученомъ словопроизводствѣ, какъ матросъ о логариѳмахъ, оторвалъ выше упомянутыя двѣ строчки отъ всего послѣдующаго и съ этимъ обѣгалъ всѣхъ князей, натравливая ихъ на меня всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ особенности. Невозможно описать, какое произвели впечатлѣніе эти пустяки: мое имя было въ тысячи устахъ, которыя его прежде никогда не произносили; на всѣхъ обѣдахъ толковали о князѣ, Knecht и обо мнѣ...." [2])

Ко времени борьбы, которую велъ Ломоносовъ съ Шлецеромъ и Таубертомъ, слѣдуетъ отнести слѣдующую собственноручную замѣтку Ломоносова на память, которая знакомитъ съ тогдашнимъ настроеніемъ его духа: „1. Видѣть Г. 2. Показывать свой трудъ. 3. Можетъ быть понадоблюсь. 4. Беречь нечево. Все открыто Шлецеру сумазбродному. Въ россійской библіотекѣ есть больше секретовъ. Ввѣрили такому человѣку, у коего нѣтъ ни ума, ни совѣсти (зачеркнуто: „къ моему крайнему оскорбленію безвинно"), рекомендованному отъ моихъ злодѣевъ. 5. Приносилъ Его Выс. дедекаціи. Да все! и мѣста нѣтъ. 6. Нѣтъ мѣста и въ чужихъ краяхъ. 7. Всѣ любятъ, да шумахершина. 8. Multa tacui, multa pertuli, multa concessi. 9. За то терплю, что стараюсь защитить трудъ П. В., чтобы выучились россіяне, чтобы показали свое достоинство pro aris etc. 10. Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ. 11. Ежели не пресѣчете, великая буря возстанетъ [3]).

---

1) Сочиненія Ломоносова, изд. А. Смирдина, I, 762, 763; Билярскій, стр. 725, 726.

2) Schlozer's öff. und privat Leben, 254.

3) Это помѣщено было въ Очеркахъ

Между тѣмъ увольненіе Шлецера за границу откладывалось все далѣе и далѣе, и онъ, 8 октября 1764 года, подалъ новое рѣшительное прошеніе о своемъ отпускѣ. Ломоносовъ и на эту просьбу написалъ примѣчанія: „....во все время онъ старшихъ членовъ, и притомъ еще въ россійской исторіи упражняющихся, у коихъ онъ особливой благосклонности искать быть долженъ, для успѣховъ въ своемъ дѣлѣ чувствительно изобидѣвъ, г. Мюллеру показалъ великую неблагодарность, ибо чрезъ него будучи выписанъ, на коштѣ содержанъ, его сіятельству г. президенту рекомендованъ и въ академическую службу принятъ, презрѣвъ его, вовсе оставилъ и чинилъ многія грубости, какъ то г. Мюллеръ неоднократно на него жаловался публично въ собраніи [1]. Въ разсужденіи меня поступки его наглыми-ли больше или глупыми назвать, не знаю. Ибо, принявъ намѣреніе упражняться въ россійскомъ языкѣ и въ исторіи, кого пристойнѣе было ему какъ меня держаться? Но онъ напротивъ того не токмо оказывалъ ко мнѣ презрѣніе; но и далъ себя въ употребленіе моимъ соперникамъ, чтобы дѣйствовать противъ моихъ успѣховъ, въ чемъ дошелъ до такой буйности, что требовалъ письменно моихъ историческихъ трудовъ себѣ въ пользу. . . . . Что же надлежитъ до Шлецерова самохвальства, то истинно мелочи его для ученаго свѣта не такъ важны, чтобы отъ ихъ задержанія такой вредъ наукамъ воспослѣдовалъ, каковъ восклицаніями Шлецеровыми предвѣ-

---

Россіи В. Пассека, кн. II, 40. На подлинной, хранящейся въ собраніи бумагъ у Н. М. Орлова, на другой страницѣ этого же листка набросаны какая-то карта и слѣдующія замѣтки Ломоносова, очевидно касающіяся экспедиціи, снаряжавшейся въ Сѣверный океанъ по предложенію Ломоносова: «Гдѣ попадобится, выпустить больныхъ людей и взять изъ запасныхъ здоровыхъ (это зачеркнуто)..... Что буде не за нужно признано будетъ, то послать въ оную пристань ботъ съ вѣстію о своемъ благополучномъ въ Ш. б. (Шпицбергенъ) прибытіи, дабы оттуда вѣсть можно было послать въ Колу и въ С.-Петербургъ, въ которое число экспедиція въ даль отправилась, съ показаніемъ нужнѣйшихъ обстоятельствъ, что дано быть должно на письмѣ за печатію». Ср. выше стр. 801 и слѣд.

1) Эта ссылка на Мюллера тѣмъ замѣчательна, что едва ли не единственная во всѣхъ писаніяхъ Ломоносова по упоминанію о нашемъ исторіографѣ безъ прибавленія разныхъ упрековъ и обвиненій. Только въ дѣлѣ о Шлецерѣ великіе враги между собою—Ломоносовъ и Мюллеръ дѣйствовали за одно.

щается. Печатающаяся россійская грамматика на нѣмецкомъ языкѣ достойна вѣчнаго погашенія и забвенія за тѣмъ, что внесены въ нее многія непростительныя погрѣшности, кои впредь поправлять и истреблять излишній только трудъ будетъ. Что же принадлежитъ до историческихъ изысканій изъ византійскаго корпуса, то на сей конецъ уже нѣсколько лѣтъ изыскано мною не токмо все, что до славенскихъ и съ ними сплетенныхъ народовъ надлежитъ въ константинопольскихъ писателяхъ, но и въ древнѣйшихъ греческихъ, какъ въ Геродотѣ, Страбонѣ, Птоломеѣ и въ другихъ мною пріискано для примѣчаній на древнюю часть россійской исторіи. Въ семъ случаѣ разсудить можно, сколько мнѣ помогло совершенное знаніе россійскаго и словенскаго языка, также и разумѣніе другихъ, имъ сродныхъ діалектовъ, сверхъ того обширное чтеніе книгъ нашихъ историческихъ и отъ молодыхъ лѣтъ обращеніе въ церковныхъ обрядахъ и служебныхъ книгахъ, кои по единству вѣры многіе представляютъ способы къ изъясненію нашихъ дѣлъ по византійскимъ писателямъ, чѣмъ никакой иностранецъ пользоваться не можетъ. И такъ старанія Шлецеровы о семъ дѣлѣ намъ не надобны....“ [1])

Таубертъ пробовалъ предлагать объ увольненіи Шлецера за границу съ оставленіемъ его въ званіи адъюнкта Академіи и притомъ съ порученіемъ ему надзора за русскими студентами; послѣднихъ предполагалось послать въ иностранныя земли для изученія восточныхъ языковъ, исторіи и древностей смежныхъ съ Россіею народовъ. Ломоносовъ возражалъ противъ отпуска Шлецера на такихъ условіяхъ и требовалъ отобранія у Шлецера всѣхъ списанныхъ имъ о Россіи извѣстій. Что касается порученія ему студентовъ, то противъ этого нашъ академикъ возсталъ особенно энергически: „не ввѣряю я Шлецеру ниже волоса студентскаго (за тѣмъ): 1) что есть за моремъ кромѣ его довольно славныхъ ученыхъ людей и не токмо въ Гёттингенѣ, но и внѣ Германіи. 2) Весьма смѣшно учиться въ Европѣ оріентальнымъ языкамъ, а особливо что россіяне по

1) Билярскій, стр. 726—729.

сосѣдству имѣютъ къ тому другіе, несравненно преимущественные способы. 3) Всего смѣшнѣе, что еще учиться онымъ у Шлецера, который самъ только еще былъ намѣренъ ѣхать въ восточныя земли онымъ языкамъ учиться. 4) Представлены мною студенты для посылки въ чужіе краи совсѣмъ для другихъ наукъ, коимъ въ Европѣ должно обучаться; а для наученія оріентальныхъ языковъ имѣю представить другія мѣры, съ здравымъ разсужденіемъ сходныя. Сѣверныхъ писателей о государствахъ, съ Россіею смежныхъ, тому, кто сочиняетъ россійскую исторію, должно читать только для свѣдѣнія, а не лекціи слушать. Ибо хотя бы всѣхъ университетовъ съ ихъ начала каталоги лекцій взять, то конечно не найдется въ нихъ того, чтобы кто читалъ лекціи по Стурлезону или другому ему подобному. Сочиненіе россійской исторіи не такое дѣло, чтобы тому въ Гёттингенѣ или въ другомъ какомъ университетѣ научиться можно было, но по книгамъ; а студенты несравненно способнѣе и внятнѣе читать и разумѣть могутъ россійскія лѣтописи нежели Шлецеръ, который, здѣсь будучи, у ихъ братьи искалъ изъясненія, учась россійскому языку. Коль бы сіе развратно и позорно было, когда бы природные россіяне принуждены были учиться разумѣть россійскія историческія книги у иноземца, который недавно при ихъ глазахъ началъ самъ учиться по россійски и спрашивался въ томъ у ихъ братьи!“ [1])

Нельзя не обратить вниманія на заключеніе въ этихъ примѣчаніяхъ: „что жъ до паспорта изъ иностранной коллегіи надлежитъ, говоритъ здѣсь Ломоносовъ, то исходатайствованіе онаго въ правительствующемъ сенатѣ я принимаю на себя и неукоснительно обѣщаніе свое исполню, какъ только помянутой Шлецеръ увѣритъ, что онъ больше отъ Академіи ничего не требуетъ, какъ своего отпуску.“ Ломоносовъ это писалъ 15 октября 1764 г., и казалось бы Шлецеру надобно было воспользоваться такимъ предложеніемъ, однако онъ въ своей автобіографіи, проходя о томъ вовсе молчаніемъ, при описаніи

---

1) Билярскій, стр. 729—733.

послѣднихъ мѣсяцевъ этого года только жалуется на задержаніе его въ Россіи, на невыдачу паспорта, на мученія отъ того и т. п. Таубертъ, который, конечно, зналъ лучше, чѣмъ кто либо желанія Шлецера, предлагалъ, какъ видѣли выше, кромѣ отпуска за границу оставленіе Шлецеру содержанія и званія адъюнкта и порученіе отъ Академіи студентовъ, за что также слѣдовало бы вознагражденіе. Самъ Шлецеръ въ своемъ прошеніи объ отпускѣ, 8 октября 1764 г., присовокуплялъ опредѣлительно: „Однакожъ и не отрицаюсь какъ нынѣ, такъ и впредь готовымъ быть ко всѣмъ услугамъ, къ какимъ бы Академія употребить меня заблагоразсудила....“ Такъ какъ на эти условія, вслѣдствіе противодѣйствія Ломоносова, тогдашнее академическое начальство не рѣшалось, то это навѣрное и было главною причиною промедленій съ Шлецеромъ. Послѣдній хотя и получилъ званіе профессора въ гёттингенскомъ университетѣ, но оно ему не приносило никакого содержанія, а потому онъ и заботился о матеріальномъ обезпеченіи себя въ Петербургѣ и не хотѣлъ выѣзжать оттуда, не добившись значительнаго содержанія. Въ своей автобіографіи онъ объ этомъ проходитъ молчаніемъ и вообще свысока и даже презрительно относится къ вознагражденію ученыхъ въ Россіи, но это имъ писано уже тогда, когда онъ своими сочиненіями въ Германіи успѣлъ создать себѣ независимое положеніе и стало-быть болѣе не нуждался въ поддержкѣ со стороны Россіи. Въ первое же пребываніе свое въ Петербургѣ денежное содержаніе у него несомнѣнно было на первомъ планѣ, и это подтверждается и домогательствами Тауберта, и собственными прошеніями Шлецера. Исходъ дѣла также оправдываетъ это предположеніе. Выше уже говорено, что Тауберту ввѣренъ былъ надзоръ за воспитаніемъ дѣтей президента Академіи наукъ. Вмѣстѣ съ молодыми графами Разумовскими учился сынъ генералъ-рекетмейстера Козлова, который по своей обязанности имѣлъ свободный доступъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. По убѣжденію Тауберта, Козловъ нашелъ случай довести до свѣдѣнія государыни о Шлецерѣ и о томъ, что онъ преслѣдуется въ Академіи. Екатерина II велѣла написать Шлецеру прошеніе, о которомъ потомъ она

отозвалась одобрительно, что побудило Шлецера вѣрить и высказать, что русская государыня до его прошенія не читывала лучшихъ: die grosse Frau muss gewohnt gewesen sein noch schlechtere und kaum erträgliche Suppliken zu lesen! Просьба Шлецера попала въ руки Теплова, пріятеля Тауберта и давняго недруга Ломоносова, и этого было достаточно для того, чтобы въ январѣ 1765 г. Шлецеръ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи съ жалованьемъ по 860 р. и съ условіемъ, что свои работы онъ имѣлъ „представлять ея императорскому величеству, или кому отъ ея величества разсмотрѣніе оныхъ поручено будетъ.“ Прежде въ контрактѣ его хотѣли помѣстить, что онъ получитъ казенную квартиру съ отопленіемъ и что будетъ единственно зависѣть отъ Теплова, но потомъ это было исключено — Шлецеръ увѣряетъ — будто по настоянію Ломоносова, но это болѣе чѣмъ сомнительно [1]). Вѣрно только то, что нашъ академикъ составилъ записку, подъ заглавіемъ „Слѣдствія отъ принятія Шлецерова ординарнымъ профессоромъ исторіи.“ Здѣсь доказывалось, что такое назначеніе обидно русскимъ и что Шлецеръ воспользуется высокимъ покровительствомъ и будетъ поступать дерзко. „Таубертъ и его креатуры, кончаетъ Ломоносовъ, разносятъ по городу копіи безсовѣстной Шлецеровой на Ломоносова жалобы и тѣмъ разсѣваютъ на него гнѣвъ государской, дабы отвратить отъ него его доброжелателей и пріятелей, а особливо уничтожить послушаніе его подчиненныхъ, которые уже давно настращены Таубертомъ, боятся Ломоносову оказывать исполненіе дѣлъ законныхъ по командѣ“ [2]).

Въ бумагахъ Ломоносова сохранилась записка его съ заглавіемъ „Для извѣстія“, гдѣ онъ разсказываетъ, что переводилъ для академика Юнкера бумаги, касавшіяся солянаго дѣла въ Россіи, причемъ „отъ него пользовался въ знаніи солянаго дѣла“; далѣе, что еще въ юности имѣлъ понятіе о вываркѣ соли, а потомъ осматривалъ солеварни въ Саксоніи; наконецъ,

---

1) Schlözer's öff. und privat Leben, 268—298; Билярскій, стр. 733—735.

2) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 735, 736.

что въ 1744 г. онъ производилъ пробы русскихъ солей. „Изъ сего можно разсудить, каково имѣетъ свѣдѣніе помянутый Ломоносовъ о соляномъ дѣлѣ, будучи двадцать лѣтъ профессоромъ химіи, и о соли издалъ въ публику ясныя понятія въ Словѣ о рожденіи металловъ и во второмъ прибавленіи къ Металлургіи“ [1]). Едва ли эта записка Ломоносова не составлена имъ въ надеждѣ участвовать въ учрежденной при Екатеринѣ II коммиссіи о соляныхъ и винныхъ сборахъ. О дѣятельности ея стало извѣстно въ Академіи наукъ послѣ требованія оттуда въ августѣ 1764 г. отправить академика по каѳедрѣ химіи Лемана [2]) „въ Старую Руссу на соляное озеро, ради учиненія опыту и показанія, какимъ лучшимъ способомъ при соляныхъ промыслахъ можно соль вываривать съ умѣреннымъ жженіемъ дровъ, а въ добротѣ своей чтобъ была противъ прежняго весьма лучше и гуще....“

Въ канцелярскомъ опредѣленіи по случаю этого требованія, 17 августа 1764 г. была сдѣлана такая прибавка: „При подписаніи протокола объ отправленіи г. профессора Лемана и лаборатора Клемкена въ Старую Руссу, г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ объявилъ: хотя-де въ томъ опредѣленіи и написано, чтобъ упражняющемуся у онаго г. Лемана въ химіи студенту Шпыневу остаться здѣсь и ходить на лекціи въ университетъ, однако для дальняго въ химической наукѣ упражненія и практики надлежитъ и его, Шпынева, съ нимъ, г. Леманомъ, отправить, къ чему и онъ, Шпыневъ, желаніе имѣетъ; да притомъ-де онъ, Шпыневъ, можетъ развѣдать въ томъ городѣ о нѣкоторыхъ древностяхъ, касающихся до россійской исторіи, о чемъ-де и имѣетъ дать ему наставленіе онъ, г. Ломоносовъ...“

---

1) Замѣтка эта въ послѣдній разъ перепечатана, по сличеніи съ рукописью, академикомъ Куникомъ въ его Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, II, 376—378.

2) Іоганнъ-Готтлобъ Леманъ (Lehmann) извѣстенъ въ исторіи химіи своимъ изслѣдованіемъ объ ископаемомъ волчецѣ (Wolfram); первый описалъ въ письмѣ къ Бюфону сибирскій красный свинцовый шпатъ; наконецъ подробно изслѣдовалъ о кабальтовой краскѣ. См. H. Kopp's Geschichte der Chemie, IV, 78, 81, 154. Едва ли не онъ первый испытывалъ ученымъ образомъ качество илецкой соли, которую онъ причислялъ «къ наилучшимъ въ государствѣ солямъ» (II, книга № 271).

Это заявленіе было исполнено; Шпыневъ отправленъ въ Старую Руссу, но 16 октября 1764 года Леманъ доносилъ: „академической канцеляріи памятно быть можетъ, коимъ образомъ студентъ Шпыневъ присланъ сюда, чтобъ быть якобы при чинимыхъ мною по приказанію опытахъ, и хотя я при такомъ дѣлѣ не обязанъ допускать посторонняго человѣка, ибо и канцеляріи самой довольно извѣстно быть можетъ, что при коммиссіяхъ случаются часто дѣла, которыхъ постороннему знать не подлежитъ; однакожъ я, не чиня дальнихъ затрудненій, допустилъ его. Онъ, сказываютъ, что за недѣлю прежде меня сюда пріѣхалъ и назвался сперва профессоромъ, который принадлежитъ къ коммиссіи и присланъ сюда отъ статскаго совѣтника г. Ломоносова именемъ его сіятельства графа Орлова, почему и отведена была ему тотчасъ квартира. По пріѣздѣ моемъ сюда, прислалъ онъ ко мнѣ записку, навѣдываясь, можетъ-ли онъ быть при чиненіи мною опытовъ или нѣтъ? На то приказалъ я сказать ему, чтобъ онъ пришелъ завтра поутру. Онъ, пришедъ, сказалъ мнѣ съ нарочитою гордостью: ему по ордеру академической канцеляріи велѣно смотрѣть здѣсь всего и репортовать что происходить имѣетъ. Я объявилъ, что мнѣ невѣроятно быть кажется, чтобъ канцелярія могла дать ему такой полновластный ордеръ, потому что сія коммиссія зависитъ не отъ Академіи, но отъ ея императорскаго величества, отъ правительствующаго сената и отъ учрежденной о соли и винѣ коммиссіи, однакожъ изъ собственнаго угожденія допущу его къ чинимымъ пробамъ. Послѣ сталъ онъ жаловаться, что въ бытность его здѣсь чрезъ недѣлю изошли у него деньги почти всѣ и затѣмъ будетъ писать о присылкѣ къ нему еще денегъ. Я совѣтовалъ ему жить добропорядочнѣе...“ Далѣе Леманъ описываетъ, что Шпыневъ при изслѣдованіяхъ соли почти никогда не бывалъ, ведетъ жизнь безпутную, проситъ у него денегъ, пьянствуетъ и, какъ выразился тотъ же академикъ, „причиняетъ мнѣ тѣмъ бóльшую досаду, поджигая противъ меня соляныхъ промышлениковъ и облыгаетъ (sic) ихъ разными пустыми разсказами, будто онъ повѣренный нѣкоего знатнаго господина.“

По полученіи такого донесенія, Ломоносовъ написалъ въ академической канцеляріи: „Къ профессору г. Леману заготовить указъ, чтобъ Шпынева взявъ гдѣ онъ есть, тамошнею командою арестовавъ и подъ крѣпкимъ карауломъ сюда отослать черезъ Новгородъ, несмотря ни на какія отговорки.“

Указъ объ этомъ состоялся 9 ноября, а 17 ноября 1764 г. Шпыневъ уже предсталъ предъ Ломоносова, который далъ при этомъ случаѣ такое рѣшеніе: „Студентъ Шпыневъ, возвратясь изъ Старой Руссы, явился у меня въ добромъ состояніи и жалуется на г. Лемана, что не допущенъ до большой пробы. Для разсмотрѣнія сего дѣла, дать ему, Шпыневу, точную копію съ Лемановой жалобы и требовать отъ него отвѣта. Между тѣмъ отпустить его по прежнему въ университетское общежитіе, гдѣ имѣть буду подъ смотрѣніемъ. Ноября 17, 1764 года М. Ломоносовъ. Въ такой силѣ сочинить опредѣленіе.“

Шпыневъ въ данныхъ имъ отвѣтахъ писалъ, что обвиненія Лемана противъ него въ пьянствѣ несправедливы; профессоромъ онъ не могъ себя называть, потому что магистрату извѣстенъ былъ его пашпортъ, въ которомъ онъ прописанъ студентомъ; Леманъ употреблялъ его только для переводовъ съ нѣмецкаго на русской, а до большой пробы не допускалъ; Шпыневъ точно просилъ у академика три рубля, которыхъ у него не доставало при покупкѣ двухъ лѣтописей. Бумагъ объ окончаніи этого дѣла не сохранилось, но изъ описи ихъ видно, что послѣднимъ распоряженіемъ (бумага № 8) о Шпыневѣ было „приказаніе, чтобъ его паки арестовать“ [1]).

Въ мартѣ 1764 г. президентъ Академіи далъ предложеніе канцеляріи, чтобы Ломоносовъ и Таубертъ „обще или, если не согласятся, то порознь, приглася каждому къ себѣ изъ г.г. профессоровъ, кого пожелаютъ, учинить проекты, во первыхъ, на

1) II, книга № 283. Въ этой же книгѣ сохранились любопытныя извѣстія, собранныя академикомъ Леманомъ въ тогдашнюю его поѣздку о соляномъ промыслѣ въ Старой Руссѣ и о способахъ къ его улучшенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ученый обращалъ вниманіе на отысканіе въ тѣхъ краяхъ каменнаго угля. По мнѣнію Лемана, его слѣдовало искать въ окрестностяхъ Пскова, Порхова и Изборска.

какомъ основанiи академическому ученому корпусу по нынѣшнему состоянiю и впредь быть должно, а потомъ и прочимъ департаментамъ порознь, токмо бъ располагаемая сумма не превосходила аппробованнаго штата...." Поводомъ къ этому распоряженiю графъ Разумовскiй выставилъ несогласiе съ академическимъ штатомъ наличнаго состава служащихъ при Академiи наукъ разныхъ лицъ. „Къ тому жъ, прибавляетъ президентъ и самые опыты указали, что разные, въ регламентѣ предписанные распорядки не соотвѣтствуютъ ожидаемой отъ оныхъ пользы...." Впрочемъ, едва ли не будетъ справедливѣе предполагать, что графа Разумовскаго всего болѣе побудили къ сейчасъ приведенному распоряженiю преобразовательныя мѣры самой императрицы относительно воспитанiя въ Россiи дѣтей обоего пола и учрежденiя учебныхъ заведенiй для нихъ. Мѣры эти стали оглашаться во всеобщее извѣстiе въ концѣ 1763 и въ началѣ 1764 года. 22 марта послѣдняго года Екатеринѣ II былъ представленъ Бецкимъ докладъ о воспитанiи юношества въ Россiи. Тамъ, между прочимъ, именно упоминалось, что хотя въ Россiи есть Академiя наукъ и другiя училища, „но мало, буде не совсѣмъ ничего существительныхъ отъ того плодовъ собрано."

По необъяснимой причинѣ, предложенiе графа Разумовскаго, подписанное въ мартѣ 1764 года, объявлено въ академической канцелярiи только 21 мая того же года: Ломоносовъ, у котораго пересмотръ академическаго устава и измѣненiе его былъ уже издавна завѣтною мыслiю, принялся за это дѣло съ обычною своею настойчивостью и поспѣшностью. Въ его бумагахъ, находящихся нынѣ въ распоряженiи Н. М. Орлова, сохраняются черновыя тетради, въ которыхъ во первыхъ есть наброски по русски неполной IV-ой и V, VI и VII главъ академическаго устава, и во вторыхъ на латинскомъ Idea status et legum Academiae petropolitanae. Такъ какъ обѣ эти тетради оставались еще неизданными, то онѣ помѣщены въ приложенiи XIII-мъ въ концѣ настоящаго труда. При знакомствѣ съ ними можно убѣдиться, что оба эти проекта, разнясь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ сущности сходны съ предположенiемъ, по-

даннымъ Ломоносовымъ президенту Академіи и о которомъ будетъ говорится ниже[1]). Что касается Idea status et legum Academiae petropolitanae, то очевидно, что она составлена Ломоносовымъ для своихъ сотоварищей и замѣчанія одного изъ нихъ, именно Фишера, уцѣлѣли также въ вышепомянутыхъ бумагахъ нашего академика и напечатаны въ томъ же XIII-мъ приложеніи.

10 сентября 1764 г. Ломоносовъ представилъ президенту Академіи свой проектъ, озаглавленный: Новое примѣрное расположеніе и учрежденіе санктпетербургской императорской Академіи наукъ, на высочайшее разсмотрѣніе и аппробацію сочиненное [2]).

Главнѣйшее отличіе этого проекта Ломоносова отъ его предположеній, которыя составлялись имъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ (см. выше стр. 572), состоитъ въ томъ, что онъ допускаетъ въ Академіи особый классъ историческій, въ которомъ долженствовали быть каѳедры исторіи, юриспруденціи и восточныхъ языковъ, тогда какъ прежде Ломоносовъ собственно для Академіи наукъ находилъ достаточнымъ только математическія и естественныя науки. Сверхъ того, въ ломоносовскомъ проектѣ 1674 г. съ особенною настойчивостью проведена мысль сдѣлать изъ Академіи чисто русское ученое учрежденіе, почему во многихъ параграфахъ упоминается о русскомъ элементѣ и о необходимости поддержки его. Такъ, по мнѣнію Ломоносова, президентомъ въ Академіи надлежало быть не только человѣку именитому и знатному, имѣющему свободный доступъ до монаршеской особы, но и природному россіянину. Извѣстно, что Ломоносовъ весьма желалъ быть вице-президентомъ, и вотъ, какъ очерчено это званіе въ его проектѣ: „вице-президенту хотя и прилично быть въ обществѣ знатнымъ, однако же знаемость его требуется больше по наукамъ, нежели по другимъ преимуществамъ.... онъ долженъ быть знающъ въ разныхъ наукахъ, изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ здѣшней Академіи не малое время и показавшихъ свое въ наукахъ

1) Билярскій, стр. 638, 639.

2) Билярскій, стр. 652—669.

отмѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями". Послѣ описанія качествъ, необходимыхъ въ представителяхъ разныхъ наукъ въ Академіи, Ломоносовъ совершенно справедливо поставляетъ непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ вообще академиковъ, чтобы „они были честнаго поведенія, прилежные и любопытные люди, и въ наукахъ бы упражнялись больше для пріумноженія познанія, нежели для своего прокормленія, и не такъ какъ нѣкоторые, снискавъ себѣ хлѣбъ, не продолжаютъ больше упражненія въ ученіи съ ревностію...." За тѣмъ Ломоносовъ установляетъ, что упрямыхъ самолюбовъ изъ академиковъ должны удерживать и отвращать главные командиры. Любопытно было бы знать, какъ бы поступали въ этомъ случаѣ эти послѣдніе и не подало ли бы это повода къ деспотизму?

§ 13 ломоносовскаго проекта гласитъ: „Когда будетъ довольство ученыхъ людей, тогда ординарные и экстраординарные академики и адъюнкты быть должны природные россіяне по доброму примѣру парижской Академіи, гдѣ всѣ академики природные французы. Честь россійскаго народа требуетъ чтобъ показать способность и остроту его въ наукахъ и что наше отечество можетъ пользоваться собственными своими сынами, не токмо въ военной храбрости и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, но и въ разсужденіи высокихъ знаній". Ломоносовъ думалъ ввести нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ въ Академію иностранцевъ. Слѣдующее мѣсто очевидно внесено при воспоминаніи о Шлецерѣ: „чтобы пріѣхавшихъ въ Россію за другими нуждами и по случаю вздумавшихъ вступить въ академическую службу не принимать безъ особливой предосторожности, безъ строгаго экзамена и безъ вѣдома о его подлинномъ отечествѣ и поведеніи; и сію статью исполнять до времени, пока изъ природныхъ россіянъ ученые умножатся и не будетъ нужды чужестранныхъ выписывать. Адъюнктовъ всегда производить изъ природныхъ россіянъ".

Въ настоящемъ жизнеописаніи не разъ были описываемы случаи, когда Ломоносовъ особенно въ послѣдніе годы своей жизни писалъ статьи и вступалъ въ споры по предметамъ,

относящимся къ самымъ разнообразнымъ наукамъ. Кромѣ физики, химіи, металлургіи, геологіи, минералогіи и нѣкоторыхъ другихъ, которыя изучалъ онъ за границею, онъ впослѣдствіи сталъ писать и подписывать мнѣнія въ вопросахъ, относящихся до географіи, исторіи, астрономіи, народнаго хозяйства и пр. Товарищи его спеціалисты иногда возставали противъ такого вторженія въ область ихъ наукъ лица несомнѣнно даровитаго, но въ то же время, по самому разнообразію своихъ занятій, не бывшаго въ состояніи слѣдить за ходомъ тѣхъ наукъ и знать ихъ во всемъ ихъ пространстранствѣ. Едва ли не въ отвѣтъ на это Ломоносовымъ написанъ особый § 21: „не рѣдко случается въ ученыхъ людяхъ полигисторы, т. е. разныя науки знающіе такъ довольно, что могутъ въ нихъ производить новыя приращенія; для того имъ сіе не токмо не запрещается, но еще за полезное и надобное дѣло почитается, а особливо чтобъ было кому разсуждать о предлагаемыхъ сочиненіяхъ собранію. Напр., когда астрономъ подаетъ въ собраніе свою диссертацію, и ежели нѣтъ изъ другихъ профессій знающаго сію науку, то не можетъ быть оное сочиненіе разсмотрѣно и останется вѣрить одному сочинителю, почему бы и собраніе было безполезно“.

При начертаніи круга занятій каждаго академика, у Ломоносова поставлено на первомъ планѣ изученіе Россіи и удовлетвореніе, при пособіи наукъ, нуждъ и потребностей ея. Описывая обязанности исторіографа, Ломоносовъ вспомнилъ недруговъ своихъ Мюллера и Шлецера. Исторіографу, по ломосовскому проекту, слѣдовало открыть всѣ государственные архивы, но при этомъ „смотрѣть прилежно: 1) чтобъ онъ былъ человѣкъ надежный и вѣрный и для того нарочно присягнувшій, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать извѣстій, подлежащихъ до политическихъ дѣлъ критическаго состоянія; 2) природный россіянинъ; 3) чтобъ не былъ склоненъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ ко шпынству и посмѣянію....“

Въ настоящемъ жизнеописаніи не разъ приходилось также описывать случаи запальчивости и горячихъ споровъ Ломоносова въ академическихъ засѣданіяхъ, когда онъ разрывалъ

протоколы, подписанные прочими членами, прерывалъ съ крикомъ начатыя уже чтенія и сообщенія и т. п. Нашъ академикъ не могъ забыть всего этого при сочиненіи постановленій объ академическихъ собраніяхъ, но едва-ли при назначеніи наказаній за подобныя провинности не представлялъ себя однимъ изъ главныхъ командировъ, постановлявшимъ наказанія. Такимъ образомъ онъ писалъ, что при чтеніи разсужденій въ академическихъ засѣданіяхъ „убѣгать надлежитъ всякихъ шумовъ и досадительныхъ рѣчей, что главные командиры всячески отвращать должны увѣщаніями, выговорами и наложеніемъ молчанія, а буде и того не послушаютъ, денежнымъ шрафомъ...“

Дальнѣйшая судьба ломоносовскаго проекта неизвѣстна по бумагамъ академической канцеляріи, и онъ никогда не былъ потомъ осуществленъ во всемъ его пространствѣ, хотя послѣ смерти Ломоносова нѣкоторыя его предположенія, какъ-то: уничтоженіе академической канцеляріи, устраненіе изъ Академіи наукъ заведеній по части художествъ и ремеслъ, передача управленія ученаго общества членамъ ея — были приведены въ исполненіе тотчасъ по вступленіи въ директоры Академіи наукъ графа Владиміра Орлова.

Самъ Ломоносовъ предполагалъ провести свой проектъ при содѣйствіи тогдашняго фаворита, графа Григорія Орлова. Въ бумагахъ нашего академика сохранилось письмо, написанное отъ имени всѣхъ членовъ ученаго общества къ сейчасъ названному вельможѣ, съ просьбою способствовать утвержденію новаго штата, регламента и привиллегіи Академіи наукъ. Здѣсь вычеркнуты помѣщенныя было сначала указанія о главномъ участіи въ этомъ дѣлѣ Ломоносова, а именно, что гр. Разумовскій именно ему поручилъ это дѣло и что академики трудились надъ нимъ „подъ его предводительствомъ“. Можно съ достовѣрностью полагать, что это письмо заготовлено не задолго до кончины Ломоносова (4 апрѣля 1765 г.), такъ-какъ тамъ говорилось: „извѣстно, что его сіятельство Академіи наукъ г. президентъ отъѣзжаетъ въ чужіе краи“. Графъ Разумовскій отправился за границу послѣ сложенія съ себя гетманскаго званія въ апрѣлѣ 1765 года.

Ломоносовымъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ заготовленъ „проектъ объявительнаго указа о новомъ учрежденіи“ Академіи наукъ, и здѣсь изложены главныя основанія ломоносовскаго предположенія: управленіе ученымъ обществомъ чрезъ президента, вице-президента и академиковъ; „канцелярія и департаментъ художествъ рушены“[1]). Въ томъ же письмѣ къ гр. Григорью Орлову упоминалось о проектѣ привилегіи Академіи. Въ сохранившемся собственноручномъ черновомъ спискѣ этого проекта Ломоносова говорится о торжественной инавгураціи. Академія принимается въ „единственное покровительство“ императрицы. Академики призываются къ суду безъ вѣдома собранія только въ важныхъ уголовныхъ судахъ. Ученому обществу предоставляется во владѣніе мыза съ землями и угодьями. Оно имѣетъ право возводить въ званія докторовъ и лиценціатовъ. Академики могутъ служить въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ при Академіи получаютъ чинъ и т. п. [2]).

Одною изъ видныхъ мѣръ, придуманныхъ Ломоносовымъ въ 1764 году по учебной части, было предложеніе отправить за границу семь студентовъ изъ академическаго университета. Побужденія, заставившія нашего академика обратиться къ такой мѣрѣ, онъ самъ описывалъ такъ въ своемъ представленіи академической канцеляріи 2 іюня 1764 года: „чрезъ многіе опыты извѣдано, сколько труда и хлопотъ стоитъ Академіи выписываніе иностранныхъ членовъ, также и отпускъ оныхъ не всегда безъ досадъ и нареканія бываетъ. Сверхъ же того много времени миновать еще должно, пока Академія своими природными профессорами наполнится, какъ то примѣръ минувшаго времени показываетъ. И хотя въ штатѣ академическомъ положено выписывать иностранныхъ профессоровъ, а о произведеніи своихъ изображено недовольно, однако сіе неправильно и должно быть къ лучшему поправлено....“

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ полагалъ предназначить Лепе-

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографія Ломоносова, стр. 669—673.

2(Билярскій, стр. 402—406; что этотъ проектъ не относится къ 1760 г., какъ думалъ сначала Билярскій, о томъ говорено выше.

хина, слушавшаго уже тогда съ успѣхомъ лекціи въ Страсбургѣ, къ занятію каѳедры ботаники въ Академіи, и не выписывать изъ за границы ученаго для механики. Въ заключеніе Ломоносовъ высказалъ откровенно мысль, что его представленіе клонится къ прекращенію приглашеній въ Академію иностранныхъ ученыхъ, и къ производству „собственныхъ природныхъ и домашнихъ, которые бы служили, назадъ не оглядываясь и не угрожая контрактомъ и взятіемъ абшида, а паче всего служили бы къ чести отечеству, которой отъ иностранныхъ нашему народу приписывать невозможно".

Президентъ Академіи, когда ему было доложено это представленіе Ломоносова, не считалъ возможнымъ согласиться съ нимъ и отдалъ прежде всего приказаніе, совершенно противоположное главной мысли академика, а именно: въ академическое собраніе посланъ былъ указъ о пріисканіи за границею ученыхъ, которыхъ бы, на основаніи академическаго регламента, можно было пригласить въ Академію для замѣщенія каѳедръ, остававшихся тамъ незанятыми. Что же касается студентовъ, которыхъ предполагалъ Ломоносовъ отправить за границу для приготовленія ихъ въ академики, то графъ Разумовскій распорядился предварительно экзаменовать „каково кто изъ нихъ въ языкахъ и наукахъ знаніе имѣетъ, и можно-ль ихъ въ разсужденіи ихъ наукъ для окончанія оныхъ за море отправить"; также собрать свѣдѣнія „оные студенты благопристойно-ли вели себя въ поступкахъ и не присмотрѣно-ли за ними какихъ пристрастій?" Эти извѣстія о студентахъ собирались потомъ въ слѣдующіе мѣсяцы 1764 г., но окончательная отправка ихъ за границу состоялась послѣ кончины Ломоносова [1]).

Въ сентябрѣ 1764 г. у нашего ученаго велась борьба за казенный домъ съ Таубертомъ. Лѣтомъ этого года послѣдній убѣдилъ графа Разумовскаго пріобрѣсти на деньги „изъ книжныхъ доходовъ" домъ наслѣдниковъ барона Николая Строгонова, барововъ Григорья и Александра, для помѣщенія акаде-

---

1) Билярскій, стр. 640—642, 686, 687, 689, 693.

мическихъ книжныхъ складовъ, типографскихъ служителей, астронома, анатома, анатомическаго театра, гравера и т. д. Домъ этотъ стоялъ на берегу Малой Невы рѣки, и его купили за 9900 р. Между тѣмъ инспекторъ академической гимназіи, академикъ Котельниковъ, 10 сентября 1764 года, вошелъ съ представленіемъ въ канцелярію о негодности и ветхости дома, въ которомъ до того времени помѣщалось это учрежденіе. „Учители въ зимнее время, писалъ Котельниковъ, даютъ лекціи въ классахъ, одѣвшись въ шубу, разминаясь вдоль и поперегъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать съ своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отчего дѣлается по всему тѣлу обструкція и потомъ рождается короста и скорбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соотвѣтствуютъ приложенному старанію учителей....“ Ломоносовъ на другой день подалъ представленіе объ отдачѣ подъ гимназію вновь купленнаго строгоновскаго дома. Здѣсь онъ доказывалъ, что книжный торгъ и ремесла до Академіи не принадлежатъ, а между тѣмъ изъ восьми, занимаемыхъ ею домовъ, не находится ни одного подъ помѣщеніемъ университета и гимназіи, „которые два департамента суть наинужнѣйшіе къ приращенію наукъ въ отечествѣ, откуду не токмо сама Академія должна производить природныхъ своихъ членовъ, но и во все государство своихъ юриспрудентовъ, медиковъ, аптекарей, металлурговъ, механиковъ, астрономовъ, коихъ всѣхъ принуждена и по нынѣ Россія заимствовать изъ другихъ земель не безъ нареканія нашему народу“. За тѣмъ, описавъ для какихъ разнообразныхъ цѣлей Таубертъ предназначаетъ вновь купленный домъ, Ломоносовъ прибавляетъ: „Изъ всего сего непристойнаго помѣщенія людей и вещей разнаго рода какъ въ нѣкоторый народный трактиръ, коимъ безъ шумовъ и опасности вмѣстѣ быть нельзя, явствуетъ, что сія покупка учинена и домъ оторванъ отъ университета и гимназіи безъ основанія“.

На это представленіе Ломоносова Таубертъ отвѣчалъ длиннымъ возраженіемъ, доказывая, что строгоновскій домъ удобнѣе для тѣхъ учрежденій, которыми онъ завѣдывалъ. Что же

касается до частыхъ починокъ и неустройствъ въ домѣ троицкаго подворья, гдѣ помѣщались университетъ и гимназія, то въ этомъ отношеніи Таубертъ всю вину сваливалъ на Ломоносова, а именно: „когда бъ тѣ, которымъ поручено надъ всѣмъ онымъ смотрѣніе, не ища своего собственнаго покою, по чаще сами туда ѣздили, во всѣ подробности вникали, и гдѣ какіе непорядки окажутся, оные бъ немедленно исправляли, то бъ гимназія до того времени, покуда уже возможно будетъ всѣхъ академическихъ служителей жительствомъ собрать въ одно мѣсто, по примѣру кадетскаго корпуса и другихъ таковыхъ учрежденій, столько жъ бы процвѣтала и не меньшіе плоды приносила бъ, какъ бы въ виду изъ канцелярскихъ оконъ была"[1]). Доводы Тауберта, однако, не имѣли успѣха, и 13 сентября президентъ Академіи кончилъ это дѣло приказаніемъ: „оный домъ для прописанныхъ въ представленіи г. статскаго совѣтника Ломоносова резоновъ, отдать подъ университетъ и гимназію...." [2])

Въ 1764 г. Ломоносовъ получилъ увѣдомленіе изъ Акаде-

---

1) II, книга № 281.

2) Билярскій, стр. 650—652, 678—681. Въ собраніи бумагъ Ломоносова, хранящемся у Н. М. Орлова, есть собственноручный его черновой отпускъ этого представленія, изъ котораго видно, что сначала академикъ вступленіе къ нему написалъ другое, а потомъ уже приписалъ на отдѣльномъ листѣ то, которое напечаталъ Билярскій. Вотъ вступленіе въ первоначальной редакціи: «Университетъ и гимназія почти сначала содержанія — на наемныхъ квартирахъ, на что уже издержаны многія тысячи, для того послѣ новаго учрежденія помянутыхъ департаментовъ представлялъ я, чтобъ купить близъ Академіи находящійся домъ г.г. Строгоновыхъ подъ университетъ и гимназію, и торгъ уже въ такомъ намѣреніи за нѣсколько лѣтъ продолжался, а особливо что троицкое подворье, гдѣ нынѣ университетъ и гимназія, не токмо отъ Академіи удалено, но весьма тѣсно и уже весьма обветшало. Г. статскій совѣтникъ Таубертъ не оказывалъ себя тому противнымъ даже до нынѣшней весны, когда я за слабостію ногъ чрезъ худую рѣку въ распутицу не могъ нѣсколько недѣль въ канцеляріи присутствовать, а притомъ упражнялся въ дѣлахъ по повелѣнію отъ двора ея императорскаго величества. Тогда г. Таубертъ, безъ вѣдома и безъ согласія моего, заготовилъ ордеръ, чтобъ оный домъ купить подъ типографскія и другія дѣла, а университетъ и гимназію совсѣмъ выключилъ. Оный ордеръ въ чаяніи, что заготовленъ съ общаго совѣта, подписанъ вашимъ сіятельствомъ, и производится по оному выстройка по его таубертовымъ намѣреніямъ и расположеніямъ безъ моего совѣта и согласія. Неосновательныя причины»... и такъ далѣе, какъ у Билярскаго.

міи наукъ въ Болоніи, что онъ 13 апрѣля того года избранъ въ члены ея; при этомъ прямо говорилось, что о Ломоносовѣ ходатайствовалъ канцлеръ графъ Воронцовъ, которому болонская Академія была признательна „за приращеніе преизрядными книгами и другими вещми....“ Письмо это тогда же было напечатано вмѣстѣ съ извѣстіемъ о Ломоносовѣ, первоначально помѣщенномъ въ ученыхъ флорентійскихъ вѣдомостяхъ[1]). Здѣсь главнѣйше говорится о его мозаичныхъ работахъ. О картинѣ для петропавловскаго собора, между прочимъ, есть такое извѣстіе: „Сіе изображеніе полтавскія побѣды набрано изъ мозаичныхъ составовъ въ мѣдной плоской сковородѣ, которая тянетъ 3000 фунтовъ (больше осмидесяти пудъ кромѣ рамъ мѣдныхъ) и укрѣплена желѣзными полосами вѣсомъ 2000 фунтовъ (слишкомъ 50 пудъ), поставлена на бревенчатой машинѣ, которая удобно поворачивается для лучшей способности самой отдѣлки и для осмотрѣнія когда надобно“.

Выше на стр. 765 было уже говорено, что Ломоносовымъ для работъ по этой картинѣ было получено изъ казны 13.460 р. 68 к. Въ 1764 году мая 4 онъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ въ сенатъ о выдачѣ таковой же суммы какъ для окончанія первой картины полтавской битвы, такъ и для продолженія начатой—взятія Азова—и приготовленія прочихъ. Сенатъ на этотъ разъ не рѣшился произвести новой выдачи по неимѣнію въ виду высочайшаго повелѣнія, но предписывалъ Ломоносову „чтобъ онъ ....полтавской баталіи картину какъ наискорѣе старался къ окончанію привесть, и буде оставшими у него деньгами картину полтавской баталіи ко окончанію привести не можетъ, то коликое число на одно оное окончаніе потребно денежной казны, о томъ бы подать въ сенатъ обстоятельный счетъ; причемъ какъ оной, такъ и достальнымъ, какія онѣ быть имѣютъ, представить рисунки....“ Ломоносовъ отвѣчалъ, что на окончаніе той картины ему необходимо 4009 р. 45 коп. Эти деньги сенатъ велѣлъ выдать. Далѣе нашъ академикъ составилъ для сената описанія какъ мозаичной картины полтавской битвы,

1) Ежемѣсячныя сочиненія 1764 г., стр. 465—469.

такъ и прочихъ пяти, тогда еще только задуманныхъ. Описаніе первой изъ нихъ помѣщается здѣсь въ выноскѣ вполнѣ, такъ-какъ это произведеніе Ломоносова сохраняется до нынѣ въ зданіи Академіи художествъ, но къ сожалѣнію въ такомъ помѣщеніи, въ которомъ невозможно видѣть картины [1]).

Что касается до предположенныхъ Ломоносовымъ картинъ, то по его мысли слѣдовало изобразить слѣдующія событія изъ жизни Петра Великаго: „Начало государевой службы. Сообщеніе съ иностранными. Азовское взятье. Спасеніе изъ Риги. Ангутская побѣда.“

---

1) «1. Напереди изображенъ Петръ Великій на могущей лошади верхомъ, лицомъ въ половину профиля; обликъ нарисованъ съ гипсовой головы, отлитой съ формы, снятой съ самаго лица блаженной памяти великаго государя, каковъ есть восковой портретъ въ кунсткамерѣ, а красками писанъ съ лучшихъ портретовъ, каковы нашлись въ Санктпетербургѣ по выбору, величиною сидячій въ сажень, а прочіе по препорціи. 2. За государемъ бывшіе тогда знатнѣйшіе генералы: Шереметевъ, Меншиковъ, Голицынъ, коихъ портреты взяты съ имѣющихся оригиналовъ. 3. Представленъ Петръ Великій въ немалой опасности, когда онъ въ послѣдній разъ выѣхалъ къ сраженію при наклоненіи въ бѣгство Карла Вторагонадесять; напереди и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колютъ и стрѣляютъ непріятелей. 4. Близко впереди гранодеръ со штыкомъ, направленнымъ въ непріятеля, оглянулся на монарха, яко бы негодуя, что такъ далече отваживается. 5. Позади лежитъ куча разныхъ опроверженій: шведская пушка съ разломаннымъ лафетомъ, лошадь и мертвый шведъ — изображаются тѣмъ слѣды побѣжденнаго непріятеля. 6. Далѣе въ картинѣ за слѣдующими генералами видны штандарты, тромпеты и литаврщики, также и знамена полковъ россійскихъ. 7. Далѣе отъ переду въ серединѣ картины изображены поверженные непріятельскіе трупы; обороняющіеся еще отъ наступающихъ россіянъ шведы, гдѣ сильная и густая стрѣльба производитъ великій дымъ; при чемъ видны взятые въ началѣ сраженія шведами редуты съ россійскими и шведскими тѣлами. 8. Еще подалѣе отъ переду представленъ плѣненный шведскій генералъ, котораго поднимаютъ, дряхлаго и унылаго, окружившіе россійскіе солдаты. 9. Въ нѣкоторомъ отдаленіи изображенъ Карлъ Вторыйнадесять въ простой коляскѣ; кругомъ его трабанты, изъ коихъ нѣкоторые, поворачивая коляску назадъ, уговариваютъ спасаться бѣгствомъ, но онъ, протягивая пистолетъ рукою впередъ, еще къ бою порывается; передъ ними жестокое сраженіе россіянъ со шведскими трабантами. 10. На горизонтѣ представляется городъ Полтава съ дымомъ отъ пушечной пальбы. 11. По правую руку бѣгущіе шведскіе полки и гонящіе россіяне, а по лѣвую ретраншаментъ россійской и выступившіе изъ него полки, не бывшіе еще въ сраженіи. 12. Надъ картиною св. ап. Павелъ у писчаго стола въ одной рукѣ съ перомъ, а другою рукою и лицомъ оказываетъ знакъ благоговѣнія и благодаренія. Подъ нимъ на металическомъ убрусѣ написаны слова его изъ посланія, читающагося на полтавскую побѣду: Богъ по насъ, кто на ны?...»

Ломоносовъ предлагалъ также проектъ гробницы, которую слѣдовало соорудить въ петропавловскомъ соборѣ надъ могилою Петра Великаго: по мысли академика, ее слѣдовало украсить аллегорическими статуями и пр. Въ концѣ этой записки между прочимъ видно, что Ломоносову было выдано изъ казны на мозаичное дѣло 30.000 руб., и онъ ходатайствовалъ о новой выдачѣ ему одновременно около 40.000, съ которыми онъ надѣялся начать вдругъ три или четыре картины. Рѣшеніе на это императрицы неизвѣстно, а на докладѣ, поданномъ ей отъ сената, при подписаніи сенаторами, князь Яковъ Шаховской прибавилъ къ своей подписи отзывъ „кромѣ выдачи денегъ" [1]).

Здѣсь кстати напомянуть, что Ломоносовъ, будучи однажды болѣнъ, что съ нимъ нерѣдко случалось въ послѣдніе годы жизни, написалъ было черновое прошеніе въ сенатъ, въ которомъ ходатайствовалъ въ случаѣ его смерти продолжать „производимое мною великое (зачеркнулъ: славное) мозаичное дѣло", для чего и рекомендовалъ своего родственника: „шуринъ мой регистраторъ Ив. Цилихъ дошелъ въ семъ искусствѣ толь довольнаго совершенства, что никто въ Европѣ лучшихъ успѣховъ показать не можетъ; имѣетъ учениковъ, уже далече знающихъ. Еще бо́льшее число придано быть можетъ. Сіе пріуготовленіе, инструменты и другія надобности изготовлены и къ тому работники; всѣ цвѣты безъ меня произведены быть могутъ, ибо уже года съ три въ составленіи оныхъ мозаичныхъ цвѣтовъ я головою не вступался, а производилъ все оный мой шуринъ Ц." Вельтманъ, впервые напечатавшій этотъ набросокъ, полагалъ, что окончанія его недостаетъ [2]), но въ собраніи Ломоносовскихъ рукописей у Н. М. Орлова нашелся и конецъ ломоносовскаго прошенія, а именно: „5) съ другой стороны (со)ставленіе мозаичныхъ картинъ по добрымъ оригиналамъ, шкицамъ и рисункамъ въ состояніи производить подъ смотрѣніемъ добраго живописца обученные мною мастера и ученики и несомнѣнно производить такія жъ картины, какая нынѣ окончана. Что жъ

1) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1867 г., II, смѣсь, 15—33.

2) Очерки Россіи, изд. Пассекомъ, II, 68, 69.

надлежитъ до большихъ сковородъ, до ихъ укрѣпленія, расположенія, движенія, шлифованія и до прочаго, какъ привести въ совершенство и въ отдѣлку картину, то все совершенно произведетъ старшій мозаичный мастеръ Матвей В:, который съ самаго начала мозаичнаго дѣла упражнялся со мною въ сей практикѣ и можно положить на него благонадежно произвожденіе такого дѣла."

Избраніе въ члены болонской Академіи, при посредствѣ графа М. Воронцова, возбудило въ Ломоносовѣ желаніе получить рѣдкій знакъ отличія для иностраннаго ученаго — званіе почетнаго члена парижской Академіи наукъ. Для осуществленія этого замысла, онъ обратился къ другому своему покровителю И. Шувалову, также волей-неволей путешествовавшему тогда въ Европѣ, чтобы быть въ удаленіи отъ Петербурга. Описывая ему, что недоброхоты въ отсутствіе двора хотѣли было его, Ломоносова, привести „къ крайнему презрѣнію и низриновенію", но что его оградилъ второй меценатъ, гр. Г. Орловъ, нашъ академикъ переходитъ потомъ къ мозаичной картинѣ своей, которая „выходитъ изъ точенія весьма хорошо", и сообщаетъ, что гр. М. Воронцовъ выхлопоталъ ему помянутое званіе. „Въ парижской Академіи наукъ, продолжаетъ Ломоносовъ, есть порожжее мѣсто иностраннаго почетнаго члена. А какъ не сомнѣваюсь, что ваше высокопревосходительство у тамошняго двора знатныхъ пріятелей имѣете, для того униженно прошу рекомендовать меня на оное мѣсто. Тамошняя Академія о моихъ ученыхъ дѣлахъ довольно извѣстна. Ей же весьма пристойно и надобно имѣть въ здѣшней Академіи члена, особливо же природнаго россіянина. Сіе избраніе послужить можетъ не токмо къ моей похвалѣ, но и къ подлинной славѣ нашего отечества" [1]). Это желаніе Ломоносова не осуществилось.

Въ концѣ 1763 г. Ломоносовымъ изготовлена и тогда же напечатана: Ода всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ всероссійской, которою ея величество въ новый 1764 годъ

1) Билярскій, стр. 643—645.

всенижайше поздравляетъ Михайло Ломоносовъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатана при императорской Академіи наукъ [1]). Эта ода не заключаетъ въ себѣ ничего примѣчательнаго ни по мыслямъ, ни по внѣшней отдѣлкѣ.

Въ началѣ 1764 года Ломоносова занимала мысль объ исполненіи порученія, о которомъ онъ такъ писалъ къ тогдашнему вице-канцлеру князю А. Голицыну: „всемилостивѣйшая государыня благоизволила повелѣть чрезъ его превосходительство Ивана Ивановича Бецкаго, чтобъ я выбралъ изъ россійской исторіи знатныя приключенія для написанія картинъ, коими бы украсить при дворѣ нѣкоторыя комнаты. Не малой здѣсь нахожу, продолжаетъ академикъ, недостатокъ въ изображеніи стариннаго платья разныхъ чиновъ. Свѣдѣніе о семъ сыскать едва-ли гдѣ лучше можно, какъ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Особливо жъ есть въ оной описаніе коронаціи и другихъ церемоній государя царя Михаила Ѳедоровича съ личными изображеніями на пергаментѣ. Сообщеніемъ сего можете, милостивый государь, подать мнѣ великое вспомоществованіе....“ Въ государственномъ архивѣ хранится статья, подъ заглавіемъ „Идея для живописныхъ картинъ изъ россійской исторіи“, гдѣ описано 25 предметовъ для подобныхъ картинъ. Хотя эта бумага безъ подписи, но такъ какъ она писана рукою находившагося при Ломоносовѣ студента Ильи Абрамова, то по всѣмъ вѣроятіямъ эта статья принадлежитъ нашему писателю. Чтобъ имѣть понятіе о томъ, какъ Ломоносовъ придумывалъ предметы для картинъ изъ прошедшаго Россіи, вотъ нѣсколько описаній: 1. „Взятіе Искореста. Во время вечера передъ городомъ въ лагерѣ, по повелѣнію великія княгини Ольги, привязываютъ къ голубямъ и къ воробьямъ зажоные фитили; иныхъ пускаютъ съ фитилями на воздухъ, иные уже летятъ къ городу и городъ мѣстами отъ того загорѣлся. Между

---

1) Въ f°, 10 нен. страницъ (въ академическомъ экземплярѣ не достаетъ послѣдняго листа). Печатано этой оды, по предписанію отъ 29 декабря 1763 г., 1225 экз.; изъ нихъ 222 переплетались въ дорогіе переплеты для подносу знатнымъ; остальные въ продажу пущены по 15 коп. (Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 629 и II, № 279).

тѣмъ войско пѣшее и конное спѣшитъ на приступъ. Сія картина будетъ весьма новая и отъ двоякаго свѣту, т. е. отъ зари и отъ огней особливое смѣшеніе тѣни составитъ, въ чемъ могутъ показать живописцы искусство. 8. Побѣда Александра Невскаго надъ нѣмцами ливонскими на Чудскомъ озерѣ. Сраженіе случилось на Чудскомъ озерѣ апрѣля 5 дня. При семъ дѣлѣ то можетъ представиться отмѣнно, что происходило на льду, гдѣ пристойно изобразить бѣгущихъ, какъ они, стѣснясь и проломивъ тягостью ледъ, тонутъ. Иные другъ друга изо льду тянутъ; иные напротивъ того другъ друга погружаютъ и колютъ какъ непріятелей. Кровь по льду и съ водою смѣшанная особливый видъ представитъ. 12. Приведеніе новгородцевъ подъ самодержавство. На площади новгородской, предъ церковью св. Софіи, великій князь Иванъ Васильевичъ, верхомъ сидя, повелѣваетъ принять отъ новгородцевъ грамоты Ярославли своему намѣстнику при архіереѣ. Вѣчевой колоколъ или набатъ, новгородцамъ служившій къ самовольнымъ скопищамъ, летитъ сброшенъ съ колокольни. Маѳѣ Посадницѣ руки назадъ вяжутъ. Новгородцы, коихъ къ Москвѣ отвозятъ, прощаются съ своими ближними. Народу множество; иные, поднявъ руки къ колокольнѣ, кричатъ; иные разными движеніями подаютъ печальные, иные — радостные знаки. На коняхъ бояре московскіе усмѣшками и помаваніями оказываютъ свое удовольствіе. При великомъ князѣ для безопасности копейщики."

Прочія картины должны были изображать: Основаніе христіанства въ Россіи. Совѣтъ Владиміру отъ духовенства (быть строже съ преступниками). Единоборство князя Мстислава. Горислава (Рогнеда). Мономахово единоборство. Мономахово вѣнчаніе на царство. Обрученіе князя Ѳедора Ростиславовича. Начало сраженія съ Мамаемъ. Низверженіе татарскаго ига. Царица Сумбека. Право высокой фамиліи Романовыхъ на престолъ всероссійскій. Погибель Разстригина. Козма Миничъ. Олегъ князь приступаетъ къ Царю-граду сухимъ путемъ на парусахъ. Олегъ угрызенъ отъ змѣя умираетъ. Сраженіе Святослава съ печенѣгами въ порогахъ. Избавленіе Кіева отъ осады

печенѣжской смѣлымъ переплытіемъ россіянина черезъ Днѣпръ. Князь кіевскій Святославъ Ярославичъ кажетъ свое великое богатство посламъ нѣмецкимъ. Пожарскій въ опасности отъ злодѣя, подосланнаго отъ Заруцкаго. Битва этого князя съ поляками. Вѣнчаніе Шуйскаго. Гермогенъ патріархъ въ тюрьмѣ [1]).

24 мая Ломоносовъ предложилъ въ академической канцеляріи выгравировать на мѣди изображенія сѣверныхъ сіяній, которыя наблюдалъ онъ въ Петербургѣ. Эта работа тогда же была возложена на гравировальнаго подмастерья Грекова. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 28 сентября, было опредѣлено, за множествомъ дѣла у академическихъ граверовъ, отдать „тѣ рисунки для нагрыдорованія шварцкунстскою работою вольному мастеру Штенглину, съ платою за каждую доску по восьми рублей. 20 сентября 1764 года Ломоносовъ писалъ къ Штелину: Figurae chasmatum Borealium, aeri incisae, sunt egregie expressae, et pauca quae correctione indigeant, reperio. Cras in Cancelaria de praemio agam, ubi praesentia tua multum valebit. Caeterum autographus meus necessario requiritur, ut conferam eum parum cum apographo inciso [2]).

Въ настоящее время при дѣлахъ академической канцеляріи сохраняется 11 гравированныхъ рисунковъ тѣхъ сіяній; кромѣ того о двухъ, сдѣланныхъ Штенглинымъ, есть извѣстіе въ донесеніи послѣдняго отъ 5 ноября 1765 года. Въ слѣдующемъ 1766 г., 13 января тогдашній конференцъ-секретарь Штелинъ писалъ въ академическую канцелярію: „Изъ академической конференціи при семъ возвращаются назадъ абдруки покойнымъ г. статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ наблюденнымъ и, сколько я за подлинно знаю, обстоятельно описаннымъ, примѣчанія достойнымъ сѣвернымъ сіяніямъ. На учиненный отъ канцеляріи Академіи наукъ вопросъ, чтобъ члены академической конференціи представили бы свои въ разсужденіи оныхъ мнѣнія, согласно разсуждено, что помянутые абдруки

1) Записки Академіи наукъ, XIII, 180—186.

2) Лѣтописи русской литературы и древности, 1859 г., II, отд. 3, 196.

достойны быть отпечатаны и Академіи наукъ не дорого станутъ, ибо доски уже гридорованы и издержанныя на нихъ деньги продажею съ барышемъ возвращены будутъ, если къ онымъ припечатается сочиненное на россійскомъ языкѣ покойнымъ г. статскимъ совѣтникомъ Ломоносовымъ описаніе и изъясненіе досокъ съ латинскимъ переводомъ и приложеніемъ гридорованныхъ рисунковъ, что академическая конференція на себя приметъ, какъ скоро она только получитъ россійской подлинникъ отъ вдовы покойнаго г. статскаго совѣтника или отъ его сіятельства г. генералъ-фельдцейгмейстера, графа Григорья Григорьевича Орлова, у котораго теперь находятся ломоносовскіе манускрипты. А предложеніе канцеляріи Академіи наукъ въ присланномъ въ академическую конференцію указѣ, чтобы одинъ изъ академическихъ членовъ сочинилъ описаніе къ рисункамъ, наблюденнымъ единственно покойнымъ г. Ломоносовымъ и имъ нарисованнымъ сѣвернымъ сіяніямъ, почитаетъ академическая конференція за шутку, ибо то совсѣмъ невозможно" [1]).

Послѣ такого отвѣта къ Ломоносовой было посылаемо изъ академической канцеляріи спросить, нѣтъ ли въ бумагахъ покойнаго ея мужа означеннаго описанія, но Ломоносова отозвалась, что всѣ рукописи ея мужа отданы ею графу Г. Орлову. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается никакихъ извѣстій о ломоносовскомъ описаніи сѣверныхъ сіяній, но что оно было, то свидѣтельствуетъ обозначеніе на гравюрахъ разныхъ явленій латинскими буквами, о чемъ есть слѣдующая собственноручная записка Ломоносова: „За грыдорованные четыре листа сверхъ прежнихъ надлежитъ выдать грыдоровальщику Штенглину по

1) Въ нѣмецкомъ подлинникѣ это заключеніе выражено нѣсколько сильнѣе: Dasz aber wie die Kanzley in der an die academische Conferenz geschickten Ukas vorzuschlagen beliebt hat, einer von den academischen Gliedern die Beschreibung der von dem seel. Herrn Lomonosow allein und zwar von einigen Jahren her observirten, umständlich und sogleich beschriebenen und abgezeichneten Nordscheine, zu den Zeichnungen verfertigen sollte, scheint der academischen Conferenz eine scherzhaffte Zumuthung zu seyn, die eine blosze Unmöglichkeit im Schilde führet.

договору 32 руб. Листы отдать для вырѣзанія назначенныхъ литеръ въ грыдоровальную" [1]).

26 мая 1764 года, въ академической канцеляріи коммиссаръ Збороміирскій, завѣдывавшій книжнымъ торгомъ въ Академіи, объявлялъ, „что многіе желаютъ сочиненія г. статскаго совѣтника Ломоносова реторики и грамматики, а оныхъ за продажею въ книжной лавкѣ отъ давняго времени нѣтъ". Вслѣдствіе того сдѣлано было тогда же распоряженіе о печатаніи этихъ книгъ по 1200 экз. [2]).

Въ томъ же маѣ 1764 года оконченъ печатаніемъ нѣмецкой переводъ ломоносовской русской грамматики, сдѣланный Стафенгагеномъ (см. выше стр. 587). Ломоносовъ высказывалъ предположеніе, что Таубертъ изъ недоброжелательства къ нему старался всячески замедлять печатаніе этого перевода и напротивъ того ускорять изданіе русской грамматики Шлецера, „чтобы онъ, обучаясь россійскому языку по грамматикѣ Ломоносова, переворотилъ ее инымъ порядкомъ и въ свѣтъ издалъ" [3]).

Мюллеръ, помѣстивъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ [4]) краткое извѣщеніе о выходѣ этого перевода, между прочимъ тамъ говорилъ: „....По числу параграфовъ, коихъ въ россійскомъ подлинникѣ есть 527, а въ нѣмецкомъ переводѣ 592, можно бы было заключить, яко бы переводъ полняе подлинника; но сія разность произошла отъ того, что при россійскомъ изданіи учинены въ числѣ параграфовъ нѣкоторыя опечатки; въ самомъ же дѣлѣ то же число параграфовъ 592, что въ нѣмецкомъ переводѣ, находится и въ россійскомъ подлинникѣ. Прибавлены токмо къ переводу нѣкоторые для иностранныхъ читателей примѣчанія, кои какъ къ большему изъясненію служатъ, такъ и для самого подлинника дальныхъ отъ г. сочинителя прибавленій желать должно, дабы сіе изрядное грамматическое наставленіе со временемъ приведено было въ большую совершенность...." Эти замѣтки вызвали слѣдующее опредѣленіе въ

1) Билярскій въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 640, 687, 747; также II, книга № 285.

2) Билярскій, стр. 640.

3) Билярскій, стр. 092.

4) 1764 г., іюнь, 550, 555.

академической канцеляріи за подписаніемъ Ломоносова и Тауберта: „Г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ въ присутствіи объявилъ: хотя-де фактору Лыкову неоднократно было приказано, чтобъ о сочиненіяхъ его, г. Ломоносова, какъ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ газетахъ безъ показанія ему отнюдь ничего печатаню не было; но нынѣ-де имъ усмотрѣно, что въ напечатанныхъ іюня мѣсяца Сочиненіяхъ внесено извѣстіемъ о грамматикѣ его къ неудовольствію. Того ради приказали: упомянутому фактору Лыкову за то, что онъ безъ показанія г. статскому совѣтнику Ломоносову печаталъ о его сочиненіяхъ, учинить въ присутствіи канцеляріи Академіи наукъ выговоръ; а чтобъ онъ впредь отнюдь безъ показанія ему, г. Ломоносову, ничего о сочиненіяхъ его не печаталъ, о томъ ему накрѣпко подтвердить ордеромъ“ [1]).

7 іюня 1764 года, въ четвертомъ часу послѣ обѣда императрица Екатерина II посѣтила домъ Ломоносова, въ сопровожденіи—какъ сказано въ современномъ извѣстіи—знатнѣйшихъ двора своего особъ. Здѣсь она „изволила смотрѣть производимыя имъ работы мозаичнаго художества для монумента вѣчно славныя памяти государя императора Петра Великаго, также и новоизобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ подать благоволила новое высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ. При окончаніи шестаго часа, оказавъ всемилостивѣйшее свое удовольствіе, изволила во дворецъ возвратиться....“ Ломоносовъ при отъѣздѣ императрицы подалъ ей стихи:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ:
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.

---

1) Билярскій, стр. 647.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель [1])!

Въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ Ломоносовымъ написано стихотворное произведеніе, напечатанное подъ заглавіемъ: Его сіятельству милостивому государю графу Григорью Григорьевичу Орлову отъ арміи генералу поручику, ея императорскаго величества генералу адъютанту, дѣйствительному каммергеру, лейбгвардіи коннаго полку подполковнику, кавалергардскаго корпуса поручику, канцеляріи опекунства иностранныхъ президенту, орденовъ святаго апостала Андрея, святаго Александра Невскаго и святыя Анны кавалеру, на благополучное возвращеніе ея величества изъ Лифляндіи поздравительное письмо отъ статскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова, съ Рудицкихъ заводовъ. Іюля 19 дня, 1764 года. Печатано при императорской Академіи наукъ [2]). Здѣсь послѣ описанія поѣздки Екатерины по остзейскому краю слѣдуютъ похвалы ей:

---

1) Санктпетербургскія вѣдомости 1764 г., 15 іюня, № 48. Объ этомъ посѣщеніи Ломоносова Екатериною II есть разсказъ С. Глинки, записанный со словъ княгини Е. Дашковой (Русское слово 1861 года, № 4, отд. 1). Послѣдняя здѣсь говоритъ, что будто бы государыня ей «съ прискорбіемъ» сообщила, что «нашъ Михайло Васильевичъ что-то слишкомъ закручинился» и потому пригласила княгиню ѣхать къ нему. Въ концѣ посѣщенія, по тому же разсказу, императрица будто бы такъ обратилась къ Ломоносову: «пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли: щи у меня будутъ такіе же горячіе, какими подчивала васъ ваша хозяйка!» Тому, кто занимался екатерининскимъ временемъ, не можетъ не показаться странною эта необычайная фамильярность государыни, которая при выходахъ и вообще въ обществѣ всегда вела себя чрезвычайно сдержанно и съ сохраненіемъ величія. Прибавимъ къ этому, что въ описываемую эпоху княгиня Дашкова была уже въ холодныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ и жила, какъ разсказываетъ сама въ своихъ Запискахъ, уединенно въ Гатчинѣ вдали отъ двора. Журналы камеръ-фурьерскіе 1764 г., въ которыхъ есть извѣстіе о посѣщеніи государынею Ломоносова, не упоминаютъ, чтобы онъ былъ приглашенъ къ обѣду во дворецъ императрицы въ помянутое время.

2) Въ 4⁰, 7 нумер. стр.; въ августѣ этихъ стиховъ печатано 580 экз., изъ нихъ 60 отпущены Ломоносову, а остальные продавались по 3 коп. каждый (Билярскій не совсѣмъ вѣрно, на стр. 648; II, книга № 284). Въ перепечаткѣ эти стихи въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1764 г., сентябрь, 235—238. Въ сочиненіяхъ Ломоносова, изд. Смирдина, I, 283—287,— перепечатаны небрежно: сокращено заглавіе, выпущено любопытное примѣчаніе и два стиха, слѣдующіе въ концѣ стр. 285, напечатаны вверху стр. 287.

Въ покоѣ богатить Монархиня насъ мыслитъ,
Что общее добро своимъ довольствомъ числитъ,
Во всемъ Отечествѣ поставить правый судъ
И щедро награждать усердныхъ вѣрный трудъ,
Блаженство подданныхъ возвысить чрезъ науки,
Наградой ободрять художественны руки;
Спасать несчастливыхъ, счастливыхъ умножать,
И быть рабовъ своихъ возлюбенная Мать.

За тѣмъ Ломоносовъ говоритъ о себѣ:

Я зрю здѣсь въ радости довольствій общій видъ,
Гдѣ Рудица вьючись сквозь каменья, журчитъ,
Гдѣ дѣйствуетъ вода, гдѣ дѣйствуетъ и пламень,
Чтобы составить мнѣ, или превысить камень,
Для сохраненія Геройскихъ славныхъ дѣлъ,
Что долгъ къ Отечеству изобразить велѣлъ.
Гдѣ дщерь Петрова мнѣ щедротною рукою
Награду воздала между трудовъ къ покою.
Трудовъ, что ободрилъ Екатерининъ гласъ,
И взоръ жизнь нову влилъ, и воскресилъ Парнассъ!

Въ концѣ обращеніе къ гр. Орлову:

Блаженъ родитель Твой такихъ намъ давъ Сыновъ,
Не именемъ однѣмъ но свойствами Орловъ.

При этомъ Ломоносовымъ сдѣлано примѣчаніе: „Григорей Ивановичь Орловъ, служилъ Генераломъ Маіоромъ и потомъ Новгородскимъ Губернаторомъ, съ общею отъ всѣхъ похвалою. Въ бывшую при Государѣ блаженныя памяти Императорѣ Петрѣ Великомъ Шведскую и Турецкую войну, находился во всѣхъ баталіяхъ, и за отличную его храбрость и претерпѣнныя раны, почтенъ былъ отъ Государя золотою цѣпью и портретомъ Его Величества. Родъ Орловыхъ происходитъ отъ древнихъ дворянъ Германскихъ изъ Польской Пруссіи“.

Занятый мыслію о снаряженіи морской экспедиціи для отысканія прохода черезъ Сѣверный океанъ (см. выше стр. 801—810), Ломоносовъ въ академическомъ засѣданіи 20 августа 1764 г. предложилъ такую задачу на премію въ слѣдующемъ году: In itinere navali, nubila tempestate, loco et tempore cognito, dataque inclinatione et delinatione versarii magnetici, alio post subsecuto tempore, et loco navis, per cursum ejus quantum fieri potest determinato, et data mutatione inclinationis invenire leges et condere tabulas pro cognoscenda inde declinatione magnetica.

Впрочемъ академикъ Эпинусъ въ слѣдующее засѣданіе представилъ свои доводы о невозможности рѣшить удовлетворительно подобную задачу, и разсужденія о ней впослѣдствіи не возобновлялись [1]).

Августъ мѣсяцъ 1764 года императрица Екатерина проводила въ Царскомъ селѣ, и вѣроятно туда являлся Ломоносовъ, который написалъ стихотвореніе: На Сарское село августа 24 дня 1764 года [2]). Здѣсь царскосельскій дворецъ съ позолоченою крышею стихотворецъ называетъ златою горою, „что мещетъ блескъ", и кончаетъ стихи:

Всѣхъ больше краситъ сей Екатерина край:
При Ней здѣсь вѣкъ златой и расцвѣтаетъ рай;
Она всѣ красоты присутствомъ оживляетъ,
Какъ свѣтъ добротами и славой восхищаетъ.

Мысль о способахъ къ скорѣйшему составленію русскаго атласа не покидала Ломоносова и въ 1764 г. Вслѣдствіе распоряженія о производствѣ народной переписи и посылкѣ для этой цѣли офицеровъ во всѣ населенныя мѣста государства, нашему академику пришла мысль возложить вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ же офицеровъ собраніе свѣдѣній о числѣ душъ, о церквахъ, водахъ, положеніи селеній и проч. По мнѣнію Ломоносова, когда бы это было осуществлено вмѣстѣ съ другими предложенными имъ по этой части мѣрами, то „лѣтъ въ пять сочиненъ и напечатанъ будетъ такой россійской атласъ, которымъ похвалиться можно предъ всею Европою...." Теперь неизвѣстно, кому представлялъ Ломоносовъ это предположеніе, писанное въ мартѣ 1764 года [3]). Оно осталось безъ осуще-

1) Билярскій, стр. 648, 649.

2) Въ первый разъ эти стихи помѣщены въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, сентябрь 1764 г., стр. 239, рядомъ съ вышепомянутымъ стихотвореніемъ къ гр. Гр. Орлову. Въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ того года (стр. 143) записано, что императрица 24 августа утромъ «изволила проходить въ янтарную комнату и забавляться въ карты. Обѣденное кушанье изволила кушать въ двадцати пяти персонахъ; во время стола играно на валторнахъ. По полудни жъ въ обыкновенное время изволила выходить въ компаты и забавляться въ карты; а у вечерняго стола быть не соизволила».

3) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., кн. 1, Ломоносовъ и петербургская Академія наукъ.

ствленія вѣроятно потому, что выше означенные офицеры, занимаясь одною перепиcью, имѣли довольно дѣла.

Въ сентябрѣ 1764 года Ломоносовъ снова представилъ президенту Академіи наукъ объ отправленіи двухъ географическихъ экспедицій по Россіи опредѣлять посредствомъ астрономическихъ наблюденій географическія положенія разныхъ мѣстъ, что было необходимо для составленія вѣрныхъ картъ; сверхъ того Ломоносовъ еще предлагалъ, чтобы лица, имѣвшія отправиться въ тѣ экспедиціи, производили въ то же время метеорологическія наблюденія, отыскивали по городамъ мѣстныя лѣтописи, снимали проспекты чрезъ камеръ-обскуры, записывали о свойствѣ и положеніи проѣханныхъ мѣстъ, наконецъ вели бы повседневный журналъ всего приключающагося съ ними. По мнѣнію Ломоносова, въ предлагаемыя двѣ экспедиціи слѣдовало назначить академика Румовскаго, адъюнктовъ Красильникова и Шмидта и поручика Курганова.

Графъ Разумовскій это представленіе передалъ на разсмотрѣніе академическаго собранія, и здѣсь возсталъ противъ экспедицій Румовскій: онъ отказывался отъ участія въ нихъ по нездоровью; находилъ, что для нихъ надо прежде подготовить свѣдущихъ людей, а иначе посылки эти не принесутъ пользы. „Одного или двухъ знающихъ астрономію людей, писалъ притомъ Румовскій, для сего предпріятія не довольно; а Академія наукъ довольнаго числа такихъ людей не имѣетъ. Въ другихъ Академіяхъ предлагающія подобныя предпріятія особы сами оныхъ не только отправлять не отрекаются, но и примѣромъ своимъ поощряютъ трудовъ своихъ самопроизвольныхъ сообщниковъ, вникая во всѣ подробности и затрудненія, для лучшаго успѣху дѣлаютъ иногда двулѣтнія пріуготовленія...“ [1])

Такимъ образомъ и это предположеніе Ломоносова не получило дальнѣйшаго хода; отправленныя же Академіею наукъ въ 1768 и 1769 года экспедиціи по разнымъ краямъ Россіи обязаны своимъ осуществленіемъ личному желанію Екатерины II, отдавшей приказаніе о снаряженіи ихъ по полу-

1) Билярскій, стр. 674—678, 689—692.

ченіи извѣстія, что въ 1769 г. случится прохожденіе Венеры чрезъ солнце [1]).

Стихотвореніе Ломоносова Разговоръ съ Анакреонтомъ не было напечатано при жизни нашего писателя и нашло мѣсто въ посмертныхъ изданіяхъ собраній его сочиненій. Впрочемъ оно въ рукописи ходило по рукамъ современниковъ Ломоносова и проникло тогда до дворца. Состоявшій при особѣ великаго князя Павла Петровича Порошинъ отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ подъ 31 октября 1764 года, что послѣ обѣда во дворцѣ на половинѣ цесаревича, „сѣлъ я читать ему разговоръ Михайлы Васильевича Ломоносова съ Анакреонтомъ. Разговоръ сей весьма понравился его высочеству, и послѣ самъ его изволилъ перечитывать. Сочиненіе сіе самого господина Ломоносова“ [2]).

Въ этомъ стихотвореніи Ломоносовъ, между прочимъ, на слова Анакреона

Любовь мнѣ пѣть велятъ,

отвѣчаетъ:

Мнѣ струны по неволѣ
Звучатъ геройскій шумъ.
Не возмущайте болѣ
Любовны мысли умъ;
Хоть нѣжности сердечной
Въ любви я не лишенъ;
Героевъ славой вѣчной
Я больше восхищенъ.

За тѣмъ въ томъ же стихотвореніи есть прекрасная паралель между Анакреономъ и Катономъ

Анакреонтъ! ты былъ роскошенъ, веселъ, сладокъ;
Катонъ старался ввесть въ республику порядокъ.
Ты вѣкъ въ забавахъ жилъ и взялъ свое съ собой;
Его угрюмствомъ въ Римъ не возвращенъ покой.

---

1) Наблюденія явленія Венеры въ солнцѣ въ Россійской имперіи съ предисловіемъ, сочиненнымъ С. Румовскимъ, Спб. 1771 года.

2) Семена Порошина Записки, служащія къ исторіи цесаревича и великаго князя Павла Петровича (Спб., 1844), 109.

Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху;
Онъ жизнь пренебрегалъ къ республики успѣху.
Зерномъ твой отнялъ духъ пріятной виноградъ;
Ножемъ онъ самъ себѣ былъ смертный супостатъ.
Безлобна роскошь въ томъ была тебѣ причина,
Упрямка славная была ему судьбина.
Несходства чудны вдругъ и сходства понялъ я.
Умнѣе кто изъ васъ—другой будь въ томъ судья.

Анакреонъ преподаетъ живописцу, какъ нарисовать его любезную, а Ломоносовъ проситъ художника изобразить его „возлюбленную мать“:

О, мастеръ въ живопиствѣ первой!
Ты первой въ нашей сторонѣ
Достоинъ быть рожденъ Минервой!
Изобрази Россію мнѣ,
Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.
Потщись представить члены здравы,
Какъ должны у богини быть,
На плечахъ волосы кудрявы
Признакомъ бодрости завить.
Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ тучь покой.
Возвысь сосцы млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны;
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ важность обѣщали,
И такъ бы слухъ нашъ ободряли
Какъ чистой голосъ лебедей,
Коль можно хитростью твоей.
Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должны ей законы міру
И распрямъ предписать конецъ?
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать
И повели войнамъ престать!

Это послѣднее обращеніе даетъ нѣкоторый поводъ думать, что Разговоръ съ Анакреонтомъ написанъ Ломоносовымъ,

когда императрица Елисавета намѣревалась оказать вооруженное содѣйствіе своей союзницѣ Австріи, т. е. въ 1747 году.

Сборы Мюллера, при переѣздѣ въ началѣ 1765 года на службу изъ Петербурга въ Москву [1]), доказали, что согласіе, водворившееся было между Ломоносовымъ и исторіографомъ, когда они вели борьбу противъ ихъ общаго недруга — Шлецера, не было ни искренно, ни долговѣчно. При писаніи рѣшеній на доношеніе Мюллера въ академическую канцелярію, гдѣ между прочимъ говорилось, что Ломоносовъ оспаривалъ изданіе Ежемѣсячныхъ сочиненій, послѣдній съ досадою отмѣтилъ: „Опять грубость и клевета! иное предложить, а иное оспорить".

Въ февралѣ 1765 года у Ломоносова происходила переписка съ исправлявшимъ должность генералъ-прокурора, княземъ Вяземскимъ объ устройствѣ типографіи при сенатѣ. Ломоносовъ взялъ на себя хлопоты по этому дѣлу быть-можетъ по тому, что заведеніе новой типографіи въ обширныхъ размѣрахъ могло быть непріятно Тауберту, распорядителю единственной тогда по своей величинѣ въ Петербургѣ академической типографіи. Вотъ, что писалъ Ломоносовъ къ князю Вяземскому 3 февраля 1765 года:

„Милостивый государь, князь Александръ Алексѣевичъ. Для извѣстнаго вашему сіятельству типографскаго дѣла обѣщался взять на себя переписку въ Англію купецъ Клаузингъ, и начало неукоснительно учинено будетъ, какъ только ему предписано будетъ, что сюда требуется: людей-ли нужнѣйшихъ выписать, или по данному примѣру приказать тамъ сдѣлать требуемые россійскихъ литеръ алфавиты? Послѣднее почитаетъ онъ удобнѣйшимъ дѣломъ. Между тѣмъ весьма бы не худо было послать въ Англію нѣсколько молодыхъ людей для обученія словолитнаго дѣла, кои могутъ достигнуть сего искусства, пока здѣсь служить будутъ выписаннные алфавиты. На сіе всепокорнѣйше прошу у вашего сіятельства милости-

1) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 391, 392.

вѣйшаго приказанія и ожидаю съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій и усерднѣйшій слуга Михайло Ломоносовъ".

Князь Вяземскій отвѣчалъ, что лучше будетъ выписать типографщиковъ изъ за границы, и Ломоносовъ на это писалъ 4 февраля 1765 года:

„Для заведенія новой типографіи въ С. Петербургѣ при нѣкоторомъ высокомъ правленіи потребенъ: а) словолитный мастеръ, который бы былъ самый искусный пунсонщикъ и могъ бы литеры рѣзьбою пунсоновъ, выбиваньемъ матрицъ для типографіи поставить исправныя самою лучшею работою, а оныя литеры были бы дѣланы гражданскія россійскія, какъ показаны будутъ съ самаго хорошаго латинскаго манеру, каковы въ примѣръ даны будутъ самыя лучшія, дѣланныя въ Англіи. 2. Оный словолитный мастеръ имѣетъ привезти съ собою достойнаго подмастерья. 3. Надобенъ мастеръ печатнаго дѣла, отъ коего требуется все искусство, какъ сдѣланными по вышеписанному готовыми литерами печатать книги чисто и исправно, т. е. набирать страницы и строки ровно, умѣренно и совершенно прямо, устанавливать прессы, варить и накладывать чернила, также во всемъ прочемъ, что до исправнаго тисненія надлежитъ, знать силу совершенно. 4. Оный мастеръ также можетъ принять и привезть съ собою достаточнаго въ дѣлѣ подмастерья. 5. Оба рѣченные мастера обязаться должны учредить въ С. Петербургѣ при ономъ правленіи исправную россійскую типографію. 6. Наборъ книгъ печатаемыхъ россійскихъ будетъ отправляться имѣющимися здѣшними россійскими наборщиками, а оные мастера должны смотрѣть чистоты и исправности въ дѣлѣ литеръ и въ ихъ употребленіи при печатаніи. 7. Оные же мастера должны своему искусству обучить здѣсь каждый до пяти человѣкъ здѣшнихъ россійскихъ въ урѣченное время, кои даны будутъ имъ же знающіе нѣсколько онаго ихъ мастерства, а не съ самаго начала принявшіеся за оное. 8. По сему предписанію могутъ охотники прислать сюда свои кондиціи, а именно: время — на сколько обязуются; плата — по времени или по работѣ;

награжденіе, почему за обученіе бы человѣка, на переѣздъ деньги, квартира и пр.

„Угодно-ли будутъ вашему сіятельству предписанія требуемымъ типографщикомъ и не благоволите-ли чего прибавить? Что ежели такъ угодно, не умедля можно отписать въ Англію и на первыхъ корабляхъ мастеровъ сюда поставить“ [1]).

Выше не разъ было говорено о непріязненныхъ отношеніяхъ Ломоносова къ Румовскому. Вѣроятно послѣдній жаловался объ этомъ бывшему наставнику своему Эйлеру. Знаменитый математикъ принялъ къ сердцу положеніе своего ученика, и въ письмѣ 16 февраля 1765 года такъ писалъ о томъ изъ Берлина къ исторіографу Мюллеру: „я самымъ лучшимъ образомъ г. Румовскаго рекомендовалъ г. канцлеру. Положеніе его дѣйствительно заслуживаетъ сожалѣнія, потому что противъ него такъ сильно возстаетъ г. совѣтникъ Ломоносовъ. Конечно у Румовскаго прекрасный умъ, приносящій очень много чести русскому народу, и было бы въ высшей степени непростительно, когда бы его стали притѣснять его же собственные единоземцы. Я надѣюсь, что г. канцлеръ всемѣрно заступится за него. Будьте такъ добры сказать г. Румовскому, что теперь онъ можетъ свободно явиться къ его сіятельству, но прежде пусть переговоритъ съ молодымъ графомъ Воронцовымъ, которому я еще недавно далъ истинное понятіе о способностяхъ Румовскаго....“ [2]).

Ломоносовъ, узнавъ объ этомъ письмѣ, пришелъ въ раздраженіе и началъ писать къ Эйлеру письмо (по нѣмецки), но окончилъ-ли его и послалъ-ли — неизвѣстно, такъ какъ письмо сохраняется въ черновомъ, недоконченномъ наброскѣ. Вотъ оно въ переводѣ покойнаго Билярскаго [3]): „Въ высшей степени удивился я тому, что ваше высокоблагородіе, великій ученый и человѣкъ уже пожилой, сверхъ того великій счет-

1) Эти письма сообщены въ Академію наукъ г. Калачовымъ изъ московскаго Архива министерства юстиціи; генералъ-прокурорскія дѣла 1765 г., книга № 46, л.л. 409—413.

2) I, Eingekommende Briefe von anno 1760 bis 1763.

3) Записки Академіи наукъ, V, 105—107. Нѣмецкій подлинникъ письма напечатанъ въ Очеркахъ Россіи.

чикъ, такъ рѣшительно обочлись въ послѣдней своей выкладкѣ. Ясно видишь, что самая высшая алгебра — жалкое орудіе въ дѣлахъ моральныхъ: столькихъ извѣстныхъ данныхъ для васъ оказалось недостаточно, чтобы вычислить одно маленькое, въ половину уже извѣстное количество! Вы довольно знали, что за шельма былъ для ученыхъ Шумахеръ, и что ученикъ его, зять и преемникъ, еще хуже его; что Мюллеръ — невѣжда и отъ всѣхъ первостепенныхъ ученыхъ названъ бичемъ профессоровъ; что онъ сущій Маккіавель и постоянно былъ и есть возмутитель мира Академіи. И однако вы не могли замѣтить его лживыхъ внушеній касательно таубертовой комнатной собачки — Румовскаго. Таубертъ, какъ только увидитъ на улицѣ собаку, которая лаетъ на меня, тотчасъ готовъ эту бестію повѣсить себѣ на шею и цѣловать подъ хвостъ. И онъ продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока ему нуженъ ея лай; потомъ онъ выкидываетъ ее въ пометъ и натравляетъ на нее другихъ собакъ. Что ваше высокоблагородіе писали къ заклятому врагу всѣхъ честныхъ людей, къ Мюллеру, то я прилагаю здѣсь въ извлеченіи съ моими замѣчаніями. Впрочемъ вы не поставите мнѣ въ вину моихъ жесткихъ выраженій, потому что они исходятъ отъ сердца. огорченнаго неслыханною злостію моихъ враговъ, которыхъ безбожныя нападки я хочу кратко выставить вашему высокородію. Мошенническое правило Шумахера: divide et impera донынѣ въ большомъ ходу у его преемника. Вашему высокоблагородію очень хорошо извѣстно, что Шумахеръ всегда натравливалъ молодыхъ профессоровъ на старыхъ. Кромѣ чего нибудь другаго, сообщаю то, что самъ я вынесъ: 1) когда конференція избрала меня въ профессора и покойная императрица утвердила, Шумахеръ послалъ къ вамъ мои, уже одобренныя разсужденія, надѣясь получить отъ васъ дурной отзывъ; но вы поступили тогда какъ честный человѣкъ. 2) Я получилъ изъ Кабинета сумму, чтобы устроить при Академіи лабораторію: все это, равно и химическую профессію, хотѣлъ онъ доставить Бургаву; но это ему не удалось, и я сдѣлалъ прекрасные опыты въ мозаикѣ, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ честь, помѣстья и милость. 3) Шумахеру, Мюллеру и Тауберту

это была страшная спица въ глазу. Они подхватили случай, когда я по указу долженъ былъ писать исторію, и выписали для химіи несчастнаго Сальхова, чтобъ меня выгнать изъ лабораторіи и изъ казенной квартиры; но вскорѣ Богъ послалъ мнѣ собственный домъ, и я уже восемь лѣтъ живу среди города въ помѣстительномъ домѣ, устроенномъ по моему вкусу, съ садомъ и лабораторіею, и дѣлаю въ немъ по своему благоусмотрѣнію всякіе инструменты и эксперименты. 4) Такъ какъ я восемь же лѣтъ засѣдаю въ канцеляріи не для того, чтобы командовать, а чтобъ не быть подъ командой Тауберта, то стараются они .... но устранить меня эта сволочь....“

Изъ этого наброска видно, что въ послѣдній мѣсяцъ своей жизни, когда очевидно писался онъ, Ломоносовъ былъ далекъ отъ того, чтобы миръ снизошелъ въ его глубоко раздраженное сердце; но есть другое письмо Ломоносова, которое съ обозначеніемъ времени и можетъ съ достовѣрностью считаться послѣднимъ изъ извѣстныхъ его нынѣ писемъ. Оно писано къ сестрѣ его Марьѣ Васильевнѣ 2 марта 1765 года, стало быть за мѣсяцъ съ небольшимъ до кончины знаменитаго человѣка.

Настоящее жизнеописаніе начато описаніемъ далекой и суровой родины Ломоносова. Письмо, о которомъ сейчасъ упомянуто, снова напоминаетъ намъ этотъ край и молодость, проведенную тамъ Ломоносовымъ. Слогъ его письма, въ которомъ онъ очевидно поддѣлывался подъ понятія своей сестры, не выходившей изъ русскаго простонародья, еще болѣе переноситъ изъ большаго города съ его дрязгами, огорченіями и неугомонною погонею за славою и почестями, въ пустынный Двинской край, въ затишье, гдѣ всѣ довольны окружающимъ, несмотря на всю бѣдноту и невзрачность его.

„Государыня моя Марья Васильевна, писалъ Ломоносовъ, здравствуй на множество лѣтъ съ мужемъ и дѣтьми. Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька пріѣхалъ въ Санктпетербургъ въ добромъ здоровьѣ и что умѣетъ очень хорошо читать и исправно, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, спиты рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираетъ

по нашему такъ, чтобы его на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ и тотчасъ къ намъ и къ нашему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ; не показалъ никакова виду, чтобы тосковалъ или плакалъ. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи наукъ, состоящія подъ моею командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаются и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣніемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенько писать и танцовать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно осмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьниками ужинаетъ и съ кѣмъ живетъ въ одной камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я объ немъ стараюсь, какъ долженъ доброй дядя и отецъ крестной. Также и хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ довольствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ чрезъ ученіе счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой Михайло Ломоносовъ.

„Я часто видаюсь здѣсь съ вашимъ губернаторомъ и просилъ его по старой своей дружбѣ, чтобы васъ не оставилъ. Въ случаѣ нужды или еще и безъ нужды можете его превосходительству поклониться Евсевій Ѳедоровичъ или ты сама. Жена и дочь моя вамъ кланяются“ [1]).

Упоминаемый въ этомъ письмѣ Миша былъ Михаилъ Евсеевичъ Головинъ, впослѣдствіи ученикъ знаменитаго Эйлера, адъюнктъ Академіи, написавшій нѣсколько сочиненій математическаго содержанія и сдѣлавшій нѣсколько переводовъ, которые изданы въ свѣтъ [2]).

Извѣстіе о послѣднихъ дняхъ жизни Ломоносова сохранилъ его товарищъ по Академіи и академической канцеляріи Я. Штелинъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ своихъ замѣтокъ онъ написалъ: „Ломоносовъ скончался на святой недѣлѣ 1765 года. Смерть встрѣтилъ съ духомъ истиннаго философа; сказалъ:

1) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 712, 713.

2) Исторія Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 295. 299. 715; Энциклопедическій лексиконъ Плюшара, XIV, 405.

жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ то, что задумалъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ: оно умретъ со мною. Похвалы ему, продолжаетъ Штелинъ, заключу въ одинъ короткій стихъ

Principibus placuisse viris non ultima laus est».

Въ другомъ мѣстѣ Штелинъ же разсказываетъ: „Ломоносовъ умеръ на третій день пасхи 1765 года [1]). За нѣсколько дней до своей кончины сказалъ онъ Штелину: другъ, я вижу, что я долженъ умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринялъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь при концѣ жизни моей долженъ видѣть, что всѣ мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною. — Къ его великолѣпному погребенію, на которомъ присутствовали с.петербургскій архіерей съ именитѣйшимъ духовенствомъ, нѣкоторые сенаторы и многіе другіе вельможи, явился и Сумароковъ....“ Онъ было обратился къ Штелину съ непристойнымъ выраженіемъ о Ломоносовѣ, что этотъ не можетъ болѣе шумѣть, а Штелинъ отвѣтилъ: „не совѣтовалъ бы я вамъ сказать ему это при жизни!“ Ломоносовъ, прибавляетъ къ тому Штелинъ, нагонялъ на него такой страхъ, что Сумароковъ не смѣлъ разинуть рта въ его присутствіи!“ [2]).

И друзья, и недруги Мюллера спѣшили извѣстить его въ Москвѣ объ этомъ событіи. Такъ Бюшингъ, 7 апрѣля 1765 г., сообщалъ исторіографу: „Въ понедѣльникъ вечеромъ, только что я послалъ къ вамъ мое письмо, какъ узналъ чрезъ четверть часа, что въ полдень того же дня умеръ совѣтникъ Ломоносовъ. Можетъ быть эта смерть подастъ поводъ къ измѣненію системы въ Академіи, если она года въ два не разрушится....“

---

1) Здѣсь Штелинъ сдѣлалъ ошибку: пасха въ 1765 г. была 3 апрѣля, Ломоносовъ скончался 4 апрѣля, стало быть на второй день свѣтлой недѣли.

2) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ изданный академикомъ Куникомъ, II, 386, 403, 404.

Таубертъ также спѣшилъ подѣлиться этою новостью съ Мюллеромъ, конечно въ тѣхъ видахъ, что онъ приметъ ее съ тѣми же чувствами, которыя испытывалъ онъ тогда и самъ. Впрочемъ, надо сознаться, что нѣмцы, при кончинѣ Ломоносова, сумѣли себя сдерживать лучше, чѣмъ русскіе въ родѣ Сумарокова, который ругался у открытаго гроба великаго человѣка. Таубертъ, 8 апрѣля 1765 года, писалъ Мюллеру: „Г. статскій совѣтникъ Ломоносовъ перемѣнилъ здѣшнюю временную жизнь на вѣчную въ прошедшій понедѣльникъ около пяти часовъ по полудни, послѣ новаго припадка своей прежней болѣзни, который у него сдѣлался отъ простуды. За два дня до своей кончины онъ причащался и испустилъ духъ во время совершенія надъ нимъ обряда соборованія, послѣ прощанія въ полномъ разумѣ какъ съ своею женою и дочерью, такъ и съ прочими присутствующими. Сегодня рано онъ былъ погребенъ въ невскомъ монастырѣ при огромномъ стеченіи народа. На другой день послѣ его смерти, графъ Орловъ велѣлъ приложить печати къ его кабинету. Безъ сомнѣнія въ немъ должны находиться бумаги, которыя не желаютъ выпустить въ чужія руки“ 1).

11 апрѣля 1765 года, по предложенію Штелина, принятъ былъ въ почетные члены Академіи наукъ французскій докторъ медицины Николай-Гавріилъ Клеркъ (писавшійся впослѣдствіи Ле-Клеркъ), 15 апрѣля онъ уже присутствовалъ въ академическомъ засѣданіи. Какъ истый французъ, онъ конечно мало обращалъ вниманіе на отношенія Ломоносова къ большинству тогдашнихъ академиковъ изъ нѣмцевъ и помнилъ только, что во французской Академіи есть обычай произносить éloge, или похвальное слово, скончавшемуся сочлену. И вотъ новый почетный членъ, послѣ благодареній за избраніе, такъ говорилъ (на французскомъ языкѣ) къ бывшимъ сотоварищамъ Ломоносова о недавней его кончинѣ: „То же самое чувство, которое дѣлаетъ меня столь признательнымъ къ оказанной мнѣ вами благосклонности, должно откликнуться и на вашу

1) Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова (Спб., 1865), 88.

справедливую горесть. Оно должно умилиться вмѣстѣ съ вашими Музами, одѣться въ трауръ вмѣстѣ съ ними.

„Не стало человѣка, имя котораго составитъ эпоху въ лѣтописяхъ человѣческаго разума, обширнаго и блестящаго генія, обнимавшаго и озарявшаго вдругъ многія отрасли. Не стало возвышеннаго поэта, который въ минуты своего, поистинѣ славнаго творчества равнялся той птицѣ, которая, поднявшись выше облаковъ, неподвижно останавливаетъ взоръ на свѣтило, не ослѣпляясь его блескомъ!

„Какой молодой орелъ въ состояніи подражать смѣлости и быстротѣ его полета? Въ жилахъ питомца Музъ текъ огонь Пиндара; онъ наслѣдовалъ лиру Горація. Но его уже нѣтъ! Общество пользовалось его знаніями; ваши лѣтописи воспользуются его славою: его будутъ чтить повсюду, гдѣ будутъ люди просвѣщенные. Слава тогда говоритъ всего громче, когда человѣкъ лишенъ возможности слышать ее. Разомъ она перелетаетъ и время, и пространство; ея объемъ — печать ея продолжительности.

„Сколько сожалѣній, милостивые государи, для Академіи и какая утрата для государства, что труды Ломоносова не увѣнчались прекраснѣйшимъ, благороднѣйшимъ, величайшимъ и въ то же время наиболѣе достойнымъ изъ всѣхъ успѣховъ этого знаменитаго поэта! Ему было предназначено придать Петріадѣ ей принадлежащій отпечатокъ безсмертія. Ему предлежало оживотворить героя, который былъ предметомъ ея, начертать намъ великіе замыслы, великія побужденія, его волновавшія, и изобразить ихъ величественно. Кто въ состояніи продолжать и увѣковѣчить это сочиненіе, такъ достойно начатое? По какому року, милостивые государи, творецъ этой имперіи, питомецъ Марса, отецъ Музъ, вашъ августѣйшій основатель избѣгнулъ мужественной кисти, яркихъ красокъ этого Апеллеса? Онъ былъ созданъ для Александра...."

Какъ приняли академики всѣ эти похвалы Ломоносову, то лучше всего свидѣтельствуетъ опредѣленіе, записанное 22 числа того же апрѣля въ протоколѣ, что нѣкоторыя выраженія въ рѣчи Клерка не всѣмъ понравились, и что въ будущее засѣданіе

слѣдуетъ рѣшить, что въ ней надобно исправить или выпустить. На этомъ и остановилось все дѣло, и списокъ съ рѣчи Клерка отыскался только весьма недавно въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]).

Впрочемъ, академикъ Штелинъ, въ качествѣ тогдашняго конференцъ-секретаря, сбирался писать похвальное слово умершему сотоварищу, но не привелъ этого въ исполненіе, такъ что теперь остался только конспектъ слова, составленный Штелинымъ въ самый годъ кончины Ломоносова. Здѣсь между прочимъ любопытны для насъ въ концѣ слѣдующія краткія свѣдѣнія: „Характеръ Ломоносова — физическій: отличался крѣпостью и почти атлетическою силою; напр. трехъ напавшихъ на него матросовъ одолѣлъ и снялъ съ нихъ платье. Образъ жизни общій плебеямъ. Умственный: исполненъ страсти къ наукѣ; стремленіе къ открытіямъ. Нравственный: мужиковатъ; съ низшими и въ семействѣ суровъ; желалъ возвыситься, равныхъ презиралъ. Религіозные предразсудки его. Сатиры на духовныхъ. Гимнъ бородѣ. Преслѣдуетъ бѣднаго Тредіаковскаго единственно за его дурной русской слогъ“.

Въ 1783 г. Штелинъ написалъ Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова. Въ настоящемъ жизнеописаніи не разъ дѣланы были ссылки на это произведеніе; здѣсь же приведемъ оттуда заключительный разсказъ Штелина: „Графъ Орловъ, выпросивъ у вдовы его оставшіяся послѣ него бумаги, поручилъ секретарю Козицкому привести ихъ въ порядокъ и положить во дворцѣ своемъ, въ особой комнатѣ.

„Спустя нѣсколько времени послѣ его смерти, канцлеръ графъ Воронцовъ, высоко уважая его заслуги отечеству, захотѣлъ воздвигнуть ему памятникъ изъ бѣлаго мрамора и поставить на его могилѣ въ невскомъ монастырѣ; онъ поручилъ статскому совѣтнику Штелину сочинить подпись и рисунокъ къ нему въ флорентинскомъ размѣрѣ. То и другое было отослано графомъ въ Ливорно, и на слѣдующій годъ полученъ былъ памятникъ изъ каррарскаго мрамора, сдѣланный совершенно

1) Билярскій, стр. 738, 739, и Записки Академіи наукъ, X, 178—181.

по рисунку въ томъ видѣ, какъ онъ теперь находится на кладбищѣ вышеупомянутаго монастыря [1]).

„Камергеръ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ напечаталъ на его кончину прекрасную оду на французскомъ языкѣ, въ которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невѣжество Сумарокова [2]).

„Приведу одинъ примѣръ необыкновеннаго присутствія духа и тѣлесной силы Ломоносова. Будучи адъюнктомъ Академіи, жилъ онъ на Васильевскомъ острову при химической лабораторіи и мало имѣлъ знакомства съ другими. Однажды въ прекрасный осенній вечеръ пошелъ онъ одинъ-одинехонекъ гулять къ морю по большому проспекту Васильевскаго острова. На возвратномъ пути, когда стало уже смеркаться, и онъ проходилъ лѣсомъ по прорубленному проспекту, выскочили вдругъ изъ кустовъ три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ величайшею храбростію оборонялся отъ этихъ трехъ разбойниковъ: такъ ударилъ одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но даже долго не могъ опомниться; другаго такъ ударилъ въ лицо, что онъ весь въ крови изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ кусты; а третьяго ему ужъ не трудно было одолѣть; онъ повалилъ его (между тѣмъ, какъ первый очнувшись, убѣжалъ въ лѣсъ), и держа его подъ ногами, грозилъ, что тотчасъ же убьетъ его, если не откроетъ онъ ему, какъ зовутъ двухъ другихъ разбойниковъ и что хотѣли они съ нимъ сдѣлать. Этотъ сознался, что они хотѣли только его ограбить и потомъ отпустить. „А, каналья, сказалъ Ломоносовъ, такъ я же тебя ограблю". И воръ долженъ былъ тотчасъ снять свою куртку, холстинный комзолъ и штаны, и связать все это въ узелъ своимъ собственнымъ поясомъ. Тутъ Ломоносовъ ударилъ еще полунагаго матроса по ногамъ, такъ что онъ упалъ и едва

1) Русская и латинская надписи на этомъ памятникѣ напечатаны въ Трутнѣ, сатирическомъ журналѣ 1770 г., стр. 75—77. Онѣ же съ изображеніемъ самаго памятника—въ Описаніи празднества, бывшаго въ Петербургѣ 8—9 апрѣля 1865 г., по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова (Спб., 1865), приложенія 5 и 6.

2) Рѣдкая ода гр. А. Шувалова перепечатана съ библіографическими примѣчаніями г. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, I, 201—223.

могъ сдвинуться съ мѣста, а самъ, положивъ на плеча узелъ, пошелъ домой съ своими трофеями, какъ съ завоеванною добычею, и тотчасъ при свѣжей памяти записалъ имена обоихъ разбойниковъ. На другой день онъ объявилъ объ нихъ въ адмиралтействѣ; ихъ немедленно поймали, заключили въ оковы и чрезъ нѣсколько дней прогнали сквозь строй“ 1).

О Ломоносовѣ есть еще позднѣйшій разсказъ его племянницы, дочери вышепомянутой сестры его Марьи Васильевны— Матрены Евсеевны, дѣятельно занимавшейся въ своемъ околодкѣ искусствомъ костоправства. П. Свиньинъ (впрочемъ не всѣмъ извѣстіямъ этого писателя довѣряютъ люди, знававшіе его лично, такъ какъ покойный любилъ прикрасы и преувеличенія въ своихъ разсказахъ) видѣлъ Матрену Евсеевну въ бытность его въ Архангельскѣ въ 1828 г., когда ей было восемдесять лѣтъ. Вотъ, что Свиньинъ записалъ какъ слышанное отъ этой старушки, которой, и по его свидѣтельству, измѣняла нѣсколько память: „она съ удовольствіемъ вспоминаетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ у дядюшки въ Петербургѣ въ небольшомъ каменномъ домикѣ на берегу грязной Мойки. Въ особенности словоохотно разсказываетъ она о гостепріимствѣ Михаила Васильевича, когда на широкомъ крыльцѣ накрывался дубовый столъ, и сынъ сѣвера пировалъ до поздней ночи съ веселыми земляками своими, приходившими изъ Архангельска на корабляхъ и привозившими ему обыкновенно въ подарокъ моченой морошки и селедей. Точно такое же угощеніе ожидало и прочихъ горожанъ, пріѣзжавшихъ по первому зимнему пути въ Петербургъ съ трескою. Надобно замѣтить, что Матрена Евсеевна играла на сихъ банкетахъ не маловажную роль, ибо несмотря на молодыя лѣта свои, завѣдывала погребомъ, а потому хлопотъ и бѣготни ей было не мало. Точно также въ жаркіе лѣтніе дни, когда дядюшка, обложенный книгами и бумагами, писалъ съ утра до вечера въ бесѣдкѣ, ей приходилось бѣгать въ западню за пивомъ, ибо дядюшка жаловалъ напитокъ сей прямо со

---

1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ, изд. г. А. Куникомъ, II, 386, 387; 404, 405.

льду. Изъ словъ старушки можно замѣтить, что поэтъ весьма любилъ заниматься на чистомъ воздухѣ: въ лѣтнюю пору онъ почти не выходилъ изъ саду, за коимъ самъ ухаживалъ, прививая и очищая деревья своимъ перочиннымъ ножикомъ, какъ видѣлъ то въ Германіи. Сидя въ саду или на крыльцѣ въ китайчетомъ халатѣ, принималъ Ломоносовъ посѣщенія не только пріятелей, но и самыхъ вельможъ, дорожившихъ славою и достоинствами поэта выше своего гербовника. Чаще же всѣхъ и долѣе всѣхъ изъ нихъ сиживалъ у него знаменитый Меценатъ его, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. — Дай Богъ царство небесное этому доброму боярину, присовокупляетъ старушка, перекрестясь трижды: мы такъ привыкли къ его звѣздамъ и лентамъ, къ его разолоченной каретѣ и шестеркѣ вороныхъ, что, бывало, и не боимся какъ подъѣдетъ онъ къ крыльцу, и только укажешь ему, гдѣ сидитъ Михайло Васильевичъ; а гайдуковъ своихъ оставлялъ онъ у приворотни [1]). Бывало, присовокупляетъ Матрена Евсеевна, сердечной мой такъ зачитается да запишется, что цѣлую недѣлю ни пьетъ, ни ѣстъ ничего, кромѣ мартовскаго съ кускомъ хлѣба и масла. Размышленіе и пылкость воображенія сдѣлали Ломоносова подъ старость чрезвычайно разсѣяннымъ. Онъ нерѣдко во время обѣда вмѣсто пера, которое по школьной привычкѣ любилъ класть за ухо, клалъ ложку, которою хлѣбалъ горячее, или утирался своимъ парикомъ, который снималъ съ себя, когда принимался за щи. Рѣдко, бывало, напишетъ онъ бумагу, чтобъ не засыпать ее чернилами вмѣсто песку....“ [2]).

Послѣ кончины Ломоносова, женѣ его Елисаветѣ Андреевнѣ, урожденной Цильхъ, опредѣлено было, по прежнимъ примѣрамъ въ Академіи, выдать годовой окладъ мужа ея 1875 руб.,

---

1) Памятникомъ любезныхъ отношеній Шувалова къ Ломоносову служитъ одно шутливое стихотвореніе послѣдняго, изъ котораго видно, что вельможа посылывалъ гастрономическія рѣдкости къ столу великаго писателя. Это стихотвореніе начинается благодареніемъ:

Спасибо за грибы, челомъ за ананасъ,
За вина сладкія. Я радъ, что не былъ квасъ.
и т. д.

Оно печатается въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова.

2) Библіотека для чтенія, журналъ 1834 г., т. II, отд. I, Потомки и современники Ломоносова, 213, 214.

съ вычетомъ изъ нихъ долга Ломоносова Академіи 667 р. 45½ к.[1]). 7 мая 1766 года Ломоносова писала къ И. Елагину: „Ваше превосходительство при исходатайствованіи всемилостивѣйшаго о заплатѣ долговъ моихъ указа такое отеческое стараніе оказать изволили, что милость вашего превосходительства съ должною благодарностью чувствовать не премину. Въ надеждѣ же, что ваше превосходительство продолженіемъ высокаго вашего благоволенія меня не оставите, смѣлость принимаю ваше превосходительство всепокорнѣйше просить и о благосклонномъ представленіи о пенсіи моей. Ваше превосходительство можете быть увѣрены, какъ и словесно донести честь имѣла, что намѣренія моего никогда не бывало изъ Россіи выѣхать, а сіе выдумано только мнѣ въ ущербъ недоброжелательными людьми. Обстоятельства мои истинно столь недостаточны, что, не получа пенсіи, жизнь свою препровождать принуждена буду въ крайней скудости, а заслуги покойнаго мужа моего подаютъ мнѣ несомнѣнную надежду, что безъ всемилостивѣйшаго призрѣніи оставлена не буду. Отъ милостиваго представленія вашего превосходительства много зависитъ моего благополучія и для того всепокорнѣйшую меня въ бѣдности предстательствомъ и стараніемъ не оставить“[2]). Замѣчательно, что Ломоносова, живя въ Россіи болѣе двадцати лѣтъ, не умѣла писать своего имени по русски, и подъ приведеннымъ сейчасъ письмомъ подписалась: Elisabeth Lomonosow. Она жила послѣ своего мужа только полтора года и скончалась въ октябрѣ 1766 года[3]).

Изъ дѣтей, бывшихъ у Ломоносова, послѣ него оставалось въ живыхъ одна дочь Елена Михаиловна, родившаяся въ 1749 г. Въ 1766 году она была уже замужемъ за Алексѣемъ Константиновымъ. Онъ былъ сынъ брянскаго протопопа, съ 1750 года воспитывался въ университетѣ при Академіи наукъ и въ 1754 году получилъ тамъ степень магистра. Тотчасъ послѣ восшествія на престолъ Екатерины II, Константиновъ былъ назначенъ въ унтеръ-библіотекари ея комнатной библіотеки

1) Билярскій, стр. 748—750.
2) Прошеніе въ Государственномъ архивѣ.
3) Билярскій, стр. 750.

и произведенъ въ надворные совѣтники. 30 октября 1766 г. онъ подавалъ прошеніе на имя этой государыни, въ которомъ разсказывая о ломоносовской стеклянной фабрикѣ, объ окончаніи тамъ одной картины съ изображеніемъ полтавской битвы и о начатіи другой, представлявшей взятіе Азова, объяснялъ: „а нынѣ мнѣ, нижайшему, по наслѣдству досталась оная разноцвѣтныхъ стеколъ фабрика, и въ силу упомянутой привилегіи осмѣливаюсь ваше величество всенижайше и всеподданнѣйше просить, дабы повелѣно было мнѣ, по Ломоносовѣ законному наслѣднику, докончить оную картину и впредь, если потребно будетъ, мозаичную работу повелѣть въ силу прежнихъ указовъ мнѣ производить....“ Далѣе Константиновъ упоминалъ, что мозаичному дѣлу „совершенно обученъ Ломоносовымъ одинъ только его шуринъ Цильхъ.“ Впрочемъ проситель какъ бы предвидѣлъ, что въ его домогательствѣ будетъ отказано и въ концѣ прошенія присовокупилъ: „Когда покойному Ломоносову повелѣно было сдѣлать мозаичный монументъ, то онъ, сохраняя казенный интересъ въ наниманіи дома для мастерскихъ покоевъ и для квартиры казеннымъ мастеровымъ людямъ, сдѣлалъ для нихъ на своей землѣ десять покоевъ каменныхъ на казенный счетъ въ 1500 руб.; да для большой картины каменную палату въ 600 руб., которыя деньги, по окончаніи всего монумента, уплатить надѣялся. А нынѣ оные покои отданы въ канцелярію отъ строенія. По смерти Ломоносова указано оный монументъ вовсе оставить и казенные долги, въ которые онъ вошелъ по причинѣ сего монумента, всемилостивѣйшая государыня изволила указать простить [1]); токмо о сихъ покояхъ въ правительствующій сенатъ никакого повелѣнія не воспослѣдовало, и если болѣе мозаичный монументъ продолжаться не будетъ, то всепокорнѣйше прошу при докладѣ ея величеству по моему прошенію и о семъ представить.“ Ходатайство Константинова о продолженіи мозаическихъ картинъ для памятника Петра Великаго оставлено было безъ уваженія [2]).

---

1) Выше на стр. 856 указано, что Ломоносовъ получилъ на мозаичное дѣло изъ казны 30 тысячъ руб.

2) Въ «Краткомъ обозрѣніи мозаичнаго дѣла особенно въ Россіи», г. П. Петрова (Спб., 1864 г., на стр. 42—45)

О потомствѣ Елены Михайловны Константиновой можно видѣть изъ поколѣнной росписи въ приложеніи.

Что касается до потомства единственной сестры Ломоносова, то оно существуетъ и донынѣ въ архангельской губерніи. Марья Васильевна Ломоносова родилась въ 1736 г. и, какъ уже было упомянуто выше, вышла замужъ за довольно зажи-

---

находимъ: «Полтавская баталія Ломоносова, переданная въ Академію художествъ въ началѣ настоящаго вѣка, оказалась искрошившеюся и, для предохраненія отъ дальнѣйшаго разрушенія, зашита досками и задѣлана въ стѣну деревянной мастерской (занятой нынѣ—писано въ 1764 г.—профессоромъ Вильвальде) ....Ранѣе полтавской баталіи, именно въ 1760 г. выполненъ на фабрикѣ Ломоносова (помѣщавшейся въ домѣ его на Большой Морской) портретъ императрицы Елисаветы I, по заказу И. И. Шувалова, заплатившаго 1300 р. за эту мозаику, оставшуюся въ Академіи художествъ, гдѣ хранится еще и его образъ Господа Саваоѳа. Множество другихъ мелкихъ мозаическихъ образовъ Спасителя и Богоматери произведено было еще ранѣе. Одинъ изъ нихъ подаренъ графинею Шуваловою (женою гр. П. И. Шувалова) въ николаевскій малицкій монастырь (близъ Твери); нѣсколько другихъ были въ частныхъ рукахъ и во дворцахъ. По смерти Ломоносова въ первое время начаты были у вдовы его мозаичные портреты графа Михаила Ларіоновича Воронцова, самого изобрѣтателя нашей мозаики, и образъ Богоматери, но при возникшихъ неудовольствіяхъ г-жи Ломоносовой съ мастерами, данными отъ казны для выполненія мозаики для монумента Петра I, помянутыя работы остановлены, и затѣмъ по указу сената 17 іюня 1766 г. мозаическая мастерская, выведенная изъ дома Ломоносова, передана въ вѣдѣніе И. И. Бецкаго — въ контору строеній домовъ и садовъ ея императорскаго величества. Инспекція надъ мозаическимъ производствомъ ввѣрена была при этомъ живописцу Ив. Ив. Бѣльскому (1720—1799), подъ управленіемъ котораго исполнены были мозаичные образа св. великомученицы Екатерины и св. ап. Павла (бывшіе на выставкѣ въ Академіи художествъ въ 1770 г.). Дальнѣйшихъ работъ мозаическихъ, при существованіи мастерской до 1798 г., между тѣмъ не видно; хотя встрѣчаются свѣдѣнія о доставленіи разныхъ колеровъ стеклянной массы на императорскій стеклянный заводъ. Съ половины семидесятыхъ годовъ исчезаетъ и лучшій мастеръ, которымъ держалось заведеніе Ломоносова — Матвѣй Васильевъ (трудовъ его есть голова старика въ музеѣ Академіи художествъ); шуринъ Ломоносова, составитель колеровъ смальты, Иванъ Цильхъ то же оставилъ фабрику. Мысль продолжать мозаичное дѣло въ Россіи, начатое Ломоносовымъ, съ уничтоженіемъ мастерской, между тѣмъ не исчезло. Любуясь произведеніями нашего мозаичиста-академика Веклера (1800—1861 г.), императоръ Николай I, видя полтавскій бой Ломоносова уже въ состояніи разрушенія, пожелалъ реставрировать этотъ памятникъ русскаго искусства и для того вызвалъ изъ за границы (въ 1829 г.) мозаичиста Дольфини. Послѣ же смерти этого мастера, скоро послѣдовавшей, занятъ былъ реставраціею самъ Веклеръ, ничего не успѣвшій сдѣлать за различіемъ своего способа исполненія отъ крупной мозаики Ломоносова».

точнаго крестьянина с. Матигоръ Евсевія Леонтьевича Головина. Сохранилось извѣстіе, что въ 1760 г. онъ раздѣлился съ своими братьями имуществомъ, которымъ владѣлъ отецъ ихъ: „Божіимъ милосердіемъ — святыми иконами, хлѣбомъ и солью, долгомъ и свободою, дворомъ и подворнею землею; скотомъ: коньми, коровами и быками; посудою мѣдною и оловянною и деревянною, и всякимъ житейскимъ и деревенскимъ заводомъ, движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ и всякимъ мастеровымъ инструментомъ, горнею оромою, землею и сѣнными покосы". При этомъ дѣлежѣ Евсевій получилъ „дворъ, все хоромное строеніе и съ подворнею землею, все безъ остатка; изба на подызбицѣ, сѣни на подсѣньи, да въ сѣняхъ верхнихъ чуланъ рубленой брусчатой; назади горница; на амбарѣ дворъ съ кровлями, да и съ заплоты, и хлѣвъ со стоями; передъ окнами конюшня рубленая съ верхнимъ сараемъ покрыта тесомъ, да воннаго (наружнаго) строенія: амбаръ хлѣбной одножитной, да кузница со всею подворнею землею." Кромѣ, того на долю Евсея пришлось одно цѣлое поле пахотной земли и восемь полей по поламъ съ братомъ, которыми они владѣли на правахъ полной собственности; да въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ троихъ братьевъ остались сѣнные покосы, оброчная казенная земля, подъ названіемъ росчисть Веселковская, въ г. Архангельскѣ кузница; да ступа чугунная съ желѣзнымъ пестомъ...." [1]).

Дочь этого Головина, Матрена Евсеевна, разсказъ которой о Ломоносовѣ сообщенъ выше, вышла замужъ за крестьянина Лопаткина. Хотя Свиньинъ и говоритъ о ней, что она, особенно славившись искусствомъ костоправства, не имѣла надежды передать это искусство въ свой родъ [2]), однако изъ собранныхъ въ 1865 г. извѣстій оказывается, что дочь и жена внука Матрены Евсеевны Лопаткиной донынѣ занимаются костоправствомъ.

27 мая 1791 года, директоръ экономіи архангельскаго намѣстничества Захарьинъ писалъ старостѣ и выборнымъ нико-

1) Архангельскія губернскія вѣдомости, 1868 г., № 18, Родъ крестьянъ Головиныхъ.

2) Библіотека для чтенія, литературный журналъ 1834 г., II, отд. I, 215, 216.

лаевской матигорской волости холмогорскаго округа: „Вашей волости крестьянинъ Евсевій Головинъ въ поданномъ ко мнѣ прошеніи изъяснилъ, что прошлаго 1775 (1779?) года января въ 16 день роднаго его сына Михаила Евсеева Головина[1]), обучавшагося тогда математикѣ у профессора Эйлера, именнымъ ея императорскаго величества высочайшимъ указомъ повелѣно выключить изъ подушнаго оклада, о чемъ для должнаго исполненія отъ правительствующаго сената предписано въ надлежащія мѣста въ то же время указами; почему оный сынъ его изъ подушнаго оклада и исключенъ и находился прошедшаго 1790 г. до іюня мѣсяца, т. е. по самой день его смерти, въ Санктпетербургѣ. При жизни своей, проходя онъ многія науки, выслужилъ чинъ профессора, а потомъ 1785 г. января 29 числа именнымъ же ея императорскаго величества указомъ пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ; на которые чины для точнаго удостовѣренія помянутый Евсей Головинъ представилъ ко мнѣ при прошеніи данные сыну его патенты. Нынѣ же вашей матигорской волости выборные и общество крестьянъ, не считая вышесказаннаго сына его служившаго ко всеобщему просвѣщенію людей и исключеннаго изъ подушнаго оклада, какъ выше значитъ, именнымъ ея императорскаго величества указомъ, службою налагаютъ на него, Евсея Головина, сысканіе въ общество денегъ 50 рублей или намѣряются отдать послѣдняго одинокого его сына въ рекруты, который, находясь при немъ, пропитываетъ его, матерь и все семейство, состоящее изъ шести человѣкъ, каковымъ поступкомъ доводятъ они его въ совершенное разореніе и нищету, и для того просилъ меня, чтобы отъ притѣсненія его крестьянскаго защитить и уважа службу выше упоминаемаго сына его Михаила, бывшаго коллежскимъ ассессоромъ, не только отвратить намѣреніе матигорскихъ крестьянъ, стремящееся къ отданію одинокого его сына Петра въ рекруты, но и взысканіе съ него денегъ пятидесяти рублей запретить. По поводу чего тебѣ, старостѣ, съ выборными и лучшими крестьянами наистрожайше предписываю: поелику

---

1) О Михайлѣ Головинѣ см. выше, стр. 874, 875.

выключку изъ подушнаго окладу по высочайшему повелѣнію просителева сына Михаила для продолженія ему разныхъ наукъ, служащихъ къ пользѣ и славѣ Россіи, что послѣ и на опытѣ онъ оказалъ, вмѣнить должно семейству его за дѣйствительную службу, то показанному Евсевію Головину отнюдь ни малѣйшихъ притѣсненій не чинить, и какъ денегъ съ семейства его 50 руб. не взыскивать, равнымъ образомъ и къ отдачѣ одинокого его сына въ рекруты ни подъ какимъ видомъ не приступать. Въ противномъ же случаѣ ежели малѣйшая до меня отъ него, Головина, дойдетъ еще жалоба, то съ вами поступлено будетъ неминуемо по всей строгости" [1]).

7 августа 1798 г. архангельскій губернаторъ Н. Ахвердовъ писалъ къ князю Алексѣю Куракину: „Зная, что споспѣшествовать общественной и частной всякаго россіянина пользѣ есть пріятнѣйшее вашего сіятельства упражненіе, осмѣливаюсь на нѣсколько минутъ остановить вниманіе ваше на славномъ уроженцѣ не важнаго Курострова. Россійскаго Пиндара, Михайлы Васильевича Ломоносова, толико важныя заслуги отечественной литературѣ оказавшаго, и прекраснымъ пѣньемъ дѣлъ великихъ Россіи государей всеобщую сыновъ ея благодарность заслужившаго, сестра родная, шестидесяти двухъ лѣтняя вдова, живетъ во крестьянствѣ съ сыномъ и внучатами; коимъ прилагается при семъ списокъ, въ лежащей не подалеку отъ Курострова того же холмогорскаго уѣзда, матигорской волости, куда была выдана въ замужество за крестьянина Головина. Сія старушка есть мать профессора санктпетербургской академіи наукъ Головина, который необыкновенными дарованіями начиналъ являться достойнымъ Ломоносова племянникомъ, но коего безвременная смерть пресѣкла успѣхи. Достоинства и заслуги получаютъ въ Россіи бо́льшія нежели гдѣ либо награжденія, простирающіяся и на потомство заслужившихъ оныя. Вашему сіятельству предоставлено быть ходатаемъ у высокомонаршаго престола за потомство Ломоносова,

1) Приказаніе Захарьина и письмо Ахвердова сообщены мнѣ въ копіяхъ академикомъ А. В. Никитенкою; кромѣ того, ср. Архангельскія губернскія вѣдомости 1868 г., № 18, Родъ крестьянъ Головиныхъ.

которое за величайшее счастіе почитаетъ быть освобожденнымъ отъ рекрутства, что бывшими архангельскими генералъ-губернаторами неоднократно, но тщетно было обѣщано. Испрошеніемъ сея милости умножите ваше сіятельство права ваши на благодарность всей россійской публики, а я счастливымъ себя почту, что хотя слабымъ послужилъ къ тому посредствомъ".

22 августа 1798 г. императоръ Павелъ подписалъ слѣдующій именный указъ: „Въ уваженіе памяти и полезныхъ познаній знаменитаго санктпетербургской Академіи наукъ профессора, статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: рожденнаго отъ сестры его Головиной сына архангельской губерніи, холмогорскаго уѣзда, матигорской волости крестьянина Петра съ дѣтьми и съ потомствомъ ихъ, исключа изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора" [1]).

Этимъ высочайшимъ повелѣніемъ не окончились безпокойства Петра Головина, такъ какъ его односельцы требовали съ него въ 1801 году платежа за нѣсколько лѣтъ земскихъ и мірскихъ повинностей, на томъ основаніи, что онъ былъ освобожденъ только отъ подушной подати. Петръ Головинъ жаловался на то архангельскому губернатору Перфильеву, объясняя притомъ, что крестьяне притѣсняютъ его „завидуя дарованной мнѣ въ потомствѣ Ломоносова милости." Какъ рѣшено было ходатайство Головина объ освобожденіи его отъ платежа помянутыхъ повинностей, неизвѣстно.

Сыновья Петра Головина Василій, Григорій и Иванъ въ настоящее время уже умерли и потомство ихъ въ мужескомъ колѣнѣ прекратилось. Жена послѣдняго Дарья еще была жива въ 1868 г.[2]). О ней есть упоминанія въ слѣдующемъ разсказѣ неизвѣстнаго: „Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1865 г., вскорѣ послѣ совершенія празднества въ память М. В. Ломоносова, на мѣстѣ его родины, намъ удалось побывать въ селеніи Матигорахъ, въ шести вер-

1) Вѣстникъ Европы, журналъ, издававшійся Каченовскимъ 1804 г.; II, № 8, 315.

2) Архангельскія губернскія вѣдомости 1868 г., № 18, Родъ крестьянъ Головиныхъ.

стахъ отъ Холмогоръ. Зная, что въ этомъ селеніи проживаютъ далекіе родственники Ломоносова, мы отправились къ нимъ съ цѣлью собрать, если возможно, какія либо письменныя или изустныя свѣдѣнія о немъ. Намъ указали на домъ старухи Дарьи Головиной, какъ на такой, въ которомъ можно узнать болѣе, нежели въ иномъ. При нашемъ прибытіи, въ домъ Головиной собралось нѣсколько крестьянъ; мы стали распрашивать ихъ о Ломоносовѣ. Но къ сожалѣнію они не только не сообщили никакихъ свѣдѣній о Ломоносовѣ, но даже не могли себѣ дать отчета, что онъ былъ за человѣкъ, чѣмъ занимался и чѣмъ прославился; знаютъ только то, что онъ изъ крестьянина сдѣлался большимъ бариномъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ заподозрили его въ колдовствѣ; говорили, что онъ, какъ и всѣ колдуны, разводилъ тучи. Однажды, когда надъ Петербургомъ нависла грозная туча, императрица Екатерина II приказала Ломоносову отвести эту тучу. Ломоносовъ долго отказывался, что это-де не по силамъ его; наконецъ послушался. Какъ только сталъ отводить тучу, разразилась гроза и убила его.... Послѣ такого разсказа о смерти Ломоносова, мы спросили родственницу его Дарью Головину: нѣтъ ли у нея какихъ либо старинныхъ бумагъ? Она притащила кипу древнихъ актовъ и тетрадей. Къ сожалѣнію и здѣсь попытка наша не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ. Въ бумагахъ найдены только нѣсколько рукописныхъ житій святыхъ, нѣсколько переводныхъ рыцарскихъ романовъ, отрывокъ сочиненія по астрономіи, заключающій въ себѣ главы о системѣ міра и о планетахъ, писанныхъ Ломоносовымъ или Головинымъ (?!) и наконецъ нѣсколько актовъ, касающихся недвижимаго имущества крестьянъ Головиныхъ и Ломоносовыхъ“ [1]).

Первая мысль — воздвигнуть Ломоносову памятникъ въ Архангельскѣ — подана была въ 1825 г. тамошнимъ епископомъ Неофитомъ, послѣ чего была открыта во всей Россіи добро-

1) Архангельскія губернскія вѣдомости 1868 г., № 4, Нѣсколько имущественныхъ актовъ крестьянъ Ломоносовыхъ. При чемъ есть примѣчаніе: «отрывокъ упоминаемаго сочиненія по астрономіи и акты Ломоносовыхъ находятся нынѣ въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ.

вольная подписка на этотъ предметъ. Самые крупные взносы отъ лицъ и учрежденій были отъ графа Семена Романовича Воронцова (2000 р.), бывшей россійской Академіи (1000 р.); неизвѣстнаго изъ Украйны (1000 р.) и пр.[1]). Вся собранная сумма простиралась до сорока тысячъ рублей. Художникъ И. П. Мартосъ съ особою любовью взялся за составленіе проекта памятника. Вотъ современное описаніе его: „Ломоносовъ изображенъ стоящимъ во весь ростъ; съ челомъ возвышеннымъ; глаза его, исполненные піитическаго огня, обращены къ небу; въ рукахъ его лира. На полушаріи, лежащемъ подъ ногами Ломоносова, начертано: Холмогоры и поставленъ геній, который подаетъ лиру нашему сѣверному барду. — Высота памятника болѣе трехъ аршинъ, кромѣ пьедестала, высѣченнаго изъ гранита“ [2]).

Столѣтняя годовщина дня рожденія знаменитаго писателя прошла незамѣченною; но за то о немъ вспомнили по случаю приближенія ста лѣтъ послѣ кончины его: 4 апрѣля 1865 г. во многихъ мѣстахъ Россіи отправлялись торжества, посвященныя воспоминаніямъ о Ломоносовѣ. Кромѣ обѣдовъ съ рѣчами и стихами, было сдѣлано тогда нѣсколько и полезныхъ дѣлъ: учреждены стипендіи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; основано училище въ селеніи, гдѣ родился Ломоносовъ; установлена премія въ награду за лучшее ученое сочиненіе по наукамъ, которымъ посвящалъ себя нашъ академикъ; объявленъ конкурсъ на составленіе жизнеописаній Ломоносова: одно, которое бы удовлетворяло строгимъ научнымъ требованіямъ, другое, доступное пониманію народа. Наконецъ плодотворнымъ послѣдствіемъ ломоносовскаго юбилея слѣдуетъ также считать обнародованіе въ тогдашнее время въ значительномъ количествѣ рукописныхъ источниковъ для его жизнеописанія и вообще появленіе въ печати разысканій о дѣятельности и сочиненіяхъ его. То правда, что ближайшее знакомство съ тѣмъ, что стало извѣстно о Ломоносовѣ

1) Отечественныя записки, изд. Свиньинымъ, 1825 г., часть XXII, № 61, стр. 328—330; часть XXIV, № 67, стр. 310—316.

2) Вѣстникъ Европы, изд. Каченовскимъ, 1828 г., май и іюнь, 69—71.

послѣ его юбилея, неминуемо ведетъ къ признанію невѣрными и преувеличенными взгляды того кружка, голоса изъ котораго громче всѣхъ раздавались на ломоносовскомъ юбилеѣ. Такимъ образомъ не подтверждается мнѣніе, что Ломоносовъ сдѣлалъ въ области естественныхъ наукъ великія открытія, будто бы остававшіяся неизвѣстными до нашего времени только по равнодушію русскихъ къ отечественнымъ геніямъ. Нашлось также не мало опроверженій тому, чтобы великій нашъ писатель былъ постоянно тѣснимъ и угнетаемъ, отчего будто бы онъ и не успѣлъ осуществить все задуманное имъ. При всей геніальности и необыкновенныхъ дарованіяхъ, у Ломоносова, какъ у всякаго человѣка, были свои слабости, недостатки, и они вредили ему въ жизни не менѣе его враговъ.

Само собою разумѣется, что несмотря на все это, имя Ломоносова останется навсегда дорогимъ для Россіи, точно также какъ никогда не забудутся его заслуги русскому слову, нашей литературѣ и учености, и я ничѣмъ не могу лучше закончить настоящее жизнеописаніе какъ искреннимъ желаніемъ. чтобы въ памяти всѣхъ русскихъ ученыхъ былъ всегда присущимъ геніальный образъ Ломоносова: съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ весь предался наукѣ и литературѣ; не покидалъ ихъ и продолжалъ работать и тогда, когда достигъ положенія, въ которомъ могъ спокойно пользоваться плодами своей извѣстности; онъ всегда стремился къ самостоятельности въ изысканіяхъ; не выдавалъ чужихъ мыслей за свои; наконецъ не останавливался ни передъ препятствіями, ни передъ трудностями для достиженія разъ предположенной цѣли и настойчиво, честно и смѣло шелъ впередъ для достиженія ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ горячо любилъ Россію; ему были дороги успѣхи русскихъ въ наукахъ и на поприщѣ просвѣщенія, такъ какъ въ этихъ успѣхахъ онъ справедливо видѣлъ залогъ будущаго величія и славы родины. Подражаніе во всемъ этомъ Ломоносову будетъ со стороны русскихъ ученыхъ лучшею, какую только можно придумать, данью признательности и благоговѣнія къ памяти этого великаго человѣка Русской земли.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ ЛОМОНОСОВА.

I.

Жалоба въ сенатъ Андрея Нартова на злоупотребленія академическаго совѣтника Шумахера [1]).

(Къ стр. 327.)

Высокоправительствующему сенату отъ Академіи наукъ совѣтника Андрея Нартова доношеніе.

Понеже всему свѣту извѣстно, какое неусыпное попеченіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій, по своей высочайшей къ подданнымъ своимъ благосклонности и милостивой любви, имѣлъ между прочими знатными и славными дѣлами о произведеніи въ Россійской имперіи наукъ; чего ради всемилостивѣйше повелѣлъ учредить Академію наукъ и художествъ не для однихъ чужестранныхъ, но паче для своихъ подданныхъ и при первомъ случаѣ не умедлилъ потребныхъ и искусныхъ профессоровъ и учителей выписать, регламентъ выдать и оное основаніе при себѣ завесть и въ дѣйство произвесть соизволилъ. По кончинѣ же его императорскаго величества, ревнуя тому его величества высочайшему намѣренію, и ея императорское величество блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыня императрица Екатерина Алексѣевна профессоровъ и учителей еще умножить и къ лучшему къ произведенію наукъ милостивое стараніе прилагать не оставила, и сіе толь нужное дѣло по намѣренію его императорскаго величества до единой протекціи токмо ихъ величествъ принадлежало, почему и состояніе онаго по начатіи порядочно происходило и дѣйствіе имѣло. Когда же, по волѣ всемогущаго Бога, ихъ императорскихъ величествъ жизнь прекратилась; то оная Академія, отъ времени до времени будучи въ правленіи однихъ опредѣленныхъ членовъ (между которыми бывшій и нынѣ находящійся совѣтникъ Шумахеръ во всемъ правленіи властнымъ учинился), въ такое несостояніе приведена, что никакого плода Россіи не приноситъ, кромѣ единаго поврежденія, противными прежнимъ государя императора Петра Великаго учрежденіямъ поступками, и государственной казнѣ убытка, что видя я, всеподданнѣйшій ея императорскаго величества рабъ, и предохраняя высочайшій ея императорскаго величества интересъ по должности своей, яко членъ того правительства и сынъ отечества, не могъ умолчать, чтобъ о томъ правительствующему сенату не представить.

1. О учрежденіи той Академіи государя императора Петра Великаго регламентъ, который надлежало не только служителямъ Академіи вѣдать и каждому должность свою знать, но и для другихъ въ печать предавать, онъ, Шумахеръ, скрылъ и никому не объявилъ и понынѣ; чего ради прежніе учители, не видя его императорскаго величества намѣренія и усмотря происходимые

---

[1]) Первыя шесть пунктовъ этой жалобы напечатаны въ Очеркахъ Россіи, изд. В. Пассекомъ (М., 1840), II, 9—13.

притомъ непорядки, принуждены были, безъ показанія Россіи плода, въ свои отечества возвратиться.

2. Онъ, Шумахеръ, вмѣсто тѣхъ, другихъ безъ указу собою выписывалъ и принималъ, и на жалованье и пенсіи опредѣлялъ немалыя суммы не по достоинству, и потомъ паки изъ службы отпускалъ безъ всякаго показанія плода, чего ему собою чинить не надлежало.

3. Штаты сочинялъ и подавалъ, положа и требуя великія суммы денегъ, и писалъ чего не подлежало къ немалому убытку, безъ чего весьма обойтиться, и прежде опредѣленною суммою, ежели бъ съ добрымъ осмотрѣніемъ расходъ содержанъ былъ, исправиться было можно.

4. Приходы и расходы денежные держитъ подъ единою своею дирекціею и дѣлаетъ что хочетъ, таяся прочихъ, а счетовъ правильныхъ и обстоятельныхъ и донынѣ въ ревизію не даетъ

5. Въ бывшее правительство для показанія себя въ свѣтѣ вымыслилъ за должное явить описаніе академическаго установленія, яко бы то все его трудами произошло, что и въ дѣйство произвелъ, и бывшей правительницѣ принцессѣ Аннѣ представилъ, а потомъ и въ печать предалъ подъ единымъ своимъ именемъ; неосновательнымъ и фальшивымъ показаніемъ закрывая дѣла и труды высокаго и въ свѣтѣ славнаго Монарха (1), написалъ будто государя императора Петра Великаго намѣреніе было Академію художествъ и рукодѣлій подчинить Академіи наукъ, чего не бывало, и тому въ обличеніе свидѣтельствуетъ своеручное росписаніе собственной его императорскаго величества руки, имѣющееся у меня, на что и сумма особливая была опредѣлена, а онъ, Шумахеръ, оную на другое употребленіе въ Академію наукъ безъ указу взялъ; (2) въ той же книгѣ включилъ почетныхъ членовъ 23 человѣка, а въ поданномъ штатѣ написалъ 14; (3) будто гражданская типографія, слволитная и прочая произведены стараніемъ его, а оныя еще при жизни государя императора Петра Великаго чрезъ многотрудныя его величества изобрѣтенія дѣйствительно имѣлись; (4) по высочайшей ихъ императорскаго величества милости въ той Академіи нахожуся членомъ, а онъ злости ради съ прочими и не включилъ.

6. Выписные имъ Шумахеромъ профессоры, какое въ собраніяхъ имѣютъ разсужденіе, то все выдаетъ въ печать на чужестранныхъ діалектахъ, а прежніе выдавали на россійскомъ діалектѣ, что и Россійскій народъ зналъ, и чрезъ то любопытные люди пользовались, а нынѣ оное закрыто, и обученіе россійскаго народу молодыхъ людей оставлено, а производятъ въ наукахъ чужестранныхъ, въ которыхъ Россійской имперіи никакой пользы быть не можетъ, кромѣ единаго казеннаго убытка, который притомъ исходитъ на жалованье и на прочее, съ чѣмъ оные по времени имѣютъ бѣжать въ свои отечества, а россійскаго народа люди въ чужихъ краяхъ обучаютъ всегда на своемъ или казенномъ же коштѣ. Хотя же для лучшаго произведенія наукъ Россійскихъ людей можно бъ изыскать ученыхъ нѣсколько человѣкъ изъ россіянъ, но того ему, Шумахеру, въ память не приходитъ, и слышать не хочетъ ни для чего инаго токмо, чтобъ въ его своевольныхъ и непорядочныхъ поступкахъ къ сысканію своего интереса никто не мѣшалъ. И чрезъ такіе непорядки и нерадѣніе никто изъ россійскихъ людей въ наукахъ никакихъ въ профессоры съ начала Академіи и понынѣ не произведенъ.

7. Сумма на Академію положена немалая, а къ тому и при Академіи сборъ есть немалой же, а за употребленіемъ тѣхъ денегъ не на предлежащіе расходы служители академическіе жалованье получаютъ чрезъ многое время со удержаніемъ, и всегда за прошлый годъ производятъ дачю изъ вступившей суммы на новый годъ, а не того году, на который пріемъ чинился, отъ чего

оные служители претерпѣваютъ великую нужду.

3. Для исправленія по экспедиціи моей и къ тому вновь положенныхъ на меня артиллерійскихъ самонужнѣйшихъ и высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу полезныхъ дѣлъ, по указу правительстнующаго Сената, опредѣленъ былъ особливый секретарь, да канцеристъ и копіистъ, и онъ, Шумахеръ, злобясь на меня, что то сдѣлано мимо его, означеннымъ служителямъ, канцеляристу и копіисту, жалованья надлежащаго не даетъ, отговариваясь, будто суммы не достаетъ, а что другимъ собою немалыя суммы и не по достоинству опредѣляетъ, то умалчиваетъ, и никакого недостатка не почитаетъ, а о секретарѣ, когда оный, по опредѣленіи недолго живши, умре, препятствуя въ дѣлѣ моемъ, подалъ онъ, Шумахеръ, въ правительствующій сенатъ доношеніе, чтобъ на его мѣсто, пока академическій штатъ оконфирмованъ будетъ, не опредѣлять, съ такимъ умышленнымъ намѣреніемъ, что когда оный штатъ конфирмуется, а въ ономъ при экспедиціи моей секретаря не положено, ибо тогда и отъ артиллеріи дѣла мнѣ еще было не поручено, вовсе бы онаго оставить и къ дальнему произведенію дѣла моего не допустить.

9. Библіотека и кунсткамера, для имперіи Россійской великими и неусыпными трудами государей императоровъ собранная, состоитъ въ несчетныхъ сокровищахъ, въ рукахъ его Шумахеровыхъ, а храненіе онаго весьма плохое и не опасное; ибо несмотрѣніемъ его въ ближнихъ и ненадлежащихъ мѣстахъ печи были сдѣланы и содержались огни, отъ чего въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ и пожаръ учинился, отъ котораго все то едва чрезъ помощь Божію спастись могло. А въ прочихъ Европейскихъ государствахъ такое сокровище хранятъ не только отъ внутренняго огня, но и отъ наружнаго строенія въ отдаленіи, а кругъ здѣшней Академіи всякаго дерева много. Отъ тѣхъ же вещей, что у него на рукахъ есть, имѣется-ли гдѣ инвентаріумъ неизвѣстно, а чтобъ оный въ правительствующемъ сенатѣ былъ не уповаю, изъ чего не безъ сумнѣнія, ежели какое несчастіе, отъ чего Боже сохрани, учинится, знать и сыскать будетъ не почему.

И дабы повелѣно было сіе мое доношеніе въ правительствующій сенатъ принять и записать, чтобъ къ тѣмъ его непорядкамъ и я участникомъ сообщенъ не былъ; ибо я опасенъ и другихъ его при той Академіи приключаемыхъ непорядковъ, которыхъ мнѣ неизвѣстно, понеже онъ, Шумахеръ, много дѣлаетъ самъ собою одинъ, скрываясь прочихъ; о чемъ ежели повелѣно будетъ особою коммиссіею изслѣдовать, все открыться можетъ. Таковая подана въ правительствующій сенатъ прошедшаго января 22 дня 1742 года.

Февраля 1 дня 1742 года.

II.

Мнѣніе о грамматическихъ правилахъ и о Лексиконѣ г. Дандоло [1]).

(Къ прим. на стр. 413.)

Грамматическія правила во первыхъ не имѣютъ никакого надлежащаго добраго порядку, имена смѣшаны съ мѣстоименіями, и не раздѣлены наклоненія, а глаголъ положенъ назади и не раздѣленъ на спряженія послѣ всѣхъ частей слова, что обыкновенію и нату-

[1]) Изъ архива акад. канцеляріи, книга № 818.

ральному порядку совсѣмъ противно. Въ глаголахъ положено многажды давно прошедшее время, вмѣсто недавно прошедшаго или неопредѣленнаго времени, вмѣсто *ы* писано во многихъ мѣстахъ *и*, и противнымъ образомъ, какъ: *матеры*, *дочеры*, вм. *матери*, *дочери*; *добрія*, *добрыхъ*, вм. *добрыя*, *добрыхъ*. Также и другихъ великихъ погрѣшностей противъ языка россійскаго много, какъ: *пусть да онъ идетъ* вм. *пусть онъ идетъ;* сказательный падежъ называетъ сочинитель относительнымъ, котораго въ россійскомъ языкѣ особливаго нѣтъ, ибо съ предлогомъ *отъ* полагается падежъ родительный. Сіи погрѣшности въ правилахъ грамматическихъ весьма несносны, и потому будутъ сіи для иностранныхъ больше вредны, нежели полезны. О недостаткахъ я не упоминаю, которые и одни довольны показать авторово недовольное искусство въ россійскомъ языкѣ къ сочиненію грамматическихъ правилъ.

Лексиконъ имѣетъ также великіе и многіе недостатки и погрѣшности. Изъ недостатковъ: 1) во всѣхъ языкахъ, такъ и въ россійскомъ, многочисленныя слова имѣютъ разныя знаменованія, которыя въ лексиконахъ назначены быть должны; но въ семъ лексиконѣ почти у всѣхъ многознаменательныхъ словъ положено по одному знаменованію и часто отдаленному, какъ *казнь castigatio*, какъ *veluti; касаюся* pertineo, каюся paenitet и пр. 2) У многихъ словъ латинской переводъ пропущенъ, которыя всякъ, по латинѣ знающій, перевесть легко можетъ. 3) При самыхъ словахъ не означены у именъ трудно познаваемые роды и родительные падежи, а у глаголовъ спряженія и неправильныя времена. А вмѣсто ихъ нерѣдко поставлены въ рядъ съ темами глаголы въ такихъ наклоненіяхъ и лицахъ, которыя легко узнать можно, н. п. *разберешь*. 4) Весьма много пропущено первообразныхъ или коренныхъ словъ, и въ одномъ письмени К начёлъ я изусть (sic) оныхъ больше сорока, которыя и въ маломъ лексиконѣ быть должны: *каблукъ*, *камка*, *кандалы*, *карей*, *карась*, *караулъ*, *катарга*, *каша*, *келья*, *китайка*, *кнутъ*, *клюю*, *кленъ*, *клеплю*, *клеть*, *клещи*, *клоню*, *клопъ*, *клубъ*, *клыкъ*, *клубника*, *клюква*, *кляча*, *колью*, *копна*, *копоть*, *копалъ*, *копыто*, *кость*, *космъ*, *костеръ*, *кострика*, *кочанъ*, *кочатъ*, *коробъ*, *коромысло*, *кремень*, *кротъ*, *крыса*, *кукла*, *кукишъ*, *кукуль*, *куколь*, *кутъ*. 5) Фразесовъ и idiотизмовъ нѣтъ, которые въ лексиконахъ быть должгы. Изъ сего уразумѣть можно, сколько недостаетъ производныхъ и сложенныхъ именъ, которыя весьма часто употребляются.

Изъ погрѣшностей сего лексикона: 1) Неточное наблюденіе алфавита, что почти на всякой страницѣ видѣть можно. 2) Несправедливо написанныя россійскія слова, какъ: *кабанъ*, *кадю*, *калбашы*, *калдыю*, *камара*, *карло*, *калика*, *коропъ*, *россылкъ*, *разгорѣюся*, *пятненный*, *пуль*, *прясла*, *пливу*, *пѣшиный*. 3) Нововымышленныя слова, въ россійскомъ языкѣ неупотребительныя: *каменую*, *квасноватый*, *кудрій*, *рѣшительно*, *расторгненіе*, *раболѣпность*, *путешественный*, *провинуюся*, *опредѣлительно*. 4) Будущія времена вм. настоящихъ, вмѣсто темы положенныя: *растерзаю*, *послушаю*. 5) Ложные на латинской и другіе языки словъ россійскихъ переводы, какъ: кабакъ — taberna, казистый — venustus, каковый — quisquis, какой — qui, какое нибудь — aliquod, какъ скоро — statim, хороводъ — clamor inconditus, катаю — in orben volvere, квасцы — alumen scissile, квашня — concha, киваю головою — inclinor, кисть — floccus, рядовый — miles, semplice soldato, рыхлый — mollis, tendre, morboso, рыжій — rubicundus, robicondo, rouge, pou, alveare, раченіе — cupido, desiderium, размѣчаю — computo, разговариваю — alloquor, раболѣпность — servitus, равенъ — aequus, пряный — acerbus, пружина — chorda, промѣна — commercium, пакость — fatigatio, опако — praepostere,

овча — ovis. Также и во французскомъ переводѣ не мало погрѣшностей нашлось. Таковыхъ погрѣшностей сколько во всей книгѣ, изъ того заключить можно, что съ начала письмени К на трехъ листахъ нашлось больше тридцати, не считая непорядка въ алфавитѣ.

По сему въ рассужденіи недостатковъ сія книга не можетъ назваться Лексикономъ, но простымъ вокабуляромъ, ибо ежели косвенные падежи и времена, также и нововымышленныя слова вонъ выкинуть, то не будетъ въ немъ больше 8.000 рѣченій, безъ ихъ разныхъ знаменованій, безъ фразисовъ и идіотизмовъ, которое число словъ полные вокабуляры въ себѣ имѣютъ. Что же до погрѣшностей надлежитъ, то оныя такъ несносны, что сія книга не токмо безъ стыда сочинителева и безъ порицанія Академіи при ней напечатана быть не можетъ, но и легче сочинить новую тому, кто силу знаетъ, нежели сію переправить; для котораго бывшимъ при Академіи наукъ Россійскимъ собраніемъ, споможеніемъ Андрея Богданова, собрано и по альфавиту расположено больше 60.000 россійскихъ чистыхъ реченій, которыхъ много уже протолковано и переведено на другіе языки [1]).

Сіе мнѣніе, о грамматіческіхъ правілахъ і о Лексіконѣ сочіненномъ чрезъ Господіна Дандолу, есть Господіна Профессора Ломоносова. Оно прінято отъ всѣхъ Господъ членовъ Історіческаго собранія, і почтено общчімъ, какъ то явствуетъ въ Протоколѣ сего собранія отъ 18 дня Генваря настоящчаго 1749 году, подпісаннаго всѣхъ іхъ рукамі. Въ увѣреніе сего, я, отправляющчій въ томъ собраніі Секретарскую должность, подпісуюсь своеручно: Профессоръ Васілей Тредіаковскій. 17 апрѣля 1749.

III.

Мнѣніе Ломоносова о рѣчи Мюллера: Происхожденіе народа и имени россійскаго [2]).

(Къ стр. 432, 433.)

Указомъ ея величества, даннымъ изъ канцеляріи Академіи наукъ, повелѣно мнѣ въ собраніи съ прочими господами профессорами вторично изслѣдовать сочиненную г. профессоромъ Мюллеромъ диссертацію о началѣ народа и имени россійскаго; въ которомъ указѣ особливо требуется, что нѣтъ-ли въ ней чего предосудительнаго Россіи, и можно-ли оную, исправивъ, къ будущему публичному собранію напечатать? Что исполняя, слѣдующія разсужденія предлагаю обстоятельнѣе для того, чтобы видны были причины, для которыхъ помянутая диссертація и прежде сего мною не одобрена и чтобы ясно показать, что я не по пристрастію и не взирая на лицо, но какъ вѣрному сыну отечества надлежитъ, по присяжной должности поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкія погрѣшности, только главныя предлагаю.

1. Стран. 9, отвергаетъ г. Мюллеръ мнѣніе ученыхъ людей, которые россіянъ и имя ихъ производятъ отъ роксоланъ, древняго народа, жившаго между Днѣпромъ и Дономъ, а причины сего отверженія полагаетъ, что-де не-

[1]) Статья эта писана рукою писца, а помѣщенная въ концѣ ея приписка сдѣлана рукою Тредіаковскаго.

[2]) Въ Архивѣ академической канцеляріи, книга № 817. Подлинникъ переписанъ рукою канцеляриста и подписанъ Ломоносовымъ; въ текстѣ есть незначительныя прибавки рукою Ломоносова же.

большое сходство имени россіянъ съ именемъ роксоланъ и сходство мѣста не довольны къ тому, чтобы утвердить происхожденіе имени и народа россійскаго отъ роксоланъ; но должно-де показать: 1) какъ имя *роксолане* перемѣнилось на имя *россіяне;* 2) какъ роксолавы перешли къ сѣверу; 3) какимъ языкомъ роксолане говорили. На сіе отвѣтствую, что хотя сходство имени и мѣста роксоланъ съ россіянами довольно быть казалось уже многимъ славнымъ европейскимъ авторамъ и цѣлымъ ученымъ собраніямъ [1]), чтобы имя и родъ россіянъ произвести отъ роксоланъ; однако, дабы г. Мюллера и въ строгихъ сихъ его требованіяхъ удовольствовать, слѣдующее предлагаю: 1) Перемѣна имени *роксолане* на *россіане* весьма не велика, и много меньше разницы имѣетъ нежели *Кіевъ* и *Кенугардія*, которые г. Мюллеръ за одно почитаетъ (стран. 31). Литеру Г перемѣняють иногда аттики на ξ, то не дивно что рѣченіе россолане сдѣлалось у грековъ *роксолане*, а слово *россолане* не больше разнится отъ *россіане*, какъ только окончаніемъ по разности языковъ. Съ роксоланами соединяютъ у Плинія [2]) аланы въ одинъ народъ сарматской. И Христофоръ Целларій примѣчаетъ [3]), что сіе слово можетъ быть составлено изъ двухъ *россы* и *аланы*, о чемъ и кіевскаго Синопсиса авторъ упоминаетъ. Изъ чего видно, что былъ въ древнія времена между рѣками Днѣпромъ и Дономъ народъ, называемый россы. А какъ слово россъ перемѣнилось на руссъ или русь, то всякъ ясно видитъ, кто знаетъ, что поляки *о* въ выговорѣ произносятъ нерѣдко какъ ȣ напр. Богъ, Бȣгъ; мой, мȣй; король крȣль; ровъ, рȣвъ; конь кȣнь; толстый, тлȣстый и проч. Сіе имя иностранные писатели девятаго вѣка и позже, услышавъ отъ поляковъ, стали россовъ называть руссами. И сами россы называли себя тѣмъ именемъ долгое время отъ того, что столица была сперва въ Полянѣхъ славенскомъ народѣ, то есть въ Кіевѣ; и великіе князи нерѣдко польскихъ принцессъ въ супружествѣ имѣли. 2) Что надлежитъ до прехожденія роксоланъ къ сѣверу, то хотя и вѣроятно, что ихъ нѣкоторая часть, соединившись съ гетами или готами, не токмо во Франціи, Италіи, Гишпаніи и проч. разсѣялась, но и перешла къ сѣверу около Балтійскаго моря, въ чемъ и профессоръ Бейеръ не споритъ [1]), однако сіе требованіе г. Мюллера излишно, и къ показанію роксоланъ въ сѣверѣ близъ славянъ новгородскихъ не надобно приводить ихъ отъ полудни: ибо ясно доказать можно, что роксоланская земля въ древнія времена простиралась отъ Чернаго моря до Варяжскаго и до Ильмена озера, что изъ слѣдующихъ доводовъ и свидѣтельствъ весьма довольно явствуетъ. Страбонъ [2]) говоритъ: *за Днѣпромъ живутъ дальнѣйшіе изъ извѣстныхъ скиѳовъ роксолане, далѣе стужа жить не попускаетъ.* И въ другомъ мѣстѣ [3]): *роксолане живутъ далѣе всѣхъ къ сѣверу на поляхъ между Днѣпромъ и Дономъ, далѣе живетъ-ли кто не знаемъ.* Целларій [4]) хотя и полагаетъ далѣе въ сѣверѣ амаксовіевъ, иппофаговъ и проч., однако изъ самыхъ сихъ греческихъ именъ явствуетъ, что или называли греки роксоланскихъ же народовъ по ихъ разнымъ обычаямъ, какъ-то: αμαξοβιοι значатъ тележныхъ жителей; иппофаги — тѣ, которые ѣдятъ конское мясо. Такое положеніе мѣста роксоланъ весьма согласуется съ новгород-

[1]) Общее описаніе всего свѣта, которое нынѣ въ Англіи отъ цѣлаго собранія сочиняется, въ томѣ 8, § 394.
[2]) Книга 4, глава 12.
[3]) Въ Древней географіи, томъ I, кн. 2, гл. 6.

[1]) Въ Комментаріяхъ томъ 8, стр. 407.
[2]) Книга 2, стр. 78.
[3]) Книга 7, стр. 212.
[4]) Въ Древней географіи, томъ I, кн. 2, гл. 6.

скимъ лѣтописцемъ, въ которомъ въ древнія времена славеноросійскаго народа жительство полагается у Чернаго моря, и что того же народа великая часть, отдѣлившись, распространилась до Ильмена озера и далѣе къ сѣверу. И хотя г. Мюллеръ сію лѣтопись за бабьи басни почитаетъ [1]), однако старинный городъ, Старая Руса издревле называемой, довольно показываетъ оныя въ семъ справедливость и что прежде Рурика жилъ тутъ народъ руссы или россы, или по гречески роксоланы называемой. Страбонъ [2]) пишетъ, что роксолане воевали противъ генераловъ Митридата царя понтійскаго. Тацитъ [3]) свидѣтельствуетъ, что роксолане при Оттонѣ, кесарѣ римскомъ, девять тысячъ конныхъ латниковъ ворвались въ Мисію и два баталіона римлянъ побили. Спартіанъ объявляетъ [4]), что когда Адріанъ, кесарь римскій, услышалъ, что король роксоланской негодуетъ о убавленіи найму его войска, въ томъ его удовольствовалъ. Послѣ четвертаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ о роксоланахъ ничего больше у древнихъ писателей не слышно. А послѣ осьмаго вѣку въ девятомъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде полагали роксоланъ, учинился весьма славенъ народъ русской, который и россъ назывался [5]). Фотій, патріархъ цареградскій, въ окружномъ своемъ посланіи пишетъ о походѣ кіевлянъ къ Царюграду: *Руссы безчисленныхъ народовъ себѣ покорили и, ради того возносясь, противъ Римской имперіи возстали.* Толикихъ дѣлъ и съ столь великою славою въ краткое время учинить было невозможно. Слѣдовательно россійской народъ былъ за многое время до Рюрика.

Но хотя ни о роксоланахъ, ни о россахъ, ни о русахъ послѣ четвертаго до девятаго вѣка не упоминается у внѣшнихъ писателей; однако изъ того не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ именемъ оный народъ самъ не назывался, ибо молчанію внѣшнихъ авторовъ были довольныя причины: 1) Что въ то время были вѣки варварскіе и писательми было весьма скудно. 2) Козаре, нашедъ на южную часть Россіи, у роксоланъ или россовъ сообщеніе съ греками отняли. Ибо когда Оскольдъ и Диръ пришли къ Кіеву [1]), тогда поляне, гдѣ Кіевъ стоитъ, платили дань козарамъ. 3) Что же касается до третьяго требованія г. Мюллера, то есть: какимъ языкомъ роксолане говорили? на сіе отвѣтствую, что они говорили языкомъ славенскимъ, и сіе слѣдующими доказываю: языкъ славенскій во времена Рюриковы, а по свидѣтельству россійскихъ лѣтописей и много прежде онаго, простирался въ длину съ востока отъ рѣки Дона и Оки на западъ до Иллирика и до рѣки Албы, а шириною съ полудни отъ Чернаго моря и отъ рѣки Дуная, до южныхъ береговъ Варяжскаго моря, до рѣки Двины и до Бѣла-озера; ибо имъ говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славене по Дунаю, сербы и славенскіе болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новогородскіе славяне, бѣлоозерцы, суждальцы и проч. А чтобы славенской языкъ толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многіе вѣки, а особливо что славенскій языкъ ни отъ греческаго, ни отъ латинскаго, ни отъ другаго какова извѣстнаго не происходитъ; слѣдовательно самъ собою состоитъ уже отъ самыхъ древнихъ временъ, и многочисленные оные славенскіе народы говорили славенскимъ языкомъ еще прежде Рождества Христова. Во времена Августовы и послѣ назывались сіи народы у грековъ и латинъ вооб-

[1]) Въ своихъ отвѣтахъ.
[2]) Книга 7.
[3]) Книга I, гл. 79.
[4]) Въ житіи Адріана кесаря, гл. 6.
[5]) Смотри Комментаріи, томъ 8, стр. 401 и 408 и 409.

[1]) Несторъ, лист. 10.

ще сарматами и раздѣлялись на другія меньшія земли, между которыми и роксолане полагались и назывались именно сарматскимъ народомъ[1]). А понеже изъ вышеписаннаго явствуетъ, что славяне и сарматы былъ одинъ народъ (первымъ именемъ сами себя издревле отъ славныхъ дѣлъ называли, а другимъ именемъ отъ грековъ и латинъ именовались), то слѣдуетъ, что и роксолане были славяне жъ и говорили языкомъ славенскимъ. И такъ понеже народъ россійскій съ народомъ роксоланскимъ есть одного имени, одного мѣста и одного языка, то неспорно есть, что россійской народъ имѣетъ свое происхожденіе и имя отъ роксоланъ древнихъ. Ибо никоею мѣрою статься не можетъ, чтобы великой и сильной народъ роксоланской вдругъ вовсе разрушился, а послѣ бы на томъ же мѣстѣ, того же имени и того же языка сильной же народъ вдругъ проявился, а не былъ бы съ первымъ одного происхожденія. Здѣсь примѣчанія достойно, что г. Мюллеръ вышеписанныя о роксоланахъ свидѣтельства древнихъ авторовъ, то есть: Страбоновы, Тацитовы и Спартіановы, пропустилъ вовсе, чего ему учинить отнюдь было не должно. Ибо хотя онъ происхожденіе россіянъ отъ роксоланъ и отвергаетъ, однако ежели онъ прямымъ путемъ идетъ, то должно ему всѣ противной стороны доводы на среду поставить и потомъ опровергнуть. Однако по всему видно, что г. Мюллеръ, чувствуя, что неосновательное его мнѣніе, при толь многихъ свидѣтеляхъ слабо весьма будетъ, за благоразсудилъ оныхъ прокинуть.

2. Стран. 20, 21, 22, 23, полагаетъ г. Мюллеръ, что варяги, изъ которыхъ былъ Рюрикъ съ братьями, не были колѣна и языка славенскаго, какъ о томъ авторъ Синопсиса кіевскаго объявляетъ, но хочетъ доказать, что они были скандинавы, то есть шведы. Въ семъ посылается сперьва на Бейерову диссертацію о варягахъ, а потомъ нѣкоторые его доводы вкратцѣ предлагаетъ. Что до покойнаго Бейера въ семъ случаѣ надлежитъ, то онъ въ помянутой диссертаціи: 1) впалъ въ превеликія и смѣшныя погрѣшности, напримѣръ пишетъ онъ противно мнѣніямъ другихъ авторовъ и утверждаетъ, что пруссы не были колѣна славенскаго[1]), а были-де одного происхожденія съ курляндцами; не зная того, что курляндской языкъ есть происхожденія славенскаго, такъ-что не токмо большая часть рѣчей, но и склоненія и спряженія отъ славенскихъ весьма мало разнятся. Въ семъ случаѣ не умнѣе сказалъ онъ, какъ бы сіе: славяне суть не славяне. 2) Послѣдуя своей фантазіи, Бейеръ имена великихъ князей россійскихъ перевертывалъ весьма смѣшнымъ и непозволеннымъ образомъ для того, чтобы изъ нихъ сдѣлать имена скандинавскія; такъ что изъ Владиміра вышелъ у него Валдамаръ, Валтмаръ и Валмаръ; изъ Ольги Аллогія; изъ Всеволода Визавалдуръ и проч. Сего не токмо принять за правду, но и читать безъ досады невозможно, видя сихъ именъ явное отъ славенскаго языка происхожденіе и согласіе съ особами государскими, а особливо, что на скандинавскомъ языкѣ не имѣютъ сіи имена никакого знаменованія. Ежели сіи Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сіе подобнымъ образомъ заключить можно, что имя *Бейеръ* происходитъ отъ россійскаго *бурлакъ*. Я не спорю, что нѣкоторыя имена первыхъ владѣтелей россійскихъ и ихъ знатныхъ людей были скандинавскія; однако изъ того отнюдь не слѣдуетъ, чтобы они были скандинавцы. Почти всѣ россіяне имѣютъ нынѣ имена греческія и еврейскія, однако слѣдуетъ-ли

[1]) О семъ согласно пишутъ старые и новые географы. Смотри Целларія томъ I, кн. 2, гл. 6.

[1]) Комментаріи, томъ 6, стр. 276.

изъ того, что бы они были греки или евреи и говорили бы по гречески или по еврейски? Варяги, называемые русь славенскаго колѣна (какъ ниже показано будетъ), жившіе на восточно-южныхъ берегахъ Варяжскаго моря, имѣли сообщеніе съ варягами скандинавскими черезъ море, и для того князья ихъ и знатные люди не рѣдко женились у скандинавовъ и, въ угожденіе своимъ супругамъ, давали дѣтямъ нерѣдко имена скандинавскія. И такъ весьма не дивно, что Рюрикъ хотя былъ изъ варягъ руси [1]), однако имя имѣлъ скандинавское. 3) Старается Бейеръ не столько о изслѣдованіи правды, сколько о томъ, дабы показать, что онъ знаетъ много языковъ и читалъ много книгъ. Мнѣ кажется, что онъ не мало походитъ на нѣкотораго идольскаго жреца, который, окуривъ себя бѣленою и дурманомъ и скорымъ на одной ногѣ вертеніемъ закрутивъ свою голову, даетъ сомнительные, темные, непонятные и совсѣмъ дикіе отвѣты. И потому не дивно, что онъ нерѣдко самъ съ собою несогласенъ. Всего несноснѣе, что онъ въ таковомъ своемъ изступленіи или полоумствѣ опровергаетъ основаніе, на которомъ утверждено важное Петра Великаго учрежденіе, то есть орденъ святаго апостола Андрея Первозваннаго; ибо Бейеръ то явно отрицаетъ, что святый апостолъ Андрей Первозванный былъ въ землѣ Россійской для проповѣди евангелія [2]). Жаль, что въ то время не было такого человѣка, который бы поднесъ ему къ носу такой химической проницательной составъ, отъ чего бы онъ могъ очнуться. Г. Мюллеръ поступаетъ въ томъ осторожнѣе, ибо онъ не говоритъ прямо, что Андрей Святый не проповѣдывалъ евангелія Христова въ славянахъ и въ Россіи, но только предлагаетъ, что славяне около Днѣпра и Волхова поселились больше четырехъсотъ лѣтъ послѣ Рождества Христова [1]) и что во времена апостольскія и слуху не было о россійскомъ имени. Что ежели почесть за правду, то слѣдуетъ, что или Андрей апостолъ ни у Днѣпра, ни у Волхова не былъ, или ежели былъ у Днѣпра и Волхова, то былъ, да не у славянъ, ни у россіянъ.

Прочія догадки, которыя г. Мюллеръ взялъ отъ Бейера, отнюдь не доказываютъ, чтобы варяги, изъ которыхъ пришелъ Рюрикъ, были скандинавцы: ибо что Константинъ Порфирогенета, царь греческій, имена днѣпрскихъ пороговъ славенскія отличаетъ отъ русскихъ, то не состоитъ въ разности языка, но въ разности времени; для того что они названы такъ послѣ изгнанія козаровъ отъ пришедшихъ вновь варяговъ руси. Сія правда явствуетъ изъ того, что имена русскія пороговъ суть славенскаго же происхожденія; а нынѣ нѣкоторые уже паки отмѣнились, что показываетъ ясно по временамъ отмѣну именъ оныхъ пороговъ. Для яснаго понятія предлагается здѣсь слѣдующая таблица:

	Имена славенскія старыя.		Имена русскія старыя.		Новыя имена.
1	εσσουπη	Не спи	εσσουπη	Не спи	Кодацкій
2	οζροβουνιπραχ	Островный прагъ	ουλβορσι	Олеборзый	Вольный
3	Γελανδρι	Шумный	Αενφαρ	Ливаръ	Ненасытецъ
4	Νεασητ	Неясыть	—	—	
5	Βουλνιπραχ	Вольный прагъ	βαρουφορος	*греческое слово*	
6	Βερουτζη	Виручій	λεαντι	Ленятый	
7	Ναπρεζη	На прези	Στρουβουν	Срывунъ	

[1]) Несторъ стр. 9.
[2]) Несторъ стр. 9.

[1]) Стр. 14 и далѣе.

По сему явствуетъ что русскія имена пороговъ *не спи*, *борзый*, *ливаръ*, *лѣнтяй*, *срывунъ*, суть славенскаго происхожденія, а слѣдовательно и русской языкъ тогда былъ не скандинавской, но славенской, и что Бейеръ и Мюллеръ въ томъ ошиблись, когда думали, что сіе будетъ служить имъ въ доказательство ихъ мнѣнія. Прочіе доводы г. Мюллера, у Бейера занятые, которые состоятъ въ томъ, какъ насъ венгерцы и литва называютъ [1]), весьма не важны. А притомъ я довольно удостовѣрился, что венгерцы называютъ насъ руссами, а славянъ разами, что больше мнѣ въ защищеніе служитъ. Противъ всѣхъ сихъ неосновательныхъ бейеро-мюллеровыхъ догадокъ имѣю я облакъ свидѣтелей, которые показываютъ, что варяги и Рюрикъ, съ родомъ своимъ пришедшіе въ Новгородъ, были колѣна славенскаго, говорили языкомъ славенскимъ, происходили отъ древнихъ роксоланъ или россовъ, и были отнюдь не изъ Скандинавіи, но жили на восточно-южныхъ берегахъ Варяжскаго моря между рѣками Вислою и Двиною. Блаженный Несторъ, лѣтописецъ печерскій, варяговъ различаетъ [2]) на свіевъ, на готовъ, на урмянъ (нормановъ), инглянъ (ингрянъ), и на русь. Слѣдовательно, сіи варяги жили по разнымъ мѣстамъ. Имени русь въ Скандинавіи и на сѣверныхъ берегахъ Варяжскаго моря нигдѣ не слыхано; то явствуетъ что русь варяги жили на полуденныхъ берегахъ помянутаго же моря къ востоку или западу. Въ нашихъ лѣтописцахъ упоминается, что Рюрикъ съ родомъ своимъ пришелъ изъ нѣмецъ, а индѣ пишется, что изъ Пруссіи. А Несторъ ясно объявляетъ, что онъ призванъ былъ изъ варяговъ русь [3]). Между рѣками Вислою и Двиною впадаетъ въ Варяжское море отъ восточно-южной стороны рѣка, которая въ верху около города Гродна называется *Нѣменъ*, а къ устью своему слыветъ *Руса*. Здѣсь явствуетъ, что варяги русь жили на восточно-южномъ берегу Варяжскаго моря при рѣкѣ Русѣ, которая отъ сихъ варяговъ русскихъ свое имя имѣетъ, и что они иногда отъ той же рѣки Нѣмени назывались *нѣменьцы* или *нѣмцы*. А понеже Пруссія была съ варягами русью въ сосѣдствѣ къ западу и одного славенскаго языка (какъ уже выше упомянуто и ниже сего явствовать будетъ), то не дивно, что отъ новгородцевъ руссы и пруссы за одно почитались. И самое званіе пруссы (Borussi) или порусы показываетъ, что пруссы жили по руссахъ или подлѣ руссовъ. Древніе пруссы имѣли у себя идола, называемаго *перкуна* [1]), которому они неугасимый огонь въ жертву приносили. Сей Перкунъ именемъ и жертвою тотъ же есть, что Перунъ у нашихъ руссовъ, котораго почитали, въ поганствѣ будучи, россійскіе князья варяжскаго рода. Сіе согласіе подтверждаетъ сходство обычаевъ у варяговъ, руссовъ и у пруссовъ, а слѣдовательно и ближнее ихъ сосѣдство и почти единство показуетъ. Имя *перунъ* есть славенское и происходитъ отъ глагола перу́ (ferio, purgo; ударяю, очищаю), яко бы оный мнимый Богъ огнемъ своимъ ударялъ и очищалъ. Изъ сего весьма вѣроятно кажется, что варяги русь и пруссы говорили языкомъ славенскимъ. О варягахъ сіе доказываютъ слѣдующіе доводы: 1) прежде Рюрика и въ его время, когда по вышепоказанному народъ и языкъ славенскій весьма уже широко распространялся, тогда отъ Голстиніи до устья рѣки Двины по южному берегу варяжскому жувущіе народы говорили языкомъ славенскимъ, чего еще и нынѣ имѣются довольные и явственные знаки, то есть имена не

[1]) Стр. 48.
[2]) Листъ 9.
[3]) Листъ 9.

[1]) Гарткнохъ въ Новой и старой Пруссіи, страницы 30, 131, 160.

токмо деревень, городовъ, рѣкъ, но и цѣлыхъ земель. А варяги русь жили на тѣхъ же берегахъ, слѣдовательно говорили языкомъ славенскимъ. 2) Сіе подтверждается тѣмъ, что около того мѣста, гдѣ жили варяги русь, и теперь еще говорятъ курляндцы языкомъ, отъ славенскаго происходящимъ, и тѣмъ показываютъ, что они суть остатки отъ варяговъ руси. 3) Несторъ Печерскій говоритъ ясно, что славенскій и русскій языкъ едино есть [1]). Естьли бы варяги русь были языкомъ своимъ отъ славянъ такъ отмѣнны, какую отмѣну долженъ имѣть скандинавскій, то бы отъ самихъ варяжскихъ владѣтелей, отъ великаго множества пришедшаго съ ними народа и отъ армей варяжскихъ, которыя до 20 и до 30 тысячъ простирались, отъ великой гвардіи, каковую послѣ Рюрика и до Ярославля великіе князи имѣли изъ варяговъ, долженъ бы россійскій языкъ имѣть въ себѣ великое множество словъ скандинавскихъ. Татара хотя никогда въ россійскихъ городахъ столицы не имѣли, а слѣдовательно ни гварнизоновъ, ни гвардіи при себѣ не держали, но токмо посылали баскакъ или зборщиковъ; однако и по нынѣ имѣемъ мы въ своемъ языкѣ великое множество словъ татарскихъ. По сему быть не можетъ, чтобъ варяги русь не имѣли языка славенскаго, и говорили бы по скандинавски; однако бы, пресслившись къ намъ, не учинили знатной въ славенскомъ языкѣ перемѣны. Думаю, что г. Мюллеръ поставитъ въ причину Божію службу, которая, будучи отправляема на славенскомъ языкѣ, варяжскому языку такъ вселиться не позволяла. Но сіе не имѣетъ противъ меня никакой силы, для того что варяжскіе государи владѣли почти полтора вѣка въ поганствѣ, въ которое время былъ самый лучшій случай къ отмѣнѣ языка, для того что въ то время самое великое множество варягъ между славянами находилось. А чтенія церковныхъ книгъ на славенскомъ языкѣ почти нигдѣ не было. 5) Я думаю, что ежели у варяговъ руси языкъ былъ скандинавской, то бы и до нынѣ были въ Россіи не токмо деревни, но и цѣлые городы, въ которыхъ бы онымъ языкомъ говорили, не взирая на то, что они были одной вѣры. Перьмяки слышатъ всегда Божію службу на славенскомъ языкѣ уже весьма изъ давнихъ лѣтъ и вездѣ имѣютъ внутрь и вокругъ своей земли россійскіе городы, однако свой языкъ и до нынѣ сохранили. Сіе видимъ въ такихъ людяхъ, которые славенскому языку подвластны; то не больше-ли бы сіе и не способнѣе-ли бы могло учиниться у тѣхъ, которые славянамъ повелѣвали? 6) Въ древнихъ лѣтописцахъ, а особливо у Нестора народы, которые не славенскимъ языкомъ говорили, всегда ясно отличаются, что они имѣютъ свой языкъ; или что тотъ или другой разумѣлъ языкъ печенѣжскій; а о варяжскомъ языкѣ нигдѣ не упоминается, что бы онъ былъ совсѣмъ отъ славенскаго отмѣненъ; но вездѣ варяги и славяне какъ одного племени почитаются.

Но чтобы кто не подумалъ, что я ужè отъ древнихъ роксолановъ съ варягами русью далече отсторонился, то единство ихъ слѣдующимъ образомъ показываю. Варягами назывались народы, живущіе по берегамъ Варяжскаго моря, и такъ россы или русь только при устьяхъ рѣки Нѣмени или Руссы имѣли имя варяговъ, а простираясь далѣе къ востоку и югу, назывались просто руссы или россы; а что они къ востоку и къ полудни далѣе простирались, то показываетъ: 1) ихъ сильное множество, которому на берегахъ между Двиною и Вислою умѣститься нельзя было. 2) Бѣлая и чермная Русь, которыя лежатъ въ Польшѣ, а отчасти въ Россіи, имѣютъ имя свое конечно не отъ чухонцевъ, какъ то г. Мюллеръ о великороссіянахъ раз-

[1]) Листъ 16 на оборотѣ.

суждаетъ, но ясно доказываютъ, что варяги русь были тѣ же съ живущими далѣе къ югу и имъ смежными бѣлороссійцами, гдѣ нынѣ Новгородекъ, воеводства минское, мстиславское, Витепскъ и Полоцкъ, а отъ Полоцка простирались и до старой Русы. Черменая Русь, которая отъ Днѣпра протянулась почти до самой Вислы, есть того же происхожденія съ Бѣлою, а слѣдовательно и съ варягами русью. Здѣсь явствуетъ, что россы, или Русь черменая, бѣлая и варяжская, передъ приходомъ Рюриковымъ простиралась отъ Варяжскаго моря и отъ озера Ильменя почти до Чернаго; а какъ отъ онаго нѣсколько отдалилась, то явствуетъ выше сего, какъ печенѣги завладѣли Кіевомъ.

3. Стр. 49, г. Мюллеръ производитъ имя россійскаго народа отъ чухонцевъ слѣдующимъ образомъ: чухонцы-де шведовъ называютъ россалейна, то, услышавъ сіе, новгородцы стали называть русью всѣхъ народовъ, отъ запада происходящихъ. Рюрикъ съ родомъ своимъ, услышавъ, что новгородцы ихъ называютъ русью, назвались и сами Русью, а послѣ того и весь народъ славенскій назвался Русью. Здѣсь всякъ видитъ, сколько тутъ нескладныхъ вымысловъ: 1) Полагаетъ здѣсь г. Мюллеръ, что новгородцы сами о имени западныхъ народовъ ничего не знали, а между тѣмъ всякъ вѣдаетъ, что они ихъ варягами называли. 2) Что Рюрикъ съ родомъ своимъ, покинувъ свое старое имя, стали зваться такъ, какъ ихъ называли новгородцы. 3) Новгородцы, зная, что сіе имя русь ни имъ, ни варягамъ не собственное, но отъ чухонцевъ взятое, сами назвались онымъ, оставя свое прежнее; такъ-что по мнѣнію г. Мюллера два народа славяне и варяги, бросивъ свои прежнія имена, назвались новымъ, не отъ ихъ происшедшимъ, но взятымъ отъ чухонцевъ. Гдѣ теперь строгость г. Мюллера, которой онъ въ доказательствахъ требуетъ у тѣхъ, которые россійское имя отъ роксоланъ производятъ? Не явно-ли показалъ онъ здѣсь пристрастіе къ своимъ неосновательнымъ догадкамъ, полагая за основаніе оныхъ такіе вымыслы, которые чуть могутъ кому во снѣ привидѣться? Примѣръ англичанъ и франковъ, отъ него здѣсь присовокупленной, не въ подтвержденіе его вымысла, но въ опроверженіе служитъ: ибо тамъ побѣжденные отъ побѣдителей имя себѣ получили. А здѣсь ни побѣдители отъ побѣжденныхъ, ни побѣжденные отъ побѣдителей, но всѣ отъ чухонцовъ. NB. Въ семъ состоитъ главное дѣло его всей диссертаціи; прочія мои примѣчанія касаются до частей оныя.

4. Стр. 12: «Прадѣды ваши, почтенные слушатели, отъ славныхъ дѣлъ своихъ славянами назывались, которыхъ отъ Дуная волохи выгнали». Здѣсь весьма явны противныя вещи *слава* и *изгнаніе*, которыя въ такой диссертаціи мѣста имѣть не могутъ. Но какъ пашъ сочинитель славныя дѣла прадѣдовъ нашихъ начинаетъ изгнаніемъ, такъ и всю ихъ жизнь въ разореніяхъ и порабощеніяхъ представляетъ, о чемъ смотри ниже. И хотя бы то была правда, что славяне для римлянъ Дунай оставили, однако сіе можно бы было изобразить инако. Напримѣръ: славенскій народъ, любя свою вольность и не хотя носить римскаго ига, преселился къ сѣверу. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что славянъ часть нѣкоторая, для тѣсноты мѣста на Дунаѣ, отошла къ Днѣпру, Ильменю и прочая, что съ правдою очень сходно; ибо и теперь по Дунаю довольно есть славенскаго народа, какъ то сербяне, болгары и проч. Господину бы автору должно было упомянуть славныя дѣла славенскаго народа изъ старыхъ внѣшнихъ авторовъ, изъ которыхъ явно, что римляне сами чувствовали храбрость нашихъ праотцевъ и проч. Прокопій Кесарійскій въ кн. 3-ей пишетъ, что въ пятомъ вѣку во

время Юстиніана царя греческаго славяне, перешедъ Дунай, землю за нимъ опустошили и великое множество римлянъ въ полонъ взяли.

Іорнандиъ, о гетахъ пишучи, говоритъ, что нынѣ славяне за грѣхи наши вездѣ насъ разоряютъ, что было въ шестомъ вѣку. Григорій Великій, папа римскій, къ епископамъ въ Истрію пишетъ: истинно для славенскаго народа, который на васъ наступаетъ, весьма сокрушаюсь и смущаюсь о томъ, что вашу болѣзнь самъ претерпѣваю; возмущаюсь о томъ, что они чрезъ Истрію уже и въ Италію вступаютъ. Изъ сего явствуетъ, что славяне отъ римлянъ не такъ выгнаны были, какъ г. Мюллеръ пишетъ. И сіе бы должно было ему упомянуть для чести славенскаго народа.

5. Стр. 14, Новгородскій лѣтописецъ весьма дерзновенно опровергается, такъ что г. авторъ князей и дѣяній славенскихъ новгородскихъ и упомяновенія не удостоилъ. По послѣдней мѣрѣ ежели авторъ противъ того важныя возраженія имѣетъ, надлежало бы ему предложить о Славенѣ, Русѣ, Болгарѣ, Команѣ, Истерѣ, о созданіи Славенска и Старой Руси, о двухъ запустѣніяхъ Славенска и о обновленіи онаго и премѣненіи въ Новгородъ и проч. и купно сообщить свое мнѣніе, а не такъ совсѣмъ безъ основанія откинуть. По моему мнѣнію, сего древняго о Славенскѣ преданія ничѣмъ опровергнуть нельзя. И хотя внѣшними писательми не утверждается, однако само собою стоять можетъ, и самовольно опровергать его въ предосужденіе древности славенороссійскаго народа не должно.

6. Стр. 14, предлагаетъ г. Мюллеръ о Кіевѣ перевозѣ, и какъ Несторъ сіе отвергаетъ и доказываетъ, что Кій не былъ перевозчикъ, но князь. Къ сему присовокупляетъ г. Мюллеръ на стран. 15: *все сіе изрядно* (то есть защищеніе Кіево отъ Нестора) *только-де оное такъ истолковать надлежитъ, дабы тѣмъ у греческихъ писателей, жившихъ прежде Нестора, не отнять вѣроятности;* чѣмъ онъ нѣсколько по видимому сомнѣвается, что не былъ-ли и заправду Кій человѣкъ приватной. И сіе подкрѣпляется тѣмъ, что онъ на стран. 16 говоритъ, яко бы Кій взятъ былъ отъ гунновъ подъ Царьградъ съ принужденія и былъ только у нихъ полководцемъ. Такая догадка, которая довольнаго основанія не имѣетъ и съ нашими лѣтописьми не сходствуетъ, а особливо что не въ честь древнему россійскому владѣтелю вымышлена, не думаю, чтобы была пріятна россійскимъ слушателямъ и читателямъ.

7. Отъ стран. 23 до 44 все должно было автору почти безъ остатку выкинуть: 1) для того, что какъ по самой правдѣ, такъ и по признанію самого автора, все то нелѣпыя сказки о богатыряхъ и о колдунахъ взяты изъ такихъ басней, какова у насъ о Бовѣ Королевичѣ. Весьма чудно, что г. Мюллеръ, самъ признавъ ихъ несправедливость, потомъ какъ правду толкуетъ. А особливо что по его же мнѣнію не русскихъ владѣтелей русскими называетъ. Сіе толь же не складно, какъ бы Юстиніяна царя греческаго назвать султаномъ турецкимъ, для того что нынѣ Греціею турки владѣютъ. Г. Мюллеръ точно такъ поступаетъ, ибо полагаетъ онъ, что прежде Рюрика россіянъ въ Россіи не было, а владѣльцевъ, прежде его бывшихъ, называетъ царями русскими. Слѣдовательно сіи почтенныя имена пріемлетъ всуе. 2) Для того вышепомянутое выкинуть должно, что преисполнено именами дикими и россійскими перепорченными и бейерскими перевертками, слушателямъ скучными и невнятными. 3) Что служатъ только къ славѣ скандинавцовъ или шведовъ, и какъ самъ г. Мюллеръ говоритъ для того внесено, дабы показать, что скандинавцы, противъ россіянъ воюя, славу себѣ получали. 4) Что все оное къ изъясненію нашей исторіи почти ни-

чего не служитъ и могло бы быть безъ утраты (sine damno) пропущено, какъ то самъ авторъ на 23 и 24 страницѣ объявляетъ. 5) Что оно россійскимъ слушателямъ будетъ весьма досадно и огорчительно, когда услышатъ, что народовъ, однимъ именемъ съ ними называемыхъ, скандинавы бьютъ, грабятъ, огнемъ и мечемъ разоряютъ, побѣдоноснымъ оружіемъ благополучно побѣждаютъ.

8. Стран. 46, здѣсь ясно показывается пристрастіе г. Мюллера къ своимъ догадкамъ, ибо онъ, какъ ужè выше упомянуто, одного сходства имени и мѣста за доказательство не принимаетъ. Сія его строгость была бы весьма похвальна, ежели бы г. Мюллеръ не токмо для отверженія противныхъ, но и для доказательства своихъ мнѣній поступалъ по оной; но здѣсь выводитъ онъ изъ одного сходства имени Дпръ и Діаръ, что Оскольдъ и Дпръ не двое, но одинъ былъ князь именемъ Оскольдъ, а по чину Діаръ (то есть по готски судья). Не упоминаю о томъ, что сіе все для того онъ сюда взялъ изъ бейеровой диссертаціи, чтобы русь варяговъ произвести отъ готовъ, тому удивляюсь, что онъ ясное Несторово, Стриковскаго и другихъ авторовъ свидѣтельство принесъ въ жертву своей догадкѣ, ибо сіи писатели, не токмо сихъ двухъ князей различаютъ, но и гробы ихъ въ Кіевѣ особливо назначаютъ. А что они вмѣстѣ жили и въ одно время умерли, то весьма не дивно: ибо такихъ примѣровъ довольно въ исторіяхъ находится.

9. Не упоминая другихъ его перевертокъ, которыми онъ имена князей и городовъ россійскихъ претворяетъ, не могу пройти мимо того, какъ онъ имя города Холмогоръ (стр. 30) производитъ отъ Голмгардіи, которымъ его скандинавцы называли. Ежели бы я хотѣлъ по примѣру бейеро-мюллерскому перебрасывать литеры какъ зернь, то бы я право сказалъ шведамъ, что они свою столицу неправедно *Стокголмъ* называютъ, но должно имъ звать оную *Стіоколной*, для того что она такъ слыветъ у русскихъ. Имя Холмогоры соотвѣтствуетъ весьма положенію мѣста, для того что на островахъ около его лежатъ холмы, а на матерой землѣ горы, по которымъ и деревни близъ онаго называются, напр. Матигоры, верхніе и нижніе, Каскова гора, Загорье и проч.

10. Здѣсь не упоминаю я того, что обстоятельно предложено мною было въ прежнемъ моемъ о сей же диссертаціи разсужденіи. А изъ сихъ вышеписанныхъ слѣдуетъ, что оной диссертаціи отнюдь поправить не можно такъ, чтобы льзя было ее публиковать въ собраніи академическомъ: 1) что мнѣніе г. Мюллера о происхожденіи россовъ отъ шведовъ, а имени ихъ отъ чухонцовъ весьма неосновательно, а оное, которое отъ европейскихъ славныхъ авторовъ и отъ цѣлыхъ ученыхъ собраній пріемлется, есть весьма основательнѣе, то есть, что россы и ихъ имя происходитъ отъ роксоланъ древнихъ. При семъ отдаю на разсужденіе знающимъ политику, не предосудительно-ли славѣ россійскаго народа будетъ, ежели его происхожденіе и имя положить толь поздно, а откинуть старинное, въ чемъ другіе народы себѣ чести и славы ищутъ? При томъ также искуснѣйшимъ на разсужденіе отдаю, что ежели положить, что Рюрикъ и его потомки, владѣвшіе въ Россіи, были шведскаго рода, то не будутъ-ли изъ того выводить какого опаснаго слѣдствія? 2) Въ публичномъ дѣйствіи не должно быть ничего такого, чтобы россійскимъ слушателямъ было противно, и могло бы въ нихъ произвести на Академію роптаніе и ненависть. Но я разсуждаю, что они, слыша въ сей диссертаціи толь новое свое происхожденіе, на догадкахъ основанное, проименованіе свое отъ чухонцевъ, презрѣніе древнихъ своихъ исторій, и частыя россіянъ отъ шведовъ разоренія, побѣды, порабощенія и опу-

стошенія, о которыхъ они прежде не слыхали, конечно не токмо на г. Мюллера, но и на всю Академію и на ея командировъ по справедливости вознегодуютъ. 3) Всѣ ученые тому дивиться станутъ, что древность, которую приписываютъ россійскому народу и имени всѣ почти внѣшніе писатели, опровергаетъ такой человѣкъ, который живетъ въ Россіи и отъ нея великія благодѣянія имѣетъ.

Профессоръ Михайло Ломоносовъ.

IV.

Собственноручныя надписи Ломоносова къ ракѣ для мощей св. Александра Невскаго.

(Къ стр. 480.)

Александру
россовъ храброму
на земли защитнику
вѣрныхъ теплому
на небесѣхъ предстателю
презрѣвшему прещеніе мучителя
тварь боготворить повелѣвшаго
укротившему свирѣпое варварство
на Востокѣ
величественнымъ взоромъ
низложившему продерзостную зависть
на Западѣ
крѣпостію десницы
вездѣ вѣрою къ Богу и любовію къ Отечеству
торжествовавшему
по временномъ княженіи въ вѣчное царство
по земномъ въ небесное преселенному 1263 года
тамъ пресвѣтлымъ духомъ
здѣсь чудотворнымъ тѣломъ
сіяющему
благоговѣніемъ Петра Великаго
на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ
перенесенному 17. . года
державнѣйшая Елисавета
благочестіемъ усердствуя
сію мужества и святости его
дѣлами украшенную
серебреную раку
соорудила
1751 года

Alexandro
strenuo, cum viveret,
russorum propugnatori
sollicito, ut vivere desiit,
fidelium intercessari
qui minas tyranni, divinum honorem rebus creatis
redere jubentis neglexit.
Efferam barbariem mitigavit
ocis majestate,
qui in Occidente
audacem invidiam prostravit
bellica virtute
utrobique fide in Deum et amore in Patriam
triumphaviti
et postquam temporarium principatum cum
eterno regno
terrestrem cum coelesti
commutavit A. C. 1263.
ibi divino animo splendare
hic miraculorum gloria
inclaruit.
Denique Petri Magni religione
ad antiqua et nova trophaea
devotissime transportatus A. C. . .
Augusta Elisabetha
hoc fortitudinis et sanctimoniae illius
operibus exornatum
argenteum monumentum
excitavit
A. C.MDCCLI.

Александру
россовъ храброму
на земли зящитнику
вѣрныхъ теплому
на небесѣхъ предстателю
презрѣвшему прещеніе мучителя
тварь боготворить повелѣвшаго
укротившему свирѣпое варварство
на Востокѣ
величественнымъ взоромъ

поразившему продерзостную завистъ
на западѣ
крѣпостію десницы
вездѣ вѣрою къ Богу и любовію къ отечеству
торжествовавшему
по временномъ княженіи въ вѣчное царство
по земномъ въ небесное преселенному
тамъ пресвѣтлымъ духомъ
здѣсь чудотворнымъ тѣломъ
сіяющему
благоговѣніемъ
Петра Великаго
на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ
перенесенному 17 . . года
Августѣйшая
Елисавета
отеческаго ко святымъ почитанія
подражательница
которой
Всевышній отъ небесъ милость
Россія отъ сердецъ благодаренія
отъ земли плодородіе
отъ морей изобиліе
отъ горъ сокровища
по мѣрѣ ея щедролюбія
проливаютъ
благочестіемъ къ нему усердствуя
сію мужества и святости его дѣлами
украшенную раку
изъ первообрѣтеннаго
при ея благословенной державѣ
сребра
соорудить благоизволила
въ лѣто 1751.

V.

Всенижайшее предложеніе о учрежденіи здѣсь мозаичнаго дѣла [1]).

(Къ стр. 496.)

Всемилостивѣйшее принятіе отъ меня опыта мозаичнаго искуства подало мнѣ надежду, что сіе дѣло высокоматеринимъ монаршескимъ попеченіемъ здѣсь далѣе простираться станетъ и въ полное совершенство приведено быть имѣетъ: для того по моей всеподданнѣйшей должности всенижайше предлагаю, какимъ образомъ можно въ

[1]) Подлинникъ весь писанъ крупнымъ почеркомъ собственноручно Ломоносовымъ и хранится въ Государственномъ архивѣ, IX, книга 9, № 38, стр. 178—180.

омомъ далѣе простираться и что къ тому потребно.

1. Главное дѣло къ сему надобно имѣть матерію, то есть мозаичные составы, которые чрезъ Божію помощь всѣхъ цвѣтовъ съ тѣнью и свѣтомъ изысканы, для чего учинено мною 2184 опыта въ огнѣ, и можно оныхъ составовъ здѣсь дѣлать желаемое количество изъ здѣшнихъ матеріаловъ. Доброта изобрѣтенныхъ здѣсь мозаичныхъ составовъ ничѣмъ не уступаетъ римскимъ, что довольно видѣть можно по тѣмъ составамъ, которые выписалъ изъ Рима его сіятельство рейхсграфъ и вице-канцлеръ Михайло Ларіоновичь Воронцовъ для сношенія ихъ со здѣшними.

Цѣною помянутые составы будутъ приходить по 10 копеекъ фунтъ вообще считая, ежели ихъ дѣлать въ знатномъ количествѣ. Въ квадратный футъ мозаичнаго дѣла пойдетъ по исчисленію 12 фунтовъ: слѣдовательно придетъ квадратный футъ въ 1 руб. въ 20 копеекъ.

2. Сдѣланные составы должно раздѣлять на куски пристойной величины и фигуры, чтобы ими можно было набирать разныхъ родовъ живописныя изображенія, и оные куски скрѣплять твердою мастикою. Къ раздѣленію матеріи на приличные куски изобрѣтены мною легкіе способы и мастики разныхъ сортовъ и цвѣтовъ весьма крѣпкія.

3. Составленіе образовъ и портретовъ мозаичныхъ хотя и не безтрудное дѣло; однако сія трудность скоро преодолѣна будетъ, ежели къ положенному доброму основанію постоянное стараніе присовокупится. Меледливая (sic) въ набираніи работа пристойными способами весьма ускорена быть можетъ, которые также мною изысканы.

4. Скорость составленія можно исчислить по примѣру моего опыта, который хотя сдѣланъ въ пять мѣсяцевъ съ половиною; однако выключая время положенное на лекціи студентамъ и на другія до физики и до россійскаго слова касающія упражненія, нельзя больше на то почесть какъ два мѣсяца. По сему посредственной живописецъ, которому способы мною показаны будутъ, можетъ въ годъ поставить 12 футовъ квадратныхъ мозаики, которая представляетъ образы или портреты. Мозаичныхъ ландшафтовъ, картушей и другихъ украшеній, что дѣлать много легче нежели лица, —можетъ сдѣлать 5 и 6 квадратныхъ футовъ въ мѣсяцъ; а мраморнаго или гладкаго поля и по 15 футовъ на мѣсяцъ. Все сіе ежели для высокости мѣста набирать крупными кусками, то можно сдѣлать въ двое и въ трое больше.

5. И такъ ежели всемилостивѣйше повелѣно будетъ для набору мозаики шесть человѣкъ изъ живописныхъ учениковъ отъ Академіи наукъ, канцеляріи отъ строеній и другихъ командъ выбрать и опредѣлить къ показаннымъ тремъ сортамъ мозаики по два человѣка, то могутъ они въ годъ набрать, считая вообще всѣ три разные сорта, до тысячи квадратныхъ футовъ.

6. Для учрежденія сего дѣла должно имѣть каменный домъ и при немъ для поклажи дворъ, который для ускоренія всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ изъ описныхъ на то данъ быть можетъ.

7. Для свидѣтельства мозаичныхъ составленныхъ живописныхъ изображеній по всемилостивѣйшему повелѣнію искусные живописцы назначены быть могутъ, по которыхъ разсужденію помянутые составщики (sic) исправлять имѣютъ.

Для перваго начала сего дѣла сколько людей и денегъ потребно, изъ нижеписаннаго явствуетъ.

На мозаичные составы, считая работниковъ, дрова и матеріалы, въ годъ	1200 р.
Составному мастеру. . . . , . .	250 »
Двумъ первымъ наборщикамъ (sic) по 120.	240 »

Двумъ что подъ ними по 72. .	144 р.
Двумъ послѣднимъ по 50 рублевъ	100 »
Двумъ разбившикамъ по 50. .	100 »
Двумъ точильшикамъ по 50. .	100 »
Составному ученику 48 руб. .	48 »
Коммиссару, который долженъ быть у казны и у матеріаловъ, и смотрѣть надъ мастеровыми людьми и работниками	250 »
При немъ подъячему	48 »
12 человѣкъ истопниковъ и работниковъ по 30 рублевъ . .	360 »
На дрова для топленія въ вышепомянутомъ домѣ покоевъ. .	150 »
На бумагу, на свѣчи и на мелкіе расходы	200 »
Въ годъ всего.	3710 р.

8. Ежели всемилостивѣйше позволено будетъ дѣлать на продажу мозаичные столы, кабинеты, зеркальныя рамы, шкатули, табакерки и другіе домашніе уборы и галантереи, то будутъ сіи заводы сами себя окупать и со временемъ приносить прибыль, и ради скорѣйшаго въ дѣлѣ успѣха на прибыльныхъ деньгахъ больше людей содержать можно будетъ.

Сіе все имѣетъ служить къ постоянному украшенію церквей и другихъ знатныхъ зданій, а особливо къ славѣ ея императорскаго величества и Отечества.

Сіе всенижайше предлагаетъ коллежскій совѣтникъ и химіи профессоръ Михайло Ломоносовъ.

Сентября 25 дня 1752 года.

VI.

Описанія, составлявшіяся Ломоносовымъ къ иллюминаціямъ.

1.

11 марта 1752 года Ломоносовъ представилъ: «Проектъ иллюминаціи на торжественный день коронованія ея императорскаго величества апрѣля 25 дня 1752 года.

«Представляется четвертая часть зодіака съ вешними небесными знаками. По оному течетъ свѣтлые лучи по всюду разливающее солнце въ знакѣ тельца, вѣнчанное вокругъ радужною короною. Внизу, на возвышенномъ и мраморномъ разныхъ цвѣтовъ устланномъ мѣстѣ, по сторонамъ стоятъ десять порфировыхъ обелисковъ въ пересцективномъ расположеніи. По срединѣ олтарь съ возженнымъ пламенемъ. Сего символическаго изображенія знаменованіе содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Монархиня, нося порфиру десять лѣтъ
и т. д. [1]).

[1]) II, книга № 162.

Стихи эти въ первый разъ напечатаны въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 г., № 36, стр. 284, 285, и потомъ перешли въ позднѣйшія изданія съ перемѣною въ 8-мъ стихѣ вм. *твоихъ* — своихъ; а послѣдній стихъ первоначально печатался такъ:

Усердно всѣ въ тебѣ усердно сердце чтимъ.

2.

(Собственноручный) Проектъ иллуминаціи на торжественный день тезоименитства ея императорскаго величества сентября 5-го дня 1752 года.

Представить въ переспективномъ видѣ пристань, двумя плотинами, въ море простирающимися, укрѣпленную; на концѣ пристани, что къ морю, изобразить великій колоссъ, стоящій обѣими ногами на обоихъ концахъ плотинъ, который правою рукою возвышаетъ вензловое имя ея императорскаго величества, а лѣвою свѣтлымъ пламенемъ горящій факелъ. Внутрь

пристани поставить по правую сторону храмъ Мира, по лѣвую храмъ Изобилія, съ принадлежащими къ тому признаками и украшеніями. Колоссъ можетъ быть способнѣе изображенъ на полотнѣ, а прочее все фонарями. Знаменованіе сего символическаго изображенія въ слѣдующихъ стихахъ кратко содержится:

Желая нѣкогда преславный островъ Родъ»
и т. д.

Въ первый разъ напечатано согласно ломоносовской рукописи въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 года № 76, стр. 705; но въ московскомъ изданіи Собранія разныхъ сочиненій (Москва, 1757 г.), I, 168, и въ позднѣйшихъ есть отмѣны: во 2-мъ, стихѣ, вм. *по волнамъ — по морю;* въ 3-мъ ст. вм. *имѣть — снискать;* въ 4-мъ, вм. *Воздвигнулъ — Поставилъ*; въ 12-мъ, вм. *Моря и земли*—Востокъ и Западъ [1]).

3.

(Собственноручный, представ. 11 сентября 1752 года) Проектъ на иллуминацію къ торжественному дню восшествія на всероссійскій престолъ ея императорскаго величества ноября 25 дня 1752 г.

Представить садъ, партерами и фонтанами украшенный. На каждой сторонѣ по пяти вазовъ (парадныхъ сосудовъ) на пристойныхъ скамьяхъ, фестонами убранныхъ; все въ перспективномъ расположеніи. Въ сосудахъ изобразить пріятно цвѣтущія сенситивныя, т. е. чувствительныя травы, которыя ночью сжимаются, а при восхожденіи солнца отворяются, и такъ цвѣтутъ во весь день. Позади онаго саду, въ срединѣ представить восходящее великое солнце съ ясными и далече простирающимися лучами. Знаменованіе сего символическаго изображенія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Когда ночная тьма скрываетъ горизонтъ
и т. д.

Въ первый разъ эта надпись безъ перемѣнъ противъ рукописи въ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ 1752 г., № 98, стр. 781. Въ Московскомъ изданіи Собранія разныхъ сочиненій Ломоносова (1757 г.), I, 168, 169, есть измѣненія: въ 8-мъ стихѣ, вм. *изливаетъ — проливаетъ;* въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто *нелестной — всѣ мы* [1]).

4.

(Собственноручный) Проектъ на иллуминацію въ новой 1753 годъ. Представить храмъ Янусовъ съ затворенными воротами, обведенными круглою оградою изъ зеленѣющихъ оливныхъ деревъ состоящею. На верьху онаго двуличной Янусовъ бустъ. На фронтисписѣ подъ вензловымъ именемъ ея императорскаго величества, между пальмовыми вѣтвьми и рогомъ изобилія, число новаго 1753 года. На правой сторонѣ поставить знатнѣйшую часть кремля, на лѣвой — часть санктпетербургской крѣпости (что должно быть такъ расположено, дабы лѣвая сторона въ большемъ отдаленіи казалась нежели правая, не потерявъ симметріи на планѣ). По срединѣ надъ Янусовымъ храмомъ изобразить великаго двоеглавнаго орла, устремляющаго свой полетъ къ правой сторонѣ; а на лѣвую сторону другую главу обратившаго. Знаменованіе сего символическаго изображенія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Въ любезной тишинѣ наставшій новый годъ»
и т. д.

Стихи въ первый разъ напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова (Москва, 1757 г.), I, 169 [2]).

5.

(Представленъ Ломоносовымъ 31 января 1754 года) Проектъ фейерверка и иллюминаціи на пресвѣтлый праздникъ коронованія ея император-

[1]) II, книга № 167.

[1]) II, книга № 168.
[2]) II, книга № 170.

скаго величества апрѣля 25 дня 1754 года.

На иллюминаціонномъ театрѣ: по срединѣ великолѣпнаго саду представить высокую гору, пріятными пригорками къ верьху возвышающуюся. Пригорки украсить бродерейными, гротесковыми и мозаичными партерами. По верху каждаго пригорка зеленыя прорѣзныя шпалеры поставить съ израстающими изъ нихъ зелеными деревами. На самомъ верьху горы поставить также зеленыя прорѣзныя шпалеры, надъ которыми возвышается павильонъ изъ зеленѣющихъ деревъ. вырѣзанной на подобіе императорской короны. Изъ шпалеръ и изъ самого верьху павильона произрастаютъ оранжерейныя дерева плодами почти всѣ свои листы покрывающіе и сіяніе карбункуловъ представляющіе. По сторонамъ горы террасы, вазами съ цвѣтами украшенныя, и порталами, изъ трельяжевъ составленными, кончающіеся.

На фитильномъ щитѣ: противъ средины вышепоказанной горы изобразить гротъ, изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ мозаичнымъ подобіемъ украшенный. Въ срединѣ грота предъ вензловымъ именемъ ея императорскаго величества, лавровымъ вѣнцомъ окруженнымъ и на задней стѣнѣ изображеннымъ, представить великій фонтанъ, изъ котораго падающая вода, по каскаду разширяясь, сливается въ великой бассень, о которомъ ниже сего (съ боку рукою Ломоносова: «фонтанъ изобразить дѣйствительно огонь испускающими трубками, а не фитилемъ»). Во флигеляхъ грота, по обѣимъ сторонамъ, изобразить четыре статуи: 1) Вѣрность въ видѣ женскомъ съ ключемъ и печатью и съ надписаніемъ между карнизами: *единой.* 2) Любовь добродѣтели, въ образѣ крылатаго юноши, лавровые вѣнцы рукою возвышающаго, съ подписаніемъ: *вѣчно.* 3) Удовольствіе въ женскомъ видѣ въ богатомъ убранствѣ, съ зеркаломъ, надпись: *съ избыткомъ.* 4) Надежда на подобіе женщины, на крѣпкій столбъ оперщейся, съ якоремъ; надпись: *неподвигнусь.*

Низовые увеселительные огни расположить слѣдующимъ образомъ: передъ каскадомъ, изъ грота текущимъ, изобразить великій бассень перилами, между которыми должно вертеться обыкновенными огненными колесами горизонтально, чтобъ тѣмъ изображалась крутящаяся въ бассеніи вода, которая изъ фонтановъ и каскадовъ спустится. Изъ сего большаго бассеня перилами на обѣ стороны представить каналы, въ которые, на подобіе каскаду, изъ бассеня пустить огонь изъ лежачихъ горизонтальныхъ обыкновенныхъ фонтановъ. А гдѣ ихъ сила окончится, тутъ употребить горизонтальныя колеса, чтобъ такимъ образомъ быстротекущая и вихрями крутящаяся вода представлялась. Каналы перилами раздѣлить на обѣихъ сторонахъ на регулярные островки съ перилами и кончать мостами, изъ перилъ сдѣланными. Притомъ на перилахъ и по островамъ употребить пристойныя украшенія, какъ статуи, вазы и прочая. Внѣ канала увеселительныхъ огней мало или ничего не употреблять, чтобы въ виду текущей воды не сдѣлать помѣшательства. Въ островахъ пускать свѣтлыя звѣздки.

Верховые увеселительные огни расположить какъ заблагоразсудится, только весьма бъ пріумножилась ихъ красота, когда бъ мною изобрѣтенныя и на пробѣ показанныя витыя ракеты произвести въ дѣйствіе.

Риторическое сего всего сложеніе воспослѣдуетъ, ежели всемилостивѣйше сіе апробовано будетъ. Нынѣ присовокупляются слѣдующіе стихи:

Кто знатныя дѣла въ натурѣ рассуждаетъ
и пр. [1])

Они въ первый разъ напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова (Москва, 1757), I, 175, 176.

[1]) II, книга № 185.

6.

Проектъ иллюминаціи къ тезоименитству ея императорскаго величества сентября 5 дня 1754 года.

1. На иллюминаціонномъ планѣ фонарями изобразить храмъ россійскаго благополучія съ великими флигелями, на обѣ стороны простирающимися. Главное среднее строеніе, вдали соединяющее оба флигели.

2. Въ серединѣ на свободной площади, предъ отдаленнымъ среднимъ строеніемъ поставить великой обелискъ на картинѣ и освѣтить сзади наставленными фонарями, котораго шпицъ изъ зеленаго аспида съ красными жилами и крапинами; на самомъ верьху первая литера высочайшаго имени ея императорскаго величества. На срединѣ шпица связанные въ картушѣ роги изобилія съ инструментами наукъ и художествъ. На верхней части пьедестала гербъ россійской; на нижней части подпись: Елисаветѣ, премудрой, мужественной, кроткой, щедрой императрицѣ. Символическаго изображенія знаменованіе:

Россія, возносся главу на высоту
и пр.

(Стихи потомъ напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій М. Ломоносова, Москва, 1757 г., I, 176, 177.)

Выше, на стр. 557, говорено, что этотъ проектъ не понравился императрицѣ Елисаветѣ, почему Ломоносовъ составилъ слѣдующій новый.

«Проектъ иллуминаціи къ 5 числу сентября на торжественный праздникъ тезоименитства ея императорскаго величества:

Представить великолѣпное зданіе россійскаго удовольствія, въ которое со всѣхъ сторонъ врата отворены и украшены рогами изобилія. Въ срединѣ обелискъ, на которомъ выставлено высочайшее имя ея императорскаго величества, свѣтлыми лучами окруженное. Ежели краткость времени не допуститъ, подпись и другія мелкія украшенія, прежде показанныя, можно оставить. Стихи сочинены прежде» [1]).

7.

Проектъ на иллюминацію къ торжественному празднеству восшествія на всероссійскій престолъ ея императорскаго величества въ 25 день ноября 1754 году.

Представить пространный и великолѣпный театръ трудовъ государя императора Петра Великаго блаженныя памяти блистающими добродѣтельми августѣйшія дщери его осіянный, слѣдующимъ образомъ: на ровной и пространной плоскости возвышеннаго нѣсколькими ступеньми театра поставить по обѣимъ сторонамъ пирамиды или столбы украшенные: 1) на подобіе трофеевъ разнымъ военнымъ оружіемъ; 2) морскими орудіями, якорями, веслами, рулями, морскими квадрантами; 3) знаками правосудія, т. е. вѣсами и мечемъ, оливными вѣтвьми обвитымъ; 4) математическими и физическими разными инструментами, циркулями, отвѣсами, зрительными трубами; на верьху небесная сфера.

Число пирамидъ или столбовъ должно быть умножено до десяти или больше для лучшаго проспекту. На четырехъ первыхъ, что на обѣихъ сторонахъ, поставить показанныя украшенія, чтобъ могли быть явственны, ибо прочія для малости не могутъ такъ ясно изобразиться. Столпы или пирамиды соединить по сторонамъ зелеными шпалерами или порталами по пристойности.

По срединѣ театра на высокомъ пьедесталѣ, что съ гербомъ россійскимъ, представить великой свѣтильникъ со многими возженными свѣщами. Глобусъ, отъ котораго простираются ручки съ подсвѣчниками, покрыть императорскою короною и на немъ изобразить первую литеру высочайшаго имени ея императорскаго величества. Надъ свѣтильникомъ отъ треугольнаго

---

[1]) II, книга № 189.

сіянія божества простираются на оный лучи, въ которыхъ литеру Р или П зеленымъ цвѣтомъ, какъ знакомъ надежды, представить.

(Рукою Ломоносова) Знаменованіе содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Отца отечества, Великаго Петра
Положенны труды для общаго добра;
Ужасные врагамъ полки вооруженны,
И флотами моря широки покровенны;
Полезные вездѣ обряды и суды;
Художествъ и наукъ всходящіе плоды
Отъяты отъ его наслѣдства колебались,
И темной зависти во мракѣ покрывались;
Но Богъ ихъ осіялъ неизреченнымъ чудомъ,
Стоять свѣтельнику не попустивъ подъ спудомъ:
Елисаветины доброты какъ свѣщи
Открылъ, и намъ блеснулъ пресвѣтлый день въ нощи.
На тронъ возвышенна, монархина сіяешь
И просвѣщеніе Петрово умножаешь.
Всевышній утвердилъ чрезъ Павла намъ завѣтъ,
Что племени подастъ неугасимый свѣтъ [1]).

Михайло Ломоносовъ.

Послано въ канцелярію главной артиллеріи 11 ноября 1754 года.

8.

Проектъ иллюминаціи и фейерверка на новый 1755 годъ.

Представить прекрасный островъ благополучнаго государствованія ея императорскаго величества съ безопасною и великолѣпною пристанью слѣдующимъ образомъ: 1. На иллюминаціонномъ театрѣ изобразить по срединѣ простирающуюся вдоль перспективную пристань, украшенную по обѣимъ сторонамъ пріятными всходами и строеніями, состоящими внизу изъ галлерей, которыхъ арки украшены жетонами изъ разныхъ цвѣтовъ, смѣшанными съ инструментами, рогами изобилія и другими вещами, довольство и увеселеніе показующими. На верьху оной же галлереи перила съ вазами. Въ дальнемъ концѣ пристани поставить отверстое зданіе Успокоенія, внутрь котораго между колоннадами видѣнъ гербъ россійскій. На куполѣ и на фонарѣ выставить великій штандартъ съ изображенною на немъ первою литерою высочайшаго имени ея императорскаго величества. Отъ флигелей пристани въ обѣ стороны берегъ острова украсить зеленѣющими прорѣзными шпалерами, гдѣ выше оныхъ между арками ровной верьхъ украсить могутъ обрѣзанные на подобіе пирамидъ таксисы. При концахъ театра можно для прибавленія острова и для украшенія поставить ельникъ, на рѣкѣ склоняя, чтобы освѣщаясь отъ разныхъ огней могъ быть видѣнъ. Изъ за ельника оказать выше шпалеръ даже до средняго зданія съ обѣихъ сторонъ часть дальняго горизонта тонкою и слабою зеленью по приличности. 2. На рѣкѣ въ пропорціональномъ разстояніи отъ пункта зрѣнія и отъ пристани представить на особливомъ къ тому сдѣланномъ возвышеніи каменный островокъ, пристань съ моря сокрывающій, изъ трехъ бугровъ состоящій. На среднемъ бугрѣ возвысить крѣпкую башню съ бойницами и пушками, на верьху горящая лампада для показанія ходу въ пристань. Бугры могутъ быть сдѣланы изъ досокъ, по подобію росписанныхъ и нѣсколько освѣщенныхъ закрытыми отъ зрителей плошками. Башню представить изъ прозрачной и плошками освѣщенной картины. 3. На двухъ фитильныхъ планахъ изобразить два корабля для знаменованія прошедшаго и наступившаго года, и ради того у перваго на флагѣ поставить число 1754, у втораго 1755. Каюты и другія пристойныя мѣста украсить рѣзьбою и прочая. За кораблемъ, новый годъ представляющимъ, можно изобразить дующихъ въ парусы зефировъ на томъ же или на особливомъ маломъ планѣ. Потомъ на низкомъ, небольшомъ, продолговатомъ планѣ изобразить нѣсколько трубящихъ тритоновъ. Всѣ щиты укрѣпить на саняхъ, чтобы съ одного мѣста на другое передвинуть можно

[1]) Эти стихи въ позднѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Ломоносова, начиная съ московскаго 1757 года, печатались съ нѣкоторыми измѣненіями.

было. Корабль съ 1754 поставить за среднимъ бугромъ, что съ башнею; корабль новаго года поставить за нижнимъ бугромъ сзади перваго такъ, чтобъ ихъ закрыть отъ пункта зрѣнія. 4. Дѣйствіе происходить должно слѣдующимъ образомъ: 1) по совершенномъ иллуминованіи пристани на театрѣ и всего острова на льду зажечь, когда повелѣно будетъ, корабль 1754, и какъ онъ станетъ ясно изображаться, вывесть изъ за башни при пушечной пальбѣ и нѣкоторыхъ увеселительныхъ огняхъ, и тянуть тихо пока истлѣвать зачнетъ, и тогда затянуть за бугоръ, предъ нимъ стоящій. 2) Зажечь за другимъ бугромъ малой съ трубящими тритонами и какъ ясно окажутся, вытянуть на яво при играніи па трумпетахъ, а огненному звуку не быть кромѣ тихихъ звѣздокъ и прочаго. 3) Притомъ зажечь корабль 1755 и по прочищеніи вывесть за тритонами при пушечной пальбѣ и при звучныхъ огняхъ верхнихъ и нижнихъ. Притомъ смотрѣть, чтобы распаденіе плановъ не было видно, что послѣ веселаго представленія скучный видъ обыкновенно кажетъ. 4) Послѣ сихъ трехъ явленій слѣдуетъ прочее дѣйствіе фейерверка.

Описаніе пристойнымъ штилемъ можетъ во время пріуготовленія совершиться. При семъ изъясняютъ все слѣдующіе стихи:

По правдѣ вѣчность есть пространный океанъ
и пр. [1]).

Михайло Ломоносовъ.

(Стихи эти напечатаны въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, Москва, 1757 года. I, надпись 37; о томъ, что этотъ проектъ не былъ одобренъ государынею, почему и остался неосуществленнымъ, см. выше на стр. 558, 559.

9.

(Отосланъ въ ноябрѣ 1754 года) Проектъ иллуминаціи къ торжественному дню рожденія ея императорскаго величества, декабря 18 дня 1754 года.

На возвышенномъ театрѣ и трофеями окруженномъ представить пирамиду, состоящую изъ разнаго военнаго оружія, какъ изъ мортиръ, пушекъ, фузей, алебардъ и пр. и покрытую шлемомъ. На срединѣ оной щитъ со знакомъ высочайшаго имени ея императорскаго величества. При флигеляхъ онаго театра представить двои тріумфальныя ворота: одни — такого вида, каковы были при торжественномъ въѣздѣ въ Москву блаженныя памяти государя императора Петра Великаго отъ Полтавы 1709 года, другія — каковы были при торжественномъ въѣздѣ въ Санктпетербургъ ея императорскаго величества изъ Москвы 1742 года, и ради того оныхъ лѣтъ числа поставить на фронтисписахъ воротъ. Подъ являющимся позади театра между тріумфальными воротами горизонтомъ изобразить всходящую утреннюю ясную зарю, которыя въ румяныхъ лѣсахъ видна блистающая денница. Позади тріумфальныхъ воротъ показываются знатнѣйшія части у первыхъ — Москвы, у другихъ — Санктпетербурга. Знаменованіе:

О вы, которы все по рассужденью злому
и пр. [1]).

(Стихи напечатаны потомъ въ Собраніи разныхъ сочиненій Ломоносова, Москва, 1757, I, 174; въ 22-мъ стихѣ противъ рукописи перемѣна въ размѣщеніи словъ:

Сокрытаго во тьмѣ избавились вреда).

10.

(Есть и другой проектъ Ломоносова для иллюминаціи на тотъ же день 18 декабря 1754 года, о чемъ въ журналѣ академической канцеляріи 18 ноября 1754 года записано такъ: «графъ Разумовскій изволилъ приказать, чтобъ для будущей при Академіи ассамблеѣ, т. е. сего года декабря 18 числа, послѣ торжества о рожденіи ея импе-

[1]) II, книга № 189.

[1]) II, книга № 189.

раторскаго величества, на другой день быть иллюминаціи, состоящей изъ картинъ, а при той ассамблеѣ имѣетъ рѣчь читать г. совѣтникъ и профессоръ Ломоносовъ, чего ради ежели возможно и прожектъ иллюминаціи по матеріи онаго г. совѣтника и профессора Ломоносова сочинить ему жъ....» Затѣмъ Ломоносовъ представилъ:)

Проектъ иллуминаціи на торжество Академіи наукъ для пресвѣтлаго празднества рожденія ея императорскаго величества къ 19 декабря 1754 года.

Рѣчь, которую говорить мнѣ повелѣно, состоять будетъ въ похвалахъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государя императора Петра Великаго, и ради того должно изобразить символическимъ образомъ труды сего монарха. Притомъ въ помянутое число, т. е. 19 декабря, былъ торжественный въѣздъ въ Москву съ тріумфомъ 1709 году, почти купно съ рожденіемъ ея императорскаго величества, того ради за пристойное къ сему случаю быть разсуждаю слѣдующее: представить на картинѣ, въ великолѣпныхъ рамахъ распростертой, Геркулеса, одѣтаго львиною кожею, какъ побѣдительнымъ знакомъ надъ львомъ шведскимъ; на плечахъ глобусъ, значащій возвышеніе россійскаго свѣта силою Петра Великаго. Сверху отъ правой стороны опускается сіяющими лучами окруженная первая литера высочайшаго имени ея императорскаго величества въ знакъ дарованнаго отъ небесъ тогда ея рожденія. Съ лѣвой руки простирается лемма: *Для замѣны*.

Сія иллуминація можетъ быть нагрыдорована, чтобъ приложить къ началу панегирика. Стихи по аппробаціи удобно сочинены быть могутъ и подъ купферштихомъ нагрыдорованы. Михайло Ломоносовъ.

При этомъ описаніи дѣйствительно сохранились два рисунка: одинъ — съ изображеніемъ рамы картины въ цвѣтахъ и съ подписями: Ломоносова и Шумахера (архитектора); другой, также съ подписью Ломоносова, представляетъ Геркулеса, букву Е въ сіяніи и слово: «для замѣны» [1]). Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что вышеномянутая рѣчь Ломоносова не была готова къ сроку, хотя и начата уже была печатаніемъ, а потому и все торжество было отложено къ апрѣлю слѣдующаго 1755 года [2]).

VII.

Письмо Леонарда Эйлера къ Ломоносову, 1754 г.

(Къ стр. 544).

Viro amplissimo et celeberrimo Michaeli Lomonossow Sacrae Imperatoriae Majestatis Consiliario et Academiae Imperialis scientiarum Petropolitanae socio meritissimo ac dignissimo

S. P. D.

Leonhard Euler.

Cum semper maxime fuerim admiratus felicissimum ingenium tuum, quo vitam diversis scientiarum generibus excellis, ac phaenomena naturae singulari cum successu per theoriam illustras, tum ex litteris tuis, quae mihi fuerunt gratissimae summo gaudio intellexi, insignia tua merita continuo magis agnosci, atque ab Augustissima Imperatrice pro dignitate remunerari: ob quam eximiam gratiam tibi ex animo gratulor, perfectam valetudinem viresque sufficientes tibi apprecans, quibus tantos labores sustinere, atque adeo expectationem, quam de te excitasti, superare valeas.

---

[1]) II, книга № 193.

[2]) Билярскій, стр. 277, 278.

Quae circa colorum naturam per experimenta exploravisti, sine dubio mox in Commentariis Academiae edentur, quae cum hanc sublimem doctrinam copiose sint illustratura, maximo teneor desiderio ea videndi ac praecipue theoriam, quam stabilivisti, cognoscendi. Vulgaribus enim experimentis innixus jam dudum a theoria Neutoniana, recedere sum coactus, cum neque radiorum tanquam fluminis emanationem, neque eorum in corporibus opacis reflexionem, unde colores oriantur, digerere potuerim. Aliam igitur excogitavi theoriam, qua lumen in aethere perinde ac sonum in aëre per motum vibratorium generari statuo, colorumque diversitatem in diversa vibrationum rapiditate pono, ita ut colores non aliter inter se discrepent, atque soni graves et acuti, ex quo fonte etiam non parum probabilem, ut mihi quidem videtur, explicationem dicens cur alii colores majorem alii vero minorem refractionem patiantur. Fasciculos deinde illos ex omnis generis radiis compositos rejicio, eorumque in loco substituo omnis generis vibrationes, quae in singulis solis aliusve corporis lucidi particulis excitentur, atque in refractione secundum diversas directiones propagentur. Porro etiam minime concoquere potui, quomodo verbi gratia in corpore rubro, undecunque id a radiis solaribus collustretur, ab ejus superficie radii tantum rubri, et quidem in omnes plagas reflectantur, quae explicatio a natura reflexionis maxime abhorrere mihi semper est visa. Non igitur nos corpora opaca per radios ab eorum superficie reflexos cernere puto, sed maxime diversam explicationem mihi supeditavit contemplatio eorum sonorum, quos cordae non pulsae, sed per sonum consonum excitatae edere solent, similique modo minimas particulas corporis opaci ab allisione radiorum lucis contremiscere concipio. Has scilicet minimas particulas certo quodam elasticitatis gradu donatas statuo, ita ut impulsae certum quendam vibrationum numerum essent editurae, jam ipsi radii lucis incidentes officio vis impellentis funguntur, prorsus ubi sonus cordam ad similem sonum tensam concitare valet. Hoc igitur modo singulae corporis opaci particulae, quatenus a radiis illuminantur, ad certum quendum motum vibratorium concitabuntur, qui motus cum fluido aethereo circumfuso communicatus in eo similem motum vibratorium, ideoque radios lucis generabit. Hinc sequitur, quod statim maxime paradoxon videri queat, nos corpora opaca non per radios reflexos, sed per radios proprios, qui ab ejus superficie emittantur, contueri, neque lunam planetasque lumine reflexo, sed potius proprio lucere, etiamsi sint inconspicui, nisi a sole illuminentur. Particulae enim corporum opacorum tam diu tantum contremiscunt, quamdiu a radiis lucidis impelluntur, hisque cessantibus simul corpus opacum splendere desinit. Nihil tamen impedit, quo minus ejusmodi existant corpora opaca, quae motum vibratorium semel a radiis lucis conceptum diutius conservent, quod in lapide Bononiensi usu venire videtur. Hoc modo constantiam coloris in eodem corpore opaco maxime tueri videor, idem enim corpus perpetuo eundem colorem retinere debet, quamdiu in ejus minimis particulis idem elateris gradus durat: atque hinc realem corporum cujusvis coloris definitionem nanciscimur, qua corpus verbi gratia rubrum ut cujus particulae minimae ita sint comparatae, ut impulso dato tempore determinatum quendam vibrationum numerum edant. Verum haec theoria, quam in quibusdam dissertationibus fusius explicavi, maxime opus habet, ut cum pluribus experimentis conferatur, neque dubito, quin eam per tua tot ac tanta cura instituta experimenta plurimum perficere liceat. Omnino te, vir amplissime, digna sunt, quae de omnis generis coloribus vitro inducendis es perscrutatus. Nostri chymici hoc inventum maximi faciunt, ac si exiguum quoddam specimen mihi per

Dominum Sophronoff transmittere velles, id gratissima mente essem agniturus.

Nescio an videris, quae ego de caudis cometarum sum commentatus, a quibus etiam omnes vapores removi, sed percupidus sum ea videndi, quae forte de hoc argumento fusius es expositurus. Monadum figmentum jam fere in universum repudiatum videtur, plures enim philosophi Wolfiani, inter quos Plaquetus primum locum tenet, se in errore esse versatos agnoverunt, unde non est quod dubites tua de hoc argumento meditata in medium proferre.

Vale, vir amplissime, tuamque mihi amicitiam, qua mihi nihil est carius conserva. Dabam Berolini d. 30 Martii, 1754.

VIII.

Собственноручные черновые отрывки Ломоносова касательно устава и штата Академіи наукъ 1754 или 1755 г.г. [1]).

(Къ стр. 571—578.)

I.

...принуждены будемъ; но и передъ всѣмъ свѣтомъ, у всѣхъ будущихъ родовъ прослывемъ лѣнивыми, малодушными, неблагодарными и таковыхъ великихъ благодѣяній и щедротъ недостойными.

Глава 2.

О штатѣ академическомъ.

Цѣлый академической корпусъ состоять имѣетъ изъ слѣдующихъ частей: 1. Академическое собраніе. 2. Университетъ. 3. Россійское собраніе. 4. Гимназія. 5. Академія художествъ. 6. Библіотека и кунстъ-камера. 7. Канцелярія.

(Это росписаніе зачеркнуто, а вмѣсто него приписано на полѣ:)

1. Канцелярія. 2. Академическое собраніе. 3. Университетъ. 4. Академія художествъ. 5. Библіотека и кунстъ-камера. 6. Гимназія. 7. Географической департаментъ. 8. Переводческая экспедиція.

Статъ академическаго собранія (зачеркнуто: «Академіи наукъ).

Въ академическомъ собраніи должно быть для высокихъ наукъ тремъ классамъ: *математическому*, *физическому*, *историческому*. Сіе раздѣленіе имѣетъ свое основаніе на познаніи человѣческомъ, изъ которыхъ нижнее представляетъ вещи просто безъ изысканія причинъ и безъ выкладки однимъ историческимъ описаніемъ; второе, или среднее познаніе представляетъ вещи съ причинами по физическому разсужденію; третіе, или высшее познаніе, сверхъ показанія причинъ, утверждаетъ оныя математическимъ исчисленіемъ.

Должность сего собранія состоитъ главно въ томъ, чтобы изобрѣтать новыя въ высокихъ наукахъ вещи и изобрѣтенныя разсматривать общимъ совѣтомъ. Но какъ не можно тому быть, чтобы всякой профессоръ могъ разсуждать о всѣхъ другихъ наукахъ, для того надлежитъ быть по всякой наукѣ тремъ членамъ, какъ-то по большей части состоитъ въ парижской Академіи наукъ.

Каждаго должность, чинъ и жалованье предлагается въ слѣдующей таблицѣ:

[1]) Изъ собранія ломоносовскихъ бумагъ, принадлежащихъ Н. М. Орлову.

Должности.	Ранги.	Жалованье.
Классъ математическій.		
Ординарный, или старшій членъ высшей математики	Въ рангѣ подполковника, или по послѣдней мѣрѣ премьеръ-маіора.	По 660 р.
» » » » » астрономіи.		
» » » » » механики. .		
Классъ физическій.		
Ординарный, или старшій физикъ.		
» » » медикъ.		
» » » химикъ		
Классъ историческій.		
Ординарный, или старшій анатомикъ и зоологъ . . .		
» » » ботаникъ.		
» » » металлургъ.		
	Итого	5940 р.
Секретарь конференціи	Въ томъ же рангѣ	1000 »
У каждой должности по одному экстраординарному, или молодшему члену по 500 р.	Премьеръ или секундъ-маіоръ.	4500 »
У каждой должности по адъюнкту по 360 р.	Капитанъ.	3240 »
	Итого	14680 р.

II.

Глава третія, о регламентѣ Академіи наукъ.

Изъ предложенной табели академическаго штата довольно явствуетъ, что толь разныхъ департаментовъ распорядокъ требуетъ не токмо больше нежели Теплова знанія и смыслу [которые онъ притомъ по большей части въ коварства употребляетъ], но и самому ученому человѣку, главное свое стараніе къ пользѣ отечества простирающему, одному тягостенъ будетъ. И такъ не токмо по моему мнѣнію, но и по прехвальному и высочайшему примѣру, данному отъ всемилостивѣйшей монаршеской воли въ сочиненіи новаго россійскаго уложенія, надлежитъ поручить сочиненіе академическаго регламента нѣсколькимъ ученымъ людямъ, въ которомъ смотрѣть слѣдующаго: 1) чтобы они были тѣ, которые порядочно продолжали свое ученіе здѣсь и въ другихъ государствахъ, академіяхъ или университетахъ, и тѣмъ пріобрѣли знаніе состоянія оныхъ; 2) чтобы они были природные россіяне или отдали себя въ россійское подданство вѣчно, ибо отъ сихъ больше должно ожидать усердія; 3) чтобы они не были участниками нынѣшняго испорченнаго академическаго состоянія, ибо опасно, чтобъ не стали защищать своихъ прежнихъ поведеніевъ; 4) чтобы въ академической службѣ не имѣли родственниковъ; для которыхъ бы не стали стараться о должностяхъ и чинахъ, въ Академіи негодныхъ, или прибавливать въ статьѣ жалованья.

И такъ хотя я имѣю къ академическому регламенту довольно матеріи, однако оное до нарочнаго всемилостивѣйшаго учрежденія оставляю. Ны-

нѣ только предлагаю онаго планъ или оглавленія по департаментамъ.

Часть 1. О академическомъ собраніи. Глава 1. О упражненіи всѣхъ академиковъ вообще и каждаго особливо. Гл. 2. О должности секретаря конференціи и другихъ при ней служителей. Гл, 3. О приватныхъ собраніяхъ. Гл. 4. О Комментаріяхъ и другихъ сочиненіяхъ. Гл. 5. О публичныхъ торжествахъ. Гл. 6. О задачахъ и награжденіяхъ внѣ Академіи. (Зачеркнута:) Гл. 7. О награжденіяхъ и штрафахъ внутрь академическаго собранія. Часть 2. О университетѣ. Глава 1. О ректорѣ университетскомъ. Гл. 2. О лекціяхъ. Гл. 3. О диспутахъ. Гл. 4. О произведеніяхъ въ градусы. Гл. 5. О произведеніи студентовъ изъ гимназіи. Глава 6. О сочиненіяхъ университетскихъ. Гл. 7. О пріемѣ студентовъ извнѣ Академіи. Гл. 8. О посылкѣ студентовъ въ чужіе краи на академическомъ содержаніи и на ихъ собственномъ подъ протекціею и смотрѣніемъ академическимъ. (Зачеркнута:) Гл. 9. О награжденіяхъ и штрафахъ. Часть 3. О Академіи художествъ. Гл. 1. О собраніяхъ и засѣданіяхъ. Гл. 2. О должности каждаго члена и смотрѣніи надъ художествами. Гл. 3. О сношеніяхъ съ академиками. Гл. 4. О произведеніяхъ въ мастеры. 5. О награжденіяхъ и штрафахъ (послѣдняя зачеркнута). Часть 4. О россійскомъ собраніи. Гл. 1. О упражненіяхъ и должностяхъ членовъ. Гл. 2. О собраніяхъ и засѣданіяхъ. Гл. 3. О сочиненіяхъ и изданіяхъ. Гл. 4. О пріемѣ членовъ извнѣ Академіи. Часть 5. О гимназіи. Гл. 1. О учителяхъ. Гл. 2. О расположеніи часовъ, въ которые учить, и чему и по какимъ книгамъ. Гл. 3. О школьныхъ и домашнихъ задачахъ. Гл. 4. О пріемѣ школьниковъ. Гл. 5. О содержаніи школьниковъ. Гл. 6. О свидѣтельствѣ школьниковъ и о переводѣ по классамъ. (Зачеркнуто:) Гл. 7. О награжденіяхъ и наказаніяхъ. Часть 6. О библіотекѣ и кунсткамерѣ. Гл. 1. О содержаніи и расположеніи библіотеки и кунсткамеры. Гл. 2. О пусканіи гостей. Гл. 3. О употребленіи книгъ отъ академическихъ служителей. Гл. 4. О выпискѣ книгъ и всякихъ вещей въ библіотеку и кунсткамеру. Часть 7. О канцеляріи. Гл. 1. О должности канцелярской. Гл. 2. О засѣданіяхъ. Гл. 3. О порядкахъ. Гл. 4. О смотрѣніи наукъ и художествъ. Гл. 5. О содержаніи жалованной суммы. Гл. 6. О содержаніи и о веденіи книжной продажи. Гл. 7. О прочихъ дѣлахъ, до коммиссарства и экономіи надлежащихъ. Гл. 8. О награжденіяхъ и штрафахъ по всѣмъ департаментамъ.

III.

Статъ императорской Академіи наукъ [1]).

Математической классъ:

Ординарный членъ высшей математики	660 р.
Ординарный членъ астрономіи	660 »
Ординарный членъ механики	660 »

Физической классъ.

Ординарный физикъ	660 »
» медикъ	660 »
» химикъ	660 »

Историческої классъ.

Ординарный анатомикъ. . .	660 »
» ботаникъ . . .	660 »
» металлургъ . .	660 »

Секретарь конференціи не надобенъ, гдѣ есть канцелярія, затѣмъ, что у каждаго класса по одному

экстраординарному по 500 р.	1500 р.
у каждой профессіи по адъюнкту по 360 р.	3240 »

---

[1]) Въ статьѣ Ломоносова, писанной, какъ доказано г. Н. Лавровскимъ, не въ 1760 г. (Билярскій, стр. 435), а въ 1755 г., есть подобное же росписаніе (Билярскій, стр. 452—455), но безъ назначенія жалованья.

Канцеляристу	200 р.
Тремъ копистамъ	360 »
Двумъ сторожамъ по 24 . .	48 »
Всего	15.388 р.

Сверхъ сего къ вышеписаннымъ принадлежатъ:

Лабораторъ	200 р.
Садовникъ	300 »
Просекторъ изъ адъюнктовъ	—
Почетнымъ членамъ 10 по 100	1000 »
Всего	16.888 р.

Университетъ.

Ректору прибавочнаго триста рублевъ	300 р.

Факультетъ юридической.

Юристъ ординарный	660 р.
» экстраординарный.	500 »
Исторіографъ ординарный и политикъ	660 »

Факультетъ медицинской.

Химикъ докторъ, Ботаникъ докторъ, Анатомикъ докторъ	Изъ академиковъ прибавки по 200 р. . . .	600 р.

Факультетъ философской.

Философъ и литеральный историкъ	660 р.
Физикъ изъ академиковъ, прибавки	200 »
Краснорѣчія и поэзіи. . . .	660 »
Математикъ изъ академиковъ прибавки	200 »
Оріентальныхъ языковъ и древностей	660 »
Двадцати студентамъ перваго класса по 120 р.. .	2400 »
Двадцати студентамъ втораго класса по 96 р. . .	1920 »
Два педеля по 180 р. . . .	360 р.
Два сторожа по 24	48 »
Всего	11.556 »

NB. Есть особливой.

Россійское собраніе.

Директоръ изъ профессоровъ, прибавки	200 р.
Члены изъ профессоровъ и адъюнктовъ	—
Члены жъ съ ними 4 особливые переводчики по 200 р.	800 »
Секретарь изъ адъюнктовъ, прибавка	100 »
Канцеляристъ изъ студентовъ перваго классса, прибавка	80 »
Четыре копіиста по 72 р. .	288 »
Сторожъ	24 »
	1292 р.

Библіотека и кунсткамера.

Библіотекарь изъ профессоровъ, прибавка	200 р.
Подбибліотекарь изъ адъюнктовъ, прибавка	140 »
Два помощника по 150 р.	300 »
Четыре сторожа	96 »
	736 р.

Гимназія.

Инспекторъ гимназіи изъ профессоровъ, прибавка. .	200 р.

Школа Россійская.

Верхняго класса учитель изъ адъюнктовъ, прибавка	100 р.	(60 р.)
Средняго изъ студентовъ, прибавка	60 р.	(40 р.)
Нижняго парочной	120 р.	

Школа латинская.

Верхней школы учитель и ректоръ	400 р.	(360 р.)
Средней школы учитель конректоръ	250 р.	(240 р.)
Нижняго класса учитель . .	150 р.	

Канцелярія.

Президентъ 3000 р., третья часть па Академію художествъ. Изъ суммы академической	2000 р.

Вице-президентъ 1800 р., двѣ трети жъ . . . . 1200 р.
Членъ проректоръ университета. Старшій академикъ. Инспекторъ гимназіи. Библіотекарь. Экономъ изъ профессоровъ, прибавка . . . . 200 »

Членамъ засѣдать по рангамъ, считая старшинство.

Два секретаря: одинъ по наукамъ, другой по экономіи, по 400 руб. . . . 800 р.
Протоколисты . . . . 300 »
Регистраторы . . . . 250 »
Два канцеляриста по 200 р. 400 »
Два подканцеляриста по 150 р. 300 »
10 копіистовъ по 60 руб. . . 600 »
Сторожей 6 . . . . 144 »

5594 р.

Коммиссаръ . . . . 200 »
Счетчикъ . . . . 72 »

5866 р.

Школа первыхъ основаній въ наукахъ.

Высшаго класса логики и морали изъ адъюнктовъ прибавки . . . . 60 р.
Геометріи и географіи студентъ, прибавки . . . . . 40 »
Ариѳметики студентъ, прибавки . . . . 40 »

Школа греческая.

Учителю одному . . . . . . 300 »

Школа нѣмецкая.

Въ вышнемъ классѣ учителю 300 »
Въ нижнемъ » » 180 »

Школа французская.

Въ высшемъ классѣ учитель 300 »
Въ нижнемъ классѣ » 180 »
Надзирателю . . . . 120 »
Четыремъ сторожамъ по 24 р. 96 р.
Шестидесяти школьникамъ по 40 р. . . . . 2400 »
Есть особливой.

IV.

Зачеркнутыя Ломоносовымъ мѣста въ его черновой запискѣ о худомъ состояніи Академіи наукъ и пр. (ср. стр. 576, 578).

Хотя академическое состояніе прежде новаго штата было по большей части въ мою при Академіи небытность, однако имѣю объ ономъ немалое знаніе, которое отчасти чрезъ достовѣрныя извѣстія, отчасти по пріѣздѣ изъ за моря въ немалое время собственнымъ искусствомъ свѣдалъ. Всѣхъ безпорядковъ ни моя память обнять можетъ, ниже ихъ множество представить позволяетъ обстоятельно. Для того знатнѣйшіе кратко упоминаю.

1. Члены Академіи наукъ, Петромъ Великимъ выписанные славные люди, Германъ, Бернулій, Бильфингеръ, Бекенштеинъ и др. для неудовольствія и обидъ отъ бывшаго тогда Академіи наукъ президента Блюментроста и отъ библіотекаря Шумахера принуждены были выѣхать, и Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы.

2. Ссоры Шумахеровы съ оставшими старыми профессорами, а особливо съ Делилемъ и Дюверноемъ много приращенію наукъ препятства учинили.

3. Великое воспященіе и помѣшательство чинили частыя неудавливыя челобитья на Шумахера: 1) самыхъ первыхъ вышеупомянутыхъ профессоровъ безполезныя жалобы для незнанія россійскаго языка; 2) пріѣхавшихъ изъ Москвы въ 1736 г. студентовъ прошеніе въ правительствующемъ сенатѣ, для того что ихъ почти голодомъ уморили; 3) доносительство многихъ академическихъ служителей разныхъ званій съ совѣтникомъ Нартовымъ, для чего учреждена была коммиссія

1742 году, и по нѣкоторымъ пунктамъ Шумахеръ приличился; но, знатнымъ предстательствомъ прикрытъ, спасся; 4) всѣмъ профессорскимъ собраніемъ подаваны были въ правительствующій сенатъ на него письменныя жалобы. Такимъ образомъ происходящія несно-койства препятствомъ были наставленію молодыхъ людей, а особливо что ихъ мало на жалованьѣ содержалось, не было смотрѣнія и усердія къ обученію природныхъ россіянъ.... [1])

—

5. Въ 1742 году, примѣтилъ Шумахеръ, что многіе академическіе служителя на него доносить въ испровер-женіи наукъ и въ похищеніи казны изготовились, опредѣлилъ читать лекціи только для виду и выдалъ каталогъ лекцій всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ, хотя только прямыхъ россійскихъ студентовъ было только двое Протасовъ да Котельниковъ, которые изъ невской семинаріи добровольно въ Академію выпросились. Но сіи лекціи пресѣклись въ краткое время [2]).

—

И такъ послѣ новаго стата пять профессоровъ, не упоминая Краценштеина, ибо не имѣлъ жалобы, съ неудовольствіемъ изъ Россіи отъѣхали; шестой Вейтбрехтъ отъ огорченія съ небольшимъ сорока лѣтъ умеръ [3]).

—

(Послѣ показанія, что ученые не желаютъ поступать на службу въ нашу Академію [4]): ибо лучше хотятъ по извѣстнымъ своимъ привилегіямъ и вольностямъ отъ самихъ себя [хотя съ небольшимъ достаткомъ] зависѣть, нежели стоять у канцелярской двери межъ подъячими, или у Теплова въ передней межъ лакеями, и часто не получивъ входу, назадъ безъ успѣху со стыдомъ возвратиться. Близь десяти человѣкъ изъ Германіи призываны были, однако всѣ отказали. И такъ нынѣ, за малымъ числомъ академическихъ членовъ, конференціи рѣдко бываютъ; а когда и случаются, однако почти безполезны, затѣмъ что разсуждать нѣтъ съ кѣмъ въ дѣлахъ ученыхъ о высокихъ наукахъ.

—

(Послѣ извѣстія о Клейнфельдѣ, что «въ наукѣ своей анатомической далѣе простираться не имѣлъ времени» [1]): Почетные члены по большей части все нѣмцы, что противно не токмо регламенту, но самой справедливости, ибо Академія должна имѣть взаимное сообщеніе съ учеными людьми каждаго народа. Переписки съ учеными также рѣдко бываютъ для малаго числа членовъ, а иные нѣсколько и опасаются, имѣя прискорбные примѣры.

—

(О разсужденіи касательно книжнаго торга: «однако все безъ успѣху осталось» [2]): Для лучшаго знанія прилагаю здѣсь мои о томъ разсужденія на проектъ секретаря Ханина, который хотя не столько о настоящемъ дѣлѣ, однако больше о своихъ акциденціяхъ . . . . старался, желая быть самъ директоромъ.

—

(Вмѣсто разсказа о Таубертѣ, говорившемъ, что Ломоносовъ: «и одинъ-де намъ въ тягость» [3]): Яснѣе сіе доказывается недопущеніемъ многихъ россіянъ къ высокимъ наукамъ чрезъ принужденіе къ переводамъ; отчего я, сквозь многія нападенія прошедъ, из-

[1]) Это начало слѣдуетъ къ 1-ой главѣ О состояніи Академіи наукъ прежде новаго регламента, у Билярскаго, на стр. 438.

[2]) У Билярскаго на стр. 439, вм. 5 пункта поставлены точки.

[3]) У Билярскаго на стр. 440, это мѣсто должно быть передъ словами: «какое изъ сего Академіи безславіе».... и т. д.

[4]) У Билярскаго, стр. 440, послѣ словъ: «не взирая на знатную сумму, которая имъ предлагалась»

[1]) Билярскій, стр. 440.

[2]) Билярскій, на стр. 440.

[3]) Билярскій, стр. 443.

бавился и Попова за собою вывелъ и Крашенинникова.

—

(За указаніемъ, что не исполняются университетскаго регламента пункты 44, 54, 55, 63 [1]): И хотя профессоры по президентскому ордеру долго трудились о университетѣ, однако Тепловъ ни ихъ труда не аппробовалъ, ни поправилъ, ни своего не выдалъ. Подобнымъ образомъ и та коммиссія, въ которой поручено было нѣкоторымъ академическимъ членамъ трудиться о разборѣ академическихъ служителей, была безплодна, затѣмъ что Теплову по его намѣреніямъ не показалась и только была для виду.

—

(Послѣ похвалъ Елизаветѣ и словъ «щедроты великодушныя монархини нашея» [2]): Однако надежды еще не видно къ исправленію Академіи: вкоренившійся злодѣй все еще по своимъ мыслямъ въ ней обращается. Къ нему всѣ ходятъ для спросу; отъ него все зависитъ. И недовольно, что толико зла въ Академіи сдѣлалъ, но еще новымъ зломъ второе закрыть тщится, явно противясь высочайшему повелѣнію ея величества и правительствующаго сената о исправленіи законовъ, понося и обижая тѣхъ явно и нагло, которые свято почитаютъ оное всемилостивѣйшее и высокомонаршее повелѣніе ея величества о исправленіи законовъ. Въ таковой своей безстыдной продерзости, когда онъ не обинулся на меня учинить нападеніе, вѣдая, что я больше, нежели другіе профессоры, могу сыскать покровительства, то чего не можетъ онъ предпріять на другихъ профессорахъ, которые передъ нимъ трепещутъ и ничего не смѣютъ молвить, вѣдая его силу и злое сердце?

(Въ концѣ той же III-й главы написано: «вмѣсто радости любящимъ науки, къ печали служила», а прежде было:) вмѣсто радости любящимъ науки къ сокрушенію и слезамъ служить будетъ.

IX.

Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова о штатѣ для университета при Академіи наукъ, 1759 года [3]).

(Къ стр. 670.)

Краткая идея о установленіи порядка въ санктпетербургскомъ университетѣ.

Установленіе университетскаго порядка состоитъ: 1) въ статѣ, 2) въ регламентѣ, 3) въ привилегіяхъ, 4) въ инавгураціи. (Все это потомъ зачеркнуто.)

1. Статъ университетской.

Проректоръ прибавочнаго къ профессорскому . . . . 300 р.

1. *Факультетъ юридической.*

1. Профессоръ универсальнаго права . . . . 660 р.
2. Профессоръ россійскаго права . . . . 660 »

[1]) Билярскій, стр. 450.
[2]) Билярскій, стр. 451.
[3]) Объ этомъ отрывкѣ и времени его написанія у Билярскаго въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 417, 418. Подлинникъ этой бумаги хранится въ собраніи ломоносовскихъ бумагъ Н. М. Орлова.

3. Профессоръ исторіи и политики		660 р.

2. *Факультетъ медицинской.*

4. Химіи профессоръ 5. Ботаники профессоръ 6. Анатоміи профессоръ	Изъ академиковъ, прибавки по 200 р.	600 р.

3. *Факультетъ философской.*

7. Философіи и исторіи литеральной	660 »
8. Физики профессоръ изъ академиковъ, приб.	200 »
9. Математики изъ академиковъ, приб.	200 »
10. Краснорѣчія и древностей	660 »
11. Оріентальныхъ языковъ	660 »
Тридцати студентамъ по 100 руб.	3000 »
Два педеля по 96 руб.	192 »
Писарь	200 »
Два сторожа по 24 руб.	48 »
	8700 р.

—

Регламентъ университетской.

1. Профессоры должны читать публичныя лекціи въ авдиторіи, совершая курсъ въ годъ или въ полгода и далѣе года не продолжать.

—

(Съ боку:) Кто скажется студентомъ, того въ полицію не водить.

1. Начать: Университетъ есть и пр.

О учащихъ.

Глава 1. О произведеніи и пріемѣ профессоровъ и ихъ содержаніи. Гл. 2. О ихъ должностяхъ и трудахъ. Гл. 3. О сочиненіяхъ. Гл. 4. О диспутахъ и другихъ экзерциціяхъ. Гл. 5. О произведеніяхъ въ градусы. Гл. 6. О позволеніи вступать въ другихъ командъ дожности и оттуду награжденіяхъ. Гл. 7. О должности ректорской.

Часть 2. О учащихся.

Гл. 1. О произведеніи и пріемѣ студентовъ. Гл. 2. О раздѣленіи на три класса и о хожденіи на лекціи. Гл. 3. О содержаніи студентовъ. Гл. 4. О студентскихъ экзерциціяхъ. Гл. 5. О экзаменахъ и произведенія изъ классовъ. Гл. 6. О законахъ, награжденіяхъ и наказаніяхъ.

X.

Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова изъ проекта устава для гимназіи въ Москвѣ и другихъ городахъ[1])

Часть первая. О школьникахъ (зачеркнуто).

Глава первая. О пріемѣ школьниковъ въ гимназію.

1. Какихъ чиновъ дѣтей принимать въ московскую гимназію, о томъ показано въ штатѣ (§), но какимъ образомъ, о томъ поступать по слѣдующему:

2. Всякъ, кто желаетъ своихъ дѣтей или повѣренныхъ себѣ подъ опеку (зачеркнуто: «о чемъ должно показать повѣренное письмо») въ московскую гимназію изъ дворянъ или изъ разночинцовъ отдать въ обученіе, долженъ оныхъ представить въ университетскую директорію при доношеніи, въ которомъ объявить его лѣта и что умѣетъ читать и писать по россійски, на казенномъ-ли жалованьѣ или на своемъ коштѣ содержать ихъ намѣренъ. Въ первомъ случаѣ имѣетъ быть принятъ въ комплектъ, ежели есть порожжее мѣсто; когда же нѣтъ, ожидать того по порядку времени, кто прежде подалъ доношеніе. Во второмъ случаѣ

[1]) Ср. выше подъ 1760-мъ годомъ, стр. 688, 689.

принимать и обучать въ школахъ въ томъ, чего пожелаютъ. Для сего инспектору гимназіи имѣть два списка для сообщенія въ директорію, одинъ обучающихся на жалованьѣ, другой безжалованныхъ; и оные по всякую треть взносить въ директорію.

3. Когда съ самаго начала на порожзее мѣсто принятъ будетъ школьникъ на жалованье, обучаться ему два мѣсяца, не получая онаго и не вступая съ прочими въ общество, дабы увидѣть, можно-ли отъ него какихъ нибудь успѣховъ надѣяться, чего учителямъ смотрѣть накрѣпко и репортовать инспектору гимназіи, а оный директоріи.

4. Ежели о представленномъ ученикѣ объявлено будетъ, что онъ прежде обучался въ какихъ языкахъ или наукахъ, то онаго свидѣтельствовать инспектору съ ректоромъ и съ учительми объявленныхъ языковъ или наукъ, и о томъ репортовать въ директорію, въ которой опредѣлять таковыхъ учениковъ въ классы и въ школы, разсуждая по достатку ихъ знанія.

5. Ежели случится, что представленъ будетъ въ ученики на жалованье уже въ совершенномъ возрастѣ, лѣтъ около двадцати, который окажетъ къ ученію великое желаніе безъ принужденія, ниже ищучи себѣ нужнаго пропитанія, таковыхъ принимать за комплетъ на двѣ трети и ежели способенъ явиться и надежду покажетъ, то принять въ комплетъ на жалованье.

6. Для предувѣдомленія объявляется, что кто обучаться будетъ на казенномъ жалованьѣ, тѣхъ производить и опредѣлять по ихъ наукамъ по свидѣтельству учителей, по представленію директоріи и по разсмотрѣнію кураторовъ.

7. Ежели жъ кто безъ того отлучится отъ гимназіи, съ тѣмъ поступать какъ ниже сего въ главѣ о штрафахъ показано. Кто жъ обучаться будетъ на своемъ коштѣ, тѣмъ вести себя должно какъ и прочимъ на жалованьѣ содержаннымъ, и когда хотятъ быть изъ гимназіи выпущены, то должны представить въ директоріи законныя причины, что учинено будетъ по разсмотрѣнію директора или, ежели обстоятельства потребуютъ, по разсужденію кураторовъ.

Глава вторая. О содержаніи жалованныхъ учениковъ.

NB. Содержать вмѣстѣ.

1. Для содержанія каждой гимназіи 50 человѣкъ школьниковъ долженъ быть домъ, въ которомъ двѣнадцать жилыхъ покоевъ и залъ; десять покоевъ для учениковъ по пяти въ каждой, которые въ тѣ же классы ходятъ и одинъ урокъ учатъ. Залъ для кушанья и утренней и вечерней молитвы; одинъ для старосты, одинъ для истопниковъ; притомъ поварня и пр.

2. Для стола содержать должно повара русскова на подрядъ. Обѣду быть въ 11, ужину въ 7 часовъ. За обѣдомъ въ скоромные дни щти, или супъ, или кашица, мясо, каша; въ постные — уха, бураки или селянка, осетрина, каша. За ужиномъ въ скоромные—кашица съ соленымъ мясомъ и блины грешневые съ масломъ коровьимъ, въ постные — кашица съ осетриною.

3. Положивъ... (2 и 3 пункты зачеркнуты и вмѣсто нихъ написано:)

2. Опредѣленные 15 руб. въ годъ каждому школьнику употребить на ихъ одѣяніе и другія потребности, чему всему реестръ съ цѣнами опредѣляется въ слѣдующей табели на два года за тридцать рублей.

(На полѣ приписка:) Которые ученики содержатся на своемъ коштѣ, о тѣхъ поведеніи и честныхъ нравахъ будутъ внѣ гимназіи дома имѣть попеченіе родители или тѣ, которымъ они даны подъ опеку. А тѣ, которые на жалованьѣ содержатся, должны имѣть особливый присмотръ не токмо въ ученіи, но и въ порядочномъ поведеніи и содержаніи.

XI.

Черновой собственноручный набросокъ Ломоносова диссертаціи его о твердости и жидкости тѣлъ, 1760 г.

(Къ стр. 710.)

Dissertatio de liquido et solido.

1. Alloquutio ad Br. quod primus invenerit. et promisit ante operam daturum. Igitur frustra alii.
2. De aëre regenerato in meteorologia. Calculus, quae esset athmosphaera et quam magna si vel unum milliare aquae crassicie resolveretur in vapores.
3. Non hic quasi ad religionem aliquam convertere veteranos, quosdam praesertim in mathesi amusos et osores solidioris scientiae, qui omnia posteritatis bona se fecisse putant.
4. Insident visceribus Academiae tanquam virulenta ulcera.
5. Кривой термометръ.
6. Етроскопъ.
7. Pendulum centroscopicum.
8. Barometrum universale.
9. Thermometrum post lentem (?).
10. На солнцѣ и въ тѣни терм. разница. Въ Кол. 16.
11. Что ртуть около Якутска ниже 300 град. замерзла и пузыревата. Красильниковъ. Кожаная. 20.
12. Mercurius coquatur in vacuo et aqua spolietur, et tandem frigori exponatur.
13. Experimenta mea ad producendum frigus artificiale facta (28) anno 1747.
14. De thermometris ad eandem divisionem reducendis.
15. Алгебраическая формула о величествѣ cohaesionis.
16. Liquiditas et solidas quantum a caloris et frigoris variatione dependeat in confesso est apud omnes: auditores.
17. Fluida ex solido quot modis fiant .... solutiones, dilutiones, destillationes.
18. Definitio solidi. conservatio figurae.
19. Glutina quid. ex animalibus praesertim.
20. Quantum corpus a situ quadrato ad situm triangularem contrahi possit. Hoc est a congelatione ad dissipationem continuam in vapores.
21. Refutatio attractionis ex epistola ad Eulerum.
22. Omnia haec de cohaesione hunc tendunt ut possibilitas extensionis ad 1200 eruatur.
23. Mercurius ebullit ad hunc gradum .... [1]) Comparetur extensio et contractio aquae inter duos terminos nempe ebullitionis et congelationis cum extensione mercurii. item factis experimentis in cera pice, califonio, sulphore, butyro, stanno, plumbo, et hinc probabilitas summa inseratur, quantum descendat Mercurius.
24. Bullae surgunt, quando in situ quadrato positae communicant inclusum aërem.
25. Ut ex simplicissimis filis rotundis crassitie etiam non inter se differentilius etc.
26. Congruentia. nempe thermometra non omnium liquorum pariter obediunt.

*
* *

Soliditas et fluiditas corporum quantum a variationibus caloris et frigoris dependeant, in confesso est apud omnes, auditores. Quapropter non incongruum esse judicavi, ut hac solemni celebritate, qua cl. collega, Braun, vir in rebus philosophicis et physicis diligentissimus, doctissimus, in experimentis

---

[1]) Въ подлинникѣ точки.

instituendis dexter, in successu felix, de congelato a se mercurio disserit, etiam meas meditationes proponerem causam spectantes variae corporum cohaesionis, unde varia soliditas atque fluiditas eorum proficiscitur, indeque deducerem ad quantum thermometri gradum Mercurius debeat descendere priusquam congeletur. Quandoquidem experimenta praeterlapsa hieme instituta admodum variant, nempe a gradu 500 circiter ad gradum 1260.

XII.

Черновой собственноручный набросокъ съ перечисленіемъ винъ и проступковъ Тауберта. 1761 года.

(Къ стр. 723—724.)

Ищетъ своихъ прибылей и власти.

Недоброжелатель россійскимъ ученымъ.

3. Для того мнѣ старается препятствовать.

—

1. Властолюбіе. 4. 13. 16. 19. 20. 21. 26. 28.

2. Лакомство. 7. 12. 13. 17. 19. 22. 28.

3. Зависть. 1. 2. 14. 6. 8. 10. 25. 27.

4. Ненависть къ россіянамъ. 9. 11. 15. 21. 25.

—

Къ графу. 5. Чтобъ онъ однажды принялся и хлопотъ избылъ. Académie sans, sans, Teplof à Strube. Указъ 24 года генваря 20 дня, и положить въ началѣ. Письма мои о исправленіи Академіи наукъ недавно на Украйну.

Письмо обличительное Теплову.

NB. Въ доношеніи на Тауберта.

NB. Ко Льву къ Симоновичу. Morbus Neapol.

Представленія.

1. О соединеніи всѣхъ академическихъ департаментовъ въ одинъ корпусъ.

2. Лексиконъ первообразныхъ.

③ Потребна!!!

④ О выдаваніи ученыхъ вѣдомостей по силѣ регламента.

NB. Написать въ репортѣ о моихъ департаментахъ и промеморіи въ каморъ-коллегію о числѣ крестьянъ.

О строеніи академическомъ поданъ планъ.

5. Краткое понятіе о всѣхъ наукахъ.

6. Βατοιχοσιον.

⑦ О истребованіи изъ сената на строеніе шкафовъ.

⑧ О учрежденіи внутреннихъ рос. вѣдомостей.

⑨ О издаваніи Комментаріевъ по частямъ.

⑩ О жетонахъ профессорамъ.

⑪ Списывать портреты въ церквахъ.

⑫ О счетѣ въ библіотекѣ.

13. О глобусѣ — отданъ Трускоту.

—

1. Препятствія географической экспедиціи.

2. Въ гимназіи.

(На другомъ листѣ.)

1. Не подаетъ о библіотекѣ репортовъ и счетовъ, ни отъ переплетной.

2. Приводитъ въ междусобія членовъ профессорскаго собранія, отчего слѣдуетъ остановка въ приращеніи наукъ. NB. *Эпинуса на меня, Румовскаго на Попова и Красильникова.* (Этотъ пунктъ потомъ зачеркнутъ весь.)

3. Деньги отъ типографіи держитъ за своею печатью.

4. Подряды. (Зачеркнуто.)

⑤ Выдача денегъ безъ канцелярскихъ опредѣленій и строитъ безъ вѣдома оныя всякія пристройки при домѣ Волкова и Лутковскаго.

6. Глобусъ великому князю.

7. Реляція о взятіи Берлина, изодралъ отвѣтъ.

8. Представлялъ ложно правительствующему с. о невозможности на обсерваторовъ, къ обидѣ россійскихъ астрономъ. Также и въ домѣ ея величества (обносилъ) тоже ложное представленіе (подлымъ) повторялъ и подтверждалъ словесно и письменно, не взирая на репримандъ, учиненный ему въ прав. сенатѣ.

9. Обидитъ тѣхъ профессоровъ коварнымъ и наглымъ образомъ, кои худыя его по Академіи дѣла охуждаютъ и тѣмъ чинитъ наукамъ препятствія. NB. *катедру велѣлъ вынесть*, и въ чтеніи лекцій чинитъ препятствіе.

⑩ Уничтожаетъ полезныя для наукъ и Академіи славныя представленія и тѣмъ препятствуетъ государственной пользѣ.

XIII.

(Къ стр. 845.)

1.

Отрывокъ изъ проекта Устава Академіи наукъ [1]).

..... писать словъ заносительныхъ, подающихъ причину къ ссорамъ и несогласію, а напаче касающихся до поношенія чести или какой укоризны.

7. Ежели кто въ собраніи произнесетъ слово, подающее поводъ къ ссорамъ, или оскорбительное своему товарищу, тому штрафъ, молчаніе; ежели же ослушается, то штрафъ денежный. (На полѣ противъ этихъ словъ; *Президентъ и вице-президентъ*).

8. Чего ради продолжающейся между двумя академиками ученой распрѣ секретарю весьма должно быть внимательну, и когда кто преступитъ противъ седьмаго пункта, то дать знакъ тотчасъ къ молчанію и записывать въ журналъ, объявя напередъ преступившему вину его учтивымъ образомъ.

9. Всѣ сомнительныя распри, не принимающія геометрическаго доказательства рѣшить по большинству голосовъ.

10. Когда же академики не согласятся въ своихъ мнѣніяхъ, то секретарю записать въ журналъ всѣ мнѣнія и всякому академику подписать свое особливо. Впрочемъ секретарь долженъ вести журналъ, такъ какъ въ коллегіяхъ и въ канцеляріяхъ.

11. Секретарь долженъ записывать въ журналъ все, что въ каждомъ собраніи дѣлано со всѣми обстоятельствами и вносить читанныя въономъ сочиненія и письма, по которымъ было разсужденіе. По сему журналу долженъ сочинять исторію съ пріобщеніемъ своего разсужденія, что по ученымъ дѣламъ происходило и публиковать въ началѣ слѣдующаго года на россійскомъ языкѣ.

12. Секретарь долженъ быть одинъ безсмѣнный, и когда по какой нибудь важной нуждѣ отлучится или за болѣзнію дѣла своего отправить не возможетъ, то имѣетъ волю поручить свое дѣло кому пожелаетъ изъ академиковъ.

13. Понеже елевамъ должно пріучаться къ дѣламъ, по наукамъ происходящимъ, то позволяется профессорамъ приводить своихъ елевовъ въ собраніе когда пожелаютъ, которымъ сидѣть позади своихъ профессоровъ (на полѣ: *Университетъ)*, слушать со вниманіемъ и въ разговоры академиковъ не мѣшаться, развѣ о чемъ спроситъ президентъ, или въ небытность

[1]) Слова, набранныя курсивомъ приписаны рукою Ломоносова.

его вице-президентъ и прикажетъ дать свое мнѣніе.

14. Никому изъ постороннихъ въ собраніе входить не позволяется, развѣ *съ докладу и позволенія въ собраніи, а мѣста не давать кромѣ тѣхъ, кои полковничій рангъ имѣютъ или ученой градусъ.*

15. Имѣющаго представить Академіи своего сочиненія книгу или своего изобрѣтенія машину для апробаціи, долженъ секретарь представить собранію академиковъ съ вѣдома президентскаго.

16. Въ назначенные дни и часы академическаго засѣданія должны академики въ собраніе приходить исправно, развѣ кому воспрепятствуетъ болѣзнь или законная нужда, и тогда подать вѣсть секретарю письменно, а оной предложитъ собранію.

17. Каждое собраніе долженъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ академиковъ по очереди принесть какое нибудь новое сочиненіе, примѣчаніе, представить опытъ или наблюденіе.

18. Президентъ можетъ уволить академика для собственныхъ его нуждъ на шесть недѣль *и объявить правительствующему сенату.*

19. Вакація, или упокоеніе, отъ трудовъ академическихъ, по примѣру прочихъ Академій, имѣетъ продолжиться съ 1 мая по пятое надесять іюня, въ которое академики отъ своихъ трудовъ уволяются и имѣютъ свободу на сіе время отъѣхать куда пожелаютъ въ предѣлахъ россійскаго государства. (На полѣ:) *До привилег.*

20. Въ награжденіе прилежнаго хожденія въ собраніе давать каждый разъ присутствовавшимъ нарочно сдѣланныя на то медали небольшой цѣны. (На полѣ:) *За всякое присутствіе жетонъ.*

21. Дабы въ печатаніи сочиненій и переводовъ академиковъ не было остановки, ибо тѣмъ больше охота авторовъ къ сочиненію возрастаетъ, чѣмъ скорѣе на свѣтъ выходятъ дѣла оныхъ, то должны сочиненія академиковъ въ печати имѣть первенство. (На полѣ:) *NB. Въ привилегію.*

Глава V.

1. Науки академическія всѣ раздѣляются наиспособнѣе на три класса: математической, физической и философической.

2. Въ математическомъ классѣ содержится математика чистая и прикладная; до первой надлежитъ геометрія и анализисъ, до второй—механика и астрономія съ географіею и навигаціею.

3. Въ физическомъ — физика экспериментальная и теоретическая, химія, исторія натуральная съ ботаникой и анатомія.

4. Въ философическомъ—словесныя науки, антиквитеты, исторія, профессія оріентальныхъ языковъ, философія теоретическая и практическая.

(Пункты 2, 3 и 4 зачеркнуты.)

5. По сему наукъ раздѣленію должны и издаваемыя академиковъ сочиненія расположены быть въ Комментаріяхъ въ три класса: въ математической, физической и философической.

6. Комментаріи должны выходить по годно, каждый годъ по одному тому.

7. Выборъ сочиненій, вносимыхъ въ Комментаріи должны имѣть изъ каждаго класса два старшіе профессоры: два изъ математическаго класса, два изъ физическаго, два изъ философическаго.

8. Вносить въ Комментаріи сочиненія профессоровъ ординарныхъ, экстраординарныхъ, адъюнктовъ и почетныхъ членовъ; корреспондентовъ по согласію всѣхъ академиковъ, съ дозволеніемъ президентскаго, съ прописаніемъ достоинства сочиненія.

9. Комментаріи издавать на латинскомъ или на россійскомъ языкѣ съ присовокупленіемъ академической исторіи по наукамъ, въ сочиненіи которой остерегаться отъ изображеній,

умаляющихъ славу Академіи и академиковъ.

Глава VI. О публичныхъ академическихъ собраніяхъ.

1. Публичныя академическія собранія должны быть каждый годъ по два раза: одно на другой день послѣ новаго года, 2 генваря; а другое послѣ торжественнаго праздника возшествія ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ 1 іюля.

2. Во всякомъ собраніи должны читать два академика о разныхъ матеріяхъ на россійскомъ языкѣ. Ежели же между русскими академиками будутъ иноземцы, россійскаго языка незнающіе, то оное чтеніе расположить такъ, чтобы одинъ читалъ на латинскомъ языкѣ, а другой—на россійскомъ. (На полѣ:) *Перевесть и читать пріятелю его на россійскомъ съ оговоркою. Разумѣется о диссертаціяхъ, а ораторскія рѣчи должны быть всѣ россійскія.*

3. Предлагаемыя сочиненія въ публичныхъ собраніяхъ не должны быть о высокихъ матеріяхъ и для уразумѣнія требующихъ глубокаго въ наукахъ знанія, какъ-то: тонкія и подробныя изслѣдованія въ астрономіи, механикѣ и физикѣ, соединенныя съ математическими выкладками, но о матеріяхъ внятныхъ и привлекающихъ вниманіе слушателей.

4. Академики должны отправлять по очередно въ публичныхъ собраніяхъ чтеніе. Ежели же кто изъ очередныхъ занеможетъ или въ отлучкѣ будетъ по дѣламъ академическимъ, то имѣетъ заступить его должность тотъ, кому президентъ именно прикажетъ. (На полѣ:) *У кого есть новое изобрѣтеніе приличное.*

5. Ко всякому публичному акту имѣютъ приготовиться два академика изъ разныхъ классовъ наукъ, но чтобъ и въ томъ не было замѣшательства, кому напередъ приготовиться старшинство соблюдаться должно.

6. Публичный актъ болѣе *двухъ* (вм. зачеркнутыхъ трехъ) часовъ продолжаться не долженъ.

7. Въ публичныхъ собраніяхъ сидѣть академикамъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ приватныхъ.

8. Рѣчи и сочиненія, къ публичному акту приготовленныя, прежде акта должны быть напечатаны, *хотя сіе и не со всѣмъ нужно.*

9. Въ публичное собраніе позволяется войти всякому, *чинъ имѣющему или въ наукахъ упражняющемуся человѣку.*

Глава VII. О задачахъ и награжденіяхъ.

1. Понеже науки процвѣтаютъ побужденіемъ ученыхъ людей, того ради предлагать ежегодно ученому свѣту по одной задачѣ съ награжденіемъ ста червонцевъ, или въ оную цѣну золотой медали тому, чье рѣшеніе Академія признаетъ за достойное.

2. Задачи предлагать при публичныхъ актахъ которые будутъ отправляться съ начала каждаго года генваря втораго дня впредь на восемь мѣсяцевъ, чего ради имѣющіе трудиться въ рѣшеніи оныхъ за положенное награжденіе, должны присылать свои сочиненія (зачеркнуто: въ сентябрѣ мѣсяцѣ) *къ первому числу ноября;* а по прошествіи сего срока не примутся.

3. Къ рѣшенію предлагаемыхъ отъ Академіи задачъ приглашается всякъ, выключая академиковъ, *ординарныхъ, экстраординарныхъ и адъюнктовъ.*

4. Задачи оныя должно предлагать по классамъ наукъ попеременно: разъ изъ математическаго класса, разъ изъ физическаго и изъ философическаго.

5. Всякъ свое рѣшеніе долженъ адресовать прямо въ Академію съ надписью по обыкновенію и пріобщеніемъ особливаго письма съ объявленіемъ своего имени, которое откроется по удостоеніи сочиненія къ награжденію.

6. Какъ сіи пакеты, такъ и другіе, адресованные въ Академію долженъ

принимать секретарь Академіи и распечатывать въ собраніи, а внѣ собранія отнюдь не распечатывать.

NB. NB. Штрафы взять изъ описанія Мюллер. и Т. поступковъ. Епин. Рум.

2.

Idea status et legum Academiae Petropolitanae.

§ 1.

Academiae scientiarum Petropolitanae bene constituendae atque rite instaurandae rationem in euntes pervidere oportet, quemadmodum in omnibus rebus gravioribus bonoque publico ex vota successoris, requiritur, ut firmissimis fundamentis positis totum systema tantae malis superstruant. Alias enim omnia lubrica et incerta nutabunt, imo nondum absoluto opere ruinam minabuntur. Istius modi fundamenta continentur in sequentibus capitulis.

1. Statum et leges academicas candendo, curandum est ut omnia munere possint inconcussa per secula quocunque tempore et circumstantiis durabilia. Hinc cavenda et expungenda sunt ea, quae in praeterito et praesenti statu Academiae bonis successibus noxia scientiarum per experientiam cognita habentur.

2. Ante oculos habenda sunt statuta exterarum Academiarum, quae jam per plurimos annos florentissimo statu vigent, tanquam optima exempla, atque quidquid commodum et fructuosum est, in usum nostrae adaptandum, exclusos eos, quae cum reliquis imperii Russiaci statutis minus consentiunt.

3. Revidendum est ut academicorum reliquorumque eruditorum et discentium numerus ponatur fixus, sufficiens, nec tamen sumptibus pro Academia destinatis onerosus; promovendis scientiarum progressibus idoneus.

4. Ubique in distribuendis officiis et candendis legibus interponendus est inter socios superiores et subalternos continuus nexus, ut singuli singulis, quantum fieri potest, sint quodammodo necessarii, quo factum erit, ut et pares praesertim proceres academici vivant in amico consortio, exercant in subalternos legitimam potestatem; hic vero debitomodo morem illis gerunt. Id vero ultra optimus scientiarum successus, quam plurimum potest ad conciliandam gratiam et auctoritatem Academiae in republica.

5. Ut bonorum probitas atque diligentia sua habent praemia, malorum vero cohibeatur perversitas atque desidia excutiatur, necesse est ut legibus convenientibus haec inhibeant illa praemiis afficiantur.

6. Inter distribuenda muniera, sive officia academicorum, praesertim vero inter classes atque (departament) servanda est proportionalis aequalitas, ne plus operae atque sumptuum adhibeatur eo in loco ubi minus requiritur, et contra ubi plus requiritur, minus adhibeatur. Alias enim status academicus non absimilis erit morboso corpori, inaequali partium nuttritia deformato.

7. Cum in hoc praeclaro instituto summa rerum in scientiarum cultu earumque progressibus unice promovendis consistat, sollicite praecavendum est, ne conjunta seu admixta externa et ad forum academicum minime pertinentia, ea in quibus cordo scientiarum ventitur, quodammodo retardent, obscurent, aut prorsus suffocata extinguant.

8. Disposito rite statu academico legibusque sancitis oportet omnia riguroso examini exposita expendere, ne sensus alicubi ambiguus varias adversas sibi ideas et expositiones admittat.

§ 2.

Positis ante oculis hisce principiis considerandus venit status praesens totius corporis academici, et quidem primo partes illius principales ut sunt:

1. Collegium professorum et adijunc-

torum qui constituunt Academiam scientiarum proprie sic dictum.

2. Universitas, quae consistit ex professoribus, docentibus et auditoribus, ex professoribus et studiosis.

3. Gymnasium ex praeceptoribus et discipulis conflatum.

4. Bibliotheca et technophilacium.

5. Academia artium, ut vocant, quo constat ex quibusdam artificibus et discipulis, quo etiam varia opificia spectant.

6. Typographium et bibliopolium.

7. Camera geografica.

8. Laboratorium mechanicum sic dictum.

9. Expeditio novarum publicarum.

10. Opificina compingendis libris.

11. Cancellaria academica, omnium horum summum tribunal.

§ 3.

Perspectis his et sollicite perpensis et inter se collatis patet: 1) corpus academicum parum convenire cum constitutione aliarum celebrium in Europa Academiarum, quod pugnat cum principio secundo. 2) Admixtis et admissis in idem corpus eruditis hominibus alieni fori, imo idiotis, quorum animi prorsus in alias res quam ad scientiarum progressum intenti sunt, non aliud quid expectandum esse potest, quam invidia, rixae, odia eo vero quantum degenerant omnia ab eo, quod principio quanto praescribitur. 3) Ea-quae captum vulgi sunt, magis arrident, majori attentione considerantur, quam quae altioris sunt in indaginis. Unde omnia quae scientiis opponuntur plebi plausibilia, re tamen vera parum illis cognata sunt, ipsarum scientiarum dignitatem infringunt. (Зачеркнуто: Unde fit, ut Chaleographicae imagines sigilla lapidis incisa, librarum splendida externa forma et similia majoris habentur, quam vel optimi academicorum ingeniorum foetus et quo principium septimum summe ostenditur). Haec singula cum re ipsa experta sit Academia scientiarum, alienis et peregrinis rebus oppressa et prope suffocata; resecanda et removenda ergo sunt ab ejus consortio omnia, quae commodis et profectibus scientiarum obstant; reliqua rite et congrue disponenda.

§ 4.

Academia scientiarum, universitas, gymnasium, bibliotheca et technophilacium ad scientiarum forum spectant, imo amico junguntur consantio; item camera geographica et laboratorium mechanicum ad professiones ejusdem nominis non minus pertinent, quam observatorium astronomicum, theatrum anatomicum, laboratorium chymicum, hortus botanicus, camera instrumentorum physicorum ad physicam. Quam ob rem non solum simul consistere haec omnia et in unum corpus commode conflari, verum etiam cum fructu mutuae operae copulari et instavrari possunt et debent. Et quamvis universitates plerumque ab Academiis scientiarum seorsim constitas videamus? Hoc tamen divortium non a differentia rerum tractandarum, verum potissime a diversitate locorum, et majore numero universitatum profiscitur. (Зачеркнуто: Quippe ut facilius est cognita discentibus pronere, quam incognita explorare, ita quoque major copia docentium exstitit, quam novis inventis scientias augentium. Et enim ubi locus et opportunitas concedit, exempla exstant plausibilia ubi academici abeunt professorum in universitatibus munera ut fit Parisiis et Göttingiae.

§ 5.

Reliquae moderni status academici partes, nempe: Academia artium sic dicta, cum opificiis, typographeum, blibliopolium, novarum publicarum expeditio, opificina pro libris compingendis sunt prorsus a corpore scientifico removendae singulae ob rationes proprias: 1. Vera Academia artium cum per se sit operosissima atque singularem requirit curam societatem ad tot diversas res sub diverso regimine et inspectione tractandas; idcirco ne

scientiarum cura deroget operae artibus navandae aut reciproce: separanda omnino videtur a corpore academico artium tractatio; praesertim cum in hac eadem urbe, alia instavrata sit Academia artium, multis antecelleens illi, quae apud nos nomine potius, quam re ipsa gaudet. Optime artibus consultum esset, si utraque consolidata in unam conjuncta opera, officio suo incumberet. Hoc quoque conveniret cum optimis exemplis exterarum regionum. 2) Impressio et venditio librorum ad constituendam Academiam non plus consent, quam fabrica, ubi charta conficitur, pariter necessaria ad faciendas juris publici eruditarum lucubrationes, ac typographeum aut taberna libraria. Nec exempla produci possunt ubi celebris aliqua Academia scientiarum aut universitas librariorum victui infensa lucrum eorum praecipiat. (Зачеркнуто: Imo vero illustris Beroninensia quamvis sumptibus regiis destituta lucubrationibus suis sustentetur, caret tamen proprio typographaeo et bibliopolio, eo contenta, quod typographi pro ejus modi operibus solvere solent. Nos ne igitur, qui tanta munificentia principum fruimur, quaestui magis quam litteris intenti et mercatorum negotiis implicati, vero nostro muneri abeundo surripi pretiosissimum tempus patiemur. На полѣ противъ этого мѣста подпись: Haes superflua videntur. Fischero, Braunio, Kotelnikowio.). 3) Quid Musis cum vili lucello, quod ex editis novis publicis aquiritur, cum detrimento vere quaestus in scientiarum successibus junctum hoc negotiosum cum impressione aliarum rerum quoties turbavit et impedivit litterarum progressus? Etenim cancellaria apud quam hac usque est summa rerum academicarum, quoties coacta erat, post habitis scientificis omnes attentionis vires consumere in accurandis eis, quae a summo senatu, ex collegio rerum exterarum et reliquis tribunalibus (зачеркнуто: imo vero ab ipsis Augustis) mittuntur in Academiam in varias linguas transferenda praelo subjicienda et publica distribuenda etc. quae quidem per se bona et necessaria sunt, Academiae tamen onerosa, imo vero non raro probrosa sunt. Si in versionibus, si in eligendis novorum articulis aliquid committitur. Plenique enim scientiarum dignitatis non bene gnari, ipsis imputare solent, quod ab illarum foro prorsus alienum est. 4. Vile denique illud opificiolum compingendi libros versatur inter Musarum subsellia; imo vero plerosque magis externa librorum facies afficit, quam ipse litterarum decus. Hoc abusi sunt quidam jactando et laudibus efferendo potius compactores librorum, quameorundem auctores; ostentantes ipsarum cura autem istam in Academia fastigium perfectionis attigisse: de praerogativis litterarum pisces sunt. Et haec perversitas eo usque progredi ausa est, ut compactori librorum commodum domicilium in aedibus academicis datum sit, despectis — prohdedecus! — et post habitis scientiarum maxime necessariis partibus, cujusmodi est physica experimentalis, ad quam exercendam ad juventatem in scientia naturali instituendam necessaria instrumenta per tot annos locum non invenerint, ubi lata conservarentur, non dico ordine disponerentur, adhiberenturque in usus optimos.

Pauca ex infinitis incommodis haec munita sufficiunt, ut inde persuasum habeamus scientiarum progressus dignitatem et tranquilitatem stare non posse, nisi memorata impedimenta ab illis removeatur et pura litterarum studia in optimum consortium unita atque nite adornata, disposita, stabilita jugi libertate et felicitate fruantur. (Зачеркнуто: Id autem sequenti ratione expediri posse non dubitatur.)

§ 6.

Venimus jam ad summum tribunal Academiae, quod nunc in presidem et cancellariam collatum est. Hoc maximi sit momenti, in quo cardo rerum academicarum vertitur, perspiciendi sunt

primo hujusmodi regiminis effectus, quos experta est Academia; deinde consideranda sunt exempla exterarum Academiarum; denique videndum est, quid hac de re sit statuendum.

Effectus, quos vera et stricte sic dicta Academia, sive eruditorum patres et cives, non sine dolore experti sunt, hi animis eorum insident. 1. Cancellaria ab initio semidoctis [quod etiam—proh dolor—legibus confirmatum est] constabat qui in doctissimos jus exercebant, et quod maxime pudendum est, ideotae cancellariae secretarii, qui nuditer russiaco stilo uti possunt, votum et sessionem in hoc tribunali affectare audent. Quo perventum est eo, ut quamvis in posterum ex academicorum numero judices ibidem constituti sint, nihilominus tamen pars contraria praevalet maximo damno scientiarum.

[За тѣмъ слѣдуетъ зачеркнутое: Nihil autem tam absonum esse potest, quam ubi praecipitur suasenda id, quod a praecepis ipso non intelligitur. Ejusmodi exemplo cancellaria Academiae trigenta circiter annis innotuit, cum semidocti praestites et idiotae subalterni administri eruditis fuerint onerosi, infensi, injurii.

Notum est quam damnosa res sit imperium in imperio. Nempe ubi subalterni etiam jus habent exercendi judicia independentia a praepositis, ut fit in conventibus academicis quorum pronunciata aequi bonique consulere debet ignorantia Cancellariae; quid enim boni expectari potest inde, ubi altera pars potest, sed non videt. Altera pervidet, sed non potest, quo utriusque voluntas labefactatur, successus retardantur, imo vero prorsus praecluduntur.

Non solum cancellariae semidocti praestites, imo etiam inferioris conditionis administri auctoritate et absentia praesidum abusi non parum eruditorum Collegio nocuerunt.]

Iidem nullam occasionem praetermiserunt auctoritatem suam atque otium litterarium professorum rumoribus urbis antepositum suum in commodum convertere, Aulam et domos illustres circumvolitando umbrasque scientiarum pro scientiis ipsis venditando et obtrudendo nempe imagines chaleographice expressas, sigilla lapillis incisa, libros concinne compactos, thermometra et barometra, horologia solaria, et alios ejus modi alieni laboris et ingenii foetus sumptibus academicis fabrefactos dono offerentes, seque ipsos nunc litteratos de meliore nota commendantes.

Cum scientiarum splendore et meritis se cum academicis aequari, nondum eos antecessere posse, sentiant et sunt tamen praestites, aliam viam ad praerogativum sibi aquirendam ingrediuntur, cognitis enim eruditis eorum controversiis quae alias amice campani solent, in usus suas illas convertunt; nempe hostiles utrique parti inspirant animas; juniores praesertim irritant contra seniores; excitant rixus et querelas; indeque occasione arrepta, rumores spargunt, musis noxios, eos damnando potius qui meritis suis illorum arrogantiae obstare magis videntur seque prorsus necessarios ad quietem in Academia servandam praedicant.

Non commemoro, quid tarda, saepius etiam recusata cum despectu salarii numeratio pro academicis, quid defectus librorum et instrumentorum scientiis promovendis necessariorum aliique offensiones conventui academico factae a cancellaria damni intulerunt. Quo factum est, in externas usque regiones, oculatis testibus, nempe tot ejectis injuria-membris fama divulgavit ejus modi eruditorum hic conditionem. Neque mirum equidem esse potest, non solum indigenorum neminem virum honestiorum liberos suos in Academiam nostram erudiendas tradere velle; verum etiam exteri eruditorum vocati in numerum academicorum amplissimo salario oblato, Petropolim idcirco adire recusant.

Cum autem exempla Academiarum in reliqua Europa intuemur, aliam

prorsus invenimus rerum faciem. Quandoquidem ipse met academicorum coetus sibi judex. Nemo arbiter ex foro alieno admittur ad dirimendas eruditas dessertationes ex semi doctis. Non ad januam cancellariae expectant permissionem ingrediendi ut id, quod quaerant, obtineant. Non supplius professores exspectant numerationem salarii ab idiotis alto supercitio illos contuentibus, et repulsam intentantibus; non denique res peregrinae a Musarum constantio alicnae, turbant eorum tranquillitatem. Non ne igitur manifestum est cancellariam Academiae scientiarum esse non solum, supervacandam verum etiam onerosam; atque adeo a genuina scientiarum sede abrogandam; tota denique auctoritas atque potestas rerum in reliquis partibus illius gerendarum in conventum professum conferendam, moderatore praeside Academiae, cui primaria sedes in hoc reverendo coetu figenda est. Majorem curam cancellariae in res a Musis abhorrentes adhibitam, quam in ipsa Musarum commoda clarissime omnium ostendunt profusius adhibiti sumptus ex aerario academico contra leges academicas ipsamque aequitatem.

§ 7.

Remotis ab consortio Academiae notatis partibus illius Academia constituenda est ex sufficienti eruditorum numero, qui jam in excolendis scientiis eos fecerunt progressus, ut non solum cognita discentibus communicare, verum etiam quae non dum patent, scrutari et eruere valeant. Numerus autem virorum litteris consecratorum qui sine defectu atque excessu omnium scientiarum et doctrinarum pensa aequali ratione perficiant, hic statui potest, in tres classes divisus, nempe in mathematicam, physicam et historicam, quarum primam geometra, astronomus, geographus et mechanicus; alteram physicus, chymicus, anatomicus et botanicus; tertiam historicus, juris consultus, antiquarius atque linguarum orientalium peritus ornabunt. Ad singulas classes academicus extraordinarius singulis ordinariis adjaciabitur adjunctus. Numerus ergo academicorum ordinariorum atque extraodinariorum nec non adjunctorum constabit ex septem et viginti capitibus. Notandum vero hic est rei metallicae peritum semper requiri in chymiae vel historiae naturali addicto, ut physiologum in anatomico vel physico, phylosophum, oratorem, poëtam quemcunque academicorum, qui in his studiis majores fecit profectus singulari praemio remunerandi, non secus ac secretarius academicus, oeconomus, bibliothecarius ejusque vicarius ex numero adjunctorum.

Praeter praesentium seu actualium membrorum Academiae scientiarum collegium adjumento et ornamento illustris hujus societatis sint, necesse est, membra exterarum regionum honoraria, quorum numerus determinandus non est; sed prout dignitas et merita commendabunt associentur. Verum qui stipendio academico frui possint sodales exteri decem eligendi sunt, in diversis regionibus, et quidem in Germania et in Gallia bini, in Anglia, Italia, Hispania aut Portugallia, Polonia, vel Suecia, Hollandia, China, singuli.

Insuper correspondentium ut nunc usu venit, numerus determinandus non est, sed pro commoditate commercii litterarii ipsorumque navitate eligi possunt, portatorio literarum immunes, quod ex aerario academico numerandum erit.

His igitur capitibus scientiarum Academia amplificata atque ornata non nomine duntaxat, verum etiam inclytis factis et vera utilitate publica illustre nomen per orbem universum merebitur ad gloriam Russiaci imperii ejusque Autocratorum concessurum.

§ 8.

Universitas petropolitana amica imo germana soror scientiarum Academiae in unum corpus atque animam conflata, communi consensu usum fructum Patriae latura ita instauranda censetur.

Ad evitandam entium multiplicationem sine nesessitate, ad minuendos sumptus, ad augenda academicorum salaria et excitandum eruditorum studium, eligendi et constituendi sunt professores in universitate ex academicorum coetu, qui studiosam juventutem praelectionibus publicis atque privatis instituant; ipsi ut mores est in facultates distributi. Equidem non incongruum foret, si quae in Academia scientiarum classium nomine gaudent, ratione universitatis facultatum titulo ornantur; sed cum in omnibus universitatibus usu receptum sit facultates secundum status reipublicae distribuendi, id circo et hic reservata facultate theologica, sanctissimae Sinoda, quae in illius gymnasiis sola tractari solet, in statu seculari pro exercendis et pro jure cuique tribuendo instavranda est facultas jurida. Pro conservanda et tuenda hominum valitudine constituenda est facultas medica. Ad promovendam prosperitatem publicam et praccuranda varia vitae commoda adornanda est facultas phylosophica. In jam dicta facultate exhibendae sunt lectiones: 1. historicae ad cognoscenda jura humana, quae alias ad phylosophicam perperam referri solet. 2. Philosophiae practicae; 3. Politicae; 4. Iuris publici et privati; 5. Ius rossiacum. In facultate medica praelegenda est: 1. Anatomia cum physiologia. 2. Chymica. 3. Botanica. 4. Medicina practica. In phylosophica facultate instituendi sunt auditores: 1. In utraque eloquentia. 2. Praelegendus cursus universae philosophiae. 3. Item matheseos. 4. Proponenda est physica experimentalis et dogmatica. 5. Mechanica. 6. Astronomica. Academici et adjuncti qui lectionibus proponendis incumbant officiendi sunt aucto salario, praeter id, quo ut academici vel adjuncti fruuntur.

Habendae dirigendae universitatis tradendi sunt prorectori, quotannis e numero professorum eligendo, qui pro hac singulari cura honorandus est insigniori augmentu salarii super ordinarium. De ejus electione, ordinatione atque honoribus dicetur ubi de legibus et statutis academicis sermo erit.

Studiosorum numerus qui sponte universitatem petropolitanam studiorum gratia adituri sunt, quamvis non adeo infrequens sperari posset, si inauguratio cum solenni declaratione beneficiarum, privilegionum et immunitutum, quae Augusta universitati concesserit, ex votis nostris exvêniret; spem insuper auget urbis magnificentia, aulae majestas, emporii frequentia, portus commoditus, docentium denique fama quae omnia ab exteris etiam regionibus confluxum studiosae juventutis pollicentur. Verum ut lavdabile exemplum aliarum universitatum imitcmur, ubi manificencia principum studiosi litterarum juvenes aluntur, non possumus numerum aliquem non ponere, qui sumptibus academicis sustentati unice lectionibus professorum auscultandis et scientiis excolendis incumbant. Quamvis autem pro amplitudine imperii, pro pavcitate universitatum coetus studiosorum ex publicis sumptibus alendorum ad aliquot centa extendi augeri debent; non tamen aerarium academicum id feret, satisfactum ergo primis initiis erit, si quadraginta capita studiosorum constituantur.

§ 9.

Universitatis nutrix seu penu atque promptuarium est gymnasium academicum. In hac alenda est tenerior aetas disciplinisque scholasticis imbuenda, ut idonca evadat sublimioribus in universitate studiis capiendis. Dublicatus minimum numerus requiritur ratione studiosorum ejusmodi juvenculorum; scilicet octogenarius, qui impensis academicis sustentabitur. Nec deerunt, ut et fit, quibus parentum cura et sumptibus prospicietur.

Classes studiorum scholasticorum dividantur ut nunc sunt in ordinarias et extraordinarias. Priores sunt prorsus necessariae nec iis praetermissis universitatem attingere nemo potest. Posteriores eae censentur, quae quidem uti-

les sunt; illas tamen praeterire possunt, qui vel annis provectiores vel ingenio tardiores sunt; fecerunt tamen non contemnendos profectus in scholis ordinariis, ubi lingua latina docetur, russiaca excolitur, matheseos et phylosophiae prima principia traduntur. Scholae quae extra ordinem ponuntur, sunt linguae graecae, germanicae, gallicae.

Scholae ordinariae in tres classes dispentiuntur, in infimam, mediam atque superiorem; extraordinariae in duas, praeter graecam, cui unica classis sufficere videtur: Et tabulam omnium scholarum et classium·

	Scholae ordinariae.			Scholae extraordinae.			
	Scholae Rossiacae.	Scholae Latinae.	Scholae primarum princ. phil. et mathem.	Schol. Gr.	Sch. Germ.	Sch. Gall.	
Class. supe rior.	Styli cultura in prosa et ligata et interpretandi exercitium.	Stuli latini cultura utraque oratione.	Logicae regulae traduntur.	Grecae linguae fit institutio. Postea in universitate apud professorum (зачеркнуто: antiquitatum seu linguarum orientalium) proprio Ma. cuilubet excolendae.	Stylus et versio germanica tractatur.	Stylus et versiones.	Class. sup.
media.	Regulae gramm. et rhetoricae.	Regularum gramm. absolut. et auctorum expositio.	Geometria et geographia docetur.		Regulae gramm. german. traduntur.	Regulae gram.	infer.
infima.	Prompte et recte legendi et scribendi exercititium.	Rudimenta linguae latinae.	Operationes arithmeticae discuntur.				

Pro numero scholarum et classium constituendi sunt 14 quatuordecem praeceptores, quorum 1 erit superioris classis latinae et rector gymnasii. Secundus et tertius superiorum classium rossiacae linguae et logicae praeceptor, quorum alteruter conrectoris munere fungitur. Reliquorum officia patent ex ipsa tabula.

§ 10.

Sequuntur bibliotheca et technophylacium, item camera geographica et laboratorium mechanicum hic recensenda, quorum cura quoniam academicis demandanda traditur (§). Inferiorum autem officiorum status facile exhiberi potest in tabula. Id circo missis his in considerationem. Tandem in plerisque academiis exterarum regionum quamvis vice praesides constitui non soleant, in berolinensi tamen directores eorum munere funguntur, et titulo solum, discrepantes autoritate vice praesidis pallent. Imo vero universitates [quae etiam academiarum nomine ornantur] rectoribus et prorectoribus constitutis diriguntur collegia, hujus imperii praesidibus et vice praesidibus ex asse referant. Insuper cum praesides Academiae hucusque fuerint magnates et aulici, qui plerumque summe imperante stipando, aut aliis officiis incumbendo rebus academicis unice vacare non possint: id circo vel eorum absentia, vel aliena a scientificis occupatio saepissime requirit, ut auctoritate praesidis vicaria hocce collegium temperaturus constituatur ex numero

seniorum academicorum, qui et varias scientias callet et meritis in patria et in orbe litterario clarus est.

§ 10. (sic).

In statu qui ante aliquot hinc annos Academiae datus est, non bene consultum est progressibus scientiarum, nomini denique et famae academicorum ipsius que praesidis. Quippe (§) gradus centurionis, isque in perpetuum academicis assignatus et fixus est, adjunctis et inferioris conditionis administris nullus. Hoc autem effectum est: 1) ut professores annis et meritis graves in publicis consessibus postponantur assessoribus non collegiorum tantum, verum etiam subalterni generis cancellariarum; in privatis autem conversationibus ab iisdem contemni soleant. Unde objectus animus non liberere potest per Musarum sacraria expaciari, atque ea quae ad utilitatem et recreationem mortalium faciunt, facile in lucem et diem proferre. 2) Optimis litterarum studiis initiantur plerumque pueri plebeji, nobiliaribus hoc retrectantibus. Positis enim ante oculos laboribus et lucubrationibus tot annorum considerataque meta ad quam tum immenso labore, enitendum est, nempe gradu centurionis, perhorrescant necesse est, et breviarem viam quaerant, qua officia et gradus nobiliores attingere queant, quae in Academia sperari possint.

Denique, qui honoribus et auctoritate praeminentes reliquis in collegio aliquo praesunt, eo illustriores censentur, quo subalterni eorum nobiliore gradu dignitatis sunt spectabiles et contra. Praesidis igitur claritas non parum vilescit a humili conditione academicorum, ut lautum caput gracili corpusculo superpositum.

Summe igitur necessarium est ut professores, adjuncti et reliqui inferioris conditionis administri in Academia ad exemplum reliquorum collegiorum constitutis convenientibus honorum gradibus ornati, debitam sibi auctoritatem in republica nanciscantur, et alacrioribus animis sua munera abeant. (Зачеркнуто: Horum omnium nec non inferioris conditionis administrorum tituli munera, gradus dignitatis et salaria opposita hic tabula exhibentur spectanda.)

Tituli.	Munera.	Gradus dignitatis.	Salarium.
Praeses.	Regimen corporis academic. ad exemplum collegiorum.	Non minor quam generalis ut vocant majoris.	Ut nunc ab Augusta constitutum est in universum 2200.
Vice-praeses.	Auctoritas secunda post praecidem, ut in reliquis collegiis.	Non minor quam Brigadieri.	Ut nunc ab Augusta statutum est 1875.
Duodecim academici ordinarii.	Fungentur munere academicorum et professorum universitatis.	Subtribuni legionis promeritis ulterius progressuri.	860 rubellorum.
Tres academici extraordinarii.	Simili munere functuri.	Legati legionis.	660 rub.

Tituli.	Munera.	Gradus dignitatis.	Salarium.
Duodecim adjuncti Acad.	Memba Academiae secundi ordinis etiam ad lectiones in universitate admittendi.	Centurionis.	360 rub.
Rector universitatis.	Lectiones, disputationes, promotiones diriget etc. Videndae leges univ.	Ex numero academicorum ordinariorum.	400 rub. augm.
Secretarius conventus Acad.	Diarium actorum in Academia curabit et commercium litt. Vide statuta.	Ex numero academicorum ordinariorum.	300 rub. augm.
Bibliotecarius.	Librorum et rerum natur. et artificial curam geret.	Ex numero academicorum ordinariorum.	300 rub. augm.
Inspector gymnasii.	Juventutis gymnasicae studia et mores diriget.	Ex numero academicorum ordinariorum sive exstraordinariorum.	200 rub. augm.
Aeconomus.	Aerario academico praeposit. sumptum riationem habent.	Ex numero academicorum ordinariorum sive extraordinariorum.	200 rub. augm.
10 Membra honoraria cum stipendio.	Theorematis et consiliis suis Academiam opem tenendo.	—	2000 rub.
Rector gymnasii.	In classe latina superiore informatio; cura correctae informationis in lingua latina secundaria post inspectorem.	Centurionis.	400 rub.
Conrector.	Classis superioris russiacae vel philosophicae et inferiorum cura.	Subcenturionis primarii.	360 rub.
Mediarum classium scholarum ordinarium item superiorum lingu. germ. et gall. nec non graecae praeceptores.	Munere suo singuli fungentur juxta leges illis praescriptas.	Subcenturionis secundarii.	360 rub.
Iuferiarum classium ordinarii et extraordinarii informatores.	Itidem.	Signiferi.	240 rub.
Sacerdos catechit.	Explicabit Symb. Fidei et pracepta divina.	—	150 rub.

Tituli.	Munera.	Gradus dignitatis.	Salarium.
Studiosis 40.	Lectiones frequentabunt.	Ex eorum numero, qui vel ut alumni academicis privatim in scientia quadam traduntur, signiferi digni evaserint futuri et ultra progressuri.	100 rub.
In gymnasio discipuli 80.	Diligentia in discendo, probitas et munditia in conversanda.	—	50 rub.
In tabulario academico notarius sive archivarius.	Pro expediendis et notandis actis academicis.	Subcenturionis gradus.	360 rub.
Scriba primarius.	Adjutor notarii.	—	240 rub.
Duo scribae subalterni rossiacae et latinae scriptionis periti.	Pro transcribendis actis academicis.	—	200 rub.
Tres ejus modi scribae, qui tantum rossiacae scriptionis periti sunt.	Similia munera obituri.	—	120 rub.
In universitate duo pedelli.	Praeter officia quae in exteris universitatibus injunguntur, notabunt studiosorum rationem vitae.	Signifer.	240 rub.
Scriba.	A universitatis acta scribenda.	—	200 rub.
Subbibliothecarii duo.	Ordinem librorum et rerum curiosarum atque mundiciem servabunt sub auspiciis bibliothecarii.	Ex adjunctis.	300 rub.
Amanuenses quatuor.	Bibliothecarii et sub bibl. docto audientes.	—	60 rub.
Scriba.	Ad catologos scribendos.	—	200 rub.
In gymnasio pedagogi duo.	Mores et diligentium juventutis observaturi et admonituri.	—	120 rub.
In camora geographica tres geodetae.	Ad conficiendas mappas geographicas.	Subcenturiones vexilliferi.	180 rub.

Titulus.	Munera.	Gradus dignitatis.	Salarium.
Quinque discipuli.	Discent geographica et juvabunt geodeta.	—	96 rub.
In officina mechanica mechanicus practicus.	Qui machinas physicas et astronomicas affabre construant.	Subcenturio.	800 rub.
Duo illi subalterni.	In officio juvabunt.	Signiferi.	200 rub.
Quatuor discipuli.	Praxim discent.	—	48 rub.
Laborator apud chymicum.	Praxin ejus ducta instituit.	Signifer.	200 rub.
Hortalarius.	Botanici docto audiens.	Signifer.	200 rub.
Apud anatomicum chyrurgus prosector, studiosus medicinae.	Qui praeter operationes in theatro anat. curam geret aegrorum in gymnasio etc.	Sub centurio signifer.	360—400.

Aliae expensae academicae.

Pro instrumentis astronom.	400.
Materies pro geographicis	200.
Pro physicis mater.	600.
Pro laborat. Chym.	400.
Pro horto bot. et herbar.	200.
Pro teatr. anat.	100.
Pro augendae biblioth.	1000.
Pro lignis, candelis pop. etc.	2000.
Pro 60 militibus qui custodes et a pedibus sunt singulis 24 r.	1440.
Всего	6440.

Pro lectionibus publicis:

augmentum ordinariis m.	300.
extraord.	240.
adjunctis	180.
Всего	3600.

Всего 51.815.

Замѣчанія Фишера на статью Ломоносова Idea status et legum Academiae petropolitanae съ возраженіями послѣдняго.

Возраженія Ломоносова.

Certe hic recensentur; reservantur autem ad constitutionem legum Ac.

Pag. 3, № 5. Articulus de poenis expurgendus, vel certe limitandus, statuendumque quaenam genera poenarum, in quos et quibus ex causis.

In verbis sumus faciles.

Pag. 5, lin. 2, ex lectoribus seu professoribus. Lectores et professores non sunt vocabula synonima. Lector gradu multo est professore inferior.

Corrigatur non tamen prorsus excludat exemplum.

Pag. 9, quod dictum est de Academia berolinensi, quasi illa sumtibus regiis destituta propriis lucubrationibus sustentetur; id si rescierint nonnulli proceres, Academiae non satis aequi, fieri

potest, ut ita rationem ineant, oportere academicos quoque petropolitanos suis viribus sibimet sufficere, neque opus esse liberalitate regia. Exemplum prorsus est odiosum.

Perperam imputantur mihi simultates privatae, nam illae propter munera publica excitata sunt et spectant ad omnes doctos defendendos.

Pag. 22, nihilo tamen minus pars contraria praevalet. — Obscurum. Quaenam est illa *pars contraria?* Argunt haec ofensas privatas, quae quidem ad corpus academicum nihil spectant. Et quid emolumenti auferunt academici qui sive haec, sive illa pars praevaleat, jugo tamen continentur et premuntur vel hoc, vel illo. Obscuritas illa continuatur num. 2 (altera pars potest, non videt: altera, videt, non potest). Si altera pars est cancellaria, altera conventus academicorum, res fit delucidior. Quod si hic est census verborum, tum vero et ipse subscribo libens.

Res summae necessis est ut gravamina haec
Nam exempla extera possunt infringi multis rationibus, silentiam P. M. de cancellaria, eam nam removet, Elis. Aug. re constituit. Sola igitur gravamina pundus et instar habent ad cancellariam ab Academia removendam.

Pag. 22 et 23. Consultum fore crediderim, si §§ 3, 4 et 5 moderatius dicantur, nimirum terminis generalioribus; ex gr. in commoda esse saepe profecta ab regimine cancellariae quae etiam, si opus sit facto, demonstrari posse etc. Nam simultatibus privatis interponere se viros a partium studio alienos non aequum censeo. Et alia sunt argumenta redigenda in ordinem cancellariae multo graviora: 1) nusquam est in orbe terrarum Academiae scientiarum praeposita cancellaria. 2) Petrus Magnus, qui prima Academiae fundamenda posuit, cancellaria nullam fecit mentionem; monstri enim simile judicasset, id quod propter alius constitutum est, auctoritate praevalere illo, propter quod illud exstitit.

Haec levicula mutari possunt.

Pag. 31, Duo pedilli — subcenturiones; duo subbibliothecarii — signiferi. Hi quidem gradus dignitatis suae inter se permutabunt: subbibliothecarius vice fungitur bibliothecarii, qui omnigena eruditione instructissimus esse, et in primis historiam litterariam callere debet. In Vaticano bibliothecarius est S. R. E. cardinalis.

Nec de hoc sum multum scrupulosus.

Pag. ext. Chirurgus prosector — signifer. In legionibus chirurgi habent gradum succenturionis primarii, et prosectoris officium, quippe ministri, vel si maris locum ipsius anatomici, honestum est. Igitur et ille gaudeat gradu succentioris primario. Atque alterum officium ab altero dirimendum videtur; quippe fieri potest, ut, qui in hoc articulo temporis cadaver secat, ut eo ipso momento vocetur ad visendum aegrum.

Horum cura ad statum academicum non spectat, sed partim ad leges, partim ad pri-

Sexaginta rubellos dedit Schumacher ad conductionem aedium et ad comparanda ligna et candelas, quae omnia academicis debentur statu-

vilegia. Caeterum primum professorum salarium fuit 600 rub. additi 60 pro domicilio locando. Tandem quibusdam denique fore omnibus 260, nempe ad 860, hinc lignum etc. potest comparari. Tamen ut honorum ita et salarii nec hic ultima meta ponitur, neque mihi liberum est majus salarium assignare. Praesertim cum pro aliis muneribus abundis possunt professores aliquando ad siquis ex. gr. Rector et oeconomus simul fiat. [1]).

tis Petri M. Jam vero has res ducentis quotannis rubellis minimum constare nemo est qui ignoret. Et jam tempus est, ut academicis in hac quoque parte prospiciatur. Et necessitas ipsa postulat, qui lectionibus publicis vacare debent, ut illi habeant aedes commodas, a contentionibus et clamoribus Politiae liberas, vicinasque publicis universitatis aedibus. Si nobis dabuntur aedes, ligna atque candelae in natura, libenter carebimus sexaginta illis rubellis, qui prioribus illis temporibus obtrusi fuerunt novis professoribus, Eulero, Weitbrechto, Kraftio, Mullero et Gmelino vel ingratiis.

Consignata haec sunt praesente et adstipulante clarissimo viro Kotelnikowio.

3.

Отрывокъ, писанный неизвѣстною рукою, изъ проекта устава Академіи наукъ.

1746 годъ [2]).

....Должно разсмотрѣть во первыхъ дѣйствія сего правленія, второе примѣры того въ другихъ иностранныхъ Академіяхъ, и, наконецъ, разсудить, что по тому учинить должно.

Дѣйствія, кои точная Академія, т. е. ученыхъ собраніе и учащихся число не безъ скорби извѣдали искусствомъ, суть слѣдующія:

1. Канцелярскіе члены съ самаго начала были изъ полуученыхъ (а послѣ къ немалому наукъ ущербу то и узаконено), кои повелѣвали ученымъ, и что еще стыднѣе, кромѣ россійской грамоты незнающіе секретари канцелярскіе дерзаютъ требовать, чтобы имѣли тутъ засѣданіе и голосъ. По сему до того дошло, что хотя потомъ ученые въ канцеляріи членами поставлены были, однако все другая сторона отнимаетъ преимущество.

2. Ничто такъ развратно быть не можетъ какъ гдѣ приказываютъ что дѣлать, сами дѣлать того не разумѣя. Таковымъ примѣромъ чрезъ тридцать лѣтъ канцелярія академическая извѣстна, когда полуученые члены и невѣжды канцелярскіе служители ученымъ были тягостны, недоброхотны, обидливы.

3. Таковые командиры не пропускали случая превращать къ своимъ выгодамъ профессорскія въ наукахъ упражненія, для коихъ не заботились они о городскихъ молвахъ, ибо они, ходя ко Двору и въ знатные домы что тѣнь наукъ вмѣсто ихъ самихъ показывали и дарили.

---

[1]) Затѣмъ на полѣ NB и неизвѣстною рукою приписка, которой первая строка уже уничтожилась: ....universitati aedes, fieri potest, et fit, ut singulis annis, praesertim verno et autumnali tempore deserantur plane lectiones solidis mensibus. Et quemadmodum botanicus, chymicus, astronomus habent suas sibi assignatas aedes, ita aequum videtur atque adeo aequius professores universitatis.

[2]) Объ этомъ отрывкѣ упоминается Билярскимъ въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова, стр. 638. Въ началѣ отрывка на другой половинѣ листа неконченный латинскій текстъ состоитъ въ слѣдующихъ строчкахъ: ..valeant. Numerus autem virorum litteris consecratorum, qui sine defectu atque excessu omnium scientiarum et doctrinarum pensa aequali ratione perficiant hic statui potest....

XIV.

Собственноручные наброски и отрывки Ломоносова, которые оставались донынѣ ненапечатанными [1]).

Собственноручная замѣтка Ломоносова противъ Мюллера съ доказательствами о ненадобности конференцъ-секретаря.

1. Браунова ртуть. 2. Моя труба. 3. Федоровичево дѣло. 4. Все, что М. ни отдавалъ и примѣчанія Козицкаго. 5, Шумы, коммиссіи, штрафы. 6. Ложно и предосудительно о наукахъ. Вольтеръ. Здѣш.... 7. Секретарь ненадобенъ, гдѣ канцелярія, да нотаріусъ какъ Дидманъ [2]); а репорты подписываетъ нотаріусъ. 8. Секретарь по примѣру другихъ здѣсь быть не можетъ для канцеляріи. 9. Профессоры подъ двумя началами. 10. Понеже канцелярія А. Н. имѣетъ нѣкоторыя сумнительства о исправности конференцкихъ протоколовъ, того ради симъ требуется, чтобъ каждый изъ гг. профессоровъ и адъюнктовъ подъ симъ подписалъ, доволенъ ли помянутымъ протоколомъ или нѣтъ.

Отрывокъ изъ черноваго собственноручнаго представленія Ломоносова къ гр. Разумовскому съ жалобами на Тауберта за порученіе Эпинусу обсерваторіи.

....Вздумалось, г. Эпинусу для угожденія, большаго квадранта поднять на обсерваторію камен въ полторы тысячи пудъ. Уже г. Таубертъ дѣлаетъ подряды безъ моего совѣту, противу моего мнѣнія и протесту г. Попова, и я весьма опасаюсь, чтобы поврежденная пожаромъ башня отъ тягости больше не повредилась, и не воспослѣдовало бъ несчастіе, не упоминая, что напрасно тратится казна, труды и время, которое съ самаго порученія обсерваторіи г. Эпинусу прошло совсѣмъ безплодно, и Богъ вѣсть когда по такимъ неисходимымъ перестройкамъ начнется дѣло. Нѣтъ никакого на обсерваторіи движенія, кромѣ дождя и вѣтра. И не токмо ввѣрившіеся старый и новый астрономы, но и часовой мастеръ жалованье беретъ даромъ, и тѣмъ себя извиняетъ, что ему на обсерваторіи нѣтъ никакова дѣла.

Все сіе отъ того происходитъ, что г. Таубертъ отнялъ у меня в.... (Эти слова зачеркнуты и начато слѣдующее:)

Въ такихъ обстоятельствахъ нечего и думать о вышепоказанныхъ четырехъ важныхъ дѣлахъ астрономическихъ, которые къ несравненной славѣ нашей Академіи служить могутъ. Я и тому радъ, что В. С. на мои представленія о географическомъ департаментѣ и о экспедиціяхъ справедливое учинили вниманіе, о которыхъ я нѣсколько лѣтъ крайнее прилагаю стараніе и перемогался съ моими недоброжелательми, кои, видя мои успѣхи, завидуютъ и досадуютъ, что я то доброе дѣло произвожу, чего отъ нихъ не было.

[1]) Подлинники всѣхъ этихъ бумагъ, за исключеніемъ послѣдней, принадлежащей нынѣ Академіи наукъ, находятся въ собраніи ломоносовскихъ рукописей г. Орлова.

[2]) Т. е. Тидеманъ, который одно время велъ протоколы въ засѣданіяхъ академиковъ.

Собственноручный отрывокъ Ломоносова на латинскомъ языкѣ о необходимости для академиковъ, преподающихъ въ университетѣ, жить въ сосѣдствѣ его, о значительномъ сокращеніи издержекъ по случаю отдѣленія отъ Академіи учрежденій, постороннихъ для наукъ.

NB.

1. Reliqua pecunia pro Academia designata adhibenda est in extraordinarias impensas, exempli gratia in locanda domicilia, ubi academici docentes commode in vicinia universitatis possint habitare. Nam autumnales et vernae praecipue numbosae tempestatis gravisque caenosae maximo impedimento sunt illam adeuntibus, ut non raro lectiones ideo cessare soleant.

2. Academia artium cum rebus technicis post quam cum recens instaurata Academia artium fuerit conjuncta, destinatis in hanc amplissimis sumptibus sustentabitur.

3. Typographaeum, bibliopolium, expeditio novarum pullicarum et quae isthuc pertinent, suos habebant reditus, quibus abunde sustentari possint. Memores insuperatque grati, quod orta et adulta sint sumptibus pro Academia destinatis, non sine illius detrimento.

4. Cancellaria academica postquam abrogata in cassum reciderit, sumptus nullas requiret; Administri et scrinae superflui per alia tribunalia erant distribuendi.

5. Leges academicae non candipossunt ante statum ejus probatium, quod expectatur.

Собственноручный отрывокъ отвѣта Ломоносова на латинскомъ языкѣ противъ возраженія о незначительномъ количествѣ учащихся въ гимназіи.

Praeter haec inculcatur ab adversariis per paucum esse studiosorum numerum, ideaque in annum futuram universitatis initiationem. At ipsis respondeo: 1) in culpa fuisse illum, qui per tot annos gymnasium neglexit atque leviculis plerisque rebus postposuit, unde studiosorum numerus ad paucissimos reductus est. 2) Pudori non esse nobis a paucis numero studiosis incipire cursus.... et de illis augendis serio cogitare, praesertim cum jam optima spes ex academico gymnasio lectissimos et discendi cupidissimos juvenes vobis promittat, in quibus instituendis studia vestra de meliore nocta Patriae commendare potestis. Nam non ut ante haec per amplissimam civitatem dispensi discentes maximam partem temporis longam viam ferendo, aut parentibus domi serviendo consecuunt, aut malis exemplis seducuntur ad vitam perversam. Non famelici non laceris vestimentis ab omni amore discendi alieni algent, sed communitate vivendi sociali, decenter vestiti, atque sufficienter nutriti, omne tempus litteris impendere possunt et impendunt.

His consideratis, viri clarissimi, decernite de hac utilitate Patriae, de vestris propriis commodis atque de illa gloria et gratia, quam ex propagatis in hoc imperio scienciis consecuturi estis.

Собственноручное примѣрное росписаніе Ломоносова расходовъ по Академіи наукъ.

Разные расходы.

На дрова.

Печей:	въ канцеляріи	3.
»	въ коммиссарской	1.
»	въ конференціи	2.
»	въ авдиторіи	2.

Печей: въ гимназіи	14.		
» въ рос. собраніи	2.		
» въ библіотекѣ	2.		
» въ эксперим.	2.		
» въ лабораторіи	4.		
» въ оранжереѣ	4.		
» въ караулкѣ	2.		
» на анатом. театрѣ	1.		
» на обсерваторіи	1.		
	40.		
По 6 саженъ на печь	6.		
	240	по рублю	240.

На свѣчи.

128 школьникамъ по 24 свѣчки въ сутки	8760.	
На прочія 26 печей (sic) по 2 свѣчки на день	18.980.	
Всѣхъ свѣчей	27.740.	277.

На бумагу.

270 персонамъ по 4 листа на день, въ годъ 823 стопы по 80 вообще	658.
На чернила, перья, сургучь и пр.	50.
Гребцамъ 10 челов.	152.
На обсерваторію для починки и покупки инструм.	300.
Въ физическую камеру	300.
Въ лабораторію на уголье, посуду, матеріалы и работниковъ	200.
Въ ботанической садъ	100.
На награжденіе за задачи	225.
	2502.

На прибавку жалованья сверхъ окладу десяти ординарнымъ

двумъ до 1200—540	1080.
тремъ до 1000—340	1020.
пятерымъ до 860—200	1000.
	4300 [1].
Всего на все	49.468 р.
Отъ 53.298 остатку	3830.

Остатки на библіотеку и на всякія починки.

На кунсткамеру изъ Академіи художествъ. Да катехизису, который толковать должно школьникамъ, надлежитъ быть іеромонаху, которому по моему мнѣнію надлежитъ быть при академической церкви. Оную построить попримѣру кадетскаго корпуса, дабы сверхъ катехизиса предлагалась проповѣдь слова Божія по воскресеньямъ и господскимъ праздникамъ съ іеродіакономъ по очередно. На содержаніе ихъ и съ церковниками не много будетъ суммы потребно, затѣмъ, что отъ толь многихъ академическихъ служителей и другихъ прихожанъ довольное будетъ имѣть пропитаніе.

[1]) Какъ составился у Ломоносова подобный итогъ, объяснить трудно.

Собственноручныя примѣрныя росписанія Ломоносова о расходахъ по академической гимназіи.

I.

Статъ академической гимназіи [1]).

Въ латинскихъ школахъ.
- въ верхнемъ классѣ (Мотонисъ или Козицкій ректоръ). 360 р.
- въ середнемъ классѣ (Козицкій, Кожинъ, Герасимовъ) (360) . . . . 200 »
- въ нижнемъ классѣ (Остерманъ) . . . . 120 »

Въ школахъ наукъ.
- въ верхнемъ (Козицкій). . . . 300 »
- въ среднемъ (Веденскій). . . 150 »
- въ нижнемъ (Спудинскій) . . 120 »

Въ россійскихъ.
- въ верхнемъ (изъ адъюнктовъ или переводчиковъ Румовскій, Софроновъ. Бор. Волковъ). . . . . 60 »
- въ среднемъ (изъ переводчиковъ Голубцевъ или Софроновъ) . . . . 48 »
- въ нижнемъ нарочной (Пryткой или Шишкаревъ) . . . . 120 »

Во французскомъ.
- въ верхнемъ Годенти или де ла Ви . . . . 400 »
- французъ новой какой . . . 250 »

Въ нѣмецкомъ.
- верхняго — Кожинъ . . . . . 325 »
- нижняго — Magnus . . . . . . 200 »
- танцмейстеръ . . . . 150 »

учители. . . 2743 »
школьниковъ 60 по 30 руб. . . 1800 »
два надзирателя по 50. . . . . . 100 »
пять сторожей по 24. . . . . . , 120 »

Всего. . . . 4883 р.

[1]) Съ скобкахъ поставлены выраженія, зачеркнутыя Ломоносовымъ. Это росписаніе составлено имъ не ранѣе 1756 г., когда Козицкій поступилъ въ адъюнкты при академіи, и не позже 7 февраля 1760 г. когда умеръ упоминаемый въ росписи Софроновъ.

[На этомъ же листѣ Ломоносовымъ набросанъ отрывокъ изъ преподаванія географіи: «Въ географическомъ сравненіе рѣкъ россійскихъ Енисей—Нилъ. Обь — другой. Лена — Мараньонъ. Волга — Мизизипии. Двина — Де ла Плата. Днѣпръ — Лаврентьева. Донъ съ Дунаемъ ....Сибир.

«Втораго класса: Енисей, Обь, Лена Волга. Перваго класса: Нилъ, Мараньонъ, Мизизипии, Лаврентій.

«Втораго класса ниже двухъ тысячъ. Донъ, Днѣпръ, Двина, Печера, Индигирка, Ковымь, Анадырь. Третьяго класса....]

II.

Расположеніе жалованья.

- Инспектору гимназіи прибавочнаго. . . . . 200 р.
- Инспектору педагогіи 300 р. изъ приходовъ педагогіи, а прибавку имѣть можетъ за какіе другіе труды академическіе, пользоваться готовою квартирою, дровами и свѣчьми и пенсіонными деньгами отъ приватныхъ
- Ректору и верхняго латинскаго класса учителю. . . . . 400 »
- Притомъ ежели онъ дѣйствительно адъюнктъ или профессоръ, имѣетъ получить за то особливое жалованье. Сіе разумѣется и о другихъ учителяхъ.
- Средняго латинскаго класса учитель. . . . . 240 »
- Учителю нижняго класса латинскаго. . . . . 150 »
- Въ школахъ первыхъ основаній въ верхнемъ классѣ учителю и конректору. . . . . 300 »
- Во второмъ среднемъ классѣ учителю . . . . 180 »
- Въ нижнемъ третьемъ. . . . . . 120 »
- Въ верхнемъ россійскомъ классѣ прибавочное . . . . 80 »
- Въ среднемъ прибавочное . . . 60 »

Въ нижнемъ нарочному учителю	120 р.	Танцмейстеру	150 р.
Въ верхнемъ французскомъ	400 »	Школьниковъ 60 по 30 руб.	1800 »
Въ нижнемъ французскомъ	250 »	Два надзирателя по 60 руб.	120 »
Въ верхнемъ нѣмецкомъ	300 »	Пять сторожей по 24 руб.	120 »
Въ нижнемъ нѣмецкомъ	200 »		5190 р.

Студенты нижняго класса { математикѣ, курсу философіи съ физикою эксперим. краснорѣчію съ поэзіею исторіи универсальной.

Средняго класса {
- Къ математикѣ опредѣлившимся { алгебру и курсъ.
- Къ юриспруденціи { Философ. Исторію. Краснорѣчіе. Правовѣд.
- Къ медицинѣ { Физику. Медицины курсъ. Истор. натурал.

Третьяго класса студенты елевы.

I. Университетскіе
1. Философіи.
2. Общей математики.
3. Исторіи.
4. Краснорѣчія.
5. Юриспруденціи.

1.	Философіи и мат.
2.	Исторіи и юриспруд.
3.	Поэз. и ораторіи.
4.	Высш. мат. и механ.
5.	Геогр. и астр.
6.	Физики и хим.
7.	

II. Академическіе.
1. Высшей математики.
2. Астрономіи и географіи.
3. Механики.
4. Физики.
5.

(На слѣдующемъ полулистѣ написаны только слѣдующія слова: Нынѣшній штатъ академическій).

Собственноручный перечень Ломоносова разныхъ украшеній для сада.

1. Партеры.	1. Передъ гротомъ. 2. Около пруда.	
2. Статуи и бюсты.	На партерахъ и на террасахъ около пруда.	
3. Работы.	Около партеровъ.	
4.	Въ дичи къ тыну.	
5. Таксы.	Около партеровъ по угламъ.	
6. Каналы съ теченіемъ.		Въ нѣкоторыхъ аллеяхъ и въ маломъ партерѣ вьются отъ огня.
7. Фонтаны (зачеркнуто).		
8. Каскады.		
(9 пропущено)		
10. Горшки на пьедесталахъ.		
11. Пруды.		Vesontio.
12. Террасы.		

13. Парнассы.
14. Высокія галереи.
15. Шпалеры.
16. Гроты.
17. Гриллен и воротца.
18. Кабинетъ.
19. Бесѣдки.
20. Порталъ.
21. Пирамиды и теремки.
22. Оранжереи.
23. Аллеи
24. Парники
25. Фестоны.
26. Бесѣдки изъ цвѣтовъ.
27. Райки и антическіе гроты.
28. Игры всякія.

Тетрадь, писанная Ломоносовымъ и заключающая въ началѣ перечень грамматикъ и названій разныхъ языковъ, а потомъ — роспись иностранныхъ книгъ [1]).

1. Португальская грамматика, лексиконъ Калауенсъ.
2. Грамматика ишпанская, лекс. Grapeja.
3. Грам. ирландская, лексик., нов. зав.
4. Грам. голлап., лек., новый завѣтъ.
5. Грам. датск., лекс., новой завѣтъ.
6. Грам. шв., лекс. новой зав.

(3–6) или вся Библія.

---

1. Португальской.
2. Испанской.
3. Французской. +
4. Англинской. +
5. Ирландской.
6. Нѣмецкой.
7. Голландской.
8. Датской.
9. Норвежской.
10 Шведской.
11. Италіанской. +
12. Польской. +
13. Чешской.
14. Болгарской.
15. Венгерской.
16. Воложской.
17. Финской.
18. Литовской.
19. Летской. +
20. Лопской.
21. Чухонской.
22. Ромейской.
23. Еврейской. +
24. Эллинской. +
25. Славянской. +
26. Турецкой.
27. Татарской.
28. Сербской.
29. Пермской.
30. Россійской. +

---

1. Mémoires de l'Académie des sciences, in 8^{0}. Alle Theile.
2. Französischer Auszug aus den Transactions.
3. Bibliothèque germanique.
4. Hamb. Magazin.
5. Commentarii instituti banoniensis.
6. Der königlichen Schwedischen Akademie der Wissenschaften Abhandlungen.
7. Pièces qui ont remporté le prix de toutes les Académies.
8. Acta Academiae regiae scientiarum Upsaliensis.
9. Histoire de l'Académie de sciences de Berlin.

[1]) Роспись писана въ послѣдніе годы жизни Ломоносова, такъ какъ сочиненія нѣкоторыя, въ ней упоминаемыя, изданы въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка.

10. Willugbej Historia piscium.
11. » » ornitologica.
12. Culmi Anatomia.
13. Artedi opera.
14. Kleinii Opera,
15. Breinii opera.
16. Halleri opera.
17. Linnaei opera.
18. Encyclopedie, большая и малая.
18. (Sic). Theatrum machinarum.
19. Bayle dictionnaire critique.
20. Tacitus.
21. Celsus.
22. Juvenalis.
23. Molière.
24. Pindarus.
25. Anacreon.
26. Стриковскій.
27. Кохановскій.
28. Biblia vulgata; Castallionis.
29. Vita di Pietro il grande per abbate Antonio Catiforo in Venezia. 1739.
30. De Apolline juris perito dissert. Sim. Fr. Olbrectii, Lipsiae. Объ отвѣтахъ идольскихъ.
31. Heisteri Systema plantarum generale.
32. Watterdarfii Systema minerale.
33. The art of making common salt. bey Will. Browning. London.
34. Discutatio de maris aestu, auctore P. R. J.
35. Boscowich, Romae in 4⁰, bey Komarek.
36. Nolleti opera omn. phys.
37. Reaumur des insectes, op. omn.
38. Oeuvres de M. Buffon.
39. Traité des arbres et des arbustes qui se cultivent en France par. M. da Hamel du Monseau, II tom. chez Guérin, Paris.
40. Halley Tables des moussons.
41. Beccari de phosphoris quam plurimis.
42. Natural history of birds, by Georg Edward, in 4⁰, II tom.
43. A corse of practical chymistry by Lovis Baccalaureus. London.
44. Schröders Pharmacopaeja universalis, Nürenb. in folio, 6 tomi, 1746. Хороша очень.
45. Commentatio de parallaxi orbis annui, Wideburgii, in 4⁰, Jiena.
46. Pharmacopeia collegii regalis medicorum, Londinensis, Londini.
47. Spectacle de la nature.
48. Heintii de muscarum natis et salubritate. Göttingen.
49. Essai sur l'homme par M. Pope, Lausanne, in gross 4⁰. Очень хоро. (sic) съ аглинскимъ подлинникомъ и съ винbеттами.
50. Frederici Rami Historica enarratio de stupendis luminis borealis phaenomenis. Coppenhagen.
51. Pontoppidanus.
52. Historia astronomiae Heathcole, Cambrigde. O!
53. Historiae Egypti compendium Abdallatifi, edit. von Thomas Hunt. O! по латинѣ и по арабски.
54. Observatio satellitis Veneris, facta a Jacobo Shart. 1740. Maneduct. 23 Transact. angl. № 459.
55. Caabb en Zoheir carmen panegyricum in laudem Muhammedis, Leidae, bei Haack.
56. Accounth of english Ants by William Gaubel, gedruckt bei Miller.
57. Traité de la fabrique de manoeuvres pour les vaisseax, ou l'art de la cordelerie perfectionnée par M. du Hamel da Monceau, in 4⁰, Paris, in der königlechen Buchdruckerei.
58. De actione aëris in sanguinem humanum. Schmidii, Göttingae.
59. Dei formatione de fulmini, degli insetti di pesci di mare sui monti et pin alongo dell'elletricita per marchese Scipio Maffei. Verrona bei Tumermani, 1747.
60. General natural History by Joh. Hill. London, gedruckt by Osborn.
61. Theophrasis History of stanes by Joh. Hill, London.
62. Auschlag, womit H. Haller d. 19 Febr. 1748 seine Übungen aussagt Göttingen.

62. (sic). Dissertatio de nadis plantarum, Rosii, Leipzig.
63. Walterdorfs systema minerale. Berolini.
64. Ludwigs de ortu et structura ungium. Lipsiae. Programma.
65. Englische Logarithmen, in gr. 4°. London.
66. La Caille fund. astronomiae.
67. Bradley opera.
68. Maieri Tabulae.
69. Connaissance de temps. A. 1759, 60, 61, 62, 63.
70. Tabulae astron. Cassini.
71. » » Hallei.
72. » » Manfredi.
73. Dictionnaire universel d'agriculture et de jardinage, de fauconerie, chasse, pêche, cuisine et menage avec figure. Paris.
74. Dictionnaire raisonné et universel des animaux, Paris.
75. Essai de theodicée par Leibnitz, Amst.
76. Fables choisies avec fig. par La fontaine avec fig. Amst.
77. Figure de la terre par Bouguer. Par.
78. Grammaire espagnole et française par Labrina, Bruss.
79. Histoire der drogues par Pomet. Paris.
80. Histoire de bas Empire par le Beau.
81. Iconographie, ou vie des homdes Indes.
mes illustres de XVII siècle. Amst.
82. Leçons de physique par Nollet, der 5 Band.
83. Mémoires des inséctes par Réaumur, der 3, 4, 5 und 6-te Band.
84. Mesure de trois premiers degrés de méridien dans l'hemisphère austral.
85. Oeuvres de Racine.
86. Architecture de Scamozzi, fol. reliée.
87. Considérations géographiques sur les nouvelles découvertes au Nord de la grande mer avec des cartes par Buache. Paris.
88. Colombiade par Mad. de Bocage.
89. Déscription des arts et métiers faites au approuvés par Mrs de l'Ac. R. Paris.
90. Elements de l'architecture navale par du Hamel, Paris.
91. Essai sur l'histoire naturelle de la mer Adriatique, par Donati, Haie.
92. Essai à la Mosaïque.
93. Eloge des tetons, ouvrage curieux. Cologne.
94. Esclavage rompu ou la societé des francs peteurs.
95. Femme qui a raison, comédie par Voltaire.
96. Géographie universelle par Buffier.
97. Histoire universelle par Hardian.
98. Inoculation de bon sens.
99. Journal d'an voyage au Nord en 1736 et 1737 par Authier.
100. Intrigues monastiques.
101. Leçons elementaires d'Astronomie par Caille. Paris.
102. Leçons de mathématique par le même.
103. Leçons elementaires de méchanique par le même.
104. Ocellus Lucanus en grec et en français.
105. Panthéon mystique par Pomey.
106. Poëme sur la religion naturelle par Voltaire.
107. Réflexions sur la cause naturelle de vents par d'Alambert.
108. Remarques sur le christianisme
109. Sécretaire espagnol.
110. Traité d'optique sur la gradation de la lumière ouvrage de M. Bouguer et publié per M. abbé la Caille. Paris chez Guérin.
111. Gartische-oeconomische Pflantzen Historie, 9 Theile, Ulm.
112. Ornitologie par M. Brisson. Paris.
113. Andreae Majeri observationes Veneris, ubi et Röslii observationes de transitu Veneris Greifswald.
114. Classes comhyliarum de Berger, Nürnberg.

115. De corticis peruviani usu senibus etc. auct. Trillero. Wittenberg.

116. Vestigia fluxus et refluxus maris Baltici Titii. Wittenberg.

117. Sturmii physica hypothetica.

118. Harthoeker Conjectures physiques.

119. Senecae opera.

120. Theatrum chymicum.

121. Gersters Historie von cobolt.

122. Ganandri Grammatica lapponica. Holmiae.

123. Atlas von van zee vaart 1746. 32 Carten.

124. Tables astronomiques par M. Cassini, à Paris, 1740.

125. Euleri Theoria motuum cometarum et planetarum.

126. Abhandlungen von der Electricität, welche von der Académie de Paris approbirt worden. Berlin bey Hande.

127. Novae et correctae tabulae lunae computanda.

128. Thomae . . . . . . Haematologia seu sanguinis historiâ. Hagae comp.

129. . . .

(На отдѣльной четверкѣ есть подобная же роспись, съ обозначеніемъ Ломоносовымъ нѣкоторыхъ книгъ, помѣщенныхъ уже имъ въ предыдущей, а именно):

Dictionnaire universel d'agriculture et de jardinage, de fauconnerie, chasse, pêche, cuisine et menage. Paris, in 4°.

Dictionnaire raisonné et universel des animaux, 4 tomes, in 4°, Paris.

Figure de la terre par M. Bougner., Paris, in 4°

Grammaire espagnole.

Histoire du bos-Empire.

Mesure des trois premiers dégrés du méridien dans l'hémisphère australe par Condamine.

Architecture de Scamozzi, fol. relié.

Colombiade, ou la foi portée au nouveau monde.

Elemens de l'architecture navale par du Hamel.

Elemens de l'algèbre par Clairaut.

Essai à la mosaïque.

Eloge des tetons.

L'Esclavage rompu ou la societé de francs peteurs.

Femme qui a raison. Comédie.

Leçons elémentaires d'Astronomie par Caille.

Panthéon mythique par Pomey.

Poëme sur la religion naturelle et sur le désastre de Lisbonne par Voltaire.

Remarques sur l'histoire du christianisme des indes par Croze.

Sécretaire espagnol par Fabrino.

Собственноручныя замѣтки Ломоносова о русскомъ языкѣ и во сколько обходится мозаичная работа [1]).

I.

1. Не отступать отъ востор. мыс.	Здѣсь возможность все переводить на яз. россійской. 1.
2. Не потерять достоинство штиля	Великолѣпіе, сила и нѣжность рсс. яз. 2. Расширеніе. 3. Сокращеніе. 4.

3. Свойства Россійскаго языка § 5. Ежели что здѣсь не вмѣстимо, впредь.

1. Переворотъ періодовъ. Съ латинскаго на русской лучше неж. на францус. надать переводить лучше съ автографовъ.

2. Происхожд. отъ славенскаго. И отчего западные языки ширѣе.

3. Риѳмы. Анакреонъ.

4. За переводомъ всѣ кропаютъ.

5. Кантемиръ. Читать вѣдомости, Титулы. Дѣепричастія.

---

1) Эти замѣтки изъ мухановскаго сборника (см. выше) писаны на листѣ, на которомъ есть въ двухъ мѣстахъ слово сахаръ, кажется писанное для пробы пера и вовсе не вяжущееся со всѣмъ остальнымъ. Г. Будиловичъ помѣстилъ этотъ же планъ но только съ весьма плохаго списка. См. М. В. Ломоносовъ какъ натуралистъ и филологъ, стр. 34, 35.

Monsieur. Государь мой Ив. Ив.

Какъ имя и отечество на французской языкъ перевесть трудно.

NB. Нынѣ принимать чужихъ не должно, чтобы не упасть въ варварство какъ латинскому. Прежде пріемъ чужихъ полезенъ, послѣ вреденъ.

II.

Выкладка, почему становится квадратный футъ мусіи по разнымъ сортамъ.

Матеріалы.

Матеріи мозаичной надобно на квадратный футъ, глубиною въ дюймъ, вѣсомъ обще считая одинъ пудъ, цѣною всѣ цвѣты так. же положивъ оптомъ	3 р.
Сковорода мѣдная три или четыре фунта	1 »
Мастика	50 к.
Всего	4 р. 50 к.

Работа.

За вытягиваніе, разрѣзываніе, приточку, заставку, шлифованіе, полированіе и прикраску по сортамъ за каждый кусокъ копейка.

1 сортъ въ квадратномъ футѣ 144 куска	1 р. 44 к.
Матеріалъ	4 р. 50 к.
Всего	5 р. 94 к.
2 сортъ въ квадратномъ футѣ 576 кусковъ	5 р. 76 к.
Матеріалъ	4 р. 50 к.
Всего	10 р. 26 к.
3 сортъ въ квадратномъ футѣ 2304 куска	23 р. 4 к.
Матеріалъ	4 р. 50 к.
Всего	27 р. 54 к.
4 сортъ въ квадратномъ футѣ 9216 к.	92 р. 16 к.
Матеріалъ	4 р. 50 к.
Всего	96 р. 66 к.
5 сортъ въ квадратномъ футѣ 36.864 куска	368 р. 64 к.
Матеріалъ	4 р. 50 к.
Всего	373 р. 14 к.

Ко всему сему прибавка по пяти рублевъ на каждый ликъ, гдѣ исторія или группа.

XV.

Описаніе ломоносовскихъ бумагъ изъ собранія, принадлежащаго Н. М. Орлову [1]).

(Къ стр. 260 и 264.)

1. **1724—1743 годовъ.** Копіи съ проекта объ основаніи Академіи наукъ Петромъ Великимъ и разныя бумаги, касающіяся штатовъ и управленія ея. (Подлинники этихъ матеріаловъ есть въ архивахъ Академіи наукъ, и ими

[1]) Это собраніе, которому Вельтманъ далъ названіе Портфеля служебной дѣятельности Ломоносова, два раза уже служило издателямъ матеріаломъ для біографіи нашего писателя: Въ Очеркахъ Россіи, изд. В. Пассекомъ, ч. II и V, находится нѣсколько бумагъ изъ этого собранія. За тѣмъ имъ пользовался Билярскій, о чёмъ онъ упоминаетъ въ Матеріалахъ для біографіи Ломоносова (Спб., 1865 г.), стр. 025, 026. Тѣмъ не менѣе однако оба названныя лица не сообщили точнаго извѣстія о всѣхъ бумагахъ, составляющихъ собраніе г. Орлова, почему потомъ возникали сомнѣнія, не заключается ли тамъ еще какихъ нибудь важныхъ, неизданныхъ бумагъ Ломоносова; для отклоненія такихъ сомнѣній и печатается здѣсь настоящее описаніе.

уже воспользовался сочинитель Исторіи ея, въ І-мъ томѣ.)

2. **1742 г., января 22.** Копія съ доношенія А. Нартова на Шумахера въ сенатъ. (Бумага писана почеркомъ, современнымъ Ломоносову, а въ началѣ ея карандашемъ отмѣтка, очевидно сдѣланная въ недавнее время: «переписанная — черновая вся писана рукою Ломоносова».)

3. **1742 г., января 28.** Двѣ копіи съ указа о назначеніи Ломоносова адъюнктомъ. Напеч. у Билярскаго, 7, 8.

4. **1743 г., ноября.** Копія съ доношенія Нартова въ сенатъ о непослушаніи академиковъ канцеляріи, объ излишествахъ въ наличномъ составѣ Академіи и пр.

5. **1744 г., февраля 3.** Отрывокъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ разсужденія о кометахъ.

6. **1745 г., іюля 7.** Копія съ опредѣленія о производствѣ Ломоносова въ профессоры, а Крашенинникова въ адъюнкты. Напеч. у Билярскаго, 65, 66.

7. **1745 г., ноября 1 и 2.** Копіи съ писемъ Шумахера къ академику Винцгейму объ академикѣ и докторѣ Іоганѣ-Георгѣ Гмелинѣ. Ср. Исторію Академіи наукъ въ Петербургѣ, I, 440, 441.

8. **1745 г., ноября 4 и 5.** Нѣмецкія копіи съ показанія Христіана Германа о перепискѣ сочиненія академика Іоганна-Георга Гмелина и съ письма къ Шумахеру о ботаническомъ сочиненіи этого академика и о химической лабораторіи, проектъ которой представилъ Ломоносовъ.

9. **1745 года.** Черновое доношеніе въ сенатъ, писанное Ломоносовымъ отъ имени академиковъ, объ устройствѣ при Академіи наукъ лабораторіи. Напеч. у Билярскаго, 74, 75.

10. **1749 г., іюль.** Собственноручное черновое письмо, писанное Ломоносовымъ по русски и нѣмецки, и копія съ него на нѣмецкомъ языкѣ, о пожалованіи академикамъ ранговъ. Напеч. въ Очеркахъ Россіи, V, 88—90; ср. Билярскаго, 129.

11. **1750 г., сентября 24.** Копія съ указа изъ академической канцеляріи касательно запрещенія диссертаціи Мюллера о происхожденіи русскаго народа. Напеч. у Билярскаго, 144, 145.

12. **1751 г., октября 20.** Прошеніе на латинскомъ языкѣ капитана Матвѣя Гибертовскаго къ Ломоносову о доставленіи ему мѣста.

13. **1753 г., января 15.** Нѣмецкое донесеніе адъюнкта Шмидта о наличномъ составѣ географическаго департамента.

14. **1753 г., августа 20.** Промеморія изъ академической канцеляріи въ адмиралтейскую коллегію объ опредѣленіи въ Академію шляхетнаго морскаго корпуса подмастерья Николая Курганова.

15. **1753 г., сентября 23.** Копія съ указа академической канцеляріи о торжественномъ собраніи въ Академіи наукъ.

16. **1753 г., ноября 4.** Копія съ ордера академическому собранію отъ гр. Разумовскаго о торжественномъ собраніи, въ которомъ должна быть прочтена рѣчь Ломоносова объ электричествѣ. Ср. Билярскаго, 237, 238.

17. **1754 г., января 22.** Копія съ письма Эйлера въ петербургскую Академію наукъ о рѣчи Ломоносова касательно электричества. Напеч. Билярскимъ, 251, 252.

18. **1754 г., апрѣля 27.** Извлеченіе изъ нѣмецкаго письма Эйлера къ исторіографу Мюллеру, о лицахъ, способныхъ занять свободныя каѳедры въ Академіи наукъ. Напеч. Билярскимъ, 266, 267.

19. **1754 г., мая 8.** Нѣмецкое письмо Мюллера къ Ломоносову о лицахъ, предложенныхъ Эйлеромъ и Гейнзіусомъ въ Академію наукъ. Напеч. у Билярскаго, 267, 268.

20. **1754 или 1755 г.** Черновое собственноручное росписаніе Ломоносова должностей въ Академіи наукъ.

Напеч. у Билярскаго, 452—455; ср. изслѣдованіе г. Н. Лавровскаго О Ломоносовѣ (Харьковъ, 1865), 118 и слѣд. Ср. выше, Прилож. VIII.

21. **1754 или 1755 г.** Два собственноручные отрывка Ломоносова касательно устава и штата Академіи наукъ. См. выше Прилож. VIII.

22. **1755 года, февраль.** Собственноручный реестръ Ломоносова о нѣкоторыхъ ученыхъ людяхъ, въ знатные чины и достоинства за науки произведенныхъ. Напеч. у Билярскаго, 285, 286.

23. **1755 года.** Черновое, писанное Ломоносовымъ всенижайшее мнѣніе о исправленіи петербургской Академіи наукъ. Напеч. въ Очеркахъ Россіи, II, 48—65, и въ Собраніи сочиненій Ломоносова, изд. Смирдинымъ. У Билярскаго, 283, 284, указаны невѣрности и промахи, допущенные при печатаніи этой статьи.

24. **1755 года.** Черновыя собственноручныя бумаги Ломоносова о необходимости преобразованія Академіи наукъ. Напеч. Билярскимъ, 436—455, и имъ отнесены къ 1760 г.; но г. Н. Лавровскій въ изслѣдованіи О Ломоносовѣ (Харьковъ, 1865 г.), 118 и слѣд., справедливо относитъ эти бумаги къ 1755 г.

25. **1755 г., марта 27.** Списокъ съ мнѣнія Тредіаковскаго о предпочтеніи иностранцевъ предъ русскими. Напеч. у Билярскаго, 291—293.

26. **1755 г., августа 26.** Письмо къ Ломоносову П. Рычкова о своихъ статьяхъ на счетъ коммерціи. Напеч. Билярскимъ, 299.

27. **1755 г., октября 11.** Указъ къ Ломоносову изъ Академической канцеляріи объ испытаніи соли и тузлука, присланныхъ отъ полковника Казаринова. Ср. у Билярскаго, 303.

28. Собственноручное черновое оглавленіе представленія или записки о вредныхъ дѣйствіяхъ Шумахера и Теплова по Академіи. Бумага писана между 1755—1757 годами, такъ-какъ упоминается о Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, которыя начали издаваться въ 1755 г., но до 13 февраля 1757 г., когда Ломоносовъ сдѣланъ совѣтникомъ академической канцеляріи. Напеч. въ Очеркахъ Россіи, V, 31—33. Въ концѣ здѣсь напечатано: «для чего жъ наз. на что жъ получаемъ жалованье?» А слѣдуетъ «Для чего жъ мы, на чтожъ получаемъ жалованье?»

29. **1756 года, іюня 15.** Данная изъ главной полицмейстерской канцеляріи Ломоносову на жилое мѣсто въ Петербургѣ.

30. **До 1758 года.** Списокъ лицъ, находившихся на службѣ при Академіи наукъ. Здѣсь, между прочимъ, показанъ въ наличныхъ членахъ Авраамъ Каау Бургаве, умершій въ 1758 г.

31. **1758 г., января 7.** Представленіе Ломоносова объ излишествахъ, недостаткахъ и замѣшательствахъ въ Академіи. Напеч. Билярскимъ, 359—362.

32. **1758 г., января 29.** Списокъ съ статьи Ломоносова: Problema physicum ad tubo nyctoptico, и замѣчанія на нее академика Эпинуса: Additamentum ad demonstrationem impossibilitatis tubi nyctoptici. Ср. Билярскаго, 391.

33. **1758 г., апрѣля 27.** Копіи съ выписки изъ протокола академическаго собранія о спорѣ Ломоносова съ Эпинусомъ на счетъ ночезрительной трубы перваго.

34. **1758 г., августа 19.** Указъ изъ академической канцеляріи Ломоносову о деньгахъ на содержаніе гимназистовъ. Ср. Билярскаго, 374.

35. **1758 года.** Списокъ съ устава датской академіи художествъ. Напеч. въ Очеркахъ Россіи. V, 63—68.

36. **1758 и 1759 годовъ.** Извѣстіе на латинскомъ языкѣ объ ученыхъ трудахъ академика Брауна.

37. **1759 г., января 19.** Собственноручныя, черновыя, писанныя Ломоносовымъ узаконенія для учащихся въ гимназіи при Академіи наукъ. Напеч. Билярскимъ, 378, 379.

38. **1759 г., январь.** Нѣмецкій переводъ ордера гр. Разумовскаго о завѣдываніи одному Ломоносову университетомъ и гимназіею. Напеч. Билярскимъ, 423, 424.

39. **1759 г., іюня 9.** Постановленіе о новоучрежденной типографіи при Академіи наукъ съ разъясненіями. Ср. у Билярскаго, 387.

40. **1759 г., іюля 5.** Копіи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ объ условіяхъ, на которыхъ Эпинусъ соглашался читать лекціи студентамъ. Напечатано у Билярскаго, 388, 389.

41. **1759 г., іюля 15.** Черновой съ собственноручными поправками Ломоносова проектъ объ изданіи внутреннихъ россійскихъ вѣдомостей. Напеч. Билярскимъ, 392, 393.

42. **1759 г., іюля 21.** Промеморія на нѣмецкомъ языкѣ доктора Шрейбера о печатаніи его сочиненія.

43. **1759 г., октября 16.** Замѣчанія на нѣмецкомъ языкѣ академика Фишера объ уставѣ гимназіи.

44. **1759 года.** Черновой собственноручный отрывокъ Ломоносова о штатѣ для университета при Академіи наукъ. Ср. у Билярскаго, 417, и въ настоящемъ томѣ, Прилож. VIII.

45. **1759 — 1764 годовъ.** Собраніе бумагъ, озаглавленное самимъ Ломоносовымъ: О географическомъ департаментѣ и о сочиненіи новаго россійскаго атласа. При этомъ слѣдующее современное оглавленіе, очевидно составленное Ломоносовымъ же: a) Представленіе его сіятельству Академіи наукъ г. президенту о сочиненіи россійскаго атласа и о географическихъ экспедиціяхъ отъ совѣтника Ломоносова 1759 г. октября дня. Напеч. у Билярскаго, 395 — 398. b) Черновое доношеніе въ правительствующій сенатъ изъ канцеляріи Академіи наукъ о географическихъ экспедиціяхъ отъ 26 сентября 1760 г. (такъ показано въ оглавленіи, но въ подлинной черновой бумагѣ означено 23 октября 1760). Напеч. Билярскимъ, 465—468; также 458—460. c) Подлинный указъ изъ правит. сената о географическихъ экспедиціяхъ отъ 29 ноября 1760 г. Напеч. Билярскимъ, 474—476. d) Изъ онаго жъ сената послушный указъ для обсерваторовъ, отъ 29 ноября 1760 г. e) Экземпляръ печатныхъ запросовъ географическихъ, разосланныхъ отъ правит. сената стараніемъ Ломоносова по всѣмъ городамъ россійскимъ. (Этого указа въ оберткѣ не оказалось, о чемъ и есть отмѣтка карандашемъ на полѣ, но онъ уже напечатанъ г. Ламанскимъ въ Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей, 1865 г. кн. 1. f) Подписки академическихъ членовъ и адъюнктовъ для аппробаціи пути посылающихся въ экспедицію обсерваторовъ. Напеч. Билярскимъ, 461, 462. g) Копія съ отвѣта профессора Мюллера, требованнаго ко всемилостивѣйшей государынѣ о измѣреніи Россіи треугольниками по причинѣ показаннаго ея величеству плана географическимъ экспедиціямъ отъ совѣтника Ломоносова, въ которомъ отвѣтѣ о измѣреніи, отъ Ломоносова предложенномъ, утаилъ Мюллеръ. i) Копія съ краткаго показанія о происхожденіи академическаго географическаго департамента, посланнаго къ его сіятельству Академіи г. президенту въ Москву въ началѣ 1763 г. Напеч. Билярскимъ, 579—585. k) Копія съ представленія въ академическую канцелярію на ордеръ президентской, который по ложнымъ представленіямъ былъ исходатайствованъ, чтобы отдавъ географическій департаментъ профессору Мюллеру, отнять у совѣтника Ломоносова, отъ февраля 6 дня 1763 г. Напеч. Билярскимъ, 575—579. l) Копія съ ордера президентскаго въ академическую канцелярію, въ которомъ между прочимъ велѣно географическія экспедиціи пріостановить, отъ 17 апрѣля 1763 года. Напеч. Билярскимъ, 598, 599. m) Новое представленіе для географическихъ экспедицій отъ статскаго совѣтника Ломоносова съ при-

мѣрною инструкціею отъ 10 сентября 1764 года. Напеч. Билярскимъ, 674—678. n) o) неосновательныя отговорки Румовскаго отъ географическихъ экспедицій, изъ коихъ въ другой имъ подписано на запросъ съ презрѣніемъ всего сего дѣла и самохвальствомъ. p) Копія ругательнаго доношенія Румовскаго на Ломоносова, Попова и Красильникова, поданнаго въ канцеляріи президенту. Напеч. Билярскимъ, 681 — 685. q) Оригинальное письмо Румовскаго къ совѣтнику Ломоносову изъ Селенгинска, гдѣ онъ жалуется, что не видѣлъ Венеры въ солнцѣ; а послѣ объявилъ здѣсь, что видѣлъ, почему онъ самъ не имѣетъ причины такъ поносить старшихъ себя астрономовъ и того, кто ихъ защищаетъ. Ср. у Билярскаго, 685. r) Опредѣленіе о допущеніи Попова и Красильникова на обсерваторію для обученія штурмановъ, коего статскій совѣтникъ Таубертъ не подписалъ.

46. **1760 г.** Собственноручный черновой набросокъ Ломоносова съ неоконченными химическими опытами и оглавленіемъ разсужденія: Dissertatio de liquido et solido.

Въ 1760 г. напеч. его Разсужденіе о твердости и жидкости тѣлъ. См. ниже № 51.

47. **1760 г., январь.** Собственноручное на латинскомъ языкѣ заявленіе Ломоносова въ академикамъ по случаю сообщенія имъ проекта академическаго устава. Напеч. Билярскимъ, 407, 408.

48. **1760 г., апрѣля 13.** Копія съ ордера гр. Разумовскаго объ увольненіи академика по каѳедрѣ ботаники Гебенштрейта и опредѣленіи на его мѣсто Кельрейтера.

49. **1760 г., іюня 1.** Мнѣніе академика Эпинуса касательно снаряженія географическихъ экспедицій. Ср. у Билярскаго, 458 и слѣд.

50. **1760 г., октября 9.** Мнѣніе академика Эпинуса на нѣмец. языкѣ объ инструментахъ для географической экспедиціи.

51. **1760 года.** Записка на нѣмецкомъ языкѣ касательно замороженія ртути академикомъ Брауномъ. Ср. у Билярскаго, 462, 463. Ср. выше № 46.

52. **1760 г., ноября 17.** Копія съ указа сената о посылкѣ въ камеръ-коллегію солдатскихъ дѣтей переписывать для Академіи наукъ свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ въ Россіи. Напеч. у Билярскаго, 472, 473.

53. **1760 г. въ половинѣ ноября.** Собственноручное черновое представленіе Ломоносова г. Разумовскому о недостаткахъ въ академическомъ собраніи. Напеч. у Билярскаго, 469—471 съ пропускомъ зачеркнутаго, любопытнаго мѣста изъ заключенія. Ср. выше.

54. **1760 г., ноября 17.** Копія съ указа сената по представленію И. Шувалова объ учрежденіи въ Россіи гимназій и школъ. Напеч. Билярскимъ, 473, 474.

55. **1760 г., декабря 1.** Выписки изъ протокола на латинскомъ языкѣ о представленномъ академикомъ Эпинусомъ дополненіи касательно прохожденія Венеры чрезъ солнце. Ср. у Билярскаго, 476.

56. **1760 г., декабря 8.** Собственноручная записка Ломоносова на латинскомъ языкѣ по поводу его полемики съ академикомъ Эпинусомъ касательно прохожденія Венеры чрезъ солнце. Русскій текстъ напечат. Билярскимъ, 478—480.

57. **1760 г. декабрь.** Собственноручная замѣтка Ломоносова съ обвиненіями Тауберта за ошибку въ газетной статьѣ о взятіи Берлина. Тутъ же черновой набросокъ какихъ то стиховъ. См. у Билярскаго, 480, 431. Ср. выше.

58. Отрывокъ изъ черноваго собственноручнаго письма Ломоносова къ гр. Разумовскому съ жалобами на Тауберта за порученіе Эпинусу обсерваторіи См. у Билярскаго 468, 469 и ср. выше.

59. **Конца 1760 года?** Черновой

собственноручный проектъ Ломоносова объ устройствѣ гимназіи въ Москвѣ. См. у Билярскаго, 473, 474.

60. **Въ началѣ 1761 года.** Собственноручное черновое извѣстіе Ломоносова «Для памятити о подрядахъ академическихъ». Болѣе полная напеч. Билярскимъ, 496—499.

61. **Въ началѣ 1761 года.** Собственноручная черновая рукопись Ломоносова: Краткій способъ приведенія Академіи наукъ въ доброе состояніе. Напеч. Билярскимъ, 503, 504. Здѣсь вм. *недоброжелатель Россіи* слѣдуетъ: недоброхотъ Россіи.

62. **1761 года, январь.** Черновая записка, писанная Ломоносовымъ: Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ напеч. Билярскимъ, 488 — 496. О пропускахъ зачеркнутыхъ мѣстъ см. выше.

63. **1761 года, январь.** Черновое представленіе, писанное студентомъ Ильею Абрамовымъ, съ поправками Ломоносова, подъ заглавіемъ: «Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ». Напеч. Билярскимъ, 488—496.

64. **1761 года, января 31.** Собственноручное черновое письмо Ломоносова къ Григорью Теплову на Украйну. Напеч. Билярскимъ, 499—503. О зачеркнутыхъ тамъ мѣстахъ см. выше.

65. **1761 г., марта 6.** Собственноручное черновое мнѣніе Ломоносова о назначеніи вм. Модераха инспекторомъ гимназіи русскаго ученаго. Напеч. Билярскимъ, 508, 509.

66. Собственноручныя росписи Ломоносова книгамъ для руководства въ академической гимназіи. Ср. у Билярскаго подъ 1761 г. на стр. 511, 512.

67. **1761 г., мая 27.** Письмо Тауберта къ Бертело о взятіи часовъ съ академической обсерваторіи. Напеч. Билярскимъ, 521.

68. **1761 г., іюня 1.** Черновое распоряженіе, писанное Ломоносовымъ о ревизіи академической библіотеки. Болѣе полное напеч. Билярскимъ, 523—525.

69. **1761 г., октября 24.** Копія съ указа сената о присылкѣ въ ревизіонъ-контору счетовъ.

70. **1761 г., декабрь.** Представленіе съ поправками Ломоносова къ гр. Разумовскому о преданіи суду Тауберта съ краткою выпискою о продерзостяхъ его и законовъ. Напеч. Билярскимъ, 551—557.

71. **1761 года.** Собственноручныя замѣтки Ломоносова съ обвиненіями противъ Тауберта и перечнемъ своихъ представленій. Ср. предыдущее представленіе.

72. **1761 года.** Собственноручная черновая записка Ломоносова противъ Тауберта и Эпинуса. Напеч. Билярскимъ, 517—519.

73. **1761 года.** Собственноручная записка Ломоносова съ доводами противъ Эпинуса, что ему одному необходимо произвести наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце. Ср. у Билярскаго, 512—521.

74. **1761 года.** Черновыя бумаги Ломоносова и разныя копіи съ отзывовъ и справокъ для составленія статьи о наблюденіи прохожденія Венеры чрезъ солнце.

75. **Въ концѣ 1761 или началѣ 1762 г.** Собственноручная записка Ломоносова съ обвиненіями Тауберта. Напеч. Билярскимъ, 553—557.

76. Экстрактъ, учиненный въ канцеляріи Академіи наукъ изъ поданныхъ отъ г. коллежскаго совѣтника представленіевъ и изъ учиненныхъ на то въ канцеляріи опредѣленій. (Здѣсь исчислены представленія 1757—1761 годовъ, вошедшія въ сборникъ Билярскаго.)

77. Автобіографическая записка академическаго переводчика Горлицкаго.

78. **Послѣ 1761 года.** Собственноручный отрывокъ Ломоносова о дурномъ состояніи гимназіи и университета и объ улучшеніи ихъ, когда они переданы въ его завѣдываніе. (Объ им-

ператрицѣ Елисаветѣ упоминается какъ о скончавшейся.) См. выше.

79. **1762 г., января 5.** Письмо къ Ломоносову отъ Ѳ. Соймонова съ препровожденіемъ якутскаго табаку. Напеч. Билярскимъ, 557—559.

80. **1762 г., марта 20.** Отзывъ на нѣмецкомъ языкѣ академиковъ Мюллера, Цейгера, Эпинуса, Котельникова и Трускота о картахъ, составленныхъ адъюнктомъ Шмидтомъ.

81. **1762 г., іюнь.** Собственноручная записка Ломоносова о выдачѣ денегъ на продолженіе работъ по мозаичнымъ картинамъ для памятника Петра Великаго. Напеч. у Билярскаго, 564, 565.

82. **1762 г., сентябрь.** Собственноручное черновое мнѣніе Ломоносова по поводу разногласія съ Таубертомъ о государственныхъ доходахъ. Напеч. Билярскимъ, 569, 570.

83. **1762 г., сентябрь.** Вѣдомость объ экзаменахъ, бывшихъ въ академической гимназіи въ іюнѣ — іюлѣ 1762 г.

84. **1762 г., ноября 18.** Записка Шлецера объ изданіи перевода китайской исторіи, сдѣланнаго Россохинымъ и Леонтьевымъ.

85. **1762 г. декабря 2.** Списокъ съ журнала о ссорѣ академиковъ Мюллера съ Федоровичемъ. Напеч. Билярскимъ 571, 572.

86. **Въ началѣ 1763 г.** Черновое собственноручное извѣстіе Ломоносова о состояніи университета и гимназіи. Напеч. Билярскимъ, 585—587.

87. **1763 г., мартъ.** Копія съ промеморіи коммиссіи о учрежденіи государственныхъ магазиновъ касательно доставленія географическихъ извѣстій о Россіи.

88. **1763 г., іюль.** Копія съ опредѣленія о сочиненіи карты продуктовъ россійскихъ. Напечатана Билярскимъ, 605—607.

89. **1763 г., іюль.** Списокъ съ указа сената и примѣчанія на то Ломоносова касательно карты россійскихъ продуктовъ. Напечатано Билярскимъ, 604—608.

90. **1763 г., августъ.** Собственноручное черновое доношеніе Ломоносова въ сенатъ о противодѣйствіи ему въ географическомъ департаментѣ по случаю распоряженія о составленіи карты россійскихъ продуктовъ. Напеч. Билярскимъ, 609, 610.

91. **1763 г., октябрь.** Роспись книгамъ, принятымъ въ императорскую библіотеку Алексѣемъ Константиновымъ.

92. Собственноручный черновой набросокъ Ломоносова съ доводами Мюллера, что секретаря въ академическихъ засѣданіяхъ не нужно. (Упоминается о ссорѣ Мюллера съ Федоровичемъ, бывшей въ декабрѣ 1762 г., и о Козицкомъ, оставившемъ Академію 20 ноября 1762 года). См. выше.

93. Списокъ лицъ, награжденныхъ чинами послѣ пожалованія Ломоносова въ статскіе совѣтники въ декабрѣ 1763 г. Напеч. Билярскимъ 286—288.

94. **1763 года.** Записка П. Рычкова о рудахъ, добываемыхъ на его заводахъ. Напеч. въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества 1766 г., г. IV.

95. **1763 и 1765 годовъ.** Увѣдомленія изъ канцеляріи главной артиллеріи и синода объ извѣстіяхъ касательно составленія картъ Россіи.

96. **1764 г. февраля 6 и 9.** Копіи съ протоколовъ съ собственноручными замѣтками Ломоносова по жалобѣ студента Иноходцева на адъюнкта Румовскаго. Напеч. Билярскимъ, 630.

97. **1764 г., мартъ.** Примѣрная инструкція морскимъ командующимъ офицерамъ, отправляющимся къ поисканію пути на Востокъ Сѣвернымъ сибирскимъ океаномъ. Съ поправками и черновыми добавленіями Ломоносова. Напеч. въ VI части Записокъ гидрографическаго департамента.

98. **1764 г., марта 4.** Черновое, собственноручное представленіе Ломоносова о неудовлетворительности об-

серваторіи и физическаго кабинета при Академіи наукъ. Напеч. Билярскимъ, 630—632.

99. **1764 г., мартъ.** Собственноручное, черновое писанное Ломоносовымъ «Мнѣніе о употребленіи нынѣшнія ревизіи въ пользу географіи россійской и сочиняющагося новаго атласа. Напеч. г. Ламанскимъ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей, 1865 г., книга 1.

100. **1764 г., апрѣля 29.** Копія съ указа сената съ препровожденіемъ доставленныхъ Бецкимъ экземпляровъ о воспитаніи юношества.

101. **1764 г., іюня 2.** Собственноручное черновое представленіе Ломоносова объ отправленіи студентовъ въ чужіе краи для опредѣленія ихъ потомъ въ академики. Напеч. полнѣе у Билярскаго, 640—642.

102. **1764 г., іюнь.** Собственноручное на латинскомъ языкѣ мнѣніе Ломоносова о неспособности Шлецера заниматься русскимъ языкомъ и исторіею. Напеч. Билярскимъ, 702—705.

103. **1764 г., августа 13.** Нѣмецкое письмо Юлія Унгебауейра о ненахожденіи въ конференцъ-архивѣ никакихъ извѣстій о китайскихъ рукописяхъ.

104. **1764 г., августа.** Запросъ сената, отвѣтъ Тауберта и примѣчанія на него Ломоносова по поводу порученія Шлецеру разсмотрѣнія перевода китайской исторіи. Напеч. Билярскимъ, стр. 717—720; вычеркнутыя Ломоносовымъ мѣста возстановлены выше.

105. **1764 г., августа.** Собственноручное черновое представленіе Ломоносова къ гр. Разумовскому о причинахъ, побудившихъ его писать въ сенатъ касательно Шлецера. Напеч. Билярскимъ, 713—717.

106. **1764 года.** Собственноручныя замѣтки Ломоносова на память, съ упоминаніемъ, что все открыто въ библіотекѣ «Шлецеру сумазбродному.» Напеч. въ Очеркахъ Россіи, кн. II, 40; о пропускѣ см. выше.

107. **1764 г., августа 16.** Копія съ мнѣнія академика Лемана о вызовѣ въ Академію наукъ ученаго для занятія каѳедры ботаники.

108. **1764 г., сентября 11.** Собственноручное черновое представленіе Ломоносова о помѣщеніи для университета и гимназіи. Напеч. Билярскимъ, 678—681; но есть еще другое начало къ этому представленію, о чемъ см. выше.

109. **1764 года.** Четыре тетради, въ которыхъ на русскомъ и французскомъ языкахъ описываются способы отысканія долготы на морѣ. На одной тетради подпись адъюнкта Румовскаго. Упоминаніе у Билярскаго, 645, 646.

110. **1764 года.** Копія съ отвѣта Румовскаго на обвиненія его Ломоносовымъ. Напечатано Билярскимъ, 681—685.

111. **1764 года.** Надпись, сочиненная Ломоносовымъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ на основаніе Академіи художествъ. Напеч. въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. VIII.

112. **1764 года.** Собственноручная черновая записка Ломоносова: «О издавающейся въ печать Шлецеровой грамматикѣ россійской.» Напеч. въ Очеркахъ Россіи, II, 45, 46; поправки у Билярскаго, 725, 726.

113. **1764 года.** Экстрактъ изъ дѣла о географической экспедиціи. Здѣсь сообщены извѣстія о положеніи дѣла касательно географическихъ экспедицій съ 1759 по 1764 г.

114. Черновая собственноручная роспись Ломоносова мѣстамъ, куда должны быть направлены географическія экспедиціи.

115. **1764 года.** Отрывокъ, писанный неизвѣстною рукою изъ проекта устава Академіи наукъ. Упоминаніе у Билярскаго въ выноскѣ на стр. 638; см. выше.

116. **1764 года.** Черновой собственноручный проектъ Ломоносова о новомъ учрежденіи Академіи наукъ. Въ

двухъ экземплярахъ. Напеч. Билярскимъ, 671, 672.

117. **1764 года.** Собственноручный черновой Ломоносовскій проектъ привилегіи Академіи наукъ. Напеч. Билярскимъ, 402—406, гдѣ неправильно отнесенъ сначала къ 1760 г.; но на стр. 671 эта ошибка поправлена.

118. **1764 года.** Собственноручная тетрадь Ломоносова Idea status et legum Academiae petropolitanae съ замѣчаніями академика Фишера. Упоминаніе у Билярскаго, 638, 639; напеч. выше.

119. **1764 года.** Отрывокъ проекта новаго устава Академіи наукъ съ собственноручными поправками Ломоносова. Упоминаніе у Билярскаго, 638; напеч. выше.

120. Постановленія на латинскомъ языкѣ университетовъ: гальскаго, лейпцигскаго и іенскаго съ отмѣткою Ломоносова «за Федоровичемъ.» Упоминаніе у Билярскаго, 638.

121. **1764 года.** Черновое письмо отъ имени академиковъ съ поправками Ломоносова къ графу Григорью Орлову съ просьбою о предстательствѣ касательно штата для Академіи наукъ. Напеч., Билярскимъ, 669, 670.

122. **1764 года.** Списокъ почетныхъ членовъ Академіи наукъ.

123. **1765 г., января 28.** Собственноручное на латинскомъ языкѣ заявленіе Ломоносова, занесенное въ академическій протоколъ, о назначеніи конференцъ-секретаря по случаю отъѣзда въ Москву Мюллера. Напеч. Билярскимъ, 736, 737.

124. **1765 г., январь.** Слѣдствія отъ принятія Шлецера ординарнымъ профессоромъ исторіи. Напеч. Билярскимъ, 735, 736.

125. **1765 года.** Черновое письмо Ломоносова на нѣмецкомъ языкѣ къ Эйлеру съ бранными выраженіями противъ Румовскаго, Шумахера и Тауберта. Напеч. въ Очеркахъ Россіи, 69—72; переводъ и поправки у Билярскаго въ Запискахъ Академіи наукъ, V, 105—107.

Безъ обозначенія времени:

126. Черновое прошеніе Ломоносова въ сенатъ о порученіи, въ случаѣ его смерти, мозаичнаго дѣла шурину его Цильху. Напеч. въ Очеркахъ Россіи, II, 68, 69, но съ опущеніемъ послѣдняго пункта 5-го, о чемъ см. выше.

127. Тетрадь, писанная Ломоносовымъ и заключающая въ началѣ перечень грамматикъ и названій разныхъ языковъ, а потомъ роспись иностранныхъ сочиненій. Здѣсь же приложена на отдѣльномъ листкѣ подобная другая роспись.

128. Собственноручное примѣрное росписаніе Ломоносова расходовъ по Академіи наукъ.

129. Собственноручныя примѣрныя росписанія Ломоносова о расходахъ по академической гимназіи.

130. Собственноручный отрывокъ отвѣта Ломоносова на латинскомъ языкѣ противъ возраженія о незначительномъ количествѣ учащихся въ гимназіи.

131. Собственноручный отрывокъ Ломоносова на латинскомъ языкѣ относительно необходимости для академиковъ, преподающихъ въ университетѣ, жить въ сосѣдствѣ его; о значительномъ сокращеніи издержекъ при отдѣленіи отъ Академіи наукъ учрежденій постороннихъ для наукъ.

132. Собственноручныя замѣтки Ломоносова на память касательно отправленія бумагъ въ разныя присутственныя мѣста.

133. Собственноручная записка Ломоносова о разныхъ украшеніяхъ для сада.

134. Нѣмецкая рукопись подъ заглавіемъ: Reglement des academischen Gymnasii.

135. Отрывки изъ описаній на русскомъ языкѣ иностранныхъ медалей.

136. Отрывочные списки русскихъ географическихъ картъ.

137. Статья на латинскомъ языкѣ академика Брауна: Idea philosophiae generalis. Упоминаніе у Билярскаго, 381.

138. Замѣчанія на латинскомъ языкѣ неизвѣстнаго о членахъ Академіи наукъ, о помѣщеніи ихъ статей въ Комментаріяхъ и пр.

139. Проба почерковъ учениковъ академической гимназіи.

Бумаги, находящіяся въ ломоносовскомъ собраніи, но не имѣющія отношенія къ Ломоносову.

140. **1765 г., декабря 25.** О книгахъ, внесенныхъ въ комнату императрицы.

141. **1766 г., сентября 12.** Копія съ опредѣленія о денежныхъ счетахъ и единовременномъ пособіи женѣ Ломоносова по случаю кончины мужа. Напеч. Билярскимъ, 748—750.

142. **1768 г., февраля 29.** О недостающихъ монетахъ и медаляхъ въ кунсткамерѣ за подписью Тауберта.

143. Бумаги другихъ лицъ. Прошенія: Василья Анненкова о разбойническомъ нападеніи на него Зубовыми, 1763 г.; неизвѣстнаго о насильномъ завладѣніи его имуществомъ (упомин. 1781 г.). Выписка по дѣлу А. Вергина съ Лупандинымъ, 1776 г. Выписки изъ указовъ и законовъ. Гравированная на мѣди Curioser Meilen Zeiger der vornehmsten Staedte in Europa.

144. Разные отрывки, краткіе каталоги и пр., писанные неизвѣстными.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

[1]) У Билярскаго читается Барковъ.

[1]) Въ текстѣ опечатка въ отчествѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ.

		Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	5	до 1721 года	до 1725 года
»	12	ролѣ	родѣ
»	125	Назаріемъ Авзоніемъ	Назаріемъ, Авзоніемъ
»	185	ругаюсь по знающимъ	ручаюсь познающимъ
»	197	пререканій въ дѣлахъ	пререканій извѣстій въ дѣлахъ
»	203	словъ	сновъ
		непечатать	напечатать
»	211	кавычны елисты	кавычные листы
»	220	хроіческой	ироіческой
		sur poème	sur le poème
»	221	Тредіаковскій	Тредіаковскаго
»	231	воряговъ	варяговъ
»	296	19 августа / 30 іюля	10 августа / 30 іюля
»	308	доли	долги
»	334	не обращая на	не обращая вниманія на
»	349	была прислана	былъ присланъ
»	372	его	ему
»	403	предполагались	предполагалось
»	405	почѣ	ночи
»	408	magnitudinis	magnitudini
»	436	negari	negare
		obtraderet	obtruderet
»	437	clarissimas-eas-inventuras	clarissimos-eos-inventuros
»	440	suam	sua

		Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	456	изволила Тредіаковскому	изволила повелѣть Тредіаковскому
»	458	Ansehe	Ansehen
		Reiche	Reich
»	459	getrauen	getreuen
		halt	hält
		Altärn	Altäre
»	460	erhört	gehört
»	474	принятаго	принятою
		которыхъ	которомъ
»	477	Dero	Den
»	478	habt	hebt
		rauchsten	rauhsten
»	506	увизано	увидимъ
»	515	ученую карьеру	ученой карьерѣ
		служебной	служебную
»	536	не мнѣ	мнѣ не
»	546	по крайней	по крайней мѣрѣ
»	553	другимъ подобнымъ попыткамъ	другимъ попыткамъ
»	558	Москва 1767	Москва 1757
»	581	proportionalis	proportionalem
»	592	phaenomenarum	phaenomenorum
»	623	академикомъ	академика
»	634	къ Шувалову	къ Штелину
»	646	reciprocotio pendulu	reciprocatio penduli
»	711	ratra	raha
»	715	рождетъ	рожденъ
»	723	получилъ	поручилъ
»	760	Іоанномъ Васильевичемъ	Іоанномъ Алексѣевичемъ
»	783	17 декабря 1762 года	17 декабря 1761 года
»	827	corriganda	corrigenda
»	846	1674	1764
»	850	судахъ	дѣлахъ

(Начало см. на 2-й стр. обертки.)

Историч. Примѣчанія къ баснямъ Крылова, составл. В. Ѳ. Кеневичемъ. — **Матеріалы для біографіи Крылова**, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 руб.

Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной Библіотеки», записка И. И. Срезневскаго. — **Записка о томъ же**, А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія**, П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля**, записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля**, замѣтка Ф. И Рупрехта. — **Дополненія и замѣтки къ словарю Даля**, Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю**, Н. Я. Данилевскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи**, Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»**, статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII вѣка**, архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи**, В. Макушева. — **Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 г. и очеркъ біографіи А. С. [illegible]ова**, составл. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ**, С. [illegible] Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**, И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона**, В. Макушева. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. Цѣна 1 р. 50 коп.

Примѣчаніе. Къ каждому тому приложенъ **Алфавитный указатель** именъ и предметовъ, въ немъ упоминаемыхъ.

ДРУГІЯ ИЗДАНІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Древніе памятники Русскаго письма и языка, И. Срезневскаго. 2 книги (2-я со снимками): 5 руб.

Древніе глаголическіе памятники, И. Срезневскаго. Одна книга и при ней тетрадь снимковъ: 3 руб.

Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ: Одна книга въ 4-хъ выпускахъ, И. Срезневскаго. Спб. 1866—1868: 1 руб. 50 коп.

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 коп.

Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 35 коп.

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(см. 2-ю и 3-ю стр. обертки.)

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:
Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.
Томъ II (съ рисунками). 1865: 3 руб.
Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.
Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.
Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 к.
Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 к.
Томъ VII. 1872: 2 руб.

Той же книги 2-е изданіе (общедоступное, безъ рисунковъ)
Томъ I (съ портретомъ Державина)
Томъ II. 1869: 1 руб.
Томъ III. 1870: 1 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносо
Спб. 1865: 1 руб. 50 коп.

Дополнительныя извѣстія для біогра
Спб. 1865: 50 коп.

Матеріалы для исторіи Пугачевскаго
(со снимкомъ), Я. Грота. Спб. 1

То же. Переписка Екатерины II съ г
Спб. 1862: 25 коп.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 коп.

Сатира Крылова и его «Почта Духовъ». Его же. Спб. 1869: 25 коп.

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ. П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 коп.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 г. П. Пекарскаго: 50 к.

Извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 руб.

Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 руб. 50 коп.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи Ломоносовской преміи, Я. Грота. (разборъ Толковаго Словаря Даля). Спб. 1870: 45 коп.

Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. Спб, 1872: 30 коп.

Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. Грота. 1872: 40 коп.

Филологическія разысканія, Я. Грота. 1873: 1 р. 50 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ, и прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.